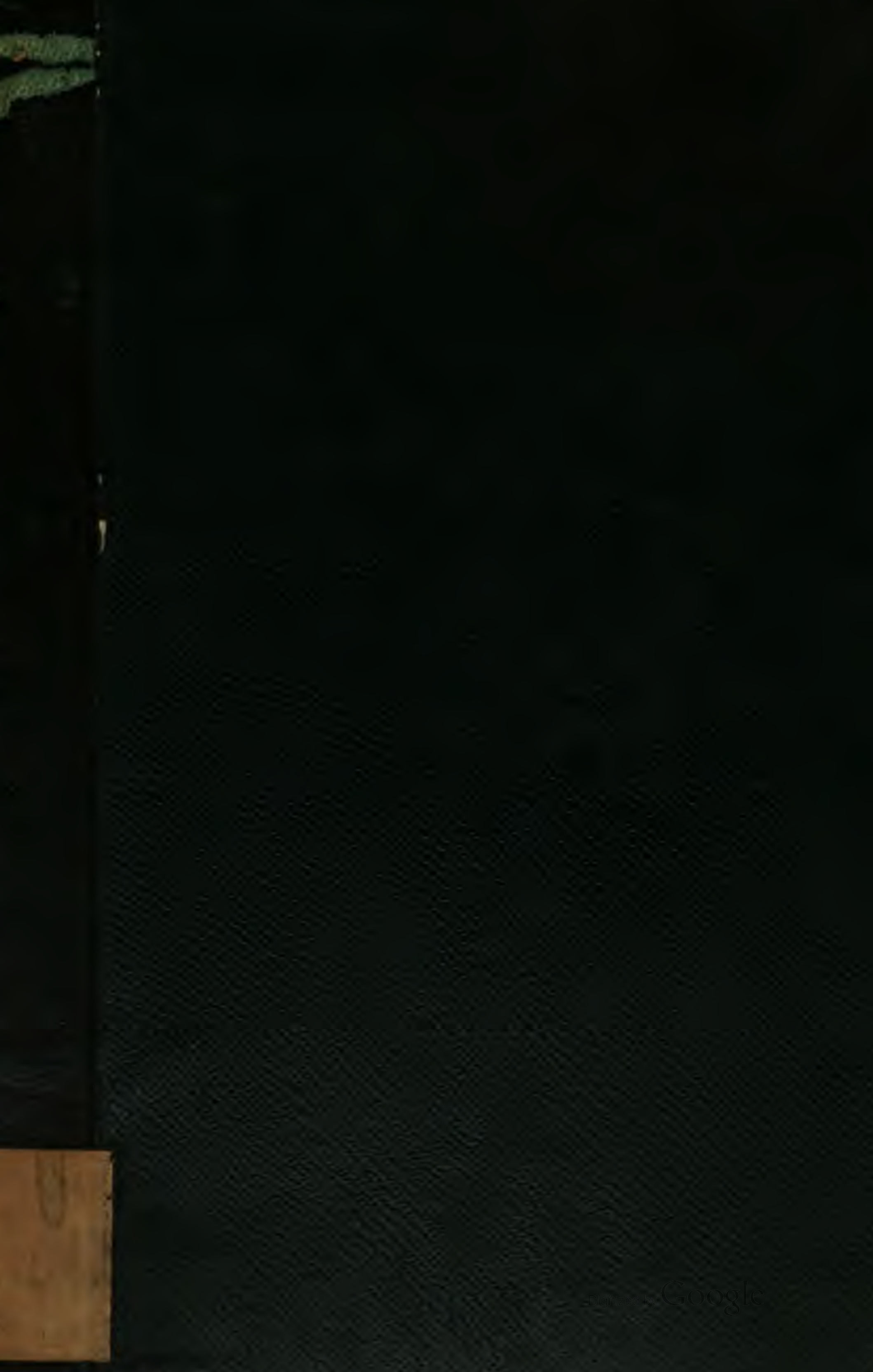
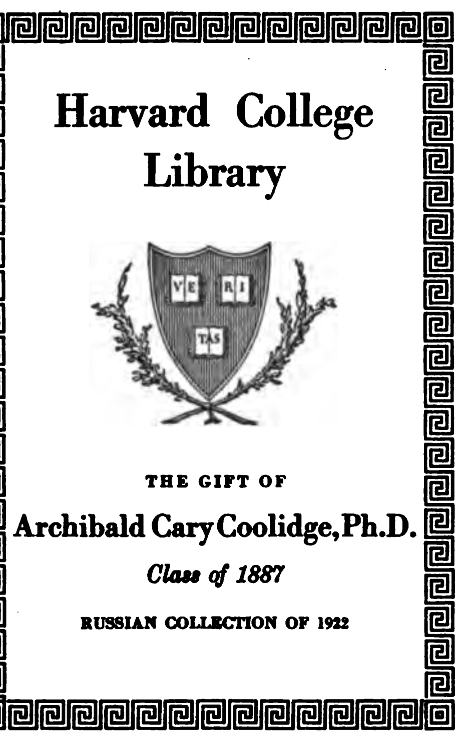

Harvard College
Library
VE RI
TAS
THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
RUSSIAN COLLECTION OF 1922

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Печатано въ типографіи Департамента Удѣловъ. Литейный пр., № 39
1868

От С.-Петербургскаго Комитета духовной цензуры печатать позволяется. 6 декабря 1867 года.

Цензоръ *Архимандритъ Фотій.*

ОСОБЕННОСТИ ВЪ ПОВѢСТВОВАНІИ ЕВАНГЕЛИСТА ІОАННА О ЧУДЕСАХЪ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

Едва ли найдется такой слушатель или читатель повѣствованія Евангелиста Іоанна, отъ взора котораго укрылось бы то обстоятельство, что повѣствованіе это, отличаясь отъ повѣствованій другихъ Евангелистовъ вообще, особенно отличается отъ нихъ въ томъ отдѣлѣ, гдѣ говорится о чудесахъ Господа. Дѣйствительно, если сопоставить его съ этими послѣдними повѣствованіями, то прежде всего мы найдемъ, что, кромѣ одного чуда насыщенія хлѣбами (Іоан. 6), въ немъ нѣтъ ни одного (1), о которомъ первые Евангелисты дали бы намъ хотя какое нибудь указаніе. Объясняя и дополняя себя взаимно, эти послѣдніе какъ будто и не знаютъ, что существуетъ еще цѣлый рядъ фактовъ и фактовъ самыхъ замѣчательныхъ. За тѣмъ начинаютъ останавливать вниманіе другія особенности, хотя и болѣе второстепенныя, но также довольно значительныя, —особенности, касающіяся мѣста и времени. По повѣствованіямъ пер-

(1) О бѣдствіи въ плаваніи учениковъ Спасителя и *шествіи Его по водамъ*, кромѣ Св. Іоанна (6, 16—20), повѣствуютъ Евангелисты Матѳей (14, 23—27) и Маркъ (6, 47—50).—*Ред.*

выхъ трехъ Евангелистовъ, мѣстомъ чудесныхъ дѣйствій Господа была по преимуществу Галилея, по повѣствованію же Евангелиста Іоанна, такимъ мѣстомъ былъ по преимуществу главный городъ Іудейства — Іерусалимъ. По повѣствованіямъ трехъ первыхъ Евангелистовъ, время совершенія чудесъ было время неопредѣленное, по повѣствованію же Евангелиста Іоанна, такимъ временемъ были по большей части іудейскіе праздники, напр. праздникъ пасхи, праздникъ поставленія сѣней и т. п. Послѣ особенностей мѣста и времени, не мало останавливаетъ на себѣ вниманіе и то обстоятельство, что по повѣствованію Евангелиста Іоанна, сила Божественная всегда дѣйствуетъ въ чудесахъ въ такой необычайной мѣрѣ, какой рѣшительно нѣтъ соотвѣтствія въ повѣствованіяхъ первыхъ трехъ Евангелистовъ. Много разслабленныхъ и различныхъ недужныхъ исцѣлилъ Господь, по повѣствованію первыхъ трехъ Евангелистовъ, но ни одного такого, о которомъ было бы замѣчено, что онъ 38 лѣтъ, или болѣе, одержимъ былъ своимъ недугомъ. Много слѣпыхъ, по сказанію трехъ первыхъ Евангелистовъ, получило прозрѣніе отъ Господа, но ни объ одномъ не упомянуто такомъ, который былъ бы слѣпъ отъ рожденія. О случаяхъ воскрешенія мертвыхъ говорится и въ первыхъ трехъ повѣствованіяхъ, но не было ни одного такого, который бы равнялся по силѣ, въ немъ проявившейся, великому чуду воскрешенія четверодневно-умершаго Лазаря. Всё это вмѣстѣ взятое неоднократно поставляло въ недоумѣніе даже тѣхъ, которые причисляютъ себя къ друзьямъ христіанства; что же касается враговъ его, особенно враговъ всего чудодѣйственнаго, то оно давало имъ прямой поводъ къ рѣшительному отрицанію

всѣхъ чудесъ, о которыхъ говоритъ Евангелистъ Іоаннъ. Этотъ голосъ отрицанія нигдѣ не выраженъ съ такою ясностію и опредѣленностію, какъ въ Тюбингенской школѣ, представителемъ которой былъ Бауръ. Онъ посвятилъ Евангелію отъ Іоанна цѣлую большую книгу, гдѣ употребилъ всю силу діалектики, чтобы доказать только, что это Евангеліе не имѣетъ характера историческаго. По его воззрѣнію, все это Евангеліе не болѣе, какъ плодъ писателя втораго вѣка, желавшаго провести въ кругъ читателей извѣстную идею. Эта идея есть идея борьбы владычества и господства Іисуса съ невѣріемъ Іудеевъ, борьбы свѣта съ тьмою, вѣры съ невѣріемъ. Подъ эту-то основную идею и подведены будто бы всѣ части Евангелія и особенно чудеса. „Эти чудеса, говоритъ онъ, суть не болѣе, какъ центральные пункты, въ которыхъ сосредоточиваются лучи Божественнаго свѣта, исходящіе отъ личности Іисуса. То, что въ Сvноптическихъ Евангеліяхъ, составлявшихъ для нашего Евангелиста матеріалъ, раздѣлено по различнымъ чудеснымъ разсказамъ, здѣсь, въ этомъ Евангеліи, подведено подъ извѣстныя категоріи; въ каждомъ чудѣ отображается общее понятіе; каждое изъ нихъ есть не болѣе, какъ тема, которая проведена въ слѣдующей рѣчи“ (1). Это-то иногда неправильное, а иногда и совершенно ложное пониманіе означеннаго отдѣла повѣствованія и побуждаетъ войти въ разборъ указанныхъ особенностей.

Первое, на что преимущественно обращается вниманіе, есть, какъ мы сказали, то, что, за исключеніемъ чуда насыщенія хлѣбами, нѣтъ ни одного, на которое

(1) Kritisch. Unt. üb. Kan. Ev. 191.

дали бы указаніе первые Евангелисты. Но эта, обращающая на себя вниманіе особенность, по нашему мнѣнію, и принадлежитъ именно къ числу тѣхъ, которыя всего менѣе должны обращать на себя вниманіе. Для каждаго, хотя сколько нибудь знакомаго съ исторіографіею, не можетъ быть не извѣстно, что требованіе отъ каждаго біографа полнаго и всесторонняго изображенія жизни повѣствуемыхъ лицъ есть требованіе далеко не всегда возможное. Или недостатокъ прочнаго матеріала, или многосторонность жизни повѣствуемаго лица, или другія какія либо препятствія всегда служатъ причиною того, что рѣдко у какого писателя можно встрѣтить полное и всестороннее изображеніе жизни того или другаго лица. Особенно мало примѣнимо такое требованіе къ восточнымъ писателямъ. Въ этомъ случаѣ, мы можемъ сослаться на знаменитаго знатока исторіи востока Нибура, который въ своей исторіи Сиріи и Вавилона такъ говоритъ о восточныхъ писателяхъ: „восточный историкъ въ хронологическихъ очеркахъ показываетъ большую краткость, по которой историческое изображеніе бываетъ такъ неполно, что пропускъ даже важныхъ событій ничего не можетъ говорить противъ истинности“ (¹). Это свидѣтельство можетъ найти полное для себя подтвержденіе въ историческихъ книгахъ ветхаго завѣта. Тамъ примѣры подобнаго рода очень не рѣдки. Такъ, во 2-й кн. Царствъ опущено повѣствованіе о союзѣ царей пустыни противъ Израиля въ царствованіе Іосафата. Въ той же книгѣ опущено отведеніе Манассіи въ Вавилонъ и его возвращеніе. Итакъ, если полное и всестороннее изложеніе жизни историческихъ лицъ въ большинствѣ лучаевъ

(¹) § 6.

невозможно, а у восточныхъ писателей и въ обычаѣ не было, то указанное выше требованіе уже въ самой основѣ своей оказывается не состоятельнымъ. Эта несостоятельность раскроется предъ нами еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на свойство первыхъ трехъ Евангелій и на свойство Евангелія отъ Іоанна. Первыя не могутъ не сказать, почему ихъ писатели умолчали о событіяхъ Іерусалимскихъ, а послѣднее не можетъ не сказать, почему только эти, главнымъ образомъ, событія и заняли мѣсто на страницахъ этого Евангелія. Углубляясь въ содержаніе первыхъ трехъ Евангелій, мы не можемъ не замѣтить, что писатели этихъ Евангелій предметъ своихъ повѣствованій находили главнымъ образомъ въ Галилейской дѣятельности Господа; что же касается Іерусалимской Его дѣятельности, то они, по видимому, лишь на столько касались ея, на сколько это необходимо было для исторической связи. Надъ пріискиваніемъ примѣровъ трудиться много не нужно. Всѣ три Евангелиста даютъ довольно ясное указаніе, что пребываніе Господа въ Іерусалимѣ имъ извѣстно Мѳ. 23, 37 ср. Лук. 13, 34. Мѳ. 26, 61. Марк. 14, 58 ср. Іоан. 2, 19. 21. Мѳ. 27, 57. Марк. 15, 42; Лук. 23, 50, между тѣмъ, въ ихъ повѣствованіяхъ ничего нельзя найти болѣе, какъ одну галилейскую дѣятельность Господа; о пребываніи въ столицѣ іудейства они не сообщаютъ никакого понятія. Едва только успѣли сказать о событіи искушенія, какъ уже, не обращая вниманія на цѣлый рядъ событій іерусалимскихъ, прямо переходятъ ко второму прибытію Господа въ Галилею и непрерывно излагаютъ Его дѣятельность тамъ до самаго послѣдняго путешествія въ Іерусалимъ. Что этотъ пропускъ событій дѣйствительно былъ, и что онъ извѣ-

стенъ былъ самимъ Евангелистамъ,—это видно изъ ихъ Евангелій. Начиная говорить объ этой галилейской дѣятельности Господа, они прямо даютъ замѣтить, что начинаютъ говорить только съ извѣстнаго времени. *Услышавъ же Іисусъ, что Іоаннъ отданъ подъ стражу, удалился въ Галилею* (Мѳ. 4, 12.) или: *послѣ же того, какъ преданъ былъ Іоаннъ* (μετα δὲ τὸ παραδοθῆναι τὸν Ιωαννην) *пришелъ Іисусъ въ Галилею* (Марк. 1, 14). Это указаніе на заключеніе Іоанна въ темницу было бы рѣшительно не умѣстно, если бы Евангелисты не имѣли въ виду указать читателямъ, что между событіемъ искушенія и удаленіемъ Іисуса въ Галилею находится значительный пропускъ событій. Если же и бывали случаи, что имъ почему либо нужно было коснуться іудейскихъ событій, то они всегда касались ихъ такъ, что какъ будто событія эти происходили въ неопредѣленное время и въ неопредѣленномъ мѣстѣ. Такъ Евангелисту Лукѣ нужно было указать на усердіе одной жены къ слову Божію. Не смотря на то, что событіе это происходило въ одной изъ самыхъ ближайшихъ къ Іерусалиму мѣстностей, въ одно изъ путешествій Господа къ Іерусалиму, въ кругу извѣстнаго семейства въ Виѳаніи, онъ, не только ничего не сказалъ о самомъ пребываніи въ Іерусалимѣ, но даже не хотѣлъ назвать самое это мѣстечко и потому выражался такъ: *въ продолженіи пути, Онъ пришелъ въ одно селеніе, здѣсь женщина, именемъ Марѳа, приняла Его въ домъ свой* (Лук. 10, 38.). Есть и другіе факты не менѣе замѣчательные. Извѣстно, что Господь оставилъ Галилею довольно задолго до послѣдней пасхи; извѣстно, что Онъ жилъ въ это время въ странахъ по другую сторону Іордана, что Онъ отсюда ходилъ въ Іерусалимъ, и потомъ снова возвращался; но такъ какъ

эти событія не лежали въ планѣ первыхъ Евангелистовъ, то они, едва сказавъ объ оставленіи Галилеи, тотчасъ переходятъ къ послѣднему входу Господа въ Іерусалимъ. Евангелистъ Лука, хотя и долѣе останавливается на этихъ событіяхъ, но и у него лишь намеки на нихъ. Такъ о пребываніи Господа на праздникѣ кущей изъ того только и можно узнать, что онъ говоритъ о какомъ то пути чрезъ Самарію, который, безъ сомнѣнія избранъ былъ Господомъ, какъ путь кратчайшій (9, 51.) что онъ говоритъ о тысячахъ народа, которыя очевидно были не другія какія, какъ тысячи народа, возвращавшагося съ праздника (12, 1.), что ученіе Его состоитъ совершенно изъ тѣхъ же образовъ, какіе только можно взять отъ обстановки праздника кущей (Лук. 11, 33. 34). Все это приводитъ къ мысли, что первые три Евангелиста не имѣли намѣренія касаться событій іудейскихъ. Но если три первыя Евангелія говорятъ намъ, что писатели ихъ не намѣрены были касаться событій іудейскихъ, то четвертое Евангеліе говоритъ о своемъ авторѣ, что наоборотъ, этихъ то событій по преимуществу и намѣренъ онъ былъ касаться. Въ началѣ своего повѣствованія, онъ, хотя также прямо говоритъ о галилейской дѣятельности Господа (Іоан. 1, 43., 2, 13.), но онъ говоритъ о ней потому только, что эта дѣятельность пройдена молчаніемъ со стороны первыхъ трехъ Евангелистовъ ([1]). Когда же онъ пере-

---

([1]) Эта дѣятельность по ясному выраженію самаго евангелиста Іоанна была тогда, когда Іоаннъ Креститель не былъ еще взятъ подъ стражу (Іоан. 3, 24.). Замѣчательно, какъ у первыхъ двухъ Евангелистовъ есть ясное замѣчаніе о томъ, что извѣстные разсказы начинаются съ того времени, какъ Іоаннъ Креститель взятъ въ темницу, такъ наоборотъ у Евангглиста Іоанна—замѣчаніе о томъ, что извѣстныя событія относятся ко времени, когда онъ не былъ взятъ.

шелъ въ своемъ повѣствованіи къ тому времени, съ котораго начинается разсказъ первыхъ Евангелистовъ, то о событіяхъ галилейскихъ онъ начинаетъ уже говорить обще и просто подводитъ ихъ подъ цѣлую группу событій. Такъ, сказавши о второмъ посѣщеніи Господомъ Іерусалима, онъ продолжаетъ: „послѣ сего пошелъ Іисусъ по ту сторону моря Галилейскаго въ окрестности Тиверіады. За Нимъ послѣдовало множество народа, потому что видѣли чудеса, которыя Онъ творилъ надъ больными“ (6, 1. 2.). Правда, тотчасъ же послѣ этаго общаго опредѣленія, онъ упомянулъ о галилейскомъ чудѣ насыщенія хлѣбами, но нельзя не видѣть, что онъ упомянулъ о немъ какъ только о поводѣ, по которому произнесена была замѣчательная рѣчь въ Капернаумѣ. Когда же окончилъ онъ разсказъ объ этомъ, и когда нужно было снова перейти къ событіямъ галилейскимъ, то онъ опять начиналъ выражаться обще: „послѣ сего“, говоритъ онъ, „ходилъ Іисусъ по Галилеѣ, ибо по Іудеѣ не хотѣлъ ходить, потому что Іудеи искали убить Его (7, 1.). Изложивши въ этихъ двухъ краткихъ очеркахъ ту дѣятельность Господа въ Галилеѣ, о которой подробно говорятъ первые три Евангелиста, онъ тотчасъ возвращается къ избранному имъ предмету повѣствованія и говоритъ: *приближался праздникъ Іудейскій, поставленіе кущей* (7, 2.). Итакъ, если первыя три Евангелія ясно говорятъ о томъ, что писатели ихъ не намѣрены были касаться событій іерусалимскихъ, а послѣднее—о томъ, что писатель его только этихъ событій и намѣренъ былъ касаться, то никто не имѣетъ права требовать, чтобы писатели первыхъ Евангелій говорили о событіяхъ ерусалимскихъ, а послѣдній говорилъ о событіяхъ

галилейскихъ. Такое требованіе очень сходно было бы съ тѣмъ, если бы кто нибудь отъ ботаника началъ требовать знанія физіологіи и наоборотъ отъ физіолога знанія ботаники. Какъ жизнь вселенной представляетъ такъ много сторонъ для разсмотрѣнія, что необходимо одному заняться тѣмъ, другому другимъ, а третьему— третьимъ и т. д., такъ точно и жизнь Іисуса Христа. Она такъ широка, такъ многостороння, что одному нѣтъ возможности вполнѣ исчерпать ее. Вотъ отчего даже послѣдній изъ Евангелистовъ кончаетъ свое Евангеліе слѣдующими словами: „многое и другое сотвори Іисусъ, но если бы писать о томъ подробно, то думаю, и самому міру не вмѣстить бы писанныхъ книгъ“ (Іоан. 21, 25.). Этими краткими, но выразительными словами Евангелистъ ясно призналъ, что полнаго и всесторонняго изображенія жизни Господа отдѣльно отъ того или другаго писателя — требовать нельзя. Слѣдовательно нѣтъ и не можетъ быть ничего удивительнаго въ томъ, что писатели первыхъ трехъ Евангелій, держась строго принятаго ими намѣренія говорить о событіяхъ галилейскихъ, не считали нужнымъ говорить о событіяхъ іерусалимскихъ. Если же Бауръ замѣчаетъ, что къ этому могло и должно было побудить ихъ величіе этихъ чудесъ, то на это можно замѣтить, что такого раздѣленія чудесъ на великія и малыя, какого держится Бауръ, не только не существовало для писателей Евангелій, но даже и для первыхъ читателей. Для тѣхъ и другихъ всѣ чудеса были одинаково важны; всѣ одинаково говорили имъ о высшей творческой силѣ, въ нихъ проявлявшейся. Что же касается вопроса о побужденіяхъ, руководившихъ писателей къ избранію предметовъ повѣствованій. то на

этотъ вопросъ мы имѣли бы полное право и не отвѣчать, такъ какъ онъ совершенно равняется вопросу: почему тотъ или другой авторъ избралъ предметомъ своего сочиненія ту или другую тему, или, почему художникъ написалъ именно эту, а не другую картину; но какъ и отъ этого вопроса возникаютъ своего рода недоразумѣнія и довольно важныя, то и его мы не можемъ оставить безъ отвѣта. Для рѣшенія его мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ тому довольно отвлеченному отвѣту знаменитаго Генкетенберга, по которому все содержаніе Евангельской исторіи раздѣляется на два класса; къ одному принадлежитъ все болѣе простое, болѣе доступное, къ другому все болѣе таинственное, болѣе возвышенное, — и вотъ эти то двѣ стороны и раздѣлены будто бы были между Апостолами. Одному досталась одна, другимъ — другая. Такой отвѣтъ, если можетъ имѣть значеніе, то развѣ для тѣхъ только читателей, которые вполнѣ признаютъ Божественную силу, руководившую Апостолами; что же касается тѣхъ, которые относятся къ этому съ сомнѣніемъ, то онъ можетъ вызвать со стороны ихъ только одну улыбку. Есть данныя отвѣчать на этотъ вопросъ болѣе опредѣленно. Для писателей первыхъ трехъ Евангелій побужденіемъ къ избранію галилейской, а не іерусалимской дѣятельности Господа, служили просто тѣ отношенія, въ которыхъ были поставлены писатели къ этимъ двумъ дѣятельностямъ. Іерусалимская дѣятельность Господа, какъ извѣстно изъ Евангелій, не имѣла такого публичнаго характера, какой имѣла дѣятельность Господа въ Галилеѣ. Такъ какъ умереть ранѣе времени, положеннаго въ Божественномъ планѣ, Онъ не хотѣлъ, то Онъ, хотя и

обращалъ рѣчь къ народу прямо и открыто, хотя и чудеса творилъ также, но, чтобы избѣжать преслѣдованія, избѣгалъ окружать себя многими послѣдователями. На одномъ изъ праздниковъ Ему нужно было даже чудесно скрыться, чтобы не сдѣлаться преждевременною жертвою (Іоан. 5, 13), а на другой, именно праздникъ кущей, онъ пришелъ уже не явно, а какъ бы тайно, по замѣчанію Евангелиста (Іоан. 7, 10.). Изъ всего этого нельзя не видѣть, что Господь, если отправлялся въ Іерусалимъ, то отправлялся не иначе, какъ только съ самыми близкими учениками, слѣдовательно непосредственныя свѣдѣнія о іерусалимской дѣятельности Господа имѣли только нѣкоторые изъ учениковъ Господа. Иное явленіе представляла дѣятельность Господа въ Галилеѣ. Здѣсь онъ былъ окруженъ тысячами народа (Мѳ. 4, 25. 8, 1. 9, 36. 13, 2. 15, 30. Марк. 3, 8. 8, 9. Лук. 5, 15. 8, 4. 12, 1.). Здѣсь, кромѣ двѣнадцати Апостоловъ, Его сопровождали еще 70 (Лук. 10, 1), которыхъ Онъ также избралъ особенно; слѣдовательно эта галилейская дѣятельность могла быть болѣе извѣстна, болѣе имѣть непосредственныхъ свидѣтелей, чѣмъ дѣятельность іерусалимская. Изъ этого различія въ характерѣ дѣятельности Господа, нельзя не видѣть, что послѣдняя, т. е. іерусалимская дѣятельность могла быть взята, какъ предметъ для повѣствованія, только такимъ лицомъ, который могъ быть непосредственнымъ свидѣтелемъ ея, и слѣдовательно такимъ, который принадлежалъ къ числу самыхъ близкихъ, самыхъ довѣренныхъ учениковъ Господа. Но на основаніи тѣхъ данныхъ, какія представляютъ намъ Евангелія, мы ни объ одномъ изъ писателей трехъ первыхъ Евангелій не можемъ сказать, чтобы кто ни-

будь изъ нихъ могъ быть такимъ свидѣтелемъ. О Евангелистахъ Маркѣ и Лукѣ и говорить нечего; принадлежа къ числу 70 учениковъ Господа, они очевидно не могли быть свидѣтелями всего, что происходило въ Іерусалимѣ. Болѣе основаній думать, что такимъ свидѣтелемъ могъ быть Евангелистъ Матѳей, какъ принадлежавшій къ числу 12-ти, но если внимательнѣе прослѣдить то, что говорятъ намъ Евангелія, то и Апостола Матѳея нельзя совершенно отнести къ числу первыхъ свидѣтелей. Въ теченіи своего общественнаго служенія роду человѣческому Господь посѣтилъ Іерусалимъ пять разъ. Въ первый разъ Онъ прибылъ туда вскорѣ послѣ открытаго вступленія въ общественное служеніе. Послѣ этого Онъ пришелъ сюда чрезъ годъ и опять на праздникъ (Іоан. 5, 1). Въ третій и четвертый разъ Господь былъ въ Іерусалимѣ уже тогда, когда оставилъ Галилею. Сюда относятся праздникъ кущей и праздникъ обновленія храма. Въ пятый разъ Онъ пришелъ окончательно. Кромѣ этихъ пяти путешествій было еще одно, которое направлено было не собственно въ Іерусалимъ, а въ одно изъ ближайшихъ къ нему селеній, именно въ Виѳанію. Изъ всѣхъ этихъ шести путешествій нельзя почти назвать ни одного, въ которомъ возможно было бы предположить присутствіе Евангелиста Матѳея. При первомъ путешествіи объ этомъ и думать нельзя; оно было гораздо ранѣе призванія Матѳея къ апостольскому служенію. Оно было еще до взятія Іоанна крестителя подъ стражу, а призваніе Матѳея было послѣ (Іоан. 3, 24. Сравн. Мѳ. 9.). Трудно предположить, чтобы онъ былъ участникомъ и второго путешествія. На основаніи того, что Господь скрывался (5, 13) и что Евангелистъ Іоаннъ рѣши-

тельно не замѣтилъ ничего о присутствіи 12-ти, можно думать, что и въ это время Господь не былъ окруженъ всѣми учениками. О путешествіи на праздникъ кущей прямо замѣчено, что оно было не явно, а какъ бы тайно (7, 10), но путешествіе въ сообществѣ 12-ти учениковъ не было бы путешествіе тайное. Путешествіе на праздникъ обновленія храма не раздѣльно съ путешествіемъ на праздникъ кущей. Есть нѣкоторое основаніе думать, что и путешествіе въ Виѳанію для воскрешенія Лазаря было не болѣе, какъ въ сообществѣ самыхъ избранныхъ учениковъ. При воскрешеніи дочери Іаира Онъ никому не дозволилъ быть, кромѣ Петра, Іакова и Іоанна (Марк. 5, 37). Остается одно послѣднее путешествіе, при которомъ безъ сомнѣнія были всѣ Апостолы, о которомъ находятся сказанія у всѣхъ Евангелистовъ. Итакъ, если іерусалимская дѣятельность ни одному изъ первыхъ трехъ Евангелистовъ не могла быть вполнѣ извѣстна, извѣстна на столько, на сколько была извѣстна дѣятельность галилейская, то молчаніе ихъ о событіяхъ іерусалимскихъ становится весьма понятнымъ. Быть можетъ какому либо изъ Евангелистовъ, особенно Евангелисту Матѳею, и пришлось быть въ Іерусалимѣ въ одно какое либо изъ путешествій туда, но у нихъ все таки былъ недостатокъ въ непосредственныхъ свѣдѣніяхъ о другихъ путешествіяхъ, и этотъ-то недостатокъ могъ быть достаточнымъ побужденіемъ, чтобы ограничиться сферою только тѣхъ событій, которыя были непосредственно имъ извѣстны. Притомъ они не могли не быть увѣрены, что эта мало извѣстная имъ дѣятельность не можетъ предаться забвенію, что она найдетъ себѣ повѣствователя въ такомъ лицѣ, которому болѣе близко она извѣстна. Они зна-

ли, что въ числѣ 12-ти были трое такихъ, которые были неразлучными спутниками Господа во всѣхъ Его путешествіяхъ, которые пользовались особеннымъ довѣріемъ со стороны Господа, и слѣдовательно были вполнѣ убѣждены, что если не тотъ, то другой, или третій передадутъ объ этой дѣятельности. Это-то очень простое обстоятельство и было причиною, что три первые Евангелиста исключили изъ круга своихъ повѣствованій всё что не было имъ вполнѣ извѣстно, и ограничились тѣмъ, что было имъ болѣе доступно. Относительно побужденій, руководившихъ Евангелиста Іоанна къ избранію іерусалимской по преимуществу дѣятельности Господа, мы еще болѣе имѣемъ данныхъ, заимствованныхъ изъ самаго древняго преданія. Эти побужденія происходили не отъ чего другого, какъ просто изъ того, что въ представленныхъ Апостолу Іоанну трехъ первыхъ Евангеліяхъ, онъ нашелъ значительный пропускъ событій, который и счелъ нужнымъ дополнить. Такое преданіе было распространено во всѣхъ почти церквахъ. Самыя ясныя и выразительныя свидѣтельства находимъ у слѣдующихъ отцевъ Церкви: Иринея и Епифанія, равно также: у Климента Александрійскаго, Евсевія и блаженнаго Іеронима. Такъ, Климентъ Александрійскій, извѣстный своею ученостію, своимъ знаніемъ библейскихъ книгъ, какъ преданіе древнѣйшихъ пресвитеровъ передаетъ слѣдующее: „Іоаннъ, послѣдній изъ Евангелистовъ, замѣтивъ, что въ другихъ Евангеліяхъ возвѣщено только о тѣлесномъ (τα σωματικά) по просьбѣ друзей и по внушенію Св. Духа, написалъ Евангеліе духовное (πνευματικὸν ευαγγέλιον) (¹)“. Блаженный Іеронимъ,

(¹) Евсев. Ист. Цер. VI, 14.

этотъ замѣчательный труженикъ по части библейскихъ книгъ, сказавъ, что Евангелистъ Іоаннъ написалъ Евангеліе по просьбѣ епископовъ, противъ Керинѳа и Евіонитовъ, прибавляетъ: „говорятъ еще и о другой побудительной причинѣ написанія Евангелія: когда онъ прочелъ свитки (volumina) Матѳея Марка и Луки, то хотя и одобрилъ текстъ исторіи и утвердилъ, что они сказали истину, но замѣтивъ, что онъ изложилъ исторію одного года, въ которомъ Іоаннъ по заключеніи пострадалъ. Итакъ, опустивши годъ, коего дѣянія были изложены тремя первыми, онъ разсказалъ объ обстоятельствахъ времени предшествовавшаго заключенію Іоанна въ темницу, какъ это можетъ быть извѣстно тѣмъ, которые со вниманіемъ стали бы читать четыре свитка Евангелій. Это обстоятельство уничтожаетъ то разногласіе, которое, какъ кажется, имѣетъ Іоаннъ съ тремя первыми" (¹). Что такое преданіе можетъ найти для себя подтвержденіе въ самомъ Евангеліи, объ этомъ и говорить нечего. Не только цѣлыя группы событій— вставлены именно тамъ, гдѣ находится пропускъ въ первыхъ Евангеліяхъ (всѣ событія до взятія Крестителя подъ стражу), но даже въ частныхъ отдѣльныхъ событіяхъ (таковы событія страданія, погребенія и воскресенія Господа). Все сказанное приводитъ къ тому заключенію, что особенность молчанія первыхъ трехъ Евангелистовъ о событіяхъ іерусалимскихъ имѣетъ самое простое, самое естественное для себя объясненіе.

Особенность въ указаніи мѣста и времени еще менѣе можетъ представлять затрудненій. Если чудесная дѣятельность Господа была необходима для жителей

(¹) Catalog. Script. Eccles. c. 9.

Галилеи, то она также, если не болѣе, необходима и для жителей Іерусалима. Можно сказать даже, что если гдѣ, то именно въ Іерусалимѣ, и именно въ праздники, она и была всего болѣе необходима. Этого требовалъ характеръ мессіанской дѣятельности Господа. Какъ пребываніе въ Галилеѣ не мыслимо безъ пребыванія въ Іерусалимѣ, такъ точно и это послѣднее не мыслимо безъ чудесной тамъ дѣятельности. Какъ тотъ, такъ и другой фактъ т. е., какъ пребываніе въ Іерусалимѣ, такъ и чудеса тамъ, необходимо требуются тою задачею, какую должна была имѣть мессіанская дѣятельность Господа. Въ какихъ бы широкихъ размѣрахъ ни была представлена дѣятельность Господа въ Галилеѣ, но все таки эта дѣятельность, какъ дѣятельность въ довольно глухой, довольно изолированной провинціи, не можетъ назваться дѣятельностію вполнѣ публичною, міровою. Такъ какъ жители Галилеи были по большей части простые поселяне, жившіе вдали отъ центровъ торговой дѣятельности и общественной жизни, то дѣятельность въ Галилеѣ могла быть извѣстна не болѣе, какъ въ одной этой мѣстности, и уже много, если въ какой либо изъ ближайшихъ сосѣднихъ, слѣдовательно мессіанская дѣятельность никакъ не могла бы найти здѣсь соотвѣтствующей для себя рамки. Будь сосредоточена эта дѣятельность только въ этой именно области, и задача мессіанства не была бы выполнена не только относительно всѣхъ народовъ, но даже относительно того самаго народа, къ которому прежде всего относилась она. Невѣріе, съ которымъ еврейскій народъ отнесся къ Мессіи, всегда имѣло бы для себя оправданіе въ томъ невѣдѣніи, на которое этотъ народъ могъ бы по всей справедливости ссылаться. Онъ

могъ бы сказать, что хотя многіе изъ насъ и слышали о необычайномъ ученіи, о необычайныхъ дѣлахъ, но слышали отъ людей страны, которая издавна славилась своею необразованностію; онъ могъ сказать, что я не слыхалъ, чтобы Мессія заявилъ о Себѣ гдѣ либо публично, заявилъ предъ лицемъ моихъ руководителей: законниковъ, старѣйшинъ, учителей народа. „Если бы Я, говоритъ самъ Господь, не пришелъ и не говорилъ имъ, то не имѣли бы грѣха, а теперь не имѣютъ извиненія во грѣхѣ своемъ“ (Іоан. 15, 22). То же самое могли бы поставить въ свое оправданіе и другіе народы. Изъ всего этого необходимо слѣдуетъ, что Господь Іисусъ необходимо долженъ былъ заявить Себя, какъ Мессію, гдѣ либо въ такомъ мѣстѣ, откуда бы всего легче могла разнестись молва о Немъ, не только въ народѣ іудейскомъ, но и между другими народами. Господь Іисусъ и избралъ для этой цѣли Іерусалимъ, и избралъ не въ обыкновенное время, а въ праздничные дни, и по преимуществу въ праздники пасхи. Такое избраніе вполнѣ соотвѣтствовало Его цѣли. Іерусалимъ и самъ по себѣ, какъ столица, имѣлъ безъ сомнѣнія самое ближайшее соприкосновеніе со всѣми іудейскими провинціями, но онъ при этомъ былъ еще средоточный пунктъ религіозный для всего народа; здѣсь находилось то святилище, которое было единственнымъ для всего народа, о которомъ каждый зналъ, что именно въ немъ долженъ былъ явиться Мессія; здѣсь находились всѣ духовные и гражданскіе правители народа, на которыхъ такъ много полагался онъ въ образѣ своихъ дѣйствій. Наконецъ Іерусалимъ не былъ чуждъ и для иностранцевъ. Находясь подъ владычествомъ сильнаго и могущественнаго въ то время народа римскаго, народъ іудейскій

по необходимости долженъ былъ имѣть сношеніе, какъ съ самыми римлянами, такъ и со многими другими соподчиненными имъ народами. Кромѣ того іудейская религія предъ временемъ Рождества Христова насчитывала у себя уже очень многихъ прозелитовъ. Все это вмѣстѣ взятое дѣлало жизнь іерусалимскую чрезвычайно оживленною. Но никогда эта оживленность не достигала такого развитія, какъ въ праздники іудейскіе и особенно праздникъ пасхи. Тысячи народа наполняли въ это время святый городъ. Болѣе чѣмъ 256,000 агнцевъ (1), по свидѣтельству Іосифа Флавія, приносилось въ это время въ жертву истинному Богу. Вотъ отъ чего невѣрующіе еще братья Господа прямо говорили Ему, что если Онъ хочетъ открыть Себя міру, то долженъ открыть Себя въ Іудеѣ, разумѣя при этомъ главнымъ образомъ Іерусалимъ. „Выйди отсюда, говорили они, и пойди въ Іудею, чтобы и ученики Твои видѣли дѣла, которыя Ты дѣлаешь. Ибо никтò не дѣлаетъ чего либо въ тайнѣ и ищетъ самъ быть извѣстнымъ. Если творишь Ты такія дѣла, то яви Себя міру" (Іоан. 7, 3. 4). Но какъ бы ни были удобны для Его цѣли мѣсто и время, однако ни то, ни другое не помогло бы Господу въ исполненіи Его Божественнаго плана, еслибы Онъ, явившись здѣсь, явилъ Себя не какъ Чудотворецъ, а какъ только великій Учитель. Въ этомъ случаѣ, цѣль мессіанской дѣятельности точно также не была бы достигнута, какъ въ томъ, еслибы эта дѣятельность была сосредоточена только въ Галилеи. Такое высокое и мало понятное, для человѣчества того времени, ученіе, какъ ученіе Іисуса Христа

(1) Jos. Bell. Jud. 6. 9. 3.

о Себѣ, какъ о Сынѣ Божіемъ, какъ о хлѣбѣ животномъ, какъ о свѣтѣ, просвѣщающемъ міръ, необходимо требовало, чтобы оно было чѣмъ либо оправдано. Это оправданіе тѣмъ болѣе требовалось, что ученіе это исходило отъ такого Лица, въ которомъ іудеи всего менѣе думали видѣть Мессію. Будь произнесено это ученіе такимъ лицомъ, которое, хотя не много бы подходило подъ составленный іудеями идеалъ Мессіи, и тогда они потребовали бы отъ него, чтобы оно доказало достовѣрность проповѣдуемаго имъ ученія; но какъ ученіе это выходило отъ смиреннаго учителя Галилеи, отъ такого лица, происхожденіе котораго не было тайною (какъ понимали происхожденіе Мессіи іудеи), но отца и матерь котораго они знали хорошо, отъ лица, которое во многомъ отступало отъ принятыхъ въ народѣ обрядовъ, то требованіе это могло быть еще настойчивѣе. Но въ чемъ бы нашло это требованіе для себя удовлетвореніе, еслибы пребываніе въ Іерусалимѣ не ознаменовано было никакимъ чудомъ? Чудеса въ Галилеи были далеко недостаточны для этой цѣли. О нихъ могло сказать большинство въ народѣ, что оно, или совершенно о нихъ не знаетъ, или же, если и знаетъ, то не вполнѣ довѣряетъ. Да и самое свойство невѣрія таково, что оно всегда старается найти всевозможныя для себя оправданія, что оно только предъ тѣмъ и можетъ преклоняться, поколебаться, что совершается непосредственно предъ нимъ. Еще менѣе могло быть достаточно для этой цѣли свидѣтельство Крестителя. Это свидѣтельство имѣло цѣлію только подготовить умы къ принятію Искупителя, но никакъ не служить окончательнымъ удостовѣреніемъ въ Его Божественномъ посланничествѣ. И въ обыкновенной жизни бываетъ такъ,

что какъ скоро требуется отъ какого либо лица ручательство въ чемъ либо, то это ручательство принимается только отъ такого лица, авторитетъ котораго вполнѣ извѣстенъ, о которомъ всѣмъ извѣстно, что оно можетъ быть порукою въ этомъ дѣлѣ; точно также должно было случиться и въ жизни Искупителя. Если Онъ долженъ былъ имѣть какое либо ручательство за достовѣрность Своего ученія, то Онъ долженъ былъ имѣть его не отъ такого лица, которое было неизмѣримо ниже его, но отъ такого, которое было бы Ему равно, словомъ самъ Богъ Отецъ долженъ былъ засвидѣтельствовать о Его Божественномъ посланничествѣ. Это свидѣтельство и выразилось въ чудесахъ, которыя Онъ творилъ силою Своего Божества и силою Своего единства съ Богомъ Отцомъ. „Если Я свидѣтельствую Самъ, говорилъ Онъ, то свидѣтельство Мое не есть истинно. Есть другой свидѣтельствующій о Мнѣ, и Я знаю, что истинно то свидѣтельство, которымъ Онъ свидѣтельствуетъ о Мнѣ. Вы посылали къ Іоанну, и онъ засвидѣтельствовалъ объ Истинѣ. Впрочемъ Я не отъ человѣка принимаю свидѣтельство.... Я имѣю свидѣтельство больше Іоаннова; ибо дѣла, которыя Отецъ далъ Мнѣ совершить, самыя дѣла сіи, Мною творимыя, свидѣтельствуютъ о Мнѣ, что Отецъ Меня послалъ (Іоан. 5, 31—36). Если Я не творю дѣлъ Отца Моего, не вѣрьте Мнѣ. А если творю, то когда не вѣрите Мнѣ, вѣрьте дѣламъ Моимъ, чтобы узнать и повѣрить, что Отецъ во Мнѣ и Я въ Немъ“ (10, 37. 38).

Такимъ образомъ характеръ Мессіанской дѣятельности необходимо требовалъ не только того, чтобы Господь избралъ Іерусалимъ мѣстомъ Своей дѣятельности, но и того, чтобы эта дѣятельность была, между прочимъ, и дѣятельностію чудесною.

Намъ остается теперь разсмотрѣть третью и последнюю особенность, которая, какъ мы сказали, состоитъ въ томъ, что въ чудесахъ, повѣствуемыхъ Евангелистомъ Іоанномъ, сила чудодѣйственная проявляется гораздо сильнѣе, гораздо выразительнѣе, чѣмъ въ тѣхъ чудесахъ, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты. Хотя особенность эта дѣйствительно довольно примѣчательная, но выводить, на основаніи ея, какія либо заключенія, неблагопріятныя для достовѣрности Евангелія, рѣшительно нѣтъ никакого права. Такого рода заключенія могутъ выводить развѣ тѣ только, которые заражены чудобоязнію. Только личности подобнаго рода, не будучи въ состояніи отдѣлаться отъ чудесъ вообще, желаютъ отдѣлаться отъ тѣхъ по крайней мѣрѣ, въ которыхъ особенно проявлялась сила Божественная и которыя были болѣе публичны. Но напрасная надежда; и эта особенность, при внимательномъ разсмотрѣніи ея, не можетъ дать никакого повода къ какому либо неблагопріятному заключенію о самомъ повѣствованіи. Если мы видимъ, что и обыкновенныя силы природы дѣйствуютъ не вездѣ одинаково, если мы видимъ, что и эти силы всегда дѣйствуютъ сильнѣе тамъ, гдѣ или находится болѣе для нихъ сопротивленія, или же тамъ, гдѣ болѣе для нихъ благопріятныхъ условій, то тѣмъ болѣе никто не въ правѣ требовать однообразія въ дѣятельности отъ силы Божественной, управляемой Божественнымъ разумомъ. Какъ первыя всегда дѣйствуютъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, которые ни измѣнить, ни нарушить никто не можетъ, такъ точно и сила Божественная дѣйствуетъ по тѣмъ мудрымъ законамъ, которые предположены въ Божественномъ планѣ, и которые не только никто измѣнить не можетъ, но даже

изслѣдовать не въ состояніи. Основываясь на этомъ, мы имѣли бы право и не простирать сужденій объ этомъ предметѣ, но такъ какъ мы имѣемъ нѣкоторыя данныя, чтобы судить о причинѣ усиленія такой дѣятельности, то, для предотвращеній какихъ либо недоразумѣній, не намѣрены уклоняться отъ сужденія и объ этомъ предметѣ. Хотя сравненіе человѣка болѣзненнаго душевно съ человѣкомъ больнымъ тѣлесно есть сравненіе уже довольно устарѣлое, но тѣмъ не менѣе оно очень примѣнимо въ настоящемъ случаѣ. Если мы обратимъ вниманіе на пріемы врача при употребленіи лекарствъ для больныхъ тѣломъ, то мы замѣтимъ, что одно и то же лекарство онъ не для всѣхъ употребляетъ въ одинаковой мѣрѣ и степени: для однихъ, болѣе слабыхъ, болѣе воспріимчивыхъ по своей натурѣ, онъ употребляетъ въ меньшей мѣрѣ, для другихъ же, болѣе крѣпкихъ, болѣе, такъ сказать, грубыхъ по своей натурѣ, онъ употребляетъ въ большемъ размѣрѣ, въ большей степени. Точно такой же предусмотрительности требуютъ и больные нравственно. Такъ какъ чудо есть тоже въ своемъ родѣ лекарство для уврачеванія больныхъ нравственно, для уврачеванія невѣрія, такъ какъ и Господь не иначе смотрѣлъ на него, какъ на дѣйствительное средство противъ невѣрія (Іоан. 4, 48); то очевидно тѣ изъ зараженныхъ этою болѣзнію, которые владѣютъ душею болѣе воспріимчивою ко всему святому, духовному, тѣ менѣе нуждаются для своего убѣжденія въ какомъ либо необычайномъ проявленіи силы Божественной; напротивъ тѣ, которые болѣе упорны въ своихъ заблужденіяхъ, у которыхъ религіозные, національные и другіе предразсудки сильнѣе укоренились, для тѣхъ очевидно многое и очень многое тре-

буется, чтобы побѣдить это невѣріе. Слѣдовательно чудеса, какъ средство противъ невѣрія, не вездѣ могутъ имѣть одинаковое примѣненіе. Итакъ, если чудо необходимо должно имѣть примѣненіе къ нравственной природѣ человѣка, то Іерусалимъ и Галилея стояли далеко не въ одинаковыхъ между собою отношеніяхъ. Хотя о жителяхъ Галилеи также нельзя сказать, что они не были заражены невѣріемъ, но все таки, сравнительно съ жителями Іерусалима, они много имѣли въ этомъ случаѣ преимуществъ. Находясь вдали отъ храма, они, хотя также ревновали о соблюденіи закона, но ревновали далеко не такъ суевѣрно и сильно, какъ жители Іерусалима. Слѣдовательно покрывало религіозныхъ предразсудковъ всего менѣе могло заслонять для нихъ истинное достоинство лица Мессіи. Вотъ отъ чего Господь Іисусъ далеко не былъ для жителей Галилеи такимъ преступникомъ противъ закона, какимъ былъ онъ для жителей Іерусалима. Изъ Евангелія отъ Іоанна мы знаемъ, что въ одно время жители Галилеи хотѣли нечаянно взять Господа и сдѣлать царемъ (Іоан. 6, 15). Не таково было положеніе жителей Іерусалима. Находясь въ томъ мѣстѣ, гдѣ святилище, гдѣ Сунедріонъ, они были болѣе привязаны къ внѣшней обрядовой сторонѣ закона, и болѣе внимательны къ каждому даже малѣйшему его нарушенію. Вотъ отъ чего нигдѣ не приходилось Господу испытать такъ много обвиненій въ нарушеніи субботы, даже совершеніемъ чудесъ, какъ въ Іерусалимѣ. Слѣдовательно въ Іерусалимѣ нужно было имѣть дѣло съ гораздо большимъ упорствомъ невѣрія, чѣмъ въ Галилеѣ. Отсюда-то и можетъ объясняться то различіе въ характерѣ чудесъ, какое замѣчаемъ мы между чудесами, о кото-

рыхъ говоритъ Ев. Іоаннъ, и чудесами, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты. Хотя и жители Галилеи нуждались въ проявленіи чудодѣйственной силы, но они далеко не такъ нуждались, какъ жители Іерусалима. Не будучи сильно заражены религіознымъ формализмомъ, они въ немногомъ нуждались, чтобы убѣдиться въ истинномъ достоинствѣ лица Мессіи. Слѣдовательно, если они видѣли, что слѣпые прозрѣваютъ, хромые ходятъ, мертвые воскресаютъ, то въ какой бы формѣ это не выразилось, для нихъ было вполнѣ достаточно, чтобы видѣть въ чудотворцѣ, если не Мессію, то по крайней мѣрѣ одного изъ величайшихъ пророковъ. Для жителей же Іерусалима, какъ для людей болѣе упорныхъ, болѣе зараженныхъ религіозными предразсудками нужно было, хотя то же самое, только въ другой болѣе выразительной формѣ. Для нихъ нужны были такія чудеса, которыя бы могли болѣе сильно подѣйствовать на ихъ нравственную природу, которыя бы заставили вдругъ заговорить цѣлый городъ и такимъ образомъ обратить вниманіе на великаго чудотворца. Вотъ и причина, что здѣсь изъ безчисленнаго множества недужныхъ избирается такой, который вмѣстѣ съ своимъ внутреннимъ достоинствомъ, соединялъ въ себѣ и то, что уже 38-мь лѣтъ лежалъ при купѣли и который слѣдовательно былъ извѣстенъ не только большинству жителей города, но и многимъ изъ иностранцевъ. Вотъ причина, что здѣсь получаетъ исцѣленіе не просто слѣпой, но слѣпой отъ рожденія, который, какъ показываетъ Евангеліе, хотя и самъ въ себѣ заслуживалъ, чтобы обратить на себя вниманіе чудотворца, но который вмѣстѣ съ тѣмъ и то еще имѣлъ въ себѣ, что всѣмъ извѣстенъ былъ, какъ сѣдяй и просяй (Іоан. 9, 8.).

Вотъ причина, что здѣсь умершій воскрешается уже тогда, когда дѣйствительность смерти была несомнѣнна. Это послѣднее обстоятельство особенно важно. Услышавъ, что Лазарь боленъ Господь нейдетъ въ Виѳанію, чтобы помочь больному; нѣтъ, Онъ идетъ туда уже тогда, когда больной умеръ; можно думать, что даже и послѣ-то смерти, Онъ пробылъ на своемъ мѣстѣ дня два. Такъ какъ Господь Іисусъ прибылъ въ Виѳанію уже на четвертый день смерти, между тѣмъ отъ Виѳавары было никакъ не болѣе двухъ дней хода, то очевидно Господь не тотчасъ пошелъ послѣ смерти своего друга. Да и Самъ Господь прямо сказалъ: „радуюсь за васъ, что Меня не было тамъ, дабы вы увѣровали“ (Іоан. 11. 15). Это обстоятельство ясно показываетъ, что проявленіе особенной силы въ чудесахъ іерусалимскихъ не было случайное, но стояло въ тѣсной связи съ особенною цѣлію этихъ чудесъ, и именно тою, чтобы сильнѣе противодѣйствовать невѣрію іудеевъ. Итакъ, нѣтъ ни одной особенности, которая бы могла говорить что либо противъ достовѣрности разсматриваемаго нами отдѣла повѣствованій.

Что же касается воззрѣній Новотюбингеской школы, и особенно воззрѣній Баура, отказывающаго означенному отдѣлу повѣствованій въ исторической достовѣрности, то оно, кромѣ выставленныхъ нами, при разборѣ особенностей, основаній, оказывается несостоятельнымъ и въ другомъ отношеніи. Извѣстно, что каждый авторъ, какъ скоро рѣшается, подъ оболочкою извѣстныхъ фактовъ, провести какую либо идею, то онъ, руководясь правиломъ благоразумія, повелѣвающаго избирать для каждой цѣли средства болѣе вѣрныя, всегда старается устранить всѣ случаи, могущіе бросить тѣнь

на его произведеніе. Въ противномъ же случаѣ, т. е. если ему замаскировать свое произведеніе не придется, онъ не только не достигнетъ своей цѣли, но даже навлечетъ на себя сильное обвиненіе во лжи и обманѣ. Итакъ, если бы авторъ Евангелія принадлежалъ къ подобнымъ личностямъ, то онъ не преминулъ бы воспользоваться этимъ простымъ правиломъ благоразумія. Между тѣмъ, изъ разсматриваемаго нами отдѣла, мы не только не замѣтимъ въ авторѣ ничего, что указывало бы на такую предосторожность, но даже встрѣтимъ противное. Если авторъ дѣйствительно имѣлъ въ виду выразитѣ борьбу владычества Іисуса съ невѣріемъ іудеевъ, то онъ рѣшительно не имѣлъ нужды прибѣгать къ такимъ средствамъ, которыя могли выдать его на первомъ шагу. Онъ рѣшительно не имѣлъ нужды выдумывать небывалыя чудеса и выдавать за дѣйствительно совершившіяся въ одномъ изъ самыхъ публичныхъ мѣстъ. Для его цѣли вполнѣ были достаточны и тѣ чудеса, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты. Эти послѣднія чудеса только въ томъ и могли уступать первымъ, что не могли обратить на себя такъ быстро вниманіе, какъ могли обратить тѣ; что и было, какъ мы сказали, причиною того, что Господь совершалъ въ Іерусалимѣ чудеса, отличавшіяся болѣе сильнымъ, повидимому, проявленіемъ въ нихъ силы Божественной. Какъ скоро же и тѣ (т. е. чудеса, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты) восприняты въ сознаніе, то дѣйствіе ихъ совершенно одинаково съ первыми; какъ тѣ, такъ и другія одинаково могутъ свидѣтельствовать и о величіи чудотворца и о невѣріи іудеевъ. Чудо надъ разслабленнымъ не увеличивается отъ того, что оно совершено надъ больнымъ, страдавшимъ 38 лѣтъ. Оно также

осталось бы великимъ и въ томъ случаѣ, если бы было совершено надъ больнымъ, страдавшимъ меншее число лѣтъ. Чудо исцѣленія слѣпаго также не становится еще чудеснѣе отъ того, что слѣпой является слѣпымъ отъ рожденія. Главное-то дѣло не въ томъ, когда человѣкъ ослѣпъ: до или послѣ рожденія, а въ томъ, что былъ слѣпъ, и что кромѣ Божественнаго Чудотворца исцѣлить его никто не могъ. Точно также и въ чудѣ воскрешенія Лазаря. Если уже человѣкъ былъ мертвъ, то два ли, три ли дня спустя было воскрешеніе — всё равно. Всѣ эти усиливающія чудо обстоятельства, повторяемъ, если и были нужны, то единственно для того, чтобы скорѣе обратить вниманіе и сильнѣе подѣйствовать на сердца болѣе упорныя въ невѣріи. Итакъ, если Божественность Господа Іисуса не увеличивается, такъ сказать, отъ того, что авторъ представилъ дѣла Его въ болѣе яркомъ свѣтѣ, то и невѣріе іудеевъ точно также оставалось бы во всей силѣ, еслибы оно не преклонилось и предъ тѣми чудесами, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты. Но предположимъ даже, что автору и пришлось бы представить свою идею болѣе выразительно, онъ за то проигрывалъ бы въ другомъ и самомъ главномъ, — это въ довѣріи къ себѣ читателей.

Перейдемъ теперь къ частнымъ особенностямъ, заключающимся въ повѣствованіи о каждомъ фактѣ отдѣльно.

Чудо въ Канѣ Галилейской (Гл. 2, 1—11). Изъ всѣхъ особенностей, на которыя обращается вниманіе въ повѣствованіи объ этомъ событіи, самая главная та, что цѣль этого чуда стоитъ будто бы въ прямомъ противорѣчіи съ цѣлію другихъ Евангельскихъ чудесъ. Эти по-

слѣднія имѣютъ будто бы всегда цѣль какую либо благодѣтельную, напримѣръ: избавленіе отъ зла физическаго; но чудо въ Канѣ не имѣло будто бы никакой другой цѣли, какъ удовлетвореніе чувственности (¹). Какъ ложенъ, какъ неоснователенъ такой взглядъ на чудеса примѣтить очень не трудно. Если бы цѣль чудесъ состояла только въ избавленіи отъ зла физическаго, то для нея никакъ не требовалось бы такое сильное средство, какъ снизшествіе на землю Сына Божія. Она всегда бы могла быть достигнута чрезъ другое болѣе простое средство. Но какъ самое это снизшествіе имѣло другую цѣль, именно уврачеваніе нравственной природы человѣка, то и чудеса, главнымъ образомъ, направлены были именно къ этой цѣли. Вотъ отъ чего Господь всегда, какъ только совершалъ чудо, какъ главнаго условія для этого, требовалъ вѣры (Лук. 8, 50). Слѣдовательно, если цѣль чуда—не одно избавленіе отъ зла физическаго, то очень могло быть, что въ отношеніи къ этой то цѣли, оно могло стоять иногда довольно далеко. Таковы и видимъ чудеса: хожденіе по водамъ (Мѳ. 14, 25); изсушеніе смоковницы (Марк. 11, 11). Таково же точно чудо и въ Канѣ Галилейской. Не зло физическое, а зло нравственное имѣлось главнымъ образомъ въ виду при этомъ чудѣ. Чрезъ это чудо должно было въ первый разъ проявиться могущество Господа и такимъ образомъ возникнуть первое проявленіе вѣры въ сердцахъ избранныхъ учениковъ Его: „вѣроваша въ Него ученицы Его“ (2, 11). Впрочемъ нельзя сказать и того, что это чудо совершенно далеко было въ отношеніи къ первой цѣли. Только грубое невѣжество мо-

(¹) Straus. Leb. Ies. 210.

жетъ назвать доставленіе вина брачному пиршеству потворствомъ чувственности. Вино есть такой же жизненный продуктъ, какъ и всякіе другіе, и точно также служитъ на пользу человѣка, какъ и тѣ. Вотъ отъ чего оно было въ употребленіи даже при такихъ священныхъ вечеряхъ, какъ вечеря пасхи. Оно было въ употребленіи даже и на той святой вечери, на которой Господь въ послѣдній разъ присутствовалъ съ Своими учениками. Слѣдовательно, еслибы оно было доставлено семейству даже безъ отношенія къ случаю, то и тогда не было бы ничего удивительнаго. Но намъ извѣстно, что случаемъ къ доставленію вина былъ недостатокъ его на брачномъ пиршествѣ. Это обстоятельство еще болѣе возвышаетъ значеніе чуда. Бракъ есть такое въ жизни человѣка событіе, отъ котораго зависитъ не только вся послѣдующая жизнь двухъ брачущихся личностей, но и жизнь ихъ потомства. Вслѣдствіе такого значенія брака, возникаютъ требованія, чтобы вся обстановка брака была такая, которая бы могла обрисовать характеръ жизни новыхъ супруговъ. Итакъ, если исполненіе этого требованія довольно важно, то ничто не можетъ быть въ этомъ случаѣ такъ пригодно, какъ вино; ничто не можетъ лучше, какъ оно, указать на самыя необходимыя качества брачной жизни: радость и веселіе. Что же касается злоупотребленій, то злоупотреблять можно чѣмъ угодно. Не только вино, но и хлѣбъ въ безмѣрномъ употребленіи также вреденъ. Совершая чудо, Господь зналъ свойства тѣхъ, которые будутъ имъ пользоваться, зналъ, что они не употребятъ во зло дарованныя имъ благодѣянія. Если неосновательна самая критика чуда, то еще болѣе неосновательны тѣ объясненія, которыя стараются придать ему. Первое

объясненіе, которое даетъ ему Штраусъ, это то, что оно есть миѳъ. Но миѳъ, какъ извѣстно, образуется изъ какихъ либо имѣвшихся уже представленій, а между іудеями, временъ ли Іисуса, или временъ болѣе раннихъ, сколько извѣстно, никакого подобнаго означенному представленія о Мессіи не было. Слѣдовательно, еслибы это былъ миѳъ, то онъ не имѣлъ бы никакого историческаго основанія. Еще менѣе можно думать, что это притча, какъ думаетъ Вейсе (1). Если бы это была притча, то какъ же произошло то, что Апостолы и другіе слушатели, всегда умѣвшіе отличать притчу отъ факта, не умѣли сдѣлать этого въ отношеніи къ означенному случаю. Далѣе: если бы это была притча, то не былъ бы понятенъ смыслъ ея, и наконецъ эта притча совершенно стояла бы изолированно въ ряду другихъ Евангельскихъ притчей. Точно такою же неосновательностію страдаетъ мнѣніе Фрорера (2), по которому чуда собственно не было, а было только денежное вспомоществованіе со стороны Господа и это-то простое вспомоществованіе возведено на степень чуда. Если предположить такое возведеніе простого факта на степень чуда, то нужно допустить, что оно было или ненамѣренно, или намѣренно. Но ненамѣренно оно быть не могло. Въ повѣствованіи объ этомъ чудѣ находятся такія подробности, которыя прямо показываютъ писателя очевидца (2, 6). Еще труднѣе допустить намѣренное искаженіе факта. Такъ какъ свидѣтелями этого чуда было много іудеевъ, то не мыслимо, чтобы они не постарались при появленіи Евангелія разоблачить ложь и выставить дѣйствительность. По мнѣнію Баура, чудо въ Канѣ един-

(1) Привед. у Страуса, Leb. Ies. 11, 219.
(2) Geschicht. Urchrist. III. S. 304.

ственно для того вставлено въ Евангеліи, чтобы показать ученикамъ Мессіанское достоинство Іисуса и выставить контрастъ между Нимъ и Іоанномъ, знаменитымъ строгостію своей жизни ([1]). Но еслибы Евангелисту нужно было выразить только эту мысль, то ему рѣшительно не было нужды прибѣгать къ такой формѣ, которая, съ одной стороны компрометировала всё его произведеніе, съ другой—на столько не ясна, не выразительна, что едва ли кто либо изъ читателей уразумѣлъ смыслъ ея. Итакъ всѣ объясненія критиковъ страдаютъ полною несостоятельностію.

Исцѣленіе сына капернаумскаго царедворца (4, 46). При повѣствованіи объ этомъ чудѣ, прежде всего останавливаетъ вниманіе самая постановка факта въ этомъ именно мѣстѣ. Читая повѣствованіе о немъ въ связи съ предъидущими и послѣдующими фактами, нельзя не видѣть, что оно какъ то стоитъ уединенно. Впереди говорится, что Господь только что возвратился съ одного изъ іерусалимскихъ праздниковъ, а послѣ него опять говорится о іерусалимскомъ праздникѣ и о новомъ пребываніи тамъ Господа. Но такъ какъ между тѣмъ и другимъ праздникомъ находится значительное пространство времени: годъ, или около года, то и не понятно, почему изъ всего этого довольно значительнаго промежутка времени взятъ именно этотъ фактъ. Эта особенность въ постановкѣ дала Бауру поводъ думать, что и это чудо не имѣетъ историческаго характера, что оно стоитъ въ непосредственной связи съ тѣми рѣчами Господа, о которыхъ Евангелистъ только что упомянулъ. Но такъ какъ совершенно от-

([1]) Krilisch. Unters. üb. Kon. Ev. S. 116.

казать этому факту въ исторической дѣйствительности было трудно, то Бауръ взялъ нѣсколько подходящій фактъ изъ синоптическихъ Евангелій и указалъ на него, какъ на матеріалъ, изъ котораго составлено означенное чудо. Но если бы дѣйствительно означенный фактъ былъ не болѣе, какъ переиначеніе событія, о которомъ упоминаетъ Ев. Мѳ. (8, 5), то необходимо нужно предположить, что Евангелистъ измѣнилъ бы его только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не подходили къ его воззрѣнію, во всемъ же остальномъ онъ долженъ былъ бы остаться вѣрнымъ первому источнику. Сопоставляя же матеріалъ и мнимую передѣлку его, мы замѣчаемъ, что самое то нужное для цѣли автора не взято, а совершенно не нужное, ни мало къ дѣлу не относящееся, переиначено. Такъ какъ цѣль поддѣлки факта, по мнѣнію Баура, была та, чтобы, въ противоположность вѣрѣ Никодима, основанной на знаменіяхъ, показать превосходство вѣры, основанной на одномъ довѣріи къ слову, то фактъ, прямо взятый изъ синоптическихъ Евангелій, лучше выражалъ эту мысль, чѣмъ передѣлка его. Тамъ проситель такъ твердо вѣруетъ въ Господа, что одного слова Его считаетъ достаточнымъ для уврачеванія своего слуги. Далеко не такъ въ мнимой передѣлкѣ. Здѣсь проситель хотя также вѣруетъ одному слову, но уже тогда, когда получилъ обличеніе за недостатокъ вѣры слову, когда пригласилъ Господа уже къ себѣ въ домъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ видѣть чудо. Но предположимъ даже, что эта передѣлка, такъ или иначе, нужна была для Евангелиста; въ такомъ случаѣ зачѣмъ онъ передѣлалъ даже тамъ, гдѣ совершенно это не было нужно? Зачѣмъ нужно было, чтобы былъ не сотникъ (ἑκατοντάρχος),

какъ у Ев. Матѳея, а царедворецъ (Βασιλικὸς), чтобы былъ не слуга, какъ у Ев. Матѳея (παίς μου), а сынъ (υἱός)? Зачѣмъ нужно было, чтобы болѣзнь была не разслабленіе (παραλυτικὸς), какъ въ Ев. Мѳ., а горячка (ο πυρετὸς)? Ужели и это все относилось къ цѣли? Всѣ эти вопросы вовсе останутся не разрѣшенными, если предположить, что здѣсь не подлинный фактъ, а передѣлка. Но какъ и съ признаніемъ за чудомъ характера историческаго, хотя подобные вопросы и устраняются, не устраняется все-таки тотъ вопросъ: почему же этотъ фактъ занялъ такое изолированное мѣсто на страницахъ этого Евангелія,—то и мы должны дать съ своей стороны объясненіе. По нашему мнѣнію, этотъ фактъ принадлежитъ къ числу тѣхъ дополнительныхъ фактовъ, которыми изобилуетъ это Евангеліе. Думать такъ мы имѣемъ нѣкоторое основаніе. Евангелистъ Лука въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ о какомъ-то капернаумскомъ чудѣ, о которомъ между тѣмъ подробно не разсказываетъ (Лук. 4, 23); но какъ Ев. Іоаннъ, по свидѣтельству древности, дополнялъ три первыя Евангелія, то и неудивительно, что онъ счелъ нужнымъ разсказать о немъ. Такое объясненіе ни къ какимъ затрудненіямъ не приведетъ, между тѣмъ будетъ вполнѣ согласно съ преданіемъ.

Исцѣленіе разслабленнаго при купели Виѳезда (гл. 5). Повѣствованіе объ этомъ чудѣ имѣетъ еще болѣе особенностей, чѣмъ повѣствованіе о двухъ предъидущихъ. Первое, что останавливаетъ особенное вниманіе — это самая купель Виѳезда и то движеніе, которое въ ней происходило. Такъ какъ существованіе такой знаменитой водолечебницы не могло будто сокрыться отъ взора знаменитаго іудейскаго историка Флавія, то молчаніе

его объ этомъ нѣкоторыхъ приводило въ недоумѣніе, а другихъ, какъ напримѣръ Штрауса и Баура, къ прямому отрицанію достовѣрности повѣствуемаго факта. Но прежде всякаго требованія отъ извѣстнаго лица того или другаго свидѣтельства, нужно спросить себя: въ правѣ ли мы требовать отъ него извѣстнаго свидѣтельства. Этого то вопроса и не предложили себѣ тѣ, которые требуютъ отъ Флавія свидѣтельства о водолечебницѣ. Іосифъ Флавій дѣйствительно знаменитый іудейскій историкъ и дѣйствительно онъ много оставилъ намъ описаній различныхъ мѣстностей; но онъ историкъ одного спеціальнаго предмета — іудейской войны, а слѣдовательно и описаніе мѣстностей Іерусалима имѣетъ у него спеціальный характеръ—отношеніе къ войнѣ. То, что относилось къ этой цѣли, онъ описывалъ, а все прочее — опускалъ. Слѣдовательно, мы никакъ не въ правѣ требовать отъ Флавія описанія этой купели, а тѣмъ болѣе дѣлать какія либо соображенія на основаніи этаго молчанія. Впрочемъ есть основаніе думать, что и у Іосифа Флавія есть упоминаніе объ этомъ мѣстѣ. Въ Евангеліи не говорится, что вотъ существовала купель съ такимъ то названіемъ, а допущено выраженіе: ἐπιλεγομένη (1). Это выраженіе показываетъ, что существовали и другія названія этой купели. А если такія названія существовали, то можно думать, что и у Іосифа Флавія есть такое упоминаніе, только подъ другимъ названіемъ. Такъ какъ народное преданіе мѣсто означенной купели указываетъ на сѣверо-восточной части города, внѣ храма (2), то вполнѣ

(1) Хотя въ нѣкоторыхъ спискахъ и читается λεγομενη, но въ большинствѣ списковъ επιλεγομενη.

(2) S. Mandrell 6. Paulus Sammlung merkwürdigen Reisen in d. Orient Th. 1, V, 135.

вѣроятно, что упоминаемая у Іосифа Флавія: εμηγδαχον и есть самая Виѳезда ([1]). Но если бы и дѣйствительно такого свидѣтельства у Флавія не было, то этотъ недостатокъ вполнѣ могъ вознаграждаться свидѣтельствомъ Евсевія, который очень былъ близокъ къ древнему преданію ([2]). Ко всему этому нельзя не присоединить и того, что едвали какой бы писатель, искавшій довѣрія у читателей, рѣшился, безъ всякой нужды, упомянуть о существованіи лечебницы въ такомъ мѣстѣ, которое было извѣстно не только каждому іудею, но и многимъ изъ иностранцевъ, значитъ, со стороны молчанія о водолечебницѣ — затрудненій нѣтъ. Что же касается до самаго движенія воды, производимаго Ангеломъ, то сомнѣваться въ этомъ мы не имѣемъ никакого права. Уже одно то, что Евангелистъ рѣшился сослаться на это явленіе предъ лицомъ современниковъ, показываетъ, что это явленіе дѣйствительно было. Но въ какомъ видѣ было,—это не важно. Было ли это видимое снисшествіе, или невидимое, характеръ чудодѣйственный, какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, остается во всей силѣ. Не менѣе часто останавливало на себѣ вниманіе читателя Евангелія отъ Іоанна и самое положеніе больнаго. Въ ст. 6-мъ говорится о немъ, что онъ 38 лѣтъ лежитъ въ постели, между тѣмъ въ 7-мъ говорится, что онъ приходилъ. Но это недоразумѣніе очевидно происходитъ отъ недостатка пониманія состоянія больнаго. Если о больномъ сказано, что онъ лежалъ 38 лѣтъ, то это не значитъ, что онъ неподвижно находился при купели 38 лѣтъ. Нѣтъ, онъ жилъ, вѣроятно, гдѣ либо не далеко отъ купели и только каждо-

([1]) Bell. Jud. V II. 4.
([2]) Onomasticon ed. Klerickus.

дневно навѣдывался: не будетъ ли желаемаго движенія воды; такъ какъ ждать приходилось долго, между тѣмъ силы больнаго были слабы, то онъ носилъ съ собою постель для отдохновенія. Но хотя онъ приходилъ, быть можетъ, каждодневно въ теченіи 38 лѣтъ, однако ему никогда не приходилось воспользоваться цѣлительною водою; причина этого была вѣроятно или та, что другіе больные сами владѣли достаточнымъ количествомъ силъ, чтобы воспользоваться удобной минутой, или же та, что другіе имѣли, по большей части, людей у себя, которые помогали имъ въ этомъ. Это то безпомощное состояніе и обратило вниманіе великаго Чудотворца. Быть можетъ, подобно Бауру, кто либо скажетъ: ужели такъ безчеловѣчна была нація, что въ средѣ ея не нашлось человѣка, чтобы помочь больному на нѣкоторое время. На это отвѣтимъ мы, что въ этомъ случаѣ требовалась далеко не такая ничтожная услуга, какъ думаютъ нѣкоторые. Такъ какъ ни для кого извѣстно не было, когда произойдетъ движеніе воды, то нужно было, по крайней мѣрѣ, около года находиться постоянно при больномъ, чтобы оказать ему услугу. Да и въ этомъ случаѣ успѣха не всегда ожидать было можно. Вѣдь не у одного этого больнаго могъ быть помощникъ; онъ могъ быть и у другихъ; слѣдовательно очень легко могло случиться, что и съ помощникомъ можно было не достигнуть желаемаго успѣха. Что касается самаго способа исцѣленія, то здѣсь останавливаетъ вниманіе то, что исцѣленіе послѣдовало безъ всякой просьбы со стороны больнаго, чему будто бы положительно нѣтъ примѣра въ Евангельской исторіи. Но во первыхъ несправедливо то, что такихъ примѣровъ нѣтъ. Такъ, когда кровоточи-

вая хотѣла прикоснуться только къ одеждѣ, то Господь Самъ обратился къ ней съ предложеніемъ помощи, (Мѳ. 9, 22); во вторыхъ, нужно взять то во вниманіе, что Іерусалимъ былъ не то, что различныя мѣстечки Галилеи. Въ этихъ послѣднихъ прибытіе чудотворца не могло оставаться неизвѣстнымъ, и потому каждый самъ легко могъ обратиться за помощію. Не то было въ Іерусалимѣ. Среди многочисленной массы народа, какая обыкновенно бываетъ въ городахъ столичныхъ, особенно среди іерусалимскихъ праздниковъ, очень трудно было узнать Того, къ Кому нужно было обратиться за помощію.

Чудо исцѣленія слѣпаго (гл. 9). Такъ какъ въ повѣствованіи объ этомъ чудѣ нѣтъ ничего, что давало бы особенный поводъ къ отрицанію его, то стараются обыкновенно обратить вниманіе на тотъ вопросъ, который предложили ученики Господу при видѣ слѣпорожденнаго. Но это такой простой, такой натуральный вопросъ, что только тотъ и можетъ видѣть въ немъ указаніе на какую либо идею, кто рѣшился во всемъ находить поводъ къ отрицанію. Извѣстно, что между іудеями было довольно распространено то мнѣніе, что особенныя наказанія назначаются за особенные грѣхи. Этого мнѣнія очевидно держались и ученики Господа,— но выражать его они до сихъ поръ не имѣли повода. Если они и видали слѣпыхъ, то видали такихъ, которые пріобрѣли слѣпоту со временемъ, которые, слѣдовательно, были, по ихъ воззрѣнію, сами виновниками своего бѣдствія. Но вотъ теперь представился ихъ взору человѣкъ, который былъ слѣпъ отъ рожденія, такой человѣкъ, положеніе котораго съ трудомъ подходило подъ ихъ воззрѣніе на человѣческія бѣдствія.

Такъ какъ самъ онъ едва ли могъ быть виновникомъ бѣдствія, то возникалъ вопросъ: ужъ не виновны ли въ этомъ его родители? Итакъ въ самомъ вопросѣ рѣшительно нѣтъ ничего, что могло бы указывать на какую либо идею. Еще менѣе можно найти ее въ отвѣтѣ Господа. Правда, Онъ указываетъ на славу Бога, которая должна проявиться въ исцѣленіи этого слѣпого, но вѣдь слава Божія не въ одномъ только этомъ проявилась чудѣ; она проявлялась и во всѣхъ тѣхъ, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты; слѣдовательно, если видѣть идею здѣсь, то нужно будетъ видѣть ее и во всѣхъ другихъ случаяхъ.

Чудо воскрешенія Лазаря (гл. 11). Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами событій, ни на одномъ не останавливалось такъ долго вниманіе критиковъ отрицательнаго направленія, какъ на этомъ событіи. Бауръ, въ своемъ сочиненіи о каноническихъ Евангеліяхъ, посвятилъ этому событію цѣлый отдѣлъ, гдѣ прямо объявляетъ, что отъ того или другаго взгляда на это событіе зависитъ рѣшеніе вопроса: на сторонѣ ли сvноптиковъ истина, или на сторонѣ Евангелиста Іоанна. Хотя главное основаніе, какое приводится въ опроверженіе достовѣрности факта, здѣсь опять то же, какъ и въ опроверженіи предъидущихъ, но здѣсь оно приводится съ значительными особенностями. Здѣсь не просто говорится, что Евангелисты должны были упомянуть о фактѣ, а представляются основанія для этого: событіе воскрешенія Лазаря взволновало будто бы весь городъ; оно дало новый оборотъ судьбѣ Іисуса, и слѣдовательно, если бы даже это событіе и не входило въ планъ повѣствованій первыхъ Евангелистовъ, то оно должно было войти въ него, какъ поводъ къ рѣшенію судьбы надъ Іи-

сусомъ. Но ни одно изъ этихъ основаній не имѣетъ силы. Прежде всего несправедливо то, что это событіе взволновало весь городъ. Что объ немъ знали многіе, особенно изъ вѣровавшихъ,—это правда, но чтобы весь городъ взволновался—это несправедливо. Число вѣровавшихъ было незначительно, а невѣрующіе іудеи не о томъ старались, чтобы разглашать объ этомъ событіи, а о томъ, чтобы какъ можно лучше скрыть его. Вотъ отъ чего іудеи, бывшіе свидѣтелями чуда, не пошли разглашать народу въ городѣ, что сдѣлалъ Іисусъ, а пошли къ фарисеямъ, чтобы только ихъ предупредить объ опасности. Правда, это событіе имѣло вліяніе на увеличеніе числа вѣрующихъ; правда, оно главнымъ образомъ было причиною, что народъ вышелъ на встрѣчу къ Господу при Его входѣ въ Іерусалимъ; но все-же это не значитъ, чтобы весь городъ взволновался. Но если бы даже и дѣйствительно весь городъ былъ въ волненіи, все же это не значитъ, что Евангелистъ необходимо долженъ былъ упомянуть объ этомъ фактѣ. Развѣ другія чудеса менѣе волновали города и селенія? Развѣ исцѣленіе разслабленнаго и слѣпого меньшее произвело впечатлѣніе,—однако отъ чего же и объ этихъ фактахъ нѣтъ ни слова? Итакъ волненіе въ народѣ, если бы оно даже и дѣйствительно было, не есть еще поводъ къ упоминанію. Повидимому важнѣе другое основаніе, состоящее въ томъ, что чудо воскрешенія дало поводъ къ рѣшенію судьбы Іисуса Христа, и что съ этой одной стороны требовало упоминанія. Но если чудо воскрешенія Лазаря имѣло такое значеніе для Баура, то это не значитъ еще, что оно должно было имѣть такое же значеніе и для Евангелистовъ. Оно дѣйствительно было окончательнымъ поводомъ къ рѣшенію

судьбы Господа, но все таки это былъ поводъ, а не причина. Правда, этотъ фактъ довелъ до послѣдней степени ненависть враговъ Господа, но не онъ одинъ довелъ, а при немъ былъ еще рядъ безчисленныхъ фактовъ, повторявшихся въ жизни Господа, слѣдовательно важенъ-то былъ собственно не онъ, а тотъ мотивъ, который въ немъ дѣйствовалъ; важна была собственно причина, которая довела Господа до Его крестной смерти. Не будь этого факта и его замѣнилъ бы точно также каждый другой. Причина всегда имѣла бы свое дѣйствіе. Такимъ образомъ для первыхъ Евангелистовъ могъ быть не столько важенъ поводъ, сколько важна причина и, если они постоянно говорили о послѣдней, то совершенно имѣли право не говорить о первомъ. Притомъ, если бы они упомянули объ этомъ фактѣ, то имъ нужно бы было говорить и о другихъ іерусалимскихъ фактахъ, отъ времени до времени возбуждавшихъ ненависть въ іудеяхъ; одинъ бы этотъ фактъ, какъ мы сказали уже, былъ бы недостаточенъ. Но такъ какъ упоминаніе о другихъ фактахъ, по высказаннымъ уже нами причинамъ, не входило въ планъ повѣствованій первыхъ Евангелистовъ, то ни мало не удивительно, если не вошелъ и этотъ фактъ. Бауръ недоумѣваетъ еще надъ тѣмъ, какъ это событіе не имѣло вліянія на криминальный процессъ надъ Іисусомъ? Какъ никто не заявилъ объ этомъ замѣчательномъ фактѣ на судѣ у Пилата? Но вѣдь адвокатуры тогда еще не существовало. Да и кто бы былъ такимъ адвокатомъ? Апостолы? Но если припомнимъ, что случилось съ ними въ саду, если вспомнимъ, какъ поступилъ Ап. Петръ, то едвали будемъ разсчитывать на ихъ заступничество въ то время. Самъ Господь? Но къ чему бы послужило

это? Развѣ Онъ не заявлялъ открыто во храмѣ о своихъ дѣлахъ? Развѣ не подтвердилъ Онъ Свое Божественное достоинство на судѣ у первосвященника? Развѣ не зналъ наконецъ самъ Пилатъ о Его чудесныхъ дѣйствіяхъ? Нѣтъ, теперь ничего не оставалось для Него болѣе, какъ принять крестную смерть и тѣмъ искупить грѣшный родъ человѣческій.

Результатъ всего нами сказаннаго слѣдующій: повѣствованіе Евангелиста Іоанна о чудесахъ Господа дѣйствительно имѣетъ значительныя особенности, но эти особенности никакъ не были слѣдствіемъ того, что онѣ нужны были писателю для какихъ либо особенныхъ цѣлей; эти особенности зависѣли отчасти отъ характера дѣятельности Господа въ Іерусалимѣ, отчасти отъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ стоялъ Евангелистъ къ другимъ повѣствованіямъ. Характеръ дѣятельности Господа въ Іерусалимѣ требовалъ, чтобы чудеса болѣе сильно могли дѣйствовать на упорныхъ въ невѣріи жителей этого города; а отношенія Евангелиста къ другимъ повѣствованіямъ были причиною того, что многое вошло въ его повѣствованіе изъ того, чего не имѣютъ тѣ повѣствованія, и многое оставлено изъ того, что онѣ имѣютъ.

Діаконъ А. Кудрявцевъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ БИБЛЕЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ (*).

Женщины, имѣвшія вліяніе на судьбу Моисея. — Дочь Фараона. — Еѳіоплянка. — Сепфора. — Маріамна.

Племя Авраамово возрасло въ Египтѣ въ цѣлый народъ. Какъ самъ Авраамъ нѣкогда уединился отъ своихъ родныхъ, чтобы среди чуждаго народа приготовиться къ своей высокой миссіи, такъ и его потомкамъ суждено было образоваться въ цѣлый народъ подъ чуждымъ господствомъ. И его племя не только не смѣшалось съ своими властителями, но въ чужой странѣ еще больше обособилось, еще рѣзче выказало свою самобытность. Послѣ двѣнадцати сыновей Іакова мы встрѣчаемъ тамъ уже тысячи ихъ потомковъ. Мы не видимъ, чтобы они вступали въ браки съ туземцами. Та осторожность, какую показалъ Авраамъ,—не брать жёнъ между туземцами Ханаана, но скорѣе посылать за ними въ далекую страну къ своимъ роднымъ, вѣроятно строго хранилась и здѣсь. По крайней мѣрѣ, Еврейскій народъ живетъ совершеннымъ особнякомъ въ землѣ Гесемъ. При этой только особности онъ и могъ возбудить опасенія въ Египтянахъ и тѣ преслѣ-

(*) Извлеченіе изъ сочиненія, приготовляемаго къ изданію въ свѣтъ.

дованія, которыя наконецъ вынудили Евреевъ бѣжать изъ Египта.

На берегахъ Нила одна еврейская дѣвица чего-то повидимому ждала. Ея глаза были прикованы къ тростнику рѣки. Среди этой водяной травы плавала корзина изъ папируса.

Группа женщинъ сходила къ Нилу. Эту группу составляла одна госпожа, молодая женщина изъ египтянокъ съ своей свитой.

Купаясь въ рѣкѣ она замѣтила корзину. Тотчасъ же одна изъ ея служанокъ вынула корзину изъ воды и принесла госпожѣ. Молодая женщина открыла эту плавающую колыбель и ея глазамъ представился прекрасный трехъ-мѣсячный мальчикъ. Онъ плакалъ. Уступила ли она тому впечатлѣнію, подъ которымъ каждая молодая женщина, при видѣ малютки, чувствуетъ въ себѣ біеніе сердца матери? Или она была неплодная супруга, въ которой, при видѣ этого слабаго созданія, вдругъ ожили страданія ея неплодія? Ея волненіе означало ли предчувствіе, или просто сожалѣніе?

Смотря на малютку, она сказала:

— „Это изъ Еврейскихъ дѣтей“ (1).

Молодая женщина была дочь царя египетскаго, Рамзеса-Мейямуна, который у Грековъ извѣстенъ подъ именемъ Сезостриса (2). Она знала, что храбрый государь, ея отецъ, опасаясь фамиліи того самаго Іосифа, котораго Египтяне нѣкогда считали и почитали какъ своего спасителя, страхомъ былъ доведенъ до варварства, чуждаго его великой душѣ.

(1) Исх. 11. 6. Пер. Синод.

(2) Сезострисъ царствовалъ отъ 1394—1328 г. до Р. Хр. Исторія его изображаетъ великимъ завоевателемъ и великимъ государемъ. *Geschichte des Alterthums*, von *Max Duncker*. Erster Band. стр. 31—42.

Рамзесъ помнилъ, что это было во время царей-пастырей, когда дѣти Іакова поселились въ землѣ Гесемъ; онъ зналъ, какое племенное сходство, какое однообразіе обычаевъ связывало древнихъ тирановъ Египта съ израильскими гостями этой страны ([1]). Опасаясь, чтобы новое нашествіе азіатскихъ племенъ не нашло себѣ помощи въ возмущеніи многочисленныхъ жителей Гесема, онъ хотѣлъ ослабить, даже уничтожить въ нихъ глубоко-отличительный характеръ семитическаго племени, потушить въ нихъ стремленія къ свободѣ, къ которой ихъ пріучала независимость патріархальнаго управленія. Для достиженія этой цѣли онъ подвергъ ихъ изнурительнымъ работамъ. Свободный трудъ, обнаруживая могущество воли человѣка въ его усиліяхъ, развиваетъ его силы. Трудъ насильный, лишающій его права на свои собственныя способности, отнимаетъ у него чувство собственнаго достоинства.

Евреи, не привыкшіе къ осѣдлой жизни и презиравшіе искуство строить, царствовали въ своихъ шатрахъ и на лугахъ, гдѣ паслись ихъ стада. И вотъ ихъ принуждаютъ подъ строгимъ надзоромъ приставовъ, воздвигать тѣ громадныя постройки, которыя до нашихъ дней продолжаютъ намъ разсказывать исторію притѣснителей Израиля. Руками Евреевъ были воздвиг-

([1]) Египетъ находился подъ властью чужаго племени, извѣстнаго подъ именемъ Гиксовъ отъ 2100 до 1580 г. до Р. Х. Эти Гиксы или цари-пастыри пришли изъ Сиріи и сѣверной Аравіи и были потомки Сима, т. е. пришли оттуда же и были того же племени, что и Евреи; тогда какъ Египтяне были племени Хама. Подозрѣнія и опасенія новой царствующей династіи противъ Евреевъ—племени, родственнаго прежнимъ притѣснителямъ Египта, были довольно естественны. Сезострисъ и войны свои велъ между прочимъ для того, чтобы оградить Египетъ отъ всякихъ вторженій другихъ народовъ. О Гиксахъ или царяхъ-пастыряхъ въ цитованной выше *Исторіи* Дункера, т. 1. стр. 22.

нуты двѣ сильныя крѣпости: Пиѳонъ и Рамзесъ. Подъ двойныя тріумфальныя ворота этого послѣдняго города египетскій поэтъ Пентауръ вводитъ Фараона Рамзеса-Мейямуна, побѣдителя ханаанскаго племени Хеттеевъ, въ ту минуту, когда начинается нашъ разсказъ (1). Пирамиды, каналы и другія громаднѣйшія постройки, которыя были сдѣланы при этомъ Фараонѣ, конечно были дѣланы не безъ участія Евреевъ.

Рамзесъ успѣлъ стѣснить Евреевъ нравственно; но число ихъ необыкновенно и непрерывно умножалось. И вотъ одно греческое пророчество даетъ знать царю, что между Евреями родится человѣкъ, который вдохнетъ имъ народный духъ и они отмстятъ своимъ притѣснителямъ (2).

Рамзесъ приказалъ умерщвлять всѣхъ дѣтей мужескаго пола, которыя отнынѣ будутъ рождаться у Евреевъ.

Поэтому то дочь Рамзеса, смотря съ участіемъ на дитя, найденное въ тростникахъ Нила, сказала: „Это изъ Еврейскихъ дѣтей“. Всѣ предупредительныя заботы матери пробудились въ душѣ царевны. Она хотѣла бы малютку воспитать, но едва ли какая либо египетская кормилица взяла бы его.

Дѣвица, которая до прихода царевны, казалось, наблюдала за плавающей колыбелью, подошла къ дочери царя.

— „Не сходить ли мнѣ и не позвать ли къ тебѣ кор-

---

(1) *Extrait d'un mémoire sur les campagnes de Ramsès II (Sésostris)*, traduction de M. *le vicomte de Rougé*. Поэма: *Pen-ta-our*.

(2) Преданіе это не противорѣчитъ Библіи, но можетъ объяснить ближайшій поводъ распоряженія царя умерщвлять дѣтей Еврейскихъ мужескаго пола. *La femme biblique*, par M. *Bader*. стр. 280.

милицу изъ Евреянокъ, чтобы она вскормила тебѣ сего младенца?“.

— „Сходи“, отвѣчала ей царевна.

Дѣвица удалилась. По ея зову явилась Евреянка.

— „Возми младенца сего и вскорми его мнѣ; я дамъ тебѣ плату,“ говорила этой послѣдней царевна (1).

Еврейская кормилица взяла малютку и онъ началъ сосать молоко, которое ему предложили: онъ питался отъ груди матери.

Никто и не подозрѣвалъ ни того, что молодая посланница царевны была Маріамна, сестра малютки, брошеннаго въ воду, ни того, что кормилица, приведенная ею, была Іокабеда, мать ихъ обоихъ. Это Іокабеда, скрывавшая новорожденнаго малютку въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, довѣрила его, наконецъ, Провидѣнію, пустивъ его на рѣку.

По вскормленіи малютка, который безъ сомнѣнія съ молокомъ матери всосалъ первое понятіе объ истинномъ Богѣ, былъ принесенъ Іоакабедой къ царевнѣ. Она привязалась къ нему какъ къ сыну. Онъ имѣлъ ту прелесть молодаго возраста (2), которая, трогая наше сердце, возбуждаетъ въ насъ самое чистое, самое пріятное и вмѣстѣ самое строгое чувство любви. Мы любимъ дитя, потому что его душа, свѣжая, какъ бы только вышедшая изъ рукъ Творца, еще не думала ни объ одномъ изъ нашихъ несчастій и она еще не знаетъ ни о чемъ, кромѣ любви. Мы любимъ дитя, потому что оно слабо и имѣетъ нужду въ нашей за-

(1) Исх. 11. 7—9. Пер. Синод.

(2) О томъ, что Моисей былъ прекрасный малютка и что это было, между прочимъ, побужденіемъ для матери и его родныхъ спасти его, преданіе сохранили намъ св. Ев. Лука и св. Ап. Павелъ. Дѣян. VII. 20; Посл. къ Евр. XI. 23.

щитъ, чтобы противостоять первому дуновенію, которое можетъ унести его къ его небесному отечеству. Мы любимъ дитя, потому что, воплощенная и живая надежда, оно будетъ однимъ изъ борцовъ за дѣло Божіе, а можетъ быть и побѣдителей въ будущемъ.

Царевна слѣдовала влеченію своего сердца. Своего пріемыша она назвала своимъ сыномъ. Правда, она не дала ему жизни, но она его спасла отъ вѣрной смерти,—а это почти то же значило для нея, что быть его матерью. Въ память дня и обстоятельствъ, при которыхъ была найдена эта отрасль отверженнаго племени, она назвала малютку Моисеемъ—*спасеннымъ отъ воды*.

Съ свободою, свойственною египтянкамъ того времени, для которыхъ были доступны даже почести трона, равно какъ уваженіе и власть въ семействѣ, царевна съ своимъ сыномъ на рукахъ приходитъ къ своему отцу и передаетъ на руки царя этотъ пріятный *подарокъ Нила* (1). Рамзесъ былъ еще не старъ и на верху своей славы послѣ своихъ побѣдъ надъ Ефіоплянами и Хеттеями. Въ Луврскомъ музеѣ есть сфинксъ (2), который изображаетъ этого великаго египетскаго завоевателя. Прекрасная и величественная голова этого сфинкса съ отпечаткомъ ума, откровенности и энергіи, соединенной съ кротостію, говоратъ намъ о совершенно царскомъ величіи и красотѣ египетскаго царя. Именно такимъ мы представляемъ Рамзеса-Мейямуна, когда онъ впервые обращаетъ свой взоръ на малютку-Моусея,

(1) Іосифа. Ant. jud. liv. II. c. V. Вообще отношенія дочери царя къ отцу, о которыхъ сохранились преданія, могутъ объяснить, какимъ образомъ могъ воспитаться въ семьѣ самаго царя мальчикъ, который былъ предназначенъ къ смерти.

(2) Въ залѣ Henri IV.

быть можетъ изъ рукъ дочери беретъ его къ себѣ въ объятія и прижимаетъ его къ своему сердцу.

Однажды во время тѣхъ семейныхъ радостей, которымъ фараоны любили предаваться съ своими дѣтьми, Рамзесъ, какъ свидѣтельствуетъ преданіе, захотѣлъ помѣрить свою діадему на челѣ Моисея. Но послѣдній съ свойственнымъ его возрасту капризомъ бросилъ корону и затопталъ ее ногами.

Жрецъ, который предсказалъ, что между потомками Іакова родится дитя къ славѣ Израиля и къ стыду Египта, былъ тутъ. При такомъ дерзкомъ поступкѣ пріемнаго сына царевны, прилагая свое пророчество къ Моисею, жрецъ началъ настаивать и возбуждать Рамзеса тотчасъ же погубить маленькаго Еврея. Но испуганная царевна, схвативъ свое дитя, бѣжала съ нимъ, такъ что царь даже не обнаружилъ и мысли остановить это инстинктивное движеніе. Уступая нуждамъ своей политики, Рамзесъ могъ продиктовать смертный приговоръ противъ невинныхъ, которые ему были неизвѣстны; но могъ ли онъ дозволить принести въ жертву пріемнаго сына своей дочери, дитя, которое играло на его колѣнахъ, которое онъ самъ осыпалъ своими ласками?

Царевна сама слѣдила и направляла воспитаніе Моисея; она его ввела въ жреческую коллегію Иліополя, гдѣ онъ познакомился съ философскими знаніями, хранителями которыхъ были египетскіе жрецы (1).

Такимъ образомъ Еврейскій законодатель выросъ подъ двойнымъ вліяніемъ:—религіознаго вѣрованія, которымъ онъ былъ обязанъ своей матери Іоакабедѣ, — и философскихъ идей, которымъ онъ былъ обязанъ дочери Рамзеса.

(1) Дѣян. Ап. VII. 22.

Избранникъ Божій дѣлается сильнымъ въ словѣ и дѣлѣ (1). Своей миссіи онъ служитъ и своей душой и своей рукой.

Ефіопляне сдѣлали тогда нашествіе на Египетъ; ихъ полчища доходили до пирамидъ Мемфиса и колоссальнаго сфинкса, высѣченнаго изъ Ливійскихъ горъ. Между тѣмъ таинственный голосъ возвѣщалъ, что только одинъ Еврей можетъ спасти Египетъ. Вниманіе Рамзеса остановилось на пріемномъ сынѣ дочери и царь упросилъ царевну дать ему Моисея въ предводители его арміи. Царевна уступила своего сына своему отечеству. Но боясь за Моисея больше впрочемъ возможности предательства народа, который онъ шелъ защищать, чѣмъ сопротивленія народовъ, съ которыми онъ шелъ бороться, она взяла съ своего отца клятву, что ея сынъ не подвергнется другимъ опасностямъ, кромѣ опасности сраженья. Теперь она гордилась тѣмъ, что, спасая Моисея отъ вѣрной смерти, она сохранила въ немъ послѣднюю надежду своей страны. Обращаясь къ жрецамъ, она сурово припоминала имъ то время, когда они хотѣли погубить какъ врага Египта того самаго человѣка, который былъ предназначенъ отмстить за ихъ отечество.

Таково послѣднее появленіе дочери Рамзеса въ преданіяхъ іудейскихъ. Она является въ какой-то таинственной прелести. Библія не сохранила намъ даже ея имени (2). Принимая во вниманіе то вліяніе, которое

(1) Ibid.

(2) Іосифъ Флавій называетъ ее Термутисъ, каковое названіе напоминаетъ собою имя даваемое дочери Сезостриса Діодоромъ Сицилійскимъ, Атирта. По словамъ Іосифа, Артапана и Филона нареченная мать Моисея не имѣла собственныхъ дѣтей. *Moses, Pharao's daughter* въ Dictionary of the Bible, by Smith.

она имѣла на Рамзеса съ самаго начала его царствованія, мы невольно припоминаемъ Атирту, ту дочь Сезостриса, о которой говоритъ Діодоръ Сицилійскій (1) и которая вдохнула своему отцу мысль сдѣлать изъ Египта царство міра и указала ему даже средства осуществить этотъ планъ, исполненный Фараономъ только въ половину. Героиню Діодора, эту женщину, которая съ силою воображенія соединяла твердость характера, можно вполнѣ отождествить съ библейскою дочерью Фараона (2). Въ послѣдней мы находимъ тотъ же благородный порывъ, то же постоянство въ добрѣ, тотъ же великодушный и гордый характеръ, который греческій историкъ приписываетъ первой. Мы находимъ даже больше: въ нареченной матери Моисея мы находимъ женскую чувствительность, которая такъ хорошо идетъ мужественной смѣлости, которую Діодоръ приписываетъ дочери Сезостриса. Соединяя въ одномъ лицѣ черты этихъ двухъ портретовъ, мы получимъ одинъ изъ самыхъ величественныхъ образовъ, которые когда либо имѣли значеніе въ судьбѣ израильскаго народа. Благородныя и высокія черты ея показываютъ, что та женщина, которая пыталась поработить древній міръ египетскому владычеству, спасая и воспитывая основателя и законодателя народа Іеговы, была орудіемъ въ рукахъ Промысла, уготовлявшаго спасеніе цѣлаго человѣчества. Не

---

(1) Liv. 1. sect. II.

(2) Изслѣдованія древностей Египта еще далеко не доведены до конца и можетъ быть со временемъ онѣ дадутъ новыя данныя для опредѣленія лица нареченной матери Моисея. Между изображеніями, найденными въ постройкахъ Рамзеса, находятъ одну его дочь, которая представляется рядомъ съ отцомъ; но еще не вполнѣ убѣждены, чтобы это была спасительница Моисея. *Egypte*, par M. *Champollion Figeac*; *Histoire d'Egypte*, par le *docteur Brugsch*.

въ этомъ ли должна была осуществиться та мечта о покореніи вселенной, которую лелѣяла дочь Сезостриса?...

Между тѣмъ Моисей, отбивши Ефіоплянъ, перенесъ войну въ ихъ собственную страну. Осаждая городъ Сава, котораго положеніе между тремя рѣками дѣлало его неприступнымъ, онъ скучалъ продолжительностію войны. Однажды, когда во время сраженія онъ напрягалъ всѣ свои усилія, съ высоты стѣнъ его замѣтила Тарбисъ, дочь царя Ефіопскаго.

Воинъ или мученикъ, который жертвуетъ собою дѣлу, имъ защищаемому, совершенно преображается подъ дѣйствіемъ того, что природа представляетъ наиболѣе божественнаго, — подъ дѣйствіемъ самопожертвованія, самоотверженія. Какъ бы отвлекаясь отъ матеріи, которую онъ забываетъ, поглощенный мыслію, которую онъ защищаетъ; онъ повидимому пріобщается существованію чистыхъ духовъ, озаряется лучами безсмертія.

Тарбисъ конечно была воспріимчива къ прелести воинской славы. Ефіопскихъ женщинъ одушевлялъ тотъ воинскій духъ, которымъ отличалось все ихъ племя; онѣ сами участвовали въ битвахъ и были знакомы со всѣми суровостями войны (¹). Тарбисъ полюбила молодаго начальника вражеской арміи и выразила ему свое желаніе соединиться съ нимъ бракомъ. Сдача осажденной крѣпости—вотъ условіе, на которомъ вождь египетской арміи принялъ протягивавшуюся къ нему руку. Ефіопская царевна вышла замужъ за сына Израиля (²). Тор-

(¹) *Nubie*, par M. Cherubini: Спутникъ въ путешествіи въ Египетъ и Нубію Шампольена младшаго. Paris, 1847.

(²) Преданія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя, которыя передаетъ Іосифъ Флавій (Ant. II. X.) объ отношеніяхъ Моисея—малютки къ отцу своей нареченной матери, о ненависти, которую питали къ иностранцу жрецы и наконецъ о его военномъ походѣ противъ Ефіоплянъ, съ которымъ связывается его женитьба на Ефіоплянкѣ, кажется зналъ св. перво-

жествующій Моисей привелъ въ Египетъ войска Рамзеса.

Но въ то самое время, когда Моисей въ палатахъ своей нареченной матери наслаждался своею зачинающейся славой, онъ видѣлъ, что его братья находятся подъ игомъ того самаго царя, котораго онъ защитилъ.

Однажды онъ увидѣлъ, что одинъ египтянинъ билъ израильтянина; въ немъ закипѣла благородная кровь сына Авраамова: чтобы спасти и отмстить жертву, онъ убилъ обидчика. Рамзесъ узналъ объ убійствѣ и хотѣлъ наказать убійцу. Но Моисей по своей волѣ разорвалъ узы своего блестящаго рабства: онъ бѣжалъ въ пустыню. Онъ дошелъ до глубины Аравіи, до той области, гдѣ жили Мадіаниты, потомки четвертаго сына Авраама отъ Хеттуры. Онъ остановился отдохнуть близъ колодезя. И вотъ седмь дочерей одного мадіамскаго патріарха ([1]) пригнали туда стадо своего отца, чтобы напоить его; онѣ уже начали свое дѣло, но прибывшіе другіе пастухи начали ихъ отгонять. Моисей, воспитанный между египтянами, которые окружали женщину должнымъ уваженіемъ, не могшій безъ негодованія видѣть униженіе и страданіе угнетеннаго, всталъ. Онъ отогналъ трусовъ, которые чувствовали себя силь-

---

мученикъ Стефанъ. Онъ говоритъ, что „Моисей былъ наученъ всей мудрости египетской, и былъ силенъ въ словахъ и *дѣлахъ*" (Дѣян. VII. 22), прежде чѣмъ, живя при дворѣ, онъ вспомнилъ о своихъ братьяхъ. Подъ его славными дѣлами онъ, можетъ быть, и разумѣетъ его военные подвиги.—Женитьба на Ееіоплянкѣ имѣетъ основаніе въ самой Библіи (Числ. XII. 1.). Казалось, Моисей долженъ былъ близко узнать жизнь всѣхъ народовъ, чтобы явиться потомъ законодателемъ для одного народа—хранителя всеобщей истины.

([1]) Іоееоръ называется въ переводѣ Библіи священникомъ. Но нельзя думать, чтобы онъ былъ жрецомъ или священникомъ въ собственномъ смыслѣ слова: онъ былъ то, что у Арабовъ называется *шеикъ*, глава еамиліи съ религіозною и политическою властію. см. *Moses*: Dictionnary of the Bible.

ными только предъ слабостію нѣсколькихъ молодыхъ дѣвицъ и самъ напоилъ ихъ стадо. Благодаря такому вмѣшательству иностранца дочери патріарха пришли къ своему отцу ранѣе обыкновеннаго.

—„Что вы такъ скоро сегодня пришли?„ спрашивалъ ихъ отецъ.

—„Какой-то египтянинъ защитилъ насъ отъ пастуховъ и даже начерпалъ намъ воды и напоилъ овецъ нашихъ", отвѣчали онѣ.

—„Гдѣ же онъ? Зачѣмъ вы его оставили? Позовите его ѣсть хлѣба. (1)".

Моисею понравилась жизнь въ домѣ мадіамскаго патріарха Іоѳора. Онъ женился на его дочери Сепфорѣ, одной изъ тѣхъ, которымъ онъ оказалъ покровительство. Дитя Израиля, онъ нашелъ у Мадіанитянъ пастушескую жизнь израильскихъ патріарховъ. Онъ сталъ жить пастухомъ и этимъ восполнилъ свое воспитаніе. Высотою своего ума онъ былъ обязанъ созерцательнымъ наукамъ Иліополя, своею храбростію и смѣлостію—своимъ воинскимъ упражненіямъ; а его привычки при дворѣ дали ему пониманіе людей и вещей. Уединеніе пустыни очистило его расположенія, возвысило его мысль. И когда Іегова повелѣлъ ему освободить своихъ братьевъ и ввести ихъ въ землю, гдѣ покоился прахъ Авраама, Исаака, Іакова, онъ, не смотря на свое самоуничиженіе, на свои недостатки, оказался достойнымъ сдѣлаться посланникомъ Господа, основателемъ народа Іеговы.

Сопутствуемый своей женою и двумя сыновьями, Моисей направился къ Египту (2).

(1) Исх. III. 18—21. Пер. син.

(2) Исх. IV. 20. При этомъ ничего не говорится объ отсылкѣ назадъ

Ааронъ, братъ его, встрѣтилъ его въ пустынѣ. По одному талмудическому преданію, указывая на Сепфору и дѣтей, Ааронъ спросилъ Моисея:

—„А это кто?"

—„Это моя жена, которую я взялъ въ Мадіамѣ, а это мои дѣти", отвѣчалъ Моисей.

—„Куда ты ведешь ихъ?"

—„Въ Египетъ (1)".

Ааронъ замѣтилъ на это, что и безъ того велики ихъ скорби о несчастіи ихъ братьевъ въ Египтѣ, что его дѣти только увеличатъ число этихъ несчастныхъ, а слѣдовательно и скорби двухъ братьевъ.

Моисей понялъ своего брата. Онъ не хотѣлъ подвергать заразѣ языческаго рабства свободное существованіе дѣтей пустыни. Жертвуя своими семейными радостями, спокойствію самаго семейства, Моисей отослалъ свою жену и своихъ дѣтей назадъ въ шатеръ Іофора.

Моисей и Ааронъ пришли вмѣстѣ въ землю Фараоновъ.

Рамзесъ умеръ. Ему наслѣдовалъ сынъ его Менефта (2). Сфинксъ послѣдняго, находящійся въ Луврскомъ музеѣ (3), прекрасно выражаетъ его характеръ. Съ перваго раза думаешь видѣть въ чертахъ его лица добродушную улыбку; но, всматриваясь внимательно, тотчасъ же замѣтишь въ немъ выраженіе двоедушія, кото-

---

съ дороги семейства Моисея. Только изъ XVIII гл. мы узнаемъ, что Іофоръ приводитъ къ Моисею въ пустыню и его жену и его дѣтей, предъ тѣмъ *отпущенныхъ*.

(1) Это преданіе изъ Мехилты приводится Каэномъ въ его переводѣ Библіи.

(2) Царствовалъ отъ 1328—1309 г. до Р. Хр. Вышецитованное сочиненіе Дункера стр. 197.

(3) Въ залѣ Henry IV.

рое такъ рѣзко отличаетъ его отъ величественной красоты и откровенности, которыми дышетъ физіономія Сезостриса. Это именно тотъ Фараонъ, который говорилъ одно, а дѣлалъ другое, нынѣ говорилъ да, а завтра нѣтъ, тотъ ожесточенный эгоистъ и обманщикъ, съ которымъ пришлось бороться освободителю Израиля.

Во имя Іеговы Моисей и Ааронъ просили царя отпустить Евреевъ въ пустыню для принесенія жертвы ихъ Богу. Менефта отказалъ. Но рука Іеговы поразила притѣснителей Его народа: какъ коршунъ, раненый, ослабленный истекающей изъ него кровію, выпускаетъ добычу изъ своихъ когтей, такъ и Египтяне многократно и чудесно пораженные гнѣвомъ Божіимъ, наконецъ отпустили своихъ плѣнниковъ.

Потомки Іакова направились къ Красному морю. Господь ихъ сопровождалъ днемъ столпомъ облачнымъ, ночью столпомъ огненнымъ.

Евреи остановились станомъ при Пигахироѳѣ. Отсюда они могли бросить послѣдній взглядъ на землю, которую оставляли. Они ужаснулись. Шесть сотъ военныхъ колесницъ неслись въ погоню за ними. Менефта понялъ, что путешествіе его рабовъ въ пустыню для жертвоприношенія было только поводомъ къ ихъ бѣгству. Съ своими колесницами онъ самъ бросился за ними въ погоню. Запертые моремъ, по сторонамъ горами, сзади египетской арміей, Евреи предались самому мрачному отчаянію, которое еще больше возбуждалось слезами и воплями ихъ женъ и ихъ дѣтей. Они воспылали гнѣвомъ не противъ своихъ тирановъ, но противъ своего освободителя. Моисей обратился къ Господу. Египтяне все ближе и ближе настигали бѣглецовъ. Наступала ночь. Огненный столпъ освѣщалъ

путь Израильтянамъ, но столпъ облачный скрылъ ихъ отъ Египтянъ. По велѣнію Іеговы Моисей простеръ руку на море и сильный вѣтръ подулъ съ востока; воды раздѣлились, показалось морское дно и Евреи прошли по суху между двумя водяными стѣнами. Колесницы Фараона устремились по этому новому пути. Египтяне были посреди моря. Богъ отнялъ колеса у ихъ колесницъ. Они испугались, хотѣли бѣжать, возвратиться на берегъ. Моисей простеръ руку свою на море. Земля содрогалась отъ ударовъ грома, ночь сдѣлалась черною, молнія по временамъ разсѣкала густыя облака ([1]), и море, занимая свое русло, погребло подъ своими водами смѣшавшихся египтянъ.

Съ наступленіемъ дня Евреи чувствовали себя спасенными. Находясь на другой сторонѣ моря, не видя болѣе враговъ за собою, они вздохнули дыханіемъ свободы. Свои благодарственные клики они выразили въ торжественнѣйшей пѣсни Богу, вылившейся изъ этихъ шести сотъ тысячь грудей какимъ-то стремительнымъ, порывчатымъ потокомъ.

„Пою Господу,
„Ибо Онъ высоко превознесся;
„Коня и всадника его ввергнулъ въ море.
„Господь хвала моя и пѣснь.
„Онъ содѣлался моимъ спасителемъ.
„Онъ Богъ мой, и прославлю Его;
„Богъ отца моего, и превознесу Его.
„Господь мужъ брани, Іегова имя Ему.... ([2])

Вся пѣснь хора мужчинъ дышетъ религіознымъ вос-

([1]) Псал. LXXVI.
([2]) Исх. XV. пер. Синод.

торгомъ человѣка, изъ мучительной тѣсноты вырвавшагося на свѣтъ Божій, въ которомъ ожили всѣ лучшія надежды, всѣ благородные порывы, который чувствуетъ себя уже не боязливымъ рабомъ чужеземцевъ, но сыномъ Божіимъ и владыкою міра.

Мужскому хору отвѣчалъ болѣе кроткій, но не менѣе вдохновенный хоръ женщинъ. Сестра Моисея, Маріамма пророчица, а вслѣдъ за нею всѣ женщины Израиля, ударяя въ тимпаны съ ликованіемъ, напоминали своимъ отцамъ, своимъ мужьямъ, своимъ братьямъ первую строфу благодарственной пѣсни.

„Пойте Господу;
„Ибо Онъ высоко превознесся;
„Коня и всадника его ввергнулъ въ море“ (¹).

Впрочемъ этотъ восторгъ вѣры и патріотизма былъ только дѣломъ скоропреходящаго возбужденія минуты. Продолжительное рабство ослабило въ Израильтянахъ мужественную силу, которая одна преодолѣваетъ всѣ невзгоды, обычныя на первыхъ шагахъ къ независимости. Въ препятствіяхъ, которыя воздвигала противъ нихъ безплодная природа пустыни, они тратили весь остатокъ своей энергіи, и не для того, чтобы преобѣждать трудности пути, но чтобы возмущаться противъ Моисея, своего великаго вождя. Бывали минуты, когда этотъ послѣдній, казалось, отчаявался самъ въ себѣ. Богъ поставилъ его опорой, питателемъ, законодателемъ Евреевъ. Моисей далъ имъ независимость, отдалъ имъ самаго себя; и эти люди, съ *отолстѣвшей шеей* (²) рабовъ,

(¹) Исх. XV. 21. Пер. Синод.
(²) Господь называетъ Израильтянъ народомъ *жестоковыйнымъ*, указывая этимъ именно на рабское его паденіе. Исх. XXXII. 9.

плакали, вспоминая хлѣбъ притѣснителя. Даже при подошвѣ Синая они дерзнули преклониться предъ Аписомъ, для слитія котораго послужили женскія драгоцѣнности.

Но Моисея ждали и другія скорби. Если народъ сомнѣвался въ его миссіи, то его родные, которые его понимали, ему завидовали.

Маріамна также чувствовала себя одушевленною божественнымъ Духомъ. Она была пророчица. Пророкъ Михей считаетъ ее вмѣстѣ съ Моисеемъ и Аарономъ освободительницей Израиля ([1]). Старшая Аарона и Моисея, Маріамна захотѣла быть равною спасителю Израиля.

Дѣло было въ Асироѳѣ. Моисей былъ женатъ на Еѳіоплянкѣ. Этимъ бракомъ была недовольна Маріамна вмѣстѣ съ братомъ своимъ Аарономъ; даже больше, она упрекала за него Моисея ([2]). Въ разговорѣ съ братомъ она выразила такую мысль свою:

— „Неужели только чрезъ Моисея говоритъ Господь? Неужели Онъ не говоритъ и чрезъ насъ?“ ([3])

Эти рѣчи гордости дошли до неба. Господь призвалъ въ скинію всѣхъ троихъ. Онъ явился при входѣ и позвалъ къ себѣ Аарона и Маріамну. Онъ далъ имъ понять все различіе между вдохновеніями, которыя Онъ сообщаетъ имъ, и откровеніями, которыя Онъ довѣ-

---

([1]) Мих. VI. 4.

([2]) Эта Еѳіоплянка могла быть именно та Тарбисъ, съ которою онъ вступилъ въ бракъ въ походѣ противъ Еѳіоплянъ. Она могла быть съ нимъ въ разлукѣ, какъ и дочь Іоѳора, и притти къ нему въ пустыню. Это соединеніе съ прежнею женою и могло дать поводъ къ неудовольствію Маріамны. Новая женитьба Моисея въ пустынѣ на иностранкѣ была бы болѣе необъяснима и тогда неудовольствіе Маріамны было бы болѣе невинительно.

([3]) Числ. XII. 2. Пер. Син.

ряетъ Монсею. Пусть такъ, высшая Истина открывается Маріамнѣ и Аарону во снѣ; но не въ смутныхъ представленіяхъ сна она является Моисею: ему она является во всей дѣйствительности. Маріамна побѣлѣла. Ааронъ обратился къ ней: она была въ проказѣ.

Въ словахъ полныхъ грусти и раскаянія обратился Ааронъ къ великодушію Моисея. Забывая оскорбленіе Маріамны и думая только о ея страданіяхъ, Моисей считалъ ее уже достаточно наказанною. Мольба, съ которой онъ обращается къ небу о спасеніи своей сестры, сама по себѣ уже говоритъ о его любви къ той сестрѣ, которая бодрствовала надъ его колыбелью и раздѣляла съ нимъ опасности освобожденія.

— „Боже, исцѣли ее!“ (¹)

Маріамна на семь дней была удалена изъ стана. Народъ оставался въ Асироѳѣ для того только, чтобы снова принять въ свою среду свою пророчицу.

Евреи достигли Кадеса близь Мертваго моря. Это повидимому былъ конецъ ихъ странствованія. Предъ ними было ихъ отечество, прекрасное, плодоносное, правда обитаемое только людьми страшными (²). Но страшны ли опасности народу Іеговы? Въ глазахъ тѣхъ, которые были увѣрены въ защитѣ Бога, это отечество, которое имъ нужно было завоевать, должно бы быть вдвойнѣ привлекательнымъ и своими красотами и своими опасностями. Израильтяне должны были идти впередъ и съ торжествомъ привѣтствовать эту землю, гдѣ они должны были бороться, побѣдить и пріобрѣсть права граж-

(¹) Ibid. 13.

(²) Такъ описывали Ханаанъ двѣнадцать пословъ, которые возвращались къ Евреямъ въ Кадесъ, и изъ которыхъ двое, Іисусъ и Халевъ показали вѣру, а другіе десять невѣріе въ завоеваніе страны. Числ. XIII и XIV.

данства. Но нѣтъ; они пугались. Они испугались за своихъ женъ, за своихъ дѣтей, которыхъ они не надѣялись съумѣть защитить: и они удалились растерянные съ порога страны, которую имъ указывалъ перстъ Божій; они хотѣли опять въ Египетъ, въ цѣпи рабства (1). Это поколѣніе, отупѣвшее и развращенное въ рабствѣ, не было способно выполнить намѣреній Господа. Онъ объявилъ, что за исключеніемъ Іисуса и Халева, всѣ, вышедшіе изъ Египта старше двадцати лѣтъ, помрутъ въ пустынѣ, въ которой Моисей, въ продолженіе сорока лѣтъ странствованія, долженъ былъ воспитать въ страхѣ Божіемъ и любви къ отечеству новое поколѣніе которое съумѣло бы дать дѣлу Іеговы людей вполнѣ достойныхъ и способныхъ (2).

Почти до конца странствованія Евреевъ въ пустынѣ Маріамна сопутствовала Моисею; безъ сомнѣнія, во главѣ всѣхъ матерей, она учавствовала въ приготовленіи и воспитаніи новаго поколѣнія. Этимъ, конечно, она искупила оказанную ею слабость противъ своего великаго брата и слѣд. защищаемаго имъ дѣла. По іудейскому преданію (3) она была женою Урія и бабушкой художника Веселіила, который былъ исполненъ „Духомъ Божіимъ, мудростію, разумѣніемъ, вѣденіемъ для всякаго дѣла, искуствомъ изобрѣтать, работать изъ золота, серебра и мѣди, рѣзать камни для вставливанья и рѣзать дерево для всякаго дѣла“ (4). Не можетъ быть, чтобы воспитаніе этого великаго строителя скиніи прошло безъ вліянія его великой бабушки.

(1) Числ. XIV. 3—5.

(2) Ibid. 11—35.

(3) Іосиф. Флав. Ant. III. 2. § 4. въ *Dictionary of the Bible Miriam.*

(4) Исх. XXXI. 2—6.

Но Маріамна не вступила въ землю Ханаанскую. Своимъ ропотомъ противъ Моисея она показала слабость, общую всему старому поколѣнію, вышедшему изъ Египта: она и подверглась общей участи. Она умерла, когда новое поколѣніе Евреевъ готово было вступить въ Обѣтованную землю и находилось въ Кадесѣ (1). Умереть въ ту минуту, когда дѣло, поддерживаемое ею всю жизнь, должно было наконецъ восторжествовать,—это было самое чувствительное наказаніе для этой восторженной и гордой натуры, которая сознавала свою миссію и даже превозносилась ею.

Впрочемъ Маріамна своею смертію упредила Аарона только четырьмя мѣсяцами, а Моисея одинадцатью, которые подверглись той же участи.

Во времена блаж. Іеронима еще помнили могилу Маріамны: ее указывали близъ Петры на восточной сторонѣ отъ „Мертваго Моря" (2).

Поступокъ Моисея съ Амморeянками и Мадіанитянками.

Моисей надѣялся на молодое поколѣніе. Но и на немъ обнаружилось рабское вліяніе Египта: оно стало также возмущаться противъ своего вождя. Горько было Моисею испытать подобныя огорченія отъ своихъ воспитанниковъ: онъ усумнился во всемъ, даже въ Провидѣніи. Моисей не замедлилъ раскаяться, но за свое сомнѣніе онъ былъ наказанъ тѣмъ, что не вступилъ въ землю Ханаанскую (3).

Своими послѣдними поступками Моисей, въ великомъ негодованіи, показалъ Израилю, въ чемъ его опасность

(1) Числ. XX. 1.
(2) *Miriam*: въ Dict. of tle Bible.
(3) Числ. XX. 10. и 9.

и въ чемъ его сила: допускать въ семейство растлѣнное вліяніе иныхъ народовъ—въ этомъ для него опасность, блюсти чистоту семейной жизни—въ этомъ его сила. Только этимъ можетъ объясняться его грозный поступокъ съ беззащитными семействами Аммореевъ и Мадіанитянъ.

Моисей не хотѣлъ овладѣвать страною, расположенною на восточномъ берегу Іордана. Но Амморей вздумали заградить ходъ Израилю. За это Еврейскій народъ, подъ предводительствомъ Моисея, истребилъ всѣхъ ихъ, со всѣми женами и дѣтьми (1).

Сосѣдніе народы, Моавиты и Мадіаниты испугались нашествія Израильтянъ на свою землю; но, не смѣя нападать на нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, они хотѣли призвать на нихъ проклятіе неба. Впрочемъ напрасно они призвали для этого Валаама: онъ могъ только благословить народъ, противъ котораго призванъ былъ произнести анаѳему. Непонятная Валааму, особенная нравственная сила въ Евреяхъ не укрылась однакожъ и отъ самаго Валаама. Да, Евреи новаго поколѣнія, не смотря на свои великіе недостатки, имѣли эту силу, сообщаемую вѣрою въ божественныя обѣтованія. Чтобы погубить ихъ, нужно было отнять у нихъ и эту вѣру въ Іегову, которая дѣлала ихъ непобѣдимыми. По совѣтамъ Валаама, Моавиты и Мадіаниты задумали привлечь Евреевъ къ своему нечистому божеству — Ваалу при посредствѣ своихъ женщинъ. Въ этомъ они скоро успѣли.

Зараза поразила Евреевъ. Народъ раскаялся: окружая Моисея при дверяхъ Скиніи, онъ оплакивалъ свое

---

(1) Числ. XXI.

развращеніе. Но были еще люди, которые даже въ эту минуту народнаго раскаянія осмѣливались предаваться всѣмъ своимъ развратнымъ инстинктамъ. Въ виду плакавшаго народа, нѣкто Зимрій, изъ колѣна Симеонова, провелъ въ свою палатку Лазву, дочь начальника мадіанитскаго. Недоставало только этого. Народъ вознегодовалъ. Внукъ Аарона, Финеесъ, тотчасъ же умертвилъ обоихъ виновныхъ. Мадіаниты вздумали отмстить за свою сестру. Моисей предвидѣлъ ихъ намѣренія и двѣнадцать тысячь Израильтянъ аттаковали ихъ, подъ предводительствомъ Финееса. Они истребили все мужское поколѣніе мадіанитянъ, а ихъ женъ и сиротъ привели съ собою. Видя пощаженныхъ женщинъ, которыя были причиною развращенія и наказанія Израильтянъ, Моисей, жестоко укоряя побѣдителей, приказалъ умертвить и этихъ беззащитныхъ. Оставлена была жизнь только дѣвамъ ([1]).

Для того, чтобы Моисей принесъ въ жертву суровымъ требованіямъ своей религіозной и народной миссіи эти слабыя существа, для которыхъ самая слабость должна бы служить защитою,—амморейскихъ и мадіанитскихъ женъ и дѣтей,—для этого нужно было, чтобы Моисей, нѣкогда покровитель угнетенныхъ, защитникъ дочерей Іофора, испыталъ всю измѣнчивость характера Израиля, всѣ его возмущенія противъ Іеговы, такъ чудно ведшаго его сквозв пустыню, чтобъ онъ слишкомъ опасался возвращенія подобныхъ тяжкихъ паденій избраннаго народа Божія!

Свящ. Кустодіевъ.

([1]) Числ. XXIV. XXV. XXXI.

ВОПРОСЪ

О СОЕДИНЕНІИ ЦЕРКВЕЙ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ (ВЪ ПЕРВЫЙ ЕГО ПЕРІОДЪ) НА ГРЕЧЕСКОМЪ ВОСТОКѢ И ЛАТИНСКОМЪ ЗАПАДѢ (1053—1453).

(*Продолженіе*).

Съ Григоріемъ X начинается новый и самый важный періодъ Ліонской уніи. Дѣло идетъ быстро, безостановочно. Съ 1272 г. опять начались прерванныя въ 1267 году открытыя, непосредственныя сношенія съ Римомъ и начались съ того, на чемъ остановились, именно съ исповѣданія вѣры, посланнаго въ Константинополь Климентомъ IV. Первый началъ сношенія самъ новоизбранный папа Григорій X, сильно заинтересованный дѣлами Востока, плачевнымъ положеніемъ Палестины, бывшій тамъ въ то время, какъ заочно избрали его на папскій престолъ въ Римѣ, смотрѣвшій на Константинополь, какъ на оплотъ для Христіанскихъ владѣній въ Палестинѣ и потому, въ видахъ внѣшняго соединенія всѣхъ, и восточныхъ и западныхъ христіанъ противъ мусульманъ, предположившій себѣ во что бы то ни стало возстановить внутреннее, религіозное единеніе между право-

славнымъ востокомъ и латинскимъ западомъ. Еще съ дороги въ Римъ писалъ онъ Михаилу Палеологу о своемъ пламенномъ желаніи церковной уніи, убѣждалъ императора, если послѣдній расположенъ къ уніи, пользоваться обстоятельствами, доказывалъ, что теперь самый удобный случай осуществить мысль о соединеніи церквей. По прибытіи же въ Римъ, чрезъ четыре дня послѣ своего посвященія, Григорій уже объявлялъ буллою объ имѣющемъ быть въ 1274 г. 1-го мая на вселенскомъ соборѣ въ Ліонѣ разсужденіи по тремъ вопросамъ: по вопросу о схизмѣ грековъ, какъ онъ выражался, о жалкомъ состояніи св. Земли и объ умноженіи пороковъ и заблужденій въ церкви. Тогда же папа хотѣлъ было послать нунціевъ и письмо къ Михаилу Палеологу, звать православныхъ на соборъ и только кардиналы убѣдили его подождать до полученія императорскаго отвѣта на его письмо ([1]). Наконецъ посольство отъ М. Палеолога пришло и притомъ съ извѣстіемъ, что папу, возвращавшагося съ востока, ждали въ Константинополѣ и надѣялись, что присутствіе его будетъ очень важно въ отношеніи къ дѣлу уніи. Тогда Григорій рѣшился прямо предложить грекамъ унію и звать ихъ на Ліонскій соборъ. Въ письмѣ своемъ къ императору Григорій напоминалъ М. Палеологу о посланномъ въ Константинополь папою Климентомъ IV образцѣ вѣры, требовалъ, чтобы единеніе устроивалось именно на основаніи этого образца, чтобы это условіе выполнено было прежде всѣхъ другихъ, настаивалъ, чтобы императоръ, если хочетъ продолжать переговоры и отправлять въ Римъ своихъ уполномоченныхъ, пред-

([1]) Rayn. ad an. 1272 n. 21—25.

варительно представилъ отъ своего лица, отъ лица патріарка и знатнѣйшихъ епископовъ письменное съ рукоприкладствомъ удостовѣреніе, что онъ и епископы согласны признать Климентово исповѣданіе вѣры; отвергалъ необходимость предварительнаго собранія вселенскаго собора для изслѣдованія латинскихъ догматовъ и, если звалъ императора и епископовъ на Ліонскій соборъ, то спѣшилъ замѣтить, что приглашаетъ ихъ не для догматическихъ разсужденій, а единственно для удостовѣренія въ ихъ подчиненіи римской церкви; въ награду за все это Григорій обнадеживалъ императора, что на предложенныхъ условіяхъ онъ хочетъ покончить войну Михаила съ королемъ сицилійскимъ. Въ томъ же тонѣ писалъ папа и къ патріарху Іосифу (1). Въ то же время Григорій принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы предложенныя имъ императору условія были приняты послѣднимъ: не позволялъ венеціанцамъ возобновлять перемиріе съ Михаиломъ (2), написалъ ко всѣмъ европейскимъ королямъ и принцамъ, чтобы они имѣли въ готовности войска. Такимъ образомъ папа поставилъ императора въ совершенную невозможность дѣйствовать уклончиво.—Теперь Михаилу Палеологу оставалось или готовиться къ борьбѣ съ папою и съ возбужденнымъ имъ крестовымъ ополченіемъ, или открыто признать религіозную отъ него зависимость. Императоръ рѣшился на послѣднее (3) и притомъ твердо вознамѣ-

(1) Rayn. Annal. 1272, n. 25 et caet.—30. Проситъ между прочимъ патріарха прибыть съ подчиненнымъ ему духовенствомъ на вселенскій соборъ, имѣющій быть лѣтомъ 1274 года.

(2) Rayn. 1272 n. 31.

(3) Впрочемъ только въ слѣдующемъ 1273 году отвѣчалъ онъ на письмо Григорія X, отвѣчалъ полнымъ согласіемъ на всѣ предложенія папы. Rayn. 1273 n. 44 et sq.

рился идти по избранному пути, ни мало отъ него не уклоняясь, не смущаясь никакими трудностями, каковы бы они ни были. И онъ действительно остался вѣренъ себѣ до конца. Онъ встрѣтился на пути къ своей цѣли съ неодолимыми преградами и не смущаясь вступилъ съ ними въ борьбу. Онъ испыталъ всѣ возможныя средства утвердить между греками унію; но ни его желѣзная воля, ни его замѣчательный умъ, не могли сдѣлать невозможнаго, то есть, не могли видоизмѣнить, преобразовать въ теченіи вѣковъ слагавшіяся убѣжденія, понятія, симпатіи, насильственно дать жизни иное теченіе, нежели по какому она шла доселѣ. Онъ былъ побѣжденъ, и въ могилу съ собою унесъ горькое сознаніе своего пораженія.—Итакъ, выслушавъ посольство отъ папы, императоръ рѣшился дѣйствовать въ пользу уніи и прежде всего дѣйствовать убѣжденіями. Когда не подѣйствовали на епископовъ убѣжденія папскаго легата Іоанна Парастрона, по происхожденію грека, какъ видно человѣка очень ловкаго, оказывавшаго необыкновенное благоговѣніе къ православному Богослуженію, предлагавшаго латинянамъ даже оставить прибавленіе къ символу, которое соблазняетъ братьевъ, очень много хлопотавшаго по дѣлу соединія церквей; но получившаго на всѣ свои старанія отвѣтъ, что его хлопоты о возстановленіи церковнаго мира конечно похвальны и полезны, но что причина соблазна не въ Греціи, а въ Италіи, что поэтому онъ долженъ напередъ „изгнать изъ послѣдней грѣхъ нововведенія въ символѣ“,—послѣ всего этого императоръ рѣшился попробовать самъ лично убѣдить епископовъ къ миру. Онъ старался представить епископамъ возсоединеніе съ римскою церковію дѣломъ ничтожнымъ, имѣющимъ существовать только

номинально. Условія возсоединенія рекомендовалъ имъ, какъ самыя легкія: вотъ эти условія: православная церковь должна признать первенство папы, обращаться къ нему съ апелляціями и наконецъ поминать его въ молитвахъ при богослуженіи. Эти условія, по его словамъ, или сами въ себѣ чистая форма, или по своей неудобоисполнимости должны непремѣнно обратиться въ формальность. Съ цѣлію убѣдить епископовъ во всемъ этомъ, М. Палеологъ призвалъ ихъ разъ къ себѣ. Когда съѣхались къ нему патріархъ, епископы и нѣкоторые изъ клира, онъ съ жаромъ началъ излагать доводы въ пользу уніи, съ одной стороны „изображая ужасы войны, представляя тогдашнія обстоятельства до крайности опасными", съ другой — выставляя имъ на видъ ничтожность требованій папы, незначительность той цѣны, которою покупается избавленіе отъ серьезныхъ опасностей. Онъ доказывалъ, что возглашеніе папскаго имени при богослуженіи вовсе не составляетъ чего либо важнаго, что это знакъ только церковнаго общенія и ничуть не противно каноническимъ постановленіямъ. Далѣе, онъ старался убѣдить епископовъ, что они совершенно неосновательно избѣгаютъ называть папу братомъ и первымъ братомъ; когда даже Евангельскій Лазарь не усумнился назвать отцемъ Авраама, отъ котораго отдѣленъ былъ глубокою бездною. Право апелляціи къ папѣ называлъ дѣломъ совершенно непримѣнимымъ на практикѣ по причинѣ большаго разстоянія между Константинополемъ и Римомъ. Наконецъ доказывалъ, что въ важнѣйшихъ членахъ вѣры православные совершенно согласны съ латинянами, что вся разность между ними заключается *въ названіяхъ, въ языкѣ*, что изъ за одной прибавки къ символу

нельзя же латинянъ называть нечестивыми и гнушаться ими, что такъ смотрѣли на нихъ и во времена Іоанна Дуки Ватакиса и требовали отъ латинянъ только отреченія отъ прибавки къ символу [1]. Противъ такого поверхностнаго взгляда на разности, отдѣляющія православныхъ отъ латинянъ и на папскія притязанія Хартофилаксъ, знаменитый Іоаннъ Веккъ, преодолѣвъ свою нерѣшительность и опасеніе раздражить императора, принужденъ былъ, по приказанію патріарха, высказать отъ лица всего собора православный, народный, раздѣляемый всею іерархіею взглядъ на латинянъ и назвать ихъ прямо еретиками. Онъ сказалъ, что хотя латиняне и не называются еретиками, но на самомъ дѣлѣ еретики [2]. Но эта неудача, раздраживъ императора, ни сколько не отклонила его отъ предположенной цѣли. Около него уже въ это время начала образоваться небольшая партія приверженцевъ уніи; къ нему примкнули: архидіаконы Мелитиніонъ и Метохитъ и протоапостолларій Георгій Кипрскій. Съ ними то вмѣстѣ началъ дѣйствовать теперь императоръ. Не смотря на ходатайство патріарха, заключивъ Векка въ темницу, императоръ, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, отъ устныхъ убѣжденій обратился къ литературнымъ: съ помощію архидіакона и протоапостолларія составивъ ученый трактатъ, исторически доказывавшій православіе латинянъ, императоръ потребовалъ отвѣта на него отъ патріарха и епископовъ,

---

(1) Хотя, какъ мы видѣли, требовалъ этого одинъ только Ватакисъ, уступая латинянамъ употребленіе опрѣсноковъ и предлагая т. обр. и той и другой сторонѣ по уступкѣ. Епископы, какъ мы знаемъ, совершенно отвергли сдѣлку съ латинянами, какую предлагалъ Ватакисъ.

(2) Виз. ист. Пахим. стр. 339—346.

думая, что теперь безъ Векка епископы окажутся совершенно несостоятельными. Но онъ обманулся въ своемъ ожиданіи: „Все, что было лучшаго между монахами и учеными“, сгруппировалось теперь вокругъ патріарха и собора епископовъ; созваны были всѣ, кто стоялъ на сторонѣ православныхъ, „отборные люди изъ всей Церкви“, въ томъ числѣ и родная сестра императора Евлогія. Теперь представители православія поняли угрожающую имъ опасность. Въ короткое время общими силами составленъ былъ отвѣтъ царю, обнаружившій, что, и лишившись ученаго Векка, православные смогли справиться съ хитрыми доводами императора и его сторонниковъ. Но послѣдніе и послѣ этого случая не оставили своего намѣренія; они составили новый смѣлый планъ; они рѣшились увлечь на свою сторону главу и опору православныхъ, самого Векка, томившагося въ темницѣ. Императоръ началъ дѣйствовать на него и страхомъ и убѣжденіемъ; бросивъ вмѣстѣ съ Веккомъ въ тюрьму всѣхъ его родственниковъ, императоръ вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ давать Векку сочиненія защитниковъ единенія съ латинянами, особенно Блеммида (1), доставлялъ ему возможность изслѣдывать подлинность приводимыхъ въ пользу латинянъ свидѣтельствъ и наконецъ такимъ путемъ поколебалъ этого защитника православія, не чуждаго политическихъ расчетовъ, во многомъ сходнаго съ ловкимъ придворнымъ, хотя довольно честнаго, человѣка съ харак-

(1) Два сочиненія, имѣющія одно заглавіе: „de processione Spiritus sancti:“ Allatii Graec. Orth. t. 1. Блеммидъ доказывалъ въ этихъ сочиненіяхъ, что если греческіе отцы, говоря объ исхожденіи Св. Духа, прямо не употребляютъ формулу: *изъ Сына*, то обыкновенная формула ихъ *чрезъ Сына* всегда употреблялась ими въ смыслѣ одинозначущемъ съ формулой изъ Сына.

теромъ гибкимъ, уклончивымъ, способнымъ, стало быть, на сдѣлки, наконецъ, что всего важнѣе, человѣка, не имѣвшаго подъ своими ногами твердой почвы, неспособнаго, какъ народъ, инстинктивно чувствовать всю невозможность единенія съ латинянами и не возвысившагося въ то же время до философско-историческаго пониманія разностей между Востокомъ и Западомъ въ религіозномъ отношеніи, а стоявшаго на зыбкой и удободвижимой почвѣ діалектики и софистики хотя и знаменитаго по тому времени ученаго (1). Но если важна была побѣда приверженцевъ уніи, если дѣла ихъ пошли теперь счастливѣе прежняго, то не дремала и противная партія. Она сдѣлала весьма важный рѣшительный шагъ. Патріархъ, по предложенію монаха, Іова Іасита, рѣшился написать окружное посланіе и разослать его во всѣ мѣста константинопольскаго патріархата съ клятвою, что патріархъ никогда не согласится на дѣло, задуманное императоромъ и Веккомъ. Это сдѣлано съ цѣлію, чтобы народъ не вѣрилъ, будто патріархъ ослабѣваетъ. Прежде, чѣмъ отправлено было это посланіе, оно торжественно было прочитано въ собраніи архіереевъ и клира; предложенъ былъ имъ вопросъ, устоятъ ли они въ томъ, что изложено въ посланіи; полученъ общій утвердительный отвѣтъ и въ заключеніе отобраны отъ епископовъ собственноручныя подписи; только не многіе епископы не подписались подъ это посланіе. Такимъ образомъ іерархія сдѣлала рѣшительный шагъ; она связала сама себя клятвою; теперь даже слабому патріарху Іосифу нельзя уже было воротиться назадъ (2).

(1) Подтвердить фактами нашу характеристику Векка мы постараемся ниже, въ заключеніе своего обозрѣнія Ліонской уніи.

(2) Пахим. стр. 351.—

Не смотря однакожъ на такой публичный протестъ представителей церкви противъ замышлявшейся уніи и на малочисленность своихъ приверженцевъ, императоръ, ободренный своею побѣдою надъ Веккомъ, понуждаемый успѣхами Карлова оружія (едва сдерживаемаго папою), равно какъ приближеніемъ времени, назначеннаго для собора въ Ліонѣ, рѣшился отправить на западъ своихъ уполномоченныхъ (¹). Твердо увѣренный, что дѣлаетъ рѣшительный шагъ, императоръ однакожъ показывалъ видъ будто единеніе съ латинянами дѣло еще сомнительное. Онъ представлялъ патріарху, что этотъ послѣдній, связавшій себя клятвою, оставитъ патріархію, если единеніе состоится съ латинянами, въ противномъ же случаѣ удержитъ за собою патріаршую каѳедру, а пока, въ ожиданіи чѣмъ кончится дѣло, будетъ проживать въ Перивлептской обители, будетъ пользоваться приличнымъ его достоинству содержаніемъ, даже имя его по обыкновенію будетъ провозглашаемо въ молитвахъ. Предложеніе императора было принято Іосифомъ. Такимъ образомъ М. Палеологъ сразу достигалъ двухъ цѣлей, и успокоивалъ нѣсколько епископовъ, и лишалъ ихъ средоточія, вокругъ котораго они группировались. Удаливъ патріарха и надѣясь легко справится съ епископами, императоръ приступилъ къ составленію посольства. Со стороны іерархіи онъ назначилъ Германа, бывшаго прежде цареградскимъ патріархомъ, Ѳеофана, митрополита никейскаго и съ ними нѣсколько клири-

(¹) Письмо Палеолога къ папѣ заключается увѣдомленіемъ о скоромъ отбытіи его пословъ на предполагаемый вселенскій соборъ. Rayn. 1273 n. 44 sq. На это письмо папа отвѣчалъ Михаилу изъявленіемъ глубокой радости, но не скрывалъ и чувства недовѣрія къ искренности миролюбивыхъ стремленій Палеолога. Rayn. 1273 n. 50.

ковъ, съ своей же стороны—великаго логоѳета Георгія Акрополита, Протовестіарія Панарета и главнаго переводчика Верріота. Граматы, которыми императоръ снабдилъ своихъ пословъ, содержали слѣдующее: въ императорской папа титуловался первымъ (Государемъ) Первосвященникомъ, вселенскимъ Папою и отцемъ всѣхъ христіанъ; за тѣмъ въ письмѣ сполна отъ слова до слова повторено было исповѣданіе вѣры Климента IV; но при этомъ императоръ просилъ папу, чтобы послѣдній дозволилъ греческой церкви сохранить символъ безъ прибавленія и удержать всѣ обряды, бывшіе до раздѣленія, не противные древнимъ церковнымъ и отеческимъ постановленіямъ (1). Въ граматѣ, написанной отъ лица 26-ти митрополитовъ, подчиненныхъ имъ епископовъ и константинопольскаго клира (2), въ граматѣ (3), составленной очевидно кѣмъ нибудь изъ императорской партіи совершенно безъ вѣдома епископовъ, говорилось, въ весьма впрочемъ слабыхъ выраженіяхъ, о покорности іерархіи папѣ и упорствѣ патріарха, удалившагося по этому поводу въ монастырь, наконецъ о томъ, что епископы изберутъ новаго патріарха, если Іосифъ останется при своемъ прежнемъ мнѣніи. Не смотря на большую подозрительность епископской граматы, императоръ успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, благодаря удачному выбору своихъ пословъ, благодаря преданности его видамъ и уступчивости бывшаго патріарха Германа и митрополита ни-

(1) Sacros. Cons. Grossart. t. XI p. 961.

(2) Подписи имѣли слѣдующій видъ: Митрополитъ Ефесскій съ моимъ соборомъ, митрополитъ Аѳинскій съ моимъ соборомъ и т. д. безъ означенія именъ митрополитовъ и подчиненныхъ имъ епископовъ. Пахим. кн. 6 гл. 17.

(3) Sacr. Cons. Grossart p. 968.

кейскаго. На четвертомъ торжественномъ засѣданіи Ліонскаго собора (¹), 6 іюля 1274 г., послѣ торжественной папской рѣчи, въ которой Григорій объявилъ, что *греки, свободно и безъ всякихъ временныхъ расчетовъ*, покорились апостольской каѳедрѣ, а теперь явились засвидѣтельствовать ему покорность въ его присутствіи, по прочтеніи грамать императорской и епископской, произнесена была отъ лица императора великимъ логоѳетомъ Георгіемъ присяга папѣ; въ ней логоѳетъ за императора отрекался отъ мнимой схизмы и признавалъ верховное главенство папы. Папа умилялся: во время слѣдовавшаго за присягою пѣнія „Тебе Бога хвалимъ" стоялъ безъ митры и проливалъ слезы. Послѣ „Тебе Бога хвалимъ" и послѣ папской торжественной рѣчи папою и латинянами пропѣтъ былъ символъ на латинскомъ языкѣ, а патріархомъ Германомъ на греческомъ, съ прибавленіемъ „и отъ Сына" и съ двукратнымъ повтореніемъ этого прибавленія (²). Такъ кончилось четвертое засѣданіе ліонскаго собора и, по видимому, такъ легко безъ всякихъ споровъ и разсужденій, совершилось возсоединеніе церквей. Папа торжествовалъ; въ письмахъ къ императору, сыну его Андронику и еписко-

(¹) Ліонскій соборъ, состоявшій изъ 6 засѣданій, открытъ былъ еще до прибытія грековъ. Первое его засѣданіе было 7 мая, второе 18 мая, третіе 7 іюня. Только къ четвертому засѣданію прибыли греки, отправившіеся изъ Константинополя въ началѣ марта того же года и пріѣхавшіе въ Ліонъ 24 іюня. Еще до соборнаго засѣданія греки выражали свою готовность подчиниться безусловно папѣ. Такъ 29 іюня, въ день Петра и Павла, во время совершенія литургіи папою, Патріархъ Германъ съ греческимъ архіеп. Калабріи и двумя папскими духовниками, знающими по гречески, пѣлъ на греческомъ языкѣ символъ и при этомъ три раза повторилъ членъ вѣры о Св. Духѣ съ прибавленіемъ „и отъ Сына". Тогда же патріархъ вмѣстѣ съ другими греками пѣлъ похвальные стихи въ честь папы.

(²) Cons. Drossart. p. 957 et sq.

памъ выражалъ сильную радость; императора просилъ уничтожить въ имперіи остатокъ ереси, епископамъ приказывалъ извергнуть изъ ихъ стада всѣхъ больныхъ овецъ и поддерживать императора въ его добромъ настроеніи; наслѣднику престола, Андронику, рекомендовалъ во всемъ слѣдовать примѣру своего отца (1). Не забылъ и условій единенія, предложенныхъ ему императоромъ, послалъ аббата монтекассинскаго въ Сицилію хлопотать о примиреніи Карла съ византійскимъ императоромъ (2). По формѣ, оффиціально, казалось все сдѣлано для возсоединенія церквей; но только по формѣ.

Съ возвращеніемъ пословъ съ собора и даже ранѣе, еще за нѣсколько времени до ихъ отправленія въ Ліонъ, наступилъ новый періодъ Ліонской уніи, періодъ дѣятельныхъ насильственныхъ мѣръ къ утвержденію уніи и постояннаго противъ нея протеста православныхъ. До сихъ поръ дѣло касалось главнымъ образомъ переговоровъ на словахъ и переписки на бумагѣ, и потому хотя встрѣчало себѣ много сопротивленія, но все же шло впередъ. „До сихъ поръ, замѣчаетъ Пахимеръ, дѣла находились еще въ спокойномъ состояніи; обезпокоены были только лица, стоявшія во главѣ управленія" (3). До сихъ поръ императоръ и партія его приверженцевъ дѣйствовали очень хитро, довольно умѣренно и потому довольно успѣшно, хотя и встрѣчали себѣ отпоръ на каждомъ шагу; противная же партія дѣйствовала болѣе или менѣе уклончиво. Теперь наступило время слова обращать въ дѣла, дѣйствовать прямо, рѣ-

(1) Rayn. 1274 n. 19. 20.
(2) Ibid.
(3) Пахим. стр. 354.

шительно, а потому и встрѣчать вездѣ неудачи, лицемъ къ лицу встрѣтиться съ народнымъ волненіемъ, смутить миръ всей Церкви. Уже вскорѣ послѣ отправленія пословъ на соборъ, или, какъ нѣкоторые думаютъ (¹), за нѣсколько времени до ихъ отправленія, императору пришлось разубѣдиться въ своей надеждѣ мирнымъ путемъ, убѣжденіями склонить епископовъ на свою сторону. Не дѣйствовали на епископовъ ни ученые доводы Векка, ни почерпнутыя изъ житейскаго благоразумія убѣжденія императора. Епископы прямо высказали императору, что, *хотя бы дѣло соединенія пошло и успѣшно, они не примутъ его.* Кромѣ того они расторгли общеніе съ епископами, принявшими сторону императора, поносили и самого императора; по крайней мѣрѣ послѣдній укорялъ ихъ въ томъ. Еще разъ попробовалъ М. Палеологъ убѣдить епископовъ мирнымъ путемъ, ласками и различнаго рода представленіями. Такъ, однажды, пригласивъ ихъ къ себѣ и принявъ очень почтительно, онъ жаловался, что они, изъ за такихъ ничтожныхъ и на практикѣ не имѣющихъ никакого значенія вещей, какъ признаніе первенства папы и пр., отвращаются отъ приверженцевъ уніи и проклинаютъ его самого, убѣждалъ ихъ, что пора чистосердечно окончить эти обоюдныя непріятности, что онъ нуждается въ ихъ совѣтѣ при своемъ настоящемъ затруднительномъ положеніи и, въ заключеніе, просилъ епископовъ безпристрастно и откровенно высказать, какъ они ду-

(¹) Такъ думаетъ авторъ статей о Ліонской уніи въ l'Union Chretienne (1861 г., № 25), хотя изъ словъ Пахимера скорѣе можно заключить, что все описываемое ниже случилось уже послѣ отправленія пословъ; да и самъ Пахимеръ говоритъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ прежде, чѣмъ о жестокостяхъ М. Палеолога, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь.

мають объ уніи съ папою. Но онъ получилъ отъ епископовъ очень неудовлетворительный отвѣтъ. Отрицая, какъ клевету, будто они проклинаютъ императора и его единомышленниковъ, епископы совершенно отказались сказать сообща что нибудь рѣшительное императору, подъ тѣмъ предлогомъ, что соборныхъ рѣшеній они не могутъ полагать безъ патріарха; соглашались впрочемъ по одиначкѣ высказать личныя свои мнѣнія по занимавшему императора вопросу. Не отраднѣе прежняго открылось предъ М. Палеологомъ положеніе дѣлъ, когда епископы по одиначкѣ стали высказывать свои мнѣнія: одни прямо отвергали всѣ три пункта, всѣ три условія, на которыхъ предполагалось устроить соединеніе съ латинянами; другіе признавали за папою первенство и право апелляціи, но не соглашались допустить провозглашеніе папскаго имени при богослуженіи, потому что это, по ихъ понятію, значило бы, будто они принимаютъ папу въ церковное общеніе (1). Въ заключеніе императоръ долженъ былъ выслушать глубокую и горькую для себя истину: „Ксифилинъ, занимавшій должность великаго эконома, надѣясь на свою близость къ царю и на старость, всталъ и, касаясь колѣнъ царя, началъ умолять его, чтобы онъ излишними усиліями избавиться отъ внѣшней войны не возбудилъ внутренней между ними самими; *вѣдь никогда не примиритъ тебѣ всѣхъ*, говорилъ онъ, хотя бы насъ и удалось склонить къ миру (2). Императоръ, послѣ этого разго-

---

(1) А главнымъ образомъ, вѣроятно, потому что боялись народа, отъ котораго можно было скрыть признаніе за папою первенства и права аппеляцій, но нельзя было, не возмутивъ народа, поминать папу публично за богослуженіемъ.

(2) Пахим. стр. 359.

вора съ епископами не настаивавшій было на своемъ нѣсколько времени, но скоро узнавшій, что дѣла церковныя приходятъ въ замѣшательство, что „одинъ не принимаетъ въ общеніе другаго, оставшійся непреклоннымъ чуждается того, кто склонился къ единенію“, рѣшился теперь испытать, не приведутъ ли его къ цѣли мѣры насильственныя. Отобравъ подписи отъ тѣхъ лицъ, которыя держались его стороны, онъ объявилъ, что намѣренъ наказать своихъ недоброжелателей. Тотчасъ же императорская гвардія разсѣялась по домамъ лицъ, противившихся уніи: началась опись всего ихъ имѣнія (1), а сами они обвинены въ оскорбленіи величества. Приготовлены были суда для отправленія ихъ въ ссылку и многіе дѣйствительно сосланы были тогда въ заточеніе; нѣкоторые даже добровольно удалились изъ столицы; на другихъ же всѣ эти мѣры произвели такое сильное впечатлѣніе, что они поспѣшили отказаться отъ своихъ убѣжденій и потому, не успѣвъ еще выѣхать изъ пристани, были возвращены. Въ то же время императоръ на осмѣлившихся ему противорѣчить старался произвесть впечатлѣніе страшными и позорными казнями надъ риторомъ Олоболомъ и Іоанномъ Меліемъ, замѣнившимъ для православныхъ Векка, надъ племянницею Іасита и еще надъ нѣсколькими лицами. Онъ приказалъ, избивъ и обвѣшавъ ихъ внутренностями животныхъ, водить ихъ въ торжественной процессіи по городу, „около же церкви подвергать еще большему без-

(1) Подъ тѣмъ предлогомъ, что императоръ, какъ завоеватель Константинополя, есть владѣтель всѣхъ домовъ въ городѣ, а потому какъ свою собственность дарить ихъ своимъ приверженцамъ; у своихъ же противниковъ напротивъ онъ отнимаетъ ихъ, требуя вдобавокъ у послѣднихъ уплаты за все то время, какое прожили они въ своихъ домахъ.

честію, угрожая чрезъ это духовнымъ лицамъ и наводя на нихъ страхъ" (¹). Такими мѣрами императоръ дѣйствительно на время какъ будто и достигъ своей цѣли; навелъ ужасъ на всѣхъ жителей Константинополя. Напрасно духовенство обращалось къ нему съ просьбами „водворить въ городѣ спокойствіе, пока *не возвратятся изъ Рима послы* (²)". Императоръ ничего не слушалъ и грозилъ самимъ ходатаямъ казнію и обвиненіемъ въ оскорбленіи величества. Но когда отъ всѣхъ этихъ ужасовъ нѣкоторые начали искать спасенія въ бѣгствѣ, императоръ наконецъ понялъ, что онъ зашелъ уже слишкомъ далеко и поспѣшилъ успокоить всеобщее волненіе оффиціальнымъ, торжественнымъ объявленіемъ, золотою буллою, въ которой, подъ самыми страшными клятвами, увѣрялъ, что онъ не хочетъ ни одной іоты прибавлять къ символу и вообще дѣлать какія бы то ни было измѣненія въ вѣрѣ или обрядахъ, а *требуетъ только согласія своихъ подданныхъ на три пункта*, на признаніе первенства папы, права апелляцій къ нему и возглашенія имени его въ молитвахъ, да и то лишь *на словахъ, для цѣлей политическихъ*. Обезпеченные этою грамотою, архіереи подписались подъ предложенными условіями, сперва нѣкоторые, а потомъ, послѣ того, какъ остальные испытали ссылку, и всѣ, такъ что замѣчаетъ Пахимеръ: „никто изъ принадлежащихъ къ клиру не остался теперь въ изгнаніи (³)".—Но всѣ эти трудности, какія нужно было преодолѣть императору, въ промежутокъ времени отъ удаленія пословъ на соборъ

(¹) Пахим. стр. 360—363.
(²) Тамъ же, стр. 361. Стало быть это было въ то уже время, когда послы отправились на соборъ.
(³) Пахим. стр. 365.

до ихъ возвращенія, были только предвѣстниками еще большихъ трудностей, какія ему суждено было встрѣтить на пути къ своей цѣли по возвращеніи пословъ съ Ліонскаго собора. Когда, наконецъ, греческіе послы, одаренные митрами и перстнями отъ папы, обласканные имъ, осенью того же 1274 года возвратились въ Константинополь, когда 9 января 1275 г. прекращено было поминовеніе прежняго патріарха Іосифа и вскорѣ за тѣмъ, 16 января того же года въ праздникъ Петра и Павла, во время литургіи, совершаемой Николаемъ, епископомъ халкидонскимъ, „въ присутствіи папскихъ легатовъ и императора торжественно прочитаны были Евангеліе и Апостолъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ и провозглашено было имя папы съ титуломъ верховнаго архіерея апостольской церкви и вселенскаго папы (¹), когда такимъ образомъ не оставалось уже никакого сомнѣнія, что унія дѣйствительно состоялась, тогда-то начались самыя смутныя времена для православной греческой Церкви. Никто не былъ доволенъ уніею; никто ей не сочувствовалъ, исключая Векка, поставленнаго на мѣсто Іосифа патріархомъ, и нѣсколькихъ лицъ, преданныхъ политическимъ соображеніямъ и угождавшихъ императору. Но недовольство и несогласіе не сплотило всѣхъ въ одну массу. Напротивъ явилось множество недоразумѣній между самыми противниками уніи, явились между ними, какъ обыкновенно это бываетъ, партіи, стороны (²). Тогда явились,

(¹) Пах. кн. 5 гл. 22.

(²) Вотъ какъ изображаетъ Пахимеръ состояніе греческой церкви въ слѣдъ за возвращеніемъ пословъ съ Ліонскаго собора: „съ того времени церковныя дѣла пришли въ совершенное замѣшательство; люди начали чуждаться другъ друга и между тѣмъ, какъ одни желали общенія въ общественныхъ собраніяхъ, другіе говорили: не прикасайся, ниже осяжи,—и отчужденіе простирали до того, что не хотѣли ни изъ одной

какъ видно изъ исторіи Пахимера, три класса людей, три партіи. Партія императорская, ничтожная по числу (1); это партія прямыхъ защитниковъ уніи. Затѣмъ партія народная, предводителями которой были иноки; она была партіею крайнихъ противниковъ уніи. Наконецъ партія средняя между двумя первыми; во главѣ ея стояли епископы и вообще духовенство. Къ этой послѣдней принадлежали слѣдующія лица. Многіе, не примиряясь ни за что внутренно съ уніею, мирились однако же съ нею наружно, извиняя себя въ лицемѣріи обстоятельствами времени, будучи поставлены лицемъ къ лицу съ безпощадною жестокостію и изумительною настойчивостію императора. Такихъ было разумѣется очень много; противъ нихъ сильно востаетъ во многихъ мѣстахъ своей исторіи Пахимеръ. Главами ихъ были епископъ ефесскій и епископъ аѳинскій Мелетій. „Сначала епископы, по словамъ Пахимера, терпѣли сильныя притѣсненія за несогласіе принять церковный миръ, пока не принуждены были подчиниться волѣ царя и не показали вида, будто согласны на единеніе, врачуя свою совѣсть не писаніями, а тѣмъ, что согласіе приносило тогда церкви много пользы со *стороны политики*“ (2)... Эти лица „принимавшіе миръ, къ своему исповѣданію

посуды пить, ни вмѣстѣ разговаривать. Раздѣленіе увеличивалось съ каждымъ днемъ; съ кѣмъ кто сходился вчера, отъ того отворачивался сегодня.... Тѣ самые люди, которые одинаково несогласны были со всякою другою партіею, разногласили еще и между собою, и способствовали умноженію раздѣленій; одни такъ, другіе иначе, *одни просто, другіе съ большою ревностію*“. Пах. стр. 369—370.

(1) По словамъ Пахимера, эту партію составляли, кромѣ императора и патріарха, только нѣсколько приближенныхъ къ нимъ лицъ: „*кромѣ одного царя и патріарха, да нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нимъ лицъ*, говоритъ Пахимеръ, *всѣ остальные отвергали миръ*“. Стр. 467.

(2) Государственнаго домостроительства (καὶ οἰκονομίαν). Пахим., стр. 364.

прибавляли слѣдующія слова: если они грѣшатъ, то грѣхъ ихъ пусть падетъ на того, кто разсматривалъ основанія этого дѣла и священная клятва пусть обрушится на отступниковъ, которые ручались за его истинность“ (¹). Но гораздо болѣе было людей другаго рода. Многіе крѣпко держались своихъ убѣжденій, за что и принуждены были страдать или спасаться бѣгствомъ. Не мало было такихъ людей, по свидѣтельству Пахимера, между знатными лицами; особенно много такихъ было между иноками и между простымъ народомъ. Толпы несоглашавшихся съ императоромъ разсѣялись по Пелопонезу, Ахаіи, Θессалоникѣ и Колхидѣ. Во владѣнія главнымъ образомъ деспотовъ эпирскаго и трапезунтскаго устремились тѣ, кому дорога была вѣра отцевъ и которыхъ совѣсть не могла идти въ сдѣлку съ обстоятельствами. Это были большею частію иноки (²) и простой народъ (³). Но когда въ послѣдствіи времени во имя православія, руководясь при этомъ главнымъ образомъ династическими интересами, дуксъ патрасскій Іоаннъ и братъ его, деспотъ Никифоръ, подняли оружіе противъ М. Палеолога, называя папу, императора, патріарха и всѣхъ повиновавшихся папѣ еретиками; тогда открылось, какъ мало сочувствуютъ императору изъ за религіозныхъ его убѣжденій люди самые къ нему близкіе, даже его родственники; тогда на сторону яв-

(¹) Пахимеръ стр. 443.

(²) Такъ у дукса патрасскаго собралось около 100 иноковъ, много аввъ и 8 епископовъ, которые и держали соборъ противъ уніатовъ. Rayn. 1278 n. 13. 14.

(³) „Большая часть, говоритъ объ этихъ бѣглецахъ Григора, люди, не имѣющіе здраваго смысла, *чернь и торговый людъ*.... разсѣялись вездѣ по вселенной, гдѣ только надѣялись имѣть христіанъ, я разумѣю по Пелопонезу, Ахаіи, Θессалоникѣ, Колхидѣ и вообще по тѣмъ мѣстамъ, куда не простиралась власть царя“. Стр. 121.

ныхъ противниковъ уніи перешли и пострадали за это лица очень знатныя (1). Вотъ три класса людей, различно относившихся къ вопросу объ уніи. Изъ ихъ взаимныхъ отношеній и изъ ихъ борьбы между собой вытекли всѣ послѣдующія событія. Всѣ три стороны стали въ болѣе или менѣе ненормальное положеніе и дѣло очень запуталось. Императоръ и его партія обѣщала православнымъ одно, а латинянамъ другое; первыхъ увѣряла въ неприкосновенности всего православнаго, требуя отъ нихъ уступокъ только въ трехъ пунктахъ, и въ то же время подписывала полное латинское вѣроисповѣданіе, выражала всевозможную покорность предъ папою. Партія, оказывавшая наружно покорность императору, оффиціально не противилась уніи, а между тѣмъ въ душѣ питала въ то же время отвращеніе какъ къ латинянамъ, такъ и къ императору съ его приверженцами. Наконецъ третья партія, рѣшительно противившаяся

(1) Когда на вооружившихся разумѣется не могла подѣйствовать церковная анаѳема Векка и папскихъ легатовъ, которую императоръ вздумалъ употребить противъ ихъ, и когда М. Палеологъ объявилъ имъ войну; тогда обнаружилось, что люди, которымъ поручалъ императоръ свои войска, оказались измѣнниками именно по религіознымъ побужденіямъ (Пахим. кн. 6 гл. 16—24. Rayn. 1278 n. 13. 14.). Когда ихъ спрашивали, почему они такъ поступили, они публично отвѣчали, что причиной такого ихъ поведенія была ненавистная для нихъ унія; за что и были жестоко наказаны. Таковы были—Кантакузенъ, Іоаннъ Палеологъ, Іоаннъ Тарханіотъ, Калоіоаннъ Ласкарисъ, Исаакъ Рауль и др. „Многія знатныя женщины и близкія родственницы императора, какъ записано съ собственныхъ словъ М. Палеолога, приняли участіе въ возмущеніи; одна изъ его сестеръ, двѣ племянницы, сноха вдова севастократора. Между тѣмъ эти арестанты (т. е. женщины и вышеупомянутые вельможи) находились въ связи со всѣми придворными офицерами, такъ что еслибы императоръ захотѣлъ послать войска противъ непріятеля, онъ подвергался бы опасности быть оставленнымъ тѣми, кому онъ ввѣрилъ команду".—Rayn. 1277. n. 60. — Vadding. 1279. n. 2. 3. Hist. de l'Eglis. Fleury an. 1278, n. XXIII.

уніи, ненавидѣла латинянъ, разорвала связь съ партіею крайнихъ поборниковъ уніи, не хотѣла имѣть общенія и съ невольными ея послѣдователями. Императоръ, впрочемъ, на первыхъ порахъ не слишкомъ много затруднялся своимъ положеніемъ, разсчитывая на свою изворотливость, на свой даръ убѣжденія, болѣе же всего на силу матеріальную, которая давала ему, по видимому, средства заставить все себѣ повиноваться ([1]).

При такомъ положеніи дѣлъ понятно, каковы должны были установиться отношенія между М. Палеологомъ и папою. Императоръ естественно долженъ былъ теперь особенно сильно хлопотать о томъ, чтобы пока оффиціальнымъ изъявленіемъ покорности папѣ прикрывать внутреннюю несостоятельность своего дѣла. Но и въ такомъ видѣ дѣла не могли долго оставаться; папа и латиняне должны были рано или поздно узнать всю призрачность мнимаго подчиненія греческой Церкви. Правда, обстоятельства сначала видимо покровительствовали М. Палеологу: папа Григорій X умеръ вскорѣ послѣ Ліонскаго собора (въ 1276 г.) въ увѣренности, что ему удалось подчинить себѣ греческую Церковь; послѣ него въ продолженіи одного года перемѣнилось нѣсколько папъ—Иннокентій V, Адріанъ V и Іоаннъ XXI; такимъ образомъ въ продолженіи двухъ лѣтъ М. Палеологъ могъ быть спокоенъ. Въ этотъ промежутокъ времени, съ легатами Иннокентія V (который тотчасъ же по вступленіи своемъ на папскій престолъ позабо-

([1]) Мы не можемъ, да и объемъ нашего сочиненія не дозволяетъ намъ прослѣдить, какъ именно, подъ вліяніемъ какихъ частнѣйшихъ обстоятельствъ сформировались эти партіи и какими дѣйствіями каждая изъ нихъ обнаружила себя на первыхъ порахъ. Мы просто представляемъ только то, что явилось; вопроса же, какъ явилось, мы считаемъ себя въ правѣ не рѣшать.

тился отправить ихъ въ Константинополь) императоръ послалъ въ Римъ преданныхъ себѣ Θеодора, митрополита кизическаго, архидіаконовъ Мелитиніота и Метохита. Послы императорскіе снабжены были письмами къ папѣ отъ императора и патріарха; въ этихъ письмахъ со стороны императора подтверждалось все, что отъ его лица утверждено было на Ліонскомъ соборѣ великимъ логоѳетомъ, а со стороны патріарха признавались всѣ права папы и всѣ догматы римской церкви (¹). Веккъ писалъ папѣ, какъ покорнѣйшій его слуга и подданный. Послы императорскіе не застали уже на престолѣ Іоанна XXI, къ которому были посланы. Ихъ встрѣтилъ Николай III (1277 г.). Этотъ человѣкъ рѣшился наконецъ энергичнѣе взяться за дѣло; возвратившіеся изъ Константинополя легаты, конечно, раскрыли предъ нимъ истинное положеніе дѣлъ. Пахимеръ говоритъ, что начали доходить до Рима не очень лестные для папы слухи, будто бы его жестоко обманули, будто сами греки говорятъ, что „миръ церквей чрезвычайно забавная шутка" и т. п. Папа наконецъ понялъ, что нельзя оставить дѣло въ такомъ положеніи, что нельзя водиться одними надеждами на императора и его вліяніе, что пора уже потребовать на дѣлѣ исполненія того, что обѣщано на словахъ. Чтобы лучше успѣть въ своемъ намѣреніи, Николай между прочимъ нарочно давалъ аудіенцію Карлу Анжуйскому въ присутствіи императорскихъ пословъ; дѣлалъ ихъ, такимъ образомъ, свидѣтелями тѣхъ домогательствъ, какія употреблялъ Карлъ при папскомъ дворѣ, чтобы получить отъ римскаго престола разрѣшеніе идти на Константинополь и той досады, какую

(¹) Rayn. ad an. 1277. n. 27. 30. 34.

обнаруживалъ онъ, получая постоянно отказы въ своихъ просьбахъ ([1]), именно по той причинѣ, что греки теперь сыны церкви. Все это вѣроятно дѣлалось съ тою цѣлію, чтобы заставить пословъ какъ можно дороже оцѣнить союзъ съ римскою церковію. При такомъ положеніи дѣлъ Николай началъ дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ, хотя въ то же время приступилъ къ дѣлу съ соблюденіемъ большихъ предосторожностей. По тайной инструкціи, какую онъ далъ легатамъ, посланнымъ въ 1278 г. въ Константинополь, послѣдніе должны были поставить на видъ М. Палеологу, что патріархъ и другіе епископы еще не представили исповѣданія вѣры по формулѣ, данной римскою церковію; почему *императоръ, который утверждаетъ, будто все дѣло у нѣи зависитъ отъ него*, долженъ принять въ этомъ случаѣ свои мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу этой инструкціи легаты должны были отъ патріарха, епископовъ и клира каждаго города и селенія потребовать *отдѣльнаго* исповѣданія вѣры по формулѣ, представленной въ письмѣ Григорія X къ императору. Легаты должны были также настаивать, чтобы православное духовенство, принявъ римское вѣроисповѣданіе безъ всякаго прибавленія и измѣненія, *утвердило его клятвою*, не отговариваясь отъ послѣдней никакими обычаями; такъ какъ обычай, говорила инструкція, хотя бы и самый древній, теряетъ свою обязательность, какъ скоро онъ противенъ правамъ римской церкви. Легатамъ приказывалось также обязать всѣхъ епископовъ и всѣхъ клириковъ не учить противно римской

([1]) По свидѣтельству Пахимера, Карлъ бросался къ ногамъ папы; получая же отказы въ своихъ просьбахъ, грызъ въ досадѣ скипетръ, который держалъ въ рукахъ. Виз. Ист. Пахим. стр. 379.

церкви, проповѣдниковъ же заставлять вѣрно изъяснять народу ея ученіе. Мало того, для надзора за точнымъ исполненіемъ всѣхъ этихъ мѣръ, легаты по инструкціи сами лично должны были отправиться во всѣ болѣе важныя мѣста имперіи и здѣсь должны были лично отобрать отъ духовенства исповѣданія вѣры и клятвы въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Далѣе инструкція говорила, что просьба императора относительно чтенія символа безъ прибавленія не можетъ быть уважена; такъ какъ единству вѣры противно различіе вѣроисповѣданій и такъ какъ однообразіе особенно требуется въ отношеніи къ символу, который очень часто читается при богослуженіи. За положительно выраженными пунктами въ инструкціи находились еще пункты, которые легаты должны были передать грекамъ въ видѣ вопросовъ, нерѣшительныхъ требованій. Папскіе легаты должны были спросить православныхъ епископовъ, почему они доселѣ не позаботились снять съ своей церкви опредѣленій противъ нея папъ и соборовъ западныхъ прежнихъ временъ; также почему патріархъ и другіе епископы до возвращенія въ нѣдра римской церкви доселѣ не обратились къ ней съ просьбою утвердить ихъ въ ихъ церковныхъ степеняхъ. Отсюда легаты имѣли приказаніе осторожно перейти къ предложенію—не пожелаютъ ли греки имѣть въ Константинополѣ постояннаго кардинала-легата. Легаты должны были искусно довесть императора до того, чтобы онъ самъ письменно испросилъ у папы постояннаго уполномоченнаго представителя римскаго престола; прежде всего они должны были спросить императора, не осталось ли какихъ извѣстій относительно того, какъ легаты апостольскаго престола принимаемы были прежде въ Константинопо-

лѣ, какова была ихъ обстановка, содержаніе, свита и пр.; если не послѣдуетъ благопріятнаго отвѣта, объяснить императору, какіе существуютъ на западѣ обычаи и законы относительно кардиналъ-легатовъ, представить нѣсколько доводовъ въ пользу пребыванія въ Константинополѣ кардиналъ-легата, напримѣръ, что онъ можетъ уничтожить много зла, какъ духовнаго. такъ и матеріальнаго, подниметъ благосостояніе имперіи, еще, что если онъ будетъ посланъ по просьбѣ императора, то это будетъ доказательствомъ искренности союза греческой церкви съ римскою. О всемъ этомъ легаты, по инструкціи, должны были представить императору и епископамъ постепенно, не вдругъ, чтобы не испугать многочисленностію требованій. Впрочемъ, внушая легатамъ, чтобы при исполненіи возложеннаго на нихъ порученія они избѣгали поводовъ къ разрыву съ греками, папа замѣчаетъ въ своей инструкціи: „однако же наше желаніе во всякомъ случаѣ то, чтобы вы не слишкомъ легко смотрѣли на дѣла, какъ нѣкоторые до сихъ поръ это дѣлали, но чтобы вы старались проникнуть въ сокровенныя намѣренія грековъ и чтобы на всякій пунктъ вы получили отъ нихъ какой нибудь отвѣтъ, положительный или отрицательный, такъ чтобы съ вашимъ возвращеніемъ къ святому престолу можно было ясно понять, какъ нужно вести себя на будущее время“ (1). Теперь, по основательному соображенію противниковъ уніи, императоръ „долженъ былъ избрать одно изъ двухъ: или не согласиться на это (на требованія легатовъ) и такимъ образомъ расторгнуть миръ, или нарушить нѣчто изъ основныхъ положеній церкви и, сдѣлавъ

(1) Allat. de consens. p. 730.

еще большій грѣхъ, дать имъ (противникамъ уніи) поводъ справедливо избѣгать единенія съ нимъ, какъ съ явнымъ преступникомъ (¹)". Но М. Палеологъ былъ не такой человѣкъ, который бы не могъ вывернуться изъ какихъ бы то ни было трудныхъ обстоятельствъ. Возвративъ Векка, подвергшагося около этого времени его гнѣву за свое смѣлое поведеніе и удалившагося по этому случаю въ монастырь, — возвративъ его, какъ человѣка необходимаго при тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, М. Палеологъ рѣшился успокоить и ту и другую сторону, и легатовъ и епископовъ, доселѣ болѣе или менѣе подчинявшихся существующему порядку, но предъ такими требованіями папскихъ легатовъ долженствовавшихъ, какъ опасался императоръ, выдти наконецъ изъ терпѣнія. Онъ началъ съ послѣднихъ. Созвавъ къ себѣ архіереевъ и весь клиръ и принявъ ихъ особо, безъ мірянъ, онъ началъ увѣрять собраніе, что не допуститъ латинянъ привесть въ исполненіе ихъ замыслы, хотя во всякомъ случаѣ считаетъ нужнымъ успокоить ихъ ласками и обѣщаніями; при этомъ просилъ только духовенство ему не препятствовать, оставаться спокойнымъ въ то время, какъ онъ будетъ дѣйствовать на папскихъ легатовъ. „Я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ и убѣдить васъ, чтобы вы, нечаянно услышавъ слова пословъ, не обезпокоились и опять не вдались въ худыя относительно правительственной нашей дѣятельности подозрѣнія. Богъ свидѣтель, что изъ ученія нашей Церкви не будетъ упущено ни одной черты, или іоты: я самъ обѣщаюсь Божественный символъ отцевъ держать какъ знамя и воевать за него не толь-

(¹) Пахим. стр. 421.

ко съ итальянцами, но и со всякимъ народомъ, который бы сталъ въ немъ сомнѣваться... Впрочемъ, распорядиться дѣломъ такъ, чтобы пословъ отпустить съ миромъ, въ этомъ ни съ моей стороны не будетъ ничего преступнаго, ни съ вашей несправедливаго. Итакъ, я хочу дружески обнять ихъ и благосклонно привѣтствовать, чтобы въ противномъ случаѣ *не спугнуть, какъ говорятъ добычи*... Моя забота будетъ—отвѣчать имъ, не назначая опредѣленнаго времени для совѣта (1)". Предварительное объясненіе императора съ духовенствомъ оказалось дѣйствительно полезнымъ. Когда собрались у патріарха архіереи и избранный клиръ и когда туда же явились папскіе легаты, собраніе довольно благосклонно выслушало папскія предложенія изъ устъ этихъ послѣднихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ, желая доказать легатамъ, что миръ церквей не шутка, приказалъ показать папскимъ посламъ томившихся въ темницахъ своихъ родственниковъ (протостратора Андроника Палеолога, виночерпія Мануила Рауля, брата его Исаака и роднаго племянника протостратора Іоанна Палеолога). Послѣ того составлена была „защитительная грамата къ папѣ Николаю III и скрѣплена многими подписями не дѣйствительныхъ епископовъ, управлявшихъ дѣйствительными епископіями, а рукою одного и того же писца, хотя такъ, какъ будто бы скрѣпляли ее многія священныя и важныя лица". Въ упомянутой граматѣ, содержавшей исповѣданіе вѣры, по словамъ Пахимера „приведены были многія" мѣста изъ писаній нашихъ отцевъ, въ которыхъ выраженіями: Духъ святый отъ Сына изливается, предлагается, дается, воз-

(1) Пахим. стр. 421—423.

сіваеть, является и под. принятое у латинянъ слово „исходить“ какъ бы совсѣмъ *закрывалось* и въ заключеніи было сказано, что несоглашающихся на примиреніе мы подвергаемъ достойному наказанію“. Наконецъ императоръ вздумалъ оказать папѣ еще одинъ знакъ своей преданности дѣлу уніи; именно онъ приказалъ двухъ епископовъ Мелетія и Игнатія, противившихся его мѣрамъ, отправить вмѣстѣ съ папскими легатами къ папѣ, предоставивъ послѣднему этихъ людей въ полное распоряженіе (хотя папа, какъ послѣ оказалось, и не оцѣнилъ какъ должно этого новаго доказательства императорской ревности къ уніи; такъ какъ онъ отпустилъ Мелетія и Игнатія назадъ изъ опасенія, чтобы оскорбленіемъ этихъ лицъ не увеличить препятствій къ утвержденію единенія между церквами). Это было въ 1279 году (1). Въ своемъ письмѣ къ Николаю III М. Палеологъ повторялъ только исповѣданіе вѣры Климента IV и клятву, данную отъ его имени на соборѣ Ліонскомъ великимъ логоѳетомъ, но ничего не отвѣчалъ на новыя папскія требованія, даже ни слова не упоминалъ объ нихъ. То же и въ томъ же духѣ писалъ и наслѣдникъ престола, Андроникъ. Пахимеръ ничего не говоритъ о томъ, остались ли довольны легаты тѣмъ, что нашли въ Константинополѣ и какъ убѣдили ихъ ограничиться тѣми слабыми доказательствами подчиненія греческой Церкви римской, какія представилъ имъ М. Палеологъ; но изъ того, что римскій дворъ до 1281 г. оставался въ дружественныхъ отношеніяхъ (2)

(1) Пахим. стр. 420—426.—

(2) Мы даже видимъ, что вскорѣ папа заключаетъ секретный союзъ съ М. Палеологомъ и Петромъ, королемъаррагонскимъ противъ Карла анжуйскаго.

къ императору и греческой церкви, нужно заключить, что легаты остались довольны положеніемъ дѣлъ въ Константинополѣ.

Между тѣмъ въ греческой церкви послѣ этого дѣла стали еще хуже. Теперь всѣ увидѣли, что унія ведетъ прямо къ латинству, что такая унія, о какой хлопочетъ императоръ, *дѣло не только недостойное, но и невозможное*. Очень многіе, еще болѣе чѣмъ прежде, стали непріязненно смотрѣть теперь на умѣренную партію, особенно на епископовъ, терпѣвшихъ унію изъ повиновенія власти и политическихъ расчетовъ. „Многіе, по словамъ Пахимера, сильно отвращаясь отъ итальянцевъ стали гнушаться и нашими священными предметами и бросали ихъ то въ рытвины, то въ рѣки, то на горы, какъ вещи, незаслуживающія никакого уваженія (¹). Императоръ старался и этихъ людей склонить къ повиновенію себѣ также, какъ не задолго предъ тѣмъ склонилъ къ тому епископовъ. Вотъ почему, собравъ у себя епископовъ, онъ пригласилъ къ себѣ и нѣкоторыхъ явныхъ противниковъ уніи. При этомъ укорялъ ихъ за то, что подъ видомъ благочестія они дошли до презрѣнія къ святынѣ; отдѣлившись отъ церкви, стали самовольно совершать у себя на дому то, что слѣдовало совершать только въ храмахъ. Но его рѣчь не произвела должнаго впечатлѣнія на присутствующихъ. „Всѣ молчали, наблюдая крайнюю осторожность, избѣгая высказывать свои мысли“, говорилъ одинъ императоръ (²).—Около этого времени оппозиція уніи достигла крайней степени. Дѣло уніи перешло наконецъ въ область литературы. Противъ латинянъ и общенія

(¹) Пахим. стр. 429.
(²) Ibid. стр. 426—429.

съ ними стало появляться много сочиненій. Тогда Веккъ, долгое время молчавшій, вопреки своему обѣщанію не отвѣчать своимъ противникамъ, выступилъ наконецъ въ качествѣ защитника уніи путемъ литературнымъ ([1]). Все свое вниманіе при этомъ устремилъ онъ на одинъ пунктъ, на догматъ объ исхожденіи Св. Духа. Пользуясь трудами Блеммида и Никиты Маронейскаго, архіепископа ѳессалоникскаго, Веккъ старался и самъ собрать какъ можно болѣе выдержекъ изъ св. Писанія и твореній отеческихъ. Безъ разбора, какъ замѣчаетъ Пахимеръ, пользовался онъ всѣмъ, что хотя мало шло къ дѣлу; преимущественно же опирался онъ на тѣхъ мѣстахъ изъ отеческихъ твореній, въ которыхъ говорится объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца *чрезъ Сына*. За тѣмъ на основаніи другихъ мѣстъ изъ отеческихъ твореній доказывалъ, что частица *διὰ*, *чрезъ*, замѣняется очень часто частицею ἐκ изъ, *отъ*, что эти предлоги безразлично употребляются одинъ вмѣсто другаго и, стало быть, когда говорится объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца чрезъ Сына, то вмѣстѣ съ тѣмъ говорится уже и объ исхожденіи Его изъ Сына, отъ Сына. „Такіе доводы, приводилъ патріархъ, говоритъ Пахимеръ, доказывая, что посредство Сына необходимо требуетъ частицы „чрезъ" (*διὰ*), частица же „чрезъ" допускаетъ итальянскую частицу „изъ" (ex), потому что эти предлоги безразлично употребляются одинъ вмѣсто другаго ([2]). Итакъ для Векка вопросъ о соединеніи церквей, съуживаясь все болѣе и болѣе, превратился нако-

([1]) Сочиненія Векка собраны Львомъ Алляціемъ въ его сочиненія „Graec. Orthod". t. I et II. Веккъ писалъ по Пахимеру пять (Пах. кн. 6, гл. 23), по Фабрицію шесть разсужденій о Святомъ Духѣ (Bibl. Graec. Alb. Fabricii p. 384).

([2]) Пахим. стр. 446.

нецъ не болѣе, какъ въ вопросъ о двухъ частицахъ. Патріархъ въ высшей степени увлекся полемикою; онъ утверждалъ, будто ему и жизнь не въ жизнь, если не докажетъ изъ писаній, что не бывшіе прежде съ латинянами въ общеніи находились въ заблужденіи ([1]). Онъ собиралъ соборы, писалъ сочиненія. Но его доводы не убѣждали никого, ни явныхъ противниковъ уніи, ни людей, наружно примирявшихся съ нею; послѣднихъ сильно соблазняли сочиненія Векка, хотя *и не отвлекали*, по замѣчанію Пахимера, „отъ общенія съ людьми, ошибающимися въ значеніи Божественныхъ догматовъ ([2]).“ Вѣроятно отъ этихъ послѣднихъ стали наконецъ до императора доходить просьбы, чтобы онъ запретилъ толковать о догматахъ, какъ бы кто ни содержалъ ихъ. Догматическіе споры были такъ сильны, что волновали всѣхъ ([3]). Императоръ пробовалъ было заставить молчать противную сторону, оставивъ въ то же время за своими приверженцами право писать и высказывать свои доводы; но это конечно не принесло никакой пользы. Не болѣе убѣдили рѣшительныхъ и нерѣшительныхъ противниковъ уніи и новыя жестокости императора, которыми хотѣлъ онъ прекратить всеобщее волненіе и литературную полемику. Около 1280 года особенно усилились казни противниковъ уніи. М. Палеологъ, все больше и больше вездѣ видѣвшій къ себѣ и къ своему дѣлу или ненависть, или слишкомъ сомнительную по-

(1) Пахим. стр. 444.
(2) Ibid. 446.
(3) По свидѣтельству самого Векка, въ это время было то же, что во времена Св. Григорія Нисскаго, т. е. всѣ и всюду спорили объ исхожденіи Св. Духа. Онъ же свидѣтельствуетъ и о томъ, что въ разгарѣ этихъ споровъ имя латинянина противополагали имени христіанина.—Graec. Orth. t. II.

корность, тяготясь также своимъ двусмысленнымъ отношеніемъ къ папѣ, чувствуя, что онъ стоитъ совершенно одиноко, что онъ отсталъ отъ одной стороны и не присталъ къ другой, мучимый, быть можетъ, раздумьемъ относительно своихъ религіозныхъ убѣжденій, дѣлался все болѣе и болѣе подозрительнымъ и жестокимъ. Онъ доходилъ до такой степени раздраженія, „что едва только доносили ему о комъ нибудь, какъ тотчасъ же за доносомъ слѣдовала и казнь". Особенно сталъ онъ ненавидѣть иноковъ, какъ лицъ самыхъ враждебныхъ его дѣлу. Онъ зналъ, что „иноки считаютъ время, когда они отъ него избавятся". На этихъ-то лицъ, говоритъ Пахимеръ, „и обрушивались всѣ ужасы со стороны державнаго". Императоръ „оправдывался тѣмъ, что, прослывъ съ дѣтства другомъ монашества, доведенъ теперь до необходимости ненавидѣть монаховъ" ([1]). Но не одними иноками ограничивалась жестокость императора; теперь онъ совершилъ множество казней надъ людьми очень высокаго общественнаго положенія, надъ нѣкоторыми своими родственниками, содержавшимися доселѣ въ тюрьмахъ и нѣкогда показываемыми папскимъ легатамъ, и надъ многими другими; онъ ослѣплялъ ихъ, рѣзалъ имъ языки, предавалъ ихъ смерти и т. под.—Пасквили на него еще болѣе усилили его жестокости. Изступленный дикими мыслями и подозрѣніями, онъ производилъ ужасы. „О томъ, что тогда имъ сдѣлано, говоритъ Пахимеръ, стоитъ писать не чернилами, а слезами". Видно, что душевное состояніе императора было слишкомъ безотрадно. „Можетъ быть къ довершенію всего онъ мучился призраками о себѣ и

([1]) Пахим. стр. 453.

религіозныхъ своихъ убѣжденіяхъ, православнымъ ли, то есть, почитать ему самаго себя, когда поносятъ его, какъ извратителя вѣры" ([1]). Но ему, равно какъ и его уніи, готовился новый рѣшителный ударъ. Расторгнувъ связь со всѣмъ окружающимъ, вооруживъ противъ себя всѣхъ своихъ подданныхъ, заставивъ говорить противъ себя и свою собственную совѣсть, потерявъ миръ душевный, императоръ имѣлъ случай испытать еще разрывъ съ тѣмъ, изъ за мира съ которымъ испортилъ всѣ свои отношенія. Въ 1281 году, 18 ноября, новый папа Мартинъ произнесъ на него отлученіе. Послы императора (епископы Левъ иракдейскій и Ѳеофанъ никейскій), „который хотѣлъ привѣтствовать новаго папу съ вступленіемъ его на апостольскій престолъ, были приняты Мартиномъ очень плохо". Узнавъ, говоритъ Пахимеръ, въ какомъ состояніи находится у насъ дѣло примиренія церквей и подозрѣвая, что все бывшее имѣло характеръ насмѣшки, а не дѣйствительной истины, —ибо кромѣ одного царя и патріарха, да нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нимъ лицъ, всѣ остальные отвергали миръ, особенно когда царь хотѣлъ утвердить его страшными казнями, латиняне приняли пословъ съ презрѣніемъ ([2]), и не скоро, да и то съ трудомъ

([1]) Пахим. 446.—Іоаннъ Веккъ въ это время, по свидѣтельству Пахимера, „готовъ былъ въ угодность императору сдѣлать все: ибо совершенно измѣнился въ своемъ характерѣ съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ трудными обстоятельствами". Стр. 457. Онъ сопровождалъ императора въ его разъѣздахъ и присутствовалъ при его жестокостяхъ. За то разъ пришлось ему выслушать отъ знатныхъ Мануила и Исаака, готовившихся лишиться зрѣнія, горькій упрекъ, что настоящія ихъ убѣжденія не отличаются отъ прежнихъ его убѣжденій, что, находясь въ цѣпяхъ, онъ вѣровалъ лучше, чѣмъ въ патріаршескомъ достоинствѣ. Пахим. стр. 447.

([2]) „Я уважаю, говорилъ папа посламъ Михаила, защитанковавше-го ученія, потому что лучше быть сознательнымъ и свободнымъ схиз-

доставили имъ доступъ къ папѣ, и наконецъ и царя и сообщниковъ его, какъ насмѣшниковъ и людей, идущихъ къ миру путемъ казней, а не истины, отлучили отъ церкви, пословъ же отпустили назадъ, не удостоивъ ихъ должныхъ почестей“. Императоръ, разумѣется, „пришелъ въ неописанный гнѣвъ, такъ что когда діаконъ хотѣлъ было по обыкновенію, въ присутствіи державнаго, провозгласить папу, онъ запретилъ, говоря: хороши плоды любви ихъ! Изъ за нихъ я вооружилъ противъ себя своихъ ближнихъ, а они не только не оказали мнѣ ни малѣйшей благодарности, но еще отлучили меня“. „Тогда же хотѣлъ было уничтожить договоръ да и уничтожилъ бы, еслибы не пришли ему на мысль нѣкоторыя соображенія“; именно онъ опасался, чтобы опять обстоятельства не поставили его въ необходимость обратиться къ папѣ и унію обратить въ орудіе своей политики. Но ему уже не пришлось еще разъ прибѣгнуть къ этому средству. Замѣчательная, полная тревогъ его жизнь кончилась 1282 г., успѣвъ разойтись со всѣми при жизни и возбудивъ всеобщую радость своею смертію, онъ, по настоянію всего народа, собственнымъ своимъ сыномъ лишенъ погребенія.

(*Продолженіе будетъ*).

матикомъ, чѣмъ жить мечтами; знаменитыя жертвы жестокости Михаила заслуживаютъ полнѣйшаго моего состраданія“.

НУЖНО-ЛИ ПРЕПОДАВАТЬ ВЪ НАШИХЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЯХЪ

УЧЕНІЕ О РАСКОЛѢ (*).

„Мѣры, предпринятыя и невыдержанныя, нерѣдко бываютъ вреднѣе, нежели когда бы оныхъ совсѣмъ не было пред принято" (¹).

Прежде, чѣмъ приступимъ къ рѣшенію предложеннаго вопроса, считаемъ не лишнимъ указать на слѣдующіе факты, имѣющіе къ нему отношеніе. Въ 1853 году Св. Синодъ, „обозрѣвъ принятыя уже дотолѣ съ духовной

(*) Предлагаемая статья не можетъ не обратить на себя вниманія читателей, понимающихъ задачу и важность семинарскаго образованія нашихъ приходскихъ пастырей и знающихъ, что значитъ расколъ въ русской народной жизни. Новый Уставъ Семинарій, опредѣливъ въ § 127 предметы семинарскаго образованія, *обязательные для каждой духовной семинаріи*, § 129 весьма мудро предоставляетъ (мѣстнымъ властямъ), по мѣстнымъ потребностямъ епархіи, вводить особые предметы въ § 127 *не поименованные*, или усиливать преподаваніе нѣкоторыхъ отдѣловъ наукъ, напр. *о расколѣ, или какомъ либо вѣроисповѣданіи, преобладающемъ въ данной мѣстности*. Кто лучше можетъ знать о такого рода потребностяхъ Епархіи, слѣдовательно и Семинаріи, какъ не само епархіальное начальство и не семинарскія педагогическія собранія, въ которыхъ, слава Богу, принимаетъ дѣятельное участіе, благодаря тому же уставу, и само приходское духовенство, и кто, слѣдовательно, лучше оцѣнитъ и нужду, и размѣры, и самый характеръ преподаванія ученія и о расколѣ, какъ не епархіальное начальство и не педагогическое семинарское собраніе? Но авторъ предлагаемой

(¹) Собр. постановл. по части. раск. 1858 г. стр. 245.

стороны къ вразумленію раскольниковъ и къ огражденію православныхъ отъ раскола мѣры, призналъ полезнымъ и нужнымъ усилить ихъ", между прочимъ, слѣдующимъ распоряженіемъ: „въ видахъ усиленія дѣйствующихъ по разнымъ мѣстамъ духовныхъ миссій, образовать" при духовнымъ академіяхъ и семинаріяхъ отдѣленія, въ которыхъ бы лучшіе воспитанники „приготовлялись на дѣло съ раскольниками, какъ въ видѣ прямыхъ миссіонеровъ, такъ и въ видѣ священниковъ при церквахъ единовѣрческихъ и православныхъ, гдѣ есть раскольники" ([1]). Такія миссіонерскія отдѣленія, „во исполненіе Высочайшаго повелѣнія" ([2]), и были открыты въ разное время во всѣхъ нашихъ академіяхъ и почти во всѣхъ семинаріяхъ. Въ тоже время Св. Синодъ опредѣлилъ: „собрать, сколько то окажется нужнымъ и возможнымъ, въ разныхъ мѣстахъ и у частныхъ лицъ находящіяся книги и рукописи, на коихъ раскольники обыкли утверждать свои мнѣнія, для снабженія таковымъ собраніемъ будущихъ миссіонерскихъ отдѣленій при академі-

статьи находить основанія того-то именно и опасаться, что эта отрасль богословской науки, болѣе многихъ другихъ составляющая для приходскаго священника вопросъ жизни и, пока расколъ разъѣдаетъ нашу народную среду, требующая наибольшаго вниманія, можетъ, и при новомъ уставѣ, остаться въ Семинаріяхъ, какъ и прежде отчасти оставалась, на заднемъ планѣ, или и совсѣмъ исчезнуть изъ предметовъ семинарскаго образованія. А это было бы самымъ *бѣдственнымъ пониманіемъ и примѣненіемъ* той свободы, которую Уставъ предоставляетъ мѣстнымъ епархіальнымъ властямъ относительно введенія непоименованныхъ въ немъ предметовъ или усиленія преподаванія нѣкоторыхъ отдѣловъ въ поименованныхъ наукахъ. Вотъ почему мы думаемъ, что заявленія, вызванныя по поводу новаго устава и подобныя предлагаемымъ въ этой статьѣ, содѣйствуя къ разъясненію и лучшему примѣненію его, могутъ быть столько же интересны для нашихъ читателей, сколько и полезны для всего дѣла семинарскаго образованія.—*Ред.*

([1]) Собр. постановл. по части раск. 1860 г. кн. 2, стр. 526—7.

([2]) Тамъ же стр. 534 и 538.

яхъ и семинаріяхъ“ (1). Съ этою цѣлію въ томъ же 1853 году поручено было тогдашнему ректору петербургской академіи, преосвящ. Макарію, „пріобрѣсть“ на выданныя ему Св. Синодомъ деньги „раскольническія книги, не стѣсняясь требованіями продавцовъ значительныхъ цѣнъ, если книги окажутся дѣйствительно рѣдкими и необходимыми для воспитанниковъ миссіонерскихъ отдѣленій“, и кромѣ того „для преподанія преосвящ. Макарію вящшихъ способовъ къ отысканію необходимыхъ для точнѣйшаго исполненія возложеннаго на него порученія книгъ и рукописей“ предоставлено было ему „обозрѣть секретное отдѣленіе синодальной библіотеки“ съ тѣмъ, чтобы, если окажутся между хранившимися въ немъ книгами и рукописями „соотвѣтствующія предположенной цѣли, представилъ онъ, преосвященный, по начальству реэстръ онымъ, для зависящаго распоряженія о передачѣ ихъ въ его вѣдѣніе“ (2). Въ 1855 году преосвящ. Макарій уже доносилъ Св. Синоду объ исполненіи имъ возложеннаго на него порученія (3). Изъ купленныхъ имъ и выбранныхъ изъ секретнаго отдѣленія синодальной библіотеки книгъ и рукописей большую часть опредѣлено было передать въ петербургскую академію въ той мысли, что здѣсь „онѣ наиболѣе могутъ быть нужны и полезны какъ наставникамъ при разработкѣ науки противъ раскола, такъ и воспитанникамъ при составленіи ими курсовыхъ сочиненій, направленныхъ къ той же цѣли“; остальныя поступили въ миссіонерскія отдѣленія семинарій петербургскаго духовно-учебнаго округа (4). Въ послѣдствіи

(1) Тамъ же стр. 527.
(2) Тамъ же стр. 542 и 547
(3) Тамъ же стр. 611.
(4) Тамъ же стр. 612.

времени, по мысли преосвящ. Макарія (1), переданы были въ Петербургскую академію цѣлыя библіотеки старинныхъ книгъ и рукописей, „какъ уважаемыхъ раскольниками, такъ и составленныхъ противъ нихъ", и именно: библіотеки Софійскаго новгородскаго собора и Кирилло-бѣлозерскаго монастыря. Что же касается другихъ духовно-учебныхъ округовъ, то, по мысли покойнаго высоко-преосвященнѣйшаго Филарета, митрополита московскаго, опредѣлено было Св. Синодомъ—раскольническія книги и рукописи, хранившіяся въ московской синодальной библіотекѣ, передать „въ тамошнюю и казанскую духовныя академіи и московскую и виѳанскую семинаріи" (2), и кромѣ того, по ходатайству покойнаго высокопр. митрополита Григорія и бывшаго казанскаго преосвящ. Аѳанасія, Св. Синодомъ, съ Высочайшаго соизволенія, переданы были въ 1858 году въ казанскую академію библіотеки старинныхъ книгъ и рукописей соловецкаго монастыря и Ниловой пустыни, какъ весьма полезныхъ, между прочимъ, „для изученія исторіи русскаго раскола" (3). Независимо отъ сказаннаго, въ томъ же 1853 году Св. Синодъ—съ цѣлію помочь наставникамъ миссіонерскихъ отдѣленій въ изученіи раскола и дать православному духовенству больше средствъ къ вразумленію заблуждающихъ—опредѣлилъ: „поручить казанской духовной академіи, какъ еще не занятой никакимъ повременнымъ изданіемъ, издавать духовный журналъ, съ преимущественнымъ направленіемъ его противъ раскола въ разныхъ его видахъ, и въ тоже время предписать редакціямъ суще-

(1) Тамъ же стр. 541—2.
(2) Тамъ же стр. 591—3.
(3) Тамъ же стр. 571 и 816—17.

ствующихъ уже духовныхъ журналовъ чаще помѣщать въ нихъ, между прочимъ, статьи, могущія служить къ вразумленію раскольниковъ" (1). Слѣдствіемъ этого распоряженія было явленіе въ свѣтъ въ 1855 году „Православнаго Собесѣдника“ (2) и—немалаго числа статей по расколу въ другихъ духовныхъ журналахъ. Кромѣ того, еще прежде, чѣмъ открыты были миссіонерскія отдѣленія при семинаріяхъ, Св. Синодъ, „озабочиваясь вразумленіемъ заблуждающихъ“ и сознавая „крайнюю надобность ускорить по дѣлу“ приготовленія миссіонеровъ, вызвалъ въ Петербургъ въ 1853 году нѣсколько священниковъ изъ разныхъ епархій, поручивъ тогдашнему преосвящ. казанскому Григорію, жившему въ Петербургѣ, „преподать имъ, въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, исторію раскола въ главныхъ его чертахъ, понятіе о всѣхъ сектахъ и наставленіе къ разсѣянію ихъ заблужденій“ (3), что и было исполнено имъ окончательно 10-го іюня 1854 года (4). Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени по всѣмъ почти епархіямъ, гдѣ силенъ расколъ, существуютъ, по опредѣленію Св. Синода, особые миссіонеры изъ священниковъ, обязанность которыхъ—„дѣйствовать на раскольниковъ“ словомъ увѣщанія, „стоя на апостольской ногѣ, т. е. безъ всякаго пособія мѣстной полиціи“ (5). Наконецъ въ самое близкое къ намъ время, независимо отъ всѣхъ указанныхъ мѣръ къ ослабленію раскола, церковная власть признала нужнымъ „для усиленія вниманія епархіальныхъ преосвя-

(1) Тамъ же стр. 528—9.
(2) Тамъ же стр. 570.
(3) Тамъ же стр. 547—9.
(4) Тамъ же стр. 586.
(5) Тамъ же стр. 586, 593, 615, 639, 727, 736—7, 739—41, 746, 750, 779, 786—8, 805—7, 840 и др.

щеннымъ на дѣла раскола—учреждать викаріатства въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ содержаніе викарныхъ архіереевъ можетъ быть достаточно обезпечено предоставленіемъ въ ихъ распоряженіе безбѣдныхъ монастырей“ (¹).

Имѣя въ виду все сказанное нами и кое-что другое, многіе, пожалуй, вопросъ нашъ: нужно ли преподавать въ семинаріяхъ ученіе о расколѣ?—сочтутъ не только излишнимъ, но даже неумѣстнымъ. А между тѣмъ вопросъ этотъ неизбѣжно рождается въ головѣ у всякаго, кто успѣлъ ознакомиться съ новымъ „уставомъ православныхъ духовныхъ семинарій“ (²). Въ числѣ наукъ, которыя указаны въ немъ для преподаванія (§ 127) въ нашихъ семинаріяхъ, особой каѳедры для ученія о расколѣ нѣтъ. Что же это значитъ? Ужели всѣ прежнія, указанныя нами, распоряженія церковной власти касательно миссіонерскихъ отдѣленій и раскола вообще были не плодомъ серьёзно обдуманной мысли, ясно сознанной цѣли, глубокаго убѣжденія въ ихъ пользѣ и необходимости, а слѣдствіемъ какихъ либо случайныхъ, внѣшнихъ вліяній, нынѣ уже не существующихъ? Но думать такъ не позволяетъ сама власть церковная, которая со времени открытія миссіонерскихъ отдѣленій и до нашихъ дней постоянно слѣдила за дѣломъ, порученнымъ этимъ отдѣленіямъ, то предписывая епархіальнымъ преосвященнымъ „обратить на вновь введенное примѣненіе системы духовнаго образованія къ одной изъ важныхъ потребностей ихъ епархій особенное архипастырское вниманіе и оказывать въ семъ дѣлѣ семинарскимъ начальствамъ возможное содѣйствіе доставленіемъ имъ положительныхъ свѣдѣній о состояніи и видахъ раскола

(¹) „Христ. Чт.“ 1867 г. январ., стр. 85.
(²) См. напр. въ „Христ. Чт.“ 1867 г. ноябр., стр. 822.

въ управляемыхъ ими епархіяхъ, равно и другихъ пособій, необходимыхъ для успѣшнаго направленія преподаванія миссіонерскихъ предметовъ въ каждой семинаріи" (¹), то рекомендуя „наблюсти за развитіемъ и усовершенствованіемъ практическаго или полемическаго способа преподаванія предметовъ въ миссіонерскихъ отдѣленіяхъ семинарій" (²), то наконецъ требуя „усилить уроки по миссіонерскимъ отдѣленіямъ съ приспособленіемъ ихъ наиболѣе къ мѣстному расколу" (³). Или, быть можетъ, указанныя выше мѣры власти уже достигли своей цѣли и раскола болѣе нѣтъ у насъ? Но, вмѣсто прямаго отвѣта на этотъ вопросъ, перенесемся, читатель, мыслію изъ столицы въ наши села и деревни и посмотримъ, что дѣлается тамъ—вдали отъ шума городскаго. Вотъ деревня Лубенкина Владимірскаго уѣзда. На краю ея стоитъ деревянный домъ, хозяйка котораго—старая, сорокалѣтняя дѣва, по имени Акулина Тимоѳеевна. Вечеромъ, на канунѣ одного изъ двунадесятыхъ праздниковъ, къ этому дому осторожно пробираются толпы мужчинъ и женщинъ. Войдемъ и мы вмѣстѣ съ ними въ этотъ таинственный домъ и посмотримъ, что тамъ происходитъ. Вотъ, по обѣимъ сторонамъ чистой комнаты, сидятъ на лавкахъ крестьяне и крестьянки,—первые—по правую сторону, послѣднія по лѣвую. Впереди всѣхъ сидитъ хозяйка дома — Акулина Тимоѳеевна. Послѣ чтенія Слова Божія и церковныхъ книгъ, послѣ пѣнія церковныхъ пѣсней и псалмовъ, что продолжается часа четыре-пять — до самой полночи,

---

(¹) Собр. постановл. по част. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 539, 576, 582, 665 и др.

(²) Тамъ же стр. 678, 688, 713.

(³) Тамъ же стр. 761.

вдругъ мужчины и женщины встаютъ съ своихъ мѣстъ и, снявъ съ себя обыкновенное свое платье и бѣлье, начинаютъ одѣваться въ особаго покроя бѣлыя рубашки, а на ноги—надѣвать нитяныя чулки и сверхъ нихъ — легкіе башмаки. Въ такую же, только кисейную и искусно вышитую шелками, рубашку одѣвается и Акулина Тимоѳеевна. Зажигаются восковыя свѣчи и всѣ начинаютъ пѣть протяжнымъ голосомъ слѣдующую пѣснь:

„Святый Боже, святый крѣпкій,
Святый безсмертный, помилуй насъ!
Дай намъ Господи Іисуса Христа,
Дай намъ, Сударь, Сына Божія
И помилуй, Сударь, насъ!
Сошли намъ Духа святаго, Утѣшителя“ и проч.

Во время пѣнія этихъ стиховъ Акулина Тимоѳеевна начинаетъ припрыгивать, потомъ хлопать въ ладоши, наконецъ—вертѣться и плясать. За нею тоже начинаютъ дѣлать и другіе—такъ, что все собраніе превращается въ странное и страшное зрѣлище безобразія и безстыдства. Женщины полунагія начинаютъ ходить на четверенькахъ, а Акулина Тимоѳеевна—прыгать на нихъ верхомъ и производить омерзительныя безчинства. При этомъ одинъ крестьянинъ, по имени Иванъ Вуколовъ, изображающій собою апостола Петра, взбирается на лавку и, притопывая ногами, разводитъ руками надъ бѣснующимися... Все это оканчивается къ утру чаемъ, разными сластями, ужиномъ, а нерѣдко и, такъ называемымъ, свальнымъ грѣхомъ, при чемъ не обращается вниманія ни на возрастъ, ни на родство. Что это за дикая оргія, спроситъ читатель? Это — „радѣніе“, или

„богомоленіе“ хлыстовъ подъ руководствомъ „хлыстовской богородицы—Акулины Тимоѳеевны“, дѣло о которой 24-го іюля настоящаго года докладывалось во Владимірской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда (1). Изъ Владимірской губерніи перенесемся мыслію въ Землю Войска Донскаго; здѣсь также совершаются странныя вещи. Вотъ—хуторъ Мало-набатовскій Голубинской станицы. Въ одинъ изъ мѣстныхъ праздниковъ мы видимъ въ этомъ хуторѣ огромныя толпы народа, окружающія деревянную часовню. Чрезъ нѣсколько минутъ на крышѣ этой часовни является казакъ—съ привязанными къ рукамъ орлиными крыльями. Вотъ онъ въ виду толпы расправляетъ крылья, растягиваетъ ихъ по перышку, потомъ начинаетъ махать ими, поднимать ноги то одну, то другую, подпрыгивать и затѣмъ стремглавъ падаетъ на землю головою внизъ, при чемъ сперва стонетъ и охаетъ, а наконецъ остается неподвижнымъ. Что это за комедія, кончившаяся такой трагедіей? Это—неудавшееся *вознесеніе на небо* раскольника Селиверста Константинова. Этотъ святоша, бывшій уставщикомъ въ раскольничьей молельнѣ, вздумалъ провозгласить своимъ прихожанамъ, что онъ вполнѣ угодилъ Богу, что немного ему остается жить на землѣ, что Богъ самъ явился ему и велѣлъ ему живому летѣть на небо. Какъ ни нелѣпо было такое заявленіе, раскольники однакоже повѣрили Константинову и, разумѣется, толпами бросились къ мнимому святому, неся ему кто гривну, кто рубль, кто холста, кто что имѣлъ, при чемъ каждый просилъ будущаго небожителя „поставить за него на небѣ

(1) „Вечерняя Газета“ 1867 г. № 203. О хлыстахъ и ихъ „радѣніяхъ“ см. подробнѣе въ „Прав. Собесѣдн.“ 1858 г. ч. I, стр. 333—364, ч. II, стр. 361—407; 1860 г. ч. III, стр. 391—445.

свѣчку предъ престоломъ Божіимъ". Хитрый казакъ все бралъ и торжествовалъ; но скоро дошла очередь и до него. Многіе, соскучась ожидать, когда Константиновъ самъ вздумаетъ разстаться съ грѣшною землею, стали настойчиво просить его — поскорѣе летѣть на небо. Желая сдержать слово, святоша сначала объявилъ, что Богъ велѣлъ ему убить орла и орлиныя крылья привязать къ рукамъ. Купивъ за тѣмъ эти крылья у другаго казака-охотника, Константиновъ наконецъ назначаетъ день для своего вознесенія на небо. Что было дальше, мы уже видѣли. Прибавимъ къ этому, что хитрый святоша съумѣлъ оправдаться въ своей неудачѣ, объявивъ своимъ ученикамъ, что онъ, по немощи человѣческой, усумнился, да не тою ногой ступилъ на облако. По свидѣтельству „Донскаго Вѣстника", здоровье Константинова поправилось и онъ снова собирается летѣть на небо, чтобы не остаться въ долгу предъ своими легковѣрными почитателями (¹). Скажутъ: все это больше смѣшно, чѣмъ опасно?, Но вотъ еще современная намъ картина, при взглядѣ на которую едва ли появится улыбка на устахъ самаго веселаго по характеру человѣка. Въ деревнѣ Слободищахъ Вязниковскаго уѣзда выходитъ на зарѣ изъ одного дома 57-лѣтній крестьянинъ и усердно начинаетъ молиться на восходъ. По окончаніи молитвы, онъ возвращается въ избу, гдѣ находитъ еще спящую женщину и небольшаго ребенка. Разбудивъ женщину и отославъ ее въ другую деревню за овчинами, только что помолившійся крестьянинъ приступаетъ къ ребенку и начинаетъ убѣждать его—надѣть бѣлую рубашку. Когда же у мальчика та-

(¹) „Вечерняя Газета" 1867 г. № 205.

кой рубашки не оказалось, онъ надѣваетъ на него свою и кладетъ малютку на лавку—въ передній уголъ—подъ образами,—приговаривая: „лягъ, умница, на лавочку, я на тебя полюбуюсь“. Лишь только ничего не понимавшій ребенокъ спокойно улегся, какъ ухаживавшій за нимъ старикъ быстро отворачиваетъ подолъ рубахи и наноситъ мальчику нѣсколько ударовъ ножемъ въ животъ. Ребенокъ затрепеталъ и сталъ биться—такъ, что постоянно натыкался на ножъ, отъ чего на животѣ его образовалось множество ранъ. Желая прекратить страданія ребенка, мнимо-набожный крестьянинъ разомъ распарываетъ ему животъ сверху до низу. Мальчикъ теряетъ силу сопротивляться, но еще не умираетъ. Заря, занявшаяся на востокѣ, свѣтила дѣтоубійцѣ въ окно при совершеніи имъ преступленія; но когда ребенокъ былъ уже почти зарѣзанъ, вдругъ въ окнѣ являются первые лучи восходящаго солнца и багровымъ свѣтомъ падаютъ на лице невинной жертвы. Эта случайность—вмѣстѣ съ видомъ крови такъ подѣйствовала на преступника, что онъ въ трепетѣ выпускаетъ изъ рукъ ножъ и, повергшись предъ образами, начинаетъ горячо молиться. Послѣ молитвы онъ подходитъ къ обливавшемуся кровью, но еще дышавшему, ребенку съ слѣдующими словами: „прости меня, Гришенька, Христа ради за то, что я нанесъ тебѣ такую скорбь“ и, получивъ въ отвѣтъ: „Богъ тебя проститъ“, преступникъ затепливаетъ свѣчу предъ образами и снова начинаетъ молиться, прося ребенка повторять за нимъ молитву: „Богородице, Дѣво, радуйся“... Въ это время, когда молитва уже кончалась и ребенокъ, произносившій слова ея тихимъ голосомъ, замолкъ, вдругъ отворяется дверь и въ избу входитъ спавшая съ ребенкомъ и высланная изъ дома женщина.

Увидѣвъ все случившееся, она падаетъ отъ страха на землю, а дѣтоубійца, поднявшись съ пола, на которомъ стоялъ на колѣняхъ, обращается къ ней съ такими словами: „иди и объяви обо всемъ старостѣ; я сдѣлалъ праздникъ святымъ". Что это за извергъ, спроситъ читатель въ ужасѣ, и что побудило его къ преступленію? Это—раскольникъ, такъ называемаго, Спасова согласія, Михаилъ Ѳедоровъ Куртинъ; ребенокъ, котораго онъ зарѣзалъ, — родной и единственный его сынъ — семилѣтній Гриша; женщина, высланная изъ дома и по возвращеніи въ него нашедшая убитаго ребенка, — жена Куртина и мать Гриши; причиной, побудившей Куртина къ такому страшному, безчеловѣчному преступленію, было желаніе фанатика, лишивъ своего смышленнаго не по лѣтамъ и веселаго отъ природы сына жизни, спасти его отъ вѣчной погибели въ антихристовомъ царствѣ и тѣмъ угодить „Спасу и святымъ Его" (¹). Всѣ эти Акулины Тимоѳеевны, Силиверсты Константиновы, Михаилы Куртины и многіе, весьма многіе подобные имъ изувѣры, живущіе въ наше время и то подговаривающіе православныхъ дьячковъ красть изъ церквей старинныя Іосифовскія евангелія и напрестольные кресты съ мощами, то нагло-кощунственно, въ присутствіи православныхъ священниковъ, называющіе Святителя Димитрія Ростовскаго — Кузьмою, московскимъ булочникомъ (²), и проч. и проч.,—лучше всякихъ словъ и разсужденій показываютъ, что тьма раскола, противъ которой направлены были указанныя выше распоряженія церковной власти, не разсѣялась и въ наши дни и

(¹) „Вечерняя Газета" 1867 г. № 203.

(²) „Вечерняя Газета" 1867 г. № 218.

едва ли даже не сдѣлалась нынѣ непроницаемѣе, гуще и зловреднѣе.

Наконецъ не потому ли ученіе о расколѣ не введено въ систему семинарскаго образованія, что существовавшія доселѣ миссіонерскія отдѣленія при семинаріяхъ не приносили надлежащей пользы? Но причину такого печальнаго явленія можно объяснить, и не прибѣгая къ закрытію этихъ отдѣленій. Она скрывалась въ неудачной постановкѣ каѳедръ по расколу въ семинаріяхъ, въ слѣдствіе чего преподаваніе этого предмета въ большей части семинарій шло крайне неудовлетворительно. Прежде всего, какъ извѣстно, наука о расколѣ преподавалась въ семинаріяхъ не однимъ наставникомъ, а многими: одинъ напр. читалъ исторію раскола, другой занимался опроверженіемъ раскольническихъ заблужденій, третій знакомилъ будущихъ пастырей церкви съ сочиненіями, написанными какъ противъ раскола, такъ и въ защиту его и т. д. Что происходило отъ указаннаго порядка вещей, понять нетрудно. Не было въ лекціяхъ по расколу ни плана, ни порядка, ни связи; о многомъ, часто и не важномъ, говорилось по нѣскольку разъ, а о иномъ, болѣе существенномъ и полезномъ, ни слова; нерѣдко на одномъ классѣ слышалась похвала тому, что на другой лекціи положительно осуждалось—такъ, что воспитанники не знали, чему и кому вѣрить; а отъ всего этого происходила въ головахъ будущихъ миссіонеровъ такая путаница, которая отнимала охоту заниматься дѣломъ у самыхъ усердныхъ изъ нихъ. Далѣе: такъ какъ преподаваніе въ семинаріяхъ разныхъ частей науки о расколѣ поручалось разнымъ лицамъ по расчетамъ чисто финансовымъ, чтобы не платить особому наставнику лишняго жалованья,—то само собой понятно, что главное вни-

манія наставниковъ миссіонерскихъ отдѣленій обращено было на изученіе и разработку тѣхъ предметовъ, за преподаваніе которыхъ имъ платили деньги, а расколу, какъ дѣлу побочному, второстепенному, удѣлялось ими усердія и времени столько, сколько нужно было, чтобы формально исполнить безплатное начальственное порученіе. Отъ того нерѣдко и сами наставники миссіонерскихъ отдѣленій, особенно не слушавшіе въ академіяхъ уроковъ по расколу, знали объ немъ не больше своихъ слушателей и пробавлялись на лекціяхъ чтеніемъ статей по расколу, какія находили въ разныхъ журналахъ духовныхъ и свѣтскихъ. Семинарское начальство, разумѣется, видѣло это зло; но такъ какъ распоряженіе о томъ, чтобы „преподаваніе наукъ въ миссіонерскихъ отдѣленіяхъ при каждой семинаріи было поручено двумъ или тремъ наличнымъ наставникамъ", имѣвшимъ уже въ своемъ завѣдываніи другія науки, сдѣлано было высшею властію (¹), то, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, оно по необходимости терпѣло его. Жаль только, что епархіальные преосвященные, которыхъ всего больше и должны были интересовать миссіонерскія отдѣленія, не употребили съ своей стороны средствъ къ уничтоженію указаннаго зла—разъясненіемъ его Св. Сѵноду, который, нѣтъ сомнѣнія, измѣнилъ бы свое первоначальное опредѣленіе о безплатномъ преподаваніи миссіонерскихъ предметовъ въ семинаріяхъ равными и многими наставниками, какъ сдѣлалъ онъ напр. для академій. Затѣмъ, хотя, при первой мысли объ открытіи миссіонерскихъ отдѣленій, Св. Сѵнодъ пришелъ къ убѣжденію, что для успѣха дѣла необходимо снабдить

(¹) Собр. постановл. по част. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 537; снес. стр. 575 и 581.

Семинарскія Правленія нуждались для изученія раскола книгами и рукописями; хотя для осуществленія этой мысли онъ, какъ мы видѣли, употреблялъ много заботъ и денегъ,—тѣмъ не менѣе и доселѣ во многихъ семинаріяхъ нѣтъ весьма многихъ и весьма важныхъ книгъ, безъ которыхъ нельзя знать раскола, и притомъ писанныхъ не только раскольниками,—эти книги, благодаря разнымъ обстоятельствамъ, сдѣлались рѣдки и цѣнны,—но и православными обличителями раскола (1). Отъ чего бы и отъ кого бы ни зависѣлъ этотъ недостатокъ въ семинаріяхъ необходимыхъ для обстоятельнаго изученія раскола книгъ, въ былое время во множествѣ отбиравшихся у раскольниковъ и поступавшихъ въ консисторскіе архивы,—во всякомъ случаѣ онъ не могъ не сопровождаться невыгодными послѣдствіями для дѣла. Наставники большей части миссіонерскихъ отдѣленій, не имѣя подъ руками нужныхъ пособій, вмѣсто того, чтобы изучать и преподавать ученіе о расколѣ по сочиненіямъ позднѣйшаго времени, въ которыхъ духъ и жизнь раскола рисуются вѣрнѣе, полнѣе и глубже, изучали и преподавали свой предметъ по челобитнымъ раскольническимъ и другимъ сочиненіямъ, писаннымъ еще въ XVII вѣкѣ. А слѣдствіемъ этого было то, что воспитанники миссіонерскихъ отдѣленій выходили изъ семинарій съ плохимъ знаніемъ раскола не современнаго, противъ котораго и должны будутъ дѣйствовать въ качествѣ пастырей Церкви православной, а уже отжившаго свой вѣкъ, и только дивились при встрѣчѣ въ жизни съ раскольническими личностями, не похожими ни на Аввакума, ни на Никиту Пустосвята и подобныхъ

(1) Тамъ же стр. 818—19.

ихъ первыхъ расколоучителей. О знаніи подобными питомцами миссіонерскихъ отдѣленій разныхъ сектъ и толковъ позднѣйшаго происхожденія, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Наконецъ даже главная мысль Св. Сvнода—помѣщать въ миссіонерскихъ отдѣленіяхъ лучшихъ воспитанниковъ семинарій (1)— не исполнялась почему-то въ точности во многихъ изъ нихъ. Отъ того и нынѣ можно найти въ разныхъ епархіяхъ не мало молодыхъ священниковъ перворазрядныхъ, получившихъ, разумѣется, большіе и лучшіе приходы, которые не имѣютъ другаго понятія о раскольникахъ, кромѣ того, что они крестятся двумя перстами, да не ходятъ въ церковь, хотя этотъ цвѣтъ сельскаго духовенства учился въ семинаріяхъ уже послѣ того, какъ открыты были въ нихъ миссіонерскія отдѣленія. При такомъ веденіи дѣла, по нашему мнѣнію, даже странно было бы ожидать отъ миссіонерскихъ отдѣленій ощутительной пользы для православія въ борьбѣ его съ расколомъ. Еще страннѣе, на нашъ взглядъ, было бы—уничтожать эти отдѣленія за указанные недостатки ихъ, въ которыхъ, говоря правду, они ни мало не виновны, и тѣмъ разрушать дѣло, на которое церковною властію употреблено было столько заботъ, хлопотъ и денегъ и которое въ наши дни требуетъ къ себѣ особеннаго, преимущественнаго вниманія. Такъ какъ, при болѣе и болѣе усвояемомъ свѣтскою властію принципѣ невмѣшательства въ религіозныя дѣла раскола (2), при той гражданской свободѣ, какую расколъ уже пріобрѣлъ въ настоящее царствованіе,—православію въ лицѣ нашего простонародья можетъ грозить серьёзная опасность, если церковная власть

(1) Тамъ же стр. 527, 537 и др.

(2) Тамъ же стр. 831—5.

не позаботится приготовить облеченныхъ во всеоружіе истины борцевъ противъ заблуждающихъ въ лицѣ приходскихъ священниковъ. Можно указать и еще обстоятельство, побуждающее насъ обратить на расколъ самое полное вниманіе. Въ послѣднее время, какъ всякому извѣстно, усилилось вниманіе къ нашей православной Церкви инославныхъ западныхъ христіанъ. Въ Англіи и въ другихъ странахъ не мало явилось въ наши дни не только сочиненій—съ болѣе или менѣе безпристрастными отзывами о нашемъ православіи, но и—цѣлыхъ „обществъ“, поставившихъ своею задачею изученіе восточной православной Церкви—съ цѣлію отысканія въ ней Христовой и апостольской истины. Нѣтъ ничего удивительнаго, если эти искатели истины, не ограничиваясь изученіемъ нашего православія по символическимъ и другимъ книгамъ, вздумаютъ еще ознакомиться съ нимъ на дѣлѣ. Кто же будетъ виноватъ, если они, пріѣхавъ къ намъ (какъ это не такъ давно и было) и обративъ свои наблюденія не на верхніе слои нашего общества, въ которыхъ нетрудно замѣтить сочувствіе къ инославію и иноземству, хотя и прикрытое православною внѣшностію, а на массу народную, встрѣтятся здѣсь лицемъ къ лицу съ нашимъ расколомъ,—съ его открыто враждебнымъ отношеніемъ къ церкви восточной греко-россійской, будто бы потерявшей истину и православіе, съ его заклятою, фанатическою ненавистію къ Церквамъ и обществамъ христіанскимъ западнымъ, какъ еретическимъ, антихристіанскимъ,—съ его слѣпотою умственно-религіозною, съ его мрачными недугами нравственными, и, узнавъ, что этому многоглавому, несчастному калекѣ болѣе или менѣе сочувствуетъ и остальная масса православнаго населенія,—станутъ потомъ проповѣдывать

вмѣсто: „свѣтъ съ Востока“—„тьма на Востокѣ“? А вѣдь подобное несчастіе легко можетъ случиться, если мы, предаваясь журнальнымъ разглагольствіямъ о соединеніи церквей, не позаботимся присоединить къ своей церкви отпадшихъ отъ нея—ея собственныхъ дѣтей. Нѣтъ, довольно съ насъ и того грѣха, что въ теченіе 200 лѣтъ мы не хотѣли или, покрайней мѣрѣ, не съумѣли научить православной истинѣ не хитрыхъ и образованныхъ еретиковъ, впадшихъ въ заблужденія, противныя недоступнымъ разуму истинамъ вѣры, а простыхъ и невѣжественныхъ раскольниковъ, ратующихъ за букву, привязанныхъ къ обряду, удаляющихся отъ церкви изъ-за церковности. Продолжать подобное же отношеніе къ заблуждающимъ и въ новомъ-третьемъ отъ начала раскола столѣтіи значитъ усугублять грѣхъ невниманія къ спасенію ближняго и рисковать—болѣзнь церкви сдѣлать слишкомъ застарѣлою, а, можетъ быть, и неисцѣльною. Въ виду такихъ соображеній, существовавшія доселѣ миссіонерскія отдѣленія должны быть не закрываемы,—что можетъ даже подать заблуждающимъ поводъ думать, будто православная истина не въ состояніи бороться съ заблужденіемъ раскола,—а усиливаемы обязательнымъ поступленіемъ въ нихъ всѣхъ, кто желаетъ со временемъ сдѣлаться пастыремъ церкви.

Намъ могутъ сказать, что и въ новомъ уставѣ для семинарій расколъ не забытъ, только изученіе его въ семинаріяхъ предоставлено на волю епархіальныхъ начальствъ. Правда, въ § 129 прямо сказано, что „по мѣстнымъ потребностямъ епархіи въ семинаріи можетъ быть усиливаемо преподаваніе нѣкоторыхъ отдѣловъ наукъ, напр. о расколѣ, или какомъ либо вѣроиспо-

вѣданіи, преобладающемъ въ данной мѣстности". Но если, какъ показалъ опытъ, даже открытыя по распоряженію высшей власти миссіонерскія отдѣленія не вездѣ пользовались надлежащимъ вниманіемъ епархіальныхъ начальствъ, то какой участи въ правѣ ожидать себѣ наука о расколѣ тогда, когда самое существованіе ея въ той или другой семинаріи будетъ зависѣть отъ соображеній мѣстнаго начальства? Намъ скажутъ, что кому же болѣе и заботиться объ искорененіи заблужденій раскола въ каждой епархіи, какъ не мѣстному епархіальному начальству? Это правда; но не подлежитъ сомнѣнію и то обстоятельство, что вотъ уже 200 лѣтъ расколъ существуетъ у насъ совмѣстно съ епархіальными начальствами, а между тѣмъ, пока сама церковная власть не предписала епархіальнымъ преосвященнымъ обратить вниманіе на изученіе раскола и открыть для этой цѣли миссіонерскія отдѣленія, объ этой мѣрѣ противъ раскола ни одна епархія и не подумала. Мало этого: даже послѣ указаннаго распоряженія власти нашлись епархіальные начальники, которые прямо заявляли, что они „не признаютъ нужнымъ открывать миссіонерскія отдѣленія въ семинаріяхъ, состоящихъ въ управляемыхъ ими епархіяхъ,"—на томъ основаніи, что число раскольниковъ въ нихъ не простирается дальше трехъ—четырехъ тысячъ (¹), хотя, по ученію Евангелія, для спасенія даже одной заблудшей овцы пастырь можетъ и обязанъ оставлять на время безъ своего попеченія девяносто девять не заблудшихъ (²) и хотя въ другихъ епархіяхъ—даже съ меньшимъ числомъ раскольниковъ нужда миссіонерскихъ отдѣленій была признана

(¹) Тамъ же стр. 635.
(²) Мѳ. XVIII, 12.

безуспѣшно. И „въ нынѣшнее время,—скажемъ словами одного, важнѣйшаго разсмотрѣннаго документа по расколу,—хотя нѣтъ причины опасаться, что архіерей не захочетъ бесѣдовать съ раскольникомъ, или обратить къ нему умѣстно убѣдительныя или повелительныя слова, но можетъ случиться, что пастырь не довольно ищетъ сердецъ заблуждающихъ" (1); а этого и достаточно, чтобы преподаваніе науки о расколѣ, поставленное въ зависимость отъ соображеній подобнаго „пастыря", не только не усиливалось въ мѣстной семинаріи, а даже совсѣмъ прекратилось. Наконецъ не можемъ не упустить изъ виду и того обстоятельства, что расколъ, по признанію самой власти, составляетъ не мѣстный недугъ той или другой епархіи, а болѣзнь всей русской церкви, даже „болѣзнь государственную" (2). Значитъ, иниціатива мѣръ противъ него должна принадлежать высшей власти, а не мѣстнымъ епархіальнымъ начальствамъ, соображенія которыхъ объ этомъ предметѣ могутъ быть различны, въ слѣдствіе чего неодинаковы могутъ быть и основанныя на нихъ мѣры противъ заблуждающихъ. А это различіе мѣръ способно только возбудить ропотъ въ раскольникахъ разныхъ епархій и — заставить ихъ передвигаться изъ одной губерніи въ другую, болѣе спокойную и удобную для нихъ. Не говоримъ уже о томъ, что не только различіе мѣръ противъ раскола въ разныхъ мѣстахъ, а даже „не точное и неправильное" приведеніе въ исполненіе однихъ и тѣхъ же распоряженій противъ заблуждающихъ „мѣстными властями", признано вреднымъ самою властію (3).

(1) Собр. пост. по част. раск. 1858 г. стр. 218.
(2) Собр. постановл. по част. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 646 и 652.
(3) Собр. постан. по части раск. 1858 г. стр. 117; Собр. пост. по част. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 831.

Далѣе: по смыслу 129 § устава, преподаваніе ученія о расколѣ въ семинаріяхъ можетъ быть усиливаемо, смотря по мѣстнымъ потребностямъ каждой епархіи, но не въ видѣ отдѣльной, самостоятельной науки-съ особымъ наставникомъ для ней, а въ видѣ „отдѣла“ другихъ наукъ. А это значитъ, что исторію раскола придется читать въ видѣ отрывка наставнику исторіи русской церкви, обозрѣніе раскольническихъ и противораскольническихъ сочиненій, вѣроятно, будетъ поручено преподавателю русской словесности съ исторіею русской литературы, опроверженіе раскольническихъ заблужденій, лежавшее прежде на наставникѣ, такъ называемаго, обличительнаго богословія, съ уничтоженіемъ послѣдняго, вѣроятно, примкнетъ къ какому либо другому богословію, т. е. продолжится порядокъ вещей, отъ котораго страдали и прежнія миссіонерскія отдѣленія. Намъ замѣтятъ, что дѣлать изъ науки о расколѣ отдѣльную каѳедру—слишкомъ роскошно? Но такъ думать значитъ не знать, что наука эта, не смотря на свое недавнее существованіе, успѣла уже развѣтвиться на нѣсколько почтенныхъ по объему частей, что, по мысли Св. Синода, кромѣ исторіи раскола, опроверженія раскольническихъ заблужденій и обозрѣнія раскольническихъ и противораскольническихъ сочиненій, священнику-миссіонеру необходимо знать еще „современную статистику раскола по всѣмъ его видахъ и отрасляхъ“ и „пастырскую педагогику относительно раскольниковъ“, т. е. тѣ пріемы и способы, какіе нужно наблюдать священнику при собесѣдованіи съ заблуждающими, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на нихъ (1). Преподать со всею обстоятельностію

(1) Собр. постановл. по части раск. 1860 г. кн. 2, стр. 535—7, 643—4 и др.

и полнотою всѣ эти частные отдѣлы науки о расколѣ, кажется, дѣло не легкое, особенно если взять во вниманіе то обстоятельство, что серьезное изученіе раскола началось у насъ недавно, что сторонъ въ предметѣ неузнанныхъ и неразработанныхъ еще слишкомъ много, а между тѣмъ дѣльныхъ пособій къ этому явилось въ печати еще очень мало, или, какъ изволилъ замѣтить въ 1858 году Государь Императоръ: „не смотря на обиліе у насъ печатныхъ книгъ и рукописныхъ записокъ, исторія, статистика и законодательство раскола еще весьма мало обработаны (1)“. А нужно ли священнику, желающему успѣшно дѣйствовать на заблуждающихъ, знать всѣ указанныя части науки о расколѣ, или вѣрнѣе знать: расколъ до мельчайшихъ подробностей—со всѣми частностями и даже мелочами, это, думается, пойметъ всякій, кто знаетъ, что въ спорахъ съ раскольниками, почти неспособными по неразвитости къ отвлеченію и силлогистикѣ, недостаточно только доказать ложность основаній, чтобы они увидѣли несостоятельность и тѣхъ частныхъ мнѣній, которыя утверждаются на этихъ основаніяхъ, но нужно разбирать, такъ сказать, по ниточкѣ всѣ частныя свидѣтельства, всѣ самыя дробныя доказательства въ пользу того или другаго защищаемаго ревнителями буквы положенія, и только послѣ такого способа собесѣдованія можно ожидать побѣды надъ заблуждающими. Отъ того-то и въ инструкціяхъ миссіонерамъ предписывается имъ „перечитать всѣ уважаемыя раскольниками книги богослужебныя и небогослужебныя“ и „особенно знать въ совершенной подробности всѣ возможныя доказательства

(1) Собр. постановл. по част. раск. 1858 г. стр. 677.

изъ старыхъ книгѣ такъ, чтобы всякое доказательство могло быть произнесено наизусть во всякое время и безъ всякаго замедленія, а въ случаѣ требованія повѣрки, показано и въ книгѣ", и притомъ „приводимыя мѣста прочитывать отъ слова до слова", т. е. съ буквальною точностію (¹). Съ другой стороны въ расколѣ—въ частныхъ его сектахъ и толкахъ, которыхъ многое множество, кромѣ общихъ заблужденій, составляющихъ основу вѣрованій всѣхъ раскольниковъ, есть свои частныя мнѣнія, которыя имѣютъ въ глазахъ сектантовъ одинаковую, если не большую, съ первыми важность. Знать эти частности столько же необходимо, сколько и не легко.

Скажутъ: „въ каждой епархіи существуютъ только опредѣленныя секты и толки старообрядства, ихъ только и должны изучать воспитанники мѣстной семинаріи, а о другихъ отрасляхъ раскола могутъ имѣть свѣдѣнія только общія и краткія". Съ этимъ замѣчаніемъ можно было бы согласиться, если бы расколъ нашъ представлялъ изъ себя что либо мертвое, неподвижное, мирное—въ родѣ археологическихъ памятниковъ данной мѣстности, спокойно лежащихъ на мѣстѣ, пока рука какого либо любителя древностей не найдетъ имъ болѣе приличнаго помѣщенія—въ музеѣ. Къ сожалѣнію, расколъ—живое общество людей, которые, не смотря на всѣ мѣры власти къ ограниченію „противозаконныхъ отлучекъ и сношеній раскольниковъ туземныхъ между собою и другихъ губерній съ туземными" (²),—свободно разгуливаютъ по широкой Россіи и нерѣдко „подъ

(¹) Собр. постановл. по части раск. 1860 г. кн. 2, стр. 780—2.

(²) Тамъ же стр. 699 и 765. Собр. постановл. по части раск. 1858 г. стр. 644.

предлогомъ какихъ либо сельскихъ нуждъ, а иногда и безъ предлога", (1) проникаютъ въ такія захолустья, куда съ трудомъ попадаютъ и агенты власти, или даже епархіальные начальники. А слѣдствіемъ этого бываетъ то, что иное епархіальное начальство, привыкшее видѣть въ числѣ своихъ подчиненныхъ однихъ только мир. поповцевъ, вдругъ въ одинъ не прекрасный день открываетъ между ними и безпоповцевъ—и нерѣдко такихъ толковъ, о которыхъ прежде и не слыхало. А зная силу и успѣхъ пропаганды раскольнической, можно думать, что подобнаго рода непріятныя открытія совершаются довольно часто. Въ виду указаннаго обстоятельства, ограничивать изученіе раскола въ каждой семинаріи только мѣстными сектами и толками значитъ забывать, что расколъ живетъ и движется по самымъ неопредѣленнымъ направленіямъ и путямъ, не справляясь съ оффиціальнымъ разграниченіемъ губерній и епархій. Съ другой стороны, если власть находитъ почему либо необходимымъ и возможнымъ налагать разнаго рода ограниченія на „путешествія и отлучки" (2) раскольниковъ, то не можетъ же она заставить сидѣть дома и православныхъ; а между тѣмъ, по свидѣтельству приходскихъ священниковъ, очень „многіе изъ православныхъ прихожанъ, не бывая по нѣскольку лѣтъ дома, являются въ свое семейство уже зараженными расколомъ и даже закоснѣлыми раскольниками (3)", нерѣдко усвоившими себѣ лжеученія разныхъ толковъ. Нужно ли послѣ этого священникамъ каждой епархіи знать

(1) Собр. постановл. цо части раск. 1860 г. кн. 2, стр. 726.

(2) Собр. постановл. по части раск. 1858 г. стр. 122, 147, 171, 196—7, 452—3, 484, 594, 656 и др.

(3) Собран. постановл. по части раск. 1860 г. кн. 2, стр. 719.

расколъ вообще—во всѣхъ его видахъ и толкахъ, или свѣдѣнія ихъ могутъ ограничиваться только мѣстными религіозными разномысліями, это, кажется, ясно.

Скажутъ: „открывать въ *каждой* семинаріи самостоятельную каѳедру по расколу нѣтъ нужды потому, что во многихъ губерніяхъ раскольниковъ слишкомъ мало, а въ иныхъ почти даже нѣтъ ихъ“. Но, сколько намъ извѣстно, такихъ счастливыхъ епархій, гдѣ бы не было вовсе какихъ либо сектантовъ, не существуетъ; самыя отдаленныя изъ нихъ отъ центра появленія и сосредоточенія раскола—Великороссіи, какъ напр. Камчатская и другія,—и тѣ имѣютъ цѣлыя селенія заблуждающихъ (¹). Припомнивъ же сказанное нами прежде о раскольнической пропагандѣ, въ слѣдствіе которой часто цѣлыя деревни православныхъ совращаются какимъ либо „странникомъ“ въ расколъ, или по крайней мѣрѣ многіе православные, побывавъ въ раскольническихъ губерніяхъ, возвращаются въ домы совершенными раскольниками, мы поймемъ еще больше, могутъ ли оставаться спокойными и не предпринимать мѣръ противъ зла тѣ епархіи, въ которыхъ въ настоящее время раскольниковъ находится дѣйствительно немного. Вѣдь искуству побѣждать врага учатся не на полѣ брани, не во время сраженія, а до встрѣчи съ непріятелемъ. Что же касается тѣхъ епархій, въ которыхъ, по оффиціальнымъ документамъ, раскольниковъ числится мало сравнительно съ другими губерніями, то, кромѣ сказаннаго, имъ можно поставить на видъ слѣдующее обстоятельство. Доселѣ, сколько извѣстно, ни власти церковной, ни власти свѣтской неизвѣстно въ точности, гдѣ сколько существуетъ сектан-

(¹) Тамъ же стр. 619.

тели; а смѣемъ говорить, что не знаютъ этого и сами епархіальныя и губернскія начальства. Извѣстенъ всѣмъ по этому вопросу курьезъ, происшедшій въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по Высочайшему повелѣнію, послано было въ это время нѣсколько чиновниковъ въ разныя губерніи для изслѣдованія въ нихъ раскола и, между прочимъ, для приведенія „въ точнѣйшую извѣстность дѣйствительнаго числа раскольниковъ“. Что же оказалось? Оказалось, что во многихъ епархіяхъ число раскольниковъ показывалось мѣстнымъ начальствомъ въ четыре раза меньше противъ настоящаго ихъ числа, а въ нѣкоторыхъ — въ двадцать и даже въ тридцать разъ меньше (1), — такъ, что число всѣхъ сектантовъ въ Россіи, ограничивавшееся, по показаніямъ мѣстныхъ начальствъ, 875,382 душами, возрасло, въ слѣдствіе болѣе точныхъ изслѣдованій, до семи и даже до десяти милліоновъ (2). Правда, цифры, показанныя чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ, нѣкоторые признаютъ положительно невѣрными и преувеличенными (3); но мы, оставивъ въ сторонѣ этотъ вопросъ, можемъ доказать другими фактами мысль, что и сами епархіальныя начальства не знаютъ въ точности наличнаго числа раскольниковъ, находящихся въ той или другой губерніи. Въ 1856 году миссіонеръ повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губерніи, священникъ Дубровскій донесъ епархіальному преосвященному, что, кромѣ раскольниковъ записныхъ, нахо-

(1) Статистич. таблиц. росс. импер. 1863 г. выпуск. 2, стр. 238—6.

(2) Тамъ же стр. 212 и 240—2; срав. Московск. Вѣдом. 1864 г. № 81.

(3) Душеполезн. Чтен. 1864. г. іюль, стр. 81—88.

пастыри, по сознанію самихъ епархіальныхъ властей, „неблагонадежные, невнимательные къ исполненію своего долга, нерадивые, несвѣдущіе, неспособные, неблагонравные, равнодушные и слабые" (¹). Во вторыхъ — и это главное — тогда священники православныхъ приходовъ, приготовленные въ семинаріи на борьбу съ расколомъ, могли бы даже не допускать въ своихъ православныхъ предѣлахъ появленія лжеученія и тѣмъ избавили бы себя и епархіальное начальство отъ множества хлопотъ и заботъ, неизбѣжныхъ при обращеніи заблуждающихъ къ св. церкви. А наконецъ знаніе раскола можетъ быть не безполезно священникамъ православныхъ приходовъ и само по себѣ — безъ приложенія его даже къ прямымъ цѣлямъ миссіонерства. При нѣкоторомъ отличіи отъ православія въ частныхъ пунктахъ вѣроученія и церковной обрядности, расколъ, какъ извѣстно, въ общемъ своемъ религіозномъ направленіи, въ бытовой жизни, въ своихъ нравахъ и обычаяхъ весьма сходенъ съ нашимъ православнымъ простонародьемъ, чѣмъ и объясняется успѣхъ пропаганды раскольнической въ низшихъ слояхъ нашего общества. А служащіе основаніемъ для многихъ раскольническихъ мнѣній памятники древней нашей литературы—въ родѣ „изборниковъ, торжественниковъ, златоструевъ, маргаритовъ, златыхъ чепей, пчелъ, зерцалъ душезрительныхъ, сыновъ церковныхъ" и проч. и проч., составляютъ, какъ извѣстно, любимое чтеніе и нашего православнаго грамотнаго простонародья, изъ котораго главнымъ образомъ и состоятъ наши сельскіе приходы. Значитъ, знаніе раскола и источниковъ его вѣроученія мо-

(¹) Тамъ же стр. 168—9, 735, 762 и др.

жетъ облегчать приходскому священнику изученіе и пониманіе строя нравственной жизни и религіознаго міросозерцанія его православныхъ прихожанъ. Не говоримъ уже о томъ, что знакомство съ расколомъ и его бытовою жизнію можетъ служить лучшимъ средствомъ къ изученію вообще нашего народнаго духа и нашей почтенной старины, со всѣми ея хорошими и дурными сторонами, ея завѣтныхъ, своеобразныхъ вѣрованій, нравовъ и обычаевъ, болѣе и болѣе исчезающихъ изъ дѣйствительной жизни подъ вліяніемъ новѣйшаго прогресса и всестирающей западной цивилизаціи. А нужно ли въ наше время знать все это каждому образованному человѣку, а слѣдовательно и „просвѣщенному русскому священнослужителю", — это, кажется, не требуетъ доказательствъ. Мы живемъ въ эпоху возрожденія народа и его „излюбленныхъ, *изстаринныхъ* началъ земскаго устроенья". „Въ новизнахъ Твоего царствованія, писали раскольники въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ адресовъ Государю Императору, — намъ старина наша слышится" (¹). И кто вдумывался серьёзно во всѣ реформы, совершавшіяся и совершающіяся на нашихъ глазахъ по волѣ милосерднѣйшаго нашего Монарха, тотъ не усумнится сказать, что заблуждающіе наши братья русскимъ чутьемъ поняли ихъ *суть* и мѣтко охарактеризовали ихъ. Съ другой стороны и современное направленіе нашей литературы и науки — таково, что расколъ съ его народными воззрѣніями на жизнь и всѣ ея отношенія, съ его „богодухновенными", хотя часто очень курьёзными по содержанію, источниками народныхъ вѣрованій и нравственныхъ убѣжденій, невольно напра-

(¹) См. въ Голосѣ 1863 г. № 94 апрѣл. 20, всеподдан. адресъ безпоповцевъ Московскихъ и Петербургскихъ.

шивается на изученіе. Нынѣ, какъ извѣстно, историческая наука ставитъ своей задачей не поклоненіе въ умиленіи героямъ только и дѣятелямъ общественно-оффиціальнымъ, а и вѣрную обрисовку внутренней жизни цѣлаго народа, не исключая и плебеевъ. А въ этомъ случаѣ самые мелочные, по видимому, памятники народнаго міросозерцанія и духовной и просто будничной жизни массы, разумѣется, если они не составляютъ случайнаго явленія, а имѣютъ основаніе въ духѣ народа, въ его особенностяхъ племенныхъ и историческихъ,—нерѣдко дороже для историка самыхъ великихъ дѣяній того или другаго историческаго лица. Этимъ направленіемъ и объясняется явленіе въ послѣднюю пору въ нашей литературѣ произведеній въ родѣ: „очерка домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ"—Костомарова, „народныхъ легендъ" и „поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу"—Аѳанасьева, изданій Пыпина, Якушкина, Варенцова и др. И если ученый историкъ не нашелъ неприличнымъ для своей цѣли съ любовію останавливаться на разсказахъ о томъ, какія напр. были у нашихъ предковъ примѣты, какими церемоніями сопровождались у нихъ пиры и банкеты, сколько выпивалось на нихъ вина, сколько поѣдалось пироговъ, какъ у нашихъ „теремныхъ" прабабушекъ устроялись любовныя интригики и проч. и проч.,—то мы право не понимаемъ, почему не считать серьёзнымъ трудомъ изученія напр. раскольническаго своеобразнаго міросозерцанія и внутренней закулисной жизни заблуждающихъ, многимъ еще напоминающей времена „Домостроя", но въ тоже время не чуждой нѣкотораго вліянія и новѣйшей цивилизаціи, — *жизни, которою всецѣло жи-*

веть и нашъ православный народъ. Или: если находить дѣломъ не безполезнымъ для науки издавать въ свѣтъ наши древнія былины, пѣсни, духовныя стихи, сказки и прочіе памятники нашей старины, то, намъ кажется, еще больше интереса, по крайней мѣрѣ практическаго, можно найти въ такъ называемыхъ раскольническихъ сборникахъ и цвѣтникахъ, въ которыхъ, кромѣ оригинальныхъ воззрѣній раскольниковъ на современное положеніе вещей, на новѣйшія открытія и усовершенствованія, на наши европейскіе порядки, нравы и привычки, нерѣдко ведется рѣчь и о такихъ жизненныхъ вопросахъ, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ еще далекому будущему (¹). Впрочемъ мы напрасно вдаемся въ подробности. Справедливость мысли, что священники нашихъ приходовъ не только раскольническихъ, но и православныхъ, обязаны „знать исторію русскаго раскола, а также и лжеученіе онаго, дабы“, въ случаѣ нужды, „могли безъ затрудненія обличать его заблужденія, въ какомъ бы видѣ они не обнаруживались“ (²), уже давно сознана многими епархіальными преосвященными и самою церковною властію. Нѣкоторые же изъ епархіальныхъ преосвященныхъ, болѣе другихъ знакомые съ дѣломъ, прибавляютъ, что знать расколъ должны не только наши священники, но и прочіе члены церковнаго причта; и поэтому еще въ 1857 году они заявляли предъ властію мысль о необходимости преподаванія въ семинаріяхъ ученія о расколѣ „не только уче-

(¹) Для примѣра укажемъ на „цвѣтникъ“ Евфимія, основателя странической секты (Кельсіев. вып. 4, стр. 259—270) и на сочиненіе подъ названіемъ: „зеркало для духовнаго внутренняго человѣка“ (Кельсіев. вып. 1· стр. 209—215).

(²) Собр. постановл. по части раск. 1860 г. кн. 2, стр. 623—4, 692. и др.

никамъ высшаго отдѣленія"—болѣе или менѣе несомнѣннымъ кандидатамъ на священство, „но и желающимъ изъ другихъ отдѣленій", которые могутъ по обстоятельствамъ занять низшія степени въ клирѣ, „и наконецъ чтобы общее понятіе о расколѣ и особенно мѣстномъ сообщаемо было ученикамъ и уѣздныхъ училищъ", изъ которыхъ большинство поступаетъ на причетническія должности (¹). Мысль на первый взглядъ странная; но если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что въ расколѣ учатъ вѣрѣ и нерѣдко даже совращаютъ въ эту мнимо—древнюю вѣру православныхъ простые мужички и даже женщины, то не найдемъ ничего страннаго и въ томъ, если наши напр. дьячки (о самихъ прихожанахъ нечего говорить) въ состояніи будутъ сказать слово въ защиту православной истины предъ своими православными прихожанами, или даже и предъ раскольниками, и для этого станутъ знакомиться съ заблужденіями раскола еще въ школѣ.

Скажутъ: „изученіе раскола всѣми воспитанниками семинарій можетъ обременить молодежь и безъ того обязанную выслушать и выучить во время семинарскаго курса не малое число наукъ". Но если дѣйствительно курсъ предметовъ семинарскаго образованія такъ обширенъ, что введеніе въ него какого либо новаго, не указаннаго въ уставѣ, предмета можетъ составить лишній—невыполнимый трудъ для воспитанниковъ, въ такомъ случаѣ для рѣшенія означеннаго затрудненія мы можемъ указать на мѣру, къ который обратился Св. Сѵнодъ при открытіи миссіонерскихъ отдѣленій и которая состояла въ томъ, что воспитанники, слушавшіе

(¹) Тамъ же стр. 762. Мысль эта принадлежитъ много лѣтъ подвизающемуся въ борьбѣ съ расколомъ Преосвященному Олонецкому.

уроки по расколу, освобождались „отъ посѣщенія менѣе важныхъ классовъ“ (1), т. е. мы находимъ возможнымъ ученіемъ о расколѣ замѣнить какія либо другія науки, менѣе необходимыя русскому пастырю церкви. Какіе же изъ поименованныхъ въ уставѣ предметовъ семинарскаго образованія можно было бы исключить изъ программы и замѣнить каѳедрой по расколу — безъ опасенія выпустить изъ семинаріи не „просвѣщенныхъ священнослужителей“? При открытіи миссіонерскихъ отдѣленій „менѣе важными предметами“, отъ слушанія которыхъ освобождались воспитанники, были признаны церковною властію греческій и нѣмецкій языки (2), — первый на томъ основаніи, что съ нимъ воспитанники могли достаточно ознакомиться въ низшихъ классахъ, — послѣдній, вѣроятно, потому, что русскому сельскому священнику не съ кѣмъ объясняться по-нѣмецки; а читать нѣмецкія книжки ему, занятому, по сознанію епархіальныхъ преосвященныхъ, до „обремененія многими требами“ (3) и добываніемъ себѣ и семьѣ насущнаго куска хлѣба, нѣтъ времени, да и покупать эти дорогія книжки не на что. Если взять во вниманіе то обстоятельство, что, по новому уставу семинарій и училищъ, для греческаго языка полагается въ училищѣ 18 уроковъ, а въ семинаріи — 20, для латинскаго въ училищѣ 22 часа, а въ семинаріи 15-ть, то представляется полная возможность изыскать нѣсколько часовъ въ пользу каѳедры по расколу и въ настоящее время, — безъ всякаго ущерба для классическаго образованія будущихъ пастырей церкви. Если же въ виду усиленія классическаго образованія будетъ признано не-

(1) Тамъ же стр. 537.
(2) Тамъ же стр. 536.
(3) Тамъ же стр. 700.

удобнымъ ограниченіе числа уроковъ по языкамъ, въ такомъ случаѣ мы можемъ указать цѣлую науку, которую весьма легко замѣнить наукою о расколѣ. Это— „обзоръ философскихъ ученій“, для котораго, сверхъ опредѣленнаго числа часовъ для логики и психологіи, назначено 4 урока. Не то мы хотимъ сказать этимъ, будто знакомство съ историческимъ развитіемъ философской мысли—дѣло не нужное, или не важное, а то, что если уже наши воспитанники семинарій,—будущіе сельскіе пастыри, не могутъ, какъ и всякій смертный, знать всѣхъ наукъ, въ такомъ, случаѣ долгъ справедливости требуетъ учить ихъ тѣмъ изъ нихъ, которыя могутъ быть болѣе полезны и необходимы для нихъ въ жизни и пастырской дѣятельности. А вѣдь едва ли кому придетъ въ голову доказывать, что священнику напр. шуигскаго погоста, повѣнецкаго уѣзда, олонецкой губернія необходимѣе и полезнѣе знать то, чему училъ какой либо Гераклитъ, чѣмъ то, что проповѣдывалъ въ свое время въ слухъ всего поморья урожденецъ Шуиги, извѣстный въ расколѣ Данила Викулинъ, послѣдователями котораго и до нынѣ кишатъ олонецкая и другія губернія Россіи. Впрочемъ дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, такъ ясно, что распространяться объ немъ было бы излишне. А потому обратимся къ другому, болѣе существенному, вопросу, и именно: на какія средства могутъ быть открыты при нашихъ семинаріяхъ самостоятельныя каѳедры по расколу?

Судя по тому, что преподаваніе ученія о расколѣ въ семинаріяхъ новымъ уставомъ поставлено въ зависимость отъ „мѣстныхъ потребностей епархій“, можно думать, что и обезпеченіе преподавателей этого предмета должно составлять заботу мѣстныхъ епархіальныхъ на-

чальствъ. Но если мы припомнимъ, что, по новому порядку вещей, на средства, изыскиваемыя духовенствомъ каждой епархіи, при пособіяхъ изъ суммъ Св. Синода, должны содержаться духовныя училища (§ 2 уст. дух. учил.), что, по желанію духовенства, для его дѣтей можетъ быть увеличиваемо число учащихся въ семинаріяхъ, если будутъ отысканы мѣстныя, независимо отъ состоящихъ въ распоряженіи Святѣйшаго Синода, средства къ открытію особыхъ классовъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ классами, по штату положенными (§ 8 уст. дух. сем.), и что въ тоже время мѣстныя средства многихъ епархій весьма ограниченны,—то поймемъ, что расчитывать на открытіе въ семинаріяхъ каѳедръ по расколу на мѣстныя епархіальныя средства значитъ мечтать почти о невозможномъ. Что же остается дѣлать? Остается или просить помощи у правительства, или—пріискать источники средствъ, находящіеся въ вѣдѣніи и распоряженіи самой церковной власти. Мы сознаемъ, что, послѣ Всемилостивѣйше дарованнаго духовно-учебному вѣдомству значительнаго пособія изъ государственнаго казначейства, обращаться къ правительству съ просьбою о новой помощи-крайне щекотливо; но дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, такъ важно и въ государственномъ отношеніи, что успѣхъ его не можетъ не интересовать и свѣтскую власть, хотя бы для этого ей пришлось принести новыя жертвы въ пользу духовной науки. Каждый знаетъ, и министерство внутреннихъ дѣлъ знаетъ больше всякаго, сколькихъ хлопотъ, заботъ и денегъ стоитъ расколъ каждый годъ свѣтскому правительству. Пусть хотя часть средствъ, которыя каждогодно тратитъ правительство на дѣла по расколу, поступитъ на приготовленіе дѣятелей противъ

заблуждающихъ—въ лицѣ приходскихъ священниковъ, и семинарскія каѳедры по расколу будутъ обезпечены. И мы думаемъ, что, если для свѣтской власти не безразлично, платятъ ли крестьяне Владимірскаго уѣзда исправно подати, или не платятъ по-наущенію хлыстовской богородицы Акулины Тимоѳеевны,—убиваетъ ли Куртинъ своего 7-ми-лѣтняго сына, или онъ остается живымъ и дѣлается въ послѣдствіи полезнымъ членомъ общества (1), обираетъ ли суевѣрныхъ казаковъ Голубинской станицы святоша Силиверстъ Константиновъ, или ихъ деньги идутъ на улучшеніе хозяйства (2), приносятъ ли раскольники, поступающіе въ солдаты, присягу на вѣрность службы Государю, или нѣтъ (3), отбываютъ ли, такъ называемые, странники всѣ государственныя повинности, или только бродяжничаютъ во имя религіи, совершая при этомъ самыя тяжкія уголовныя преступленія (4) и проч. и проч., — если все это не безразлично для свѣтскаго правительства, въ такомъ случаѣ оно не можетъ отказать духовной школѣ въ пособіи при устройствѣ ею каѳедръ по расколу—для приготовленія пастырей церкви, способныхъ разсѣять тьму раскола. Но если бы почему либо надежды наши на помощь гражданской власти не оправдались,—въ такомъ случаѣ мы можемъ указать средства, которыя находятся въ вѣдѣніи власти церковной и которыя удобно обратить на жалованье семинарскимъ преподавателямъ науки о расколѣ. Это—выдаваемое изъ суммъ Св. Синода жалованье, такъ называемымъ, миссіонерамъ разныхъ

(1) „Вечерняя Газета“ 1867 г. № 203.

(2) Тамъ же № 205.

(3) Собр. постан. по част. раск. 1858 г. стр. 631 и 641.

(4) Тамъ же стр. 579—80.

епархій. Еще прежде мы говорили, что, по опредѣленію Св. Синода, существуютъ нынѣ во всѣхъ епархіяхъ, гдѣ силенъ расколъ, особые миссіонеры изъ священниковъ—съ особымъ и нерѣдко значительнымъ жалованьемъ. А теперь прибавимъ, что существованію этихъ лицъ, какъ особыхъ, безприходныхъ миссіонеровъ, пора положить конецъ. Доказывать много справедливость такого приговора нѣтъ нужды. Миссіонеръ, разъѣзжающій по епархіи, гдѣ каждый приходъ имѣетъ *своего* священника, миссіонеръ, учащій чужую, незнакомую ему паству, помимо прямаго ея пастыря, обязаннаго дѣлать тоже (¹), а нерѣдко и съ униженіемъ его,—миссіонеръ, мечтающій обратить къ церкви раскольниковъ, съ которыми видится два-три раза въ годъ, да и то на нѣсколько дней, а часто и часовъ (²), между тѣмъ какъ, по сознанію самихъ епархіальныхъ начальствъ, „для успѣшнаго дѣйствованія на заблуждающихъ нужно выжидать благопріятныхъ къ сему случаевъ" (³), миссіонеръ, назначенный для собесѣдованія съ раскольниками нѣскольких уѣздовъ (⁴), а если и одного, то растянутаго слишкомъ на 38,000 квадратныхъ верстъ (⁵), и притомъ—съ сообщеніями самыми затруднительными,—миссіонеръ, самое названіе котораго, по донесенію епархіальныхъ начальниковъ, встрѣчаетъ въ заблуждающихъ предубѣжденіе (⁶) и который на глаза раскольниковъ есть не больше, какъ странствующій агентъ власти въ родѣ становаго,—однимъ словомъ—

(¹) Собр. постан. по част. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 614.
(²) Тамъ же стр. 781 и 787.
(³) Тамъ же стр. 613.
(⁴) Тамъ же стр. 616, 739, 741, 840—1 и др.
(⁵) Тамъ же стр. 596.
(⁶) Тамъ же стр. 740.

миссіонеръ противъ раскола въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ доселѣ у насъ,—это такое странное и непригодное для цѣли явленіе, что мы нисколько не дивимся, если о подобныхъ лицахъ епархіальные преосвященные присылаютъ въ Св. Синодъ донесенія слѣдующаго рода: „миссіонеръ священникъ Л...... въ теченіе первой половины 1857 года употреблялъ все свободное время на увѣщаніе раскольниковъ, но успѣха въ обращеніи ихъ не имѣлъ", разумѣется, „по упорству раскольниковъ" (1), и если, не смотря на существованіе подобныхъ миссіонеровъ въ епархіяхъ, расколъ не только не уменьшается въ своихъ размѣрахъ, а даже увеличивается. А между тѣмъ эти, ничего не достигающіе, дѣятели противъ раскола получаютъ изъ суммъ Св. Синода жалованье, какого донынѣ не получаютъ наставники большей части семинарій. Напр. миссіонеры Олонецкой губерніи (а ихъ, кажется, нынѣ четыре) получаютъ каждый по 800 р., да помощники ихъ по 200 р. (2), а всѣ вмѣстѣ—такую сумму, на которую можно открыть каѳедры по расколу почти въ пяти семинаріяхъ, если даже полагать жалованье наставникамъ по новому штату, т. е. отъ 700 до 900 рублей каждому. А Олонецкая епархія не единственная, гдѣ такъ щедро награждаютъ миссіонеровъ (3). Вотъ эти-то средства, нынѣ безъ пользы для православія употребляемыя на жалованье миссіонерамъ разныхъ епархій, безъ всякаго затрудненія, по нашему мнѣнію, могутъ быть обращены на открытіе во всѣхъ семинаріяхъ каѳедръ по расколу. Потери для дѣла отъ этого не будетъ ни-

(1) Тамъ же стр. 806—7.
(2) Тамъ же стр. 737—739.
(3) Тамъ же стр. 741.

какой, а между тѣмъ подобный порядокъ вещей дастъ возможность готовиться къ успѣшному дѣйствованію на заблуждающихъ цѣлымъ тысячамъ будущихъ пастырей церкви — такъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ у насъ будутъ миссіонерами по расколу всѣ наши священники— каждый въ своемъ приходѣ. При этомъ только условіи и возможно осуществленіе истинно мудрой мысли Св. Синода, чтобы „пастырская заботливость приходскихъ священниковъ не ограничивалась тѣмъ кругомъ, въ которомъ расколъ явно себя обнаруживаетъ, но простиралась бы гораздо далѣе, именно: проникала бы въ тѣ тайныя сборища, гдѣ, при всей видимости православія, подозрѣвается какое либо опасеніе для него отъ зараждающагося раскола и темныхъ и превратныхъ мыслей о св. вѣрѣ“ (1), т. е. сборища, которыя можетъ знать приходскій священникъ, но которыя рѣшительно недоступны для миссіонера по оффиціи, разъѣзжающаго съ словомъ благовѣстія по нѣсколькимъ уѣздамъ.

(1) Тамъ же стр. 711—712.

АРХИПАСТЫРСКОЕ ПОСЛАНІЕ МОЛДАВСКАГО МИТРОПОЛИТА ПО ПОВОДУ ИНОЗЕМНОЙ И ИНОВѢРНОЙ ПРОПАГАНДЫ ВЪ ЯССАХЪ.

Извлеченіе изъ Молдавскаго оффиціальнаго журнала „Прогрессъ" № 69 отъ 13 сентября 1867 года.

Грамота Архипастырская № 1804, адресованная Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ къ духовнымъ своимъ чадамъ, объявляется, во всемъ ея содержаніи, для общаго свѣдѣнія.

Смиренный Калиникъ Миклеско,

Милостію Божіею Архіепископъ и Митрополитъ Молдавскій и Сучавскій.

Возлюбленныя во Христѣ духовныя чада!

Первѣйшая цѣль основанія всякаго учебнаго института должна быть та, чтобы въ сердцахъ юношества, которое въ нихъ воспитывается и возрастаетъ, укоренить почитаніе вѣры отцовъ, почтеніе и любовь къ отечеству, почтеніе и любовь къ родителямъ, а затѣмъ уже слѣдуетъ познаніе и насажденіе другихъ наукъ и чувствованій.

Тѣ заведенія, которымъ недостаетъ одного изъ выше-

исчисленныхъ необходимыхъ условій, или которыя направлялись бы къ иной цѣли, перестаютъ быть институтами національными: они уже не представляютъ въ себѣ никакого ручательства за благо воспитанія и просвѣщенія нашего юношества.

Учрежденіе такого рода несчастныхъ институтовъ въ нашей странѣ, неимѣетъ слѣдственно другой цѣли, кромѣ той, чтобы дѣйствовать, сколь возможно болѣе, къ погашенію въ сердцахъ нашихъ дѣтей чувствъ національности и любви къ отечеству, а еще болѣе — содѣлать ихъ холодными къ вѣрѣ родителей своихъ, если еще и не прозелитами иноземныхъ исповѣданій.

Если, возлюбленныя духовныя чада наши, рѣшились мы говорить вамъ объ учрежденіи подобныхъ институтовъ, то само собою разумѣется, что тутъ должна быть причина великой важности для національности и для нашей православной вѣры: тутъ должна быть причина, побуждающая каждаго пастыря, каждаго духовнаго отца положить руку на пастырскій свой жезлъ „Слово" и тѣмъ пробудить чадъ своихъ, дабы не были уловлены въ сѣти, которыя разставляются имъ въ видѣ гуманности, но отъ которыхъ не можетъ быть иного результата, кромѣ злополучнаго и опаснаго для нашей національности и религіи.

Хранителями нашей національности были: вѣра и церковь. Имъ-то обязаны мы существованіемъ нашимъ политическимъ и именемъ румыновъ. А потому — церкви и вѣрѣ нашей да будетъ вѣчная благодарность наша! Когда же, наконецъ, возникаютъ посягательства, такія, которыя идутъ къ убійству наиглавнѣйшаго элемента нашего существованія—религіи, тогда возможно ли намъ оставаться хладнокровными зрителями? Еще болѣе, не

постыдно ли намъ собственными своими руками сооружать нашу гибель? О, нѣтъ, возлюбленныя чада наши! На нашемъ достоинствѣ, на нашей обязанности лежитъ то, чтобы проникать со всѣмъ вниманіемъ даже въ самое добро, которое нисходило бы къ намъ съ той стороны, гдѣ наша святая вѣра могла бы претерпѣть какой либо ущербъ. На нашей обязанности лежитъ показать себя достойными сынами прадѣдовъ нашихъ, достойными хранителями національности и нашей вѣры православной.

Отцы и прадѣды наши боролись за охраненіе сихъ элементовъ, а мы нынѣ допускаемъ въ сердцахъ и душахъ дѣтей нашихъ, разрушенье священныхъ и животворящихъ догматовъ, тѣмъ паче въ такое время, когда намъ не предстоитъ внѣшней борьбы и когда сохраненіе ихъ зависитъ единственно лишь отъ благоразумія и предусмотрѣнія нашего? Было бы постыдно для насъ, намъ надлежало бы краснѣть вспоминая о религіозныхъ и національныхъ подвигахъ отцовъ нашихъ, думая о попеченіи и благоговѣніи, которыя они питали къ религіи ихъ отцовъ!

Почти уже два года, какъ здѣсь, въ нашемъ городѣ Яссахъ, учрежденъ учебный институтъ для дѣвицъ, подъ управленіемъ нѣкоихъ монахинь западнаго исповѣданія. Мы не были противъ учрежденія этого института, потому что въ нашей землѣ вѣротерпимость всегда была обезпечена. Ни въ какой странѣ вѣроисповѣданіе не находило столько свободы, сколько у насъ. Желаніе наше, однако, въ самомъ началѣ было то, чтобы въ томъ институтѣ преподавалась наша православная вѣра однимъ изъ нашихъ священниковъ, который имѣлъ бы

попеченіе о религіозныхъ обязанностяхъ дѣвицъ, само собою разумѣется дѣвицъ нашей православной вѣры.

Много мы старались, дабы достигнуть осуществленія нашего желанія; но все было тщетно. Наконецъ, по обязанности нашей, мы вступили въ сношеніе съ нашимъ правительствомъ, чтобы оно оффиціально обязало тѣхъ монахинь обучать православныхъ дѣвицъ нашему православному исповѣданію; и правительство, сознавъ справедливость нашего ходатайства, приняло надлежащія къ тому мѣры; но за всѣмъ тѣмъ, не только доселѣ ничего въ этомъ отношеніи не сдѣлано со стороны тѣхъ монахинь, а напротивъ, дирекція этого института оказываетъ гораздо большее систематическое сопротивленіе ко введенію преподаванія нашей провославной вѣры нашимъ дѣвицамъ. Судите сами, любезныя наши чада! Если учрежденіе сего института среди насъ не имѣетъ затаенной цѣли,—извратить нашу вѣру въ нѣжныхъ сердцахъ дѣтей нашихъ, то для чего же дирекція уклоняется отъ преподаванія нашей религіи дѣтямъ нашимъ? Для чего такое упорство? Это доказываетъ намъ, что учрежденіе сего института имѣетъ не добрую затаенную цѣль относительно религіи нашихъ праотцевъ. Еслибы мы отправились въ страну тѣхъ монахинь, дозволили ли бы намъ открывать тамъ училища въ подрывъ религіи ихъ? Предоставляемъ вамъ, любезныя чада, отвѣчать на это.

Какъ пастырь и отецъ духовный, подвинутый чувствомъ долга и страхомъ отвѣтственности предъ Богомъ, симъ мы исполняемъ нашу обязанность. Но обращаемся и къ вамъ, любезныя чада наши, требуемъ и отъ васъ вниманія, пробуждаемъ въ васъ и указываемъ вамъ опасность, которая виситъ надъ религіею нашею, опасность,

которая хотя и кажется слабою теперь, въ началѣ; но необманывайтесь! Не въ дальнемъ времени она содѣлается фактомъ ко вреду нашей вѣры, и тогда исправленіе зла, ежели и не будетъ невозможно, встрѣтитъ великія затрудненія. Такимъ образомъ, исполняя нашу обязанность пробужденіемъ васъ, еще взываемъ: не упускайте изъ виду, возлюбленныя во Христѣ чада, того, что и вы, зная зло, понесете часть тяжкой отвѣтственности, если не будете заботиться о вашей вѣрѣ.

Отъ васъ, любезныя наши чада, зависитъ предупредить опасность, не отдавая дѣтей своихъ въ тотъ институтъ. Отъ васъ зависитъ болѣе, нежели отъ кого либо, сдѣлать такъ, чтобы чужіе уважали нашу вѣру въ землѣ нашей и познали, что румыны, держась своего и борясь за отечество свое, никогда незабываютъ вѣры отцовъ своихъ.

Для румыновъ вѣра и отечество суть одно и тоже. Вѣра воодушевляетъ въ насъ любовь и преданность къ отечеству, а отечество вселяетъ въ насъ благоговѣніе къ вѣрѣ, древней и истинной вѣрѣ отцовъ нашихъ.

Только чрезъ такой взаимный союзъ сихъ великихъ и животворящихъ началъ, румыны сохранили себѣ языкъ, отечество и церковь; иначе же, не будь сего взаимнаго союза, давно исчезли бы, вмѣстѣ съ вѣрою, отечество и національность наши.

Во все то время, на сколько милосердіе Божіе продлитъ нашу жизнь, не перестанемъ ни на одну минуту имѣть попеченіе объ обязанностяхъ паствы нашей. Будемъ блюсти, сколько возможно болѣе, чтобы духовныя наши чада, преуспѣвали на древнемъ пути религіозности, нравственности и національности.

Не перестанемъ такъ же возносить смиренныя наши

молитвы къ благому и всемогущему Господу Богу о сохраненіи и счастіи румынскаго нашего народа вообще, равно о счастіи и благоденствіи каждаго особо. А чтобы молитвы наши были угодны Отцу небесному, то и чада наши духовныя да не покинутъ путь предковъ своихъ, путь добродѣтели, нравственности, религіозности и національности. Такимъ образомъ благословеніе Господне всегда пребудетъ съ вами, и домы ваши пребудутъ хранимы отъ всякой напасти.

(подписали:) *Калиникъ Митрополитъ Молдавскій.*

Директоръ Митрополіи *Мандре.*

Сентября 12 дня 1867 г.

Яссы.

НЕСВѢТЛЫЯ СТОРОНЫ НАШЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

(Изъ епархіальныхъ вѣдомостей)

Двѣ статьи, одновременно (отъ 1-го ноября 1867 г.) появившіяся въ разныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, одна: *о чтеніи въ Церкви и церковномъ пѣніи*, во Владимірскихъ, другая: *замѣтки для священно-церковно-служителей изъ наблюденій одного сельскаго благочиннаго*, въ Вологодскихъ, останавливаютъ на себѣ особенное вниманіе. Изъ первой можно видѣть, какъ нашимъ православнымъ народомъ мало еще усвоены христіанскія понятія и начала жизни; вторая свидѣтельствуетъ, чего еще недостаетъ самому духовенству, чтобы оно могло содѣйствовать этому усвоенію. „Каковъ попъ, таковъ и приходъ", говоритъ наша народная пословица; но столько же вѣрна и обратная мысль: „каковъ приходъ, таковъ и попъ". Судить и осуждать кого либо въ этомъ случаѣ трудно, да и было бы безплодно. Несомнѣнно то, что если русской народъ имѣетъ свою лучшую духовную, а съ нею и матеріальную будущность, то этого лучшаго онъ можетъ достигнуть только чрезъ церковь, при содѣйствіи Ея служителей. Народъ воспитывается отлько вѣрою; а вѣра дается прежде всего словомъ;

кто не слышалъ евангельскаго ученія, то есть, не понялъ и не усвоилъ его по мѣрѣ данныхъ силъ, тотъ не можетъ быть христіаниномъ: истины — такія общеизвѣстныя и простыя, что, кажется, къ чему ихъ и повторять? А между тѣмъ намъ нужно не только повторять ихъ, но и доказывать и непрестанно напоминать; мы видимъ милліоны врещеныхъ людей, среди которыхъ цѣлыя столѣтія существуютъ православные храмы съ причтами при нихъ и Богослуженіемъ въ нихъ, и которые, посѣщая даже эти храмы и присутствуя при Богослуженіи, все еще не научились сосчитать хотя бы того, сколько у нихъ боговъ, сколько богородицъ; которые не вдругъ отвѣтятъ на вопросъ: масляница не есть ли также Богъ, — а о молитвѣ, хотя бы только Господней, и спрашивать ихъ нечего. Что же это значитъ, въ самомъ дѣлѣ? И въ самой дурной школѣ чему-нибудь да можно же научиться, если тамъ учитель хотя чему-нибудь учитъ. За чѣмъ же эти люди ходятъ въ церковь, что они тамъ дѣлаютъ и что оттуда выносятъ? На это отвѣтятъ предлагаемыя упомянутыя статьи, которыя мы позволяемъ себѣ перепечатать лишь съ небольшими сокращеньями. Дай Господи, чтобы подобные, истинно полезные и благонамѣренные голоса, по всѣмъ концамъ православной Россіи и особенно по нашимъ духовно—и недуховно—учебнымъ заведеніямъ раздавались непрестанно и напоминали бы намъ, какъ мы, учась повидимому многому, недоучиваемся на самомъ дѣлѣ до азбуки сознательной жизни. Доколѣ мы-служители церкви-не воспитаемъ себя на столько, чтобы напр. читая молитву въ слухъ, читать такъ, чтобы наши слова можно было явственно разобрать, или, — приходя въ храмъ Божій, вести себя какъ слѣдуетъ че-

ловѣку, сознательно пришедшему для молитвы и слушанія слова Божьяго,—дотолѣ, чему бы мы ни учились, нѣтъ и не можетъ быть никакой надежды на развитіе православнаго народа церковію,—дотолѣ и раскольники, и магометане, и евреи, и особенно западное духовенство, нынѣ и въ Россіи начинающее по русски совершать свое Богослуженіе и проповѣдывать, по ихъ совѣсти будутъ считать себя въ правѣ искать вліянія на нашъ безграмотный народъ, ничему не могущій научиться въ своей церкви, и даже на очень грамотное общество, часто не менѣе народа жаждущее слова истины и церковной молитвы,—молитвы хотя бы неразвлекаемой явною небрежностію служащихъ и неблагоговѣніемъ предстоящихъ.

О чтеніи въ церкви и церковной проповѣди.

Разумѣеши ли, яже чтеши?
(Дѣя. VIII, 30).

При слушаніи церковнаго чтенія, намъ не разъ приходилось повторять (про себя, разумѣется) вопросъ Филиппа евнуху царицы Кандакіи: *разумѣеши ли, яже чтеши?*

Пока поютъ, вы замѣчаете еще нѣкоторое вниманіе въ предстоящихъ. Они еще внимаютъ стройному пѣнію, восхищаются и умиляются имъ; слушаютъ, пожалуй, и безобразное пѣніе и подсмѣиваются,—особенно это можно замѣтить въ людяхъ, именующихъ себя образованными. Но вотъ напр.: начинается чтеніе шестопсалмія,—вы видите, что одни начинаютъ перешептываться, заглядывать по сторонамъ, заглядывать подъ шляпки и

шапки, смотрятъ на часы — сколько досидать времени продолжится чтеніе шестопсалмія. Такъ ведетъ себя одна половина предстоящихъ,—это образованный классъ. Эти люди мнятъ про себя, что имъ давно уже извѣстно все то, что читается въ церкви, что они пришли въ церковь и не выходятъ изъ нея больше для приличія, что они своимъ присутствіемъ дѣлаютъ честь и украшеніе церкви... Другая половина, люди простые, люди одной вѣры, забившись гдѣ нибудь въ уголокъ, просятъ Бога и святаго, которымъ поставили свѣчу, просятъ и благодарятъ всякій по своему, о своемъ и за свое (1). Начинается чтеніе „каѳизмъ",—и еще не внимательнѣе слушаютъ предстоящіе это чтеніе. Такъ, въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ церквахъ, при совершеніи богослуженія, можно увидать ту же картину, какую нарисовалъ соборъ 1666—67 гг. „читаютъ и поютъ въ два, въ три голоса, разговариваютъ о суетныхъ и привременныхъ попеченіяхъ, кланяется всякъ своей иконѣ" (теперь только изъ дому не приносятъ иконъ) и пр.

Гдѣ же въ нашей церкви единство, то единство, котораго желалъ Единородный Сынъ Божій? Гдѣ то единомысліе, единство сердца и устъ, о чемъ такъ по-

(1) Вотъ вы слышите изъ одного угла учащенное: „Господи Іисусе"; изъ другаго: „Мать Божія Богородица, Владимірская, Скорбящая, Неопалимая Купина"!... „Никола Милостивый сохрани насъ отъ водяной потопи"; изъ третьяго: „Хлоръ Лаверъ, батюшка, попаси нашихъ лошадокъ отъ лихаго человѣка"! а Власій Недосій защити нашихъ коровокъ отъ короваго повѣтрія"! По народному вѣрованію Хлоръ—Лаверъ одно лице и есть не что иное, какъ коневій богъ. Власій—Недосій тоже многими считаются за одно лице за бога коровъ. Народъ потому, быть можетъ, и присоединилъ къ Власію Недосія, что они часто рисуются на одной иконѣ и имена ихъ подходятъ подъ рифму. Бываютъ и не такія молитвы: иногда молятся „Николѣ милостивому", чтобы онъ пособилъ мужику обдѣлать какое нибудь безчестное дѣльце. „Вынеси только, угодникъ Божій, рублеву свѣчу поставлю"!

стоянно молитъ православная церковь и къ чему приглашаетъ всѣхъ православныхъ христіанъ, предстоящихъ во храмѣ? Гдѣ тотъ страхъ и трепетъ, съ которыми должны предстоять въ храмѣ православные христіане, когда мы нерѣдко не видимъ и простаго приличія?..

Но здѣсь виновны не одни предстоящіе, а и творящіи съ небреженіемъ дѣло Божіе. Они не только что оскорбляютъ Бога, но соблазняютъ и своего брата. Иной и желалъ бы помолиться вмѣстѣ съ церковію, да нѣтъ возможности: *ничего не разберетъ и не поймет*. Тутъ уже по необходимости всякій будетъ справлять свою службу. Религіозное чувство всегда такъ или иначе желаетъ выказаться предъ Богомъ. Тѣ же изъ предстоящихъ, которые легко смотрятъ на церковное богослуженіе,—еще легче, еще небрежнѣе начинаютъ относиться къ этому дѣлу, когда видятъ, что сами предстоятели считаютъ церковную службу дѣломъ оффиціальнымъ, когда стараются только выполнить такъ или иначе уставъ. А другая половина предстоящихъ, люди вѣрующіе въ простотѣ сердца и мнящіе достигнуть оправданія и святости одною внѣшностію, люди принимающіе средства къ оправданію и освященію за самую цѣль,—люди эти находятъ подтвержденіе своихъ ложныхъ мнѣній въ такомъ небрежномъ совершеніи богослуженія. Хожденіе въ церковь и стояніе при неразборчивомъ и непонятномъ чтеніи, а подъ часъ, и пѣніи принимается ими за подвигъ благочестія. Они слышатъ, что нужно ходить въ церковь, что безъ церкви нельзя спастись; они и ходятъ и стоятъ тамъ безъ всякаго участія въ общихъ молитвахъ церкви, и думаютъ, что это-то и есть подвигъ и средство ко спасенію. При

такомъ убѣжденіи у нихъ очень естественно можетъ родиться и дѣйствительно раждается вотъ какого рода мнѣніе: если самое стояніе при чтеніи отъ „божественныхъ писаній“ ведетъ ко спасенію; то, стало быть, гдѣ дольше стоятъ и больше читаютъ, тамъ скорѣе можно достигнуть праведности, а пожалуй, и святости. Но гдѣ дольше стоятъ, больше и даже чиннѣе читаютъ, какъ не у раскольниковъ? Что читаютъ, это имъ все равно лишь бы то было только отъ „божественныхъ писаній“. Такой взглядъ давно укоренился въ нашемъ народѣ (¹).

Кромѣ того, что небрежное чтеніе служитъ одною изъ причинъ охлажденія къ св. церкви, оно же служитъ, одною изъ причинъ къ поддержанію языческихъ суевѣрій въ нашемъ народѣ. Это, во первыхъ, вотъ какъ бываетъ: народъ нашъ, участвуя при церковномъ богослуженіи и не имѣя возможности молиться по молитвамъ церкви, справляетъ въ церкви свою службу. Но всякому извѣстно, что народныя молитвы носятъ на себѣ языческій характеръ, болѣе или менѣе прикрытый

(¹) Намъ привелось разъ слышать торжественное признаніе одного православнаго въ томъ, что онъ ходитъ въ церковь, чтобы послушать отъ Бож. Писаній и, что это „больно полезно“. „А что тамъ читается, понимаешь?—нѣтъ. За чѣмъ же ты ходишь, когда не понимаешь? — Да полезно.—Что же тутъ полезнаго?—Всѣ такъ говорятъ.—Тебѣ скажутъ, что въ воду полезно деньги бросать, ты бросишь?—Нѣтъ.—Почему?—Они зря пропадутъ.—А въ церковь дашь деньги?—Даю.—Можетъ быть и тамъ они зря (напрасно) пропадаютъ.—Нѣтъ: тамъ читаютъ слово Божіе.—Да вѣдь ты не понимаешь? Нѣтъ.—Ну что, если вотъ теперь тебѣ почитаютъ изъ слова Божія, ты подумаешь, что это тоже полезно тебѣ будетъ и дашь денегъ?—Да. — Одинъ изъ бывшихъ въ этомъ собраніи раскрылъ Библію и началъ читать X гл. изъ книги Бытія, гдѣ, какъ извѣстно, разсказывается о потомствѣ Ноевыхъ сыновъ. По прочтеніи, мужикъ, ни слова не говоря, вынимаетъ и даетъ чтецу три копѣйки. „За что ты даешь?—За то, что ты читаешь изъ божеств. писанія.—Да ты понялъ ли что нибудь?—Нѣтъ, ничего“! Полезно, значитъ одно чтеніе..

христіанствомъ, т. е. языческія понятія прикрываются христіанскими именами, лицами и событіями. Такъ всѣ свойства и качества древнихъ божествъ Перуна, Волоса и пр. народъ перенесъ на св. пророка Илію, св. Власія и проч. Далѣе—народъ выхватываетъ изъ чтенія только отдѣльныя слова и фразы и понимаетъ ихъ по своему полуязыческому воззрѣнію, чего, разумѣется, не могло бы быть, если бы народъ разслушивалъ и понималъ все прочитанное. Чрезъ это полуязыческія понятія получаютъ нѣкоторымъ образомъ санкцію на свое существованіе: народъ думаетъ, что самое божес. писаніе говоритъ то же самое, что у него на умѣ.— Это второе. Въ третьихъ: народъ, думающій, что спасительная сила находится въ самыхъ словахъ, написанныхъ или произнесенныхъ, не понятыхъ и не усвоенныхъ ни умомъ ни сердцемъ,—считаетъ эти слова за нѣкіе талисманы, имѣющіе магическую силу. И чѣмъ хитрѣе, чѣмъ непонятнѣе слово, тѣмъ оно кажется сильнѣе и привлекательнѣе. Такъ народъ нашъ привѣшиваетъ на крестъ многіе тексты изъ Библіи, написанные на лоскуткѣ бумажки, чтобы избавиться *отъ лихой болѣсти*; чтобы найти покражу и устигнуть вора, читаютъ: Отче нашъ „*наизворотъ*“, т. е. начиная съ послѣдняго слова: отъ лукаваго насъ но избави и проч. Чтобы отомстить своему врагу читаютъ псаломъ 108: *Боже хвалы моея не премолчи* и до конца. Пожалуй нѣкоторые скажутъ, что произнесеніе священнаго текста, особенно произнесеніе нѣкоторыхъ словъ, какъ напр. бож. имени „Іисусъ“, можетъ имѣть чудотворную силу: произнесеніемъ имени Іисуса Христа изгоняются бѣсы; внѣшнее начертаніе этого достопокланяемаго имени и начертаніе креста тоже могутъ имѣть спаси-

тельное дѣйствіе. Мы совершенно согласны, что достопокланяемое имя Іисусъ и крестъ Христовъ могутъ оказывать сверхъестественную силу; но только тогда, когда произносящій и начертывающій ихъ на себѣ будетъ имѣть въ своемъ умѣ правильное понятіе о нихъ, когда онъ имѣетъ ихъ уже начертанными въ своемъ сердцѣ, и воздаетъ имъ должное чествованіе не словами только и внѣшностію, но дѣлами по внутреннему человѣку. Мы знаемъ, что крестъ начертывался и изображался и прежде распятія Христа и послѣ многими неправовѣрующими и язычниками. Его изображали и на одеждахъ и на украшеніи домашней утвари, на немъ распинали—и все это было и прежде и послѣ распятія Христова. Стало быть, можетъ имѣть спасительное дѣйствіе не вообще „крестъ", но только „крестъ Христовъ". Мы знаемъ также, что достопокланяемое имя Іисусъ Христосъ произносили и произносятъ, начертывали и теперь изображаютъ многіе невѣрующіе въ него и многіе неправовѣрующіе; но въ ихъ устахъ и начертаніяхъ это имя не имѣетъ никакой спасительной силы ни для нихъ, ни для другихъ; мало того, невѣрующіе и неправо-вѣрующіе произнесеніемъ и начертаніемъ бож. имени Іисусъ могутъ себѣ только вредъ причинить: потому что въ ихъ сердцѣ нѣтъ должнаго вниманія и благоговѣнія къ этому бож. имени. Мы знаемъ изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, что невѣрующіе во Христа іудеи думали было употреблять Его бож. имя для заклинанія духовъ нечистыхъ, думали воспользоваться этимъ именемъ, какъ нѣкіимъ таинственнымъ талисманомъ, и что же вышло? Когда, скажемъ словами книги Дѣяній, *начаша нѣцыи отъ скитающихся іудей заклинателей именовати надъ имущими духи лу-*

кающе имя Господа Іисуса Христа, глаголюще: заклинаемъ васъ Іисусомъ, Его же Павелъ проповѣдуетъ... Отвѣщавъ же духъ лукавый, рече: Іисуса знаю и Павла вѣмъ, вы же кто есте? И вскочи на нихъ человѣкъ, въ немъ же бѣ духъ лукавый, и одолѣвъ имъ, укрѣпися на нихъ, яко же нагимъ и уязвленнымъ избѣжати отъ храма онаго (Дѣян. XIX, 13, 15, 16). Стало быть, полезно не одно произнесеніе имени Іисусъ, но живая и дѣятельная вѣра въ Него, какъ въ Богочеловѣка.

Большинство нашего православно-русскаго народа употребляетъ и до сихъ поръ нѣкоторыя священныя изображенія и изреченія только съ внѣшней стороны, только—какъ мы сказали—какъ магическіе талисманы, замѣнившіе собою древнеязыческія чары кудесниковъ и жрецовъ. Вы и теперь нерѣдко встрѣтите многихъ богобоязненныхъ старушекъ, которыя, чтобы избавиться отъ *лихоманки* (лихорадка) идутъ къ священнику за тѣмъ, чтобы онъ далъ священной золы, или написалъ бы какое нибудь мудрое изреченіе. Если эти средства не отгонятъ злой болѣзни, то вы увидите тѣхъ же старушекъ у колдуна (который есть ничто иное, какъ древне-русскій жрецъ—кудесникъ), который имъ даетъ вмѣсто мудраго библейскаго изреченія какую нибудь безсмысленную чепуху, въ родѣ „абракадабра", вмѣсто золы изъ кадила—сушеную змію и проч. Вы тутъ видите явное сопоставленіе язычества съ христіанствомъ и замѣчаете какъ, конечно, между прочимъ, непонятное чтеніе въ церкви поддерживаетъ въ народѣ увѣренность въ спасительное дѣйствіе одной обрядовой внѣшности, и какъ надъ этою внѣшностію, которая по своему значенію должна бы изображать наглядно ту или другую христіанскую истину и быть средствомъ къ освященію

и оправданію, какъ, говоримъ, подъ покровомъ этой внѣшности доселѣ дышетъ язычество.

Конечно не вездѣ читаютъ съ небреженіемъ. Мы слышимъ въ нѣкоторыхъ церквахъ чтеніе внятное и раздѣльное, въ которомъ можно разслышать каждое слово. Но и тутъ невольно является вопросъ: разумѣютъ ли, что читаютъ? Многіе чтецы, такъ и чувствуется, что не понимаютъ произносимыхъ ими словъ и фразъ: останавливаются безъ всякой запятой, точки прочитываютъ безъ всякой остановки, дѣлаютъ логическое удареніе на союзахъ, чувствуютъ на предлогахъ. Такое чтеніе не многимъ чѣмъ удовлетворительнѣе чтенія неразборчиваго; такое чтеніе пойметъ только тотъ, кто прежде знакомъ съ его содержаніемъ.

Но есть и хорошіе чтецы, которые читаютъ со смысломъ и понимаютъ. Понимаютъ ли такое чтеніе предстоящіе, православные христіане? *Како могутъ разумѣть, аще не кто наставитъ* ихъ?... Все прочитанное понимаютъ не многіе, опять тѣ же, которые были прежде знакомы съ содержаніемъ извѣстнаго чтенія или съ содержаніемъ вообще христіанской религіи. Большинство же выхватываетъ только отдѣльныя фразы и понимаетъ ихъ по своему личному воззрѣнію. Одинъ вотякъ долгое время прислушивался къ воскресному евангелію отъ Іоанна, 67 зач., и никакъ не могъ понять, что такое тамъ говорится, хотя этотъ вотякъ хорошо говоритъ по руски. Вотяка этаго звали Семеномъ Ивановичемъ. Вотъ онъ разъ и спрашиваетъ священника: „бачька, что это ты все читашь: Семенъ Иваныч любишь ли меня?!!“ Положимъ, что это вотякъ, а русскіе правильно ли понимаютъ ясное и раздѣльное чтеніе? Нѣкоторыя слова изъ церковно-славянскаго языка ста-

ли уже непонятны для русскаго человѣка. Многія фразы, подстрочно переведенныя съ греческаго языка, и образованному человѣку трудно уразумѣть, не то что простолюдину. Слыша отдѣльныя слова и фразы, народъ простой соединяетъ съ ними свои доморощенныя понятія,—какъ было выше сказано,—уцѣлѣвшія отъ язычества и получившія особенный характеръ отъ вліянія христіанства. Это смѣшеніе христіанства съ язычествомъ и укрытіе языческихъ понятій подъ христіанскою внѣшностію очень легко могло случиться вопервыхъ потому, что христіанская религія досталась намъ не на русскомъ языкѣ: догматы вѣры, выраженные съ свойственною въ то время грекамъ діалектическою тонкостію, не могли быть съ точностію передаваемы на славяно-русскій языкъ, бѣдный въ то время, отвлеченными понятіями; развитыя понятія греческаго образованнаго ума не могли уложиться въ умъ тогдашняго русскаго человѣка. Развитыя, на основаніи слова Божія, правила нравственности и приспособленныя къ понятіямъ и складу жизни образованныхъ грековъ, не могли быть ни всецѣло поняты, ни приложены къ понятіямъ и жизни тогдашняго русскаго человѣка, только что начинавшаго вступать въ должное отношеніе къ обществу и государству. Для отвлеченныхъ, возвышенныхъ христіанскихъ истинъ нужно было брать обыкновенныя слова, отвлекать ихъ отъ предметовъ чувственныхъ къ сверхъ-чувственнымъ, отъ понятій языческихъ къ понятіямъ христіанскимъ. Но не многіе тогда могли возвыситься до того, чтобы разстаться съ своими доморощенными понятіями, выраженными тѣмъ или другимъ роднымъ словомъ. Для русскихъ того времени трудно было уразумѣть подъ своимъ роднымъ словомъ совер-

щеніе другое понятіе, и не легко было оставить свое доморощенное понятіе, которое было выработано его собственною жизнію и такъ или иначе всецѣло входило въ жизнь народа.

Далѣе, тогда мало и заботились о томъ, чтобы съ тѣмъ или другимъ словомъ соединялось христіанское понятіе. Достаточно было, если человѣкъ окрещенъ, ходитъ въ церковь, почитаетъ Бога и св. угодниковъ. Тогда мало обращали вниманія на то, какія понятія русскій человѣкъ соединяетъ съ словами Богъ и св. угодники, какія свойства приписываетъ имъ. Обращали вниманіе только на внѣшняго человѣка, думали искоренить язычество только сокрушеніемъ истукановъ, посѣченіемъ священныхъ дубравъ и уничтоженіемъ публично-общественныхъ празднествъ въ честь языческихъ божествъ,—словомъ уничтожали только внѣшняго идола, внутренній же идолъ оставался безъ вниманія. *Вотъ этотъ то внутренній идолъ и доселѣ царитъ въ народныхъ понятіяхъ, прикрывшись христіанскою оболочкою.* Поэтому многіе изъ православныхъ не могутъ объяснить вамъ, въ какого Бога они вѣруютъ. Христіанскій Богъ, Богъ мира, любви и благости, по народнымъ понятіямъ, есть только грозный судья и каратель. „Бойся Бога, Богъ побьетъ, боженька накажетъ“— вотъ первыя и почти единственныя понятія о Богѣ изъ народнаго катихизиса. Не только народъ не знаетъ свойствъ и качествъ Божества, нѣкоторые изъ народа не знаютъ: какъ назвать Бога, не знаютъ сколько у насъ боговъ. Тотъ же простолюдинъ, который признавался, что ничего не понимаетъ въ церкви, насчиталъ до четырнадцати боговъ. „Сколько у насъ боговъ? —Да Богъ ихъ знаетъ! Назови хоть одного? Саваоѳъ.—Еще:—

Господь, Владычица, Казанская, Михаилъ Архангелъ, Рождество, Паска, Святки.—А масляница?—Нѣтъ, масляница не Богъ, сказалъ, подумавши". Мы далеко бы отклонились отъ предмета, если бы стали распространяться о народныхъ полуязыческихъ понятіяхъ, вкравшихся въ христіанство.

Мы выше сказали, что народъ при неразборчивомъ чтеніи выхватываетъ только отдѣльныя фразы, понимаетъ ихъ по своему, и что такія отдѣльныя и непонятныя изреченія налагаютъ нѣкотораго рода санкцію на существованіе полуязыческихъ повѣрій,—тѣмъ именно, что народъ слышитъ (по своему) въ божественныхъ книгахъ подтвержденіе своихъ понятій; но все это можетъ быть и при разборчивомъ чтеніи, особенно гдѣ встрѣчаются образныя выраженія. Такъ напр. въ образныхъ выраженіяхъ: „солнце праведное, солнце правды", человѣкъ понимающій будетъ уразумѣвать истинный смыслъ, а человѣкъ неразвитый, никѣмъ не наученный, пойметъ эти образныя выраженія въ буквальномъ смыслѣ, и притомъ же, у него уже есть готовыя понятія о солнцѣ, какъ Богѣ (Дажъ-богъ). Еще доселѣ мы можемъ слышать отъ дѣтей молитвенное обращеніе къ солнцу: „солнышко, солнышко! выглани въ окошечко, твои дѣтки плачутъ, пить ѣсть просятъ". Равносильныя выраженія, прилагаемыя къ Іоанну крестителю: „Предтеча солнца, денница солнца", народъ понимаетъ по своему. Не даромъ въ русскомъ народѣ, почти повсемѣстно помнится Иванъ-Купала (древнее обоготвореніе высшаго развитія и проявленія оплодотворяющей силы солнца, съ которымъ слился въ народныхъ понятіяхъ Іоаннъ Креститель).

Въ самыхъ иконахъ народъ видитъ (по своему) нѣк-

твержденіе своихъ любимыхъ мнѣній. Такъ напр. на иконахъ Флора и Лавра часто рисуются лошади, и народъ говоритъ, что „Хлоръ Лаверъ коневій богъ". Св. Илія пророкъ рисуется на огненной колесницѣ, везомой огненными крылатыми конями; народъ говоритъ, что Илья пророкъ и доселѣ еще ѣздитъ по небу и производитъ громъ и молнію.

Такъ что же, скажутъ пожалуй, вы говорите о вредѣ дурнаго чтенія въ церкви? на это давно обратили вниманіе. Вы говорите, что и хорошее чтеніе непонятно для простаго народа, въ слѣдствіе подстрочнаго перевода нашихъ книгъ съ греческихъ и въ слѣдствіе образнаго выраженія,—такъ по вашему не перевести ли вновь богослужебныя книги на русскій языкъ и не ввести ли его въ церковное употребленіе? Не слѣдуетъ ли выбросить образныя выраженія и оставить нѣкоторыя иконы, такъ какъ, по вашему, народъ находитъ въ томъ и другомъ поддержку своимъ ложнымъ воззрѣніямъ? Совершенно мы имѣемъ въ виду другія слѣдствія. Мы только желали бы и смѣемъ думать, что отъ этого будетъ большая польза,—если бы священники, объясняя въ проповѣди св. писаніе, объясняли и значеніе предметовъ находящихся въ церкви и содержаніе церковнаго чтенія и пѣнія. Чрезъ это люди простые, люди внѣшности, будутъ уразумѣвать истинный смыслъ христіанскаго богослуженія; они уже не будутъ считать одну внѣшность достаточнымъ средствомъ для спасенія, такъ какъ усвоеніе внутренняго содержанія христіанскаго богослуженія требуетъ не внѣшняго только участія въ молитвахъ церкви, но болѣе всего—принятія извѣстной истины умомъ и усвоенія сердцемъ. Народныя полуязыческія понятія, которыя суть не что иное, какъ непонятное благоговѣніе

предъ таинственными силами природы и олицетвореніе этихъ силъ подъ различными внѣшними символами, падутъ сами собой, когда народъ уразумѣетъ истиннаго Творца и Правителя видимой природы.

Это объясненіе содержанія церковнаго богослуженія не менѣе будетъ полезно и для другой половины предстоящихъ, для современныхъ образованныхъ людей. Люди эти, хвалящіеся знаніемъ, очень мало смыслятъ во внутреннемъ содержаніи христіанства вообще, и въ частности въ пониманіи внутренняго смысла христіанскаго богослуженія. Оставивши народныя заблужденія, народное благоговѣніе къ внѣшности, благоговѣніе предъ таинственными для простаго человѣка силами, явленіями и даже предметами природы, —люди эти холодны къ христіанству болѣе потому, что знаютъ и видятъ одну внѣшность христіанства, которая для нихъ не имѣетъ важности, такъ какъ они не понимаютъ внутренняго содержанія ея. При томъ же они слышатъ изъ другаго угла, что христіанство годно только для необразованныхъ людей, что христіанство теперь уже не современно и проч., и зная христіанство только съ внѣшней стороны, соглашаются съ такими ложными взглядами,—начинаютъ либеральничать и либерализмъ ихъ обнаруживается прежде всего въ томъ, что они перестаютъ ходить въ церковь; а если и ходятъ, то держатъ себя тамъ очень вольно, какъ въ обыкновенномъ мѣстѣ общественнаго собранія. Есть, разумѣется, и очень знакомые съ внутреннимъ содержаніемъ христіанства, и все таки не вѣрующіе ни во что священное; но таковыхъ у насъ на Руси весьма мало; у насъ болѣе либеральничаютъ по наслышкѣ, по модѣ.

Но позвольте, скажутъ мои собратія, чтобы объяс-

нить всѣ предметы находящіеся въ церкви и употребляемые при богослуженіи и все содержаніе богослуженія: чтенія и пѣнія на всѣ праздники, на всѣ дни во весь годъ, — да для этого не достанетъ времени и десяти лѣтъ?!

Мы не говоримъ, что въ годъ можно все сдѣлать; мы знаемъ только, что нѣкоторые священники священствуютъ въ одномъ и томъ же приходѣ по 15—20—40 лѣтъ,— и все таки не успѣваютъ объяснить ни одной церковной пѣсни, ни содержанія какого нибудь священнаго изображенія; а между тѣмъ нѣкоторые изъ таковыхъ священниковъ очень часто говорятъ къ народу поученія.

Мы не намѣрены распространяться о достоинствѣ и недостаткахъ нашихъ проповѣдей; объ этомъ уже довольно было говорено и писано въ духовныхъ и даже въ свѣтскихъ журналахъ. Говорили, что въ большей части нашихъ проповѣдей, писанныхъ на извѣстныя темы и по извѣстному всѣмъ семинаристамъ плану, нравственные выводы бываютъ натянуты, чувства поддѣльны,—что чувства эти испаряются еще въ то время, когда авторъ пишетъ и выдумываетъ, какъ бы по чувствительнѣе и по рѣзче задѣть за живое слушателей, — испаряются и тогда, когда проповѣдникъ заучиваетъ свое произведеніе,—что очень многія проповѣди „сшиты", т. е. приступъ списанъ изъ одной проповѣди, объясненіе текста изъ другой, нравственное приложеніе— изъ третьей,—что нравственныя приложенія неприложимы къ современной народной жизни, такъ какъ онѣ выписываются большею частію изъ греческихъ отцевъ,— что и самыя лучшія проповѣди, писанныя людьми образованными и для образованнаго класса, страдаютъ логической сухостью, что проповѣди эти больше годны

для аудиторій, а не для церкви, гдѣ истины христіанскія, принимаемыя умомъ, больше всего должны пониматься и усвояться сердцемъ и проч. Много разумѣется тутъ справедливаго высказано, особенно на счетъ „списанія" проповѣдей семинаристами; и вообще много бы можно было сказать о недостаткахъ нашихъ проповѣдей, но мы имѣемъ въ виду предложить (осмѣлимся сказать такъ) нѣсколько совѣтовъ: какъ можно избѣжать означенныхъ недостатковъ и крайностей въ проповѣдяхъ и какъ составлять священнику проповѣди, чтобы избѣжать тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаются при сочиненіи на тему и по извѣстному плану и — главное, чтобы проповѣди имѣли вліяніе на слушателей.

Теперь, какъ каждому извѣстно, простой народъ смотритъ на церковное проповѣдничество, какъ наизвѣстный отдѣлъ праздничнаго Богослуженія; другіе—какъ на оффиціальную часть священнической должности. Первые во время проповѣди часто молятся и умиляются только одной интонаціей голоса проповѣдника, но не многіе стараются понять содержаніе проповѣди. И здѣсь, они думаютъ, одно стояніе и умиленіе полезны и спасительны для человѣка. Если и поймутъ нѣкоторые изъ простаго народа обличенія и увѣщанія проповѣдника, то и въ этомъ мало пользы бываетъ отъ проповѣди. Это во первыхъ потому, что проповѣдникъ высказываетъ обличенія большею частію общія и мало приложимыя къ жизни народа; во вторыхъ, народъ видитъ въ проповѣди обличеніе книги, а не лица, чувствованіе и сочувствіе радости и горю народа—тоже книги, а не пастыря. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ указать нѣкоторые способы и пріемы проповѣдничества, при помощи которыхъ пастырь может вліять на свою паству.

1) Начинайте, прежде всего, объяснять содержаніе священныхъ изображеній во храмѣ, и ихъ истинный смыслъ въ христіанствѣ. А то вѣдь многіе изъ простолюдиновъ не знаютъ, что за святой изображенъ на иконѣ, которому они молятся и ставятъ свѣчи; многіе молятся и ставятъ свѣчи просто иконѣ. Намъ разъ довелось слышать такой разговоръ между двумя простыми женщинами: „ты, никакъ, родимая въ обѣдни, — поставь ко за меня трешникову свѣчу. — Какому образу-то? — Да тутъ, какъ войдешь въ бабью то церковь (придѣлъ), — на правой сторонѣ, что лице то большое. — Да тамъ вѣдь три ихъ. — Да той, что на тетушку то Орину похожа — знаешь? — Знаю, знаю. — Ну ей: она больно (очень) милостива матушка, помогаетъ“. Различныя изображенія одного и того же святаго, народъ считаетъ за разныхъ святыхъ. Особенно народъ заблуждается на счетъ иконъ Божіей Матери: „много ихъ заступницъ“, говоритъ народъ; тутъ, въ представленіи народа множество изображеній одной и той же Божіей Матери, сливается со множественностію самыхъ лицъ Владычицы.

Объясненіе наглядныхъ изображеній святыхъ Божіихъ, дѣяній Бога и святыхъ Его можетъ всего удобнѣе напечатлѣть въ умѣ и сердцѣ народа тѣ истины вѣры и жизни, которыя чрезъ логическіе доводы плохо укладываются въ головѣ простолюдина. Извѣстно, что дѣти лучше всего усвояютъ даже сухія научныя свѣдѣнія посредствомъ рисунковъ. Простолюдины въ дѣлѣ вѣры — тѣ же дѣти.

2) Далѣе слѣдуетъ объясненіе священнодѣйствія, гдѣ, какъ извѣстно, наглядно изображается наше грѣхопаденіе и все домостроительство нашего спасенія. Объяс-

неніе священнодѣйствій у насъ есть, но только въ книгахъ; изъ книгъ-то и нужно передавать народу.

3) Послѣ этого слѣдуетъ объяснять содержаніе чтенія и пѣнія. Возьмите дневной Апостолъ или Евангеліе и объясняйте текстъ за текстомъ. Возьмите псаломъ изъ часовъ, изъ шестопсалмія, возьмите паремію (особенно пареміи у насъ прочитываются безъ всякаго вниманія), объясните ихъ содержаніе, ихъ значеніе въ В. и Н. завѣтахъ, ихъ приложимость къ церковному богослуженію. Во всемъ этомъ вы найдете и догматическія и нравственныя истины, а обличенія такъ и вытекаютъ сами собой, и обличенія удобоприложимыя, какихъ вы не найдете въ проповѣдяхъ, писанныхъ на тотъ или другой случай, тѣмъ или другимъ отцемъ и учителемъ церкви: тамъ обличеніе имѣетъ частный характеръ, частное отношеніе къ извѣстному строю общества, такому строю, который, быть можетъ, давно уже миновалъ; здѣсь же, въ словѣ Божіемъ, которое имѣетъ характеръ общечеловѣческій и всегда неизмѣнный, вы можете изъ общихъ, основныхъ истинъ вывести какую угодно частную, изъ общихъ обличеній—частное приложеніе. Главное — здѣсь легче всего можно избѣжать тѣхъ натяжекъ въ приложеніи къ жизни, которыя часто встрѣчаются въ проповѣдяхъ „на текстъ".

Когда вы объясните содержаніе богослуженія, не общее только,—что вотъ пареміи читаются для того—то, шестопсалміе и каѳизмы имѣютъ такое-то значеніе въ христіанской церкви,—а когда раскроете все содержаніе церковнаго богослуженія, объясните все неудобопонятное: тогда можно будетъ ожидать, что предстоящіе внимательнѣе и дѣятельнѣе будутъ участвовать въ общихъ молитвахъ церкви, будутъ сами требовать отчет-

живаго чтенія и объясненія неудобопонятнаго,—будутъ считать подвигомъ благочестія не одно слушаніе чтенія и стояніе при немъ, будутъ участвовать при богослуженіи не плотію только, но духомъ и умомъ. Тогда можно будетъ ожидать, что, хотя на время, въ церкви во время богослуженія осуществится то вожделѣнное единство мыслей и чувствъ, чаяній и желаній, и это временное, во храмѣ, единеніе, мало по малу будетъ переходить изъ храма въ жизнь, изъ временнаго дѣлаться постояннымъ и вѣчнымъ.

Такое умное и сердечное участіе при богослуженіи принесетъ еще ту пользу, что предстоящіе не будутъ жаловаться на продолжительность церковнаго богослуженія. Не замѣчали ль вы, читатель, сами надъ собой, что когда вашъ умъ и ваше сердце вполнѣ заняты какимъ нибудь предметомъ, время проходитъ очень быстро для васъ: вы не замѣчаете, какъ проходятъ цѣлые часы, дни и даже мѣсяцы; но когда вы же сами ничего не дѣлаете и ждете только условнаго часа, чтобы отправиться на службу, въ гости, ждете условнаго часа обѣда (хотя и кушать не желаете),—вамъ тутъ минуты кажутся часами. Когда же вы участвуете по нуждѣ, по оффиціи, даже по желанію, при чужемъ дѣлѣ, котораго не понимаете и нѣтъ вамъ возможности понять, когда васъ при этомъ не интересуетъ даже внѣшняя обстановка дѣла; то съ какимъ нетерпѣніемъ ждете условнаго часа для выхода, съ какою досадою смотрите на часы, если только они у васъ есть; если же вы ихъ не имѣете, то какъ часто надоѣдаете своему сосѣду, который по несчастію имѣетъ часы! То же самое бываетъ замѣтно и во храмѣ, разумѣется только въ одной половинѣ предстоящихъ, — считающихъ себя людьми

образованными. Другая же половина молится, по своему, сердечно; но одной сердечной настроенности не надолго хватаетъ при единичной службѣ, которая очень коротка у нашего простолюдина, такъ какъ онъ въ немногихъ словахъ можетъ высказать свои незатѣйливыя желанія. Высказавши въ нѣсколькихъ словахъ свои и по своему желанія и благодаренія, и не видя въ окружающихъ себя ни поддержки, ни сочувствія своей сердечной настроенности, простолюдинъ охладѣваетъ и, убаюкиваемый монотоннымъ чтеніемъ, начинаетъ засыпать и дремать. Не замѣчали ли вы, что иной вдругъ встрепенется и начнетъ невпопадъ учащенно креститься и когда замѣтитъ, что читаютъ Апостолъ или Евангеліе, спохватится за свои кресты и поклоны и начнетъ оправляться, чтобы скрыть отъ сосѣдей свое „безвременное моленіе“ — свою невнимательность.

Изъ всего этого видно, что у насъ въ храмѣ не только нѣтъ единодушія и единства въ молитвахъ, не только каждый молится о своемъ и по своему, у насъ, сколько ни взываетъ церковь, чтобы во храмѣ оставили всякое попеченіе о житейскихъ дѣлахъ, у насъ, говоримъ, многіе не только не оставляютъ заботы о необходимыхъ житейскихъ дѣлахъ, — у насъ спятъ и ослабляютъ свой умъ и сердце пустыми мечтами, у насъ даже нѣтъ у предстоящихъ единства намѣренія, единства цѣли, съ какою всякій долженъ входить во св. храмъ — молиться. И мнятъ наши православные, что такое хожденіе въ церковь будетъ спасительно для нихъ! Вспомните, какъ апостолы и св. отцы заботились о единообразіи и благообразіи даже внѣшней стороны богослуженія, чтобы тѣмъ лучше достигнуть внутренняго единенія. Апостолъ сравниваетъ непонятное для

слушателей чтеніе съ бездушными звуковыми орудіями, и поставляетъ даже ниже тѣхъ орудій, которые издаютъ понятные условные знаки: *бездушная гласъ дающая, аще сопѣль, аще гусли, аще разнствія писканіемъ не дадятъ, како разумно будетъ писканіе или гуденіе; ибо аще безвѣстенъ гласъ труба дастъ, кто уготовится на брань? Тако и вы аще не благоразумно* (не понятно для слушателей, и даже не внятно для себя) *слово дадите языкомъ, како уразумѣется глаголемое? Будете бо на воздухъ глаголюще....* Если же самъ чтецъ и понимаетъ содержаніе своего чтенія, и тогда не будетъ пользы для предстоящихъ, если они не будутъ понимать: *ты* (когда читаешь и самъ только понимаешь) *добрѣ благодариши, а другой не созидается.*

Наконецъ, въ 4-хъ, мы укажемъ проповѣдникамъ на самый обширный, самый разнообразный, самый сподручный, особенно для сельскихъ пастырей, матеріалъ для церковнаго проповѣдничества—это житія святыхъ. У насъ въ проповѣдяхъ почти безъ всякаго вниманія оставляются житія святыхъ, а между прочимъ этотъ способъ проповѣданія ближе всего подойдетъ къ народному пониманію и будетъ оказывать большое вліяніе на слушателей, особенно изъ простаго народа. Здѣсь вы не голыми словами и доказательствами будете проводить въ массу народнаго сознанія ту или другую истину; здѣсь самое лицо, самыя дѣянія святаго,—самая жизнь будутъ научать жить по христіански. У насъ на каждый день полагается по нѣскольку житій; возьмите житіе того святаго, который по своей жизни ближе стоитъ къ пониманію извѣстнаго рода слушателей,—возьмите и прочитайте просто одно житіе безъ всякаго съ вашей стороны нравственнаго приложенія къ извѣст-

ному состоянію слушателей, поясните только неудобопонятныя мѣста, и вы увидите, съ какимъ вниманіемъ будутъ слушать предстоящіе вашъ разсказъ о жизни святаго и какое вліяніе онъ будетъ имѣть на простой народъ. Народъ нашъ любитъ слушать житія святыхъ Божіихъ; самый слогъ житій, самый языкъ близки къ народному пониманію и уважаются народомъ. Такимъ способомъ проповѣданія, если вы уже и не объясните содержанія церковной службы, вы все-таки заставите народъ дорожить божественною службою, — заставите чаще ходить въ церковь, по крайней мѣрѣ хоть съ той цѣлью, чтобы послушать понятное для ума народнаго и близкое его сердцу безхитростное, задушевное описаніе житія святаго.

Отцы и братія! Въ настоящее время, какъ вамъ извѣстно, враги церкви и царства Божія, съ двухъ сторонъ, съ силою и ревніемъ стараются поколебать основаніе церкви и царства Божія на землѣ. Снизу идетъ дробное и безобразное множество раскольническихъ и еретическихъ (доморощенаго издѣлія) сектъ; это знамя войны поднимаетъ невозродившееся къ новой жизни человѣческое сердце, неосмысленное даже разумомъ— въ людяхъ слѣпаго фанатизма. Сверху поднялъ гордое свое знамя разумъ человѣческій, который съ дерзкою самонадѣянностію отвергаетъ всѣ благодатныя средства и, въ гордомъ самообольщеніи, думаетъ собственными силами основать на землѣ, по его словамъ, царство мира и любви, на дѣлѣ же-царство грубаго эгоизма,— такое царство, которое въ самомъ своемъ основаніи носитъ зачатки вражды и ненависти. Силенъ Тотъ, Кто сказалъ, что и самыя врата ада не одолѣютъ церкви Божіей: церковь Божія на землѣ стоитъ и будетъ сто-

ять до скончанія міра; но падаютъ ея отдѣльныя чада, что особенно замѣтно въ настоящее время.

Въ образованномъ классѣ, какъ извѣстно, замѣчается большое охлажденіе не къ одной только внѣшности христіанства; но вслѣдствіе непониманія духа и силы христова ученія, люди этого класса холодны вообще ко всему, что содержитъ въ себѣ христіанство. Эта холодность замѣчается уже въ очень многихъ личностяхъ. Правда, это направленіе еще не проникаетъ въ массы народнаго сознанія, плаваетъ только по верху—въ головахъ людей поверхностно образованныхъ. За то простой народъ—одна половина его, которая еще не успѣла пережить періодъ поклоненія внѣшности,—не чужда стремленія въ расколъ. И нельзя сказать, чтобы только одна внѣшняя выправка раскольническаго богослуженія увлекала цѣлыя массы въ расколъ. У раскольниковъ есть учители, которые благовременнѣ и безвременнѣ проповѣдуютъ (по своему) слово Божіе. У нихъ очень сильна энергія къ проповѣднической дѣятельности, а у насъ священники, думая выполнить долгъ священства совершеніемъ только церковнаго богослуженія и „требъ", мало обращаютъ вниманія на дѣло учительства. Мы, разумѣется, не осмѣливаемся напоминать пастырямъ церкви о ихъ учительской обязанности; имъ самимъ извѣстно изъ слова Божія неоднократное указаніе на учительскую дѣятельность пастырей церкви, для нихъ нарочито въ „ставленой грамотѣ", въ краткихъ изреченіяхъ выражены всѣ ихъ обязанности. Мы даже не будемъ напоминать и о той пользѣ, какая проистекаетъ отъ *настоятельнаго* проповѣданія Слова Божія; укажемъ только на то, что нерадѣніе многихъ пастырей къ проповѣданію слова Божія произвело то, что народъ иногда не считаетъ

настырей за учителей, а только за совершителей таинствъ и „требъ“. Рѣдко можно встрѣтить такого простолюдина, который бы обратился къ священнику за разрѣшеніемъ недоумѣній въ дѣлѣ вѣры и сомнѣній въ дѣлѣ нравственности. Вы видите, что народъ только „зоветъ поповъ“ для совершенія требъ, а именно: давать молитву „душамъ“ новорожденнымъ, крестить эти „души“, сочетать бракомъ взрослыя „души“, напутствовать умирающія „души“ и погребать „души умершія“. Болѣе этого вы рѣдко гдѣ нибудь встрѣтите. Въ комъ же изъ православныхъ зарождается сочувствіе къ дѣлу религіи, тотъ или самъ начинаетъ читать отъ божественныхъ писаній и понимать по своему, или же слушаетъ какого-нибудь самоучку изъ своей же братіи. Тутъ встрѣчается двоякая опасность для православнаго простолюдина: 1) книги, которыя вращаются въ народѣ, большею частію раскольническаго, или еретическаго (доморощенаго издѣлія) содержанія; 2) самые наставники тоже тайные или явные противники православной церкви. Намъ извѣстны нѣкоторые простолюдины, которые, родившись отъ православныхъ родителей и ревностно посѣщавшіе храмъ Божій и исполнявшіе всѣ предписанія церкви, попали въ расколъ единственно потому, что умѣли читать. Книгъ, какъ извѣстно, при сельскихъ церквахъ почти не существовало, кромѣ богослужебныхъ, которыя нерѣдко даются читать простолюдинамъ (Нынѣ, благодареніе Богу, въ нашей епархіи заведены библіотеки при многихъ церквахъ; только книгами этими преимущественно пользуется духовенство. Нужно непремѣнно сдѣлать такъ, чтобы изъ церковной библіотеки могли брать книги всѣ прихожане, умѣющіе читать)... Но человѣку, выучившемуся

читать, хочется часто и самому поучиться и другихъ поучить, или просто у него есть потребность — читать. Такой-то человѣкъ и беретъ книги у раскольниковъ; раскольники, разумѣется, являются съ полною готовностью къ его услугамъ. Болѣе всего тутъ дѣйствуютъ тайные раскольники, такъ какъ православный, умѣющій читать, сначала опасается обратиться за книгами къ явнымъ раскольникамъ, чтобы чрезъ чтеніе ихъ книгъ не уклониться въ расколъ. Сначала чтеніе, а потомъ частныя и частыя бесѣды доводятъ такого любопытнаго до отпаденія отъ церкви.

Другая половина изъ простолюдиновъ стремится пополнять еретическія секты—Людей Божіихъ, Молоканъ, Скопцевъ и проч. Къ еретическимъ сектамъ отдѣляются тѣ изъ простолюдиновъ, религіозное чувство которыхъ уже не удовлетворяется одною внѣшностію въ религіи. Ихъ религіозное сознаніе уже пережило періодъ поклоненія природѣ, олицетворенной подъ символомъ того или другаго предмета изъ видимой природы, они уже переходятъ отъ обожанія природы къ обоготворенію человѣка ([1]). Люди эти начинаютъ съ того, что отвергаютъ всякую внѣшность, которая ихъ не удовлетворяетъ и думаютъ служить Богу духомъ и истиною. Они стараются уразумѣть смыслъ писаній, но собственное невѣжество

([1]) Люди развитые доходятъ до этого по естественной логикѣ необлагодатствованнаго ума человѣческаго, и обоготворяютъ умъ; люди неразвитые доходятъ до этого болѣе сердечно и обоготворяютъ сердце, какъ вмѣстилище божества. У насъ въ Россіи обоготвореніе человѣка послѣдняго рода. Прочитайте сочиненія Людей Божіихъ, Скопцевъ, прислушайтесь къ ученію Молоканъ, вы ясно увидите, что, по ихъ ученію, каждый человѣкъ есть живой образъ Бога, „каждый имѣетъ въ себѣ внутренняго Христа и Св. Духа. Мало того: у нихъ есть Лже-Саваоѳъ—Данила Филипычъ, Лже-Христосъ — Иванъ Тимоѳеичъ Селивановъ и проч.

и недостатокъ въ опытныхъ учителяхъ заставляютъ обращаться къ тѣмъ изъ своей братіи, которые довольно знакомы съ Божественнымъ Писаніемъ. „Люди Божіи“ бываютъ очень чутки къ такимъ испытующимъ; они приглашаютъ таковыхъ на частныя собранія, гдѣ пророкъ читаетъ и объясняетъ Слово Божіе. Внятное чтеніе, наглядное и удобопонятное, хотя и ложное толкованіе, восторженная рѣчь лже-пророка съ перваго же раза располагаетъ простолюдина въ ихъ пользу. Таинственныя, возбуждающія до духовнаго опьяненія „ночныя радѣнія“ развиваютъ въ немъ до послѣдней степени само собой зародившуюся мистичность. Вотъ на такихъ то людей, у которыхъ начинается переломъ, переходъ отъ внѣшности къ внутреннему уразумѣнію христіанской религіи, слѣдовало бы нашимъ пастырямъ обращать побольше вниманія. Эти люди, при опытномъ наставникѣ, могли бы быть самыми ревностными христіанами, самыми лучшими проповѣдниками христіанства и словомъ и житіемъ. Посмотрите, съ какою ревностію они въ своемъ религіозномъ заблужденіи выполняютъ всѣ опредѣленія своей секты,—для нихъ они жизни не щадятъ.

Знать все это—наше дѣло, пастыри—собратія; и сообразно съ этимъ знаніемъ намъ нужно дѣйствовать на свою паству единственнымъ нашимъ оружіемъ—словомъ или проповѣдничествомъ.

Замѣтки для священно- и церковно-служителей.

изъ наблюденій одного сельскаго благочиннаго.

Водимый желаніемъ всякаго добраго преуспѣянія возлюбленному духовному сословію вообще, а вамъ прис-

ные братіе въ особенности, я рѣшился набросать на бумагу тѣ случаи и тѣ стороны, въ которыхъ и съ которыхъ наичаще и виднѣе выказываются недостатки нашего сельскаго духовенства, съ цѣлію споспѣшествовать по мѣрѣ силъ своихъ ихъ устраненію, полагая, что есть между нами погрѣшающіе противъ своего благоповеденія въ простотѣ сердца, почти не сознавая самыхъ погрѣшеній, есть полагающіе, что погрѣшности ихъ не замѣтны для другихъ, и есть наконецъ такіе, кои погрѣшаютъ съ сознательнымъ навыкомъ. Да не будетъ мое слово въ обиду ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ; но да пріимется оно въ духѣ любви, яко отъ согрѣшающа и спострадающа.

Но какъ моя небольшая задача состоитъ въ томъ, чтобы указать на особенно выдающіеся недостатки наши и менѣе замѣчаемые нами самими; то я начну перечень ихъ съ самаго виднаго мѣста нашихъ дѣйствій, именно съ церкви и по отношенію къ ней, а потомъ посмотримъ на самихъ себя въ кругу своихъ прихожанъ и своемъ собственномъ.

А.

1) Отъ священника, какъ настоятеля церкви, зависятъ: весь порядокъ, и всѣ безпорядки въ церкви. Добрый примѣръ имъ подаваемый, тотчасъ, за страхъ-ли, за совѣсть-ли, отпечатлѣвается на прочихъ членахъ причта, и даже на цѣломъ приходѣ. Небреженіе или соблазнъ имъ производимые, у ревнителей по благочестію вызываютъ скорбь, негодованіе; а для остальныхъ—такъ бываютъ заразительны, что свою тлетворную атмосферу разливаютъ на широкое пространство. Но на наше горе, встрѣчаются между нами личности, ими же соблазнъ

приходитъ. Я не буду доискиваться причинъ такого прискорбнаго явленія, которыя, какъ кажется, лежатъ глубже одной нашей привычки къ мѣсту святому, не буду указывать и на случаи положительно порочные, грубые, потому что не вижу въ томъ пользы; а укажу лишь на тѣ недостатки, которые легко могутъ быть устранены. Къ нимъ я отношу: когда священникъ позволяетъ себѣ служить молебны въ подрясникѣ безъ фелони и безъ пояса, когда священникъ и діаконъ часто и безъ нужды ходятъ въ царскія двери и между царскими дверями и престоломъ; когда причетники облачаются въ стихари и снимаютъ оные на горнемъ мѣстѣ во время священнодѣйствія, трактуютъ въ олтарѣ о своихъ огородахъ, пирушкахъ, или чинятъ чуть не перебранку, дѣля доходы; когда входятъ въ храмъ крайне неряшливо, въ непристойной одеждѣ, нечистой обуви; когда не въ пору, не во время бродятъ въ олтарь староста, сторожъ и міряне засвѣчать свѣчи, или снимать съ нихъ нагаръ, а иной разъ какъ будто провѣдать; особенно — когда это допускается въ самые важные моменты литургіи, когда во время проповѣди разносятъ антидоръ, или собираютъ деньги; когда во время совершенія таинствъ, напримѣръ крещенія, допускаются говоръ, шумъ и проч. и проч...

2) Извѣстно, что хорошее пѣніе производитъ на слушающаго оное необыкновенно сильное и благодѣтельное дѣйствіе. Стало быть, худое пѣніе должно производить обратное дѣйствіе, и оно точно его производитъ. Особенно это послѣднее не желалось бы слышать въ такихъ храмахъ, въ которыхъ оно могло бы быть очень дѣльнымъ, еслибъ только обращено было на него хоть сколько нибудь вниманія, или со стороны поющихъ, или

со стороны настоятеля церкви; — когда и довольно даровитые въ пѣніи причетники поютъ небрежно, не благоговѣйно, крикливо, безобразно. Ужъ конечно такое пѣніе не поможетъ нашей бѣдной душѣ справиться съ своимъ безпорядочнымъ состояніемъ при обращеніи ея къ Богу. Не подумайте, что въ деревнѣ нельзя имѣть порядочныхъ пѣвчихъ; лишь не пожалѣйте на этотъ предметъ вашего вниманія, вашего усердія, настойчивости, и вы—съ увѣренностію можно сказать — будете имѣть утѣшеніе слышать пѣніе дѣльное, приличное, или хотя сносное. Неспособны ваши причетники, найдутся способные и изъ прихожанъ, лишь пригласите ихъ, ихъ дѣтей, заохотьте, поощрите ихъ—и конечно всего лучше добрымъ вашимъ словомъ, и вы увидите что будетъ!

3) Чтеніе церковное во многихъ храмахъ совершается спѣшно. *Всѣ спѣшатъ отъ причетника до священника* и при томъ не всегда потому, чтобъ скорѣе кончить службу, *а просто на просто по дурной привычкѣ.* Молящихся утомляетъ не то чтеніе, которое продолжительно да толково, а то, когда они не разберутъ въ немъ ни мысли, ни слова. Еще хуже, когда чтеніе и пѣніе сливается въ одинъ безпорядочный гулъ, или когда одинъ поетъ то, другой-другое и оба вмѣстѣ; когда молитвы и ектеніи читаются невнятно и спѣшно, и иной разъ этотъ спѣхъ выходитъ изъ всякихъ границъ; возгласъ отъ священника, прокименъ отъ діакона, онъ же и отъ клира и все это вмѣстѣ опять...... Спрашивается: *для кого и для чего все это совершаемъ мы?*

4) Проповѣданіе слова Божія есть одно изъ самыхъ важнѣйшихъ дѣлъ нашего служенія; поэтому необходимо, чтобъ оно предлагалось народу сколь возможно чаще. Причемъ, если проповѣдникомъ предлагаются свои

поученія, то непремѣннымъ условіемъ ихъ, въ числѣ прочихъ качествъ, должна быть простота, удобопонятность для нашего простаго народа; а то у насъ въ обычаѣ слово назиданія облекать въ такую мудреную форму, въ какой оно никого не назидаетъ, потому что никто его не понимаетъ, а случается даже, что плохо понимаетъ его и самъ проповѣдникъ, и выходитъ, что мы, *хотяще быти законоучители, не разумѣемъ, ни яже глаголемъ, ни о нихъ же утверждаемъ* (I Тим. 1, 7.). Ужь если такія велемудрыя проповѣди оскомину набили и городскому вкусу, то придутся ли онѣ по складу головамъ нашихъ сельскихъ слушателей? То ли дѣло слышать отъ служителя Божія назиданіе простое, сердечное, задушевное, *слово здравое, незазорное* (Тит. 2, 8.), *слово во благодати, солію растворено!* (Колос. 4, 6.). Изъ готовыхъ поученій, я съ своей стороны не нашелъ лучше, соотвѣтственнѣе для поселянъ, по своей лаконической простотѣ, силѣ, теплотѣ чувства—писаній Ефрема Сирина въ русскомъ переводѣ, напечатанныхъ въ твореніяхъ Св. Отцовъ за 1848—49 годы. Остается еще пожелать, чтобъ входящій на каѳедру, не задавался мыслію отличиться, не преслѣдовалъ бы своей личной (выгоды) славы, а имѣлъ бы въ виду и вѣчную и временную пользу своихъ слушателей. Только при этомъ условіи, и въ слѣдъ за симъ послѣдуетъ и его собственная слава, уже не суетная.

5) Ранѣе мы говорили о непріятномъ дѣйствіи, производимомъ на сторонняго небреженіемъ служащихъ въ церкви; теперь я за нужное считаю напомнить о неменѣе непріятно дѣйствующимъ и къ сожалѣнію нерѣдко замѣчаемомъ въ служителяхъ олтаря—лицепріятіи. Когда, напримѣръ, они для одного поютъ молебенъ такъ, а

для другаго иначе, или пожалуй и самый благовѣстъ совершается не по чести, воздаваемой воспоминаемому святому, а по чести — приходскому имениннику; самая раздача просфоръ, подъ вліяніемъ подобныхъ побужденій, бываетъ очень соблазнительна, да и мало ли еще что... Приводимые обыкновенно въ оправданіе такихъ поступковъ бѣдность и въ слѣдствіе ея зависимость отъ прихожанъ, аргументы не довольно сильные, чтобъ оправдывать, *яко работа нашего служенія не токмо есть исполняющая лишенія святыхъ, но и избыточествующая многими благодареньми Богови* (2 Кор. 9, 12.).

6) Въ церкви должна быть соблюдаема строгая опрятность. — Крайне не хорошо, когда на иконахъ, на стѣнахъ и прочемъ тенёта и пыль, пыль и грязь на полу; не хорошо, когда священныя облаченія лежатъ гдѣ и какъ попало, на окнахъ, на столикахъ, на рѣшеткахъ, гдѣ риза, гдѣ стихарь; обидно видѣть тотъ же обиходъ въ отношеніи разныхъ иконъ, когда онѣ разставлены на мѣстахъ не совсѣмъ пристойныхъ; или—когда здѣсь стоитъ бутылка съ елеемъ, тамъ коробка съ свѣчными огарками далѣе разные сундуки, скамейки, фонари и прочій скарбъ. Чѣмъ менѣе въ церкви ненужнаго, тѣмъ лучше, а все нужное должно быть на своихъ мѣстахъ. Скажете: да кто всего этого не знаетъ—Правда. Однакожъ зачѣмъ же все это ведется?..

7) Хозяйство церковное должно быть ведено съ большою расчетливостію и глубокою обдуманностію. Нерѣдко случается, что иные, или не получивъ эстетическаго вкуса отъ природы, или не имѣвъ возможности развить его ни наукою, ни образцами, устраиваютъ при церквахъ такія вещи, которыхъ по истинѣ не желалось бы видѣть не только за дорогія деньги, на нихъ потраченныя, но

хотя бы и даромъ. Возьмемъ для примѣра хоть нашу пресловутую церковную живопись, которая впрочемъ въ большинствѣ для правильности должна быть названа мертвописью, мараньемъ, живописнымъ уродствомъ, пасквильною пародіею на живопись, разсматривать которую безъ волненія въ крови нѣтъ возможности. Подумаешь невольно: до чего дошло наше искуство! Да и можетъ ли оно быть названо искуствомъ, какъ не въ смыслѣ выпоражниванья церковныхъ денегъ самымъ недостойнымъ образомъ. До чего не развитъ нашъ вкусъ къ изящному, что одни въ состояніи созидать такое уродство, а другіе—любоваться имъ,—этимъ пачканьемъ, именующимся живописью, да и соревновать одни другимъ, какъ бы не поддаться. „Тамъ написали, напишемъ и мы". А господа доморощенные художники — мертвописцы—того и ждутъ, а нѣтъ и посовѣтуютъ; они знаютъ какъ зашибить копѣйку, и чуть случай — не ошибутся взять за свои произведенія истинно художническія деньги. Справедливость и долгъ нашъ требуютъ отъ насъ, чтобы мы съ строгостію—впрочемъ благоразумною—относились къ обычной любви прихожанъ къ такого рода украшеніямъ. Говоря это, я ратую только противъ одной невѣжественной живописи, высоко цѣня истинную. Тамъ, гдѣ имѣютъ возможность наслаждаться ею — съ Богомъ! А нѣтъ, лучше имѣть не многое да хорошее.

В.

1) Святая Церковь съ посвященіемъ іереевъ передаетъ имъ благодатную власть низводить на другихъ непосвященныхъ Божіе благословеніе подъ видомъ крестнаго осѣненія. Но достойно истиннаго сожалѣнія, что

многіе священники, не зная цѣны преподанному имъ церковію неоцѣненному дару, владѣютъ имъ съ явнымъ пренебреженіемъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, лишь стоитъ посмотрѣть, какъ благословляютъ нѣкоторые священники; да и кто не видалъ этого! Какъ иные при этомъ — безцѣльно мотаютъ рукою, что со стороны трудно и опредѣлить, что они творятъ такое. Повторяемъ, возможно ли не пожалѣть отъ полноты души о такомъ легкомысленномъ взглядѣ на исполненіе своей самой священной обязанности и объ оскорбленіи тѣмъ христіанскаго чувства вѣрующихъ! Удивительно ли послѣ такого презрѣнія къ самымъ лучшимъ учрежденіямъ святой вѣры со стороны хранителей ея скрижалей, видѣть иногда невниманіе и холодность къ ней въ мірянинѣ. И что же? Чѣмъ оправдимся? Не трудностію ли выполненія? — Конечно чѣмъ другимъ, видимое дѣло, когда мы и сами себя не можемъ осѣнить крестнымъ знаменіемъ по надлежащему, не то чтобы другихъ.

2) Словъ нѣтъ, что положеніе нашего духовенства въ отношеніи средствъ своего содержанія не совсѣмъ нормально. Духовный, если за своею надобностію не исполняетъ надобностей своихъ прихожанъ справедливо осуждается, при исполненіи же обязанностей въ приходѣ, онъ неизбѣжно испытываетъ ущербъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, и это хозяйство, рядовое съ крестьянскимъ, натурально идетъ въ разрѣзъ съ лучшими сторонами его служенія. Наши нужды (разумѣется не общія всѣмъ), иногда крайнія вопіющія и ничѣмъ неотвратимыя, заставляютъ насъ насиловать собственную природу свою, — заставляютъ, скрѣпя сердце, за свои тяжелые труды протягивать благословляющую руку за подаяніемъ — милостынею къ своему прихожанину, кото-

рый послѣ этого по праву становится въ положеніе нашего мецената. Но я, господа, затронувъ вашу сердечную рану, конечно не въ состояніи чѣмъ либо помочь вамъ; только вотъ почему я заговорилъ обо всемъ этомъ: терпя нужду, нѣкоторые изъ насъ, сперва съ усиліемъ съ борьбою ищутъ выхода изъ своего тѣснаго положенія въ помощи прихожанъ; потомъ привыкая къ этому время отъ времени, дѣлаются менѣе и менѣе разборчивыми и совѣстливыми въ выборѣ средствъ *собиранія*, и наконецъ доходятъ до того, что если тотъ, кто долженъ бы заплатить, или не столько состоятеленъ чтобы заплатить, или не столько добросовѣстенъ,—прибѣгаютъ уже, по выраженію одного свѣтскаго лица, и—ко всякаго рода прижимкамъ, нажимкамъ и выжимкамъ, которыя тѣмъ пошлѣе, чѣмъ безсильнѣе, почти и не замѣчая гадости такихъ мѣръ, лишь бы получить себѣ *слѣдующее*, а иногда уже и *не слѣдующее*. И эти *собиранія* бываютъ до безконечности разнообразны, мелочны и иногда безобразны. Міръ видитъ это, осуждаетъ, недавши себѣ труда вникнуть въ причины такого явленія и все это обращается въ притчу и глумленіе: а вникающій міръ компетентный нашелъ даже, что *безъ этихъ отношеній* нашихъ *къ своимъ прихожанамъ*, *порвутся наши духовныя связи съ ними..!?* Такъ что же остается дѣлать? А ничего, братіе, — болѣе, какъ всею крѣпостію души вооружиться противу нашей бѣдности, гдѣ она есть, и противу причинъ къ нареканію на наше имя, и на наше званіе, помня слово Апостола: *Пасите еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающее не нуждою, но волею, и по Бозѣ; ниже неправедными прибытки, но усердно* (I Петр. 5, 2). *Чадо животомъ прошлевымъ не живи. Лучше умрети, нежели просити... Во устѣхъ не-*

стыдливаго прошеніе усладится; а во чревѣ его огнь возгорится (Сирах. 40, 29. 32).

3) Не худо бы было, еслибъ мы не забывали самой обычной вещи: что если человѣкъ неблагоразумно пользуется гостепріимствомъ и радушнаго хозяина, то сему послѣднему трудно устоять противъ искушенія осудить своего гостя; нечего и говорить о менѣе радушномъ, нерадушномъ и т. далѣе, и если дома нужна благоразумная воздержность, то въ людяхъ ее нужно вдвое. Особенно стыдно и грѣхъ быть падкимъ на опьяняющее. Извѣстное дѣло, лишь стоитъ священнику показать примѣръ выпиванья, какъ поводы къ нему явятся на каждомъ шагу; отъ этого, сколько мы видимъ — и видятъ всѣ — сценъ самыхъ возмутительныхъ, грязныхъ, совершаемыхъ — о ужасъ! — народными учителями, пастырями, служителями вѣры — Таинствъ Христовыхъ! Можетъ ли быть что либо хуже худыхъ поступковъ отъ такого лица, какъ священникъ! Спасибо нашему времени за то покрайней мѣрѣ, что нынѣ мало-мальски порядочное общество считаетъ пьянаго на ряду съ безчестнымъ, и что поэтому нынѣ въ духовномъ сословіи рѣдко слышно о тризнахъ въ честь былаго времени съ его возмутительными сценами, происходившими особенно на храмовыхъ праздникахъ, и о которыхъ наши старцы воздыхаютъ какъ о минувшемъ золотомъ времени — поэзіи пѣвучести, веселья, ликованія. Можетъ статься, что между этими празднествами были и приличныя, но тѣ, до коихъ досягаетъ наша память, не стоятъ сожалѣнія.

В.

4) *Се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (Псал. 132, 1). Доброе согласіе въ семей-

ствѣ, въ обществѣ, въ государствѣ — неоцѣнимое благо. Духовное сословіе, если въ чемъ, то особенно въ этомъ должно быть примѣромъ для всѣхъ прочихъ. — Этого отъ него можно желать и нужно требовать. Личности, встрѣчающіяся въ ономъ съ наклонностію къ сварливости, сутяжничеству, ябедамъ, составляютъ очень больное мѣсто въ организмѣ сословія. *Убо отнюдь вамъ срамъ есть, яко тяжбы имате между собою* (I Кор. 5. 7.). Начальствующій, не допуская своихъ подчиненныхъ до безпорядочной жизни, въ тоже время долженъ быть отцемъ для всѣхъ живущихъ и служащихъ честно, благодушнымъ при видѣ ошибокъ въ своемъ ближнемъ, и до послѣдней возможности снисходительнымъ даже къ слабостямъ его, врачуя ихъ добрымъ порядкомъ, съ состраданіемъ, и лишь въ самыхъ опасныхъ и безнадежныхъ душевныхъ недугахъ прилагать къ нимъ ѣдкія лекарства. Но прежде всего, самъ онъ долженъ обладать сильнымъ нравственнымъ авторитетомъ, который пріобрѣтается умомъ и добротою жизнію,—чтобы врачевать жизнь другихъ, и помнить, что иногда довольно разъ уронить себя, чтобы навсегда потерять свое доброе вліяніе на другаго. Одною властію, грозою, никто не заставитъ ни уважать себя, ни исполнять какъ должно своихъ требованій, ея лишь будутъ бояться и лицемѣрить.

Подчиненные не должны тяготиться ни преимуществомъ предъ собою начальствующаго,—*безъ всякаго прекословія меньшее отъ большаго благословляется* (Евр. 7, 7), ни исполненіемъ его законныхъ требованій. Добрый человѣкъ даже не ограничится исполненіемъ одного требуемаго, онъ постарается сдѣлать болѣе; а грубый, безпокойный, безнравственный вездѣ старается на-

ходить себѣ обиду, и изъ пустаго лѣзетъ или въ драку или въ тяжбу.

Конецъ же завѣщанія **моего** ***есть любы отъ чиста сердца! Да будетъ благословенъ Богъ и Отецъ Господа Іисуса Христа, благословивый насъ всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ о Христѣ*** **(I Тим. 1, 5. — Ефес. 1, 3).**

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Въ Канцеляріи С.-Петербургской Духовной Акад(
міи экстраорд. проф. Андреемъ Предтеченскимъ съ
до 12 часовъ утра принимаются пожертвованія на со-
оруженіе надгробнаго памятника и бюста скончавше-
муся 2-го декабря заслуженному профессору Василь
Николаевичу Карпову. Пожертвованій записано уж
больше 350 рублей; они вносятся въ особую книгу,
своевременно будетъ опубликованъ отчетъ о количеств
ихъ, о лицахъ, сдѣлавшихъ оныя и объ употребленіи
въ Христіанскомъ Чтеніи, въ Современномъ Листкѣ
и въ Странникѣ. Жертвователямъ будутъ разосланы
фотографическія карточки покойнаго профессора, Въ
случаѣ значительнаго числа пожертвованій предпо-
лагается купить для Академіи у наслѣдниковъ покойна-
го его богатую философскую библіотеку, которая будетъ
носить въ академическомъ казнохранилищѣ названіе—
Карповской.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

ДУХОВНАЯ БЕСѢДА съ ЦЕРКОВНОЮ ЛѢТОПИСЬЮ.

Съ окончаніемъ текущаго года исполнится десять лѣтъ отъ начала изданія *Духовной Бесѣды*. Значитъ, нѣтъ надобности много говорить о ея направленіи, содержаніи и объемѣ. Редакція неослабно вела свое дѣло, не отступая отъ данной програмы и не запоздавъ ни *на одинъ день* еженедѣльнымъ выпускомъ журнала.

По той же програмѣ, въ тѣ же сроки, за ту же цѣну, та же редакція будетъ издавать *Духовную Бесѣду съ Церковною Лѣтописью* и въ наступающемъ 1868 году. Не распространяясь въ преждевременныхъ обѣщаніяхъ, мы смѣемъ только увѣрить читателей, что употребимъ всѣ наши силы и средства къ поддержанію и возможному улучшенію нашего журнала.

Въ *Духовной Бесѣдѣ*, въ первомъ ея отдѣлѣ, по прежнему будутъ помѣщаться статьи по всѣмъ отраслямъ духовной науки и жизни, труды нашихъ ученыхъ и проповѣдниковъ.

Въ отдѣлѣ, называемомъ Церковною Лѣтописью, будутъ печататься, прежде всего, оффиціальныя извѣстія, Высочайшіе указы и манифесты, опредѣленія Святѣйшаго Сунода, для опубликованія которыхъ Духовная Бесѣда служитъ непосредственнымъ органомъ, распоряженія и извѣстія по с.-петербургской епархіи, извѣстія о заграничныхъ церквахъ и иностранныхъ исповѣданіяхъ, свѣдѣнія о новыхъ книгахъ, разныя замѣтки, выдержки и объявленія. На сколько зависитъ отъ человѣка, продолженіе Духовной Бесѣды, благодаря Бога, можетъ считаться обезпеченнымъ, какъ въ литературномъ, такъ и матеріальномъ отношеніи; число ея сотрудниковъ и подписчиковъ увеличивается.

Редакція принимаетъ всѣ мѣры къ исправной разсылкѣ журнала и спѣшитъ исполнять жалобы (слава Богу, малочисленныя). Со стороны подписчиковъ она покорнѣйше проситъ, для достиженія той же цѣли, исполненія слѣдующихъ условій: 1) подписываться заблаговременно, не откладывая на долгое время; 2) ясно обозначать прежде всего — **куда** нужно доставлять журналъ, т. е. ближайшую къ подписчику станцію, уѣздъ и губернію; 3) четко писать свои:

товскомъ. До насъ дошло нѣсколько ихъ списковъ; изъ нихъ одни напечатаны, другіе остаются еще въ рукописяхъ; сверхъ того, есть указаніе въ Польскихъ историкахъ на существованіе лѣтописей этого же разряда, болѣе подробныхъ, чѣмъ тѣ, которыя находятся теперь у насъ въ рукахъ. Академія предлагаетъ на разрѣшеніе слѣдующую задачу: опредѣлить по печатнымъ спискамъ, а, если угодно, то и по рукописнымъ, время составленія дошедшихъ до насъ Западно-Русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ, лѣтописей и ихъ составъ, и показать, какими извѣстіями изъ этихъ лѣтописей воспользовались съ одной стороны составители Русскихъ Лѣтописныхъ Сборниковъ, а съ другой Польскіе историки, какъ на прим.: Длугошъ, Стрыйковскій, Бѣльскій и другіе. При этомъ, изъ Польскихъ историковъ необходимо сдѣлать выборку событій, имѣющихъ отношеніе къ Западно-Русскому краю и не находящихся въ напечатанныхъ спискахъ Западно-Русскихъ Лѣтописей; расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и привести соотвѣтствующія имъ мѣста, если таковыя имѣются, изъ Сѣверно-Русскихъ и Южно-Русскихъ лѣтописей, и указать, какія изъ этихъ извѣстій и на какомъ основаніи должны были находиться въ Литовскихъ лѣтописяхъ.

IV. *Историко-Литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ русскими въ Сѣверо- и Юго-Западныхъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVII столѣтій.*

Сочиненія эти хотя и касаются по большой части богословскихъ предметовъ, однако въ то же время заключаютъ въ себѣ не мало характеристическихъ чертъ и указаній для исторіи политическихъ отношеній, нравовъ и просвѣщенія помянутой эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ сохранены свѣдѣнія о писателяхъ и дѣятеляхъ, въ настоящее время забытыхъ, или очень мало извѣстныхъ. Все это имѣетъ значеніе не только по отношенію къ исторіи русской литературы, но и для уразумѣнія духа и направленія умовъ въ тѣхъ краяхъ. Само собою разумѣется, что въ подобномъ изслѣдованіи нельзя пройти безъ вниманія польско-латинскія книги и брошюры, которыя или вызывали, или преслѣдовали полемическія сочиненія бѣлорусскія и малорусскія, но такъ какъ о первыхъ есть уже обстоятельныя описанія въ польской литературѣ (въ трудахъ Іохера, Вишневскаго, Мацѣевскаго и друг.), то о нихъ въ обозрѣніи можно уже говорить на столько, на сколько эти книги и брошюры послужатъ матеріаломъ для разъясненія бѣлорусскихъ и малорусскихъ произведеній.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ ВЪ ПСИХОЛОГІЮ.

---

§ 1. *Способъ самопознанія.*

Въ неизмѣримой цѣпи существъ, населяющихъ землю, главное и начальное звѣно, безспорно, есть человѣкъ. По внѣшнимъ или органическимъ условіямъ своего бытія, онъ принадлежитъ къ роду животныхъ; и потому естественныя науки, занимаясь, между прочимъ, изслѣдованіемъ различныхъ организмовъ земной планеты, разсматриваютъ съ этой стороны и человѣка. Общій способъ разсматриванія всего видимаго въ природѣ, которымъ исключительно пользуются естествоиспытатели, называется *опытомъ внѣшнимъ*. Мы теперь не имѣемъ еще основанія для опредѣленія опыта внѣшняго; знаемъ только, что онъ совершается при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, что посредство ихъ есть условіе необходимое, и что все, могущее существовать внѣ области чувственнаго усмотрѣнія, или по инымъ законамъ, отличнымъ отъ законовъ чувствопостигаемой природы, не можетъ быть доступно наукамъ естественнымъ. Но человѣкъ, по органической своей природѣ, предметъ естествознанія, самъ же и чувствуетъ все видимое, самъ и стремится къ тому, что чувствуетъ, самъ и познаетъ то,

къ чему стремится; и это начало чувствующее, стремящееся и познающее отнюдь не входитъ въ кругъ предметовъ, постигаемыхъ внѣшнимъ чувствомъ, слѣдовательно не подлежитъ и внѣшнему опыту, а не подлежа внѣшнему опыту, не можетъ быть доступно естествознанію. Отсюда въ человѣкѣ открывается другая сторона его существа, достойная большей внимательности и большаго изученія, чѣмъ первая: потому что чувствующее его начало чувствуетъ свой организмъ, а организмъ не чувствуетъ чувствующаго своего начала; стремящееся начало стремится къ своему организму, а организмъ не стремится къ стремящемуся своему началу; познающее начало познаетъ свой организмъ, а организмъ не познаетъ познающаго своего начала. Но какимъ образомъ эта непостигаемая чувствами и недоступная внѣшнему опыту сторона человѣка можетъ быть изучаема? Чтобы подробнымъ объясненіемъ требуемаго способа не опередить методическаго развитія науки, мы укажемъ только на фактъ самоусмотрѣнія, или на способность чувствующаго, стремящагося и познающаго начала — обращаться къ самому себѣ и наблюдать надъ самимъ собою, и это самонаблюденіе, не входя преждевременно въ его основанія, назовемъ *опытомъ внутреннимъ*. Опытъ внутренній есть исключительный способъ, при посредствѣ котораго изслѣдывается самодѣятельное начало человѣческой жизни: только этимъ способомъ можетъ быть непосредственно познаваемо то начало, и только къ тому началу можетъ быть непосредственно приложенъ этотъ способъ. Какъ предъ внѣшнимъ опытомъ постепенно раскрывается многообразное богатство міра физическаго; такъ предъ внутреннимъ мало по малу обозначаются и оттѣняются, выступаютъ и просвѣтляются

безчисленныя явленія міра нравственнаго,—и человѣкъ съ изумленіемъ видитъ предъ собою неизмѣримое поприще самопознанія.

§ 2. *Понятіе о Психологіи.*

Опираясь на внутренній опытъ, самопознаніе знакомитъ человѣка съ разнообразными фактами внутренней его жизни; и чѣмъ больше углубляется человѣкъ въ эту область, тѣмъ шире стелется она предъ его взоромъ и тѣмъ сильнѣе развлекаетъ его вниманіе множествомъ различныхъ явленій. Здѣсь замѣчаетъ онъ странную игру, а иногда даже страшную борьбу страстей; тамъ усматриваетъ необычайно смѣлый полетъ и радужныя мечты фантазіи; въ одномъ темномъ углу своей природы встрѣчаетъ неутомимое труженичество и упорное домогательство ума; въ другомъ удивляется прихотливой разборчивости и вѣчному недовольству воли: вездѣ и во всемъ видитъ онъ дѣятельность, трудъ, стремленіе, заботливость, будто въ обширной и многолюдной мастерской какого нибудь художника. Что все это значитъ? Откуда все это берется? Вокругъ чего вращается? Чѣмъ движется? Къ чему направляется? Самопознаніе видитъ факты, слышитъ вопросы, — и ничего не отвѣчаетъ. Оно изображаетъ какъ бы состояніе того наблюдателя, который, смотря на какой нибудь многосложный механизмъ, замѣчаетъ быстрое вращаніе колесъ, смѣлое качаніе рычаговъ, легкое движеніе блоковъ; но какою связію соединено все это вращающееся, качающееся, движущееся и поражающее слухъ то свистомъ, то стукомъ,—въ какомъ все это находится отношеніи и зависимости, — не замѣчаетъ и, удивляясь мудрости ху-

дожника, старается найти достаточнаго истолкователя производимыхъ механизмомъ явденій. Таково самопознаніе, въ естественной своей дѣятельности опирающееся на опытъ внутренній! Оно обогащаетъ человѣка фактами нравственной жизни, раскрываетъ предъ нимъ сокровища его природы, безъ чего онъ никогда не узналъ бы, что въ немъ есть. Но всѣ дары, которыми осыпанъ онъ и которые находятся у него въ какой-то, еще не понятой имъ гармоніи, предъ взоромъ его самопознанія суть только матеріалы, явленія отдѣльныя, безъ связи, безъ взаимоограниченія, безъ единства. Отыскать дѣйствительную между ними связь, показать, какъ они относительно ограничиваются и какимъ образомъ составляютъ одно гармоническое цѣлое, должна и можетъ только наука. Разсматривая пріобрѣтаемые внутреннимъ опытомъ факты, пользуясь матеріальными плодами самопознанія и опредѣляя относительное значеніе и достоинство ихъ, она, сообразно съ своими изслѣдованіями, каждому изъ нихъ даетъ приличное мѣсто въ гармоническомъ развитіи чувствующаго, желающаго и познающаго начала, и называя это начало душею, сама, примѣнительно къ сему названію, получаетъ имя науки о душѣ, или *Психологіи*. И такъ психологія есть наука, разсматривающая многоразличные факты самопознанія и, соотвѣтственно характеру и достоинству каждаго изъ нихъ, гармонически соединяющая ихъ въ началѣ нравственной жизни человѣка, чтобы такимъ образомъ объяснить по возможности его природу, происхожденіе и назначеніе, и чрезъ то опредѣлить законы всесторонней его дѣятельности.

§ 3. *Сознаніе, какъ начало Психологіи.*

Этимъ понятіемъ о психологіи достаточно обозначая главную ея задачу, мы по необходимости поставляемъ ее въ матеріальномъ отношеніи между двумя весьма грозными опасностями. Тутъ съ перваго взгляда представляется вопросъ: велика ли сумма фактовъ самопознанія, съ которыми должна имѣть дѣло наша наука? Если ихъ у насъ меньше, чѣмъ сколькими проявляется начало нравственной жизни человѣка; то сводя ихъ способами науки въ одно цѣлое, мы этому началу припишемъ природу неполную, усѣченную, уродливую: а когда тѣми же способами введемъ въ него больше, чѣмъ сколько въ немъ замѣчается дѣйствительно, — въ его природѣ допущено будетъ нѣчто ей чуждое, обезображивающее ее излишествами, наростами. Исторія психологіи представляетъ множество примѣровъ, что философы впадали либо въ ту, либо въ другую крайность, и наука у нихъ приходила отъ того къ явно ложнымъ результатамъ. Такъ напримѣръ эмпиризмъ Локка отвергалъ въ душѣ бытіе врожденныхъ идей, и вслѣдствіе того долженъ былъ отвергнуть дѣйствительность внутренняго законодательства, направляющаго стремленія человѣка къ истинѣ и добру; раціонализмъ Канта не хотѣлъ, чтобы нравственная наша дѣятельность ограничивалась движеніями чувства,—и начало дѣятельности превратилось у него въ отвлеченный эгоистическій умъ, водящійся только холоднымъ сознаніемъ долга. Идеализмъ Декарта не взялъ во вниманіе проявляющихся въ душѣ побужденій жизни животной,—и тѣло у него сдѣлалось просто механизмомъ, живущимъ особою жизнію. Всѣ эти и подобныя этимъ заблужденія въ области психо-

логіи происходили отъ недостатка фактовъ самопознанія, или,—что еще вѣрнѣе,—отъ намѣреннаго умолчанія о нихъ въ угодность извѣстной идеѣ и вопреки ясному свидѣтельству внутренняго опыта. Не менѣе нелѣпыхъ мнѣній вошло въ психологію и отъ того, что факты самопознанія, доступные только внутреннему опыту, философы думали выводить и объяснять изъ явленій, усматриваемыхъ опытомъ внѣшнимъ, и такимъ образомъ приписывали душѣ природу ей не свойственную. Такъ матеріализмъ, безусловно вѣруя въ одно свидѣтельство чувственнаго усмотрѣнія, полагаетъ въ смыслѣ не пререкаемой аксіомы, что все существующее есть матерія, и подводя подъ эту общую посылку существо души, заключаетъ, что и душа матеріальна. Такой именно силлогизмъ развивается въ теоріяхъ Демокрита, Эпикура, Лукреція, Гельвеція, Гольбаха, Ламетри, Бруссе и многихъ другихъ.

Въ наше время матеріалистическому ученію о душѣ покровительствуетъ особенно-необыкновенный упадокъ религіознаго чувства въ образованномъ классѣ народа, сильное развитіе эгоизма въ гражданскихъ отношеніяхъ, довольно распространившаяся система дѣйствій на основаніи своекорыстныхъ расчетовъ, неудержимое направленіе общества къ роскоши и чувственнымъ удовольствіямъ. И всѣмъ этимъ стремленіямъ матеріализмъ старается придать видъ законности, злоупотребляя замѣчательными нынѣ успѣхами естественныхъ наукъ, чрезъ произвольное приложеніе ихъ изслѣдованій къ той области человѣческой жизни, которая этими изслѣдованіями ни какимъ образомъ объяснена быть не можетъ. Чтобы избѣгнуть обѣихъ этихъ, равно гибельныхъ крайностей, мы должны найти какое нибудь несомнѣнное водитель-

ство въ самомъ, такъ сказать, преддверіи того храма, въ который теперь вступаемъ, и слѣдовать ему со всею точностію, не увлекаясь ни предзанятою идеею, ни духомъ школы. Такое водительство, способное въ одно и то же время какъ представить намъ полную сумму фактовъ внутренняго опыта, такъ и устранить явленія, тѣснящіяся въ нашу науку изъ области опыта внѣшняго, есть *сознаніе*.

Что такое сознаніе? Откуда оно въ человѣкѣ? Въ какой связи оно съ человѣческою природою? Какія условія большаго или меньшаго его развитія?—Эти вопросы, при самомъ вступленіи въ науку, основательно рѣшены быть не могутъ, если наука тотчасъ, съ перваго шага, не должна вступать на свое поприще въ вѣнкѣ языческаго оракула, провѣщавающаго какъ бы ея tripode. При томъ рѣшеніе ихъ теперь и не нужно. Кому придетъ на мысль распрашивать придверника о его происхожденіи, знакомствахъ, отношеніяхъ, образѣ жизни и проч., когда требуется только, что бы онъ отворилъ дверь и доложилъ хозяину? Или станемъ ли мы изслѣдывать, гдѣ, кѣмъ и изъ какого матеріала отлита свѣча, когда при ея свѣтѣ нужно только войти въ темную комнату? Сознаніе въ природѣ человѣческаго духа есть фактъ, свидѣтельствующій о самомъ себѣ чрезъ самаго себя; оно есть единственная непосредственность или единственное непосредственное явленіе, для познанія котораго не требуется ничто другое, кромѣ его самого, тогда какъ само оно безусловно требуется для познанія всего другаго. Сознаніе есть свѣтъ, разсѣевающій таинственный мракъ, которымъ облечено нравственное существо человѣка,—свѣтильникъ, при которомъ видно все, что въ немъ есть, и безъ котораго все

погребено было бы во тьмѣ безотчетныхъ животныхъ ощущеній. Этотъ то свѣтильникъ беремъ мы въ руководство съ совершенною увѣренностью, что при его свѣтѣ съ одной стороны обнажатся предъ нами всѣ факты внутренняго опыта, съ другой отдѣлится и устранится все чуждое нравственной нашей жизни и пришлое отвнѣ — изъ міра внѣшняго. Поэтому на сознаніе мы смотримъ, какъ на *начало Психологіи*, и смыслъ этого начала опредѣляемъ самымъ его назначеніемъ — озарять факты познающей, желающей и чувствующей нашей природы. Въ основаніи нашей науки должно лежать непосредственно извѣстное и аподиктически вѣрное положеніе, что явленія, относящіяся къ существу нашего духа, сознаются, какъ добытыя внутреннимъ опытомъ, и на оборотъ,—всѣ явленія, входящія въ сознаніе, какъ факты внутренняго опыта, относятся къ существу нашего духа. Отсюда само собою явствуетъ, что сознаніе, какъ начало психологіи, ни формально, ни реально: потому что оно во первыхъ не опредѣляетъ формы нашихъ познаній о душѣ, т. е. не показываетъ, какимъ образомъ факты внутренняго опыта должны быть взаимно соединяемы, чтобы составили одно гармоническое цѣлое; во вторыхъ, оно само по себѣ и изъ себя не даетъ матеріи для нашей науки, то есть, изъ понятія о сознаніи, какъ о свѣтѣ, озаряющемъ все, чѣмъ проявляется душа, нельзя вывесть того, чѣмъ можетъ и должна она проявляться. Сознаніе въ формальномъ и реальномъ отношеніи есть начало не *доказательное*, а только *указательное*: озаряя тайники человѣческаго духа, оно этимъ самымъ какъ бы указываетъ въ нихъ на готовыя уже явленія и предшествуетъ внутреннему опыту въ его наблюденіяхъ, чтобы

онъ не упустилъ изъ виду ни одного факта въ существѣ имъ изслѣдываемомъ и могъ вѣрно опредѣлить значеніе каждаго изъ нихъ. Поэтому сознаніе не беретъ на себя отвѣтственности въ ошибкахъ психолога, допускаемыхъ при формальномъ или матеріальномъ построеніи науки: напротивъ психологъ грѣшитъ предъ своимъ сознаніемъ, если не обращаетъ вниманія на то, что сознаетъ, или привноситъ въ свою науку то, чего сознаніе ему не указываетъ.

Впрочемъ психологія, полагая въ основаніе своего развитія сознаніе, въ правѣ и съ своей стороны требовать отъ него нѣкоторыхъ условій. Оно, какъ начало, указывающее на факты внутренняго опыта, пока его природа еще не извѣстна, представляется намъ конечно началомъ абсолютнымъ: но эту абсолютность можно оставить за нимъ до времени только въ смыслѣ *качества*, подъ которымъ принадлежитъ оно всѣмъ людямъ, и потому имѣетъ характеръ всеобщности. Таковымъ ли найдемъ мы его, если будемъ разсматривать со стороны ясности его указаній? Все, что ясно, одинаково зависитъ отъ начала свѣтящаго; но не все свѣтящее сообщаетъ одинаковую ясность предмету освѣщаемому. Поэтому умѣстенъ вопросъ: въ одной ли и той же степени у всѣхъ людей озаряются сознаніемъ факты внутренняго опыта? Очевидно, что здѣсь спрашивается уже не о качествѣ, а о *количествѣ* сознанія; и отвѣтъ не труденъ: сознаніе въ количественномъ отношеніи не только не абсолютно въ человѣческой природѣ вообще, но до крайности измѣнчиво отъ разныхъ причинъ даже въ одномъ и томъ же человѣкѣ; а представленіе этихъ причинъ предполагаетъ возможность пропедевтики сознанія, или такихъ практическихъ и тео-

ретическихъ, положительныхъ и отрицательныхъ мѣръ, при посредствѣ которыхъ свѣтъ его получаетъ больше напряженности и яснѣе озаряетъ факты внутренняго опыта. Посему психологія, повторяемъ, въ правѣ требовать, что бы сознаніе было въ достаточной степени развито и, получивъ навыкъ обращаться къ внутренней сторонѣ человѣческой жизни, осязательно указывало, что въ ней есть и чего нѣтъ. Это условіе для нашей науки тѣмъ важнѣе и необходимѣе, что при выполненіи его она надѣется расширить горизонтъ своего зрѣнія; ибо какъ скоро факты внутренняго опыта будутъ озаряемы сознаніемъ съ надлежащею ясностію,— психологическій анализъ получитъ возможность раскрыть ихъ до такихъ подробностей, что найдетъ въ нихъ достаточное основаніе *для заключенія* даже къ тому, что непосредственно не подлежитъ сознанію и скрывается либо въ недоступной глубинѣ человѣческаго духа, либо въ неразгаданныхъ законахъ органической жизни. Посредствомъ такихъ заключеній психологія придетъ во внутреннюю связь съ одной стороны съ философіею религіи, а съ другой—съ физіологіею человѣческаго организма, и составитъ среднее звено въ ряду наукъ, раскрывающихъ двухстороннюю нашу природу.

§ 4. *Предметъ Психологіи.*

И такъ психологія стоитъ теперь на точкѣ сознанія фактовъ внутренняго опыта, и своими заключеніями, если найдутся достаточныя для нихъ основанія, готова проникнуть въ смежные съ сознаніемъ предѣлы несознаваемаго. Ограничивъ такимъ образомъ ея сферу мысленною периферіею, которой многія точки впрочемъ теряются въ содержаніи соприкосновенныхъ съ нею

наукъ, мы можемъ, при свѣтѣ сознанія, сдѣлать по крайней мѣрѣ опытъ обозрѣнія тѣхъ многоразличныхъ матеріаловъ, которые должны быть разработаны и изслѣдованы ею. Но при одномъ, даже самомъ бѣгломъ взглядѣ на факты внутренняго опыта, озаряемые сознаніемъ, мысль теряется и исчезаетъ въ необозримомъ ихъ множествѣ. Возьмемъ психическую жизнь хоть одного человѣка, отъ первыхъ проблесковъ его сознанія до послѣднихъ предсмертныхъ проявленій его ума, воли и сердца. Какая это необъятная исторія мыслей, желаній и чувствованій! Они каждый день льются потокомъ, возбуждаются одни другими, будто волны волнами, и исчезаютъ одни въ-другихъ, будто звуки въ гармоніи. Между тѣмъ все это жило, дало плодъ, было сознано и увѣковѣчено сознаніемъ; все это вошло въ смыслъ нравственнаго развитія человѣка и, ложась чертами въ психической его жизни, требуетъ себѣ мѣста въ ея исторіи. Но кто начерталъ такую автобіографію? Кто когда нибудь въ состояніи былъ слѣдовать мыслію за полетомъ собственныхъ мыслей, мелькавшихъ быстрѣе молніи, за движеніями сердца, опереживавшими быстроту свѣта, за стремленіями воли, перегонявшими время? Между тѣмъ эти летучія мысли, видоизмѣняясь, переработываясь, воспроизводясь и различнымъ образомъ соединяясь и раздѣляясь, мало по малу организовались въ понятія и приходили къ значенію умственнаго взгляда на вещи; эти сердечныя движенія, различно ограничиваясь безчисленными впечатлѣніями и входя въ соотношеніе съ ними то чувственною, то духовною стороною, будто токъ магнитной силы, — то отрицательнымъ, то положительнымъ полюсомъ, незамѣтно устанавливались въ эстетическую тему жизни; эти сво-

бодныя стремленія, чтобы не потеряться во множествѣ предметовъ, сосредоточиваясь въ болѣе тѣсной сферѣ избранія, нечувствительно приближались къ одному направленію и получали устойчивость въ значеніи нравственнаго характера. Да и тутъ все, добываемое временемъ изъ микроскопическихъ, такъ сказать, проявленій ума, воли и сердца, какимъ подвергается еще переработкамъ отъ наплыва новыхъ мыслей, желаній и чувствованій, отъ непрестанно вертящагося колеса обстоятельствъ, которыми вызывается въ область опыта то, что прежде не было испытываемо, и отъ большаго или меньшаго развитія способностей въ разныхъ возрастахъ человѣка! Сколько разъ въ жизни переиначимъ мы свои понятія, перестроимъ свои взгляды, перемѣнимъ свои убѣжденія, передѣлаемъ свой характеръ, перестановимъ свои цѣли! Какъ же психологу услѣдить за всѣми этими перемѣнами, исчерпать всю эту бездну явленій внутренняго опыта только въ самомъ себѣ и — мало того исчерпать — еще поставить ихъ въ связь и зависимость, что бы дать себѣ полный и самый подробный отчетъ въ жизни и дѣятельности одной собственной своей души? Между тѣмъ вокругъ его — на всемъ пространствѣ земнаго шара, до тысячи милліоновъ такихъ же разумно—свободныхъ существъ, съ тѣмъ же сознаніемъ, съ тѣми же опытами самонаблюденія, съ тѣмъ же безсиліемъ самопознанія, но съ тѣмъ же правомъ видѣть и узнать себя въ наукѣ. И въ этой тысячѣ милліоновъ сколько такихъ людей, въ которыхъ явленія внутренней жизни, если не качественно, то количественно, могутъ быть до того высоки или низки, что степени нравственнаго стоянія ихъ психологъ и вообразить не въ силахъ! И однакожъ европеецъ и но-

возеландецъ, парижанинъ и юкагиръ, англійскій лордъ и бомбейскій раія—равно предметы психологіи. Есть статистика жизни народной, описывающая ея бытъ въ предѣлахъ внѣшняго опыта: можно читать цифры, опредѣляющія народонаселеніе страны, гражданскія, военныя, хозяйственныя и педагогическія средства ея силы и благоденствія. Но кто написалъ и въ состояніи написать статистику нравственную, которая бы во всѣхъ слояхъ государства прослѣдила движеніе мысли и чувства и показала его въ опредѣленныхъ итогахъ? А сколько перемыслило, перечувствовало, переиспытало человѣчество въ продолженіе пережитыхъ имъ тысячелѣтій! Безчисленныя племена, живя частною и общественною жизнію, переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, и факты внутренняго опыта, возбуждавшіеся въ каждомъ недѣлимомъ, завѣщавали исторіи, какъ доказательство, что они составлялись также изъ людей, и что эти недѣлимыя были отнюдь не безразличными звеньями въ непрерывной цѣпи развивавшагося человѣчества. Между тѣмъ, что принесла намъ исторія изъ длиннаго ряда вѣковъ протекшихъ?—Принесла нѣсколько капель изъ цѣлаго океана мыслей, чувствованій и желаній, поколику тѣ капли, вытѣсненныя борьбою сокровенныхъ началъ нравственной жизни, вырывались наружу и становились достояніемъ опыта внѣшняго. Этимъ-то скуднымъ наслѣдіемъ прошедшаго обязаны мы исторіи, а внутренняя, собственно психическая жизнь историческаго міра, сокровенная пружина внѣшнихъ его явленій, остается для насъ большею частію предметомъ темныхъ догадокъ и произвольныхъ предположеній.

И такъ задача психологіи даже и въ тѣхъ предѣлахъ, которыми предметъ ея очертывается частію со стороны

недоступной глубины человѣческаго духа, частію со стороны неразгаданныхъ законовъ органической жизни, оказывается задачею необъятною, или такимъ вопросомъ, за полное рѣшеніе котораго не ручается ни внутренній опытъ, ни сознаніе. Поэтому психологъ, обобщаясь теперь по своему предмету съ нравственнымъ бытомъ всего современнаго человѣчества, котораго представителемъ однакожъ онъ, по видимому, быть не можетъ, и съ историческою жизнію всѣхъ минувшихъ его поколѣній, которая большею частію исчезла для него въ безднѣ прошедшаго, долженъ ограничить свой предметъ такъ, чтобы самое это ограниченіе давало ему право разсуждать о разумно-свободной душѣ вообще и ручалось за то, что психологическія его изслѣдованія имѣютъ значеніе общечеловѣческое. Такое ограниченіе, сколь ни труднымъ представляется оно съ перваго взгляда, можетъ быть сдѣлано чрезъ достаточное различеніе только двухъ понятій: *матеріи* и *формы* фактовъ внутренняго опыта. Матерію явленій, которыми обнаруживается внутренняя человѣческая жизнь, составляетъ все то, что существенно входитъ въ нравственную ея природу, никогда отъ ней не отдѣляется и характеризуетъ ее такъ, что безъ этого характеристическаго содержанія она отнюдь не была бы тѣмъ, что есть,—нравственною человѣческою природою. Къ такому ея содержанію необходимо относится и свойственная ей способность принимать многоразличныя формы,—оразноображиваться до безконечности. По матеріальнымъ чертамъ внутренней своей жизни и по своей способности различнымъ образомъ формовать ихъ, человѣкъ вездѣ и всегда—одинаковъ. Съ этой стороны милліоны разумно-свободныхъ существъ, населявшихъ искони и нынѣ населяющихъ

земной шаръ, суть не болѣе, какъ воспроизведеніе того же самаго существа, такъ что каждый въ себѣ самомъ, будто въ зеркалѣ, можетъ сознавать все человѣчество. Но не такъ надобно думать о формальности психическихъ явленій. Форма нравственной жизни есть взаимное соотношеніе фактовъ внутренняго опыта. Человѣкъ можетъ свои мысли, желанія и чувствованія поставлять въ ту или другую связь, давать имъ то или другое направленіе, наклонять ихъ къ той или другой цѣли: отсюда проистекаетъ многоразличіе понятій, стремленій, ощущеній, то пріятныхъ и утѣшительныхъ, то скорбныхъ и безотрадныхъ; отсюда человѣчество дробится на безконечное множество недѣлимыхъ, одно на другое непохожихъ: но все это проходитъ, измѣняется и, указывая на различныя состоянія человѣка, нисколько не показываетъ, что такое человѣкъ самъ въ себѣ, въ существенныхъ свойствахъ своей природы; все это напротивъ само должно и можетъ оцѣниваться непосредственно только матеріею фактовъ внутренняго опыта. Имѣя въ виду такое различіе между матеріальными и формальными явленіями нравственной жизни человѣка, мы ограничиваемъ предметъ своей науки лишь первыми изъ нихъ и чрезъ это не только не отнимаемъ у ней ничего изъ ея содержанія, но еще даемъ ей важнѣйшее значеніе въ отношеніи къ оцѣнкѣ современной и исторической дѣятельности человѣчества: ибо не формы жизни должны давать психологіи матерію ея изслѣдованій, а на оборотъ—матерія психологическихъ изслѣдованій должна обозначать, въ какихъ формахъ надлежитъ развиваться жизни; подобно тому, какъ не рынокъ долженъ указывать, что нужно человѣку, а на оборотъ — соображеніе потребностей человѣка должно

показать, чему слѣдуетъ быть на рынкѣ. И такъ предметомъ предначертываемаго нами ученія о душѣ должна быть душа въ существенныхъ и основныхъ явленіяхъ ея природы, которыя матеріально общи всѣмъ людямъ и разнятся въ недѣлимыхъ только формою, то есть образомъ, отношеніемъ и направленіемъ своего развитія, которыми, поколику понимаются они въ значеніи матеріальныхъ дарованій, одинъ человѣкъ не отличается отъ другаго, и которыя доступны внутреннему опыту каждаго недѣлимаго, сколько позволяетъ ему это большая или меньшая напряженность его сознанія. Но, ограничивъ такимъ образомъ предметъ своей науки, психологъ все еще не можетъ съ увѣренностію сказать, что онъ владѣетъ чистымъ ея содержаніемъ. У кого есть искуство внутренно созерцать самаго себя, тотъ, по словамъ одного германскаго философа, конечно открываетъ въ себѣ какъ бы новыя страны, недознанные міры, гдѣ все, что для человѣка цѣнно, можетъ быть его пріобрѣтеніемъ. И такое самосозерцаніе удобно во всякомъ положеніи, во всякое время; это—единственное занятіе, при которомъ не требуются ни книга, ни помощь другихъ. Но при этомъ надобно опасаться, какъ бы психологія, относительно къ своему предмету, не встрѣтила себѣ врага въ самомъ психологѣ, какъ бы, то есть, вмѣсто дѣйствительнаго богатства матеріальныхъ фактовъ внутренняго опыта, общихъ всѣмъ людямъ, не открылъ онъ въ себѣ какихъ нибудь частныхъ ограниченій, нажитыхъ только собственною его природою, и, владѣя этимъ сокровищемъ самъ, не сталъ предполагать его въ другихъ, не почелъ достояніемъ общечеловѣческимъ. Внутренняя жизнь психолога, равно какъ жизнь каждаго человѣка, можетъ различнымъ образомъ

видоизмѣняться и, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій своего развитія, проявлять существенныя свои силы въ различныхъ формахъ, которыя, смотря по ограничивающимъ ее условіямъ, могутъ быть сообразны съ нею и несообразны, естественны и неестественны. Отсюда и самое чистое по видимому созданіе его ума—идея науки, извѣстнымъ образомъ ограничиваясь, можетъ принимать оттѣнки подлежательныхъ убѣжденій и выступать въ міръ опыта расцвѣченною, наряженною согласно со вкусомъ и личными требованіями ея развивателя. Это такъ называемое vitium subreptionis, позволяющее себѣ выдавать подлежательныя мнѣнія за предлежательныя истины, бываетъ какъ бы эпидемическою язвою почти всѣхъ научныхъ взглядовъ и систематическихъ построеній, въ которыхъ неизмѣнно раскрывается какая нибудь одна господствующая идея. Посему психологъ, чѣмъ послѣдовательнѣе и отчетливѣе хочетъ вести свою науку, тѣмъ болѣе долженъ стараться, чтобы къ его предмету не примѣшивалось ничто подлежательное,—частное и случайное. Входя, при свѣтѣ сознанія, въ область внутренняго опыта, онъ обязанъ и въ себѣ самомъ строго различать существенное содержаніе нравственной своей жизни отъ ограничивающихъ его формъ, и, оставляя послѣднія, разсматривать только первое. Пусть эти формальныя выраженія фактовъ самопознанія были бы и вѣрны,—они, поставленныя и на заднемъ планѣ, отъ того не потеряютъ своего достоинства; наука взыщетъ ихъ, какъ скоро коренныя явленія человѣческаго духа потребуютъ соотвѣтственныхъ себѣ очертаній. Чистая истина постигается только чистымъ зрѣніемъ; чрезъ предрасположенія, или какія нибудь предзанятыя начала, которыми нравственное око

бивает вооружаемо, будто призматическими стеклами, она во всей своей чистоте не усматривается; эти своеобразности психолог должен оставить за порогом ея святилища и вступить в него без задних мыслей, с простосердечием и прямодушием дитяти.

Приняв такія ограниченія, предмет психологіи безспорно весь озаряется сознаніем, весь делается доступным внутреннему опыту и вместе с тем весь имеет значеніе общечеловеческое. Но разсматривая его в этом объеме, психологія была бы наукою о душе все еще в смысле самом обширном и замыкала бы в себе многія другія науки, которыя, по своим началам, хотя и могут быть почитаемы психологическими, по отдельности своего развитія однакож давно уже получили место в ряду ученій самостоятельных. Если предположим, что существенные факты внутренняго опыта суть не иное что, как силы души; то естественно согласимся, что эти силы, принадлежа душе, в то же время должны обнаруживаться деятельностію: а если оне действуют, то в душе необходимо быть законам, по которым производится их деятельность. Если предположим далее, что эти действующія силы, поколику действующія, сделались предметом особаго изследованія, которое поставило себе целію раскрыть законы их деятельности и, по существу этих законов, определить формы ея; то конечно допустим, что сколько было бы замечено таких сил, столько могло бы быть развито особых психологических наук, разсматривающих законы и формы деятельности нравственной человеческой природы. Этим действительно путем развиты и обособлены науки — *Логика*, как ученіе о законах и формах мышленія; *Этика*,

какъ ученіе о законахъ и формахъ желанія; *Эстетика*, какъ ученіе о законахъ и формахъ чувствованія (1). Всѣ эти науки таковы, что, съ одной стороны, по обособленности своего развитія, не хотятъ оставаться въ предѣлахъ психологіи и составлять съ нею одно органическое цѣлое, а съ другой, по имманентному содержанію ихъ началъ въ живомъ организмѣ ученія о душѣ, не могутъ совершенно и отдѣлиться отъ него. Въ такомъ случаѣ психологія, какъ основа этихъ развѣтвленій психологической энциклопедіи, должна, не изгоняя ихъ всецѣло изъ своей области (что было бы болѣзненно и для ней самой, и для нихъ), снова ограничить предметъ своихъ изслѣдованій такъ, чтобы онъ не смѣшивался съ предметами наукъ, отъ ней происшедшихъ и развивающихся въ той же средѣ внутренняго опыта, озаряемаго сознаніемъ. Это послѣднее необходимое ограниченіе предмета психологіи можетъ быть сдѣлано чрезъ подведеніе его опять подъ двѣ еще высшія категоріи: *бытіе* и *дѣятельность*. Всѣ явленія нравственной нашей жизни, при одинаковой ихъ существенности и общности, сознаются либо какъ нѣчто имѣющееся въ душѣ, либо какъ нѣчто, дѣлающееся въ ней. Человѣческая природа конечно не заключаетъ въ себѣ ничего, что имѣлось бы въ ней, не дѣйствуя, или дѣйствовало, не имѣясь; однакожъ между этими фактами сознанія есть

(1) Къ сему же отдѣлу психологическихъ наукъ можно бы, если угодно, отнесть и *Мнемонику*, какъ ученіе о законахъ и формахъ памятованія: но Мнемоника еще не получила такого развитія, чтобы могла держаться самостоятельно. Память едва ли не менѣе всѣхъ другихъ силъ души подчинялась донынѣ психологическому анализу, и законы ея дѣятельности остаются почти вовсе неразъясненными. Поэтому выходившія въ послѣднее время опыты Мнемоники состоятъ большею частію изъ замѣчаній, не имѣющихъ значенія психологическаго, или въ собственномъ смыслѣ научнаго.

причинная связь и замѣчается только односторонняя зависимость: все дѣйствующее въ душѣ потому дѣйствуетъ, что имѣется; но все имѣющееся въ душѣ не потому имѣется, что дѣйствуетъ. Слѣдовательно одинъ и тотъ же фактъ внутренняго опыта можетъ быть разсматриваемъ особо, какъ имѣющееся, и опять особо, какъ дѣйствующее. При томъ, мы сказали выше, что къ матеріальнымъ фактамъ внутренней нашей природы относится также и способность ея принимать многоразличныя формы. Эта способность во всякомъ случаѣ условливается положенными въ душѣ законами, которые, управляя дѣятельностію ея силъ, въ то же время принадлежатъ ей, какъ бытіе. Такимъ образомъ законодательство нашего духа служитъ какъ бы гранью, отдѣляющею то, что въ немъ есть, отъ того, что въ немъ дѣлается, или точкою перехода отъ бытія къ дѣятельности. Законами предполагаются силы, — это область бытія; дѣятельностію же предполагаются законы,— это область формъ, которыми обнаруживается бытіе. Разсматриваніе силъ нравственной нашей жизни, поколику онѣ являются въ сознаніи просто какъ бытіе или факты внутренняго опыта, и опредѣленіе гармоническаго соотношенія ихъ въ человѣческомъ духѣ,—вотъ что въ тѣснѣйшемъ смыслѣ должно быть предметомъ психологіи; а разсматриваніе формъ дѣятельности психическихъ силъ, каковы онѣ должны быть сами по себѣ и во взаимномъ своемъ отношеніи, по требованію внутренняго нашего законодательства—есть дѣло упомянутыхъ выше наукъ мышленія, чувствованія и желанія. Ограниченная такимъ образомъ въ своемъ предметѣ психологія, по всей справедливости, относится къ разряду наукъ *реальныхъ*, потому что занимается исключительно изслѣдованіемъ са-

мага бытія, или того, что дѣйствительно есть въ душѣ. Напротивъ, науки мышленія, чувствованія и желанія обыкновенно называются *формальными*, потому что предметъ ихъ ограничивается единственно наблюденіемъ того, *какъ* все, находящееся въ душѣ, живетъ и дѣйствуетъ.

§ 5. *Метода Психологіи.*

И такъ психологія теперь у насъ—въ опредѣленной чертѣ своего предмета; опредѣленный ея предметъ озаряется сознаніемъ; сознаніе, озаряя его, указываетъ поприще дѣятельности внутреннему опыту. Предметъ, сознаніе и опытъ,—этими тремя моментами самопознанія ограничиваются всѣ средства нашей науки. Такими средствами не можетъ ли быть указана и самая метода ея развитія?

Исторія философіи представляетъ много примѣровъ построенія психологіи и при другихъ способахъ: философы большею частію позволяли себѣ дѣлать заключенія о человѣческой душѣ не по самымъ явленіямъ души, а по принятымъ взглядамъ на міръ, или по общей, усвоенной извѣстнымъ мыслителямъ, идеѣ всего существующаго. Идея конечно еще рѣже, чѣмъ обыкновенное понятіе, возникаетъ въ душѣ съ неукоризненною чистотою, ибо почти всегда оттѣняется чертами такъ или иначе слагающейся жизни; однакожъ она бываетъ самородною мыслію человѣческаго духа, которая, незамѣтно ограничиваясь эмпирическими посылками, не сознаетъ этихъ ограниченій, и, построяя міровые свои идеалы, смотритъ на нихъ, какъ на произведенія самостоятельной и независимой умственной дѣятельности. Очевидно, что, проявляясь въ психологіи съ такою самостоятельностію, она дѣлается глав-

нымъ, направительнымъ ея началомъ, и многоразличнымъ фактамъ психической жизни указываетъ такое мѣсто и значеніе, какое позволяетъ имъ имѣть ея взглядъ на гармоническій составъ вселенной. Направляемая извѣстною идеею, психологія, въ своемъ развитіи, подчиняется *методъ синтетической*, въ которой внутренній опытъ точно такъ же относится къ идеѣ, какъ въ организмѣ гражданскаго тѣла власть исполнительная къ власти законодательной. При господствѣ идеи въ наукѣ, внутреннему опыту предоставляется дѣятельность только второстепенная: онъ долженъ разсматривать явленія нравственной жизни человѣка, но не иначе, какъ примѣнительно къ началу системы, занимающей всѣ виды бытія. По этому вызовъ явленій на первый планъ въ области науки, или помѣщеніе ихъ на второмъ планѣ; поставленіе фактовъ подъ самый фокусъ сознанія, или наблюденіе его въ тѣни; полное раскрытіе того или другаго отголоска въ духовномъ мірѣ, или совершенное умолчаніе о немъ; непосредственное соединеніе извѣстнаго явленія съ этими явленіями или съ тѣми; — все это зависитъ не отъ внутренняго опыта, а отъ начала или законодательной власти идеи. Само собою явствуетъ, что, вполнѣ завися отъ идеальнаго взгляда человѣка на міръ, психологія не можетъ быть наукою самостоятельною, а тѣмъ еще менѣе основною. Въ такомъ случаѣ она есть не что иное, какъ часть философіи, которая въ самой себѣ, или въ своей идеѣ, полагаетъ основаніе ея развитія, и по силѣ этого идеальнаго основанія, сообщаетъ ей характеръ и самое имя *Психологіи умозрительной*.

Психологія умозрительная конечно имѣетъ свои достоинства, потому что основывается на идеѣ и чрезъ то по-

лучаеть значеніе науки философской: но эти самыя достоинства, как легко было замѣтить изъ вышесказаннаго, могутъ въ области изслѣдованій порождать и заблужденія, если идея психолога бываетъ ограничена и оттѣнена несогласно съ дѣйствительною природою души. Такъ какъ здѣсь все зависитъ отъ идеи, то безъ сомнѣнія было бы гораздо лучше—не предполагать ея, какъ нѣчто данное, а найти путемъ самопознанія, чтобы потомъ не психологію развивать по идеѣ философіи, а философію по идеѣ психологіи, и такимъ образомъ науку о душѣ положить въ основаніе всей энциклопедіи наукъ философскихъ. Такое стремленіе тѣмъ позволительнѣе, что человѣка искони называютъ микрокосмомъ, или малымъ міромъ, и что слѣдовательно въ немъ можно найти залоги всякаго бытія, подслушать гармонію жизни, разлитой въ цѣлой вселенной, и созерцать таинственные символы связей, соединяющихъ все мірозданіе. Не рѣшаемся преждевременно утверждать, что многовѣковая мысль о микрокосмѣ вполнѣ справедлива: потому что и она также представляется намъ выраженіемъ идеи и требуетъ повѣрки: однакожъ мы видимъ въ ней идею психологическую, которая могла быть найдена не иначе, какъ путемъ долговременнаго самонаблюденія, независимо ни отъ какого предзанятаго философскаго взгляда. Это по крайней мѣрѣ даетъ намъ право надѣяться, что психологія, и при посредствѣ одного внутренняго опыта, руководимаго сознаніемъ, можетъ быть развита до того, что наконецъ получитъ достаточную опору для заключенія всеобщаго, которое позволительно будетъ принять за идеальное основаніе выводовъ, требуемыхъ синтезомъ философіи; ибо въ самомъ дѣлѣ не удивительно, что, познавъ

себя въ духовной нашей природѣ, мы въ этомъ познаніи нашли бы ключь къ уразумѣнію всего существующаго. Но какимъ образомъ внутренній опытъ, не вспомоществуемый ничѣмъ, кромѣ сознанія, можетъ идти къ этой цѣли? Въ опытѣ мы видимъ всегда дѣятели медленнаго, робкаго, недальновиднаго,—и тогда какъ идея быстрымъ взглядомъ смѣло обнимаетъ весь горизонтъ своего предмета и силою полагаемаго ею начала держитъ его въ значеніи одного цѣлаго, тотъ идетъ шагъ за шагомъ, ощупью, отъ явленія къ явленію, и трудясь теперь, не знаетъ, что будетъ потомъ, работая здѣсь, не предвидитъ, что встрѣтится тамъ; его дѣло—разсматриваніе чего-то, еще неопредѣленнаго, по частямъ, чтобы наконецъ найти общій ихъ итогъ и опредѣлить ихъ цѣлое. Если наука избрала себѣ такой способъ познанія предмета, то она держится, говорятъ, *методы аналитической*.

И такъ, оставляя психологію въ области духовной нашей жизни съ однимъ внутреннимъ опытомъ и сознаніемъ, мы обрекаемъ ее на трудъ мозотливый, медленный и, собственно говоря, несмоичаемый, требующій дѣятельности не одного человѣка, а цѣлаго человѣчества, не годовыхъ усилій, а многовѣковыхъ подвиговъ; ибо кто когда нибудь завершитъ изслѣдованіе неизслѣдимой бездны человѣческой природы? Кто закончитъ анализъ нашего духа во времени, когда въ немъ ясно замѣчаются основанія требованій вышевременныхъ? Сколько — даже почти на нашей памяти—открыто въ немъ новыхъ явленій и по этому поводу возбуждено новыхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ только еще ожидается? А сколько безъ сомнѣнія скрываетъ онъ въ себѣ доныне недознаннаго и соблюдаемаго въ даръ наукѣ другихъ

помышленій! Но что? Неужели психологія, слѣдуя методѣ аналитической, должна быть только лѣтописью духовной жизни человѣка, присоединяя новыя страницы къ памятникамъ прошедшаго, чтобы потомъ передать ихъ для продолженія времени будущему? — Нѣтъ, она обязана также, смотря по количеству накопившихся фактовъ, порою дѣлать общія наведенія и чрезъ нихъ вызывать идеи для философскаго синтеза, или въ нихъ указывать правила для цѣлесообразнаго направленія человѣческой жизни и основанія для современнаго развитія философіи. Но такія наведенія не иначе возможны, какъ подъ условіемъ группированія явленій духовной природы человѣка, или подведенія ихъ подъ какія нибудь категоріи, подобно тому, какъ ботаникъ, имѣя подъ руками безчисленное множество экземпляровъ растительнаго царства, можетъ составить гербарій только при посредствѣ извѣстной классификаціи ихъ. Группированіе же или классификація фактовъ внутренняго опыта есть уже дѣло не анализа, а синтеза. Изъ этого явно, что психологія, слѣдуя методѣ аналитической, не можетъ имѣть достоинства науки, если ея развитію не будетъ помогать свойственный идеѣ синтезъ; только послѣдній всегда остается въ ней дѣятелемъ второстепеннымъ, орудіемъ и зависящимъ отъ анализа. Какъ въ методѣ синтетической, при господствѣ идеи, опытъ бываетъ только служебнымъ средствомъ построенія науки, доставляя ей матерію: такъ въ методѣ аналитической, при господствѣ опыта, идея съ своимъ синтезомъ есть только вспомогательное средство ея развитія и даетъ ей форму. Держась этой методы, психологъ главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на содержаніе своей науки или на факты внутренняго опыта и, только

примѣнительно къ найденнымъ имъ фактамъ, позволяетъ ей принять ту или другую форму. Поэтому его наука, поставляющая все сущность своего дѣла въ фактическомъ разсматриваніи души, при свѣтѣ сознанія, формальное же свое развитіе совершающая не иначе, какъ въ зависимости отъ фактовъ, справедливо называется *Психологіею опытною*.

§ 6. *Цѣль Психологіи.*

Подвизаться на поприщѣ психологіи, слѣдуя такой кропотливой методѣ, то есть, дѣйствовать большею частію въ самомъ себѣ, не поддаваясь обаянію внѣшняго опыта, безъ сомнѣнія и скучно и утомительно; потому что здѣсь требуется упорная борьба съ привычкою цѣлой жизни—искать впечатлѣній только за дверями своего дома. Но кромѣ скуки и утомительности, не есть-ли это вмѣстѣ трудъ безцѣльный? Кому и для чего нужно такое нравственное затворничество психолога? Всѣ люди, если смотрѣть на ихъ стремленія вообще, преслѣдуютъ двѣ цѣли: достигнуть возможно большаго личнаго совершенства и поставить себя въ возможно лучшія отношенія ко всему, чѣмъ окружена и условливается жизнь. Первую цѣль можно назвать *непосредственною* или *подлежательною*, а послѣднюю—*посредственною* или *предметною*. Чрезъ указаніе этихъ цѣлей, мы, кажется, нисколько не стѣсняемъ понятія о прогрессѣ, который теперь радужно рисуется въ умахъ современнаго общества. Что же? Стоитъ-ли психологія на пути такого внутренняго и внѣшняго прогресса и помогаетъ ли человѣку достигать указанныхъ цѣлей? Намъ представляется, что разумное и сознательное достиженіе ихъ не иначе и возможно, какъ подъ условіемъ знанія души;

а знаніе души, какъ выше сказано, пріобрѣтается психологически.

Понятіе о стремленіи человѣка къ совершенству, какъ формальное, весьма неопредѣленно: философія, еще со временъ Лейбница и Вольфа, въ основаніе человѣческой дѣятельности полагала начало самоусовершенія, и однакожъ никогда не удовлетворялась имъ окончательно, потому что оно не даетъ ни матеріи дѣйствій, ни реальнаго образца, примѣнительно къ которому надобно дѣйствовать; а безъ этого, слѣдуя ему, всякій можетъ усовершать себя по своему, и иной достигаетъ такого совершенства, отъ котораго въ послѣдствіи бываетъ страшно и самому, и другимъ. Всѣ мы идемъ впередъ, чтобы чрезъ это поступательное движеніе сдѣлаться совершеннѣе: но кто скажетъ намъ, что, идучи по извѣстному направленію, мы придемъ къ тому, что составитъ дѣйствительное совершенство нашей природы? Очевидно, что это можетъ намъ сказать только сама природа; ибо если она движетъ насъ по пути самоусовершенія, то въ ней, безъ сомнѣнія, должно быть сознаніе своего несовершенства, своихъ недостатковъ, которые она хочетъ восполнить. Вѣдь ищетъ пищи не сытый, а голодный, проситъ помощи не сильный, а слабый. Поэтому мы должны спросить у человѣческой природы, чего ей недостаетъ, въ чемъ она несовершенна, чтобы постараться доставить ей такое именно совершенство, въ какомъ она существенно нуждается. А эта вопрошающая и испытующая человѣческую природу наука и есть психологія; потому что, пользуясь матеріальными плодами самопознанія, она опредѣляетъ относительное значеніе и достоинство фактовъ внутренняго опыта. Слѣдовательно на психологіи-то и лежать

обязанность — положить твердыя и притомъ матеріальныя основанія для самоусовершенія, какъ цѣли человѣческой жизни. Ее можно назвать почти психическою діагностикою нормальнаго состоянія души, или лучше рефракторомъ, который тотчасъ показываетъ, согласны ли съ ея требованіями наши мысли, чувствованія и желанія, и если несогласны, то въ чемъ именно и какое произошло уклоненіе, чтобы потомъ возстановить направленіе силы уклонившейся и устремить ее къ истинному совершенству человѣка. Отсюда явствуетъ, что достиженіе этой цѣли для нашей науки не безусловно; потому что ея дѣло — только показать содержаніе высшей, такъ сказать, посылки психическаго силлогизма [1]; а практическое самопознаніе, или низшая посылка, и подведеніе ея подъ высшую, непосредственно отъ ней не зависитъ. Къ поприщу практическаго самопознанія человѣкъ приготовляется настроеннымъ нравственно воспитаніемъ. Тогда какъ психологія рѣшаетъ вопросъ, — что такое человѣческая душа вообще, въ чемъ и ка-

---

(1) Человѣка, по нравственной его природѣ, можно назвать живымъ, олицетвореннымъ силлогизмомъ: въ немъ есть общее и частное, теорія и практика, и эти термины, подводимые одинъ подъ другой, въ заключеніи даютъ жизнь, совершенно соотвѣтствующую посылкамъ. Психологія развиваетъ содержаніе высшей посылки — теорію, общее; опытъ идетъ своею дорогою и готовитъ посылку меньшую — факты, частности. Нерѣдко бываетъ, что которой либо одной посылки у человѣка недостаетъ; — тогда при недостаткѣ высшей, мѣсто ея занимаетъ Я и въ заключеніе даетъ *эгоизмъ*; а при недостаткѣ низшей, вся жизнь характеризуется *формализмомъ*. Если же нѣтъ у человѣка ни той, ни другой, — онъ не есть уже предметъ психологическій, но сознаетъ себя просто, какъ существо, живущее въ обществѣ и ограничивающееся только внѣшними условіями. Въ такомъ случаѣ онъ управляется лишь законами цивилизаціи, по требованію которой одно и тоже Я является, то съ +, то съ —, и, смотря по надобности, выводитъ въ заключеніи либо 0, какъ 1, либо 1, какъ 0. Единственная опора цивилизаціи есть формальная развитость, или внѣшняя образованность.

нимъ образомъ она должна быть усовершаема, — педагогія спрашиваетъ, какова она въ тебѣ, и ища отвѣта на свой вопросъ, поставляетъ воспитанника предъ зеркаломъ психологическихъ изслѣдованій. Правда, благотворно дѣйствуетъ и самъ психологъ, когда, озаряя сознаніемъ область внутренняго опыта и, разсматривая природу души вообще, онъ по временамъ принимаетъ роль педагога и, бросая свѣтъ въ мрачныя излучины обыденной жизни человѣка, представляетъ примѣры подведенія частныхъ явленій подъ общія психическія начала: но это не есть прямая его обязанность; это эпизоды въ наукѣ, или фигуры, оживляющія ландшафтъ.

Не смотря, впрочемъ, на очевидную необходимость психическаго основанія для успѣховъ самоусовершенія и для вѣрнаго понятія о самоусовершеніи, можно сказать безошибочно, что люди большею частію не только не слѣдуютъ этому основанію, но и не предполагаютъ его, а между тѣмъ стремятся усовершать себя и условія развитія нравственной своей природы видятъ въ жизни и наукѣ, будучи совершенно увѣрены, что только жизнь и наука могутъ облагородить и возвысить человѣка. Явно, что наше усовершеніе такимъ образомъ поставляется въ зависимость не отъ внутреннихъ требованій, а отъ внѣшнихъ наставленій и ограниченій; намъ предписывается усовершаться, можетъ быть не такъ, какъ мы должны по существу своей природы, а такъ, какъ хочетъ принятый обычай, направленіе общества, или духъ времени. Общество, время, науки, конечно, — авторитеты великіе: но на нихъ съ равнымъ правомъ опирались и Тамерланы, и Нероны, и Гегели, и Штраусы, и Махіавели, и Робеспьеры. Сколько во имя со-

временности, національности и даже обрядовыности бывало и бываеть принимаемо такихъ мѣръ къ улучшенію человѣка, которыя не улучшали, а губили его! Да и то странно, какъ эти внѣшнія мѣры могутъ быть согласны съ стремленіемъ ума въ дѣятельности сознательной, свободной и самостоятельной? Мы не одобряемъ явленій, враждебныхъ предлежательнымъ началамъ нравственной жизни и гражданскаго порядка, но неодобряемъ не ради самыхъ началъ, а потому, что такими явленіями обнаруживается своеволіе, или личный произволъ, не имѣющій и не могущій имѣть силу правила всеобщаго. Мы порицаемъ отсталость въ области наукъ, но порицаемъ не въ угодность наукамъ, а по сочувствію къ требованіямъ души, ищущей истиннаго просвѣщенія. Намъ и жизнь не въ жизнь, если она не ведетъ насъ къ дѣйствительному совершенству, и наука не въ науку, если она не удовлетворяетъ существеннымъ нуждамъ нашего духа. Такимъ образомъ жизнь и наука, почитаемыя условіями развитія человѣческой природы, сами становятся и должны быть поставляемы подъ контроль науки о душѣ, и контроль ихъ составляетъ вторую—посредственную или предметную цѣль Психологіи.

Изучая человѣческую душу, Психологія, конечно, замѣтитъ въ ней различныя стремленія и, по различію стремленій, различные законы дѣятельности. Въ своихъ стремленіяхъ душа даетъ человѣку многосодержательную тему жизни, указывающую ему соотвѣтственные духовному ея воззрѣнію предметы, которые, для удовлетворенія существующимъ ея требованіямъ, онъ долженъ или узнать, или восчувствовать, или получить, вообще поставить себя съ ними въ же-

лаемыя душею связи. Эти предметы—Богъ, природа и люди; и вся наша жизнь есть не что иное, какъ непрерывное усиліе занять въ отношеніи къ нимъ надлежащее мѣсто и значеніе. Явно, что выполненіе такой темы не иначе возможно, какъ чрезъ постепенное вхожденіе въ смыслъ стремленій души, а опредѣленіе смысла ихъ опять же иначе возможно, какъ чрезъ углубленіе въ самое существо ея. Душа сама въ себѣ, конечно, не есть ни Богъ, ни природа, ни даже человѣкъ въ значеніи явленія, обрамленнаго формами пространства и времени; однакожъ если она требуетъ сихъ предметовъ, то безъ сомнѣнія носитъ въ себѣ идеи ихъ. И вотъ изъ этихъ-то реальныхъ идей должна быть выводима жизнь, чтобы развитіе ея было выраженіемъ всеобщей гармоніи; выведеніе же изъ нихъ правилъ жизни путемъ естественнаго самопознанія производится философскими изслѣдованіями, поколику они основываются на познаніи человѣческой природы. Пусть наука о о душѣ раскроетъ предъ нами, сколько можетъ, самое существо души: мы тотчасъ уразумѣемъ, чего она хочетъ, безъ труда опредѣлимъ, такова ли наша жизнь, какой она требуетъ, легко усмотримъ правильность или неправильность нашихъ отношеній къ Богу, природѣ и человѣчеству. Тогда узнаемъ мы и свои достоинства и свои недостатки, свою силу и свою немощь, и разрѣшимъ всѣми вѣками сознаваемый, но донынѣ еще (если исключимъ гипотезы Платона и нѣкоторыя символическія представленія древнихъ народныхъ миѳологій) философски неразрѣшенный вопросъ о томъ, почему въ нашей природѣ такъ велики требованія и такъ мало средствъ къ удовлетворенію имъ, такъ высокъ идеалъ истиннаго, добраго и прекраснаго, и такъ ничтожны—

наша истина, наше добро и наша красота. Очевидно, что психологія, вѣрная аналитической своей методѣ, приблизившись такимъ образомъ какъ бы къ непосредственному знанію души, для котораго она по этому самому будетъ имѣть значеніе существа идеальнаго, идеально созерцающаго всякую реальность, вмѣстѣ съ тѣмъ положитъ основаніе философскому синтезу и дастъ ему средства къ построенію синтетической системы философіи. Основаніемъ своимъ философія будетъ теперь имѣть взглядъ на міръ и жизнь, исключительно согласный съ природою души, а средствами своего развитія—законы дѣятельности, найденные и опредѣленные психологическими изслѣдованіями. Съ точки своего основанія она будетъ созерцать область бытія метафизическаго, какъ *философія религіи*, *философія природы* и *философія человѣчества*; а пользуясь своими средствами, бытіе метафизическое поставитъ въ связь съ міромъ явленій, гдѣ встрѣтится съ частными науками и, обусловивъ собою формальное ихъ развитіе, въ замѣнъ сообщаемыхъ формъ, получитъ ихъ содержаніе, чтобы такимъ образомъ видимое было живымъ выраженіемъ невидимаго и въ чувственномъ вѣрно изображалось духовное.

§ 7. *Польза Психологіи.*

Впрочемъ, и независимо отъ того, что психологія полагаетъ философскія основанія для развитія жизни вообще, какое обширное, разнообразное и сильное вліяніе имѣетъ она также на обыденную нашу жизнь во всѣхъ частныхъ ея проявленіяхъ! Нельзя представить ни одного дѣйствія, производимаго душею, при которомъ не нужно было бы знаніе самаго этого производителя. Будемъ разсматривать человѣческую дѣятель-

ность въ двухъ ея направленіяхъ: отъ другихъ къ намъ и отъ насъ къ другимъ,—при томъ между лицами какъ единичными, такъ и собирательными. Въ обоихъ случаяхъ успѣхъ отношеній долженъ зависѣть отъ удовлетворительнаго рѣшенія одного и того же вопроса: какова душа въ человѣкѣ дѣйствующемъ и принимающемъ дѣйствіе? И вопросъ этотъ рѣшается психологически.

Многому учатъ насъ въ низшихъ и высшихъ школахъ: какъ движутся небесныя свѣтила, какія на разныхъ полосахъ земли родятся животныя, какъ построены города, которыхъ мы никогда не видали. А каковы окружающіе насъ люди и какими ходятъ они путями, этому никто не учитъ. Намъ сообщаютъ свѣдѣнія, какъ отличать полезные плоды отъ ядовитыхъ, какъ пользоваться ручными животными и обуздывать дикихъ, какъ переплывать моря и связывать берега рѣкъ мостами. Но какъ находить добрыхъ людей и узнавать злыхъ, какъ удерживать въ предѣлахъ человѣка гордаго и воодушевить робкаго, какъ переплыть море человѣческихъ страстей и соединить мостомъ взаимно враждебныя сердца,—объ этомъ никто не сообщаетъ намъ свѣдѣній. И жить согласно съ другими для большей части человѣчества по этому бываетъ дѣломъ случая, или плодомъ долговременной привычки. Между тѣмъ, какъ не допустить, что для обращенія съ людьми нужны извѣстныя правила, которыя предписывали бы разные способы дѣятельности примѣнительно къ личностямъ разныхъ характеровъ, напримѣръ, къ людямъ тщеславнымъ и скромнымъ, хитрымъ и простосердечнымъ, злымъ и добрымъ, скрытнымъ и откровеннымъ, мужчинамъ и женщинамъ, юношамъ и старцамъ, холерикамъ и флег-

матикамъ, и проч? Но явно, что для точнаго выполненія такихъ правилъ требуется изученіе этихъ характеровъ, какъ явленій психическихъ; ибо, не изучивъ ихъ, мы часто противъ собственной воли становились бы во враждебныя отношенія къ людямъ и не только не сдѣлали бы никакой пользы ни себѣ ни другимъ, но еще могли бы повредить истинѣ или добру. Изучаются же всѣ подобныя явленія,—если исключить внѣшній, до могилы продолжающійся и нерѣдко болѣзненный опытъ,—единственно въ области психологіи. Кто хорошо знаетъ человѣческую душу и законы происходящихъ въ ней перемѣнъ; тотъ между личностями,—сколь бы ни различались они своими воззрѣніями, чувствованіями и желаніями,—умѣетъ поставить столько и такихъ практически посредствующихъ терминовъ, что нечувствительно сближаетъ ихъ и приводитъ къ согласнымъ заключеніямъ. Этимъ способомъ, при помощи психологическихъ познаній, получаютъ разумное значеніе и отчетливость всѣ отношенія человѣка къ человѣку, являющіяся подъ формами знакомства, расположенія, уваженія, дружбы и любви. Психологія вводитъ въ сознаніе и осмысливаетъ даже такъ называемыя инстинктивныя наши стремленія и, ограничивая ихъ закономъ свободы, сообщаетъ имъ достоинство явленій разумныхъ.

Взглянемъ на пользу психологіи и съ другой стороны. Извѣстно, что люди во всѣхъ частяхъ свѣта составляютъ особыя гражданскія общества, которыя въ свою очередь дѣлятся на сословія либо корпораціи, а эти опять группируются въ большіе или меньшіе кружки, и такая цѣль соціальной жизни человѣчества замыкается обыкновенно союзами семейными. Всѣ кольца этой живой цѣпи держатся конечно то религіозными, то юри-

дическими, то житейскими или утилитарными цѣлями, вызывающими извѣстные законы, уставы, правила, обычаи: но централизація ихъ не менѣе условливается и особенностями психическими; каждая человѣческая группа, начиная отъ самаго великаго государственнаго тѣла до самаго малаго семейства, проявляетъ частный свой типъ, собственную нравственную физіогномію, которая сложилась изъ тѣхъ или другихъ душевныхъ наклонностей, расположеній, страстей, привычекъ. И такъ, еслибы, имѣя это въ виду, какъ фактъ, мы встрѣтили вопросъ, — какимъ образомъ стать въ благопріятное отношеніе къ извѣстному обществу, или общественному кружку, и особенно, какимъ образомъ, для достиженія предполагаемой цѣли, дѣйствовать на него, двигать имъ, давать ему желаемое направленіе; то безъ сомнѣнія отвѣчали бы указаніемъ на способы не столько офиціальные или внѣшніе, сколько нравственные, отъ которыхъ получаютъ вліятельность и первые. Мы сказали бы, что надобно, подъ руководствомъ науки о душѣ, изучить свойственный той или другой народной корпораціи психическій строй и, слѣдуя законамъ человѣческой дѣятельности, которыя опять раскрываются въ наукѣ о душѣ, давать ей нужное направленіе понятными и нравящимися ей мелодіями. Истина — одна, но въ сознаніи она обыкновенно является подъ какими нибудь формами. Эти формы суть частныя настроенія души, не зная которыхъ, мы не будемъ знать и тѣхъ способовъ, какими можно вести людей къ истинѣ, чтобы потомъ, озаривъ ихъ свѣтомъ истины, послѣдовательно улучшить, возвысить и облагородить самыя формы ихъ жизни.

Почитая это справедливымъ, мы думаемъ, что наука

о душѣ весьма полезна была бы дѣятелямъ, подвизающимся на поприщѣ управленія гражданскаго, если они хотятъ, чтобы внѣшнія ограниченія, которымъ подчиняютъ общество, благотворно дѣйствовали на внутреннія его расположенія, лежащія обыкновенно въ основаніи гражданскаго благоустройства; потому что можно ли управлять тѣломъ, не зная, какъ по естественнымъ законамъ своей природы должна жить и дѣйствовать душа, развивающаяся въ тѣлѣ! Внѣшнія явленія частной и общественной жизни суть выраженія души; опытъ опредѣлилъ нравственное ихъ достоинство извѣстными законами, и эти законы святы, если душа слышитъ въ нихъ отголосокъ существенныхъ своихъ требованій и находитъ, что къ состояніямъ ея они примѣняются точно и вѣрно. Поэтому знаніе души гражданскимъ дѣятелямъ необходимо и въ дѣлѣ ограниченія человѣческой жизни тѣми или другими законами. Они дѣйствуютъ на человѣка извнѣ; но цѣль ихъ дѣятельности должна быть не внѣшняя, а внутренняя: подъ вліяніемъ юридическихъ ограниченій ихъ, человѣку надобно сдѣлаться лучшимъ нравственно; потому что общество, въ высшемъ, благороднѣйшемъ своемъ значеніи, есть учрежденіе для духовныхъ интересовъ разумно-свободнаго существа. Но можно ли улучшать общество въ нравственномъ его состояніи и стремиться къ духовнымъ его интересамъ, не зная, что такое душа и каковы законныя ея требованія? Зная нормальную температуру крови, врачъ наблюдаетъ пульсъ и, опредѣливъ, здоровъ ли человѣкъ или боленъ, предписываетъ ему врачебныя или діэтетическія средства. Подобнымъ образомъ и гражданскій дѣятель, только чрезъ знаніе истинной природы души, можетъ оцѣнить духъ современнаго ему общества,

въ хорошемъ ли онъ состояніи или нѣтъ, и придумать внѣшнія мѣры къ надлежащему его настроенію.

Если же наука о душѣ такъ полезна и даже необходима для тѣхъ, которые призваны дѣйствовать на какое нибудь общество извнѣ; то тѣмъ необходимѣе она дѣятелямъ, поставленнымъ въ непосредственное отношеніе къ внутренней или нравственной его жизни,—разумѣемъ пастырей церкви и двигателей народнаго просвѣщенія, которыхъ прямое дѣло питать души и давать имъ сообразное съ ихъ природою направленіе. Очень понятно, что безошибочное опредѣленіе рода, свойствъ и мѣры пищи для души будетъ по силамъ только человѣка, болѣе или менѣе знающаго, въ чемъ именно, по своей природѣ и степени развитія, нуждается душа, чтобы въ противномъ случаѣ не предложить ей того, что она или не приметъ, или, принявъ, не переваритъ, или, переваривъ, ощутитъ въ себѣ дѣйствіе смертоноснаго яда. Но какъ узнать существенныя потребности души, не зная ни ея природы, ни условій правильнаго ея развитія? Можетъ быть скажутъ, что это—забота излишняго усердія, что люди, по роду своихъ занятій и должностей, стоящіе въ непосредственномъ отношеніи къ нравственной жизни общества, должны смотрѣть не на души той среды, въ которой дѣйствуютъ, а на свои оффиціальныя и ученыя средства. Правда, часто случается, что пастырь церкви, совершая свое поприще, довольствуется только правомъ священнодѣйствовать и учить, да каноническими способами и нѣкоторою суммою познаній въ разныхъ наукахъ; правда и то, что органъ народнаго просвѣщенія, дѣйствуя на своемъ пути, иногда нисколько не считаетъ себя обязаннымъ имѣть въ виду интересы нравственной жизни

своихъ слушателей, а только старается преподать науку въ томъ духѣ, какой нравится ему самому, такъ какъ бы не онъ назначался для слушателей, а слушатели для него. Но за то таковы и плоды. Духовная почва, можетъ быть, и засѣвается; но, не будучи воздѣлана, не разлагаетъ сѣмени и, какъ праздная, произращаетъ репейникъ. А наука въ молодыхъ умахъ производитъ смѣшеніе понятій, борьбу началъ, противорѣчіе взглядовъ, ослабленіе и потерю убѣжденій; результатомъ же такого Вавилонскаго столпотворенія обыкновенно бываетъ совершенное пренебреженіе нравственной жизни и разсѣяніе по пути жизни чувственной. Поэтому кто поставленъ непосредственно дѣйствовать на духовную сторону общественной жизни; тотъ конечно признаетъ первымъ своимъ долгомъ изучить природу человѣческаго духа, что бы все, что преподается человѣку, вполнѣ соотвѣтствовало существеннымъ его нуждамъ и, чрезъ то укоренившись въ душѣ, естественно и живо выражалось во внѣшней его дѣятельности: ибо какъ гражданскія мѣры общественнаго управленія, чрезъ ограниченіе внѣшней дѣятельности гражданъ, должны способствовать улучшенію внутренней ихъ жизни; такъ духовными мѣрами, чрезъ приличное питаніе душъ, должны быть предуготовляемы лучшія выраженія гражданской ихъ жизни. И на этомъ пути противуположнаго движенія двухъ водительствъ народа возможна только полная сочувствія и взаимнаго довѣрія встрѣча ихъ. И гармоническимъ отголоскомъ этой встрѣчи будетъ народная литература, которая, нейтрализуя противуположность тѣхъ направленій, является нераздѣльнымъ органомъ цѣлаго общества и показываетъ степень его силы, основанной на самопознаніи. Если же водительство граждан-

ское поставляетъ свою цѣль въ жизни не внутренней, а внѣшней, равно какъ духовное видитъ свою не во внѣшней, а внутренней; то интересы ихъ необходимо распадаются и производятъ двѣ отдѣльныхъ, негармонирующихъ между собою литературы—духовную и свѣтскую, которыхъ самое раздѣленіе свидѣтельствуетъ объ относительной слабости нравственнаго ихъ характера и безсилія жизни общественной.

§ 8. *Дѣленіе психологіи.*

И такъ, наука о душѣ должна представить основанія для согласнаго развитія всѣхъ видовъ дѣятельности человѣка, имѣющихъ посредственное или непосредственное отношеніе къ природѣ его души. Но чтобы найти эти основанія, показать ихъ твердость, самостоятельность и постоянное вліяніе на жизнь, ей надобно идти къ своей цѣли не съ конкретною массою фактовъ внутренняго опыта, сколько озаряются они сознаніемъ, а взять полный составъ ихъ, какъ одно цѣлое, и содержаніе его расположить такъ, чтобы факты жизни чувственной не смѣшивались съ чисто духовными, предшествующіе не выступали за послѣдующими, производные не поставлялись въ уровень съ коренными. Очевидно, что для этого психологія должна предварительно пересмотрѣть всѣ явленія, какими фактически обнаруживается жизнь души, и раскрывъ свойства каждаго изъ нихъ, по этимъ свойствамъ поставить ихъ подъ извѣстныя категоріи. Чрезъ такое распредѣленіе и раскрытіе отдѣльныхъ явленій души, все озаряемое въ ней сознаніемъ представится намъ въ порядкѣ, стройности и опредѣленномъ отношеніи,—мы увидимъ предъ собою какъ бы полный нравственный организмъ, въ которомъ

каждый органъ на своемъ мѣстѣ, все составлено, слажено, приведено въ надлежащую связь съ цѣлымъ и ожидаетъ только дѣйствія основной силы, чтобы это нравственное цѣлое пришло въ движеніе и выразилось всѣми видами нравственной человѣческой жизни. Часть Психологіи, занимающуюся изслѣдованіемъ и распредѣленіемъ отдѣльныхъ явленій духовной нашей природы мы изложимъ подъ именемъ *Феноменологіи души*. Потомъ, когда всѣ факты внутренняго опыта, какія только доступны ему при свѣтѣ сознанія, будутъ изслѣдованы и поставлены въ надлежащее между собою отношеніе,— сознаніе укажетъ опыту еще на одинъ такой фактъ, котораго бытіе, какъ непосредственно сознаваемое, хотя не подлежитъ никакому сомнѣнію, однакожъ для опыта само въ себѣ недоступно. Этотъ фактъ есть Я, или живое начало, обнаруживающееся дѣятельностію всѣхъ разсмотрѣнныхъ опытомъ силъ и условливающее собою единство ихъ,—этотъ фактъ есть душа. Сознаніе нудитъ опредѣлить ее, но опытъ не находитъ въ себѣ силъ непосредственно войти въ вышеопытныя условія ея существованія. Что же дѣлаетъ онъ? Слѣдуя обыкновенной своей методѣ, онъ принимаетъ за основаніе полный составъ явленій, какъ они сгармонированы имъ, и отъ этого нравственнаго организма, въ которомъ должна существенно выразиться душа, заключаетъ къ ея природѣ. Этимъ именно способомъ Психологія придетъ къ опредѣленію души и найдетъ въ ней источникъ жизни, столь разнообразно и съ такимъ постоянствомъ льющейся подъ формою всѣхъ духовныхъ и животныхъ ея дѣятелей. Разсматривая жизнь души во всѣхъ ея видахъ и замѣчая законы ея развитія въ каждомъ видѣ, наша наука раскроетъ вторую часть своего ученія, ко-

торую по всей справедливости надобно назвать *Віологіею души*. Но между тѣмъ какъ всѣ явленія въ области сознанія, проистекая такимъ образомъ изъ одного и того же начала и по извѣстнымъ законамъ жизни совершая свое развитіе, будутъ гармоническимъ своимъ соотношеніемъ представлять нормальное состояніе нравственной человѣческой природы, сознаніе укажетъ опыту множество и такихъ явленій, которыя, имѣя свой источникъ въ томъ же самомъ началѣ, повидимому слѣдуютъ однакожъ инымъ законамъ развитія и никакъ не примиряются съ обыкновеннымъ ходомъ душевной жизни человѣка. Эти уклоненія—то же въ душѣ, что аберраціи въ движеніи солнечнаго луча, или что неправильности въ формахъ природы матеріальной. Они бываютъ не всегда; однакожъ, имѣя свое основаніе въ душѣ, должны въ ней же имѣть и причину своего проявленія, въ ней же и законы, по которымъ проявляются. Эти необыкновенныя состоянія души признаемъ ли мы ихъ состояніями ея разстройства, или ея существованія подъ какими нибудь высшими условіями,—во всякомъ случаѣ, относительно къ формамъ нормальной ея жизни, они будутъ болѣзненными; а потому ученіе Психологіи, разсматривающее происхожденіе и свойства этихъ состояній, можетъ быть названо *Патологіею души*.

И такъ Психологія должна изложить: 1) Феноменологію души, 2) Віологію души и 3) Патологію души.

В. Карповъ.

ВАСИЛІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ КАРПОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ)

Василій Николаевичъ Карповъ родился 2 апрѣля 1798 г. въ извѣстномъ селѣ *Хрѣнавомъ* воронежской губерніи, бывшемъ имѣніи графини Орловой. Первоначальнымъ воспитателемъ его былъ его отецъ, священникъ этого села; съ ранней юности родитель внушалъ сыну религіозныя понятія и правила нравственности. „Въ системѣ воспитанія,“ — пишетъ одинъ знакомый (1) Василія Николаевича—безъ сомнѣнія со словъ покойнаго,—„играло большую роль пріученіе ребенка къ труду; учился онъ не по правиламъ новѣйшей педагогіи; картинокъ для нагляднаго знакомства съ міромъ, моделей, разныхъ развивающихъ игръ и увеселеній не было: ребенокъ учился читать по букварю и учился не забавляясь, а трудясь, принуждая себя... Этотъ то первоначальный трудъ и приготовилъ въ немъ будущаго полезнаго труженика въ области науки. Физическое воспитаніе ребенка тоже не было въ пренебреженіи, но оно было такъ же естественно и разумно, какъ и воспитаніе нравственное. Ребенокъ не былъ удаленъ отъ

(1) Д. Щегловъ „Голосъ“ 1867 г. № 348. Некрологъ.

той сферы, въ которой жило его семейство, рано узналъ экономическій бытъ своей среды и принималъ участіе въ хозяйственныхъ хлопотахъ отца. Покойный Василій Николаевичъ разсказывалъ, что съ раннихъ лѣтъ онъ любилъ и умѣлъ хорошо ѣздить верхомъ; отецъ нерѣдко посылалъ его въ поле къ рабочимъ, въ степь за нѣсколько верстъ; и двѣнадцатилѣтній ребенокъ съ умѣньемъ исполнялъ даваемыя ему порученія, вознаграждая себя тѣмъ, что имѣлъ случай поскакать по степному раздолью".

Мы не имѣемъ возможности день за день прослѣдить послѣдующую жизнь покойнаго профессора. Еще въ Воронежской семинаріи, гдѣ онъ обучался, у него зародилась любовь къ философіи. Сѣмена этой любви посѣялъ въ немъ одинъ изъ профессоровъ Воронежской семинаріи, жаркій послѣдователь Шеллинга, протоіерей *И. Я. Зацѣпинъ*. Г. *Щеглов* о Зацѣпинѣ сообщаетъ слѣдующій разсказъ: „ему было уже около 50 лѣтъ и онъ давно самъ преподавалъ философію, когда во вновь открытый тогда Харьковскій Университетъ пріѣхалъ извѣстный нѣмецкій философъ Шадъ, въ качествѣ профессора. Почтенному протоіерею очень хотѣлось выслушать курсъ у Шада, и онъ сталъ просить годовой отпускъ съ этой цѣлію. Начальство нашло это желаніе излишнимъ, но протоірей—философъ не уступалъ и наконецъ достигъ своей цѣли, отправился въ Харьковъ и выслушалъ курсъ философіи у Шада". Въ семинаріи очень пригодились Василью Николаевичу любовь къ труду и привычка принуждать себя къ занятіямъ, пріобрѣтенныя имъ еще дома подъ руководствомъ отца: онъ всегда здѣсь былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. „Я помню Василія Николаевича Карпова",—пишетъ его

землякъ (¹), „когда онъ былъ еще воспитанникомъ Воронежской семинаріи. И тогда выдавался онъ изъ среды своихъ товарищей; и тогда намъ дѣтямъ показывали на него, какъ на человѣка, заслуживающаго особенное вниманіе. Какъ теперь вижу я его въ длинномъ, нанковомъ сюртукѣ, съ тетрадями подъ мышкой, большими шагами идущаго мимо убогихъ аудиторій духовнаго училища, въ которомъ мы зябли и прозябали, приготовляя себя на дѣло и дѣланіе наше, еще ни передъ кѣмъ изъ насъ не рисовавшееся полно и отчетливо. Безпечныя, но небезсмысленныя дѣти, мы съ благоговѣніемъ смотрѣли на такихъ людей, какъ Карповъ, прозорливо провидя въ нихъ нашихъ будущихъ наставниковъ и руководителей, понимая, что и намъ придется со временемъ задаться тѣми же вопросами, какіе положили печать такой думы на ежедневно проходившаго предъ нами человѣка".

Изъ Воронежской семинаріи онъ былъ назначенъ для дальнѣйшаго образованія въ Кіевскую Д. Академію, въ составъ втораго ея курса; первый курсъ далъ Россіи знаменитаго церковнаго проповѣдника—преосвященнаго херсонскаго архіепископа *Иннокентія*, второй—самостоятельнаго русскаго мыслителя Василья Николаевича *Карпова*. Кіевская академія первыхъ своихъ наставниковъ получила изъ петербургской академіи; между прочимъ каѳедру философіи въ ней занималъ въ 1821 году первый студентъ втораго курса нашей академіи *И. М. Скворцовъ*, такъ что В. Н. Карповъ былъ для нашей академіи какъ бы уплатой со стороны кіевской за И. М. Скворцова. И теперь высшія наши духовныя училища

(¹) *Домашняя Бесѣда* № 52, 1867 г.

находятся между собою въ родственномъ союзѣ: союзъ этотъ начался и укрѣпился еще при самомъ основаніи академій московской, кіевской и казанской, которымъ первыхъ наставниковъ и первыя программы дала наша академія. Подъ руководствомъ И. М. Скворцова изучалъ Карповъ въ академіи философію и началъ свое философствованіе подъ вліяніемъ Канта; „но не полюбивъ его теоріи нравственнаго долга, обратился къ древнему Платону, который съ тѣхъ поръ сдѣлался любимымъ его философомъ". Какъ добросовѣстно изучалъ онъ этого великаго мыслителя древности и съ какимъ уваженіемъ относился къ нему,—это доказывается между прочимъ тѣмъ, что, не довольствуясь употребленіемъ его собственно для себя, онъ передалъ его въ прекрасномъ русскомъ переводѣ. Тутъ онъ, по его собственнымъ словамъ, „предсталъ на судъ своихъ читателей не только какъ переводчикъ, но вмѣстѣ, какъ критикъ, и отчасти какъ комментаторъ платоновыхъ сочиненій, и къ каждому разговору приложилъ свое введеніе и нѣсколько филологическихъ, историческихъ и философскихъ примѣчаній. Такимъ образомъ русская литература обогатилась единственно—лучшимъ переводомъ сочиненій Платона... Рѣшимость Карпова перевести сочиненія Платона и издать ихъ на свой счетъ въ четырехъ большихъ томахъ (пятый—послѣдній переведенъ, но покойный не успѣлъ просмотрѣть его окончательно) доказываетъ лишь искреннюю любовь его къ наукѣ, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь. Честный и безкорыстный труженикъ утѣшенъ былъ тѣмъ, что трудъ его обратилъ на себя Высочайшее вниманіе и удостоенъ былъ соотвѣтственной награды (¹)". Въ Кіевской академіи онъ окончилъ

(¹) Домашняя Бес. № 52.

курсъ въ 1825 году. Землякъ его въ некрологѣ, изъ котораго мы привели уже двѣ выдержки, разсказываетъ слѣдующій случай, бывшій съ Карповымъ на выпускномъ экзаменѣ. „Имя Карпова“, читаемъ въ Домашней Бесѣдѣ, „было для насъ предметомъ уваженія и тогда, когда его ужъ не было между нами (т. е. въ Воронежской семинаріи), когда онъ поступилъ въ Кіевскую Д. академію и потомъ кончилъ курсъ тамъ блистательнымъ образомъ. Мы съ нѣкоторою гордостью прислушивались къ доносившимся до насъ толкамъ, что Карповъ на выпускномъ экзаменѣ „*сразился*“ съ митрополитомъ Евгеніемъ и былъ между прочимъ причиною того, что разгнѣванный архипастырь оставилъ на цѣлые два года весь *второй* академическій курсъ безъ соотвѣтствующихъ ученыхъ степеней. Чтобы сразиться съ Евгеніемъ, нужно было много ума, а еще болѣе смѣлости,—и Карповъ, *пятый* по разрядному списку, стоялъ первымъ во мнѣніи нашемъ“.

По окончаніи академическаго курса Карповъ опредѣленъ былъ учителемъ въ Кіевскую Духовную семинарію по классамъ греческаго и нѣмецкаго языковъ (30 дек. 1825 г.); 6 января 1826 г. ему поручено завѣдываніе семинарскою библіотекою; 1827 г. 29 ноября утвержденъ въ степени магистра; 1829 года октября 26 дня переведенъ въ Кіевскую Д. Академію на должность баккалавра французскаго языка, при чемъ объявлена ему отъ Коммиссіи духовныхъ училищъ благодарность за успѣшное прохожденіе профессорской должности при семинаріи. Съ 10 марта 1831 г. по январь 1832 г. онъ исправлялъ должность баккалавра философскихъ наукъ въ той же академіи; въ январѣ 1832 г. утвержденъ въ этой должности. Въ декабрѣ 1831 года за усердную

службу при академіи объявлено ему одобреніе Коммиссіи духовныхъ училищъ. Въ маѣ 1833 г. послѣ того, какъ онъ овдовѣлъ отъ перваго брака, онъ по прошенію уволенъ изъ духовнаго званія въ свѣтское, а въ октябрѣ того же года перемѣщенъ въ петербургскую духовную академію, куда онъ и отправился съ своимъ малолѣтнымъ сыномъ Николаемъ, впослѣдствіи студентомъ нашей академіи, скончавшимся предъ окончаніемъ курса въ 1855 году. На покрытіе дорожныхъ издержекъ при переѣздѣ и за успѣшное прохожденіе должности баккалавра при кіевской академіи получилъ награду въ 500 руб. ассигн. (1833 г. 27 окт.).

Жизнь ученаго или поэта не то что жизнь государственнаго человѣка или полководца; кабинетныя занятія первыхъ, изъ которыхъ почти исключительно состоитъ жизнь ихъ, бываютъ полны думъ и мечтаній, радостей и страданій; но такая скромная, уединенная жизнь ихъ, сама по себѣ составляя подвигъ и подвигъ великій, лишена бываетъ тѣхъ потрясающихъ, частныхъ подвиговъ, перечисленіе которыхъ доставляетъ такой интересъ некрологамъ и біографіямъ общественныхъ дѣятелей. Послужной списокъ В. Н. Карпова весьма однообразенъ; тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся посредствомъ печати сохранить его для потомства; быть можетъ будущій историкъ просвѣщенія въ Россіи найдетъ въ немъ драгоцѣнныя данныя для сравнительныхъ выводовъ и заключеній.

Въ 1834 году онъ опредѣленъ былъ библіотекаремъ нашей Академіи, въ 1835 г. за выслугу лѣтъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры. Съ 24 мая по 7 октября 1835 г. исправлялъ должность профессора философскихъ наукъ; 7 октября этого года прямо изъ баккалавровъ,

минуя званіе экстраординарнаго профессора, онъ удостоенъ былъ званія ординарнаго профессора. Въ 1837 г. (7 мая) за выслугу лѣтъ произведенъ въ надворные совѣтники; въ томъ же году за приведеніе въ порядокъ академической библіотеки изъявлена ему отъ Академическаго Правленія благодарность. Въ 1838 г. (30 дек.) за выслугу лѣтъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники; въ 1839 г. (27 сент.), за усердную службу объявлено ему благословеніе Св. Синода. Въ 1840 году (іюня 12) за шестилѣтнюю исправную и усердную службу при здѣшней академіи награжденъ годовымъ окладомъ профессорскаго жалованья 858 р. Въ 1841 г. (6 окт.) объявлено ему благословеніе Св. Синода. Въ 1842 г. (25 іюля) получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ. Въ 1843 г. (іюня 25) за выслугу лѣтъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и того же года (23 дек.) поручено ему вмѣсто философіи преподавать исторію философіи. Въ 1846 году (22 авг.) объявлена ему признательность Святѣйшаго Синода. Въ 1847 г., за усердное исправленіе должности выбывшаго наставника греческаго языка, выдана ему половина оставшагося по сей должности жалованья—265 р. 15 к., и награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ. Въ 1849 г. въ теченіи двухъ мѣсяцевъ (мая и іюня) безмездно исправлялъ должность профессора физико-математическихъ наукъ. Въ 1851 г. за ревность и особые труды по службѣ Всемилостивѣйше пожалованъ знаками ордена Св. Анны 3-й степени (6 апр.), и въ томъ же году объявлена ему признательность начальства (2 окт.). Въ 1852 г. (22 авг.) пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ. Въ 1853 г. за исправленіе должности выбывшаго профессора физики, почти

въ теченіи полугода, выдано ему оставшееся по сей должности жалованье въ количествѣ 426 р. 62 к.; въ томъ же году за пріемъ книгъ изъ Императорской Публичной Библіотеки, переданныхъ въ духовное вѣдомство, и за выборъ изъ числа ихъ нужныхъ для здѣшней академіи и семинаріи, получилъ въ награду 100 руб. (10 мая); іюня 26 того же года въ награду отлично усердной службы и особыхъ трудовъ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2-й ст.; сент. 11 за исправленіе должности профессора физики въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ выдано ему 225 р. 8 к.; 25 ноября объявлено благословеніе Св. Синода. Въ 1854 году по прошенію уволенъ отъ должности библіотекаря (23 февр.) и въ награду за 20-ти-лѣтнее прохожденіе этой должности получилъ годовой окладъ—200 р. 20 к. Въ 1855 г. опредѣленъ членомъ Духовно-цензурнаго Комитета (10 мая); по представленію Высокопреосвященнаго митрополита Никанора выдано ему въ награду за ревностные труды— 250 руб. (21 дек.). Въ 1857 г., по уваженію къ полезнымъ его трудамъ по преподаванію философскихъ наукъ въ академіи, Всемилостивѣйше удостоенъ прибавки къ получаемому имъ жалованью по должности профессора 500 р. с. въ годъ (6 апрѣля); по случаю поднесенія Его Императорскому Величеству изданной имъ „Логики" Всемилостивѣйше пожалованъ ему подарокъ по чину въ 429 руб. (іюля 15); въ томъ же году (авг. 22) получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ и по случаю преобразованія духовно-цензурнаго комитета уволенъ отъ должности цензора (23 дек.). Въ 1858 году поручено ему, кромѣ логики и психологіи, преподаваніе исторіи философіи съ Канта (янв. 2). Въ ознаменованіе празднованія пяти-

десятилѣтія академіи въ 1859 году пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (февр. 9); въ томъ же году по вниманію къ долговременной усердной и полезной службѣ выдано ему въ единовременное пособіе 429 руб. (22 августа). Въ 1860 г. ему поручено было обозрѣніе полоцкой духовной семинаріи и училища по всѣмъ частямъ управленія (іюня 1). Въ 1861 г. назначенъ членомъ Внутренняго Академическаго Правленія (18 марта) и Всемилостивѣйше удостоенъ прибавочнаго жалованья вмѣсто 500 р. по 858 р. въ годъ (мая 15); въ томъ же году командированъ въ Пермь по дѣламъ службы (іюля 26) для изслѣдованія проявленій соціалистическо-матеріалистическаго направленія въ тамошней семинаріи. Въ 1862 г. пожалованъ знаками ордена Св. Владиміра 3-й степени (19 мая); въ слѣдующемъ году обозрѣвалъ здѣшнюю семинарію и александро-невское училище по всѣмъ частямъ управленія. Въ 1864 году получилъ благословеніе Св. Синода (4 ноября). Въ 1866 г. ему пожалованъ знакъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ. Въ 1867 г., по случаю поднесенія Государю Императору изданныхъ имъ четырехъ томовъ сочиненій Платона въ русскомъ переводѣ, удостоился получить Высочайшій подарокъ въ 858 рублей. Въ семействѣ его остались: жена, сынъ и шесть дочерей, изъ которыхъ три несовершеннолѣтнія.

Вотъ и весь послужной списокъ В. Н. Карпова; мы не станемъ дѣлать никакихъ выводовъ, предоставляя это дѣло будущимъ историкамъ. Сорокъ два года жизни профессора, полной думъ, душевныхъ тревогъ, сладкихъ вдохновеній, горькихъ разочарованій, сорокъ два года кабинетнаго самаго упорнаго и усидчиваго труда заняли въ нашемъ изложеніи нѣсколько десятковъ печатныхъ

строкъ: такова впрочемъ участь ученыхъ мыслителей во всѣ времена. Ихъ жизнь—совершается внутри ихъ и незрима міру; ихъ подвиги—подвиги духа, не поражающіе особеннымъ блескомъ современниковъ, но отличающіеся несокрушимою прочностію въ потомствѣ; ихъ сочиненія — вотъ источникъ для ознакомленія съ ихъ личною жизнію и дѣятельностію. Кромѣ упомянутыхъ уже нами сочиненій: 1) „*Систематическое изложеніе Логики*“ и 2) „*Сочиненія Платона въ русскомъ переводѣ*“ (четыре тома), Василій Николаевичъ оставилъ: 3) „*Введеніе въ философію;*“ 4) переводъ „*Исторіи философіи Риттера*“ (первый томъ). Кромѣ того подъ его редакціею издано академіею четыре тома перевода Византійскихъ Историковъ, именно: 5) „*Вріеннія;*“ 6) „*Киннама;*“ 7) „*Анны Комниной*“ и 8) „*Пахимера*“. Участвуя въ изданіи Христіанскаго Чтенія, онъ напечаталъ здѣсь много оригинальныхъ статей, напримѣръ „Взглядъ на новѣйшій германскій раціонализмъ“ (1859 г.), „Философскій раціонализмъ новѣйшаго времени“ (1860) (продолженіе послѣднихъ статей печаталось въ Странникѣ), и, какъ редакторъ перевода писаній Отцовъ Церкви и древнихъ Церковныхъ историковъ, печатавшагося при „Христіанскомъ Чтеніи“, онъ проредактировалъ по крайней мѣрѣ *десять* томовъ (каждый не менѣе 25 печатныхъ листовъ). Кромѣ того въ прежніе годы онъ напечаталъ значительное число монографій и статей въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Плюшара, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, въ „Пропилеяхъ“, въ „Чтеніи для дѣтей“, въ послѣднее время въ „Странникѣ“, въ редакціи котораго нѣсколько послѣднихъ лѣтъ принималъ дѣятельное участіе. Приготовлялъ къ печати, кромѣ послѣдняго тома Платона, переводъ

16*

„*Евательскаго Приготовленія*“ Евсевія (большіе два тома). Вообще если соединить всѣ оригинальныя сочиненія и статьи, всѣ переведенныя или редактированныя имъ сочиненія, то число печатныхъ листовъ будетъ не меньше 600. Если мы къ этому присоединимъ собственноручныя его записки для студентовъ академіи по философіи, по исторіи философіи, по логикѣ и психологіи, конспекты, собственноручно писанныя имъ разныя мнѣнія и заключенія, представлявшіяся въ правленіе, въ конференцію, высшему начальству: то количество исписанныхъ имъ въ 42 года своей службы листовъ бумаги возраститъ до поразительной, громадной цифры. Тутъ поразителенъ даже одинъ механическій трудъ переписчика. Не даромъ въ послѣдніе годы многодѣльная и многоработавшая перомъ правая рука его тряслась и онъ съ трудомъ расписывался въ полученіи жалованья, а одинъ разъ, именно нынѣшнимъ лѣтомъ, когда онъ пріѣхалъ подписать адресъ отъ академіи покойному митрополиту Филарету, нужно было ему минутъ десять растирать руку холодною водою, прежде, чѣмъ онъ могъ взять перо для написанія своего имени и фамиліи. Физическіе органы, особенно упражняемые людьми учеными, прежде другихъ—собственно духовныхъ—способностей, измѣнили Василью Николаевичу, не выдержавъ сорокадвухлѣтней ежедневной усиленной практики. „Какъ досадно“, не разъ говорилъ онъ пишущему эти строки, при роспискѣ въ полученіи жалованья, „какъ досадно бываетъ часто на эту руку; душа-то бодра, и мысль работаетъ, и писать хочется, да вотъ рука-то не пишетъ, не слушается; часа четыре, пять нопишешь, она деревенѣетъ и въ пальцахъ ломъ, разотрешь—ничего, а на утро опять не можетъ держать пера, пока

не распишется. Эхъ, старость, старость!" — тоскливо восклицалъ онъ въ заключеніе. При соображеніи огромнаго количества исписанныхъ Васильемъ Николаевичемъ листовъ, какъ объясненіе этого факта невольно припоминается намъ многократно сдѣланное нами наблюденіе. Когда онъ жилъ въ лаврскомъ домѣ, путь въ академію послѣ десяти часовъ вечера лежалъ мимо его кабинета, окно котораго выходило на улицу: и сколько разъ случалось возвращаться въ два и три часа ночи, когда огни вездѣ подъ лаврой, обыкновенно, погашены, въ кабинетѣ нашего профессора, смотришь, еще горитъ свѣча—одинокій свидѣтель его трудовъ. Такъ онъ трудился до послѣдняго великаго поста, когда почувствовалъ, что „елей жизни его догораетъ" и что трудъ, положенный человѣку въ наказаніе, не можетъ уже быть переносимымъ имъ во всей строгости и полнотѣ прежнихъ лѣтъ... Никто не скажетъ, что это наказаніе, положенное Творцомъ, не выполнено нашимъ профессоромъ.

Въ ночи съ 2 на 3 декабря достоподражаемый труженикъ почилъ отъ трудовъ своихъ; мнѣ случилось быть у него за два дня до смерти его; силы физическія были уже весьма слабы, онъ едва и то на одно мгновеніе могъ приподняться на постели, слова выговаривалъ онъ съ трудомъ, но все, что онъ говорилъ, свидѣтельствовало, что сознаніе его полно, что онъ все, даже мелочи, хорошо помнитъ; онъ между прочимъ сказалъ, что казенныя книги у него собраны, пусть академія не безпокоится, что больше никакихъ порученій онъ мнѣ не имѣетъ сдѣлать. „Съ чувствомъ истиннаго христіанина и съ твердостію философа видѣлъ онъ приближеніе послѣднихъ минутъ своей жизни" и во время послѣдней болѣзни два раза пріобщился Святыхъ Таинъ.

Днемъ выноса сперва назначено было 5-е, а погребенія 6-е декабря; но вслѣдствіе многочисленныхъ заявленій со стороны петербургскаго духовенства о своемъ желаніи участвовать въ отпѣваніи покойнаго профессора и въ невозможности исполнить это желаніе въ праздникъ Св. Николая Чудотворца, дни выноса и погребенія были перемѣнены. Въ сумерки 6-го декабря преосвященный *Палладій*, епископъ ладожскій, вмѣстѣ со многими священнослужителями совершилъ выносъ тѣла изъ квартиры покойнаго въ академическую церковь; въ скорбномъ шествіи участвовали наставники и студенты академіи, родные и знакомые покойнаго,—толпа была довольно значительная. Во время литіи въ академической церкви одинъ изъ воспитанниковъ покойнаго, священникъ *Александръ В. Гумилевскій* произнесъ теплую, полную искренней признательности къ почившему наставнику, рѣчь. Къ шести часамъ церковь академическая опустѣла; видѣлись только въ ней, слабо освѣщенной, гробъ почившаго русскаго мудреца, очередной студентъ, читавшій тихимъ голосомъ молитвенныя славословія и воздыханія боговдохновеннаго израильскаго мудреца и поэта, да два студента академіи съ карандашемъ и бумагой въ рукахъ, снимавшіе съ лежавшаго среди храма праха своего наставника посмертный портретъ, да еще дежурный сторожъ... Два раза я заходилъ въ церковь: и въ оба раза торжественная картина возбуждала въ душѣ тысячи воспоминаній, представленій и ощущеній самыхъ ободряющихъ и утѣшительныхъ. Надъ безмолвнымъ прахомъ нашего современнаго учителя читались уроки мудрости, вздохи покаянія и благоговѣйныя пѣснопѣнія царственнаго израильскаго учителя, отдаленнаго отъ насъ на три слишкомъ тысячи лѣтъ и не пе-

рестающаго между тѣмъ поучать поколѣнія, преемственно являющіяся и исчезающія на землѣ. Безсмертіе—осязательно ясно видѣлось въ этой дивной картинѣ; при гробѣ жаркаго проповѣдника истины безсмертія слышались вѣчно-безсмертныя пѣснопѣнія; къ идеѣ безсмертія приводили мысль и студенты, хлопотавшіе объ увѣковѣченіи облика своего наставника; являлась мысль и о собственной смерти, но она рѣшительно не имѣла пугающаго свойства... Возбужденная фантазія безстрашно и быстро летала по всемірно-историческому кладбищу, вызывая къ жизни то того, то другаго труженика мысли...

Въ 10 часовъ утра 7 декабря академическая, довольно просторная, церковь стала наполняться народомъ, котораго въ полъ-обѣдни набралось уже столько, сколько небываетъ въ ней въ самые большіе праздники, исключая Пасхи. Обѣдню совершалъ преосвященный Палладій; высокопреосвященный Нектарій, самъ по болѣзни не могшій почтить своимъ участіемъ скорбное торжество своего бывшаго сослуживца, обязательно прислалъ своего протодіакона и свой прекрасный хоръ пѣвчихъ: студенты пѣли на лѣвомъ клиросѣ. На отпѣваніе вышло болѣе 40 архимандритовъ и священниковъ, а нѣкоторые изъ нихъ не облачались и не выходили, по невозможности помѣститься. „И собрались они благодарные", скажемъ словами одного изъ присутствовавшихъ при погребеніи, „дать послѣднее цѣлованіе умершему профессору, помолиться соборнѣ о упокоеніи труженической души его,—и великъ былъ сонмъ близкихъ къ престолу Божію молитвенниковъ! Убѣленные сѣдинами и не преступившіе еще за половину предѣла жизни человѣческой... стояли они длинными, уходившими въ самый алтарь, рядами вокругъ гроба, который вмѣ-

щалъ въ себѣ бренные останки великаго учителя. Это было отпѣваніе не простаго мірянина, ибо сами служители алтаря пѣли канонъ и трогательнѣйшую изъ духовныхъ пѣсней: *со святыми упокой*; сами возглашали вдохновенный плачъ Св. Дамаскина, *рыдавшаго* надъ обезображенною *красотою* человѣка, *созданнаго по образу Божію*"... Гробъ изъ церкви на новое кладбище Невскаго монастыря, избранное мѣстомъ погребенія, несли на рукахъ большею частію священники и профессоры— всѣ ученики покойнаго. Съ могилы виднѣются и лаврскій домъ, въ которомъ прожилъ покойный большую часть своего профессорства, и академія, которой онъ посвятилъ половину своей жизни. Наканунѣ 40-го дня студенты академіи обоихъ курсовъ обратились къ начальству академіи съ просьбою о дозволеніи имъ присутствовать при заупокойной литургіи и панихидѣ: конечно въ этой благородной просьбѣ имъ не было отказано.

7-го декабря—въ день похоронъ—ректоръ духовной академіи протоіерей *Іоаннъ Янышевъ* за обѣдней сказалъ надгробное слово, во время отпѣванія экстраорд. профессоръ *Андрей Предтеченскій* и студентъ *Василій Перетерскій* произнесли надгробныя рѣчи. И слово и рѣчи читатель найдетъ дальше въ этой книжкѣ. Гробъ уже спустился по лѣстницѣ на площадку у главнаго входа въ академію; шествіе остановилось, чтобы начать литію. Неожиданно для всѣхъ послышался тотъ громовый голосъ, которымъ обладали немногіе народные и парламентскіе ораторы, но который, когда онъ соединяется съ силой ума, съ глубиною чувства и съ даромъ импровизаціи, производитъ потрясающее дѣйствіе на слушателей. Такое именно дѣйствіе произвела на всѣхъ

рѣчь сказанная здѣсь землякомъ покойнаго, бывшимъ профессоромъ кіевской духовной академіи *В. И. Аскоченскимъ*. Едва ли кто изъ присутствовавшихъ не былъ глубоко, до слезъ взволнованъ при задушевныхъ, но сильныхъ словахъ воодушевленнаго оратора: мущины еще сдержались, только провели пальцами по глазамъ, а дамы—тѣ положительно зарыдали навзрыдъ.

Мы воздержимся отъ характеристики покойнаго профессора. Слово и рѣчи, которыя печатаются ниже, представятъ читателю достаточно данныхъ для вѣрнаго представленія личности Карпова и характера его дѣятельности. Но въ заключеніе позволимъ себѣ привести здѣсь изъ „*Биржевыхъ Вѣдомостей*" слѣдующія строки, написанныя человѣкомъ, весьма близко знавшимъ и общественную и частную жизнь Василья Николаевича и знакомымъ съ его родственными и семейными правилами:

„Существенною, отличительною чертою покойнаго профессора, сказано въ этой газетѣ, былъ, по нашему мнѣнію, оправдываемому общимъ неподдѣльнымъ сочувствіемъ къ нему всѣхъ знавшихъ его, его высокій *нравственно-религіозный характеръ*, покрывавшій и дѣлавшій иногда какъ будто незамѣтными всѣ остальныя его достоинства. Онъ никогда не хотѣлъ казаться ни философомъ, ни профессоромъ, какимъ теперь остается для исторіи, а всегда, на словахъ и на дѣлѣ, хотѣлъ быть и казаться только человѣкомъ; человѣкомъ же быть, по его задушевному убѣжденію, значило быть христіаниномъ, и не на словахъ только, и не по своему разумѣнію христіаниномъ, а на дѣлѣ и по требованію *православной церкви*. И онъ былъ имъ отъ начала до конца сво-

ей 70-лѣтней жизни. Его рѣчь, частная и публичная, отъ предметовъ отвлеченныхъ всегда склонялась къ практикѣ, а практика всегда вкладывалась въ форму церковно-религіозную. Его день всегда начинался и оканчивался молитвою, а продолжался письменнымъ или устнымъ—на каѳедрѣ—трудомъ, потомъ различными семейными и общественными хлопотами. Хлопоталъ же онъ больше о другихъ, чѣмъ о себѣ и о семьѣ своей. Всѣмъ онъ былъ все, а своимъ служилъ только образцомъ трудолюбія и честныхъ правилъ въ жизни. Во внѣшнихъ сношеніяхъ для него не было ни старшихъ, ни младшихъ, ни учениковъ, ни учителей, хотя почти всѣ его сослуживцы и даже ближайшіе начальники въ послѣднее время были его бывшіе ученики; онъ со всѣми обходился, какъ съ товарищами, и въ то же время, безъ униженія собственнаго достоинства, воздавалъ всѣмъ должное. Въ обращеніи, прежде всего, онъ приковывалъ къ себѣ общее вниманіе своимъ твердымъ, разумнымъ и чрезвычайно теплымъ словомъ; за тѣмъ, внушалъ неизмѣнное уваженіе къ себѣ своею неподдѣльною искренностію и благонамѣренностію; наконецъ, совершенно покорялъ себѣ такимъ благородствомъ и рѣшительностію духа, что сейчасъ же готовъ былъ свое слово привести въ дѣло, такъ что въ немъ вовсе не замѣчалось того раздвоенія мысли съ словомъ, а слова съ дѣломъ, которымъ такъ недугуетъ настоящій вѣкъ. Однимъ словомъ, онъ былъ цѣльный, всегда и вездѣ одинаковый и сначала до конца жизни вѣрный себѣ человѣкъ. А это—кто не признается?—чрезвычайно рѣдкое теперь явленіе! Въ этомъ отношеніи, онъ, кажется намъ, заслуживаетъ не меньшаго, если еще не большаго изученія, чѣмъ и въ отношеніи ученомъ.

Впрочемъ, матеріалы для изученія его въ томъ и другомъ отношеніи почти одни и тѣ же; потому что въ его книжной философіи можно читать философію его жизни, а въ философіи дѣйствительной жизни видѣть и провѣрять его книжную философію. Книги-то его остались, а въ высшей степени назидательной жизни его уже не стало. —Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ будущій біографъ его долженъ собирать изъ устныхъ и письменныхъ разсказовъ черты его жизни. Въ нихъ онъ найдетъ дополненіе къ изображенію его ученой дѣятельности. Еще остались неизданными многія, стоившія ему большихъ трудовъ сочиненія. Особенно онъ жалѣлъ предъ смертію, что не докончилъ нѣсколько (одного тома) перевода сочиненій Платона и не издалъ своей психологіи, о чемъ много просили его. Но онъ умеръ съ надеждою, что найдутся продолжатели или, лучше, завершители его дѣла, на которое онъ положилъ всѣ свои силы и *всѣ свои средства*, оставивъ семьѣ въ утѣшеніе только увѣренность, что отъ 42-лѣтняго труда должно же ожидать какого нибудь плода".

СЛОВО,

СКАЗАННОЕ ПРЕДЪ ОТПѢВАНІЕМЪ ПРОФЕССОРА ФИЛОСОФІИ ВАСИЛІЯ НИКОЛАЕВИЧА КАРПОВА.

Чадца моя, писалъ Св. Евангелистъ Іоаннъ христіанской паствѣ, *чадца моя, не любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною. И о семъ разумѣемъ, яко отъ истины есмы* (1 Іоан. 3, 18. 19.).

И такъ, вотъ евангельскій пробный камень, или, какъ выражается наука, критерій истины: любовь, любовь не словомъ или языкомъ, но самымъ дѣломъ, истиною! Значитъ умъ, изслѣдователь и носитель истины, не имѣетъ въ себѣ мѣры истинности своихъ познаній; значитъ занятіе наукою, хотя бы и самое настойчивое, познаніе умомъ, хотя бы и самое глубокое, сами по себѣ еще не приводятъ несомнѣнно къ истинѣ; значитъ между знаніемъ и дѣломъ, между наукою и жизнію можетъ лежать великая пропасть... Тогда лишь мы узнаемъ, что мы отъ истины, по мысли Св. Евангелиста, когда мы *любимъ*, любимъ не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною. Этимъ послѣднимъ сопоставленіемъ истины не съ словомъ, слѣдовательно и мыслію, и не съ языкомъ, слѣдовательно и съ выраженіемъ ея, а напротивъ, прямо съ дѣломъ, не выражаетъ ли Св. Евангелистъ, что истина есть плодъ не ума только, а

прежде всего сердца и воли, есть дѣло не науки, а жизни, есть сама эта жизнь, движимая любовію? И не напоминаетъ ли это намъ человѣка, вѣроятно не лишеннаго научнаго образованія своего времени, который однакоже и у стоящей предъ лицемъ его Истины все еще спрашивалъ: *что есть истина?*..

Но что же это значитъ, братіе: мы въ святилищѣ духовной науки, у гроба почти всѣмъ намъ общаго и, конечно, всѣми нами глубоко уважаемаго наставника, ревностнаго дѣлателя въ умственной области, которому собрались отдать послѣдній долгъ,—и между тѣмъ сомнѣваемся въ томъ, чтобы наука приводила къ истинѣ? Возможно ли, чтобы мы, изучая міръ и нашу собственную природу, изучая каждое слово и каждую черту жизни Того, Кто о Себѣ говорилъ: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. 14, 9), возможно ли, чтобы этимъ изученіемъ, добросовѣстнымъ и ревностнымъ, мы несомнѣнно не пріобрѣтали истины? Не говоритъ ли Сама Истина: *уразумѣете истину и истина свободитъ вы* (Іоан. 8, 32)?

Да, Слово Божіе говоритъ это въ извѣстномъ смыслѣ. Но Оно же говоритъ и нѣчто другое; говоритъ, что бываютъ лица, и именно въ христіанскомъ мірѣ, въ нѣдрахъ Церкви Христовой, которые всегда учатся и однако же никогда не могутъ дойти до познанія истины: *всегда учащеся и николиже въ познаніе истины пріити могуще* (2 Тим. 3, 7). И это бываетъ именно тогда, когда мы ищемъ истины не такъ, какъ она сама хочетъ, чтобы мы ее искали,—когда мы хочемъ напередъ понять ее умомъ своимъ, чтобы потомъ усвоить сердцемъ и волею, тогда какъ она являетъ намъ себя затѣмъ, чтобы мы напередъ приняли ее всѣмъ существомъ своимъ,

жили бы ею и среди этой цѣлостной жизни давали бы надлежащій просторъ между прочимъ и уму своему: истина сокрыта не столько въ холодныхъ представленіяхъ ея логичности, сколько въ живомъ сочувствіи ея красотѣ, и въ свободномъ обладаніи ея благами.

Умъ, по самой природѣ своей, не способенъ къ этому всестороннему усвоенію истины жизни,—живущаго и потому непрестанно видоизмѣняющагося бытія; потому что не съ этимъ бытіемъ, не съ самою жизнію имѣетъ онъ дѣло, а лишь съ понятіями о ней, т. е. съ слѣдами миновавшей жизни, и большею частію съ слѣдами не своей, а чужой, едва угадываемой нами часто по самымъ отдаленнымъ аналогіямъ жизни; а между понятіемъ, даже добытымъ собственнымъ опытомъ, о вещахъ и живымъ впечатлѣніемъ отъ нихъ—не малая разница! И если одних понятій достаточно бываетъ для истины формальной, состоящей лишь въ ихъ логической симметріи, то отнюдь недостаточно ихъ для живой области такихъ фактовъ, которые существуютъ для непосредственнаго вліянія на всѣ стороны нашей природы и которые безъ этого вліянія теряютъ свой характеръ, теряютъ цѣль своего существованія. Есть безъ сомнѣнія и въ этой области для ума своя задача; но добываемая въ этомъ случаѣ истина не останавливается на одномъ холодномъ зеркалѣ, представляемомъ ей въ умѣ; она стремится пробиться дальше въ наше существо, хочетъ обитать и дѣйствовать въ той глубинѣ нашей духовной природы, изъ которой бьетъ живой родникъ нашихъ чувствованій и стремленій, въ самомъ средоточіи нашей жизни.

И какъ рѣдко, Боже мой, какъ рѣдко призма ума пропускаетъ лучъ истины до этого средоточія нашей

духовной природы! Какъ часто, наоборотъ, она отражаетъ его отъ себя холоднымъ, безплоднымъ, преломленнымъ и разложеннымъ такъ, что среди понятій о явленіи жизни, самое явленіе ускользаетъ отъ насъ, исчезаетъ для насъ! Какъ часто событіе самое близкое нашей душѣ, самое жизненное, сдѣлавшись добычею мысли, обратившись въ понятія, обогативши по видимому умъ, остается совершенно потеряннымъ для другихъ силъ души, которыя, вдали отъ жизни, болѣе и болѣе осуждаются на бездѣятельность, чахнутъ, тратятся въ праздности! А привычки мысли упорны, не менѣе всѣхъ другихъ привычекъ и, сдѣлавшись своего рода страстями, становятся непобѣдимыми, какъ и всякія другія страсти человѣческія. И вотъ выходитъ, что ученый человѣкъ, навыкшій схватывать явленія жизни съ ихъ умственной стороны, мало по малу становится неспособнымъ чувствовать ихъ, пользоваться ими, точно такъ, какъ еслибы лѣсъ могъ мѣшать кому-нибудь видѣть деревья и наслаждаться ихъ красотою, или свѣтъ могъ мѣшать видѣть солнце и согрѣваться лучами его. Или развѣ не бываетъ этого страннаго явленія, что мы бываемъ способны отдать самый точный отчетъ о вліяніи истины на человѣка и сами теряемъ способность чувствовать на себѣ это вліяніе? Развѣ не бываетъ, что иной изъ насъ можетъ написать цѣлый рядъ сужденій о дѣйствіяхъ благодати на душу человѣческую и не являть даже чаянія этой благодати въ своей жизни? О, если бы на свѣтѣ было столько же нравственно-добрыхъ людей, сколько въ немъ есть ученыхъ!. Если бы въ Церкви Христовой было столько же дѣйствительныхъ христіанъ, сколько въ ней есть богослововъ!.. Какую силу имѣло бы тогда для всѣхъ

безъ изъятія просвѣщеніе, котораго и теперь такъ многіе все еще боятся, какъ заразы! Какое значеніе имѣло бы Слово Божіе, отъ котораго и теперь все еще многіе готовы бѣжать, не только изъ школъ, но и изъ храмовъ Божіихъ, лишь завидятъ проповѣдника.

Свѣтъ истины не былъ сокрытъ отъ ума и въ языческой древности. Не мало было и тамъ философовъ, которые умѣли, часто геніальнымъ умомъ, оцѣнить міръ, жизнь, себя самихъ,—которые, по мѣрѣ своего приближенія къ истинѣ, не могли не видѣть, какой густой мракъ они оставляли за собою, какое невѣжество тяготѣло надъ современнымъ имъ человѣчествомъ, предъ какими идолами оно слѣпо преклонялось, въ какомъ нравственномъ безсиліи оно безсознательно томилось. Но изъ всѣхъ этихъ мудрецовъ сколько нашлось людей, сохранившихъ въ себѣ живыми лучшіе инстинкты нашей природы, людей *отъ истины*, этихъ пророковъ языческаго міра, которые сочувствовали ей въ глубинѣ души, не пугались практическихъ задачъ, въ которыхъ неизбѣжно является она,—которые для того, чтобы не разстаться съ истиною, рѣшились, подобно Сократу, скорѣе умереть съ нею, чѣмъ измѣнить ей, или, подобно Платону, смиренно исповѣдать свое безсиліе и ждать помощи съ неба! А большинство философовъ? Умамъ этого, нравственно—мертваго большинства, такъ не трудно было заключать условія съ ложью, мириться съ нею, и свою мнимую мудрость зарывать въ пустой діалектикѣ и софизмахъ, которые уживаются со всѣмъ на свѣтѣ...

Но вотъ явилась въ міръ Сама воплощенная Истина, явилась живущею во очію людей. *Азъ есмь свѣтъ міру*, вѣщала Она (Іоан. 8, 12); *Азъ есмь путь, истина и*

жизнь (Іоан. 14, 6). Все, что было лучшаго, благороднѣйшаго въ человѣческомъ родѣ, мало по малу было привлечено къ явившемуся Солнцу Правды. Крестъ Единороднаго Сына Божія водруженъ на всемъ земномъ шарѣ. Милліоны дѣтски вѣрующихъ душъ готовы скорѣе умереть, чѣмъ разстаться съ обрѣтенною ими истиною во Христѣ. И какъ бы, кажется, и можно было всякому человѣку съ здравымъ умомъ иначе отнестись къ этому чуду безпредѣльной любви Отчей, величайшему изъ всѣхъ событій и чудесъ въ мірѣ? Когда отецъ дѣлаетъ что-либо пріятное для своихъ дѣтей, чего естественнѣе ожидать отъ этихъ дѣтей: того ли, что они начнутъ умствовать, анализировать психологическія начала, которыми водится ихъ отецъ въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ нимъ, — или того, что въ простотѣ дѣтскаго сердца примутъ то, что имъ даютъ, будутъ чувствовать любовь Отца и радоваться ей? Растеніе, если бы представить его одушевленнымъ, тѣмъ ли живится и питается, что оно знаетъ, какъ и откуда происходитъ дождь, или самою этою влагою? А между тѣмъ что дѣлаетъ съ богооткровенною, живою Истиною человѣкъ мысли? Вмѣсто усвоенія ея всею жизнію своею, онъ спѣшитъ прежде всего изслѣдовать ее, исчерпать своимъ умомъ, составить наивозможно полное и законченное *понятіе* о ней... Но содержаніе христіанства такъ безконечно-богато и неисчерпаемо для понятій и въ историческомъ и въ соціальномъ и въ философскомъ отношеніи? Тѣмъ хуже для любознательнаго ума: онъ не остановится, не дастъ сердцу покоя, пока не подвергнетъ своему анализу и всестороннему обсужденію всего, что только ни попадется ему на пути христіанства... Но христіанству, кажется, такъ не свойственна

отвлеченная теорія, оно такъ прямо затрогиваетъ наши глубочайшія чувства, такъ непосредственно касается нашей природы и жизни? Новая и еще большая опасность для самолюбивой мысли: она тѣмъ съ большею жадностію бросается на столь богатое и привлекательное содержаніе, спѣшитъ со всѣхъ сторонъ обозрѣть, измѣрить, разграничить его и тотчасъ же эгоистически овладѣть имъ, — чтобы самую жизнь такимъ образомъ сдѣлать лишь своимъ исключительнымъ достояніемъ, оцѣпить ее своими формулами, опредѣленіями, заключеніями, — задушить, такъ сказать, эту новую жизнь въ новой системѣ... И что же выходитъ? Выходитъ то, что свѣтъ дѣйствительно самъ закрываетъ отъ насъ источникъ свѣта — солнце съ живительною теплотою его; вмѣсто нравственнаго царства, во всѣ времена являемаго истинною Церковію, мы получаемъ систему его; свободное вліяніе небесной благодати думаемъ замѣнить доказательствами школы; разслѣдованное, изученное, систематизированное немощною мыслію Откровеніе Бога становится не дѣломъ Божіимъ, а будто нашимъ собственнымъ произведеніемъ; Евангеліе Сына Божія обращается въ мнимое философское убѣжденіе; Его таинства являются логическою необходимостію; Іисусъ Христосъ наконецъ есть какъ будто тоже своего рода логическая необходимость въ мірѣ; даже самъ Богъ оказывается естественнымъ произведеніемъ нашихъ собственныхъ мыслей... Но и этого для философской гордости мало: наша эгоистическая мысль, сама мысль или, какъ выражается извѣстная школа, идея съ ея логикою и есть именно нашъ богъ, творецъ и зиждитель вселенной!...

Для здраваго смысла странныя, дикія, для вѣрующа-

го сердца—страшныя, невѣроятныя убѣжденія! Это ли духовная свобода, обѣщанная Спасителемъ отъ познанія истины? Это ли плоды любви—евангельскаго пробнаго камня истины? Это ли истина жизни, зарожденной изначала и обновленной христіанствомъ? Но для мысли, изолированной отъ ежеминутнаго, отрезвляющаго опыта этой жизни, и нѣтъ другаго исхода, какъ больше и больше *уразумѣвать суетная и быть, яко Богъ*. И если для человѣка съ здравымъ смысломъ съ перваго взгляда видна вся суета такого мнимаго знанія, то не такъ скоро могла это видѣть философская наука въ концѣ прошлаго и первой четверти настоящаго столѣтія, ослѣпившая ученый міръ такъ льстящимъ самолюбію человѣка обоготвореніемъ его собственной мысли.

И вотъ, когда такое-то обоготвореніе мысли съ запада начало проникать и въ нашъ русскій ученый міръ и кружить головы неопытнымъ мыслителямъ, подъ сѣнію святой кіево-печерской лавры выступилъ на духовно-учебную дѣятельность и нашъ почившій, дорогой наставникъ-философъ. Богато одаренный отъ природы не только умомъ, но и сердцемъ, отъ начала до конца своей жизни искренній сынъ Церкви и горячій патріотъ, онъ смѣло изслѣдовалъ туманную глубину тогдашней гордой и блестящей философіи, русскимъ сердцемъ понялъ причину ея болѣзненныхъ крайностей и всею многолѣтнею дѣятельностію, въ своей наукѣ и жизни, старался доказать, что *быть отъ истины* значитъ любить, любить не словомъ только или языкомъ, но дѣломъ и истиною.

Усиліе выяснить царственную печать, которою Творецъ запечатлѣлъ душу человѣка при его созданіи, и уразумѣть живой, въ каждый моментъ и во всѣхъ про-

явленіяхъ человѣческой жизни дѣйствующій, союзъ нашей души съ одной стороны съ безконечнымъ Творческимъ Духомъ, съ другой—съ планетною жизнію, усиліе самое настойчивое, напряженное, въ сущности взгляда независимое отъ вліянія какихъ либо иностранныхъ теорій, составляло отличительную черту всѣхъ философскихъ чтеній и произведеній покойнаго профессора, и объясняетъ между прочимъ его преимущественную любовь къ великимъ мудрецамъ древности Сократу и Платону. Исторія въ свое время оцѣнитъ, насколько вѣрно понялъ покойный профессоръ потребность своего времени и насколько успѣлъ удовлетворить ей, и укажетъ ему достойное мѣсто въ ряду отечественныхъ мыслителей. Для нашей цѣли достаточно напомнить, что въ то время, когда западная философія цѣнила человѣка преимущественно по его схоластически-развитой головѣ и едва удостоивала вниманія требованія живаго, любящаго сердца,—въ духѣ человѣческомъ видѣла почти одинъ холодный, всезнающій умъ, забывая о другихъ, питающихъ самый умъ и по меньшей мѣрѣ столько же, какъ и онъ, коренныхъ сторонахъ нашей природы,—когда эта философія, лишенная сама, слѣдовательно, жизненной почвы, часто шла наперекоръ здравымъ практическимъ требованіямъ истины,—нашъ покойный наставникъ видѣлъ узелъ, въ которомъ органически соединяются между собою небесный и земной элементы нашей чудной природы и сосредоточиваются всѣ явленія и свойства человѣческой личности въ *чувствѣ*, или сердцѣ (1), одинъ полюсъ котораго оживляетъ и характеризуетъ наши земныя, планетныя отношенія, другой же

(1) См. Литограф. Записки по Психологіи, особенно заключеніе Пневматологіи.

непрестанно обращенъ къ питающему его вѣчному источнику свѣта и жизни, къ лону безпредѣльной любви Отчей. Поэтому, отдавая должное стремленіямъ ума человѣческаго, „радуясь, какъ онъ выражался, (¹) всякому новому познанію и вплетая его, какъ новое украшеніе, въ побѣдный вѣнокъ ума", онъ отдавалъ преимущественное значеніе нравственнымъ интересамъ человѣчества, составляющимъ цѣль не только его знаній, но и всего его существованія; а „нравственно-добрый человѣкъ, по его словамъ, (²) не тотъ, кто думаетъ, „что онъ окончательно исполнилъ нравственный законъ „и остановился въ своей дѣятельности (горе ему!): но „тотъ, кто неослабно и вѣчно стремится исполнять его. „Въ этомъ стремленіи состоитъ его блаженство и наслажденіе!"

Одушевленный такою философіею жизни, какъ любилъ покойный профессоръ выводы своей *теоріи* проясніять явленіями ежедневнаго опыта, искать путей живой истины и въ сферѣ студенческаго быта, и на общественной площади, и въ мастерской какого либо ремесленника! Среди этихъ-то, можно сказать, дружескихъ, задушевныхъ бесѣдъ покойнаго наставника научились мы цѣнить не только глубокій умъ, но и теплое, благородное сердце его, научились не только уважать, но и любить его любовію, которая *николиже отпадаетъ* и которая такъ отрадно для каждаго наставника выражается въ настоящемъ многочисленномъ собраніи и въ скорби его бывшихъ слушателей.

Но, проповѣдникъ дѣятельной истины, онъ самъ былъ и добросовѣстнѣйшимъ исполнителемъ ея внут-

(¹) Введеніе въ философію Карпова. Стр. 105.
(²) Тамъ же.

шеній, образцомъ ревности къ своему дѣлу, и трудолюбія, не ослаблявшагося ни лѣтами, ни непріятностями, испытанными имъ изъ за любви къ своей наукѣ, ни множествомъ разнаго рода обязанностей, которыя помимо профессорскаго долга возлагались на него начальствомъ, или которыя онъ самъ по лучшимъ побужденіямъ сердца возлагалъ на себя. Чего стоили для него одинъ переводъ на русскій языкъ и изданіе твореній любимаго имъ Платона, нетолько не обѣщавшіе переводчику матеріальныхъ выгодъ, но сопряженные для него съ немалыми пожертвованіями? „Великіе геніи на „поприщѣ науки“ такими мыслями и чувствами водился покойный профессоръ (¹), „суть свойственники не „народа, а цѣлаго человѣчества; ихъ произведенія суть „достояніе всѣхъ вѣковъ. Поэтому русской литтературѣ „*было бы стыдно предъ вѣками и человѣчествомъ* не „усвоить себѣ того, что справедливо почитается украшеніемъ каждой литтературы“.

За нѣсколько недѣль до своей послѣдней болѣзни, чувствуя возрастающую слабость физическихъ силъ, онъ не безъ глубокаго душевнаго волненія заявилъ, гдѣ слѣдуетъ, о намѣреніи наконецъ оставить горячо любимую имъ академію; но за тѣмъ ли, чтобы искать себѣ такъ заслуженнаго имъ и нужнаго ему покоя послѣ 42-хъ лѣтнихъ трудовъ? Отнюдь нѣтъ; и малый остатокъ своихъ силъ онъ желалъ еще посвятить все же труду, все тому же духовному юношеству, только на другомъ, казавшемся ему болѣе посильнымъ, поприщѣ... Невольно становится стыдно за себя и вообще за болѣе молодое поколѣніе дѣятелей науки въ ви-

(¹) Сочиненія Платона, переведенныя и объясненныя профессоромъ Карповымъ. Предисловіе къ первому изданію.

ду такого неутомимаго, честнаго и до послѣдняго издыханія вѣрнаго своему призванію труженика...

Уже слегши въ постель, на которой скоро суждено было умереть покойному, какъ сожалѣлъ онъ, что его слушатели остаются безъ его уроковъ, какъ сожалѣлъ особенно, что не успѣлъ прочитать имъ еще одну, почему-то казавшуюся ему особенно нужною, лекцію: „хотя одну, только одну лекцію", говорилъ онъ, „хотѣлъ бы я сказать своимъ студентамъ, и тогда спокойнѣе оставался бы дома".. Это вамъ, гг. студенты, тамъ желалъ покойный профессоръ сказать свою лекцію. Вотъ онъ, — этотъ послѣдній урокъ, теперь слышится самъ собою изъ этого гроба, урокъ труда честнаго, неустаннаго до гроба, урокъ служенія истинѣ не словомъ, или языкомъ, но дѣломъ, любовію; ваши силы свѣжи и гибки, сердце воспріимчиво; главная задача жизни еще предъ вами впереди; воспитывайте себя теперь же къ дѣятельной истинѣ, къ великому служенію благу общественному, къ бодрому перенесенію трудовъ въ дѣлѣ просвѣщенія и утѣшенія меньшей братіи во Христѣ; будущіе провозвѣстники и служители небесной истины, не медлите теперь же, въ предѣлахъ вашей студенческой жизни и занятій усвоять ее не умомъ только, но прежде всего вашимъ сердцемъ и вашею волею, чтобы быть прежде исполнителями, и потомъ уже вмѣстѣ и учителями слова истины!

Всегда мы знали, что покойный профессоръ благоговѣлъ предъ всѣми внушеніями и обычаями церкви, и потому естественно было слышать, что предъ смертію своею онъ неоднократно удостоился пріобщенія святыхъ Христовыхъ Таинъ. Но многимъ ли извѣстно, какъ онъ, самъ прошедшій путемъ бѣдности, такъ обычной

въ нашемъ званіи, сочувствовалъ всякому нуждающемуся, любилъ помочь совѣтомъ и дѣломъ и бѣдному семинаристу и оставшемуся почему либо ни причемъ студенту академіи, особенно же сиротамъ и вдовамъ, нерѣдко издалека обращавшимся къ нему за помощію и покровительствомъ? Въ послѣдніе дни его жизни, когда онъ могъ уже предвидѣть окончательную невозможность продолжать службу, его естественно тяготила мысль о возможной бѣдности и сиротствѣ собственыхъ своихъ многочисленныхъ дѣтей и о вдовствѣ собственной супруги, съ нѣжною любовію, какъ кроткій ангелъ, оберегавшей его старость; повѣривъ ей свои заботы на этотъ счетъ, онъ, какъ самъ еще разсказалъ мнѣ уже на смертномъ одрѣ, могъ утѣшить ее и себя только этими истинно—утѣшительными словами писанія: *возверзи на Господа печаль твою и Той тя препитаетъ* (Пс. 54, 23).

Но я опасаюсь, братіе, что увлекаемые воспоминананіями о покойномъ, мы выражаемъ къ нему любовь нашу не столько дѣломъ и истиною, сколько словомъ и языкомъ. Любить же его дѣломъ и истиною въ эти священныя минуты, значитъ молиться о немъ молитвою вѣры въ Бога, Который *не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ*, — и молитвою *николиже отпадающей любви*, которая составляетъ живой, во вѣки неразрывяемый и сладостный союзъ вѣрующихъ и любящихъ душъ горняго и дольняго міра. Обратимъ же мысли и сердца наши горѣ и соединимъ ихъ предъ Отцемъ нашимъ небеснымъ во едино, въ этой заупокойной молитвѣ святой Церкви нашей:

„Боже духовъ и всякія плоти, смерть поправый, и діавола упраздивый, и животъ міру Твоему даровавый,

Самъ Господи, упокой душу усопшаго раба Твоего Василія въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюдуже отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе; всякое согрѣшеніе, содѣянное имъ словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ, яко благій человѣколюбецъ Богъ прости; яко нѣсть человѣкъ, иже живъ будетъ, и не согрѣшитъ: Ты бо единъ кромѣ грѣха, правда Твоя правда во вѣки, и слово Твое истина". Аминь.

П. I. Я.

РѢЧЬ

при погребеніи заслуженнаго профессора Василія Николаевича Карпова.

Въ двѣ недѣли русская духовная наука понесла двѣ, хотя и не въ равной степени, великихъ утраты: за смертію дорогаго для нашей академіи первоустроителя ея, патріарха русской духовной науки, оплакиваемаго всею Россіею московскаго митрополита, послѣдовала кончина другаго, несравненно болѣе скромнаго, и по своему положенію, и по степени и объему своего вліянія, дѣятеля духовной науки, старѣйшаго изъ современныхъ профессоровъ духовныхъ академій. Едва одна свѣжая могила успѣла сокрыть бренное тѣло, вмѣщавшее великій богословствующій духъ, какъ раскрылась другая, готовая принять бренные останки русскаго самостоятельнаго философа. Скошены и склонились долу два спѣлыхъ колоса, выросшихъ на народно-церковной русской почвѣ, свою силу и славу заимствовавшихъ не изъ чужихъ краевъ, не отъ западныхъ учителей, а изъ нѣдръ православно-русскаго, — всенароднаго и своего личнаго, — духа. Вслѣдъ за 85-лѣтнимъ первосвятителемъ и патріархомъ отечественной духовной науки по-

спѣшилъ *преложиться къ людемъ своимъ* и нашъ семидесятилѣтній патріархъ-профессоръ, и почившій имѣлъ бы право повторить о себѣ слова Іакова Фараону: *малы и несчастны дни жизни моей и не достигли до лѣтъ жизни отцевъ моихъ* (Быт. 47, 9).

Малы?.. Но неужели и въ самомъ дѣлѣ *малы* дни жизни почившаго? Неужели 70 лѣтъ—срокъ жизни короткій? Напротивъ не поразительно ли продолжителенъ 42-лѣтній наставническій подвигъ? Неужели мало для наставника шестнадцати, преемственно слушавшихъ его философскія лекціи, академическихъ курсовъ, воспитанники которыхъ теперь собрались около гроба своего учителя? Или развѣ мало издано имъ въ свѣтъ своихъ ученыхъ трудовъ, которые свидѣтельствуютъ и будутъ свидѣтельствовать въ отдаленномъ потомствѣ о талантѣ и энергіи почившаго мыслителя? О, нѣтъ! Мы дивимся въ почившемъ его упорной и глубокой привязанности къ академіи, благоговѣйно преклоняемся предъ его сорокалѣтнимъ профессорскимъ аскетизмомъ, и благословляемъ его почтенную старость. Но когда представимъ, сколь многихъ рукъ требуетъ еще мало обработанное поле отечественной науки вообще и духовно-академической въ частности, мы, по чувству искренней любви къ отечественному просвѣщенію, съ скорбію восклицаемъ: *малы* были *дни житія твоего*, старѣйшій изъ академическихъ профессоровъ! Когда представимъ потомъ, что энергія и любовь къ труду не ослабѣвала въ почившемъ до послѣднихъ дней, что еще недавно онъ выдалъ капитальнѣйшее пріобрѣтеніе въ русской литературѣ—4-хъ томный переводъ Платона; что онъ могъ до послѣдняго года просиживать ежедневно за работой отъ 14 до 17 часовъ,—когда вспомнимъ, что онъ при-

готовлялъ къ изданію еще одинъ большой переводный трудъ и хотѣлъ печатать еще одинъ оригинальный, и по своимъ началамъ вполнѣ самостоятельный, трудъ— *Психологію*: намъ становится тяжело — при мысли, что приходится хоронить эту безпримѣрную энергію и желѣзную любовь къ ученымъ работамъ, что русскому міру не придется увидать осуществленія задуманныхъ покойнымъ изданій и особенно *Психологіи*, оригинальнѣйшаго произведенія русской философствующей мысли, и мы съ грустію думаемъ: *малы* были *дни житія твоего*, энергическій, безустанный и самостоятельный русскій мыслитель! Наконецъ, когда посмотримъ на эту осиротѣлую семью покойнаго профессора, на вдову и семерыхъ дѣтей, которымъ онъ оставилъ въ наслѣдство свое честное и славное имя русскаго философа, не скопивъ и не могши скопить для нихъ матеріальнаго обезпеченія и подумаемъ, что съ смертію своего главы средства содержанія семейства, въ которомъ есть еще несовершеннолѣтніе члены, и которое почти все состоитъ изъ лицъ женскаго пола, могутъ сократиться больше, чѣмъ на половину, тогда глубокая скорбь объ утратѣ русскою наукою самостоятельнаго и энергическаго русскаго дѣятеля переходитъ въ болѣе жгучую и живую скорбь за печальную участь семействъ тружениковъ духовной науки вообще и въ частности—осиротѣлаго семейства почившаго профессора, который больше еще, чѣмъ Іаковъ, могъ сказать, глядя на оставляемыхъ сиротъ, что *малы* были *дни жизни его*, потому что юнѣйшія дѣти его юнѣе *юнѣйшаго Веніамина*... Скорбь осиротѣлой семьи о краткости дней житія покойнаго еще усиливается отъ безнадежнаго представленія прекратившейся отеческой заботливости, отъ представленія этихъ окла-

дѣвшихъ рукъ, нѣкогда съ родительскою нѣжностію ласкавшихъ ее, этихъ закрытыхъ теперь глазъ, въ которыхъ она привыкла встрѣчать выраженіе отеческой любви. И плачъ семьи о патріархѣ нашей духовной науки, и по жгучести слезъ и по силѣ скорби, мы увѣрены, не уступитъ *великому и сильному* плачу Іосифа и братьевъ его по отцѣ своемъ Іаковѣ—на гумнѣ Атадовомъ (Быт. гл. 50).

Малы и не особенно свѣтлы были дни жизни почившаго. Мы не знаемъ обстановки жизни его въ домѣ его отца-священника Воронежской губерніи, хотя увѣрены, что она не была богата, какъ и теперь обстановка жизни нашихъ сельскихъ священниковъ. Но о жизни покойнаго съ 1814 по 1825 годъ, когда онъ обучался сперва въ Воронежской семинаріи, а потомъ въ Кіевской духовной академіи, мы можемъ нѣсколько судить по состоянію нашихъ семинарій и академій, въ какомъ онѣ были лѣтъ за 30 или за 25 назадъ, не забывая при этомъ, что раньше онѣ только еще устроивались. Если и досель особенные успѣхи нѣкоторыхъ нашихъ воспитанниковъ зависятъ не столько отъ особенныхъ удобствъ образованія, сколько отъ природныхъ дарованій и отъ личной самодѣятельности, то въ первой четверти текущаго столѣтія почти все здѣсь предоставлено было личной даровитости и энергіи. Въ этихъ школахъ,—бѣдности съ одной стороны и личнаго, энергическаго труда съ другой,—почившій пріобрѣлъ навыкъ къ простотѣ и нетребовательности во внѣшней жизни и способность энергически и самостоятельно дѣйствовать въ области мышленія не ослабѣвая, не утомляясь и, не поддаваясь въ тоже время вліянію самыхъ знаменитыхъ европейскихъ мыслителей. Въ 1831 году, когда

онъ былъ переведенъ на каѳедру философіи въ Кіевской академіи — по выбору покойнаго преосв. Иннокентія, опредѣлилась для него задача всей его жизни. Молодой 30-лѣтній баккалавръ отдался своей новой каѳедрѣ сполна; идеалистъ отъ природы, самъ способный увлекаться, онъ увлекалъ за собой и слушателей. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ увлекательный преподаватель философіи, подобно преосв. Иннокентію, былъ переведенъ въ столичную духовную академію и здѣсь, спустя только два года, по рекомендаціи покойнаго митрополита московскаго, былъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора. Десять ректоровъ и инспекторовъ академіи перемѣнилось, молодые наставники опредѣлялись и поспѣшно оставляли академію для другихъ болѣе обезпеченныхъ мѣстъ службы, шестнадцать курсовъ слушателей перемѣнилось, ученики покойнаго достигали высшихъ степеней въ отечественной іерархіи и занимали вдвое и втрое болѣе выгодныя мѣста, наконецъ старшіе профессоры академіи всѣ оказались уже учениками покойнаго профессора, а самъ онъ не разставался и никогда не думалъ разстаться съ академіей; крѣпкій союзъ его съ своей каѳедрой могла расторгнуть только смерть. И не какія нибудь выгоды или особенныя поощренія привязывали покойнаго къ академіи: первую Высочайшую награду, орденъ Св. Анны 3 ст., онъ получилъ на 26 году своей службы... Не всегда даже оставался ненарушимымъ внутренній душевный миръ, столь много необходимый и желательный для ученаго профессора: съ каѳедры философіи въ 1843 году его перевели, поручивъ оную иностранцу, на каѳедру исторіи философіи, обязавъ его читать новую науку по самой странной и прихотливой программѣ; потомъ сперва въ университе-

такъ, а затѣмъ и въ нашей академіи прекратилось преподаваніе полнаго курса философіи. Тоскливо принялъ, тоскливо потомъ и вспоминалъ покойный — это невольное удаленіе свое съ любимой своей каѳедры, которую онъ, по свидѣтельству слушавшихъ его философскія лекціи, поднялъ на высоту, на какой она не стояла ни прежде, ни послѣ: слава его преподаванія была распространена по всей Россіи, и бѣдные семинаристы въ самыхъ отдаленныхъ городахъ имперіи знали имя Карпова, и пріѣзжая въ нашу академію, на пріемныхъ экзаменахъ и на первыхъ лекціяхъ впивались взорами въ его аскетическую физіономію и мѣряли глазами его открытый лобъ, сравнивая его съ Платоновскимъ. Но уже не такъ часто, какъ прежде, находило на него увлекающее вдохновеніе во время чтеній по исторіи философіи; мертвая программа мертвила рѣчь его. Вновь онъ ожилъ, когда поручили ему преподаваніе сперва логики, потомъ психологіи, въ которыхъ успѣлъ высказаться, хотя и не во всей прежней полнотѣ и свѣжести, оригинальный русскій, самостоятельный складъ его философскихъ воззрѣній. Въ послѣдніе сорокъ лѣтъ русское образованное и мыслящее общество попеременно покланялось разнымъ философскимъ авторитетамъ: то не знали цѣны Шеллингу, то Гегеля исповѣдывали, какъ высшую, всеобъемлющую и законченную философему, то наконецъ Бюхнеръ, Молешоттъ и Бокль удостоивались идольскихъ требъ. Нашъ русскій мыслитель ни разу не отдался въ философскую кабалу ни одному заграничному авторитету, и если кому изъ философовъ отдавалось въ его сердцѣ предпочтительное сочувствіе, такъ это безсмертному идеалисту древности, исторгавшему похвалы изъ устъ знаменитѣйшихъ отцевъ Церкви,

Платону. Ревностно онъ оберегалъ границы независимаго царства самостоятельной, православно-русской мысли отъ иноземныхъ вторженій западнаго скептицизма и реализма. За великую будущность философствующей мысли славянскаго племени много говоритъ уже появленіе на первыхъ порахъ ея развитія—появленіе самостоятельнаго мыслителя,—не эклектика, не скептика или матеріалиста; потому что народъ, не лишенный отъ природы, какъ Римляне, вкуса и способности къ чистому философскому мышленію, никогда еще не начиналъ подражательностію и перенесеніемъ въ свое народное сознаніе чуждыхъ, сложившихся при другой исторической обстановкѣ, философскихъ теорій. Философія, какъ и искуство, какъ и литература, прежде, чѣмъ пріобрѣсти общечеловѣческое значеніе, должны быть національными...

Наука въ русскомъ обществѣ растеніе, можно сказать, *тепличное*; посаженная правительствомъ, она до сей поры питалась и поддерживалась правительственными мѣрами и поощреніями; особенно это нужно сказать о наукахъ, не имѣющихъ прямаго и непосредственнаго приложенія къ жизни, и преимущественно о философіи; для ухода за этимъ благороднѣйшимъ произрастеніемъ человѣческой мысли въ нашихъ университетахъ въ послѣднюю пору оказалось необходимымъ приготовлять садовниковъ за границей, потому что само общество не заключало въ себѣ условій и не чувствовало особенной нужды къ воспитанію и поощренію въ своей средѣ высшихъ чистыхъ мыслителей; еще недавно названія „ученый" и особенно „философъ" въ обществѣ имѣли смыслъ ироніи... Такъ было вездѣ у насъ, за исключеніемъ нашихъ церковныхъ, особенно

высшихъ учебныхъ заведеній; причина, почему еще недавно философъ и семинаристъ на общественномъ языкѣ употреблялись, какъ синонимы, и почему мыслителя-философа, а въ последнее время даже кандидатовъ на каѳедры философіи въ университетахъ можно было найти только въ стѣнахъ духовныхъ академій. Но и до сей поры истинный мыслитель только въ студентахъ академій можетъ найти себѣ достойныхъ слушателей; онъ можетъ въ академической аудиторіи, какъ Сократъ или Платонъ предъ аѳинскими гражданами, тонуть въ пучинахъ діалектическихъ тонкостей, или залетать высоко-высоко въ выспреннѣйшихъ созерцаніяхъ, не рискуя быть непонятымъ, потому что слушатели его — цвѣтъ семинарскаго юношества и всѣ равно образованы и подготовлены къ отвлеченному мышленію. Я позволилъ себѣ сдѣлать это небольшое отступленіе, чтобы объяснить предъ почтеннымъ собраніемъ глубокій смыслъ слѣдующихъ словъ покойнаго профессора: „только въ нашихъ академіяхъ и можно теперь съ удовольствіемъ и достоинствомъ читать философію". Философская традиція шла въ нашихъ академіяхъ съ непрерывною последовательностію; онѣ не посылали готовить для себя наставниковъ философіи за границу, а наставники всегда были въ нихъ, всегда съ достоинствомъ исполняли свое дѣло, поощряемые серьозными запросами, умственною даровитостью и развитымъ пониманіемъ своихъ слушателей. „Я умру на этой каѳедрѣ", недавно еще говорилъ покойный профессоръ: въ этомъ восклицаніи сколько сказалось любви и уваженія къ своимъ слушателямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько въ этомъ чувствѣ заключалось для него великихъ побужденій трудиться неустанно, терпѣть нужду и горе, — довольствоваться

малымъ и безропотно нести 42 года крестъ лишеній. Іаковъ, работавшій у Лавана вторые семь лѣтъ за Рахиль, которая *бѣ добра видомъ и красна взоромъ зѣло*, сдѣлалъ не больше, чѣмъ нашъ патріархъ-профессоръ, по выслугѣ срока на пенсію для своей любимой каѳедры работавшій еще 17 лѣтъ...

Но откуда въ немъ эта любовь къ наукѣ, откуда эта *крѣпкая, какъ смерть*, или крѣпкая до самой смерти привязанность къ ней, откуда эти поразительныя исключенія,—потому что примѣръ почившаго явленіе не одинокое въ нашемъ молодомъ русскомъ обществѣ? Откуда? Оттуда, откуда является въ мірѣ и все возвышенное и доброе, отъ Верховнаго Покровителя любителей мудрости—Бога. Матеріалистъ и эгоистъ по природному складу не оставался бы, не могъ и не долженъ былъ бы оставаться долгое время наставникомъ академіи; для этого нужно родиться, нужно сдѣлаться идеалистомъ; нужно глубоко проникнуться высотою своего знанія и своихъ обязанностей, уваженіемъ къ природной даровитости и къ великому будущему назначенію своихъ слушателей; нужно привыкнуть терпѣть нужду, не смущаться, когда товарищи и ученики занимаютъ должности виднѣе, содержаніе получаютъ обезпеченнѣе; нужно родиться или сдѣлаться способнымъ полюбить тихій, уединенный трудъ, рѣшиться обречь себя или на одиночество или на семейную жизнь съ постоянными лишеніями, удовлетворяться за матеріальныя невыгоды и недостатки, за постоянную борьбу съ подступами нужды—удовлетворяться сладкими, рѣдкими вдохновеніями въ кабинетѣ и увѣренностію въ благотворности своего добровольнаго и продолжительнаго аскетизма. Академіи до сей поры,—да будетъ благословенно отнынѣ и до

вѣка имя Создателя такихъ идеалистическихъ натуръ,—находили среди своихъ же лучшихъ воспитанниковъ подобныхъ самоотверженныхъ тружениковъ, и настоящій ученый составъ нашей академіи едва насчитываетъ среди себя одного, который бы не служилъ больше 4-хъ лѣтъ, и всѣ почти профессоры, а старшіе рѣшительно всѣ ученики почившаго: прими же отъ насъ низкій, благодарный поклонъ, достойнѣйшій и старѣйшій нашъ идеалистъ-профессоръ!

Тридцать четыре года сряду проходилъ черезъ лавру сутуловатый, немного согнувшійся, углубленный въ себя до разсѣянности и незамѣчанія знакомыхъ, извѣстный всѣмъ лаврскимъ и около-лаврскимъ обитателямъ, профессоръ, для чтенія своихъ лекцій; вчерашній день послѣдній разъ лежалъ его путь черезъ лавру—на свою послѣднюю безмолвную лекцію. Языкъ профессора нѣмъ; чело философа спокойно, потому что высшіе вопросы бытія и знанія теперь окончательно разрѣшились для него; спокойствіе смерти смежило нѣкогда горѣвшія огнемъ вдохновенія очи. А между тѣмъ эта послѣдняя лекція—лекція великая, собравшая слушателей разныхъ званій и лѣтъ, разныхъ степеней развитія и разныхъ направленій, соединившая въ одинъ благоговѣйный слухъ людей едва знакомыхъ другъ другу, для всѣхъ равно поучительная и для всѣхъ равно прискорбная! Вынесемъ же каждый изъ прощальной лекціи урокъ, который болѣе другихъ необходимъ и полезенъ, смотря по личному состоянію каждаго.

Сурово и безрадостно до послѣдней поры было на Руси поприще ученаго профессора; не любила баловать и покойнаго внѣшняя матеріальная сторона жизни; большое семейство, постоянно возраставшія издерж-

ми заставляли его противъ охоты брать на себя срочные, сторонніе труды; нужда смотрѣла ему прямо въ глаза, она неотступно преслѣдовала его, какъ мать— нелюбимаго пасынка; нужно было ему въ одно и то же время и вспахивать поле философіи и отражать нападенія нужды, нужно было раздвоивать такъ сказать свои способности и силы на служеніе наукѣ и на пріобрѣтеніе средствъ содержанія, или средствъ для изданія своихъ трудовъ. За одною изъ такихъ, вынужденныхъ изданіемъ Платона, работъ покойный прошлою зимою почувствовалъ первый припадокъ болѣзни, оказавшейся смертельною. Если при такой неблагопріятной обстановкѣ покойнымъ сдѣлано такъ много для своей науки, то сколько бы онъ сдѣлалъ при большихъ удобствахъ, при большемъ просторѣ для своей философской дѣятельности!.. Если наступятъ когда нибудь болѣе благопріятныя для нашихъ профессоровъ времена: то да не увлекутся тогда новые дѣятели чувствомъ своего превосходства надъ предками; далеко имъ будетъ до того постоянства и до того гордаго терпѣнія, съ какимъ предшественники боролись съ нуждой и горемъ и, говоря словами Карамзина, „своими бѣдствіями приготовили наше величіе“.

Провожаешь иногда гробы, которые сильнѣе всего и исключительно говорятъ только о смерти: но бываютъ гробницы, при которыхъ тускнѣетъ, прячется страшный образъ смерти, и надъ которыми побѣдоносно и ярко горитъ лучъ безсмертія. Такой гробъ недавно провожала Москва и приняла на покой Сергіева Лавра; такой же гробъ теперь предъ нами и скоро его приметъ на вѣчное упокоеніе Невская Лавра, уже давшая тихій пріютъ праху Ломоносова, Гнѣдича, Глинки, Суворова,

Муравьева и другихъ дѣятелей русской мысли и жизни. Почившій не умретъ въ памяти его родныхъ, его знакомыхъ, его учениковъ и сослуживцевъ; но и они вѣдь не безсмертны! Время покоситъ и ихъ!... Правда. Но надъ царствомъ мысли безсильно время, и въ немъ отдаленные пространствомъ вѣковъ труженики мысли духовно сближаются и вѣчно живы. Въ ту пору, когда истлѣютъ и разсыплются въ землѣ кости присутствующихъ здѣсь, когда родственныхъ отношеній къ намъ нашего отдаленнаго потомства не возьмется опредѣлить никакая родословная, когда наши отдаленные потомки твердою рукою вычеркнутъ наши имена, ставшія для нихъ пустыми звуками, изъ своихъ семейныхъ поминаньевъ, и тогда имя нашего русскаго, самостоятельнаго мыслителя будетъ произноситься съ тѣмъ же глубокимъ уваженіемъ, съ какимъ мы произносимъ его теперь. Труды самостоятельной мысли исторія вѣнчаетъ безсмертіемъ... Она, какъ и Богъ ангелу смирнской Церкви, блюдетъ на своихъ страницахъ великое утѣшеніе безкорыстнымъ и честнымъ дѣятелямъ: *„знаю твои дѣла и скорбь, и нищету, впрочемъ ты богатъ... Будь вѣренъ до смерти, и дамъ тебѣ вѣнецъ жизни“* (Апок. гл. 2, ст. 9, 11).

А теперь пока поставимъ надъ его могилой прочный памятникъ, который бы указывалъ будущимъ русскимъ мыслителямъ мѣсто, достойное ихъ благоговѣйнаго поклона, а въ одной изъ аудиторій академіи—бюстъ почившаго, какъ знакъ, что мы цѣнили своего современнаго мыслителя не меньше потомковъ, и какъ призывъ къ неустанной, самоотверженной дѣятельности сослуживцевъ и преемниковъ покойнаго.

ПРОЩАЛЬНАЯ РѢЧЬ

НЕЗАБВЕННОМУ НАСТАВНИКУ ОТЪ ЕГО УЧЕНИКОВЪ.

При прощаніи обыкновенно напутствуютъ удаляющагося выраженіемъ чувствъ любви, благодарности и благожеланія. Настала минута послѣдняго прощанія и съ тобой, нашъ незабвенный наставникъ: ты оставляешь насъ навсегда!.. Среди общихъ непритворныхъ выраженій сожалѣнія о разлукѣ съ тобою родныхъ, сослуживцевъ и многочисленныхъ учениковъ и почитателей, не можемъ удержаться и мы, твои послѣдніе ученики, чтобы не сказать своего послѣдняго прощальнаго слова! Не намъ цѣнить всѣ великіе труды, понесенные тобою на пользу отечественнаго духовнаго образованія, на пользу Церкви православной; но долгъ справедливости и чувство сожалѣнія о разлукѣ требуютъ, чтобы и мы, при послѣднемъ прощаніи, отъ себя и за себя, сказали тебѣ послѣднее слово вполнѣ заслуженной благодарности и самаго искренняго благожеланія.

Послѣдніе въ многочисленномъ ряду твоихъ слушателей, первое слово благодарности приносимъ тебѣ за то направленіе твоихъ философскихъ чтеній, по которому, эту трудную и высокую науку наукъ, ты умѣлъ

установить на прочномъ основаніи, въ должныхъ предѣлахъ, умѣлъ сдѣлать ее достойною своего высокаго имени, „истинной дщери неба"; ты умѣлъ всегда приводить философское значеніе въ полное согласіе и гармонію съ Богооткровеннымъ ученіемъ и чрезъ то дѣлалъ его полезнымъ и надежнымъ спутникомъ богословской науки, а для насъ учащихся—преддверіемъ богословскаго образованія. Возбуждая въ своихъ слушателяхъ жажду знанія, стремленіе къ истинѣ, ты съ искусствомъ направлялъ молодой нашъ умъ на истинный путь познанія, внимательно слѣдилъ за развитіемъ и направленіемъ его, постоянно напоминая намъ, что только то знаніе истинно, которое согласно съ откровенною истиною, только тогда наше образованіе прочно и полезно, когда критеріемъ всѣхъ научныхъ познаній бываетъ не мимолетная теорія, а вѣчная, непреложная истина, открытая самимъ Источникомъ истины.

Твое любомудріе не было только однимъ отвлеченнымъ холоднымъ процессомъ мысли, одной теоріей: согласно съ высокимъ понятіемъ о философіи, ты считалъ ее руководительницею всей жизни человѣка и поэтому не только самъ, всегда и во всемъ, слѣдовалъ своимъ твердымъ убѣжденіямъ, но старался постоянно внушить и намъ, что истинная философія состоитъ не въ одномъ только умствованіи, а и въ постоянномъ осуществленіи убѣжденій въ жизни, въ поступкахъ. Смѣло и открыто заявлялъ ты всегда свои твердыя, честныя убѣжденія, не обращая вниманія на то, что они, можетъ быть, и не согласовались съ измѣнчивытъ вкусомъ времени, и чрезъ это предостерегалъ и насъ отъ увлеченія всякою заманчивою, но не всегда безопасною новизною.

Благодаримъ тебя, добрый наставникъ, за то, что ты

всегда охотно дѣлился съ нами мудрыми наблюденіями, плодомъ твоего долголѣтняго и внимательнаго изученія жизни; за то, что съ любовію старался вкоренить въ насъ тѣ святыя начала, которыя должны сдѣлать насъ полезными членами Церкви и общества; что раскрывалъ намъ, готовящимся еще вступить въ жизнь, здравый взглядъ на нее. О, какъ памятны всегда, какъ дороги будутъ намъ твои наставленія!

Благодаримъ тебя за истинно отеческую любовь, которую ты питалъ къ намъ, своимъ ученикамъ, за неусыпную ревность, съ которою трудился надъ нашимъ образованіемъ, за снисходительность, съ которою исправлялъ наши недостатки. Мы хорошо знаемъ, что долгъ наставника ты считалъ священнымъ призваніемъ всей своей жизни и, не смотря на то, что изнемогавшія силы тѣлесныя уже отказывались служить тебѣ, ты съ одинаковой ревностію и любовію продолжалъ свое святое дѣло, продолжалъ до тѣхъ поръ, пока крайняя немощь не отняла наконецъ уже всякой возможности къ занятіямъ. Но и это не побѣдило твоего могучаго духа, твоей ревности и любви къ наукѣ: „нравственная потребность къ занятіямъ велика, да силы физическія отказываются служить“, вотъ послѣднія слова, слышанныя отъ тебя студентами,—которыми ты оставилъ долговременное поприще наставника за нѣсколько дней до совершенной разлуки твоей съ здѣшнимъ міромъ. Не забудемъ, добрый наставникъ нашъ, твоихъ трудовъ, твоей любви къ намъ! Повѣрь, что видимая разлука не разорветъ той тѣсной связи духовной, которая существовала и всегда будетъ существовать между тобой и твоими учениками!

Наконецъ мы, останокъ твоего духовно-разумнаго

дыханія; смѣло можемъ сказать, что слушая тебя уже на закатѣ дней твоихъ, мы не только *ничѣмъ-же лишились преднихъ насъ*, но еще имѣли возможность слышать и то, что составляло результатъ всей долголѣтней, христіански-просвѣщенной дѣятельности твоей на поприщѣ развитія мысли и знанія, мы слышали послѣднее слово твоей философіи. Какое это слово? Долгій опытъ жизни и науки привели тебя къ непреклонному убѣжденію, что полное знаніе истины и полное удовлетвореніе испытующему духу, въ предѣлахъ и условіяхъ земнаго бытія, силами и способностями познанія формальными недостижимы, что цѣль знанія и жизни нашей выше предѣловъ этого міра, что она состоитъ въ отверженіи всего условнаго и въ приближеніи къ безусловному. Вотъ твой взглядъ на человѣка и его назначеніе, вотъ твое убѣжденіе, которое ты любилъ часто повторять намъ, вотъ цѣль, стремленіе къ которой особенно сильно и замѣтно было въ послѣдніе годы твоей жизни, когда, находясь среди насъ, ты былъ, можно сказать, не нашъ, возвышаясь просвѣщеннымъ духомъ твоимъ надъ всѣмъ ограниченнымъ и условнымъ и витая въ области духовнаго созерцанія, гдѣ, въ сіяніи свѣта правды, чистому взору вѣры открывается безусловное вѣдѣніе.

Съ сердечною благодарностію прими, незабвенный и по истинѣ великій наставникъ, и послѣднее, самое искреннее благожеланіе твоихъ учениковъ: да наградитъ тебя Господь за твою долгую, самоотверженную и полную плодовъ благихъ дѣятельность, удовлетвореніемъ всѣхъ возвышенныхъ стремленій твоего духа — да почіетъ онъ отъ трудовъ своихъ! да исполнится постоян-

ное стремленіе твое къ безусловному Источнику истины и знанія; да вселишься ты въ мѣстѣ свѣтлѣ и покойнѣ, идѣже присѣщаетъ свѣтъ лица Божія, при которомъ и праведно подвизавшіеся здѣсь на землѣ сіяютъ яко свѣтила, да узришь ты, наконецъ, самую вѣчную Истину *лицемъ къ лицу, якоже есть!*

РѢЧЬ

ПРИ ВЫНОСѢ ТѢЛА ПРОФ. В. Н. КАРПОВА ИЗЪ ЗДАНІЯ АКАДЕМІИ НА НЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ,

сказанная редакторомъ Домашней Бесѣды В. И. Аскоченскимъ.

Благоговѣйные почитатели памяти усопшаго!

Тяжело умирать будничнымъ поденьщикомъ, не врѣзавъ въ скрижали народной жизни болѣе или менѣе глубокаго слѣда. Какъ-то больно, какъ-то обидно становится, когда на рубежѣ жизни и смерти не находишь отвѣта на вопросы: для чего жилъ, кому былъ нуженъ, что сдѣлалъ? — когда видишь, что ты одинъ изъ тѣхъ, *иже погибоша яко не сущіи, и быша яко же не бывше.* Конечно, временная жизнь есть перепутье къ жизни вѣчной: но на этомъ перепутьи есть станціи, на которыхъ останавливается человѣкъ, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, и на иной изъ нихъ дѣлается какъ свой, какъ хозяинъ ея, и кладетъ на все окружающее его печать временнаго своего пребыванія. Даже скоропроходящій путникъ болѣе людной станціи, тихонько отъ всѣхъ, вписываетъ гдѣ нибудь въ углу не громкое имя свое, чтобы если не другихъ, то хотя себя потѣшить тѣмъ, что и онъ тамъ былъ, гдѣ были другіе, и безъ надписи напоминающіе о себѣ. Въ этомъ,

слишкомъ, повидимому, мелкомъ проявленіи невиннаго самолюбія проглядываетъ жажда должайшаго памятованія о себѣ, жажда безсмертія. И не осуждаетъ такой жажды само слово Божіе; оно даже заповѣдуетъ всякому заботиться о томъ, чтобы *память* его была *въ родъ и родъ*,—и блаженъ человѣкъ, который, среди будничныхъ заботъ, успѣлъ вознести имя свое и заслужить благодарное памятованіе потомства!

Вы, грустные почитатели покойнаго, ждете теперь примѣненія сказанныхъ мною словъ къ усопшему. Нѣтъ, я не сдѣлаю этого. Иначе, я сталъ бы повторять и, можетъ быть, нескладно истолковывать то, что въ сердцѣ каждаго изъ васъ начертано крупными и понятными всѣмъ буквами. Имя *Василія Николаевича Карпова* знакомо всѣмъ, не чуждымъ просвѣщенія. Вѣсть о его кончинѣ потрясетъ сердца многихъ и многихъ, и въ одинъ общій гулъ сольется воспоминаніе о Карповѣ: „вѣчная, вѣчная память ему!“

Да, вѣчная, потому что онъ упрочилъ ее за собою неизгладимыми буквами!

И мраморъ и металлъ со временемъ падутъ;
А доблести его въ рядъ съ вѣчностью пойдутъ!

Нѣтъ, нѣтъ лести во устахъ моихъ! Я зналъ его прежде всѣхъ васъ, господа! Я научился питать уваженіе къ нему еще тогда, когда онъ ходилъ въ нагольномъ тулупѣ и въ нанковомъ сюртукѣ воронежскаго семинариста.... Василій Николаевичъ! Слышишь ли ты меня!... Передъ сонмомъ почитателей твоихъ склоняю голову мою и говорю громко: ты заслужилъ вѣчную память, и не лишитъ тебя этой памяти ни всеуничтожающее время, ни обычное безпамятство потомства!

Отецъ сыну, дѣдъ внуку покажутъ на оставшіеся труды твои, и скажутъ: „это Карповъ писалъ, помолись за него!“

Прости, незабвенный землякъ, искреннему слову: я завидую тебѣ; ты умеръ, обозначивъ рѣзкою чертою свой слѣдъ на землѣ. Мы-то что, мы-то обозначимъ ли такъ честно и благотворно, какъ ты обозначилъ?....

Гдѣ-жъ ты теперь, другъ нашъ? Должно быть, тамъ, гдѣ истина зрится лицомъ къ лицу, а не зерцаломъ и не въ гаданіи. Оставайся же тамъ! Земное ты все свершилъ, какъ добрый и вѣрный рабъ Божій, не зарывшій таланта своего въ землю. Небесный Домохозяинъ воздастъ тебѣ по заслугамъ; а мы, еще труждающіеся здѣсь и обремененные подвигомъ жизни, сами себѣ и другъ другу, дѣтямъ и внукамъ нашимъ передадимъ вѣчную память о тебѣ. Вѣчная память!...

В. Аскоченскій.

Оно совершается въ краѣ, гдѣ латинскій элементъ занималъ доселѣ преобладающее положеніе. Такъ въ Литовской епархіи, обнимающей три губерніи, римско-католическое населеніе болѣе, нежели вдвое, многочисленнѣе православнаго, находившагося при томъ въ теченіи многихъ вѣковъ подъ чуждымъ гнетомъ. Но никакія препятствія и противодѣйствія не были въ силахъ помѣшать успѣхамъ дѣла, къ торжеству нашей Церкви и къ вящшему упроченію въ краѣ началъ русской жизни, знаменемъ которой всегда служила православная вѣра.

Причина ихъ.

Присоединенія въ большомъ числѣ начались почти непосредственно за подавленіемъ тамъ польскаго мятежа и по Всемилостивѣйшемъ дарованіи населеніямъ западныхъ губерній разныхъ гражданскихъ правъ. Предоставленіе ихъ, усиленіе въ краѣ чисто русскаго элемента и принятіе другихъ мѣръ, неминуемо повлекли за собою ослабленіе прежняго вліянія на народъ со стороны польщизны и ксендзовъ, довѣріе къ которымъ и безъ того уже сильно поколебалось вслѣдствіе преступнаго ихъ поведенія во время послѣдняго мятежа. Къ тому же значительное число присоединившихся были русскаго происхожденія, совращенные нѣкогда въ латинство изъ православія, или изъ уніи, а нынѣ добровольно оставившіе то, къ чему предки ихъ принуждены были силою. Такъ присоединенные къ православной Церкви 673 человѣка крестьянъ въ мѣстечкѣ Шумскѣ, Виленскаго уѣзда, всѣ русскіе, отцы и дѣды которыхъ совращены въ латинство доминиканами. То же должно сказать о новоприсоединенныхъ крестьянахъ въ Рудоминѣ и Рукойняхъ, Виленскаго уѣзда, и въ Крѣ-

въ, Ошмянскаго уѣзда. Князь Александръ Друцкой-Любецкій принадлежитъ къ потомкамъ того князя Павла Друцкого-Любецкаго, который еще въ 1617 г. былъ въ числѣ учредителей Луцкаго братства, основаннаго для отпора нападкамъ римско-католицизма и уніи. Благотворное также вліяніе имѣлъ переходъ въ Православіе самихъ ксендзовъ и въ особенности ксендза Подбрежскаго прихода Іоанна Стрѣлецкаго, принятаго въ число членовъ Литовской православной паствы съ оставленіемъ въ санѣ священства. Путемъ изученія духовной литературы дойдя до убѣжденія въ истинности восточной Церкви, Стрѣлецкій своими наставленіями и примѣромъ содѣйствовалъ обращенію въ Православіе болѣе 1500 прежнихъ своихъ прихожанъ. Въ новомъ званіи настоятеля православнаго прихода Стрѣлецкій высказалъ замѣчательное безкорыстіе. Онъ добровольно отказался отъ вознагражденія за требы и вся сумма получаемаго имъ нынѣ содержанія не превышаетъ 600 руб. въ годъ, тогда какъ прежде, въ бытность ксендзомъ онъ получалъ 400 руб. жалованья и до 1000 руб. дохода съ прихожанъ.

Дѣятельность православнаго духовенства и епархіальныхъ начальствъ.

Умноженіе православной паствы десятками тысячъ присоединившихся изъ латинства вызвало усиленную дѣятельность со стороны мѣстнаго духовенства и епархіальныхъ начальствъ. Они прилагали всѣ старанія поддержать пробудившееся въ народныхъ массахъ стремленіе къ Православію; на нихъ лежали труды благовѣстія слова истины и всѣ труды по присоединенію возвращавшихся изъ латинства, по утвержденію ихъ въ свя-

сиvольныхъ догматахъ вѣры. Скоро явилась потребность въ образованіи новыхъ православныхъ приходовъ и въ сооруженіи храмовъ. Потребность эта быстро удовлетворена. По одной Литовской епархіи въ последніе два года учреждено, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, 19 новыхъ приходовъ, на Высочайше ассигнованные 500,000 р. въ теченіи пяти лѣтъ, на средства, указанныя мѣстною администраціею и на способы, доставленные прихожанами работою, матеріалами и деньгами, построено 57 новыхъ церквей, въ томъ числѣ 40 каменныхъ, при полномъ содѣйствіи къ тому со стороны гражданскихъ властей, устроившихъ для этой цѣли губернскіе, уѣздные и мѣстные комитеты, въ которыхъ отъ духовенства были депутаты.

Въ самомъ центрѣ сѣверо-западнаго края, въ Вильнѣ, дѣятельно производилось востановленіе древнихъ памятниковъ русской святыни. Согласно Высочайше утвержденному представленію бывшаго главнаго начальника края графа Муравьева, обновлена уже древняя Николаевская приходская церковь; востановлена еще древнѣйшая ея церковь Пятницкая; великолѣпно обновляются соборы каѳедральный Николаевскій и митрополичій Пречистенскій. Такимъ образомъ древняя столица Литовскихъ князей съ своими десятью православными храмами, снова принимаетъ, послѣ вѣковыхъ невагодъ, видъ вполнѣ русскаго города.

Благочестивое сочувствіе православнаго народа къ дѣлу созиданія и обновленія сихъ храмовъ выразилось въ многочисленныхъ пожертвованіяхъ церковной утвари, иконъ и денегъ, а нѣкоторыя церкви удостоились получить приношенія отъ Государыни Императрицы и Особъ Августѣйшаго дома.

Освященіе новыхъ храмовъ дало епархіальнымъ начальствамъ прекрасный случай показать новоприсоединившимся во всемъ блескѣ православное богослуженіе. Это былъ цѣлый рядъ торжествъ, на которыя стекались тысячи народа всевозможныхъ исповѣданій: православныхъ, лютеранъ, евреевъ, магометанъ. Освященія совершались большею частію самими архіереями; всякій разъ они сопровождались приличнымъ случаю словомъ назиданія, причащеніемъ св. тайнъ множества присоединившихся; раздачею народу крестиковъ, иконъ, молитвенниковъ. Благолѣпіе священнодѣйствій, стройное, внятное и умилительное пѣніе и чтеніе производили глубокое и спасительное впечатлѣніе на молящихся. Были случаи, когда многіе десятки католиковъ, посѣтившихъ православное служеніе, тотчасъ послѣ него заявляли рѣшительное желаніе вступить въ нѣдра св. нашей Церкви. Гражданскія и военныя власти, вообще единодушно дѣйствовавшія съ епархіальными, подавали народу поучительный примѣръ благоговѣйнаго уваженія и преданности къ Церкви. Народъ постоянно имѣлъ утѣшеніе видѣть ихъ на торжествѣ освященія новыхъ приходскихъ храмовъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ. Они являлись сюда въ благочестивомъ желаніи принять участіе въ народной молитвѣ, выразить живое сочувствіе православно-народному дѣлу. Во время, напримѣръ, крестнаго хода бывшаго въ Вильнѣ вокругъ Николаевской церкви, въ день ея освященія, 8 ноября, запрестольный крестъ несенъ былъ впереди начальникомъ губерніи; хоругви, пожертвованныя отъ мировыхъ учрежденій,—мировыми посредниками и другими чинами высшей мѣстной администраціи. Подобныя отрадныя явленія, происходившія и во многихъ другихъ мѣстно-

стяхъ, именно поднимали значеніе Православія, которое еще такъ недавно шляхетско-іезуитскія козни пытались низвести въ глазахъ народа на степень хлопской вѣры.

Обнаружившееся повсемѣстно, на всемъ пространствѣ западнаго края, настроеніе латинствующихъ населеній къ принятію Православія, внушаетъ епархіальнымъ начальствамъ надежду, что присоединенные останутся твердыми въ преданности православной Церкви, что присоединенія продолжатся. Но вмѣстѣ съ тѣмъ епархіальныя начальства не скрываютъ и тѣхъ опасеній и трудностей, какія можетъ ожидать начавшееся движеніе въ будущемъ. Они вполнѣ сознаютъ невозможность обойтись въ подобномъ дѣлѣ безъ колебаній при сильномъ противодѣйствіи со стороны римско-католическихъ ксендзовъ, столь опасномъ при вѣковой привычкѣ народа къ латинскимъ обрядамъ и костеламъ.

Опасность для Православія съ этой стороны была всегда велика въ западныхъ губерніяхъ, особенно для православныхъ паствъ, кои образовались изъ уніатовъ, возсоединившихся въ 1839 году. Здѣсь сохранились доселѣ нѣкоторые латинскіе обычаи и порядки; въ самыхъ церквахъ видны слѣды прежняго вліянія латинства, или остатки уніи въ украшеніяхъ, не свойственныхъ православнымъ храмамъ, въ разныхъ изваяніяхъ и изображеніяхъ святыхъ на иконахъ въ латинскихъ одѣяніяхъ, въ священныхъ принадлежностяхъ богослуженія (монстранціи, подсвѣчники на престолахъ и т. п.); даже священники въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при совершеніи таинствъ и обрядовъ допускаютъ нѣкоторыя уклоненія отъ древняго чина православной Церкви, не касающіяся, впрочемъ, существенныхъ догматовъ вѣры и

коренныхъ законовъ, и не вредящихъ единству съ вселенскою Церковію. Но и эти уклоненія и отступленія мало по малу прекращаются. Начиная съ 1839 г. употребляются всѣ старанія къ сближенію западныхъ православныхъ паствъ съ общимъ типомъ нашей Церкви, къ введенію въ нихъ однообразія въ обрядовомъ отношеніи съ прочими русскими православными епархіями. Непрерывное разумное дѣйствованіе епархіальныхъ начальствъ западныхъ епархій въ этомъ направленіи было вполнѣ плодотворно. Такъ Литовская епархія, находившаяся при возсоединеніи почти въ олатиненномъ положеніи, по свидѣтельству митрополита Литовскаго Іосифа, совершенно преобразилась нынѣ въ церковномъ устройствѣ, богослуженіи, духовенствѣ и съ честію можетъ стоять въ ряду древне-православныхъ русскихъ епархій. При обозрѣніи преосвященнымъ Подольскимъ своей епархіи найдено, что давно укоренившійся тамъ обычай крестить чрезъ обливаніе нынѣ выводится изъ употребленія, св. таинство крещенія совершается чрезъ погруженіе; при церквахъ имѣются купѣли и въ большомъ количествѣ крестики для возложенія на крещаемыхъ. Въ епархіи Полоцкой хотя и держится еще при нѣкоторыхъ церквахъ обычай обливанія, но народъ православный глубоко уважаетъ погруженіе и считаетъ его преимуществомъ въ таинствѣ, что должно служить залогомъ успѣшности предпринимаемыхъ мѣръ къ уничтоженію въ паствѣ послѣднихъ остатковъ латинства.

Въ то же время въ западныхъ епархіяхъ продолжается постепенное развитіе чисто православныхъ учрежденій, которыя должны служить разсадниками вѣры, благочестія и русскихъ началъ въ тамошнемъ православномъ населеніи. Еще въ концѣ 1864 года въ сихъ, именно

видахъ былъ основанъ въ Вильнѣ женскій первоклассный Маріинскій монастырь, съ пріютомъ при немъ для воспитанія сиротъ духовенства и дочерей недостаточныхъ русскихъ чиновниковъ. Въ 1866 г. монастырь этотъ, по ходатайству бывшаго главнаго начальника сѣверо-западнаго края генералъ-адъютанта Кауфмана и согласно Высочайше утвержденному Вашимъ Величествомъ опредѣленію Святѣйшаго Синода, переименованъ въ общежительный съ цѣлію освобожденія инокинь отъ личныхъ заботъ о собственномъ содержаніи и предоставленія имъ полной возможности всецѣло посвятить себя на дѣло своего служенія. Игуменья и монахини для него вызваны изъ Москвы. Теперь онъ имѣетъ до 45 сестеръ и устроивается въ матеріальномъ отношеніи.

Пастырская дѣятельность епархіальныхъ начальствъ и приходскаго духовенства въ западномъ краѣ, во всѣхъ потребныхъ случаяхъ, всегда находила себѣ поддержку со стороны Святѣйшаго Синода. По его распоряженію и въ 1866 году, въ видахъ уничтоженія книгъ уніатскаго типа, безмездно отпускаемы были церковно-богослужебныя книги изданія синодальной типографіи для церквей епархій Подольской 965 экз., Минской 246 и Волынской 34. Сверхъ того снабжены книгами многія вновь устроенныя церкви въ Литовской, Минской и Могилевской епархіяхъ. Расходъ на этотъ предметъ составилъ сумму въ 20,691 р. 93 коп.

Присоединенія изъ раскола.

Пріобрѣтенія православной Церкви изъ раскола были весьма знаменательны и утѣшительны по осязательному проявленію въ нихъ благодатной силы Божіей надъ сердцами заблуждающихъ. Къ числу наиболѣе замѣча-

тельнымъ случаевъ въ этомъ родѣ слѣдуетъ отнести присоединеніе въ Архангельскѣ главнаго расколоучителя безпоповщинской секты филипповскаго толка, отставного матроса Артемія Ситкова, 90-лѣтняго старца. Въ продолженіе 50 лѣтъ не знавшій ни Церкви православной, ни ея таинствъ, онъ былъ привлеченъ въ православный храмъ, когда въ немъ, при первой вѣсти о чудесномъ спасеніи драгоцѣнной жизни Вашего Величества 4-го апрѣля, совершаемо было благодарственное Господу Богу молебствіе въ собраніи всего духовенства, необыкновеннаго множества гражданъ, мѣстныхъ чиновъ и иностранныхъ консуловъ. По окончаніи молебствія, принимая отъ архіерея благословеніе, Ситковъ обратилъ на себя вниманіе по необычайно старческому виду и, услышавъ отъ преосвященнаго слова: „молись за Царя", зарыдалъ какъ дитя. Вслѣдъ за тѣмъ, прибывъ къ преосвященному, заявилъ, что тронутый всенародною молитвою въ храмѣ, въ которой участвовали даже всѣ иновѣрцы, и обращенными къ нему словами архипастыря, онъ возненавидѣлъ филипповскій толкъ, запрещающій молиться за Царя, и обливаясь слезами, колѣнопреклоненный, горячо просилъ принять его въ нѣдра православной Церкви. По удовлетвореніи его желанія, Ситковъ расположилъ къ принятію Православія двухъ своихъ сотоварищей по расколу.

Заслуживаютъ также особеннаго вниманія продолжающіяся обращенія въ Православіе вліятельнѣйшихъ членовъ австрійской лжеіерархіи. Выраженное, при представленіи Вашему Величеству присоединившихся къ Церкви въ 1865 г. раскольническихъ лжепастырей, молитвенное желаніе, чтобы доброму примѣру ихъ послѣдовали другіе, принесло благословенные плоды. Въ

истекшемъ году, оставили заблужденія раскола лжеіеродіаконы Өеодосій и Геннадій и лжеархимандритъ Викентій. Кромѣ того изъявилъ намѣреніе присоединиться къ православной Церкви одинъ изъ трехъ заграничныхъ раскольничьихъ лжеархіереевъ Тульчинскій лжеепископъ Іустинъ. Всѣ эти лица пользовались въ кругу раскольниковъ большимъ уваженіемъ и вліяніемъ. Өеодосій извѣстенъ строгою иноческою жизнію, которой онъ посвятилъ себя съ 12-лѣтняго возраста, въ разныхъ раскольническихъ скитахъ. Викентій обладаетъ значительными способностями; довѣріе къ нему было такъ велико, что еще въ санѣ іеродіакона онъ представлялъ лице своего лжеепископа на Московскомъ раскольническомъ лжесоборѣ въ 1863 году; по возвращеніи изъ Москвы Константинъ произвелъ его въ лжеархимандриты по рекомендаціи лжеархіереевъ Московскаго лжесобора, и передалъ ему все епархіальное управленіе; оставаясь въ расколѣ Викентій дѣлалъ не мало вреда Православію совращеніемъ несвѣдущихъ. Оба, Өеодосій и Викентій, поколебленные въ правотѣ своихъ вѣрованій неустройствами и безпорядками въ средѣ раскола и ближайшимъ знакомствомъ съ духовными его вождями, окончательно расположились къ принятію Православія частію примѣромъ, частію личными собесѣдованіями съ единовѣрческимъ инокомъ Пафнутіемъ, присоединившимся изъ раскольническихъ лжеіерарховъ. Іустинъ, по имѣющимся достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, человѣкъ убѣжденія и по своимъ нравственнымъ качествамъ вполнѣ безукоризненный. По собственному его признанію, внимательнымъ чтеніемъ и изученіемъ священныхъ книгъ и церковной исторіи пришелъ онъ къ убѣжденію, что австрійская іерархія ложная, основана на грубости, невѣжествѣ,

фанатизмъ; что совершаемые имъ церковные обряды и требы, подъемлемые труды и священныя обязанности, все это ложь и обманъ, что Богъ его накажетъ, если онъ не послѣдуетъ за побужденіями души и совѣсти своей. Искренность и чистота его намѣреній выше всякаго сомнѣнія: онъ покидаетъ архіерейскій санъ, дѣлую епархію, приноситъ въ жертву свое независимое положеніе, полную свободу дѣйствій, хорошо зная, что впереди не ожидаетъ его ничего, кромѣ скромной кельи инока въ какой-либо православной обители.

Не ограничиваясь описанными выше случаями, возвращеніе заблуждающихъ на путь истины производилось мѣрами пастырскихъ вразумленій и увѣщаній. Этотъ трудъ несли на себѣ какъ приходскіе священники, такъ и особые миссіонеры, учрежденные въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, болѣе зараженныхъ расколомъ, напримѣръ, Олонецкой (4 миссіонера), Пермской (8) и другихъ. Для изобличенія неправды раскольническихъ лжеученій были употребляемы преимущественно святоотеческія сочиненія и книги, уважаемыя самими сектантами. Такимъ образомъ возсоединено съ Церковію до 2.209 раскольниковъ. Сравнительно большее число ихъ обращено въ епархіяхъ Пермской (394) и Оренбургской (489). Были и другіе добрые плоды пастырскаго дѣйствованія. Многіе изъ православныхъ, слабые въ вѣрѣ, удержаны отъ отпаденій; многіе раскольники, хотя коснѣютъ еще въ своихъ заблужденіяхъ, но видимо обнаруживаютъ болѣе расположенія къ православной Церкви, болѣе наклонности къ сближенію съ ея пастырями. Извѣстны примѣры, что отцы семействъ, оставаясь сами въ расколѣ, заставляютъ православныхъ членовъ своей семьи неопустительно ходить въ церков-

нымъ службамъ, исполнять долгъ исповѣди и св. причастія въ положенные Церковію посты; сами приглашаютъ въ свои домы православнаго священника для христіанскаго напутствованія дѣтей ихъ въ случаяхъ болѣзни, или для собесѣдованій о предметахъ вѣры; въ Московской епархіи замѣчено, что при архіерейскихъ служеніяхъ въ единовѣрческихъ церквахъ, раскольники входятъ въ церковь, чинно стоятъ и даже нѣкоторые принимаютъ архіерейское благословеніе.

При такомъ настроеніи раскольниковъ, сооруженіе единовѣрческихъ церквей, образованіе единовѣрческихъ приходовъ, учрежденіе единовѣрческаго монастыря въ мужскомъ отдѣленіи Преображенскаго богадѣленнаго дома не остается безъ вліянія на болѣе мирныхъ и благомыслящихъ изъ нихъ. Московская единовѣрческая обитель, устроенная пожертвованіями Московскихъ единовѣрцевъ, въ особенности купца Аласина, открыта и освящена 16 Мая преосвященнымъ Леонидомъ, викаріемъ Московскимъ, въ сослуженіи единовѣрческаго духовенства, при многочисленномъ стеченіи народа, и въ присутствіи начальственныхъ лицъ столицы. Для настоятельства и духовнаго благоустроенія ея вызванъ архимандритъ Керженскаго благовѣщенскаго монастыря старецъ Тарасій. Въ новооткрытомъ монастырѣ помѣщены иноки, принявшіе въ 1865 году единовѣріе, изъ членовъ австрійской лжеіерархіи, исключая инока Пафнутія, оставленнаго въ Чудовѣ монастырѣ, какъ мѣстѣ болѣе удобномъ для собесѣдованія съ раскольниками. Церковь возлагаетъ надежды, что подвижники новой обители съ пользою послужатъ дѣлу духовнаго просвѣщенія бывшихъ своихъ собратій по расколу.

Успѣхамъ Православія не мало способствуютъ со-

временныя неустройства въ нѣдрахъ самаго раскола, носящія на себѣ печать внутренняго его разложенія. Дробленіе раскола на безчисленное множество противорѣчащихъ взаимно сектъ, толковъ и согласій, это неизбѣжное послѣдствіе непризнанія апостольскаго авторитета православной Церкви, единой вѣрной хранительницы божественнаго откровенія, далеко не прекратилось. Появились двѣ новыя секты, изумляющія крайнею нелѣпостію и произвольностію своихъ ученій. Въ Саратовской епархіи открыта секта числениковъ, отрасль безпоповщинской, приверженцы которой, основываясь на книгѣ полученной будто бы съ неба, стали праздновать воскресенье въ среду. Въ главнѣйшемъ средоточіи раскола, Бѣлой Криницѣ, лжемитрополитъ Кириллъ впалъ въ ересь, ученіемъ которой отрицается и разрушается его собственное іерархическое положеніе между раскольниками. По ученію новой ереси, въ великороссійской Церкви царствуетъ антихристъ; отъ него раскольники принимали священниковъ, которые ихъ крестили и напутствовали въ будущую жизнь. Этотъ антихристъ зачатъ наитіемъ Св. Духа словомъ архангела Гавріила, подъ именемъ „Іисуса", родился спустя 8 лѣтъ послѣ Р. Х. и распятъ на крестѣ. Ересь главы раскольниковъ заграничныхъ и значительной части находящихся въ предѣлахъ Россійскихъ Имперіи не могла не произвести потрясающаго впечатлѣнія. Чтобъ уничтожить произведенный соблазнъ, они составляли заграницею нѣсколько соборовъ изъ своихъ лжеіерарховъ. Но эти соборы ничего не достигли и будутъ памятны лишь по происходившимъ на нихъ безпорядкамъ и необузданному проявленію самыхъ дикихъ страстей и глубокаго антагонизма между представителями авст-

рійскаго лжесвященства. Дѣло кончилось тѣмъ, что изобличенный въ ереси Кириллъ запрещенъ подчиненными ему лжеепископами въ священнослуженіи и въ свою очередь самъ наложилъ на духовныхъ судей своихъ запрещеніе. Тѣ же безпорядки, тотъ же духъ непримиримой вражды, постоянныхъ раздоровъ и раздѣленій господствуютъ и между другими расколоучителями разныхъ сектъ, кои находятъ себѣ приверженцевъ внутри нашего отечества.

Значеніе подобныхъ явленій виднѣ понятно для людей, доступныхъ внушеніямъ истины и совѣсти, и они мало по малу уходятъ изъ раскола. Тѣмъ не менѣе опасность отъ раскола во многихъ мѣстностяхъ Имперіи еще велика. Въ большинствѣ простонародья расколъ держится крайнею необразованностью и неразвитостью своихъ послѣдователей, примѣромъ отцовъ и дѣдовъ, неумѣньемъ отличить догмата отъ обряда, слѣпымъ довѣріемъ къ лжеучителямъ. По симъ причинамъ и православные простолюдины часто дѣлаются жертвою обмана и обольщеній раскольническихъ наставниковъ. Съ другой стороны, богатые и сильные вліяніемъ на прочихъ раскольники, изъ за личныхъ своекорыстныхъ расчетовъ, стараются держать въ своихъ рукахъ простонародье и давать ему свое направленіе. Искусные изъ руководителей раскола поддерживаютъ связи съ столичными раскольниками; получаютъ отъ нихъ деньги, книги, свѣдѣнія о состояніи раскольническаго общества въ разныхъ центрахъ и концахъ Россіи, фотографическіе портреты раскольническихъ наставниковъ, картины въ раскольническомъ вкусѣ и увѣреніе въ свободѣ, будто бы дарованной правительствомъ, всякому по желанію обращаться въ расколъ. Эта увѣренность

много поддерживается не возбраннымъ размноженіемъ въ послѣдніе годы австрійской лжеіерархіи. Въ Москвѣ извѣстно, въ какихъ домахъ служатъ лжеархіереи; въ Гуслицкой окрестности считаютъ до 18 лжесвященниковъ, которые собираются для разсужденій о дѣлахъ своей секты; лжесоборы раскольническіе видимы въ печати.

Новыя мѣры противъ раскола.

Современное состояніе раскола указало духовному правительству на необходимость принять нѣсколько новыхъ мѣръ въ видахъ его ослабленія. Еще въ концѣ 1865 года, съ Высочайшаго соизволенія Вашего Величества, внесено было въ Святѣйшій Синодъ предположеніе мое объ учрежденіи викаріатствъ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ содержаніе викарныхъ архіереевъ можетъ быть обезпечено предоставленіемъ въ ихъ распоряженіе достаточныхъ монастырей, съ цѣлію дать имъ возможность обратить на расколъ усиленное вниманіе. Святѣйшій Синодъ, принявъ въ расужденіе настоящее развитіе порядка духовнаго управленія, требующаго лично отъ епархіальныхъ архіереевъ разрѣшенія или утвержденія по многоразличнымъ вопросамъ управленія и суда, и усиливающуюся въ послѣднее время дѣятельность расколоучителей, призналъ съ своей стороны весьма полезнымъ, въ помощь епархіальнымъ архіереямъ, учредить викаріатства во всѣхъ епархіяхъ, съ тѣмъ, чтобы предварительно утвержденія столь важной мѣры, были истребованы мнѣнія мѣстныхъ преосвященныхъ, и соображенія ихъ о тѣхъ способахъ, какіе ихъ епархіи могутъ доставить для содержанія вика-

ріевъ, не обременяя государственнаго казначейства новымъ расходомъ.

На сихъ основаніяхъ, удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія, учреждено въ отчетномъ году шесть викаріатствъ: въ Нижнемъ Новгородѣ, Костромѣ, Харьковѣ, Воронежѣ, Подольскѣ и Твери, съ наименованіемъ викарнаго преосвященнаго Нижегородскаго Балахнинскимъ, Костромскаго Кинешемскимъ, Харьковскаго Сумскимъ, Воронежскаго Острогожскимъ, Подольскаго Балтскимъ и Тверскаго Старицкимъ. Мѣстопребываніе викарнымъ архіереямъ положено имѣть: первому—въ Нижегородскомъ Печерскомъ первоклассномъ монастырѣ, который предоставленъ въ его управленіе; Костромскому—въ Ипатьевскомъ каѳедральномъ монастырѣ, съ предоставленіемъ въ управленіе Песоченскаго Игрицкаго монастыря; Сумскому—въ Харьковскомъ Покровскомъ моныстырѣ, съ передачею въ его завѣдываніе Старохарковскаго Куряжскаго монастыря; Острогожскому—въ Воронежскомъ Алексіевскомъ монастырѣ, предоставляемомъ въ его управленіе; Балтскому—въ Каменецъ-Подольскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, съ предоставленіемъ въ его управленіе; Старицкому—въ Тверскомъ Желтиковѣ монастырѣ, съ порученіемъ его въ управленіе викарія.

На усиленіе содержанія Нижегородскаго викарія, сверхъ настоятельскихъ жалованья и части братскихъ доходовъ Печерскаго монастыря, обращены 500 руб. въ годъ, производившіеся Нижегородскому епархіальному преосвященному, по Высочайше утвержденному въ 11-й день Августа 1861 года опредѣленію Святѣйшаго Синода, изъ процентовъ съ капитала на улучшеніе содержанія епархіальныхъ архіереевъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го Декабря 1865 года, сдѣлано было сношеніе съ министромъ государственныхъ имуществъ объ изысканіи способовъ къ матеріальному обезпеченію духовенства епархій Тамбовской, Рязанской, Нижегородской и Костромской, въ особо зараженныхъ расколомъ приходахъ, въ видахъ устраненія всякой зависимости причтовъ въ содержаніи отъ приходовъ. По полученному отзыву генералъ-адъютанта Зеленаго, для достиженія изъясненной цѣли не предвидится препятствія къ увеличенію нормальнаго надѣла причтовъ въ приходахъ раскольническихъ изъ прилегающихъ къ нимъ казенныхъ оброчныхъ статей, какъ скоро заявлено будетъ объ этомъ отъ духовенства, и контрактныя условія содержателей сихъ статей не представятъ затрудненій. Отзывъ министра переданъ на дальнѣйшее соображеніе подлежащихъ преосвященныхъ.

Учрежденіе миссіонерствъ въ Самарской епархіи.

Приволжскія области Россіи, заселенныя, кромѣ христіанъ православнаго исповѣданія, многочисленными инородцами нехристіанами, а также иновѣрцами и раскольниками, представляли обширное поле для миссіонерскаго дѣйствованія. Разноплеменность населенія этого обширнаго края, разнообразіе мѣстныхъ условій, вызывали и со стороны духовныхъ властей разнообразныя мѣры пастырской попечительности о насажденіи и распространеніи здѣсь свѣта вѣры Христовой.

Въ Самарской епархіи, въ полутора милліонномъ населеніи которой насчитывается до 180 т. магометанъ, $4^1/_2$ т. язычниковъ изъ чувашъ и вотяковъ и большое число раскольниковъ, въ Октябрѣ 1866 года разрѣше-

но Святѣйшимъ Синодомъ, согласно съ представленіемъ преосвященнаго Герасима, учредить пять миссіонерскихъ становъ, одинъ между язычниками, два вблизи населенія магометанскаго и два для обращенія раскольниковъ. Миссіонеры имѣются уже въ виду епархіальнаго начальства и признаются имъ совершенно благонадежными и достаточно приготовленными для предназначаемаго имъ поприща. Содержаніе ихъ обезпечивается назначеннымъ отъ Святѣйшаго Синода пособіемъ на первое время по 500 руб. въ годъ изъ суммы, Всемилостивѣйше пожалованной изъ капитула орденовъ на распространеніе христіанства между язычниками Имперіи, и обращеніемъ на этотъ предметъ кружечныхъ по Самарской епархіи сборовъ на распространеніе въ Имперіи христіанства.

Предположеніе о мѣрахъ къ обращенію калмыковъ въ христіанство.

Въ Астраханской епархіи вниманіе духовнаго правительства озабочивалось съ давняго времени существованіемъ тамъ, вблизи одного изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ Имперіи, откуда должно распространяться просвѣщеніе на весь Востокъ, самаго грубаго язычества. Кочующіе въ ея степяхъ калмыки до сихъ поръ держатся жалкаго ламайскаго суевѣрія. Просвѣщеніе едва ихъ коснулось; сколько нибудь значительные случаи обращенія ихъ въ христіанство были очень рѣдки. Въ усердіи православныхъ пастырей никогда не было недостатка. Но для полнаго успѣха имъ не доставало общихъ руководительныхъ правилъ строго соображенныхъ съ условіями и особенностями быта калмыковъ. Потребность въ составленіи правилъ сознана еще въ

сороковыхъ годахъ при разработкѣ нынѣ дѣйствующаго положенія объ управленіи калмыцкимъ народомъ. Но исполненіе этого предположенія было отложено впредь до окончательнаго утвержденія мѣръ къ введенію у калмыковъ, на основаніи сказаннаго положенія, новаго административнаго и хозяйственнаго устройства. Настоящее время болѣе удобно для осуществленія этой важной мѣры. Въ Астраханской епархіи есть уже и готовые дѣятели для проповѣди; это пять православныхъ священниковъ, вполнѣ знакомыхъ съ языкомъ бытомъ и религіей калмыковъ; изъ нихъ трое сами природные калмыки, окончившіе курсъ въ мѣстной духовной семинаріи. Посему во всеподданнѣйшемъ отчетѣ моемъ по обозрѣнію въ 1866 году учебныхъ заведеній Московскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ, я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать Вашему Императорскому Величеству, что по моему мнѣнію крайне необходимо приступить немедля къ открытію въ Астраханской губерніи миссіонерскихъ дѣйствій для обращенія въ христіанство калмыковъ, начавъ исполненіе этой мысли предоставленіемъ Астраханскому архіепископу, совокупно съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ, составить подробный планъ мѣропріятій, который разсмотрѣть въ послѣдствіи въ особомъ комитетѣ.

По удостоеніи сего предположенія Всемилостивѣйшаго вниманія Вашего Императорскаго Величества, сдѣланы всѣ нужныя распоряженія къ дальнѣйшему направленію этого дѣла.

Мѣры къ утвержденію въ Православіи крещенныхъ татаръ.

Необходимость миссіонерскаго дѣйствованія еще съ большею настойчивостію вызывается настоящимъ рели-

гіознымъ состояніемъ татаръ Казанской и соединенныхъ епархій. По одной Казанской губерніи всѣхъ татаръ считается свыше 446 т. Въ томъ числѣ просвѣщенныхъ св. крещеніемъ 44 т. Изъ нихъ одни, старокрещенные, приняли православную вѣру въ XVI и XVII вѣкахъ, а другіе новокрещенные въ позднѣйшее время; первыхъ до 28 т., а послѣднихъ 16 т. Всѣ остальные—поклонники магомета, обращеніе которыхъ въ христіанство есть дѣло будущаго. Но и положеніе крещенныхъ татаръ представляетъ весьма печальное зрѣлище. Съ 1865 года въ ихъ средѣ обнаружились попытки уклоненія въ магометанство. Въ короткое время движеніе это распространилось по многимъ мѣстностямъ уѣздовъ Чистопольскаго, Тетюшскаго, Свіяжскаго, Чебоксарскаго, Цивильскаго и Лаишевскаго и даже перешло въ сосѣднія съ Казанскою губерніи. Увлеченные нѣсколькими вожаками-фанатиками, отступники прервали всякія духовныя связи съ православными священниками и вошли со всеподданнѣйшими просьбами къ Вашему Величеству о дозволеніи имъ исповѣдывать магометанство.

Причины отпаденій.

Прискорбный фактъ отпаденій лучше всего объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ уклоняющіеся отъ Православія, подававшіе прошенія, за исключеніемъ двухъ деревень, принадлежатъ къ новокрещеннымъ татарамъ и живутъ въ мѣстностяхъ, съ преобладающимъ мусульманскимъ населеніемъ, чаще въ однихъ деревняхъ съ магометанами и притомъ въ самомъ незначительномъ меньшинствѣ. Племенное родство съ мусульманами, единство языка, постоянныя сношенія съ некрещенными

по житейскимъ надобностямъ, не рѣдко материальная отъ нихъ зависимость, сильно отражались на всемъ складѣ жизни новокрещенныхъ; весь домашній бытъ ихъ и даже костюмъ часто татарскіе; они также брѣютъ голову, носятъ тюбетейки, этотъ символъ магометанства. Разбросанность православныхъ приходовъ, отдаленность крещено-татарскихъ деревень отъ приходскихъ церквей на 12, 15 и даже на 20 верстъ, затрудняли для приходскихъ священниковъ исполненіе долга неусыпной бдительности за нравственнымъ состояніемъ своихъ духовныхъ чадъ, сохраненіе ихъ твердыми въ чувствахъ преданности православной вѣрѣ и церкви. Сношенія съ ними священниковъ ограничивались по большей части случаями совершенія христіанскихъ требъ. Для православно-религіознаго просвѣщенія новокрещенныхъ татаръ, для распространенія между ними православно-русскихъ понятій до сихъ поръ недоставало многаго; не было распространено въ достаточномъ количествѣ православныхъ книгъ; по отсутствію школъ для новокрещенныхъ, грамотность была между ними на самой низшей степени развитія; большинство ихъ почти вовсе не знаетъ даже русскаго языка. Опасность совращеній для нихъ была всегда велика, тѣмъ болѣе, что въ каждой татарской деревнѣ, если въ ней не менѣе 200 мусульманъ, есть особый мулла, мечеть, школа; въ большихъ деревняхъ по двѣ школы и болѣе. Подъ вліяніемъ этихъ неблагопріятствующихъ условій, при духѣ пропаганды, весьма сильно развитомъ не только въ муллахъ, но и въ каждомъ послѣдователѣ ислама, между новокрещенными издавна были христіане ненадежные, тайно приверженные къ магометанству; это подтверждается и попытками отпаденій въ магометан-

ство, бывшими въ 1827 и даже ранѣе, въ 1803 году, вслѣдствіе распространившихся тогда слуховъ о дарованномъ будто бы правительствомъ дозволеніи свободно переходить въ магометанство. Тѣ же ложные слухи были распространяемы и предъ временемъ послѣдняго отступничества татаръ усиліями нѣкоторыхъ зачинщиковъ изъ среды ихъ же самихъ, которые разъѣзжали для этой цѣли по деревнямъ и базарамъ и увлекали простодушныхъ и легковѣрныхъ.

Первыя мѣры противъ отступническаго движенія.

Самою надежною мѣрою къ подавленію отступническаго движенія является распространеніе между крещенными татарами христіанскаго просвѣщенія и здравыхъ нравственно-религіозныхъ понятій. Соотвѣтственно сему, въ бытность мою лѣтомъ 1866 г. въ Казанской и другихъ приволжскихъ губерніяхъ, я вошелъ въ непосредственныя сношенія какъ съ духовными, такъ и съ свѣтскими лицами, которые могутъ имѣть вліяніе на просвѣщеніе татаръ, ознакомился на мѣстѣ съ тѣми средствами и личностями, коими могутъ располагать въ настоящее время въ этомъ дѣлѣ какъ Церковь, такъ и правительство, и далъ надлежащія указанія. Святѣйшій Синодъ, съ своей стороны, обратилъ вниманіе епархіальныхъ начальствъ на необходимость, при настоящихъ обстоятельствахъ ихъ епархій, назначать въ татарскіе приходы пастырей вполнѣ благонадежныхъ и способныхъ.

Всѣ эти распоряженія, въ совокупности, не остались безъ благотворнаго дѣйствія. Значительное число татаръ разныхъ деревень Казанской и Симбирской губерній сознали свое преступное намѣреніе и изъявили желаніе возвратиться въ Православіе, а по послѣднимъ свѣдѣ-

ніямъ, полученнымъ отъ Казанскаго преосвященнаго, во ввѣренной ему епархіи случаи отпаденія отъ христіанства съ нѣкотораго времени совершенно прекратились.

Школа Ильминскаго и Тимоѳеева.

Между тѣмъ трудами нѣсколькихъ частныхъ лицъ, горячо къ сердцу принимающихъ дѣло Православія, положено уже прочное начало религіозно-нравственному образованію татаръ. Съ 1864 года учреждена въ Казани, съ разрѣшенія управлявшаго учебнымъ округомъ, спеціальная школа для начальнаго обученія татарскихъ дѣтей, преподавателемъ Казанскаго университета Ильминскимъ и крещеннымъ татариномъ Василіемъ Тимоѳеевымъ, происходящимъ изъ крестьянъ Казанской губерніи, впослѣдствіи перечисленнымъ въ духовное званіе и состоящимъ въ качествѣ практиканта татарскаго языка при Казанской духовной академіи. Дѣло воспитанія ведется въ ней самимъ Тимоѳеевымъ, отличающимся замѣчательными педагогическими способностями и строгимъ православно-нравственнымъ направленіемъ. Предметами обученія здѣсь: чтеніе по татарски и по русски, письмо, православный катихизисъ, разсказы изъ священной и русской исторій, ариѳметика, объясненія важнѣйшихъ священнодѣйствій Церкви, изученіе общеупотребительныхъ церковныхъ молитвъ и пѣніе. Сперва дѣти учатся татарской грамотѣ по изданнымъ на народномъ татарскомъ языкѣ книгамъ Ильминскаго, который для этой цѣли перевелъ на простонародный татарскій языкъ нѣсколько русскихъ книгъ, въ томъ числѣ русскій букварь съ катихизисомъ, книгу бытія, премудрости Іисуса сына Сираха, евангелія, многія церков-

ныя пѣснопѣнія и молитвы. Своимъ религіознымъ и нравственно-назидательнымъ направленіемъ, толковымъ и скорымъ образованіемъ школа видимо привлекаетъ къ себѣ сочувствіе старокрещенныхъ татаръ и они съ радостію спѣшать отдавать въ нее своихъ дѣтей. Въ первый годъ своего существованія школа имѣла всего 3 воспитанника, отцы которыхъ были лично знакомы Тимоѳееву; въ 1865 году число ихъ возрасло до 20, а въ 1866 ихъ было уже 42. Теперь школа имѣетъ уже нѣсколько отраслей. Подъ вліяніемъ и направленіемъ ея открыты въ 1865 году въ деревнѣ Арняшъ, Мамадышскаго уѣзда, школа для мальчиковъ, въ которой теперь обучается уже 45 крещенныхъ татарскихъ мальчиковъ и въ деревнѣ Никифоровой, родинѣ Тимоѳеева, школа для дѣвочекъ, гдѣ нынѣ 16 дѣвочекъ и 10 мальчиковъ, обучаемыхъ одною изъ бывшихъ воспитанницъ Казанской школы. Такимъ образомъ образуется крѣпкое ядро ревнителей Православія и Казанская школа постепенно пріобрѣтаетъ значеніе центральнаго и руководительнаго учрежденія, посредствомъ котораго удобно будетъ возможно-шире раскинуть сѣть учебной миссіонерско-образовательной дѣятельности.

Пособіе школѣ отъ Святѣйшаго Синода.

Святѣйшій Синодъ, принявъ во вниманіе, что Казанская школа можетъ послужить самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ утвержденію крещенныхъ татаръ въ Православіи и внутреннему сближенію ихъ съ русскимъ народомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ дальнѣйшему распространенію христіанства между некрещенными ихъ единоплеменниками, разрѣшилъ, для поддержанія столь полезнаго учрежденія въ самомъ его началѣ и для обезпече-

нія, его дальнѣйшаго развитія, отпустить школѣ въ единовременное пособіе 1000 руб. изъ капитала, собираемаго на распространеніе Православія между язычниками Имперіи. Благовременная помощь дала учредителямъ возможность приступить къ усиленному изданію книгъ, на народномъ татарскомъ языкѣ и къ умноженію мѣстныхъ школъ; предположено открыть новыя школы въ шести пунктахъ Казанской губерніи.

Назначеніе новаго архипастыря.

Дальнѣйшихъ пастырскихъ мѣръ къ возвышенію религіозно-нравственнаго состоянія Казанской паствы и къ радикальному уврачеванію обнаружившагося въ ней зла и неустройствъ, Святѣйшій Синодъ съ довѣріемъ ожидаетъ отъ просвѣщенной попечительности преосвященнаго Антонія, призваннаго къ служенію на Казанской каѳедрѣ въ концѣ 1866 года.

Религіозное движеніе между черемисами Казанской епархіи.

Свѣтлую сторону въ жизни Казанской паствы представляетъ религіозное движеніе, начавшееся между горными черемисами. Принятіе ими христіанства послѣдовало во второй половинѣ прошедшаго столѣтія. Но нужны были многіе годы для того, чтобы совершенно изгладились у нихъ слѣды язычества. Рядомъ съ христіанскими понятіями удержались здѣсь остатки прежней религіи въ древнихъ языческихъ обрядахъ, жертвенныхъ возліяніяхъ и приношеніяхъ; уцѣлѣла вѣра въ чародѣевъ, ворожейниковъ, сны, встрѣчи, примѣты. Въ этой-то темной, полухристіанской средѣ съ давняго времени совершается нравственный переворотъ, подготовленный многолѣтнею, разумною дѣятельностію мѣстныхъ

пастырей. Въ молодомъ поколѣніи черемисъ пробудилось съ необычайною силою стремленіе къ православно-христіанскому просвѣщенію. Не одни дѣти, но и взрослые, 25-30 лѣтъ, принялись за ученіе. Предметы ученія—чтеніе преимущественно молитвъ, письмо и пѣніе. Въ короткое время множество черемисъ стали грамотными и пристрастились къ чтенію. Для чтенія обыкновенно избираются ими книги религіозно-нравственнаго содержанія, Св. писаніе, четьи-минеи, духовные журналы и т. п. Болѣе ревностные изъ черемисъ добровольно и съ энергіей посвятили себя на трудъ учить другихъ грамотѣ и при ея посредствѣ проводить въ жизнь народа истины вѣры и правила жизни христіанской. Духъ благочестія въ народѣ возбужденъ въ высшей степени. Все молодое поколѣніе рѣзко отличается отъ стараго воздержною жизнію, набожностью и привязанностію къ св. храмамъ, самыми усердными заботами о развитіи церковнаго благолѣпія, строгимъ соблюденіемъ уставовъ Церкви; христіанскій долгъ исповѣди и св. причастія выполняется черемисами съ рѣдкимъ усердіемъ; они говѣютъ не только въ великій постъ, но и въ другіе, напр., въ успенскій, не смотря на трудную рабочую пору, и притомъ иногда цѣлыми деревнями. Прежнія языческія суевѣрія, обряды и обычаи теперь находятъ себѣ приверженцевъ только въ рядахъ людей неграмотныхъ и вообще въ старшемъ поколѣніи сихъ инородцевъ. Для твердаго противодѣйствія этой, все еще довольно многочисленной партіи, для окончательнаго искорененія остатковъ язычества въ странѣ, необходимо основаніе одного общаго, православно-просвѣтительнаго центра, который бы давалъ направленіе и поддержку новому противоязыческому направленію и имѣлъ

бы своею ближайшею задачею развитіе въ краѣ образованія народнаго въ православно-русскомъ духѣ. Сами черемисы первые сознали эту потребность и ходатайствуютъ о дозволеніи имъ учредить мужескій монастырь со школою на средства, изысканныя ихъ благочестивымъ усердіемъ. Ходатайство сіе получило движеніе въ установленномъ порядкѣ.

Миссіи Иркутско-Забайкальская и Алтайская.

Насажденіе вѣры Христовой въ средѣ разноплеменныхъ иновѣрцевъ, обитающихъ въ предѣлахъ Сибири, совершалось преимущественно трудами миссій Алтайской и Иркутско-Забайкальской. Благодаря возрастающему съ каждымъ годомъ общественному сочувствію къ дѣлу проповѣди евангелія, миссіонерская дѣятельность постепенно пріобрѣтаетъ большее развитіе.

По учрежденіи въ 1861 году особаго викаріатства за Байкаломъ съ цѣлію успѣшнѣйшаго распространенія христіанства, Забайкальская миссія состояла изъ начальника ея преосвященнаго Веніамина и четырехъ штатныхъ миссіонеровъ. Въ теченіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ число это увеличилось болѣе чѣмъ втрое, такъ что въ 1866 году въ Забайкальской миссіи было 18 миссіонерскихъ становъ, 14 миссіонеровъ, въ томъ числѣ 8 іеромонаховъ и 6 священниковъ. Кромѣ того въ Иркутскомъ отдѣленіи миссіи, по сю сторону Байкала, трудилось 5 миссіонеровъ священниковъ. Въ 1866 году назначенъ Святѣйшимъ Синодомъ особый начальникъ Иркутскаго отдѣленія миссіи архимандритъ Евгеній, бывшій ректоръ Казанской семинаріи, который самъ изъявилъ желаніе потрудиться на миссіонерскомъ поприщѣ.

Алтайскую миссію составляютъ начальникъ ея архимандритъ Владиміръ, бывшій инспекторъ С.-петербургской духовной академіи, помощникъ его протоіерей Ландышевъ, 4 священника, 4 іеромонаха, 1 іеродіаконъ и 1 діаконъ.

Тѣмъ не менѣе наличное количество миссіонеровъ далеко не соотвѣтствуетъ потребности. Въ предѣлахъ дѣйствованія Иркутско-Забайкальской миссіи обитаютъ болѣе 200 т. инородцевъ изъ бурятъ, тунгусовъ и карагазовъ, на протяженіи 3 т. верстъ, отъ Иркутской губерніи до Амурской области вдоль границъ Китайской имперіи. Среднимъ числомъ на каждаго миссіонера приходится до 10 т. душъ некрещенныхъ язычниковъ. При томъ, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, цифра инородцевъ неравномѣрно распредѣлена между миссіонерами; такъ напримѣръ въ Иркутскомъ отдѣлѣ миссіи священникъ Родіоновъ одинъ несетъ на себѣ труды благовѣстія въ пяти инородческихъ вѣдомствахъ, Кудинскомъ, Капсальскомъ, Верхоленскомъ, Ленскомъ и Ольхонскомъ, заключающихъ въ себѣ свыше 50 т. душъ.

Недостатокъ въ миссіонерахъ, при огромномъ числѣ язычниковъ, при обширности пространствъ, на которыхъ раскинуты инородческія кочевья, составляетъ главное препятствіе успѣхамъ миссіонеровъ. Еще большія затрудненія принятію христіанства инородцами противопоставляются со стороны самихъ язычниковъ, которые, коснѣя сами въ язычествѣ, стараются и другихъ своихъ соплеменниковъ удерживать отъ крещенія, а противъ крещенныхъ обнаруживаютъ открытое противодѣйствіе, что послужило поводомъ дать христіанамъ, для огражденія ихъ безопасности, право избирать изъ своей среды засѣдателя въ степную думу. Ламайское ду-

ковейство, изъ-за своекорыстныхъ расчетовъ, также употребляютъ всѣ усилія держать народъ въ невѣжествѣ и кочевой жизни. Разъѣзжая въ огромномъ числѣ по улусамъ, ламы отклоняютъ бурятъ отъ принятія христіанства хитрыми внушеніями, угрожаютъ желающимъ креститься рекрутскими наборами, отъ которыхъ инородцы освобождены по закону, земскими повинностями, кои ограничены у инородцевъ мѣстными потребностями, принужденіемъ къ хлѣбопашеству, разными непомѣрными сборами на мѣстное управленіе христіанскихъ обществъ и т. п. Самую недостаточность христіанскихъ миссіонеровъ, въ противоположность многочисленности и полной своей обезпеченности, ламы выставляютъ какъ доказательство несочувствія правительства къ дѣлу миссіонеровъ. Къ этому присоединяется изувѣрная и сильная денежными средствами среднеазіатская пропаганда. Выходцы изъ Монголіи, хубилганы, распускаютъ въ народѣ нелѣпые слухи о насиліяхъ и тяжкихъ послѣдствіяхъ крещенія, распространяютъ въ тысячахъ экземпляровъ разныя посланія и грамоты, упавшія будто бы съ неба въ назиданіе грѣшному міру, а въ этихъ посланіяхъ предсказываютъ страшныя бѣдствія всѣмъ тѣмъ, кои рѣшились бы измѣнить ламайской вѣрѣ.

Дѣйствія Иркутско-Забайкальской миссіи.

Не смотря однакожъ на всѣ препятствія, дѣйствія Иркутско-Забайкальской миссіи сопровождались значительнымъ успѣхомъ. Въ продолженіе 1866 года восприняли св. крещеніе 1,057 язычниковъ шаманскаго и ламайскаго суевѣрія. Члены миссіи въ тоже время занимались обученіемъ инородческихъ дѣтей грамотѣ въ училищахъ, заведенныхъ при нѣкоторыхъ миссіонерскихъ

станахъ и миссіонерскомъ посольскомъ монастырѣ. За немногими исключеніями, обучавшіяся дѣти содержались на средства самой миссіи.

Дѣйствія Алтайской миссіи.

Трудами Алтайскихъ миссіонеровъ обращено къ вѣрѣ Христовой въ теченіе 1866 года 490 инородцевъ.

Алтайская миссія, сравнительно съ Иркутско-Забайкальскою, находится въ болѣе благопріятствующихъ условіяхъ. Здѣсь на 26 т. душъ инородческаго населенія, на пространствѣ 1400 верстъ, отъ Омской области до границъ Семипалатинской области и Китая, заведено 10 миссіонерскихъ становъ съ 11 церквами. Для образованія инородцевъ устроено 10 школъ.

Нѣкоторые изъ обученныхъ при миссіи русской грамотѣ и закону-Божію на столько свѣдущи, что съ пользою могутъ быть помощниками причетниковъ по церквамъ и училищамъ миссіи и подаютъ надежду сдѣлаться въ послѣдствіи хорошими миссіонерами. Такъ какъ приготовленіе миссіонеровъ изъ среды самихъ инородцевъ, съ обученіемъ ихъ въ духовныхъ училищахъ и съ возведеніемъ на степени священства, можетъ значительно способствовать успѣху евангельской проповѣди между язычниками, то Святѣйшій Синодъ призналъ полезнымъ, согласно съ ходатайствомъ начальника миссіи, облегчить молодымъ алтайцамъ переходъ въ духовное званіе, затруднявшійся досель отъ несогласія на увольненіе ихъ изъ инородческихъ обществъ со стороны некрещенныхъ ихъ единоплеменниковъ. Для устраненія этого неудобства найдено нужнымъ распространить на алтайскихъ инородцевъ изъятіе изъ общаго закона, допущенное въ отношеніи къ лицамъ податна-

ре состоянія въ Россійско-Американскихъ колоніяхъ и въ Якутской и Приморской областяхъ Восточной Сибири, принимаемымъ въ духовное сословіе по сношенію съ ихъ начальствомъ, и соотвѣтственно сему сдѣлать дополненіе къ примѣчанію 270 ст. свода 1857 т. IX зак. сост. по прод. 1863 г. предположеніе это было внесено въ государственный Совѣтъ и, согласно съ его мнѣніемъ, удостоено Высочайшаго утвержденія Вашего Величества въ 9 день мая 1866 года.

Селенія новокрещенныхъ.

Не ограничиваясь проповѣдью евангелія язычникамъ, обученіемъ вѣры и грамотѣ новокрещенныхъ, алтайскіе миссіонеры пріучаютъ ихъ къ осѣдлой жизни, знакомятъ съ началами гражданственности. Слѣдуя правилу приснопамятнаго основателя своего архимандрита Макарія, миссія поселяетъ по возможности всѣхъ новокрещенныхъ вблизи миссіонерскихъ становъ и заботится о водвореніи между ними русскаго быта, изъ собственныхъ небогатыхъ средствъ снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ для первоначальнаго хозяйственнаго обзаведенія. Такихъ селеній заведено уже до 22.

Миссіонерскіе монастыри.

Женская общежительная община, учрежденная въ 1863 году въ главномъ станѣ миссіи, Улалѣ, приноситъ большую помощь миссіи въ дѣлѣ ея служенія. 40 сестеръ этой обители изъ новообращенныхъ калмычекъ и татарокъ, подъ духовнымъ руководительствомъ прибывшихъ въ Улалу двухъ опытныхъ инокинь Дивѣевской пустыни, подавая примѣръ благочестивой христіанской жизни своимъ соплеменницамъ, принимаютъ на свое попеченіе безпріютныхъ и сиротъ женскаго пола, учатъ но-

новокрещенныхъ грамотѣ, рукодѣлію, огородничеству, хлѣбопашеству, уходу за дѣтьми, домашнему хозяйству. Три изъ сестеръ отправлены въ Чемальскій станъ миссіи, гдѣ собрали до 20 учениць.

Открытый немного позже Улалинскаго Чулышманскій благовѣщенскій монастырь на Телецкомъ озерѣ, предназначенный служить средоточнымъ пунктомъ Алтайской миссіи, оказывается въ высшей степени благодѣтельнымъ учрежденіемъ для края. Новый монастырь постоянно привлекаетъ къ себѣ толпы окрестныхъ инородцевъ; предлагаемое имъ благовѣстіе спасенія, а также исполненное глубокаго назиданія богослуженіе, отправляемое здѣсь какъ на русскомъ, такъ и на природномъ языкѣ алтайцевъ, благодатно дѣйствуетъ на сердца. Число новообращенныхъ постепенно растетъ, такъ что миссія признала нужнымъ приступить къ постройкѣ, вблизи обители, цѣлой новой деревни, Казаковой, для поселенія новокрещенныхъ инородцевъ.

Миссіонерства въ Березовскомъ краѣ Тобольской епархіи.

На сѣверѣ Сибири, въ Березовскомъ уѣздѣ, Тобольской епархіи, трудятся на поприщѣ просвѣщенія язычниковъ священники с. Обдорска, г. Сургута, и монашествующіе Кондинскаго монастыря. Въ этихъ мѣстностяхъ обитаетъ до 9 т. остяковъ и до 3 т. самоѣдовъ. Изъ нихъ около одной трети приняли уже вѣру христіанскую. Для успѣшнѣйшаго распространенія тамъ христіанства, Святѣйшій Синодъ озабочивался изысканіемъ возможности увеличить число миссіонеровъ. Между прочимъ, по мысли архіепископа Тобольскаго Варлаама, Святѣйшимъ Синодомъ было сдѣлано приглашеніе братству Соловецкой обители. На этотъ призывъ отозвался

полною готовностію посвятить себя на трудное миссіонерское служеніе іеромонахъ Соловецкаго монастыря Иринархъ, изъ студентовъ Тобольской семинаріи, бывшій потомъ священникомъ въ Томской епархіи.

Миссіонерства въ Камчатской епархіи.

Въ Камчатской епархіи къ 1866 году было 11 миссіонерствъ, 5 въ Америкѣ и 6 въ Азіи. Кромѣ того обязанность миссіонерства между сосѣдями язычниками возложена на священниковъ Удскаго и Гижигинскаго, и одного изъ Камчатскихъ. Главное затрудненіе для миссіонеровъ въ этомъ отдаленнѣйшемъ краѣ Имперіи состоитъ въ неудобствахъ путей сообщенія, въ громадности пространствъ, которыя должны проѣзжать миссіонеры. Такъ Албазинскій священникъ на одно путешествіе свое къ тунгусамъ, совершаемое частію на верховыхъ оленяхъ, частію водою, на разстояніи свыше 3т. верстъ, долженъ употреблять около семи мѣсяцевъ съ большими для себя издержками, весьма тягостными при скудости миссіонерскаго жалованья. Всѣ эти тунгусы, большая часть которыхъ принадлежитъ по гражданскому управленію къ Якутскому вѣдомству, давно оврещены, и составляютъ приходъ Албазинскаго священника. И между другими племенами, обитающими въ предѣлахъ Камчатской епархіи, мало по малу распространяется свѣтъ истинной вѣры. Съ 1866 года начали принимать христіанство гольды, живущіе по р. Амуру. Ихъ крещено 36 человѣкъ; для новообращенныхъ предпринята уже постройка отдѣльнаго храма и школы.

Школы имѣются и въ другихъ мѣстахъ епархіи. Кромѣ того, въ видахъ приготовленія своихъ толмачей для переговоровъ съ сосѣдними манджурами, десять стар-

шихъ воспитанниковъ благовѣщенскаго духовнаго училища обучены чтенію и письму по-манджурски.

Присоединенія къ православной Церкви въ Грузіи.

Распространеніе христіанства въ Грузіи продолжалось съ прежнимъ успѣхомъ. Къ болѣе замѣчательнымъ случаямъ въ этомъ родѣ слѣдуетъ отнести просвѣщеніе св. крещеніемъ Дальскаго князя Альмаскитъ Мартани, Абхазскаго князя Соулаха Инали-Ипа, и 149 душъ кистинъ въ Тіонетскомъ округѣ.

Общее число принявшихъ вѣру православную.

Общее число присоединившихся въ 1866 году къ православной Церкви простирается до 55,466. Достойно вниманія, что присоединенія совершались и совершаются даже при обстоятельствахъ, по видимому самыхъ неблагопріятствующихъ торжеству православныхъ началъ. Въ Варшавской епархіи, напримѣръ, состоящей изъ самой незначительной горсти православныхъ, разбросанныхъ среди сплошнаго иновѣрнаго населенія, никогда не прекращалось приращеніе православной паствы. Въ самый разгаръ польскаго мятежа въ Царствѣ, когда особенно затруднено было дѣйствованіе и вліяніе православной Церкви, она пріобрѣла изъ иновѣрія до 220 новыхъ чадъ; за тѣмъ въ 1865 г. 186, а въ 1866 году 215.

(*Продолженіе будетъ*).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА
„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ"
въ 1868 году.

«Труды Кіевской Духовной Академіи» будутъ издаваться и въ слѣдующемъ 1868 году. Въ этомъ журналѣ будутъ помѣщаться:

I. Лекціи наставниковъ академіи и произносимыя ими церковныя собесѣдованія.

II. Трактаты, очерки и изслѣдованія по разнымъ предметамъ богословской науки, преимущественно по исторіи отечественной церкви.

III. Переводы замѣчательныхъ сочиненій иностранныхъ богослововъ, преимущественно по христіанской апологетикѣ и по церковной исторіи.

IV. Статьи, имѣющія предметомъ обозрѣніе и критическую оцѣнку произведеній современной (въ особенности иностранной) богословской литературы и явленій современной жизни.

V. Извѣстія и замѣтки, касающіяся современнаго состоянія отечественной церкви, въ частности духовно-учебныхъ заведеній.

VI. Извѣстія о состояніи церкви у единовѣрныхъ намъ народовъ, а равно о замѣчательныхъ событіяхъ въ обществахъ христіанскихъ не православныхъ.

VII. Памятники, относящіеся къ исторіи русской церкви и русской духовной литературы, могущіе имѣть интересъ не для однихъ

только специалистовъ, но и для большинства читателей духовныхъ журналовъ.

VIII. Въ приложенiи къ журналу будетъ помѣщаться переводъ творенiй блаж. Iеронима и блаж. Августина. Редакцiя надѣется продолжать также переводъ пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта, прiостановленный по случаю смерти проф. еврейскаго языка М. С. Гуляева.

Подписка принимается преимущественно въ редакцiи журнала при «Кiевской Духовной Академiи»; а также въ Москвѣ у книгопродавца А. Н. Ферапонтова; въ Петербургѣ, у книгопрод. С. И. Литова.

Цѣна за годовое изданiе журнала (12 кн., неменѣе 10 печат. лист. каждая) шесть руб. съ перес.

По той же цѣнѣ можно получать «Труды» и за 1867 и 1866 годъ.

Въ той же редакцiи можно получать «Воскресное Чтенiе», еженедѣльный журналъ, съ XXXVIII (1864—65 года) предназначенный для народнаго образованiя и преимущественно для сельскихъ школъ. Цѣна за годовое изданiе текущаго (XXXI) года (начинающееся съ Пасхи) и прошедшаго XXX года 4 р. с. съ пересылкою. Изданiе «Воскреснаго Чтенiя» будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ (XXXII—1868—69) году по прежней программѣ и по прежней цѣнѣ.

Въ той же редакцiи продаются слѣд. книги по слѣдующей цѣнѣ, съ пересылкою:

1) Девять историческихъ книгъ свящ. писанiя Ветхаго Завѣта въ переводѣ съ еврейскаго на русскiй языкъ съ примѣчанiями филологическими, археологическими, историческими и друг. М. Гуляева. Цѣна съ перес. 2 р. с. 2) Творенiя св. Кипрiана съ бiографiею его. Два тома. Ц. 3 р. 3) Творенiя блаж. Iеронима съ бiографiею его. Т. 1-й Ц. 2 р. 4) Жизнь и творенiя блаж. Августина Ц. 50 к. 5) Бесѣды объ отношенiи церкви къ христiанамъ. Я. К. Амфитеатрова. Новое изданiе дополненное. Ц. 1 р. съ перес. 6) Бесѣды сельск. свящ. къ прихож. (66 бесѣдъ). Ц. 1 р. 50 к. 7) Бесѣды сельск. свящ. къ прихожанамъ (25 бесѣдъ) Ц. 50 к. с. 8) Замѣтки поклонника св. горы. Ц. 50 к. с.

9) Послѣдніе дни жизни митр. Филарета Ц. 40 к. 10) Я. К. Амфитеатровъ, Ц. 40. к. с. 11) Дневникъ прот. Ив. Мих. Скворцова. Ц. 1 р. с. 12) Записки по церковному законовѣдѣнію его же. Ц. 80 к. с. 13) Исторія Ветхаго Завѣта его же. Ц. 40 к. с. 14) О богослуженіи его же Ц. 50 к. с. 15) О видахъ и степеняхъ родства его же Ц. 40 к. с. 16) Кіевъ съ древнѣйшимъ училищемъ академіею. В. Аскоченскаго. Два тома Ц. 3 р. с. 17) Изслѣдованіе о Библейской хронологіи. Ц. 60 к. с. 18) Михаилъ Керуларій патр. константинопольскій. Ц. 40 к. с. 19) Историческое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ. Ц. 60 к. с. 20) Московскіе еретики при Петрѣ 1-мъ. Ц. 20 к. с. 21) О придорожныхъ крестахъ. Ц. 50 к. с. 22) Беконъ Веруламскій. Соч. Куно Фишера, изданное въ русскомъ изложеніи Ф. Терновскимъ. (Съ портретомъ Бекона). Цѣна 50 коп. сер. 23) »Земная жизнь Господа нашего Іисуса Христа». Перев, съ нѣмецкаго подъ ред. проф. кіевской духовной семинаріи X: М. Орды (болѣе 500 стр.) изд. 2-е Цѣна 1 р. 50 к. сер.

О ПРОДАЖѢ

ТРУДОВЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

И

ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ

ЗА ПРЕЖНІЕ ГОДЫ.

Оставшіеся въ редакціи экземпляры «Трудовъ» за первые шесть лѣтъ изданія журнала (1860—65) продаются по 3 руб. сер. за годовой экземпляръ съ пересылкою.

Цѣна отдѣльной книгѣ «Трудовъ 50 к. съ перес. Въ той же редакціи продаются по уменьшенной цѣнѣ экземпляры «Воскреснаго Чтенія» за первыя 29 лѣтъ существованія журнала. Имѣются въ

продажѣ слѣдующіе годы: I (1837—38), II (38—39), IV (40—41), V (41—42), VI (42—43), VII (43—44) IX (45—46), X (46—47), XI (47—48), XII (48—49), XIV (50—51), XV (51—52), XVI (52—53), XVII (53—54), XVIII (54—55), XIX (55—56), XX (56—57), XXI (57—58), XXII (58—59). XXIII (59—60) XXIV (60—61), XXV (61—62). XXVI (62—63), XXVII (63—64), XXVIII (64—65) XXIX (65—66). Цѣна за экз. каждаго года съ перес. 2 руб. сер. Выписывающіе единовременно не менѣе 10 экземпляровъ «Воскреснаго Чтенія» прежнихъ годовъ платятъ только по 1 р. 50 к. с. за экземпляръ и получаютъ безплатно указатель къ 25 годамъ «Воскреснаго Чтенія». Цѣна указателю отдѣльно 50 к. с.

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

въ 1868 году.

«Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости» будутъ издаваться и въ наступающемъ 1868 г. съ 1-го января, по той же программѣ, утвержденной св. сунодомъ, два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 16-го чиселъ выпусками отъ $1^1/_2$ до 3-хъ листовъ.

Цѣна остается прежняя. т. е, съ пересылкою и безъ пересылки *три рубля* серебромъ.

Подписка принимается въ Кіевѣ: 1) въ кіевской духовной консисторіи. 2) у редактора протоіерея П. Лебединцева. На Старомъ Кіевѣ. и 3) въ книжномъ магазинѣ С. И. Литова—на Крещатикѣ.

Иногородные подписчики благоволятъ адресоваться такъ: Въ *редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей въ Кіевъ*, означая званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства.

«Редакція Епархіальныхъ Вѣдомостей» покорнѣйше проситъ всѣхъ

образованныхъ лицъ, содѣйствовать ей своими трудами. Въ особенности она приглашаетъ всѣхъ священнослужителей кіевской епархіи сообщать ей свѣдѣнія относящіяся къ историко-статистическому описанію сей епархіи, а также—акты, грамоты и другіе документы, касающіеся исторіи церквей и духовенства кіевской епархіи.

Редакторы: протоіерей *Петръ Лебединцевъ.*
Протоіерей *Алексѣй Колосовъ.*

ОБЪ ИЗДАНІИ
ТАМБОВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ
ВЪ 1868 ГОДУ.

«Тамбовскія Епархіальныя вѣдомости» будутъ выходить въ 1868 г. по утвержденной святѣйшимъ синодомъ программѣ и, какъ было прежде, два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го чиселъ.

Подписка принимается въ квартирѣ редактора вѣдомостей, Ректора семинаріи архимандрита Геннадія. На имя редактора редакція проситъ адресовать деньги, высылаемыя за Вѣдомости. Цѣна Вѣдомостей за годовое изданіе, съ пересылкою, 4 руб. 25 коп.—Желающіе могутъ выписывать Вѣдомости и за прежніе годы. Цѣна прибавленій къ Вѣдомостямъ за прежніе годы—1861, 1862, 1863, 1864, 1865,—6 р. съ перес.

При редакціи имѣется въ продажѣ «Сборникъ сочиненій Іоанна Златоустаго». Цѣна 40 коп. съ перес.

Въ редакціи продается еще переводъ съ французскаго, замѣчательнѣйшаго въ богословскомъ отношеніи, сочиненія:

«Философскія размышленія о Божественности Религіи Христіанской»—*Огюста Николя.*

Цѣна книги, соотвѣтственно ея достоинству и объему, полагается самая умѣренная — 2 руб. съ пересылкою, а безъ пересылки 1 руб. 50 коп.

Редакторъ ректоръ семинаріи архимандритъ *Геннадій.*

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ"

въ 1868 году (шестомъ).

«Вѣстникъ Западной Россіи» остается неизмѣнно вѣрнымъ четыремъ рубрикамъ прежней своей программы, именно:

Отдѣлъ I. Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной гражданской и народобытовой исторіи Западной Россіи, въ *буквальныхъ* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводомъ на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ, — съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ документовъ, которые писаны на древнемъ русскомъ языкѣ, и съ прибавленіемъ необходимыхъ примѣчаній.

Отдѣлъ II. Очерки и разсказы изъ событій прошедшаго быта и нравовъ, на основаніи источниковъ для исторіи западной Россіи,—научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ, біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ, свѣдѣнія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе, и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

Отдѣлъ III. Критика сочиненій и статей, относящихся къ Западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ,—опроверженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и правосла-

ніе, распространяемыхъ печатно врагами нашего отечества; обличеніе ихъ во всякомъ искаженіи фактовъ,—вообще полемика со всѣмъ, что направлено къ нарушенію благосостоянія и цѣлости нашей вѣры и народности.

Отдѣлъ IV. Повѣсти, разсказы, очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной Россіи, въ связи съ ея прошедшею исторіею,—свѣдѣнія о заграничныхъ славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи,—о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ западной Россіи,—новыя государственныя постановленія и мѣстныя административныя распоряженія, исключительно касающіяся сихъ областей,—извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной Россіи,—библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти области, — некрологи и разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ Корреспонденціи, Объявленія, и проч.

Вѣстникъ будетъ выходить съ января мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ, въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ *Г. И. Феннера, б. Сеньковскаго*; въ С.-Петербургѣ, у коммисіонера «Вѣстника», книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной; въ Москвѣ, у такогожъ коммисіонера, книгопродавца *А. Н. Ѳерапонтова*, на Никольской улицѣ, въ флигелѣ Заиконоспасскаго монастыря и у книгопродавца *г. Черенина*, на Никольской улицѣ; въ Варшавѣ, у книгопродавца *г. Кожанчикова*; въ Ковнѣ, въ книжномъ магазинѣ *Кособорова* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА «ВѢСТНИКА»:

Для жителей Вильны, безъ доставки *6* р. *50* к., съ доставкою на домъ *7* руб. *50* коп., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи *8* руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями

исключительно въ редакцію журнала: «Вѣстникъ Западной Россіи», въ Вильну.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: редактору-издателю «Вѣстника» Ксенофонту Антоновичу *Говорскому*, въ Вильну.

Для желающихъ выписать «Вѣстникъ» за истекшіе годы дѣлается уступка: за 1862—63 годъ, для жителей Вильны, по *5* рублей, для иногородныхъ по *6* руб.; за 1863—64 годъ—для первыхъ по *5* рублей *50* копѣекъ, для послѣднихъ по *7* руб., за 1864—65, 1865—66 и 1867 годы—для первыхъ по *6* руб., для послѣднихъ по *7* руб. *50* к. Для выписывающихъ «Вѣстникъ», за истекшіе годы не менѣе 10 экземпляровъ дѣлается 5% — уступки въ цѣнѣ, не менѣе 25,—10%,—50,—15%—100,—20%.

Редакторъ-издатель *К. Говорскій*.

ОТЪ ХОЗЯЙСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СУНОДѢ.

Въ с.-петербургскія сунодальныя книжныя лавки: на Петровской площади въ зданіи святѣйшаго сунода и въ домѣ православнаго духовнаго вѣдомства на Литейной, № 36, поступилъ въ продажу вновь отпечатанный

„СЛУЖЕБНИКЪ“

въ 32-ю д. л., церк. печ. съ киноварью, по слѣдующимъ цѣнамъ: въ переплетѣ бумажномъ по 30 к. въ американской клеенкѣ, или въ англійскомъ коленкорѣ, по 70 к.; въ гладкомъ сафьянѣ, безъ золот. образа, по 1 р. 10 к., въ шагрен. сафьянѣ, съ золот. или красныкъ обрѣзомъ по 1 р. 45 к.

Сверхъ того продается изданный въ томъ же форматѣ «Требникъ» съ киноварью и безъ киновари, и въ непродолжительномъ времени поступитъ въ продажу напечатанный уже «Часословъ».

Гг. иногородные сверхъ денегъ за книги, прилагаютъ пересылочную плату по почтовой таксѣ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЪ 1868 ГОДУ.

Журналъ «*Руководство для сельскихъ пастырей*», издаваемый по благословенію святѣйшаго сунода, при кіевской духовной семинаріи, продолжится и въ слѣдующемъ 1868 году, и начнетъ съ 1-го января девятый свой годъ.

Этотъ журналъ, избравъ однажды особенную цѣль — способствовать сельскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителей таинъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, будетъ имѣть въ виду эту цѣль неизмѣнно; поэтому и въ слѣдующемъ году онъ будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же направленіи, какихъ держался до сихъ поръ.

Въ составъ «Руководства для сельскихъ пастырей», по программѣ, утвержденной святѣйшимъ сунодомъ, будутъ входить:

I. Поученія къ простому народу различнаго содержанія: догматическаго, нравственнаго, обрядоваго и проч., а также извлеченія и выписки изъ твореній св. отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части сельскихъ церковныхъ библіотекъ.

II. Изслѣдованія о разныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, приспособительныя къ потребностямъ сельскаго священника какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.

III. Произведенія проповѣдническоей литературы прежняго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общепонятностію.

IV. Оригинальныя статьи по части отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіеся къ ней, съ надлежащею ихъ обработкою. Изъ матеріаловъ избираются исключительно тѣ, которые по содер-

жанію своему могутъ имѣть какое либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы.

V. Замѣчанія, совѣты и наставленія, пригодныя сельскому священнику въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. И во 1-хъ, замѣчанія касательно отправленія богослуженія, благочинія церковнаго, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ иновѣрцамъ и т. под. Во 2-хъ, замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ пользоваться ими для успѣшнаго дѣйствованія на нравственность прихожанъ. Въ 3-хъ, свѣденія о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, а также о предразсудкахъ, суевѣріяхъ, противныхъ духу православной вѣры и Церкви, съ указаніемъ, когда нужно, историческаго происхожденія тѣхъ и другихъ. Въ 4-хъ, замѣтки касательно обученія въ сельскихъ школахъ дѣтей прихожанъ, матеріалы для уроковъ въ церковно-приходскихъ школахъ и соображенія о первоначальномъ воспитаніи дѣтей священно- и церковнослужительскихъ. Въ 5-хъ, библіографическія статьи о вновь выходящихъ книгахъ, особенно пригодныхъ сельскому священнику, и замѣтки по поводу журнальныхъ статей, касающихся сельскаго духовенства въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сверхъ того иногда сообщаются: 1) общія замѣчательныя извѣстія, касающіяся русской Церкви и въ частности—свѣденія о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ; 2) свѣденія о положеніи единовѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи, и наконецъ 3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ религіозныхъ явленіяхъ и перемѣнахъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ.

Само собою разумѣется, что невозможно дать въ одинъ годъ полный объемъ всѣмъ указаннымъ отдѣламъ въ журналѣ, выходящемъ еженедѣльно, безъ опредѣленныхъ рубрикъ. Развитіе того или другаго отдѣла указывается современными потребностями пастырей и пасомыхъ; поэтому главное вниманіе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые вызываются текущими обстоятельствами; впрочемъ, для того, чтобы журналъ нашъ могъ доставить сельскимъ пастырямъ руководительное и образовательное чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ

не будутъ оставлены безъ вниманія и другія задачи его, обозначенныя въ программѣ.

Статьи постороннихъ сотрудниковъ, соотвѣтствующія цѣли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарностію и вознагражденіемъ. Редакція, на основаніи цензурныхъ правилъ, покорнѣйше проситъ гг. сотрудниковъ переписывать свои статьи разборчиво и съ полями для отмѣтокъ цензуры, и заявлять редакціи свои фамиліи и въ такомъ случаѣ, еслибы не пожелали печатать ихъ подъ статьями своими.

«Руководство для сельскихъ пастырей» выходитъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, въ 8-ю долю листа, въ объемѣ отъ одного до двухъ съ половиною печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 30-ти до 35 печатныхъ листовъ, съ особымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ.

Подписная цѣна на мѣстѣ *4 руб.*, съ доставкою на домъ и пересылкою во всѣ мѣста внутри Россіи *5 руб.* Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, духовныхъ правленій и благочинныхъ можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1868 года.

Въ редакціи находятся также экземпляры «Руководства для сельскихъ пастырей» за 1861, 1863, 1864, 1865, 1866 и 1867-й годы. Желающіе могутъ получать оные въ бумажномъ переплетѣ, по обыкновенной цѣнѣ съ пересылкою 5 руб. Подписчикамъ рекомендуемъ обращаться съ своими требованіями: Въ редакцію «*Руководства для сельскихъ пастырей*» въ Кіевѣ.

Редакція «Руководства для сельскихъ пастырей», заботясь объ улучшеніи своего изданія по внутреннему его содержанію, въ то же время употребляетъ зависящія отъ нея мѣры къ своевременной и аккуратной высылкѣ подписчикамъ №№ журнала; гг. же подписчиковъ, живущихъ вдали отъ почтовыхъ конторъ, покорнѣйше проситъ, чтобы они въ адресахъ своихъ означали губернію, уѣздъ и село, куда слѣдуетъ высылать журналъ, и разборчиво прописывали званіе и фамилію получателя. Въ случаѣ неполученія подписчиками какихъ нибудь №№ журнала, редакція покорнѣйше проситъ, обращаться къ ней съ своими требованіями, которыя немедленно

будутъ удовлетворяемы, по примѣру прежнихъ годовъ, если только, по справкѣ съ почтовымъ вѣдомствомъ, окажется, что вторично требуемые №№ дѣйствительно не досланы.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ *Θеоктистъ*.

О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ

НА СООРУЖЕНІЕ НАДГРОБНАГО ПАМЯТНИКА И БЮСТА ПРОФЕССОРУ В. И. КАРПОВУ,

поступившихъ съ 7-го декабря по 20-е января.

Почитателями, сослуживцами и бывшими слушателями покойнаго профессора С.-петербургской духовной академіи В. Н. Карпова сдѣланы пожертвованія на памятникъ и бюстъ почившему въ слѣдующемъ количествѣ:

Ректоромъ академіи, прот. *І. Янышевымъ*—30 р.; э. проф. *А. Предтеченскимъ*—15 р.; священникомъ *К. Бѣлявскимъ*—25 р.; свящ. *І. Благовѣщенскимъ*—25 р.; прот. *Ѳ. Сперанскимъ*—3 р.; свящ. *Н. Парійскимъ*—5 р.; прот. *С. Галаховымъ*—15 р.; прот. *Г. Дебольскимъ*—10 р.; прот. *К. Крупскимъ*—10 р.; инспекторомъ академіи архимандр. *Хрисанѳомъ*—25 р.; прот. *А. Павловскимъ*—5 р.; э. проф. *И. Троицкимъ*—10 р.; прот. *В. Гречулевичемъ*—25 р.; коллежск. сов. *М. Верещагинымъ*—10 р.; профессорами академіи *Е. Ловягинымъ*, *М. Кояловичемъ*, *И. Нильскимъ*, *И. Чистовичемъ*, *М. Голубевымъ* по 10 р.—50 р.; *Т. Филиповымъ*—5 р.; свящ. *В. Серафимовымъ*—5 р.; прот. *А. Быстроумовымъ*—6 р.; врачемъ академіи *И. Лебединскимъ*—5 р.; экстр. проф. *Н. Глоріантовымъ*—3 р.; бывшимъ проф. академіи *В. Левисономъ*—10 р.; баккал. академіи *Т. Барсовымъ*—10 р.; *А. Верещагинымъ*—3 р.; свящ. *Гумилевскимъ*—3 р.; студентомъ академіи *Я. Ивановскимъ*—3 р.; свящ. *Д. Соколовымъ*—5 р.; свящ. *Н. Мансветовымъ*—5 р.; архим. *Иннокентіемъ*—10 р.; *И. Вольскимъ*—3 р.; *В. Бѣляе-*

вымъ—3 р.; бакк. академіи *П. Комаровымъ*—5 р.; свящ. *К. Соколовымъ*—3 р.; *наличными студентами XXVII* и *XXIX курсовъ* акад.—85 р. 10 к.; свящ. *В. Тихомировымъ* 3 р.; свящ. *З. Образцовымъ*—5 р.; прот. *П. Никитскимъ*—6 р.; свящ. *Г. Крыловымъ*—3 р.; прот. *В. Никитинымъ* —5 р.; прот. *А. Покровскимъ*—8 р.; свящ. *І. Гратинскимъ*—5 р.; *однимъ изъ бывшихъ воспитанниковъ академіи*—1 р.; свящ. *Брянцовымъ*—3 р.; *К. Платоновымъ*—3 р.; прот. *А. Соколовымъ*—5 р.; колл. сов. *В. З. Маньковскимъ*—3 р.; старостою академ. церкви *А. Целибѣевымъ*—15 р.; проф. академіи *И. Осининымъ*—10 р.; прот. *К. Добронравинымъ*—10 р.; свящ. *В. Зосимовскимъ*—3 р.; свящ. *Н. Вирославскимъ*—5 р.; *Антоніемъ*, епископомъ Старицкимъ—5 р.; свящ. *Л. Петровымъ*—20 р.; ректоромъ С.-петерб. дух. семинаріи архим. *Павломъ*—10 р.; проф. семин. *А. Щелкуновымъ* —3 р.; экон. сем. *П. Троицкимъ*—3 р., свящ. *А. Никольскимъ*—10 р.; прот. *В. Полисадовымъ*—10 р., свящ. *И. Карашевичемъ*—3 р.; свящ. *П. Травлинскимъ*—3 р.; свящ. *С. Опатовичемъ*—3 р.; свящ. *К. Стефановичемъ*—3 р.; свящ. *І. Цвѣтковымъ*—5 р.: свящ. *І. Образцовымъ*—3 р.; проф. сем. *Н. Барсовымъ*—2 р.; проф. сем. *Л. Гурновымъ*—2 р.; проф. сем. *А. Свѣтилинымъ*—2 р.; прот. *І. Скроботовымъ*—10 р.; проф. сем. *Вл. Ловягинымъ*—2 р., прот. *А. Колоколовымъ*—3 р.; свящ. *Д. Флоринскимъ*—3 р.; свящ. *К. Никольскимъ*—3 р.; свящ. *В. Головинымъ*—3 р.; прот. *І. Цвиневымъ*—3 р.; свящ. *М. Предтеченскимъ*—5 р.; свящ. *К. Селининымъ*—3 р.; свящ. *В. Чернявскимъ*—2 р.; прот. *В. Протопоповымъ*—3 р.; свящ. *Мих. Горчаковымъ*—3 р.; свящ. *Д. Тихомировымъ*—3 р.; свящ. *Ѳед. Павловичемъ*—3 р.; свящ. *Е. Голинскимъ*—3 р.; свящ. *Л. Богдановскимъ*—3 р.; прот. *В. Славинскимъ*—1 р.; свящ. *Н. Большимъ*—1 р.; свящ. *Н. Малиновскимъ*—5 р.; діаконъ. *В. Смирницкимъ*—

2 р.; свящ. *Петр. Сточаровским*—3 р.; прот. *Н. Седальским*—5 р.; свящ. *I. Преображенским*—1 р.; прот. *Шафрановским*—1 р.; свящ. *А. Соколовым*—5 р.; прот. *Д. Борисоглѣбским*—3 р.; свящ. *В. Георгiевским*—3 р.; свящ. *I. Горским*—3 р.; свящ. *В. Гиляровским*—3 р.; свящ. *В. Михайловским*—6 р.; свящ. *Матв. Волковым*—2 р.; прот. *К. Опатовичем*—3 р.; проф. сем. *П. Iовлевым*—2 р.; свящ. *И. Спасским*—5 р.; прот. *П. Солярским*—5 р.; свящ. *I. Соболевым*—3 р.; свящ. *М. Мороткиным*—5 р.; дiак. *Н. Волобуевым*—3 р.; свящ. *П. Краснопольским*—2 р.; свящ. *В. Масловым*—3 р.; свящ. *Н. Бумаковым*—2 р.; свящ. *Н. Георгiевским*—5 р.; дiак. *Андр. Давыдовым*—3 р.; свящ. *А. Преображенским*—3 р.; свящ. *А. Исполатовым*—2 р.; свящ. *П. Инерским*—2 р.; прот. *А. Базарянииовым*—3 р.; свящ. *П. Цвѣтковым*—3 р.; свящ. *I. Цвѣтковым*—3 р.; прот. *I. Гиляровским*—3 р.; прот. *Петром Горизонтовым*—5 р.; проф. сем. *И. Стратилатовым*—2 р.; свящ. *Г. Лебедевым*—3 р.; прот. *М. Орловым*—3 р.; прот. *I. Яхонтовым*—5 р.; свящ. *Н. Верховским*—3 р.; наст. семинарiи *Н. Вишняковым*—2 р.; прот. *Г. Любимовым*—5 р.; свящ. *Пл. Ивановым*—2 р.; свящ. *П. Слонским*—5 р.; свящ. *В. Предтеченским* — 2 р.; *Иваном Ив. Лаппо*—2 р.; преосвященнымъ *Леонтiемъ*, епископомъ подольскимъ—15 р.; проф. *В. Долоцким* — 10 р.; проф. *И. Чельцовым* — 5 р., баккалавромъ свящ. *Л. Павловским*—10 р.; свящ. *П. Лебедевым*—10 р.; прот. *Самуилом Михайловским*—10 р.; свящ. *Николаем Делицыным*—3 р.; прот. *Алексѣем Лавровским*—5 р.

Всего записано пожертвованiй съ 7-го декабря 1867 г. по 20-е января 1868 г.: восемьсотъ тридцать одинъ руб. десять коп. (831 р. 10 к.)

Пожертвованiя продолжаютъ приниматься въ канце-

ляріи С.-петербургской духовн. академіи секретаремъ экстраординар. проф. А. Предтеченскимъ — ежедневно съ 8 до 12 часовъ утра. Они вносятся въ особую книгу, и своевременно будетъ опубликованъ отчетъ о количествѣ ихъ, о лицахъ дѣлавшихъ оныя и объ употребленіи—подробный въ „Христіанскомъ Чтеніи", и въ „Современномъ Листкѣ", и краткій въ „Странникѣ",

Всѣ жертвователи получатъ по экземпляру фотографическихъ карточекъ В. Н. Карпова и по экземпляру книжки, посвященной „Памяти его". Въ случаѣ значительнаго числа пожертвованій предполагается купить для академіи у наслѣдниковъ покойнаго его богатую философскую библіотеку, которая въ академическомъ книгохранилищѣ сохранитъ названіе: „Карповской". Требованія на изданія покойнаго—1) *Систематическое изложеніе логики*—(цѣна безъ перес. 1 р. 50 к., на перес. за 2 ф.), и 2) *Сочиненія Платона въ русскомъ переводѣ* (4 тома безъ перес. 5 р., съ перес. 6 р.) могутъ быть адресуемы на имя канцеляріи академіи. — Здѣсь же желающіе могутъ получить хорошій *литографированный портретъ* Василья Николаевича, цѣна безъ пересылки 1р., съ пересылкою въ папкѣ 1 р. 50 к.

Секретарь экстр. проф. *Андрей Предтеченскій.*

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

И рече ему Іисусъ: аминь, глаголю тебѣ, днесь со мною будеши въ раи (Луки 23, 43).

Мысль христіанина обращена сегодня къ востоку, къ Іерусалиму, на Голгоѳу. Тамъ, на этой горѣ, нѣкогда воздвигнуты были три креста, три орудія смертной казни. На одномъ изъ нихъ былъ пригвожденъ Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ; на двухъ другихъ, по обѣимъ сторонамъ Его, были повѣшены два разбойника. У подножія креста Господня—изнемогавшая подъ бременемъ душевныхъ страданій Богоматерь и Святый Іоаннъ, любовь котораго къ Учителю не могла его оторвать отъ Господа и тогда, когда другіе ученики, даже въ другихъ случаяхъ неустрашимый Петръ, оставили Его. Толпа римскихъ воиновъ и іудеевъ покрывала все это мѣсто казни.

Вчера и сегодня изъ Евангельскихъ чтеній и церковныхъ пѣсней, мы неоднократно слышали, христіане, что говорилось и что дѣлалось на этомъ мѣстѣ казни, въ этотъ часъ предсмертныхъ страданій Спасителя нашего: каждое Его слово со креста, каждое изъ окру-

жавшихъ Его лицъ, каждое изъ совершавшихся вокругъ Его дѣйствій приковываютъ къ себѣ вниманіе наше. На этотъ разъ остановимъ его на словахъ, обращенныхъ Господомъ къ покаявшемуся разбойнику: *аминь глаголю тебѣ, днесь со мною будеши въ раи*, и какъ сами—люди грѣшные и христіане недостойные, у него, у этого разбойника, поищемъ назиданія и утѣшенія для себя въ эти священныя минуты собранія нашего.

Замѣтимъ прежде всего, что и того разбойника, который вмѣстѣ съ ослѣпленною толпою іудеевъ злословилъ Господа и повторялъ съ ними: „если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ", Господь нашъ не осудилъ. Да и чѣмъ этотъ разбойникъ, уже находившійся въ рукахъ власти и наказываемый, былъ хуже той свободной толпы, которая кричала: *распни, распни Его*, и издѣвалась надъ Господомъ? Но и этой толпѣ, въ тягостныя минуты Своихъ страданій, Господь отвѣчалъ не осужденіемъ или проклятіемъ, а глубокою молитвою къ Отцу Небесному: *Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ*. Таковъ отвѣтъ злобѣ мірской отъ Того, Кто пришелъ въ міръ не за тѣмъ, чтобы судить міръ, но чтобы спасти его, Кто и намъ говоритъ: *благословите кленущія вы, и молитеся за творящихъ вамъ напасть* (Мѳ. 5, 44.)

За то другому разбойнику, который унималъ перваго и говорилъ: „мы достойное по дѣламъ нашимъ приняли, а Онъ ничего худаго не сдѣлалъ, и молился: *помяни мя Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ*",— этому разбойнику Господь далъ величайшее изъ всѣхъ утѣшеній, какого даже не удостоивались и сами ученики Господа: *аминь глаголю тебѣ*, сказалъ ему страж-

дущій Спаситель, *днесь со Мною будеши въ раи* (Луки. 23, 40—43).

Не спѣшите однакоже, братіе, думать, что и этотъ разбойникъ однимъ минутнымъ раскаяніемъ, одною мгновенною, хотя бы и самою искреннею и горячею, молитвою удостоился Царствія Божія, которое, по слову Самого же Спасителя, *нудится*, т. е. борьбою и трудомъ достигается. Нѣтъ: въ такомъ случаѣ мы не научились бы ничему доброму и у этого разбойника, а скорѣе имѣли бы новый поводъ дать волю нашимъ дурнымъ наклонностямъ и надѣяться, что и предъ смертію еще можно легко покаяться; тогда мы должны были бы сказать, что въ послѣдованіи за Христомъ, въ христіанской жизни, нѣтъ постепенности, порядка, закона, что Спаситель напрасно требуетъ отъ Своихъ учениковъ, чтобы они для Его царствія отверглись себя, каждый день несли крестъ Его и неуклонно шли за нимъ. Нѣтъ; разбойникъ, какъ и самъ онъ исповѣдуетъ, правда по дѣламъ былъ преданъ смертной казни; но какъ можно, не дѣлая уголовныхъ преступленій предъ закономъ, быть въ тоже время ожесточеннымъ злодѣемъ, что видно на фарисеяхъ и другихъ іудеяхъ, хладнокровно осудившихъ Спасителя на смерть и—нераскаявшихся,—такъ и на оборотъ можно совершить преступленіе не по ожесточенности сердца во злѣ, но по временному увлеченію, по заблужденію, по страсти, которыя тяжко виновны, но не лишаютъ возможности покаяться.

Что покаявшійся разбойникъ и въ прежней жизни, до встрѣчи со Спасителемъ на крестѣ, не лишенъ былъ чувства добра, что онъ почиталъ правду, что онъ нѣкогда жилъ нравственно—лучшею жизнію, это видно

изъ того уже, что на крестѣ своемъ онъ ведетъ себя совсѣмъ не такъ, какъ нераскаянный разбойникъ: не участвуетъ съ нимъ въ Богохульствѣ, спокойно останавливаетъ его искреннимъ сознаніемъ, что они оба заслужили свое наказаніе,—твердо говоритъ о Спаситѣлѣ, что Онъ ничего худаго не сдѣлалъ. Нѣтъ; такой разбойникъ походитъ не на ожесточеннаго злодѣя, внезапно и чудесно измѣнившагося, а скорѣе на каждаго изъ насъ, кто уже призванъ Господомъ, знаетъ Его святыя заповѣди, но не слѣдуетъ имъ неуклонно, сбивается съ добраго пути, и къ старости, къ концу жизни узнаетъ, какъ глубоко онъ погрязъ во злѣ. Потому-то для насъ такъ и поучительно поведеніе покаявшагося разбойника! Потому-то сердце наше такъ любитъ молиться молитвою его: *помяни мя, Господи*, *егда пріидеши во царствіи Твоемъ.*

Однакоже намъ все еще не понятно: почему Господь молитву разбойника пріемлетъ съ такимъ необычайнымъ благоволеніемъ, вводитъ его немедленно въ райское общеніе съ собою,—тогда какъ другіе ученики Господа для этого царствія Божія гораздо ранѣе должны были оставить свои семейства, домы, и цѣлую жизнь подвизаться,—или когда въ другихъ случаяхъ, напр. женѣ хананейской, такъ смиренно и горячо молившей о крупицахъ, падающихъ съ господской трапезы, Спаситель, хотя и исцѣлилъ ея дочь и похвалилъ ея вѣру, но не далъ обѣтованія общенія съ Собою *въ раи?*

Но, братіе, вѣра разбойника была по истинѣ велика, такъ велика, что если бы Господу со креста можно было бесѣдовать о ней съ учениками, какъ это Онъ дѣлалъ въ другихъ случаяхъ, то, быть можетъ, Онъ сказалъ бы объ ней то же, что говорилъ нѣкогда о рим-

скомъ сотникѣ: *ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ* (Лук. 7, 9). Подумайте,—сказать о Спасителѣ, что Онъ ничего худаго не сдѣлалъ,—тогда какъ Онъ цѣлые года возвѣщалъ, что для несчастнаго народа іудейскаго наступило новое царствіе, и что Онъ Самъ есть Основатель и Глава этого царствія, а между тѣмъ теперь находится во власти враговъ своихъ; сказать о Немъ, что Онъ ничего худаго не сдѣлалъ, когда Онъ у всѣхъ своихъ послѣдователей отнялъ всякую надежду на временное царство и когда при жизни устрашенные самые близкіе ученики Господа оставили Его; сказать о Спасителѣ, что Онъ ничего худаго не сдѣлалъ и молиться Ему, какъ Царю Небеснаго Царствія, когда еще не было ни воскресенія, ни сошествія Святаго Духа, когда еще не извѣстно было, чѣмъ кончится судьба всей евангельской проповѣди, навлекшей на Іисуса ненависть власти и народа, и когда Онъ Самъ на ряду съ разбойниками умиралъ позорной смертію,—это сказать и такъ молиться могла только душа, способная въ страждущемъ Христѣ прозрѣть истиннаго Бога, могла только вѣра, которой не было подобной во время жизни Спасителя, такая вѣра, которая выше всѣхъ земныхъ расчетовъ, которая не колеблется въ счастіи и несчастіи, въ жизни и смерти, и которая и есть истинно—христіанская, животворная и спасительная. Вотъ этой-то вѣрѣ поучаетъ насъ разбойникъ со креста; этою-то вѣрой должны быть проникнуты и наши души, если мы, предстоя нынѣ мысленно кресту Господню, вмѣстѣ съ разбойникомъ желаемъ усвоить себѣ обѣтованіе: *Аминь, глаголю тебѣ, днесь со мною будеши въ раи.*

Днесь со мною будеши въ раи. Утѣшеніе достойное великой вѣры! Разбойнику не нужно было объяснять,

что такое рай, ожидавшій его. Ему было ясно и утѣшительно одно то, что въ этомъ раю онъ будетъ съ Господомъ: *со Мною будеши*, а душа этого великаго Страдальца, разбойникъ уже видѣлъ и чувствовалъ это, ни на минуту не разлучалась съ Отцемъ Небеснымъ. Онъ, на его глазахъ, съ неземнымъ миромъ и кротостію переносилъ страданія и поруганія отъ народа Своего; Онъ на его глазахъ, съ любовію среди крестныхъ мученій молился за своихъ убійцъ, — продолжалъ созерцать дѣла Бога—Отца Своего, въ Его лицѣ совершавшіяся для искупленія рода человѣческаго,—Онъ наконецъ съ такою кроткою, дѣтскою покорностію предалъ духъ свой въ руцѣ этого Отца Своего! Быть вмѣстѣ съ такимъ Божественнымъ Мученикомъ для разбойника уже и на крестѣ значило предвкушать рай, раздѣлять съ Нимъ чувства любви, преданности въ волю Божію, мира со всѣмъ міромъ; а эти чувства, какъ много должны были услаждать въ разбойникѣ горечь воспоминанія о содѣянныхъ имъ преступленіяхъ, и коль много возвышать его и надъ всѣми ужасами смерти въ остальные часы его жизни на крестѣ! Припомнимъ, что разбойникъ пережилъ кончину Спасителя. И если эта кончина, необычайная въ нравственномъ отношеніи и сопровождавшаяся грозными, чудесными явленіями въ природѣ, заставила римскаго сотника невольно воскликнуть: *истинно человѣкъ сей былъ Сынъ Божій* (Марк. 15, 39), и заставила народъ-*бить въ перси своя* (Лук. 23, 48); то какъ же должна была уже и въ это время радоваться, какъ торжествовать душа помилованнаго разбойника, чувствовавшаго, что онъ на вѣки соединенъ съ Сыномъ Божіимъ!

Великое утѣшеніе въ смерти разбойника, достойное

его великой вѣры! Кто изъ насъ, слушатели, не смотря на ужасающія обстоятельства крестной смерти, положа руку на сердце не скажетъ: о, если-бы и моя жизнь могла имѣть такую блаженную кончину,—о, если-бы и мои предсмертныя страданія могли найти такое великое утѣшеніе—соединить меня на вѣки съ Спасителемъ и Богомъ моимъ!

Господи, помяни насъ, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ!

О ЗНАЧЕНІИ НИКЕЙСКАГО СУМВОЛА

ПРИ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ.

Недавно (1867 г.) явилась на нѣмецкомъ языкѣ брошюра (переводъ съ англійскаго изъ книги: Reading, upon the Liturgy, London 1848) подъ заглавіемъ: „объясненіе никейскаго исповѣданія вѣры“ (1). Послѣ предисловія въ ней изложенъ символъ вѣры на трехъ языкахъ: на греческомъ, совершенно согласно съ нашимъ славянскимъ текстомъ,—на латинскомъ съ прибавленіемъ слова *Filioque*, которое впрочемъ поставлено въ скобкахъ, и на нѣмецкомъ языкѣ съ тѣмъ же прибавленіемъ. Затѣмъ излагается исторія символа, въ которой фактически доказывается, что прибавленіемъ слова *Filioque* западная церковь произвольно уклонилась отъ восточной и тѣмъ произвела великій расколъ (стр. 11, 12.) *Объясненія* символа приводятся раздѣльно на каждый членъ вѣры съ указаніями на свидѣтельства отцовъ и учителей церкви. Онѣ — просты, ясны, а главное, какъ намъ кажется, проникнуты искреннимъ чувствомъ

---

(1) Eine Erklärung des nicenischen Glaubensbekenntnisses. Aus dem Englischen übertragen von dr. Julius Pilgrim. Mit einem Vorwort von Heinrich Thiersch. Nördlingen. 1867.

христіанина, который весьма далекъ отъ западно-конфессіональныхъ пристрастій и предразсудковъ. Но для насъ важны не столько эти объясненія, сколько самое предисловіе переводчика оныхъ.

Авторъ предисловія — *Тиршъ* (Thiersch), по свѣдѣніямъ, какія мы получили отъ профессора Гефеле ([1]), лично знакомаго съ этимъ человѣкомъ, сынъ знаменитаго мюнхенскаго филолога, сопровождавшаго короля Оттона въ Грецію. Онъ сначала изучалъ протестантское богословіе и былъ профессоромъ въ Марбургѣ; но потомъ перешелъ въ ирвингіанство ([2]), въ слѣдствіе чего

([1]) Гефеле — знаменитый профессоръ ц. исторіи и каноническаго права въ Тюбингенскомъ университетѣ.

([2]) Объ Ирвингіанахъ читаемъ слѣдующее въ новѣйшемъ сочиненіи Пастора Карла Стракка (Strack): „основателемъ этой секты былъ *Эдуардъ Ирвингъ*, родомъ изъ Шотландіи. Уже на 18 году жизни онъ былъ учителемъ математики и впослѣдствіи проповѣдникомъ въ Глазговѣ. Въ 1822 г. онъ опредѣленъ былъ духовникомъ при одномъ шотландскомъ приходѣ въ Лондонѣ. За свои энергическія проповѣди о покаяніи и обращеніи онъ пользовался здѣсь необыкновеннымъ сочувствіемъ. Онъ желалъ возстановить церковь въ ея первобытномъ состояніи и угрожалъ судомъ Божіимъ на непокорныхъ.

Большое смущеніе произвелъ Ирвингъ отрицаніемъ *безгрѣшности* въ лицѣ І. Христа, хотя онъ вовсе не называлъ его обыкновеннымъ человѣкомъ, а утверждалъ только, что человѣческая природа І. Христа подобно нашей была склонна ко грѣху, но І. Христосъ не подчинялся ея склонности. Еще бо́льшимъ нападкамъ подвергался онъ за то, что своими проповѣдями благопріятствовалъ языковѣщанію, возбудивъ въ своихъ послѣдователяхъ желаніе имѣть даръ языковъ по изображенію Ап. Павла (1 Кор. XIV). Онъ молился съ своими слушателями о возстановленіи духовныхъ даровъ апостольскаго времени, какъ знаменій царства Христова. Послѣдствія не замедлили обнаружиться. Изъ среды тѣхъ, которые собирались около него для общественной молитвы, послышались голоса и звуки, какъ бы языковѣщанія по изображенію Апостола (1 Кор. XIV.). Неясные звуки стали переходить въ отдѣльныя понятныя восклицанія, которыя наконецъ превратились въ длинныя рѣчи, продолжавшіяся отъ 2 до 3 часовъ. Увѣщанія къ покаянію, угрозы Англіи и ея церкви судомъ Божіимъ, провозглашеніе Ирвинга вѣрнымъ пастыремъ—были предметомъ этихъ рѣчей. Проповѣдники нерѣдко приходили въ такой экстазъ, что теряли сознаніе и падали въ

былъ отставленъ отъ должности и жилъ частнымъ образомъ то въ Берлинѣ, то въ Мюнхенѣ. Здѣсь онъ недавно издалъ пространную монографію своего отца и написалъ это предисловіе къ „объясненію никейскаго исповѣданія вѣры“. Благородный по характеру, даровитый по способностямъ, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ христіанинъ по вѣрѣ, благочестивый по жизни. Въ ирвингіанской іерархіи онъ занимаетъ самое высокое положеніе въ чинѣ ангела (ἄγγελος) и много трудится для своей общины. Но, не смотря на это увлеченіе въ сектанство, теплое сочувствіе ко вселенской истинѣ, которымъ проникнуто предлагаемое ниже предисловіе Тирша, заставляетъ забыть личность автора и внимать словамъ истины и безпристрастія, съ какими онъ излагаетъ историческое и догматическое значеніе нашего символа въ виду современныхъ заблужденій и уклоненій отъ церкви.

Вотъ это предисловіе:

„Никейское исповѣданіе вѣры основывается на древ-

судорожныхъ конвульсіяхъ, особенно женщины. Пока эти демонстраціи совершались въ частныхъ собраніяхъ, на нихъ мало обращали вниманія; но когда онѣ явились и при общественномъ богослуженіи, тогда церковное правительство отставило Ирвинга отъ должности (1832 г.) и отлучило отъ церкви. Ирвингъ умеръ 3 дек. 1834 г. въ Глазговѣ. Его послѣдователи образовали общество, имѣя цѣлію возстановить хр. церковь Апостольскаго вѣка. Унихъ есть своя церковная іерархія и особыя ц. должности, какъ то: апостолы, пророки, евангелисты, пастыри и учители. Во главѣ ихъ стоитъ епископъ (называемый апокалипсическимъ именемъ—*ангелъ*), которому помогаютъ въ управленіи шесть старѣйшинъ и пресвитеры; семь діаконовъ заботятся о временныхъ нуждахъ общины, особенно о бѣдныхъ; имъ помогаютъ въ дѣлахъ иподіаконы и діакониссы. Главное мѣстопребываніе этихъ „апостольскихъ“ общинъ въ Англіи, гдѣ насчитываютъ всѣхъ членовъ до 4000 лицъ. *Въ Германіи особенно усердно трудится для нихъ Тиршъ;* подъ его руководствомъ образовались эти общины въ Кёнигсбергѣ и Берлинѣ“. см. Geschichte der ewangelischen Secten. von K. Strack. Leipz. 1867. S. 150—152.

не-апостольскомъ символѣ,—на томъ исповѣданіи вѣры при крещеніи, которое было у первенствующихъ христіанъ какъ бы знакомъ (лозунгомъ), по которому они распознавали другъ друга, называясь именно христіанами, т. е. исповѣдниками Господа Іисуса Христа. Это исповѣданіе при крещеніи служило въ то время правиломъ вѣры для охраненія истины противъ грубыхъ заблужденій евіонитовъ и гностиковъ. Но когда лукавыя заблужденія Арія возмутили миръ церкви, тогда собравшіеся въ Никеѣ 318 и въ Константинополѣ 150 отцовъ изложили древне-христіанскую истину съ большею полнотою и опредѣленностью. Пусть въ исторіи этихъ обоихъ вселенскихъ соборовъ указываютъ на нѣкоторыя человѣческія слабости, сущность дѣла не подлежитъ никакому сомнѣнію. Епископы совѣщались на этихъ соборахъ отъ имени единомыслящихъ тогда церквей востока и запада. Они провозгласили не новые взгляды или богословскія мнѣнія, но ту самую истину, которую церковь пріяла отъ апостоловъ и содержала въ цѣлости подъ охраненіемъ Духа Божія. Они почерпали исповѣданіе Отца и Сына и Св. Духа изъ глубины христіанской жизни и богопочтенія. Тайна Божества—„*Богъ явися во плоти*", этотъ высочайшій предметъ созерцанія и благоговѣнія, они изрекли достойными, превосходными словами св. Писанія.

„Это исповѣданіе вѣры имѣетъ для насъ въ настоящее время высокое значеніе, какъ памятникъ церковнаго единства и какъ свидѣтельство противъ уклоняющихся отъ христіанскаго вѣроученія. Пора оставить безотрадную и безплодную работу конфессіональной полемики XVI вѣка; довольно повторять одни и тѣже

старые упреки, взаимные суды и пересуды. Передъ нами лучшая задача, которой мы должны посвятить себя. Она состоитъ въ томъ, чтобы уяснить себѣ древне-христіанское исповѣданіе вѣры. Здѣсь заключается сокровище каѳолической истины, доступное для каждаго христіанина; здѣсь—мирная область, чуждая конфессіональной непріязни. Пора остановиться на этой отеческой почвѣ, освѣжить себя древне-христіанскимъ ученіемъ вѣры и усвоить себѣ его богатое содержаніе. Эту древнюю истину, прекраснымъ выраженіемъ которой служитъ никейскій символъ, богословы должны сознать ясно и глубоко, раскрыть такъ убѣдительно, чтобы католикъ и протестантъ могли почувствовать миръ на душѣ и разсматривать свои частные спорные вопросы въ подчиненіи древне-каѳолической истинѣ. Будетъ ли успѣхъ отъ этой работы вблизи или вдали, все-таки стремленіе къ этой цѣли для всѣхъ обязательно и благотворно.

„При тѣхъ заблужденіяхъ, какія въ наше время достигли своихъ послѣднихъ результатовъ, никейское исповѣданіе вѣры имѣетъ такое значеніе, о которомъ, можетъ быть, не предполагали сами составители символа. Мы говоримъ о новѣйшемъ невѣріи, конечно, не единственномъ, но самомъ опасномъ уклоненіи отъ христіанской истины.

„Сущность христіанства заключается въ тайнѣ (Geheimniss) искупленія вочеловѣчившимся Сыномъ Божіимъ. Сію тайну проповѣдуетъ христіанская церковь—богоучрежденное святилище на землѣ, въ которомъ сообщается вѣрнымъ благодать искупленія. Исторія церкви, свидѣтельствуя о чудесномъ распространеніи христіанской истины, въ тоже время указываетъ намъ,

какъ люди искажали и помрачали эту истину. Вникая въ постепенное развитіе религіозныхъ заблужденій, мы замѣчаемъ, что послѣ утвержденія христіанской церкви у западныхъ народовъ, первымъ шагомъ къ заблужденію здѣсь было—не отрицаніе истины или невѣріе, а осквернение самаго святилища церкви мірскимъ духомъ и безнравственнымъ поведеніемъ, искаженіе христіанскаго преданія человѣческими установленіями и суевѣріями. Это—заблужденія средневѣковыя. Они подали поводъ къ сомнѣнію и отрицанію. Оскверненное святилище сдѣлалось предметомъ презрѣнія; искаженная фантастическими вымыслами истина стала предметомъ отрицанія. Невѣріе есть порожденіе суевѣрія. Нѣкогда Моисей противустоялъ двумъ египетскимъ волхвамъ Іаннію и Іамврію; теперь свидѣтельство христіанской истины должно противустоять двумъ врагамъ—суевѣрію и невѣрію. Но въ настоящее время невѣріе сильнѣе и опаснѣе своего предшественника—суевѣрія.

„Разсматривая происхожденіе и образованіе новѣйшаго отрицанія, мы замѣчаемъ въ немъ три степени развитія: во первыхъ явились ложныя ученія о церкви — какъ жилищѣ Св. Духа, потомъ—объ Іисусѣ Христѣ Сынѣ Божіемъ и Искупителѣ, наконецъ о Богѣ Отцѣ Вседержителѣ. Многіе въ настоящее время перешагнули уже на послѣднюю степень заблужденія, между тѣмъ какъ другіе стоятъ еще на первыхъ двухъ ступеняхъ. Эти три формы заблужденія, развившіяся одна изъ другой, организовались въ три большія системы, именно— религіозный *радикализмъ*, *раціонализмъ* и *пантеизмъ*. Но тремъ этимъ ложнымъ системамъ противустоятъ три члена символа, — какъ свидѣтельство церкви за истину.

„Мы въ правѣ произнесть судъ надъ этими пагубными заблужденіями. Но нашъ судъ не касается лицъ, степени виновности ихъ или отвѣтственности; —Богъ судитъ ихъ! Нашъ долгъ прекрасно выраженъ словами Августина: *Interficite errores, diligite homines (истребляйте заблужденія, но любите людей)*.

„Начнемъ съ религіознаго радикализма. Онъ еще поддерживаетъ христіанскую нравственность и признаетъ личную вѣру во Христа. Но онъ не знаетъ болѣе церкви въ собственномъ смыслѣ. Церковь, по его мнѣнію, не есть учрежденіе божественное, а такъ себѣ—произвольно сформировавшійся союзъ людей единомыслящихъ. Обыкновенно отрицаютъ благодать Божію въ таинствахъ и,—хотя еще придерживаются этихъ священнодѣйствій, но принимаютъ ихъ за символы духовныхъ дарованій, которыми вѣрующій и безъ того уже владѣетъ. Радикалы нисколько не понимаютъ важности того званія, которымъ облечены учители христіанской церкви. Они забыли, какъ необходима эта должность для руководства, просвѣщенія и спасенія людей. Впрочемъ они все таки признаютъ, что Духъ Святый дѣйствуетъ на каждаго человѣка, и надѣются, что многіе люди достигнутъ совершенства и спасенія. Но они забыли, что церковь есть *едино тѣло*, что только въ единеніи съ нею можно придти къ совершенству, что каждый частный человѣкъ только въ общеніи съ церковію можетъ достигнуть высшей цѣли небеснаго призванія. Словомъ: радикалы не вѣрятъ, что церковь есть храмъ Св. Духа. Они не признаютъ Духа Божія, Который обитаетъ въ церкви, въ ней и чрезъ нее осуществляетъ божественныя опредѣленія къ славѣ Христа. Они не видятъ въ церкви той небесной лѣстницы,

которую видѣлъ Іаковъ; по ихъ мнѣнію—каждый человѣкъ можетъ руководиться самъ собой и достигнуть царства небеснаго. Такихъ христіанъ можно сравнить съ людьми, потерпѣвшими кораблекрушеніе. Плавая въ волнахъ житейскаго моря, они хотятъ спасти свою жизнь;—каждый изъ нихъ самъ по себѣ пытается достигнуть пристанища Христова.

„Противъ всѣхъ этихъ тонкихъ и довольно темныхъ заблужденій мы находимъ свидѣтельство *въ третьемъ членѣ* (¹) никейскаго символа. Согласно съ древнею христіанской церковью мы исповѣдуемъ Святаго Духа. Онъ—истиный Богъ со Отцемъ и Сыномъ, Божественное Лице; потому что Онъ вѣщалъ чрезъ пророковъ (безличная сила не можетъ вѣщать). Но такъ Онъ дѣйствуетъ въ единой святой церкви-каѳолической, т. е. всеобъемлющей посредницѣ благодати, матери всѣхъ сыновъ Божіихъ. Это—церковь апостольская, т. е. не людьми, а Богомъ основанная, устроенная и облеченная авторитетомъ. Духъ Святый дѣйствуетъ въ крещеніи и прочихъ таинствахъ, сообщая вѣрнымъ нетлѣнныя блага подъ видомъ чувственныхъ знаковъ. Онъ никогда не оставляетъ церкви; онъ ведетъ ее къ полнотѣ совершенства въ воскресеніи праведныхъ. Мы не только признаемъ воскресеніе мертвыхъ къ вѣчной жизни, но и „ожидаемъ" его, желаемъ и надѣемся, что въ немъ исполнится упованіе вѣрующихъ. Тогда—именно при второмъ пришествіи Господа—наступитъ „жизнь будущаго вѣка".

„Но когда мірской духъ проникъ во всѣ части (im Gros-

(¹) *Im dritten Artikel.* Изъ контекста рѣчи ясно видно, что подъ *„третьимъ членомъ"* авторъ разумѣетъ наши: VIII. IX. X. XI и XII члены, взятые вмѣстѣ.

sen und Ganzen) *церкви* (1), когда сами управители стали злоупотреблять святилищемъ Божіимъ на землѣ, поругали и обезчестили его; тогда явилось сомнѣніе въ святости самой церкви, отрицаніе таинствъ ея—первое печальное послѣдствіе, но еще не единственное. При заблужденіяхъ о церкви человѣческій умъ подвергся другимъ болѣе тяжкимъ искушеніямъ. Онъ впалъ въ сомнѣнія о Лицѣ Христа, началъ отрицать Божество Искупителя. Первый шагъ на этомъ пути сдѣлали социніяне; за ними послѣдовали разныя партіи деистовъ и унитаріевъ; наконецъ выступилъ нѣмецкій раціонализмъ, который пошелъ далѣе своихъ предшественниковъ. Раціоналисты начали отвергать не только Божество Христа, но и Его чудеса, воскресеніе и вознесеніе на небо (во что социніяне вѣровали). При всемъ томъ благотворные лучи евангельскаго свѣта еще не совсѣмъ померкли во тьмѣ этого заблужденія: осталась вѣра въ личнаго Бога и Отца, сохранялось сознаніе благодарности и поклоненія Іисусу Христу. Раціоналисты признавали Его совершеннѣйшимъ типомъ добродѣтели и мудрости. Между тѣмъ *Шлейермахеръ* сталъ въ нѣсколько иное, двусмысленное положеніе. Проповѣдуя первообразное совершенство (urbildliche Vollkommenheit) богосознанія въ Лицѣ Искупителя, онъ, казалось, стоялъ выше обыкновеннаго раціонализма. Но съ другой стороны, примыкая къ пантеизму Спинозы, онъ потерялъ вѣру въ личнаго Бога и, такимъ образомъ, ниспалъ до третьей степени заблужденія.

„Еще въ древнее время Арій отвергалъ истинное Божество Сына, хотя онъ почиталъ Христа первымъ и

(1) Подъ *церковью*, очевидно, авторъ разумѣетъ здѣсь Римско-Католическую церковь.

высшимъ созданіемъ невидимаго міра, существовавшимъ прежде другихъ тварей. Аріанизмъ прикрывался внѣшностью православія; онъ обольщалъ народъ соблюденіемъ древняго богослуженія. Аѳанасій В. и никейскіе отцы по истинѣ прозорливо увидѣли всю опасность лжеученія. Аѳанасій превосходно отстоялъ апостольское ученіе о Божествѣ Сына. Если Сынъ есть созданіе, хотя бы и высшее прочихъ тварей; то все-таки между Нимъ и Творцемъ было бы неизмѣримое разстояніе; вознося молитвы къ Богу, мы не смѣли бы покланяться Христу, потому что мы не можемъ почитать твари наравнѣ съ Творцемъ. Если бы Сынъ не имѣлъ Божескаго естества; то и церковь не имѣла бы истиннаго Богопознанія; мы знали бы о Богѣ только по слухамъ и разсказамъ. Но теперь мы знаемъ о Богѣ чрезъ Сына Его: „кто видитъ Меня, — видитъ Отца“. Твореніе не можетъ быть источникомъ вѣчной жизни; между тѣмъ искупленіе по намѣренію Божію въ томъ и состоитъ, чтобы тварь пріобщилась жизни вѣчной. Если бы Явившійся между нами имѣлъ только сверхъестественную природу и не былъ Богъ; то Онъ не могъ бы сообщить человѣческой природѣ вѣчной жизни и мы навсегда оставались бы подъ властью смерти. Еще Ириней сказалъ: „Евіониты, почитающіе Христа за простаго человѣка, самымъ лжеученіемъ своимъ лишаютъ себя вѣчной жизни“. „Ученіе Арія, говоритъ Аѳанасій, хуже самой смерти“.

„Все это относится и къ новѣйшимъ заблужденіямъ раціонализма. Непреложное свидѣтельство противъ нихъ заключается во *второмъ членѣ* (1) никейскаго исповѣда-

(1) *Im zweiten Artikel*, т. е. отъ II до VIII члена по нашему дѣленію.

нія вѣры. Здѣсь слышимъ мы благодарственную пѣснь св. церкви за любовь Божію къ намъ и дивныя дѣла ея для нашего спасенія. Если бы кто нибудь другой, а не *Бого*-человѣкъ, умеръ за насъ, въ томъ проявилась бы только любовь человѣческая, а не любовь Божія, о которой мы оставались бы въ невѣдѣніи. Но мы исповѣдуемъ Единаго, Истиннаго Сына Божія, Который имѣетъ тѣ же божественныя свойства, какія принадлежатъ Отцу. Божество Отца и Сына не только однородно (gleichartig), но и тожественно (identisch): Сынъ—„единаго естества со Отцемъ“. Онъ есть второе божественное Лице, второе—Я—въ отличіе отъ Отца, но нераздѣльный съ Нимъ. Какъ свѣтъ, происходя отъ солнца, нераздѣльно съ нимъ бываетъ,—подобно тому и Сынъ есть — „Свѣтъ отъ Свѣта“, совершеннѣйшее блистаніе славы Отчей. Тайну воплощенія и искупленія символъ изображаетъ словами Св. Писанія, такими прекрасными выраженіями, что придумать лучшія—было бы напрасной попыткой. Напротивъ, какъ показываетъ опытъ, всякая новая терминологія въ этомъ случаи ведетъ лишь къ злоупотребленіямъ, открываетъ двери старымъ и новымъ заблужденіямъ.

„Отрицаніе Сына Божія не есть еще послѣдній шагъ на обрывистомъ пути уклоненія отъ вѣры. По внутренней необходимости оно влечетъ далѣе; потому что „кто не имѣетъ Сына, тотъ не имѣетъ и Отца“. Уже нѣкоторые деисты зашли такъ далеко, что потеряли всякое благоговѣніе къ Сыну. Но въ такомъ случаѣ невозможно было сохранить вѣру въ личнаго, живаго Бога и Отца. Такимъ образомъ явилось міровоззрѣніе пантеизма и натурализма, — послѣдній видъ заблужденія. Это міровоззрѣніе, какъ туманное облако,—распространилось

на умственномъ горизонтѣ многихъ современниковъ и скрыло отъ нихъ небесный свѣтъ откровенной истины.

„Если христіанинъ ниспадаетъ отъ живаго общенія съ Богомъ и вращается лишь въ животной сферѣ падшей природы; то онъ уходитъ наконецъ такъ далеко, что у него гаснетъ свѣтильникъ богосознанія и заглушается свидѣтельство совѣсти. Тогда онъ знаетъ только природу и силы ея. Но такъ какъ разумъ человѣческій даже и въ этомъ состояніи нуждается въ признаніи Высочайшаго Существа; то онъ принимаетъ вещественное (creatürlichen) основаніе творенія за нѣчто верховное и единое. Люди на этой степени паденія, отвыкнувшіе отъ здраваго употребленія разума, уже не видятъ изъ за дѣлъ творенія—Самаго Создателя, Всемогущаго Отца. Они считаютъ вселенную (Weltall) бытіемъ вѣчнымъ, самостоятельнымъ и самосозданнымъ. Они знаютъ только природу, которая у нихъ все производитъ и опять все поглощаетъ. Если же пантеисты называютъ причину вещественныхъ перемѣнъ Богомъ, то они злоупотребляютъ этимъ святымъ именемъ; потому что они разумѣютъ подъ этимъ только неразумную, безчувственную, слѣпую и глухонѣмую, словомъ безличную, первобытную силу (Urkraft).

„Пантеизмъ имѣетъ различныя формы, смотря потому, на какой степени образованія стоятъ представители его. Главное различие заключается во взглядѣ на причину вещей: одни вмѣстѣ съ Гегелемъ понимаютъ ее какъ идею, другіе,—новѣйшіе неофилософы, — какъ матерію, но у тѣхъ и другихъ сущность заблужденія остается одна и та же,—они обоготворяютъ тварь.

„Между міровоззрѣніями древняго язычества на самой низшей степени стоялъ эпикурейскій матеріализмъ. Те-

перь, послѣ долгаго процесса духовнаго развитія, пришли наконецъ къ тому, что это міровоззрѣніе даже между христіанами стали выдавать за высшую мудрость и отвергать сокровище истиннаго ученія о Богѣ.

„Противъ такихъ-то заблужденій новѣйшаго времени христіанская церковь возвышаетъ свой голосъ въ первомъ членѣ исповѣданія вѣры. Она возвѣщаетъ „Отца-Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимаго и невидимаго". Здѣсь она стоитъ во свѣтѣ, который свѣтилъ древнѣйшимъ предкамъ человѣческаго рода и сохранялся въ потомствѣ Авраама. Она исповѣдуетъ и почитаетъ Личнаго, Всевѣдущаго Бога-Отца Вседержителя. Она прославляетъ Его,—потому что по волѣ Его (а не по закону необходимости) и по слову Его всемогущества, всѣ твари вызваны изъ небытія къ жизни. Между тѣмъ какъ пантеизмъ то обожаетъ человѣка, то считаетъ его наравнѣ съ животнымъ, — церковь Христова не превозноситъ человѣка до обожанія, потому что смотритъ на него какъ на существо созданное, но и не унижаетъ его до скотоподобія, потому что видитъ въ немъ образъ Невидимаго Бога. Въ силу свидѣтельства человѣческой души о бытіи Божіемъ она внушаетъ человѣку сыновнее послушаніе къ Виновнику всякаго добра, Праведному Судіи зла, и въ чувствѣ благоговѣнія и благодарности поклоняется Вѣчному Отцу.

„Человѣкъ, погрузившійся въ чувственность, знаетъ только видимыя вещи; но церковь Христова возвѣщаетъ, что прежде этого видимаго міра и за предѣлами его существуетъ міръ невидимый, созданный по волѣ Того же Бога и Отца. Мы исповѣдуемъ бытіе ангельскаго міра. Мы признаемъ, что и человѣкъ лучшею стороной своего существа принадлежитъ къ этому невидимому и

невидимому міру. Мы вѣруемъ въ тотъ незримый порядокъ міра, который здѣсь устрояется въ духовной жизни вѣрующихъ и наконецъ побѣдоносно явится, какъ совершенное царство Божіе; потому что міръ въ настоящемъ состояніи не есть вполнѣ законченный, совершенный, вѣчный. Какъ наружность человѣка служитъ эмблемой и выраженіемъ его внутренняго состоянія, такъ въ видимой природѣ мы замѣчаемъ образъ и подобіе невидимаго міра. Въ явленіяхъ природы и исторіи мы видимъ признаки и черты еще доселѣ сокровеннаго царства небеснаго, — и мы исповѣдуемъ, что оба эти міра воззвалъ къ бытію Одинъ Творецъ. Въ начальныхъ словахъ символа содержится патріархальная религія первобытнаго времени и христіанская церковь, исповѣдуя Всемогущаго Отца, согласно вѣруетъ со всѣми благочестивыми израильтянами прошлаго и настоящаго времени.

„Итакъ, мы исповѣдуемъ Единаго Истиннаго Бога въ трехъ лицахъ. Это ученіе превосходитъ понятія нашего разсудка; потому что нашимъ познавательнымъ способностямъ надлежало бы быть безконечными, чтобы обнять Безконечнаго. Но оно не противорѣчитъ законамъ человѣческой мысли. Хотя, по Аристотелю, невозможно, чтобы два тѣла существовали въ одномъ мѣстѣ; но это положеніе разума, взятое изъ чувственнаго міра, мы не имѣемъ права переносить въ высочайшую, духовную, божественную область и сказать: не мыслимы три Лица въ Единомъ Божествѣ.

„Противъ этого современнаго невѣрія христіанская церковь должна свидѣтельствовать не полу-истину, а всю истину, не новую, а древнюю, вѣчно-живую, которая должна быть предметомъ не изученія только, но

и жизни. Символъ, по самому своему происхожденію, составленъ не столько для богословскихъ аудиторій, сколько для прославленія Бога въ священномъ собраніи церкви. Истинное примѣненіе его находимъ въ древне-христіанскомъ обычаѣ—произносить его лишь въ общемъ собраніи вѣрующихъ передъ таинствомъ Евхаристіи. Здѣсь вѣрующіе находятся въ молитвенномъ настроеніи духа, и когда они въ этомъ расположеніи произнесятъ символъ, тогда ихъ вѣра въ Тріединаго есть истина и жизнь. Здѣсь, собравшись во едино, церковь познаетъ, что Господь близъ нея и мы живемъ о Немъ. Такимъ образомъ Богослуженіе церкви есть живое свидѣтельство тайны Св. Троицы; здѣсь чрезъ Сына и во Св. Духѣ приближаемся мы къ Вѣчному Отцу“.

Мы привели все предисловіе буквально словами автора и считаемъ нужнымъ замѣтить, что появленіе его среди протестантскаго и католическаго міра есть фактъ знаменательный и поучительный. Такъ вѣровать, мыслить и чувствовать, какъ пишетъ нашъ авторъ,—дай Богъ каждому православному христіанину!

В. Голубковъ.

ЗАДАЧА НРАВСТВЕННАГО БОГОСЛОВІЯ, КАКЪ НАУКИ.

Нравственное Богословіе издавна считалось у насъ наукою не совсѣмъ удобною къ слушанію, говоря проще—скучною. Неохотно брались за нее и сами преподаватели.

Подобное воззрѣніе явилось не даромъ.

Нравственная сила есть столько же самостоятельный и живой дѣятель въ человѣкѣ, какъ и сила мысли. Но она опредѣляется въ своихъ обнаруженіяхъ представленіями, понятіями [1]. По этому нравственность, практика всегда есть, въ большей или меньшей степени, результатъ теоріи, выводъ изъ догмата и отвлеченнаго тезиса. По этому она—элементъ менѣе подвижный въ процессѣ мышленія. Весь интересъ мыслительнаго процесса, съ его разнообразными комбинаціями представленій, остается на долю теоріи и догмата, а постуляты нравственнаго характера являются лишь какъ неизбѣжное

---

[1] Строго говоря, въ дѣйствительности такого раздѣленія между интеллектуальными и практическими силами въ душѣ не существуетъ. Все въ ней просто, все слито, все—неразложимая цѣльность. Нельзя указать, гдѣ кончаются обнаруженія мысли и гдѣ начинаются стремленія практическія. Но въ анализѣ психическихъ проявленій мысль является, какъ показатель и регуляторъ дѣятельности.

приложеніе или дополненіе къ нимъ. Постулаты этого рода гораздо менѣе подвержены анализу, они — почти не разложимы.

Здѣсь, какъ намъ кажется, одна изъ главныхъ причинъ того, почему нравственное Богословіе болѣе, чѣмъ всѣ другія Богословскія науки, вращается въ сферѣ схемъ и опредѣленій и отличается особенною бездвѣтностію своего содержанія. Въ самомъ дѣлѣ, если другія Богословскія науки, построенныя схоластическимъ методомъ, иногда рѣжутъ глаза своими рубриками и утомляютъ мысль однообразіемъ своихъ пріемовъ, то Богословіе нравственное переполнено ими.... Исключая начальные трактаты о нравственномъ законѣ,—трактаты общаго богословскаго и философскаго характера, все дальнѣйшее, специфически принадлежащее этой наукѣ, состоитъ почти изъ однихъ опредѣленій и раздѣленій. Часто эти опредѣленія имѣютъ слишкомъ общій характеръ и говорятъ не болѣе того, что любовь есть любовь, а смиреніе есть смиреніе. Единственная область въ нравственномъ Богословіи, гдѣ комбинируются различныя нравственныя представленія, это—область казуистическихъ вопросовъ. Но казуистика въ нравственности есть тоже самое, что софистика въ мышленіи. Не нужно прибавлять, что интересъ отъ этой игры въ нравственныя понятія, — игры измышленной католическими теологами, по преимуществу іезуитами, очень ничтоженъ....

Правда, въ замѣнъ этого, нравственное Богословіе прямо касается жизни и, вмѣсто отвлеченныхъ представленій, имѣетъ дѣло съ разнообразными обнаруженіями нравственности въ человѣкѣ дѣйствительномъ съ его страстями и съ тѣми коллизіями, въ какія ставятъ его

нравственная борьба,—область, полная живаго, реальнаго интереса....

Но задача науки, какъ науки—все таки—понятіе;—живаго, действительнаго человѣка она въ нѣкоторой мѣрѣ—обязана подвесть подъ идеалъ, подъ норму, вставить въ рамку, чтобы онъ могъ имѣть въ ней мѣсто. Иначе она превратилась бы просто въ разсказъ о нравственныхъ подвигахъ, или въ исторію развитія страсти. А главное—все это очень трудно.

Трудно—потому прежде всего, что для этого нужно глубоко изучить и знать жизнь. А это дается не всякому и, быть можетъ, всего менѣе людямъ научнымъ. Но и этого мало. Мало знать жизнь со всѣмъ разнообразіемъ человѣческихъ проявленій, со всѣми изгибами страстныхъ движеній, со всею глубиною различныхъ импульсовъ, которые движутъ человѣческою дѣятельностію, чтобы воспользоваться, какъ должно, этими богатыми матеріалами. Нужно обладать еще чисто художественнымъ тактомъ, нужно имѣть особенную способность схватывать характерныя, типичныя явленія. Иначе описаніе проявленій нравственности, взятыхъ изъ самой жизни, будетъ несравненно хуже, безсодержательнѣе всякаго самаго безсодержательнаго логическаго опредѣленія ихъ. Иначе—картина добродѣтели или порока будетъ безжизненнѣе всякой, самой мертвой научной формулы. Да у насъ и есть эти картины нравственныхъ подвиговъ, полныя своего рода художественности, есть этотъ своего рода священный эпосъ, писанный подъ вліяніемъ самаго живаго, непосредственнаго чувства вѣры и благоговѣйнаго одушевленія, отличающійся безъискуственностію и самою цѣльною простотою. Разумѣемъ наши сказанія о жизни святыхъ. Ихъ любитъ нашъ

непосредственно-вѣрующій народъ, и, понятно, почему любитъ. Нравственный подвигъ является ему здѣсь въ живой, пластической формѣ, онъ усвояетъ нравственную истину своимъ чувствомъ и воображеніемъ гораздо скорѣе, чѣмъ усвоилъ бы разсудкомъ. Тѣмъ не менѣе — снова повторимъ—это далеко не наука нравственнаго Богословія, а только матеріалъ для нея—и эта послѣдняя, какъ и всякая другая наука, никакъ не можетъ отождествиться съ тѣмъ, что называется искуствомъ, картиной, типомъ....

Есть, однако же, другія стихіи научнаго свойства, которыя могутъ оживить науку нравственнаго Богословія и которыя должны быть внесены въ нее.

Это—прежде всего—расширеніе и усиленіе психологическаго и особенно историческаго элемента.

Въ самомъ дѣлѣ,—задача науки нравственнаго Богословія — указать нравственный идеалъ христіанства и уяснить формы его обнаруженій.

Но идеалъ этотъ, какъ и само христіанство, не смотря на свои неизмѣнныя и вѣчныя основы, есть явленіе историческое. До него и послѣ него были и являются иныя нравственныя воззрѣнія, иные нравственные идеалы. Сопоставленіе того и другихъ совершенно необходимо для уясненія характера и содержанія перваго. Такимъ образомъ воззрѣнія древности и новѣйшія философемы необходимо соприкасаются съ внутреннимъ содержаніемъ науки нравственнаго Богословія и должны имѣть въ ней мѣсто. Это разъ.

Далѣе,—идеалъ этотъ осуществлялся въ дѣйствительности въ разнообразныхъ формахъ. Носители и представители нравственныхъ началъ христіанства оставили намъ множество примѣровъ христіанской жизни самаго

разнообразнаго характера. Разнообразіе это зависѣло не только отъ личныхъ характеровъ ихъ, личнаго одушевленія и проникновенія духомъ Евангелія, но отчасти и отъ общаго состоянія всего христіанскаго міра въ данное время, отъ духа эпохи и т. д., потому что полное отрѣшеніе исторіи христіанскихъ подвиговъ и раскрытія христіанской нравственности отъ общаго хода исторіи немыслимо и невозможно, да его и не было въ дѣйствительности. Итакъ типическія обнаруженія христіанской нравственности подлежатъ — съ одной стороны — психическому анализу, съ другой — историческому пріему изслѣдованія, безъ котораго явленіе ихъ не всегда было бы понятно. Въ примѣрѣ это яснѣе. Возьмемъ фактъ болѣе рельефный и выпуклый. Всѣмъ извѣстенъ подвигъ юродства и всегда онъ казался страннымъ, непонятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, — что значитъ это намѣренное подавленіе въ себѣ мыслительной силы? Зачѣмъ это видимое глумленіе надъ своею личностію? Зачѣмъ это видимое лицемѣріе, притворство въ добродѣтели? Какъ можно сохранить чистоту чувства, позволяя себѣ соблазнительныя дѣйствія? Да и зачѣмъ производить соблазнъ въ другихъ? На этотъ вопросъ можетъ отвѣчать намъ прежде всего анализъ обнаруженій юродства, на сколько извѣстно оно въ исторіи. Всматриваясь въ эти обнаруженія, мы могли бы придти къ заключенію, что это—*отрицательный* способъ представленія нравственнаго идеала въ жизни, — нѣчто подобное тому, что извѣстно въ поэзіи подъ именемъ отрицательнаго обнаруженія эстетическаго идеала. Возможно это послѣднее, возможно, чтобы поэтъ „плакалъ незримыми міру слезами“ въ то время, какъ смѣется, повидимому надъ недостатками и пошлостію жизни; возможно, чтобы

въ это время предносился ему положительный, чистый, свѣтлый идеалъ ея, — почему же невозможно первое? Правда — это первое несравненно труднѣе, — но мы и не говоримъ о тожествѣ этихъ далеко отстоящихъ явленій, мы говоримъ только объ аналогіи явленій, объясняющей намъ психическую возможность того, что извѣстно въ исторіи христіанства подъ именемъ юродства. Если бы мы обратили при этомъ вниманіе на время, когда являлись такія лица, то еще болѣе объяснилось бы намъ значеніе ихъ нравственной дѣятельности, мы увидѣли бы, быть можетъ, что явленіе ихъ вызывалось состояніемъ общественной нравственности въ данное время, что это было время нравственнаго упадка, нравственнаго разложенія, время, когда положительные уроки нравственности мало могли имѣть значенія, когда нужно было дѣйствовать *отрицательно*, когда нравственный идеалъ блекнулъ, становился безцвѣтнымъ, когда нужно было учить добродѣтели чрезъ отвращеніе отъ порока, когда нужно было обнаружить всю наготу страсти и картиною порока учить добродѣтели. Мы увидѣли бы, быть можетъ, что къ этому направлены были и ихъ, повидимому, странныя дѣйствія.... Таково значеніе того *дѣйствительнаго* юродства, которое извѣстно въ исторіи христіанской нравственности и съ которымъ такъ часто у насъ смѣшиваютъ обнаруженія, не имѣющія съ нимъ ничего общаго и которыя служатъ не столько подобіемъ его, сколько обезображеніемъ и всего болѣе свидѣтельствуютъ о полнѣйшемъ непониманіи истиннаго юродства. Это — подвигъ не столько личный, сколько *общественный*, онъ предполагаетъ глубокое пониманіе жизни и глубочайшее нравственное самообладаніе. За то — это явленіе въ исторіи христіан-

ской нравственности очень рѣдкое и при томъ такое, на которое всегда смотрѣли какъ на исключительность...

Столько же, если не болѣе разнообразными представляются намъ обнаруженія христіанской нравственной жизни, когда мы посмотримъ на нее въ ея цѣломъ ходѣ, обнимающемъ собою и то, что называется жизнію общественною и гражданскою. Христіанство не дало опредѣленной формы для этой общественной жизни, — это было ниже его задачи. Религія всеобщей истины, религія духа и вѣчныхъ идеаловъ жизни — не опредѣляетъ преходящихъ формъ ея, измѣняющихся подъ вліяніемъ разнообразныхъ историческихъ условій быта. Но эти преходящія формы не могли не видоизмѣняться подъ вліяніемъ новыхъ началъ, завѣщанныхъ Евангеліемъ. Новыя нравственныя начала, начала въ высшей степени жизненныя не могли не осуществляться въ жизни. Но, какъ и всякія новыя начала, онѣ не могли быть вдругъ поняты и усвоены жизнію народовъ. Усвоеніе ихъ совершалось постепенно, оно продолжается доселѣ и будетъ продолжаться. Такимъ образомъ нравственныя начала христіанства могли не одинаково пониматься въ различныя времена христіанской исторіи, иначе на прим. въ средніе вѣка нашей, какъ и всякой другой исторіи, иначе нынѣ и т. д. Съ другой стороны жизнь христіанскихъ обществъ, какъ и мысль, не всегда положительно стремилась къ цѣлямъ христіанства, уклонялась отъ нихъ, создавала сама свои типы и идеалы нравственности. Словомъ—въ области жизни практической происходило то же, что и въ сферѣ интеллектуальной. Каждое время, каждая эпоха производила свои образцы и положительнаго пониманія христіанскихъ нравственныхъ началъ, и своеобразнаго отрицанія ихъ. Это своеобразное пони-

маніе нравственныхъ началъ чаще всего выражается въ литературныхъ типахъ, въ произведеніяхъ беллетристики. Разборъ этихъ нравственныхъ типовъ и положительнаго, и отрицательнаго характера, сопоставленіе ихъ съ нравственными идеалами христіанства, — также по праву может ъ имѣть мѣсто въ наукѣ, если только эти типы дѣйствительно имѣютъ характерное значеніе и служатъ выраженіемъ нравственныхъ воззрѣній времени.

Но все это болѣе или менѣе извѣстно и болѣе или менѣе входило въ содержаніе науки нравственнаго Богословія, и не на это по преимуществу мы хотѣли бы обратить вниманіе.

Доселѣ мы смотрѣли на обнаруженія нравственности съ обще-христіанской точки зрѣнія. Между тѣмъ христіанская истина, отъ начала и донынѣ, понималась различно различными народами и общинами, различно преломлялась, такъ сказать, въ обще-христіанскомъ сознаніи подъ вліяніемъ недоразумѣній сознательныхъ или несознательныхъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ историческихъ обстоятельствъ. Существуетъ такимъ образомъ множество общинъ и сектъ. И никакъ нельзя сказать, чтобы ихъ отдѣляла отъ насъ, главнымъ образомъ или единственно только теорія. Какъ ни общи иногда кажутся ихъ нравственныя начала съ нашими, какъ ни неуловимы отличія, они все таки—есть. Лишняя мысль точно также, какъ и отсутствіе извѣстной догматической мысли не могутъ не отражаться и въ практикѣ, или вѣрнѣе,—не могутъ не указывать собою на особенности въ самой жизни и практикѣ. Странно было бы не видѣть своеобразнаго вліянія на нравственную жизнь реформатства, наприм. породившаго пуританизмъ, своеобразно сложившаго нравственный типъ голландца.

Странно было бы не видѣть отличія католическихъ нравственныхъ началъ отъ нашихъ, не смотря на все видимое сходство—даже тожество въ общихъ тезисахъ нравственнаго Богословія. Да! въ догматикѣ католицизмъ не многимъ разнится отъ насъ, а въ нравственномъ ученіи—по видимому ничѣмъ или почти ничѣмъ. Между тѣмъ католицизмъ въ жизни представляетъ собою міръ совершенно противоположный нашему. Дѣло, очевидно, не въ численной разности, а въ томъ, что она выражаетъ собою, въ томъ характерѣ воззрѣнія, какое дается этою, повидимому, незначительною разностію. Еслибъ мы посмотрѣли на католицизмъ съ точки зрѣнія его общаго характера, выраженіемъ котораго служатъ его разности, то увидѣли бы, что его жизнь и бытъ не могутъ не быть совершенно отличными отъ другихъ христіанскихъ церквей, что всѣ жизненныя обнаруженія католицизма, такъ рѣзко отличающія его отъ насъ, въ немъ неизбѣжны, какъ результатъ его началъ. Что такое - въ самомъ дѣлѣ—католицизмъ съ точки зрѣнія его началъ? Это внѣшнее объективное воззрѣніе на христіанство. Все въ немъ внѣшнее, начиная съ идеи Искупителя, олицетворенной въ образѣ Христа видимаго и кончая грубо чувственными церемоніями католическаго культа, все въ немъ направлено къ тому, чтобы, какъ можно менѣе, способствовать внутреннему, искреннему, свободному, самодѣятельному отношенію вѣрующаго къ христіанской истинѣ; —и этотъ папа — носитель и податель спасенія для всѣхъ, кто только проситъ этого, и это opus operatum, не требующее отъ вѣрующаго ничего, кромѣ желанія принять на себя дѣйствія іерархіи, и это запрещеніе вѣрующему непосредственнаго, личнаго знакомства съ

источниками вѣры... Словомъ—слѣпая вѣра, тертулліановское „credo, quia absurdum"—и отсутствіе всякой автономіи и сознательности въ религіи,—вотъ, что полагается въ основу нравственной жизни въ католицизмѣ. Удивительны ли, послѣ этого, поражающія своимъ глубоко безнравственнымъ характеромъ жизненныя обнаруженія католицизма? Удивителенъ ли этотъ фанатизмъ католическій, отъ котораго онъ доселѣ не можетъ освободиться и который составляетъ его отличительную черту? Не есть ли онъ—напротивъ—явленіе самое логическое, самое необходимое въ жизни католичества? Церковь, въ основѣ быта которой лежитъ внѣшне-юридическое воззрѣніе на искупленіе, не можетъ быть проникнута чувствомъ мира и терпимости. Гдѣ все измѣряется чисто внѣшними, юридическими отношеніями, тамъ нѣтъ мѣста чувству любви, которая все примиряетъ, все прощаетъ. Тамъ, гдѣ строй церкви снятъ съ гражданскаго, государственнаго быта, гдѣ церковный первосвященникъ вмѣщаетъ въ себѣ и церковную и гражданскую власть, нельзя дѣйствовать только моральными средствами. А этотъ тѣсно связанный съ фанатизмомъ—іезуитизмъ, проявляющійся, какъ демоническая сила, дѣйствующая незамѣтно, но тѣмъ неменѣе въ высшей степени губительно, не знающая различія между добромъ и зломъ, per fas et nefas достигающая своихъ цѣлей? А софистическая доктрина этого іезуитизма о такъ называемомъ нравственномъ „пробабилизмѣ", въ концѣ концовъ разрѣшающаяся нравственнымъ нигилизмомъ? Что такое все это, какъ не порожденіе началъ католицизма? Да! послѣдователи Лойолы не привнесли ничего новаго въ сферу нравственной жизни католицизма, они только раскрыли во всей воз-

можной полнотѣ то, что лежало до нихъ въ нравственныхъ началахъ католичества, и что прежде уже проявлялось въ инквизиціи, вообще въ фанатическихъ дѣйствіяхъ католической церкви. Строго говоря—католикъ всегда болѣе или менѣе іезуитъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ духа любви, ревность по вѣрѣ не можетъ не быть страстною, не можетъ не обращаться въ *личное* чувство. А какъ скоро личное чувство руководитъ дѣйствіями, эти послѣднія перестаютъ быть нравственными... Что такое, наконецъ, сама наука католицизма, эта пресловутая схоластика, какъ не порожденіе тѣхъ же нравственныхъ началъ католицизма? Да! эта схоластика съ ея бездушнымъ, демонстративнымъ методомъ, съ ея стремленіями доказывать все per fas et nefas, разрѣшающаяся въ methodus quodlibet—anus, т. е. въ возможность все въ одно и тоже время и доказывать и опровергать — могла явиться только въ католицизмѣ, гдѣ требовалось чисто внѣшнее, юридическое отношеніе къ христіанской истинѣ. Но довольно. Подробный анализъ католическихъ нравственныхъ началъ показалъ бы намъ, что самый типъ праведности или святости здѣсь носитъ также особенный по большей части чисто внѣшній характеръ, что при отсутствіи внутреннихъ сердечныхъ возбужденій и подъ вліяніемъ внѣшнихъ пластическихъ формъ, которыми отличается католицизмъ (художественный элементъ въ этомъ вѣроисповѣданіи по преимуществу развитъ—и быть можетъ—въ ущербъ другимъ стихіямъ), религіозность обращается часто въ экзальтацію, иногда болѣзненную, въ эффектъ, часто ложный, въ настроенность, часто искусственную, въ дѣятельность мелочную, ничтожную. Читая описаніе жизни католическихъ подвижниковъ Кса-

верія или Франциска, вы непремѣнно встрѣтите здѣсь сложенныя на персяхъ руки, воздѣтыя къ небу очи, услышите блестящія фразы изъ ихъ устъ, но, прочитавъ біографію, не найдете ни глубины, ни искренности чувства. Все ограничивается какою-то фальшивою напряженностію чувства и воображенія. Но снова повторимъ подробный анализъ внѣ нашихъ цѣлей. Мы хотѣли показать только, что изслѣдованіе нравственныхъ особенностей въ различныхъ христіанскихъ церквахъ и общинахъ можетъ дать изъ себя богатый матеріалъ для науки нравственнаго Богословія, что это изслѣдованіе можетъ составить особый отдѣлъ въ этой наукѣ, который можетъ быть названъ *сравнительнымъ* отдѣломъ нравственнаго Богословія.

Для нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ предполагается элементарное знакомство съ содержаніемъ науки, все это, конечно, не необходимо, но для нашихъ высшихъ курсовъ это было бы далеко неизлишне...

А. Х.

ВОПРОСЪ

О соединеніи церквей восточной и западной (въ первый его періодъ) на греческомъ востокѣ и латинскомъ западѣ (1053—1453).

(*Продолженіе*)

Со вступленіемъ на престолъ Андроника по смерти Михаила Палеолога ([1]) наступаютъ послѣдніе времена

([1]) Позволимъ себѣ еще разъ остановиться на этой замѣчательной личности. Мы доселѣ смотрѣли на него какъ на религіознаго дѣятеля. Съ этой точки зрѣнія безспорно М. Палеологъ не заслуживаетъ сочувствія и не возбуждаетъ къ себѣ уваженія. Другое дѣло, если мы посмотримъ на него, какъ на дѣятеля государственнаго. Онъ былъ замѣчательный, даровитый государь, но жилъ въ очень трудныя времена. Если мы припомнимъ, что въ теченіе всего своего царствованія онъ отвсюду былъ окруженъ политическими врагами, и что онъ, какъ умный и энергическій человѣкъ, не будучи въ состояніи пассивно относиться къ такому положенію дѣлъ; съ необыкновеннымъ политическимъ тактомъ умѣлъ пользоваться единственнымъ средствомъ, бывшимъ у него въ рукахъ — обезоружить большую часть своихъ враговъ (мыслью объ уніи), то, отрицая его достоинства нравственныя, не можемъ отказать ему въ достоинствахъ умственныхъ, и въ этомъ отношеніи не можемъ не чувствовать къ нему уваженія. Въ теченіе 20 лѣтъ (1261—1281) при 8 папахъ онъ умѣлъ сдерживать Западъ. Овладѣвъ Константинополемъ (1261 г.), при папѣ Урбанѣ IV, бывшемъ прежде латинскимъ патріархомъ въ Константинополѣ, онъ сразу же очутился окруженнымъ со всѣхъ сторонъ врагами. Урбанъ вооружаетъ противъ него весь Западъ: повелѣваетъ ордену францисканцевъ во Франціи (Rayn. 1262 n. 37—38) и епископамъ многихъ другихъ катол. областей (Ibid. 1264 n. 55—56)

ліонской уніи. Теперь ничто уже не располагало поддерживать прежній порядокъ вещей; особенныхъ напа-

---

воззвать къ народамъ съ призывомъ къ крест. походу, обѣщаетъ индульгенціи, приказываетъ собирать деньги въ пользу Балдуина (Ibid. 1262 n. 38 et 1264 n. 19), отлучаетъ генуэзцевъ союзниковъ Михаила отъ церкви (Ibid. 1263 n. 16), разрѣшаетъ Вильгельма ахайскаго отъ клятвы не воевать съ Палеологомъ (Пах., кн. 1, гл. 3), убѣждаетъ Людовика IX стать во главѣ предполагаемой военно-религіозной экспедиціи въ Грецію (Rayn. 1262 n. 39). Венеціанцы и Вильгельмъ ахайскій по возбужденію папы вскорѣ поднимаютъ оружіе (Lebeau Hist. du Bas. emp. t. 18, liv. 100, ch. 18); Генуэзцы поспѣшаютъ отказаться отъ союза съ Михаиломъ (Ibid. ch. 20); Михаилъ деспотъ эпирскій добивается византійской короны и съ этою цѣлію постоянно непріязненно дѣйствуетъ противъ имперіи (Пах. кн. 1. гл. 30, кн. 3. гл. 16. Григ. 4, 9); Ирина, супруга болгарскаго царя Константина Теха (родная сестра ослѣпленнаго Михаиломъ Іоанна) возбуждаетъ своего мужа къ мщенію (Пах. 3, 8. Григ. 4, 6); кромѣ того набѣги со стороны мусульманъ (Пах. 1, 8. 3, 21—22). Если и не удалось папѣ возбудить кр. походъ (Lebeau t. 18 liv. 100 ch. 17. Rayn. 1263 n. 19—21), то однихъ этихъ враговъ: венеціанцевъ, генуэзцевъ, Вильгельма ахайскаго съ од. стор., деспота эпирскаго, болгаръ и мусульманъ съ др. было достаточно, чтобы испугать даже храбраго человѣка и заставить его во что бы-то ни стало позаботиться о средствахъ уменьшить количество враговъ по крайней мѣрѣ со стороны запада. Отсюда частыя посольства со стороны М. П. въ Римъ (Rayn. 1263 n. 23—28 n. 1264 58—72 et sequ. при одномъ папѣ Урбанѣ по кр. мѣрѣ три отъ М. П. и два изъ Рима). Михаилъ между тѣмъ не перестаетъ успѣшно воевать съ остатками владычества латинскаго на островахъ; его успѣхи въ войнѣ и его посольства въ Римъ побуждаютъ папу остановить Вильгельма ахайскаго (Lebeau t. 18, liv. 100 ch. 20) и позволить венеціанцамъ заключить съ Михаиломъ перемиріе. Так. обр. на нѣсколько лѣтъ успѣлъ Михаилъ обезопасить себя со стороны запада; ему оставалось только поддерживать сношенія съ западомъ. Онъ ихъ и поддерживалъ съ преемникомъ Урбана Климентомъ IV (Rayn. 1267 n. 66—67. n. 72—80), съ управлявшимъ послѣ него конклавомъ кардиналовъ (Ibid. 1270 n. 1—4 et seqn.), съ Людовикомъ IX (Ibid. et 1272 n. 26 по кр. мѣрѣ три посольства). Чрезъ эти сношенія онъ умѣлъ сдерживать не только прежнихъ, но еще новаго непріятеля, подстрекаемаго Балдуиномъ—Карла анжуйскаго, несмотря на всѣ домогательства послѣдняго въ Римѣ о дозволеніи ему воевать съ византіею. Съ 1272 (при Григоріи X) всѣ прежніе враги снова готовятся напасть на него, будучи не только не сдерживаемы, но еще поощряемы къ тому Римомъ: срокъ перемирія съ венеціанцами кончился; Карлъ анжуйскій соединялся съ ними; папа вооружалъ и др.

деній съ запада ожидать было нельзя (¹), недовольство уніей въ народѣ достигло послѣднихъ предѣловъ. Теперь должна была наступить реакція; какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, должна была высту-

государей западныхъ. Сдерживать западныхъ непріятелей прежними средствами болѣе уже не стало никакой возможности; нужно было прибѣгнуть къ рѣшительному средству, къ заключенію формальной уніи (ліонскій соборъ). Но чрезъ этотъ рѣшительный шагъ, обезоруживъ своихъ западныхъ враговъ, онъ въ тоже время далъ, благодаря посѣяннымъ чрезъ унію внутри греч. имперіи смутамъ, сильное оружіе своимъ врагамъ восточнымъ и сѣвернымъ: разнымъ претендентамъ на виз. корону, въ родѣ деспотовъ: эпирскаго, трапезунтскаго, дука патрасскаго; противники уніи обращаются сами къ этимъ государямъ (напр. трапезунтскому Rayn. 1278 n. 13—14) съ предложеніемъ импер. престола; Михаилу кромѣ того угрожаетъ союзъ болгаръ съ султаномъ по инициативѣ противницы уніи—Маріи, супруги болгарскаго царя (дочери Евлогіи, сестры Палеолога. Пах. кн. 6, гл. I). Но и изъ этихъ обстоятельствъ успѣлъ Михаилъ вывернуться, благодаря храбрости и политикѣ. Повидимому, послѣ отлученія его папою (1281 г.), Михаилъ долженъ былъ окончательно проиграть свое дѣло; главный его западный врагъ Карлъ анжуйскій снова вооружается противъ него; но опять храбрость и политика его выручаютъ, онъ одерживаетъ надъ Карломъ блистательную побѣду,—это былъ послѣдній его подвигъ (ум. 1282). Такимъ образомъ, какъ государственный человѣкъ, Михаилъ съ честію трудился на своемъ поприщѣ. Для правильнаго сужденія о немъ нужно отличать въ немъ государственнаго дѣятеля отъ религіознаго и въ извѣстной степени недостатки его нравственнаго характера извинять обстоятельствами времени. Легко было его сыну и преемнику Андронику быть болѣе нравственнымъ послѣ того, что сдѣлалъ для безопасности имперіи со стороны Запада его отецъ.

(¹) Отлученіемъ М. Палеолога развязаны были руки его противнику Карлу; Карлъ тотчасъ же рѣшился и съ суши и съ моря напасть на византійскую имперію. Но Михаилъ ловкимъ оборотомъ своей политики разбилъ его силы, возбудивъ войну противъ него въ Сициліи и такимъ образомъ отвлекъ половину его силъ. Надъ другой половиной М. Палеологъ одержалъ блистательную побѣду подъ Бѣлградомъ; эта побѣда сопровождалась совершеннымъ истребленіемъ Карловыхъ войскъ. Карлъ, пораженный этою потерею, а еще болѣе смертію своего сына, убитаго на войнѣ въ Сициліи, вскорѣ умеръ съ горя. При Андроникѣ потомки Карла затянулись въ другія войны; имъ было уже не до византійской имперіи. Теперь они уже не грозятъ войною, напротивъ стараются войти въ родственныя связи съ византійскими императорами

пить на поприще дѣятельности партія крайнихъ противниковъ уніи и выразить все, что скопилось у нихъ въ груди противъ латинянъ, равно какъ и противъ настоящихъ и мнимыхъ защитниковъ уніи. И дѣйствительно, едва вступилъ на престолъ Андроникъ, какъ въ дѣлахъ церковныхъ начался крутой поворотъ на прежнюю дорогу: во главѣ правленія стала крайняя, собственно народная, партія, заправителями которой были лица монашествующія. Дѣйствія ея отмѣчены крайнею непріязнію къ латинянамъ и направлены къ публичному заявленію того, что союзъ съ Римомъ расторгнуть и къ преслѣдованію прежнихъ дѣятелей уніи, равно какъ и лицъ мирившихся съ прежнимъ положеніемъ дѣлъ. Тотчасъ же по вступленіи на престолъ (12 Дек.), повинуясь обстоятельствамъ и подъ вліяніемъ общаго настроенія умовъ, Андроникъ объявилъ, что онъ противъ воли, только по настоянію отца, принужденъ былъ принимать участіе въ уніи, что онъ въ этомъ раскаевается и готовъ понесть даже наказаніе, какое заслуживаетъ его грѣхъ, наконецъ, что онъ возвращаетъ изъ ссылки и заточенія всѣхъ тѣхъ, которые страдали за свое противленіе уніи За такимъ началомъ послѣдовало множество фактовъ, въ которыхъ выразились непріязненныя отношенія къ латинянамъ и ихъ поборникамъ. Дѣло было около праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія. Въ первый праздникъ во дворцѣ не было литургіи, чтобы не поминать въ молитвахъ Векка, какъ патріарха. Во дворцѣ явно показывали,

---

и стараются очевидно достигнуть своихъ цѣлей этимъ путемъ, не имѣя возможности достичь ихъ путемъ завоеваній. Такъ сынъ Карла предлагалъ въ замужество сыну Андроника свою дочь, родившуюся у него отъ дочери послѣдняго латинскаго императора Балдуина II. Григора, стр. 138—142, 186, 208.

что поражены печалію о вѣчной участи императора Михаила; Евлогія, сестра М. Палеолога, выражала скорбь о погибели души своего брата въ слѣдствіе его дружбы съ латинянами и внушала тоже женѣ покойнаго императрицѣ Ѳеодорѣ; послѣдняя также въ избыткѣ скорби спрашивала патріарха Іосифа, что она должна дѣлать для спасенія души ея мужа. На другой день Рождества Христова Веккъ удаленъ вѣжливымъ, впрочемъ, письмомъ Андроника, который увѣрялъ патріарха въ своей къ нему любви и уваженіи и представлялъ его удаленіе дѣломъ необходимости, дѣломъ обстоятельствъ. Наканунѣ 1-го января, при многочисленномъ стеченіи народа, съ пѣніемъ, рукоплесканіемъ, при звонѣ колоколовъ торжественно перенесенъ въ патріаршій дворецъ едва уже живой патріархъ Іосифъ. 1-го января духовенство также не допущено было до совершенія обычнаго Богослуженія въ Великой церкви. На другой день, 2 Января, 1283 года совершена была церемонія освященія Великой церкви, какъ бы оскверненной латинянами. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ при этомъ былъ Галактіонъ, монахъ галисійскій, (Γαλησιώτης) лишенный зрѣнія М. Палеологомъ, жаркій противникъ уніи; онъ, водимый подъ руки, кропилъ святой водой и внутреннія и внѣшнія части храма, и колонны и иконы. Присутствующіе также желали быть очищенными и были также окропляемы. Мірянъ посылали къ монахамъ, которые и налагали на нихъ различныя эпитиміи, смотря по степени общенія, до котораго они хотѣли быть допущены: одну для желающихъ участвовать въ псалмопѣніи, другую для желающихъ получить благословенный хлѣбъ и третью для желающихъ участвовать въ Евхаристіи. Наконецъ публично въ церкви

читанъ былъ декретъ, написанный отъ имени патріарха, но составленный крайнею партіею, объявлявшій епископовъ и священниковъ состоящими подъ запрещеніемъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ и опредѣлявшій для мірянъ эпитиміи въ прямой пропорціи съ тѣмъ, къ какой степени общенія они желали быть допущены, а двухъ архидіаконовъ, Константина Мелитиніота и Георгія Метохита совершенно низлагавшій за то, что они нѣкогда присутствовали на мессѣ, совершаемой папою [1]. Но это еще не все; это была еще не крайняя степень реакціи: она была дальше за этими событіями; серьезное дѣло было впереди. Былъ еще не тронутъ человѣкъ, котораго всѣ считали виновникомъ уніи. Нужно было его низвергнуть и потомъ уже дѣйствовать противъ всѣхъ, по ихъ мнѣнію, неизгладимо запятнавшихъ себя уніею. И потому, до времени снисходительно обращаясь съ послѣдними, склонивъ на свою сторону всѣхъ бывшихъ въ Константинополѣ епископовъ и прежде всего бывшаго тогда въ Константинополѣ патріарха александрійскаго Аѳанасія, крайніе противники уніи собрали противъ Векка соборъ. На этомъ соборѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ патріархъ Александрійскій и присутствовали между прочимъ много потерпѣвшіе отъ М. Палеолога великій Логоѳетъ Музалонъ и Риторъ Оловолъ, также ловко передавшійся теперь на сторону противниковъ уніи, прежній ея послѣдователь, Георгій кипрскій и многіе другіе, Веккъ обвиняемъ былъ за свои сочиненія, смутившія миръ церковный, поднявшія ненужные вопросы, наполненныя ересями. Его сочиненія были осуждены и сожжены на со-

[1] Pachym. Andr. l. I, c. 2. 3.—Hist. de l'Eglis. Fleuri, an. 1283, n. LXVIII.

боръ. Звономъ колоколовъ собрали народъ, принудили явиться туда самого Векка, долго не шедшаго на соборъ изъ опасенія народной ярости. Векка заставили сѣсть на послѣднее мѣсто и защищаться. Онъ оправдывался въ своей приверженности къ уніи обстоятельствами времени, пользою союза съ Римомъ для Имперіи, но въ заключеніе принужденъ былъ отречься отъ своихъ сочиненій, подписаться подъ представленное ему исповѣданіе вѣры и также письменно отказаться отъ патріаршества; послѣ чего вскорѣ онъ сосланъ былъ въ ссылку въ Прузу, что въ Виѳиніи, вмѣстѣ съ Мелитиніотомъ и Метохитомъ (¹). При посвященіи новаго патріарха, врага и соперника Веккова, Георгія кипрскаго, еще въ нѣсколькихъ фактахъ выразилась неприязнь къ латинянамъ и уніатамъ. Императоръ, конечно по внушенію заправлявшей тогда всѣмъ партіи, хотѣлъ, чтобы въ посвященіи новаго патріарха не участвовалъ никто изъ запятнавшихъ себя общеніемъ съ латинянами. Положено было воспользоваться для этой цѣли недавно пріѣхавшими въ Константинополь изъ Этоліи и Македоніи епископами козильскимъ и деврскимъ, не принимавшими никакого участія въ уніи. Итакъ прежде всего епископъ козильскій посвятилъ Георгія кипрскаго въ инока и діакона въ церкви одного монастыря (Предтечи), въ которой прежде не совершалось службы и которая слѣдовательно не была въ рукахъ приверженцевъ уніи. Потомъ тотъ же епископъ рукоположилъ одного монаха, относившагося къ уніи совершенно безразлично, въ митрополита Иракліи ѳракійской, за которымъ издавна признавалось право по-

(¹) Pachym. Andr. l. VII, c. 7. — Hist de l'Eglis. Fleuri, an. 1283. n. VI.

священать константинопольскихъ патріарховъ, съ тою цѣлію, чтобы новопосвященный митрополитъ въ свою очередь рукоположилъ Георгія кипрскаго въ санъ константинопольскаго патріарха. Наконецъ послѣ всѣхъ этихъ приготовленій и предосторожностей всѣ трое, то есть, митрополитъ ираклійскій, епископы козильскій и деврскій 11 Апрѣля 1283 года въ церкви св. Софіи рукоположили новаго патріарха, также съ соблюденіемъ большихъ предосторожностей. Предварительно освященъ былъ престолъ и совершенно удаленъ изъ храма весь клиръ этой Церкви. Послѣ посвященія еще въ нѣсколькихъ фактахъ выразилась заботливость ревнителей православія объ искорененіи изъ церкви вторгшагося въ нее латинства. Нѣсколько дней послѣ посвященія патріарха клиръ Церкви св. Софіи все еще не смѣлъ присутствовать при Богослуженіи; наконецъ въ среду на страстной недѣлѣ положено было произнесть надъ нимъ разрѣшеніе. Клиръ палъ на землю и просилъ прощенья. Ему позволено было присутствовать при богослуженіи, но ни въ этотъ, ни въ слѣдующій день онъ не былъ допущенъ до Евхаристіи; вмѣсто Евхаристіи въ слѣдующій день онъ получилъ отъ патріарха по кусочку простаго неосвященнаго хлѣба (1).—Только теперь, послѣ всѣхъ описанныхъ событій, то есть, послѣ того, какъ низверженъ былъ Беккъ и скончался не дѣятельный Іосифъ, когда избранъ былъ новый патріархъ, который имѣлъ возможность самъ непосредственно принимать во всемъ участіе и своимъ авторитетомъ освящать разнаго рода крутыя мѣры, только тогда открылась для господствующей

(1) Pachym. l. VII, c 14.—Hist. de l'Eglis. Fleuri, an. 1283, n. VIII,

партіи возможность безъ всякой помѣхи и безъ упрека въ самоволіи энергически приняться за окончательное очищеніе церкви отъ латинскихъ заблужденій, приступить къ низверженію всѣхъ епископовъ и клириковъ, принимавшихъ какое либо участіе въ уніи, не обращая вниманія на ихъ раскаяніе. Теперь наступило то время, когда реакція предшествующему положенію дѣлъ стала на высшую свою степень. Чрезъ нѣсколько дней послѣ описанныхъ нами событій во влахернскомъ храмѣ состоялся соборъ, заранѣе авторизованный Императоромъ. Андроникъ своимъ декретомъ заранѣе утверждалъ всѣ дѣйствія этого собора. Императорскій декретъ объявлялъ, что какъ съ оскорбителемъ величества будетъ поступлено съ тѣмъ, кто будетъ противиться соборнымъ опредѣленіямъ. Предсѣдателемъ на соборѣ номинально былъ новый патріархъ; на самомъ же дѣлѣ всѣмъ заправлялъ тамъ императорскій духовникъ, епископъ сардскій Андроникъ, строгій инокъ, и слѣдовательно жаркій противникъ уніи. Большинство собора состояло изъ иноковъ и людей простаго происхожденія ([1]). На этомъ соборѣ не было разсужденій;

([1]) Что здѣсь преобладала народная партія, видно изъ слѣдующихъ словъ Григоры: „послѣ извѣстнаго сожженія въ Атрамирѣ книгъ, написанныхъ по внушенію вражды, всѣ показывавшіе въ себѣ ревность по вѣрѣ собрались въ Византію, гдѣ подѣлили между собою митрополіи и другія высшія мѣста, или же рѣшили подѣлить и, пользуясь случаемъ, безъ всякаго снисхожденія и сострадания присудили къ полному отлученію архіереевъ и всѣхъ клириковъ, согласившихся относительно догмата съ царемъ Михаиломъ. Очень многіе изъ нихъ принадлежали *къ площадному, необразованному и своенравному люду*, и вчера или третьяго дня не смѣли даже посмотрѣть въ лице царю; теперь же внезапно и не по заслугамъ встрѣтивъ въ немъ большую благосклонность къ себѣ, они такъ загордились своимъ положеніемъ, что стали точно пьяные. Получивъ дозволеніе отъ царя, который уступалъ имъ во всемъ, по своему пламенному, наполнявшему его сердце желанію единенія церкви, они по-

тутъ совершался одинъ судъ и слышались одни судебные приговоры: „пусть приведутъ такого-то“, вотъ что поминутно слышалось въ собраніи. Когда требуемое лице являлось, его обвиняли въ нарушеніи церковныхъ правилъ. Обвинителями по большей части были иноки. Послѣ этого распоряжавшійся всѣмъ на соборѣ епископъ сардекій говорилъ: „пусть его выведутъ“; это нечестивецъ, присовокупляли присутствовавшіе и императорская стража съ посрамленіемъ тащила его вонъ. Нѣкоторые иноки произносили противъ нихъ анаѳему, другіе срывали съ нихъ епископскія облаченія, такъ какъ считали ихъ недостойными носить епископскія украшенія. За неявившимися добровольно на соборъ отправлялась императорская стража и приводила на соборъ насильно; нѣкоторые, совсѣмъ не явившіеся на соборъ, не смотря на то объявлены виновными, какъ напримѣръ митрополитъ кизическій. Даже у патріарховъ александрійскаго (Аѳанасія) и антіохійскаго (Ѳеодосія), жившаго въ то время въ Константинополѣ ([1]), вмѣстѣ съ согласіемъ на низложеніе епископовъ потребовали отреченія отъ уніи, такъ какъ ревнителямъ православія и они казались уже запятнавшими себя, хотя они имѣли общеніе не съ латинянами прямо, а только съ тѣми, которые приняли латинянъ въ общеніе. Дѣйствія собора простерлись не на одну іерархію. У вдовствующей императрицы, матери Андроника, потребовали исповѣданія вѣры и письменнаго отреченія отъ уніи, равно какъ обязательства, что она не будетъ домогаться погребенія

томъ уже, нисколько не стѣсняясь, собрали какъ овецъ въ великій влахернскій храмъ всѣхъ тѣхъ, на которыхъ положили произнесть то безчестное опредѣленіе“. Григор, стр. 163—164.

([1]) Эти два патріарха постоянно жили въ Константинополѣ, такъ какъ латиняне владѣли еще Триполемъ, Акрою и многими мѣстами Сиріи.

ея мужа Михаила Палеолога; въ награду за послѣднее Ѳеодорѣ обѣщали поминать ея имя въ общественныхъ молитвахъ на ряду съ именемъ сына ея Андроника. Такимъ образомъ всѣ, кто хотя сколько нибудь сочувствовалъ уніи или по крайней мѣрѣ терпѣлъ ее подверглись соборному осужденію. Теперь, когда всѣ были низложены, когда не оставалось болѣе никого, противъ кого бы можно было ратовать, естественно должна была наступить въ церкви тишина. Но по временамъ и послѣ этого заявляла себя унія. По временамъ снова поднималось въ церкви волненіе, хотя унія теперь становилась уже на задній планъ, служила только предлогомъ, за которымъ скрывались и дѣйствовали отношенія личныя, страсти (1). Спустя два года послѣ описанныхъ выше событій, въ 1285 г. снова возникли споры объ исхожденіи Св. Духа; былъ даже соборъ; писались догматическія сочиненія; возникла полемика. Соборъ (второй Влахернскій) былъ направленъ противъ Векка; полемика—противъ Георгія Кипрскаго. Когда новый епископъ Прусы (мѣста ссылки Векка) Неофитъ, какъ видно жаркій противникъ уніи, при своемъ вступленіи на престолъ наложилъ на свою паству постъ для изглажденія преступленія, то есть уніи, когда за тѣмъ народъ, находя, вѣроятно, эту мѣру своего епископа для себя тяжелою, въ ярости устремился къ Векку, жившему тамъ въ ссылкѣ, какъ къ виновнику уніи, а слѣдовательно и наложеннаго поста, когда наконецъ Веккъ принужденъ былъ для успокоенія народнаго волненія предложить свое дѣло и ученіе еще разъ на соборное обсужденіе; тогда снова составился соборъ во Влахернскомъ

(1) Pachym., l. VII, c. 19; Hist. Eccl. Fleuri, an. 1283, n. IX.

дворцѣ подъ предсѣдательствомъ двухъ патріарховъ, Георгія константинопольскаго и Аѳанасія александрійскаго, въ присутствіи самаго императора. На этомъ соборѣ было много преній объ исхожденіи Св. Духа. Веккъ и особенно его сподвижники, когда потребовали отъ нихъ откровеннаго признанія, какъ они думаютъ объ этомъ догматѣ, старались и отеческими сочиненіями (особенно мѣстами изъ твореній св. Іоанна Дамаскина) и сравненіями (солнце, лучь, свѣтъ) оправдать свое ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца чрезъ Сына. Георгій и засѣдавшіе на соборѣ опровергали это ученіе различнаго рода соображеніями, именно, что этимъ ученіемъ вводятся два начала въ одно божество, наводится на мысль, будто Отецъ не могъ известь Духа Святаго, какъ только подъ условіемъ рожденія Сына, что чрезъ это расторгается непосредственная связь Духа Святаго съ Отцемъ. Спорили за тѣмъ о предлогахъ ἐξ и διά и проч. Далѣе одна сторона укоряла своихъ противниковъ за ненужное, только смутившее миръ церковный, прибавленіе къ символу; другая же оправдывая это прибавленіе доброю цѣлію—желаніемъ уничтожить раздѣленіе церквей, укоряла противную сторону въ безпощадной жестокости, въ томъ, что за прибавку къ символу, основанную на отеческихъ выраженіяхъ, стали трактовать ихъ, какъ отступниковъ и еретиковъ, лишали священныхъ степеней, омывали жертвенники, на которыхъ они священнодѣйствовали, выливали, какъ нечистоту, муро, ими освященное и пр. Такимъ образомъ къ концу соборнаго засѣданія діалектика уступила мѣсто различнаго рода упрекамъ: заговорили языкомъ страстей. Соборное засѣданіе кончилось рѣзкою выходкою Векка. Объявляя,

что он не смотря ни на что, не смотря даже на собственное свое убѣжденіе, желаетъ лучше слѣдовать вмѣстѣ съ соборомъ православному ученію и, если весь соборъ заблуждается, рѣшается лучше вмѣстѣ со всѣми быть осужденнымъ, чѣмъ одному искать спасенія, что онъ всецѣло ввѣряется водительству православныхъ, Веккъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ опасеніе. Быть можетъ, говорилъ онъ (передаемъ сущность его рѣчи), мое ученіе вовсе и не думаютъ отвергать, быть можетъ противъ меня дѣйствуетъ одна ненависть, можетъ быть и отказавшись отъ своихъ убѣжденій я останусь для всѣхъ ненавистенъ, всѣ будутъ бѣгать меня и такимъ образомъ, подвергая опасности свою душу ради мира съ братіею, я все-таки не достигну этого мира. Уколотый подобными намеками, соперникъ Векка и бывшій приверженецъ уніи, патріархъ Георгій разнаго рода колкостями довелъ Векка до того, что послѣдній, совершенно вышедши изъ себя, обратившись къ императору и возвысивъ голосъ, съ клятвою объявилъ, что если Георгій не сойдетъ съ престола, тишина никогда не водворится въ церкви. Послѣ собора, не смотря на увѣщанія Андроника оставить споры и примириться съ церковію, Веккъ и его единомышленники объявили, что они готовы лучше вытерпѣть все возможное отъ императора, чѣмъ подчиниться тѣмъ, которые ихъ оклеветали. Послѣ многихъ безуспѣшныхъ попытокъ примирить враждующихъ, Андроникъ снова сослалъ Векка, Мелитиніота и Метохита въ Виѳинію, въ крѣпость св. Георгія ([1]). Но этимъ дѣло еще не кончилось. Догматическіе споры, бывъ возбуждены, не могли скоро утих-

---

([1]) Pachym. Andr. l. VII, c. 34, 35.—Hist. de l'Eglis. Fleuri, an. 1285, n, XXV, XXVI.

нуть; явились сочиненія. Сперва сочиненіе патріарха Георгія противъ ученія Векка объ исхожденіи Св. Духа. Сочиненію этому придано значеніе чего-то въ родѣ символической книги. Его подписали императоръ, епископы и, разумѣется, его авторъ, патріархъ (2). Оно было читано въ церкви съ амвона и при каждомъ пунктѣ чтецъ, возвысивъ голосъ, анаѳематствовалъ поименно Векка и его единомышленниковъ. Въ отвѣтъ на сочиненіе Георгія появились сочиненія Векка, обвинявшія Георгія въ томъ, что онъ вводитъ новыя ереси. Сочиненія Векка очень распространены были въ Константинополѣ и были тщательно обсуживаемы всѣми, которые боялись ошибиться въ такомъ щекотливомъ предметѣ и особенно тѣми, которые не подписались подъ сочиненіемъ Георгія, какъ подъ вѣроисповѣданіемъ епископовъ. Наконецъ, догматическіе споры окончательно стали покровомъ для интригъ, когда люди нерасположенные къ Георгію, воспользовавшись тревожнымъ настроеніемъ умовъ, успѣли за сочиненіе одного изъ учениковъ Георгія, поправленное послѣднимъ, объявить патріарха еретикомъ и свергнуть съ престола. Іоаннъ Веккъ умеръ 1298 г.—Константинъ Мелитиніотъ и Ге-

(1) Но когда стали принуждать клириковъ подписаться подъ него, тогда начались волненія. Потерпѣвъ не задолго передъ тѣмъ много непріятностей за то, что противъ воли принуждены были согласиться на унію, клирики боялись теперь снова сдѣлать что-нибудь такое, изъ-за чего могли осудить ихъ во второй разъ. Итакъ, многіе изъ нихъ, теряясь въ догматическихъ тонкостяхъ, рѣшились лучше подвергнуться отлученію, чѣмъ подписаться подъ представленное имъ сочиненіе. За свое сопротивленіе патріарху они отлучены были отъ церкви, потерявъ свои мѣста. Они подписались только тогда, когда епископы дали имъ отъ себя письменное удостовѣреніе, что съ нихъ снята будетъ всякая отвѣтственность предъ Богомъ и предъ людьми, если сочиненіе патріарха содержитъ въ себѣ какую-нибудь мысль, противную православію.

оргій Метохитъ жили еще нѣсколько времени послѣ него, будучи по смерти Векка переведены въ Константинополь, снова безуспѣшно убѣждаемы императоромъ примириться съ православными и наконецъ заключены въ тюрьмѣ большаго дворца (1).

Мы показали общій ходъ дѣлъ во времена ліонской уніи. Надѣемся, что излишне было бы рѣшать вопросъ, почему описанная нами попытка къ соединенію церквей была безуспѣшна; надѣемся, что отношеніе правительства, іерархіи и народа греческаго къ разсматриваемому нами вопросу, равно какъ и стремленію папъ, сами собою видны изъ нашего изложенія. Намъ теперь остается остановить вниманіе на одномъ изъ главныхъ дѣятелей этого времени, Беккѣ, — на личности, которыя не можетъ быть вполнѣ выяснена изъ нашего изложенія общаго хода дѣлъ; намъ нужно рѣшить вопросъ, что это была за личность, почему изъ защитниковъ православія Веккъ превратился въ поборника латинства. Мы уже высказали свой взглядъ на него; теперь остается подтвердить этотъ взглядъ фактами, по большей части уже изложенными. Прежде всего Веккъ былъ человѣкъ не чуждый вопросовъ, занимавшихъ тогда государственную политику. Когда на соборѣ при Андроникѣ, какъ мы видѣли, спрашивали его, почему онъ дѣйствовалъ въ пользу уніи, онъ прямо отвѣчалъ, что подобнаго рода дѣйствій съ его стороны требовали обстоятельства времени, нужды имперіи. Но если бы мы и не знали этого факта, и въ такомъ случаѣ уже на основаніи одной должности, которую занималъ Веккъ — должности Великаго Хартофилакса мы имѣли бы право заключать,

(1) Pachym. Andr., l. VIII, c. 1—10. — Hist. de l'Eglis. Fleuri, an. 1289, n. LIV—LVI.

что дѣла тогдашней политики и нужды государства не могли конечно не занимать такого важнаго лица, какъ Великій Хартофилаксъ, соприкасавшагося по обязанностямъ своей службы съ первыми сановниками двора. А ясное сознаніе государственныхъ нуждъ, всякій съ нами согласится, было уже важнымъ предполагающимъ обстоятельствомъ въ пользу уніи съ Римомъ. Въ характерѣ Векка было другое благопріятное условіе, которое при извѣстныхъ обстоятельствахъ могло привести его, какъ и привело къ тому же. Много мы имѣемъ данныхъ для того, чтобы приписывать Векку характеръ гибкій, уклончивый. Еще до своего перехода на сторону императора, Веккъ обнаружилъ свою уклончивость. Припомнимъ, какъ въ собраніи епископовъ и въ присутствіи императора онъ колебался высказать свое мнѣніе относительно латинянъ, какъ патріархъ, чтобы заставить его говорить принужденъ былъ употребить противъ него угрозу отлученія отъ церкви, какъ Веккъ колебался при этомъ случаѣ, по словамъ Пахимера „между страхомъ царя и угрозою отлученія и сознавалъ неловкость своего положенія“, въ какихъ наконецъ смягчающихъ выраженіяхъ онъ высказалъ свое мнѣніе, что латиняне еретики (¹). Повидимому много твердости обнаружилъ Веккъ, когда послѣ измѣны православію сдѣлавшись патріархомъ, принялъ на себя обязанность ходатайствовать предъ императоромъ за людей страждущихъ, вмѣшивался въ дѣла и распоряженія императора, сдѣлался очень настойчивъ въ своихъ къ нему просьбахъ и чрезъ то навлекъ на

(¹) „Одни—говорилъ Веккъ—въ отношеніи къ чему-нибудь и есть и называются; другіе и называются и не есть; а третіе опять хотя и есть, но не называются“. См. Пахим., стр. 345.

себя гнѣвъ Михаила Палеолога. Но, какъ потомъ оказалось, Беккъ и въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ по разсчету. Онъ безъ сомнѣнія думалъ, что огромныя услуги, какія онъ своимъ переходомъ на сторону уніи оказалъ императору, слишкомъ достаточны для того, чтобы послѣдній извинилъ ему многое. Беккъ надѣялся, что ему все сойдетъ съ рукъ, а онъ между тѣмъ своимъ поведеніемъ въ отношеніи къ императору пріобрѣтетъ себѣ большой вѣсъ и уваженіе при дворѣ и въ обществѣ. Но когда разсчеты его оказались невѣрными, когда Михаилъ Палеологъ, по своей крайне деспотической натурѣ не могшій терпѣть вокругъ себя людей свободно и настойчиво высказывающихся, удалилъ его, подвергъ его своей немилости; тогда Беккъ совершенно измѣнилъ свою тактику. Обязанный своимъ возвращеніемъ на патріаршію каѳедру стѣсненному положенію императора, въ какомъ очутился послѣдній съ прибытіемъ въ 1278 году пословъ отъ папы Николая III, Беккъ послѣ того сдѣлался крайне осторожнымъ. Боясь вторично подпасть гнѣву М. Палеолога, Беккъ началъ во всемъ угождать императору. По замѣчанію Пахимера „готовъ былъ въ угодность ему сдѣлать все; ибо совершенно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ трудными обстоятельствами,“ (¹) былъ свидѣтелемъ жестокостей Михаила и не возставалъ противъ нихъ. Мало того, не считалъ излишнимъ прибѣгать къ низкой лести и угодничеству предъ лицами близкими къ императору (²). Наконецъ, отрекшись на соборѣ при Андроникѣ отъ всего, что такъ жарко защищалъ прежде, отъ общенія съ латинянами и отъ ученія объ исхожденіи

(¹) Пахим., стр. 457.
(²) См. Пахим., стр. 442.

Св. Духа и отъ Сына, Веккъ еще разъ обнаружилъ въ себѣ недостатокъ устойчивости, твердости въ характерѣ. И такъ въ общественномъ положеніи Векка и въ его характерѣ скрывались два условія, имѣвшія, безъ сомнѣнія, вліяніе на переходъ его на сторону императора. Но всего важнѣе въ этомъ случаѣ была та степень пониманія православія и латинства, на какой стоялъ Веккъ. Православіе и латинство онъ ограничивалъ, какъ многіе тогда ограничивали, нѣсколькими отдѣльными пунктами ученія. (1) Обстоятельства заставили Векка поглубже вникнуть въ то, почему въ самомъ дѣлѣ православные не имѣютъ общенія съ латинянами. Прежде, скрываясь за другими онъ и думалъ также какъ и другіе, не имѣя нужды критически отнестись къ основаніямъ, на которыхъ всѣ, а вмѣстѣ со всѣми и онъ, поступаютъ такъ, а не иначе. Заключеніе въ тюрьму заставило его тщательно взвѣсить все то, что имѣлъ онъ за и противъ общенія съ римскою церковію. Противъ послѣдней у него оказалось не много, а по тщательномъ обсужденіи, даже одинъ только догматъ объ исхожденіи Св. Духа. Остальныя основанія отчужденія отъ римской церкви, какъ ему безъ сомнѣнія казалось, скрывались въ различіи нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, болѣе же въ чувствѣ воспитанной вѣками непріязни къ латинянамъ; но эти основанія, конечно, не могли устоять

(1) Но не всѣ испытывали на себѣ тѣ предрасполагающія вліянія, какія испытывалъ, какъ мы видѣли, Веккъ; притомъ не всѣ были поставлены въ то исключительное положеніе, въ какомъ очутился послѣдній послѣ перваго собранія епископовъ у императора; а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что другіе устояли, а онъ палъ. Другіе имѣли за собою или болѣе твердости характера или были далѣе отъ политики двора или относились къ догматическимъ истинамъ болѣе сердцемъ, нежели умомъ, или наконецъ на нихъ не были, какъ на Векка, направлены преслѣдованія императора.

противъ его критики. Въ пользу же возсоединенія съ латинянами говорили ему, безъ сомнѣнія, извѣстныя ему политическія обстоятельства отечества и всегда сильное въ человѣкѣ чувство самосохраненія съ благосклонностію императора въ добавокъ. Послѣ всего этого довольно было какого нибудь случая, который бы могъ натолкнуть его на мысль, что и одно имѣющееся у него препятствіе къ соединенію съ Римомъ можетъ быть устранено,—достаточно, говоримъ, было одного такого случая для того, чтобы Веккъ съ радостію ухватился за него, какъ человѣкъ уже сознавшій, что противная сторона не Богъ знаетъ какъ далека отъ православія. Тщательное знакомство съ сочиненіями знаменитаго, уважаемаго всѣми Блеммида, представленными Векку въ тюрьмѣ, было для него именно такимъ обстоятельствомъ ([1]). Не удивительно послѣ этого, что состояніе души его, когда онъ прочелъ сочиненіе Блеммида „подобно было“, по словамъ Пахимера „тому, въ какомъ находятся безпомощные люди, когда во время гнетущей нужды неожиданно вообразятъ, что имѣютъ все“. ([2]) Оно дѣйствительно должно было быть на столько успокоительно, на сколько предъидущее было шатко, мучительно. Теперь можно было и

([1]) Настроенный такимъ образомъ, онъ совершенно лишился надлежащаго критерія къ изслѣдованію истины. Сочиненія св. отцевъ, въ которыхъ излагалось православное ученіе, Векку представлялись или поврежденными (de process. Sp. Sancti Gracc. Orth. p. 241—242) или подложными, какъ напр. сочиненіе Кирилла Алекс.: „de trinitate“ (de proces. Sp. S. cap. XII), почему онъ ихъ отвергалъ. Поврежденными же, напротивъ, пользовался, напр. (de un Eccl. Graec. Orth. p. 133)—поврежденнымъ спискомъ твореній Василія В., въ который внесены слова, благопріятствующія латинянамъ (что эти слова—вставка позднѣйшая, см. прим. къ русск. пер. Тв. Св. Отц., т. 7, стр. 128).

([2]) Пахим., стр. 350.

измѣнить православію и остаться въ то же время правымъ предъ своею совѣстію. По всей вѣроятности подобнымъ же образомъ совершился переходъ на сторону уніи и остальныхъ ея приверженцевъ—архидіаконовъ Мелитиніота и Метохита и протопостолларія Георгія кипрскаго ([1]), хотя можетъ быть Векку, какъ человѣку съ болѣе честными правилами переходъ въ унію стоилъ гораздо большихъ душевныхъ мученій, чѣмъ на примѣръ, Георгію кипрскому, для котораго, какъ видно, не составляло большаго труда мѣнять убѣжденія, который два раза измѣнилъ ихъ. Не видно также, чтобы и Мелитиніотъ съ Метохитомъ сколько нибудь колебались подобно Векку прежде, чѣмъ перешли на сторону уніи.

ГЛАВА II.

Обозрѣніе попытокъ къ соединенію церквей между ліонской уніей и флорентинскимъ соборомъ (1300—1416).

Послѣ всѣхъ вышеизложенныхъ событій ліонской уніи нужно было ожидать, что въ слѣдующія за тѣмъ времена вопросъ о соединеніи церквей вообще уже не будетъ обращать на себя такъ много вниманія, какъ прежде, что для него наступитъ время забвенія, пренебреженія, намѣреннаго отъ него удаленія. Такъ дѣйствительно и было.—На востокѣ не только народъ, но и іерархія совершенно имъ не занимались. Положительно извѣстно, что въ Греціи отъ народа даже намѣренно скрывали, какъ послѣ увидимъ, сношенія съ латинянами, держали эти сношенія въ тайнѣ. Разъ только

([1]) И они, подобно Векку, были лица не маловажныя въ столичномъ духовенствѣ.

одинъ государь (Іоаннъ Палеологъ) позволилъ себѣ явно стать на сторонѣ латинянъ, но во первыхъ это было въ бытность его на западѣ, слѣдовательно не въ виду православнаго народа, во вторыхъ этотъ государь, какъ видно изъ исторіи, вовсе не намѣренъ былъ убѣждать кого нибудь послѣдовать своему примѣру; перешедши въ латинство лично онъ не принуждалъ къ тому ни народъ, ни іерархію, и дѣло это не произвело замѣтнаго движенія въ народѣ. Но, не говоря уже о народѣ, даже тѣ, которыхъ прямою обязанностію было заниматься рѣшеніемъ этого вопроса—православная іерархія равнодушно относилась къ нему, совершенно устраняла себя отъ него. Вотъ почему при обозрѣніи этого періода времени намъ не придется уже быть свидѣтелями, какъ прежде, переговоровъ или письменныхъ сношеній патріарха и епископовъ съ латинянами. Прежнихъ небольшихъ соборовъ, и разсужденій на нихъ епископовъ о причинахъ раздѣленія и способахъ соединенія церквей мы совсѣмъ не встрѣтимъ. Всего только разъ дѣло клонилось было къ диспуту между папскими нунціями и православными епископами, но и тутъ все дѣло ограничилось только однимъ пространнымъ разсужденіемъ о томъ, что не нужно поднимать щекотливаго вопроса. Замѣчательно, что даже патріархъ ни разу не писалъ папѣ, ни однажды не приложилъ своего письма къ письму императорскому, между тѣмъ какъ въ прежнее время весьма часто, мы видѣли, вмѣстѣ съ императоромъ писалъ къ папѣ и патріархъ. Даже императорскими послами, приносившими папѣ императорскія письма были въ описываемое нами время не епископы или клирики, а люди свѣтскіе, придворные или же латиняне. Одинъ только разъ посланъ былъ въ Авиньонъ

архимандритъ, да и то однимъ императоромъ тайно отъ всѣхъ, притомъ какъ послѣ оказалось этотъ человѣкъ въ душѣ былъ латинянинъ. И такъ намъ приходится теперь имѣть дѣло исключительно съ дипломатическими сношеніями одного византійскаго императора съ латинскимъ западомъ.—На западѣ этотъ вопросъ какъ и всегда не занималъ народныхъ массъ; онъ интересовалъ собою только нѣсколькихъ лицъ. Народъ на западѣ смотрѣлъ на православный востокъ какъ на церковь, дошедшую за свою схизму до крайне бѣдственнаго положенія; таково было тамъ общее мнѣніе (communis opinio) (¹); являлись тамъ даже предсказанія (Бригитты), что восточную имперію до тѣхъ поръ будутъ тревожить турки, пока не подчинится она церкви римской. (²) Но тѣмъ дѣло и ограничивалось. Петрарка упрекаетъ весь западъ въ пренебреженіи къ восточной церкви и къ тѣмъ отношеніямъ, въ какихъ эта послѣдняя стоитъ къ латинской (³). И такъ вопросъ о соединеніи церквей не занималъ въ разсматриваемый періодъ массъ западныхъ.—Кого же онъ интересовалъ въ это время на западѣ? Сначала онъ интересовалъ лицъ предъявлявшихъ права на византійскій престолъ, родственниковъ послѣдняго латинскаго императора, стало быть, занималъ собою два царствующихъ дома французскій и неаполитанскій.

(¹) Annal. Eccl. Raynald. 1373 n. 1—2.

(²) Ibid. ad. an. 1374 n. 5.

(³) Обвиняя латинскую церковь въ снисходительности къ греческой церкви, Петрарка говоритъ: „болѣе и болѣе изумляюсь я этой снисходительности и не могу понять, почему такія важныя дѣла не обращаютъ на себя вниманія, когда о менѣе важныхъ такъ заботятся; хотя *безчестіе обще, касается всѣхъ христіанъ*, однакожъ въ цѣломъ войскѣ, худо исполняющемъ свои обязанности, всего стыднѣе вождямъ. (Ibid. ad an. 1366 n. 24.

Папа относился въ это время къ этому вопросу, не какъ лицо дѣйствующее самостоятельно, не въ своихъ собственныхъ интересахъ, но болѣе въ интересахъ французскихъ королей, какъ епископъ, находившійся по мѣстопребыванію своему — Авиньону подъ вліяніемъ французскаго двора. Такъ было до половины XIV столѣтія. Затѣмъ, когда, въ половинѣ этого столѣтія, папы, понявъ всю унизительность своего положенія, стали стремиться поднять авторитетъ своего престола, стали дѣлать попытки (Урбанъ VI и Григорій XI) переселиться въ Римъ, въ это время вопросъ о соединеніи церквей сравнительно гораздо болѣе интересовалъ папъ; послѣдніе энергичнѣе взялись за него и самостоятельнѣе при этомъ дѣйствовали. Такъ было съ половины XIV столѣтія до послѣдней его четверти. Наконецъ, всего менѣе расположенъ былъ западъ заниматься этимъ вопросомъ въ послѣдней четверти XIV столѣтія и въ началѣ XV. Притязанія на константинопольскій престолъ утратили для всѣхъ всякое значеніе; для папства наступило время самое несчастное; переселеніе папскаго престола изъ Авиньона въ Римъ кончилось расколомъ; явилось двое папъ и между ними завязалась ожесточенная борьба. Въ это время вопросомъ о соединеніи церквей на западѣ не занимался никто.

На востокѣ, какъ и на западѣ, вопросъ о соединеніи церквей занималъ въ описываемое время только одинъ дворъ визант. императоровъ. Какая же именно судьба была этого вопроса на востокѣ? Когда усиливались и когда ослабѣвали сношенія съ западомъ? Уже изъ того, какое значеніе въ разныя времена имѣлъ этотъ вопросъ на западѣ, кого и когда онъ особенно занималъ можно отчасти

видѣть ходъ сношеній востока съ западомъ по вопросу о соединеніи церквей въ разсматриваемое время, такъ какъ эти сношенія обусловливались столько же обстоятельствами запада, сколько и обстоятельствами востока. На востокѣ, какъ извѣстно, императоры всегда смотрѣли на этотъ вопросъ со стороны положенія имперіи. Смотря по тому, каково было ея состояніе, императоры такъ или иначе относились и къ вопросу; холодно—если дѣла шли у нихъ хорошо, горячо—если имперія находилась въ критическомъ положеніи. Сначала въ первую половину XIV столѣтія Византійская имперія, хотя тревожима была турками, но еще не слишкомъ бѣдствовала; по крайней мѣрѣ еще цѣлы были всѣ европейскія ея провинціи; турки, громя азіатскія ея владѣнія, поселившись въ Никеѣ, не ступили еще на европейскій берегъ. Потому и вопросъ о соединеніи церквей въ первыя 50 лѣтъ XIV столѣтія еще не слишкомъ занимаетъ императоровъ восточныхъ; они сносятся съ папою и королями французскими и неаполитанскими какъ бы не хотя, какъ бы вовлеченные въ это дѣло самимъ западомъ; вовсе не высказываютъ рѣшительнаго намѣренія подчиниться римской церкви; напротивъ выставляютъ на видъ трудности, сопряженныя съ этимъ дѣломъ. Съ половины XIV в. съ вступленіемъ на престолъ Іоанна Палеолога турки проникаютъ въ Европу: положеніе имперіи дѣлается весьма опасно. Съ тѣмъ вмѣстѣ вопросъ о соединеніи церквей дѣлается для византійскаго двора весьма важнымъ; императоры уже сами начинаютъ сношенія съ западомъ; соглашаются на все; дѣло теперь представляется имъ уже очень удобоисполнимымъ. При начавшемся въ это время на самомъ папскомъ престолѣ движеніи въ пользу возстановленія

папскаго авторитета дѣло идетъ довольно быстро, принимаются съ той и другой стороны дѣятельныя мѣры къ окончательному рѣшенію давняго вопроса. Наконецъ, въ послѣднюю четверть XIV столѣтія и въ началѣ XV, послѣ указанныхъ выше неудавшихся попытокъ, во время великаго раскола въ латинской церкви, византійскіе императоры, не видя уже на западѣ ни малѣйшей для себя поддержки, принужденные заключить миръ съ турецкими султанами и даже признать себя ихъ данниками, потеряли всякую энергію, на время примирились съ своимъ положеніемъ; а тамъ вскорѣ ихъ положеніе улучшилось, когда туркамъ нанесено было внезапное и страшное пораженіе отъ такихъ же, какъ они кочевыхъ народовъ, предводимыхъ Тамерланомъ. Вопросъ о соединеніи церквей, такимъ образомъ, совершенно оставленъ былъ въ это время и востокомъ и западомъ; однимъ—съ отчаянія и отъ неожиданно принесеннаго ему Провидѣніемъ успокоенія; а другимъ—по увлеченію иными болѣе важными и ближе касающимися запада вопросами. Такимъ образомъ, въ разсматриваемый нами періодъ отъ ліонской уніи до флорентинскаго собора, самыя оживленныя сношенія между византійскимъ дворомъ и папскимъ мы встрѣчаемъ въ срединѣ періода; въ концѣ его мы вовсе не находимъ никакихъ сношеній; въ началѣ отношенія между ними принимаютъ характеръ уклончивый, вялый, колеблющійся.

Въ началѣ этого періода, намъ приходится, какъ мы сказали, имѣть дѣло съ дипломатическими сношеніями императоровъ византійскихъ съ королями французскими и неаполитанскими и папами, находившимися въ рас-

пораженіи первыхъ. Много обстоятельствъ сложилось для того, чтобы французскій королевскій домъ и родственный ему неаполитанскій втянулись въ вопросъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Во-первыхъ, притязанія на константинопольскій престолъ отъ послѣдняго латинскаго императора Балдуина II, чрезъ сына его Филиппа, женатаго на дочери Карла Валуа, сицилійскаго короля, и чрезъ дочь его Екатерину Куртенайскую, вышедшую замужъ за графа Карла Валуа, перешли въ царствовавшій тогда во Франціи и Неаполѣ домъ Валуа. Притязанія эти заставляли не разъ членовъ этого дома обращать свои взоры на Константинополь. Во-вторыхъ, въ это время стали уже обращать на себя довольно много вниманія въ Европѣ турки; между тѣмъ всегда, а въ это время въ особенности, инціатива крестовыхъ предпріятій (никогда, впрочемъ, въ разсматриваемое время не осуществлявшихся) принадлежала Франціи; здѣсь еще по временамъ пробуждались рыцарскія стремленія, хотя религіознаго одушевленія уже не было. Такимъ образомъ Византійская имперія, угрожаемая турками, невольно обращала на себя вниманіе во Франціи. Наконецъ, во Францію же перенесено было средоточіе духовной власти запада—папскій престолъ. Общіе интересы сближали, такимъ образомъ, Францію, Неаполь и Грецію: претензіи на престолъ, война съ мусульманами, желаніе подчинить гречеекую церковь французскому папѣ.

Сначала во Франціи смотрѣли на этотъ вопросъ исключительно съ точки зрѣнія претензій на константинопольскій престолъ и со стороны, доказанной ліонскою уніею, невозможности возсоединенія востока и запада въ одно религіозное общество. Съ самаго начала

XIV столѣтія французскій королевскій дворъ заявилъ свои претензіи на константинопольскій престолъ и во Франціи началось небольшое движеніе политически-религіозное. Инціатива этого движенія принадлежала брату короля французскаго (Филиппа Красиваго) графу Карлу Валуа, претенденту (по женѣ) на византійскую корону; затѣмъ оно сообщилось папѣ, который при всемъ своемъ упадкѣ и при всей своей несамостоятельности съ переселеніемъ 1303 г. въ Авиньонъ, могъ еще въ это время, т. е. на первыхъ порахъ послѣ ліонской уніи чувствовать себя болѣе или менѣе озлобленнымъ противъ восточной церкви, ускользнувшей отъ папскаго престола къ большой досадѣ этого послѣдняго и потому дѣйствовать болѣе или менѣе самостоятельно, хотя, быть можетъ, желаніе угодить королевскому дому было въ немъ преобладающимъ при этомъ побужденіемъ. Въ 1304 году графъ Карлъ Валуа послалъ сказать папѣ Венедикту XI (1303—1305), что онъ вооружается для возвращенія Константинопольской имперіи, какъ собственности его супруги, и потому проситъ папу 1) перемѣнить обѣты крестоносцевъ, намѣревавшихся отправиться въ Палестину, чтобы эти войска могли отправиться съ нимъ противъ схизматиковъ (т. е. православныхъ), 2) предоставить для издержекъ на эту войну вклады и разнаго рода пожертвованія, назначавшіяся первоначально для палестинскаго крестоваго ополченія, и наконецъ, 3) проповѣдать всеобщій крестовый походъ уже прямо для завоеванія восточной имперіи. Папы давно уже охладѣли къ освобожденію св. земли изъ-подъ иновѣрнаго ига; давно уже они злоупотребляли религіознымъ одушевленіемъ запада, пользовались имъ для возбужденія войнъ между христіанами, для по-

раженія личныхъ своихъ враговъ, въ особенности нѣмецкихъ императоровъ. Поэтому (не говоря уже о побужденіи, скрывавшемся въ чувствѣ досады на православную церковь) папѣ Бенедикту ничего не стоило согласиться съ желаніемъ Карла и дѣйствительно въ письмѣ (27 мая 1304 г.) онъ высказалъ Карлу, съ своей стороны, полное согласіе на всѣ его просьбы, исключая провозглашенія всеобщаго крестоваго похода, приводя въ оправданіе своего отказа войну, которую вела тогда Франція съ фламандцами ([1]). Въ доказательство своей готовности помогать и сочувствовать Карлу въ его предпріятіи, папа тогда же (20 іюня) писалъ посланіе къ прелатамъ Франціи, просилъ ихъ всѣми силами содѣйствовать предпріятію Карла; „если вы знаете", писалъ имъ папа, „какое презрѣніе питаютъ къ намъ греки, знаете ихъ ненависть къ намъ и заблужденія въ вѣрѣ; то не имѣете нужды въ постороннемъ для себя убѣжденіи для того, чтобы съ жаромъ приняться за это дѣло" ([2]). Но не такъ-то легко было составить тогда крестовое ополченіе; тогда, правда, очень охотно давали обѣты; нашивали на себя кресты и между тѣмъ преспокойно оставались на своихъ мѣстахъ и умирали не видавъ Палестины ([3]). Если такова была участь крестовыхъ походовъ, которые провозглашаемы были

([1]) Annal. Eccles. Rayn. ad an. 1304 n. 28.

([2]) Ibid. n. 29. Впрочемъ папа высказывалъ и нѣсколько аргументовъ въ пользу завоеванія Константинополя; говорилъ, что къ этому побуждаютъ католика ревность по вѣрѣ, которая безъ сомнѣнія должна воспламенить сердца вѣрныхъ къ освобожденію имперіи изъ подъ власти схизматиковъ (т. е. православныхъ), затѣмъ — стыдъ для римской церкви и опасность для всего христіанства, если овладѣютъ имперіею турки и наконецъ польза отъ этого предпріятія для св. земли, такъ долго остававшейся безъ всякой помощи.

([3]) Истор. кр. пох. Соч. Мишо, т. IV.

для освобожденія Гроба Господня; то тѣмъ болѣе уже такой исходъ должно было имѣть предпріятіе Карла. Правда, черезъ два года, при другомъ папѣ Климентѣ V (1305—1316) еще разъ поднятъ былъ вопросъ о завоеваніи Константинополя и даже энергичнѣе, чѣмъ прежде взялся за это дѣло новый папа. Вѣроятно болѣе въ угоду Карлу Климентъ V сильно старался утвердить его въ мысли завоевать Константинополь ([1]), написалъ въ этомъ духѣ нѣсколько писемъ къ Карлу, приказалъ проповѣдать крестовый походъ для завоеванія Константинопольской имперіи, обѣщая тѣмъ, которые примутъ участіе въ этомъ походѣ, отпущеніе грѣховъ ([2]), наконецъ, буллою (31 іюня 1307 г.) объявилъ Андроника Палеолога, какъ „защитника греческой схизмы“, т. е. православія, отлученнымъ отъ церкви, угрожая тѣмъ же всякому, кто окажетъ ему какую-либо помощь. Но въ это время и не такимъ сильнымъ движеніямъ суждено было разрѣшаться ничѣмъ: массы не увлекались уже болѣе религіознымъ энтузіазмомъ. Это небольшое движеніе, происшедшее при дворахъ королевско-французскомъ и папскомъ, не вызвало ничего со стороны двора византійскаго, потому-ли, что въ Константинополѣ нисколько не опасались этого движенія, имѣя въ виду воспользоваться при случаѣ противъ крестоносцевъ помощію другихъ своихъ враговъ— турокъ, или потому, что императоромъ въ это время былъ человѣкъ, заявившій себя непримиримымъ вра-

([1]) Raynald Annal. Eccl. ad an. 1306 n. 6.

([2]) Ibid. n. 7. Походъ долженъ былъ быть проповѣданъ въ Обоихъ Сициліяхъ, въ Романьи, Анконѣ и Венеціи. Сохранилось папское посланіе объ этомъ предметѣ къ архіеп. равенскому и епископамъ Романьи. Безъ сомнѣнія, подобныя же буллы отправлены были и въ другія провинціи.

гомъ латинянъ, которому затѣять религіозно-политическія сношенія съ латинскимъ западомъ значило измѣнить самому себѣ. Какъ бы то ни было, только сношеній между Византіею и Франціею, которыя бы относились къ этому времени, мы не находимъ.—Спустя лѣтъ 20 послѣ описанныхъ событій началось на западѣ новое движеніе, возбужденное уже не владѣтельными лицами, а однимъ изъ послѣднихъ апостоловъ крестовыхъ войнъ,— движеніе, хотя также оставшееся безъ послѣдствій, но на сей разъ увлекшее и византійскій дворъ. Теперь начали брать верхъ другія уже соображенія; претензіи на константинопольскій престолъ начали уступать стремленію противодѣйствовать успѣхамъ мусульманъ и религіозно-политическій союзъ съ православными греками занялъ мѣсто войны съ ними. Въ пылкомъ умѣ венеціанца Сануто составился планъ новаго крестоваго похода для освобожденія св. земли. Планъ его былъ плодомъ тщательнаго серьезнаго изученія прежнихъ неудачныхъ опытовъ войны съ невѣрными. Сануто написалъ даже двѣ книги, въ которыхъ изложилъ свой проэктъ новаго крестоваго похода. Онъ успѣшно возбуждалъ къ осуществленію своего проэкта папу и западныхъ государей и вездѣ принимаемъ былъ отлично. Между тѣмъ въ широкій его планъ, какъ главнѣйшее средство къ его осуществленію, входила унія церкви римской съ церковію православною греческою. Сануто зналъ, что во Франціи и вообще на западѣ не расположены къ мирной уніи съ греками; между тѣмъ онъ былъ убѣжденъ, что весь успѣхъ крестоваго похода зависитъ именно отъ возстановленія религіознаго мира между востокомъ и западомъ. Во Франціи думали, что если начинать крестовый походъ, то начинать его съ

завоеванія восточной имперіи. Сануто думалъ совершенно иначе; онъ спорилъ съ людьми, высказывавшими подобныя мысли, преимущественно съ французскими графами, лицами, принадлежавшими къ королевскимъ домамъ Франціи и Неаполя, происходившими изъ одной общей фамиліи Валуа, наконецъ со многими кардиналами. Онъ убѣждалъ своихъ противниковъ, что завоеваніемъ константинопольской имперіи они рѣшительно ничего не достигнутъ, только разрушатъ, но ни коимъ образомъ не сохранятъ ее для себя, только окажутъ своими завоеваніями услугу туркамъ. Онъ представлялъ людямъ съ нимъ не соглашавшимся, что и сохранивъ даже въ своихъ рукахъ нѣсколько провинцій греческихъ они не въ состояніи будутъ располагать народонаселеніемъ этихъ провинцій, сердцами народа для подчиненія его римской церкви и латинскому государству, какъ показали опыты во многихъ земляхъ (¹), что нужно постепенно сдѣлать членами римской церкви, привлечь на свою сторону сперва императора, патріарха, лицъ приближенныхъ къ императору, и тогда уже самъ собою подчинится римской церкви народъ и даже пріобрѣтены будутъ для апостольскаго престола руссы, сербы, грузины и тѣ, которые находятся подъ владычествомъ франковъ, татаръ и султана египетскаго; впрочемъ, уступалъ Сануто, претенденты на византійскую корону должны быть чѣмъ нибудь вознаграждены (²). Какъ видно, наконецъ, фран-

(¹) „Какъ мы это видѣли — говоритъ Сануто — въ Каирѣ, Кандіи, Мореѣ, княжествѣ Аѳинскомъ, на островѣ Негропонтѣ и другихъ странахъ, находившихся подъ владычествомъ франковъ. Народъ тамъ не подчиненъ римской церкви; а если иногда и выражаетъ свое подчиненіе, то только устами, а не сердцемъ“.

(²) Raynald ad an. 1324. n. 39. 40. Все это находится въ инструкціи, которую Сануто далъ послу, отправлявшемуся къ Андронику.

цузскій, неаполитанскій и папскій дворы болѣе или менѣе поддались на время убѣжденіямъ Сануто; по крайней мѣрѣ самъ Сануто увѣряетъ насъ въ томъ. Итакъ Сануто въ 1324 г. обратился наконецъ къ Андронику (старшему сыну М. Палеолога) съ предложеніемъ своихъ услугъ въ пользу примиренія церквей и съ увѣдомленіемъ, что, находясь довольно долго при дворахъ французскомъ и папскомъ, онъ очень много говорилъ съ вліятельными лицами при обоихъ дворахъ на счетъ безопасности и чести византійской имперіи и будто бы нашелъ тѣхъ и другихъ расположенными раздѣлять его мысли (1). Получивъ отъ Андроника вѣжливое, состоящее изъ общихъ фразъ, письмо, Сануто еще разъ писалъ въ 1326 г. въ Константинополь, сильно убѣждая Андроника признать надъ собою власть римской церкви (2). Папа съ своей стороны рѣшился также послать въ томъ же 1326 г. нунція къ Андронику, но приказалъ своему послу прежде отправленія въ Константинополь явиться ко двору неаполитанскому и переговорить съ королемъ и братомъ его принцемъ Тарентскимъ, къ которому вмѣстѣ съ дочерью Екатерины Куртенайской и Карла перешли притязанія на константинопольскій престолъ. Нунцій долженъ былъ узнать намѣренія того и другаго и мнѣнія ихъ относительно религіозно-политическаго союза съ православнымъ востокомъ и обо всемъ подробно отписать въ Авиньонъ (3). Вѣроятно то, что

(1) Еще будто бы онъ узналъ, что къ уніи расположенъ и самъ Андроникъ. Узналъ онъ объ этомъ—какъ самъ говоритъ—отъ епиcк. Каѳы, пришедшаго отъ Андроника.

(2) Ibid. ad an. 1326 n. 24.

(3) Raynald. ad an. 1326 n. 26. Все это видно изъ папскаго письма къ королю неаполитанскому Роберту. Изъ этого же письма видно и то, что Андроникъ писалъ королю Франціи Карлу о своемъ стремленіи имѣть миръ со всѣми и въ частности съ христіанами.

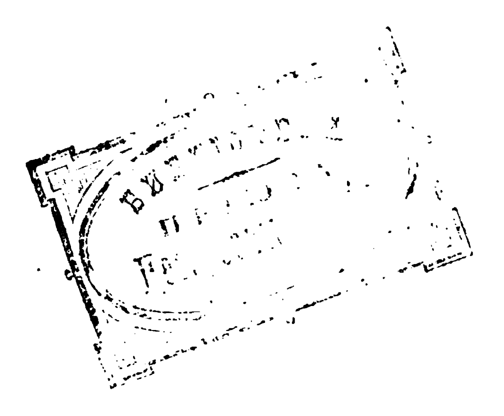
узналъ папскій посолъ отъ короля неаполитанскаго и его брата, было неблагопріятно для замысловъ Сануто; по крайней мѣрѣ не видно, чтобы нунцій былъ въ Константинополѣ. Впрочемъ и весь вообще проэктъ Сануто по словамъ Мишо (¹) „современники только хвалили, но осуществлять никогда не думали“ (²).

(Окончаніе будетъ).

(¹) Ист. кр. пох. ч. IV, 550.

(²) Такимъ образомъ, какъ видно изъ отзывовъ еписк. Кафы объ Андроникѣ, на которыя ссылался Сануто, а также изъ письма, присланнаго къ Сануто самимъ Андроникомъ, этотъ послѣдній какъ будто сталъ нѣсколько примиряться съ мыслію объ уніи. Впрочемъ, дипломатическія письма не могутъ еще служить достаточнымъ основаніемъ для сужденія объ истинномъ расположенія того или другаго лица, особенно если эти письма состоятъ изъ такихъ общихъ выраженій, какъ письмо Андроника къ королю Франціи, гдѣ говорится о стремленіи императора быть въ мирѣ со всѣми и въ частности, въ особенности съ христіанами. Правда, Андроникъ никогда не былъ самостоятеленъ. Прежде онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ огромной партіи крайнихъ противниковъ уніи; теперь же въ послѣдніе годы своего 46-лѣтняго царствованія, когда онъ раздѣлилъ свою власть въ 1325 году съ своимъ внукомъ по имени также Андроникомъ (младшимъ), въ послѣдствіи выказавшимъ болѣе смѣлости и рѣшительности въ сношеніяхъ съ латинянами, онъ могъ поддаться вліянію либеральной партіи, окружившей молодаго Андроника, очень знакомаго, по свидѣтельству Григоры, съ кварталомъ латинянъ въ Константинополѣ, благодаря своимъ тамъ похожденіямъ. А можетъ быть даже именемъ своего дѣда тутъ дѣйствовалъ прямо Андроникъ младшій.

МАТЕРІАЛИЗМЪ БЮХНЕРА.

Имя Бюхнера еще недавно было однимъ изъ популярнѣйшихъ между представителями новѣйшаго германскаго матеріализма и пользовалось въ нѣкоторыхъ сферахъ современнаго европейскаго общества едва-ли не бо́льшею славою, чѣмъ имена его наставниковъ и собратовъ по убѣжденіямъ—Молешотта и Фогта. Появленіе въ свѣтъ перваго пресловутаго сочиненія Бюхнера въ защиту матеріализма „Kraft und Stoff" было литературнымъ событіемъ въ Германіи и вызвало самую одушевленную и энергическую полемику между защитниками и оппонентами его. Сочиненіе это, въ теченіе пяти лѣтъ, выдержало семь изданій, —что̀, по словамъ французскаго переводчика его Гампера, —неоспоримо доказываетъ высокое достоинство его (¹). Какъ бы, впрочемъ, мы ни цѣнили ученыя достоинства Бюхнера, слава его, какъ популяризатора матеріализма, несомнѣнна. Изъ Германіи матеріалистическая

(¹) Force et Matière. Ouvrage traduit de l'Allemand d'aprés la septième édition avec l'approbation de l'auteur par L. F. Gamper, Leipzig, 1863 an. avis au lecteur, p. V. За неимѣніемъ подлинника подъ руками, и мы будемъ цитовать мѣста изъ „Kraft und Stoff" по этому переводу.

доктрина Бюхнера быстро распространилась по всѣмъ образованнымъ странамъ Европы и всюду находила себѣ широкую пропаганду; не только для умовъ молодыхъ, неопытныхъ, но и для умудренныхъ наукою и опытомъ жизни небольшая, бойко написанная книжка: „Kraft und Stoff" имѣла самое вліятельное, законодательное значеніе; матеріалистическія понятія и выводы ея стали для многихъ нормою въ убѣжденіяхъ. Свѣжо еще преданіе, какъ и у насъ, на Руси православной, теорія Бюхнера проповѣдывалась какъ „послѣднее слово науки, самое полное и справедливое", а здравый, научный протестъ противъ нея вызывалъ не просто одушевленную, энергическую полемику, какъ въ Германіи, но положительную брань, направленную противъ чести и добросовѣстныхъ научныхъ убѣжденій лицъ, осмѣливавшихся поднять свой благородный голосъ ([1]).

Такъ обаятельна была (а можетъ быть, кое-гдѣ есть и доселѣ) для многихъ умовъ нашего вѣка матеріалистическая теорія Бюхнера! На самомъ дѣлѣ, Бюхнера ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать корифеемъ и ученымъ защитникомъ нынѣшняго матеріализма, доставившимъ ему какими-нибудь своими учеными трудами прочность и силу, хотя онъ, дѣйствительно, и воображаетъ себя реформаторомъ въ европейскомъ образованномъ мірѣ ([2]). Ученая слава и популярность его имени, какъ представителя современнаго матеріализма, есть слава и популярность тѣхъ людей, во всякое время встрѣчающихся въ ученомъ мірѣ также, какъ и въ жизни прак-

---

([1]) Разумѣемъ полемику, бывшую въ нашемъ литературномъ мірѣ по поводу статей г. Юркевича, направленныхъ противъ Чернышевскаго и Антоновича, популяризировавшихъ матеріалистическія идеи Бюхнера.

([2]) Natur und Geist, p. XII; Aus Natur und Wissenschaft, p. V.

тической, которые, какъ говорится, ловко умѣютъ чужими руками жаръ загребать или рядиться въ павлиныя перья для прикрытія собственнаго безобразія. Бюхнеръ всюду въ своихъ сочиненіяхъ показываетъ въ себѣ искуснаго мастера поговорить съ чужихъ словъ и не сказать ничего своего; онъ ловко эксплуатируетъ въ свою пользу сочиненія по разнымъ отраслямъ естествознанія различныхъ естествоиспытателей, нерѣдко вербуя при этомъ безъ разбору въ число защитниковъ матеріализма ученыхъ, — какъ нар. Либиха, І. Мюллера, Лётце и др., никогда и не помышлявшихъ о такой не лестной чести для себя; онъ беретъ также нерѣдко факты, совершенно безразличные и думаетъ ими подтвердить или изъ нихъ вывесть напередъ уже заданныя себѣ положенія. Отъ того-то страницы сочиненій Бюхнера, особенно „Kraft und Stoff", испещрены щедрымъ наборомъ фактовъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія, выпискою именъ и фамилій разнообразныхъ представителей науки, нерѣдко весьма авторитетныхъ. И все это—не напрасно. Такая ученая обстановка дѣла дѣйствуетъ, очевидно, подавляющимъ образомъ на воображеніе и умъ неопытнаго читателя, привыкшаго благоговѣть не предъ истиною, а предъ книгами и именами ученыхъ, не всегда имѣющихъ эту истину у себя, и невольно располагаетъ его слѣпо; на вѣру принимать идеи автора сочиненія. Въ этомъ случаѣ справедливо сдѣланное относительно Бюхнера, въ сравненіи его съ Молешоттомъ, замѣчаніе А. Вебера, что тогда какъ заблужденіе послѣдняго только преступно, заблужденіе перваго и *преступно* и еще *коварно* (¹).

(¹) Die neueste Vergötterung des Stoffs, Dr. Med. A. Weber; Giessen, 1858. ss. XIII, XIV.

Кто любопытствовалъ прослѣдить внимательно историческое развитіе новѣйшаго германскаго матеріализма (а оно очень любопытно и поучительно), тотъ знаетъ, какимъ образомъ могло выработаться и еще всюду пріобрѣсти себѣ громкую славу и популярность такое узкое и грубое міровоззрѣніе, какое проповѣдуетъ Бюхнеръ, гдѣ та особенная почва, изъ которой извлекаетъ для себя соки подобное міровоззрѣніе, и на которой только и возможно его существованіе. Историческая критика успѣла доказать съ очевидностію, что нынѣшній германскій матеріализмъ, вмѣстѣ съ подобными литературными явленіями его, какъ „Kraft und Stoff“ „Natur und Geist“ и пр., есть болѣзненный плодъ того неестественнаго, крайняго раздѣленія между философіею и естествознаніемъ, вслѣдствіе котораго въ первой, какъ говоритъ Р. Вагнеръ, фразы взяли перевѣсъ надъ фактами, а во второй, наоборотъ, масса нахлынувшихъ съ успѣхами естествознанія, необработанныхъ фактовъ перепутала понятія натуралистовъ, чуждыхъ полнаго всецѣлаго образованія, и потому, естественно, неспособныхъ къ сколько-нибудь всестороннему, философскому воззрѣнію на вещи (¹). „Мы избавлены были бы, — говоритъ Шлейденъ,—отъ страннаго явленія новѣйшаго матеріализма, если бы *естествоиспытатели*, не хотѣвшіе ничего знать о философіи и ея изслѣдованіяхъ, *хотѣли точно дѣлать свое дѣло*, если бы они въ такомъ положеніи по отношенію къ вопросамъ, выходящимъ за предѣлы опыта, довольствовались простымъ „я не знаю“. Но естествоиспытатели, вмѣсто того, чтобы сказать, какъ говоритъ человѣкъ, имѣющій въ карманѣ мѣдный грошъ:

(¹) Der Kampf um die Seele von Standpunct der Wissenschaft. R. Wagner. Göttingen, 1857. S. 211.

„*здѣсь* нѣтъ золота“, ошибочно стали утверждать, что *во-все* нѣтъ золота (1)“. Такой приговоръ произноситъ нынѣшнему германскому матеріализму здравая и безпристрастная историческая критика! Она трактуетъ его какъ болѣзнь естественной науки и образованія нашего времени. Не такихъ понятій объ историческомъ значеніи нынѣшняго германскаго матеріализма держится Бюхнеръ. Онъ дорого цѣнитъ историческое значеніе матеріалистическаго направленія новѣйшей науки естественной и, съ утвержденіемъ господства этого направленія, находитъ возможнымъ произвести самую широкую реформу въ современномъ образованномъ мірѣ. Ученіе новѣйшаго матеріализма, по мнѣнію Бюхнера, есть законный плодъ научныхъ успѣховъ и открытій современнаго естествознанія,—составляетъ гордость и признанную славу нашего времени. Выступать на борьбу съ нимъ—значитъ идти противъ ясныхъ и очевидныхъ для всякаго фактовъ, противостоять которымъ невозможно. Близкое торжество его надъ своими врагами несомнѣнно. (2). Наоборотъ, Бюхнеръ изливаетъ самое желчное негодованіе противъ ненавистной для него философіи идеализма или спиритуализма. Онъ смѣло произноситъ ей смертный приговоръ. „Мы должны, — говоритъ Бюхнеръ,—устранить всю философскую болтовню, которою блещетъ германская философія, возбуждающая справедливое отвращеніе какъ въ ученыхъ, такъ и въ наукахъ. Теперь прошли времена, когда научныя фразы, философскій шарлатанизмъ и умственное гаерство были въ модѣ (3)“. Мѣсто философіи и самаго богословія, со

(1) Матеріалы для разоблаченія матеріалистическаго нигилизма. Взглядъ Шлейдена на матеріализмъ, стр. 235.

(2) Force et Matière, pp. VIII, IX; 256—258.

(3) Ibid., p. IX.

всѣми входящими въ нихъ вопросами, съ полнымъ правомъ можетъ и должна, по мысли Бюхнера, занять точная наука естественная; въ ней—начало и конецъ всѣхъ нашихъ знаній о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ (1). Итакъ, вотъ какую смѣлую, капитальную реформу хотѣлось бы произвести Бюхнеру въ европейскомъ образованномъ мірѣ!

Пора наконецъ спокойно и безпристрастно обсудить такъ ли прочны и состоятельны предъ судомъ науки и здраваго разума матеріалистическія понятія и выводы, чтобы на основаніи ихъ можно было дѣйствительно преобразовать весь религіозно-нравственный строй современныхъ европейскихъ обществъ. Сущность всего вообще матеріализма, какъ отрицательнаго нигилистическаго міровоззрѣнія, можно выразить въ двухъ положеніяхъ: нѣтъ *Бога*, какъ духовной, внѣ міровой личности, какъ Творца и Промыслителя вселенной, и нѣтъ *духа*, какъ самостоятельной субстанціи въ человѣкѣ. Но эти два положенія составляютъ только слѣдствія одного основнаго и существеннаго начала всей вообще матеріалистической доктрины: разумѣемъ *ученіе о матеріи*, какъ первоосновѣ и послѣдней причинѣ всякаго бытія. Къ защитѣ и развитію этихъ трехъ положеній направлены также и всѣ вообще литературные труды Бюхнера (2). Примѣнительно къ этимъ тремъ положеніямъ поведемъ и мы свой разборъ его матеріализма.

---

(1) Ibid. p. 257—259.

(2) Главныя сочиненія Бюхнера, въ которыхъ излагается его матеріалистическая система, суть слѣдующія: „Kraft und Stoff", „Natur und Geist" и—сборникъ разныхъ статей—„Aus Natur und Wissenschaft".

I.

Къ матеріалистической системѣ Бюхнера, какъ и вообще ко всему новѣйшему матеріализму, со всею справедливостію можетъ быть приложено собственное же, остроумное изрѣченіе Бюхнера, высказанное имъ относительно новѣйшихъ философовъ: „наши новѣйшіе матеріалисты (вмѣсто: философы) любятъ разогрѣвать намъ старыя, остывшія блюда, величая ихъ новыми названіями, какъ будто бы послѣдними изобрѣтеніями кухни современной естественной науки". Что, въ самомъ дѣлѣ, особенно новаго и отличительнаго представилъ намъ современный матеріализмъ въ сравненіи съ матеріализмомъ энциклопедистовъ XVIII вѣка или даже съ матеріализмомъ Левкиппа или Эпикура: расширилъ ли онъ болѣе, чѣмъ они, кругозоръ нашей мысли, придвинулъ ли ближе къ нашему пониманію природу вещей, установилъ ли болѣе прочныя и вѣрныя, чѣмъ они, начала для нашего познанія міра явленій, далъ ли болѣе удовлетворительные и ясные, чѣмъ они, отвѣты на насущные вопросы ума о происхожденіи міра, о началѣ и внутреннемъ основаніи органической и духовной жизни въ мірѣ, о природѣ человѣка и пр.?... Въ рѣшеніи и обосновании ни одного изъ этихъ и множества другихъ пунктовъ современный матеріализмъ, какъ философская система міровоззрѣнія, не опередилъ ни на одинъ шагъ ни матеріализма энциклопедистовъ XVIII вѣка, ни даже языческаго матеріализма Левкиппа или Эпикура. Разница только въ суммѣ доказательствъ, которыми располагаетъ современный матеріализмъ, благодаря ненормальному въ нѣкоторыхъ

отношеніяхъ направленію современной естественной науки, выходящей во многомъ изъ предѣловъ своихъ изслѣдованій и своихъ сужденій,—разность, слѣдовательно, чисто внѣшняя, но никакъ не внутренняя, въ самыхъ принципахъ и ихъ развитія. Матеріалистическая система Бюхнера оправдываетъ на себѣ самымъ точнымъ образомъ это сужденіе наше отъ начала до конца. Во всѣ времена матеріализмъ, отвергавшій бытіе премудраго, духовнаго Существа—Бога, какъ Творца и Промыслителя міра, искалъ себѣ опоры въ атомистической теоріи; въ ней же ищетъ опоры своей матеріалистической системѣ и Бюхнеръ. Онъ съ благоговѣніемъ преклоняется предъ необыкновенною мудростію Левкиппа, Демокрита и Эпикура, которые, на основаніи одного философскаго умозрѣнія, дошли до результатовъ и взглядовъ, которыми, какъ капитальнымъ открытіемъ, по его мнѣнію, хвалится и современная естественная наука́ (1). И по ученію Бюхнера, какъ по ученію этихъ древнихъ философовъ, весь міръ, со всѣми населяющими его существами и происходящими въ немъ явленіями, есть только механическая игра недѣлимыхъ матеріальныхъ частицъ или атомовъ. „Атомъ, говоритъ Бюхнеръ, есть тотъ Богъ, которому всякое бытіе, и низшее и высшее, обязано своимъ происхожденіемъ; онъ не имѣетъ ни начала, ни конца своего бытія; онъ вступаетъ только съ теченіемъ времени въ новыя соединенія, или выходитъ изъ нихъ, но всегда есть неизмѣнно одинъ и тотъ же, одаренный одними и тѣми же, отъ вѣка ему присущими, силами и свойствами (2). Итакъ, по этому принципу Бюхнера, высшая всѣхъ

(1) Natur und Geist, S. 101—102.
(2) Natur und Geist, Ss. 7—8.

наукъ, долженствующая объяснить намъ все мірозданіе и указать начальную причину и послѣднюю цѣль всѣхъ явленій міра, есть, очевидно, *механика*, съ вспомогательными для нея физикой и химіею, поколику все въ мірѣ существующее можетъ быть сведено въ послѣднемъ своемъ основаніи къ безсознательному механико-химическому движенію атомовъ. Богословіе, съ своимъ ученіемъ о Божественномъ твореніи міра и промышленіи о немъ, философія съ своими умозрѣніями о метафизической основѣ бытія и порядка міра явленій, не могутъ имѣть мѣста и никакого смысла въ системѣ человѣческаго вѣденія. Таковъ, естественно, слѣдуетъ выводъ изъ основныхъ онтологическихъ положеній системы Бюхнера,—выводъ, какой и сдѣланъ былъ нѣкогда Гольбахомъ въ его системѣ природы, но котораго не дѣлаетъ такъ прямо Бюхнеръ.

Такимъ образомъ, современной философіи опять приходится имѣть дѣло съ грубою атомистическою системою, надъ несостоятельностію которой философствующій разумъ уже давно изрекъ свой правдивый судъ, и о которой исторія философіи разсказываетъ, какъ о попыткѣ еще младенчествовавшаго философствующаго ума языческой древности — разрѣшить путемъ однѣхъ матеріальныхъ данныхъ всѣ проблеммы міра и духа человѣческаго. Повидимому, на почвѣ христіанской философіи возрожденія этой системы менѣе всего можно было бы ожидать. Тѣмъ не менѣе она является уже вторично и съ удвоенною надеждою — измѣнить, если можно такъ сказать, лице земли, весь духовный бытъ человѣчества, а главное—всегда также съ самолюбивою претензіею на современность своихъ понятій, на уровень ихъ съ послѣдними резуль-

татами точной науки. Бюхнеръ никакъ не хочетъ признать дѣйствительнаго, внутренняго тожества своей атомистической системы съ древними системами Демокрита или Эпикура. Какъ бы въ защиту европейской современной науки, онъ говоритъ, что атомы древнихъ были только философскими категоріями, произвольными спекулятивными предположеніями, въ которыхъ много было мистическаго и ложнаго, тогда какъ атомы новѣйшей естественной науки, къ которой тѣсно пріурочиваетъ Бюхнеръ свою систему, составляютъ *положительное открытіе ея, результаты точнаго наблюденія* ([1]). Но эта оговорка Бюхнера совершенно напрасна и ею онъ только профанируетъ европейскую науку XIX христіанскаго вѣка, желая спасти свою систему отъ этой профанаціи. Дѣло въ томъ: справедливо ли Бюхнеръ называетъ атомъ положительнымъ *открытіемъ* современнаго естествознанія, а отсюда и свой грубый эпикурейскій атомизмъ выставляетъ, какъ несомнѣнную, оправдываемую всѣми опытами и наблюденіями естественной науки, *теорію* ея? Тѣмъ болѣе имѣетъ ли онъ какое-нибудь основаніе и право поставлять вообще матерію, какъ послѣднее, метафизическое начало для объясненія всѣхъ явленій и міра физическаго и міра нравственнаго? Рѣшая эти вопросы, мы прослѣдимъ состоятельность одного изъ важнѣйшихъ пунктовъ матеріалистической системы Бюхнера—естественно-научную и философскую состоятельность его ученія *о матеріи*.

Отвѣчая на первый изъ поставленныхъ нами вопросовъ, мы неизлишнимъ считаемъ, прежде всего, указать на собственныя убѣжденія Бюхнера, какихъ нѣ-

---

([1]) Natur und Geist, S. 102.

атомѣ. Но и настоящая опора не болѣе ли еще шатка и несостоятельна, чѣмъ прежняя?..

Самъ Бюхнеръ является тѣмъ же неисправимымъ радикаломъ и въ ученіи объ атомѣ, какъ и всюду, неостанавливающимся ни предъ какими крайностями и смѣлостію, эксцентричностію своихъ понятій какъ бы желаетъ защитить ихъ внутреннюю несостоятельность. Отъ того вся его атомистическая философская теорія есть ученіе, которое, какъ справедливо замѣчаетъ А. Глоссъ, тѣмъ менѣе понимаешь, чѣмъ болѣе читаешь (1). То, что два года назадъ самъ Бюхнеръ считалъ за совершенное *ничто*, теперь онъ во всеуслышаніе называетъ открытіемъ современнаго естествознанія, справедливость котораго, по его мнѣнію, также несомнѣнна, какъ несомнѣнно открытіе Нептуна французскимъ астрономомъ Леверрье (2). Правда, атомистика есть гипотеза, но такая научная гипотеза, говоритъ онъ, которая объоснована на положительныхъ *фактахъ* и *опытѣ* и которую, посему, справедливѣе уже можно назвать положительнымъ ученіемъ науки естественной, чѣмъ гипотезою. Такъ самоувѣренно Бюхнеръ ставитъ свою атомистическую систему подъ защиту современной науки естественной и выдаетъ ее за послѣдніе результаты ея. Но оправдываетъ ли, дѣйствительно, современная наука естественная, остающаяся въ предѣлахъ своихъ точныхъ опытовъ и здравой, основанной на нихъ логикѣ, возлагаемыя на нее въ этомъ случаѣ надежды Бюхнера?..

---

(1) Wie viel entdeckte bis jetzt die neuere Naturwissenschaft? Ein kritischer Versuch im Sinne des Fortschrittes besonders gegen H. Dr. Büchner's Kraft und Stoff und „Natur und Geist", A. Gloss, Braunschweig, 1859. S. 61.

(2) Natur und Geist, S. 80, 81.

Если останавливаться на одной внѣшней сторонѣ дѣла, на однихъ названіяхъ и именахъ, не давая себѣ точнаго отчета о ихъ внутреннемъ содержаніи, то, конечно, вся естественная наука будетъ на сторонѣ Бюхнера; съ нимъ будутъ за одно ученые, которые никогда и не думали служить ему подпорою своими учеными трудами. Почти въ каждомъ новѣйшемъ сочиненіи, по предмету физики, химіи, физіологіи и др., можно встрѣтиться съ именами атома и атомистической теоріи, съ замѣчательнѣйшими теоріями и вычисленіями физико-химическими, на нихъ основанными. За физически необходимое понятіе элементарныхъ частицъ матеріи, называемыхъ атомами, высказываются первѣйшіе авторитеты въ области физики и химіи,—каковы: Біо, Коши, Фехнеръ, Амперъ, Пуассонъ, Араго, Берцеліусъ, Либихъ, В. Веберъ и др. (1). Но amicus Plato, amicus Aristoteles, magis amica veritas. Какъ бы ни былъ великъ и достоуважаемъ для насъ авторитетъ науки и высокихъ представителей ея, мы не можемъ и не должны рабски слѣдовать за ними тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ отъисканіи еще болѣе дорогой и достоуважаемой для насъ истины, относительно которой можетъ иногда заблуждаться и наука съ своими представителями. Такъ именно заблуждается она, по суду знатоковъ дѣла, и въ разбираемомъ нами случаѣ, если только, впрочемъ, она будетъ смотрѣть на атомъ и атомистическую теорію такъ, какъ учатъ объ этомъ Бюхнеръ и его единомышленники. Явно не только то, что атомистика есть гипотеза, съ чѣмъ соглашается и самъ Бюхнеръ,—но и гипотеза, полная неразрѣшимыхъ противорѣчій, сама

---

(1) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, Ss. 17—24.

себя уничтожающая,—что далеко еще не вошло въ общее сознаніе, хотя и объ этомъ слышатся голоса въ совершенно одинаковомъ смыслѣ и со стороны философіи и со стороны точнаго естествознанія. „Сама по себѣ атомистика, говоритъ І. Г. Фихте (1), есть несбыточная, но безвредная фикція доколѣ она остается въ области физическихъ и химическихъ вычисленій. Но какъ скоро ей, со стороны философіи и естествознанія, будетъ приписана реальность, тѣмъ болѣе еще когда въ ней думаютъ открыть истинный принципъ въ объясненію природы, даже явленій міра духовнаго, то она такъ перепутываетъ всѣ наши сужденія, такъ обезображиваетъ безпристрастное пониманіе фактовъ, что ее нужно причислить къ наивреднѣйшимъ заблужденіямъ". Такой судъ произноситъ надъ атомистикой одинъ изъ извѣстнѣйшихъ представителей германской философіи нашего времени. Также ясно и отчетливо несбыточность, фиктивность атомистической теоріи чувствуютъ и сами болѣе или менѣе безпристрастные физики и химики (2). И если большинство изъ нихъ заботливо остерегается входить въ какое-нибудь обстоятельное и внимательное изслѣдованіе принциповъ ея, понимая очень хорошо, какъ у нихъ тотчасъ исчезнетъ произвольно созданная воображеніемъ почва, на которой воздвигнуто столько незамѣнимыхъ доколѣ теорій для объясненія существеннѣйшихъ явленій физики и химіи, то другіе смѣло идутъ на встрѣчу заблужденію и раскрываютъ его вполнѣ. Ограничиваясь доколѣ собственно вопросомъ, имѣетъ

(1) Ueber die neuere Atomenlehre und ihr Verhältniss zur Philosophie und Naturwissenschaft, von J. H. Fichte, Ss. 26—27 (Zeitschrift für Philosophie und Philosophische Kritik, 1854, Bd. XXIV).

(2) Ulrici, a. a. O. Ss. 73—129.

ли хоть какія-нибудь данныя естественная наука допустить существованіе *атома*, о которомъ Бюхнеръ провозглашаетъ, какъ о знаменательномъ открытіи нашего времени, мы приведемъ мнѣніе объ этомъ двухъ современныхъ ученыхъ физиковъ, изъ которыхъ одинъ есть вмѣстѣ и математикъ,—мнѣнія *Эттингсгаузена* и *Фишера*.

(Продолженіе будетъ).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

о

ПРЕПОДАВАНІИ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ СЕМИНАРІЯХЪ,

ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ НОВОМУ УСТАВУ (*).

I.

Словесность въ настоящее время не въ семинаріяхъ только признается однимъ изъ наиболѣе трудныхъ предметовъ преподаванія. Въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ, повидимому, должно быть болѣе шансовъ на успѣхъ преподаванія, чѣмъ въ семинаріяхъ, такъ какъ тамъ преподаватели дѣлаютъ съѣзды ([1]), педагогическія собранія ([2]), съ цѣлію совокупнаго обсужденія методовъ преподаванія и пр., такъ какъ, далѣе, тамъ существуютъ педагогическіе курсы ([3]), дающіе возможность готовящемуся къ преподаванію предварительно ознакомиться съ своимъ дѣломъ, подъ руководствомъ болѣе

(*) Изъ записки, представленной въ учебный комитетъ при Св. Синодѣ.

([1]) Напр. недавній съѣздъ преподавателей рус. языка и словесности въ казанскомъ учебн. округѣ, напечатавшій отчеты о своихъ засѣданіяхъ.

([2]) Напр. педагогич. собраніе при 2-й с.-петербургской гимназіи.

([3]) Напр. педагогич. курсы при 2-й военной гимназіи въ С-Петербургѣ.

опытныхъ и искусныхъ преподавателей,—въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣло это, на сколько можно судить о немъ по оффиціальнымъ заявленіямъ и по отзывамъ литературы, представляется далеко не въ блестящемъ видѣ. Повсюду слышатся жалобы на упадокъ преподаванія словесности. „Старыя методы рушились, а новыя не создались,“ говорятъ сами преподаватели. „Мы не только не дерзаемъ требовать отъ нашихъ учениковъ основательнаго знакомства съ произведеніями знаменитыхъ русскихъ авторовъ, говорится въ одной изъ статей лучшаго нашего педагогическаго журнала „Учитель“, но даже смотримъ сквозь пальцы на то, что въ продолженіе семигодичнаго курса ученики наши не въ состояніи прочно усвоить правилъ ороографіи... Историко-литературныя свѣдѣнія нашихъ учениковъ ограничиваются голословными фразами, схоластическими опредѣленіями и публицистическими выходками...“ (¹). Еще болѣе мрачными красками изображается преподаваніе словесности въ гимназіяхъ, въ оффиціальныхъ документахъ, напримѣръ въ отчетѣ коммисіи, ревизовавшей с.-петербургскій учебный округъ, въ особой обширной запискѣ одного изъ ревизоровъ, Шафранова, съ эпиграфомъ: „не въ осудъ будь сказано,“ въ циркулярахъ по управленію этаго округа, помѣщаемыхъ въ оффиціальномъ отдѣлѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Смутное или превратное пониманіе цѣлей преподаванія, преслѣдованіе цѣлей побочныхъ, второстепенныхъ, въ ущербъ цѣлямъ главнымъ и существеннымъ; неопредѣленность и неустойчивость программы или даже совершенное ея отсутствіе, совер-

(¹) Учит. 1864. „О методѣ чтенія образц. произведеній“.

шенный произволъ въ выборѣ предметовъ преподаванія, лишеннаго всякой системы, и вслѣдствіе этого — неполнота курсовъ; наконецъ, почти повальная безграмотность учащихся: таковы слабыя стороны преподаванія словесности въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, указываемыя въ упомянутыхъ оффиціальныхъ документахъ.

Сознавая неудовлетворителвное положеніе дѣла, преподаватели свѣтскихъ учебныхъ зведеній на съѣздахъ и собраніяхъ много разсуждаютъ, горячо спорятъ, но рѣдко приходятъ къ окончательному соглашенію (1). Желаемое единообразіе въ преподаваніи словесности доселѣ еще составляетъ для нихъ pium desiderium. Все это указываетъ на тѣ трудности, съ какими неизбѣжно встрѣчается преподаватель словесности въ настоящее время. Среди этихъ противорѣчій и разногласій, при недостаткѣ окончательно установившейся программы, каждому преподавателю приходится самому вырабатывать себѣ програму, сообразно съ своими личными воззрѣніями и тѣми условіями, которыми обставленъ въ извѣстномъ учебномъ заведеніи преподаваемый имъ предметъ. Въ виду этихъ трудностей начальстваии учебныхъ заведеній програмии большею частію составляются самыя краткія, чтобы излишнею регламентаціей не стѣснять личныхъ воззрѣній преподавателя. Особенно поражаетъ свою непритязательностію програма для желающихъ поступить въ московскій университетъ: она ничего болѣе не требуетъ, какъ простаго умѣнья отчетливо и складно передать, устно и письменно, содержаніе болѣе замѣчательныхъ произведеній

(1) См. протоколы засѣданій с.-петербургскаго педагогическаго собранія при 2-й гимназіи въ „Учителѣ."

отечественной литературы и нѣсколькихъ произведеній литературъ иностранныхъ. Нормальная табель женскихъ гимназій (курсъ которыхъ почти ничѣмъ не разнится отъ курса гимназій мужскихъ) всю программу словесности сокращаетъ въ слѣдующіе три параграфа: 1) чтеніе образцовъ, съ цѣлію вывода основныхъ логическихъ и психологическихъ понятій; 2) чтеніе и разборъ образцовъ съ цѣлію вывода элементарныхъ понятій теоріи прозы и поэзіи; 3) ознакомленіе съ исторіей русской литературы въ ея главнѣйшихъ представителяхъ, преимущественно со временъ Петра Великаго.

II.

Болѣе общій, почти общепринятый, взглядъ на преподаваніе словесности въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ состоитъ въ слѣдующемъ. Отвергнувши систематическое изложеніе теоріи словесности — „стилистику, риторику общую и частную, піитику, „на томъ основаніи, что теоретическія отвлеченности, которыми пришлось бы заниматься при такомъ веденіи дѣла, слишкомъ трудны для дѣтей, что онѣ, при всѣхъ толкованіяхъ учителя, могутъ быть усвоены учениками лишь механически, одною памятью, слѣдовательно не только безъ пользы, но и съ вредомъ для дѣтей; отбросивши затѣмъ и исторію литературы, на томъ основаніи, что „каждое среднее учебное заведеніе, которое дерзаетъ обѣщать познакомить учениковъ съ исторіею литературы, обманываетъ себя, учениковъ и ихъ родителей,“ и что систематическое изложеніе исторіи литературы можетъ дать только голую номенклатуру, голословные

приговоры, а все это только разслабляетъ мышленіе ребенка, заставляя его повторять слова учителя безъ всякой возможности провѣрить ихъ, — большинство свѣтскихъ преподавателей предпочитаетъ *изучать съ учениками въ классѣ самыя сочиненія* писателей, а не фразы, сказанныя о нихъ тѣмъ или другимъ ученымъ, занимаясь „чтеніемъ этихъ сочиненій, разсчитанныхъ на возбужденіе мыслительной самодѣятельности въ учащихся,“ на логическое, эстетическое, нравственное и всякое другое развитіе ихъ.

Согласные въ необходимости изгнать изъ гимназическаго курса теорію и исторію литературы, преподаватели разногласятъ въ томъ, какъ должно производить чтеніе и на что при этомъ преимущественно должно быть обращено вниманіе. Одни, имѣя въ виду главнымъ образомъ эстетическое и нравственное развитіе дѣтей, выдвигаютъ на первый планъ значеніе *непосредственнаго дѣйствія читаемаго произведенія* на душу ребенка и устраняютъ всякій анализъ, такъ какъ этотъ анализъ можетъ уничтожить благотворное дѣйствіе самаго произведенія и такъ какъ въ этомъ случаѣ преподавателю грозитъ опасность „уподобиться ребенку, который, желая разсмотрѣть крылья бабочки, мнетъ ее въ своихъ рукахъ и тѣмъ уничтожаетъ то самое, чѣмъ интересовался.“ Другіе, имѣя въ виду главнымъ образомъ пробужденіе сознанія и самодѣятельности и считая недостаточнымъ для развитія ребенка одно наслажденіе, впечатлѣніе, хотя бы и глубокое, требуютъ возведенія темнаго чувства на степень яснаго сознанія, и съ этою цѣлію каждую *читаемую пьесу подвергаютъ всестороннему анализу*, такъ что она служитъ лишь матеріаломъ для всякаго рода работъ въ классѣ и внѣ класса.

Болѣе подробное изложеніе различныхъ взглядовъ нашихъ свѣтскихъ педагоговъ на преподаваніе словесности завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Довольно сказать, что въ настоящее время существуетъ уже цѣлая литература по вопросу о преподаваніи словесности, въ которой съ достаточною обстоятельностію раскрывается этотъ новый методъ преподаванія. Укажемъ болѣе замѣчательныя изъ относящихся сюда сочиненій. 1) „О преподаваніи литературы“ *Стоюнина*. Не соглашаясь съ воззрѣніями автора на древнюю русскую литературу въ особенности на проповѣдническую, и на произведенія народной нашей словесности, нельзя не признать достоинства метода, въ первый разъ въ его книгѣ объясненнаго; не лишены значенія и его образцы разбора стихотвореній. 2) Рядъ статей *Скопина* въ „Учителѣ“ за 1863—1866 годы, въ особенности статьи „о методѣ чтенія поэтическихъ произведеній“, въ которыхъ взгляды, высказанные въ книгѣ Стоюнина, раскрыты съ большею обстоятельностію по нѣмецкимъ источникамъ (по Любену и др.). 3) *Филологическія записки*, изд. въ Воронежѣ, журналъ превосходный, хотя весьма мало распространенный, спеціально посвященный преподаванію русскаго языка; редакторъ Филологическихъ записокъ тщетно взываетъ о поддержкѣ между прочимъ и къ правленіямъ семинарій. 4) Въ *журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія* за послѣднія десять лѣтъ—подъ редакціею Ушинскаго, Рехневскаго, Георгіевскаго—нѣсколько статей различныхъ авторовъ о преподаваніи словесности. 5) Въ „*Педагогическомъ сборникѣ*“, издаваемомъ при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, рядъ уроковъ Словесности Водовозова. 6) Книга того же автора: словесность въ разбо-

рахъ и примѣрахъ 1868 г. 7) Въ *„Сѣверной Почтѣ“* за 1865 г. статьи Галахова. 8) Записка *Шафранова* о преподаваніи русскаго языка и словесности въ с.-петербургскомъ учебномъ округѣ — почтенный трудъ, исполненный практическихъ указаній и совѣтовъ, драгоцѣнныхъ въ особенности для преподавателя начинающаго. 9) Распредѣленіе учебныхъ предметовъ въ гимназіяхъ с.-петербургскаго учебнаго округа, составленное въ 1866 г. учебнымъ совѣтомъ при попечителѣ учебнаго с.-петербургскаго округа. 10) Сочиненія *Буслаева и Срезневскаго* о преподаваніи отечественнаго языка. 11) Образцы разбора стихотвореній въ „Учителѣ“ и въ „Журналѣ для дѣтей“ Чистякова.

III.

Какъ долженъ отнестись къ толкамъ свѣтскихъ преподавателей преподаватель словесности въ семинаріи? Честь и слава ему, если онъ собственными усиліями съумѣетъ стать на должную дорогу, самъ выработаетъ себѣ и хорошую программу и правильный методъ. Но намъ кажется, что преподаванію словесности, какъ и другихъ общеобразовательныхъ предметовъ, входящихъ въ семинарскій курсъ, какъ и вообще педагогическому дѣлу, мы должны учиться у свѣтскихъ учебныхъ заведеній, которыя, что бы про нихъ ни говорили, далеко оставили за собою семинаріи даже въ томъ, что еще такъ недавно составляло неоспоримое преимущество семинарій предъ гимназіями — въ знаніи классическихъ языковъ. Самообольщеніе, обособленіе, замкнутость здѣсь менѣе умѣстны, чѣмъ гдѣ-либо. Въ этомъ случаѣ насъ не

должно смущать то предубѣжденіе, съ какимъ еще доселѣ само свѣтское общество смотритъ на свѣтскихъ преподавателей словесности, считая ихъ пропагандистами нигилизма. Вся искушающе, добрая держите. Можно оставить безъ вниманія программы тѣхъ преподавателей, которые задаются соціальнымъ развитіемъ учениковъ, подготовленіемъ „будущихъ гражданъ", насажденіемъ „честныхъ и твердыхъ убѣжденій" посредствомъ изученія Некрасова, Гейне, Беранже и пр. (¹); но игнорировать изъ-за нихъ все свѣтское преподаваніе было бы большимъ грѣхомъ. Не смотря на всѣ недостатки этаго преподаванія, указываемые и оффиціально и въ литературѣ, много въ немъ есть такого, чему стоитъ поучиться преподавателю семинаріи, приступающему къ дѣлу обыкновенно безъ всякой предварительной спеціальной подготовки, и во все продолженіе своей дѣятельности изолированному, предоставленному самому себѣ. Вотъ почему желательно было бы, чтобы преподавателямъ словесности въ семинаріяхъ, особенно начинающимъ, рекомендованъ и облегченъ былъ доступъ въ свѣтскія учебныя заведенія, гдѣ бы они могли посмотрѣть, какъ дѣлается дѣло у другихъ. Для всѣхъ стало очевидно, что уже нельзя довольствоваться стариннымъ домашнимъ нашимъ методомъ преподаванія по сокращеннымъ академическимъ запискамъ или по книгамъ Данскаго, Архангельскаго и пр., причемъ чтеніе въ классѣ представлялось излишнею роскошью, напрасною тратой времени, а все вниманіе сосредоточивалось на заучиваніи тетрадокъ. Съ другой стороны практическій методъ преподаванія словесности,

(¹) См. о такихъ программахъ въ упомянутой запискѣ Шафранова.

принятый въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, требуетъ большаго педагогическаго такта, навыка и умѣнья. При недостаткѣ этихъ качествъ, пріобрѣтаемыхъ главнымъ образомъ чрезъ опытъ, практическія занятія легко могутъ обратиться въ простое чтеніе, въ праздную забаву, умственно—разслабляющую учениковъ, между тѣмъ какъ они должны быть работой, трудомъ. При такомъ положеніи дѣла ближайшимъ образомъ ознакомиться съ пріемами лучшихъ преподавателей въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ напримѣръ въ Петербургѣ—Рашевскаго, Никольскаго, Стоюнина и др., дѣло далеко не излишнее. Въ чемъ именно можно слѣдовать примѣру свѣтскихъ преподавателей—мы скажемъ ниже.

IV.

Принимая къ свѣдѣнію и руководству отъ свѣтскихъ преподавателей то, что у нихъ есть пригоднаго для семинарій, семинарская программа во многомъ должна существенно разниться отъ программы гимназической, соотвѣтственно тѣмъ особымъ условіямъ, въ какихъ находится преподаваніе словесности въ семинаріяхъ. Такъ:

а) Вопреки свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ, поставляющимъ, въ преподаваніи словесности, на первомъ планѣ чтеніе и разборъ образцовъ, *главный предметъ занятій по классу словесности въ семинаріи должно составлять систематическое изложеніе элементарныхъ понятій теоріи и исторіи литературы*, какъ предметъ, узаконенный новымъ семинарскимъ уставомъ. Программа теоріи и исторіи литературы должна служить мас-

штабомъ, съ которымъ соразмѣряются и къ которому пріурочиваются всѣ прочія занятія—чтеніе и разборъ въ классѣ, письменныя работы учениковъ на дому.

б) Примѣнительно къ строго—классическому характеру новаго устройства преподаванія въ семинаріяхъ, преподаваніе въ нихъ словесности должно имѣть *видъ строго-систематическій*. Въ этомъ случаѣ опять нельзя слѣдовать примѣру свѣтскихъ учебныхъ заведеній, гдѣ отсутствіе системы въ урокахъ словесности большею частію—обыкновенное явленіе,—гдѣ теоретическія свѣдѣнія, если и сообщаются, то—отрывочно, по частямъ, при удобномъ случаѣ, въ видѣ случайныхъ замѣтокъ. Только систематическое усвоеніе знаній какого — бы то ни было предмета пріучаетъ дѣтей къ строгому мышленію; отрывочное же и случайное ихъ сообщеніе водворяетъ въ головахъ ихъ неурядицу.. Только тѣ свѣдѣнія составляютъ дѣйствительное знаніе, которыя поставлены въ соотношеніе и связь между собою. Такъ, напримѣръ, при изложеніи теоріи словесности хорошо было бы выяснить, на сколько возможно, генетическую связь родовъ и видовъ словесности и, при изложеніи каждаго рода произведеній въ отдѣльности, дѣлать краткій историческій обзоръ его развитія у разныхъ народовъ.

в) Въ семинаріяхъ словесность преподается въ низшихъ классахъ, тогда какъ въ свѣтскихъ заведеніяхъ—въ старшихъ. Нельзя не видѣть преимущества, которое въ этомъ случаѣ выпадаетъ на долю словесности въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Теорія словесности—наука философская, исполненная отвлеченностей, для усвоенія которыхъ требуется нѣкоторая умственная развитость, большая той, какою обыкновенно обладаютъ ученики, только что поступившіе въ семинарію. Кромѣ

того въ гимназіяхъ урокамъ словесности предшествуютъ уроки элементарной логики и психологіи; по крайней мѣрѣ такъ дѣлаютъ нѣкоторые, лучшіе, преподаватели словесности, при урокахъ которыхъ намъ случилось присутствовать. Опять ходъ дѣла вполнѣ естественный: слово—продуктъ мысли, законы слова—выраженіе законовъ мысли; предложеніе — выраженіе сужденія; періодъ—выраженіе умозаключенія, и т. д. Когда ученикъ гимназіи слышитъ въ классѣ, что „сказка является у народа въ младенческую эпоху его жизни, когда у него надъ всѣми силами души господствуетъ фантазія“, то онъ уже знаетъ, что такое фантазія, и ему не трудно объяснить, почему сказка является именно въ этотъ періодъ народнаго развитія, а не въ другой, и въ чемъ состоитъ отличіе сказки отъ другихъ видовъ эпоса... У насъ логика и психологія слѣдуютъ за словесностію, а не предшествуютъ ей. Правда, за то у насъ изъ логики и психологіи преподаются не элементарныя понятія, а цѣлая наука съ обстоятельнымъ изложеніемъ философскихъ системъ, — а это составляетъ не малое преимущество семинарій предъ гимназіями... Далѣе: число уроковъ словесности въ семинаріи меньше, чѣмъ въ гимназіи: у насъ—по три часа въ недѣлю въ продолженіе двухъ лѣтъ, а тамъ — по три урока въ теченіе трехъ или четырехъ годовъ... Все это мы говоримъ не потому, чтобы мы думали указывать недостатки устройства преподаванія въ семинаріи: въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ все должно быть направлено къ спеціально-богословскому образованію будущихъ священниковъ, все должно быть пріурочено и соразмѣрено съ главною задачею семинарскаго образованія; для уроковъ словесности едва ли могло быть отведено иное мѣ-

ство, какъ въ младшихъ классахъ. Изъ всего, сказаннаго нами, слѣдуетъ только то, что *объемъ семинарскаго курса теоріи и исторіи словесности долженъ быть значительно короче гимназическаго*. Главное, на что должно быть у насъ обращено вниманіе, это то, чтобы преподаватель не задавался слишкомъ широкими цѣлями, чтобы онъ отнюдь не выходилъ изъ круга *элементарныхъ свѣдѣній*. Нѣтъ сомнѣнія, что словесность—наука, но наука для академической аудиторіи, а не для низшихъ классовъ семинаріи, гдѣ сидятъ дѣти отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ. Между тѣмъ это обстоятельство доселѣ у насъ, повидимому, оставалось совершенно безъ вниманія. Большой нашъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что мы все—профессоры, а не просто—учители, что мы любимъ читать „лекціи," а не уроки учебнаго предмета, любимъ больше говорить сами, нежели заставлять работать учениковъ. Вообще нельзя не сознаться, что наши доморощенные методы преподаванія требуютъ радикальнаго измѣненія, какъ и вообще наши понятія о пріемахъ обученія, объ обращеніи съ учениками въ классѣ, о средствахъ поддержанія дисциплины и пр. Мы любимъ трактовать своихъ слушателей—дѣтей, точно также, какъ насъ недавно трактовали въ академіи—взрослыми людьми, „господами;" насъ фраппируетъ и обезкураживаетъ живость и непосѣдливость мальчика въ классѣ, которой мы иначе не умѣемъ предотвратить, какъ карой, жалобой начальству; за которою слѣдуетъ дисциплинарное взысканіе. У насъ не шалости, а преступленія; наши наказанія не педагогическія мѣры, имѣющія цѣлію должнымъ образомъ направить живость ребенка, а грозная кара закона надъ преступникомъ. Не здѣсь ли, въ такомъ

пониманія нашими преподавателями своихъ отношеній къ ученикамъ нужно искать источника той распущенности, на которую такъ настойчиво жалуются въ последнее время повсемѣстно въ семинаріяхъ, и которая влечетъ за собою изгнаніе бѣдныхъ семинаристовъ цѣлыми десятками. Не достаточно знакомые съ педагогическимъ дѣломъ, мы не умѣемъ стать въ должныя отношенія къ дѣтямъ, и за наше невѣжество дорого расплачиваются несчастныя дѣти и еще болѣе несчастные ихъ родители.

Прежде, когда времени на преподаваніе словесности въ семинаріяхъ было такъ много (шесть уроковъ въ недѣлю), и когда все преподаваніе состояло исключительно въ изложеніи теоріи словесности, объемъ курса словесности бывалъ иногда у насъ непомѣрно обширенъ. Излагалась *наука*, въ которой, во введеніи, опредѣлялась словесность какъ наука и какъ искуство, показывалось, на сколько частей и главъ эта наука дѣлилась и подраздѣлялась, и почему такъ, а не иначе; затѣмъ слѣдуетъ общая риторика, въ которой говорится о слогѣ сжатомъ и обильномъ, высокомъ, среднемъ и низкомъ, объ источникахъ изобрѣтенія, о хріяхъ, и пр. Затѣмъ слѣдовали изъ Давыдова правила о родахъ и видахъ прозы и поэзіи, между прочимъ подробно трактовалось о рѣчахъ военныхъ и академическихъ и пр. Все это преподаватель излагалъ въ обширныхъ записках, исполненныхъ мудреныхъ опредѣленій. Записки эти большею частію компилируются преподавателемъ изъ академическихъ лекцій Давыдова, Зеленецкаго и пр. и представляютъ самую разнохарактерную мозаику. Чѣмъ усерднѣе преподаватель, тѣмъ обширнѣе записки и тѣмъ пестрѣе въ нихъ мозаика. Записки должны

быть на столько подробны, чтобы преподавателю ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ наблюдать за ихъ заучиваніемъ,—чтобы ихъ достало на весь курсъ, и чтобы на экзаменѣ, (который, въ подобныхъ случаяхъ, и есть главный стимулъ всѣхъ усилій преподавателя) на каждаго ученика достало по трактату. Нельзя, впрочемъ, строго винить наставниковъ семинарій за такую постановку дѣла. Цѣль и смыслъ критическаго чтенія образцовыхъ произведеній не ими только поняты еще такъ не давно. При прежнихъ понятіяхъ о преподаваніи словесности чтеніе въ классѣ считалось дѣломъ излишнимъ, вмѣнялось наставнику въ вину. Читали преподаватели въ классѣ лишь тогда, когда не успѣвали приготовить „лекцію“ или когда хотѣли побаловать учениковъ... Намъ кажется, что весь курсъ элементарныхъ понятій изъ теоріи прозы и поэзіи, понятій, аналитически выведенныхъ изъ разбора образцовъ, если ужъ необходимо излагать ихъ въ запискахъ, легко можетъ умѣститься въ десяти листахъ въ тетрадкѣ, никакъ не большей, а даже и меньшей книжекъ Минина и Петрова, которыя, впрочемъ, назначены для учениковъ старшихъ классовъ, а не для дѣтей отъ 12 до 14 лѣтъ, нисколько не подготовленныхъ къ теоретическимъ отвлеченностямъ. Предлагать болѣе подробное изложеніе теоріи словесности не значило ли бы насиловать дѣтскую натуру? Не поведетъ ли это неизбѣжно къ долбленію, къ которому такъ склонны наши ученики?

г) Обозрѣніе видовъ поэзіи, вопреки общепринятому у насъ обычаю, должно предшествовать обозрѣнію видовъ прозы: во первыхъ потому, что первые легче, доступнѣе пониманію учениковъ (сочиненія философскія

или ученыя должны заканчивать курсъ теоріи словесности, такъ какъ отъ нихъ прямой переходъ къ слѣдующей затѣмъ логикѣ); во вторыхъ — потому, что таковъ естественный ходъ развитія литературы у каждаго народа: сперва является поэзія—плодъ фантазіи и чувства, потомъ проза—продуктъ дальнѣйшаго умственнаго развитія народа, образованности, свойственной болѣе поздней эпохѣ развитія жизни народа (см. подробное развитіе этой мысли во введеніи къ опыту историческаго обозрѣнія русской словесности О. Миллера).

д) При изложеніи теоріи словесности на преподавателѣ лежитъ обязанность знакомить учениковъ съ главнѣйшими, болѣе замѣчательными произведеніями литературъ иностранныхъ, хотя и не въ такомъ объемѣ, въ какомъ это дѣлается въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это, впрочемъ, и неизбѣжно, потому что желая подтвердить свои опредѣленія того или другаго рода словесности образцомъ, преподаватель въ большинствѣ случаевъ не можетъ не отдать предпочтенія этимъ иностраннымъ произведеніямъ предъ отечественными. Говоря объ эпопеѣ, можно и должно такимъ образомъ познакомить учениковъ съ Иліадой, Одиссей, Энеидой; говоря о народномъ эпосѣ новѣйшихъ народовъ весьма прилично прочитать изъ Жуковскаго романсы о Сидѣ или пѣснь о Роландѣ; преимущественно же слѣдуетъ остановиться на народномъ эпосѣ южныхъ и западныхъ славянъ, напримѣръ на пѣсняхъ о Маркѣ Кралевичѣ, судѣ Любуши, Краледворской рукописи (въ христоматіи Галахова). Говоря о древней трагедіи, слѣдуетъ поработать съ учениками надъ „Эдипомъ—царемъ" или „Антигоной" Софокла; при изложеніи драмы ново-европейской, можно разобрать „Макбета" или „короля Ли-

ра" въ параллель съ пьесой Островскаго: „Свои люди—сочтемся".

е) Преподаваніе исторіи литературы вопреки мнѣнію свѣтскихъ преподавателей, также можетъ имѣть систематическій видъ. Такъ какъ при изложеніи теоріи прозы и поэзіи, а также при практическихъ занятіяхъ преподаватель познакомитъ учениковъ съ достаточнымъ запасомъ произведеній русской литературы, то ему легко избѣжать „голословныхъ приговоровъ и общихъ обозрѣній", которыхъ такъ боится г. Скопинъ: стоитъ только ссылаться на извѣстныя ученикамъ пьесы. Приступая къ писателю, сочиненія котораго еще не были читаны, преподаватель разбираетъ одну, болѣе характеристическую его пьесу, предпосылая разбору біографическія свѣдѣнія о писателѣ, на сколько то находится въ связи съ исторіей его литературной дѣятельности и служитъ для объясненія его направленія; а также, если представится возможнымъ, читаетъ, для ознакомленія съ эпохой (которое необходимо для уразумѣнія писателя) соотвѣтствующій историческій разсказъ изъ Карамзина или историческаго романа; напримѣръ приступая къ эпохѣ Грознаго можно прочесть мѣста изъ „Князя Серебрянаго", или „смерть Іоанна Грознаго", графа Толстаго; говоря о Домостроѣ, можно предварительно разобрать „Пѣсню про царя Ивана Васильевича," Лермонтова, предъ Котошихинымъ—мѣста изъ Кохановской. Оканчивая древній періодъ русской литературы, можно прочесть выдержки изъ книги Терещенко—„бытъ русскаго народа", изъ „очерковъ жизни и нравовъ великорусскаго народа" Костомарова, изъ „домашняго быта русскихъ царей" Забѣлина, и пр. При всемъ томъ общія обозрѣнія, конечно, будутъ неизбѣжны; но въ

этихъ случаяхъ болѣе близкое знакомство съ предметомъ ученики пріобрѣтутъ изъ другихъ курсовъ: напримѣръ съ древними русскими проповѣдниками ближе они познакомятся изъ уроковъ Гомилетики, духовную литературу XV и XVI ввѣковъ узнаютъ изъ исторіи русской церкви; съ литературною дѣятельностію Курбскаго—изъ гражданской руской исторіи, и проч.

V.

Одну изъ главныхъ цѣлей занятій по классу словесности составляетъ развитіе дара слова въ учащихся, пріобрѣтеніе ими навыка свободно и связно выражать свои мысли, не только письменно, но и изустно. Давно уже замѣчено, что наши семинаристы, даже болѣе развитые, обладающіе достаточными свѣдѣніями, *не умѣютъ говорить*... Этотъ важный недостатокъ прежде всего—плодъ несчастной привычки задалбливать записки преподавателей,—плодъ семинарскаго метода преподаванія въ видѣ лекцій (при чемъ на долю учениковъ выпадаетъ роль чисто—пассивная, роль слушателей),—наконецъ плодъ недостатка спеціальныхъ занятій, которыя имѣли бы въ виду именно эту цѣль, каковы, напримѣръ, были въ старину диспуты и коллоквіумы. Такъ какъ развитіе дара слова находится въ непосредственной зависимости отъ развитія умственнаго, то въ связи съ этою цѣлію находится другая—развитіе умственное. Обѣ эти цѣли достигаются, конечно, совокупными усиліями всѣхъ преподавателей; но для преподавателя словесности онѣ составляютъ цѣль спеціальную. Для достиженія ея служатъ практическія занятія по классу словесности и такъ называемый *логическій разборъ*. Вотъ здѣсь то препода-

вателю семинаріи не остается ничего болѣе дѣлать, какъ послѣдовать примѣру свѣтскихъ учебныхъ заведеній, гдѣ этотъ логическій разборъ составляетъ главный предметъ уроковъ словесности. У насъ, въ семинаріяхъ, эти практическія занятія могутъ быть ведены въ такомъ порядкѣ:

а) Можно начать съ простаго чтенія въ классѣ, въ слухъ, по книгѣ, народныхъ сказокъ, былинъ, басень Крылова, историческихъ и поэтическихъ разсказовъ. Привыкшіе въ училищѣ къ долбленію, ученики, большею частію, читаютъ, сначала дурно: тихо, монотонно, безъ должнаго выраженія, или же торопливо, скороговоркой, безъ надлежащаго соблюденія пунктуаціи и ударений. Преподаватель требуетъ чтенія громкаго, членораздѣльнаго, съ остановками на знакахъ препинанія, съ соблюденіемъ ударений на словахъ болѣе важныхъ въ фразѣ.

б) Прочитанное въ классѣ какъ самимъ учителемъ (учитель читаетъ на первыхъ порахъ лишь для того, чтобы дать имъ образецъ правильнаго чтенія, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда по педагогическимъ соображеніямъ, статья не можетъ быть читана безъ пропусковъ, какъ это необходимо бываетъ при чтеніи, напримѣръ, большей части сочиненій Пушкина) такъ и самими учениками въ классѣ или на дому (назначая чтеніе на дому, учитель указываетъ, на что должно быть обращено вниманіе при чтеніи) ученики должны отчетливо передать, сначала со всѣми подробностями, потомъ въ сжатомъ видѣ, одни изустно, другіе въ тоже время письменно, на доскахъ; при чемъ обращается вниманіе на правильность выраженія, на послѣдовательность и связность разсказа. Пересказываніе прочитаннаго сопровождается вещественнымъ раз-

боромъ, т. е. краткимъ объясненіемъ предметовъ и понятій, дотолѣ незнакомыхъ ученикамъ. Дѣло это ведется способомъ собесѣдовательнымъ. При разсказѣ, при медленности ученика въ отвѣтѣ, нужно быть терпѣливымъ, не слѣдуетъ постоянно вмѣшиваться, прерывать рѣчь ученика безъ нужды, и, не выслушавши одного, переходить къ другому. Когда стоящіе у досокъ окончатъ свое дѣло, устные отвѣты учениковъ прекращаются, преподаватель поправляетъ написанное на доскахъ, обращая вниманіе учениковъ на грамматическія ошибки, припоминая имъ грамматическія правила.

в) Въ послѣдствіи къ такому чтенію и разсказу присоединяется логическій разборъ. Въ чемъ состоитъ этотъ разборъ, какіе вопросы нужно предлагать ученикамъ и какъ предлагать—это съ достаточною обстоятельностію объяснено въ упомянутыхъ выше статьяхъ Скопина и въ книгѣ Стоюнина. Ученики отъискиваютъ планъ пьесы, т. е. указываютъ части, на которыя она распадается по мѣсту дѣйствія, описываемаго въ разсказѣ или по другимъ основаніямъ (это—такъ сказать - практическій урокъ логики: чрезъ такое отыскиванье плана ученики у образцовыхъ писателей перенимаютъ стройность и послѣдовательность изложенія), указываютъ переходы отъ одной части къ другой, и вообще связь между мыслями, отъискиваютъ главную мысль сочиненія. Потомъ обсуживаются характеры дѣйствующихъ лицъ разсказа (при этомъ чрезвычайно полезно сопоставленіе однородныхъ характеровъ, напримѣръ Плюшкина и Скупаго рыцаря, Простаковой и Адуевой, и пр., или изображеніе одного и того же лица въ двухъ разнородныхъ произведеніяхъ—напримѣръ Бориса Годунова—у Карамзина и въ драмѣ Пушкина, Рейнскаго водопада — у Карам-

зина и Жуковскаго и пр.) и при руководствѣ учителя составляются полныя характеристики (сначала, при помощи соотвѣтствующихъ вопросовъ учителя указываются частныя черты характера; къ концу урока подводится итогъ, все выработанное общими усиліями учителя и учениковъ—резюмируется). Затѣмъ опредѣляются родъ и видъ, къ которому принадлежитъ разбираемая пьеса и указываются отличительныя черты этаго рода и вида (почему разбираемая пьеса относится къ поэзіи? Что въ ней эпическаго? Почему ее называютъ сказкой, а не романомъ? и пр.); указываются мѣста, представляющія выполненіе или нарушеніе одновременно съ этимъ преподаваемыхъ правилъ теоріи; дѣлаются остановки на отдѣльныхъ выраженіяхъ, метафорахъ, фигурахъ и пр.; въ пьесахъ народныхъ указываются идіотизмы живой рѣчи—аллитерація, тавтологія, звукоподраженіе—и такимъ образомъ на практикѣ проходится стилистика—ученіе о благозвучіи, изобразительности рѣчи и другихъ свойствахъ слога.

г) Какъ солдатъ на войну безъ ружья, ученикъ въ классъ безъ тетради и пера не приходитъ. У насъ, гдѣ ученики въ классѣ большею частію не работаютъ, а только слушаютъ, къ сожалѣнію это не всегда наблюдается. Обязанность учителя—строго слѣдить за опрятностію и порядкомъ этихъ тетрадей: свѣтскіе преподаватели приписываютъ этому обстоятельству важное воспитательное значеніе, такъ какъ порядокъ въ веденіи тетрадей и пр. пріучаетъ дѣтей къ драгоцѣнной нѣмецкой аккуратности. Эти тетради служатъ и для домашнихъ письменныхъ работъ учениковъ и для записей въ классѣ, такъ что предъ учителемъ, когда онъ беретъ, хоть мимоходомъ, тетрадь ученика, открывается

вся мыслительная процедура ученика. Тогда не нужно учителю прибѣгать къ разнымъ ухищреннымъ способамъ ловитвы учениковъ въ пользованіи ими чужими трудами: при такихъ близкихъ отношеніяхъ учителя къ ученикамъ въ послѣднихъ невозможна самая мысль воспользоваться чужимъ трудомъ.

По мѣрѣ разбора пьесы въ классѣ ученики въ тетрадяхъ дѣлаютъ свои помѣтки, на основаніи которыхъ къ слѣдующему классу изготовляютъ полный отчетъ о разобранной пьесѣ въ связномъ изложеніи: такимъ образомъ домашнія письменныя работы учениковъ находятся въ самой тѣсной связи съ занятіями ихъ въ классѣ. Учитель долженъ руководить записями учениковъ въ классѣ и отнюдь не допускать скорописанья. Записываніе „лекцій,“ этотъ академическій пріемъ, такъ распространенный въ гимназіяхъ, въ послѣднее время всѣми почти признается большимъ зломъ; мало того, что онъ портитъ почеркъ: онъ положительно препятствуетъ успѣху занятій, такъ какъ, не будучи въ состояніи записать всего,—для этого у учениковъ не достанетъ нужнаго проворства,—ученики неизбѣжно будутъ записывать кое что и притомъ будутъ опускать главное, а записывать второстепенное. Впрочемъ, такъ какъ разборъ пьесы дѣлается совокупными усиліями учениковъ и учителя, и дѣло ведется путемъ вопрошанія и собесѣдованія, то на этихъ урокахъ записи учениковъ могутъ быть достаточно полными. Главные вопросы, отвѣты на которые должна представлять письменная работа ученика, диктуются учителемъ или пишутся на доскѣ.

д) Декламація—осмысленное и одушевленное сказываніе стиховъ и рѣчей—дѣло очень важное въ заня-

тіяхъ по классу словесности съ будущими проповѣдниками. По этому говоренью въ классѣ заученныхъ наизусть пьесъ, прозаическихъ и стихотворныхъ, должно быть отведено видное мѣсто. Изъ первыхъ заучиваются наизусть: поученія Путятина, привѣтственныя рѣчи митрополита Филарета, нѣкоторыя проповѣди Иннокентія, рѣчи изъ исторіи Карамзина. Учитель не ограничивается преподаніемъ правилъ декламаціи, но предварительно самъ говоритъ пьесу и потомъ уже, заставляя декламировать ученика, требуетъ отъ него выполненія преподанныхъ правилъ. Заучиванью наизусть предшествуетъ разборъ пьесы. Декламируютъ ученики не съ своихъ мѣстъ, а съ каѳедры, лицомъ къ цѣлому классу, и говоренью своему каждый разъ предпосылаютъ объяснительное предисловіе.—Въ концѣ курса ученики, по крайней мѣрѣ лучшіе, пріучаются говорить небольшія импровизаціи на легкія темы, напримѣръ на нѣкоторыя пословицы (послѣ предварительнаго обдумыванья въ продолженіе часа), а также читаютъ свои сочиненія съ защищеніемъ высказаннаго отъ возраженій со стороны товарищей и учителя.

е) Письменныя упражненія учениковъ начинаются письмомъ подъ диктовку: диктуются басни Крылова и лирическія пьесы изъ помѣщаемыхъ обыкновенно въ христоматіяхъ,—знаніе которыхъ пригодится при урокахъ теоріи и исторіи литературы. Прежде, чѣмъ диктовать по слову, учитель прочитываетъ всю пьесу, для того, чтобы ученики могли усвоить смыслъ ея. Знаки препинанія не говорятся: ученики должны сами умѣть разставить ихъ, прислушиваясь къ чтенію учителя и обращая вниманіе на паузы, имъ дѣлаемыя. По окончаніи диктовки учитель беретъ тетрадь одного изъ

слабыхъ учениковъ, указываетъ въ слухъ всѣхъ ошибки, припоминаетъ грамматическія правила; ученики сами исправляютъ указываемыя ошибки въ своихъ тетрадяхъ. Продиктованное стихотвореніе тщательно переписывается въ особую бѣловую тетрадь; при чемъ учитель требуетъ, чтобы переписано было старательно, по возможности красиво, и—непремѣнно—четко. Это дѣлается съ цѣлію упражненія въ каллиграфіи, которой также не слѣдуетъ упускать изъ вниманія: сельскому священнику, которому очень часто приходится самому вести церковныя книги, необходимо имѣть почеркъ, по крайней мѣрѣ разборчивый и четкій; между тѣмъ ученики, особенно поступающіе изъ домовъ родителей, очень часто совсѣмъ не имѣютъ почерка. Продиктованныя стихотворенія разбираются въ классѣ, заучиваются наизусть и декламируются, какъ говорено выше, и служатъ матеріаломъ для домашнихъ письменныхъ работъ, которыя сначала состоятъ въ простомъ перифразѣ, въ измѣненіи стихотворной формы рѣчи на прозаическую, въ замѣнѣ однихъ оборотовъ рѣчи другими; потомъ ученики переходятъ къ болѣе сложнымъ работамъ: отъискиваютъ главную мысль стихотворенія, планъ, и проч., какъ говорено выше.

При неизбѣжной малоразвитости учениковъ 1 и 2 классовъ семинаріи—мальчиковъ отъ 12 до 14 лѣтъ—сочиненія на темы, которыя такъ упорно держатся у насъ въ семинаріяхъ, мы находимъ не практичными: у учениковъ нѣтъ въ это время ни достаточнаго запаса свѣдѣній, своихъ или чужихъ мыслей, ни необходимой находчивости и изобрѣтательности; съ такою „темою“ ученикъ рѣшительно не знаетъ что дѣлать и безплодно продумавши надъ нею нѣсколько дней, онъ неизбѣжно

обратится за помощью къ знакомому ученику старшаго класса, который менторствуетъ въ этомъ случаѣ весьма охотно. Назначать сочиненія на темы учитель можетъ позволить себѣ развѣ въ послѣднюю треть втораго года: ученики въ это время уже въ состояніи составлять описанія, характеристики и разсказы о предметахъ, имъ знакомыхъ. Впрочемъ и тутъ дѣло не обойдется безъ помощи учителя, который или набрасываетъ планъ сочиненія, или указываетъ образецъ, которому ученики могутъ подражать и въ тонѣ рѣчи и въ расположеніи частей; на примѣръ, разобравши стихотвореніе Пушкина „опять на родинѣ,“ учитель назначаетъ тему: „пріѣздъ семинариста домой на каникулы.“ Темы описательныя даются въ родѣ слѣдующихъ: „хозяйство крестьянина,“ „церковь роднаго села и ея достопримѣчательности;“ „деревенскія святки,“ „мое прошлое;“ „пожаръ;“ „мои мечты“ и проч. Отъ времени до времени ученики пишутъ экспромты въ классѣ, чтобы учитель могъ руководить самымъ процессомъ писанія сочиненій, а также для провѣрки ихъ способностей и успѣховъ.

VI.

Есть еще одна цѣль, которой желательно было бы достигать при преподаваніи словесности въ семинаріи. Каждый преподаватель есть вмѣстѣ и воспитатель; его обязанности не ограничиваются сообщеніемъ ученикамъ *свѣдѣній* по своему предмету: онъ долженъ стараться, не выходя, конечно, изъ круга непосредственныхъ своихъ занятій, по возможности вліять также и на нравственный характеръ учениковъ и на ихъ эстетическое развитіе. Намъ кажется, что больше, чѣмъ кто-либо

иной долженъ это помнить преподаватель семинаріи: у насъ логическое развитіе большею частію идетъ удовлетворительно, благодаря присутствію въ нашихъ программахъ логики и психологіи, а также благодаря усиленнымъ занятіямъ учениковъ сочиненіями; за то средствъ для нравственнаго и эстетическаго развитія учениковъ у насъ такъ мало!.. На преподавателѣ словесности, по самому свойству этого предмета, эта обязанность лежитъ больше, чѣмъ на комъ-либо другомъ. Словесность въ учебныхъ заведеніяхъ большею частію самый любимый предметъ. Пользуясь разумно этимъ обстоятельствомъ, учитель словесности можетъ сдѣлать свое преподаваніе самымъ могущественнымъ средствомъ не только умственнаго, но также нравственнаго и эстетическаго развитія учащихся, средствомъ для облагороженія ихъ понятій и вкуса, искорененія бурсацкой грубости, пробужденія лучшихъ возвышенныхъ помысловъ и стремленій. Не то это значитъ, что учитель словесности долженъ обратить свои уроки—въ уроки морали и педагогики: указанныхъ цѣлей онъ можетъ достигать удачнымъ подборомъ образцовъ, читаемыхъ и разбираемыхъ въ классѣ, и тѣмъ направленіемъ, какое онъ даетъ этому разбору. Уже одно чтеніе, осмысленное и одушевленное, истинно-поэтическихъ, высоко-художественныхъ произведеній всегда производитъ неотразимо-благотворное дѣйствіе на воспріимчивую дѣтскую натуру: оживляетъ мыслительность, развиваетъ чувство. Дѣти всегда не только съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ выслушиваютъ такое чтеніе: послѣ него большинство ихъ всегда съ охотой, съ рвеніемъ берутся за работу надъ прочитанною пьесой, по указанному учителемъ плану. Не даромъ знаменитый поэтъ Шиллеръ

придавалъ такое важное образовательное значеніе чтенію поэтическихъ произведеній, что не совѣтовалъ даже анализировать ихъ послѣ чтенія, чтобы анализомъ не испортить впечатлѣнія.

Кстати здѣсь сказать, что на обязанности учителя словесности лежитъ руководить и домашнимъ чтеніемъ учениковъ, пріурочивая его къ общимъ педагогическимъ цѣлямъ и къ спеціальнымъ цѣлямъ своего преподаванія. Вопросъ о чтеніи въ семинаріи—очень важный вопросъ. Въ послѣднее время вездѣ, а въ семинаріяхъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, образованіе приняло характеръ самообразованія. Главный дѣятель этого самообразованія—безразборчивое чтеніе. Пропаганда нигилизма, если только справедливо, что она существовала въ семинаріяхъ, производилась именно этимъ путемъ: въ городѣ, у своихъ знакомыхъ, а особенно въ публичныхъ библіотекахъ (въ провинціи), гдѣ семинаристы всегда составляютъ весьма крупный процентъ читателей, они всегда, волей—неволей наталкиваются на произведенія новѣйшей журналистики и беллетристики, которыя, конечно, всего менѣе пригодны для педагогическаго употребленія... И такъ чтеніе должно быть подчинено въ семинаріяхъ доброму руководству, строгому контролю. Намъ кажется, что это руководство должно принадлежать не инспекціи съ ея дисциплинарными мѣрами—(извѣстно, что запрещаемый плодъ бываетъ особенно сладокъ, тогда какъ рекомендуемыя начальствомъ книги всегда берутся учениками въ руки съ предубѣжденіемъ относительно желаемой ими доброкачественности) — а главнымъ образомъ нравственному вліянію преподавателей словесности по преимуществу.

И такъ вопросъ сводится къ тому: что долженъ пре-

подаватель словесности разбирать съ учениками въ классѣ, съ цѣлію нравственнаго и эстетическаго ихъ развитія? Какія книги и какихъ авторовъ можетъ онъ рекомендовать имъ для прочтенія на дому? Перечень сочиненій для домашняго чтенія — вопросъ объ ученическихъ библіотекахъ—не входитъ въ кругъ предметовъ, подлежащихъ въ настоящее время нашему обсужденію. Скажемъ о томъ, какихъ авторовъ долженъ читать учитель словесности въ классѣ. Къ сожалѣнію ни одна изъ существующихъ христоматій—ни христоматія Галахова, ни христоматія Филонова—не удовлетворяютъ вполнѣ потребностямъ семинарскаго преподаванія: обѣ — по своей дороговизнѣ, и кромѣ того — первая — потому, что даетъ лишь краткіе отрывки, а вторая потому, что страдаетъ неумѣстными тенденціями и наполнена излишнимъ балластомъ выписокъ изъ ученыхъ, для учениковъ по меньшей мѣрѣ безполезныхъ.

Прежде всего, конечно, изъ семинарскаго курса должны быть исключены писатели отрицательнаго и сатирическаго направленія, такъ какъ чтеніе такихъ авторовъ повело бы къ развитію въ дѣтяхъ неумѣстнаго критицизма и легкомысленнаго отношенія къ вопросамъ жизни. За тѣмъ на первомъ планѣ должны стоять: *Жуковскій*, поэтъ юношества по преимуществу, — съ его высокими и благородными идеалами; *Карамзинъ*, чтеніе котораго благотворнымъ образомъ можетъ дѣйствовать на развитіе въ дѣтяхъ патріотическаго чувства, пріучаетъ уважительно относиться къ общепризнаннымъ авторитетамъ, ко всему благородному. Потомъ слѣдуютъ: *Кольцовъ*, *Даль*, *Григоровичъ* — съ ихъ сочувственнымъ, но трезвымъ, чуждымъ односторонности, взглядомъ на народъ; *Кн. Одоевскій*; С. Т. *Аксаковъ*—лучшій худож-

никъ русскаго слова, — съ его глубокимъ чувствомъ природы (записки ружейнаго охотника, записки объ уженьѣ рыбы), съ его спокойнымъ, умиротворяющимъ взглядомъ на жизнь (семейная хроника, дѣтскіе годы Багрова), *А. С. Хомяковъ*, нашъ лучшій богословъ, богословъ не по оффиціи, а по призванію, къ сожалѣнію слишкомъ мало извѣстный въ учебныхъ заведеніяхъ, хотя его сочиненія могли быть классической книгой въ семинаріяхъ; *Кохановская*, съ ея своеобразнымъ, чисто-русскимъ складомъ рѣчи, съ ея художественнымъ, высоко-талантливымъ воспроизведеніемъ лучшихъ сторонъ старинной русской жизни; вообще *писатели славяно-фильской школы—А. Аксаковъ* (характеристики дѣятелей русской исторіи), *Кирѣевскій* (о характерѣ просвѣщенія Европы и пр.), съ ихъ сочувственнымъ отношеніемъ къ религіознымъ интересамъ, горячею любовію ко всему отечественному, трезвостію и благородствомъ сужденій, наконецъ съ ихъ уваженіемъ къ высокому достоинству литературнаго слова, уваженіемъ, котораго такъ мало находимъ мы въ произведеніяхъ литературы новѣйшей.

Но особенное вниманіе преподавателя словесности въ семинаріи, какъ намъ кажется, должно быть обращено на изученіе *народной руской словесности*, не потому, что она стала нынѣ предметомъ моды, а въ силу ея дѣйствительныхъ достоинствъ и нарочитой пригодности для цѣлей преподаванія семинарскаго. У нѣмцевъ, законодателей въ педагогическомъ дѣлѣ, изученіе родины, отечества (Vaterlandkunde, Heimathskunde) родной народной рѣчи и словесности считается дѣломъ первой важности; сказки, собранныя Гриммами, изучаются, говорятъ, въ каждой школѣ германской... Изученіе памятниковъ народнаго творчества вводитъ семинариста,

на сколько то возможно по его возрасту и степени развитія, въ область народнаго русскаго міросозерцанія, съ которымъ придется имѣть дѣло будущему сельскому священнику. Работая надъ этими памятниками, ученикъ семинаріи освоивается съ народнымъ складомъ рѣчи, съ тѣмъ складомъ рѣчи, которымъ ему въ послѣдствіи всего приличнѣе будетъ говорить къ народу. Изучая эти памятники, онъ увидитъ, какъ давно уже и какъ глубоко народъ нашъ понималъ высокій смыслъ христіанскаго ученія о любви къ ближнему, когда, напримѣръ, въ уста отца Ильи Муромца влагаетъ такое наставленіе сыну, пришедшему къ нему взять благословеньице великое на подвиги богатырскіе:

Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина...

Уже одно необычайное обиліе въ народной нашей словесности духовныхъ стиховъ и легендъ покажетъ, какое преообладающее значеніе въ русскомъ народѣ имѣетъ религіозное чувство, хотя, большею частію, темное и неразборчивое: развить и осмыслить это чувство, дать ему должное направленіе—предстоитъ ему, будущему сельскому пастырю. Вообще изученіе народной словесности должно показать, какъ ошибочно мнѣніе тѣхъ, которые, въ слѣдъ за Бѣлинскимъ (письмо къ Гоголю по поводу „переписки съ друзьями") думаютъ, что русскій народъ—самый безбожный въ мірѣ". Наконецъ нужно сказать еще, что произведенія народной словесности, по простотѣ и удобопонятности своего содержанія, представляютъ особенно удобный матеріалъ для классныхъ и домашнихъ работъ учениковъ, изучающихъ словесность въ самомъ началѣ своего учебнаго курса.

Выборъ пьесъ этаго рода такъ удобно нынѣ сдѣлать изъ богатыхъ сборниковъ Сахарова, Кирѣевскаго, Рыбникова, Безсонова, Аѳанасьева, Даля.

Многое можетъ быть читано и изъ другихъ образцовыхъ нашихъ писателей, которыхъ мы не указали выше, — которыхъ нельзя дать въ руки ученикамъ въ полномъ составѣ: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Графа Л. Толстаго, Тургенева, Гончарова, Майкова, Полонскаго, Фета. Можно сдѣлать подборъ прекрасныхъ стихотвореній религіозно — нравственнаго содержанія, разборъ которыхъ будетъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовать общему духу семинарскаго преподаванія и, свойственнымъ художественнымъ произведеніямъ образомъ, способствовать религіозно—нравственному развитію дѣтей. Такія пьесы мы находимъ у Державина, Языкова, Хомякова (переложенія псалмовъ и пр.), Ѳ. Глинки (поэма: „Іовъ"), Жуковскаго („Агаеверъ"), Жемчужникова, Алмазова („Филаретъ милостивый" и пр.), Гр. А. Толстаго („Дамаскинъ"), Мея („слѣпорожденный" и пр.). Но это уже дѣло будущаго составителя христоматіи для семинарій.

Николай Барсовъ.

ОТЗЫВЫ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ГРЕЧЕСКОЙ ПРЕССЫ

ПО СЛУЧАЮ ИЗВѢСТІЯ О КОНЧИНѢ

МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА (*).

Паде кедръ, плачевопльстените вли! Егда веселястесе вы, а мы слышаще, веселію вашему спричащахомся, и плачю вашему подобны есмы сообщницы, понеже и бѣда опща.

(Обращеніе къ московской паствѣ въ похвальномъ словѣ митрополиту московскому Кипріяну, его племянника литовскаго митрополита Цамблака).

Извѣстно глубокое сочувствіе, съ которымъ встрѣтили предстоятели всѣхъ восточныхъ православныхъ церквей свѣтлое всероссійское празднество—пятидесятилѣтіе достохвальнаго служенія церкви московскаго святителя; не менѣе трогательно выразилось и всеобщее сочувствіе, по случаю извѣстія о его блаженной кончинѣ, послѣдовавшей столь неожиданно скоро послѣ празднества юбилея. Печальная новость сдѣлалась мнѣ извѣстною въ Константинополѣ ранѣе всѣхъ, изъ частной телеграмы, полученной здѣсь изъ Москвы на 4 день послѣ самаго событія, а именно 24 ноября. Я поспѣшилъ сообщить эту горестную вѣсть Его Всесвятѣйшеству, патріарху константинопольскому Григорію, въ слѣдствіе чего въ патріаршей церкви тогда же было совершено соборное поминовеніе о усопшемъ. Патріархъ прислалъ къ г. послу нашему своего про-

(*) Сообщилъ о. Архимандритъ Леонидъ.

тосвигела выразить скорбь и сочувствіе Его Всесвятѣйшества и всей Константинопольской церкви о великой потерѣ, понесенной русской церковію и народомъ, лишеніемъ столь великаго святителя. Въ тоже время, въ Болгарско-константинопольской церкви совершена соборная панихида о упокоеніи души того, кто, какъ извѣстно, усердно желалъ и посильно содѣйствовалъ конечному умиротворенію этой, бѣдствующей нынѣ, церкви, которой въ древности мы обязаны счастіемъ: слышать слово Божіе и совершать богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ. Аѳонская гора также почтила память святителя-подвижника, согласно своему уставу, протяженнымъ молитвословіемъ. „5 числа (декабря), пишутъ мнѣ изъ Русскаго Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря, было у насъ всенощное бдѣніе (всенощное въ буквальномъ смыслѣ этого слова) и божественная литургія о упокоеніи души въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета и за тѣмъ соборная панихида, совершенная о. духовникомъ (І. Макаріемъ), съ 12 іеромонахами и 3-мя іеродіаконами, въ Русскомъ Покровскомъ соборѣ, на которой присутствовали, кромѣ Русскаго братства обители, богомольцы и многіе изъ Русскихъ Аѳонскихъ келіотовъ, а 7-го совершено такое же поминовеніе греками (греческимъ братствомъ Руссика) въ греческомъ соборномъ храмѣ“. Также почтили память святителя скиты Русскій-Андреевскій и Малороссійскій-Ильинскій. — Нѣтъ сомнѣнія, что примѣру Константинополя и Аѳона послѣдуютъ и всѣ другія ближнія и дальнія церкви востока, когда достигнетъ до нихъ печальная вѣсть, ибо гдѣ не знали московскаго святителя, куда не проникла слава его добродѣтелей, ученія, общенія и благотворенія?

На дняхъ (въ декабрѣ), въ Греческо-константинопольской газетѣ Армоніи (которую, по рубрикѣ духовныхъ извѣстій, считаютъ органомъ Греческо-константинопольской патріархіи) появился переводъ извѣстій о кончинѣ и погребеніи почившаго о Господѣ святителя изъ московскихъ газетъ (Москвы и Московскихъ вѣдомостей). Этому переводу предшествуетъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ глубоко прочувствовано, вѣрно понято и оцѣнено и краснорѣчиво выражено великое значеніе той утраты, которую въ лицѣ почившаго святителя понесла не одна Русская церковь, но все исполненіе православія. Вотъ эти строки: „съ полнымъ религіознымъ благоговѣніемъ извѣщаемъ нашихъ читателей о кончинѣ великаго Русскаго святителя Филарета, согласно съ заявленіемъ о семъ русской (московской) прессы, и находясь подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній этого горестнаго извѣстія. Впечатлѣніе, которое это внезапное событіе оставило въ душахъ нашихъ единоплеменниковъ какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, не уступаетъ тому, которое оно произвело и въ самой Россіи. Восхищеніе изъ среды православнаго міра столь достоуважаемой личности, столь доблестной добродѣтели, столь неутомимой дѣятельности и столь истинной славы, есть потеря, такъ сказать, православная, скорбь каѳолическая! Нѣтъ нужды, что почившій въ Бозѣ, по раздѣленіямъ міра сего, принадлежалъ къ иной, а не къ нашей народности, и что онъ жилъ, подвизался, возвысился и скончался вдали, а не близъ насъ. Крылами вѣры и добродѣтели, духомъ мудрости и разума, огненною колесницею любви къ Богу и ближнему, изъ святилища олтаря, по какой то преимущественной благодати Божіей, возвысился онъ до

такой недосягаемой высоты духовнаго совершенства, что образъ его, въ эѳирѣ святости, сливается съ тѣми великими и каѳолическими отцами и свѣтильниками церкви, сіяніе коихъ и спасительная сила не ограничивается никакими предѣлами мѣста и времени. Посему-то иноземные и иновѣрные братія наши о Христѣ признаютъ и чтутъ какъ законныхъ своихъ отцевъ нашихъ Василіевъ и Златоустовъ, равно какъ и мы въ свою очередь хвалимся, какъ своими законными отцами ихъ Амвросіями, Августинами и другими святыми мужами древняго востока и запада. Такова тайна и чудо церкви Христа, разрушившаго всякое ограждение и средостѣніе разстояній міра сего и черезъ всѣ вѣка проповѣдующаго любовь и миръ къ ближнимъ и дальнимъ. Отовсюду видная нравственная и духовная личность дивнаго святителя Филарета разливала оживленіе и утѣшеніе на всѣ изнуренныя тяготою временъ церкви нашихъ странъ; одушевляла и оживляла единое и нераздѣльное тѣло православія. Онъ былъ для него однимъ изъ очередныхъ Ангеловъ хранителей, но, Ангелъ земной и слѣдовательно смертный! По его преставленіи обращаемъ скорбные наши взоры ко всѣмъ концамъ православнаго міра, ожидая съ нетерпѣніемъ появленія достойнаго наслѣдника почившему. Кто будетъ сей? Найдетъ ли духъ Иліи своего Елисея въ средѣ нашихъ Левитовъ? Будемъ желать сего! А между тѣмъ считаемъ дѣломъ достойнымъ высокаго церковнаго попеченія, дабы великая (Константинопольская) церковь вызвала переводъ на нашъ языкъ, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ лучшихъ словъ и сочиненій всеславнаго святителя для назиданія и пользы нашихъ единоплеменниковъ".

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Два—три слова отъ лѣтописца.—I. **Правительственныя распоряженія**: Перемѣны въ Іерархіи.—Назначеніе комитета для преобразованія духовныхъ академій.—Высочайшія награды.—Разрѣшеніе—издавать Минскія Епархіальныя Вѣдомости.—II. **Библіографическія замѣтки**: На что должно быть обращено главное вниманіе редакцій епархіальныхъ вѣдомостей?—Многія ли редакціи епарх. вѣдомостей надлежащимъ образомъ понимаютъ и выполняютъ свою задачу? — Епархіальная хроника.—*Православное Собесѣдовательное Богословіе* или практическая гомилетика *Прот. Іоанна Толмачева*. (Томъ I. Спбургъ. 1866 г.) III. **Разныя извѣстія**: Въ чемъ выражается современная дѣятельность духовенства?—Открытіе православнаго церковнаго братства во имя святителя Гурія при Казанскомъ каѳедральномъ соборѣ.—Публичныя пренія съ раскольниками въ Саратовской епархіи.—Назначеніе старшихъ уѣздныхъ благочинныхъ во Владимірской епархіи. Участіе духовенства въ Земскихъ собраніяхъ. Замѣчательная дѣятельность нѣкоторыхъ сельскихъ священниковъ (въ Смол. и Самар. еп.) по части народнаго образованія. Воскресныя школы при приходскихъ церквахъ и семинаріяхъ. Съѣзды духовенства въ Смоленской, Самарской, Нижегородской и Кіевской епархіяхъ и результаты этихъ съѣздовъ. Что можетъ сдѣлать духовенство въ пользу страдающихъ отъ голода? — Краткая замѣтка о В. Н. Карповѣ, по поводу высказаннаго о немъ мнѣнія въ первой книжкѣ „Отечественныхъ записокъ“ за текущій годъ.

Всѣ журналы, издающіеся при нашихъ духовныхъ академіяхъ, поставляютъ главною своею задачею—научную разработку различныхъ церковно-историческихъ и философски-религіозныхъ вопросовъ, имѣющихъ преимущественно современный интересъ. Нельзя не согласиться, что такая цѣль и характеръ означенныхъ журналовъ вполнѣ сообразны съ назначеніемъ высшихъ учебныхъ заведеній, при которыхъ они издаются. Но, съ другой стороны, нельзя не признаться, что подобнаго рода направленіе духовныхъ періодическихъ изданій не обнимаетъ собою всѣхъ тѣхъ предметовъ, обсужденіе которыхъ *непремѣнно* должно входить въ кругъ обширной задачи духовнаго журнала. Послѣдній, какъ

и всякій журналъ вообще, долженъ имѣть не столько *отвлеченный*, сколько *практическій*, *чисто жизненный* характеръ. Онъ долженъ заниматься обсужденіемъ, главнымъ образомъ, тѣхъ вопросовъ, которые вызываются самою жизнію. Въ этомъ послѣднемъ условіи заключается весь интересъ журнала и для большинства читателей его. — Если для христіанина важно серьёзное обсужденіе той или другой нравственно-религіозной мысли и научное рѣшеніе того или другаго религіознаго вопроса, то еще важнѣе должно быть для него проведеніе этой мысли въ жизнь, примѣненіе этого вопроса къ практикѣ, къ современнымъ историческимъ обстоятельствамъ, къ требованіямъ духа времени. Между тѣмъ, немногіе изъ нашихъ духовныхъ журналовъ могутъ похвалиться подобнаго рода *практическимъ* направленіемъ. Этотъ недостатокъ христіанскаго практицизма составляетъ значительный пробѣлъ и въ тѣхъ духовныхъ журналахъ, которые издаются при нашихъ академіяхъ. Отъ души желательно, чтобы этотъ пробѣлъ, по мѣрѣ возможности, восполнялся и уничтожался.

Редакція „Христіанскаго Чтенія", желая, съ одной стороны, оставаться болѣе и болѣе вѣрною своей ученой задачѣ, съ другой, стараясь придать своему изданію больше разнообразія и жизненности,—съ настоящаго мѣсяца, вноситъ въ свой журналъ новый отдѣлъ „*Современное обозрѣніе*". Въ составъ этого отдѣла войдетъ все, что только, такъ или иначе, будетъ касаться современныхъ интересовъ религіи и церкви. Здѣсь займутъ мѣсто: I. разныя правительственныя распоряженія по духовному вѣдомству, напримѣръ: перемѣны въ іерархіи, перемѣны въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ

и т. п. II. По временамъ, будутъ помѣщаться библіографическія замѣтки, съ краткимъ критическимъ отзывомъ о вновь появляющихся въ духовной и свѣтской литературѣ замѣчательныхъ сочиненіяхъ, а равно и замѣчательныхъ журнальныхъ статьяхъ. — Наконецъ, III. Разныя извѣстія, корреспонденціи, выписки и указанія на важнѣйшія событія и болѣе крупныя явленія въ нашей церковно-религіозной жизни. Намъ хотѣлось бы всѣ, заимствуемыя нами изъ разныхъ мѣстъ, выдержки и факты обобщать между собою одною какою-нибудь мыслію, такъ чтобы наше „обозрѣніе" (особенно — послѣдній отдѣлъ его) не было простымъ *сборникомъ безсвязныхъ* журнальныхъ извлеченій, а представляло собою *нѣчто цѣльное и жизненное.* Мы желали бы, въ этомъ отношеніи, подражать лѣтописцу бывшаго духовнаго журнала „Духъ Христіанина", (о прекращеніи изданія котораго нельзя не жалѣть). Лѣтописецъ этого журнала съ рѣдкимъ умѣньемъ подбиралъ и группировалъ нужные ему факты и явленія изъ современной жизни, освѣщалъ ихъ тѣмъ или другимъ взглядомъ, съ христіанской точки зрѣнія, и съ интересомъ останавливалъ на нихъ вниманіе своихъ читателей.—Постараемся вести свое дѣло, какъ можемъ.

I.

Господинъ синодальный оберъ-прокуроръ предложилъ Святѣйшему Синоду Высочайшій указъ, данный Святѣйшему Синоду въ 5 день января текущаго года, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, въ коемъ изображено: „Синодальному члену, архіепископу камчатскому Иннокентію, Все-

милостивѣйше повелѣваемъ быть митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ, Свято-Троицкія Сергіевы лавры священно-архимандритомъ".

Января 12, въ Святѣйшемъ Синодѣ происходило нареченіе намѣстника Александро-Невской лавры, архимандрита Поликарпа во епископа Балахнинскаго, викарія нижегородской епархіи, а 14 того же мѣсяца, въ главномъ храмѣ Александро-Невской лавры, совершилась хиротонія его. Въ ней участвовали: высокопреосвященные митрополиты: Исидоръ, новгородскій и с.-петербургскій, и Арсеній, кіевскій и галицкій; архіепископы: Филоѳей, тверской и кашинскій, Василій, бывшій полоцкій, нынѣ членъ Св. Синода, и Нектарій, нижегородскій и арзамазскій; епископы, викаріи: Палладій ладожскій и Григорій выборгскій.

— Въ минувшемъ январѣ, по опредѣленію Св. Синода и Высочайшему соизволенію, въ Петербургѣ учрежденъ комитетъ для преобразованія духовныхъ академій. *Предсѣдателемъ* комитета назначенъ присутствующій въ Св. Синодѣ *Нектарій*, архіеп. нижегородскій. *Членами*: а) Главный священникъ арміи и флотовъ, Протоіерей М. И. *Богословскій*, б) Предсѣдатель духовно-учебнаго комитета, протоіерей І. В. *Васильевъ*, в) Ректоръ спбургской духовной академіи, протоіерей І. Л. *Янышевъ*; г) Ректоръ спбургской духовной семинаріи, архимандритъ *Павелъ*; д) Профессоръ спбургской духовной академіи, Е. И. *Ловягинъ* (въ качествѣ члена и дѣлопроизводителя); е) Профессоръ спбургской д. академіи, И. А. *Чистовичъ*; ж) Академикъ Галаховъ и з) Профессоръ спбургскаго университета Андреевскій.—Комитетъ уже открылъ свои засѣданія.—Члены собираются два раза въ недѣлю.

— Господинъ синодальный оберъ-прокуроръ, отъ 16 декабря 1867 г., для зависящаго распоряженія, объявилъ Св. Синоду, что, по опредѣленію Св. Синода 22—29 ноября того года, онъ имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать Государю Императору о похвальномъ поступкѣ священника Деревскаго погоста, въ крестецкомъ уѣздѣ, Григорія Домкинскаго, оказавшаго крестьянамъ денежное пособіе на покупку лошадей, которыхъ они лишились во время свирѣпствовавшей сибирской язвы.—Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 15 день того же декабря, Всемилостивѣйше наградить *скуфьею* священника Домкинскаго, согласно опредѣленію Св. Синода.

— 16 декабря 1867 г. г. оберъ-прокуроръ объявилъ Св. Синоду, что ректоръ костромской д. семинаріи, архимандритъ Корнилій Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени.

— Опредѣленіемъ Св. Синода, отъ 17 (30) ноября прошлаго года, разрѣшено изданіе, съ 1868 г., Минскихъ епархіальныхъ вѣдомостей.

II.

По примѣру Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, почти съ каждымъ годомъ являются на свѣтъ новыя епархіальныя вѣдомости въ разныхъ епархіяхъ. Теперь всего издается 28 епархіальныхъ вѣдомостей. Цифра очень почтенная. Нельзя не радоваться этому явленію, на которое мы имѣемъ полное право смотрѣть, какъ на пробужденіе въ нашемъ епархіальномъ духовенствѣ сознанія собственныхъ силъ и стремленія къ церковно-

общественной дѣятельности. Но, къ сожалѣнію, немногими редакціями епарх. вѣдомостей вѣрно понята прямая задача ихъ.

Епархіальныя вѣдомости состоятъ, какъ извѣстно, изъ двухъ отдѣловъ· оффиціальнаго и неоффиціальнаго. Первый изъ нихъ ужъ *черезъ-чуръ оффиціаленъ*. Въ большинствѣ епарх. вѣдом. въ этомъ отдѣлѣ печатаются одни только синодскіе указы и больше почти ничего. Печатается, впрочемъ, еще то, *кто куда* и *когда* опредѣленъ на мѣсто. Но не это должно занимать главное мѣсто въ оффиціальномъ отдѣлѣ. Въ немъ главный интересъ должны имѣть прежде всего оффиціальныя *распоряженія* епархіальнаго начальства; его *отчеты*, послѣ обозрѣнія имъ своей епархіи, его сужденія о состояніи своей епархіи, его желанія и надежды относительно своей паствы,—а равно— разные циркуляры архіеереевъ. Чрезъ это, мудрыя распоряженія и предположенія одного епархіальнаго начальства могли бы быть съ пользою принимаемы къ свѣдѣнію другими епархіальными архіереями. Взаимное сближеніе и объединеніе епархій въ дѣлѣ церковнаго управленія необходимо для дѣла самого христіанства, для самой вселенской Церкви. Чрезъ это, далѣе, редакціи епарх. вѣдомостей знакомили бы общество съ современнымъ религіозно-нравственнымъ состояніемъ народа, съ мѣстными народными обычаями, обрядами, преданіями и т. п. Чрезъ это, наконецъ, оффиціальный отдѣлъ, епарх. вѣдомостей, самъ по себѣ сухой и скучный, получилъ бы значительную долю не только церковно—историческаго интереса, но и вланія на современную жизнь церкви. Какъ на образецъ подобнаго рода литературнаго дѣла, мы можемъ указать на оффиціальный отдѣлъ Владимірскихъ, Харьковскихъ и Смо-

ленскихъ епарх. вѣдомостей, за годы изданія послѣднихъ при бывшемъ смол. епископѣ Антоніи.

Еще менѣе вѣрными своей задачѣ остаются епархіальныя вѣдомости въ своемъ, такъ называемомъ, *неоффиціальномъ* отдѣлѣ, или „прибавленіяхъ". Прямая задача и назначеніе епархіальныхъ вѣдомостей состоитъ въ томъ, чтобы онѣ служили литературнымъ органомъ мѣстнаго духовенства и потому имѣли бы, главнымъ образомъ, мѣстный интересъ. Эта задача, на первыхъ порахъ, хорошо понята была редакціею *Смоленскихъ* епарх. вѣдомостей и обстоятельно выяснена ею въ 1 № самаго перваго (1865) года изданія ихъ. Тамъ, между прочимъ, говорится, что „въ каждой епархіи найдется не мало умныхъ, даровитыхъ людей жаждущихъ дѣятельности... Найдутся такіе іереи, которые, по практическому складу своего ума, занимались обсужденіемъ разныхъ практическихъ вопросовъ и пришли, относительно рѣшенія ихъ, къ довольно значительнымъ результатамъ. Можетъ быть плодотворныя идеи ихъ готовы исчезнуть потому только, что не представляется возможности (печатно) заявить ихъ. И вотъ, они теперь могутъ, время отъ времени, высказывать (въ епарх. вѣдом.) свои мнѣнія, пастырскія наблюденія и т. п".—Подобно редакціи Смол. епарх. вѣдомостей, и редакція *Калужскихъ* епарх. вѣдомостей смотритъ на свое изданіе, какъ *на дѣло общее со всѣмъ духовенствомъ*. По мнѣнію этой редакціи, цѣль, которую имѣютъ въ виду епархіальныя вѣдомости, можетъ быть вполнѣ достигнута только подъ условіемъ литературнаго содѣйствія ей со стороны духовенства (№ 2 1865 г.). Мысль совершенно справедливая. Кому, какъ не мѣстному духовенству, лучше и ближе всего знать нравы, обычаи, разные повѣрья и предраз-

судки, господствующія въ ихъ приходахъ? Кто, какъ не мѣстное духовенство, можетъ лучше другихъ знать религіозно-нравственныя потребности той среды, въ которой оно живетъ и дѣйствуетъ. Кто лучше другихъ можетъ дать благоразумный совѣтъ и указать средства къ возвышенію нравственно-религіознаго уровня народа, кто, какъ не пастыри церкви, предъ которыми, какъ предъ духовными отцами, открываемы бываютъ народомъ самыя затаенныя стороны его духа, недоступныя для другаго сторонняго наблюдателя? А сколько, сверхъ того, можно отыскать, почти въ каждой епархіи, самыхъ интересныхъ археологическихъ памятниковъ! Все это вмѣстѣ могло бы составить самый жизненный, самый интересный матеріалъ для неоффиціальнаго отдѣла епарх. вѣдомостей. Собираніе и печатаніе подобнаго рода пастырскихъ наблюденій и указаній, этнографическихъ и археологическихъ свѣдѣній должно составлять, по нашему мнѣнію, самую главную и существенную задачу всѣхъ епархіальныхъ вѣдомостей.

Между тѣмъ, какъ мы уже замѣтили, немногія редакціи епарх. вѣдомостей выполняютъ эту задачу. Даже редакція Смол. вѣдомостей, которая сначала такъ дѣльно изложила взглядъ свой на задачу и значеніе епарх. вѣдомостей, лишь въ первые два года съ достоинствомъ выполняла свою задачу. Многія, помѣщавшіяся въ ней тогда статьи,—въ родѣ умныхъ статей почтеннаго о. Даніила Лебедева и пастырскихъ замѣтокъ оо. В. Бѣлавищева и П. Богдановича,—дѣлали честь какъ авторамъ ихъ, такъ и самой редакціи. Теперь же, съ перемѣною вѣроятно редактора, редакція печатаетъ въ своемъ изданіи, повидимому безъ всякаго разбора, все, что ни попадется ей подъ руки. Къ чему, напримѣръ,

печатаются въ Смол. вѣдомостяхъ статьи такого рода, какъ: „св. пророкъ Аггей", или „объ ересяхъ въ вѣкъ апостольскій" и т. п. Кромѣ того, что эти статьи вовсе не имѣютъ мѣстнаго интереса,—авторъ ихъ щедрою рукою разсыпаетъ предъ своими скромными читателями безчисленное множество цитатъ на разныхъ языкахъ, какъ будто стараясь удивить тѣмъ читателей своею ерудиціею. Вмѣсто того, чтобы разсуждать и печатать въ епарх. вѣдомостяхъ „объ ересяхъ въ вѣкъ апостольскій", которыя и безъ того довольно извѣстны учившимся въ семинаріи, — не нужнѣе ли было бы заняться изслѣдованіемъ мѣстныхъ ересей, которыми, къ сожалѣнію, не бѣдна и смоленская епархія? Намъ хорошо извѣстно, что въ смоленской епархіи, особенно въ сычевскомъ и гжатскомъ уѣздахъ, находятся цѣлыя тысячи раскольниковъ, у которыхъ не только соблюдаются свои религіозно-суевѣрные обряды, но и содержатся свои совершенно неправославныя догматическія вѣрованія. Если бы съ умѣньемъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія объ этихъ раскольническихъ обрядахъ и вѣрованіяхъ, и о способахъ успѣшнѣйшаго дѣйствованія къ ослабленію ихъ, то эти свѣдѣнія могли бы занять самое видное мѣсто на страницахъ Смолен. епарх. вѣдомостей и сдѣлали бы чести собирателю этихъ свѣдѣній гораздо больше, чѣмъ указанныя нами статьи. Но еще страннѣе видѣть, на страницахъ тѣхъ же вѣдомостей, статью „объ участіи духовенства въ управленіи *древняго Новгорода*" (№ 23. 1867 г.). Трудно понять, по какимъ побужденіяхъ *Смоленскія* епарх. вѣдомости толкуютъ о *древнемъ новгородскомъ* духовенствѣ, несправедливо игнорируя *мѣстное современное* духовенство. Въ № 23 тѣхъ же вѣдомостей представляется еще болѣе курьеза. Въ немъ

мы встрѣчаемъ статью съ заглавіемъ: „о древнемъ христіанскомъ богослужебномъ пѣніи и о пѣніи отечественной Церкви". Читаемъ и удивляемся. Оказывается, что мы узнаемъ въ нихъ тѣ профессорскія лекціи по литургикѣ, которыя мы такъ недавно слушали въ академической аудиторіи и которыя однимъ изъ студентовъ (нынѣ пребывающимъ во владимір. епарх.) аккуратно записываемы были со словъ г. профессора, тщательно составлялись имъ и потомъ нѣсколькими студентами списываемы были съ записокъ составителя ихъ. И вотъ одинъ экземпляръ подобнаго рода списковъ съ оригинальныхъ записокъ студента—составителя профессорскихъ лекцій печатается въ смол. епарх. вѣдомостяхъ. Въ концѣ статьи подписано: „продолженіе будетъ". Если оно дѣйствительно будетъ, то мы, если бы это нужно было, напередъ могли пересказать то, что будетъ печататься въ продолженіи". Насколько странна подобнаго рода промышленность, особенно въ духовной литтературѣ,—предоставляемъ судить другимъ.

Редакція *Владимірскихъ епархіальныхъ вѣдомостей*, какъ видно, располагаетъ богатыми силами своихъ сотрудниковъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многія изъ тѣхъ дѣльныхъ статей, которыя мы встрѣчаемъ на страницахъ ея изданія, каковы, наприм., статьи. „Основные вопросы о человѣческой жизни и отношеніе къ нимъ современной скептической (невѣрующей) мысли". Статьи эти печатаются уже четвертый годъ и какъ, положимъ, они *ни дѣльны*, все—таки мы не можемъ не замѣтить, что онѣ неумѣстны въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Редакція Владимір. епарх. вѣдомостей напрасно, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, задалась фальшивою задачею,—именно: научною разработкою разныхъ

философски—религіозныхъ вопросовъ. Рѣшеніе этой послѣдней задачи едва ли можетъ составлять призваніе провинціальной литературы. Епархіальныя вѣдомости должны, какъ намъ кажется, имѣть совершенно другую, болѣе скромную и болѣе полезную цѣль—служить непосредственнымъ огранομъ для заявленія мѣстныхъ, церковно-жизненныхъ потребностей духовенства и народа, а—не органомъ для выраженія отвлеченныхъ умствованій. —Чрезвычайно странно и даже досадно видѣть, когда, напримѣръ, редакція Владимірск. епарх. вѣдом., имѣющая у себя даровитыхъ сотрудниковъ и трактующая „объ основныхъ вопросахъ о человѣческой жизни" и т. п., между тѣмъ игнорируетъ самыя близкія къ ней явленія, требующія гласности и объясненія. Таковы, напр., тѣ хлыстовскія оргіи, которыя совершались въ деревнѣ Лубенкинѣ Владимірскаго уѣзда подъ руководствомъ хлыстовской богородицы Акулины Тимоѳеевны, и любопытныя извѣстія о которыхъ сообщены были въ прошломъ году въ Вечерней газетѣ, № 203.

Итакъ, отъ души желательно, чтобы редакціи епархіальныхъ вѣдомостей, не задаваясь слишкомъ учеными цѣлями и тенденціями, вѣрнѣе поняли свою скромную и простую задачу и съ бо́льшимъ усердіемъ выполняли ее, направляя къ ней всѣ тѣ силы, которыми только онѣ могутъ располагать. Тогда, мы увѣрены, литературное дѣло епархіальныхъ вѣдомостей будетъ гораздо плодотворнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ теперь. Изъ всѣхъ, издаваемыхъ нынѣ епархіальныхъ вѣдомостей, по нашему мнѣнію, лучше другихъ понимаютъ и выполняютъ свою задачу вѣдомости: Херсонскія, Харьковскія, Вологодскія, Кіевскія, пожалуй, Самарскія, Саратовскія и Тамбовскія. Въ 1 № 1868 г. *Харьковскихъ* епархіальныхъ вѣ-

домостей помѣщенъ однимъ приходскимъ священникомъ о. Подольскимъ очень интересный этнографическій очеркъ изъ жизни его прихожанъ Алексѣевской Софійской церкви. Мы съ полнымъ удовольствіемъ сдѣлали бы здѣсь выдержку изъ прекрасной статьи о. Подольскаго, если бы у насъ поменьше было предметовъ, о которыхъ необходимо сказать еще впереди.

Не мѣшаетъ, наконецъ, сказать два-три слова о такъ называемой „*епархіальной хроникѣ*“, которая печатается въ большей части епархіальныхъ вѣдомостей. Страннѣе этой хроники едва ли можно и представить еще что нибудь въ литературѣ. Епархіальные хроникёры до смѣшнаго узко понимаютъ свою задачу. Весь отдѣлъ своей хроники они ограничиваютъ тѣмъ, что сообщаютъ читателямъ: *въ какой день, гдѣ* и *съ кѣмъ совершалъ Богослуженіе мѣстный преосвященный*. Ужели же, кромѣ этого, нельзя найти ничего другаго, заслуживающаго вниманія епархіальнаго лѣтописца. Ужели вся жизнь епархіи и весь составъ епархіальной паствы выражаются въ одной особѣ служащаго епархіальнаго архіерея... Чрезвычайно странно!

Отъ епархіальныхъ вѣдомостей перейдемъ къ краткому разбору только что появившагося въ свѣтъ I тома почтеннаго труда о. прот. Іоанна Толмачева, съ заглавіемъ: *Православное собесѣдовательное богословіе или практическая гомилетика*.“ (С.-Петерб. 1868. Т. I 386 страницъ.) Авторъ предпосылаетъ своему труду небольшое предисловіе, въ которомъ весьма обстоятельно излагаетъ тѣ важныя побужденія и указываетъ ту добрую цѣль, по которымъ онъ предпринялъ свой замѣчательный трудъ. Прямое назначеніе этого труда состоитъ въ томъ, чтобы „*содѣйствовать облегченію, развитію и*

надлежащему направленію проповѣдничества.“ Авторъ практической гомилетики, не касаясь никакихъ гомилетическихъ правилъ, которыя предполагаются уже извѣстными, *самымъ дѣломъ* вводитъ проповѣдника въ кругъ его гомилетическихъ занятій, раскрываетъ предъ нимъ библію и предлагаетъ ему всевозможные матеріалы для его проповѣднической дѣятельности, которыми онъ можетъ пользоваться для своей цѣли, примѣнительно къ своимъ условіямъ, таланту и обстоятельствамъ. Такимъ матеріаломъ служатъ темы съ расположеніями для проповѣдей. Въ этихъ темахъ указывается только то, что необходимо для каждаго проповѣдника, въ какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни находился; раскрываются существенныя стороны текста и дѣлаются только такіе нравственныя выводы, которые прямо вытекаютъ изъ избраннаго для проповѣди текста и имѣютъ общее значеніе для всякаго рода слушателей.

Предметы для проповѣди авторъ Собесѣдовательнаго Богословія располагаетъ сообразно съ церковными службами церковнаго круга. Весь годичный кругъ, въ церковномъ отношеніи, раздѣляется на двѣ части: на *недѣли внѣ тріоди* или, такъ называемыя, недѣли по пятидесятницѣ и *недѣли тріоди*. Первый томъ Собесѣдоват. Богословія о. прот. Толмачева заключаетъ въ себѣ первое послѣдованіе недѣль по пятдесятницѣ, начиная отъ I до XVII недѣли включительно, т. е., тѣхъ недѣль, въ которыя читается Евангеліе отъ Матѳея. Первымъ, самымъ главнымъ и необходимымъ, источникомъ церковнаго собесѣдованія служатъ библейскія рядовыя зачала, предлагаемыя изъ Евангелія и Апостола. Авторъ Собесѣд. богословія поставляетъ своею задачею опредѣлить отношеніе этихъ зачалъ къ церковному проповѣд-

ничеству, указать главную мысль или, такъ сказать, идею дневнаго чтенія изъ Евангелія и Апостола, и затѣмъ вывести частныя и частнѣйшія истины, о которыхъ проповѣдникъ можетъ бесѣдовать на основаніи дневнаго зачала. Темныя мѣста, встрѣчающіяся въ дневныхъ чтеніяхъ изъ Евангелія и Апостола и требующія догматическаго, историческаго или филологическаго объясненія, истолкованы автюромъ въ примѣчаніяхъ. На долю проповѣдника остается только развить ту или другую тему. Обиліе предлагаемыхъ въ сочиненіи о. прот. Толмачова матерій можетъ, по справедливому замѣчанію самаго автора, удовлетворить самому взыскательному и ревностному проповѣднику. Здѣсь проповѣдникъ найдетъ и надлежащіе тексты изъ св. Писанія и основныя мысли и даже, по мѣстамъ, краткія выдержки изъ твореній св. отцевъ. При этомъ авторъ Собесѣд. Богословія обнаруживаетъ въ себѣ большое знакомство съ священнымъ писаніемъ—особенно новаго завѣта, пониманіе и усвоеніе его духа и силы, а также очень глубокое знаніе коренныхъ требованій человѣческаго духа, серьезный и вмѣстѣ свѣтлый взглядъ на жизнь и необыкновенно теплое христіанское чувство. А все это, взятое въ совокупности, составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ и существенныхъ качествъ, необходимыхъ для проповѣдника. Авторъ разбираемаго нами труда справедливо говоритъ, что „ораторство безъ серьёзной мысли—пустая игра словъ; а крѣпкая мысль и глубокое чувство всегда найдутъ для себя и могучее ораторское слово.“

Для болѣе нагляднаго показанія важности и достоинства почтеннаго труда о. прот. Толмачева, считаемъ нужнымъ сдѣлать небольшую выдержку изъ его сочиненія. Для примѣра, можно открыть и взять любую

страницу: каждая изъ нихъ постоитъ за честь своего автора. Напр. на стран. 122 авторъ, сообразно съ мыслію апостола Павла, выраженною въ дневномъ чте„ніи апостола (Римл. XII, 6—14), говоритъ о тѣхъ „достославныхъ добродѣтеляхъ, которыми долженъ укра„шаться христіанинъ, какъ членъ тѣла Христова, кото„рому ввѣрено то или другое дарованіе, дано то или „другое назначеніе и служеніе. Общая мысль выводимая „изъ дневнаго чтенія апостола, та, что благочестіе хри„стіанина должно проявляться во всей его жизни и дѣ„ятельности. Въ частности: 1) *благочестіе христіанина „должно проявляться въ тщательномъ и добросовѣстномъ „исполненіи обязанностей его*. Истинный христіанинъ „долженъ всегда и вездѣ смотрѣть на себя, какъ на „приставника Божія, какъ на слугу Христова. Помы„шляя объ отчетѣ, который нѣкогда предстоитъ ему „отдать, онъ исполняетъ обязанности своего званія не „такъ, какъ бы онъ служилъ людямъ только, но какъ „Самому Богу, Который есть Господь всѣхъ господей, „Царь всѣхъ царей, и отъ Котораго назначается каждо„му человѣку кругъ его дѣятельности... *Имѣешь ли „служеніе, пребывай съ вѣрностію въ этомъ служеніи*; „не обращай вниманія прежде всего на свои выгоды и „преимущества, а потомъ уже на должности и обязан„ности; твоя должность, напротивъ, должна быть для „тебя величайшимъ удовольствіемъ и утѣшеніемъ, браш„номъ и питіемъ, поелику тебѣ назначилъ ее Богъ. Пусть „твое ремесло не богато, твое званіе не почетно, кругъ „дѣятельности ограниченъ; однакожъ никто другой, а „Богъ опредѣлилъ тебѣ ихъ; будь вѣренъ въ маломъ! *Учи„тель ли* кто, пусть хранитъ вѣрность *въ ученіи*; будь „добросовѣстенъ ты, наставникъ юношества, ты, отецъ

„и мать, которымъ ввѣрены дѣти, для того, чтобы на-„учиться отъ васъ пути вѣчной жизни... *Раздаватель ли* „кто, раздавай *въ простотѣ*; къ вамъ, которые завѣды-„ваете благотворительными учрежденіями, къ вамъ „особенно относится это наставленіе апостола; вы дол-„жны, въ простотѣ сердца, безъ заднихъ намѣреній, ис-„полнять свою должность и не отказывать въ раздаяніи „нуждающимся, хотя бы вы и имѣли что либо противъ „просящаго лица; но, съ другой стороны, не раздавайте „ввѣреннаго вамъ по лицепріятію, гдѣ нѣтъ дѣйстви-„тельной нужды, и т. д. 2) *Благочестіе христіанина долж-„но отражаться въ его любви къ ближнимъ. Любы*, го-„воритъ апостолъ, *да будетъ нелицемѣрна* (ст. 9), вы-„ражающаяся не словомъ только и языкомъ, но дѣломъ „и истиною.... Любовь—это божественная жизнь въ насъ, „и потому должна быть далека отъ грѣха. Твоя любовь „должна ненавидѣть зло вездѣ, даже въ твоемъ другѣ; „ты не долженъ одобрять его несправедливостей, или „называть добромъ его ошибки, или намѣренно молчать, „гдѣ ты долженъ откровенно говорить и обличать; добро, „напротивъ, ты вездѣ долженъ любить, цѣнить, хвалить „и почитать, даже въ твоемъ врагѣ... Кромѣ общей любви „къ людямъ, мы особенно должны любить нашихъ „братьевъ, нашихъ присныхъ въ вѣрѣ, какъ заповѣдалъ „Господь въ своей новой заповѣди (Іоан. 13, 34, 35); „любовь эта должна быть *любезна* съ *нѣжностію*, какую „питаютъ родители къ дѣтямъ, дѣти къ родителямъ, доб-„рые братья и сестры другъ другу и т. д.“

Нельзя не радоваться появленію въ свѣтъ этаго, въ высшей степени полезнаго и благовременнаго, труда о. прот. Толмачева. Мы увѣрены, что каждый благоразумный священникъ, внимательный къ своему пропо-

вѣдническому дѣлу, сочтетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ—пріобрѣсти это сочиненіе. Нельзя также не пожелать, чтобы о. Толмачевъ окончилъ свой, такъ удачно начатый и такъ полезный для всего нашего духовенства, трудъ.

III.

Переходя изъ области литературы въ область церковной жизни, мы обращаемъ свое вниманіе, прежде всего, на пастырскую дѣятельность нашего духовенства. Дѣятельность эта оказывается, большею частію, отрадною; плоды ея—очевидны. Все вниманіе преосвященныхъ обращено на религіозно - нравственное развитіе ихъ паствы, на улучшеніе быта мѣстнаго духовенства и на устройство какъ духовно-учебныхъ заведеній, такъ и крестьянскихъ школъ. Приходское духовенство относится къ благимъ предпріятіямъ своихъ архипастырей съ полнымъ сочувствіемъ и энергіею.

Мы не можемъ не остановить вниманія нашихъ читателей на дѣятельности хотя нѣкоторыхъ епархіальныхъ начальствъ.

1) Преосвященный *Антоній*, архіепископъ *Казанскій*, заявившій себя неутомимою пастырскою дѣятельностію въ бытность свою смоленскимъ архипастыремъ, съ тою же апостольскою ревностію продолжаетъ свои труды и въ казанской епархіи. Религіозно-нравственное развитіе жителей казанской губерніи находится, какъ извѣстно, въ печальномъ состояніи. Инородческое ея населеніе, большею частію, до сихъ поръ держится магометанства и даже язычества. Да и изъ просвѣщенныхъ св. крещеніемъ инородцевъ (говорится въ воззваніи братства св. Гурія), многіе, по разнымъ причинамъ,

не утверждены еще вполнѣ въ вѣрѣ и нравственности христіанской, заражены языческими суевѣрными обычаями и преданіями и, болѣе или менѣе, всегда склонны къ отпаденію отъ Православія. Недавніе примѣры уклоненія нѣсколькихъ тысячъ крещенныхъ татаръ въ магометанство огласились по всей Россіи и, конечно, поразили скорбію всѣхъ благомыслящихъ, искренно вѣрующихъ и искренно преданныхъ православію людей. Обращаясь къ средѣ русскаго населенія казанской губерніи, находимъ небольше утѣшенія: расколъ нерѣдко увлекаетъ простосердечныхъ братьевъ нашихъ въ свое самочинное служеніе Богу; суевѣріе и невѣжество искажаютъ св. вѣру Христову въ сердцахъ малообразованныхъ, а всеотрицающій духъ вольномыслія порождаетъ равнодушіе къ православію и даже полнѣйшее невѣріе въ средѣ называющихъ себя образованными. Печальное это явленіе не есть плодъ какихъ либо причинъ, намъ современныхъ. Это зло давнее, болѣзнь застарѣлая. Правительство принимало разныя мѣры къ пресѣченію этого зла; но успѣхъ далеко несоотвѣтствовалъ благимъ стремленіямъ. И вотъ, въ виду такого печальнаго состоянія религіозно нравственнаго развитія жителей Казанской губерніи, по мысли казанскаго архіеписк. Антонія, лица разныхъ сословій положили „устроить *братство* изъ всѣхъ ревнителей благочестія, дабы общими силами, единодушною, братскою любовію содѣйствовать просвѣщенію и подкрѣпленію свѣтомъ Христовой вѣры меньшихъ братій нашихъ, невѣдущихъ благодати Божіей или уклонившихся отъ нея.“ Братство это открыто 4 окт. 1867 г. и названо „*братствомъ во имя святителя Гурія*, перваго архипастыря казанскаго и перваго ревнителя къ насажденію православія

среди инородческихъ племенъ здѣшняго края. Нельзя не сочувствовать этому доброму дѣлу и не питать справедливаго и искренняго уваженія къ казанскому архипастырю, какъ одному изъ самыхъ дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ архипастырей русской церкви. Въ братствѣ принимаютъ дѣятельное участіе, кромѣ преосвященнаго Антонія, казанскій губернаторъ Н. Я. *Скарятинъ* и попечитель казанскаго учебнаго округа П. Р. *Шестаковъ*. Тотъ и другой лично намъ извѣстны, какъ люди искренно преданные интересамъ церкви ([1]) и энергическіе. Можно надѣяться, что, при такихъ дѣятеляхъ дѣло казанскаго церковнаго братства пойдетъ успѣшно.

2) Преосвященный *Іоанникій Саратовскій* заботится, главнымъ обр., объ обращеніи раскольниковъ. Для этой цѣли, онъ избралъ, по словамъ Самарскихъ епарх. вѣдомостей, какъ единственно-вѣрный путь для возвращенія раскольниковъ въ лоно православной Церкви — *свободное вразумленіе*, состоящее въ публичныхъ преніяхъ съ раскольниками. Бесѣды, пренія, которыя члены саратовскаго братства миссіонерскаго ведутъ съ раскольниками въ церкви, сильно способствуютъ къ ослабленію ихъ нерасположенія къ православію. Протоіерей Никольскій, бывшій профессоръ семинаріи, недавно открылъ въ г. Хвалынскѣ публичныя пренія съ раскольниками въ церкви. Протоіерей болѣе года приготовлялся къ этой дѣятельности. Прошлымъ великимъ постомъ было нѣсколько такихъ бесѣдъ, продолжавшихся до четырехъ и пяти часовъ. Слухъ о нихъ распространился въ ближайшихъ къ саратовской губерніяхъ; отъ того

([1]) Объ усердіи Н. Я. Скарятина къ церкви Божіей см. „Смол. еп. вѣдом.“ 1865 г. № 9 стр. 354.

каждая бесѣда происходила при многочисленномъ стеченіи народа. Даже раскольническій лжеепископъ казанскій Пафнутій присылалъ въ Хвалынскъ, для пренія съ о. Никольскимъ, одного изъ своихъ родственниковъ, уставщика и начетчика Шикина; кромѣ того, прибылъ въ Хвалынскъ ученикъ знаменитаго между раскольниками Павла Прусскаго, Макарій Ползуновъ, ковенскій мѣщанинъ. Оба они участвовали въ преніяхъ въ соборѣ, познакомились съ о. Никольскимъ и сблизились съ нимъ. Результатомъ такого образа дѣйствованія противъ раскола было обращеніе къ православію одного изъ самыхъ умныхъ и дѣятельныхъ раскольниковъ. Все это, конечно, прекрасно; но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что, при подобнаго рода веденіи столь важнаго дѣла требуется, со стороны „представителей православія, самое близкое знакомство съ исторіею и ученіемъ раскола, требуется много опытности, благоразумія и христіанской терпѣливости. Раскольники часто бываютъ слишкомъ упорны въ своемъ лжеученіи. Ихъ грубыя выходки противъ православной Церкви часто бываютъ слишкомъ оскорбительны для православныхъ. Если эти выходки со стороны раскольниковъ дозволены будутъ и въ публичныхъ преніяхъ, то едвали эти пренія поведутъ къ хорошимъ результатамъ.

3) Преосвященный *Владимірскій Антоній*, отъ 23 августа 1867 г., сдѣлалъ консисторіи предложеніе слѣдующаго содержанія: „Въ настоящее время, по отношенію къ свѣтскимъ уѣзднымъ присутственнымъ мѣстамъ и имѣющимъ начальство надъ цѣлымъ уѣздомъ чиновникамъ,—съ духовной стороны, по закрытіи духовныхъ правленій, нѣтъ соотвѣтствующаго ни присутственнаго

мѣста, ни начальствующаго лица. Между тѣмъ, въ томъ или другомъ, для удобства и скорости въ теченіи дѣлъ и исполненіи распоряженій, можетъ нерѣдко встрѣтиться нужда... Въ свою очередь, и для внутренняго порядка духовной администраціи недостатокъ средоточія власти въ уѣздныхъ городахъ не можетъ быть признанъ благотворнымъ: нѣтъ лица, обязаннаго и уполномоченнаго слѣдить за благоповеденіемъ пріѣзжающаго въ уѣздный городъ духовенства...; мѣстные благочинные, вдали отъ епарх. начальства, также остаются безъ ближайшаго надзора за ихъ дѣйствіями и безъ надлежащаго руководства...; далѣе, въ случаяхъ тяжкой болѣзни и самой смерти того или другаго благочиннаго, или по прикосновенности его по дѣламъ, по родству, свойству и др. видамъ, не можетъ быть сдѣлано на мѣстѣ никакого, даже временнаго распоряженія, доколѣ не получится указъ консисторіи. При такомъ положеніи дѣлъ, не легко достижимы исполнительность и надлежащій въ духовномъ вѣдомствѣ порядокъ, особенно въ епархіи обширной, многоцерковной и несвободной отъ раскола. По всѣмъ этимъ практическимъ соображеніямъ, преосв. Антоній Владимірскій нашелъ полезнымъ поставить штатныхъ протоіереевъ градскихъ уѣздныхъ соборовъ начальниками уѣзднаго духовенства, наименовавъ ихъ старшими благочинными". Консисторія сдѣлала зависящее распоряженіе. Права и обязанности старшаго благочиннаго подробно изложены въ 1 и 2 №№ (1868 г.) Влад. епарх. вѣдом.

Дѣятельность *бѣлаго духовенства* высказывается преимущественно въ участіи его въ земскихъ собраніяхъ, въ устройствѣ народныхъ школъ и съѣздахъ. Въ *земскихъ собраніяхъ* духовенство съ честію защищаетъ и отстаи-

ваетъ свои права и заботится объ улучшеніи быта своей братіи. Такъ въ Самарскихъ епарх. вѣдом. напечатано донесеніе епарх. начальству благочиннаго Михайловскаго объ участіи гласныхъ отъ духовенства въ бугурусланскомъ земскомъ собраніи, бывшемъ въ началѣ сентября. На этомъ собраніи положено: „градскому духовенству въ г. Бугурусланѣ давать вознагражденіе за исправленіе требъ въ земской больницѣ; имѣть двухъ стипендіатовъ отъ бугурусланскаго земства при Самарской семинаріи изъ учениковъ въ ней, съ отпускомъ на каждаго по 100 р. въ годъ, оказать пособіе церковно-приходскимъ школамъ и, въ видѣ опыта, назначить 1000 руб., предоставивши училищному совѣту распредѣлить эту сумму по своему усмотрѣнію на церковно-приходскія школы; давать земскія подводы благочиннымъ, отправляющимся по своему вѣдомству, по дѣламъ службы, а также и разсыльнымъ, посылаемымъ съ указами консисторіи или для собранія срочныхъ свѣдѣній по вѣдомству. Сверхъ того, гласные отъ духовенства настояли на учрежденіи въ Бугурусланѣ женскаго училища 2 разряда, которое должно открыться согласно постановленію послѣдняго земскаго собранія“. Въ тѣхъ же вѣдомостяхъ напечатано, что ставропольское земское собраніе, по вопросу, возбужденному гласными отъ духовенства о недостаткѣ матеріальныхъ средствъ къ усиленію народнаго образованія въ уѣздѣ, постановило: „въ 1868 году отпускать изъ суммъ земства 3,000 р. въ полное распоряженіе мѣстнаго уѣзднаго училищнаго совѣта—въ пособіе наставникамъ народныхъ школъ, на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и на разъѣзды членамъ совѣта для ревизіи школъ; кромѣ того, двумъ гласнымъ совѣта отъ духовенства особо

назначено 270 р. на разъѣзды для обревизованія школъ въ уѣздѣ. Добрые плоды участія духовенства въ земскихъ собраніяхъ громко и ясно говорятъ сами за себя. Объ нихъ нечего и распространяться.

Особенную честь нужно отдать сельскому духовенству за дѣло *открытія и устройства ими приходскихъ школъ*. Школы эти возрастаютъ замѣтнымъ образомъ. Однѣ изъ нихъ содержатся на счетъ правительства или прихожанъ, другія устрояются исключительно на средства однихъ приходскихъ священниковъ. Такъ мы знаемъ въ Смоленской губер. въ Сычев. уѣздѣ, въ селѣ Т... одного молодаго священника, который въ собственномъ домѣ отвелъ комнату для училища; самъ *безмездно* занимается съ дѣтьми по нѣскольку часовъ въ день; на собственныя деньги купилъ для учениковъ и ученицъ разныя необходимыя училищныя принадлежности, какъ то: аспидныя доски, грифели, карандаши и т. п. Эта безкорыстная дѣятельность, эта самоотверженная любовь молодаго священника о. В. С. къ своему пастырскому долгу—*учить*, становится еще выше и цѣннѣе, если мы скажемъ, что о. В. С. священствуетъ всего только два года,—слѣдовательно вовсе не можетъ похвалиться большими средствами къ жизни. Ктомужъ, онъ, кромѣ содержанія собственнаго семейства, состоящаго изъ 4 душъ, обезпечиваетъ существованіе сиротъ, на мѣсто отца которыхъ онъ поступилъ священникомъ. Обучающіеся въ школѣ о. В. С—ва, за одну прошлую зиму, научились хорошо читать и писать, знаютъ наизусть нѣсколько молитвъ. И это знаніе ихъ составляетъ самую отрадную и *единственную* награду для молодаго сельскаго священника, трудящагося незамѣтно,—въ тиши.

Нѣкоторые приходскіе священники открыли воскресныя школы при своихъ церквахъ для тѣхъ, которые не имѣютъ возможности посѣщать существующія въ селахъ мужскую и женскую школы. Такая воскресная школа открыта, наприм., священникомъ Самарской г. Никол. у. въ селѣ Глушицкѣ о. К. Разумовскимъ.— А священникъ той же епархіи ставропол. у. села Хрящевки о. Бѣлгородскій сообщаетъ въ Сам. епарх. вѣдомостяхъ (№ 2. 1868 г.) очень интересныя и отрадныя извѣстія о благотворномъ вліяніи воскресныхъ школъ на прихожанъ.—По словамъ свящ. Бѣлгородскаго „воскресныя школы или собранія посѣщаются многими старичками и старушками, мужами, женами и дѣтьми. Многіе прихожане хрящевскіе *перестали ходить въ раскольническія собранія и слушать совершающееся въ нихъ чтеніе*, а нѣкоторые, уже уклонившіеся въ расколъ, *снова обратились къ православію*.

Кромѣ сельскихъ воскресныхъ школъ нынѣ заведены *воскресныя школы при семинаріяхъ*, въ которыхъ, какъ говорятъ и печатаютъ, дѣло идетъ довольно успѣшно. Наприм., въ воскресной школѣ при Херсонской духовной семинаріи, въ послѣднюю половину 1867 года, обучалось 65 учениковъ, изъ которыхъ, по словамъ „Херсонск. епарх. вѣд.“, половина посѣщала школу очень исправно, не пропуская уроковъ и занимаясь съ усердіемъ. Преосв. *Димитрій Херсонскій*, 17 декабря 1867 г., самъ посѣщалъ воскресную школу при Херсонской семинаріи, сдѣлалъ ученикамъ маленькое испытаніе и, въ заключеніе, самъ роздалъ 17 ревностнѣйшимъ ученикамъ воскр. школы пожертвованныя графомъ Д. А. Толстымъ хромолитографированныя изо-

браженія св. Кирилла и Меѳодія съ ихъ житіями (Херс. епарх. вѣд. № 2).

Во многихъ епархіяхъ бываютъ *съѣзды духовенства* для обсужденія различныхъ вопросовъ, вызываемыхъ мѣстными обстоятельствами. Напр., *въ Самарской епар*. учреждены ежегодные съѣзды духовенства по благочиніямъ. Предметы занятій духовенства на этихъ съѣздахъ слѣдующіе: изысканіе способовъ и мѣръ къ возвышенію вѣры и нравственности въ приходахъ, въ искорененію суевѣрій, соблазновъ, ересей и расколовъ; совѣщанія объ устройствѣ и должномъ направленіи дѣятельности приходскихъ попечительствъ объ открытіи и усиленіи церковно-приходскихъ школъ, библіотекъ при церквахъ, благотворительныхъ заведеній въ приходахъ; изысканіе мѣстныхъ способовъ къ обезпеченію духовенства; сужденіе объ усиленіи средствъ эмеритальной (т. е. пенсіонной) кассы; разбирательство взаимныхъ неудовольствій между членами причтовъ по ихъ желанію; внушенія и братскія вразумленія замѣчаемыхъ въ неисправномъ поведеніи и неисполненіи своихъ обязанностей; пересмотръ раскладки денегъ, вносимыхъ каждою церковію на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній; назначеніе жалованья благочиннымъ и гласнымъ отъ отъ духовенства въ земскихъ собраніяхъ." Подобные же съѣзды были *въ Смоленской губерніи*. Цѣлію ихъ было, какъ намъ писали, отысканіе мѣстныхъ средствъ на обезпеченіе вдовъ и сиротъ. Подробности результата этихъ съѣздовъ намъ неизвѣстны. Въ Самарской же епар., по предложенію одного благочиннаго, духовенство округа постановило положить изъ своихъ средствъ жалованье благочинному въ количествѣ 150 р. въ годъ. Преосвященный Самарскій, утвердивъ это постановле-

ніе, приказалъ напечатать его въ епарх. вѣд., въ тѣхъ видахъ, не послѣдуютъ ли этому доброму примѣру и прочія благочинія Самарской епархіи. *Въ Тулѣ*, 1 сентября, на съѣздѣ для выбора членовъ семинарскихъ правленій, духовенство имѣло разсужденіе и о назначеніи жалованья благочиннымъ. Положено: по предварительномъ совѣщаніи съ мѣстнымъ духовенствомъ въ благочинническихъ округахъ, составить о семъ приговоры и представить епарх. начальству. Въ Нижегородской епар. на училищныхъ съѣздахъ духовенства положено дать необходимое обезпеченіе тѣмъ выборнымъ членамъ училищнаго правленія, которые живутъ въ значительномъ разстояніи отъ училища, и между тѣмъ, по дѣламъ училища, должны часто являться въ оное, что, конечно, не можетъ обойтись безъ значительныхъ для нихъ издержекъ. Взносъ на этотъ предметъ назначенъ по 60 к. съ каждаго причта.

Въ послѣднее время духовенству не мѣшало бы, на своихъ съѣздахъ, подумать о *подаяніи пособія страдающимъ* отъ голода, который свирѣпствуетъ въ 17 губерніяхъ. Во многихъ мѣстахъ голодъ доходитъ до ужасающихъ размѣровъ. Правда, большинство православныхъ не остается равнодушнымъ къ несчастнымъ. Христіанское чувство любви къ страждущимъ ближнимъ сказалось въ весьма многихъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ нескудныя пожертвованія въ пользу страдающихъ отъ голода, въ канцеляріи Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны и простирающіяся уже почти до 600 тысячъ руб. сер. Не смотря на это, дѣло пастырей церкви непрестанно внушать своимъ прихожанамъ объ ихъ священной обязанности оказывать благотворительность ближнимъ и побуждать и

приходскія попечительства къ отысканію средствъ для подаянія помощи голодающимъ. Слово пастыря церкви, сказанное во время и отъ души, не останется безъ своего дѣйствія, а что сказать о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя оказали сельскіе священники своимъ прихожанамъ, еслибы во время предъупреждали своихъ прихожанъ о грозящей имъ съ той или другой стороны опасности, своею безъискуственною проповѣдію возбуждали бы ихъ къ благовременному труду, къ мудрой бережливости, къ дружному, общими силами дѣйствованію во время общественнаго бѣдствія. Кто же будетъ и кто возьметъ на себя непрестанно руководить и въ житейскихъ общественныхъ дѣлахъ нашихъ поселянъ, если не *отецъ* ихъ духовной, поставленный отъ Бога учить благочестію, *на вся полезному?*

Этимъ мы и хотѣли покончить свою лѣтопись. Но, прочитавши „Соврем. обозрѣніе въ 1-й кн. Отечеств. записокъ за 1868 г., мы сочли своимъ священнымъ долгомъ—опять взяться за перо и сказать еще два — три слова. На стр. 165-й От. зап., послѣ нѣсколькихъ словъ о покойномъ митрополитѣ моск. Филаретѣ и извѣстномъ писателѣ Н. И. Гречѣ, вотъ что говорится о почтенномъ профессорѣ В. Н. Карповѣ: „такимъ же точно старцемъ, любимымъ и уважаемымъ всѣми знавшими его, скончался В. Н. Карповъ, этотъ *русскій философъ* и *руссkій Платонъ*, какъ обыкновенно называли его духовные,—бывшій 34 года профессоромъ С-петер. д. академіи. Будучи строгимъ православнымъ христіаниномъ, онъ относился въ своихъ лекціяхъ съ необыкновенною терпимостію и *съ равнымъ вниманіемъ ко всѣмъ возможнымъ философскимъ мнѣніямъ и системамъ и самъ дозволялъ какъ себѣ, такъ и слушателямъ своимъ—кри-*

стіански вѣрить въ одно, а философски думать какъ угодно".—Замѣтка о почтенномъ профессорѣ совершенно несправедливая. Не думаемъ, чтобы авторъ этой замѣтки лгалъ умышленно. Мы увѣрены, что онъ не сказалъ бы этого, если бы предварительно прочелъ напечатанные въ Февр. книжкѣ „Христіанскаго Чтенія"—некрологъ В. Н. Карпова и тѣ задушевныя рѣчи, которыя были произнесены при его погребеніи.—Если о комъ, то особенно о Карповѣ грѣшно сказать, будто *онъ дозволялъ какъ себѣ, такъ и слушателямъ своимъ христіански вѣрить въ одно, а философски думать какъ угодно*. За искренность убѣжденій покойнаго поручатся всѣ хорошо знавшіе его. У него никогда не было разлада ни между мыслію и словомъ, ни между словомъ и дѣломъ. Онъ былъ истиннымъ христіаниномъ въ душѣ, онъ же былъ и истиннымъ христіанскимъ философомъ. Всѣ лекціи его были проникнуты христіанскимъ духомъ. Этого христіанскаго духа онъ требовалъ и отъ своихъ слушателей. И,—какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ почтенныхъ сослуживцевъ В. Н. Карпова, — если бы покойный услышалъ такой нелѣстный отзывъ о себѣ, какой позволила себѣ сдѣлать о немъ редакція „Отеч. Зап.," то онъ, кажется, возсталъ бы изъ могилы, чтобы заградить уста говорящимъ о немъ такую недобросовѣстную ложь.

П. Н.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ КАНЦЕЛЯРІИ АКАДЕМІИ О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ НА СООРУЖЕНІЕ НАДГРОБНАГО ПАМЯТНИКА И БЮСТА В. Н. КАРПОВУ.

На сооруженіе надгробнаго памятника и бюста профессору В. Н. Карпову съ 20 января по 29 февраля поступили пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ:

Отъ протоіерея *Петра Разумовскаго* 3 р., отъ баккалавра Казанской академіи *В. Братолюбова* 3 р., отъ прот. *Даніила Ключковскаго* 3 р., отъ прот. Іоанна *Шероцкаго* 5 р., отъ инспектора Новгородской семинаріи архим. *Тихона* 3 р., отъ наставниковъ Новгородской семинаріи: *Г. Пеньковскаго* 3 р., *Н. Бровковича* 1 р., *Н. Кудрявцева* 1 р., *А. Щеколдина* 1 р., *И. Пеньковскаго* 3 р., *В. Руженцова* 1 р., *Ѳ. Павлинскаго* 1 р., *М. Желоменскаго* 1 р., *П. Абрамовича* 1 р., *К. Туберозова* 1 р. *А. Воскресенскаго* 1 р., *А. Бѣлецкаго* 1 р., отъ свящ. *Ставровскаго* 3 р., отъ преосв. *Ѳеоктиста* викарія Подольскаго 8 р. 60 к., отъ свящ. *Н. Розанова* 3 р., отъ свящ. *В. Пѣвцова* 3 р. отъ прот. *Г. Смирягина* 3 р., отъ свящ. *П. Благовѣщенскаго* 3 р., отъ прот. *В. Добронравова* 3 р., прот. *І. Черепнина* 3 р., отъ прот. *И. Денисова* 3 р., отъ отъ прот. *Т. Серединскаго* 3 р., отъ

прот. *М. Богословова* 3 р., отъ свящ. *Д. Васильева* 3 р., отъ свящ. *Н. Бенедиктова* 3 р., отъ свящ. *Ѳ. Быстрова* 3 р., отъ прот. *С. Ставровскаго* 3 р., отъ прот. *А. Строкина* 3 р., отъ свящ. *А. Ставровскаго* 2 р., отъ свящ. *А. Свѣтлова* 3 р., отъ прот. *А. Булгакова* 3 р., отъ свящ. *В. Барсова* 3 р., отъ професс. семинаріи *В. Рождественскаго* 2 р., отъ свящ. *А Деукратова* 3 р., отъ прот. *Павла Лебедева* 5 р., отъ студ. медико-хирургич. акад. *Г. Хвалынскаго* 1 р., отъ ректора Арханг. семинаріи архим. *Доната* 10 р. отъ инспектора іером. *Алексія* 5 р., отъ наставниковъ *Л. Корытова* 4 р., *Е. Шуйскаго* 3 р., *С. Арсеньева* 3 р., отъ стат. совѣтн. *А. Тимоѳеева* 10 р., отъ окончившаго курсъ въ акад. *В. Голубкова* 3 р., отъ преосв. *Александра* Ковенскаго епископа 10 р., отъ *Дм. Щеглова* 5 р. и отъ священника *Н. Попова*—3 р.

Всего съ 20 января по 29 февраля поступило *сто шестьдесятъ четыре рубля 60 к.*; а съ прежде пожертвованными 831 р. 10 к., за исключеніемъ изъ оныхъ 3 руб., записанныхъ, но не представленныхъ покойнымъ протоіер. Ѳ. Сперанскимъ, *девятьсотъ девяносто два рубля 70 коп.*

Пожертвованія продолжаютъ приниматься въ канцеляріи С.-петербургской Д. академіи секретаремъ экстр. проф. А. Предтеченскимъ — ежедневно съ 8 до 12 часовъ утра. Они вносятся въ особую книгу, и своевременно будетъ опубликованъ отчетъ о количествѣ ихъ, о лицахъ, сдѣлавшихъ оныя и объ употребленіи—подробный въ „Христ. Чтеніи“ и „Современномъ Листкѣ“ и краткій—въ „*Страннивѣ*“.

Всѣ жертвователи получатъ по экземпляру фотогра-

фическихъ карточекъ В. Н. Карпова и по экземпляру книжки, посвященной „Памяти его“. Въ случаѣ значительнаго числа пожертвованій предполагается купить у наслѣдниковъ покойнаго его богатую философскую библіотеку, которая въ академическомъ книгохранилищѣ сохранитъ названіе „Карповской“. Въ канцеляріи желающіе могутъ получить хорошій *литографированный портретъ* Василья Николаевича; цѣна безъ пересылки 1 руб., съ пересылкою въ папкѣ 1 р. 50 коп.

Секретарь экстр. проф. *Андрей Предтеченскій.*

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВЯТЫЯ ПАСХИ.

Христосъ воскресе!

Святая Церковь, празднуя сегодня свѣтлое Христово Воскресеніе, приглашаетъ всѣхъ своихъ чадъ къ радости большей, нежели въ другой какой-либо изъ своихъ праздниковъ. *Сей день, его же сотвори Господь*,—поетъ Она, — *возрадуемся и возвеселимся въ онь.* Въ восторгѣ отъ радостнаго событія, Она Сама воспѣваетъ его въ пѣсняхъ болѣе возвышенныхъ, болѣе восторженныхъ, нежели всякое другое событіе изъ жизни Спасителя; чаще же всего повторяетъ и напечатлѣваетъ въ сердцахъ вѣрующихъ эти главныя, многознаменательныя слова: *Христосъ воскресъ; Христосъ изъ мертвыхъ воскресъ!*

Одно присутствіе ваше здѣсь, Христолюбивые слушатели, при большихъ неудобствахъ, которыя рѣдко позволяютъ вамъ принимать участіе въ церковныхъ Богослуженіяхъ и которыми для нынѣшняго дня вы пренебрегли [1], одно ваше присутствіе здѣсь доказываетъ,

---

(1) Слово произнесено въ Висбаденѣ, 1853 г., когда русскіе еще мало жили въ этомъ городѣ, и въ тогдашнюю домовую церковь собирались православные изъ разныхъ городовъ южной Германіи.

что радость о Воскресеніи Христовомъ велика и для васъ, что не принять въ ней участія было бы большею потерею для вашей души.

Аще Христосъ не воста, говоритъ св. ап. Павелъ, *суетна вѣра ваша* (1 Кор. 15, 17). Т. е. еслибы Христосъ не воскресъ для насъ, то напрасна была бы наша вѣра въ Него; и тогда въ мірѣ вовсе не было бы христіанской вѣры. А еслибы не было въ мірѣ христіанской вѣры, то не было бы въ немъ и христіанской жизни. Слѣдовательно и мы всѣ были бы, можетъ быть, язычниками, — язычниками съ ихъ идолами, съ ихъ жертвами, съ ихъ дѣлами и жизнію, для которыхъ языкъ христіанъ не имѣетъ выраженій, предъ которыми чувство христіанское содрогается. Мы безконечно счастливы: Христосъ воистинну воскресъ и наша вѣра не суетна! Счастливые земнымъ счастіемъ любятъ говорить о немъ: можемъ ли мы не желать продлить свой праздникъ въ этомъ святомъ храмѣ бесѣдою о воскресеніи Христовомъ, и именно о значеніи этого чуда изъ чудесъ для нашей вѣры?

До воплощенія Сына Божія, когда грѣхъ, можно сказать, безпрепятственно господствовалъ въ родѣ человѣческомъ, когда понятія и сердца людей еще не были способны къ принятію христіанскаго Откровенія, являлось много великихъ пророковъ Божіихъ въ народѣ іудейскомъ, среди котораго, по предопредѣленію Божію, долженствовалъ явиться Искупитель міра. Облеченные силою Святаго Духа, пророки безъ всякаго лицепріятія обличали беззаконія и заблужденія людей и преимущественно іудеевъ, изрекали многія предсказанія, творили великія чудеса, за истину своего ученія многіе изъ нихъ умерли смертію мучениковъ. Но не было между

нями ни одного, который бы умеръ, былъ положенъ во гробѣ и потомъ бы воскресъ! Умереть и собственною силою возстать изъ мертвыхъ, могъ, по предсказаніямъ тѣхъ же пророковъ, только Самъ обѣтованный Мессія, Самъ Сынъ Божій.

И если мы съ должнымъ вниманіемъ слушали святое Евангеліе, то не могли не замѣтить, что Самъ Спаситель, во время земной жизни Своей, для доказательства Своей Божественности, правда, призывалъ маловѣрный народъ іудейскій судить о Немъ по дѣламъ Его: *дѣла, которыя творю Я во имя Отца Моего, свидѣтельствуютъ о Мнѣ*, говорилъ Спаситель; смотрите: *слѣпые прозираютъ, хромые ходятъ, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ* (Матѳ. 11, 5). Но часто, и что замѣчательно, при особенно важныхъ обстоятельствахъ, Онъ указывалъ на будущее воскресеніе Свое, какъ на главное доказательство Своего Божественнаго посольства. Такъ, лукавые и вмѣстѣ любопытные книжники и фарисеи, объяснившіе чудеса Спасителя силою злаго духа, однажды просятъ отъ него новыхъ и большихъ знаменій; Спаситель отвѣчаетъ: *родъ лукавый и прелюбодѣйный ищетъ знаменія; и знаменіе не дастся ему*, *кромѣ знаменія Іоны пророка. Какъ Іона былъ во чревѣ китовомъ три дни и три нощи, такъ и Сынъ человѣческій будетъ въ сердцѣ земли три дни и три нощи.* Видя, какъ Іисусъ Христосъ изгоняетъ торжниковъ изъ храма іерусалимскаго, и желая обвинить Его въ своеволіи, они спрашиваютъ: *какимъ знаменіемъ докажешь Ты намъ, что имѣешь власть такъ поступать?* Спаситель отвѣчаетъ: *разрушьте храмъ сей*, храмъ тѣла Моего (по объясненію евангелиста), *и Я въ три дня воздвигну его* (Іоан. 2, 18. 19.). Іисусъ Христосъ въ

первый разъ говоритъ о святой Евхаристіи, обѣщаетъ истинное Свое Тѣло и истинную Свою Кровь въ пищу вѣрующимъ, обѣщаетъ вкушающимъ отъ этой Божественной пищи вѣчную жизнь. Слушатели не понимаютъ этого; слова Господни имъ кажутся странными, и многіе изъ за этого оставляютъ Его. Спаситель говоритъ на это съ кротостію: *это ли васъ соблазняетъ? Чтожъ, если увидите Сына человѣческаго* (по воскресеніи Его) *восходящаго туда, гдѣ былъ прежде?* (Іоан. 7, 62.). Ближайшіе ученики Іисуса, по своимъ еще предразсудкамъ, никакъ не могутъ представить, чтобы обѣтованный Мессія могъ страдать и умереть; при этомъ представленіи ихъ вѣра колеблется, они начинаютъ заботиться о своей будущей участи. Спаситель успокоиваетъ ихъ обѣщаніемъ будущаго Своего воскресенія: *Сыну человѣческому*, говоритъ Онъ, *много должно пострадать, и быть отвержену старцами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть* (Лук. 9, 22).

Итакъ, святые пророки предвозвѣщали о воскресеніи Мессіи; Самъ Спаситель предъ учениками, равно какъ и предъ врагами Своими, неоднократно предсказывалъ, что Онъ умретъ и въ третій день возстанетъ изъ мертвыхъ. Судите же сами, что было бы съ нашею вѣрою, еслибы послѣ всѣхъ этихъ предсказаній Христосъ не воскресъ? *Аще Христосъ не воста, суетна вѣра наша.*

Во время земной Своей жизни, Спаситель, странствуя по Палестинѣ, непрестанно училъ и творилъ безчисленныя чудеса. Каждое Его слово было словомъ мудрости, каждый Его поступокъ былъ дѣломъ любви къ ближнимъ и особенно къ кающимся грѣшникамъ; въ то же время нравственная Его строгость по отношенію къ Себѣ была такъ велика, что ни враги Его, ни судьи,

ни Пилатъ, никто не могъ даже придумать и тѣни какого-нибудь недостатка въ Немъ; Іуда предалъ Его, и—погибъ съ отчаянія, что предалъ кровь неповинную. Чудеса Его были такъ поразительны, что и невѣрующіе іудеи не разъ восклицали, что они ничего подобнаго не видали и не слыхали, называли Его великимъ изъ пророковъ, покушались поставить Его царемъ надъ собою. Ближайшіе же ученики прямо исповѣдывали Его царемъ израилевымъ, Сыномъ Божіимъ. Но что же? При всемъ томъ,—при всемъ томъ, что Спаситель ясно предсказывалъ о своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи,—лишь появился Іуда съ врагами Іисуса, чтобы взять Его, всѣ ученики Его разбѣжались. Святый ап. Петръ послѣдовалъ было за Нимъ до двора Каіафы, но тамъ же трижды отрекся отъ своего Учителя При крестѣ умиравшаго Спасителя мы видимъ только св. Іоанна Богослова, Пречистую Матерь Божію и нѣсколько благочестивыхъ женъ. Апостолы, даже апостолы скрылись... Скажите, что же было бы, еслибы Спаситель не возсталъ изъ мертвыхъ!

Враги Іисуса очень хорошо помнили, что Онъ предсказывалъ о Своемъ воскресеніи въ третій день по смерти; въ радости, что, умертвивъ Его, они избавились отъ Его присутствія, такъ тяжкаго для ихъ беззаконій и заблужденій, они хотятъ теперь воспользоваться предсказаніемъ Спасителя, чтобы представить Его, какъ явнаго обманщика въ глазахъ всѣхъ іудеевъ. Увѣренные, что еще ни одинъ изъ умершихъ на крестѣ не возвращался къ жизни, они, для предупрежденія всякаго подлога, испрашиваютъ у Пилата военную стражу, кладутъ печать на гробѣ Спасителя и приставляютъ къ нему эту стражу. Кончивъ это дѣло, они ждутъ только

третьяго дня по смерти Іисуса Назарянина, чтобы себя торжественно оправдать въ убійствѣ Его, а Его еще однажды и уже навсегда провозгласить народнымъ обольстителемъ. Ахъ, ради Бога, что было бы съ нашею вѣрою, еслибы Христосъ не воскресъ?..

Аще Христосъ не воста, сказали бы тогда и мы съ апостоломъ, *суетна вѣра* наша.

Но скорѣе небо и земля прейдетъ, нежели одна іота изъ Божественныхъ словъ Спасителя не исполнится! Еще не взошло солнце на третій день по смерти Богочеловѣка, еще Іерусалимъ спалъ, и въ саду Іосифа царствовала глубокая тишина, нарушаемая развѣ говоромъ бодрствующей стражи, какъ въ одно мгновеніе земля поколебалась, небесный свѣтъ озарилъ гробъ, въ которомъ покоилось тѣло Христово; явившійся ангелъ Господень отвалилъ камень отъ гроба и—Спаситель возсталъ! Воины, сначала омертвѣвшіе отъ ужаса, едва опомнившись, поспѣшили въ Іерусалимъ и принесли врагамъ Іисусовымъ первую вѣсть о томъ, что распятый ими на Голгоѳѣ живъ, что Онъ воскресъ! Въ страхѣ, не успѣвъ придумать болѣе благовиднаго обмана, первосвященники и книжники учили воиновъ разсказывать, что тѣло Христово похищено, что стоящіе на стражѣ римскіе воины видѣли, хотя и спали, какъ тѣло Христово было похищено!

Боже мой, какъ обрадовались святые апостолы и святыя жены, когда услышали отъ ангела Господня о воскресеніи Спасителя. Одинъ за другимъ спѣшатъ ко гробу, одинъ другому въ восторгѣ передаютъ слова ангела: Христосъ воскресе! Но состояніе ихъ сердца было неизобразимо, когда Воскресшій Самъ удостоивалъ являться имъ по воскресеніи. Святая Марія Маг-

далина, во образѣ вертоградаря узнавшая своего Господа, воскликнула только: „*Учителю!*“ и пала къ ногамъ Его; больше ничего не могла она сказать. Какимъ огнемъ *горѣли*, по евангельскому выраженію, *сердца* двухъ учениковъ, шедшихъ въ Еммаусъ, когда на этомъ пути принялъ участіе въ ихъ разговорѣ сначала неузнанный ими Спаситель, и когда потомъ они узнали Его *въ преломленіи хлѣба? Господи*. *Ты вся вѣси*,-говорилъ апостолъ Петръ явившемуся ему Воскресшему, *Ты вѣси, яко люблю Тя!*

Такъ чувствовали и говорили святые апостолы, своими глазами увидѣвшіе, своими руками осязавшіе, что ихъ Другъ, ихъ Учитель и Благодѣтель есть—Самъ Богъ! Да, Христосъ воистину воскресъ; слѣдовательно Онъ есть истинно Тотъ, за кого Самъ Себя выдавалъ, истинно есть самъ Сынъ Божій, Самъ Богъ. Онъ есть Богъ; слѣдовательно каждое слово Его ученія, сохраненное до насъ православною церковію, есть глаголъ жизни вѣчной и мудрости Божественной, всякое правило жизни и дѣятельности, во всей чистотѣ сохраненное и во всей строгости предписываемое намъ церковію, есть заповѣдь самаго Бога; Онъ есть Богъ; слѣдовательно всѣ обѣтованія, которыя Онъ далъ вѣрующимъ въ Него, обѣтованія нашего собственнаго воскресенія, всеобщаго суда и жизни вѣчной, суть обѣтованія непреложныя. Христосъ воскресе, слѣдовательно Онъ есть Богъ и Спаситель нашъ,—и наша вѣра не суетна! Вотъ почему святые апостолы такъ радовались и нынѣ всѣ вѣрующіе въ Спасителя такъ радуются о Его воскресеніи! Вотъ почему святая православная церковь такъ свѣтло празднуетъ это чудо изъ чудесъ, этотъ праздникъ праздниковъ! И вотъ почему, кстати здѣсь замѣ-

тить, вынѣшнимъ евангеліемъ святая церковь возвѣстила намъ возвышенное благовѣстіе Іоанна Богослова о Богѣ—Словѣ! *Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь!*

Христолюбивые слушатели! мы не видимъ болѣе воскресшаго Спасителя тѣлесными очами: чрезъ 40 дней по воскресеніи Своемъ Онъ вознесся на небо; но меньше ли отъ этого радость наша? Напротивъ; тѣмъ блаженнѣе мы, если не видя, вѣруемъ: св. ап. Ѳомѣ, который только по осязаніи язвъ Воскресшаго исповѣдывалъ Его своимъ Господомъ и Богомъ, было сдѣлано отрадное для насъ Божественное обѣтованіе: *блаженни не видѣвшіе и вѣровавшіе.* Мы не дерзнемъ и желать того, чтобы своими тѣлесными чувствами повѣрять Божественную истину; это значило бы, что мы болѣе не вѣруемъ въ истину, которая есть духъ и жизнь, или желаемъ вѣровать только тогда, когда органическая или физическая необходимость заставитъ; это значило бы, что мы желаемъ жить не по духу вѣры, а по мудрованіямъ плоти, которыми всегда управляетъ испорченное сердце наше, страсти. А при этомъ никакое тѣлесное видѣніе и чудо не поможетъ намъ. Іуда былъ свидѣтелемъ всей чудной жизни Спасителя, и — страшно помыслить—предалъ Его! Огрубѣвшіе въ заблужденіяхъ и страстяхъ враги Спасителя, послѣ каждаго чудеснаго дѣйствія Его на пользу ближнихъ, только болѣе и болѣе негодовали на Него, и, наконецъ, распяли Его!

Мы не видимъ воскресшаго Господа тѣлесными очами, но мы можемъ, мы должны видѣть Его очами вѣры. *Чистіи сердцемъ*, сказалъ Господь, *Бога узрятъ.* Лишь бы сердце наше было чисто, лишь бы жизнь была праведна по заповѣдямъ Спасителя,—и Богъ Самъ пріидетъ

Себя нашей душѣ, нашему сердцу, *сотворимъ* даже постоянную *обитель* въ насъ! Это Его собственное—Божественное обѣщаніе! И смотрите: тысячи и тысячи праведниковъ Божіихъ, съ первыхъ временъ христіанства и до настоящаго времени, возвѣщаютъ всему свѣту, какъ блаженны они были въ общеніи со Христомъ! Между ними видимъ мы и царей, и рабовъ, людей образованныхъ науками и вовсе необразованныхъ, пастырей церкви и мірянъ, старцевъ и дѣтей, женъ и дѣвъ, здоровыхъ и больныхъ, нищихъ и богатыхъ; всѣ они свидѣтельствуютъ предъ всѣмъ міромъ, что ихъ счастіе и блаженство на землѣ состояло ни въ богатой и пріятной жизни, которая такъ жалка безъ внутренняго мира и безъ благословенія Божія, ни въ мудрости земной, которая такъ мала предъ вѣчною истиною слова Божія; нѣтъ, они радовались среди несчастій и скорбей, радовались даже въ минуты смерти, единственно потому только, что они были неразлучны съ Спасителемъ своимъ, что Самъ Онъ Своею благодатію обиталъ въ сердцахъ ихъ и дѣлалъ ихъ блаженными!

Воскресшій Спаситель Своимъ человѣчествомъ вознесся на небо, и мы не видимъ Его болѣе тѣлесными очами; но, при вознесеніи Своемъ, Онъ сказалъ: *се Азъ съ вами есть во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20). И Онъ, единственно Онъ Самъ, какъ Глава церкви, доселѣ созидаетъ ее, возращаетъ и укрѣпляетъ. Еслибы могли мы пройти своимъ взоромъ поверхность земнаго шара по всѣмъ его направленіямъ, мы встрѣтили бы на горахъ и долинахъ, въ большихъ городахъ и селеніяхъ тысячи и тысячи храмовъ Божіихъ, украшенныхъ знаменемъ Креста Спасителя; а гдѣ храмы Божіи, тамъ нашли бы и сердца людей, преданныхъ

Искупителю. Что значить это явленіе? Что возбуждаетъ людей къ устройству храмовъ Божіихъ? Кто собираетъ ихъ туда для молитвы и Богослуженія? Что находятъ они въ этихъ молитвахъ и Богослуженіяхъ? Если бы мы въ настоящую минуту глубокой ночи могли проникнуть своимъ взоромъ только по одному направленію — на сѣверъ, если бы могли однимъ взглядомъ обозрѣть только одну обширную часть земли, наше благословенное, православное отечество, мы поражены были бы явленіемъ неизобразимымъ! Мы увидѣли бы, что вся эта страна въ настоящія минуты есть ничто иное, какъ одинъ великій алтарь, освященный безчисленными огнями, на которомъ руками Господнихъ служителей возносится къ небу Безкровная Жертва; при этомъ алтарѣ милліоны вѣрующихъ, забывъ о снѣ ночномъ, въ духовномъ восторгѣ воспѣваютъ воскресеніе Христово: соединенные въ одно одною вѣрою и радостію, они, безъ различія сословій и состояній, называютъ себя братьями о Христѣ и объемлютъ другъ друга... Чья невидимая Десница творитъ эти чудеса любви предъ нашими глазами? Кто движетъ сердцами милліоновъ людей, приводитъ ихъ въ святой церкви, наполняетъ ихъ радостію и счастіемъ? Одинъ, одинъ только воскресшій Спаситель, Самъ обѣщавшій *создать Свою Церковь* такъ, что и *врата адовы не одолѣютъ Ея!* Люди, сами по себѣ, безъ помощи благодати Божіей, способны только разрушать это зданіе!

Воистину съ нами *Господь во вся дни до скончанія вѣка!* Мы не видимъ Его тѣлесными очами, но мы можемъ видѣть и видимъ Его *вѣрою*, видимъ въ природѣ, насъ окружающей, въ обстоятельствахъ нашей жизни, въ лучшихъ движеніяхъ нашего сердца, въ высокихъ,

благороднѣйшихъ требованіяхъ нашей природы, видимъ Его вѣрою въ святыхъ храмахъ, гдѣ Онъ всегда таинственно присутствуетъ на Своемъ престолѣ, слышимъ Его голосъ при чтеніи и слушаніи слова Божія, вѣруемъ въ Его Божественное присутствіе при нашей исповѣди въ святомъ Таинствѣ покаянія, мы, недостойные, видимъ и вкушаемъ Его Божественное Тѣло и Кровь въ святѣйшемъ Таинствѣ Евхаристіи.

Христосъ воистинну воскресъ, Христолюбивые слушатели, и наша вѣра не суетна. *Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся же и возвеселимся въ онь!*

Воскресшій Спасителю! пріими радость нашего сердца о Твоемъ воскресеніи какъ жертву благопріятную предъ Тобою. Отверзи наши очи, какъ отверзъ Ты очи апостоловъ по воскресеніи, чтобы мы вѣрою зрѣли Тебя не теперь только, не въ этомъ святомъ храмѣ только, но и въ домахъ нашихъ, и на путяхъ нашихъ, и повсюду въ теченіе всей нашей жизни; чтобы мы выну предъ Тобою и по Твоей только волѣ жили и исполняли обязанности свои на землѣ, которыя по Твоему же благому Промыслу возложены на насъ. Утверди миръ и радость въ сердцахъ нашихъ среди всѣхъ обстоятельствъ нашей жизни, счастливыхъ и несчастливыхъ, и сподоби даже до послѣдняго дыханія отъ чистаго сердца вѣровать въ Тебя и любить Тебя, дабы наконецъ со святыми Твоими вѣчно радоваться въ невечернѣмъ дни царствія Твоего! Аминь.

ПЕРВЫЙ ВѢКЪ ХРИСТІАНСТВА

ВЪ ПИСАНІЯХЪ МУЖЕЙ АПОСТОЛЬСКИХЪ.

I.

Между тѣмъ какъ христіанство и церковь остаются неизмѣнными, духъ отрицанія измѣняется и превращается непрестанно. Въ существѣ дѣла онъ возобновляетъ все тѣ же нападки, но въ разныя времена онъ выбираетъ для борьбы разную почву, различное оружіе и какой-нибудь отдѣльный пунктъ, противъ котораго и направляетъ свои усилія. Все искусство софистовъ состоитъ въ томъ, чтобы дать своимъ возраженіямъ одежду, которая бы имѣла видъ новой и которая бы завладѣла вниманіемъ вѣка, примѣняясь къ его вкусамъ и кругу господствующихъ въ немъ понятій. Настоящіе Протеи, они хвалятся тѣмъ, что избѣгаютъ діалектическихъ тонкостей, стараясь скрыть, подъ новыми формами неисцѣлимую дряхлость заблужденія. Въ продолженіе послѣдняго вѣка этотъ духъ оппозиціи нападалъ, преимущественно на догматъ, на богослуженіе, на таинства и на дисциплину церкви. Въ настоящее время онъ направляется преимущественно на историческіе факты, на которыхъ покоится зданіе нашихъ вѣрованій. Недавно формою его была гордая философія, которой несостоятельность равнялась ея дерзости и которая вооб-

ранняя, быть можетъ чистосердечно, что довольно сарказмовъ или краснорѣчія нѣсколькихъ геніальныхъ людей, чтобы ниспровергнуть древнюю институцію осьмнадцати вѣковъ, всегда торжествующую надъ своими врагами. Въ настоящее время его формулу составляетъ знаніе можетъ быть менѣе надменное, но равно увѣренное въ своихъ силахъ, которое, подъ именемъ критики, разставляетъ съ хвастливымъ самодовольствомъ аппаратъ свой эрудиціи, налагаетъ смѣлую руку на самыя священныя преданія и воображаетъ, что оно совершенно разрушило историческое основаніе откровенія. Сохраняя внѣшній видъ уваженія къ христіанскому откровенію, раціоналистическая критика ниспровергаетъ факты, на которыхъ оно основывается, только для того, чтобы послужить высшимъ интересамъ знанія и поддержать неизмѣнныя права разума. Главную аксіому ея системы составляетъ то, что сверхъестественное не существуетъ. Она ставитъ этотъ принципъ, не стараясь или опасаясь его доказывать; но ея убѣжденію довольно заявить его, чтобы выразить неумолимую очевидность. Если сверхъестественное невозможно, то вся проблемма знанія сводится къ тому, чтобы утвердить рѣшительное согласіе между фактомъ и правомъ и исключить изъ исторической человѣчества то, что очевидность принципа изгнала изъ человѣческаго разума. Съ этихъ поръ уже дѣло философіи, экзегетики и исторіи покончить споръ. На этомъ принципѣ богословъ критицизма утверждается, какъ на собственной и естественной почвѣ; изъ него онъ почерпаетъ всѣ ресурсы своей діалектики, чтобы наклонить факты къ требованіямъ начала отрицанія.

Впрочемъ мы не будемъ несправедливы къ раціона-

листической критикѣ. Она отличается отъ безрелигіозности послѣдняго вѣка свойствами, которыя дѣлаютъ ей честь и, въ то же время, на защитниковъ церковнаго преданія налагаютъ обязанность опровергать ее соотвѣтственнымъ оружіемъ. Не малая выгода ужъ то, что мы видимъ, какъ разсѣялось это грубое и слѣпое нечестіе, которое напускалось на христіанство съ такимъ невѣроятнымъ остервененіемъ, пристрастное ко всему и единственно предзанятое тѣмъ, чтобы уронить и разрушить церковь. Въ странѣ, гдѣ мы ищемъ нашихъ противниковъ, въ настоящее время стыдятся прибѣгать къ этому старому арсеналу оскорбленій, софизмовъ и клеветъ, которыя составляли нѣкогда главный ресурсъ антирелигіозныхъ школъ. И если откровенная истина подвергается еще спорамъ, нападеніямъ, то по крайней мѣрѣ тѣ, которые отвергаютъ ее, не отказываются признать ни нравственной красоты христіанства, ни величія его подвижниковъ, ни его цивилизующаго дѣйствія. Это уже прогрессъ, съ которымъ можно поздравить наше время точно также, какъ съ надеждою увидѣть, что отличнѣйшіе умы будутъ ютиться все болѣе и болѣе къ церкви.

Но самая эта перемѣна въ направленіи религіозной критики придаетъ спору болѣе энергіи и устойчивости, потому что изъ области отвлеченной онъ перешелъ въ область фактовъ. Впрочемъ, если раціоналистическая критика покончила, къ чести своей, съ полемическими привычками своихъ предшественниковъ, она отъ этого не стала меньше опасна. Уваженіе, которое она, по-видимому, показываетъ къ христіанской вѣрѣ и церкви, не препятствуетъ ей возвращаться къ прежнимъ основаніямъ, отвергая a priori всякое откровенное ученіе

и оспаривать древность, происхожденіе, смыслъ, важность каждаго христіанскаго памятника. По системѣ Штрауса, напримѣръ, и германскихъ раціоналистовъ, наши священныя книги суть не больше, какъ мифы, символы, легенды, философическіе или религіозные романы, изобрѣтенные обманщиками или порожденные поэтическимъ воображеніемъ народовъ, испорченные интерполаторами или неразумными и неискусными — переписчиками, изъ числа коихъ одни были обманщики, другіе обманутые, тѣ и другіе — жертвы лжи и обольщенія. Присоедините къ этому смѣлость утвержденій, тяжеловѣсность обширной эрудиціи, обаяніе новости, приманку легкаго натурализма, и вы поймете, отчего подобные нападки — такъ легко увлекаютъ умы и наводятъ страхъ на нѣкоторыя робкія души, что рушится и падаетъ вся религіозная достовѣрность. Этотъ новый аппаратъ не имѣетъ, однакожъ, ничего, что должно бы пугать вѣру твердо поставленную. Важно только то, что измѣняются отношенія между спорящими, что церковная наука направляетъ противъ своихъ противниковъ оружіе, которымъ они пользуются противъ него, и такъ какъ они прибѣгаютъ къ исторіи, то и она также пользуется исторіей, противопоставляя факты теоріямъ, положительныя доказательства смѣлымъ догадкамъ, серьёзныя умозаключенія произвольнымъ увѣреніямъ. Такъ какъ христіанство, сверхъ того, имѣетъ своимъ основаніемъ и точкою отправленія историческіе факты, то защитники его не могутъ ничего сдѣлать лучше, какъ оріентироваться и опредѣлять споръ на почвѣ исторіи. Такова задача нашего времени. Вотъ почему занятіе христіанскими древностями въ наше время болѣе въ чести, чѣмъ когда нибудь. Въ виду при-

тязаній раціоналистической критики ученые защитники христіанства видять необходимость обратиться къ самымъ его источникамъ, изучить ихъ, подвергать новому и тщательному анализу всѣ первоначальные памятники. Въ частности нельзя обработать библейской экзегетики съ большимъ блескомъ и большею глубиною, какъ это сдѣлали особенно въ Германіи Толукъ, Штауденмайеръ, Мелеръ, Сеппъ. Но споръ начался главнымъ образомъ объ основаніяхъ церкви. Наставленія апостоловъ и ихъ непосредственныхъ преемниковъ, организація, дисциплина, нравственныя правила первоначальной церкви, вотъ что упорно просѣваютъ со всѣхъ сторонъ. Здѣсь—капитальный пунктъ борьбы. Поэтому существенная задача церковной науки состоитъ въ томъ, чтобы доказать исторически, что церковь существовала съ перваго вѣка съ тѣмъ основнымъ характеромъ, съ какимъ мы видимъ ее въ настоящее время.

II.

Многіе думаютъ ошибочно, что исторія христіанства не представляетъ эпохи, подобной эпохѣ великой борьбы съ язычествомъ и торжества, которое увѣнчало эту борьбу. Нѣтъ сомнѣнія, что церковь пережила въ это время двѣ самыя блестящія фазы и потому не удивительно, что самое большое число умовъ занимаются предпочтительно этой эпохой. Но какъ бы ни было велико обаяніе, заинтересовывающее въ пользу такого занятія, мы однакожъ осмѣливаемся думать, что углубленіе въ исторію первыхъ временъ церкви заключаетъ въ себѣ не меньше интереса и слѣдовательно дастъ не меньше плода. Мы думаемъ, что изученіе христіанства

въ самомъ его основаніи и историческомъ происхожденіи не оставитъ мѣста никакому сомнѣнію въ божественности его начала. Кромѣ того едва ли можно составить полное и правильное понятіе о христіанской Церкви, не слѣдя за ея прогрессомъ, не изучая того, чѣмъ она была съ самаго начала, какія препятствія противополагались ея распространенію, какими средствами она восторжествовала надъ ними, какъ она достигла до того, что преобразовала вдругъ понятія, нравы и характеры.

Нельзя отрицать, что изъ всѣхъ христіанскихъ вѣковъ, первый прошелъ чрезъ такія важныя и трудныя испытанія, которыя рѣшительно свидѣтельствовали о сверхъ-человѣческой силѣ, подкрѣплявшей церковь Іисуса Христа. Можетъ быть, возразятъ намъ, что эти испытанія не такъ очевидны; первыя усилія, которыя дѣлало христіанство, довольно легки; историческіе памятники едва позволяютъ найти въ нихъ порядокъ и опредѣлить ихъ природу. На это отвѣтимъ, что отъ первыхъ вѣковъ мы имѣемъ писанія, которыя намъ оставили отцы апостольскіе, эти славные преемники первыхъ учениковъ Іисуса Христа, о которыхъ справедливо можно сказать, что они имѣли въ устахъ еще слова апостоловъ и жизнь ихъ предъ глазами. По какому-то странному противорѣчію предполагаютъ трудности и недостатокъ интереса въ изученіи зачатковъ церкви и пренебрегаютъ памятниками, которые всего лучше объясняютъ религіозную исторію этой эпохи. Мы непротивъ великихъ авторитетовъ Златоуста, Василія великаго, Григорія Назіанзина: но почему же меньше авторитета имѣютъ писанія Варнавы, Климента, Поликарпа или Игнатія? Если хотятъ дойти до серьёз-

наго познанія самыхъ зачатковъ христіанства, то нужно искать его въ писаніяхъ именно этихъ отцовъ, потому что они представляютъ собою истинные памятники христіанской мысли въ самое первое время церкви. Мы не будемъ, говорить здѣсь о литературныхъ красотахъ этихъ писаній, но только, съ исторической точки зрѣнія, оцѣнимъ несравненное достоинство этихъ твореній. Мы увидимъ, какъ легко слѣдить за ходомъ христіанства, изучая послѣдовательно разнообразныя писанія отцовъ апостольскихъ. Увидимъ, какъ церковь боролась противъ всякихъ измѣненій въ ученіи, стараясь сохранить вѣрность наставленіямъ Учителя. Ея дивная организація обнаружится передъ нашими глазами въ своихъ основныхъ чертахъ. Наконецъ мы будемъ свидѣтелями вступленія новыхъ началъ христіанской нравственности въ среду историческаго міра и будемъ наблюдать съ удивленіемъ, какъ преобразовались нравы, какъ измѣнялись и возвышались характеры.

Въ этомъ очеркѣ мы начнемъ анализомъ посланія святаго Варнавы, старшаго по времени. Христіанство только еще зараждалось и еще раздавался голосъ апостольскій, когда явилось это посланіе. Нельзя лучше изобразить вліянія новаго ученія. Оно еще не возбудило большаго шума во внѣ, не подняло ужасовъ въ древнемъ мірѣ, не вооружило рукъ гонителей. Однакожъ явилось уже препятствіе на его пути, незначительное по видимому, но въ сущности способное уничтожить всякую будущность человѣческой религіи. Странная судьба націй. Тотъ же народъ, который долженъ былъ доставить христіанству его первыхъ учениковъ, долженъ былъ также возбудить противъ него и его первыхъ враговъ. И церкви суждено было поль-

зоваться этимъ народомъ, какъ орудіемъ, и въ то же время безпрестанно отражать его. Въ самомъ дѣлѣ первая опасность, грозившая христіанству, идетъ отъ іудеевъ и даже не отъ іудеевъ враждебныхъ пришествію Христа, но отъ тѣхъ, которые всего больше склонялись къ Божественнымъ наставленіямъ. Эта оппозиція покажется необъяснимою, если не войти въ самое основаніе расположеній іудейской націи. Двѣ великія черты изъясняютъ, въ одно и тоже время, странную превратность судьбы іудейскаго народа и сознательное противленіе его христіанской вѣрѣ. Эти черты—упорство и плотскій смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ въ этомъ весь израиль. Если съ одной стороны его неодолимое упорство и сила его предразсудковъ дѣлаютъ его способнымъ къ сохраненію буквы мессіянскихъ пророчествъ и охранителемъ его отъ идолопоклонническихъ обольщеній восточнаго міра, то съ другой стороны его ограниченный умъ, его грубыя склонности наклоняютъ его къ тому, чтобы не чувствительно измѣнять идею, которая ему ввѣрена и чтобы видѣть въ христіанствѣ только политическую реставрацію и матеріальное возвеличеніе іудейства. Только этимъ можно изъяснить, какимъ образомъ первымъ предпріятіемъ обращенныхъ іудеевъ было связать съ христіанской вѣрой Моисеевы заповѣди, считаемыя за обязательныя и почему они упорно старались заключить церковь въ тѣсныя предѣлы секты или національной церкви.

Подобныя тенденціи создали большую опасность для раждающагося христіанства. Святой Варнава даетъ намъ чувствовать всю важность ея, употребляя для отраженія ея всѣ ресурсы своего ученія и весь авторитетъ своего апостольскаго служенія. Въ самомъ дѣлѣ легію

понять, что обращенные іудеи, требуя отъ язычниковъ соблюденія Моисеева обряда, какъ необходимаго условія для спасенія, стремились ни больше ни меньше, какъ къ тому, чтобы уничтожить распространеніе христіанства и отнимали у него самое существенное его свойство, его всеобщность. Между тѣмъ религія, будь она человѣческаго происхожденія, могла ли противостоять столь смѣлымъ притязаніямъ, каковы были притязанія этихъ первыхъ ея учениковъ? Не преклонилась ли бы она предъ ихъ требованіями, довольствуясь тѣмъ, что она приближается къ духу націи или дѣлается помощницею правительства? Многіе примѣры уполномочиваютъ насъ отвѣчать на эти вопросы утвердительно. Но Христосъ пришолъ возвѣстить истину и эта истина должна распространиться на всю вселенную и открыться всѣмъ народамъ. Церковь поняла это съ самаго начала и всегда держится убѣжденія, что она побѣдитъ міръ. Поэтому нечему удивляться, что уже апостолы не задумались осудить на іерусалимскомъ соборѣ ересь іудействующихъ. Опредѣленіе, положенное этимъ августѣйшимъ собраніемъ, свидѣтельствуетъ о крайней осторожности въ отношеній къ христіанамъ изъ іудеевъ, но тѣмъ не меньше оно прямо противно ихъ притязаніямъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что рѣшеніе этого перваго собора имѣетъ чрезвычайную важность, какъ бы ни относилась къ нему съ своими смѣлыми гипотезами и умозаключеніями новая раціоналистическая критика.—Она старается оспорить дѣйствительность этого опредѣленія, не опровергая его никакимъ рѣшительнымъ доводомъ; и, чтобы она ни возражала противъ него, оно однакожъ съ полною силою доказываетъ, къ неудовольствію тюбингенской школы, что

между апостолами никогда не было никакого антагонизма принциповъ и что если между Петромъ и Павломъ возникло нѣкоторое разногласіе о вопросѣ чисто дисциплинарномъ, то это разногласіе имѣло въ то же время мало силы, и продолжалось весьма недолго. Въ самомъ дѣлѣ доктрина іудействующихъ христіанъ никогда не преобладала въ церкви, какъ въ этомъ увѣряетъ тюбенгенская школа, но была доктриною партіи, согласимся даже, что партіи вліятельной, къ которой естественно было бы отнестись съ благоразумной снисходительностію; но тѣмъ не меньше іерусалимская церковь, имѣя въ своей главѣ апостоловъ и повинуясь мысли Христа, не признала ее гласно, не опасаясь тѣмъ уменьшить еще незначительное число первыхъ обращенныхъ. Этому факту недаютъ довольно значенія, хотя онъ весьма ясно показываетъ, что апостолы не отказывались никогда отъ крайней, неумолимой строгости, когда дѣло шло объ осужденіи какой нибудь религіозной новизны. Въ виду стольнихъ анаѳемъ, направленныхъ противъ тѣхъ, которые отказывались вѣровать или измѣняли вѣрованіе, трудно доказать, съ какою нибудь видимостію истины, что Іисусъ Христосъ не оставилъ никакого извѣстнаго, опредѣленнаго ученія. Откройте писанія апостоловъ и вы въ ту же минуту увидите, что они требуютъ безусловнаго подчиненія Евангелію, какъ установленному ученію, возобновляя или исполняя приказаніе учителя: Идите проповѣдуйте Евангеліе всей твари. Кто увѣруетъ и крестится, спасенъ будетъ, а кто не увѣруетъ осужденъ будетъ. Достаточно повторить извѣстныя сильныя выраженія апостола Павла къ Галатамъ (1. 16): когда мы вамъ проповѣдуемъ и если ангелъ съ неба будетъ проповѣдывать иначе, да бу-

детъ анаѳема; и это слово апостола Іоанна: всякій преступающій ученіе Христово и непребывающій въ немъ не имѣетъ Бога. Кто приходитъ къ вамъ и не приноситъ сего ученія, того не принимайте въ домъ и не привѣтствуйте его. (2 Іоанна, 9—10). Такія заповѣди и такія угрозы составляютъ совершенную противоположность съ тѣмъ отсутствіемъ твердаго и опредѣленнаго ученія, которое поставлено отличительнымъ признакомъ послѣдователей Христа и христіанской церкви.

Какъ бы то ни было, но святаго Варнаву не удерживаетъ, какъ не стѣсняла и апостоловъ, боязнь помѣшать дѣлу церкви, если онъ выступитъ слишкомъ строгимъ бойцемъ православія. Будущность церкви не безпокоила тѣхъ, которые полагали ея основаніе, и понимали ея высокое предназначеніе. Ничто не могло ни удержать, ни устрашить ихъ ревности. Языкъ посланія святаго Варнавы, есть языкъ человѣка, котораго вѣрованія и надежды равно основываются на словѣ Божіемъ. Какая вѣрность взгляда, какая полнота, какая подробность какой авторитетъ ученія, какая совершенная сообразность съ наставленіями Христа и апостоловъ! Матеріалистическимъ тенденціямъ іудействующихъ христіанъ и рабству ихъ передъ буквой, Варнава противопоставляетъ самый чистый спиритуализмъ. Чтобы вѣрнѣе ниспровергнуть ихъ заблужденіе, онъ пользуется аллегорическими изъясненіями, какія были въ обычаѣ у іудеевъ и преимущественно этимъ путемъ доходитъ до заключенія, что Моисеевъ законъ и весь ветхій завѣтъ имѣетъ смыслъ и значеніе только по отношенію къ Новому Завѣту, котораго онъ былъ образомъ и которымъ онъ и отмѣненъ.

Тѣмъ не меньше, однакожъ, нельзя не примѣтить ру-

ки Божіей, руководящей свою церковь съ самаго ея начала. Въ самомъ дѣлѣ человѣческая ли мудрость внушила Варнавѣ бороться противъ іудействующихъ христіанъ съ такою энергіею, съ опасностію отнять у новой вѣры столь многочисленныхъ учениковъ? Почему онъ не вступилъ въ сдѣлку съ ними? Подозрѣвалъ ли этотъ апостолъ, что какъ только онъ допуститъ хоть малую терпимость въ отношеніи къ раждающейся ереси, она не преминетъ разростись и погасить успѣхи христіанства? Справедливость вынуждаетъ приписать Самому Божественному Основателю церкви источникъ этой ревности, которая, по человѣческимъ соображеніямъ, и расчетамъ кажется столь неблагоразумною. Мудрость Божественнаго Начальника новаго учрежденія на землѣ не могла не предвидѣть ни тѣхъ враждебныхъ попытокъ, какія будутъ направлены на церковь, ни тѣхъ величайшихъ и многочисленныхъ послѣдствій, которыя происходятъ нерѣдко изъ самыхъ малыхъ заблужденій.

Такъ, дѣйствительно и было съ іудействующими христіанами. Эта секта, сначала не большая, произвела скоро другія, которыя, вслѣдъ за христіанствомъ, распространились въ разныхъ странахъ. Такъ сектанты, извѣстные подъ именемъ евіонитовъ, происходятъ, по-видимому, прямо отъ іудействующихъ христіанъ; они утвердились преимущественно въ малой Азіи, Колоссѣ, Ефесѣ и въ Галатіи. Іудействующіе христіане, желая примирить, съ божественнымъ посланничествомъ Христа, слѣпую привязанность къ національнымъ предразсудкамъ, начали тѣмъ, что связали законъ Моисеевъ съ заповѣдьми Евангелія. Евіониты, удерживая наблюденіе іудейскихъ обрядовъ, тотчасъ опередили — превзошли ихъ. Божество Іисуса Христа для нихъ не было уже

священнымъ: они отвергли его, смотря на Спасителя, какъ на простаго человѣка, рожденнаго отъ Маріи и Іосифа. Такимъ образомъ новая ересь, болѣе опасная нежели предшествующая, угрожала церкви.

Посланія, писанныя святымъ Игнатіемъ къ различнымъ обществамъ христіанскимъ, въ продолженіи его суроваго путешествія по Азіи, показываютъ намъ, съ какою силою и какою ревностію первые епископы старались ниспровергнуть ее, противопоставляя всегда еретикамъ слово Христа или ученіе апостоловъ. Это именно методъ всѣхъ полемистовъ перваго вѣка, и въ самомъ дѣлѣ, эта крайняя заботливость, которую принимаютъ всѣ первые проповѣдники вѣры, чтобы сообразоваться съ словомъ Христа и апостоловъ, своихъ предшественниковъ и наставниковъ, поразительна. Такъ образовалась эта сильная цѣпь преданія, которой связности не могли разорвать самыя энергическія нападки. Но прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію главныхъ наставленій, которыя мы можемъ извлечь изъ посланій святаго Игнатія, нужно упомянуть еще о нѣкоторыхъ другихъ заблужденіяхъ, кромѣ евіонитовъ, заблужденіяхъ, противъ которыхъ равнымъ образомъ возставали эти посланія въ своей догматической части; потому что уже ко времени Игнатія ереси очень умножились. Между тѣмъ какъ евіониты старались уничтожить божественность Іисуса Христа, совершенно неожиданно поднялась другая, совершенно противоположная доктрина. Съ одной стороны отвергали божественность Спасителя; съ другой—отвергали Его человѣчество, такъ что было какъ бы два противоположныхъ теченія, которыя равно угрожали церкви. Но таково свойство духа человѣческаго—вращаться всегда между двумя

крайностями, которыя равномѣрно удаляются отъ истины. Ереси едва берутъ свое начало, какъ уже теряются въ самыхъ странныхъ противорѣчіяхъ. Совершенно различныя вліянія управляютъ двумя системами, о которыхъ мы говоримъ: между тѣмъ какъ іудейскіе предразсудки вызвали заблужденіе евіонитовъ, платоническія теоріи и религіозная теософія Востока, тогда очень распространенная въ Малой Азіи, дала начало доктринамъ докетовъ и гностиковъ. Вслѣдъ за своими учителями еретики Симонъ Волхвъ и Менандръ, рѣшились смотрѣть на тѣло Христа, какъ на призракъ, не имѣвшій дѣйствительной жизни. Въ ошибочномъ убѣжденіи, что матерія есть сѣдалище зла, они не могли понять, чтобы Божественная природа могла соединиться съ нею и облечься въ человѣческую природу съ ея слабостями. Такимъ образомъ въ ихъ глазахъ страданіе, униженіе и смерть Сына Божія были только призракомъ. Гностики въ системѣ, вообще усвоенной ими, помѣстили между Высочайшимъ существомъ и вѣчной матеріей, жилищемъ и источникомъ зла, эоновъ—родъ духовъ, истекшихъ изъ Бога, изъ которыхъ одинъ сотворилъ міръ. Они допускали откровеніе верховнаго существа чрезъ посредничество Іисуса Христа, какъ одного изъ подчиненныхъ эоновъ. Гностицизмъ принялъ разнообразныя формы. Онъ приноравливался весьма часто къ религіознымъ и философическимъ идеямъ, которыя господствовали въ разныхъ странахъ, гдѣ онъ распространился. Изъ послѣдователей его во второмъ вѣкѣ, когда онъ принимаетъ рѣшительный характеръ и пріобрѣтаетъ чрезвычайную силу, одни примкнули къ теологическимъ умозрѣніямъ Симона Волхва или Менандра, другіе основались на доктринѣ Александрійца Филона.

Между гностицизмомъ и докетизмомъ весьма много точекъ соприкосновенія. Можно почти навѣрное сказать, что докетизмъ былъ только одною изъ формъ, принятыхъ гностицизмомъ, распространившимся въ Сиріи. Но даже изъ того краткаго изложенія, какое мы сдѣлали, можно видѣть, какъ противоположны были двѣ секты евіонитовъ и гностиковъ. Однако нашелся человѣкъ, который надѣялся примирить ихъ: это былъ еретикъ Кериноъ. Онъ пытался связать эти системы и изъ этой чудовищной смѣси родилась третья секта, которая присоединила къ грубымъ заблужденіямъ безстыдство, которое низводило ее еще на болѣе низкую ступень. Вотъ противъ какихъ противниковъ Игнатій долженъ былъ защищать истинное ученіе Христа и вотъ также противъ какихъ опасностей долженъ былъ предохранять церкви, къ которымъ адресовалъ свои посланія.

Великій епископъ опровергаетъ ереси, съ тою достовѣрностію ученія и съ тою твердостію языка, какія свойственны только истинѣ. Евіониты, также какъ докеты и гностики, также какъ послѣдующія ереси, находятъ свое осужденіе въ этихъ дивныхъ посланіяхъ, гдѣ изложены сокращенно всѣ главные члены христіанскаго богословія. Противъ евіонитовъ, Игнатій въ своемъ посланіи къ магнезіанамъ утверждаетъ, что нелѣпо призывать Іисуса Христа, а жить по іудейски, что не христіанство увѣровало въ іудейство, но іудейство во христіанство, въ которомъ соединились всѣ народы, увѣровавшіе въ Бога. Сдѣлавшись учениками христіанства, говоритъ онъ имъ, научимся жить по христіански; ибо кто называется другимъ, а не этимъ именемъ, тотъ не Божій.

Съ неменьшей силой онъ настаиваетъ на соедине-

нія въ лицѣ Слова двухъ природъ, Божественной и человѣческой, и дѣлаетъ это особенно въ посланіи къ Ефесеямъ, въ этихъ прекрасныхъ выраженіяхъ, которыхъ мы не можемъ не привести здѣсь: „есть только одинъ врачь, тѣлесный и духовный, рожденный и нерожденный Богъ во плоти, въ смерти истинная жизнь, отъ Маріи и отъ Бога, сперва подверженный, а потомъ неподверженный страданію, Господь нашъ Іисусъ Христосъ“. Равнымъ образомъ онъ повторяетъ въ посланіи къ Тралліанамъ, что Іисусъ Христосъ истинно родился, что Онъ истинно совершалъ отправленія человѣческой жизни, истинно было осужденъ при Понтійскомъ Пилатѣ, истинно былъ распятъ и истинно умеръ въ виду небесныхъ земныхъ и преисподнихъ, истинно возсталъ изъ гроба, когда Его воскресилъ Отецъ Его, Который подобнымъ образомъ воскреситъ и насъ, вѣрующихъ въ Него. А если иные, продолжаетъ онъ, какъ нѣкоторые безбожники, то есть невѣрующіе, говорятъ, что Онъ страдалъ только призрачно, — сами они призракъ,—то за чѣмъ же я въ узахъ? За чѣмъ я пламенно желаю бороться со звѣрями? Значитъ я напрасно умираю? Значитъ, я говорю ложь о Господѣ? И такъ убѣгайте злыхъ произрастеній,, приносящихъ смертоносный плодъ: кто вкуситъ отъ него, тотъ немедленно умираетъ. Ибо еретики не насажденіе Отца“. Это же составляетъ предметъ его посланія къ Смирнянамъ, посланія, въ которомъ онъ энергически возстаетъ противъ тѣхъ невѣрныхъ съ испорченными нравами, которые воздерживались отъ евхаристіи и молитвы, потому что не хотѣли признавать, что евхаристія есть плоть нашего Спасителя, пострадавшая за наши грѣхи, но которую Отецъ воскресилъ по Своей благости. Такимъ образомъ, отме-

тая даръ Божій, они умираютъ въ своихъ преніяхъ. Имъ надлежало бы держаться любви, чтобы воскреснуть. Посему надобно удаляться такихъ людей и ни наединѣ, ни въ собраніи не говорить о нихъ, и внимать пророкамъ, особенно же Евангелію, въ которомъ открыто намъ страданіе Христа и совершенно ясно Его воскресеніе".

Однимъ словомъ во всѣхъ этихъ посланіяхъ святый Игнатій даетъ ясное свидѣтельство о Божествѣ Іисуса Христа, Его вѣчномъ рожденіи, Его сосуществованіи съ Отцемъ прежде всѣхъ вѣковъ. Такимъ образомъ съ самаго начала былъ опредѣленный символъ, общій для всѣхъ вѣрныхъ, въ которомъ не могли ничего ни измѣнить, ни исключить, не переставая принадлежать къ обществу христіанскому. Изъ этого видно, какъ заблуждаются тѣ, которые смотрятъ на ученіе, содержимое въ настоящее время церковію, какъ на несообразное съ вѣрою первыхъ вѣковъ. Исторія открыто осуждаетъ всякую попытку разорвать связь церковнаго ученія съ ученіемъ Христа и апостоловъ. Пусть читаютъ Варнаву и Игнатія, чтобы убѣдиться, какія были вѣрованія перваго вѣка, какія начала положены были апостолами вслѣдъ за Христомъ и усвоены церковію съ ея, можно сказать, перваго дыханія. Легко, безъ сомнѣнія, основываясь на догадкахъ и произвольныхъ толкованіяхъ, создать между церковію и христіанствомъ оппозицію, болѣе или менѣе радикальную, легко представить ихъ двумя различными учрежденіями, изъ которыхъ одно будто бы восходитъ только ко второму или третьему вѣку; но какъ согласить эту систему съ свидѣтельствами, которыя мы привели и изъ которыхъ мы убѣждаемся, съ крайнею очевидностію, что единство ученія господствовало въ церкви съ самаго ея начала.

И где найти, кромѣ того, такія вѣрныя доказательства, чтобы утверждать, какъ это дѣлаютъ, что въ первомъ вѣкѣ были только церкви, а не церковь, и что раздѣленіе было уже между апостолами, точно также, какъ между ихъ непосредственными преемниками. Пусть они лучше посмотрятъ въ писанія отцовъ апостольскихъ и удостовѣрятся, что церковь, всегда вѣрная самой себѣ, только въ единствѣ могла найти основу своей силы и тайну своего преуспѣянія.

III.

Кто убѣжденъ, что церковь, въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ, не измѣнила своимъ началамъ, тотъ долженъ инстинктивно придти къ тому, чтобы предположить бытіе учительнаго авторитета, поставленнаго для того, чтобы удерживать вѣрующихъ въ неуклонномъ единеніи и согласіи съ однимъ общимъ символомъ. Никогда не понять дивнаго согласія между церковнымъ ученіемъ первыхъ вѣковъ съ ученіемъ, которое церковь преподаетъ теперь, если не допустить правила вѣры, назначеннаго предохранять вѣрныхъ отъ раскола и ереси; иначе надо предположить, что внѣ всѣхъ условій человѣческихъ и по непрестанному чуду Самъ Богъ взялъ на Себя заботу сохранять въ продолженіи девятнадцати вѣковъ цѣлость своего ученія. Но это значитъ оставлять чудо, чтобы найти его опять. Стоитъ хотя мало подумать объ этомъ серьезно и безпристрастно, чтобы не допустить, даже независимо отъ всякихъ доказательствъ, что Іисусъ Христосъ имѣлъ намѣреніе оставить на произволъ личнаго разума истолкованіе смысла и значенія откровенныхъ истинъ. Въ самомъ

дѣлѣ какъ допустить, чтобы тотъ же разумъ, котораго нельзя постановить безусловнымъ судьею ученія Христа, былъ поставленъ его хранителемъ? Что сталось бы съ нравственнымъ религіознымъ единствомъ, которое христіанство возстановило въ родѣ человѣческомъ, если бы самое начало этого единства, Вселенскій символъ, имѣло единственнымъ хранителемъ личный разумъ, вѣчный источникъ раздѣленія? Вообразимъ, что въ первое время христіанства каждый вѣрующій имѣлъ способность толковать писанія и исполнять по своему усмотрѣнію Евангельскія заповѣди: вообразимъ, что онъ въ дѣлѣ вѣры не признавалъ опредѣленій никакого авторитета. Чтоже произойдетъ? Каждый пастырь будетъ имѣть свою систему, каждый вѣрующій свою, потому одному, что каждый пастырь и каждый вѣрующій имѣютъ свой разумъ, подлежащій различнымъ вліяніямъ, вращающійся въ противоположныхъ родахъ, и развившій свой особенный складъ понятій. Отсюда Евіониты и Гностики, Докеты и Керинѳіане. Кто виноватъ? Кто осудитъ однихъ и оправдаетъ другихъ? Кто противопоставитъ свой разумъ ихъ разуму? Кто уступитъ другому, что онъ лучше понимаетъ писанія, что онъ лучше вдохновенъ Духомъ Святымъ? Кто осмѣлится сказать: повѣрьте этому и бросьте это, здѣсь заблужденіе, тамъ истина? Никто. И вотъ мы низпали въ хаосъ системъ, противоположныхъ вѣрованій и мнѣній, хаосъ очень похожій на тотъ, въ которомъ находится въ послѣднее время языческій міръ. Что останется тогда изъ ученія Христа? Ничего, или очень мало. Оно будетъ обезображено, сглажено; о единствѣ нечего и думать. И это прекрасное слово св. Павла: *одинъ Господь, одна вѣра и одно крещеніе*—сдѣлается одною изъ самыхъ горькихъ насмѣшекъ.

Но къ чему вдаваться въ произвольныя гипотезы? Исторія, очевидные факты, неоспоримые памятники доказываютъ намъ существованіе съ первыхъ вѣковъ учительнаго авторитета въ церкви. Таково наставленіе, которое мы можемъ извлечь изъ посланій святаго Игнатія. Что говоритъ, въ самомъ дѣлѣ, этотъ апостольскій отецъ Ефесянамъ, Тралліанамъ, Смирнянамъ, напоминая имъ о самыхъ основаніяхъ вѣры? Онъ показываетъ имъ законъ, которому они должны подчиняться, чтобы сохранить эту вѣру и въ то же время предохранить себя отъ раскола и ереси. — „Какъ любовь не позволяетъ мнѣ молчать въ отношеніи къ вамъ, пишетъ онъ къ Ефесянамъ, то я и рѣшился убѣждать васъ, чтобъ вы сходились съ мыслію Божіею: ибо и Іисусъ Христосъ, общая наша жизнь, есть мысль Отца, какъ и епископы, поставленные по концамъ земли, находятся въ мысли Іисуса Христа". Какъ Господь безъ Отца, по своему единенію съ Нимъ, ничего не дѣлалъ ни Самъ собою, ни чрезъ Апостоловъ: такъ и вы ничего не дѣлайте безъ епископа и пресвитеровъ. Не думайте, чтобы вышло что либо похвальное у васъ если будете дѣлать это сами по себѣ; но въ общемъ собраніи да будетъ у васъ одна молитва, одно прошеніе, одинъ умъ, одна надежда въ любви и радости непорочной". (Къ Магнезіанамъ.).—„Когда вы повинуетесь епископу (къ Тралліанамъ), какъ Іисусу Христу, тогда, мнѣ кажется вы живете не по человѣческому обычаю, а по образу Іисуса Христа, Который умеръ за васъ, чтобы вы, увѣровавъ въ смерть Его, избѣжали смерти. Посему необходимо, какъ вы и поступаете, ничего не дѣлать безъ епископа. Повинуйтесь также и пресвитерству, какъ Апостоламъ Іисуса Христа — надежды нашей, въ

которой дай Богъ жить намъ. И діаконамъ, служителямъ Таинствъ Іисуса Христа, всѣ должны всячески угождать, ибо они не служители яствъ и питей, но слуги Церкви Божіей. Всѣ почитайте діаконовъ, какъ заповѣдь Іисуса Христа, а епископа, какъ Іисуса Христа, Сына Отца, пресвитеровъ же, какъ Собраніе Божіе, какъ сонмъ Апостоловъ. Безъ нихъ нѣтъ церкви". — Только та Евхаристія должна почитаться истинною — (къ Смирнянамъ) — которая совершается епископомъ или тѣмъ, кому онъ самъ предоставитъ это. Гдѣ будетъ епископъ, тамъ долженъ быть и народъ, такъ же какъ гдѣ Іисусъ Христосъ, тамъ и каѳолическая церковь. Непозволительно безъ епископа ни крестить, ни совершать вечерю любви; напротивъ что̀ одобритъ онъ, то и Богу пріятно".

Нельзя услышать ничего болѣе выразительнаго и точнаго о природѣ авторитета, существовавшаго съ самаго начала христіанства. Между тѣмъ послушаемъ, что говоритъ еще епископъ римскій, третій въ порядкѣ епископовъ римскихъ святой Климентъ, чтобы видѣть, какъ учительный авторитетъ церкви сохранялъ ея единство. Церковные историки тюбингенской школы считаютъ себя въ состояніи доказать, что существенная форма церкви не происходитъ ни отъ Христа, ни отъ апостоловъ, но, что учрежденіе, которое мы въ ней видимъ, организовалось только въ теченіи втораго вѣка и притомъ совершенно произвольно. Они полагаютъ, что могутъ доказать это, не заботясь о томъ, согласно это или нѣтъ съ первоначальными памятниками христіанства. Если же они видятъ, что нельзя умолчать о томъ или другомъ досадномъ авторѣ перваго и втораго вѣка или какомъ либо мѣстѣ ихъ тво-

реній, то безъ застѣнчивости заподозриваютъ подлинность ихъ твореній или отдаляютъ на нѣсколько сотъ лѣтъ эпоху ихъ составленія. Такимъ образомъ, пренебрегая самыми очевидными памятниками, самыми уважаемыми преданіями, они теряются въ пустыхъ теоріяхъ о первоначальномъ устройствѣ церкви. То они полагаютъ, что рядомъ съ первоначальною церковью, о бокъ съ нею росли самыя разнообразные элементы, между тѣмъ какъ сама она не имѣла опредѣленной формы; то упорно доказываютъ, что въ первомъ вѣкѣ вѣрующіе находились въ полномъ равенствѣ, не имѣя среди себя пастырскаго авторитета; то полагаютъ, что различныя христіанскія общины управлялись въ своемъ началѣ сословіемъ священниковъ, изъ которыхъ каждый членъ владѣлъ равнымъ авторитетомъ. Высказывая такія различныя мнѣнія, ставя такія смѣлыя утвержденія, не подумаютъ о томъ, что въ нѣдрѣ самаго этого учрежденія существуетъ посланіе, относящееся къ первому вѣку, заключающее самыя подробныя наставленія объ устройствѣ церкви: это памятникъ важный тѣмъ болѣе, что многія христіанскія церкви читали его въ воскресные дни въ продолженіи вѣковъ и новѣйшая критика почти единодушно признала его подлинность. Между тѣмъ нельзя—лучше сдѣлать различія между священствомъ и мірянами, какъ это дѣлаетъ святой Климентъ, „первосвященнику, говоритъ онъ, дано свое служеніе, священникамъ назначено свое дѣло и на левитовъ возложены свои должности; мірской человѣкъ связанъ постановленіями для народа. Каждый изъ васъ благодари Бога за свое собственное положеніе, храня добрую совѣсть и съ благоговѣніемъ, не преступая опредѣленнаго правила служе-

нія своего“. Съ неменьшею ясностію онъ показываетъ, что епископство есть лишь преемство апостольское. „Апостолы были посланы проповѣдывать Евангеліе намъ отъ Господа Іисуса Христа, Іисусъ Христосъ отъ Бога. Христосъ былъ посланъ отъ Бога, а апостолы отъ Христа: то и другое было въ порядкѣ по волѣ Божіей. И такъ, принявши повелѣніе, апостолы, совершенно убѣжденные чрезъ воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа, и утвержденные въ вѣрѣ словомъ Божіимъ, съ полнотою Духа Святаго пошли благовѣствовать наступающее царствіе Божіе. Проповѣдуя по различнымъ странамъ и городамъ, они первенцевъ изъ вѣрующихъ по духовномъ испытаніи поставляли въ епископы и діаконы для будущихъ вѣрующихъ. И это не новое установленіе; ибо много вѣковъ прежде писано было о епископахъ и діаконахъ. Такъ говоритъ писаніе: поставлю епископовъ ихъ въ правдѣ и діаконовъ въ вѣрѣ (Исаіи LX, 17)“. Но и этого не довольно. „Апостолы наши знали, что будетъ раздоръ о епископскомъ достоинствѣ. По этой самой причинѣ они, получивши совершенное предвѣдѣніе, поставили вышеозначенныхъ служителей и потомъ присовокупили законъ, чтобы когда они почіютъ, другіе испытанные мужи принимали на себя ихъ служеніе. Такимъ образомъ духовная сила въ церкви никогда не оскудѣваетъ и единеніе ея съ первыми ея основателями продолжается безъ ослабленія и безъ перерыва.

И такъ вотъ какое было управленіе церкви въ самое первое время христіанскаго общества. Можно судить послѣ этого, какъ мало состоятельности у тѣхъ историковъ, которые стараются доказать, что въ первое время церкви не было точно опредѣленнаго устрой-

ства, никакой признанной дисциплины и что даже въ то время, когда начинаютъ обнаруживаться извѣстныя учрежденія, невозможно съ точностію опредѣлить, въ чемъ состояли отправленія, присвоенныя или принадлежащія этимъ учрежденіямъ.

Въ самомъ дѣлѣ трудно сказать, гдѣ могли бы эти писатели заимствовать свое доказательство, чтобы поддержать съ полною достовѣрностію прочнаго убѣжденія, что въ началѣ церкви не было никакого раздѣленія между церковнымъ правительствомъ и обществомъ вѣрующихъ. Мы сейчасъ видѣли совершенно точное различіе, которое дѣлаетъ между ними святый Климентъ, и конечно мы не можемъ затрудняться въ выборѣ свидѣтеля, относительно факта современнаго святому Клименту, между Геттингенскимъ профессоромъ и этимъ славнымъ ученикомъ апостоловъ. Но, не говоря о свидѣтельствахъ писателя посланій къ Коринѳянамъ, позволительно ли игнорировать тѣ многочисленныя доказательства, которыя доставляютъ намъ самыя дѣянія апостоловъ о существованіи съ первыхъ временъ христіанства правительственнаго церковнаго авторитета, безусловнаго и совершенно отличнаго отъ общества вѣрующихъ? Что избраніе первыхъ діаконовъ произведено съ народнаго совѣта, это справедливо; но кто поставилъ ихъ? По собственному выраженію дѣяній — апостолы. Когда появился протестъ противъ необходимости или безполезности іудейскихъ обрядовъ для христіанъ, къ кому обращаются за рѣшеніемъ по этому дѣлу? Къ апостоламъ и старцамъ или пресвитерамъ. Доказательства сами собой тѣснятся подъ перо, но мы оставляемъ ихъ. Пусть прочитаютъ Дѣянія Апостоловъ, чтобы убѣдиться, какъ имъ избѣжать прискорбнаго за-

блужденія относительно учрежденія первоначальной церкви. Кажется одно слово апостола Павла могло-бы предохранить ихъ отъ этого заблужденія. Въ самомъ дѣлѣ, не говоритъ ли онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, въ своемъ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ: просимъ васъ, братія, уважать трудящихся у васъ и предстоятелей вашихъ въ Господѣ и вразумляющихъ васъ и почитать ихъ преимущественно съ любовію за дѣло ихъ (V, 12, 13). Такимъ образомъ Дѣянія Апостоловъ уже провозглашаютъ существованіе въ церкви этого авторитета, который не распространенъ въ народѣ, но сосредоточенъ исключительно въ сословіи пастырей. Святый Климентъ сообщилъ подробности его организаціи въ посланіи къ Коринѳянамъ. Какого болѣе достовѣрнаго и болѣе авторитетнаго указанія о правленіи первоначальной церкви мы можемъ требовать кромѣ того, которое сообщаетъ намъ этотъ святой отецъ? Гдѣ найти свидѣтельство въ одно и тоже время болѣе ясное, добросовѣстное и почтенное? Невозможно опровергнуть факты, которые оно сообщаетъ, не колебля и не отрицая въ тоже время всей исторической достовѣрности. Кромѣ того нужно замѣтить, что свидѣтельство святаго Климента, столь замѣчательное само по себѣ, подтверждается всѣмъ тѣмъ, что сообщаетъ намъ гражданская исторія о первыхъ вѣкахъ. Въ самомъ дѣлѣ мы не имѣемъ недостатка въ доказательствахъ того, что, въ продолженіи двухъ первыхъ вѣковъ, епископъ повсюду былъ дѣйствительно главою своей церкви, имѣя въ своемъ распоряженіи священниковъ, и что всѣ христіанскія церкви имѣли однообразную организацію. Но можно судить, когда дѣло идетъ о подобныхъ фактахъ, много ли значатъ отрывочныя данныя общей исторіи, сравни-

тельно съ такими точными наставленіями, какія мы находимъ въ писаніяхъ апостольскихъ мужей? Поэтому можно опредѣлить, какого они достоинства и въ какой степени справедливо и благоразумно брать отцевъ апостольскихъ за руководителей въ изученіи начала христіанства. Съ св. Варнавою и св. Игнатіемъ, мы показали, какое было ученіе, исповѣдуемое церковію въ первомъ вѣкѣ. Съ святымъ Климентомъ и св. Игнатіемъ мы видѣли организацію церкви, устроенной по плану Самаго Іисуса Христа, и главныя черты ея первоначальнаго учрежденія.

Одни изъ этихъ отцовъ показали намъ торжество христіанскихъ идей въ единствѣ ученія, другіе въ единствѣ управленія; всѣ вмѣстѣ они убѣждаютъ насъ въ истинѣ того великаго факта, такъ часто оспариваемаго и столь важнаго, что необходимыя условія непрерывности вѣры были въ началѣ церкви безусловно тѣже, что и въ настоящее время.

(*Окончаніе будетъ*).

МАТЕРІАЛИЗМЪ БЮХНЕРА.

(Продолженіе)

На дѣлимость матеріи обыкновенно смотрятъ атомисты, какъ на главнѣйшее основаніе для принятія бытія атомовъ. Но дѣлимость матеріи, сама въ себѣ разсматриваемая, можетъ-ли простираться въ безконечность, или же въ существѣ самой матеріи лежитъ ограниченіе этой дѣлимости, т. е. существуетъ ли вообще атомъ, или нѣтъ,—объ этомъ, говоритъ Эттингсгаузенъ, ни непосредственный опытъ, ни теорія, на точномъ опытѣ объоснованная, не даютъ никакого рѣшенія, и все, что объ этомъ съ разныхъ сторонъ было высказано, основывается на простой гипотезѣ ([1]). Для объясненія же самой дѣлимости матеріи достаточно, говоритъ тотъ же Эттингсгаузенъ, простаго, несомнѣннаго положенія, что тѣла состоятъ изъ частей, которыя, будучи отдѣльно взяты, по причинѣ своей малости, ускользаютъ совершенно отъ нашего чувственнаго воспріятія ([2]). Противъ этихъ положеній Эттингсгаузена едвали что-нибудь

([1]) Ueber die neuere Atomenlehre und Verhältniss zur Philosophie und Naturwissenschaft, J. H. Fichte, Ss. 35—36.

([2]) Ibid. S. 35; cp. A. Weber, a. a. o. S. 15.

могутъ возразить физика и химія. Физика, какъ бы далеко ни простиралось дѣленіе ею матеріи, благодаря могущественнѣйшимъ микроскопамъ нашего времени, никогда фактически не достигала и недостигнетъ, конечно, никогда до атомовъ—частицъ абсолютно—простыхъ и недѣлимыхъ, въ чемъ искренно былъ убѣжденъ нѣкогда и Бюхнеръ ([1]); крайній и благоразумный выводъ умозаключенія, дѣлаемый ею въ этомъ случаѣ, можетъ быть именно только тотъ, какой дѣлаетъ и Эттингсгаузенъ, что тѣла состоятъ изъ частей, вовсе не опредѣляя, какой видъ принимаетъ эта раздѣльность въ своей послѣдней инстанціи; но во всякомъ случаѣ она, на основаніи всѣхъ точныхъ опытовъ и существующихъ законовъ механики, не можетъ допустить первоначальнаго раздѣленія матеріи въ видѣ атомовъ, изъ которыхъ бы она впослѣдствіи, путемъ механическаго сцѣпленія ихъ, приняла свой настоящій видъ ([2]). Опыты химіи относительно дѣлимости матеріи точнѣе опытовъ физики, но за то они съ большею точностію и рѣшительностію говорятъ противъ Левкиппо-Демокритовской атомистики Бюхнера, какъ и вообще противъ неразумныхъ приверженцевъ ея. Химіи удалось доселѣ открыть (по Грагаму и Отто) 61 простыхъ, элементарныхъ тѣлъ ([3]). Мы не выводимъ отсюда заключеній, какъ не выводитъ ихъ и химія, чтобы число этихъ, доселѣ извѣст-

---

([1]) Force et Matière, p. 25.

([2]) Du Materialisme au point de vue des sciences naturelles et des progrès de l'esprit humain, par A. Neth. Böhner, traduit de l' Allemand par O. Bourrit, Genève, 1861 an., p. 343.

([3]) Въ настоящее время указанное нами число химически-простыхъ элементарныхъ тѣлъ увеличилось уже открытіями Бунзена и Кирхгофа, а также Крукса, открывшихъ нѣсколько новыхъ щелочныхъ металловъ, кромѣ извѣстныхъ доселѣ.

ныхъ химіи, простыхъ тѣлъ, съ усовершенствованіемъ химическаго анализа и вспомогательныхъ средствъ для этого, особенно при посредствѣ такъ называемаго спектральнаго анализа, не увеличилось открытіемъ новыхъ,—какъ оно и дѣйствительно увеличилось,—и чтобы въ самыхъ, называемыхъ доселѣ *простыми*, элементарныхъ тѣлахъ химіи не удалось открыть еще болѣе простыя, составныя частицы ихъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи этихъ данныхъ химіи, заключать къ бытію атома было бы еще болѣе поспѣшно и неосновательно, чѣмъ на основаніи дѣлимости матеріи въ физикѣ. И химія, точно также какъ и физика, положительно исключаетъ всякую возможность бытія отдѣльнаго атома, въ свободномъ состояніи существующаго *отъ себя* и *по себѣ*, какъ чего-то самодвижущагося и самодѣятельнаго (¹); другими словами: атомовъ въ собственномъ смыслѣ слова не существуетъ, а существуютъ только *молекулы*—элементарныя частицы матеріи, видимыя нами подъ микроскопомъ; бытіе первыхъ, слѣдовательно, есть пустое представленіе, фикція. Такимъ образомъ, приведенное нами мнѣніе Эттингсгаузена относительно объясненія дѣлимости матеріи остается во всей силѣ и непреложности. Другой ученый, берлинскій физикъ и математикъ Фишеръ, совершенно отвергая также, подобно Эттингсгаузену, ученіе объ атомахъ съ притягательною и отталкивающею силами, показываетъ и самый источникъ заблужденія. Все представленіе объ атомахъ, по его мнѣнію, основывается единственно на одностороннемъ понятіи *экстенсивной* величины, между тѣмъ какъ наполненіе пространства и специфическая

(¹) Lehrbuch der organischen Chemie, A. Kekulè, Erlangen, 1858. S. 97.

плотность тѣлъ можетъ быть объяснена только изъ понятія *интенсивной*, т. е. на качественномъ различіи, равно присущемъ самымъ малѣйшимъ частицамъ основывающейся величины. Уже одно то, говоритъ Фишеръ, само по себѣ неразрѣшимое противорѣчіе, уничтожающее до основанія атомистическую гипотезу, что двѣ противоположныя силы должны существовать въ одной и той же вещи ([1]). На это послѣднее обстоятельство противники атомистики ударяютъ съ особенною силою и совершенно справедливо ([2]). Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ представить себѣ, безъ явнаго противорѣчія, бытіе такихъ атомовъ, которые одарены двумя взаимно противоположными, взаимно уничтожающими другъ друга силами? Что значитъ собственно: атомъ имѣетъ силы и еще противоположно дѣйствующія? Находятся ли онѣ въ немъ постоянно, какъ qualitates occultae подлѣ другъ друга, или же атомъ произвольно возбуждаетъ въ себѣ то одну, то другую, смотря потому—тѣло, которому принадлежитъ атомъ, приходитъ въ твердое или жидкое состояніе? Что такое попеременно возбуждаетъ эти силы въ атомѣ, такъ что то одна, то другая получаетъ перевѣсъ въ немъ? Наконецъ, какъ вообще онѣ могутъ дѣйствовать *внѣ* и *между* атомами, хотя онѣ въ тоже время неразрывно соединены съ ними? Разрѣшая эти вопросы, атомисты, для спасенія своей гипотезы, должны строить гипотезу на гипотезѣ, и тѣмъ не менѣе къ рѣшенію проблеммы они не придвинутся ни на одинъ шагъ. Неразрѣшимое противорѣчіе—бытіе и дѣятельность двухъ діаметрально

([1]) Ueber die neuere Atomenlehre und ihr Verhältniss zur Philosophie und Naturwissenschaft, J. H. Fichte, S. 41.

([2]) Ibid. S. 32—36

противоположныхъ силъ въ одномъ и томъ же субстратѣ остается во всей своей силѣ и дѣлаетъ совершенно немыслимымъ не только бытіе, но и самое представленіе атома. Но сколько также неразрѣшимыхъ, метафизическихъ и логическихъ трудностей и противорѣчій, грозящихъ ниспровергнуть всю атомистическую гипотезу, заключаетъ въ себѣ, по сознанію самихъ приверженцевъ ея, самое понятіе атома, какъ частицы матеріи абсолютно-простой, совершенно невоспринимаемой для чувствъ, одаренной двумя противоположными силами и пр., если мы сопоставимъ его съ понятіями науки о матеріи вообще. Въ понятіи атома не уничтожается ли понятіе матеріи и одно изъ нихъ не служитъ ли отрицаніемъ другаго (1)? Наконецъ, если большинствомъ естествоиспытателей и утверждается вообще за матеріею неизмѣняемость и атомы—мнимый субстратъ ея признаются также „неуклонно твердыми точками для построенія системы явленій", т. е. неизмѣняемыми, то съ расширеніемъ анализа физико-химическихъ явленій оказывается болѣе и болѣе признаковъ и поводовъ—допустить, какъ говоритъ Лотце, „поступательное внутреннее развитіе атомовъ" или, что-тоже, измѣняемость ихъ (2).—А въ такомъ случаѣ можетъ ли быть опять и рѣчь объ атомѣ, какъ о чемъ-то дѣйствительно существующемъ. При такомъ взглядѣ бытіе его, какъ справедливо замѣчаетъ Розенкранцъ, опять становится совершеннѣйшей фикціей, падаетъ въ область миѳовъ; не то хотимъ сказать этимъ, говоритъ Розенкранцъ, чтобы матерія не доходила въ своемъ дѣленіи до извѣстнаго minimum'а, которое можно назвать атомомъ;

(1) Ulrici, a. a. o. Ss. 331—333.
(2) Lötze, Mikrokosmus etc. 1856, 1, Ss. 33, 43.

но очень можетъ быть, что оно идетъ еще далѣе,—именно до отрицанія самаго minimum'а не чрезъ его уничтоженіе (Vernichtung),—что невозможно,—но чрезъ его измѣненіе или превращеніе (Verwandlung) ([1]). Представленныхъ нами данныхъ, полагаемъ, достаточно, чтобы мы могли теперь смѣло и не обинуясь дать положительный отвѣтъ на вопросъ: имѣетъ ли дѣйствительно какія нибудь права современная наука естественная провозгласить, въ слѣдъ за Бюхнеромъ, объ атомѣ, какъ о положительномъ, неподлежащемъ никакому сомнѣнію, *открытіи* своихъ точныхъ изслѣдованій? Очевидно, не имѣетъ и даже не можетъ никогда имѣть; мнимое божество Бюхнера—атомъ остается и доселѣ въ области физико-химическихъ теорій такимъ же произвольнымъ, спекулятивнымъ предположеніемъ, какимъ былъ онъ и для Демокрита или Эпикура. Утверждая это послѣднее, мы отнюдь, само собою разумѣется, не признаемъ за атомистическою гипотезою того неоспоримаго, почетнаго значенія въ наукѣ, какое придается ей большинствомъ современныхъ физиковъ и химиковъ, и которое на почвѣ матеріализма становится источникомъ самыхъ крайнихъ заблужденій. Большинство физиковъ и химиковъ возлагаютъ на атомистическую гипотезу самыя капитальныя научныя надежды, какъ на теорію, въ самомъ основаніи будто бы объясняющую всѣ доселѣ необъяснимыя явленія физико-химическія, какъ напр. явленія свѣта, теплоты, электричества, магнетизма въ физикѣ, кристализаціи въ минералогіи, или законъ химическихъ пропорцій и явленіе

([1]) Der deutsche Materialismus und die Theologie, Dr. Rosenkranz, S. 250 (Zeitschrift für Wissenschaftliche Theologie, herausg. A. Hilgenfeld, 1864. 3 Hef.).

изомеризма и изоморфизма въ химіи. Въ дѣтствѣ науки, во времена Демокрита или Эпикура, можно было еще, пожалуй, питать надежды проникнуть такъ легко до самой первоосновы, сущности вещей. Но теперь едва ли можетъ питать подобныя надежды сколько-нибудь проницательный и безпристрастный естествоиспытатель. Самое соблазнительное и увлекательное въ атомистикѣ—это есть, конечно, та наглядность и кажущаяся математическая опредѣленность, съ какими она представляетъ самые сложные, повидимому, и непроницаемые для наблюденія физико-химическіе процессы. Атомистика не останавливаетъ нашего вниманія на одной *видимой* сторонѣ предмета; она ведетъ насъ въ самые тайники природы и тамъ наглядно представляетъ намъ, что происходитъ во-время сложенія и разложенія тѣлъ, что такое дѣлается въ химическомъ процессѣ, какъ тутъ атомы располагаются другъ послѣ друга, чѣмъ отличаются органическія комбинаціи отъ неорганическихъ и пр.; даже такое, повидимому, сложное и загадочное явленіе, какъ зрѣніе и свѣтъ, она объясняетъ самымъ простымъ и нагляднымъ образомъ, трактуя именно, какъ движутся атомы эѳира, когда происходитъ свѣтъ, когда онъ преломляется, разлагается на различныя цвѣта и пр. Все и всюду представляется такъ просто и наглядно, что, кажется, если бы какой-нибудь микроскопъ сдѣлалъ видимыми для нашего глаза самые атомы матеріи, то мы могли бы созерцать лицомъ къ лицу всѣ доселѣ неразгаданныя явленія міра. Но именно въ этой-то кажущейся простотѣ и мнимой очевидности объясненія и заключается дѣйствительная фиктивность атомистической гипотезы. На самомъ дѣлѣ, при болѣе строгомъ и внимательномъ анализѣ его, оказывается, что

и въ физикѣ, равно какъ и въ химіи, атомистическая гипотеза въ объясненіи разныхъ явленій не простирается далѣе *механической стороны* ихъ, т. е. количественныхъ и пространственныхъ отношеній элементарныхъ частицъ матеріи между собою и къ другимъ тѣламъ; *качественная же* сторона ихъ остается совершенно необъяснимою, непроницаемою для нея ([1]). Даже такое явленіе, которое, по представленію большинства современныхъ химиковъ, составляетъ самое капитальное основаніе для принятія атомовъ, — разумѣемъ законъ химическихъ пропорцій,—оказывается совершенно объяснимымъ съ гораздо большею основательностію и законченностію помимо всякихъ атомовъ ([2]). Неудивительно послѣ сего, если со стороны болѣе строгихъ представителей самой естественной науки слышится недовѣріе даже и къ простому физико-химическому значенію атомистической гипотезы ([3]). И во всякомъ случаѣ, если атомистическая гипотеза и удерживается еще естественными науками, то удерживается, повторяемъ, какъ неизбѣжная и незамѣнимая доколѣ фикція или средство — дать по возможности простое и по крайней мѣрѣ не прямо противорѣчащее основымъ даннымъ физики и химіи представленіе, въ которомъ бы можно было обнять и объяснить множество однородныхъ явленій,—и удерживается при томъ совершенно не въ томъ видѣ и значеніи, какія придаетъ ей Бюхнеръ и его единомышленники; это стараются выставить на видъ сами приверженцы атомистической гипотезы, доказывая, что

([1]) Ulrici, a. a. o. Ss. 76—84.
([2]) Ueber die neuere Atomenlehre und ihr Verhältniss zur Philosophie und Naturwissenschaft, S. 40—42.
([3]) Ibid. Ss. 40—42, 43, 44.

ихъ атомизмъ не имѣетъ ничего общаго съ атомизмомъ Бюхнера, кромѣ одного имени ([1]).

Такимъ образомъ, самая основа матеріалистической системы Бюхнера рушится совершенно, — и при томъ рушится подъ ударами самой точной науки естественной, на которую Бюхнеръ болѣе всего возлагалъ всѣ свои надежды. Божество Бюхнера—атомъ, о которомъ онъ провозгласилъ, какъ о славномъ открытіи нашего времени, которому все, по его мнѣнію, обязано своимъ бытіемъ, на самомъ дѣлѣ долженъ быть изгнанъ изъ предѣловъ даже физико-химической науки чрезъ судейскій приговоръ этой же самой науки. На его мѣсто всюду, — и въ физикѣ, и въ химіи и др. съ большею справедливостію и основательностію можетъ быть постановленъ принципъ *качественной динамики*, который не только не стоитъ въ противорѣчіи съ данными эмпирическаго изслѣдованія, напротивъ прямо по простотѣ своихъ объясненій рекомендуется имъ.

Но если механическій атомизмъ Бюхнера, въ смыслѣ физической теоріи, здравая, точная наука естественная должна признать крайне неудовлетворительнымъ, имѣющимъ очень ограниченное значеніе и во всякомъ случаѣ во-все не такое, какое думаетъ утвердить за нимъ Бюхнеръ, то еще болѣе въ смыслѣ метафизическомъ эту теорію, чрезъ которую пытается Бюхнеръ объяснить все въ мірѣ единственно изъ одной матеріи и силы, какъ ея свойства, и такимъ образомъ поставить матерію метафизическимъ началомъ и первоосновою всего окружающаго насъ міра явленій, и здравая философія и точ-

([1]) Du materialisme au point de vue des sciences naturelles et des progrès de l'esprit humain, par Nath. Böhner, c. v, pp. 338—344.

ная наука естественная должны отвергнуть, как совершенную ложь, заблужденіе.

Поставляя атомъ или вообще матерію, какъ метафизическое начало и первооснову для объясненія всѣхъ вещей и явленій міра, Бюхнеръ, очевидно, раздѣляетъ или еще болѣе—усиливается, на ряду со всѣми другими матеріалистами, подтвердить то общераспространенное заблужденіе, что матерія есть вещь наиболѣе для насъ ясная и понятная, есть нѣчто безусловно данное, существующее независимо отъ познанія субъекта, слѣдовательно какъ вещь, говоря философскимъ языкомъ, въ себѣ, изъясняющаяся сама изъ себя и по себѣ. Бюхнеръ совершенно успокоиваетъ насъ относительно полной справедливости этихъ предположеній, утверждая, что въ окружающемъ насъ мірѣ дѣйствительно существуетъ только *матерія и сила*, какъ ея свойство, что все видимое нами безконечное разнообразіе и неисчерпаемое богатство его явленій—прекрасныхъ формъ, цвѣтовъ, блесковъ, тѣней, съ ихъ безконечными переливами и разнообразною игрой, есть только механическая игра элементарныхъ частицъ или атомовъ этой матеріи, что надобно брать вещи такъ, какъ онѣ существуютъ,—разсматривать ихъ совершенно независимо отъ вмѣшательства какой-нибудь силы, существующей внѣ вещей (1). Словомъ, по Бюхнеру, выходитъ, что нѣтъ ничего дѣйствительнѣе и существеннѣе, нѣтъ ничего яснѣе и понятнѣе для насъ матеріи. Но гдѣ же, спросимъ прежде всего Бюхнера, эта матерія? Пусть онъ укажетъ ее намъ при помощи одного своего принципа познаванія—чувственнаго воспріятія?

---

(1) Force et Matière, p. IX, 1—8.

Матерія, по общему представленію и представленію самаго Бюхнера, есть всеобщій субстратъ видимыхъ вещей,—то, изъ чего состоятъ вещи, единое, общее всѣмъ имъ; тутъ, скажетъ намъ Бюхнеръ, и должно искать матеріи наше внѣшнее чувство. Но внѣшнія чувства представляютъ намъ матеріальные предметы въ безконечномъ разнообразіи; нѣтъ двухъ предметовъ, совершенно равныхъ между собою. Та или другая разность—въ пространственной ли формѣ или положеніи, или со стороны качественной,—непремѣнно существуетъ между ними. Если мы это безконечное разнообразіе формъ и качественныхъ явленій между вещественными предметами будемъ сводить къ единству, съ цѣлію отыскать въ нихъ общее всѣмъ имъ, ихъ сущность, основу, то этимъ общимъ, по отношенію *къ нашему чувству зрѣнія*, будетъ протяженіе и цвѣтъ. Безъ протяженія и цвѣта мы не можемъ видѣть вещи, и съ другой стороны—различіе ея пространственной формы и цвѣта образуетъ характеристическіе признаки, по которымъ мы различаемъ видимыя вещи. Разломимъ или разрѣжемъ вещь, если мы хотимъ проникнуть далѣе внѣшней ея оболочки,—мы увидимъ что-нибудь новое въ ней, но это новое для нашего глаза опять въ сущности будетъ только или протяженіе, или цвѣтъ. Но что же такое протяженіе и цвѣтъ? Есть ли это вещь въ себѣ или матерія, какъ понимаютъ ее матеріалисты? И протяженіе и цвѣтъ суть только образы явленія вещи нашему внѣшнему чувству—зрѣнію, а отнюдь не есть вещь въ себѣ, и слѣдовательно ни въ томъ, ни другомъ случаѣ мы не видимъ и не можемъ предполагать матеріи, которая, по ученію матеріализма, есть вещь въ себѣ и должна быть по преимуществу вещію, поколику составляетъ

основаніе и сущность всѣхъ другихъ вещей. Также безуспѣшно будетъ наше изслѣдованіе о матеріи, какъ вещи въ себѣ, и при помощи другихъ чувствъ. Всѣ онѣ представляютъ намъ вещь только въ ея явленіи, какъ она относится къ нашей чувствительности, а не то, что она есть сама въ себѣ. Мы называемъ вещи кислыми или сладкими, мягкими или твердыми, съ пріятнымъ запахомъ или непріятнымъ и пр., но все это, очевидно, не матерія, какъ вещь въ себѣ, а только ея явленіе. Такимъ образомъ путемъ простаго наблюденія, при помощи внѣшнихъ чувствъ, мы не можемъ дойти до матеріи,—не можемъ тѣмъ болѣе, что даже въ предѣлахъ обыкновеннаго нашего чувственнаго наблюденія совершается непрерывное движеніе или, по отношенію къ царству органическому, жизненный коловоротъ вещей, т. е. происходитъ постоянное взаимодѣйствіе элементовъ, смѣна однихъ другими. При такомъ положеніи дѣла объекты нашего чувственнаго воспріятія, какъ протяженіе или цвѣтъ для зрѣнія, твердость или жидкость для осязанія, кислота или сладость для вкуса и пр., — становятся, очевидно, еще болѣе условными и относительными, тѣмъ болѣе не могутъ быть выраженіемъ матеріи, какъ вещи въ себѣ; ее нужно искать другимъ путемъ.

Можетъ быть, на помощь нашему чувственному воспріятію явится точная наука-химія, которая, посредствомъ своего анализа, изслѣдуетъ элементы, лежащіе въ самой основѣ явленій, и такимъ образомъ можетъ указать намъ искомую нами матерію, какъ вещь въ себѣ? Въ самомъ дѣлѣ химія путемъ своего анализа достигла, повидимому, до такихъ границъ, гдѣ она должна стать предъ матеріею лицомъ къ лицу; она называетъ намъ

извѣстное число матеріальныхъ элементовъ — каковы: кислородъ, азотъ, углеродъ, фосфоръ, сѣра и т. дал., какъ основные элементы матеріи, которые уже не могутъ быть болѣе разложены на простѣйшіе. Тѣмъ не менѣе могутъ ли указать матеріалисты на эти химическіе элементы матеріи и сказать намъ: „вотъ матерія, какъ вещь въ себѣ“!—Могли бы они сказать это, если бы эти основные химическіе элементы матеріи отличались чѣмъ-либо отъ другихъ объектовъ чувственнаго воспріятія, если бы они также не представляли опять чувственному воспріятію только извѣстныхъ формъ явленія матеріи—протяженіе, цвѣтъ, вкусъ и пр., если бы они, однимъ словомъ, представляли намъ нѣчто *единичное* и *основное*, общее всѣмъ имъ и независимое отъ нашей чувствительности, что можно было бы назвать „матеріею“, вещію въ себѣ. Но даетъ ли намъ право на это указаніе химическій анализъ? Нѣтъ. Матерія опять, слѣдовательно, остается неизвѣстнымъ, искомымъ *иксз*.

Итакъ, гдѣ же матерія? Отыскивая ее путемъ чувственнаго воспріятія, которое, по ученію Бюхнера, воспринимаетъ вещь въ себѣ, мы въ основныхъ химическихъ элементахъ достигли самыхъ границъ точной науки и, какъ нѣкогда говорилъ Лапласъ: „я изслѣдовалъ всюду небо, и нигдѣ не нашелъ слѣда Божія“, — что нисколько неудивительно, такъ какъ великій астрономъ искалъ Бога вовсе не тамъ, гдѣ слѣдовало,—въ настоящемъ случаѣ мы съ полнымъ правомъ можетъ также сказать: мы изслѣдовали всю область чувственныхъ явленій и нигдѣ не нашли матеріи. И это совершенно въ порядкѣ вещей, котораго только матеріалисты не хотятъ знать. Матерія вовсе не есть нѣчто готовое, данное, безусловно существующее въ мірѣ, какъ вещь

въ себѣ, а есть, какъ показалъ Шопенгауеръ, только *понятіе*, имѣющее значеніе для разсудка, мыслящаго по закону причинности и для воззрѣнія, пространственно созерцающаго ([1]). Не то хотимъ сказать этимъ, чтобы матерія была въ самомъ дѣлѣ однимъ пустымъ представленіемъ и чтобы въ основаніи вещей не лежало чего-либо независимаго, реальнаго, являющагося въ явленіяхъ, но что это независимое, реальное, являющееся существуетъ, какъ вещь въ себѣ, только для нашего ума, разумнаго духа, хотя и онъ не можетъ разгадать, что такое это независимое, реальное—матерія, какъ вещь въ себѣ. Такимъ образомъ не духъ предполагаетъ матерію, какъ учитъ Бюхнеръ, и имѣетъ ее, какъ метафизическое начало бытія своего, но матерія, наоборотъ, предпологаетъ духъ и въ немъ и для него только есть вещь въ себѣ ([2]). Можно судить послѣ всего этого, какова твердость матеріалистическаго начала Бюхнера, исходнаго пункта его философствованія. Бюхнеръ воображаетъ, что, поставляя атомъ или вообще матерію съ ея силами, какъ метафизическое начало, онъ имѣетъ дѣло исключительно съ однимъ веществомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ не простирается далѣе субъекта, представляющаго матерію, глаза, который видитъ ее, руки, которая ощущаетъ ее, разсудка, который познаетъ ее. Въ этомъ отношеніи Бюхнеръ, какъ и каждый матеріалистъ, похожъ, скажемъ словами Фрауэнштедта на барона Мюнхгаузена, который, плавая верхомъ на лошади въ водѣ, тянетъ ее вверхъ въ то же самое время, какъ самъ держится за ея шею ([3]). Объя-

([1]) Несостоятельность матеріализма („Труды кіевской духовной академіи“, 1864 г., іюнь), стр. 198.

([2]) Kritik des Materialismus, R. Schelwein, Ss. 21, 26.

([3]) Несостоятельность матеріализма, стр. 206.

снять вещи изъ матеріи, и притомъ надѣленной силами,— значитъ объяснять ихъ тѣмъ, что существуетъ только для познающаго субъекта и чего нельзя доказать, существуетъ ли оно въ себѣ именно такъ, какъ мы представляемъ его. Духъ, который матеріализмъ выводитъ изъ объективной природы, есть, напротивъ, основное условіе ея; міръ только для нашего сознанія, для нашего „я", существуетъ такимъ, какимъ мы его представляемъ. Имѣй человѣчество другую голову — говоритъ Фрауэнштедтъ, съ другими пріемами представленій, тогда перемѣнилось бы и все міросозерцаніе (¹). Другими словами: смыслъ внѣшнихъ явленій и субстратъ ихъ—матерія съ ея силами могутъ быть разгаданы только изъ отправленій нашего ощущенія и сознанія, только во взаимодѣйствіи ихъ съ разумнымъ духомъ. Можетъ быть нигдѣ философія не противорѣчитъ такъ общему представленію, но въ то же время нигдѣ не имѣетъ за собою такой безспорной истины, какъ именно при разрѣшеніи этого вопроса, — вопроса объ основаніи и условіяхъ бытія и познанія міра явленій. Совершенно справедливо говоритъ Бюхнеръ, что нѣтъ силы безъ матеріи и матеріи безъ силы, но при этомъ онъ забываетъ, что обѣ онѣ, какъ абстракціи отъ дѣйствительнаго порядка вещей, не существуютъ безъ познающаго субъекта, и что посему обѣ суть нѣчто *вторичное* по отношенію къ нему; стало быть Бюхнеръ поступилъ бы гораздо раціональнѣе, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же Фрауэнштедтъ, еслибы въ смѣломъ положеніи „матерія есть первооснова всякаго бытія" „*есть*" перемѣнилъ на „*является*" (²).

(¹) Несостоятельность матеріализма, стр. 209.

(²) Ibid., стр. 208.

Но если, такимъ образомъ, вообще попытка Бюхнера—объяснить матерію единственно самою же матерію оказывается совершенно несостоятельною предъ судомъ здраваго философствующаго разума, то, частнѣе опредѣляя съ точностію значеніе самой дѣятельности матеріи въ явленіяхъ космической жизни, ни тотъ же опять здравый философствующій разумъ, ни точная наука естественная еще болѣе не могутъ, не выходя изъ предѣловъ благоразумія и осторожности, признать матерію основнымъ метафизическимъ принципомъ для объясненія міра явленій. Что матерія есть нѣчто дѣйствительно существующее, хотя и неизвѣстное въ своей сущности для насъ, и въ происхожденіи, развитіи космическихъ явленій принимаетъ свою долю участія—фактъ, спорить противъ котораго нельзя. Равно неоспоримо и то, что механическій принципъ міровоззрѣнія, на которомъ исключительно утверждается матеріализмъ Бюхнера, въ должныхъ границахъ не лишенъ истины и пригодности во многихъ отношеніяхъ, и ему-то естественныя науки нашего времени, особенно оптика и астрономія, во многомъ обязаны, какъ извѣстно, прекраснѣйшими результатами своихъ изслѣдованій. Отсюда и пресловутая, тривіальная, какъ называетъ самъ Бюхнеръ, аксіома его: „нѣтъ силы безъ матеріи и матеріи безъ силы“ ничего не говоритъ сама по себѣ ни *за*, ни *противъ* матеріализма. Все зависитъ отъ того: какое значеніе имѣетъ вообще матерія и дѣятельность ея элементовъ для науки въ изслѣдованіи общей космической жизни,—то ли, какое даетъ Бюхнеръ, или иное? Рѣшеніемъ этого вопроса опредѣлятся тѣ границы, далѣе которыхъ простой механизмъ отношеній матеріальныхъ элементовъ, а съ нимъ и все вообще механическое

міровоззрѣніе, возводимое Бюхнеромъ въ метафизическій принципъ, не могутъ переходить.

Съ особенною ясностію выдаются два пункта, которыми положительнымъ и неизмѣннымъ образомъ ограничивается кругъ дѣятельности матеріальныхъ элементовъ, и въ предѣлахъ которыхъ они могутъ имѣть полное значеніе и приложеніе въ наукѣ и принести ей существенную пользу для ея изслѣдованій. Первый изъ нихъ состоитъ въ томъ, что какъ бы ни была велика и обширна сфера дѣятельности матеріальныхъ элементовъ и цѣлыхъ массъ въ причинной связи космическихъ явленій между собою, тѣмъ не менѣе эта дѣятельность ихъ находитъ свои опредѣленныя границы въ томъ, что она никогда не можетъ простираться далѣе и выше *механическихъ отношеній* самихъ же элементовъ и цѣлыхъ массъ между собою. Матеріальные элементы соединяются и раздѣляются взаимно, гдѣ позволяютъ это обстоятельства и вызываютъ на то различныя механическія и физико-химическія силы, или иная высшая разумная сила, вступаютъ во взаимныя отношенія другъ къ другу и пр. но дѣятельности *синтетической, организующей*, т. е. совокупляющей частное и обособленное въ одно стройное цѣлое, въ неорганическую и тѣмъ болѣе органическую систему,—такой дѣятельности или силы матерія сама въ себѣ не имѣетъ. И если она иногда, какъ напр. въ кристаллѣ, становится продуктомъ, представляетъ нѣчто систематически-цѣлое, то къ ея механическимъ отношеніямъ непремѣнно привходятъ силы организующія, доселѣ, впрочемъ, неразгаданныя натуралистами ([1]). Точно также мы очень хорошо мо-

([1]) Die neueste Vergötterung des Stoffs. A. Weber, S. 9.

жемъ понять стройное движеніе нашей солнечной системы, послѣ того какъ уже каждому міровому тѣлу разъ навсегда назначено опредѣленное положеніе въ средѣ другихъ свѣтилъ и направленіе его движенія; но начало, первичное основаніе этой системы небесныхъ свѣтилъ,—системы, основывающейся на строго опредѣленныхъ, математическихъ взаимныхъ отношеніяхъ и связи отдѣльныхъ ея членовъ, никогда никакой здраво и основательно мыслящій астрономъ не сочтетъ возможнымъ возводить къ одной *механической, случайной дѣятельности* самой матеріи. Однимъ словомъ: принципа органическаго развитія матерія не имѣетъ сама въ себѣ; ея дѣятельность не восходитъ далѣе механизма въ простыхъ и первоначальныхъ его формахъ, но и здѣсь подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ей данъ былъ *толчекъ, движеніе* (1). Матерія есть послушная, но слѣпая раба тамъ, гдѣ ей указанъ путь ея дѣятельности; но чтобы предназначать самой себѣ то или другое направленіе дѣятельности, въ тѣхъ или другихъ формахъ, къ той или другой цѣли, — сдѣлать это для нея абсолютно невозможно. На этомъ пунктѣ механизмъ и организмъ относительно своего происхожденія отличаются рѣшительнымъ образомъ другъ отъ друга.

Второй пунктъ, о которомъ мы упомянули, касается реальности матеріи, т. е. что матерія не есть призракъ или нѣчто, не имѣющее въ себѣ ничего твердаго и постояннаго, но есть *реальность*, постоянно смѣняющая свои формы, но никогда не обманывающая насъ въ своемъ бытіи. Какъ ни простою и ни обыденною можетъ показаться эта истина, тѣмъ не менѣе она соста-

(1) Le materialisme contemporain en Allemagne, Paul Janet, pp. 47—48.

вляетъ дѣйствительное, признанное торжество и славу естественной науки нашего времени. Въ этомъ понятіи она нашла какъ-бы ту точку опоры, о которой говорилъ нѣкогда Архимедъ, но не для того, чтобы на ней повернуть всю вселенную, а для того, чтобы стать въ своихъ изслѣдованіяхъ о ней на твердую почву и тѣмъ придать имъ ту математическую точность и вѣрность, которыми она въ наше время справедливо можетъ похвалиться во многихъ отношеніяхъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и приложеніи ихъ на практикѣ. Съ уясненіемъ этой простой истины, природа, съ ея физической стороны, перестала быть для точнаго натуралиста нашего времени тѣмъ неуловимымъ миѳологическимъ существомъ, какимъ была она нѣкогда для древнихъ, напр. Эмпедокла, или Гераклита, или для средневѣковыхъ алхимиковъ. Для механическаго воззрѣнія на природу матеріальные элементы образуютъ прочный, никогда непогибающій элементъ его вычисленій ([1]). Отношенія, комбинаціи, въ какія вступаютъ между собою матеріальные элементы, по разнымъ причинамъ, могутъ подвергаться постоянному измѣненію, но самые элементы, лежащіе въ основѣ этихъ комбинацій, сами въ себѣ неразрушимы, непреходящи. Ни одинъ атомъ того, что однажды въ кругу нашего наблюденія пользовалось дѣйствительностію бытія, никогда не можетъ пропасть изъ совокупности цѣлаго или перестать существовать. На этомъ простомъ положеніи основываются та увѣренность и точность, съ какими въ наше время физика и химія, равно какъ и астрономія, предпринимаютъ и выполняютъ разныя свои вычисленія и прилагаютъ свои теоріи къ опыту, къ практикѣ.

([1]) A. Weber, S. 10, 11.

Итакъ, повторяемъ, вотъ два пункта, въ предѣлахъ которыхъ замыкается дѣятельность матеріи и ея значеніе для точной естественной науки. Бюхнеръ, переступая эти предѣлы, впадаетъ въ крайности и увлеченія, которыхъ никогда не можетъ позволить себѣ точная естественная наука. Соглашаясь съ Бюхнеромъ относительно *реальности матеріи*, точный и добросовѣстный естествоиспытатель никогда, конечно, не согласится съ нимъ въ той крайности матеріализма, что будто только то и есть дѣйствительно существующее, только то и имѣетъ истинное и дѣйствительное бытіе, что существуетъ именно подъ формами и условіями матеріальными. На взглядъ точнаго естествоиспытателя, то, что мы называемъ матеріею, есть не болѣе, какъ только необходимая форма бытія для опредѣленнаго круга существъ и явленій, составляющихъ видимый нами міръ; она образуетъ только низшую ступень, необходимый фундаментъ, чрезъ которую и на которомъ существа и явленія высшаго порядка получаютъ возможность и способность проявлять свое бытіе и раскрывать свои силы въ этомъ мірѣ явленій. Не потому матерія есть нѣчто существующее, реальное, что она наполняетъ собою пространство и всегда доступна для нашихъ внѣшнихъ чувствъ, какъ это проповѣдуютъ Бюхнеръ и его братія; напротивъ, она потому и наполняетъ пространство и становится доступною для нашихъ внѣшнихъ чувствъ и такимъ образомъ является какъ нѣчто дѣйствительно существующее, что она образуетъ необходимый членъ цѣлаго, что она въ общей связи вещей и явленій міра составляетъ нѣчто.—Другими словами: условій своей реальности и бытія она не имѣетъ въ самой себѣ; онѣ лежатъ въ общихъ основаніяхъ и условіяхъ, на кото-

рыхъ держится и развивается вообще бытіе и жизнь видимаго міра (1).—Матеріи вообще, въ ея сущности и, такъ сказать, въ чистомъ видѣ, въ мірѣ, какъ мы уже видѣли, вовсе не существуетъ, а существуютъ только конкретныя вещи съ опредѣленными качествами. Весь міръ матеріальныхъ вещей есть строго упорядоченная система качественныхъ единицъ, которыя связаны тѣсными взаимными отношеніями, и только при посредствѣ этихъ-то взаимныхъ отношеній возможно для нихъ бытіе и проявленіе ихъ дѣятельности.—И прежде чѣмъ говорить о *матеріальности* видимыхъ вещей, мы должны рѣшить тотъ еще вопросъ: имѣемъ ли мы какія—либо основанія и какія именно-принимать, что онѣ *сами въ себѣ* матеріальны, такъ какъ *причина* всѣхъ явленій въ матеріи и слѣд. проявленія самой матеріи есть *сила* и мы достигаемъ познанія предметовъ внѣшняго міра единственно по ихъ *дѣйствію* на наши чувства, т. е. чрезъ силу. Ничего этого Бюхнеръ не хочетъ знать,—и отъ того-то, утверждая исключительную реальность одной матеріи, онъ опускаетъ всегда при этомъ изъ виду указанную нами форму бытія вещей, забывая, что если гдѣ, то здѣсь-то именно *forma dat rei esse*. Что „нѣтъ силы безъ матеріи и матеріи безъ силы,“—эта пресловутая аксіома Бюхнера имѣетъ полное свое приложеніе въ той области изслѣдованій, какая предлежитъ наукѣ естественной и нашему внѣшнему опыту. Но какой же точный и основательный мыслитель сочтетъ возможнымъ измѣрять все неизмѣримое царство бытія этою матеріалистическою мѣркою,—отвергнуть безусловно возможность сверхчувственнаго духовнаго

(1) Paul Janet, pp. 76, 77; A. Weber, S. 14, 15.

бытія, не имѣющаго нужды принимать на себя видимыя нами, космическія формы бытія? Поразительный примѣръ бытія и отношенія къ намъ сверхчувственнаго, духовнаго мы имѣемъ ежечасно предъ собою: явленія психическія также, конечно, реальны, такъ же фактически существуютъ для насъ, какъ и ближайшія къ нимъ явленія физіологическія, какъ и всѣ вообще явленія видимаго міра; большая часть самыхъ явленій физіологическихъ выступаютъ для насъ въ значеніи чувственнаго факта, дѣлаются предметомъ внутренняго и внѣшняго опыта, эксперимента, именно потому, что онѣ являются въ тѣсной связи съ фактами жизни психической,—съ ними вмѣстѣ входятъ въ область нашего сознанія и представленія; отвергать это не можетъ самый фанатичный матеріалистъ.—И не смотря, между тѣмъ, на такую несомнѣнную реальность этихъ явленій, какое же изъ внѣшнихъ чувствъ, хотя бы и вооруженное самыми сильными инструментами, можетъ заявить намъ о бытіи той или другой мысли, того или другаго чувства лица, бесѣдующаго, наприм. съ нами, коль скоро самъ собесѣдникъ не выразитъ ихъ словомъ или другими знаками? Послѣдовательный матеріалистъ долженъ былъ бы отвергнуть реальность этихъ явленій, потому что они дѣйствительно для его чувствъ не существуютъ, ни въ какой матеріальной формѣ не являются. И сами же матеріалисты, наряду со всѣми точными естествоиспытателями, признаютъ же бытіе матеріи, такъ называемой *невѣсомой*—свѣта, электричества, магнетизма,—хотя она, по своей космической формѣ бытія, совершенно не можетъ быть поставлена на одну линію съ тѣмъ, что мы называемъ собственно матеріею въ окружающей насъ природѣ. Почему же матеріализмъ

не хочетъ допустить, что есть еще высшій, совершеннѣйшій міръ существъ и явленій, не похожій, по своимъ формамъ и законамъ бытія, и на эту невѣсомую матерію, или даже стоящій выше, внѣ всякой зависимости отъ всѣхъ вообще космическихъ формъ бытія, ограниченныхъ временемъ и пространствомъ? Потому ли, что этотъ міръ не подлежитъ наблюденію нашихъ внѣшнихъ чувствъ и эксперимента? Но поставлять исключительно наши внѣшнія чувства критеріемъ реальности всего существующаго въ окружающей насъ вселенной—такая крайность, которая нарушаетъ всѣ требованія и опыта и здравой логики. Чувства наши, какъ очень хорошо знаетъ всякій, доставляютъ намъ свидѣтельство о бытіи и дѣятельности только того, что имѣетъ ту или другую пространственную форму или, по крайней мѣрѣ, совершаетъ пространственный путь въ своемъ движеніи, и мы не имѣемъ никакого органа для воспріятія и наблюденія того, что не связано съ этою формою явленій. Но даже и изъ этой области явленій огромная часть недоступны нашему непосредственному воспріятію и наблюденію,—каковы, наприм., всѣ явленія физіологическія, совершающіяся внутри живаго организма. Если такъ ограниченъ кругъ наблюденія въ видимомъ мірѣ для нашихъ внѣшнихъ чувствъ, то какое же право имѣемъ мы ограничивать и измѣрять объемомъ нашихъ чувствъ все царство бытія?—

Но если, такимъ образомъ, по всѣмъ этимъ изложеннымъ нами соображеніямъ, мы никакъ не можемъ признать истиннымъ и сколько нибудь основательнымъ основной догматъ матеріализма, что только то, что, является въ какой нибудь матеріальной формѣ, есть дѣйствительное, единственно и исключительно реально-

существующее, то, само собою разумѣется, мы никакъ не можемъ признать и опирающагося на немъ заключенія, что все существующее, всякое бытіе и явленіе есть только функція матеріальныхъ элементовъ, одного механическаго взаимодѣйствія ихъ, — признать въ той всеобщности и безусловности, въ какихъ признаетъ это Бюхнеръ и вообще матеріалисты. Что составляетъ законъ для органическаго, подлежащаго нашему внѣшнему опыту и чувствамъ, круга явленій, того еще далеко нельзя возводить въ принципъ для всего міра явленій. — Бюхнеръ, поставляя такой принципъ для всего міровоззрѣнія, опять, очевидно, переступаетъ тѣ границы, которыми ограничена *дѣятельность матеріи* и въ предѣлахъ которыхъ она и можетъ имѣть значеніе для точной естественной науки. Окружающій насъ міръ, какъ онъ предлежитъ наблюденію самой же естественной науки, вовсе не столь бѣденъ и ограниченъ по своему содержанію, чтобы это содержаніе можно было свести исключительно къ принципу одного механическаго движенія матеріи, ея элементовъ. Если мы подвергнемъ дѣйствительное содержаніе космоса сколько-нибудь безпристрастному испытанію и внимательному анализу, то мы увидимъ на первомъ же шагу, что въ немъ соединяются весьма разнородныя космическія системы, — увидимъ, что каждая изъ нихъ состоитъ подъ управленіемъ и развивается въ кругу своихъ спеціальныхъ условій и причинъ, которыми онѣ положительно отличаются одна отъ другой, и по которымъ причины и условія бытія одной не могутъ быть измѣряемы подобными основаніями другой. Такъ отношенія массъ одной къ другой или законъ тяготѣнія, на которомъ основывается наша планетная система,

составляетъ, конечно, существенно отличный родъ причинныхъ отношеній отъ того, какой мы признаемъ, какъ внутреннее взаимное средство различныхъ элементовъ, въ химическомъ процессѣ. Иной родъ причинъ управляетъ, такъ называемыми, тѣлами невѣсомыми, какъ во взаимномъ отношеніи ихъ элементовъ, такъ и въ отношеніи ихъ къ другимъ тѣламъ, и которыя физика, какъ извѣстно, излагаетъ то подъ образомъ *вибрацій*, то подъ образомъ *токовъ*. Существенно, въ свою очередь, отличный отъ чисто механическаго и химическаго принципа причинныхъ отношеній, который составляетъ заправляющую силу въ природѣ неорганической, тотъ рядъ причинъ и условій, который преобладаетъ въ органическомъ твореніи. Этотъ отличительный характеръ органическаго состоитъ не въ томъ только, что химизмъ многихъ матеріальныхъ элементовъ здѣсь принимаетъ совершенно иной видъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, но главнымъ образомъ въ томъ, что эти элементы, въ своемъ соединеніи, располагаются по опредѣленному типу, въ которомъ выражаются характеристическія отличія родовъ и видовъ животнаго и растительнаго царства. Въ частности, въ организмахъ высшихъ мы замѣчаемъ различныя системы съ различнымъ физіологическимъ характеромъ, изъ которыхъ каждая опять предполагаетъ для себя специфическую связь причинъ и отношеній своихъ составныхъ элементовъ между собою и въ отношеніи къ другимъ системамъ: иной рядъ причинъ развивается наприм. въ нервахъ, чѣмъ въ мускулахъ, или въ железахъ, и вообще въ растительныхъ образованіяхъ. Наконецъ, на высшей ступени бытія, въ жизни духа человѣческаго, — въ ассоціаціи его представленій, въ

сознаніи и самоопредѣленіи его къ дѣйствію по чисто нравственнымъ мотивамъ и принципамъ, природа показываетъ намъ совершенно особенный, исключительный видъ причинныхъ отношеній, которому аналогіи мы не находимъ нигдѣ въ окружающемъ насъ мірѣ. Если только можно назвать жизнь психическую механизмомъ, то уже механизмомъ совершенно своеобразнымъ, части котораго вовсе не похожи на части физическаго механизма; для душевныхъ движеній, если можно такъ назвать психическія явленія, не имѣютъ никакого значенія ни законъ уменьшенія силы сообразно квадратамъ разстоянія, ни законы химическаго сродства, ни законы вибрацій и проч.; все въ этихъ явленіяхъ, сообразно самой природѣ ихъ, основывается на качественныхъ отношеніяхъ и развивается по чисто качественнымъ, нравственнымъ причинамъ — такимъ, которые доступны и понятны только разумному духу. — Такъ обширна и разнообразна, по своему характеру, и по своимъ основаніямъ и условіямъ, жизнь окружающаго насъ міра!

Послѣ всего этого, съ точки зрѣнія подобнаго внимательнаго и безпристрастнаго анализа всего богатаго содержанія міровой жизни, не должно ли показаться чудовищною односторонностію стремленіе Бюхнера — возвести все это содержаніе къ принципу одного механическаго отношенія матеріальныхъ элементовъ, — механизмъ матеріи поставить послѣднимъ метафизическимъ началомъ для изъясненія всѣхъ проблеммъ, какія представляетъ намъ жизнь міра вообще и психическая жизнь человѣка въ частности? Бюхнеръ, очевидно, раздѣляетъ въ этомъ случаѣ общее увлеченіе матеріализма — привести все обширное и разнообразное содержаніе міро-

выхъ явленій, съ ихъ законами и условіями, къ строгому *единству*, — уничтожить такимъ образомъ дуалистическую противоположность между Богомъ и міромъ, духомъ и матеріею, и уничтожить,—это самый больной пунктъ матеріализма, въ которомъ концентрируются всѣ его стремленія къ *единству*,—раздѣленіе между душею и тѣломъ. Но онъ раздѣляетъ при этомъ также и общее заблужденіе своихъ собратовъ по убѣжденіямъ, будто это единство міровой жизни состоитъ именно въ матеріальныхъ элементахъ и ихъ механическомъ взаимодѣйствіи. Впрочемъ нигдѣ больше, какъ здѣсь, и не можетъ искать этого единства въ мірѣ, необходимости котораго онъ не можетъ не сознавать, потому что истинное-то единство — *разумный планъ* міровой жизни онъ отвергаетъ. Между тѣмъ, только полнѣйшее незнаніе міра и міровыхъ явленій, скажемъ словами Лётце, можетъ поставлять желаемое единство міра въ его матеріальныхъ элементахъ и взаимодѣйствіи ихъ, гдѣ, напротивъ, вся жизнь происходитъ именно только изъ разнообразныхъ и противоположныхъ дѣятельностей; это значитъ — подъ предлогомъ единства вводить печальную монотонію бытія (¹). Согласиться на такое единство точная наука естественная не можетъ ни въ какомъ случаѣ; это значило бы для нея совершенно отказаться отъ самаго достоинства науки, особенно естественной, успѣшная тактика которой основывается именно на этомъ началѣ: divide et impera. Повторяемъ: механическая точка зрѣнія на природу, въ должныхъ предѣлахъ, не лишена, безъ сомнѣнія, истины во многихъ отношеніяхъ, — и ей-то есте-

---

(¹) Medicinische Psychologie, Dr. R. H. Lötze, S. 23.

ственныя науки во многомъ обязаны прекраснѣйшими результатами своихъ изслѣдованій. Наука особенно не можетъ не раздѣлять ея руководительной идеи — привести всѣ явленія природы, какъ бы ни было велико ихъ различіе между собою, къ относительному порядку, къ количественной и качественной опредѣленности, въ какой эти явленія стоятъ въ отношеніи другъ къ другу, такъ какъ ни одна вещь въ мірѣ не существуетъ собственно сама по себѣ и для себя, но находитъ восполненіе своей сущности и своей жизни въ другой или вообще въ цѣломъ. Но возможно ли, если бы мы исключительно ограничились механическою точкою зрѣнія на весь міръ явленій, получить всю истину, какой мы ищемъ, разрѣшить съ помощію ея всѣ предлежащія намъ въ природѣ проблеммы органической и особенно психической жизни — на этотъ вопросъ точная наука естественная даетъ безусловный отрицательный отвѣтъ (1).

Въ нашемъ доселѣшнемъ разборѣ основнаго принципа матеріалистической системы Бюхнера остается еще весьма замѣтный для каждаго и весьма важный пробѣлъ, пройти который безъ вниманія—значило бы оставить начатое дѣло на половинѣ или, по крайней мѣрѣ, лишить себя одной изъ существеннѣйшихъ точекъ опоры въ дальнѣйшемъ разборѣ самой системы Бюхнера: разумѣемъ вопросъ о *силѣ* и *ея отношеніи къ матеріи*. Само собою понятно, что говоря доселѣ о матеріи, какъ метафизическомъ принципѣ матеріализма Бюхнера, мы уже разумѣли implicite и силу, потому что нѣтъ и не можетъ быть матеріи безъ силы. Выставляя теперь во-

(1) Die neuere Vergötterung des Stoffs, A. Weber, SS. 17—22, 78—79.

просъ о силѣ и ея отношеніи къ матеріи на видъ, мы хотимъ этимъ выставить для разбора собственное и особенное ученіе Бюхнера объ этомъ предметѣ,—ученіе, въ которомъ онъ полагаетъ, какъ извѣстно, краеугольный камень, какъ въ основаніе всего вообще своего матеріалистическаго міровоззрѣнія, такъ въ особенности для своихъ матеріалистическихъ выводовъ по отношенію къ вопросу о душѣ человѣка. Сила, по ученію Бюхнера, есть *свойство* матеріи или ея атомовъ, — свойство отъ вѣчности ей присущее и никогда и ни въ какомъ случаѣ неотдѣлимое отъ нея (1). Почему же это? Потому,—отвѣчаетъ Бюхнеръ,—что нѣтъ силы безъ матеріи, какъ нѣтъ матеріи безъ силы; онѣ восполняютъ себя взаимно и предполагаютъ одна другую; отдѣленныя одна отъ другой, онѣ теряютъ свою реальность и становятся пустымъ, отвлеченнымъ понятіемъ; матерія не есть колесница, къ которой можно припрягать и отъ которой можно отпрягать коня—силу (2)“. Вотъ всѣ существенныя доказательства и основанія пресловутой аксіомы Бюхнера, рѣшающей все для него и въ небѣ и на землѣ! Каково же достоинство этой аксіомы, и какова прочность ея основаній?

Называя силу свойствомъ матеріи и доказывая это всегдашнею нераздѣльностію ея съ матеріею, по которой одна безъ другой даже не мыслима, Бюхнеръ, какъ легко замѣтитъ каждый, становится въ этомъ случаѣ въ неисходный, заколдованный кругъ, дѣлаетъ тождесловіе, всегда близкое къ пустословію. Спросите Бюхнера, почему онъ называетъ силу свойствомъ матеріи? Потому что она,—отвѣчаетъ онъ самъ, — нераздѣльна

---

(1) Force et Matière, pp. 1—4; Natur und Geist, SS. 45, 48 и др.
(2) Force et Matière, pp. 1—4; Natur und Geist, SS. 45—75.

съ нею, отъ вѣчности присуща ей. Но почему же сила не отдѣлима отъ матеріи и не мыслима безъ нея? Потому что она есть свойство ея—таковъ долженъ быть отвѣтъ. Тутъ у Бюхнера, въ постановкѣ его положенія и развитіи доказательствъ этого положенія, оказывается, очевидно, тотъ существенный недостатокъ, который называется на языкѣ логики petitio principii. Бюхнеръ утверждаетъ капитальный догматъ своей матеріалистической системы, не потрудившись пріискать для него никакихъ метафизическихъ, ни даже дѣльныхъ физическихъ основаній и опредѣлить съ точностію какъ смысла этихъ отнований, такъ и объоснованнаго на нихъ догмата. Бюхнеръ не дѣлаетъ этого,—и это весьма понятно. Ни метафизика, ни основанная на ней физика отнюдь не стоятъ на сторонѣ Бюхнера въ этомъ случаѣ.

Метафизика говоритъ намъ, что въ области матеріалистическаго міровоззрѣнія, утверждающагося исключительно на одномъ внѣшнемъ, чувственномъ воспріятіи, никогда не можетъ быть даже и рѣчи о силѣ, и тѣмъ болѣе о силѣ, какъ свойствѣ матеріи. Матеріализмъ, хвастающій пониманіемъ матеріи, не можетъ, какъ мы видѣли, доказать намъ и самаго существованія матеріи. Матеріи, какъ вещи въ себѣ, для него не существуетъ, а существуютъ только явленія ея, — и притомъ явленія, которыя развиваются на почвѣ нашей чувствительности, но подлинная натура которыхъ намъ неизвѣстна. Какимъ же образомъ Бюхнеръ, защитникъ матеріализма, можетъ послѣ сего трактовать о силѣ, какъ свойствѣ матеріи,—о свойствѣ чего-то неизвѣстнаго для него? Называя силу свойствомъ матеріи, Бюхнеръ дѣлаетъ, очевидно, въ этомъ случаѣ такъ на-

зываемое contradctio in adjecto т. е. придаетъ силы и дѣятельность тому, что составляетъ для него совершенно неизвѣстное X, совершенно недоступное ни для его воспріятія, ни для его опредѣленія,—о чемъ, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи. Строго вѣрный своимъ началамъ, матеріализмъ не можетъ даже имѣть никакихъ разсужденій о самыхъ свойствахъ чего бы-то ни было, но только о формахъ явленія, потому что свойства не являются, не подлежатъ нашему чувственному воспріятію; ему подлежатъ только замѣчаемыя нами тѣ или другія внѣшнія перемѣны въ тѣлахъ, происходящія въ нихъ подъ вліяніемъ силъ. Такъ понимаетъ это, повидимому, и самъ Бюхнеръ: „о существованіи силы ничто другое, — говоритъ онъ,—не можетъ дать намъ знать, кромѣ измѣненій, какія мы чувственно воспринимаемъ въ матеріи, и которыя мы, обобщая по замѣчаемому въ нихъ сходству подъ однимъ опредѣленнымъ именемъ, называемъ словомъ „сила“ ([1]). Основаніе для заключенія о бытіи силъ Бюхнеръ полагаетъ вѣрное, но въ самомъ опредѣленіи силы онъ впадаетъ уже въ заблужденіе, изъ котораго становится отчасти понятнымъ и то, почему называетъ онъ силу свойствомъ матеріи. Кто же логически разсуждающій, назоветъ силами измѣненія, являющіяся въ тѣлахъ? Безъ всякаго сомнѣнія, силами могутъ быть названы только *причины* этихъ измѣненій. Что же такое сила? Сила, какъ и матерія, существуетъ, какъ вещь въ себѣ, только для познающаго и мыслящаго субъекта; она есть только объективно — мыслимый нами законъ причинности, поколику мы къ перемѣнамъ, нами ощущаемымъ или

([1]) Force et Matière, p. 4.

замѣчаемымъ, ищемъ причины ихъ производящей,—и эту причину возводимъ на степень силы ([1]). Мы необходимо представляемъ себѣ силу въ матеріи, потому что видимъ постоянно вещи дѣйствующими и измѣняющимися,—дѣйствующими нерѣдко въ противоположномъ направленіи нашимъ силамъ, какъ ихъ ограниченіе, и полагаемъ причины этой дѣятельности и перемѣнъ ихъ внѣ себя, въ самой вещи. Отсюда становится понятнымъ и то, какъ надобно отвѣчать на вопросъ объ отношеніи матеріи и силы: можно ли, дѣйствительно, назвать силы самостоятельными свойствами матеріи, какъ называетъ Бюхнеръ? Самостоятельность свойствъ матеріи предполагаетъ напередъ самостоятельность самой матеріи; такъ это, какъ извѣстно, и дѣлаетъ Бюхнеръ, разсматривая вещество, какъ самобытный субстратъ силъ. Но матеріи, какъ вещи въ себѣ, въ мірѣ мы вовсе не видимъ и не знаемъ: она есть нѣчто совершенно неизвѣстное въ своей сущности, существующее, какъ вещь въ себѣ, только для нашего мыслящаго и пространственно—созерцающаго ума; посему и силы, приписываемыя нами матеріи, выражаютъ только отношенія этой недовѣдомой для насъ сущности къ нашему уму, судящему о вещахъ по закону причинности и существуютъ только для нашего ума, какъ свѣтъ существуетъ только для глаза, звукъ для уха, запахъ для обонянія и проч. ([2]). Существуютъ ли эти силы самобытно, въ самой матеріи, какъ ея неотъемлемыя свойства, и въ такомъ ли именно видѣ и количествѣ, въ

([1]) Kritik des Materialismus, R. Schellubien, SS. 22—26; „Несостоятельность матеріализма“ („Труды кіевской духовной академіи“, іюнь, 1864 г.), стр. 203.

([2]) „Несостоятельность матеріализма“, стр. 203—204.

какомъ мы принимаемъ ихъ,—этого не докажетъ намъ ни одинъ физикъ, какъ и метафизикъ. Извѣстно, что настойчивое, глубже проникающее изученіе природы все болѣе и болѣе упрощаетъ понятіе о такъ называемыхъ силахъ природы, доказывая, что эти будто-бы самостоятельныя силы или вещественныя свойства суть только видоизмѣненія единой, высшей основной причины или силы. Такъ, напр., различныя невѣсомыя: свѣтъ, теплота, электричество, магнетизмъ, галванизмъ и проч. оказываются, математически достовѣрно, видоизмѣненіями одного и того же закона эфирныхъ колебаній. Съ другой стороны, и этотъ законъ, вмѣстѣ съ тяготѣніемъ, сцѣпленіемъ, химизмомъ и всѣми законами физики, подчиняется одной высшей причинѣ бытія (¹). Мы выставляемъ на видъ этотъ фактъ, чтобы показать, до какой степени *условно* бытіе такъ называемыхъ нами силъ матеріи,—условно именно потому, что онѣ суть только *предикаты*, придаваемыя нами матеріи, поколику мы наблюдаемъ разныя явленія и ищемъ причины для нихъ, и которыя, естественно, могутъ быть нами измѣняемы, или замѣняемы однѣ другими, смотря потому какъ мы относимся къ этимъ явленіямъ,—на сколько ясно и основательно понимаемъ ихъ въ разное время. Отсюда мы должны сдѣлать тотъ существенно-важный для насъ въ разборѣ матеріализма Бюхнера выводъ, что не изъ матеріи и силы, какъ ея свойства, нужно выводить и объяснять *бытіе духа и его силъ*, а на оборотъ, потому что матерія и сила только во взаимодѣйствіи съ духомъ являются намъ таковыми по своему бытію и отношеніямъ, какими мы знаемъ ихъ въ нашихъ опытахъ.

(¹) Du materialisme au point de vue naturelle et... A. Böhner, pp. 355—370, 378, 379, 381 и друг.

Такъ рѣшаетъ вопросъ о силѣ и ея отношеніи къ матеріи философія, поколику она разсматриваетъ ихъ какъ предметъ нашего познанія и изслѣдуетъ метафизическія основанія бытія той и другой. Но сила, какъ и матерія, не есть одно представленіе ума, не имѣющее ничего соотвѣтствующаго себѣ въ дѣйствительности. Силы существуютъ и дѣйствуютъ въ окружающей насъ природѣ. И для физики, конечно, какъ и для метафизики, матерія и сила, въ своей сущности, непостижимы; тѣмъ не менѣе и первая, какъ и послѣдняя, должна установить для себя опредѣленныя понятія о нихъ, особенно физика, если она хочетъ, чтобы выводы ея и разныя теоріи имѣли подъ собою твердую почву. Что же такое сила для точнаго и наблюдающаго физика? Какъ онъ долженъ рѣшить, на основаніи своихъ точныхъ опытовъ, вопросъ объ отношеніи матеріи и силы? Внѣшняя природа представляетъ всюду точному наблюдателю нераздѣльность матеріи и силы: гдѣ есть матерія, въ той или другой формѣ, тамъ есть непремѣнно и силы; и даже тамъ, гдѣ простой, непросвѣщенный взглядъ не видитъ ничего, кромѣ одного грубаго и мертваго вещества, новѣйшая наука открываетъ существованіе живыхъ дѣятельныхъ силъ: разумѣемъ міръ инфузорій. Аксіома Бюхнера: „нѣтъ силы безъ матеріи, нѣтъ матеріи безъ силы", какъ фактъ наблюденія, имѣетъ свое неоспоримое значеніе аксіомы. Говоримъ, какъ *фактъ*: но какой же смыслъ имѣетъ этотъ фактъ для точнаго натуралиста—тотъ ли, что сила есть, какъ говоритъ Бюхнеръ, свойство матеріи? Выводя такое заключеніе изъ существующаго факта, Бюхнеръ, очевидно, говоритъ въ заключеніи то, чего нѣтъ въ самомъ основаніи, или, по крайней мѣрѣ, говоритъ болѣе, чѣмъ сколько позволяетъ ос-

нованіе. Замѣчая тѣсную неразрывную связь между матеріей и силой, точная наука выводитъ отсюда, какъ и слѣдуетъ, только то, что онѣ соединены между собою такъ, что одна безъ другой быть не можетъ, что матерія не есть колесница, къ которой можно припрягать и отъ которой можно отпрягать коня — силу (слова Дюбуа-Реймонда.) И во всякомъ случаѣ признаніемъ взаимной нераздѣльности матеріи и силы нисколько не рѣшается вопросъ о томъ, сила или матерія служитъ основою, носителемъ и „существуетъ для себя.“ Если же Бюхнеръ позволяетъ себѣ, на этомъ основаніи, назвать силу свойствомъ матеріи, то съ такимъ же или даже еще и большимъ правомъ, какъ справедливо замѣчаетъ у Бюхнера Вильгельмъ, въ бесѣдѣ съ Августомъ объ этомъ предметѣ, можно сказать на томъ же основаніи, что матерія есть только форма или свойство силы (¹). Такое именно заключеніе и выводятъ, дѣйствительно, изъ этого основанія динамисты, доказывая, что сама матерія въ своей сущности, есть не что иное, какъ только проявленіе силъ, безъ которыхъ вещество не могло бы и быть тѣмъ, чѣмъ есть, что мы и воспринимаемъ въ своихъ внѣшнихъ впечатлѣніяхъ не матерію, а силы, дѣйствующія въ матеріи (²). И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ будетъ, напримѣръ, капля воды, если уничтожить въ ней силу сцѣпленія, которая соединяетъ въ одно цѣлое безчисленное множество ея составныхъ частицъ? Чѣмъ

(¹) Natur und Geist, SS. 46, 75.

(²) „Христіанское Чтеніе“ 1861 г., мартъ. „Взглядъ на ученіе современной геологіи о происхожденіи міра и будущей его судьбѣ при свѣтѣ Божественнаго откровенія“, Н. Г., стр. 193, 194; Ueber die Wahrnehmung und das aus ihr sich ergebende Verhältniss von Kraft und Stoff, Dr. M. Droschach, SS. 51, 61, 62 (Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, I. H. Fichte, 1864, Bd. 1).

будетъ она, если уничтожить химическое сродство, безъ котораго она разложится на два газообразныя вещества, а эти послѣднія, можетъ быть, разложатся еще на какія нибудь другія составныя начала, хотя теперь они и причисляются пока къ простымъ тѣламъ? Съ химическимъ же сродствомъ имѣетъ тѣсную связь электричество, съ электричествомъ—магнетизмъ. Чѣмъ будетъ она, если уничтожить силу теплотворную, которая то приводитъ ее въ твердое состояніе, то даетъ ей видъ жидкости, то обращаетъ ее въ пары? А съ теплотворомъ въ самомъ близкомъ родствѣ свѣтъ. Такимъ образомъ въ одной каплѣ воды заключаются всѣ извѣстныя намъ силы природы.—Возмемъ какое угодно другое вещество,—и въ немъ подобнымъ образомъ мы откроемъ всѣ силы природы, хотя нѣкоторыя иногда, по обстоятельствамъ, и не обнаруживаются, какъ напримѣръ, сила сцѣпленія въ газообразныхъ тѣлахъ, изъ которыхъ многія, однакожъ обнаруживаютъ ее со всею очевидностію, бывъ обращены въ жидкости, или въ твердыя тѣла. На основаніи такихъ фактовъ чѣмъ будетъ поспѣшно или неосновательно заключеніе—сказать не только то, что безъ силъ не можетъ быть и вещества, какъ это и говоритъ Бюхнеръ, но и то, что вещество есть только *форма*, *свойство* бытія и дѣятельности самыхъ силъ? Такой положительный выводъ относительно силы мы считаемъ себя вправѣ сдѣлать тѣмъ болѣе, что тогда какъ матерія, если уничтожить въ ней силы, тотчасъ, по собственному сознанію Бюхнера (1), превращается въ ничто, совершенно теряя бытіе свое, сила, напротивъ всегда можетъ быть представлена нами, какъ *нѣчто*

---

(1) Force et Matière, p. 4.

существующее и безъ матеріи, только не можетъ быть представлена въ *дѣятельности* безъ опредѣленнаго субстрата, на основаніи котораго, какъ точкѣ своей опоры, и въ предѣлахъ котораго она могла бы развивать свою дѣятельность. Таковъ истинный смыслъ аксіомы Бюхнера: „нѣтъ силы безъ матеріи;“ и только такимъ образомъ понимаемая, эта аксіома имѣетъ смыслъ. Въ такомъ именно смыслѣ пытается рѣшить и современная наука неразрѣшимый для нея вопросъ объ отношеніи матеріи и силы. Вопросъ этотъ для нея неразрѣшимъ съ точностію, потому что она въ совершенномъ невѣдѣніи остается доселѣ относительно существеннаго пункта этого вопроса: что такое матерія? Всѣ дѣлаемыя ею опредѣленія матеріи или сливаются съ понятіемъ силы, или уже напередъ необходимо предполагаютъ бытіе силы для бытія матеріи, какъ вещи въ себѣ (1). И это совершенно понятно, если не для физика, то для психолога. Матерія была бы совершенное *ничто*, для насъ по крайней мѣрѣ совершенно не существовала бы, если бы она не обнаруживала для насъ своего бытія какъ-нибудь или чѣмъ-нибудь, посредственно или непосредственно. Но это обнаруженіе ея для насъ возможно для нея только чрезъ воздѣйствіе на насъ, слѣдовательно чрезъ силу: матерія для насъ есть только *сила* или выраженіе силы (2). Въ такомъ именно видѣ рѣшается вопросъ объ отношеніи матеріи и силы и лучшими представителями современной науки,—а именно: матерія, какъ vis inertiae, служитъ выраженіемъ или проявленіемъ силы, которая находитъ въ ней только опредѣленное ограниченіе своей дѣятельности и опредѣленную форму явле-

(1) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, SS. 16, 350—357.
(2) Drossbach a. a. o. SS. 51, 62.

нія (1). Отсюда положеніе Бюхнера: нѣтъ силы безъ матеріи—значитъ, что сила не есть что-то *общее, безразличное, разлитое во всемъ* мірѣ, но что она ограничена въ своемъ бытіи и дѣятельности извѣстнымъ пространствомъ и видимою, осязательною формою. При такомъ пониманіи отношенія матеріи и силы сами собою рушатся и всѣ тѣ выводы, какія дѣлаетъ Бюхнеръ, разсматривая матерію, какъ самобытный субстратъ силъ, раскрывающій ихъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ и при разнообразіи сочетанія своихъ элементовъ. Бюхнеръ выводитъ отсюда, что нѣтъ и не можетъ быть Бога, какъ безконечнаго Духа или Творческой Силы, что нѣтъ также и души человѣческой, какъ самостоятельной субстанціи,—нѣтъ ихъ, потому что нѣтъ силы безъ матеріи, потому что сила есть свойство матеріи. Но матерія, какъ мы видѣли, не есть вообще источникъ силъ, хотя бы то и неорганическихъ, а есть только *форма, проявленіе* ихъ. Утверждаясь на одномъ этомъ основаніи, какой же мыслитель, логически разсуждающій, можетъ придти къ заключенію, что вообще никакая сила, хотя бы-то духовная, существующая какъ лицо, субстанція, не можетъ существовать безъ матеріи? Что составляетъ форму бытія и дѣятельности для одного рода существъ и явленій, то для другаго можетъ быть совершенно и излишнимъ. Форма, по собственной же философіи Бюхнера, не составляетъ сущности вещи: не форма даетъ бытіе и опредѣляетъ сущность вещи, а на оборотъ—существо вещи опредѣляетъ форму ея бытія.

Этимъ мы заключаемъ разборъ основнаго принципа

(1) Ulrici, a. a. o. S. 28—30 и дал.

матеріалистической системы Бюхнера — его ученія и матеріи и силѣ какъ послѣднемъ основаніи всякаго бытія. Мы видѣли, что ни здраво-философствующій разумъ ни точная наука никогда не могутъ принять такого принципа для своего міровоззрѣнія и для своихъ изслѣдованій: это значило бы для нихъ—закрыть для себя навсегда и всѣ пути къ изысканію истины, какъ закрылъ для себя и Бюхнеръ. Доказательства этого у Бюхнера мы сейчасъ увидимъ лицемъ къ лицу.

(Продолженіе будетъ)

ВОПРОСЪ

О СОЕДИНЕНІИ ЦЕРКВЕЙ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ (ВЪ ПЕРВЫЙ ЕГО ПЕРІОДЪ) НА ГРЕЧЕСКОМЪ ВОСТОКѢ И ЛАТИНСКОМЪ ЗАПАДѢ (1053—1453).

(Окончаніе)

Доселѣ, какъ мы видѣли, на движенія, начинавшіяся на западѣ, константинопольскій дворъ сначала вовсе не отвѣчалъ, а потомъ, хотя и отвѣчалъ, но только по необходимости, изъ вѣжливости. Со вступленіемъ на престолъ новаго императора Андроника III младшаго (1328—1341), болѣе, чѣмъ его предшественникъ, дѣятельнаго, желавшаго заняться устройствомъ имперіи, несвязаннаго, подобно своему предшественнику—дѣду, отношеніями къ ліонской уніи, притомъ сильнѣе, чѣмъ Андроникъ II, тревожимаго турками, — при византійскомъ дворѣ пробуждается уже на самомъ дѣлѣ мысль снова войти въ сношенія съ западомъ, просить помощи бѣдствующей имперіи; хотя эта мысль высказывается еще довольно осторожно. Въ тоже самое время и западъ, устрашаемый возраставшими успѣхами турокъ (¹),

(¹) Турки, при возникшей около этого времени новой династіи Оттомановъ, безпрестанно усиливались; въ описываемое время они отняли у грековъ Никею и перевели въ этотъ городъ свою столицу.

болѣе чѣмъ прежде расположенъ былъ соглашаться съ мнѣніемъ Сануто, что нужно поддержать константинопольскую имперію. По крайней мѣрѣ венеціане, видя, что завоеванія турокъ простираются и на ихъ владѣнія, начали хлопотать на западѣ о поддержаніи Восточной имперіи и о союзѣ съ нею противъ турокъ; они, какъ увидимъ ниже, являлись и посредниками въ сношеніяхъ византійскаго императора съ латинскимъ западомъ. Итакъ, и востокъ и западъ, вслѣдствіе всѣхъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ, обнаружили нѣкоторое стремленіе къ взаимному сближенію. Сношенія въ это время имѣютъ слѣдующій видъ. Изъ Константинополя идутъ на западъ латиняне съ устными извѣстіями касательно того, что византійская имперія бѣдствуетъ и восточный императоръ не прочь отъ уніи съ латинянами, но безъ императорскихъ писемъ. Западъ пользуется доходящими до него извѣстіями съ востока; папа пишетъ письма къ императору, пишетъ и къ королю неаполитанскому, и такимъ образомъ завязывается довольно обширная переписка.—Около 1333 г. были въ Константинополѣ мимоходомъ два папскіе миссіонера изъ доминиканцевъ: Францискъ Камерино и Ричардъ. По прибытіи изъ Константинополя въ Авиньонъ, они представили папѣ и кардиналамъ, что императоръ Андроникъ желаетъ подчиниться римской церкви, что онъ высказалъ имъ это желаніе и что неминуемая опасность угрожаетъ восточной имперіи со стороны турокъ, если соединеніе церквей не состоится и не будетъ оказана помощь Константинополю. Сдѣлавъ этихъ миссіонеровъ епископами и отправляя ихъ опять на востокъ (одного въ Босфоръ киммерійскій, а другаго въ Херсонесъ таврическій), папа снабдилъ ихъ письмами къ императору

Андронику и къ патріарху, спрашивая послѣднихъ, въ этихъ письмахъ, желаютъ ли они бросить свои заблужденія, въ которыя вовлекъ ихъ, по его словамъ, діаволъ, и обѣщая имъ сильную помощь, если они согласны (1). Когда эти два епископа прибыли, въ 1334 г., въ Константинополь (2), тогда открылось вполнѣ, въ какомъ положеніи находился тогда на востокѣ вопросъ о соединеніи церквей; тогда прямо обнаружилось нежеланіе іерархіи православной поднимать старое, всѣмъ надоѣвшее и опасное дѣло. Правда, сначала многіе изъ народа, по словамъ Григоры, изъ ревности къ православію, требовали было, чтобы самъ патріархъ вступилъ въ состязаніе съ латинянами; но ученый Григора въ частномъ совѣщаніи успѣлъ убѣдить всѣхъ епископовъ, которые безъ сомнѣнія и сами расположены были думать подобно ему (3),—успѣлъ убѣдить въ томъ, что не слѣдуетъ вступать въ состязаніе и споры съ прибывшими изъ Италіи. Много доводовъ въ пользу своей мысли приводилъ Григора. „Дѣло рѣшенное, говорилъ онъ, между прочимъ, ни мы никогда не согласимся съ ихъ мнѣніями, ни они съ нашими, хотя бы утверждали это всѣ камни и всѣ деревья“. Доказывая,

---

(1) Rayn. ad an. 1333 n. 17, 36.

(2) Ibid. ad an. 1334 n. 2. 3.

(3) Хотя Григора и разсказываетъ, будто онъ одинъ убѣдилъ всѣхъ оставить въ покоѣ латинянъ,—изъ этого, однакожъ, нельзя выводить того, что епископы рады были вступить въ пренія съ латинскими миссіонерами. Крайне самолюбивый историкъ воспользовался, вѣроятно, случаемъ выставить при этомъ свою личность. Будучи въ данномъ случаѣ органомъ общаго мнѣнія, онъ принялъ, вѣроятно, общее одобреніе на свои слова за знакъ особенной убѣдительности своего краснорѣчія. Что іерархія была не расположена поднимать вопросъ, это видно изъ всѣхъ предъидущихъ и послѣдующихъ событій, равно какъ изъ самой легкости, съ какою всѣ епископы согласились съ мнѣніемъ Григоры.

что нельзя въ догматическихъ разсужденіяхъ прибѣгать къ силлогизмамъ и научнымъ доказательствамъ, такъ какъ ученіе о Божественныхъ предметахъ не подходитъ подъ наши теоріи, недоступно для нашего разумѣнія, Григора прибавляетъ: „можетъ быть и Св. Отцы отвѣчали бы полнымъ молчаніемъ на нелѣпые споры извѣстныхъ лицъ, еслибы только не были поставлены въ крайнюю необходимость опровергать ихъ, видя, что народъ легко можетъ увлечься то тою, то другою появляющеюся ересію, будучи еще недостаточно твердъ въ вѣрѣ. Но теперь, когда *народъ такъ твердъ и крѣпокъ въ вѣрѣ, что скорѣе желѣзо измѣнится въ своихъ свойствахъ, чѣмъ онъ допуститъ незначительное отступленіе отъ отеческихъ догматовъ,* какая нужда въ преніяхъ, не имѣющихъ принести никакой пользы?... Еще пусть бы уже латиняне впервые насъ безпокоили своими предложеніями; тогда, можетъ быть, мы и сами охотно вступили бы въ состязаніе съ Божіею помощію. Но, такъ какъ все это уже изслѣдовано, какъ должно, опредѣлено и давностію времени вполнѣ утверждено и такъ какъ они, приходя къ намъ много разъ, столькоже разъ были и отвергаемы; то по какому праву мы будемъ теперь поднимать то, что прекрасно изложено издревле и трудиться попусту надъ повтореніемъ одного и того же“ (1). Съ доводами Григоры, по его словамъ, должны были согласиться

---

(1) Григора, стр. 501—513. Григора упрекаетъ латинянъ при этомъ въ страсти къ силлогизмамъ, называетъ ихъ сомнѣвающимися, пытливыми, раздробляющими мысль на мелкія части подобно тому, какъ поступаютъ непріятели съ награбленной добычей. Впрочемъ, говоритъ, что и православные не изъяты отъ упрековъ въ страсти къ богословскимъ преніямъ. „Теперь—по словамъ его—тайны богословскія открыты для самыхъ ремесленниковъ, и всѣ ждутъ силлогистическихъ преній, какъ скотъ молодой травы и луговъ“.

„всѣ епископы, образованные и необразованные", и съ папскими нунціями положено было не имѣть никакого дѣла.—Чрезъ два года послѣ путешествія въ Константинополь этихъ двухъ латинскихъ епископовъ, именно въ 1336 г., снова является къ папѣ Венедикту XII одинъ изъ латинянъ, бывшихъ въ Константинополѣ, знатный венеціанецъ Стефанъ Дандоло и опять сообщаетъ папѣ о желаніи восточнаго императора и будто бы всѣхъ грековъ соединиться съ римскою церковію; онъ передаетъ Венедикту свой разговоръ съ Андроникомъ и знатнѣйшими изъ придворныхъ; изъ разсказа Дандоло папа узнаетъ, что греки желаютъ придти въ общеніе съ римскою церковію, готовы, если въ чемъ заблуждаютъ и будутъ уличены, оставить свои заблужденія, охотно войдутъ съ Авиньономъ въ переговоры относительно этого дѣла, именно пошлютъ своихъ апокрисіаріевъ въ Неаполь, если туда же отправитъ своихъ нунціевъ папа. И вотъ снова, въ слѣдующемъ 1337 г., пишетъ Венедиктъ XII Андронику, выставляетъ ему на видъ духовныя и матеріальныя выгоды возсоединенія православныхъ съ римскою церковію и проситъ присылать скорѣе уполномоченныхъ хлопотать по этому дѣлу; пишетъ и къ императрицѣ, супругѣ Андроника Аннѣ Савойской, убѣждая ее, какъ урожденную латинянку, дѣятельно трудиться въ пользу подчиненія греческой церкви римской; наконецъ пишетъ къ Роберту, королю неаполитанскому, заинтересованному въ судьбахъ Константинополя, прося его содѣйствовать дѣлу примиренія церквей (1). Папскія посланія имѣли силу какъ при дво-

(1) Raynald ad an. 1337 n. 31—34. Въ письмѣ къ Андронику, не называя послѣдняго императоромъ, а только повелителемъ грековъ (graecorum moderator), въ угоду королю неаполитанскому и его брату князю

рѣ византійскомъ, такъ и неаполитанскомъ. Въ 1339 г. отъ Андроника III пришелъ въ Авиньонъ, извѣстный въ послѣдствіи по спорамъ съ Паламою, архимандритъ Варлаамъ вмѣстѣ съ виновникомъ этихъ переговоровъ венеціанцемъ Дандоло. Пришли они не прямо изъ Константинополя; но сначала, какъ положено было прежде, были въ Неаполѣ и Парижѣ и запаслись рекомендательными отъ обоихъ королей письмами къ папѣ [1]. Но замѣчательно, послы, кромѣ этихъ рекомендательныхъ писемъ, не принесли съ собою ничего ни отъ императора, ни отъ патріарха; они не представили папѣ никакихъ документовъ, которые бы уполномочивали ихъ вести переговоры [2]. Уже одно это обстоятельство должно было показать латинянамъ, съ какою осторожностію намѣренъ дѣйствовать при этомъ византійскій дворъ. Но истинное положеніе дѣлъ вполнѣ открылось при самыхъ переговорахъ. Въ данныхъ по требованію папы запискахъ и на словахъ Варлаамъ противъ воли раскрылъ всю невозможность возсоединенія церквей. Онъ не скрываетъ, что дѣло, теперь затѣянное, есть дѣло одного императора, что императоръ не смѣетъ объявить о томъ ни высшимъ классамъ, ни народу, что всѣ питаютъ къ латинянамъ страшную ненависть; отсюда онъ выводитъ, что латинянамъ нужно какъ нибудь зарекомендовать себя въ глазахъ грековъ, что самое

тарентскому, но въ то же время, въ письмѣ къ Роберту, настаивая, чтобы греческіе послы препровождены были для переговоровъ въ Авиньонъ, Венедиктъ XII видимо колеблется между боязнію сдѣлать неугодное родственникамъ царствующаго дома и униженіемъ папскаго достоинства; онъ очевидно задѣтъ за живое предложеніемъ грековъ—вести переговоры, относящіеся къ дѣламъ религіознымъ, при дворѣ свѣтскаго государя.

(1) Raynald ad an. 1339 n. 19.

(2) Barlaam et Miles responderunt praedicti, se nequamquam habere hujuscemodi litteras vel mandatum. Allat. de Consens. p. 789.

лучшее средство привлечь къ себѣ благорасположеніе послѣднихъ — это послать состоящее изъ войска подкрѣпленіе на помощь бѣдствующей имперіи. „Знайте говорилъ Варлаамъ, что не народъ греческій послалъ меня къ вамъ, но одинъ императоръ и притомъ втайнѣ, такъ что, если не пошлютъ ему помощи, онъ не дерзнетъ даже объявить, что желаетъ мира съ вами (1)... Императоръ не смѣетъ объявить своего намѣренія соединиться съ вами потому что многіе изъ знатныхъ лицъ и изъ народа, опасаясь, чтобы онъ не вздумалъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ М. Палеологъ, будутъ искать случая умертвить его (2)... Знайте еще и то, что не столько разность догматовъ и обрядовъ дѣлаетъ васъ чуждыми грекамъ, сколько ненависть, которую получили къ вамъ по причинѣ жестокихъ золъ, которыя вы имъ причинили и доселѣ еще ежедневно причиняете, и соединеніе не можетъ совершиться, если не уничтожится эта ненависть чрезъ какое нибудь великое благодѣяніе, съ вашей стороны имъ оказанное, безъ чего васъ не захотятъ даже слушать (3).“ Послѣ того, какъ латиняне, приславъ помощь грекамъ, расположатъ къ себѣ, такимъ образомъ, послѣднихъ, они могутъ уже, по мнѣнію Варлаама, приступить и къ рѣшенію вѣковыхъ распрей между востокомъ и запа-

(1) Ibid. p. 793.

(2) Allat. de perp. cons. p. 799. Imperator non audet manifestare se, quod velit uniri vobiscum: quoniam si manifestasset se, multi ex principibus suis, etiam ex populo, timentes ne forte si ipse vellet, sicut fecit ipsis Michaël Palaeologus, quarerent opportunitatem interficiendi illum.

(3) Ibid. p. 693. Scitote ex hoc vere, quia non tantum differentia dogmatum separat corda graecorum a vobis, quantum odium, quod intravit in animos eorum contra latinos ex multis et magnis malis, quae per diversa tempora passi sunt Graeci a Latinis, et adhuc patiuntur per singulos dies...

домъ. Но опять Варлаамъ не скрываетъ, что въ этомъ случаѣ не помогутъ ни насиліе, ни соглашеніе при папскомъ дворѣ нѣсколькихъ образованныхъ людей. По его мнѣнію о первомъ и говорить нечего; что касается до послѣдняго, то конечно выборные изъ православныхъ очень легко согласятся съ папскими депутатами (concordabuntur vobiscum statim facillime), но изъ этого не будетъ слѣдовать, что дѣло кончено. „Когда наши послы, говоритъ Варлаамъ, возратятся на востокъ, они не въ состояніи будутъ заставить народъ думать такъ, какъ они между собой согласились; найдутся люди, которые по зависти, по тщеславію или, можетъ быть, убѣжденные, что поступаютъ хорошо, скажутъ народу: братья остерегайтесь, чтобы васъ не обольстили; эти люди (послы) или подкуплены подарками или поддались суетности; потому такъ и проповѣдуютъ; не измѣняйте ничего изъ того, что содержите. Такимъ образомъ, болѣе понимающіе дѣло и соглашавшіеся съ вами не смогутъ ничего сдѣлать и только подвергнутъ себя опасности (nihil facere poterunt, sed magis erunt in periculo a turba pereundi) (¹). Для убѣжденія народа единственнымъ средствомъ можетъ служить, по мнѣнію Варлаама, вселенскій соборъ, всегда пользующійся въ глазахъ народа большимъ авторитетомъ (²). Итакъ вотъ главныя положенія, которыя развивалъ предъ Венедиктомъ XII и кардиналами Варлаамъ: императоръ одинъ хочетъ уніи; народъ питаетъ ненависть къ латинянамъ; насиліемъ ничего не

(¹) Allat. de Cons. p. 790.

(²) Ibid. quaecunque a Generali Consilio determinata fuerint, *omnes* Orientales libenter haec recipient et nemo erit, qui his contradicat. Возраженіе, почему же не принятъ былъ ліонскій соборъ, Варлаамъ рѣшаетъ такъ: illi Graeci, qui interfuerunt isti Consilio non fuerunt missi neque a quatuor Patriarchis..., neque a populo, sed a solo Imperatore.

сдѣлаешь; если нѣсколько лицъ заключатъ миръ съ папою, то они будутъ заподозрѣны народомъ и также ничего не сдѣлаютъ; единственное средство для возсоединенія церквей—со стороны латинянъ помощь имперіи и съ обѣихъ сторонъ въ тоже самое время вселенскій соборъ—авторитетъ для православнаго народа.— На просьбу о помощи противъ турокъ, папа и кардиналы отвѣчали Варлааму, что греки сперва должны соединиться съ римскою церковію и потомъ уже ждать съ запада себѣ вспоможенія; иначе можетъ случиться, какъ это и бывало прежде, что получивъ отъ римской церкви помощь, они потомъ не захотятъ уже обращать на нее ни малѣйшаго вниманія (1). Что касается до вселенскаго собора, то папа и кардиналы, по обыкновенію, представляли дѣло давнымъ давно уже рѣшеннымъ, ученіе объ исхожденіи Св. Духа давнымъ давно выясненнымъ и признаннымъ будто бы на многихъ вселенскихъ соборахъ (Ефесскомъ, Толедскомъ, Ліонскомъ и др.); новый вселенскій соборъ они представляли по этому излишнимъ и кромѣ того неудобнымъ по причинѣ военнаго времени; наконецъ въ созваніи новаго вселенскаго собора видѣли такое дѣйствіе, которое будетъ бросать тѣнь сомнѣнія (in dubium revocare) на постановленія прежнихъ соборовъ. Только единственно изъ снисхожденія къ грекамъ, для наставленія ихъ въ истинахъ вѣры, папа и кардиналы соглашались, чтобы отъ

(1) Allat. de Cons. p. 798. Quia si fortificati, ditati et confortati per Sedem Apostolicam, Reges, Principes et populos catholicos ante reunionem, postea terga et non faciem verterent Romanae Ecclesiae, sicut alias, dum credebantur reuniti... fecisse noscuntur; procul dubio idem Dominus Pontif., Ecclesia et fideles alii remanerent delusi et dici posset opprobrium non modicum, quod suos et fidei juverant et fortificaverant inimicos et hostes, participassentque scandalosa cum eis.

всѣхъ патріарховъ явились на западъ депутаты и вошли въ сношенія съ папскими уполномоченными съ цѣлію не диспутировать съ послѣдними, но научиться отъ нихъ правой вѣрѣ (¹). Вопреки папѣ и кардиналамъ Варлаамъ старался напротивъ доказать, что помощь противъ турокъ будетъ помощію не грекамъ, а всему христіанству и слѣдовательно не должна быть откладываема; высказывалъ и другія соображенія въ пользу войны съ турками, основанныя на тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ востока и запада. Защищалъ затѣмъ мысь о необходимости вселенскаго собора, доказывая, что испытаніе въ дѣлахъ вѣры никакимъ образомъ не повредитъ истинѣ, что новый вселенскій соборъ вовсе не предосудителенъ, что въ настоящее время невозможно прислать на западъ депутатовъ отъ всѣхъ вселенскихъ патріарховъ по многимъ причинамъ, что, впрочемъ, еслибы они и были посланы, никогда не получили бы полномочія дѣлать все, что найдутъ по своему разумѣнію необходимымъ; а между тѣмъ церковь константинопольская не можетъ начать дѣла безъ восточныхъ патріарховъ; притомъ, повторялъ Варлаамъ, императоръ не можетъ сдѣлать гласнымъ переговоровъ съ латинянами. Въ заключеніе Варлаамъ предлагалъ было даже проектъ посланія къ греческой церкви отъ лица папы,—посланія, которое, по мнѣнію его автора, если не всѣхъ, то многихъ примиритъ съ римскою церковію. Но это посланіе, которое отличалось вовсе несвойственною латинству умѣренностію, по которому допускалось, чтобы православная церковь и по соединеніи съ римской оставалась совершенно въ томъ

(¹) Ibid. p. 795. non per modum disputationis vel concertationis, sed instructionis..,

видѣ, въ какомъ была до того времени, даже въ отношеніи къ догмату объ исхожденіи Св. Духа, не было принято папою и кардиналами. Такимъ образомъ ни на то, ни на другое предложеніе грековъ папскій дворъ не хотѣлъ согласиться; не хотѣлъ хлопотать прежде возсоединенія съ греческою церковію о присылкѣ на востокъ вспомогательныхъ войскъ; не соглашался также и на вселенскій соборъ; папа съ кардиналами, какъ видно, хорошо понималъ, что императоръ хочетъ только въ приготовленіяхъ къ вселенскому собору выиграть время, и, не сдѣлавъ ничего, воспользоваться помощію запада. Впрочемъ о всемъ происходившемъ въ Авиньонѣ Бенедиктъ XII сообщилъ куда слѣдуетъ, т. е. къ королямъ французскому и неаполитанскому (¹), снабдивъ Варлаама, когда онъ отправлялся въ обратный путь, письмами къ обоимъ королямъ. Разумѣется такіе неудовлетворительные результаты авиньонскихъ совѣщаній не могли произвесть какого нибудь движенія при французскомъ и неаполитанскомъ дворахъ и дѣло осталось въ прежнемъ видѣ.

Тотъ же порядокъ вещей продолжался и въ царствованіе Іоанна Кантакузена (1341—1355), слѣдовавшее за царствованіемъ Андроника младшаго; также продолжались сношенія съ западомъ и Кантакузенъ поступалъ также осторожно, какъ и Андроникъ III, несмотря на усилившіяся въ его время бѣдствія имперіи внутреннія и внѣшнія. Онъ даже еще менѣе возлагалъ надежды на помощь запада и на связанный съ нею вопросъ о соединеніи церквей, чѣмъ Андроникъ. Во время междоусобныхъ войнъ съ партіею, оспаривавшею у него

(¹) Изъ письма къ Роберту неаполитанскому, помѣщеннаго у Аллація, мы и заимствуемъ всѣ вышеприведенныя свѣдевія.

права на опекунство надъ девятилѣтнимъ сыномъ Андроника Іоанномъ Палеологомъ, — войнъ, кончившихся для Кантакузена вступленіемъ на престолъ, онъ рѣшился лучше соединиться съ турецкимъ Султаномъ Орканомъ, выдавъ даже за него свою дочь; но не обратился за помощію къ папѣ. Правда, когда наконецъ въ 1347 г. междоусобная война кончилась, когда прежніе союзники турки могли возбудить тѣмъ сильнѣйшее опасеніе, чѣмъ въ ближайшія къ грекамъ стали отношенія; тогда Кантакузенъ рѣшился искать себѣ опоры на западѣ; но и при этомъ не слишкомъ-то увлекался мыслію о соединеніи церквей. Съ цѣлію изгладить изъ ума папы и западныхъ христіанъ неблагопріятные слухи, распространившіеся на счетъ связи его съ турками, расположить въ свою пользу сердца западныхъ христіанъ и такимъ образомъ, если удастся, найти себѣ помощь на западѣ, Кантакузенъ отправилъ въ 1348 г. троихъ свѣтскихъ пословъ къ папѣ Клименту VI (1342—1352). Онъ старался дать понять папѣ, что къ связи съ турками побудили его обстоятельства, но отнюдь не религіозныя какія нибудь расположенія. Императоръ желалъ также, чтобы папа назначилъ его главою предпріятія, приготовлявшагося тогда на западѣ противъ мусульманъ [1], объявляя, что онъ много поможетъ предпріятію, доставитъ арміи свободный проходъ въ Азію и самъ отправится съ своими войсками туда же [2]. Климентъ VI очень хорошо принявъ императорскихъ пословъ, въ 1350 г. отправилъ въ Константинополь двухъ

[1] Въ это время еще продолжались движенія, сопровождавшія прибытіе во Францію Петра Лузиньяна короля кипрскаго, который явился туда съ просьбами о помощи противъ каирскихъ султановъ.

[2] Cantacuz. IV. c. 9. См. Hist. Eccl. Fleuri, an. 1347 n. XLII.

епископовъ съ двумя письмами—къ самому Кантакузену и къ военному начальнику Константинополя Ассану съ обыкновенными предложеніями оставить схизму. Кантакузенъ обошелся съ папскими послами, какъ человѣкъ сердечно желающій что нибудь сдѣлать для примиренія съ римскою церковію, но рѣшительно лишенный всякой къ тому возможности, сознающій, что дѣло это выше его силъ и потому ни въ какомъ случаѣ непринимающій на себя такой, превышающей силы одного человѣка, задачи, наконецъ возлагающій всѣ надежды въ этомъ случаѣ на вселенскій соборъ. Въ сущности Кантакузенъ выставилъ дѣло въ томъ же видѣ, какъ и Варлаамъ, только въ менѣе рѣзкихъ чертахъ. „Что касается до соединенія церквей, говорилъ Кантакузенъ, то я не могу довольно выразить, на сколько я его желаю... Однако дѣло такой важности требуетъ большой осторожности, потому что касается не временныхъ благъ, но вѣчныхъ и чистоты вѣры. Нельзя полагаться на одного себя, какъ будто возможно одному достигнуть столь высокаго знанія... Противный образъ дѣйствій не удался императору Михаилу, первому изъ Палеологовъ и только умножилъ раздѣленія“. Кантакузенъ старался въ тоже время внушить папскимъ посламъ уваженіе къ убѣжденіямъ; представлялъ имъ, что убѣжденіе въ чемъ либо вопервыхъ нетакъ-то легко уничтожить, во вторыхъ люди, не скоро поддающіеся убѣжденіямъ другихъ, суть люди, на которыхъ можно положиться, которые и по перемѣнѣ убѣжденій будутъ также вѣрны новымъ, какъ крѣпко держались старыхъ. Итакъ заключалъ свою рѣчь императоръ: „я полагаю, что должно составить вселенскій соборъ изъ епископовъ восточныхъ и западныхъ и, если это случится, то Богъ

не позволитъ намъ отклониться отъ истины... Мы соединимся гдѣ либо въ приморскомъ мѣстѣ, на срединѣ пути, куда придетъ онъ съ епископами западными, а я съ патріархами восточными и подчиненными имъ епископами". Удовольствовавшись этимъ отвѣтомъ и получивъ отъ императора подарки нунціи возвратились на западъ. Климентъ вскорѣ послѣ этого послалъ сказать императору, что его предложеніе держать соборъ ему—папѣ очень нравится, но что онъ напередъ долженъ собрать западныхъ епископовъ для того, чтобы согласиться на счетъ времени и мѣста. Не много времени спустя Климентъ снова писалъ императору, прося Кантакузена не приписывать его небреженію отсроченіе собора. „Я ничего болѣе не желаю, прибавлялъ папа, какъ только церковной уніи, но итальянскіе принцы и главнѣйшіе изъ владѣтелей нашего участка ведутъ теперь войну и готовы напасть одинъ на другаго съ многочисленною арміею, а моя обязанность, какъ общаго отца, заботиться о мирѣ между ними; когда всѣ эти обстоятельства прекратятся, я ничего уже не буду имѣть на сердцѣ кромѣ того, что относится къ собору и церковному миру". Въ отвѣтъ на это письмо императоръ послалъ въ Авиньонъ одного латинянина (Іоанна изъ Доминиканцевъ); благодарилъ папу за его добрыя намѣренія и просилъ его продолжать начатое ([1]). Смерть Климента VI (1352) не остановила сношеній византійскаго двора съ авиньонскимъ; они продолжались и при слѣдующемъ папѣ, Иннокентіѣ VI (1352—1362). Кантакузенъ, узнавъ о вступленіи на престолъ Иннокентія VI, послалъ къ нему опять доминиканца,

([1]) Cantacuz. lib. IV, c. 9. Hist. Eccl. Fleuri, an. 1350, n. LI.

по имени также Іоанна (можетъ быть тоже лице, которое посылалъ и къ предъидущему папѣ) съ письмомъ, въ которомъ выражалъ свое желаніе церковной уніи. Иннокентій VI съ своей стороны отвѣчалъ ему также письмомъ, въ которомъ обѣщалъ ему всякую помощь духовную и матеріальную, если только онъ исполнитъ задуманное (1). Главнымъ же образомъ нужда была въ послѣдняго рода помощи, потому что кромѣ турокъ имперію снова начали тревожить внутреннія смуты: Кантакузенъ снова поссорился съ своимъ зятемъ и настоящимъ государемъ, бывшимъ подъ его опекой, Іоанномъ Палеологомъ и снова началась междоусобная война. Переписка Кантакузена съ Иннокентіемъ VI была послѣднимъ его дѣломъ; вскорѣ, въ 1355 году, Кантакузенъ долженъ былъ оставить престолъ.

Время усиленныхъ сношеній между дворами папскимъ и византійскимъ наступило только теперь, со вступленіемъ на престолъ Іоанна Палеолога (1355 — 1391). Когда Кантакузенъ, въ 1355 г., промѣнялъ императорскій престолъ на монашество, тогда дѣло, казалось, пошло очень успѣшно; по крайней мѣрѣ одна сторона совершенно перестала задерживать ходъ дѣла, перестала представлять какія бы то ни было возраженія и затрудненія къ его выполненію; Іоаннъ Палеологъ, забывъ осторожность своихъ предшественниковъ, вдругъ, безъ всякихъ возраженій, согласился рѣшительно на все, чего требовалъ папа. Но, если дѣло повидимому быстро пошло впередъ, то это только на бумагѣ и въ отношеніяхъ только между папою и императоромъ. Самъ Іоаннъ Палеологъ не скрывалъ отъ папы, что народъ

(1) Annal. Eccl. Rayn. ad an. 1353 n. 22.

греческій, отъ долговременной привычки, закоренѣлъ, какъ онъ выражался, въ православіи, и что ему, можетъ быть, не удастся привесть свой планъ въ исполненіе мирнымъ образомъ. Поставленный въ невыгодное положеніе при своемъ вступленіи на престолъ, имѣя себѣ соперника въ лицѣ сына Іоанна Кантакузена Матѳея (который объявилъ себя также императоромъ), болѣе, чѣмъ всѣ его предшественники, угрожаемый турками, которые вторглись теперь уже въ европейскія области имперіи, завоевали многіе города Ѳракіи, не обладая, кромѣ того, твердостію характера и дарованіями,—Іоаннъ почувствовалъ себя въ отчаянномъ положеніи и, какъ свойственно человѣку въ такомъ состояніи духа, остановился на самыхъ несбыточныхъ, мечтательныхъ, безумныхъ планахъ. Ему казалось, что одно подчиненіе папѣ спасетъ имперію и вотъ, забывъ предшествующіе опыты, онъ начинаетъ дѣйствовать легкомысленно, очертя голову. Тотчасъ же, по вступленіи своемъ на престолъ, въ 1355 г., этотъ государь заключаетъ съ папою Иннокентіемъ VI актъ подчиненія римской церкви съ своей стороны и обязательства помогать имперіи съ его стороны. По соглашенію съ папскимъ интернунціемъ, Павломъ архіеп. смирнскимъ, императоръ написалъ оффиціальную грамату и отправилъ этотъ важный документъ къ папѣ, съ вышеозначеннымъ латинскимъ епископомъ и однимъ изъ своихъ вельможъ, Николаемъ Сигеросъ. Въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ говорилось въ этой граматѣ о подчиненіи императора папѣ и объ обязательствѣ съ его стороны подчинить всю православную церковь римскому престолу, о помощи, какую долженъ прислать папа подъ залогъ его сына Мануила и самой имперіи

греческой, о томъ, что папа дѣлается по этой граматѣ полнымъ господиномъ и наслѣдника имперіи Андроника и самой имперіи, какъ скоро императоръ не исполнитъ своего слова. „Отселѣ“, писалъ императоръ въ этой граматѣ, „я пребуду вѣрнымъ, покорнымъ, почтительнымъ и преданнымъ блаженнѣйшему отцу и господину нашему Иннокентію VI, святой римской и вселенской церкви верховному первосвященнику и его преемникамъ. Употреблю всѣ возможныя средства къ тому, чтобы всѣ народы нашей имперіи также сдѣлались вѣрными, послушными, почтительными и преданными тому же нашему отцу и верховному первосвященнику и его преемникамъ. Но, такъ какъ время ожесточило сердца народа, такъ какъ его съ трудомъ можно отвлечь отъ того, съ чѣмъ онъ сроднился, и поставить его на новый путь можно не иначе, какъ дѣйствіями мудрыми и умѣренными, то я рѣшился употребить слѣдующія средства“. Но прежде изложенія этихъ послѣднихъ императоръ предлагаетъ папѣ условія, на которыхъ должно состояться подчиненіе греческой церкви римскому престолу. Предлагая Иннокентію въ заложники своего сына Мануила, Іоаннъ требовалъ, чтобы папа представилъ ему 15 транспортныхъ судовъ, 5 галеръ, 500 конницы и 1000 человѣкъ пѣхоты на шесть мѣсяцевъ для войны съ турками. Эти шесть мѣсяцевъ назначалъ императоръ вмѣстѣ съ тѣмъ срокомъ для приведенія всего греческаго народа въ подчиненіе папѣ слѣдующими практическими мѣрами. „Въ продолженіе этого времени, писалъ онъ въ своей граматѣ, легатъ господина нашего папы предоставитъ бенефиціи, церковныя должности способнымъ лицамъ изъ грековъ, тѣмъ, которые добровольно согласятся принять унію и подчиниться

должались. Въ отвѣтъ на папское письмо 1356 г. императоръ въ 1357 г. письменно также увѣрялъ папу въ своей вѣрности данному слову, изъявлялъ готовность послать къ нему сына своего Мануила (не смотря на увѣренія легата, что этого пока не требуется отъ него), даже обѣщалъ, если Богу будетъ угодно, явиться лично къ папѣ для засвидѣтельствованія предъ нимъ своей покорности, увѣрялъ папу, что патріарха врага уніи онъ низложитъ и на его мѣсто поставитъ другаго, расположеннаго къ римской церкви. „Но", прибавлялъ императоръ, „что касается до настоящаго времени, я немогу сдѣлать, чтобы всѣ мои подданные повиновались римской церкви, потому что не всѣ вѣрны и покорны мнѣ самому; напротивъ многіе ищутъ случая поднять мятежъ противъ меня самаго; впрочемъ, если вы пошлете мнѣ ту помощь, какой я прошу у васъ, въ такомъ случаѣ я исполню все (1). Въ 1359 г. Иннокентій пытался было удовлетворить требованіямъ Іоанна Палеолога, пробудить участіе на западѣ къ судьбѣ Константинополя. Буллою 11 мая 1359 г., адресованною къ Петру Томасу (бывшему прежде нѣсколько разъ посредникомъ въ сношеніяхъ визант. императора съ папою) общему легату Кипра и ближайшихъ провинцій, къ латинскому патріарху Константинополя, къ остальнымъ архіереямъ Романіи, Кипра, Крита, Смирны и ихъ викаріямъ, Иннокентій повелѣвалъ латинскимъ епископамъ поименованныхъ странъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Турокъ (2). Но и эта мѣра

(1) Это письмо Іоаннъ Палеологъ отправилъ съ тѣмъ же Петромъ Томасомъ, еп. Патти, который принесъ папскій отвѣтъ на знаменитую грамату 1355 г.

(2) Hist. Eccl. Fleur. an. 1359 n. XL.

имѣла также мало успѣха, какъ и прежнія.—Чѣмъ дальше, тѣмъ все рѣшительнѣе долженъ былъ дѣйствовать Іоаннъ Палеологъ въ своихъ сношеніяхъ съ папою. Въ 1361 г. турки взяли близкій къ Константинополю городъ Адріанополь; это было очень чувствительнымъ ударомъ для имперіи. Между тѣмъ въ тоже самое время при папскомъ дворѣ начали возникать стремленія поднять упавшій авторитетъ папскаго престола; явилась мысль перенесть резиденцію папы опять въ Римъ. Такимъ образомъ обстоятельства препятствовали и тому и другому двору холодно взглянуть на старый вопросъ; одна сторона искала въ немъ единственнаго для себя спасенія; другая чрезъ него надѣялась сколько нибудь подняться въ своихъ собственныхъ глазахъ; этотъ вопросъ гармонировалъ съ ея настроеніемъ. Потому-то нѣтъ ничего удивительнаго, что, съ вступленіемъ (въ 1362 г.) на престолъ, задумавшаго переселиться изъ Авиньона въ Римъ, папы Урбана V и со взятіемъ Адріанополя турками въ 1361 г., папа и византійскій императоръ вошли въ болѣе дѣятельныя, чѣмъ прежде, сношенія между собою. Но дѣло въ томъ, что если одна сторона готова была на всевозможныя уступки въ письмахъ, на бумагѣ, то другая, уже не довольствуясь одними подобными уступками, требовала самаго дѣла, дѣйствительнаго перехода въ римскую церковь и притомъ не одного только императора, но и клира и народа греческаго. Съ другой стороны и императоръ требовалъ себѣ дѣйствительной помощи противъ турокъ, а не однихъ папскихъ обѣщаній и буллъ. Обѣ стороны находились, такимъ образомъ, въ затруднительномъ положеніи потому, что обѣ не могли исполнить взаимныхъ обѣщаній: одна не могла подчинить папѣ грече-

своей церкви, другая — доставить для греческой имперіи нужной помощи. Объ императорѣ и говорить нечего; папа не могъ составить ополченія потому, что прошла пора подобныхъ предпріятій, притомъ грекамъ вовсе не расположены были помогать на западѣ, какъ такому народу, который не можетъ быть защитою для Европы отъ невѣрныхъ и который казался притомъ многимъ изъ западныхъ хуже самихъ невѣрныхъ (¹). Но всего этого не могли или не хотѣли понять ни папа ни Іоаннъ Палеологъ и потому, побуждаемые своими расчетами и планами, они продолжали хлопотать о совершенно невозможномъ дѣлѣ. Въ 1365 г. началась довольно обширная переписка между Урбаномъ V и Іоанномъ Палеологомъ. Въ 1365, г. говорится у Райнальда, папа, не обращая вниманія на тѣхъ, которые думали, что не нужно оказывать помощи грекамъ до тѣхъ поръ, пока не отвергнутъ они схизму, писалъ къ Іоанну Палеологу и въ своемъ письмѣ увѣрялъ послѣдняго, что онъ (папа) часто думаетъ, какъ бы помочь византійской имперіи, бѣдствующей отъ турокъ и что, хотя въ настоящее время невозможно сформировать крестоваго похода противъ турокъ, однакожъ есть надежда привести въ исполненіе это предпріятіе, какъ скоро возстановится миръ между враждующими западными государями; въ заключеніе, разумѣется, увѣщевалъ императора самымъ дѣломъ перейти въ римскую церковь. Неизвѣстно что отвѣчалъ на это папское письмо императоръ; извѣстно только, что Урбанъ въ слѣдующемъ (1366) году опять писалъ въ Константинополь и на этотъ разъ уже

(¹) Видно изъ письма Петрарки, которое мы уже два раза приводили выше, равно какъ изъ многихъ папскихъ буллъ и писемъ.

(²) Rayn. ad an. 1365 n. 22.

прямо извѣщалъ Іоанна Палеолога, что ему готовы помочь Людовикъ король Венгерскій, Петръ король Кипрскій и Амедей графъ Савоійскій, но только подъ условіемъ, если императоръ исполнитъ свое обѣщаніе и подчинитъ свой народъ апостольскому престолу; въ заключеніе своего письма Урбанъ присовокуплялъ угрозу, что если греки по прежнему будутъ упрямы, то на нихъ будутъ смотрѣть какъ на язычниковъ и мытарей и не окажутъ имъ никакой помощи (1). Урбанъ V, какъ видно, довольно энергично взялся за дѣло подчиненія себѣ греческой церкви; по крайней мѣрѣ онъ принялъ мѣры, чтобы какъ нибудь не оказана была помощь грекамъ до подчиненія ихъ римской церкви. Въ такомъ духѣ писалъ онъ къ королю Венгерскому. „Конечно“ писалъ Урбанъ Людовику, „мы считаемъ рѣшеннымъ, чтобы дѣло защиты грековъ съ цѣлію приведенія ихъ къ единству съ римскою церковію ты исполнилъ должнымъ образомъ; однакожъ нужно дѣйствовать при этомъ благоразумно и разсудительно, дабы не обратилось во вредъ то, что дѣлается для пользы“. По мнѣнію Урбана вопросъ о соединеніи церквей—вопросъ очень трудный и опасный; греки, по его словамъ, много уже разъ начинали переговоры о церковномъ мирѣ съ хитрою цѣлію и теперь они обратились съ предложеніемъ подчиниться римской церкви не по доброй волѣ, а единственно потому, что имъ нужна помощь венгерскаго короля (coacti pro habendo tuo succursu); поэтому папа отлагалъ исполненіе взятаго Людовикомъ на себя предпріятія на годъ, до тѣхъ поръ, пока греки не исполнятъ всего того, что потребуетъ

(1) Rayn. ad an. 1366 n. 1—2.

отъ нихъ римская церковь; своею апостольскою властію разрѣшалъ венгерскаго короля отъ клятвы, какую послѣдній далъ грекамъ (1). Какъ видно, между императоромъ византійскимъ и королемъ венгерскимъ были сношенія и дѣло о походѣ противъ турокъ шло между ними успѣшно. Оно и понятно: опасность, грозившая Іоанну Палеологу грозила вмѣстѣ и Людовику венгерскому по смежности ихъ владѣній и по близости обоихъ къ туркамъ (2). Между тѣмъ все, что писалъ Урбанъ венгерскому королю, сдѣлалось извѣстнымъ Іоанну Палеологу. Тогда послѣдній для того, чтобы лично хлопотать о помощи противъ турокъ и лично увѣрить Людовика въ своей готовности подчиниться римской церкви отправился въ Венгрію. Здѣсь съ клятвою увѣрялъ онъ Людовика въ своей готовности повиноваться вмѣстѣ съ своими сыновьями всѣмъ повелѣніямъ апостольскаго престола. „Склоненный такими прекрасными обѣщаніями, говоритъ Райнальдъ, воспламененный желаніемъ распространенія вѣры, благочестивый государь (Людовикъ) обязался отразить нападенія турокъ, а Палеологъ съ своей стороны принять католическую вѣру и оба послали ораторовъ къ Урбану, чтобы онъ утвердилъ ихъ договоръ своимъ апостольскимъ авторитетомъ (3)". Когда папа узналъ отъ пословъ императорскихъ и королевскихъ о всемъ происходившемъ при венгерскомъ дворѣ, то рѣшился дѣйствовать также, какъ нѣкогда дѣйствовали папы во времена Михаила

(1) Если только ты далъ ее, прибавлялъ Урбанъ. Rayn. ad an. 1366 n. 3.

(2) Ibid. n. 4.

(3) Ibid. Какъ видно изъ слѣдующаго письма, это были со стороны императора его придворный Георгій Магнинартъ, а со стороны Людовика Стефанъ еп. нитрійскій.

Палеолога; къ длинному своему письму, наполненному множествомъ восклицаній по случаю имѣющаго вскорѣ совершиться великаго событія, Урбанъ присовокупилъ вопервыхъ формулу вѣроисповѣданія Климента IV (1), присланную нѣкогда Михаилу Палеологу и имъ подписанную, затѣмъ формулу присяги римской церкви и наконецъ формулу отреченія отъ схизмы. Вмѣстѣ съ императорскимъ посломъ Урбанъ отправилъ въ Венгрію своихъ интернунціевъ для того, чтобы утвердить все то, что король венгерскій заключилъ съ императоромъ, съ клиромъ и народомъ греческимъ (2). Дѣло такимъ образомъ пошло повидимому успѣшно (3). Оно, казалось, еще болѣе подвинулось впередъ, когда въ 1367 году Урбанъ отправился изъ Авиньона въ Римъ и такимъ образомъ освободился отъ стѣснительной и унизительной для папскаго авторитета опеки французскихъ королей. Еще не доѣзжая до Рима, въ Витербѣ, Урбанъ V встрѣтилъ императорскихъ пословъ, которые извѣстили его, что въ непродолжительномъ времени Іоаннъ Палеологъ самъ лично явится въ Римъ засви-

---

(1) Объ исповѣданіи вѣры Урбанъ писалъ, что оно должно быть принято всѣми и клиромъ и народомъ.

(2) Rayn. ad an. 1366 n. 4.

(3) Папа въ это время, довольный уступчивостью императора, дѣятельно сталъ хлопотать о крестовомъ походѣ противъ турокъ. По свидѣтельству Райнальда, Урбанъ возбуждалъ христіанъ въ Германіи, Богеміи, Венгріи, Болгаріи. „Въ окружныхъ посланіяхъ онъ старался, по словамъ Райнальда, воспламенить вѣрныхъ къ послѣдованію за знаменами короля венгерскаго обѣщаніемъ индульгенцій (ad an. 1366 n. 4)". Но истинное положеніе дѣлъ раскрываетъ всего лучше письмо Петрарки къ папѣ (писанное въ томъ же 1366 г.), которымъ онъ убѣждаетъ Урбана возвратиться изъ Авиньона въ Римъ и между прочимъ дѣятельно заняться завоеваніемъ Константинополя, исполненіемъ важнѣйшаго дѣла, которое давно стоитъ на очереди, покореніемъ грековъ-схизматиковъ, которые, по его словамъ, хуже самыхъ невѣрныхъ (Ibid. n. 24).

дѣтельствовать свою покорность апостольскому престолу. Такое извѣстіе побудило Урбана написать нѣсколько писемъ—къ сыновьямъ Іоанна, къ императрицѣ, ея отцу, нѣкогда императору, Іоанну Кантакузену, къ архимандритамъ и ко всѣмъ грекамъ (calogeris Graeciae), даже патріархамъ константинопольскому, александрійскому и іерусалимскому, убѣждая всѣхъ послѣдовать примѣру Іоанна Палеолога (¹). Іоаннъ Палеологъ дѣйствительно сдержалъ свое обѣщаніе; въ 1369 году онъ прибылъ въ Римъ и исполнилъ всѣ тѣ унизительные обряды, какимъ подвергались представлявшіеся папѣ западные государи, кромѣ того торжественно прочиталъ исповѣданіе вѣры, присягу въ вѣрности папѣ и отреченіе отъ схизмы (professionem, juramentum et abjurationem). 18 октября императоръ (²) отправился въ церковь Св. Духа и тамъ, въ присутствіи откомандированныхъ на этотъ случай четырехъ кардиналовъ, произнесъ все то, что отъ него требовали, т. е. исповѣданіе вѣры, присягу

(¹) Rayn. ad an. 1367 n. 5 — 7. У Райнальда же разсказывается, будто бы патріархи Филоѳей константинопольскій, Никонъ александрійскій и Лазарь Іерусалимскій сочувствовали дѣлу Іоанна Палеолога и прислали Урбану письма, въ которыхъ будто бы выражали свое желаніе подчиниться папѣ. Писемъ этихъ, впрочемъ, Райнальдъ не приводитъ. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе это сомнительно, или по крайней мѣрѣ вовсе не такъ передано у Райнальда, какъ можетъ быть дѣло было на самомъ дѣлѣ. Обыкновенное желаніе возсоединенія церквей можетъ быть принято имъ за желаніе подчиниться папѣ.

(²) Въ документахъ, относящихся къ этому дѣлу (у Алляція въ его de perp. Cons. p. 843—852), ничего не говорится о томъ, кто именно былъ въ это время съ императоромъ. Въ папской буллѣ, данной четыремъ кардиналамъ, имѣющимъ присутствовать при торжественномъ переходѣ І. Палеолога въ римскую церковь, упоминаются только то прелаты и міряне, прибывшіе съ императоромъ (et alios graecos tam clericos et religiosos, quam etiam prelatos et laicos, existentes cum eo, qui ad ejus Ecclesiae venire voluerunt unitatem), то просто и прочіе греки (aliorum graecorum, qui venerant cum dicto imperatore et profiteri volebant).

и отреченіе отъ схизмы. По окончаніи церемоніи кардиналы дали ему цѣлованіе, какъ истинному католику. Церемонія поклоненія папѣ исполнена чрезъ нѣсколько дней; 21 октября папа отправился въ храмъ Св. Петра и возсѣлъ на папскомъ престолѣ, одѣтый во всѣ свои папскія одежды, окруженный также торжественно одѣтыми кардиналами. Въ это торжественное собраніе вошелъ Іоаннъ Палеологъ; увидѣвъ папу, онъ сдѣлалъ три колѣнопреклоненія; потомъ, приблизившись къ папѣ, поцѣловалъ у него *ногу*, руки и *уста*. Послѣ этого папа всталъ, взялъ императора за руку и началъ пѣть Te Deum; затѣмъ началась латинская месса, которую совершалъ самъ Урбанъ V ([1]). Замѣчательно, въ какой мѣрѣ довѣряли латиняне Іоанну Палеологу и вообще грекамъ. Опасаясь придирокъ и увертокъ со стороны послѣднихъ, Урбанъ принудилъ императора въ 1370 г. дать еще одинъ документъ, которымъ Іоаннъ Палеологъ во избѣжаніе обоюдности объяснялъ, что когда онъ торжественно свидѣтельствовалъ о своемъ подчиненіи римской церкви, то разумѣлъ при этомъ ту церковь, глава которой Урбанъ V, а не греческую церковь (такъ какъ греки, называя себя римлянами и свою церковь могли называть римскою ([2]). Тронутый такою покорностію Іоанна Палеолога, Урбанъ торжественно обѣщалъ императору притти съ западными христіанами на помощь грекамъ; но когда обратился онъ съ предложеніемъ помочь восточной имперіи къ западнымъ государямъ, то получилъ отъ нихъ только пустыя обѣщанія ([3]). Безполезность всего, что дѣлалъ доселѣ грече-

---

([1]) Rayn. ad an. 1369 n. 1—4.

([2]) Rayn. ad an. 1370 n. 4.

([3]) Ibid. Окружными посланіями извѣщалъ папа всѣхъ вѣрныхъ, что

скій императоръ для спасенія своей имперіи, открылась для него вскорѣ. Возвращаясь въ Константинополь, *на* пути онъ былъ задержанъ своими заимодавцами въ то самое время, когда готовился отплыть изъ Венеціи и здѣсь принужденъ былъ оставаться нѣсколько мѣсяцевъ; обѣщавшій освободить отъ турокъ восточную имперію папа не хотѣлъ или не могъ помочь освобожденію восточнаго императора, задержаннаго за долги (1). Возвратясь наконецъ въ Константинополь Іоаннъ Палеологъ тщетно ожидалъ исполненія папскихъ обѣщаній, въ кругу семейства, раздираемаго несогласіями и *посреди* грековъ его презиравшихъ. Цѣлыхъ три года (1370—1374) онъ ждалъ помощи отъ папы и сносился съ римскимъ дворомъ. Папа въ свою очередь тщетно ожидая подчиненія себѣ клира и народа, въ своихъ письмахъ къ императору въ эти три года напоминалъ ему о переходѣ всѣхъ его подданныхъ въ лоно римской церкви. Уже въ 1370 г. папа писалъ къ греческому *клиру*, высказывая ему, что если велика была радость для римской церкви, когда перешелъ къ ней императоръ, то еще болѣе римская церковь возрадовалась бы, если бы возвратились во св. католическую церковь, внѣ которой нѣтъ спасенія, пастыри греческой церкви (2). Въ 1373 г. Григорій XI (1370—1378), принявъ императорскаго посла (Іоанна Ласкариса), прибывшаго умолять западъ о помощи, писалъ Іоанну, что западъ пока предлагаетъ ему незначительную помощь (нѣсколь-

---

теперь всѣмъ нужно относиться къ визант. императору, какъ къ католику и оказывать ему всякую помощь. Но никто не откликнулся на этотъ призывъ.

(1) Истор. крест. пох., соч. Мишо, ч. IV, стр 584.

(2) Rayn. ad an. 1370 n. 2—3.

ко галеръ) (1), что болѣе значительное пособіе византійской имперіи будетъ оказано тогда, когда возстановленъ будетъ миръ на западѣ и когда клиръ и народъ греческій, оставивъ схизму „изъ за которой, какъ всѣ думаютъ, (ut communis opinio est) греческая имперія дошла до ничтожества“, обратятся къ единенію съ римскою церковію; папа прибавлялъ, что когда это послѣднее сбудется, тогда „онъ самъ и западные государи будутъ безъ сомнѣнія поспѣшнѣе (promptiores) въ оказаніи помощи грекамъ“. Тутъ же папа совѣтовалъ императору, клиру и народу греческому (если только они хотятъ) подчиниться римской церкви и съ этою цѣлію начать снова переговоры и сношенія; просилъ ихъ также извѣстить себя письмомъ, каковы именно ихъ намѣренія (2). Такимъ образомъ Григорій XI снова поднималъ вопросъ, чувствуя, конечно, что, съ переходомъ Іоанна Палеолога въ латинство, дѣло возсоединенія церквей не подвинулось въ сущности ни на шагъ. Григорій не ограничился одними совѣтами, а сталъ принимать и мѣры къ подчиненію себѣ всей греческой церкви. Такъ въ 1374 г. онъ спрашивалъ одного латинскаго епископа (Раймунда Еп. Патавенскаго), жившаго на востокѣ, „сколько нужно употребить усилій“ для того, чтобы привести грековъ въ подчиненіе римской церкви и почему императоръ не доводитъ до конца начатаго имъ дѣла (3). Занятый подобными

(1) Тогда положено было папою, вмѣстѣ съ западными государями, для усмиренія турокъ, построить 20 галеръ, чтобы этотъ небольшой флотъ препятствовалъ переправѣ турокъ изъ Азіи въ Европу. Какъ увидимъ ниже и это обѣщаніе не исполнено.

(2) Ibid. ad an. 1373 n. 1 et 2.

(3) Папа для чего-то требовалъ еще, чтобы его корреспондентъ епископъ сообщилъ ему документы, относящіеся къ сношеніямъ православ-

соображеніями, Григорій рѣшился въ томъ же 1374 г. отправить въ Константинополь своихъ легатовъ съ полномочіемъ принять въ лоно римской церкви клиръ и народъ греческій. Легаты (пять человѣкъ) снабжены были вопервыхъ довѣрительными граматами къ клиру и народу греческому, формулами римскаго исповѣданія вѣры, присяги и отреченія отъ схизмы, наконецъ письмомъ къ императору, увѣрявшимъ послѣдняго, что греческій народъ можетъ отвратить опасность, грозящую ему со стороны турокъ, единственно только чрезъ тѣснѣйшій союзъ (arctissimum foedus) съ римскою церковію (¹). Что дѣлали папскіе послы въ Константинополѣ и какъ ихъ тамъ приняли, сказать этого не можемъ по недостатку историческихъ данныхъ; можемъ только (впрочемъ почти съ несомнѣнностію) полагать, что они не имѣли тамъ рѣшительно никакого успѣха. Между тѣмъ, какъ папа такъ наивно недоумѣвалъ, почему императоръ не доводитъ до конца начатаго имъ дѣла и принимаетъ указанныя выше мѣры, обстоятельства показали, что всѣ планы папы и императора были чистыми мечтами. Устрашенный побѣдами турокъ, Іоаннъ Палеологъ заключилъ въ 1374 г. съ Амуратомъ союзъ, призналъ себя его данникомъ и обязался вмѣстѣ съ турками ходить на войну по приказанію турецкаго султана. Узнавъ о такихъ печальныхъ событіяхъ на востокѣ, Григорій XI могъ отвѣчать Іоанну Палеологу только соболѣзнованіемъ къ его несчастному положенію, но не могъ возбудить въ западныхъ государяхъ дѣятельнаго участія къ судьбѣ бѣдствующей имперіи (²). До-

---

ной церкви съ латинскою во времена Климента IV, т. е. съ 1342—1352. Rayn. ad an. 1374 n. 1.

(¹) Ibid. n. 1—3.

(²) Впрочемъ даже въ 1375 г. Григорій XI все еще не терялъ на-

вольно энергично хлопоталъ въ это время папа о помощи для константинопольскаго императора, писалъ много писемъ къ венгерскому королю, къ родосцамъ, приказывая последнимъ переселиться въ предѣлы византійской имперіи для войны съ турками, къ генуезцамъ и венеціанцамъ. Въ письмѣ къ королю венгерскому, изчисляя все, что дѣлалъ Іоаннъ Палеологъ въ угодность римскому престолу для полученія помощи съ запада, папа писалъ: „и не смотря на все это императоръ доселѣ не могъ получить этой помощи (illud auxilium tamen adhuc obtinere nequivit) (¹)". Это были последнія усилія папы, желавшаго, подобно своему предшественнику, поднять упавшій авторитетъ своего престола, но неуспѣвшаго въ своемъ намѣреніи. Чрезъ два года послѣ описанныхъ выше событій престолъ папскій находился въ такой же почти опасности, въ какой и византійская имперія, и папѣ было уже не до подчиненія себѣ восточной церкви. Попытка Григорія XI освободиться изъ подъ вліянія французскихъ королей дорого стоила папскому престолу: съ 1378 г. начался въ западной церкви, такъ называемый, великій расколъ.

———

дежды на подчиненіе себѣ православной церкви. Намѣреваясь, подобно своему предшественнику (Урбану V), но уже навсегда, оставить Авиньонъ и переселиться въ Римъ и узнавъ, что бывшій имп. Іоаннъ Кантакузенъ, а теперь инокъ, высказался въ пользу первенства римской каѳедры (въ диспутѣ между папскими нунціями, шедшими въ Арменію, и православными),—Григорій XI съ надеждою остановилъ свои взоры на инокѣ императорѣ. Въ своемъ письмѣ отъ 1375 г. къ Кантакузену онъ рисуетъ последнему широкое поприще дѣятельности въ пользу римской церкви; старается внушить ему, что, по своему вліянію и авторитету, онъ можетъ быть заправителемъ великаго дѣла, приглашаетъ его для личнаго съ собою свиданія и совѣщанія въ Римъ, куда, по его словамъ, и онъ самъ намѣренъ прибыть въ слѣдующую осень. См. Raynald an. 1375 n. 2 et 3.

(¹) Ibid., n. 6.

Слѣдующія за тѣмъ времена съ 1378 г. (до 1415, когда начались сношенія съ Римомъ, кончившіяся флорентинскимъ соборомъ) вопросъ о соединеніи церквей рѣшительно не занималъ никого, переставалъ быть даже предметомъ дипломатической переписки. Папы и антипапы были заняты ожесточенными спорами между собою. Императоры византійскіе, испытавъ всю неосновательность своихъ расчетовъ на папу и его содѣйствіе имперіи, не знали теперь сверхъ того, къ которому изъ двухъ или трехъ папъ обратиться. Правда, состояніе имперіи тогда было таково, что если когда, то въ эти особенно времена она нуждалась въ помощи запада. Вся византійская имперія заключалась почти въ стѣнахъ одного Константинополя. Да и въ самомъ Константинополѣ императоръ не былъ полновластнымъ государемъ. Іоаннъ Палеологъ, который задумалъ было укрѣпить свою столицу, принужденъ былъ по приказанію султана разрушить начатыя имъ укрѣпленія. Сынъ Іоанна Мануилъ долженъ былъ платить дань султану въ 10,000 флориновъ. По настоянію султана въ Константинополѣ построена была мечеть и допущенъ кадій для мусульманъ. Турки постоянно были въ виду Константинополя и эта столица находилась такимъ образомъ какъ бы въ постоянной осадѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, казалось, непремѣнно должны были завязаться, по примѣру прежнихъ временъ, сношенія между императорами и папами. Сношенія дѣйствительно разъ было и начались. Мануилъ Палеологъ (1391—1425) обратился къ папѣ въ тяжелую для имперіи минуту, въ то время, когда Баязетъ въ 1393 г. осаждалъ Константинополь и обязалъ Мануила вышеприведенными тягостными и унизительными условіями. Мануилъ пи-

салъ къ папѣ Бонифацію IX, прося у него помощи противъ турокъ и конечно выставляя себя расположеннымъ къ подчиненію римской церкви (1). Папа отвѣтилъ на его просьбу тремя буллами, которыми повелѣвалось проповѣдать крестовый походъ въ мѣстахъ ближайшихъ къ туркамъ (2). Но это былъ, сколько намъ извѣстно, единственный случай, когда императоръ обратился къ римскому престолу въ разсматриваемое нами время, т. е. съ 1378 до 1415. Этотъ же случай показалъ Мануилу, что совершенно излишне обращаться къ папѣ, что нужно дѣйствовать на другихъ и другими средствами, обращаться не къ папѣ, а къ рыцарямъ и баронамъ, дѣйствовать не на религіозное чувство западныхъ христіанъ, уже изсякшее, а на рыцарскій духъ, еще жившій во Франціи. Въ то время, когда просьбы Мануила и буллы папскія не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія на западѣ, послы венгерскаго короля, обратившись къ французскому двору и воззвавши къ рыцарскому духу французскихъ бароновъ, произвели сильное движеніе на западѣ: составилось огромное ополченіе (3). Какъ видно, это обстоятельство произвело на Мануила впечатлѣніе, потому что, послѣ пораженія при Никополѣ короля венгерскаго и соединившихся съ нимъ западныхъ дружинъ (1395 г.), опять почувствовавъ себя въ отчаянномъ положеніи и рѣшившись лично отправиться на западъ просить помощи противъ турокъ, онъ обратился уже не къ папѣ, а прямо къ западнымъ государямъ, ѣздилъ въ Венецію, Ми-

(1) Содержаніе этого письма не вполнѣ извѣстно. Оно не приводится у Райнальда. О содержаніи его узнаемъ изъ папскихъ буллъ. Rayn. ad an. 1394 n. 23 et caet.

(2) Ibid.

(3) Ист. крест. пох. Соч. Мишо, т. IV, стр. 590 и дал.

жанъ, Парижъ и даже въ Англію; хотя и на этотъ разъ его хлопоты не принесли ему ничего (1). А затѣмъ съ 1402 г. такъ расположились обстоятельства на востокѣ, что императоръ византійскій не имѣлъ уже нужды прибѣгать не только къ посредничеству папы, но и вообще къ помощи запада. Судьба на время улыбнулась несчастной византійской имперіи; съ 1402 до 1423 года для нея наступило такое время, когда она могла отдохнуть немного отъ предшествовавшихъ потрясеній. Страшная битва (1402 г.) между Баязетомъ и Тамерланомъ доставила на нѣсколько лѣтъ спокойствіе византійской имперіи. Цѣлыхъ 20 лѣтъ турки не могли оправиться отъ нанесеннаго имъ удара. Притомъ сыновья Баязета вели междоусобную войну и потому не нарушали мирнаго договора, заключеннаго Мануиломъ съ сыномъ Баязета Солиманомъ, даже возвратили греческой имперіи многіе отнятые у нея города. Такъ что только около 1415 г. Мануилъ возобновляетъ сношенія съ западомъ, которыя и имѣли слѣдствіемъ флорентинскую унію.

Очеркъ флорентинской уніи (1415—1453) (2).

Уже на соборѣ Констанскомъ (1414 г.) присутствуютъ греч. послы (21 чел.), впрочемъ безъ полномочія хлопотать объ уніи. Въ 1415 г. ѣдетъ съ востока на Кон-

---

(1) Rayn. ad an. 1400 n. 8.

(2) Теперь слѣдовало бы изложить подробно попытки къ соединенію церквей во времена флорентинскаго собора; но съ одной стороны имѣя въ виду, что есть уже на русскомъ языкѣ прекрасное сочиненіе, посвященное этому предмету, съ другой — находя свое сочиненіе и безъ того очень длиннымъ, мы представляемъ только *общій очеркъ* событій флорентинской уніи.

станскій соборъ посолъ (Евдемонъ) уже прямо съ цѣлію хлопотать по дѣлу объ уніи. Благосклонный пріемъ его папою (Мартиномъ V) и любезное посланіе послѣдняго въ Константинополь въ 1418 г. побудили императора и патріарха къ новому посольству на западъ (1418 г.) съ изъявленіемъ въ граматахъ отъ обоихъ готовности къ церковному миру и къ созванію вселенскаго собора, но только въ Константинополѣ. Въ 1422 году во время собора въ Павіи новое посольство отъ папы на востокъ съ запросомъ о мѣстѣ и времени собора и условіяхъ соединенія. Отвѣтъ, данный по смерти Мануила уже новымъ императоромъ—Іоанномъ VI Палеологомъ и П. Іосифомъ и настаивавшій кромѣ помощи визант. имперіи на созваніи собора именно въ Константинополѣ,—обсуждаемъ былъ на Сіенскомъ соборѣ (1423 г.), но дѣло это отложено до времени. Въ 1425 г. ѣдетъ на востокъ снова посольство отъ папы съ цѣлію убѣдить грековъ на созваніе собора въ Италіи. Отвѣтное греч. посольство (1425 г.) не извѣстно по содержанію порученій. Съ Базельскаго соб. (1431 г.), со временъ папы Евгенія IV, посольства съ той и другой стороны беспрерывныя (¹).

Трудно сказать, кто въ комъ болѣе заискивалъ во время этихъ предварительныхъ сношеній до 1437 г., папы ли, старавшіеся привлечь грековъ на западъ и чрезъ нихъ дать западн. соборамъ другое направленіе или греки—въ папахъ. Но на востокѣ уже не такъ идутъ теперь къ рѣшенію вопроса, какъ во времена ліонской уніи. Императоръ уже не отдаляетъ намѣренно двѣ сто-

(¹) См. Ист. флор. собора Моск. 1847 года и очень хорошее соч. Unionsverhand. seit d. Anf. d. XV Jahrh. zum. d. Conc. v. Ferrara — Thishman. 1858.

роны одну отъ другой, не становится между ними преградою, какъ во времена Ліонской уніи, не беретъ всего на себя предъ латинянами и православными, не увѣряетъ первыхъ, что все отъ него зависитъ, что ему ничего не стоитъ подчинить греческую церковь папѣ и не проситъ послѣднихъ (православныхъ) также во всемъ полагаться на него, не мѣшать ему имѣть дѣло самому съ папою, напротивъ видимо боится отвѣтственности предъ народомъ и іерархіею особенно по смерти патріарха Іосифа, избѣгаетъ по возможности принужденія, явныхъ насильственныхъ мѣръ и поспѣшности при рѣшеніи вопроса. Іерархія, и латинская и православная, становятся лицомъ къ лицу: со стороны императора дѣло передается на отвѣтственность православной іерархіи; ей предоставляется рѣшить его такъ или иначе (конечно это вовсе не значитъ того, будто императоръ не старался имѣть и дѣйствительно не имѣлъ на нее вліянія). Дѣло принимаетъ *видъ* вселенскаго собора. Давнишняя мысль о созваніи послѣдняго осуществляется. На соборѣ въ Феррарѣ и Флоренціи являются, чего никогда не бывало, не только императоръ и патріархъ греческіе, но и представители другихъ патріаршихъ престоловъ востока. Соборъ идетъ очень медленно, тянется около двухъ лѣтъ (съ 9 апр. 1437 г. до 6 іюля 1439 г.), сперва среди утомительныхъ споровъ и разсужденій догматическихъ о разногласіяхъ между церквами, а потомъ среди придумыванья различныхъ формулъ, въ которыхъ бы спорное ученіе могло быть выражено, сколько можно удовлетворительнѣе для той и другой стороны. Но ни стремленія одной стороны убѣдить другую, ни примирительныя формулы не удались. За то удались хитрыя мѣры папы и отчасти (не слиш-

комъ впрочемъ энергичныя) убѣжденія императора [1]. Папа отказалъ православнымъ въ средствахъ содержанія, склонялъ въ тоже время различнаго рода обѣщаніями епископовъ и тѣмъ и другимъ путемъ, при помощи недостойныхъ отступниковъ отъ православія, достигъ своей цѣли. Въ крайности, почти всѣ епископы [2] православные принуждены были уступить латинянамъ. Но уступая необходимости, отвсюду опутанные сѣтями, не желая умереть съ голода или перенести всѣ бѣдствія дальняго пути безъ всякихъ средствъ, они въ тоже время во глубинѣ души рѣшили, что заключенный ими миръ съ латинянами одна пустая форма, существуетъ только на бумагѣ. Послѣ уже того, какъ объявлено было возсоединеніе церквей, они не участвовали съ латинянами въ Богослуженіи, не принимали отъ нихъ пріобщенія Св. евхаристіи; въ латинскихъ храмахъ совершали литургію (какъ напримѣръ въ Венеціи) на греческихъ антиминсахъ, съ греческими священными сосудами, не поминали при этомъ папу, не дѣлали прибавки къ символу; по прибытіи же въ Грецію открыто и съ глубокою горестію говорили, что они продали вѣру, измѣнили православію. Вотъ почему почти не поддерживаемая хотя изъ опасенія раздражить папу и не отвергаемая императоромъ, совершенно не признанная іерархіею и народомъ унія долго не могла быть

(1) Императоръ довольно скоро понялъ неосновательность своихъ расчетовъ на помощь запада и началъ сомнѣваться въ нравственномъ вліяніи папы на западѣ; притомъ, какъ мы уже сказали, очень хорошо зная судьбу М. Палеолога, опасался брать на себя отвѣтственность въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ соединеніе церквей или, лучше, подчиненіе греческой церкви папѣ.

(2) Исключая Марка Ефесскаго и тѣхъ, кто или не дожилъ до конца собора (патр. Іосифъ и митр. Сардскій) или кто успѣлъ скрыться изъ Флоренціи (Исаія Ставроп. и еп. Иверскій).

обнародована. Прошло около 12 лѣтъ (1439—1452), умеръ самъ Іоаннъ Палеологъ (1448 г.), смѣнилось двое патріарховъ (Митрофанъ, бывшій митрополитъ Кизическій и, послѣ трехлѣтней вакантности патріаршаго престола, Григорій Мамма), а подчиненіе православной церкви папѣ все еще не было объявлено. Были смуты въ церкви православной, шла полемика, но открытаго признанія возсоединенія съ Римомъ еще не было сдѣлано. Сторона защитниковъ уніи была слишкомъ слаба и не многочисленна. Правда, подобно какъ и во времена ліонской уніи, было трое или четверо горячихъ ея приверженцевъ: Виссаріонъ Никейскій, Исидоръ Русскій, Митрофанъ Кизическій и императорскій духовникъ Григорій Мамма (были конечно и другіе менѣе рѣшительные ея приверженцы); правда два послѣдніе, одинъ послѣ другаго, стояли во главѣ іерархіи; были патріархами; но имъ нельзя было теперь дѣйствовать открыто, какъ во времена М. Палеолога; они должны были дѣйствовать или силою убѣжденія или хитрыми, для всѣхъ впрочемъ замѣтными, мѣрами, мало по малу вводя въ клиръ людей способныхъ измѣнить православію. Такимъ образомъ унія во времена и послѣ флорентинскаго собора не имѣла ни внутренней силы, ни внѣшней значительной, открытой поддержки со стороны правительства. Уже при слѣдующемъ императорѣ, преемникѣ Іоанна Палеолога, Константинѣ Палеологѣ, не болѣе какъ за 4 мѣсяца до окончательнаго паденія имперіи, среди отчаяннаго положенія дѣлъ, она объявлена была (12 дек. 1452) въ храмѣ Св. Софіи, при самомъ не многочисленномъ собраніи духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ имперіи, послѣ того какъ въ предъидущіе годы нѣсколько разъ и въ Іерусалимѣ (1443 г.) и въ Константинополѣ (около 1450 г.)

была отвергнута всѣми іерархами востока и слѣдовательно, не имѣя за собою силы нравственной, лишена была и основъ церковно-каноническихъ, законности юридической. Весь православный греческій народъ и почти вся іерархія одушевляемы были тѣмъ же чувствомъ, какимъ проникнутъ былъ Геннадій Схоларій, усвоившій себѣ всю ревность по православію своего друга Марка Ефесскаго, тогда уже скончавшагося. „Я никогда не отступлюсь отъ тебя, любезное православіе, говорилъ Геннадій, и не скоро тебя, священное преданіе, доколѣ духъ мой будетъ обитать въ семъ тѣлѣ (1)“. Когда совершалось въ Софійскомъ храмѣ чтеніе акта о соединеніи церквей, толпы православныхъ отправились въ монастырь Вседержителя къ Геннадію Схоларію. Утвержденные послѣднимъ еще болѣе прежняго въ своихъ убѣжденіяхъ, они расторгли всякое общеніе съ уніатами; тѣхъ, которые имѣли общеніе съ послѣдними — епископы и священники подвергали эпитиміямъ; не хотѣли посѣщать даже храмъ Св. Софіи, въ которомъ происходило чтеніе акта. Взятіе Константинополя турками (29 мая 1453 г.) черезъ четыре мѣсяца послѣ описанныхъ событій, сдѣлавъ излишнимъ всякіе хлопоты о помощи не существовавшей болѣе имперіи, нанесли рѣшительный ударъ флорентинской уніи. Итакъ флорентинская унія со всѣми предшествовавшими и сопровождавшими ее событіями есть время послѣднихъ (сначала энергичныхъ, потомъ постепенно ослабѣвающихъ) усилій византійскихъ императоровъ путемъ угожденія папѣ достичь своихъ политическихъ цѣлей; далѣе она есть время самыхъ постыдныхъ, низкихъ ухищреній па-

(1) Fabr. Bibliot. Graec. T. XI, p. 359. Ист. флор. собора. М. 1847 года, стр. 202.

мы, діалектическихъ преній между латинскою и православною іерархіями,—составленія примирительныхъ формулъ съ той и другой стороны (особенно же со стороны измѣнниковъ православія), — время по преимуществу дѣятельности іерархіи подъ вліяніемъ политическихъ соображеній и правительства, которое впрочемъ болѣе или менѣе сдерживало и замаскировывало свое на нее вліяніе. Вопросъ о соединеніи церквей во времена флорентинскаго собора и послѣ него исчерпанъ былъ вполнѣ. Теперь нельзя уже было ссылаться на поспѣшность и крутыя, насильственныя мѣры Михаила Палеолога и имъ однимъ приписывать весь неуспѣхъ дѣла. Теперь дѣло шло болѣе или менѣе путемъ убѣжденій, изслѣдованій, соглашеній почти по всѣмъ главнымъ пунктамъ разногласія между латинскою и православною церквами (а не по одному только пункту о Св. Духѣ, какъ было во времена ліонской уніи); обѣ стороны стали здѣсь лицемъ къ лицу и въ теченіи двухъ лѣтъ имѣли время переговорить о многомъ; насиліе допускаемо было (особенно со стороны греческаго императора), въ ограниченныхъ размѣрахъ и никогда не выражалось въ крайнихъ грубыхъ формахъ и — однакожъ миръ церквей не состоялся между самыми представителями православія и латинства, не говоря уже о народныхъ массахъ; сами византійскіе императоры увидѣли наконецъ всю несбыточность своихъ плановъ и охладѣли къ нимъ (¹).

(¹) Все дѣло представлено здѣсь такъ, какъ оно изложено въ извѣстномъ сочиненіи: „Истор. флор собора". Моск. 1847 г. Въ своемъ сжатомъ очеркѣ флорентинской уніи мы старались показать одни только общія отношенія того времени между папою и латинянами съ одной стороны и правительствомъ, іерархіею и народомъ православнымъ съ другой, имѣя при этомъ въ виду сопоставить флорентинскую унію съ

Мы уже показали, въ самомъ началѣ нашего сочиненія, въ чемъ заключалась *главная* причина безуспѣшности всѣхъ вообще попытокъ къ соединенію церквей, слѣдовательно и описанныхъ нами, съ флорентинской уніей включительно. Причина эта, какъ мы сказали, заключалась въ разнородности направленій, легшихъ въ основу православія и латинства. Въ самой глубинѣ жизни, которою жила та и другая церковь, въ началахъ, какими одушевлялись латинство и православіе, была отчужденность, непримиримость. Не могли эти начала уступить мѣсто одно другому, уничтожиться или взаимно замѣниться одно другимъ. Православіе, какъ истинное начало, одушевлявшее истинную христову церковь, не могло уступить мѣсто односторонности— латинству. Латинство, въ свою очередь, все прониклось крайними стремленіями; эти стремленія, развиваясь все болѣе и болѣе, превратились въ его душу, въ силу, которая или переработывала или отвергала все то, что не подходило къ ея настроенію, которая была *живуча*, устойчива и доселѣ еще остается такою. Также невозможно было, чтобы истинное начало, одушевлявшее православіе, и одностороннее ложное, — проникавшее католичество, не уничтожая другъ друга, примирились между собою.

„Многихъ", скажемъ съ знаменитымъ защитникомъ православія Маркомъ Ефесскимъ, „соблазняла мысль, что можно отыскать нѣчто среднее между двумя ученія-

---

ліонской. Но мы не показали частнѣйшихъ взаимныхъ отношеній между правительствомъ, іерархіею и народомъ православнымъ, какія явились между ними вслѣдствіе такого, а не другаго отношенія какъ къ латинянамъ. Сдѣлать послѣдняго не позволилъ намъ объемъ нашего сочиненія, невозможность обрисовать эти отношенія, не пускаясь въ частности, отчасти наконецъ недостатокъ въ этого рода фактахъ.

ми. Но можно найти такой оборотъ рѣчи, который бы имѣя обоюдное значеніе, выражалъ нѣчто среднее между двумя ученіями; а ученіе среднее между двумя противоположными объ одномъ и томъ же предметѣ невозможно: ибо иначе оно должно быть чѣмъ-то среднимъ между истиною и ложью, утвержденіемъ и отрицаніемъ" (¹). Нельзя не признать глубокой истинности *за этимъ воззрѣніемъ* Марка Ефесскаго. Такое безцвѣтное и безжизненное явленіе, какъ нѣчто среднее между истиною и ложью или одностороностью, не могло и никогда не можетъ долго существовать; оно можетъ имѣть мѣсто только въ мысли, но никакъ не въ жизни. Итакъ, на одной поверхности, но отнюдь не въ глубинѣ жизни, которою жила та и другая церковь, появлялись стремленія къ соединенію церквей. Они являлись, если можно такъ выразиться, какъ жалкія растенія на самой тонкой поверхности почвы, на самомъ тонкомъ ея слоѣ.—Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ простымъ сердцамъ, къ тому огромному большинству православныхъ, которые чувствовали истинность православія и непримиримость его съ латинствомъ, были ему преданы всею душею, хотя, по свойственной человѣку способности увлекаться, и впадали въ односторонности и крайности; ратовали за правое дѣло, хотя часто ихъ ревность была не по разуму; испытывая на себѣ множество неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыхъ виною отчасти были западные христіане, слишкомъ далеко увлекались отвращеніемъ къ латинству. Но истина не потому истина, что хороши и безукоризненны органы, которыми она выражается и въ жиз-

(¹) Synod. Flor. T. 2, p. 369 et sq. См. Ист. флор. соб. М. 1847 года стр. 192—193.

ни которыхъ она проводится, а потому что она такова сама въ себѣ. Равнымъ образомъ и ложь, не потому ложь, что она выражается въ крайнихъ формахъ, проводится, проповѣдуется лицами недостойными; нѣтъ, она остается ложью и тогда, когда облекается довольно благовидною наружностію. Послѣднее, впрочемъ (т. е. что ложь принимаетъ благовидную наружность), въ данномъ случаѣ не приложимо: массы латинянъ, какъ мы видѣли, не чужды были всѣхъ тѣхъ крайностей въ выраженіи своего отвращенія отъ православія, въ какихъ можно упрекнуть православный греческій народъ, не смотря на то, что имъ сравнительно гораздо менѣе приходилось страдать отъ православныхъ, чѣмъ греческому народу отъ ихъ самихъ. Но не это бросаетъ невыгодную тѣнь на латинство; все равно какъ нельзя подобнаго же обращать въ упрекъ православію. Православія и латинства не составляютъ личности; личности только ихъ органы. Религіозныя, какъ и всякія начала, выше личностей и не должны быть смѣшиваемы съ послѣдними.

А. Катанскій.

НАЧАТКИ ХРИСТІАНСТВА МЕЖДУ МАДЬЯРАМИ.

Хроники, легенды, а за ними и безразборчивыя исторіи представляютъ намъ заслуги св. Стефана, на счетъ введенія христіанства въ Венгріи, въ такомъ преувеличенномъ размѣрѣ, какъ будто бы этотъ король венгровъ, съ нѣсколькими нѣмцами, вдругъ обратилъ изъ полнаго язычества въ христ. вѣру всю землю угорскую, самыхъ даже славянъ, отпавшихъ будто бы опять въ язычество. Вѣрить этому значитъ не вѣрить въ ту несомнѣнную истину, что въ природѣ скочковъ не бываетъ. Народы въ одинъ мигъ не переходятъ въ иную вѣру: не перешли и мадьяры. Еслибы, при св. Стефанѣ, угорская земля находилась въ такомъ язычествѣ, какъ это представляютъ его восхвалители; то не только какая либо горсть рыцарей, но и цѣлая „священная римская имперія“ не въ состояніи была бы возложить на угровъ благое иго Христово. Дѣлалось же это само по себѣ постепенно, еще задолго до Стефана,—дѣлалось, такъ сказать, безъ свидѣтелей; ибо это событіе покрыто не проницаемымъ мракомъ. Весьма правдоподобно, что уже въ Молдавіи и Валахіи между мадьярами были послѣдователи Христовы. Ибо таковъ быва-

етъ естественный ходъ при добровольномъ обращеніи народовъ изъ одной вѣры въ другую: сначала народъ сдружается съ новою вѣрою въ душѣ; потомъ начинаютъ принимать ее отдѣльныя лица порознь; наконецъ увлекаются потокомъ и властители, князья, которые, въ свою очередь, побуждаютъ къ новой вѣрѣ прочихъ. Этотъ естественный ходъ вещей мы должны предполагать и у мадьяръ; но объ немъ мы почти ничего не знаемъ по недостатку свидѣтельствъ и памятниковъ. Вовсе не приготовленные, мы видимъ вдругъ, въ концѣ 10-го столѣтія, въ лонѣ восточной церкви большую часть мадьярскаго народа, всю великокняжескую семью, и въ тоже время нѣмцовъ, усердно трудящихся надъ искорененіемъ того, что пришло съ востока.

Какъ дѣло дошло до того? Изъ источниковъ, донынѣ намъ извѣстныхъ, мы не знаемъ. Только о двухъ случаяхъ принятія креста мадьярами ко временамъ Порфиродннаго упоминаютъ, († 959) греческіе лѣтописатели Іоаннъ Скилитза, Кедринъ и Зонара. Объяснимъ сообщаемое ими, какъ это намъ представляется.

Прежде всего пишутъ они, что, во времена Порфиродннаго, пришелъ въ Царьградъ, принялъ крестъ и былъ щедро одаренъ и патриціемъ наименованъ—мадьярскій князь (princeps Turcarum) по Кедрину *Вулосудъ*, по Скилитзѣ *Волесодъ*, по Зонарѣ *Вологудъ*. Мы этого мадьярскаго князя принимаемъ за отца Гейзы, который (отецъ) именуется различно. Безъименный пишетъ его имя Tocsun, Турчанъ Taxis; Сигбертъ Гемблаченскій Tapis, Гепиданъ Pulszi; Алольдъ называетъ его Медвѣдемъ (Ursus), и употребляетъ это имя нѣсколько разъ. А что онъ разумѣетъ тоже лицо, которое иначе еще называется Таксомъ, видно изъ того, что наслѣд-

никомъ ему назначаетъ Гейзу. Авентинъ называетъ короля угровъ на роковой битвѣ при Аусбургѣ 955 г. Вулчкомъ. Порфиродный знаетъ также между Арпадовыми потомками Таксиса, но говоритъ, что въ его время (ок. 950 г.) княжилъ (qui nunc principatum tenet) Talicim. Мы всѣ эти, хотя различно звучащія, имена, принимаемъ за одно имя и относимъ ихъ къ одному лицу, присовокупляя къ тому еще имя Вулосудъ. Ибо что значитъ Taxis? Въ мадьярскомъ языкѣ нѣтъ этого слова; изъ греческаго Τόξον (лукъ) нельзя производить. По всей вѣроятности, эго, какъ догадывается Калезій, нѣмецкое слово Dachs (taisson), барсукъ, ursus meles. Этимъ объясняется, почему Алольдъ называетъ его медвѣдемъ. Ursus почти тоже, что Dachs. А что же такое Вулчко? Это должно быть славянское слово Волчокъ, которое вѣроятно и было причиною всей этой путаницы названій. Изъ него нѣмцы сдѣлали Вулчко, Bulsu (1), Pulsi, греки—Talicim, Вулосудъ и т. д.; потому что это странно для нихъ звучало, и въ своемъ языкѣ они не имѣли буквъ для славянскихъ звуковъ. Другіе перевели это имя нѣмецкимъ словомъ Dachs и латинскимъ Ursus. Славяне дали ему имя Волка, вѣроятно, вслѣдствіе дикости его вида. Алольдъ представляетъ его совершеннымъ чудовищемъ. „Мужъ, говоритъ, дикій и суровый, какъ то животное, отъ котораго получилъ прозвище“.

Но Вулосудъ, по словамъ Кедрина, потомъ отпалъ отъ христіанства. Это можетъ означать только то, что

---

(1) Могло это быть и христіанское имя. Между Чанадскими епископами подъ годомъ 1244 читается „Blasius, *alias Vulchu*“. Подъ г. 1241 *Bulsu*. Если это допустить; то тѣмъ самымъ ужъ докажется христіанство отца Гейзова.

онъ оказался неблагодарнымъ, и что грекамъ и потомъ не давалъ покоя своими нападеніями.

Не много имѣетъ важности и то возраженіе Штильтинга (1), что Порфирородный не преминулъ бы упомянуть объ этомъ. Кто можетъ всему найти причину?

И потому-то почти неизбѣжно принять за истину, что уже Волчокъ принялъ въ Царьградѣ крестъ, когда сыновья его Гейза (Изяславъ или Геко, Григорій?) и Михаилъ являются предъ нами полными православными христіанами, безъ всякихъ слѣдовъ, когда бы они были окрещены.

Около тогоже самаго времени, по свидѣтельству тѣхъ же самыхъ писателей, далъ себя окрестить въ Царьградѣ другой князь мадьярскій (princeps Turcicus), по имени Дюла (Gylas). Онъ взялъ съ собою инока Іероѳея, котораго патріархъ Ѳеофилактъ поставилъ угорскимъ епископомъ (Turciae episcopum), и который потомъ обратилъ многихъ ко Христу.

Кто былъ этого *Дюла?* По свидѣтельству Порфиророднаго, при дворѣ великагó князя находились два сановника, Карханъ и Gylas. Карханъ вѣроятно былъ судьей, и имѣлъ имя отъ наказыванія, каранія виновныхъ. Касательно Дюлы, Готфр. Шварцъ предполагаетъ, что подъ этимъ именемъ разумѣется сеймъ, соборъ, по мадьярски gyülés. Но мы скорѣе полагали бы, что Gylas есть тоже, что славянское воевода. Происходитъ это слово отъ мадьярскаго gyül—собирать, отсюда дружина, скопище, войскъ (2). Но такой великокняжескій воевода не могъ быть Gylas или Дюла, который далъ себя

(1) Въ его жизнеописаніи св. Стефана.

(2) Замѣчательно, что Турчанова хроника и вождя Кумановъ, вторгшихся при королѣ Соломонѣ называетъ Дюлою.

окрестить, потому что о немъ ясно говорится, что онъ былъ владѣтелемъ одной части Венгріи. Слѣдовательно это былъ природный князь мадьярскій, подчиненный великому князю.

Но гдѣ же онъ княжилъ? Готор. Шварцъ (¹) принимаетъ его за Семиградскаго (Трансильванскаго) князя или воеводу, на котораго дочери потомъ женился великій князь Гейза. Подтверждаетъ это и Турчанова хроника, да и вообще это принимается за истину. Мы не противорѣчимъ, только отличаемся тѣмъ, что имя Gylas не принимаемъ за имя лица, а за названіе достоинства, и что имя Дюла не производимъ отъ латинскаго Julius, а отъ мадьярскаго gyül.

Эти-то двѣ свѣтлыя точки видимъ мы въ томъ мракѣ, который покрываетъ первое обращеніе мадьяръ въ христ. вѣру, — въ ту вѣру, которую назвали потомъ, когда Гейза и св. Стефанъ справили мадьяръ въ латинскую церковь, да и по нынѣ называютъ, — старою вѣрою (óhitü, Altglaúbiger, староверецъ). Къ этому-то болѣе, а не къ обращенію дѣйствительныхъ язычниковъ, направлено было апостольство нѣмцовъ въ Венгріи при Гейзѣ.

Первый проповѣдникъ съ запада былъ монахъ Вольфгангъ. О немъ впрочемъ упоминается только въ безъименной легендѣ. Пришелъ, говорится тамъ о немъ, около 971 года въ Паннонію, но ничего не успѣлъ. Поэтому его отозвалъ пассавскій епископъ Пилигринъ (Peregrinus), и поставилъ епископомъ въ Регенсбургѣ, принявъ самъ апостольство въ Венгріи по желанію императора Оттона. Оттонъ, по смерти Такса или Волчка,

(¹) Jnit. rel. Christ. inter Hung. Lips. 1740.

или какъ бы тамъ онъ (отецъ Гейзы) ни назывался, посылалъ къ Уграмъ Брунона, епископа, по Ганшичу, Вердюнскаго, приказавъ Пилигриму снабдить его всѣмъ потребнымъ. Замѣчательна грамата объ этомъ императора. Онъ называетъ Гейзу королемъ; говоритъ, что хочетъ его расположить къ себѣ (nostro arbitrio colligendus); обѣщаетъ большія отсюда выгоды и самому Пилигриму (vobis in hoc vestrisque omnibus consuletur). Онъ разумѣлъ такія выгоды, какія принесло нѣмцамъ апостольство между славянами. На грамотѣ не означенъ годъ; поэтому нельзя съ достовѣрностію сказать ни того, который изъ Оттоновъ ее писалъ, такъ какъ Пилигримъ былъ пассавскимъ епископомъ при трехъ Оттонахъ (971—991), ни того, какой именно былъ этотъ Брунонъ, такъ какъ изъ этого времени извѣстны два епископа Брунона. Одинъ былъ братъ жены св. Стефана, Гизелы, другой миссіонеръ епископъ Брунонъ, названный апостоломъ руссовъ. Сему-то послѣднему Адемаръ приписываетъ крещеніе Гейзы; но неправдоподобность этого достаточно доказали Ганшичъ и Штильтингъ. Это должно быть тотъ самый, который около 1006 г. пишетъ о себѣ Генриху 2-му (называя себя вѣрнѣйшимъ его пособникомъ), что онъ цѣлый годъ напрасно пробылъ въ Венгріи, и потомъ отправился къ дикимъ печенѣгамъ, руссамъ, полякамъ и пруссамъ (¹).

Брунонъ, отправленный Пилигримомъ, долженъ быть какой либо другой, потому что этотъ дѣйствовалъ въ Венгріи съ успѣхомъ, какъ это видно изъ весьма замѣчательнаго письма, писаннаго 973 г. къ папѣ Венедикту VI. Онъ пишетъ, что по уговору и вслѣдствіе

(¹) Monum. Hung. 6. т. стр. 15., письмо Пилигрина у Фейера.

многихъ просьбъ (въ этотъ именно году Гейзовы послы были у императора въ Кведлинбургѣ) онъ велѣлъ проповѣдывать мадьярамъ евангеліе; что посланные проповѣдники окрестили уже около пяти тысячь значительнѣйшихъ мужей и женъ; что народъ по большей части христіанскій, но до этого времени не смѣлъ открыто исповѣдывать свою вѣру, теперь же можетъ ставить и храмы, а священники могутъ ходить, гдѣ только хотятъ, что господа, остающіеся въ язычествѣ, не препятствуютъ своимъ подданнымъ креститься; что христіане живутъ съ язычниками въ полномъ согласіи; что цѣлый народъ расположенъ къ принятію христ. вѣры, равно какъ и славянскія провинціи. Изложивъ это, предлагаетъ папѣ посвятить для угровъ нѣсколько епископовъ, такъ какъ его одного недостаточно для такой паствы, для себя же проситъ архіепископскаго достоинства.

Здѣсь вотъ отъ разу мы имѣемъ предъ собою угровъ почти всѣхъ въ христіанствѣ. Могло ли это совершиться въ два, три года? Правда, что Пилигринъ пишетъ такъ, какъ будто бы христіане состояли только изъ однихъ порабощенныхъ жителей; но изъ этого слѣдуетъ только то, что его миссіонеры искали главнымъ образомъ этихъ послѣднихъ. Могло, пожалуй, такъ быть такъ, какъ было въ Литвѣ, гдѣ литовскіе князья давно ужъ признавали истинность христіанской вѣры, ходили въ христ. храмы на богослуженіе, но однакожъ не были еще окрещены (1). Что Пилигринъ не держится

(1) Авторъ, кажется, не вполнѣ знакомъ съ первоначальною исторіею хр. церкви въ Литвѣ, тогда какъ эта исторія еще болѣе оправдываетъ взглядъ его на первоначальный ходъ христіанства въ Венгріи: многіе литовскіе князья были даже крещены, но въ правосл. церкви, о какомъ однакожъ крещеніи латинскіе миссіонеры и лѣтописцы знать не хотѣли и приписывали себѣ честь обращенія литовскихъ князей „изъ язычества“

сущей правды, и представляетъ страну болѣе языческою, нежели это было на дѣлѣ, выдаетъ и православныхъ за язычниковъ, чтобы увеличить заслуги свои и своихъ миссіонеровъ, и тѣмъ подкрѣпить свою просьбу на счетъ архіепископскаго достоинства,—это видно изъ того, что онъ говоритъ объ областяхъ славянскихъ. И эти, говоритъ, готовы „принять вѣру". Да развѣ славянскія провинціи не были уже христіанскія? Инородные дѣеписцы дѣлаютъ отсюда заключеніе, что съ приходомъ мадьяръ и славяне отпали отъ христіанства; мы же выводимъ, что Пилигринъ православныхъ не признавалъ за христіанъ.

Изъ того также, что Пилигринъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о крещеніи Гейзы, Катона выводитъ, что Гейза тогда не былъ еще христіаниномъ; но изъ этого скорѣе слѣдуетъ, что онъ христіаниномъ родился, (то-есть, крещенъ въ младенчествѣ христіанскими родителями. *Перев.*).

Впрочемъ нѣмецкое апостольство пресѣклось уже въ 975 г., когда баварскій герцогъ Генрихъ коронованъ былъ нѣмецкимъ королемъ противъ Оттона II. Такъ какъ Пилигринъ остался при Оттонѣ, а угры приняли сторону Генриха, то послѣдніе напали на „св. римскую имперію", особенно же на Пилигрина, и эти нападенія продолжались долго. Изъ граматы Оттона III отъ 983 г. видно, что угры не преставали дѣлать наѣзды на имѣнія Пилигриновы, жечь его деревни, убивать людей, такъ что все обратили въ пустыню.

Такой былъ конецъ краткаго апостольствованія нѣмцовъ въ Венгріи; но при всемъ томъ христіанство рас-

---

въ латинскую церковь; тоже по взгляду автора сообщаемой статьи было и въ Венгріи. — *Перев.*

простиралось такъ, что уже въ 1000 году могъ быть учрежденъ цѣлый іерархическій составъ, что свидѣтельствуетъ о государственной мудрости Гейзы. Онъ призналъ выгоднымъ поставить себя подъ охранный щитъ папы; но не хотѣлъ, чтобы подъ покровомъ религіи командовали имъ нѣмцы. Онъ хотѣлъ имѣть свою, отъ нѣмцовъ независящую, іерархію, какое желаніе въ скоромъ времени и приведено было въ исполненіе сыномъ его св. Стефаномъ. Чрезъ это нѣмцы лишились тѣхъ великихъ выгодъ, которыхъ они ожидали себѣ отъ обращенія угровъ.

Вполнѣ соглашаемся съ мадьярами, что ихъ сохранило это отъ погибели; но конечно и они могутъ согласиться съ Готфр. Шварцомъ, что первое христіанство пришло къ нимъ съ востока, и что прежде они знали славянское „Господи помилуй“, нежели „Dominus vobiscum“.

Написалъ *Іона Заборскій*, приходскій римско-католическій священникъ въ Венгріи; перевелъ *В. В.*

Заимствовано изъ „Лѣтописи словенской Матицы“, за 1867 г. связокъ 1, стр. 20—23.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ (*).

I. **Правительственныя распоряженія:** Увольненіе архіеп. Михаила отъ епископіи.—Открытіе новыхъ викаріатствъ.—Упраздненіе Макаріева Желтоводскаго монастыря. — Постановленіе касательно прошеній о закрѣпленіи священническихъ мѣстъ. — Предоставленіе лицамъ духовнаго званія права на полученіе *ордена св. Анны 5-й степени* за труды по народному образованію. — **Библіографическія замѣтки:** Перечень особенно замѣчательныхъ статей нашей текущей духовной и свѣтской журналистики.—*Іезуиты въ Россіи* съ царствованія Екатерины II и до нашего времени. Соч. свящ. М. Я. Морошкина. Ч. I. Спб. 1867 г. — Дѣло о католическихъ патерахъ-капуцинахъ, при Петрѣ Великомъ (изъ рукописей синодскаго архива).—III. **Разныя извѣстія:** Разсказъ объ обращеніи въ православіе одной молодой еврейки.—Еврейскій вопросъ.—Пониманіе и исполненіе современными русскими евреями древняго Моисеева закона. — Несвѣтлыя стороны нравственной жизни нашего общества. — Тяжелое впечатлѣніе, вынесенное изъ Окружнаго суда. — Неразумный поступокъ одного квартальнаго надзирателя. — Обращеніе изъ раскола.—Сочувствіе къ голодающимъ.—Пастырскія поученія *„о пособіи страждущимъ отъ голода“*.—Сила милосердія.

I.

Г. синодальный оберъ-прокуроръ предложилъ святѣйшему синоду именной Высочайшій указъ на имя святѣйшаго синода, состоявшійся въ 23 день января сего года, въ коемъ изображено: архіепископа минскаго Михаила, по разстроенному здоровью, всемилостивѣйше увольняемъ отъ управленія епархіею.

По представленію св. синода и Высочайшему соизволенію, въ 23 день минувшаго января, открыты *новыя викаріатства* въ епархіяхъ *владимірской* и *вятской*. Викарію первой епархіи повелѣно именоваться епископомъ *муромскимъ* и имѣть мѣстопребываніе въ г. Владимірѣ, викарію *второй* — епископомъ *сарапульскимъ* и

(*) Спѣшимъ исправить вкравшіяся въ мартовское „Обозрѣніе“ погрѣшности: въ числѣ членовъ Комитета по преобразованію дух. академій пропущенъ правитель канцеляріи оберъ-прокурора св. синода Н. А. Сергіевскій и г. Галаховъ ошибочно названъ академикомъ.

жить въ Успенскомъ Трифоновомъ монастырѣ, въ г. Вяткѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. оберъ-прокурора св. синода, въ 23 день января сего года, высочайше утвердить соизволилъ опредѣленіе свят. синода *объ упраздненіи Макаріева Желтоводскаго* монастыря нижегородской епархіи.

Святѣйшій Синодъ, усматривая изъ дѣлъ канцеляріи, что въ послѣднее время поступило въ синодъ значительное число просьбъ отъ лицъ духовнаго званія о закрѣпленіи священнич. мѣстъ за родственниками, постановилъ: „подтвердить всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ печатными указами, чтобы они, съ своей стороны, поставили въ непремѣнную обязанность благочинныхъ—внушить лицамъ духовнаго званія, дабы они не утруждали св. синодъ, какъ *высшее духовное правительство*, прошеніями съ ходатайствомъ, явно противнымъ Высочайше утвержденному 22 мая 1867 года мнѣнію государств. совѣта, и тѣмъ самымъ не обременяли бы св. синодъ излишнею перепискою, и что если за симъ будутъ поступать въ св. синодъ просьбы отъ духов. лицъ о предоставленіи ихъ дѣтямъ или родственникамъ священно-церковно-служительскихъ мѣстъ, то *оныя будутъ оставлены безъ разсмотрѣнія и отвѣта.* 17 января 1868 г.“

Г. синодальный оберъ-прокуроръ, отъ 5 ноября 1867 года, предложилъ св. синоду, что а) въ государственный совѣтъ внесено было, по Высочайше учрежденному присутствію по дѣламъ православнаго духовенства представленіе о предоставленіи лицамъ духовнаго званія правъ на полученіе ордена св. Анны 3 степени, по статуту, за труды по народному образованію, и что б)

нынѣ государственнымъ секретаремъ сообщено Высочайшее повелѣніе объ исполненіи послѣдовавшаго въ государственномъ совѣтѣ мнѣнія по этому предмету. Въ самомъ же мнѣніи государственнаго совѣта изъяснено: государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе оберъ-прокурора св. синода о предоставленіи лицамъ духовнымъ правъ на *полученіе ордена св. Анны* 3 ст., *по статуту*, за труды по народному образованію, мнѣніемъ положилъ: *сохраняя для духовенства силу общаго узаконенія*, изображеннаго въ пункт. 22 ст. 631 т. 1 учр. орд., предоставляющаго право на награду орденомъ св. Анны 3 ст. *лицамъ всѣхъ состояній*, кромѣ податнаго, за учрежденіе училища для 20 человѣкъ и содержаніе онаго въ теченіе *семи* лѣтъ, *постановить*, въ дополненіе п. 24 той же 581 ст., что *лицамъ духовнаго званія предоставляется право на полученіе ордена св. Анны 3 ст. и за особо усердное*, по засвидѣтельствованію начальства, *исполненіе въ теченіе 25 лѣтъ обязанностей по* обученію въ народныхъ школахъ (Дух. Бес.).

II.

Въ первыхъ нумерахъ нашихъ духовныхъ журналовъ за этотъ годъ особенное вниманіе останавливаютъ на себѣ: въ янв. кн. „*Трудовъ К. Д. академіи*" статьи а) „Боссюэтъ, епископъ москій, и значеніе его для католич. церкви" — М. *Лебедева* и б) Изслѣдованіе о талмудѣ"—С. *Диминскаго*; въ первой описана судьба воспитанія Боссюэта и показано значеніе послѣдняго, какъ церковно-историческаго дѣятеля; во второй представлена ученая характеристика талмуда и изложена

сущность его содержанія.—Въ янв. кн. «*Прав. Обозр.*: „Изъ соврем. быта англиканской церкви"—М. *Сухотина*; „Письма о соврем. состояніи религіозно-церковной жизни за границей" — свящ. *Кустодіева*, и „Обозрѣніе франц. богословской журналистики"—свящ. М. *Морошкина*. Въ янв. кн. „*Прав. Собес.*" „О татарскихъ мечетяхъ въ Россіи." *Г. Малова*. Авторъ этой послѣдней статьи, какъ видно, хорошо знакомъ съ религіознымъ бытомъ мѣстнаго исламизма. Онъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о фанатизмѣ татарскихъ муллъ и предлагаетъ благоразумныя мѣры къ ослабленію магометанства въ казанскомъ краѣ. Въ „*Руковод. для сел. паст.*" съ интересомъ и пользою,—особенно для приходскихъ священниковъ, — могутъ быть прочтены слѣд. статьи: „Домашнее наставленіе сельскимъ прихожанамъ по случаю суевѣрнаго обычая — обыгрыванія воды подъ новый годъ" (№ 1); „По поводу одного изъ суевѣрій, при совершеніи таинства крещенія" (№ 2); „Къ рѣшенію неопредѣленныхъ вопросовъ въ церковной практикѣ" (№ 3); „Поученія къ сельскимъ прихожанамъ о грамотности" (№ 4) и т. п. Изъ статей, помѣщенныхъ *за текущій* годъ въ „*Страникѣ*", заслуживаетъ особеннаго вниманія простое и задушевное слово свящ. А. В. Гумилевскаго, сказанное имъ къ сельскимъ прихожанамъ „о кроткомъ обращеніи съ животными" (1). Слово это можно бы назвать образцовымъ въ своемъ родѣ, если бы въ него не вкрались выраженія, не со всѣмъ умѣстныя на церковной каѳедрѣ, въ родѣ слѣдующихъ: „лошадь отбивалась отъ мухъ *хвостомъ*" или: „крестьянинъ билъ лошадь *кнутовищемъ по мордѣ*" (стран. 112) и т.

(1) См. Странникъ. февр. 1868. стр. 106—115.

п.—Въ Саратовскихъ Епарх. Вѣд. (№ 4) помѣщено начало статьи съ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о новѣйшихъ событіяхъ въ расколѣ."

Изъ свѣтскихъ журналовъ церковно-религіозными вопросами продолжаютъ, между прочимъ, заниматься *два Вѣстника*: „Вѣстникъ Европы" и „Русскій Вѣстникъ." Въ первомъ помѣщены серьезныя статьи *по церковной исторіи*, каковы напр: „Русское масонство XVIII в."; „Послѣдняя судьба папства въ Россіи"; „Сектаторы—колонисты, въ Россіи" и т. п. „Русской Вѣстн." почти непрерывно знакомитъ своихъ читателей съ современными движеніями въ русскомъ расколѣ. Наше провинціальное и уѣздное духовенство, желающее слѣдить за свѣтскою литературою, сколько намъ извѣстно, иногда бываетъ поставлено въ затрудненіе, не зная, какой лучше выписать свѣтскій журналъ. „Заплатишь, — говорилъ намъ одинъ сельскій священникъ,—16 р. 50 к., а тебя и угощаютъ *Взбаламученнымъ моремъ*: — жалѣешь, потомъ, что не съ кѣмъ было посовѣтываться при выпискѣ свѣтскаго журнала." Мы увѣрены, что изъ нашихъ читателей никто не пожалѣетъ, если выпишетъ одинъ изъ этихъ двухъ журналовъ, годовое изданіе которыхъ (12-ть объемистыхъ книжекъ) стоитъ, съ пересылкою во всѣ мѣста, 16 рублей. Въ первой кн. „*Педагогич. Сборника*" нельзя не обратить вниманія на двѣ статьи: „Матеріалы, извлеченные изъ протоколовъ педагогическихъ комитетовъ и годовыхъ отчетовъ военныхъ гимназій, за 1863 — 68 г." и „Вліяніе личности воспитателя на воспитанниковъ въ нашихъ закрытыхъ заведеніяхъ." Въ февр. кн. „*Журн. Мин. Нар. Просв.*" помѣщена очень интересная и дѣльная статья П. Ѳ. *Николаевскаго* о „Русской проповѣди въ XV и XVI вѣкахъ." Мы глу-

боко сожалѣемъ, что ни мѣсто, ни время не позволяютъ намъ ближе познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ указанныхъ статей, но, для интересующихся богословскою литтературою, и эти краткія указанія на болѣе выдающіяся произведенія ея, думаемъ, не безполезны.

Недавно вышла въ свѣтъ первая часть замѣчательнаго сочиненія священника М. Я. Морошкина „*Іезуиты въ Россіи*," обнимающая исторію іезуитовъ въ царствованіе Екатерины Великой и Павла I. Литературная критика сдѣлала объ этомъ соч. уже два добрыхъ отзыва, помѣщенныхъ въ *Дух. Бесѣдѣ* (*№ 8*) и журналѣ „*Совр. Обозрѣніе*" (за янв. 1868 г.).—Болѣе подробная и серьезная критика на книгу о. Морошкина принадлежитъ рецензенту свѣтскаго журнала „Современное Обозрѣніе." Рецензентъ Дух. Бесѣды не столько разсуждаетъ о достоинствѣ 1 части соч. о. Морошкина, сколько, съ одной стороны, распространяется еще объ имѣющей только выйти въ свѣтъ 2 части, съ другой стороны, совершенно напрасно высказываетъ сожалѣніе, что подобнаго рода „*ученыя* сочиненія *не цѣнятся большинствомъ*, привыкшимъ *къ легкому* чтенію, и что (будто бы) они не только не доставляютъ своимъ авторамъ *ни хлѣба, ни чести* (kein Brodt ind Ehre), но даже не возвращаютъ издержекъ печатанія." Странно то, что этотъ рецензентъ, сочувствуя, повидимому, книгѣ о. Морошкина, — какъ бы мимо своего вѣдома,—заставляетъ заподозрѣвать въ ней какую-то *сухую* ученость, наводящую на читателя скуку и, съ двухъ страницъ, утомляющую вниманіе, — между тѣмъ какъ къ числу первыхъ достоинствъ труда о. Морошкина нужно отнести именно то, что въ немъ въ одинаковой мѣрѣ

совмѣщены и *замѣчательная ученость, и простота* изложенія, а также *занимательность* и *легкость* разсказа. Авторъ, какъ видно, располагалъ самыми богатыми матеріалами, взятыми имъ изъ архивовъ — синодскаго и министерства иностранныхъ дѣлъ, а также изъ рѣдкихъ рукописей императорской публичной библіотеки, доступныхъ не для всякаго.—Собраніе этихъ, въ высшей степени любопытныхъ, матеріаловъ стоило автору необыкновеннаго терпѣнія, усидчиваго и тяжелаго труда. Въ своихъ выводахъ изъ фактовъ авторъ неумолимо логиченъ и добросовѣстенъ.—Съ честностію добросовѣстнаго историка, о. Морошкинъ не скрываетъ и мрачныхъ сторонъ церковной жизни, въ описанную имъ эпоху, каково напр. господствовавшее тогда невѣжество въ духовенствѣ, даже петербургскомъ. Собранные факты и матеріалы о. Морошкинъ излагаетъ съ рѣдкимъ умѣньемъ, — такъ художественно, что предъ его читателями являются какъ бы на яву типы ловкихъ іезуитовъ (напр. Черневича) и даже типъ самой Екатерины, какъ женщины тонкой, умной и стойкой.—За дѣйствіями іезуитовъ о. Морошкинъ слѣдитъ, такъ сказать, шагъ за шагомъ, и постепенно знакомитъ читателя съ складомъ мыслей, съ нравственными убѣжденіями, съ казуистическими принципами, съ завѣтными тенденціями и, вообще, съ цѣлымъ строемъ внутренней и внѣшней жизни этого ордена. Причемъ, о. Морошкинъ, — что составляетъ одно изъ самымъ важныхъ достоинствъ его книги,—весьма обстоятельно показываетъ какъ вліяніе іезуитовъ на складъ внутренней жизни тогдашняго нашего общества, такъ и на тѣ историческія условія, которыя благопріятствовали этому вліянію. Интриги отцовъ іезуитовъ, такъ рельефно представденныя о. Мо-

рошкинымъ, придаютъ его сочиненію занимательность историческаго романа. Отъ этого книга о. Морошкина читается съ необыкновеннымъ интересомъ, какъ учеными людьми такъ и лицами свѣтскаго образованія. Жаль только, что подстрочныя примѣчанія въ книгѣ, находящіяся въ подлинникѣ на иностранныхъ языкахъ, оставлены авторомъ безъ перевода на русскій; по содержанію своему они, кажется, вовсе не таковы, чтобъ ихъ почему-либо неудобно было издать въ печати на русскомъ языкѣ, между тѣмъ, можетъ быть, не всякій читатель въ состояніи понимать то, что напечатано по-французски, а тѣмъ болѣе по-латыни и по-польски. Вообще же, долгъ справедливости требуетъ сказать, что трудъ о. Морошкина для нашей духовной, особенно же скудной церковно-исторической литературы составляетъ важное капитальное пріобрѣтеніе. Дѣло читающей публики—отблагодарить автора означеннаго сочиненія своимъ вниманіемъ къ его труду. Вторая часть соч. о. Морошкина, какъ мы слышали, будетъ еще интереснѣе и еще больше разоблачитъ характеръ іезуитовъ, которые, особенно при Александрѣ I, какъ *смертельная зараза*, старались проникнуть, съ своимъ вліяніемъ, во всѣ слои общества и, съ своею пропагандою, — въ самые отдаленные края Россіи.

Мы имѣемъ у себя подъ руками любопытныя свѣдѣнія, характеризующія собою дѣйствія папской пропаганды и предусмотрительность нашего правительства въ отношеніи къ папизму, еще при Петрѣ Великомъ (1). Четыре католическихъ миссіонера,—капуцины,—хотѣли проникнуть съ своею пропагандою въ Астрахань.

(1) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ бумагъ синодскаго архива и сообщены намъ дѣйств. стат. сов. П. И. *Саввaитовымъ*.

Въ виду этого, они (4 апр. 1722 г.) подали императору Петру Великому прошеніе, въ которомъ изъясняли, будто, „лѣтъ пятдесятъ тому назадъ, въ Астрахань отправлено было трое капуциновъ, изъ которыхъ въ живыхъ остался только одинъ, и будто, по увѣдомленію капитана Шарге, въ низовскомъ корпусѣ находится много католиковъ—лицъ всякаго чина, а между тѣмъ духовника у нихъ не имѣется“.—Вслѣдствіе этого, капуцины просили Государя разрѣшить выдать имъ свободные паспорты на проѣздъ въ Астрахань *и обратно во всякое время*. Прошеніе сдано было въ синодъ, который, съ своей стороны, не замедлилъ сдѣлать зависящее распоряженіе о выдачѣ означеннымъ патерамъ должнаго паспорта. Коллегія же иностранныхъ дѣлъ, полагая, нѣтъ ли въ прошеніи капуциновъ лжи и какихъ-нибудь затаенныхъ цѣлей, до выдачи имъ билета, потребовала отъ астраханскаго губернатора предварительной справки о томъ, „сколько въ Астрахани, между русскими подданными, находится католиковъ; есть ли тамъ костелъ; давно ли онъ построенъ и были-ль тамъ какіе нибудь католическіе патеры раньше? А также: ежели теперь допущены будутъ туда два патера (Казиміръ и Фиделисъ), то *не будетъ ли отъ того какой опасности или какого подозрѣнія?*“ По справкѣ, наведенной по записнымъ книгамъ римско-католич. испов., оказалось, что въ Астрахани между русскими подданными нѣтъ,—какъ доносили коллегіи иностр. дѣлъ,—„*ни французовъ*, ни *нѣмцевъ*, а есть только нѣсколько католиковъ, пріѣхавшихъ изъ Персіи и съ ними одинъ патеръ Антоній.“—Что же касается костела и прочихъ патеровъ, то о нихъ *никто даже и не слыхалъ въ Астрахани*. Патеръ Антоній объявилъ, что онъ прибылъ въ

Астрахань *по распоряженію папы и кардиналовъ* для управленія католическимъ духовенствомъ (котораго тамъ не было), и что онъ слышалъ отъ католическихъ армянъ будто, къ его пріѣзду въ Астрахань, прибудетъ сюда одинъ патеръ, имя котораго ему неизвѣстно. По пріѣздѣ своемъ въ Астрахань, Антоній дѣйствительно, какъ говоритъ онъ, засталъ тамъ двухъ патеровъ, которые отправляли церковную службу въ частномъ домѣ, а не въ настоящемъ костелѣ, „*понеже въ то число* „*настоящаго костела было не построено; а указа* де Его „Императорскаго Величества у себя оные патеры *ни*„*какого не имѣли*, *а служили съ позволенія онаго духов*„*наго чина папы римскаго*, а нынѣ де онъ Антоній на„стоящій костелъ построилъ въ августѣ мѣсяцѣ 1721 г., „и, *съ дозволенія* (астраханскаго) *губернатора*, воздвигъ „надъ костеломъ крестъ“ (¹).—Св. синодъ, обстоятельно разсмотрѣвши это дѣло, опредѣлилъ: „выдать патерамъ паспорты до Астрахани; костелъ же въ Астрахани, какъ построенный *самовольно* патеромъ Антоніемъ, закрыть; строителя же его, какъ пріѣхавшаго въ Астрахань *съ умысломъ*, удалить изъ Россіи; прочихъ патеровъ *поручить строгому надзору* мѣстнаго губернатора и архіерея, которые должны *бодростно* слѣдить за дѣйствіемъ патеровъ“.

III.

Изъ явленій современной церковной жизни, насъ не могъ не заинтересовать разсказъ объ одномъ событіи въ Петербургѣ, какъ мы знаемъ, не лишенномъ достовѣрности и бросающемъ свѣтъ на многое. Въ С.-Пе-

(¹) Объясненіе патера написано на латинскомъ языкѣ и переведено на русскій однимъ *солдатомъ* смоленскаго полка.

тербургѣ проживаетъ, по торговымъ дѣламъ, одинъ австрійскій подданный, *по роду и религіи —еврей*. Въ семействѣ у него—жена и дѣти, между которыми взрослая дочь—*дѣвица*; отецъ, какъ человѣкъ состоятельный, имѣлъ для своихъ дѣтей приходящаго учителя, молодаго человѣка, окончившаго курсъ въ дерптскомъ университетѣ. Учитель сначала былъ протестантомъ; потомъ принялъ православіе.—Къ обращенію въ православіе онъ расположилъ и взрослую дочь еврея, которой онъ давалъ уроки и на которую успѣлъ пріобрѣсть серьезное нравственное вліяніе.—Молодая дѣвица, весьма мало слышавшая прежде о Богѣ и вѣрѣ въ Него и убѣжденная своимъ учителемъ въ истинности христіанской православной вѣры, рѣшилась непремѣнно креститься. Учитель же, радуясь этой рѣшимости, предложилъ ей и свою руку. Со стороны молодой особы не было и въ этомъ отказа.—Дѣло, повидимому, улаживалось какъ нельзя лучше. Оставалось только одной креститься, а другому жениться, за тѣмъ чтобъ, потомъ, обоимъ вмѣстѣ благословлять свою счастливую судьбу.—Но здѣсь-то и начинается завязка грустной исторіи.

Молодая еврейка, рѣшившись принять православіе, объявляетъ о своемъ намѣреніи своимъ родителямъ—евреямъ. Послѣдніе сначала, говорятъ, не вѣрили словамъ дочери и только подсмѣивались надъ ея желаніемъ.—Дочь высказываетъ свое намѣреніе болѣе рѣшительно и объявляетъ, что если родители не позволятъ ей креститься, то она оставитъ ихъ. Отецъ опять холодно и даже съ ироніей отвѣчаетъ своей дочери: „*бѣжу; а я подамъ тебѣ салопъ*." Наконецъ, когда уже нельзя было сомнѣваться, что молодая дѣвица вовсе

не шутить дѣломъ вѣры, когда ея желаніе принять православіе было подтверждено самимъ учителемъ,— тогда въ душѣ родителей заговорило чувство религіознаго фанатизма, обнаружившееся въ преслѣдованіи ихъ дочери.—Сначала отецъ увѣрялъ ее, что она протестантка и, слѣд., крещена; дочь хорошо знала, что она, и *по рожденію и по религіи*, *истая* еврейка, и потому не боялась говорить отцу и матери прямо въ глаза, *что все семейство ихъ не знаетъ христіанскаго крещенія* и твердо держится закона моѵсеева.—Мать будтобы не переставала мучить свою дочь и упреками и даже побоями. Но сила религіознаго чувства, просвѣщеннаго евангельской истиною, вовсе не такова, чтобъ уступить напору внѣшнихъ обстоятельствъ, какъ ни были они тяжелы.—Поворотъ назадъ для молодой еврейки нравственно былъ невозможенъ, и она рѣшилась бѣжать, но куда? Къ единственному христіанину, котораго она знала, къ тому учителю, и просила его быть для нея ангеломъ—покровителемъ. Молодой человѣкъ не предвидѣвшій такого исхода дѣла, оказался въ самомъ неловкомъ положеніи: предъ нимъ бѣжавшая отъ родителей дѣвица; онъ холостъ, состоитъ на службѣ (въ какомъ-то, кажется, департаментѣ) и живетъ вдвоемъ съ своимъ сослуживцемъ, — тоже, холостякомъ.—Не задумываясь долго, молодой человѣкъ помѣстилъ свою невѣсту въ семействѣ, знакомомъ своему товарищу по квартирѣ, а самъ отправился къ оберъ-полиційместеру и выхлопоталъ для своей невѣсты паспортъ на свободное проживаніе въ Петербургѣ.—Благодаря участію одного добрѣйшаго священника въ Петербургѣ Н. И. Б. молодая еврейка была опредѣлена въ только что зараждающійся здѣсь еврейскій пріютъ.

Между тѣмъ родители ея начали усердные поиски.— Агенты, разумѣется изъ евреевъ же, были разосланы по всему Петербургу и даже, будто бы, отправлены были въ Москву и Тверь. Всѣ поиски однакоже долгое время были напрасны. Наконецъ отцу кто-то внушилъ, что если дочь его задумала креститься, то это дѣло не можетъ совершиться безъ вѣдома консисторіи и что послѣдняя развяжетъ имъ весь узелъ занимающей ихъ тайны. Отецъ ищущей православія тотчасъ бросился въ консисторію съ полною надеждою на успѣхъ и расчетъ его оказался дѣйствительно вѣрнымъ. Какой то консисторскій чиновникъ, въ простотѣ сердца, разсказалъ еврею все, что ему нужно было узнать. Оказалось, что на другой день забранной евреемъ справки, назначено было крещеніе его дочери. Отецъ—еврей рѣшается на послѣднюю мѣру: отыскиваетъ священника о. К—ва,—который долженъ былъ совершать крещеніе молодой еврейки,—и предлагаетъ ему значительную сумму денегъ за то, чтобы онъ помедлилъ совершать крещеніе его дочери: священникъ, конечно со скорбію, отвергъ наглое предложеніе еврея и поспѣшилъ обо всемъ этомъ сообщить собрату своему Н. И. В. принимающему самое теплое участіе въ упомянутомъ пріютѣ. Отецъ Б. нашелъ нужнымъ ускорить совершеніе крещенія и молодая удостоилась его въ назначенный день. Тогда отецъ новообращеннной *оффиціально* заявляетъ, что хотя онъ, *по роду*, и еврей, *но исповѣданія протестантскаго* какъ самъ онъ, такъ и *все* его семейство, и что, слѣдов., дочь его крещена *вторично*. Запасшись, какъ говорятъ, документами сомнительной подлинности, свидѣтельствующими о томъ, будто все семейство его дѣйствительно протестантскаго

исповѣданія, еврей, отецъ новообращенной, обратился къ своему посланнику въ Петербургѣ съ жалобою на то, *будто въ Россіи обращаютъ въ православіе насильственнымъ образомъ и даже крестятъ вторично*. Посланникъ повѣрилъ было словамъ еврея и хотѣлъ принять въ этомъ дѣлѣ участіе; но, потомъ, убѣдившись въ обманѣ, отказался отъ вмѣшательства въ это дѣло.

Подробности о дальнѣйшей судьбѣ новообращенной намъ хорошо неизвѣстны. Мы слышали только, что новообращенная продолжаетъ жить въ еврейскомъ пріютѣ и что нѣкоторые изъ евреевъ угрожаютъ, по ихъ выраженію, *поднять и раскопать* все зданіе этого убѣжища.

Разсказанный нами современный случай не можетъ не вызвать много думъ. Любопытно было бы заглянуть теперь въ душу новообращенной молодой еврейки: сколько тамъ борьбы и смѣны самыхъ сильныхъ и самыхъ завѣтныхъ чувствъ? и какъ она нуждается въ участіи къ ней со стороны христіанскаго, русскаго общества! Но мы желаемъ смотрѣть на фактъ не съ этой только стороны. Насъ прежде и больше всего занимаетъ слѣдующій вопросъ: если религіозный фанатизмъ евреевъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ обнаруживается въ нашей столицѣ, въ центрѣ правительственной власти какъ духовной, такъ и гражданской, которыя призваны защищать свободу христіанской религіи, а также права вѣрующихъ и интересы господствующей церкви,—то до какихъ размѣровъ и неправдъ можетъ доходить тотъ же фанатизмъ *вдали* отъ центральнаго правительства, гдѣ нибудь въ провинціальной глуши!

Извѣстно, что ни у одного народа религіозныя его убѣжденія не проникаютъ такъ глубоко въ жизнь, какъ

у евреевъ. Это обстоятельство имѣетъ важное значеніе при рѣшеніи еврейскаго вопроса. Вопросъ о реформѣ въ быту евреевъ сдѣлался, въ послѣднее время, однимъ изъ крупныхъ вопросовъ. О немъ разсуждаютъ въ обществѣ, о немъ толкуютъ публицисты, какъ наши, такъ и иностранные. Толки различны. Одни желаютъ уравнять гражданскія права евреевъ съ правами христіанъ. Другіе—противъ этого. Мы считаемъ неумѣстнымъ говорить здѣсь ни *pro*, ни *contra* выражаемыхъ мнѣній объ этомъ предметѣ. Замѣтимъ только, что, при обсужденіи еврейскаго вопроса не мѣшаетъ имѣть въ виду характеръ религіозныхъ убѣжденій послѣдователей талмуда (¹). Евреи слишкомъ легко смотрятъ на нарушеніе законовъ христіанскихъ государствъ. Талмудъ не только не возстаетъ противъ этого нарушенія законовъ, но еще самъ освящаетъ его. По духу талмуда, обмануть *гоимовъ* (т. е. христіанъ) вовсе не грѣхъ. Далѣе, еврей, гдѣ бы онъ ни жилъ, не можетъ искренно любить и считать эту страну своимъ отечествомъ. „*Іерусалимъ есть отечество израиля, а никакая нибудь другая земля*". Поэтому-то евреи ежедневно молятъ Бога объ избавленіи ихъ отъ *плѣна* (т. е. оттуда, гдѣ они живутъ) и о возвращеніи ихъ въ землю обѣтованную. Многіе изъ нихъ, подъ старость, нерѣдко оставляютъ все, кромѣ денегъ, и ѣдутъ въ Іерусалимъ, затѣмъ чтобъ узрѣть этотъ священный городъ и умереть тамъ (²). Самое сближеніе евреевъ съ христіанами на-

(¹) Мысль эта обстоятельно выяснена въ статьяхъ *Я. Брафмана*, помѣщ. въ Вилен. Вѣстн. за 1866 г. №№ 149, 151 и 173, подъ заглавіемъ: „Взглядъ новообращеннаго еврея на реформу въ бытѣ еврейскаго народа въ Россіи."

(²) См. Дух. Бес. 1868 г. № 9. стр. 152—158. Стоитъ замѣтить, что, по убѣжденію евреевъ, тѣ изъ нихъ, кои умираютъ въ Іерусалимѣ, на-

чалось и совершается не во имя религіи, а во имя науки и цивилизаціи. Доселѣ оно носитъ тотъ же характеръ. Евреи доселѣ смотрятъ на свою религію, какъ на *единственно истинную и совершенную*. Упорство ихъ въ этомъ отношеніи поразительно. Отъ него не освобождало евреевъ и самое высокое образованіе, самый сильный умъ. Спиноза покидаетъ синагогу, но не принимаетъ и христіанства... Мендельсонъ, этотъ знаменитый еврейскій ученый конца прошлаго вѣка, отъ души былъ преданъ вѣрѣ отцевъ и не разъ отвергалъ совѣты и внушенія своихъ христіанскихъ друзей (напр. Лафатера) обратиться къ христіанству (1).

При глубокой антипатіи ко всему христіанскому, большинство современныхъ русскихъ евреевъ слишкомъ грубо понимаетъ собственную религію и, *въ буквальномъ* исполненіи Моусеева закона, доходитъ часто до самыхъ нелѣпыхъ странностей. Такъ на примѣръ, во время извѣстнаго праздника, евреи, по закону, не должны переносить пищи изъ одного дома въ другой; но какъ это иногда бываетъ крайне необходимо, то они протягиваютъ нитку отъ одного дома къ другому и, такимъ образомъ, соединивъ два дома только въ своемъ вооб-

---

бавляются многихъ мукъ и черви даже не прикоснутся къ ихъ праху. Они такъ вѣрятъ въ это, что многіе, при жизни еще, стараются достать хотя горсть земли іерусалимской, которою и завѣщаютъ посыпать свои могилы по смерти. Умереть въ Іерусалимѣ, по ихъ мнѣнію, выгодно и въ томъ отношеніи, что когда Мессія явится и будетъ собирать живыхъ и умершихъ израильтянъ въ Іерусалимъ, то покоющіеся тамъ избавлены будутъ отъ дальняго путешествія, которое придется совершать съ трудомъ, ибо умершіе будутъ, какъ бочки, катиться въ Іерусалимъ, опираясь лишь на однѣ палочки, которыя, для этой цѣли кладутся каждому еврею въ могилу (Ср. соч. архим. Хрисанеа: „Соврем. іудейство и отношеніе его къ христіанству“, Спб. 1867. стр. 27).

(1) См. соч. арх. Хрисанеа. Совр. іудейство и т. д. стр. 10, 53 и 54.

раженіи, убѣждаются, что они исполнили свой законъ (1). Не менѣе интересно также, какъ евреи иногда прилагаютъ къ жизни, такъ называемый, *законъ ужичества* (Втор. 25, 5—10), по которому еврей можетъ вступить въ бракъ съ женою своего умершаго брата. Въ Виленскомъ Вѣстн. (2) разсказывается, что „одна молодая еврейка, съ хорошимъ состояніемъ, бывши нѣсколько мѣсяцевъ за мужемъ, овдовѣла. Братъ ея мужа, съ внѣшними непріятными признаками болѣзненности, предъявилъ ей Моусеевъ законъ—выйти за него замужъ, или же *дать ему тысячу рублей за разводъ*. Вдова обратилась къ своимъ раввинамъ, прося защиты. Раввины судили—рядили, но, въ концѣ концовъ, объявили ей выйти замужъ или уплатить тысячу рублей... Еврейка вынуждена была обратиться къ полиціи и только съ помощію ея получила разводъ безъ уплаты тысячи рублей".

Отъ современнаго юдаизма обращаясь опять къ православію, мы, къ прискорбію, не можемъ не указать на печальный разладъ въ самомъ православномъ обществѣ между христіанскимъ ученіемъ и жизнію христіанъ. Нравственныя преступленія въ общественной жизни растутъ, такъ сказать, съ каждымъ днемъ. Въ одномъ мѣстѣ слышишь о кражѣ и грабительствѣ, въ другомъ объ обманѣ и страшныхъ убійствахъ, которыя стали слишкомъ часто являться особенно въ послѣднее время. Кто слѣдитъ за газетными новостями, тотъ имѣетъ случай убѣдиться, что рѣдко выпадаетъ день, въ который бы не было объявлено о какомъ-нибудь убійствѣ или гра-

(1) См. Вил. Вѣстн. 1866 г. № 173 (этнографич. очеркъ Лепельскаго уѣзда).

(2) См. Вил. Вѣстн. 1866 № 173.

бежѣ. Читая и слушая извѣстія объ этихъ грустныхъ явленіяхъ, невольно задумываешься о томъ, гдѣ причина этой нравственной деморализаціи.... и не хочешь вѣрить, что все это совершается въ нѣдрахъ православной церкви, въ христіанскомъ обществѣ, основнымъ принципомъ жизни котораго должна быть святая *братская любовь*. Намъ не разъ приходилось бывать въ залѣ для посѣтителей въ С.-пб. окружномъ судѣ, въ отдѣленіи уголовныхъ дѣлъ, и мы всякій разъ выходили оттуда съ тяжелымъ впечатлѣніемъ, которое производили на насъ разбираемыя тамъ преступленія. Тяжесть этого впечатлѣнія усиливалась еще больше однимъ страннымъ явленіемъ въ нашихъ судахъ. При рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, всегда присутствуетъ священникъ для приведенія, кого нужно, къ присягѣ. При произношеніи судебнаго приговора, какъ извѣстно, закономъ опредѣлено вставать всѣмъ, находящимся въ отдѣленіи суда, кромѣ самихъ судей. Законъ этотъ не имѣетъ исключенія и для священника, присутствующаго здѣсь для приведенія къ присягѣ. Тяжело видѣть, когда, при чтеніи судебнаго приговора, священникъ (почтенный старецъ), наряду съ прочими, долженъ бываетъ подниматься съ своего стула и *стоять* въ продолженіи часто (напр. 20 февр.) *около получаса*. Эта сцена становится еще непріятнѣе, когда въ залѣ не бываетъ стороннихъ посѣтителей. Тогда члены и прокуроръ сидятъ на своихъ мѣстахъ. Стоятъ же только (кромѣ чиновника читающаго приговоръ): *подсудимый*, *судебный приставъ*, *сторожъ* у дверей, *часовой съ* ружьемъ, да еще *священникъ въ епитрахили*...

Въ газетѣ „*Голосъ*" (№ 67. корресп. изъ Москвы) опубликовано дѣло „о проведеніи квартальнымъ надзи-

рателемъ по улицѣ въ ризахъ и съ кадиломъ старообрядческаго священника Василія Щеголева. Дѣло это происходило слѣдующимъ образомъ: въ Москвѣ въ рогожской части, во время совершенія раскольническимъ священникомъ отпѣванія одной покойницы, въ частномъ домѣ, по обычаю старообрядческому, — ко гробу умершей явился квартальный надзиратель съ двумя полицейскими служителями, растолкалъ стоявшихъ у гроба родственниковъ и знакомыхъ умершей, взялъ священника, *одѣтаго въ ризу*, за грудь возлѣ шеи и, возвысивъ голосъ, сказалъ: Стой! Понятые сюда! На зовъ квартальнаго явилось двое городовыхъ. „Ты кто таковъ“, спросилъ квартальный совершавшаго погребальное отпѣваніе раскольницы. Тотъ назвалъ себя. „За мною, въ кварталъ!“—И тотъ же часъ квартальный надзиратель повелъ старика въ кварталъ *по улицѣ, въ полномъ облаченіи и съ кадиломъ въ рукахъ*... Такой поступокъ, говорятъ, произвелъ (и *совершенно справедливо*) сильное негодованіе не только въ средѣ московскихъ старообрядцевъ, но и въ большинствѣ православныхъ. Надъ квартальнымъ надзирателемъ производится слѣдствіе. Онъ отговаривается *незнаніемъ* дѣйствующихъ узаконеній относительно раскольниковъ. Отговорка, по нашему мнѣнію, совершенно неуважительная въ устахъ того, кто обязанъ быть *блюстителемъ* внѣшняго *порядка* въ обществѣ. Зачѣмъ раздражать кого бы то нибыло всегда отталкивающею грубостію, а тѣмъ болѣе раскольниковъ, изъ которыхъ благоразумнѣйшіе въ послѣднее время не рѣдко возвращаются въ нѣдра святой церкви? Такъ еще недавно раскольники русскаго происхоженія *безпоповщинской секты*, подданные королевства прусскаго, въ числѣ двадцати лицъ обоего по-

ла, обратились къ варшавскому преосвященному съ просьбою о *присоединеніи ихъ къ православной* церкви на правилахъ *единовѣрія*, и объ исходатайствованіи имъ дозволенія переселиться изъ Пруссіи въ царство Польское, съ причисленіемъ къ приходу единовѣрческой покровской церкви, сейненскаго уѣзда сувалкской губерніи. Вслѣдствіе сего, они и присоединены, по надлежащему, къ единовѣрію священникомъ сей церкви Іоанномъ Добровольскимъ, а о водвореніи ихъ, съ надѣломъ земли, въ сувалкской губерніи сдѣлано сношеніе съ варшавскимъ учредительнымъ комитетомъ. По докладѣ о семъ событіи Его Императорскому Величеству, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ отпустить изъ кабинета образъ древняго письма новоприсоединившимся, съ тѣмъ, чтобы образъ былъ выбранъ протопресвитеромъ Бажановымъ (Церк. Лѣт.)".

Сострадапіе къ голодающимъ продолжаетъ выражаться въ пожертвованіяхъ въ пользу послѣднихъ. Государь Наслѣдникъ съ своею Августѣйшею супругою, Цесаревною Маріею Ѳеодоровною принимаютъ въ судьбѣ несчастныхъ самое живое участіе. По ходатайству Государя Наслѣдника, Государь Императоръ повелѣлъ выдать изъ государственнаго казначейства, заимообразно, мильйонъ рублей въ личное распоряженіе Его Высочества для изысканія средствъ къ пособію голодающимъ. Сверхъ этого, по приказанію Государя Наслѣдника, съ 31 января, у аничкова дворца выставлена кружка для сбора въ пользу голодающихъ. Въ кружку опускаются полушки и копѣйки, но въ тоже время и отдѣльныя пачки бумажекъ отъ 10 до 2 тысячъ рублей, а въ числѣ высыпанныхъ 26-го февр. (въ день рожденія Государя Наслѣдника), найдена одна

пачка даже въ *три* тысячи руб. Нынѣ, въ пользу страдающихъ отъ голода поступило въ собственную канцелярію Его Высочества *далеко болѣе* 600,000 руб.

Къ пожертвованіямъ въ пользу голодающихъ многіе пастыри церкви побуждаютъ своихъ пасомыхъ своимъ истинно-пастырскимъ словомъ. Таково, напр., дышущее теплотою христіанской любви воззваніе къ жителямъ костромской епарх., приписываемое газетою „Голосъ" (№ 64) преосв. костромскому Платону и разосланное во всѣмъ церквамъ костр. епарх. для прочтенія въ храмахъ. Таково же задушевное, а вмѣстѣ простое и назидательное слово свящ. Спасосѣнновской въ Петербургѣ церкви, Іоанна Як. Образцова, напечатанное въ Дух. Бес. (№ 6); таковое же, говорятъ, было слово неутомимаго, талантливаго проповѣдника о. В. П. Полисадова (прот. Петропавл. собора), который приглашалъ своихъ слушателей дѣлать, послѣ каждой литургіи, въ церкви, пожертвованіе въ пользу голодающихъ. Сумма пожертвованій, говорятъ, каждый разъ собирается значительная.

Намъ хотѣлось бы сказать еще нѣсколько словъ о воскресныхъ школахъ въ Самарѣ, а также о нѣкоторыхъ мудрыхъ распоряженіяхъ подольскаго епархіальнаго начальства, о съѣздахъ харьковскаго духовенства и т. п., но и безъ того увеличившійся объемъ нашего „Обозрѣнія" заставляетъ насъ отложить рѣчь объ этомъ до слѣдующаго раза. Теперь же не можемъ не передать нашимъ читателямъ новаго горячаго воззванія по поводу голода, напечатаннаго въ „Голосѣ" № 74, которое относится къ страстной седьмицѣ: но *благотворить* никогда не поздно, и слѣды прошлогодняго неурожая едвали еще скоро могутъ быть изглажены при самомъ дѣятель-

номъ участіи всего русскаго народа. Христосъ Спаситель непрестанно стоитъ у дверей нашего сердца и съ Божественнымъ долготерпѣніемъ ожидаетъ, не отверзутся ли они для оказанія Ему милостыни въ лицѣ Его страждущихъ меньшихъ братій.

— Великій день явленія вѣчной тайны—праздникъ Благовѣщенія—будетъ въ нынѣшнемъ году во всѣхъ голодающихъ мѣстностяхъ самымъ радостнымъ праздникомъ.

За нѣсколько дней до 25-го марта явятся въ городахъ: Повѣнцѣ, Олонцѣ, Кеми, Пинегѣ, Мезенѣ, Бѣлой, Дорогобужѣ, въ Финляндіи и другихъ мѣстностяхъ обозы съ хлѣбомъ, отправленнымъ туда отъ коммиссіи, состоящей подъ высокимъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича, для пособій жителямъ Россіи, пострадавшимъ отъ неурожая.

Съ этими обозами посланы изъ склада, существующаго въ Соляномъ Городкѣ, шесть тысячъ пудовъ ржаной муки, которые дадутъ возможность пропитать, до привоза новаго хлѣба водою, двѣ тысячи нашихъ братій. Если принять въ соображеніе всю массу отправленныхъ въ голодающія мѣстности хлѣба и наличныхъ денегъ, то общій итогъ лицъ, спасенныхъ частною благотворительностью отъ голода, составитъ весьма значительную цифру.

Скорость въ доставленіи голодающимъ хлѣба и обращеніе жертвуемыхъ денегъ на покупку муки, съ условіемъ немедленной отправки ея къ нуждающимся, указаны самимъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Его Высочеству благоугодно было нетолько обратить большую часть поступившихъ къ Государынѣ Цесаревнѣ Маріи Ѳеодоровнѣ денежныхъ пожертвованій на покупку хлѣба, но и усилить эту покупку исхода-

тайствованіемъ у всемилостивѣйшаго Монарха милліона рублей.

Многія благотворенія, и весьма значительныя, сдѣланы отъ имени неизвѣстнаго. Всѣ денежныя и хлѣбныя приношенія, поступившія въ складъ Солянаго Городка въ Петербургѣ, доставлены отъ трехсотъ жертвователей; но между ними пожертвовано отъ неизвѣстной 1,600 руб. и неизвѣстнаго 1,500 руб. Мы вправѣ сожалѣть, что не знаемъ этихъ, драгоцѣнныхъ для русскихъ людей, именъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, не можетъ не преклониться предъ ихъ высокою любовью къ человѣчеству, предъ ихъ желаніемъ вписать свои тайныя пожертвованія въ книгу благихъ дѣлъ.

Пожертвованія, принесенныя въ складъ Солянаго Городка, спасли, какъ выше сказано, двѣ тысячи нашихъ братій, повергнутыхъ голодомъ въ невыразимыя страданія. Положеніе ихъ всего вѣрнѣе изображаютъ слова пророка Давида: *„Одержаша мя болѣзни смертныя и потоцы беззаконія смятоша мя. Болѣзни адовы обыдоша мя, предвариша мя сѣти смертныя“* (Псал. 17).

Въ то время, когда ядущіе „пепелъ яко хлѣбъ“ приходили въ совершенное отчаяніе отъ стона голодныхъ дѣтей, когда жилища ихъ тщетно оглашались призывомъ спасенія, когда, наконецъ, голодъ, изсушая ихъ внутренности, представлялъ имъ неизбѣжною смерть, внутренній голосъ ихъ твердой вѣры произносилъ неуклонно молитву упованія: *„Боже мой еси ты, не отступи отъ мене, яко скорбь близъ, яко нѣсть помогающаго ми“.*

И помогающими явились милостивые благотворители Петербурга, Москвы и другихъ городовъ Россіи.

Вотъ почему алчущіе страдальцы, при видѣ пришед-

шихъ къ нимъ обозовъ съ хлѣбомъ къ великому празднику Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы, узрять въ этихъ обозахъ надежду своего спасенія.

Но это начало спасенія нужно довершить полнымъ избавленіемъ отъ голода всѣхъ алчущихъ братій. Неужели въ Петербургѣ не найдется болѣе трехсотъ благотворителей?

Первые друзья человѣчества въ числѣ трехсотъ сдѣлали праздникъ Благовѣщенія радостнымъ въ странѣ голода и скорби для 2,000 братій; вторые ревнуя первымъ, могутъ сдѣлать радостнымъ для другихъ тысячъ бѣдствующихъ тотъ великій день, въ который радость объемлетъ всѣ сердца—день Воскресенія Христова.

Мы легко можемъ достигнуть этого, сокративъ наши широкія денежныя траты, обыкновенно дѣлаемыя къ Пасхѣ, и удѣливъ происшедшія отъ того сбереженія бѣдствующимъ отъ голода.

Страстная недѣля, съ воспоминаніями о страданіяхъ Христовыхъ не можетъ не подвинуть насъ къ человѣколюбію; но намъ нужно разбудить въ себѣ это чувство, заглушонное суетою и „злобою дня", гораздо ранѣе, чтобъ къ Пасхѣ были уже зрѣлые плоды этого чувства: хлѣбъ на мѣстахъ голода, въ самыхъ жилищахъ бѣдствующихъ братій.

Направимъ же всѣ наши мысли къ Источнику милосердія, Совершающему на Голгоѳѣ великое таинство спасенія и обновленія человѣка, и увидимъ очами души животворящій крестъ съ пригвожденнымъ къ нему живоносным тѣломъ, преданнымъ на смерть сребролюбіемъ Іуды.

Остановимся на этомъ мѣстѣ... Несытость Іуды къ стяжанію была *христоубійственна;* убоимся, чтобъ на-

ше равнодушіе къ голодающимъ не было *человѣкоубійственно.*

Да не будетъ сего: иначе смерть голодающихъ братій вѣчно будетъ грызть совѣсть нашу и чадъ нашихъ.

Дѣло такъ грозно, такъ мучительно для совѣсти семейной и общественной, потребность милосердія такъ настоятельна, что и дѣти наши должны вопіять отцамъ и матерямъ о скорой помощи алчущимъ, и грудные младенцы своимъ умилительнымъ взглядомъ должны призывать насъ къ милости. Вѣдь тамъ, въ странѣ голода, всѣ младенцы изнываютъ безъ молока, котораго не даетъ имъ грудь матери, иссохшая отъ хлѣба съ мохомъ, соломой и древесной корой...

Но возвратимся на Голгоѳу. Кто же рѣшится, отвергнувъ страхъ, приступить къ беззаконному Пилату, умывшему свои руки, всенародно съ мольбою о погребеніи страннаго, бездомнаго, осужденнаго и *содержащаго всяческая?*

Являются два земные херувима, Іосифъ и Никодимъ, и несутъ на своихъ раменахъ *имѣющаго престолъ—небо и подножіе—землю.*

Іосифъ и Никодимъ первые уязвились, при видѣ Распятаго, любовію къ Христу, а любовь къ Христу выражается, по заповѣди Христовой, любовью къ человѣку: „*Глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе*".

Не ясно ли, что и нынѣ есть возможность исполнить подвигъ Іосифа и Никодима? Нужно ли доказывать, что исполненіе этого подвига составляетъ безотлагательный, вопіющій долгъ вѣры, чести, совѣсти, долгъ нравственности, долгъ гражданина? Отрицаніе этого долга будетъ отрицаніемъ вѣры, чести, совѣсти.

Святые Іосифъ и Никодимъ уязвились сокрушеніемъ сердца при видѣ великой и неизреченной Жертвы: уязвимъ же и мы наши сердца воспоминаніемъ о сей Жертвѣ. Между нами очень мало такихъ, которые пожалѣли бы дать бѣдному, но очень много *просто лѣнящихся* сдѣлать подаяніе, потому что для этого нужно куда-то идти. Еслибъ для сбора приношеній можно было, въ видѣ духа, явиться среди всѣхъ достаточныхъ семействъ, то сборъ въ пользу голодающихъ былъ бы многомильйонный. Все это сводится къ тому, что намъ нужно заставить себя перейти отъ равнодушія къ сокрушенію, отъ невниманія къ искренней заботливости о судьбѣ страждущихъ братій, и тогда благотворительность нетолько уничтожитъ настоящій голодъ, но дастъ огромныя средства и на самое обсѣмененіе полей. Неужели распространеніе христіанства и гражданскаго образованія такъ мало смягчило наши сердца, что и нынѣ намъ слѣдуетъ сказать то, что было сказано въ первыхъ вѣкахъ христіанства св. Іоанномъ Златоустомъ также по случаю голода: „Аще тя братня смерть не уцѣломудритъ, то кто тя уцѣломудритъ?"

Нѣтъ! сѣмена вѣры и разума не напрасно были сѣяны въ наши сердца и головы въ теченіе многихъ вѣковъ. Плоды ихъ выразятся теперь въ томъ, что мы пойдемъ быстро, *не озираясь вспять*, къ подвигу братолюбія, движимые божественною силою креста. Хотя многіе и множайшіе предварили насъ въ подобныхъ подвигахъ, но и мы, приходящіе въ поздній 11 часъ, *когда уже день склоняется къ вечеру*, получимъ свой пѣназь, потому что и первые и вторые *и послѣдніе внидутъ въ радость Господа своего.*

Устремимся къ этой радости, пока это устремленіе

зависитъ отъ насъ! дадимъ *мало* и получимъ *много*, получимъ долю тѣхъ воздаяній, которыя пріобрѣли первые христолюбцы Іосифъ и Никодимъ! Сила милосердія въ силахъ унаслѣдовать намъ эту славу и эту силу.

P. S. Въ Пруссіи собрано для голодающихъ тамъ 5 милліоновъ талеровъ. Эта благотворительность даетъ Пруссіи, въ глазахъ цѣлаго свѣта, завидное право на высокую степень уваженія. Неужели наша любвеобильная Россія въ дѣлѣ добра отстанетъ отъ Пруссіи? Сборъ пяти милліоновъ не представляетъ въ самой своей сущности ничего невозможнаго и необыкновеннаго; даже и особой щедрости не нужно—нужно только нѣкоторое вниманіе къ важности бѣдствія. Вотъ доказательство легкости и возможности: если только сто тысячъ—изобилующихъ пожелаютъ удѣлить отъ своихъ избытковъ для голодающихъ совершенную бездѣлицу, каждый по 50 рублей, или 50,000 по 100 руб., то вотъ вамъ и пять милліоновъ, сумма, спасающая всѣхъ голодающихъ отъ многихъ бѣдъ и золъ и нисколько не умаляющая богатства изобилующихъ.

Пріемъ денежныхъ и хлѣбныхъ пожертвованій производится въ Соляномъ Городкѣ, у цѣпного моста, противъ Лѣтняго Сада, ежедневно, съ 8 часовъ утра до 6 часовъ пополудни, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней; но въ настоящее время, по случаю прекращенія зимняго пути, *денежныя приношенія были бы полезнѣе хлѣбныхъ.* Они дали бы возможность переводить деньги въ голодающіе уѣзды по телеграфу, съ тѣмъ, чтобъ ихъ раздавали бѣднымъ на хлѣбъ въ тотъ же самый день, въ который они получатся въ складѣ Солянаго Городка. Во всѣхъ голодающихъ губерніяхъ,

по послѣднимъ свѣдѣніямъ, люди бѣдствуютъ не столько отъ того, что тамъ нѣтъ хлѣба, сколько отъ неимѣнія денегъ на покупку его, по случаю упадка промысловъ и неимѣнія средствъ къ заработкамъ.

Въ принятіи хлѣбныхъ приношеній выдаются отъ склада квитанціи, а денежныя пожертвованія покорнѣйше просятъ записывать собственноручно въ имѣющійся въ складѣ листъ, выданный отъ Государыни Цесаревны Великой Княгини Маріи Θеодоровны.

Н. П.

ПОСЛАНІЕ

БЛАЖЕННѢЙШАГО ІЕРОѲЕЯ, ПАТРІАРХА АНТІОХІЙСКАГО,

СВЯТѢЙШЕМУ СѴНОДУ.

Святѣйшіе члены Богоизбраннаго священнаго Сѵнода, во Христѣ Бозѣ возлюбленнѣйшіе и вожделѣннѣйшіе Братія и Сослужители нашей мѣрности! Досточтимыя для насъ Преосвященства Ваши братски и отъ всего сердца привѣтствуемъ о Господѣ.

Когда за нѣсколько времени предъ симъ по всей необозримой Россіи праздновалось по Высочайшему указанію пятидесятилѣтіе Іерархическаго служенія Досточтимѣйшаго митрополита Московскаго, Киръ Филарета, и вся православная восточная церковь ликовала и радовалась по поводу этого свѣтлаго всенароднаго торжества церкви, восхищаясь христоподражательными его совершенствами, тогда и мы на ряду съ другими и болѣе, чѣмъ кто либо, радовались и веселились о семъ. Ибо во время своего пребыванія въ Россіи, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, мы имѣли счастіе лично знать мудрѣйшаго и пресловутаго сего мужа и пользоваться его великою братскою любовію, много мудрыхъ его наставленій и вразумленій и до сихъ поръ раздается въ

нашихъ ушахъ, много мы видѣли отъ него благодѣяній и почестей, и потому хранимъ живое и неизгладимое благодарное чувство.

При такомъ душевномъ расположеніи къ сему досточтимому мужу, мы внезапно поражены были неутѣшною скорбію, и наша прежняя радость смѣнилась печалію и слезами вслѣдъ за полученіемъ вашего братскаго синодальнаго посланія отъ декабря минувшаго года, извѣщавшаго о переселеніи приснопамятнаго изъ здѣшнихъ въ горнія селенія. Возскорбѣли мы, Братія наша во Христѣ вожделѣнные, при этомъ извѣстіи и опечалились духомъ, представляя себѣ, что церковь лишилась многочтимаго мужа, многократно и многообразно просвѣщавщаго и утѣшавшаго ее свыше дарованною ему благодатію Всесвятаго Духа, и не только церковь, но и осиротѣвшее словесное стадо Христово, потерявшее добраго пастыря, спѣшившаго со своимъ любвеобильнымъ участіемъ ко всѣмъ страждущимъ отъ многоразличныхъ бѣдъ и обстояній.

Но почто всуе мятемся и скорбимъ? Нѣсть бо человѣкъ, иже поживетъ и не узритъ смерти. Не всѣ ли идемъ тѣмъ же путемъ въ сей привременной жизни? Утолимъ же свою печаль надеждою, что приснопамятный ликуетъ теперь, премѣнивши тлѣнныя и привременныя блага на нетлѣнныя и вѣчныя и за добро, содѣланное въ своей жизни словомъ и дѣломъ, получилъ уготованное ему небесное царствіе.

Немедленно, по полученіи извѣстія о семъ, мы поспѣшили по священной обязанности со всѣмъ находящимся при насъ клиромъ вознести теплыя молитвы къ Всемогущему и Премилосердому Всевышнему Богу, и совершили поминовеніе, да упокоитъ душу его Господь

въ селеніяхъ праведныхъ, и долгомъ считаемъ совершать сіе постоянно какъ въ общественныхъ, такъ и въ частныхъ своихъ молитвахъ и моленіяхъ ко Господу.

Вотъ что мы сочли долгомъ отвѣтить по братской любви на ваше братское извѣщеніе. О себѣ же самихъ молимъ братски Ваши Досточтимые Преосвященства, да въ священныхъ Вашихъ молитвахъ ко Всевышнему поминаете и насъ, въ нашемъ крайнемъ положеніи терпящихъ непрестанныя нападенія отъ многоразличныхъ враговъ нашей вѣры. А васъ, досточтимые для насъ Братія, да хранитъ Господь свыше въ неизмѣнномъ здравіи и къ душевному спасенію.

Вашего Досточтимаго Преосвященства
во Христѣ возлюбленный братъ

Іероѳей Антіохійскій.

Въ Бейрутѣ.
6 февраля 1868 года.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНІЯ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ СЛУЖБЫ ПРОТОІЕРЕЯ ТРОИЦКАГО СОБОРА, ЧТО НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНѢ А. Я. РОЖДЕСТВЕНСКАГО (*).

Молимъ вы, братіе, знайте труждающихся у васъ, и настоятелей вашихъ о Господѣ, и наказующихъ вы: и имѣйте ихъ по преизлиха въ любви за дѣло ихъ: мирствуйте въ себѣ (Солун. 5; 12—13.

Не къ однимъ только солунянамъ относилась сія апостольская заповѣдь. Обязательная сила этой заповѣди простирается на христіанъ всѣхъ мѣстъ и всѣхъ временъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда жизнь поставляетъ ихъ въ соприкосновеніе съ людьми, которые своими заслугами и доблестями стяжали себѣ неотъемлемое право на уваженіе и любовь общества.

Отцы и братія! Не трудно исполнить какую угодно

(*) Съ удовольствіемъ помѣщаемъ на страницахъ „Хр. Чт." это искреннее похвальное слово одному изъ достойнѣйшихъ ветерановъ с.-петербургскаго духовенства. Нельзя не радоваться и не благодарить Бога, что въ нашемъ столичномъ духовенствѣ живетъ апостольскій идеалъ пастырскаго служенія, что изъ среды своей оно можетъ гласно, предъ собраніемъ и своихъ членовъ и прихожанъ, указать не на одного собрата, *дающаго образъ вѣрнымъ — словомъ и житіемъ*, и что оно въ то же время глубоко сознаетъ и свои недостатки, умѣетъ открыто и великодушно исповѣдывать ихъ, и тѣмъ лучше доказываетъ, что борется съ ними серьезно и безъ сомнѣнія, съ Божіей помощью, болѣе и болѣе будетъ освобождаться отъ нихъ. — *Ред.*

положительную заповѣдь, когда ея требованія легко пріемлются и усвояются сознаніемъ, и идутъ по одному и томуже направленію съ движеніями сердца и влеченіями воли. Настоящее наше собраніе вполнѣ подтверждаетъ истину этихъ словъ. Поводомъ къ сегодняшнему нашему братолюбному собранію послужила чья-то добрая и прекрасная мысль почтить братскимъ празднествомъ заслуженнаго и нынѣ старѣйшаго по лѣтамъ изъ всѣхъ столичныхъ священно-служителей, общаго нашего духовнаго отца ([1]), протоіерея Александра Яковлевича. Лишь только эта мысль заявлена была гласно предстоящимъ здѣсь священно и церковно-служителямъ, какъ всѣ они отнеслись къ таковому заявленію съ полнымъ одобреніемъ и сочувствіемъ. А такое дружное сочувствіе не то ли прямо значитъ, что вышеприведенная нами заповѣдь апостола, въ данномъ случаѣ, пришлась намъ какъ нельзя болѣе по сердцу, а потому такъ легко и возбудила въ насъ рѣшимость почтить нашего духовника торжественнымъ ему заявленіемъ нашихъ чувствъ уваженія къ нему и любви?

Отецъ нашъ духовный! Прости намъ эту рѣшимость. Знаемъ, что, чествуя тебя такъ явно, мы какъ-бы бросаемъ камень въ глубину твоего смиренія, и этимъ возмущаемъ тишину твоего духа, всегда кроткаго и молчаливаго. Но, ей, ей,—отъ избытка сердца уста глаголютъ. Вѣрь, отецъ, что, чествуя тебя такъ сегодня, мы только повинуемся влеченію нашихъ сердецъ, и шествуемъ царственнымъ путемъ, который намъ указуетъ самъ апостолъ Павелъ своею заповѣдію уважать и по преизлиха любить всѣхъ общеполезныхъ дѣятелей въ

([1]) Большая часть священнослужителей, собравшихся на юбилей, были духовными дѣтьми отца протоіерея Рождественскаго.

христіанской церкви. Въ такомъ нашемъ тебя чествованіи, стало быть, мы видимъ ни болѣе, ни менѣе, какъ твое, заслуженное тобою, право, и нашъ, громко намъ вопіющій объ исполненіи, священный долгъ.

Отцы и братія! Воистину это—его право, а нашъ долгъ. Право на почетъ и любовь отъ окружающей среды людей, по слову апостола, пріобрѣтается трудами, подъемлемыми ради пользъ общественныхъ: *молимъ вы, братіе, знайте труждающихся у васъ.* А нашъ маститый духовникъ не изъ числа ли труждающихся у насъ?—Если мы прослѣдимъ теченіе его жизни отъ самаго ранняго дѣтства и до глубокой старости: то она представится намъ непрерывною цѣпію многоразличныхъ трудовъ.

Все время дѣтства и юности нашъ духовникъ провелъ въ трудахъ приготовленія себя къ жизни—обученіемъ и воспитаніемъ. А труды воспитанія едва ли легче трудовъ самаго рожденія. *Жена, егда раждаетъ, скорбь имать:* въ болѣзняхъ, съ воплемъ и стономъ, является на свѣтъ Божій и раждаемое отроча. Многотрудно и многоболѣзненно и дѣло воспитанія какъ для усердныхъ воспитателей, такъ и для старательныхъ воспитанниковъ. Для послѣднихъ оно особенно многотрудно и многоболѣзненно было въ старинныя времена, въ нашихъ старинныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ воспитывался нашъ о. духовникъ. Довольно только сказать слово „бурса“,—чтобы представить себѣ всю трудность, съ какою сопрягалось дѣло воспитанія въ нашихъ старинныхъ и низшихъ и среднихъ духовныхъ школахъ; чтобы понять всю тогдашнюю ограниченность и скудость благопріятствующихъ хорошему воспитанію условій, какъ экономическихъ, такъ и учеб-

но-воспитательныхъ, чтобы живо вообразить себѣ ту высокую степень напряженія и физическихъ и духовныхъ силъ, на какую тогда лучшіе изъ духовныхъ питомцевъ должны были подниматься для того, чтобы хоть сколько нибудь озариться сіяніемъ свѣтила Богословской науки, въ тѣ времена только что еще восходившаго на русскомъ горизонтѣ. А нашему духовному отцу, конечно, болѣе, чѣмъ кому другому, довелось извѣдать и испытать всѣ трудности стариннаго нашего воспитанія; потому что онъ болѣе, чѣмъ кто другой, всѣми силами души и тѣла старался ихъ препобѣдить, и дѣйствительно препобѣдилъ на столько, что удостоенъ былъ перемѣщенія въ С.-Петербургскую духовную академію для высшаго образованія. Въ семъ высшемъ святилищѣ Богословскихъ наукъ онъ снова началъ прилагать труды къ трудамъ, и снова оказалъ такіе блистательные успѣхи, что, сряду же по окончаніи курса, съ ученой степенью магистра, удостоился чести быть оставленнымъ при той же академіи въ качествѣ наставника. За таковые труды, подъятые въ дѣтствѣ и юности, съ тою цѣлію, что бы быть полезнымъ въ жизни для другихъ, не слѣдуетъ ли ему воздать честію?

Отецъ нашъ! Воздаемъ тебѣ должную честь. Какъ мужу просвѣщенному, долгимъ ученіемъ подготовившему себя къ жизни, она принадлежитъ тебѣ по праву. Прими же ее отъ насъ съ любовію.

Однакоже не долго молодому наставнику судилъ Господь дѣйствовать на ученомъ поприщѣ. Изъ области науки и кабинетнаго мышленія пришлось ему перейти и стать ближе къ жизни и обществу въ скромномъ санѣ священнослужителя. Съ той поры и по настоящее время онъ долженъ былъ испытать всѣ трудности пас-

тырскаго служенія. Вотъ, правда, не мало людей, которые въ нашемъ служеніи не видятъ никакихъ трудностей: но не видятъ, потому что не замѣчаютъ, или даже не хотятъ замѣчать.

Какой нибудь благопопечительный гражданскій или военный начальникъ разъ выпросилъ у царя какую нибудь милость для своихъ подчиненныхъ: это всѣ видятъ; объ этомъ всѣ толкуютъ, какъ о замѣчательномъ подвигѣ. *Слуга Христовъ*, и дома, и въ храмѣ, и днемъ, и ночью, непрестанно проситъ у Господа милостей и щедротъ для ввѣренной ему паствы: этого люди и за трудъ не считаютъ. Какой нибудь, знающій свое дѣло, строитель умудрился чрезъ широкую и глубокую пучину перекинуть съ одного края на другой прочный и красивый мостъ: это люди видятъ и всѣ въ одинъ голосъ восклицаютъ: вотъ такъ трудъ! А строитель Таинъ Божіихъ не разъ, не два, а много разъ, успѣлъ, съ Божьей помощію, соединить сердца недруговъ, раздѣленныхъ непроходимою злобою: это кому какая нужда замѣчать? Какой нибудь искусный хирургъ удачно совершилъ надъ своимъ паціентомъ трудную и опасную операцію: объ этомъ всѣ говорятъ и пишутъ, какъ о какомъ-то чудѣ. Ревностный и назидательный пастырь, при помощи Благодати Божіей, то и дѣло отсѣкаетъ у страждущихъ душевными недугами людей ихъ земные уды: блудъ, нечистоту, сладострастіе, злую похоть, любостяжаніе (Кол. 3; 5) и т. п.: на это никто и вниманія не обращаетъ. Какой нибудь храбрый и разумный вождь со ввѣреннымъ ему отрядомъ побѣдоносно отразилъ жестокое нападеніе враговъ: ему всѣ воздаютъ громкую хвалу. Бдительный и богомудрый пастырь съ своими пасомыми всю свою жизнь ратуетъ противъ враговъ спасенія: этого никто и знать не хочетъ.

Таковой нашъ взглядъ на дѣло священнослуженія можетъ кому либо показаться уже слишкомъ высокимъ. Могутъ намъ возразить, что вполнѣ осуществить образъ истиннаго священнослужителя могъ только самъ начальникъ и совершитель вѣры нашей Господь І. Христосъ; что только приближаться къ этому образу могли св. апостолы и отцы церкви. Правда,—но тѣмъ не менѣе каждый изъ священнослужителей, въ свое время, и въ своемъ мѣстѣ, обязанъ всѣми богодарованными ему способами воедушно стремиться къ тому, чтобы исполнить завѣтъ апостола Павла: *братіе, подобны мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу*. Теперь какъ бы мы стали отвѣчать, если бы намъ предложили вопросъ: кто изъ васъ, отцы, стоитъ ближе всѣхъ къ высокому образу священнослужителя? Этотъ вопросъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ минуты глубокаго раздумья, задалъ себѣ одинъ изъ почившихъ уже въ Богѣ и приснопамятныхъ нашихъ собратовъ и сослужителей. Когда окружавшія его въ то время лица узнали, что предметомъ его думъ служитъ высказанный вопросъ, и, бывъ имъ заинтересованы, просили у него самаго прямаго и откровеннаго отвѣта: тогда покойный нашъ собратъ, не обинуясь, сказалъ, что, по его мнѣнію, изъ всего петербургскаго духовенства болѣе всѣхъ соотвѣтствуетъ своему званію о. протоіерей Александръ Яковлевичъ Рождественскій.

Отцы и братія! Кто и изъ насъ не согласится, что покойный нашъ собратъ сказалъ святую правду? А за тѣмъ кто не согласится, что нашъ духовникъ имѣетъ полное право на почетъ отъ насъ?

Отецъ нашъ духовный! Охотно воздаемъ тебѣ должную честь. Какъ лучшему и достойнѣйшему изъ насъ, несим-

рей, она принадлежитъ тебѣ по праву. Прими же ее, отъ насъ съ любовію.

Изъ всѣхъ обязанностей священнослужителя духовничество едва ли не самая трудная. Нужно имѣть много мудрости, и еще больше любви, для того, чтобы, какъ должно, исполнять эту обязанность. При жалкомъ видѣ душъ, изъязвленныхъ грѣхами, духовнику нужно быть несравненно добрѣе самарянина, возлившаго масло и вино на раны впадшаго въ разбойники. Отъ духовника требуются слова, которыя бы паче елея умягчали, требуются совѣты, которые бы паче вина укрѣпляли болящую и разслабленную душу грѣшника. Скажемъ болѣе: духовникъ, въ отношеніи къ каждому изъ своихъ духовныхъ чадъ, долженъ имѣть и являть терпѣніе и бдительность любящей матери, которая не спускаетъ глазъ съ своего роднаго дѣтища и не только не пренебрегаетъ имъ, когда оно, безпокоимое ѣдкою острotою своихъ нечистотъ, кричитъ въ ожиданіи помощи, но собственными руками осторожно очищаетъ и омываетъ, утѣшая, лаская и нѣжно лобзая свое плачущее дитя. Не въ такомъ ли именно духѣ дѣйствуетъ и нашъ духовникъ?

Отецъ нашъ духовный! Воздаемъ тебѣ должную честь. Какъ разумѣтельному, совѣтодательному и любвеобильному духовнику, она принадлежитъ тебѣ по праву. Прими же её отъ насъ съ любовію.

Обязанности священнослуженія, и сами по себѣ всегда многотрудныя, еще большихъ требуютъ трудовъ, когда соединяются съ какими либо начальственными должностями. За то въ начальствованіи труждающимся естественно должна быть воздаваема и большая честь: *знайте настоятелей вашихъ о Господѣ*.

Правда, что нашъ о. духовникъ, кромѣ обязанности настоятеля разныхъ церквей, увѣщателя преступниковъ и благочиннаго, не нёсъ на себѣ бремени какихъ либо другихъ особенно важныхъ начальственныхъ должностей: но при всемъ томъ нельзя не согласиться, что быть и настоятелемъ, впродолженіе почти полувѣка, то одной, то другой, то третьей церкви въ столицѣ, не совсѣмъ легкое дѣло. Положимъ, что настоятельство само по себѣ еще не составляетъ сильно подавляющаго бремени. Понаблюсти за неопустительностію и исправностію церковныхъ службъ и требъ, за благочиніемъ и порядкомъ въ храмѣ, за приращеніемъ, сохраненіемъ и употребленіемъ церковныхъ суммъ и вещей, не Богъ вѣсть еще какой тяжкій подвигъ: но только тогда, когда умному, доброму, и распорядительному настоятелю Богъ пошлетъ такихъ же, какъ и онъ самъ, умныхъ, добрыхъ и дѣятельныхъ сослуживцевъ. Благо настоятелю, если онъ отъ души можетъ назвать всѣхъ своихъ сотрудниковъ братіею, въ полномъ значеніи этого слова. Но горе ему, если онъ въ лицѣ окружающей его братіи видитъ себѣ недруговъ. Отъ таковой лжебратіи, кромѣ однѣхъ бѣдъ, больше ничего не жди настоятель, а потому каждую минуту будь на сторожѣ, и только и знай, что всѣ свои силы напрягай къ отраженію разныхъ враждебныхъ приражений. Изъ таковой лжебратіи какой нибудь, вмѣсто того, чтобы точно выполнить твое распоряженіе, смотришь, и знать тебя не хочетъ, глядитъ на тебя такъ презорливо, обращается съ тобою такъ гордо: такого бойся, да и бойся, настоятель, и какъ можно дальше сторонись; не то — какъ разъ нападетъ на тебя, втопчетъ тебя въ грязь, и изъ себя и изъ тебя устроитъ посмѣшище и соблазнъ для людей. Другой

собрать, которому болѣе, чѣмъ другому кому, слѣдовало-бы попещись о церковныхъ или братскихъ интересахъ, смотришь, относится къ нимъ небрежно, или, что еще хуже, нечестно: за таковымъ смотри, да и смотри настоятель; не то—будетъ худо, послѣдствія могутъ быть весьма прискорбныя. Третій братъ, смотришь, непобѣдимо злобенъ, коваренъ, задоренъ: такого крѣпко берегись, настоятель, и не задѣвай его; не то,—Боже сохрани, прицѣпится къ тебѣ такъ, что и не оторваться; сочинитъ на тебя и подастъ начальству какой нибудь доносъ,—и вотъ ступай, настоятель, подъ судъ, мучься, отписывайся, оправдывайся. А если такъ не легка и должность настоятеля церкви: то чтожъ сказать объ обязанностяхъ благочиннаго, какъ настоятеля самихъ настоятелей и всѣхъ священно-и-церковнослужителей въ благочинническомъ округѣ? Не въ стократъ ли онѣ тягостнѣе противъ обязанностей простыхъ настоятелей?

Отецъ нашъ духовный! Что я сей часъ сказалъ, все это ты на себѣ испыталъ. На поприщѣ полувѣковой службы своей встрѣчался ты и съ добрыми сослуживцами, которые и уважали, и любили тебя. Но случалось тебѣ сталкиваться и съ такими, которые старались очернить тебя и ввергнуть въ бездну нищеты. Первымъ ты всегда отвѣчалъ взаимнымъ уваженіемъ и любовію. Отъ послѣднихъ старался только уклоняться. Воздаемъ тебѣ должную честь. Какъ умному и доброму настоятелю и благочинному, она принадлежитъ тебѣ по праву. Прими же её отъ насъ любовію.

Къ числу трудовъ, дающихъ право на особенное уваженіе и любовь со стороны христіанскаго общества, ап. Павелъ относитъ еще трудъ учительства: *знайте нака-*

зующихъ ся, и имѣйте ихъ по преизлиху въ любви за дѣло ихъ.

Маститый духовникъ нашъ не былъ чуждъ и этого труда. Мы уже сказали, что изъ за студенческой скамьи академической аудиторіи онъ удостоенъ былъ чести вступить прямо на одну изъ академическихъ каѳедръ и, стало быть, прямо перейти къ ученымъ трудамъ. Кто слушалъ его уроки, тотъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ знаетъ, каковы были плоды этихъ трудовъ. Если бы скромность нашего духовника не удерживала его отъ изданія въ свѣтъ его ученыхъ трудовъ: то, конечно, и мы имѣли бы счастіе видѣть, сколь доброзрачны, и вкусить, какъ питательны и пріятны плоды помянутыхъ трудовъ.

Впрочемъ духовнику нашему суждено испытать труды учительства не столько на ученой, сколько на церковной каѳедрѣ. Около полувѣка прослуживши церкви Божіей въ должности пастыря, онъ естественно не могъ не понести между прочимъ и бремени проповѣдничества. Положимъ, что церковная проповѣдь нашего духовника не оставила по себѣ громкаго эха въ обществѣ: но, быть можетъ, потому только, что онъ не любилъ бросать съ каѳедры церковной громы и молніи изъ безводныхъ облаковъ,—а подобно тихому, дробному, и теплому дождю, безъ шума и треска, но тѣмъ не менѣе обильно и плодотворно напоялъ водами благочестія жаждущія души своихъ слушателей. И тутъ опять скажу, что если бы скромность не удерживала нашего духовнаго отца отъ заявленія себя въ печати,—то, безъ сомнѣнія, онъ подарилъ бы публику превосходнымъ собраніемъ назидательнѣйшихъ поученій.

А и то еще нужно сказать, что, при отличной даровитости и высокомъ образованіи, сочинять и произно-

сить хорошія поученія не составляетъ еще для церковнаго учителя не только особенно тяжкаго труда, но и особенно важной заслуги предъ людьми. Не тотъ великъ предъ Богомъ и предъ людьми учитель, который умѣетъ только научить: но тотъ, который и самъ творитъ то, чему учитъ другихъ. А нашъ духовный отецъ не въ томъ ли и весь свой жизненный трудъ поставлялъ, чтобы предъ всѣми и всегда являть въ своемъ лицѣ учительнаго *пресвитера, дающаго образъ вѣрнымъ — словомъ и житіемъ* (1 Тим. 5;12)? Такого рода учительство, согласитесь, потруднѣе и поважнѣе всякаго другаго учительства.

Духовный нашъ отецъ всегда подаетъ образъ вѣрнымъ — своимъ словомъ. Не великъ членъ въ тѣлѣ — языкъ: а сколько безобразія, сколько зла выходитъ чрезъ него! Суесловіе, буесловіе, срамословіе, злословіе, ложлогласованіе, кощунство, хуленіе, — но довольно и этихъ выраженій, чтобы понять хотя нѣкоторые оттѣнки того зла, которое такъ часто причиняетъ нашъ языкъ. И сколько иногда нужно труда для того, чтобы удержать языкъ свой отъ зла! Иному легче дикаго звѣря уловить и связать, нежели языкъ свой обуздать. Въ этомъ отношеніи нашъ духовникъ не можетъ подлежать нареканію. Слышалъ ли кто когда нибудь хоть одно какое либо гнилое слово изъ устъ его? Слышалъ ли кто, чтобы онъ или когда кого кольнулъ какимъ либо острымъ словцомъ, или надъ кѣмъ поглумился, или сказалъ какую пошлость? Нѣтъ! его слово всегда растворено солію благодати; въ его рѣчи всегда свѣтитъ ясный и твердый умъ, всегда звучитъ доброе, теплое сердце. Это поистинѣ пресвитеръ, дающій образъ вѣрнымъ — *словомъ*.

И не только словомъ даетъ онъ образъ вѣрнымъ, но и житіемъ, и даже болѣе житіемъ, чѣмъ словомъ. Гдѣ бы въ какія отношенія и положенія ни поставила жизненная среда нашего духовника, — вездѣ и во всякомъ случаѣ онъ является образцемъ для окружающихъ его лицъ. Напр., кто входитъ въ храмъ Божій и, видя его священнодѣйствующимъ, не наслаждается его благоговѣйнымъ служеніемъ? Кто приглашаетъ его въ приходъ ради какой либо требы, и не замѣчаетъ въ немъ внимательнаго и тщательнаго ревнителя о достойномъ твореніи дѣла Божія? Кто посѣщаетъ его въ жилищѣ, и не видитъ въ немъ человѣка, *своей домъ добрѣ правяща, чада имуща въ послушаніи со всякою чистотою* (1 Тим. 3; 4), — не смотря на то, что давно вдовствуетъ? Образецъ, поучительный особенно для тѣхъ изъ насъ, отцы, кому судилъ Господь понести въ жизни среди міра и крестъ вдовства! Кто вступаетъ съ нимъ въ бесѣду, и не восхищается его всегда открытымъ, кроткимъ и младенчески яснымъ взоромъ, не плѣняется его всегда задушевнымъ и отечески-привѣтливымъ словомъ? Является ли онъ предъ лицемъ высшей власти? Онъ всегда сохраняетъ къ ней должное почтеніе, но никогда не ведетъ себя раболѣпно предъ ней. Находится ли въ кругу равныхъ ему? Онъ держитъ себя всегда просто, съ какою-то влекущею къ нему каждаго пріятностію? Обращается ли съ низшими себя? Онъ всегда къ нимъ ласковъ, привѣтливъ, снисходителенъ. Радостнымъ ли кто предъ нимъ является? Онъ отъ души сорадуется радующемуся. Скорбитъ ли кто предъ нимъ? Онъ также отъ души сострадаетъ скорбящему. Ему ли самому улыбается счастіе? Онъ не забывается въ счастіи. Горе ли какое постигаетъ его? Онъ не вдается въ уныніе, но

съ твердостію и мужественно выноситъ бѣду. Врагъ ли какой нападаетъ на него? Онъ старается только удалиться отъ него и, удаляяся, не уноситъ съ собою ни злобы, ни мести врагу своему. Друга ли встрѣчаетъ на пути жизни? Онъ весь его. Всегда тревезвенный, честный, нестяжательный, братолюбивый, мастистый нашъ духовный отецъ, какъ по всему видно, всегда руководствовался и руководствуется въ жизни своей однимъ правиломъ: всѣмъ добро, и никому зла!

Отецъ нашъ! Воздаемъ тебѣ должную честь. Какъ учительному пресвитеру, дающему образъ вѣрнымъ словомъ и житіемъ, она принадлежитъ тебѣ по праву. Прими же ее отъ насъ съ любовію.

Отцы и братія! Полагаю, что не я одинъ такъ смотрю на нашего духовнаго отца. Смѣю думать, что и вамъ всѣмъ онъ представляется въ такомъ же точно свѣтѣ. Почтимъ же его и возлюбимъ не словомъ только, ни языкомъ, но дѣломъ и истиною. Первымъ нашимъ дѣломъ пусть будетъ наше, едиными усты и единымъ сердцемъ, соборнѣ приносимое Господу Богу благодареніе за то, что Онъ сподобилъ нашего духовнаго отца потрудиться для церкви Божіей такъ долго и такъ благоплодно. Затѣмъ усугубимъ наши молитвы ко Всевышнему, чтобы Онъ и еще приложилъ ему дни живота его на многая лѣта, и благословилъ его, и всѣхъ чадъ его, и чада чадъ его, всякимъ благословеніемъ небеснымъ и земнымъ. Наконецъ постараемся и въ себѣ самихъ сообразить черты его доблестной жизни; паче же всего потщимся *мирствовати въ себѣ*, какъ онъ всегда мирствовалъ даже съ ненавидящими мира. *Се бо что добро, и се что красно, но еже жити братіе вкупѣ!* Аминь.

Прот. А. Покровскій.

О ЕСТЕСТВЕННОМЪ И РАЗУМНОМЪ

ВЪ ОБЛАСТИ НРАВСТВЕННО-ДУХОВНОЙ.

Современное умственное настроеніе многихъ, стремясь быть естественнымъ и разумнымъ, пустилось преимущественно въ изученіе естества и его механическихъ законовъ, и впало, какъ это часто бываетъ у людей, въ крайность. Стоя за естественное, механическое, оно отрицаетъ важнѣйшую и главнѣйшую часть его—сверхъ-естественное, свободное, духовное, утверждая, что въ мірѣ все дѣлается одинаковымъ неизмѣннымъ, механическимъ образомъ, а потому всѣ событія въ мірѣ естественны; сверхъ-естественныхъ нѣтъ. Можно бы легко согласиться съ этимъ отрицаніемъ, еслибы въ немъ содержалось желаніе включить въ область естественнаго все, что бываетъ въ мірѣ. Но отрицатели не хотятъ принимать естественное въ смыслѣ широкомъ, возвышенномъ, а стараются отвергнуть, какъ выражаются они, вмѣшательство Творца Вседержителя въ управленіе міромъ, въ которомъ событія высшія, неподходящія подъ обыкновенный механизмъ естества, люди Богодухновенные, а за ними благомыслящіе и разумные находятъ необходимымъ приписать особенному участію Промысла и благодати.

Естественное и сверхъ-естественное въ природѣ, въ исторіи и въ понятіяхъ людей нераздѣльно соединены, сопутствуютъ рука объ руку одно другому, такъ что провести между ними и указать настоящія дѣйствительныя границы, едва ли возможно. По началу своему все въ природѣ и исторіи сверхъ-естественно, потому что обыкновенный, нынѣ существующій и называемый естественнымъ, чинъ движенія и жизни тварей возникъ не случайно, самъ собою, ибо премудроидеальное устройство міра предполагаетъ дѣйствіе не слѣпой случайности, съ которой совершеннѣйшее твореніе несогласимо, но свидѣтельствуетъ о высочайшемъ и всевѣдущемъ творческомъ умѣ. Итакъ, все естественное, по своему началу отъ Бога, сверхъ-естественно, и это, по своему происхожденію сверхъ-естественное, въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи обратилось въ нашихъ понятіяхъ въ естественное. Естественнымъ теперь обыкновенно называютъ то, что бываетъ подъ общеизвѣстными условіями механической силы естества. Привычка видѣть одни и тѣже явленія отъ однихъ и тѣхъ же причинъ дала этимъ явленіямъ названіе естественныхъ. Но сверхъ-естественное начальное возникновеніе тварей предполагаетъ сверхъестественное участіе въ продолженіи ихъ существованія. Въ сотвореніи и сохраненіи тварей видна совокупная сила естественная и сверхъ-естественная. Начало тварей неизъяснимо изъ естественныхъ силъ природы: равно необъяснимо изъ естественныхъ причинъ и постепенное умноженіе и сохраненіе родовъ и видовъ тварей. Въ преемственномъ развитіи ихъ изъ первоначально положеннаго сѣмени, въ неизмѣнно продолжающемся управленіи небесныхъ свѣтилъ днемъ и ночью (Быт. 1) и проч. видна воля

и сила того же творческаго ума, который первоначально все основалъ, установилъ и опредѣлилъ. Наше общечеловѣческое внутреннее сознаніе говоритъ намъ, что какъ все произвелъ, такъ все хранитъ Высочайшій умъ *словомъ силы своей* (Евр. 1, 2—3). Механика естества въ сущности своей есть постоянно-продолжающійся законъ творческой воли и силы, въ которомъ видѣть одну матеріальную сторону значитъ не замѣчать существеннаго. Въ самыхъ близкихъ намъ естественныхъ дѣйствіяхъ природы мы очень многое безъотчетно называемъ естественнымъ, потому что механическая работа естества не такъ строго подчинена закону непреложной необходимости, какъ механизмъ человѣческаго искусства, въ которомъ всѣ пружины совершенно извѣстны человѣку. Главнымъ и существеннымъ дѣятелемъ въ естественномъ движеніи натуры можно считать условіе, съ которымъ сочетается законъ природы и его матеріальная сила. При множествѣ привходящихъ условій, произведенія естества являются чрезвычайно разнообразны. Напримѣръ законъ природы произращать подчиняется безчисленнымъ условіямъ и поэтому прозябенія, растенія и плоды безконечно разнообразны.

Изъ безчисленныхъ условій, подъ вліяніемъ коихъ совершаются естественныя событія, иныя болѣе явны, открыты, удобопостижимы, а многія невидимы, сокровенны, исключительны, которыя, по непривычкѣ нашей видѣть ихъ въ ряду всегдашнихъ условій и по невозможности обнять ихъ мѣриломъ нашего разума, кажутся необычайными и исключительными, такъ что о многихъ изъ естественныхъ явленій мы не можемъ съ достаточнымъ основаніемъ сказать—естественны они или вышеестественны.

При необъятности причинъ безконечно разнообразныхъ явленій въ мірѣ матеріальномъ и духовнонравственномъ названіе естественныхъ и сверхъестественныхъ въ настоящее время много зависитъ отъ умственнаго настроенія людей. Для иныхъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго, а для большинства, и притомъ для лучшихъ мыслителей, кромѣ естественнаго существуетъ и сверхъ-естественное.

Въ исторіи и природѣ разность между естественнымъ и сверхъестественнымъ всего правильнѣе и легче познается при свѣтѣ Откровенія въ силѣ, служащей знаменіемъ, по которому человѣкъ трезваго и внимательнаго ума и сердца можетъ и долженъ уразумѣвать Дѣйствующаго, какъ опытный глазъ различаетъ явленія естественныя отъ искуственныхъ, хотя тѣ и другія равно естественны. Неумѣющему отличить плодовъ дерева дикаго въ его состояніи естественномъ отъ плодовъ дерева прививнаго, тѣ и другіе кажутся одинаково естественны: такъ *душевный человѣкъ неразумѣющій того, что отъ Духа Божія* (1 Кор. 2, 14—15), во всѣхъ явленіяхъ природы усматриваетъ только одну внѣшнюю механическую сторону, которую подчиняетъ закону физической необходимости, а что не подходитъ подъ эту норму, то отвергаетъ или перетолковываетъ по своему. Но какъ дѣйствія искуснаго садовника извѣстны многимъ: такъ въ исторіи великаго сада Божія въ человѣчествѣ для нѣкоторыхъ видны и ясны знаменія высшей силы и цѣли, выходящія изъ обыкновеннаго порядка естества, но многими эта сила не примѣчается и даже не предполагается. Ап. Павелъ—учитель вселенной, обозрѣвая естественную исторію іудеевъ и язычниковъ, говоритъ: „въ судьбѣ ихъ видимъ благость и строгость

Божію: строгость къ отпадшимъ, т. е. іудеямъ и благость къ язычникамъ. Но и тѣ, т. е. іудеи, если не пребудутъ въ невѣріи, привьются: потому что Богъ силенъ опять привить ихъ. Если язычникъ отсѣченъ отъ дикой по природѣ маслины, и не по природѣ привился къ хорошей маслинѣ: то тѣмъ болѣе сіи природные привьются къ своей маслинѣ" (Рим. XI). Тотъ же учитель вселенной въ исторіи человѣчества указываетъ на *велію благочестія тайну* явленія Бога во плоти для искупленія міра (1 Тим. III, 16),—тайну, не примѣчаемую и даже отрицаемую душевнымъ человѣкомъ, тайну сколько насущную, столько и разумновысочайшую, и проч.

Два рода явленій естественныхъ и сверхъестественныхъ, нераздѣльно соединенныхъ въ мірѣ и человѣкѣ, премудро и благотворно соотвѣтствуютъ и удовлетворяютъ двумъ нераздѣльно и необъяснимо связаннымъ сторонамъ человѣческаго существа—тѣлесной и духовной. Всегда присущи и непреодолимы требованія внѣшней стороны: столько же присущи и неотклонимы требованія внутреннія, духовныя. Послѣднія даже требовательнѣе, роднѣе, ближе, необходимѣе человѣку. Первыя суть принадлежности плотской и нисшей жизни: вторыя суть условія жизни высшей, богоподобной, которыя по этому лучше и благороднѣе чувственныхъ и матеріальныхъ. *Духъ есть, иже оживляетъ: плоть не пользуетъ ничтоже* (Іоан. VI, 63).

Превосходство и преимущество стороны внутренней, духовной, предъ внѣшнею и плотскою яснѣе видны въ наибольшей естественности и разумности первой.

Преимущественная, наибольшая естественность духовнаго и сверхъестественнаго понятна каждому мыслящему человѣку во *всемірной вѣрѣ* всего человѣчества

въ духовное и сверхъестественное. Родъ человѣческій доселѣ не обходился, да никогда и не обойдется безъ духовнаго и сверхъестественнаго, а что такъ необходимо и безъ чего жить нельзя, то по преимуществу естественно, натурально; то-есть всемірный постулятъ человѣчества.

По этому сверхъестественное, какъ хлѣбъ насущный, какъ самое существенное и по преимуществу естественное намъ, никогда ни старѣется, ни ветшаетъ, но постоянно пребываетъ въ одинаковой свѣжести и животворитъ. Объ этой сторонѣ естественности, — не старѣемой свѣжести можно судить по ученію, которымъ внутренній духовный человѣкъ питается и живетъ. Это ученіе библіи — книги книгъ. Библія древнѣе всѣхъ книгъ, но ея ученіе нисколько не устарѣло. При безчисленныхъ ежедневно являющихся человѣческихъ писаніяхъ, системахъ и ученіяхъ, оно всегда впереди ихъ, всегда новѣе и занимательнѣе, всегда возвышеннѣе и превосходнѣе: не признакъ ли это несомнѣнной, истинной чрезвычайной естественности!

Всемірное и неистощимое сокровищё духа и сердца человѣческаго—сверхъестественное, какъ самое существенное и родное намъ, въ теченіе вѣковъ и тысящелѣтій, *не теряетъ своей силы и могущества*, а по этому оно по премуществу естественно. Оно своею внутреннею силою *побѣждаетъ міръ* (1 Іоан. V, 4). Ученіе Христово о духовномъ невидимомъ и сверхъестественномъ, о царствѣ не отъ міра сего, было столь могущественно и привлекательно, что *мытари и грѣшницы*, — люди, привыкшіе къ своимъ порокамъ и закоснѣвшіе въ нихъ, скорѣе своихъ первосвященниковъ и старѣйшинъ обращались въ царство Божіе (Матѳ. XXI, 31). Слѣдо-

вательно ни глубина грѣхопаденія, ни привычка жизни грѣховной и закоснѣніе въ ней не были сильны отвратить слухъ людей плотскихъ и чувственныхъ отъ проповѣди Христовой, какъ самой естественной и потому могущественной. Если страсти, которыя управляютъ людьми, какъ своими плѣнниками, не сильны бываютъ удержать ихъ на путяхъ порока: то ясно, что духовное и божественное, для человѣка самое естественное, а плотскія страсти противуестественны. Люди увлекаются страстями и блуждаютъ во мракѣ, но часто естественныя правильныя требованія приводятъ блудныхъ въ чувство, раскаяніе и исправленіе своей жизни; они сбрасываютъ съ себя бремя страстей, какъ не естественное и гибельное.

Естественная сила религіи влечетъ людей на добровольныя за нее страданія и смерть. Конечно, многіе изъ добровольныхъ мучениковъ достойны осужденія, напримѣръ самосожигатели, морельщики и другіе фанатики, которые въ своемъ ослѣпленіи гибли безразсудно, но этотъ фанатизмъ возбуждала въ заблудшихъ доля истины, въ самыхъ заблужденіяхъ ихъ таящаяся. Заблужденіе, въ которомъ нѣтъ этой доли, не можетъ привлечь къ себѣ человѣка и сдѣлать изъ него жертву. Напримѣръ атеизмъ, деизмъ, нигилизмъ и проч. неимѣли и никогда не могутъ имѣть такихъ горячихъ защитниковъ, какъ заблужденія религіи, потому что въ атеизмѣ, деизмѣ, и нигилизмѣ нѣтъ нисколько здороваго матеріала, какъ въ пеплѣ, который не горитъ; потому что въ немъ нѣтъ вещества, а отъ слабаго къ нему прикосновенія разсыпается и разлетается.

Такимъ образомъ все сверхъестественное, даже доля его такъ дорога и сильна, что человѣкъ готовъ

за это жертвовать самымъ первымъ благомъ своимъ—своею жизнію, потому что религія есть настоящая полнота истинной жизни (1 Іоан. 1, 2).

Если духовное и вышечувственное преимущественно, наиболѣе естественно, потому что оно всеміріно, не ветшаемо и могущественно: то вмѣстѣ оно по преимуществу разумно. Все естественное безъ сомнѣнія вполнѣ разумно, потому что природа устроена *добро зѣло*,—премудро, безъ излишествъ и недостатковъ, въ такой гармоніи, въ которой твари имѣютъ общую и частную цѣль бытія и жизни. Оттого мудрые законы естества, Высочайшею разумною волею въ немъ положенные, допускаютъ и принимаютъ всѣ разумныя сочетаваемыя съ ними человѣкомъ собственные опыты и условія, или отвергаютъ, если эти сочетанія и опыты неразумны. Такимъ образомъ естественное разумно какъ по происхожденію законовъ своихъ, такъ и по допущенію сими законами только разумныхъ опытовъ и сочетаній. Поэтому въ мірѣ физическомъ, устроенномъ Высочайшимъ разумомъ, нѣтъ безсмысленныхъ безцѣльныхъ явленій, какія бываютъ въ дѣйствіяхъ человѣческаго разума.

Наибольшую разумность сверхъестественнаго можно видѣть въ ученіи библейскомъ,—этой единственной сокровищницѣ духовнаго, сверхъестественнаго. Ученіе библейское разумнѣе свободныхъ человѣческихъ ученій по своей внутренней, безпримѣрной, дивной связи, содержащейся въ священныхъ писаніяхъ разныхъ лицъ и временъ, на пространствѣ болѣе полуторы тысячи лѣтъ. Дивная гармонія ученія, совершенно подобная той, какую мы усматриваемъ въ природѣ между растеніями, животными и людьми древними, средними и новыми. Въ

природѣ постоянно одинаковы, при всемъ своемъ разнообразіи, виды и роды тварей на однихъ и тѣхъ же пространствахъ земли. Посмотрите на системы изложенія нравственносвободныхъ ученій человѣческихъ: сколько въ нихъ разногласій, противорѣчій, взаимныхъ гнушеній, униженій, опроверженій, осмѣяній, обличеній! Библейское же ученіе вездѣ одинаково по духу и цѣли своего ученія, какъ произведеніе одного разума.

Строгая внутренняя связь главнаго библейскаго ученія и признакъ неопровержимой его разумности заключаются въ постепенно уяснительномъ развитіи одной высочайшей идеи побѣды добра надъ зломъ, сотренія главы змія сѣменемъ жены (Быт. 111, 15 Ап. XX, 2, 3,). Все, созданное Богомъ и поврежденное грѣхомъ, освящается во Іисусѣ Христѣ отъ приpаженія грѣховнаго и снова покорится Богу. Первое нынѣшнее небо и первая нынѣшняя земля прейдутъ и измѣнятся въ *небо ново и землю нову* (Ап. XXI): *вси мы измѣнимся. Подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе и мертвенному сему облещися въ безсмертіе. Яко же бо во Адамѣ вси умираютъ, такожде о Христѣ вси оживутъ. Подобаетъ ему (Христу) царствовати, дондеже положитъ вся враги подъ ногама своима* (1 Кор. XV, 22 — 25). *Егда же тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда сбудется слово писанія: пожерта смерть побѣдою. Богу же благодареніе, давшему намъ побѣду Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ* (1 Кор. XV, 51 — 57). Обѣтованная побѣда увѣнчается тѣмъ, что *Богъ будетъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. XV, 28).

Такимъ образомъ въ основѣ библейскаго ученія лежитъ высокоразумная идея постепеннаго освященія, оживленія и одухотворенія или спасенія міра Сыномъ Божіимъ.

Спасительная идея Библіи есть такой ясный, всемірный призывъ истины, по которому легко взвѣсить и оцѣнить всякую религію, всякое ученіе и вѣроисповѣданіе. При свѣтѣ библейской идеи становится очевидно и понятно для всѣхъ, что язычество, талмудъ и алкоранъ суть отрывочныя, безжизненныя и безполезныя для человѣка ученія,—не болѣе какъ наросты на деревѣ, его уродующіе.

Упомянутыя религіи въ историческомъ ходѣ событій не что иное какъ Божіи попущенія (Дѣян. XVII, 30), какія замѣчаются ежедневно въ беззаконіяхъ человѣческихъ. Трудно указать какую-либо пользу ученій—языческаго, раввинскаго и магометанскаго, изобрѣтателями которыхъ были люди. Конечно и божественныхъ библейскихъ откровеній провозвѣстниками были также люди — пророки и апостолы, но ихъ ученія истекали изъ мысли о Спасителѣ и созидались на Немъ, какъ на краеугольномъ камнѣ, на которомъ все зданіе христіанства стройно возрастаетъ въ храмъ, посвященный Господу (Еф. 2, 20—21). Одно ученіе безъ Спасителя Бога безполезно для спасенія. Существенная цѣль религіи быть сокровищницею и проповѣдницею не одного ученія, а главнымъ образомъ нашего спасенія. Иначе религія будетъ не полезнѣе и не выше философской системы, которая обыкновенно только учитъ, но не спасаетъ. Хотя Спаситель есть вмѣстѣ и учитель, но главное и высшее въ Немъ не то, что Онъ учитель, а то, что Онъ Спаситель.

Идея библейскаго ученія можетъ и должна служить лучшимъ критеріемъ безполезности каждой системы философской, особенно въ ея нравственномъ ученіи, которое предъ идеею библіи оказывается безжизненнымъ,

мертвымъ умствованіемъ; является отрывочнымъ, одинокимъ, безъ связи и единства съ подобными мудрованіями, мечтательнымъ, притязательнымъ, нерѣдко *взимающимся на разумъ Божій* (2 Кор. X, 5).

Если подвести подъ библейскую идею жизни и спасенія разныя религіозныя лжеученія и исторіи—произведенія невѣрія и раскола: то разомъ обнаружится въ нихъ полнѣйшая порча животворнаго и спасительнаго ученія Христова и нетолько ихъ явная безполезность, но и общественная смертоносная въ нихъ язва.

Даже чистоту христіанскихъ вѣроисповѣданій легко можно повѣрить и оцѣнить по общей идеѣ спасенія, раскрытой въ библіи. Этой идеѣ нисколько не удовлетворяютъ язычество, жидовство и магометанство; такъ не вполнѣ осуществляютъ ее даже христіанскія вѣроисповѣданія—лютеранское со всѣми его подраздѣленіями и вѣтвями и латинское или римско-католическое. Въ вѣроученіяхъ и исповѣданіяхъ западныхъ библейская идея спасенія очень отодвинута и затемнена; въ нихъ она занимаетъ не первое и главное мѣсто, а второстепенное. Въ лютеранствѣ на первомъ и главномъ мѣстѣ стоитъ разумъ, которому спасеніе въ Іисусѣ Христѣ слишкомъ подчинено, между тѣмъ какъ разуму слѣдуетъ быть въ послушаніи вѣрѣ во Христа Спасителя, Ходатая и Примирителя Бога и человѣковъ (2 Кор. X, 5. 1 Тим. 2, 5,). Идея спасенія есть идея разума Божія (1 Тим. 2, 4,) а не разума человѣческаго, которому она для его помощи открыта, дана свыше; которому для ея пріобрѣтенія необходимо приложить всевозможное усиліе (Матѳ. XIII, 44, 46) и бдительно охранять и беречь ее, какъ небесное сокровище, неизмыслимое и невмѣстимое, а потому зачастую искажаемое разумомъ. Но проте-

стантскій и реформатскій разумъ чрезвычайно самоуправно, вольно и превратно обращается съ религіею спасенія, какъ бы съ своимъ изобрѣтеніемъ, какъ бы съ ученіемъ человѣческимъ, философскимъ.

Еще превратнѣе ученіе спасенія въ латинствѣ; здѣсь оно прежде и болѣе всего употребляется къ расширенію земной власти папы, противной Евангелію и для спасенія во Іисусѣ Христѣ не нужной; вѣроисповѣданіе латинское есть религія, служебная папѣ, его политикѣ и главенству. Въ протестантствѣ вѣра Христова обращена въ предметъ человѣческаго разума и называется обыкновенно не по имени Христа Спасителя, а по имени реформаторовъ. Въ латинствѣ она превращена въ орудіе мірской политики и всевозможныхъ ея тонкостей, иногда въ орудіе лжи и искаженія истины Евангельской, ради усиленія папства. Отношенія папизма къ прочимъ вѣроисповѣданіямъ христіанскимъ всегда враждебны, какъ къ непокорнымъ папѣ, хотя и покорнымъ Христу. Папизмъ называетъ лютеранство ересью, не столько потому, что находитъ въ немъ лжеученіе, столько и гораздо больше потому, что оно не вѣруетъ въ папу и не признаетъ его исключительной власти; вѣроисповѣданіе православное унижаетъ названіемъ схизмы не потому, что оно отдѣлилось отъ истины ученія Спасителя, а потому что оно не пристаетъ къ папству. Между тѣмъ обыкновенный образъ дѣйствія латинства-ложь ясно открывается въ самыхъ названіяхъ, которыми Римъ хочетъ унизить вѣроисповѣданія христіанскія, ему не служебныя.

Называя лютеранство ересью, папизмъ самъ совершенная ересь; нарицая православіе схизмою самъ совершенный расколъ, какъ отдѣлившійся отъ вселенской

церкви во имя папы. Если же библейскую идею спасенія приложить къ православному христіанскому вѣроисповѣданію: то откроется, что спасеніе міра Сыномъ Божіимъ, — эта существенная черта Христіанства въ православной вѣрѣ, —стоитъ въ неприкосновенномъ свѣтѣ, на первомъ мѣстѣ. Глава православной церкви есть Самъ Спаситель, руководитель въ ней не разумъ человѣческій самъ собою, а *разумная свободная вѣра въ слово Откровенія.*

Православные Христіане всѣ свои дѣянія творятъ во имя Христа Спасителя; даже милостыню испрашиваютъ именемъ Христовымъ. Въ церкви православной нѣтъ поклоненія и служенія ни разуму человѣческому, ни человѣку.

Высокая разумность міра духовнаго и сверхъ-чувственнаго, свидѣтельствуя о его несомнѣнной естественности, открывается также въ высотѣ и чистотѣ библейскаго ученія о спасеніи міра. Высота этого ученія особенно видна въ основательномъ и разумномъ рѣшеніи величайшаго вопроса о единственной возможности спасенія міра только чрезъ единороднаго Сына Божія. *Нѣсть бо иного имени подъ небесемъ даннаго въ человѣцѣхъ, о Немъ же подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. IV, 12).

Въ религіяхъ, изобрѣтенныхъ и изобрѣтаемыхъ мудрованіями человѣческаго разума, самый важный и существенный вопросъ о спасеніи обыкновенно оставляется безъ рѣшенія, которое возможно и доступно только христіанству. Язычество, съ своими многочисленными идолами, талмудъ съ своими суевѣрными раввинами, алкоранъ съ своимъ истребительнымъ Магометомъ, лжеучители съ своими мертвящими мечтами и умствованіями, могутъ ли рѣшить вопросъ о вѣчномъ спасеніи міра

ки. опыта и жизни. Каждому самому испытать все еще труднѣе, невозможнѣе, нежели самому независимо все разумомъ обслѣдовать, потому что дѣлу умственнаго познанія много помогаетъ соображеніе разума, которое доступнѣе человѣку, чѣмъ собственное опытное познаніе.

Вѣра сколько естественна по усвоенію предмета столько и разумна по основанію. Она утверждается также, какъ и познаніе разумомъ, на внутреннемъ сознаніи или признаніи. Мы вѣримъ не потому, что другіе намъ говорятъ, сообщаютъ, свидѣтельствуютъ, но потому, что мы внутренно признаемъ вѣру въ стороннее свидѣтельство не безразсудною, правильною, достойною. Слушая и читая басни, никто, даже дитя, не повѣритъ баснописцу, что гдѣ нибудь или когда нибудь деревья, птицы, животныя дѣйствительно говорятъ и разсуждаютъ, какъ представляется въ басняхъ.

Внутреннее признаніе—эта необходимая основа и сила вѣры возвышеннѣе и свободнѣе, чѣмъ начало такъ называемое научное, непремѣнно требующее осязательныхъ, математическихъ доказательствъ. При такихъ вещественныхъ основаніяхъ и непреложныхъ законахъ разумъ нашъ зависитъ не отъ себя, а отъ необходимыхъ по симъ законамъ выводовъ, которые сами собою слѣдуютъ изъ данныхъ пріемомъ и положеній и иными быть не могутъ, если пріемы и вычисленія вѣрны. Такимъ образомъ работы разума, управляемыя и руководимыя законами необходимости, невольны и принужденны.

Тотъ же разумъ, но въ области нравственной, духовной и религіозной, дѣйствуетъ свободнѣе, нежели въ мірѣ видимомъ и вещественномъ, и свобода вѣры благо-

роднѣе свободы разума въ истинахъ откровенія. Свобода вѣры полагается болѣе на высшій авторитетъ, а свобода разума на себя. Довѣріе разума себѣ неизбѣжно сопровождается вліяніемъ страстей, часто столь тонкимъ, что самъ судья не замѣчаетъ этого зловреднаго тяготѣнія. Дѣятельность разума вообще рабская, не свободная, ограничивается или законами необходимости въ познаніи предметовъ опыта, или страстями въ сужденіяхъ своихъ о предметахъ нравственно-духовныхъ и святыхъ. Слѣдовательно одна вѣра свободна, а знаніе разума необходимость. Путь вѣры естественнѣе и законнѣе путей разума, въ мірѣ откровенія, религіи и нравственности. Для разума предѣлы видимые—небо и земля, а небо духа, сердца, религіи, истинной свободы и нравственности свое—въ области вѣры. Для двухъ природъ духа и вещества равно необходимы и существенны и вѣра и разумъ, только каждому надобно господствовать въ своемъ царствѣ. Иначе, когда два способа познанія—разумъ и вѣра—вмѣшиваются въ чужія области и дѣла, всегда происходятъ противорѣчія, путаница и зло.

Замѣчательно, что люди разума здороваго и могучаго всѣ признаютъ вѣру за необходимый, самый естественный и самый приличный способъ познанія и усвоенія истинъ вѣчныхъ, небесныхъ и святыхъ; а дѣятельность разума ограничиваютъ видимымъ и вещественнымъ міромъ, для зрѣнія котораго соотвѣственное у человѣка око есть разумъ, а для видѣнія міра духовнаго наилучшее око у человѣка есть вѣра. При томъ вѣра правильнѣе, дальновиднѣе, возвышеннѣе, глубже, гармоничнѣе и благороднѣе видитъ и постигаетъ свои предметы, нежели разумъ свои.

Ученіе библейское, или ученіе вѣры, какъ самое естественное и разумное, всегда занимало и должно занимать первое и самое почетное мѣсто относительно разума по своему просвѣтительному вліянію на науки нравственныя, литературныя, художественныя, и политическія. Самое полезное въ нихъ вышло не изъ разума, а отъ вѣры—изъ нѣдръ христіанства, которое есть родитель лучшихъ, высшихъ, нравственныхъ знаній и дѣйствій, въ чистомъ естественномъ видѣ. Разумъ, самъ собою дѣйствующій, вноситъ въ царство Божіе только порчу и запустѣніе. Напримѣръ, христіанство, какъ религія чистѣйшей гуманности, сдѣлало человѣка полнымъ, цѣлымъ, совершеннымъ; доставило человѣческое достоинство женамъ, дѣтямъ и рабамъ. Но, почерпнувъ свое ученіе о гуманности въ христіанствѣ, современный разумъ прилагаетъ свою гуманность къ жизни не въ духѣ христіанства. Разумъ не различаетъ, а больше путаетъ гуманность христіанскую съ своею искуственною; очень высоко ставитъ свое порочно естественное, независимое отъ христіанства добро и при этомъ отнимаетъ у христіанства его высокое назначеніе исправлять, улучшать нравственное состояніе человѣка. Гуманность, или лучше человѣколюбіе христіанское, гораздо чище, выше и естественнѣе гуманности разума. Послѣдняя есть добро природы грѣховной, добро плотское, гражданское, формальное; первая есть добро во имя Христа, духовное, священное, по внутренней христіанской любви. Человѣческое достоинство возстановлено въ женщинахъ, дѣтяхъ и въ слугахъ не гуманностію разума, которая не восходитъ выше языческой, а человѣколюбіемъ христіанства, которое милосердствуетъ и сострадаетъ человѣку истинно, отъ сердца,

по вѣрѣ во Христа, а не играя и забавляясь. Гуманность разума никогда не дойдетъ до самоотверженія и слѣдовательно до человѣколюбія христіанскаго. Такъ начала гуманности разумъ заимствуетъ изъ чистѣйшаго источника—изъ ученія Евангелія, но, дѣйствуя внѣ его, искажаетъ и унижаетъ милосердіе христіанское.

Христіанство есть религія истинной свободы. Оно понимаетъ вѣру, какъ дѣло свободы нравственной,—преимущественно внутренней, свободы отъ грѣха, и ведетъ вѣрующихъ къ свободѣ чадъ Божіихъ (Іоан. VIII, 36),—и затѣмъ къ свободѣ внѣшней. Духъ христіанской свободы побѣждаетъ рабство, дѣйствуя на внутреннее настроеніе человѣка и способствуя къ признанію права личности въ гражданскомъ обществѣ. Но современная свобода разума страстнаго ищетъ совершеннаго отрѣшенія отъ божественнаго порядка, сбросить съ себя всякую зависимость: а это въ сущности не свобода, а оковы, которые съ попраніемъ всякой зависимости человѣкъ непремѣнно воздагаетъ на себя и другихъ. Такъ разумъ, предоставленный самому себѣ, и начала свободы, заимствованныя изъ Евангелія, вводя въ свою отрѣшенную отъ Евангелія область, искажаетъ и унижаетъ истинную свободу.

Точно также, какъ начала гуманности и свободы христіанской, разумъ портитъ и уменьшаетъ сумму образованія человѣка. Полагая въ основаніе воспитанія и образованія религію или законъ Божій, разумъ на дальнѣйшемъ просвѣтительномъ пути дѣлаетъ образованіе при всемъ широкомъ, распространенномъ умственномъ кругозорѣ, очень одностороннимъ по отношенію къ его чистому источнику. Образованіе, особенно современное, не стараются, гдѣ можно и нужно, примирять съ От-

кровеніемъ, и потому въ наши дни образованные и ученые люди встрѣчаются на практикѣ односторонними, мнимо—учеными, или, по боговдохновенному выраженію ап. Павла, *всегда учащеся и николиже въ разумъ истины пріити могущія* (2 Тим. III, 7). *И якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ* (Рим. 1, 28); то нравственно свободныя понятія, сужденія и жизнь современныхъ мнимоученыхъ идутъ большею частію въ противорѣчіи, въ разладѣ и съ церковностію и съ народностію и даже съ общимъ смысломъ. Для нихъ нравственно просвѣтительная и духовно руководительная книга Откровенія страна невѣдомая; сами они служатъ и поклоняются богу невѣдомому.

Этотъ разладъ религіи и разума всеобщій, но у насъ—русскихъ—онъ ощутительнѣе, потому что образованіе и ученость русскихъ не самостоятельны, а слѣпоподражательны. Сами мы не думаемъ, а предоставляемъ думать за себя иноземнымъ философамъ и ожидаемъ, чтобы всецѣло принять то, что они выдумаютъ. Слѣпоподражательныя черты нашего образованія и учености видны особенно въ безчисленныхъ русскихъ переводахъ Фейербаховъ, Бюхнеровъ, Фохтовъ, Малешотовъ, Дарвиновъ и подобныхъ умствователей. Самые простые люди изъ нашихъ соотечественниковъ знаютъ имена сихъ просвѣтителей русскаго ума, потому что непрестанно слышатъ объ нихъ отъ нашихъ книжниковъ и писателей, которые читаютъ и переводятъ писанія съ иностранныхъ языковъ на русскій съ полною вѣрою въ авторитетъ писателей и въ содержаніе ихъ произведеній, хотя бы оно было самое безразсудное и нелѣпое.

Прот. Г. Дебольскій.

ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ ИЛИ СИСТЕМѢ

БОГОСЛОВСКИХЪ НАУКЪ (*).

Слово *организмъ* выражаетъ собою понятіе недавняго времени. Идея *всеобщаго*, которое всецѣло живетъ въ каждой изъ своихъ частей, и всѣ члены котораго въ такомъ отношеніи располагаются одинъ къ другому, что отдѣльное познаніе одного изъ нихъ достаточно для опредѣленія всѣхъ другихъ и для воспроизведенія всецѣлаго бытія,—это, дѣйствительно, возвышенная идея есть произведеніе современной мысли, или, лучше сказать, это есть, какъ бы откровеніе, недавно сдѣланное наукѣ самою природою. Ибо невѣроятно, чтобы умъ человѣческій самъ собою выработалъ подобное понятіе. Кювье былъ ([1]), въ этомъ отношеніи, какъ бы пророкомъ: его ухо приняло, а уста, въ первый разъ, провозгласили это понятіе, которому назначено играть рѣшительную роль въ наукѣ и даже въ исторіи человѣчества. Жоффруа Сент-Илеръ ([2]) распространилъ это

(*) Авторъ этой статьи руководствовался статьею, помѣщенною въ „Bulletin Théologique" за 1863 годъ подъ заглавіемъ: „L'organisme de la science théologique".

([1]) Dans les leçons d'anatomie comparée. 1800—1805.

([2]) Особенно въ la Philosophie anatomique. 1818. Сочиненіе это было предварено публикаціями, наполненными уже тою же самою мыслію.

понятіе на всю совокупность существъ, не смотря на то, что оно, будучи приложено къ отдѣльному даже существу, какъ сдѣлалъ это Кювье, казалось уже смѣлымъ. Съ тѣхъ поръ какъ твореніе открыло такимъ образомъ свою наиболѣе важную тайну, тайну своего органическаго единства и своей чудной гармоніи, понятіе организма сдѣлалось закономъ мысли и почти ея тираномъ. Натурально, что это понятіе стали прилагать и къ міру нравственному. Здѣсь, въ этомъ понятіи, стали искать ключа для всѣхъ наукъ вообще, и для каждой въ частности. Въ силу этого, всеобщая энциклопедія не должна была уже болѣе представлять собою какую-то искуственную классификацію человѣческихъ наукъ, на основаніи внѣшняго, болѣе или менѣе удачно приложеннаго начала,—а синтетическое построеніе знанія человѣческаго, отправляющагося отъ безспорнаго начала къ самой природѣ науки. Равнымъ образомъ и частная энциклопедія, вмѣсто того, чтобы походить на перечень познаній, сгруппированнымъ подъ однимъ и тѣмъже заглавіемъ, должна была отнынѣ имѣть задачею, чтобы каждая частная наука исходила отъ безспорнаго начала къ самому предмету этой науки. Гегель первый сталъ пытаться, чтобы лучъ этого новаго метода проникнулъ въ неизмѣрный хаосъ человѣческаго знанія (¹); а Шлейермахеръ сдѣлалъ изъ него, въ первый разъ, особенное приложеніе къ наукѣ богословской, въ своемъ безсмертномъ же большомъ сочиненіи: Darstellung des theologischen Studiums (1811). Въ чемъ заключается, спрашивалъ себя этотъ великій мыслитель, тотъ отличительный элементъ, который напечатлѣваетъ,

(¹) Смотр., особенно, его Encyclopedie des sciences philosophiques. 1817.

на извѣстной отрасли нашихъ познаній, характеръ, собственно богословскій? Отъ чего, напримѣръ, происходитъ, что исторія церкви есть для богослова нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ одна изъ отраслей всеобщей исторіи человѣчества? Почему экзегетика новаго завѣта не принадлежитъ къ литтературному изученію древности, по томуже самому праву, какъ изученіе классиковъ, и занимаетъ отдѣльное мѣсто въ наукахъ философическихъ? Вопросъ, хорошо поставленный, въ самомъ себѣ почти заключаетъ уже рѣшеніе. Шлейермахеръ отвѣчаетъ на него такъ, какъ отвѣтилъ бы каждый изъ насъ: То́, что отмѣчаетъ особенною печатію познанія, которыя мы отдѣляемъ отъ всѣхъ другихъ, соединяя ихъ подъ однимъ именемъ *богословія*, это есть ихъ цѣль, а эта цѣль есть практика, или дѣйствованіе, то есть служеніе церкви. Богословъ изучаетъ богословіе не въ качествѣ любителя или ученаго, и потому онъ не творитъ науки для науки. Цѣль его занятія, изученія богословія въ томъ именно состоитъ, чтобы пріобрѣсти умѣнье надежно управлять церковію, и наиболѣе дѣйственнымъ образомъ служить ей. Такимъ образомъ Шлейермахеръ нашелъ въ цѣли богословія начало научнаго единства, и на этомъ основаніи старался построить все зданіе богословскихъ наукъ. Тогда, въ первый разъ, увидѣли, что наука, подобно растенію (1), органически развивающему богатства заключенныя въ своемъ зародышѣ, — исходитъ, какъ бы по закону необходимости, отъ единаго и живого начала.

По мнѣнію Шлейермахера, Богословіе отдѣляется отъ ствола всеобщей науки въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта послѣд-

---

(1) Мы уподобляемъ богословскую науку дереву или растенію, заимствуя такое выраженіе изъ самаго Свящ. Писанія (Лук. XIII, 18—20).

няя принимаетъ на себя имя *философіи религіи*. Предметъ этой важной отрасли философіи духа есть изученіе религіи въ ея сущности и въ ея историческихъ обнаруженіяхъ или проявленіяхъ. А это изученіе, дѣйствительно, не составляетъ ли собою научнаго основанія, на которомъ каждая частная религія, слѣдовательно также и христіанство, должна воздвигать свое богословіе? Философія религіи доводитъ мыслителя христіанскаго до того самаго пункта, гдѣ, дѣлаясь богословомъ и поставляя себя въ самый центръ христіанства, онъ можетъ научно дать себѣ отчетъ въ характерѣ, свойственномъ этой религіи и утвердить ея отношенія, какъ къ религіи самой по себѣ, такъ и къ религіямъ положительнымъ. Въ этомъ самомъ пунктѣ богословіе непосредственно соединяется со всеобщею наукою. Здѣсь-то мы и находимъ первую часть богословской науки. Шлейермахеръ называетъ ее *философическимъ богословіемъ*. По его мнѣнію, оно обнимаетъ собою двѣ частныхъ науки:

1) *апологетику*, которая, опредѣливши сущность христіанства, доказываетъ тождество этой религіи съ сущностію религіи вообще; и 2) *полемику*, которая оказываетъ частному вѣроисповѣданію, къ которому принадлежитъ богословъ, туже самую услугу, какую апологетика оказываетъ христіанству вообще; ибо полемика имѣетъ задачею доказать тождество этого вѣроисповѣданія съ сущностію христіанства, точно также, какъ апологетика доказала тождество христіанства съ сущностію религіи вообще.

Изучивши христіанство въ его *сущности*, богословъ, для того, чтобы поставить себя въ состояніе служить церкви, долженъ ознакомиться также съ развитіемъ христіанства *во времени*. Здѣсь является вторая группа

наукъ богословскихъ, которую Шлейермахеръ означаетъ именемъ *богословія историческаго*. Если богословіе философическое есть корень, то богословіе историческое есть стволъ богословскаго дерева. Эта часть заключаетъ въ себѣ: 1) *Богословіе экзегетическое*, которое знакомитъ насъ съ происхожденіемъ и началомъ христіанства и такимъ образомъ открываетъ фактъ христіанскій въ его истинной природѣ; ибо, говоритъ Шлейермахеръ, нигдѣ фактъ не обнаруживается въ своей идеѣ столь чистымъ и совершеннымъ образомъ, какъ у своего начала или происхожденія (¹);

2) *Исторію Церкви*, которая представляетъ намъ развитіе общества христіанскаго даже до нашихъ дней;

3) *Богословіе догматическое и статистику церковную*, которыя излагаютъ настоящее состояніе церкви: первая съ точки зрѣнія умственнаго усвоенія Евангелія, а послѣдняя, по отношенію къ внѣшнему состоянію церкви.

Но всѣ познанія, заключающіяся въ предъидущихъ двухъ частяхъ, не иначе могутъ принести дѣйствительную пользу для церкви, какъ съ помощію послѣдней части богословія, *богословія практическаго*. Эта послѣдняя часть поставляетъ богослова, непосредственно, лицемъ къ лицу съ управленіемъ церковію, съ служеніемъ въ приходѣ, и должна снабдить его правилами этаго труднаго дѣланія. Организуя съ этою цѣлію различныя должности церковнаго служенія, она вѣнчаетъ богословское дерево науки множествомъ плодоносныхъ вѣтвей, съ которыхъ церковь будетъ собирать, для своего питанія, плоды. Такимъ образомъ, въ богословской наукѣ все неразрывно связано между собою, подобно звѣньямъ одной цѣпи.

(¹) Darstellung, § 83.

Въ ней ничего нѣтъ случайнаго или излишняго; но все, напротивъ, представляетъ собою живое, органическое, цѣлое, въ которомъ всё необходимо и логически вытекаетъ изъ одной практической цѣли, безъ которой, понятно, не мыслимо самое существованіе богословія.

Этотъ краткій очеркъ вполнѣ достаточенъ, для того чтобы дать читателю идею о сочиненіи Шлейермахера. Взглядъ его на богословіе замѣчателенъ столько же по своему систематическому характеру, сколько по своему практическому направленію, есѳетическому достоинству и оригинальности.

За всѣмъ тѣмъ это построеніе богословской системы, столь гармоническое и столь новое, не избѣжало самой страшной изъ критикъ, критики неуспѣха, почти совершеннаго. Оно осталось исключительною собственностію своего автора, не перейдя въ число пріобрѣтеній науки; оно даже никогда не было, сколько намъ извѣстно, предметомъ глубокаго спора. Едва лишь прошло три года со времени второго изданія сочиненія Шлейермахера, какъ наиболѣе ученый изъ его учениковъ, Гагенбахъ, напечаталъ *Богословскую энциклопедію* (1), въ которой онъ почти совершенно бросилъ путь, проложенный своимъ учителемъ, и, отдавая должную похвалу его сочиненію (§ 31), возвратился самъ къ обычному раздѣленію богословія. Это раздѣленіе есть то самое, которое Андрей Гергардъ (2) въ шестнадцатомъ еще вѣкѣ, первый начерталъ и которое наиболѣе яс-

---

(1) Encyclopoedie und Methodologie der theolog. Wissenchaften. 1-re édt. 1833.

(2) Theologus, sev de ratione studii theologici. Гергардомъ руководствовались, при составленіи учебниковъ, и наши русскіе богословы, напр. Ѳеоѳанъ Прокоповичъ (Слов. ист. пис. митр. Евгенія т. 11, стр 314. изд. 2).

не было сдѣлано въ сочиненіяхъ Пфаффа и Буддея, въ восемнадцатомъ столѣтіи. Здѣсь различные богословскіе матеріалы сгруппированы подъ слѣдующими четырьмя главами: богословіе *экзегетическое*, *историческое*, *систематическое и практическое*. Это значило,— отъ организма перейти опять къ агрегату, или отъ живой логической связи членовъ—къ ихъ наружному, искусственному, между собою, соединенію. Съ тѣмъ же самымъ упрекомъ можно обратиться къ энциклопедическому опыту М. Кіенлена (1), напечатанному въ 1842, и перепечатанному въ Nouvelle Revue de théologie (3-e livr. de 1860), въ которомъ богословіе раздѣлено на три отрасли: богословіе *библейское* (или екзегетическое), *систематическое и церковное*; эта послѣдняя отрасль заключала въ себѣ *церковную исторію и богословіе практическое*. Въ этомъ раздѣленіи мы опять находимъ, подъ формою слегка измѣненною, древнее раздѣленіе на четыре группы, и дѣло не двинулось ни на одинъ шагъ далѣе. Хотя М. Кіенленъ пытается логически оправдать такое раздѣленіе, стараясь вывести его изъ факта искупленія, разсматриваемаго: 1-хъ въ себѣ самомъ; 2-хъ въ умѣ богослова; 3-хъ въ жизни церкви; но это начало раздѣленія есть совершенно внѣшнее: оно отсюда не вытекаетъ изъ внутренней необходимости. Такимъ образомъ, ясно, что мы далеко отстали отъ сочиненія Шлейермахера.

Какая же могла быть причина недостатка въ успѣхѣ столь замѣчательной попытки этого знаменитаго германскаго богослова? Существенно, по всей вѣроятности, она заключается въ томъ, что у него назначено

(1) Encyclopédie des sciences de la théologie chrétienne. Strasbourg, 1842.

неудачное мѣсто богословію систематическому. Не видѣть въ догматикѣ ничего болѣе, какъ одно лишь изложеніе пункта, до котораго дошла, въ настоящее время, христіанская мысль, и составлять, подъ этимъ названіемъ, науку чисто историческаго свойства, идущую рука объ руку съ статистикою, не значитъ ли это унижать систематическое богословіе и совершать преступленіе противъ царицы наукъ богословскихъ? Когда подобное посягательство совершено такими людьми, какъ Шлейермахеръ, то оно достаточно наказано уже чрезъ самое молчаніе, въ которомъ остается, какъ бы погребеннымъ.

Попытаемся возобновить энциклопедическій трудъ съ того пункта, до котораго, неоспоримо, успѣлъ довести его этотъ великій богословъ. Построеніе его зданія можетъ имѣть свои и даже очень важные недостатки,— тѣмъ не менѣе, основаніе, положенное имъ твердо и чисто не менѣе гранита. Остережемся оставить его! Да; душа богословія, начало органическаго его единства,— это есть именно служеніе церкви. Богословіе есть наука, созданная церковію и для церкви. Это есть свѣтильникъ, возженный самою церковію, для того, чтобы онъ освящалъ ея шествіе и показывалъ ей путь къ достиженію своего назначенія въ этомъ мірѣ, исполненномъ тьмы. Безъ помощи и содѣйствія богословія— мракъ и ложный свѣтъ міра скоро успѣли бы овладѣть церковію и поставить ее саму на ложную дорогу заблужденій.

Если государство изобрѣло, для своей пользы, особую науку, политическую экономію, которая даетъ ему отчетъ о его состояніи, цѣли и средствахъ,—то почему же церкви не основать также науки, назначенной

для подобныхъ же цѣлей? Медицина, для осуществленія своей, явно, внѣшней задачи, беретъ, такъ сказать, дань со всѣхъ естественныхъ наукъ. Она пользуется ботаникою, химіею, физіологіею и проч. и изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ матеріаловъ создаетъ врачебную науку. Почему же церкви, для выполненія своей, несравненно болѣе возвышенной, задачи, для уврачеванія душъ, для спасенія міра, не прибѣгнуть къ такому же средству, и не выработать для себя и для своей пользы, науки, пользуясь для составленія ея всѣми науками — историческими и нравственными? — Такимъ, дѣйствительно, образомъ и составляется Богословіе. Вѣра говоритъ филологіи: „обратись ко мнѣ за помощію для выполненія назначенія, котораго ты не могла бы достигнуть безъ меня", и филологія обращается въ екзегетику. Она приглашаетъ въ свою школу философію, и изучивши ее серьозно, извлекаетъ отсюда элементы догматики, то есть естественныя, доступныя разуму человѣческому, понятія о Богѣ, человѣкѣ, мірѣ, и проч. Она не пренебрегаетъ даже риторикою и дѣлаетъ ее своею помощницею подъ именемъ гомилетики,—и такимъ образомъ составляетъ всѣ другія богословскія науки. Но должно ли отсюда заключать, что богословіе есть ничто иное, какъ собраніе или соединеніе познаній чисто человѣческихъ, пришитыхъ, такъ сказать, одно къ другому? — Нисколько. Тѣло человѣческое прекрасно составлено изъ матеріаловъ, заимствованныхъ отъ окружающихъ стихій,—но оно отнюдь не есть простой, такъ сказать, аггрегатъ; потому что въ немъ есть жизненная сила, душа, которая, напечатлѣваетъ свой типъ на всей этой массѣ матеріаловъ, подвергая эту послѣднюю процессу органической выработки. Богословіе также

владѣетъ своимъ организующимъ началомъ, или центромъ, вокругъ котораго оно формируется въ тѣло науки. Этимъ центромъ, какъ мы видѣли, служитъ для него цѣль, а цѣль его есть служеніе церкви. Отнимите отъ него эту цѣль, и съ нимъ произойдетъ то же, что съ тѣломъ, лишеннымъ души. Какъ въ тѣлѣ, лишенномъ жизни, матеріальные элементы трупа, для того чтобы разсѣяться и снова возвратиться къ различнымъ стихіямъ, откуда душа ихъ заимствовала, подвергаются опять закону химическаго сродства, по которому они извлекались въ продолженіи дѣйствія жизненной силы, такъ точно и познанія богословскія, лишенныя своего начала, которое собирало ихъ и вырабатывало, опять возвращаются въ свойственныя имъ области: церковная исторія опять дѣлается вѣтвію всеобщей исторіи; догматика становится не болѣе, какъ лишь опытомъ религіозной философіи; екзегетика не имѣетъ болѣе побужденій отдѣляться отъ филологіи; священная критика представляетъ собою не болѣе, какъ одну изъ главъ исторіи литтературы; литургика теряетъ свое значеніе и становится не болѣе, какъ приложеніемъ законовъ эстетики. Тѣло подверглось разрушенію; тоже сдѣлалось и съ богословіемъ, лишеннымъ жизненнаго начала. Такимъ образомъ богословіе существуетъ въ той лишь мѣрѣ, въ какой служитъ вспомогательнымъ для церкви средствомъ къ достиженію ея назначенія *спасать міръ*, и услуга, которую оно должно оказать ей, сама собою вытекаетъ изъ самой природы этого назначенія. Церковь должна требовать отъ богословія—двухъ слѣдующихъ вещей:

1) Глубокаго познанія факта;

2) Разумной теоріи искуства.

Объяснимся подробнѣе. Фактъ, на который богословіе должно распространить полный свѣтъ, это есть фактъ спасенія; искуство, котораго полную и разумную теорію оно должно доставить церкви,—это есть искуство спасенія. Наука о спасеніи и теорія искуства спасенія—таковы суть двѣ вѣтви богословскаго дерева науки. Здѣсь заключается истинное начало раздѣленія всего содержанія богословія.

Эти двѣ части взаимно обусловливаются одна другою. Ибо, какимъ образомъ важно было бы установить теорію искусства спасенія безъ внутренняго познанія спасенія? И съ другой стороны,—къ чему послужила бы наука о спасеніи, если бы цѣлью ея не было снабдить церковь познаніями, способными усовершить внутри ея искуство спасенія? Въ богословіи, всякое *знаніе* необходимо клонится *къ дѣйствованію*; равно какъ и всякое *дѣйствованіе*, чтобы оно было сознательно въ себѣ самомъ и достойно церкви, должно покоится *на знаніи*. Не тоже ли самое бываетъ въ изящныхъ искуствахъ? Здѣсь все покоится на теоріи изящнаго; но къ чему служитъ эта теорія, если не къ тому, чтобы изучить каждое изъ искуствъ, которыми осуществляется изящное? Точка отправленія богословія есть наука о спасеніи; но эта наука не иначе существуетъ, какъ лишь въ виду подвига спасенія.

Назовемъ первую отрасль богословской науки, ту, которая относится къ изученію спасенія, именемъ *богословія умозрительнаго или созерцательнаго*. Здѣсь необходимо опредѣлить слово *созерцательный*, по причинѣ злоупотребленія, которое вообще изъ него дѣлаютъ. *Умозрѣть или созерцать* отнюдь не значитъ, какъ это думаютъ, извлекать изъ своей собственной мысли пред-

метъ своей мысли (¹). Такое созерцаніе, очевидно, имѣетъ дѣло только съ призраками своего воображенія. Созерцать, собственно, значить—быть бодрствующимъ, высматривать. Вотъ характеръ истиннаго созерцанія, достойный этого имени: это есть ничто иное, какъ вникать въ предметъ съ любовію,—слѣдить, со взглядомъ испытующимъ и наблюдательнымъ, за его явленіемъ, развитіемъ, возрастаніемъ; совершенно отдать себя ему, разсматривая его съ тою сосредоточенностію, съ тѣмъ глубокимъ спокойствіемъ, въ которомъ онъ можетъ открыться душѣ, и душа можетъ усвоить его себѣ чрезъ процессъ внутренняго воспріятія, который есть единственный методъ дѣйствительнаго познанія. Такимъ образомъ способность души, называемая созерцаніемъ, не есть творческая или изобрѣтательная. Она есть скорѣе характеръ внутренней сильной способности принимать въ себя впечатлѣнія, первое условіе которой составляетъ забвеніе самаго себя. Этотъ способъ познаванія есть собственно органъ богословскаго знанія. Чрезъ это единственно средство богословъ достигаетъ до построенія и усовершенствованія науки о спасеніи. Такимъ образомъ оправдывается названіе богословія созерцательнаго или умозрительнаго, чрезъ которое мы обоз-

---

(¹) „Предметъ субъекта — говоритъ напр. Фейербахъ — есть не что иное, какъ *объектированная сущность самаго субъекта*“. Или, еще яснѣе, въ другомъ мѣстѣ: „Религія—особенно христіанская—есть *отношеніе человѣка къ себѣ самому*, или правильнѣе *къ своей*—и притомъ субъективной—*сущности*, но только *какъ къ сущности другой*. *Божественная сущность есть не что иное*, какъ сущность человѣческая, или лучше: *сущность человѣка*, очищенная, освобожденная отъ ограниченій человѣка индивидуальнаго, объектированная, т. е. *созерцаемая и почитаемая какъ другая*, *отличная отъ него*, *собственная сущность*—всѣ *опредѣленія* божественной сущности суть поэтому опредѣленія сущности человѣческой“ (стр. 22; 24—25 въ русскомъ переводѣ).

начнемъ первую отрасль, часть, собственно научную, богословія вообще.

Вторая часть, та, которая должна начертать для насъ теорію искуства спасенія, есть *техническая* часть богословія. Она указываетъ церкви на средства осуществить тотъ фактъ спасенія, котораго природу и развитіе, до настоящаго времени, разкрыло предъ нами—*богословіе созерцательное*. Это будетъ, собственно такъ называемая, *практическая теорія*.

1. Богословіе умозрительное.

Еслибъ христіанство было произведеніемъ религіознаго генія человѣчества, системою истинъ, принадлежащею уму человѣческому, то первою задачею богословія и всякаго богослова было бы возвести всѣ элементы этой системы въ порядкѣ, наиболѣе совершенномъ, къ своему началу, безусловной причинѣ. При такой точкѣ зрѣнія, первою отраслію богословія было бы, конечно, богословіе *систематическое*. Но христіанство, существенно, не есть система истинъ. Христіанство, какъ развиваетъ это св. апостолъ Павелъ (1 Кор. 1) въ существѣ своемъ не есть *премудрость*, но *спасеніе*. А спасеніе—есть дѣло и притомъ дѣло божественное, это есть Богъ, Который спасаетъ. И Онъ Одинъ, исполняющій это дѣло, Одинъ можетъ также и открыть его совершеннымъ образомъ и представить чистымъ вѣрѣ человѣка. Какъ вѣрно то, что Богъ Самъ открывалъ намъ вѣсть о нашемъ спасеніи, такъ же вѣрно и то, что Онъ Одинъ и *совершилъ* его. Потому и развитіе откровенія, въ исторіи человѣчества, шло наряду, такъ сказать, рука объ руку, съ развитіемъ искупленія. Одно служило комментаріемъ для другаго; это было дѣло,

истолковываемое чрезъ своего Дѣятеля. Искупленіе и откровеніе, начавшись вмѣстѣ съ самой минуты паденія, и будучи, такъ сказать, параллельно развиваемы въ продолженіе всего ветхаго завѣта, совершились и исполнились, одновременно, при основаніи церкви. Это, постоянно развивавшееся, откровеніе было постепенно вносимо, какъ откровеніе Божіе, въ божественные документы свящ. Писанія, и слѣдовательно первая услуга, которой церковь требуетъ отъ богословія, состоитъ въ томъ, чтобы оно помогло ей разобраться въ этихъ божественныхъ Писаніяхъ, архивахъ откровенія, подлинныхъ документахъ спасенія, и открыло предъ нею весь ихъ смыслъ; потому что Свящ. Писаніе есть слово Божіе, а не человѣческое и потому церковь болѣе всего имѣетъ нужду въ уразумѣніи его. Изъ такой существенной потребности въ уразумѣнія Священнаго Писанія, на которую указываетъ само св. Евангеліе (Іоан. V, 39), сама собою вытекаетъ первая отрасль созерцательнаго богословія, которую, естественно, составляетъ собою *экзегетическая или истолковательная* теорія.

Подъ этимъ наименованіемъ, мы разумѣемъ не только, собственно такъ называемую, *экзегетику*, но вообще всѣ науки, которыя относятся къ уразумѣнію Писаній, какъ-то: а) *критику священную*, которая научно изслѣдуетъ происхожденіе книгъ библейскихъ, и старается возстановить текстъ ихъ во всей его чистотѣ; b) *священную филологію*, которая изучаетъ подлинные языки, на которыхъ были составлены Писанія, и высокою цѣлію которой служитъ вѣрное воспроизведеніе библіи на современныхъ языкахъ, чтобы сдѣлать ее равно доступною для всѣхъ; с) *священную герменевтику*, которая указываетъ какъ на видоизмѣненія, которымъ

должны подвергаться законы всеобщаго истолкованія, когда они прилагаются къ боговдохновеннымъ писаніямъ; такъ и на истинное руководительное начало при изъясненіи смысла Свящ. Писанія, каковымъ началомъ служитъ ученіе истинной церкви Христовой; d) *библейскую археологію*, которая собираетъ всѣ историческія, географическія и соціальныя данныя, на которыя дѣлаютъ намекъ священные писатели, и представляетъ картину, полную внѣшнихъ обстоятельствъ, среди которыхъ развивалось откровеніе. *Екзегетика*, собственно такъ называемая, составляетъ собою какъ бы вѣнецъ всѣхъ этихъ частныхъ наукъ, а эти послѣднія, по отношенію къ ней, не болѣе, какъ ея помощницы.—Телескопъ ежедневно открываетъ на небѣ новыя солнца и поразительныя чудеса. Писаніе есть небо церкви, а екзегетика есть какъ бы инструментъ, посредствомъ котораго богословіе испытываетъ глубины его, и открываетъ для церкви различные виды въ безпредѣльномъ божественномъ планѣ, этой *тайнѣ сокровенной, юже предустави Богъ прежде вѣкъ во славу нашу* (1 Кор. 11, 7).

Хотя Священное Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта заключаетъ въ себѣ все, что нужно и *полезно къ ученію, ко обличенію, къ исправленію, къ наказанію еже въ правдѣ*,—тѣмъ не менѣе для насъ необходимъ и другой Божественный источникъ христіанской религіи, который и дарованъ намъ въ Священномъ преданіи. Безъ сего послѣдняго мы не могли бы убѣдиться въ подлинности и богодухновенности книгъ Священ. Писанія, а равно и само Свящ. Писаніе, во многихъ мѣстахъ, было бы для насъ непонятно, и, вообще, мы не имѣли бы высшаго, божественнаго критеріума для окончательной про-

вѣрки точнаго и подлиннаго смысла, какой соединяемъ мы съ тѣмъ или другимъ мѣстомъ Священнаго Писанія. Вообще „Священ. Преданіе“, по ученію св. Церкви православной, „нужно для руководства къ правильному разумѣнію св. Писанія, для правильнаго совершенія таинствъ и для соблюденія священ. обрядовъ въ чистотѣ первоначальнаго ихъ установленія“, ибо многія изъ догматическихъ даже истинъ содержатся въ Свящ. Писаніи только въ видѣ намековъ, и безъ Свящ. Преданія они остались бы чуждыми для насъ и не вошли бы въ кругъ нашихъ вѣрованій, какъ это и бываетъ у нѣкоторыхъ христіанъ, напр. протестантовъ, не держащихся свящ. преданія.

Отсюда сама собою вытекаетъ необходимость изученія Священ. Преданія, совмѣстно съ изученіемъ Священнаго Писанія. А такъ какъ оно заключается главнымъ образомъ въ твореніяхъ Св. Отцевъ церкви, то отсюда является новая отрасль богословскихъ наукъ — наука объ отцахъ церкви, извѣстная подъ названіемъ *патрологіи* или *патристики*. Она излагаетъ а) біографію каждаго св. отца; б) библіографію, гдѣ показываетъ подлинность ихъ сочиненій, ихъ главное содержаніе, расположеніе и отличительный характеръ; в) и, наконецъ, замѣчательнѣйшія мысли изъ этихъ сочиненій, относительно догматовъ вѣры, нравственности, обрядовъ, и церковныхъ постановленій (¹).

Но Екзегетика доставляетъ церкви элементы откровенія въ томъ видѣ, какъ она сама находитъ ихъ въ свящ. книгахъ, гдѣ они заключаются. А въ Свящ. Пи-

(¹) Другіе источники Свящ. преданія, напр. обозрѣніе сумволовъ, удобно входятъ въ программу церковной исторіи, а потому нѣтъ нужды заняться ими отдѣльно.

санія оно изложены безъ порядка логическаго, разсѣяны и разбросаны по разнымъ мѣстамъ, какъ отрывки мысли разбитой, выраженіе которой должно было приспособляться, во всѣ эпохи, къ историческому ходу человѣчества. Откровеніе, дѣйствительно, не есть систематическое произведеніе въ формѣ напр. катехизиса. Развитіе его постоянно подчинялось особеннымъ обстоятельствамъ времени и мѣста, которыя опредѣляли, при каждомъ изъ видоизмѣненій, содержаніе и общій видъ его. Каждый пророкъ получалъ изъ сокровищницы божественной мысли, лишь столько, сколько требовалъ того, и сколько могъ вмѣстить въ себѣ тотъ моментъ, въ который говорилъ онъ. Какимъ же образомъ умъ человѣческій, управляемый закономъ единства, могъ бы не растеряться при этомъ? Могъ ли бы онъ удержаться отъ того, чтобы не привести въ порядокъ тѣ матеріалы, которые трудъ экзегетическій раскрылъ предъ нимъ и, такъ сказать, извлекъ изъ рудника? Онъ необходимо сдѣлаетъ это, и тѣмъ болѣе, что предугадываетъ и предчувствуетъ въ этомъ видимомъ безпорядкѣ — высшій порядокъ, и въ этомъ безпредѣльномъ разнообразіи — высшее единство плана и расположенія. Какъ естественная наука дотолѣ не можетъ успокоиться, доколѣ не достигнетъ до открытія въ каждомъ существѣ божественной мысли, и между каждою изъ этихъ мыслей связи, и въ видимомъ хаосѣ творенія — единаго понятія, непрерывнаго движенія, — до открытія мысли, которая раскрывается до безконечности въ этомъ чудномъ разнообразіи формъ и организмовъ; такъ и богословіе стремится возсоздать тѣло, которого члены находитъ оно *разбросанными* (membra disjecta) въ библейскихъ текстахъ, и привести всѣ эти матеріалы къ виду идеаль-

ному единству, предшествующему всякому действительному существованію. Оно хочетъ какъ бы *снова промыслить, прочувствовать* то божественное πρόθεσις, о которомъ такъ часто говоритъ св. апостолъ Павелъ, и которое есть вѣчное основаніе, откуда является исторія. Итакъ, искомое чрезъ богословіе единство не есть простое логическое понятіе,—оно, на самомъ дѣлѣ, пребываетъ въ мысли Того, Который предуставилъ и совершилъ наше спасеніе. Богословіе, систематизируя его, ничего здѣсь отъ себя не выдумываетъ; оно открываетъ только то, что было. Но, скажутъ, Евангеліе въ такомъ случаѣ было бы, по существу своему, системою, премудростію? — Совсѣмъ—нѣтъ; потому что тотъ же св. ап. Павелъ, который отвергаетъ это столь энергически, между тѣмъ ясно объявляетъ, что онъ также возвѣщаетъ *премудрость между совершенными* (1 Кор. 11, 6). Эта-то премудрость и есть, дѣйствительно, тотъ вѣчный планъ спасенія, который совершился на крестѣ. Существуя прежде міра, этотъ вѣчный планъ былъ началомъ его творенія, нормою его развитія, ключемъ его исторіи, типомъ его совершенства. Св. крестъ перевелъ въ самый фактъ эту вѣчную мысль; а богословіе стремится снова переложить этотъ фактъ въ мысль и, такъ сказать, привести его, такимъ образомъ, къ его первой формѣ, чтобы разсмотрѣть его въ самомъ его существѣ. Умъ человѣческій не можетъ имѣть никакой болѣе возвышенной задачи, — а между тѣмъ задача эта составляетъ собственно предметъ *систематическаго богословія*, второй отрасли созерцательнаго богословія.

Оно достигало этой задачи только постепенно. Нашъ умъ только мало-по-малу доходилъ до опредѣленія той связи, которая связываетъ съ центральною мыслію спа-

сенія всѣ разнообразные и разнородные элементы, доставляемые экзегетикою для нашего разсмотрѣнія. Задача богословія, въ этомъ отношеніи, можетъ считаться оконченною лишь тогда, когда все содержаніе всѣхъ текстовъ библейскихъ будетъ приведено къ связи съ мыслію спасенія, и подчинено ей, когда свѣтъ отъ креста, какъ отъ ея центра, проникнетъ даже до самыхъ отдаленныхъ пунктовъ библейской и церковной окружности; другими словами: когда всѣ результаты экзегетики и патристики найдутъ свое мѣсто въ системѣ.

Къ этой второй отрасли умозрительнаго богословія являются принадлежащими три слѣдующія частныя науки: a) *догматика*, которая стремится обнять спасеніе въ его осуществленіи, также какъ въ его предопредѣленіи и слѣдствіяхъ; b) *нравственное богословіе*, которое полагаетъ этотъ фактъ спасенія, какъ основаніе для нравственнаго зданія искупленной жизни человѣческой, какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ обществѣ; и c) *полемика*, которая опровергаетъ догматическія и нравственныя поврежденія, какимъ можетъ подвергаться въ церкви истолкованіе правды божественной. Предметомъ послѣдней науки служитъ сопоставленіе неправыхъ ученій съ ученіемъ православной догматики и нравственнаго ученія.

Вѣчная мысль о спасеніи осуществила себя во времени, и съ того момента была предложена вѣрѣ человѣка, чтобы развиваться и осуществляться въ человѣчествѣ. Итакъ, являясь со дня основанія церкви, спасеніе можетъ быть изучаемо не только въ словѣ писанномъ, которое представляетъ фазы внутренняго его развитія, или въ мысли божественной, которая содержитъ въ немъ вѣчный типъ; но и въ исторіи человѣчества, ко-

торой отнынѣ служитъ оно главнымъ двигателемъ, выдающимся фактомъ. Невозможно, чтобы церковь каждаго столѣтія не потребовала у науки, которую она употребляетъ для своей пользы, свѣдѣній о развитіи общества, которое можно назвать *обществомъ спасаемыхъ*, и не постаралась бы поставить себя въ свойственное ей отношеніе къ этому современному обществу.

Такъ какъ церковь обращается, для уразумѣнія Писаній, къ тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые имѣютъ право *сказанія языковъ*, т. е. изъясненія богодухновенныхъ словъ, и какъ для того, чтобы быть посвященнымъ въ мысль божественную во всей ея вѣчной простотѣ, она дѣлаетъ призывъ *къ учителямъ*, къ тѣмъ, которые приняли *даръ познанія*, точно также она прибѣгаетъ къ тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые владѣютъ даромъ исторической проницательности, *духомъ пророчества*, для того, чтобы понять чрезъ свое прошедшее свое настоящее, и чрезъ свое настоящее угадать свое будущее, чтобы такимъ образомъ потрудиться, при помощи Божіей, надъ его осуществленіемъ.

Богословіе историческое заключаетъ въ себѣ слѣдующія науки: 1 и 2) *Исторію Ѳеократіи* (ветхозавѣтную), съ ея дополненіемъ — *Богословіемъ библейскимъ*. Эта послѣдняя наука старается обнять, во всей ихъ индивидуальности, непрерывныя эпохи откровенія, соотвѣтствующія фазамъ исторіи ѳеократической, также какъ различные и одновременные типы, посредствомъ которыхъ дано было откровеніе въ концѣ своего развитія, въ лицѣ Господа Іисуса Христа и Его святыхъ апостоловъ. Библейское богословіе могло бы быть названо исторіею догматовъ во время самаго теченія или хода откровенія. Нѣтъ ничего болѣе затруднительнаго, какъ

знанія, которымъ должна заниматься эта наука;—это есть цѣлое море подводныхъ камней, если не имѣть въ рукахъ спасительнаго компаса; и вотъ почему нельзя отваживаться пускаться въ это море безъ руководства систематическаго богословія, основаннаго на основаніи Свящ. Писанія и Свящ. Преданія. Какъ въ природѣ познаніе видовъ предполагаетъ познаніе рода, къ которому принадлежатъ они, такъ и въ откровеніи, различіе непрерывныхъ фазъ и разнообразныхъ образовъ предполагаетъ основательное и глубокое знаніе единства, которое служитъ основаніемъ этимъ формамъ жизни; иначе, трудно противостоять искушенію—усиливать вездѣ различія, открывать контрасты, измѣнять оттѣнки на противоположные цвѣты, и разнообразіе на противорѣчіе. Это часто бываетъ одною изъ главныхъ заблужденій библейскаго богословія, которымъ особенно страдаютъ произведенія западныхъ богослововъ. 3 и 4) *Исторія церкви*, съ ея дополненіемъ—*Исторіею догматовъ*. Она показываетъ намъ развитіе дерева, зерно котораго представили намъ двѣ предыдущія науки. 5 и 6) *Патристика* и *Символика*, которыя оканчиваютъ картину развитія церкви и даютъ, если можно такъ выразиться, разрѣзъ дерева въ настоящій моментъ. Первая есть окончаніе церковной исторіи, вторая—окончаніе исторіи догматовъ. Предметъ послѣдней, дѣйствительно, служитъ изложеніе вѣроисповѣдныхъ различій ныне существующихъ.

Теперь мы дошли до пункта, гдѣ умозрительное богословіе, окончивъ свое дѣло, можетъ передать свой скипетръ богословію практическому. Церковь живетъ не единственно, для дѣйствованія, для дѣла, и отсюда же съ другою цѣлью. Изученіе Писанія доставляетъ намъ

какъ бы лицемъ къ лицу, съ развитіемъ божественнаго дѣла. Богословіе систематическое дало ей разсмотрѣть это дѣло въ его идеальномъ изяществѣ. Она увидѣла, наконецъ, въ историческомъ богословіи это самое дѣло уже осуществившимся, хотя и не совершеннымъ еще образомъ, въ собственной ея исторіи. Теперь къ дѣлу,—дабы окончить то, что Самъ Богъ насадилъ, и что церковь, при Его содѣйствующей благодати, возрастила!—Но какимъ образомъ, и чрезъ какія средства? Это-то и должна намъ показать, на основаніи всѣхъ предыдущихъ наукъ, новая отрасль богословія. Ибо, послѣ того, какъ церковь ознакомилась съ исторіею, она призывается къ дѣйствованію. Конецъ умозрительнаго богословія, — познаніе настоящаго состоянія церкви, представляется такимъ образомъ точкою нормальнаго отправленія богословія практическаго.

2. Богословіе практическое.

Изучивъ, чрезъ умозрительное богословіе, всѣ необходимыя данныя, церковь начертываетъ теперь, въ практическомъ богословіи, планъ своей дѣятельности, отправляясь, въ виду этой цѣли, отъ той точки, до которой достигло нынѣ Божественное дѣло. Форма же практической ея дѣятельности опредѣляется чрезъ разнообразное состояніе матеріаловъ, на которые она призвана дѣйствовать. Ихъ—три рода; одни принадлежатъ уже ей, въ извѣстной мѣрѣ, *однородны* съ нею и она должна стремиться уподобить ихъ себѣ совершенно. Другіе ей еще *чужды*; она еще доселѣ не утвердила никакихъ отношеній къ нимъ; задача ея сблизиться съ ними и пріобрѣсть ихъ, овладѣть ими. Наконецъ, третьи

положительно ей враждебны. Они знають христіанство, но пользуются этимъ знаніемъ только для того, чтобы нападать на него и разрушать его. Противъ нихъ церковь призывается къ защитѣ.

Итакъ искуство — спасать, или дѣло спасенія раздѣляется въ практикѣ на три различныхъ рода дѣятельности: это—созидать вѣрующихъ, обращать невѣрующихъ, опровергать противниковъ, или иначе: управлять, обращать къ вѣрѣ, защищаться, и слѣдовательно практическое богословіе будетъ заключать въ себѣ три главныхъ ученія: науку созиданія церкви въ тѣло Христово, которую мы назовемъ *церковнымъ домостроительствомъ* ([1]); науку пріобрѣтенія міра или *теорію миссіонерства*, и, наконецъ, теорію защиты христіанства или *апологетику*.

Церковное домостроительство есть наука о руководствованіи и управленіи церкви, въ видѣ созиданія, собственныхъ членовъ ея въ тѣло Христово. Оно заключаетъ въ себѣ, какъ это можно видѣть, двѣ науки: *церковную политику*, или, какъ принято называть у насъ, *каноническое право* и *ученіе о священнослуженіи*. Первая, заимствуя идею церкви у систематическаго богословія, дѣлаетъ изслѣдованіе о первыхъ дѣятеляхъ церковной жизни и основываетъ на этомъ анализѣ теорію организаціи церкви, ея управленія, и ея отношеній къ другимъ общественнымъ формамъ, въ какія организуется жизнь человѣчества, къ формамъ, напр., государства. Вторая прилагаетъ эти начала въ много-

([1]) Для такого названія мы находимъ основаніе какъ въ Свящ. Писаніи (Лук. XII, 42; 1 Тимоѳ. III, 5), такъ и въ языкѣ богословскомъ. Въ послѣднемъ давно уже принято это выраженіе, хотя въ смыслѣ болѣе обширномъ, напр. *домостроительство Божіе*, *домостроительство нашего спасенія* и проч.

сложнымъ обязанностямъ, посредствомъ которыхъ свя-щенство обязано питать и развивать жизнь церкви, до-колѣ не придетъ она въ мѣру возраста Христова. Обязанности эти — слѣдующія: богослуженіе, которое излагается въ *литургикѣ*, проповѣданіе, теорія котора-го преподается въ *гомилетикѣ*, обученіе закону Божію и попеченіе о пасомыхъ, въ чемъ должны руководить своими совѣтами *религіозная дидактика* и *пастырское богословіе*.

Всѣ эти обязанности предполагаютъ уже извѣстное сродство между тѣми, что ихъ исполняетъ во имя церк-ви, и тѣми, на которыхъ простирается эта дѣятельность ея. Но церковь призвана не къ тому только, чтобы сохранять и воздѣлывать то, чѣмъ владѣетъ. Она имѣетъ права и даже обязательства дѣлать новыя пріобрѣтенія. Она призвана къ этому и чувствуетъ себя внутренне побуждаемою къ миссіонерской дѣятельности. Эта, такъ сказать, *пріобрѣтательная* дѣятельность бываетъ снача-ла слѣдствіемъ простаго побужденія инстинкта христіан-скаго, то есть благодати; но церковь чувствуетъ себя потомъ принужденною собирать для пользы будущаго опыты прошедшаго. Тогда инстинктивная дѣятельность преображается въ дѣятельность сознательную, и такимъ образомъ раждается теорія миссіонерства, которая со-ставляетъ собою, какъ бы *церковную стратегію*. Наука эта весьма недавняго происхожденія даже у западныхъ христіанъ; а у насъ едва положено ей что-то похо-жее на начало въ такъ называемыхъ миссіонерскихъ классахъ, учрежденныхъ при нѣкоторыхъ семинаріяхъ.

Между тѣмъ дѣятельность церкви въ мірѣ вообще и въ своихъ собственныхъ членахъ производитъ не только вѣру, но и упорство, вызываетъ на борьбу. Такимъ

образомъ церковь принуждена бываетъ возвращаться отъ пріобрѣтенія къ защитѣ, и, постоянно выступая впередъ на чуждую почву, иногда должна оказываться въ своихъ собственныхъ пріобрѣтенныхъ уже владѣніяхъ среди своихъ собственныхъ оплотовъ. Апологетика есть предѣлъ практическаго богословія и, въ тоже время, вѣнецъ и вершина всего богословія. Она обращается, дѣйствительно, къ наукѣ христіанской за всѣми нужными пособіями. Она составляетъ для богословія тоже, что для народа, существованію котораго угрожаетъ опасность, собраніе въ цѣлой массѣ. Она доказываетъ сначала, посредствомъ документовъ, представляемыхъ экзегетикою, что христіанство *хочетъ* и стремится быть религіею безусловною и положительною. Такое ея стремленіе вытекаетъ изъ божественнаго характера, какой ея Основатель приписываетъ Себѣ и своему дѣлу. Потомъ она объясняетъ, что то, чѣмъ христіанство домогается быть, тѣмъ *оно можетъ* и только оно *одно* можетъ быть. Доказательства для этой мысли она извлекаетъ изъ внутренняго изученія христіанства и изъ критическаго изученія другихъ религій. Для этой цѣли она пользуется особенно богословіемъ систематическимъ. Наконецъ, она доказываетъ фактами изъ церковной исторіи, разсматриваемыми въ нихъ самихъ и по отношенію къ исполнившимся и неисполнившимся пророчествамъ, что то, чѣмъ *оно*, то есть христіанство, *хочетъ и можетъ быть*, тѣмъ оно давно уже *было* и теперь *есть* для цѣлыхъ милліоновъ душъ, и что оно дѣлается тѣмъ, часъ отъ часу болѣе и болѣе, для всего человѣчества. Этотъ, такъ сказать, *повторительный*, характеръ апологетики оправдываетъ то послѣднее мѣсто, которое естественно назначено этой наукѣ нашимъ раз-

положеніемъ и планировкою всецѣлаго богословія. Она представляетъ собою, какъ бы самый зрѣлый и лучшій плодъ всего богословія.

Теперь повторимъ вкратцѣ—все сказанное нами: богословіе есть изученіе чудесъ божественной любви къ человѣчеству и изысканіе наиудобнѣйшихъ средствъ къ тому, что бы содѣлать чудеса эти общеизвѣстными и осуществить ихъ на всей землѣ. Для выполненія своей высокой задачи, богословіе начинаетъ *чрезъ разсматриваніе*, или умосозерцаніе. Оно разсматриваетъ и изслѣдуетъ чудеса спасенія такъ, какъ являлись они на тверди писаній. Оно разсматриваетъ и обнимаетъ порядокъ, въ какомъ они группировались около своего центра, св. креста. Оно разсматриваетъ и слѣдитъ съ удивленіемъ за ихъ осуществленіемъ, хотя и несовершеннымъ еще, но постоянно возрастающимъ, въ развитіи церкви. Этимъ умозрительное богословіе оканчиваетъ свое дѣло. Послѣ разсматриванія, наука обращается къ дѣйствованію. Воспламененное святою любовію къ церкви, какъ къ предмету, театру и орудію столь великихъ дѣлъ, богословіе изыскиваетъ, съ святою ревностію, наиболѣе дѣйствительныя средства къ тому, чтобы—окончить развитіе церкви чрезъ постепенное и постоянное усовершенствованіе ея членовъ, чрезъ распространеніе своего нравственнаго господства и вліянія, и, наконецъ, чрезъ приведеніе всѣхъ, чуждыхъ ей овецъ къ единому стаду Единаго Пастыря — Христа.

Исполнивъ это, богословіе оканчиваетъ свою задачу. Вѣрѣ христіанской остается лишь только питаться плодами этого дерева науки, которое она сама насадила. Вышедши изъ жизни, богословіе обратно возвращается къ жизни. Служеніе церкви или священно-

служеніе есть какъ бы посредство, чрезъ которое совершается этотъ возвратъ. Ибо въ священнослуженіи нѣтъ ни одного такого дѣйствія, начиная отъ самаго скромнаго и, по видимому, незначительнаго, урокъ ли то религіи, посѣщеніе ли больнаго, совершеніе ли простой требы, нѣтъ, говоримъ, ни одного такого дѣйствія, при исполненіи котораго не отражалось бы всецѣло богословское знаніе, также дѣйствительно, какъ въ каждомъ плодѣ растенія сосредоточивается трудъ всего годичнаго ухода.

Передавъ такой взглядъ на богословіе, мы, къ сожалѣнію, не можемъ умолчать о томъ ошибочномъ пути, на который весьма часто уклоняется у насъ, въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ, занятіе богословіемъ. На мѣсто *практическаго* направленія, которое составляетъ собою душу богословія, которое должно опредѣлять его существованіе и заправлять его ходомъ,—не господствуетъ ли у насъ чисто—научное, такъ сказать, *умозрительное* направленіе въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова? Не занятіе спасеніемъ души, которое должно бы стоять во главѣ богословскаго ученія, а занятіе истиною, часто отрѣшенною отъ жизни, господствуетъ у насъ, по большой части. Такимъ образомъ богословіе терпитъ поврежденіе въ самомъ существѣ своемъ. На мѣсто науки, которую церковь основала и которую должна употреблять для своей пользы, мы имѣемъ скорѣе науку, назначенную для удовлетворенія суетнаго любопытства, служащую какъ бы для увеличенія суммы нашихъ познаній, необходимую для священника не столько *de facto*, сколько *de jure*,—словомъ—не науку о спасеніи, въ фактическомъ смыслѣ этаго слова, а родъ какого-то религіознаго суемудрія, чаще надмева-

ющаго отъ того, приносило бы плоды истиннаго богопознанія. Задача, которую предполагаетъ себѣ подобное богословіе, есть скорѣе, умственная борьба противъ заблужденія, а не разрушеніе зла. Удивительно ли, что при такомъ направленіи, богословіе мало по малу могло совсѣмъ потерять изъ виду практическіе интересы спасенія и самая мысль о спасеніи, этомъ, такъ сказать, живомъ двигателѣ всего божественнаго домостроительства, будетъ низведена до какого-то, просто, отвлеченнаго понятія? (1)

Итакъ пусть богословіе наше утвердится, прежде всего, на истинномъ началѣ, на которомъ лежитъ ея существованіе! Началомъ этимъ, какъ мы же видѣли, служитъ спасеніе душъ, искупленныхъ кровію Господа Іисуса Христа. Всѣ предметы богословскіе должны клониться къ этому началу, какъ своему центру.—Пусть цѣлію всего занятія богословіемъ будетъ пріобрѣтеніе того искусства, которое такъ прекрасно названо въ одной изъ пѣсенъ церковныхъ — искусствомъ *научающимъ спасенію*. Въ силу этого искусства каждый пастырь церкви долженъ сдѣлаться, по заповѣди Господа, *ловцемъ человѣковъ*. Вотъ же этого искусства, которому должно обучать насъ практическое богословіе, и къ кото-

(1) Здѣсь мы позволимъ себѣ выпустить нѣсколько замѣчаній автора о предпочтеніи, въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, теоретическихъ богословскихъ наукъ практическимъ, о часто встрѣчающемся между самими наставниками незнакомствѣ съ практическими требованіями пастырской службы и т. д. Все это справедливо и, все это имѣлось въ виду при введеніи новыхъ семинарскихъ уставовъ и имѣется при работахъ по предполагаемому преобразованію академій. Но нужно, чтобы и все духовное сословіе, посылающее дѣтей своихъ въ духовно-учебное заведеніе, своимъ примѣромъ и нравственнымъ вліяніемъ поддерживало наставниковъ и начальниковъ этихъ заведеній въ ихъ стремленіи къ одной общей цѣли — утвержденію и распространенію царствія Божія на землѣ. Ред.

рому должна стремиться вся наука богословская,—тщетны были бы всѣ наши багословскія познанія, какъ бы ни были они глубоки и обширны, и мы сами были бы, по слову св. апостола Павла, *яко мѣдь звенящи, или кимвалъ звяцаяй* (1 Кор. XIII, 1).

Заключимъ нашу статью словами одного изъ западныхъ профессоровъ богословія: „Богословіе должно вести возрастающее поколѣніе къ тому, чтобы оно могло составить изъ себя союзъ вѣрныхъ пастырей, всегда готовыхъ и способныхъ собрать овецъ своихъ, слѣдить за ними, умѣющихъ искать и обрѣтать заблудшихъ. Богословіе должно воспитать пастырей, для которыхъ безпрестанный и неусыпный трудъ пастырства, охраненія и исканія овецъ былъ бы другою природою, которые бы сердечно скорбѣли о всякой разлукѣ съ своимъ стадомъ, которые бы въ этихъ заботахъ пастырства проводили всю жизнь свою, которые бы только съ послѣднимъ вздохомъ отрѣшились отъ этихъ заботъ“.

„*Кто не обращаетъ всего своего вниманія на то, чтобы воспитать пастырей, тотъ не есть и учитель богословія*“ (1).

Свящ. I. Флеровъ.

---

(1) Смотр. Дух. Бесѣду за 1865 годъ, № 8-й, стр. 328.

СПИСОКЪ

ВСѢХЪ ІЕРАРШЕСКИХЪ КАѲЕДРЪ ВЪ СВЯТОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ ЗА 1867 ГОДЪ.

I.

ІЕРАРХІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ.

Всесвятѣйшій Архіепископъ Константинополя—Новаго Рима и Вселенскій Патріархъ *Григорій VI*.

а) Въ Турецкой Имперіи.

Митрополиты:

I. Кесарійскій въ Каппадокіи, Протоѳронъ и Экзархъ всей Анатоліи *Паисій*.

II. Ефесскій и Экзархъ всей Азіи *Паисій*.

Каѳедра въ Магнезіи.

Епископы:

1. Иліопольскій и Ѳіатирскій Діонисій.

Каѳедра Гюзель Иссаръ.

2. Кринскій и Анеонскій Амвросій.

Каѳедра Чесме.

III. Ираклійскій и Редестскій и Экзархъ всей Ѳракіи и Македоніи *Панаретъ*.

Епископы.

1. Каллипольскій и Мадитскій *Григорій*.
Каѳедра въ Галлиполѣ (др. Каллиполѣ).
2. Миріоѳитскій и Перистасскій *Григорій*.
3. Метрскій и Аѳирскій *Ѳеоклитъ*.

IV. Кизическій и Экзархъ всего Эллиспонта *Никодимъ*.
Каѳедра въ Артаки.

V. Никомидійскій и Экзархъ всей Виѳиніи (1) *Діонисій*.
Каѳедра въ Никодиміи.

VI. Никейскій и Экзархъ всей Виѳиніи (2) *Іоанникій*.
Каѳедра въ Кіо.

VII. Халкидонскій и Экзархъ всей Виѳиніи (3) *Герасимъ*.
Каѳедра въ Кады-Кіой (древній Халкидонъ), а постоянное мѣстопребываніе въ Константинополѣ.

VIII. Деркскій и Неохорійскій, Экзархъ Ѳракійскаго Воспора *Неофитъ*.
Каѳедра въ Ѳерапіи на Воспорѣ.

Епископъ Клавдіопольскій *Климентъ*, пребываетъ при Митрополіи.

IX. Солунскій и Экзархъ всей Ѳессаліи *Неофитъ*.

Епископы:

1. Китрскій *Филаретъ*.
Каѳедра въ Колендро.
2. Кампанійскій *Іаковъ*.
Каѳедра въ Колакіи.
3. Платамонскій *Іеремія*.

---

(1) (2) (3) Обстоятельство, что три различные архіерея именуются экзархами всей Виѳиніи, показываетъ, что это только почетный титулъ, не болѣе.

4. Сервійскій и Козанскій *Евгеній*.
5. Полянскій и Вардіоритскій *Мелетій*.
Каеедра въ Дойранѣ.
6. Петрскій *Агафангелъ*.
Каеедра въ Влахолиладѣ.
7. Ардамерійскій *Игнатій*.
Каеедра въ Галатистѣ.
8. Іерисскій и Святыя Горы *Іоанникій*.
Каеедра въ Низворо близъ Аеона.

X. Терновскій и Экзархъ всей Болгаріи *Григорій*.
Каеедра въ Великомъ Терновѣ.

Епископы:

1. Ловчанскій *Иларіонъ*.
Каеедра въ Ловчѣ.
2. Врачанскій *Паисій*.
Каеедра во Врачѣ.

XI. Адріанопольскій и Экзархъ всего Гемимонта *Кириллъ*.
XII. Амасійскій и Экзархъ всего Евксина *Софроній*.
XIII. Янинскій и Экзархъ всего Епира *Пароеній*.

Епископы:

1. Белльскій *Германъ*.
2. Парамиеійскій *Діонисій*.

XIV. Брусскій и Экзархъ Виеиніи *Константій*.
Каеедра въ Брусѣ (др. Прусѣ).
XV. Пелагонійскій и Экзархъ верхней Македоніи *Венедиктъ*.
Каеедра въ Битоліяхъ.
XVI. Неокесарійскій и Инейскій и Экзархъ Понта Полемонійскаго *Іероеей*.
Епископъ Никопольскій *Іеремія*.
Каеедра въ Кара-Иссарѣ (въ др. Никополѣ).

XVII. Иконійскій и Экзархъ всей Ликаоніи *Софроній* ([1]).

XVIII. Веррійскій и Наусскій, и Экзархъ Өессаліи *Софроній*.

XIX. Писидійскій и Экзархъ Сиды, Мгръ Атталіи *Кесарій*.

Каѳедра въ Кара-Иссарѣ (др. Апамеѣ-Кивотѣ).

XX. Босна-Серайскій и Экзархъ всей Далматіи *Игнатій*.

XXI. Критскій и Экзархъ Европы *Діонисій*.

Каѳедра въ Кандіи.

Епископы.

1. Аркадійскій *Григорій*.
2. Реѳимній и Авлопотамскій *Каллиникъ*.

Каѳедра въ Реѳимнѣ.

3. Кидонійскій *Мисаилъ*.

Каѳедра въ Канеи (др. Киссамѣ).

4. Петрскій *Мелетій*.
5. Херониссскій *Мелетій*.

Каѳедра въ Ситіи.

6. Іерскій и Ситійскій *Іларіонъ*.
7. Кисамскій и Селинскій *Герасимъ*.
8. Лампскій *Паисій*.

XXII. Трапезунтскій и Экзархъ всей Лазикіи *Константій*.

Каѳедра—Трепизонтъ (др. Трапезунтъ).

XXIII. Ларисскій и Экзархъ второй Өессаліи *Стефанъ*.

Епископы:

1. Стагонскій *Өеофилъ*.

Каѳедра въ Каламбакѣ близъ монастыря Метеорскаго.

([1]) Въ 1862 г. сдѣлано новое распредѣленіе Митрополій Патріархата по іерархическимъ степенямъ.

2. Гардикійскій *Іерофей*.

3. Ѳавмакскій *Хрисанѳъ*.

4. Трикційскій *Мелетій*.

XXIV. Артскій и Экзархъ всей Этоліи *Серафимъ*.

XXV. Филиппопольскій и Экзархъ Ѳракіи Драговитійской *Панаретъ* (1).

Епископъ Иринопольскій *Игнатій*.

XXVI. Родосскій и Экзархъ всѣхъ Кикладскихъ островов *Синесій*.

Епископъ Лернскій и Патмскій *Игнатій*.

XXVII. Серрскій и Экзархъ всей Македоніи *Неоѳитъ*.

XXVIII. Драмскій и Экзархъ Македоніи *Агаѳангелъ*.

Епископы:

1. Елевѳеропольскій *Неоѳитъ*.

2. Христопольскій *Тарасій*.

XXIX. Смирнскій и Экзархъ Азіи *Хрисанѳъ*.

Епископъ Москонисійскій *Кириллъ*.

Мѣстопребываніе въ митрополіи.

XXX. Митилинскій и Экзархъ всего Лесбоса *Меѳодій*.

Каѳедра въ Кастро.

XXXI. Дидимотихскій и Экзархъ Родопы *Мелетій*.

XXXII. Анкирскій и Экзархъ всей Галатіи *Іоанникій*.

XXXIII. Филадельфійскій и Экзархъ всей Лидіи *Мелетій* (2).

XXXIV. Меленикскій *Діонисій*.

XXXV. Еносскій *Мелетій*.

XXXVI. Меѳинскій и Экзархъ Лесбоса *Агаѳангелъ*.

Каѳедра въ Каллонѣ.

---

(1) Живетъ въ Константинополѣ въ ожиданіи рѣшенія Болгарскаго вопроса, не признаваемый и непринимаемый большинствомъ населенія Епархіи.

(2) Прежде назывался еще предсѣдателемъ Венеціи (πρόεδρος τῆς Βενετίας)

XXXVII. Месимврійскій и Экзархъ Чернаго Моря *Софроній.*

XXXVIII. Виддинскій и Экзархъ всей Придунайской страны *Паисій.*

XXXIX. Доростольскій и Экзархъ всей Придунайской страны *Діонисій.*

Каѳедра въ Силистріи (др. Доростолѣ).

XL. Самосскій и Икарійскій, и Экзархъ Кикладовъ *Гавріилъ.*

Каѳедра въ Мегалѣ-Хорѣ на Самосѣ.

XLI. Софійскій и Экзархъ Болгаріи *Доровей* (1).

XLII. Визійскій и Мидійскій, и Экзархъ Чернаго моря *Платонъ.*

XLIII. Анхіальскій и Экзархъ Чернаго моря *Василій.*

XLIV. Варнскій и Каварнскій, и Экзархъ Чернаго моря *Іоакимъ.*

Каѳедра въ Варнѣ.

XLV. Маронійскій и Экзархъ Родопы *Анѳимъ.*

XLVI. Силиврійскій *Захарій.*

XLVII. Созоагаѳопольскій и Экзархъ всего Чернаго моря *Прокопій.*

Каѳедра въ Созополѣ.

XLVIII. Ксанѳійскій и Периѳорійскій *Иларіонъ.*

Каѳедра въ Яниджѣ.

XLIX. Гано-Хорскій, и Экзархъ приморской Ѳракій *Хрисанѳъ.*

Каѳедра въ Хорѣ.

L. Хіосскій и Экзархъ всей Іоніи *Григорій.*

LI. Лимносскій и Экзархъ Егейскаго моря *Іоакимъ.*

LII. Имврскій и Экзархъ Егейскаго моря *Паисій.*

---

(1) То же, что сказано въ примѣчаніи къ № XXXV.

LIII. Дирpахійскій и Горскій *Виссаріонъ*.

Каѳедра въ Дураццо (др. Диррахіи).

LIV. Скопійскій и Экзархъ нижней Мисіи *Іоакимъ*.

LV. Касторійскій и Экзархъ всей древней Болгаріи *Никифоръ*.

LVI. Раско-Призренскій и Экзархъ верхней Мисіи *Мелетій*.

Каѳедра въ Призренѣ.

LVII. Воденскій *Никодимъ*.

LVIII. Ерсекійскій (Герцеговинскій) и Экзархъ верхней Мисіи *Прокопій*.

Каѳедра въ Мостарѣ (въ Герцеговинѣ).

LIX. Корицанскій (Κορυτζᾶς) и Селасфорскій *Неофитъ*.

LX. Самоковскій и Экзархъ Болгаріи....

LXI. Бѣлеградскій и Экзархъ всей Албаніи *Анѳимъ*.

Каѳедра въ Бератѣ.

LXII. Кестендилійскій и Стипійскій *Игнатій*.

LXIII. Струмницкій и Тиверіопольскій и Экзархъ Болгарской Македоніи *Іероѳей*.

LXIV. Нисскій (Νύσσης) и Экзархъ нижней Мисіи *Каллиникъ*.

Каѳедра въНиссѣ.

LXV. Гревенскій *Геннадій*.

LXVI. Нишавскій *Парѳеній*.

Каѳедра въ Шагиръ-кіой.

LXVII. Сисанійскій и Сіатистскій. и Экзархъ Македоніи *Александръ*.

Каѳедра въ Сіатистѣ.

LXVIII. Зворницкій и Экзархъ Далматіи *Діонисій*.

LXIX. Моглинскій *Прокопій*.

Каѳедра въ Енборѣ (селеніе).

LXX. Преспійскій и Охридскій *Мелетій*.

Каѳедра въ Охридѣ.

LXXI. Дебрскій *Анѳимъ*.

LXXII. Димитріадскій и Загорскій, и Экзархъ Пеласгіи *Дороѳей*.

Каѳедра въ Загорѣ.

LXXIII. Кассандрійскій и Экзархъ Ѳермейскаго Залива *Григорій*.

LXXIV. Халдійскій и Херіанскій *Гервасій*.

Каѳедра въ Юмушъ-Ханѣ, въ Малой Азіи.

LXXV. Елассонскій *Кириллъ*.

LXXVI. Фанарійскій и Ферсальскій, и Экзархъ Ѳеіи *Мелетій*.

Каѳедра въ Ферсахъ.

LXXVII. Приконисскій и Экзархъ всей Пропонтиды *Гедеонъ*.

Каѳедра въ Алонѣ на островѣ Мармара (др. Приконисѣ), на Мраморномъ Морѣ.

LXXVIII. Преславскій и Экзархъ Болгарской Мисіи *Анѳимъ* (¹).

Каѳедра въ Шумлѣ.

LXXIX. Дринопольскій и Дельвинскій *Матѳей*.

Каѳедра въ Аргиро-Кастро.

LXXX. Кооскій (Κῴου) и Экзархъ Кикладовъ *Германъ*.

LXXXI. Велисскій *Анѳимъ*.

Каѳедра въ Коприли (др. Велесѣ).

LXXXII. Литицкій *Игнатій*.

LXXXIII. Халепійскій *Тимоѳей*.

Каѳедра въ Алепо.

LXXXIV. Червенскій *Пайсій*.

Каѳедра въ Рущукѣ.

LXXXV. Карпатскій и Касскій *Никиѳоръ*.

Каѳедра въ Кассо.

(¹) Тоже, что сказано въ примѣчаніяхъ къ №№ XXV и XLI. Управляетъ Богословской школой, что на островѣ Халкѣ.

Епископы, не имѣющіе епархій:

а) при архіепископѣ константинопольскомъ:

Харіопольскій *Геннадій*.

При Церкви св. Константина и Елены въ Ипсомаѳія.

Анастасіопольскій *Кириллъ*.

При Церкви Богородицы-Надежды во Влангѣ.

Мелитопольскій *Евгеній*.

При Церкви Богородицы въ Галатѣ.

Аргиропольскій *Аѳанасій*.

При Церкви св. Николая въ Галатѣ.

Памфильскій *Діонисій*.

При Церкви Введенія въ Перѣ.

Евменійскій *Панаретъ*.

При Церкви Благовѣщенія въ Перѣ.

Бывшій Преславскій *Веніаминъ*.

При Церкви св. Димитрія въ Татавлахъ.

Бывшій Червенскій *Кириллъ*.

При Церкви Успенія въ Егри-Капи.

Севастійскій *Паисій*.

При Церкви Архангеловъ въ Арнаутъ-Кіой на Босфорѣ.

в) при никомидійскомъ митрополитѣ:

Евхаитскій *Григорій*.

в) при смирнскомъ митрополитѣ:

Ксанѳопольскій *Игнатій*.

Преосвященные, живущіе на покоѣ:

Бывшіе вселенскіе патріархи:

Анѳимъ IV. Византійскій. (Живетъ на остр. Принкипѣ).

Анѳимъ V. Куталійскій (Живетъ въ Кандили на Аз. сторонѣ Босфора).

Кириллъ VII. (Живетъ на остр. Халки).

Іоакимъ II. (Въ Кизикѣ).

Софроній. (Живетъ на остр. Принкипѣ).

Митрополиты:

Селевкійскій Анѳимъ (начальникъ Халкинскаго торговаго училища).

Бывшій Ефесскій *Анѳимъ*.	Живутъ въ столицѣ.
„ Имбрскій *Неофитъ*.	
„ Литицкій *Іосифъ*.	
„ Касандрійскій *Хрисанѳъ*.	

„ Филиппопольскій *Паисій* (низложенъ).

„ Силиврійскій... на Аѳонѣ.

„ Анкирскій *Іероѳей* въ Россіи.

Епископы:

„ Мосхонисійскій... на Аѳонѣ.

„ Лаодикійскій *Стефанъ*—въ Молдавіи.

„ Ериѳрійскій *Анѳимъ*—въ Смирнѣ.

„ Макаріупольскій *Иларіонъ*—низложенъ.

б) Въ княжествахъ, зависящихъ отъ Турціи:

А) ВЪ ВАЛАХІИ:

Митрополитъ Унгро-Влахійскій и Экзархъ Плагинскій, и имѣющій степень митрополита Кесаріи Каппадокійской *Нифонтъ*.

Каѳедра въ Букарестѣ.

Епископы:

1. Римникскій ([1]) ....
2. Бузейскій *Діонисій*.

([1]) Есть два мѣста этого имени въ Валахіи; это — главный городъ на рѣкѣ Алутѣ.

3. Арджицкій (бывшій Едесскій) *Геннадій*.

Каѳедра въ Негро-Водѣ.

Б) ВЪ МОЛДАВІИ:

Митрополитъ Молдавскій *Калликикъ*.

Каѳедра въ Яссахъ.

Епископы:

1. Романійскій. Мѣстоблюститель, Сотиріопольскій *Аѳанасій*.
2. Хусійскій *Іосифъ*.
3. Нижняго-Дуная *Мельхиседекъ*.

Каѳедра въ Тульчѣ.

В) ВЪ СЕРВІИ:

Архіепископъ Бѣлоградскій, Митрополитъ всей Сербіи *Михаилъ Іовановичъ*.

Епископы:

1. Ужицкій *Никифоръ Максимовичъ*.

Каѳедра въ Чачакѣ.

2. Тимокскій *Тимоѳей Новаковичъ*.
3. Шабацкій *Мелетій Марковичъ*.

в) Внѣ Турецкой Имперіи:

А) НА ІОНІЙСКИХЪ ОСТРОВАХЪ (1):

Епископы:

1. *Антоній* (Харіатисъ).
2. *Герасимъ* (Калокериносъ).
3. *Даніилъ* (Петрулясъ).

(1) Эпархіи Іоническихъ острововъ окончательно присоединены къ церкви Греческаго Королевства 21-го Іюля 1866 года. Эпархіи эти еще не введены въ порядокъ каѳедръ мѣстной церкви на томъ основаніи, что митрополитамъ Іоническихъ острововъ предоставлено по день ихъ смерти право пользоваться прежде дарованными имъ титулами.

4. *Кириллъ* (Херонидисъ).
5. *Евфимій*.
6. *Варѳоломей*.
7. *Александръ* (Ликургосъ).
8. *Григорій*, бывшій Триѳилійскій.

Б) ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Венеціанскій Предсѣдатель *Венедиктъ*.

II.

ІЕРАРХІЯ АЛЕКСАНДРІЙСКАЯ.

Блаженнѣйшій и Святѣйшій Папа и Патріархъ Великаго града Александріи, Ливіи, Пентаполя и Еѳіопіи и всей земли Египетской, (Отецъ отцевъ, Пастырь пастырей, Архіерей архіереевъ, тринадцатый изъ Апостолъ и Судія Вселенной), *Никаноръ*.

Митрополиты:

1. Ливійскій и Экзархъ всей Африки *Аѳанасій*.
Живетъ въ Каирѣ.
2. Пилусійскій *Амфилохій*.
Живетъ въ Александріи
3. Киринейскій *Спиридонъ*.
4. Ѳиваидскій *Мелетій*.
Пребываетъ на покоѣ (на о. *Митилинѣ*), бывшій Патріархъ Александрійскій *Каллиникъ*.
5. Трипольскій *Ѳеофанъ*.

III.

ІЕРАРХІЯ АНТІОХІЙСКАЯ.

Блаженнѣйшій и Святѣйшій Патріархъ Божія Града Антіохіи, Сиріи, Аравіи, Киликіи, Иверіи, Месопотаміи и всего Востока, Отецъ отцевъ и Пастырь пастырей, *Іерооей* (1).

Мѣстопребованіе въ Дамаскѣ.

Митрополиты:

1. Веррійскій и Экзархъ первой Сиріи, мѣстоблюститель (2) Іеропольскій, *Кириллъ* (3).
2. Епифанійскій и Экзархъ второй Сиріи, мѣстоблюститель Апамійскій, ...

Каоедра въ Хамѣ (др. Епифанія).

3. Лаодикійскій и Экзархъ Өеодоріады *Мелетій*.

Каоедра въ Влатаніи (др. Лаодикія).

4. Селевкійскій и Экзархъ первой Сиріи *Меоодій*.

Каоедра въ Захли.

5. Амидійскій и Экзархъ всей Месопотаміи, мѣстоблюститель Едесскій, *Макарій*.

Каоедра въ Діорберкирѣ (др. Амидѣ.)

6. Тирскій и Сидонскій, и Экзархъ приморской Финикіи *Герасимъ*.

Каоедра въ Сурѣ (др. Тирѣ).

7. Трипольскій и Экзархъ первой Финикіи Ливанской *Софроній*.

Каоедра въ Триполи.

---

(1) При немъ есть, въ качествѣ Викарія, Епископъ Иринеопольскій *Серафимъ*.

(2) Мѣстоблюститель „Τοποτηρητής" означаетъ іерарха, имѣющаго собственную епархію и управляющаго другою, низшею. Важность сего наименованія особенно видна на соборахъ, которые нерѣдки на востокѣ.

(3) Митрополія отошла къ Патріарху Константинопольскому.

8. Виритскій и Экзархъ приморской Финикіи...

Каѳедра въ Бейрутѣ (др. Виритѣ).

9. Аданскій и Экзархъ первой и второй Киликіи, мѣстоблюститель Селевкіи Исаврійской, *Анѳимъ*.

Каѳедра въ Тарсѣ.

10. Ѳеодосіопольскій и Экзархъ Великой Арменіи, *Тимоѳей*.

Каѳедра въ Эрзерумѣ (др. Ѳеодосіополѣ).

11. Иліопольскій и Экзархъ Финикіи Ливанской...

Каѳедра въ Бальбекѣ (др. Иліополѣ).

12. Аркадійскій и Экзархъ горы Ливанской *Хрисанѳъ*.

Мѣстопребываніе въ Триполи.

13. Емесскій и Экзархъ Ливанской Финикіи.....

Каѳедра въ Хомсѣ (др. Емесѣ).

14. Пальмирскій....

Мѣстопребываніе имѣетъ въ Валахіи, въ монастырѣ св. Спиридона.

15. Хавранійскій *Григорій*.

Мѣстопребываніе въ монастырѣ св. Ѳеклы въ Малулѣ.

IV.

ІЕРАРХІЯ ІЕРУСАЛИМСКАЯ.

Блаженнѣйшій и Святѣйшій Патріархъ Святаго Града Іерусалима и всей Палестины, Сиріи, Аравіи, обонъ-полъ Іордана, Каны Галилейской и Святаго Сіона, *Кириллъ II*.

Митрополиты:

1. Петрскій въ Аравіи и Экзархъ третьей Палестины...

Каѳедра въ Каракѣ, а мѣстопребываніе въ Іерусалимѣ.

2. Птолемаидскій и Экзархъ всей Финикіи, *Іоасафъ*.

Каѳедра и мѣстопребываніе въ Акрѣ.

3. Виолеемскій и Экзархъ всей Іудеи *Агапій*.

Каѳедра и мѣстопребываніе въ Виолеемѣ.

4. Назаретскій и Экзархъ всей Галилеи, *Нифонтъ*.

Каѳедра и мѣстопребываніе въ Назаретѣ.

Архіепископы:

1. Лидскій *Неоѳитъ*.
2. Газскій *Прокопій*.
3. Неапольскій...
4. Севастійскій *Никифоръ*.
5. Горы Ѳаворскія *Григорій*.

Всѣ они имѣютъ мѣстопребываніе въ Іерусалимѣ.

6. Филадельфійскій *Іоасафъ*.

V.

ІЕРАРХІЯ ВСЕРОССІЙСКАЯ.

Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Сѵнодъ.

а) епархіи перваго класса.

1. Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, и священно-архимандритъ кіево-печерскія Лавры, *Арсеній*.

Викарій:

Епископъ Чигиринскій *Порфирій*.

Мѣстопребываніе въ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ.

2. Митрополитъ Новгородскій (онъ же и Санктпетербургскій и Финляндскій и священно-архимандритъ Александро-Невскія Лавры) *Исидоръ*.

Викарій:

Епископъ Старорусскій *Серафимъ*.

Мѣстопребываніе въ Новѣгородѣ.

3. **Митрополитъ** Московскій и Коломенскій, и священно-архимандритъ Троицко-Сергіевой Лавры *Иннокентій*.

Викаріи:

4. **Епископъ** Дмитровскій *Леонидъ*.
Можайскій *Игнатій*.

Въ Москвѣ.

5. **Митрополитъ** Санктпетербургскій (онъ же и Новгородскій, см. выше 2).

Викаріи:

Епископъ Ладожскій *Палладій*.
— Выборгскій *Григорій*.

Мѣстопребываніе въ Санктпетербургѣ.

б) епархіи втораго класса:

1. **Архіепископъ** Казанскій и Свіяжскій *Антоній*.

Викарій:

Епископъ Чебоксарскій (вакансія).

Архіепископы:

2. Астраханскій и Енотаевскій *Аѳанасій*.
3. Тобольскій и Сибирскій *Варлаамъ*.
4. Ярославскій и Ростовскій *Нилъ*.
5. Псковскій и Порховскій *Ѳеогностъ*.
6. Рязанскій и Зарайскій *Алексій*.
7. Тверскій и Кашинскій *Филоѳей*.

Викарій:

Епископъ Старицкій *Антоній*.

Мѣстопребываніе въ Тверскомъ Успенскомъ Желтиковѣ монастырѣ.

8. **Архіепископъ** Херсонскій и Одесскій *Димитрій*.

Каѳедра въ Одессѣ.

Викарій:

Епископъ Новомиргородскій *Софоній.*

Мѣстопребываніе въ Херсонѣ.

9. Епископъ Таврическій и Симферопольскій *Гурій.*

Каѳедра въ Симферополѣ.

10. Митрополитъ Литовскій и Виленскій *Іосифъ.*

Каѳедра въ Вильно.

Викаріи:

1. Епископъ Брестскій *Игнатій.*

Каѳедра въ Гроднѣ.

2. Епископъ Ковенскій *Александръ.*

Каѳедра въ Ковнѣ.

Архіепископы:

11. Варшавскій и Новогеоргіевскій *Іоанникій.*
12. Рижскій и Митавскій (вакансія).

Викарій:

Епископъ Ревельскій *Веніаминъ.*

Мѣстопребываніе въ Ригѣ.

13. Архіепископъ Могилевскій и Мстиславскій *Евсевій.*

Епископы:

14. Черниговскій и Нѣжинскій *Варлаамъ.*
15. Минскій и Бобруйскій (вакансія).
16. Подольскій и Брацлавскій *Леонтій.*

Каѳедра въ Каменцѣ-Подольскомъ.

Викарій:

Епископъ Балтскій *Ѳеогностъ.*

Мѣстопребываніе въ Каменецъ-Подольскѣ.

Архіепископы:

17. Кишиневскій и Хотинскій *Антоній.*
18. Олонецкій и Петрозаводскій *Аркадій.*

Каѳедра въ Петрозаводскѣ.

19. Донскій и Новочеркасскій *Платонъ*.

Каѳедра въ Новочеркасскѣ.

20. Иркутскій и Нерчинскій *Парѳеній*.

Викаріи:

1. Епископъ Селенгинскій *Веніаминъ*.

Мѣстопребываніе въ Посольскомъ монастырѣ.

2. Епископъ Енисейскій и Красноярскій *Никодимъ*.

Каѳедра въ Красноярскѣ.

в) епархіи третьяго класса.

Епископы:

1. Екатеринославскій и Таганрогскій *Платонъ*.
2. Калужскій и Боровскій *Григорій*.
3. Смоленскій и Дорогобужскій *Іоаннъ*.
4. Архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій *Нектарій*.

Викарій:

Епископъ Балахнинскій *Поликарпъ*.

Мѣстопребываніе въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Печерскомъ монастырѣ.

Архіепископы:

5. Курскій и Бѣлгородскій *Сергій*.
6. Владимірскій и Суздальскій *Антоній*.

Викарій:

Епископъ Муромскій (вакансія).

Мѣстопребываніе во Владимірѣ, въ Рождественскомъ монастырѣ.

Епископы:

7. Полоцкій *Савва*.

Каѳедра въ Витебскѣ.

8. Вологодскій и Устюжскій *Павелъ*.
9. Тульскій и Бѣлевскій *Никандръ*.
10. Вятскій и Слободскій *Аполлосъ*.

Викарій:

Епископъ Сарапульскій (вакансія).

Мѣстопребываніе въ Вятскомъ Трифоновскомъ монастырѣ.

Епископы:

11. Архангельскій и Холмогорскій *Наѳанаилъ*.
12. Воронежскій и Задонскій *Серафимъ*.

Викарій:

Епископъ Острогожскій *Ѳеодосій*.

Мѣстопребываніе въ Воронежѣ.

13. Епископъ Костромскій и Галичскій *Платонъ*.

Викарій:

Епископъ Кинешемскій *Іонаѳанъ*.

Мѣстопребываніе въ Костромскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ.

Епископы:

14. Тамбовскій и Шацкій *Ѳеодосій*.
15. Орловскій и Сѣвскій *Макарій*.
16. Полтавскій и Переяславскій *Іоаннъ*.
17. Волынскій и Житомірскій *Агаѳангелъ*.

Викарій:

Епископъ Острожскій *Іероѳей*.

Мѣстопребываніе въ Житомірѣ.

18. Архіепископъ Пермскій и Верхотурскій *Неофитъ*.

Викарій:

Епископъ Екатеринбургскій *Вассіанъ*.

Епископы:

19. Томскій и Семипалатинскій *Алексій*.
20. Пензенскій и Саранскій *Антоній*.
21. Саратовскій и Царицинскій *Іоанникій*.

22. Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій *Макарій*.

Викарій:

Епископъ Сумскій, *Германъ*.

Мѣстопребываніе въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ.

Епископы:

23. Уфимскій и Мензелинскій *Филаретъ*.
24. Оренбургскій и Уральскій *Митрофанъ*.
25. Симбирскій и Сызранскій *Евгеній*.
26. Кавказскій и Екатеринодарскій *Θеофилактъ*.
27. Архіепископъ Камчатскій, Курильскій и Алеутскій (вакансія).

Каѳедра въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ.

Викаріи:

1. Епископъ Новоархангельскій *Петръ*.
2. Якутскій *Діонисій*.

28. Епископъ Самарскій и Ставропольскій *Герасимъ*.

г) грузинскій экзархатъ:

Экзархъ Грузіи, Архіепископъ Карталинскій и Кахетинскій *Евсевій*.

Каѳедра въ Тифлисѣ.

Викарій:

Епископъ: Горійскій *Геронтій*.

Епископы:

1. Имеретинскій *Гавріилъ*.
2. Мингрельскій *Тарасій*.
3. Гурійскій *Гавріилъ*.
4. Абхазскій *Александръ*.

Преосвященные, живущіе на покоѣ.

Архіепископы:

1. *Евгеній*, бывшій Ярославскій, Членъ Св. Сунода и присутствующій въ Московской Сунодальной Конторѣ.

Мѣстопребываніе въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

2. *Михаилъ*, бывшій Минскій.

3. *Василій*, бывшій Полоцкій, членъ Св. Сунода.

Мѣстопребываніе въ С.-Петербургѣ.

4. *Антоній*, бывшій Минскій.

Мѣстопребываніе въ Пожайскомъ Успенскомъ монаст. Литов. епарх.

5. *Анатолій*, бывшій Могилевскій и Мстиславскій.

Мѣстопребываніе въ Гербавецкомъ монастырѣ Кишиневской епархіи.

6. *Іосифъ*, бывшій Воронежскій.

Мѣстопребываніе въ Воронежскомъ Митроф. монаст.

7. *Иринархъ*, бывшій Рязанскій.

Мѣстопребываніе въ Рязанскомъ Спасскомъ монаст.

8. *Іоаннъ*, бывшій Донской.

Мѣстопребываніе въ Кременскомъ Вознесенскомъ монастр. Донской епархіи.

9. *Петръ*, бывшій Епископъ Якутскій, членъ Московской Синодальной Конторы и Управляющій Ставроп. Воскресн. мон.

Епископы:

10. *Иннокентій*, бывшій Екатеринославскій.

Мѣстопребываніе въ Старо-Харьковскомъ Преображенскомъ монастырѣ.

11. *Іеремія*, бывшій Нижегородскій и Арзамазскій.

Мѣстопребываніе въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ.

12. *Іоанникій*, бывшій Кавказскій и Черноморскій.

Мѣстопребываніе въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ.

13. *Іоаннъ*, бывшій Гурійскій.

Мѣстопребываніе въ Гаэнатскомъ монастырѣ Имеретинской епархіи.

14. *Германъ*, бывшій Имеретинскій.

15. *Германъ*, бывшій Имеретинскій.

Мѣстопребываніе въ Гаенатскомъ монастырѣ.

16. *Антоній*, бывшій Оренбургскій.

Мѣстопребываніе въ Предтеченск. Трегулявск. монастырѣ, Тамбовской епархіи.

17. *Александръ*, бывшій Полтавскій.

Мѣстопребываніе въ Кіево-Софійскомъ Митрополитскомъ домѣ.

18. *Леонидъ*, бывшій Екатеринославскій.

Мѣстопребываніе въ Ольговскомъ монаст. Рязанской епархіи.

19. *Іустинъ*, бывшій Владимірскій.

Мѣстопребываніе въ Боголюбовомъ монаст. Владимірской епархіи.

20. *Θеофанъ*, бывшій Владимірскій.

Мѣстопребываніе въ Вышинской пустыни Тамб. епархіи.

21. *Христофоръ*, бывшій Вятскій.

Мѣстопребываніе въ тотемскомъ Спасомуринѣ монастырѣ Вологодской епархіи.

VI.

ІЕРАРХІЯ ОСТРОВА КИПРА.

Блаженнѣйшій и Святѣйшій Архіепископъ Новой Юстиніаны и всего Кипра *Макарій*.

Каѳедра въ Никосіи.

Митрополиты:

1. Паѳосскій *Харитонъ*.

Каѳедра въ Хрисороатисѣ.

2. Китійскій *Мелетій*.

Каѳедра въ Ларнакѣ.

3. Киринійскій *Мелетій*.

Каѳедра въ монастырѣ св. великомученика Пантелеймона.

VII.

ІЕРАРХІЯ ВЪ АВСТРІЙСКИХЪ ВЛАДѢНІЯХЪ.

Блаженнѣйшій и Святый Патріархъ Сербскій, всего обрѣтающагося въ Австрійскихъ державахъ Сербскаго народа Митрополитъ, Архіепископъ Карловацкій *Самуилъ Машировичъ*.

Каѳедра въ г. Карловцѣ въ Сремѣ (Сирміи)

Епископы:

1. Бачскій и Сегединскій.... Администраторъ Архимандритъ *Германъ Анѓеличь*.

Каѳедра въ Новомъ Садѣ въ Венгріи

2. Будимскій, Свято-Андрейскій, Пештанскій, Стольно-Бѣлградскій Могачскій и Сигедскій *Арсеній Стоиковичь*.

Каѳедра въ Будимѣ (Офенѣ)

3. Вершацкій, Лугошскій, и Оршавскій *Емеліанъ Кенѓелацъ*.

Каѳедра въ Вершцѣ (въ Банатѣ).

4. Темишварскій, Липовскій, Велико-Бечкерекскій и Панчевацкій *Антоній Нако*.

Каѳедра въ Темишварѣ.

5. Пакрачскій, Славонійскій, Пожегскій и всего Генералита Вараждинскаго *Никаноръ Груичь*.

Каѳедра въ Пакрацѣ (Славоніи)

6. Карлштадскій, Костанницкій, Корбавскій и приморскихъ городовъ Тріеста, Рѣки и Сени *Лукіанъ Николаевичъ*.

Каѳедра въ Плашкахъ (въ Кроаціи)

Митрополитъ всего обрѣтающагося въ Австрійскихъ державахъ Румынскаго народа Архіепископъ Германштадскій Баронъ *Андрей Шаѓуна*.

Каѳедра въ Германштадтѣ (въ Трансильваніи)

Епископы:

1. Арадскій, Велико-Варадинскій, Іенопольскій и Хальмачскій *Прокопій Ивачковичь*.

Каѳедра въ Арадѣ (въ Венгріи)

2. Каран-Себешскій *Іоаннъ Папазу*.

Каѳедра въ Каран-Себешѣ (въ Трансильваніи)

3. Буковинскій *Евгеній Гакманъ*.

Каѳедра въ Черновцахъ (въ Буковинѣ)

4. Далматинскій, Которскій и Истрійскій *Стефанъ Княжевичь*.

Каѳедра въ Задрѣ (въ Далмаціи)

VIII.

ІЕРАРХІЯ ГОРЫ СИНАЙСКОЙ.

Честнѣйшій Архіепископъ Синая *Кириллъ* (1).

Мѣстопребываніе въ Фанарѣ.

IX.

ІЕРАРХІЯ ЧЕРНОЙ ГОРЫ.

Митрополитъ Скандеріи и Морскаго Берега, Архіепископъ Цетинскій, Экзархъ Священнаго Престола Пекскаго, Владыка Черногорскій и Бердскій *Илларіонъ Рогановичъ*.

---

(1) По настоятельному требованію Синайской обители 30 авг. 1867 г. рукоположенъ въ Іерусалимѣ тамошнимъ патріархомъ новый Архіепископъ горы Синайской *Каллистратъ*.

X.

ІЕРАРХІЯ ЭЛЛИНСКАЯ.

Священный Эллинскій Сѵнодъ въ Аѳинахъ.

1. **Митрополитъ** Аттическій *Ѳеофилъ*.
Каѳедра въ Аѳинахъ

2. **Епископъ** Віотійскій *Досиѳей*.
Каѳедра въ Ѳивахъ.

3. **Архіепископъ** Халкидскій *Каллиникъ* (Камбанисъ).
Каѳедра въ Халкидѣ.

4. **Епископъ** Каристійскій *Макарій* (Калліархисъ).
Каѳедра въ Кимѣ

5. **Архіепископъ** Ѳеіотидскій *Каллиникъ* (Касторхисъ).
Каѳедра въ Ламіи.

6. **Епископъ** Фокидскій *Давидъ*.
Каѳедра въ Амфиссѣ.

7. **Архіепископъ** Акарнанійскій и Этолійскій...
Каѳедра въ Миссолонги.

8. **Епископъ** Эвританійскій *Анѳимъ*.
Каѳедра въ Навпактѣ.

Архіепископы:

9. Арголидскій...
Каѳедра въ Навпліи.

10. Коринѳскій *Амфилохій*.
Каѳедра въ Коринѳѣ.

11. **Епископъ** Идрскій *Неофитъ* (Константинидисъ).
Каѳедра въ Идрѣ.

12. **Архіепископъ** Ахайскій...
Каѳедра въ Патрахъ.

13. Епископъ Калавритскій (Καλαβρύτων)...

Каѳедра въ Калавритѣ, въ Мореѣ.

14. Архіепископъ Мантинійскій *Ѳеофанъ* (Сясистевсъ).

Каѳедра въ Триполѣ.

15. Епископъ Гортинскій *Филоѳей* (Икономосъ).

Каѳедра въ Димитсанѣ.

16. Архіепископъ Мессинійскій *Прокопій* (Георгіадисъ).

Каѳедра въ Каламахъ.

17. Епископъ Трифилійскій...

Каѳедра въ Кипариссіи.

18. Архіепископъ Лакедемонскій *Діонисій* (Сасанасъ).

Каѳедра въ Спартѣ.

Епископы:

19. Гиѳійскій *Іосифъ* (Константинидисъ).

Каѳедра въ Гиѳіонѣ.

20. Итильскій *Прокопій*.

Каѳедра въ Итилѣ.

21. Архіепископъ Кикладскій...

Каѳедра въ Эрмуполѣ (въ Сирѣ).

Епископы:

22. Андросскій *Митрофанъ* (Икономидисъ).

Каѳедра въ Андросѣ.

23. Наксосскій *Парѳеній* (Акиласъ).

Каѳедра въ Наксосѣ.

24. Ѳирскій *Захарія* (Матѳасъ).

Каѳедра въ Санторино (Θήρα).

Самуилъ, бывшій Эгинскій (живетъ на покоѣ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. **Правительственныя распоряженія**: Назначеніе еписк. Веніамина епископомъ Камчатскимъ.—Хиротонія ректора Тульской семинаріи архимандрита *Андрея* во епископа Муромскаго. — Назначеніе протоіерея *Гаврилкова* на должность ректора Полтавской семинаріи.—Высочайшія *награды*. — II. **Библіографическія замѣтки**: Перечень особенно замѣчательныхъ статей нашей текущей журналистики. — Обзоръ епархіальной литературы.—*Новыя книги*.—III. **Разныя извѣстія**: Церковная жизнь православнаго русскаго народа во время *великаго поста*, *страстной седмицы и пасхи*.—Обрядность и внутреннее настроеніе.—Замѣчательныя распоряженія нѣкоторыхъ епархіальныхъ архіереевъ: открытіе причетнической школы въ Саратовѣ; мѣры подольскаго епархіальнаго начальства къ предотвращенію ссоръ въ духовенствѣ; приглашеніе къ пожертвованіямъ въ пользу голодающихъ. — Общая сумма пожертвованій.—Дѣятельность *самарскаго* духовенства по части народнаго образованія. — Приходскія и воскресныя *школы* въ нѣкоторыхъ епархіяхъ и ихъ значеніе въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія народа. — *Штундисты*; ихъ историческое происхожденіе и значеніе ихъ собраній. — Забота церковныхъ *попечительствъ* о нравственномъ улучшеніи приходовъ, о народномъ образованіи и о матеріальномъ обезпеченіи духовенства.—*Съѣзды* духовенства и ихъ результаты.—Недоразумѣніе на счетъ *костромскаго* духовенства по дѣлу народнаго образованія. — Учрежденіе въ Петербургѣ школы *Комисарова-Костромскаго*.

I.

Высочайше утвержденнымъ Его Императорскимъ Величествомъ, въ 18 день марта сего года докладомъ Св. Сvнода повелѣно быть викарію иркутской епархіи, епископу селенгинскому *Веніамину*, епископомъ камчатскимъ.

7 апрѣля, въ главномъ храмѣ Александро-невской лавры, происходила хиротонія ректора тульской сем., архим. *Андрея* во епископа муромскаго, викарія владимірской епархіи. Въ ней участвовали: митрополиты: Исидоръ новгородскій и с.-петербургскій, Арсеній кіевскій; архіепископы: Филоѳей тверской и Нектарій нижегородскій; викаріи: Палладій ладожскій и Григорій выборгскій.

Опредѣленіемъ Св. Сvнода, отъ 8 янв. (11 февр). 1868 г., постановлено: *ректора полтавской семинаріи*, архим. *Серафима*, согласно прошенію его, по болѣзни, *уволить* отъ занимаемыхъ имъ ректорской и настоятельской должностей, помѣстивъ его на вакансію соборнаго іеромонаха въ ставропигіальномъ московскомъ донскомъ монастырѣ, а на мѣсто архим. Серафима ректоромъ полтав. сем. *опредѣлить протоіерея*, магистра Михаила *Гаврилкова* (Церк. Лѣт.)

Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать *алмазные знаки ордена св. Александра невскаго* преосвященнымъ *архіепископамъ*: варшавскому *Іоанникію* и могилевскому *Евсевію*; — сопричислить *къ орд. св. Александра невскаго* преосвященныхъ архіепископовъ: *Антонія* кишиневскаго и *Пароенія* иркутскаго; *къ орд. св Владиміра* 2-й степени *большаго креста* преосвящ. *Өеогноста*, архіеписк. псковскаго, *Серафима*, еписк. воронежскаго и *Леонида*, викарія московскаго; *къ орд. св. Анны 1-й степ.* преосвященныхъ епископовъ: *Савву* полоцкаго, *Павла* вологодскаго, *Митрофана* оренбургскаго, *Порфирія*, викарія кіевскаго, и *Вассіана* екатеринбургскаго, викарія пермскаго; *къ орд. св. Владиміра 3-й степ.* епископовъ: *Аполлоса* вятскаскаго, *Алексія* томскаго, *Тарасія* мингрельскаго, *Александра* абхазскаго и *Іонаөана*, викарія костромскаго; *возведены въ санъ архіепископовъ:* преосв. епископы: черниговскій *Варлаамъ*, волынскій *Агаөангелъ* и костромской *Платонъ* („Голосъ“ № 98).

Во 2-й день февр. Высочайше награждены *серебряными медалями*, съ надписью „за усердіе“ для ношенія на груди, на Александровской лентѣ, *за труды по части народнаго образованія*, слѣд. лица: діаконы — троицкой

соборной церкви въ посадѣ Дубовкѣ, саратовской губ. Іоаннъ *Болтинскій* и воронежск. каѳедр. собора Алексѣй *Адамовъ*; дьячекъ села Георгіевскаго въ Раменьѣ, рыбин. у., ярослав. губ., Арсеній *Лавровъ*.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМАТА

предсѣдателю духовно-учебнаго комитета при Св. Синодѣ, Протоіерею Васильеву.

„Послѣ продолжительнаго священнаго служенія за „границею, снискавшаго вамъ справедливое уваженіе „соотечественниковъ и иноземцевъ, бывъ призваны къ „обязанностямъ предсѣдателя вновь учрежденнаго при „Святѣйшемъ синодѣ учебнаго комитета, вы положи„ли благое начало дѣятельности сего важнаго установ„ленія при содѣйствіи просвѣщенныхъ вашихъ сотруд„никовъ. На это служеніе, требующее усиленнаго тру„да, при совершающемся переходѣ духовно-учебныхъ „заведеній къ лучшему положенію, новыми уставами „узаконенному, вы съ истинною пользою посвятили „всѣ ваши силы и обширныя познанія“.

„Обращая особенное вниманіе на преуспѣяніе духов„но-учебныхъ заведеній и вполнѣ цѣня вашу ревность „и успѣшные труды на этомъ поприщѣ, въ изъявленіе „справедливой признательности нашей, всемилостивѣй„ше сопричисляемъ васъ къ императорскому ордену На„шему *св. Анны 1-й степени*, знаки коего, присемъ пре„провождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя „и носить по установленію“.

Пребываемъ императорскаго милостію нашею къ вамъ благосклонны.

На подлинной собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: „АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ С.-Петербургѣ,
31 марта, 1868 года.

II.

Въ текущей журналистикѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣд. статьи: въ февр. кн. „Трудовъ к. д. акад.“: св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдоксія (продолженіе) и „Іудейскій народъ и Іудейство въ періодъ образованія талмуда (съ 70 по 500 г. по Р. Х.) г. А. В-нова. Въ февр. и мартов. кн. „прав. обозр:“ исторія ветхозав. откровенія Лютардта; „о соврм. состояніи церк. дѣлъ въ Пруссіи“—Голубкова; „обозрѣніе франц. богосл. журналистики“—М. Я. Морошкина; письма о соврем. состояніи религіозно—церковной жизни за границею, II и III“ свящ. Кустодіева; „судьбы христіанства въ южной аравіи отъ вр. апост. до утвержденія въ ней магометанства (Иг. Арсенія). Въ 12 и 13 №№ „Дух. Бес: „мысли о христіанскомъ воспитаніи“ Арх. Павла.—Въ „руководствѣ для сел. паст.“ „гомилетическія замѣтки для молодыхъ проповѣдниковъ“ (№ 7); „о томъ, какъ должно проводить день причастный и, вообще, вести себя послѣ говѣнья“ (№ 10); „поученіе сельскаго священника къ прихожанамъ, нерадящимъ объ исполненіи христіанскаго долга исповѣди и святаго причастія“; „историческія свѣдѣнія о происхожденіи и составѣ постной тріоди“ (№ 11).—Въ „Вѣстникѣ западной россіи, 1-й книжкѣ: любопытные „документы, относящіеся а) къ исторіи православія въ западной россіи, б) къ исторіи виленскихъ православныхъ церквей“. Въ мартов. кн. „Душеполезнаго чтенія“: „о безпорядкахъ на крестьянскомъ волостномъ судѣ (домашняя бесѣда священника съ прихожанами)“.—Въ мартов. кн. журнала минист. нар. просвѣщенія: „два открытія въ неаполитанской области по Христіанской живописи“—

В. Виноградскаго.—Въ апрѣл. кн. „вѣстника европы“: „дѣло Новикова и его товарищей“ (по новымъ документамъ). 1—V. А. Н. Попова.—Во 2-й кн. „педагогическаго сборника“: „матеріалы по вопросу объ исправительныхъ мѣрахъ“, В. П. Коховскаго; „о преподаваніи русскаго языка и словесности“ г. В. Вульфа и „Еще о чтеніи библіи въ военныхъ гимназіяхъ“ свящ. П. А. Лебедева. Послѣднюю статью можно назвать образцомъ разумной и спокойной антикритики (1).

Изъ епархіальныхъ вѣдомостей обращаютъ на себя вниманіе своими статьями, замѣтками и распоряженіями мѣстнаго епархіальнаго начальства: 1) *Самарскія*, въ которыхъ, въ послѣднихъ нумерахъ, помѣщены интересныя свѣдѣнія о воскресныхъ школахъ и отчеты благочинныхъ (№№ 4 и 7). Редакція этихъ вѣдомостей ввела особый отдѣлъ подъ заглавіемъ: „извѣстія по общецерковному управленію“, гдѣ печатается все, что осо-

(1) Эта антикритика написана по поводу критической статьи о. Иванцова-Платонова, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ „Педагогическаго Сборника“ за 1867 г. — О. Иванцовъ-Платоновъ въ своей статьѣ возсталъ на о. Лебедева за то, что послѣдній (въ своей первой статьѣ, помѣщенной въ августовской книжкѣ „Педагогич. Сборн.“) доказывалъ „необходимость чтенія библіи въ военныхъ гимназіяхъ на *русскомъ*, а не на славянскомъ языкѣ“. Повидимому, странно было бы и возражать противъ этой истины. Нѣтъ, о. И. Платонову *кажется*, что—воспользуемся словами о. Лебедева—„чтеніе библіи съ воспитанниками *на родномъ* для нихъ русскомъ языкѣ, въ переводѣ, изданномъ *православною русскою церковію*, угрожаетъ слѣдующими послѣдствіями: 1) „непониманіемъ церковно-славянскаго языка нашего Богослуженія; 2) охлажденіемъ къ общественному Богослуженію, совершаемому въ храмѣ; 3) ослабленіемъ, или даже расторженіемъ союза съ православною церковію и образованіемъ сектантовъ, протестантовъ...“ (См. стр. 122 статьи о. Лебедева и сравни стр. 1008 ст. о. И. Платонова). — Нельзя не удивляться и не пожалѣть, что подобнаго рода опасенія могутъ приходить въ голову и такимъ умнымъ и просвѣщеннымъ людямъ, какъ о. А. И. Платоновъ, законоучитель московскаго Александровскаго военнаго училища.

бенно—замѣчательнаго въ церк. отнош. происходитъ въ другихъ епархіяхъ. 2) Подобный отдѣлъ есть въ вѣдомостяхъ *Харьковскихъ* и *Владимірскихъ* (съ 7-го №), и ведется очень удовлетворительно и, конечно, съ большею пользою для духовенства. 3) Въ *саратовскихъ* и *подольскихъ* епрх. вѣд. обращаетъ на себя особенное вниманіе отдѣлъ оффиціальный, въ которомъ печатаются распоряженія епарх. начальства. Впрочемъ, не лишенъ интереса и отд. неоффиціальный, въ которомъ, въ саратов. еп. вѣд., кромѣ статей о расколѣ печатались интересныя свѣдѣнія „о братствѣ св. креста въ Саратовѣ (№ 7), а въ *подольскихъ* „о братствахъ въ подольской еп.“ (№ 4). 4) Въ *смоленскихъ* еп. вѣд., въ текущемъ году стали помѣщаться проповѣди извѣстнаго нашего богослова, *преосв. Іоанна* смоленскаго. Не можемъ не указать здѣсь въ особенности на рѣчь, сказанную въ прошломъ году въ смоленскомъ училищѣ дѣвицъ духовн. званія. „Въ такомъ, необыкновенно скромномъ и даже скудномъ во всей обстановкѣ, заведеніи, каково здѣшнее,—такъ начинаетъ свою рѣчь, преосв. Іоаннъ,—не за чѣмъ брать широкіе и великіе предметы для слова.—Пойдемъ за словомъ туда, откуда пришли и куда возвратятся отсюда эти воспитанницы: тамъ,—*въ темныхъ* и *тѣсныхъ избахъ*, гдѣ виды людей не простираются далѣе насущнаго хлѣба, гдѣ наилучшее наслажденіе имъ доставляетъ видъ покрытаго хорошо уродившимся хлѣбомъ поля, гдѣ и пастырь духовный, какъ и овцы его, питается отъ земли и отъ тѣхъ мелкихъ долей, какія изъ своихъ трудовыхъ копѣекъ удѣляютъ ему пасомые,—тамъ найдемъ, что думать и сказать относительно училищъ, подобныхъ здѣшнему“.

„Посмотрите на священно-служителя, получившаго достаточное научное образованіе, когда, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, едва сошедши съ школьной скамьи, онъ поставленъ судьбою въ деревенской глуши, въ средѣ нисколько не развитыхъ поселянъ ...;—чего ему недостаетъ, когда при такой обстановкѣ жизни, онъ скоро впадаетъ въ тоску и уныніе и готовъ, для разсѣянія ихъ, искать средствъ непозволительныхъ? Ему, конечно, недостаетъ способовъ къ умственному возвышенію духа надъ грустною обстановкою жизни,—недостаетъ силъ для постояннаго поддержанія мысли и чувства на духовной высотѣ сана близъ Бога; но, прежде всего, въ такой обстановкѣ, недостаетъ ему сколько-нибудь *развитой умственно и нравственно* подруги жизни, подруги, которая не однимъ *внѣшнимъ* сожитіемъ, а и умомъ, и сердцемъ дѣлила бы тяготу его жизни...и, раздѣляя съ нимъ радость и горе..., не давала бы ему чувствовать своего одиночества и въ собственномъ домѣ, и въ средѣ, его окружающей“. Затѣмъ, авторъ рѣчи, съ самой натуры рисуя убогую домашнюю обстановку и, вообще, скудное домашнее положеніе сельскаго священника, приходитъ къ тому заключенію, что семейству сельскаго священника опять „недостаетъ *серьезно обученной и благонастроенной* матери, которая занялась бы и съ умѣла бы управить домашнимъ воспитаніемъ дѣтей, и материнскимъ попеченіемъ и вліяніемъ довершила бы то, чего не можетъ тутъ сдѣлать одинъ отецъ“. Далѣе, входя въ бѣдное положеніе священнослужительскихъ вдовъ и сиротъ, преосв. Іоаннъ говоритъ, что „всѣмъ этимъ несчастнымъ, снова, недостаетъ *предварительнаго воспитанія* и *какого-нибудь образованія*, которое научило бы ихъ хоть трудить-

ся и, трудами собственныхъ рукъ, а не чужихъ, пріобрѣтать себѣ пропитаніе,—научило бы хоть понимать пользу труда и надобность какихъ-нибудь собственныхъ соображеній къ чему-нибудь лучшему въ своемъ быту. Увы! У насъ и этого нѣтъ...“ Потомъ, въ рѣчи высказывается та мысль, что, при хорошемъ священникѣ, образованная жена могла бы быть для прихода *истинною діакониссою*, и, за тѣмъ, самымъ нагляднымъ образомъ, доказывается неприложимость свѣтскаго образованія къ сельской жизни нашихъ духовныхъ дѣвицъ, какъ будущихъ женъ священно-служителей. Въ заключеніе, дѣлается слѣд. пастырское обращеніе къ воспитанницамъ: „Не забывайте жизни ни на минуту; она впослѣдствіи задастъ вамъ строгое испытаніе въ плодахъ здѣшняго образованія; приготовляйтесь къ этому испытанію всѣмъ, что имѣете здѣсь подъ руками, и тѣ малыя сѣмена, которыя здѣсь получаете, согрѣвайте въ своемъ сердцѣ, чтобы онѣ въ теплотѣ его процвѣли и, въ свое время, перенесенныя на почву, на которой вы будете поставлены судьбою, дали жизненный плодъ. Я говорю: въ сердцѣ, потому что умъ всегда слишкомъ многаго требуетъ, чего вы здѣсь не найдете; но за то сила теплаго, нравственно развитаго сердца часто бываетъ крѣпче и дѣйственнѣе самаго развитаго ума“ (№ 3). Желательно, чтобы эта рѣчь, какъ *образцовая въ своемъ родѣ*, была перепечатана во всѣхъ епрхіальн. вѣд-хъ. Въ томъ же 3 № смол. вѣд. помѣщена статья г. А. Смирнова: „Взглядъ на дѣятельность духовенства Смоленской епархіи по поводу преобразованія духовно-учебныхъ заведеній“. Авторъ доказываетъ, что, во имя интересовъ епархіи, необходимо открыть при смоленской семинаріи параллельные классы. Статья эта имѣетъ

свое значеніе уже по одному тому, что можетъ вызвать въ мѣстномъ духовенствѣ разные толки и заявленія разныхъ его мнѣній касательно этого предмета. 5) Въ *вологодскихъ* вѣдомостяхъ съ большимъ умѣньемъ ведется неоффиціальный отдѣлъ, въ которомъ помѣщаются статьи, имѣющія большой мѣстный интересъ (въ родѣ, напр. историч. свѣдѣній объ іерархахъ древне—пермской и вологодской еп., или—исторіи г. Вологды); 6) Въ *Полтавскихъ* епар. вѣд. № 5, въ оффиц. отд. помѣщены очень любопытныя свѣдѣнія о дѣятельности приходскихъ попечительствъ, объ открытіи и матеріальномъ обезпеченіи школъ, а также и объ обезпеченіи мѣстнаго духовенства. Въ неофф. отд: продолженіе статьи: „митрополиты кіевскіе и всея руси", и „Замѣтки свящ. *Мазанова* о необходимости правильнаго распредѣленія приходовъ въ г. Полтавѣ".

Недавно въ нашей богословской литературѣ появилось сочиненіе знаменитаго нашего богослова и философа, покойнаго профессора московской дух. академіи, Ѳедора Александровича *Голубинскаго*. Это — его *лекціи по умозрительному богословію* (Москва. 1868 г.), составленныя съ его словъ студентомъ XIV курса той же акад. Владиміромъ *Назаревскимъ*. Сочиненію предшествуетъ введеніе, въ которомъ излагается исторія науки умозрительнаго богословія, понятіе о немъ, источники и предметъ его. Содержаніе самаго сочиненія составляетъ философски-богословское изслѣдованіе слѣдующихъ предметовъ: 1) бытія Божія, 2) божественныхъ совершенствъ и 3) дѣйствій Божіихъ, или проявленія божественныхъ совершенствъ въ мірѣ видимомъ и невидимомъ. Мы не намѣрены брать на себя труда—дѣлать *подробный* критическій разборъ этого сочиненія.

Скажемъ коротко: за достоинство его весьма красноречиво говоритъ уже самый авторитетъ автора. И кто читалъ книгу „о конечныхъ причинахъ“, въ которой богословіе, философія и краснорѣчіе идутъ, такъ сказать, рука объ руку, тотъ знаетъ, какъ великъ талантъ о. Голубинскаго, на сколько крѣпокъ его умъ, обширна его ученость и какъ твердо было его православно-христіанское настроеніе. И во вновь изданныхъ лекціяхъ о. прот. Голубинскаго совмѣщено все, что только, въ его время, касательно изслѣдуемыхъ имъ предметовъ, выработано было въ западной (даже схоластической) богословской и философской литературѣ (1). Нельзя съ радостію не привѣтствовать появленіе въ свѣтъ этихъ замѣчательныхъ лекцій и не отдать должной справедливости какъ составителю, такъ и издателямъ ихъ. Онѣ изданы „московскимъ обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія“. Общество это, кромѣ того, издало, въ прошлый годъ, *Записки на книгу бытія* (нов. изд.) — преосв. митр. Филарета и, въ самый первый (1865) годъ своего основанія,—„Сборникъ разныхъ статей, съ

---

(1) Лекціи о. прот. Голубинскаго, конечно, имѣли бы еще больше литературнаго достоинства, еслибы онѣ вышли непосредственно изъ-подъ пера самаго автора ихъ. Но хорошо и то, что онѣ, благодаря ревностному слушателю о. Голубинскаго не пропали даромъ—въ неизвѣстности для публики, подобно тому, какъ и до сихъ поръ пропадаютъ богословскія лекціи преосв. Иннокентія Херсонскаго, которыя намъ, на дняхъ, приходилось видѣть въ рукописи.—Равнымъ образомъ, мы слышали отъ достовѣрныхъ людей, что тоже хранятся въ студенческихъ запискахъ очень дѣльныя лекціи по богословію слѣдующихъ лицъ: магистровъ *перваго* курса спб. дух. академіи: 1) преосв. митр. *Григорія*, часть которыхъ напечатана въ „Христ. Чтеніи“: а) „Ученіе о Богѣ, поколику Онъ есть единъ“ (1822 г. VI, 64) и б) „Ученіе о Богѣ-Отцѣ, Сынѣ Божіемъ и Св. Духѣ, или о Св. Троицѣ“ (1822 г. VI, 166, 176, 183 и 213); 2) архим. *Поликарпа* (Гойтанникова), бывшаго ректора московской дух. акад. и доктора богословія; и 3) архим. *Евтихіана* (Лестева), бывшаго ректора воронежской и вологодской семинарій.

заглавіемъ: „Чтенія въ московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“. На эту книгу наша дух. литература, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ, не обратила вниманія и не сдѣлала о ней ни одного критическаго отзыва. Между тѣмъ, въ „Сборникѣ“ помѣщены слѣдующія замѣчательныя статьи: 1) отвѣты на нѣсколько возраженій противъ православной церкви (покойнаго митрополита Филарета), 2) нѣчто о древнемъ образѣ крестнаго знаменія; 3) преподобный Діонисій, архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря (свящ. С. Поспѣлова); 4) способъ находить въ данномъ году день св. Христовой пасхи у христіанъ, какъ православныхъ, такъ и западныхъ (прот. П. С. Делицина); 5) *объ изданіяхъ для народа* (св. В. Рождественскаго). Въ послѣдней статьѣ сдѣланъ перечень (1) и весьма дѣльный критическій разборъ разныхъ книгъ и брошюръ, рекомендуемыхъ для обученія и просвѣщенія народа. Кромѣ этого, въ приложеніи къ „сборнику“ помѣщены: 6) житіе препод. Іосифа Волоколамскаго, составленное Саввою, епископомъ Крутицкимъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями (К. Невоструева). 7) житіе Іосифа Волоколамскаго, составленное неизвѣстными. Съ предисл. и примѣч. (его же), и 8) надгробное слово преподобному Іосифу, игумену Волоколамскому,— ученика и сродника его, инока Досиѳея Топоркова. Съ предислов. и примѣч. (его же).

II.

Въ жизни каждаго человѣка бываютъ дни, которые онъ, по ихъ знаменательности для него въ какомъ бы

---

(1) Перечень этотъ можно бы, съ пользою для нѣкоторыхъ читателей, перепечатать здѣсь. Къ сожалѣнію, не позволяетъ мѣсто.

то ни было отношеніи, старается выдѣлять предъ другими днями своей жизни и, въ своемъ провожденіи ихъ большею частію, высказываетъ самыя характерныя особенности своей личности. Подобные дни бываютъ въ жизни цѣлыхъ обществъ и народовъ. Жизнь гражданская и жизнь церковная имѣетъ свои особенныя воспоминанія и празднества, въ которыя она какъ бы выступаетъ изъ своей обыновенной, обыденной колеи и принимаетъ совершенно иной колоритъ, рельефно оттѣняющій въ себѣ особенности какъ народнаго сознанія, такъ и цѣлаго строя всей, вообще, народной жизни. Въ области жизни церковной къ такимъ многознаменательнымъ днямъ принадлежатъ всѣ тѣ дни, въ которые св. церковь празднуетъ особенно-важныя для нея священныя воспоминанія, или въ которые она побуждаетъ своихъ чадъ,—болѣе, чѣмъ когда-нибудь,—подумать о ихъ высокомъ христіанскомъ призваніи. Между послѣдними днями, для православныхъ христіанъ, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаютъ, недавно минувшіе нынѣ дни *великаго поста*, *страстной седмицы* и *пасхи*. Никогда и ни въ чемъ, по нашему мнѣнію, церковно-религіозное сознаніе православнаго русскаго народа не высказывается *такъ полно* и такъ *характерно*, какъ именно въ это время,—въ провожденіи этихъ важныхъ и священныхъ для него дней. Какія же особенно характерныя черты церковно-религіозной жизни нашего народа высказываются въ эти дни? Много ли отраднаго представляетъ эта жизнь, и не вызываетъ ли она какихъ-нибудь особенныхъ думъ, серьёзныхъ мыслей и истинно-христіанскихъ желаній?

Едва ли можно указать на какое-нибудь другое время церковнаго года, которое бы такъ отрезвляло умъ,

просвѣтляло чувства и упорядочивало стремленія воли въ православномъ русскомъ христіанинѣ, какъ именно великій постъ. Начнемъ съ самаго перваго дня первой его седмицы. Этотъ день можно назвать, въ извѣстномъ смыслѣ, днемъ нравственнаго кризиса въ жизни нашего простаго народа. На канунѣ этого дня, въ послѣдній день масляницы, толпы народа позволяютъ себѣ самыя шумныя увеселенія и удовольствія, часто нетолько противныя христіанской нравственности, но и выходящія изъ предѣловъ самаго простаго приличія. Съ первою же утреннею зарею, такъ называемаго, *чистаю* понедѣльника, жизнь нашего народа какъ-бы перерождается; улицы пустѣютъ; мѣста, недалѣе—какъ только на канунѣ, служившія притономъ для разгульной толпы, становятся пустынными; въ семействахъ водворяется миръ и тишина. Съ первымъ ударомъ унылаго церковнаго колокола, изъ груди православнаго русскаго христіанина, какъ будто по какому-то инстинкту, вылетаетъ глубокій благочестивый вздохъ, сопровождаемый благоговѣйнымъ крестнымъ знаменіемъ. Старики и, преимущественно, старухи спѣшатъ въ церковь—помолиться Богу и послушать, въ вечернѣ, чтенія умилительнаго великаго канона и пѣнія: „помилуй мя, Боже, помилуй мя". Тѣ и другія считаютъ своею священною обязанностію непремѣнно поговѣть въ эту первую недѣлю. Затѣмъ, хозяинъ и глава дома распредѣляетъ: въ какую недѣлю поста каждый членъ его семейства долженъ поговѣть, такъ чтобъ его семейству можно было исполнить свой христіанскій долгъ безъ ущерба дѣламъ домашняго хозяйства. Отрадно бываетъ смотрѣть на эту, такъ сказать, великопостную картину жизни нашего народа: много свѣтлыхъ сторонъ она представ-

ляетъ въ себѣ. Постъ, въ смыслѣ строгаго воздержанія отъ запрещенной церковію пищи *извѣстнаго рода*, соблюдается большинствомъ во всей его неприкосновенной святости. Нарушеніе его считается смертнымъ грѣхомъ. Многіе, такъ называемые, *отпѣтые* пьяницы, на время поста, разстаются съ своею страстію. Равно и другія дурныя наклонности и страсти нашего народа, на это священное для него время, какъ бы скрадываются и затихаютъ. Даже дѣти бросаютъ свои обыкновенныя игры и самыя невинныя забавы. Такимъ образомъ проходятъ шесть недѣль великаго поста.

Наступаетъ *страстная седмица*. Церковно-религіозное сознаніе правосл. русскаго народа становится еще живѣе и сильнѣе. Число богомольцевъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Къ великому четвергу церкви бываютъ переполнены народомъ. При чтеніи евангельскихъ страстей, часто гаснутъ свѣчи отъ духоты, вслѣдствіе множества молящихся въ храмѣ. Къ выносу св. плащаницы, спѣшатъ въ церковь всѣ, кромѣ крайне старыхъ и малыхъ. Съ чувствомъ благоговѣнія, толпы народа прикладываются къ плащаницѣ и, по усердію, одни жертвуютъ въ церковь деньги, другіе ставятъ свѣчи предъ св. плащаницею. Въ великую пятницу мирныя сельскія жилища превращаются какъ бы въ самые строгіе монастыри. Въ нихъ, почти всѣми, отъ мала до велика, соблюдается самый строгій постъ. Въ великую субботу народная жизнь начинаетъ сбрасывать съ себя покровъ того аскетизма, которымъ она была облечена въ продолженіе всего поста. Тревожныя приготовленія къ свѣтлому празднику „Воскресенія Христова“ дѣлаютъ жизнь нѣсколько разнообразнѣе. Въ самой домашней обстановкѣ народа какъ бы отражается отрадный восходъ

великаго и торжественнаго праздника. Вотъ и сумерки. Вотъ слышится и благовѣстъ большаго колокола, возвѣщающій о наступленіи времени чтенія „дѣяній апостольскихъ“.—Въ народѣ начинается оживленіе и движеніе. Въ городахъ толпы народа ходятъ изъ одной церкви въ другую, затѣмъ—чтобъ въ каждой изъ нихъ приложиться къ плащаницѣ. Въ селахъ же одни идутъ въ церковь—на ночное бдѣніе, другіе остаются дома и, съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ, ждутъ перваго удара колокола, призывающаго всѣхъ къ пасхальному торжеству.

Наконецъ, — ровно 12 часовъ ночи. При первомъ ударѣ церковнаго колокола, благоговѣйный трепетъ обнимаетъ душу православнаго христіанина. Въ этотъ моментъ какая-то таинственная и чудодѣйственная сила, глубоко западши въ его душу, радуетъ и восторгаетъ его. Лишь только онъ въ первый разъ услышитъ въ церкви слова: „*Христосъ воскресе*“, радость—какъ огонь, съ быстротою электрической искры, пролетаетъ по всей его душѣ, оживляетъ все его существо. И эта радость бываетъ всеобщая. Торжествуютъ: и богатый и бѣдный, и сынъ счастія и убитый горемъ, и хилый старецъ и, едва умѣющее лепетать, дитя. Эту радость усиливаютъ и возвышаютъ: самое пасхальное богослуженіе и торжественная обстановка въ храмѣ, какъ то: яркій свѣтъ отъ множества зазженныхъ свѣчъ и лампадъ, благоуханіе, благолѣпное украшеніе храма, блескъ свѣтлыхъ священныхъ одеждъ, торжественное пѣніе и т. п.. Въ концѣ утрени, картина становится еще величественнѣе и отраднѣе. Между христіанами, предстоящими въ церкви, начинается взаимное поздравленіе съ праздникомъ и лобызаніе съ обычнымъ пасхальнымъ

привѣтствіемъ „Христосъ воскресе“ и „воистинну воскресе“. Въ эту минуту всѣ объединяются и примирются другъ съ другомъ, во имя Воскресшаго Христа — *Примирителя*, — всѣ чувствуютъ себя братьями во Христѣ. Смотря на эту картину, невольно переносишься мыслію въ первые вѣка христіанства и, въ лицѣ предстоящихъ предъ тобою христіанъ, видишь какъ бы воскрешеніе самой первой церкви апостольской.

Религіозныя возбужденія русскаго народа не ограничиваются однимъ только первымъ днемъ пасхи, но продолжаются во всю свѣтлую седмицу, и, можно сказать, не затихаютъ даже до самой пятидесятницы. Въ селахъ и деревняхъ приходское духовенство, какъ извѣстно, въ силу утвердившагося въ правосл. Руси христіанскаго обычая, посѣщаетъ домы своихъ (и даже, по желанію, чужихъ) прихожанъ со св. иконами (1) и служитъ молебны. Народъ принимаетъ духовенство съ полнымъ уваженіемъ и св. иконы съ искреннимъ благоговѣніемъ. На встрѣчу св. иконамъ изъ деревни выходятъ цѣлые сотни народа всякаго возраста, званія и пола. День присутствія въ извѣстной деревнѣ духовенства со св. иконами считается днемъ великаго мѣстнаго торжества. Во все время слышится въ народѣ не умолкаемое пѣніе „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“. Пѣніе не умолкаетъ даже и ночью (2). По окончаніи

(1) Число св. иконъ, въ нѣкоторыхъ двукомплектныхъ причтахъ, простирается до 20 и болѣе. Для ношенія ихъ по приходу, отыскиваются особыя лица — изъ прихожанъ, которыя, — что особенно замѣчательно,—за право ношенія св. иконъ, дѣлаютъ извѣстный взносъ денегъ въ церковь и въ иныхъ мѣстахъ называются *подкрестниками*, въ другихъ—*волочебниками*.

(2) На ночь, деревенскій народъ, обыкновенно, собирается въ этомъ случаѣ въ тотъ домъ, гдѣ находятся св. иконы, и тамъ (бо́льшею частію на дворѣ) попеременно держитъ на рукахъ св. иконы, предъ ко-

молебновъ во всей деревнѣ, духовенство, со св. иконами, идетъ въ поле—на озимую рожь, и тамъ, въ присутствіи *непремѣнно всѣхъ* хозяевъ деревни, совершаетъ молебенъ празднику и водоосвященіе. Послѣ этого священникъ проходитъ со св. водою чрезъ всѣ засѣянныя нивы и кропитъ ихъ. Затѣмъ, св. иконы, въ отсутствіе духовенства, обносятся вокругъ всего поля и, потомъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ жителей этой деревни, переносятся въ слѣдующую деревню, при громогласномъ пѣніи „Христосъ воскресе". Причемъ, эта пасхальная пѣснь поется поочередно мужчинами и женщинами, и въ пѣніи тѣхъ и другихъ слышатся особые напѣвы и мотивы.

Стоитъ упомянуть также и о томъ торжествѣ, какимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сопровождается возвращеніе въ церковь св. иконъ, носимыхъ по приходу. По окончаніи молебствій во всемъ приходѣ, духовенство старается возвратиться домой раньше, чѣмъ принесутся св. иконы обратно въ церковь. — На встрѣчу послѣднимъ выходитъ множество сельскихъ жителей и соединяется съ тою толпою, которая сопровождаетъ св. иконы изъ ближайшихъ деревень. Общее пѣніе „Христосъ воскресе" сливается въ одинъ радостный гулъ; при приближеніи св. иконъ къ селу, начинается благовѣстъ и потомъ трезвонъ; священно-церковнослужители выходятъ на встрѣчу св. иконамъ въ священномъ облаченіи, съ предnесеніемъ предъ ними хоругвей и зазженныхъ свѣчъ. Встрѣтившись со св. иконами, священно-церковнослужители начинаютъ пѣть сначала „Христосъ воскресе" со стихами: „да воскреснетъ Богъ,—Яко исчезаетъ дымъ"

торыми, во всю ночь, горятъ свѣчи. Народъ поетъ при этомъ „Христосъ воскресе".

и т. п., какъ это бываетъ въ началѣ пасхальной утрени, потомъ поется пасхальный канонъ, и вся священная процессія направляется въ церковь, гдѣ совершается пасхальный молебенъ съ акаѳистомъ Іисусу.

Замѣчательно, что во многихъ деревняхъ и селахъ крестьяне, отъ пасхи до пятдесятницы, не позволяютъ себѣ пѣть *народныя пѣсни*, и въ праздники, собравшись на улицѣ, обыкновенно, поютъ только „Христосъ воскресе". Какъ во всѣхъ этихъ обычаяхъ прекрасно высказывается та набожность русскаго народа, которая составляетъ, такъ сказать, его плоть и кровь!

Но на-ряду съ этими отрадными явленіями церковно-народной жизни, къ прискорбію, стоятъ другія, идущія въ совершенный разрѣзъ съ первыми. Кому неизвѣстно, что для русскаго человѣка ничего не значитъ, напримѣръ, въ одинъ и тотъ же день и исповѣдаться, и причаститься, и, потомъ, только что пришедши изъ церкви, поссориться не съ однимъ, а съ нѣсколькими лицами. Намъ, родившимся и проведшимъ первыя лѣта своей жизни въ деревнѣ, часто приходилось встрѣчаться, такъ сказать, лицемъ къ лицу, съ цѣлыми сотнями подобнаго рода грустныхъ фактовъ.—Мы знали, напримѣръ, одного мужа, который почти каждый день билъ свою жену,—не то, чтобъ-за дѣло, или по нерасположенности къ ней, а просто—такъ-себѣ, во имя своеобразно понимаемыхъ имъ правъ мужа. — Этой любезности въ отношеніи къ своей женѣ онъ не преминулъ оказать и въ Свѣтлое Христово воскресеніе, спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ только поздравилъ ее съ праздникомъ и лобызалъ съ обычнымъ привѣтомъ.—И сколько подобныхъ грустныхъ фактовъ представляетъ современная жизнь нашего народа! Вотъ напримѣръ, предъ вами

русскій купецъ: онъ считаетъ священнымъ своимъ долгомъ побыть, предъ каждымъ праздникомъ, у всенощной, — дома зажечь предъ иконами нѣсколько лампадъ на всю ночь и на весь слѣдующій праздничный день; считаетъ смертнымъ грѣхомъ проспать раннюю обѣдню и не поставить большой свѣчи предъ праздничною иконою или поѣсть до обѣдни;—но въ тотъ же самый день, пришедши въ свой магазинъ или лавку, считаетъ непремѣннымъ и почти такимъ же священнымъ своимъ долгомъ—*обмануть перваго покупателя*. Намъ, бродившимъ, въ пору своего дѣтства, вмѣстѣ съ приходскимъ духовенствомъ, по деревнямъ, за сборомъ копѣекъ и грошей, часто приходилось быть очевидцами самыхъ печальныхъ сценъ. Крестьянинъ одною рукою молится Богу, а другою съ гнѣвомъ щиплетъ за волосы балующееся около него дитя—несмысля. — Или: сейчасъ предъ вами двое христіански-обнимались и христосовались, а чрезъ полчаса, вы видите, что эти двое уже подрались и потащились въ судъ. А вотъ и еще.....—Впрочемъ, достаточно и этихъ фактовъ для того, чтобъ убѣдиться, *какъ еще мало религіозная жизнь нашего народа проникнута духомъ христіанства.*

Всѣ вопіющія противорѣчія въ церковно-нравственной жизни нашего народа зависятъ исключительно *отъ непониманія имъ того, во что онъ вѣруетъ и зачѣмъ вѣруетъ*. Нашъ народъ привязанъ исключительно къ церковной обрядности и любитъ ее до того, что въ ней—*и только въ ней одной*—часто видитъ и полагаетъ всю *сущность* христіанства. Причина самая простая: предписанія обрядности и внѣшней церковности исполнять гораздо легче, чѣмъ усвоять внутренній духъ религіи и исполнять возвышенныя нравственныя требованія,—

особенно для людей съ лѣнивою мыслію и нравственно-неразвитыхъ. Въ силу этого, христіанская религія и христіанская церковь, со всѣми ихъ установленіями и нравственными требованіями, являются для него чѣмъ-то *совершенно-внѣшнимъ*, съ чѣмъ онъ обращается, какъ лице стороннее, съ чѣмъ онъ не имѣетъ рѣшительно никакой *внутренней и личной* связи. Всѣ свои церковно-обрядовыя дѣйствія онъ цѣнитъ не по тому *внутреннему настроенію* духа и сердца, съ которымъ онъ совершаетъ ихъ, не по той *нравственной цѣли*, къ которой должна быть направлена его дѣятельность, а просто—по одной лишь *внѣшней* ихъ формѣ и для этой формы. Отсюда вѣра и церковь не оказываетъ постояннаго благотворнаго и живительнаго своего дѣйствія какъ на сознаніе, такъ и на жизнь нашего народа. Отсюда въ религіозномъ сознаніи его какой то хаосъ и какое-то броженіе неустоявшихся религіозныхъ понятій, а самая религіозно-нравственная жизнь его представляетъ въ себѣ какую-то жалкую смѣсь *полуязычества*, *полуюдаизма* и *полухристіанства*. Церковь, положимъ, предписываетъ ему, опредѣленное время, поститься. И онъ, дѣйствительно, постится—въ томъ смыслѣ, что не вкушаетъ, въ это время, скоромной пищи; но въ ту же пору не считаетъ грѣхомъ *пресыщаться* постною пищею и вполнѣ увѣренъ, что онъ соблюдаетъ постъ и дѣлаетъ доброе дѣло. Ему внушаютъ ходить въ церковь, — и онъ идетъ въ нее, стоитъ, крестится и кланяется, но въ ту же пору, вовсе не понимаетъ, и не знаетъ, что въ эту минуту онъ долженъ находиться въ мирѣ и любви со всѣми и что молитва должна ставить его въ непосредственное личное отношеніе ко Христу Спасителю. Онъ считаетъ грѣхомъ работать въ праздникъ, но не

считаетъ грѣхомъ—позволять себѣ въ праздничный день нетрезвость, нескромность, праздность и т. п. Духа, характера и христіанскаго значенія праздничныхъ дней онъ вовсе не понимаетъ. Онъ не можетъ даже правильно и представить себѣ того, что значитъ,—послѣ шестидневной будничной работы, — въ седьмой день найти успокоеніе въ Богѣ.

Всѣ эти недостатки въ нашемъ народѣ могутъ быть искоренены только въ томъ случаѣ, когда его научатъ непрестанно обращаться отъ обрядности въ глубь собственнаго сердца,—когда христіанская религія сдѣлается доступною не для однихъ только его ушей и глазъ, а для его духа,—когда требованія евангельской истины будутъ усвоены имъ на столько, что станутъ какъ бы личными требованіями собственнаго его духа. Все зависитъ, въ этомъ случаѣ, отъ пастырей церкви.—А для того, чтобы имъ успѣшно дѣйствовать на своимъ пасомыхъ, нужно напередъ самимъ быть глубоко проникнутыми духомъ христіанства. — А это, въ свою очередь, даетъ намъ поводъ замѣтить, — какая высокая и трудная задача предстоитъ нашимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ? — Сколько добра, но сколько и зла они могутъ принести православію, смотря потому какъ онѣ воспитываютъ будущихъ пастырей?—А между тѣмъ, священникъ, поступившій на приходъ сколько съ пониманіемъ духа христіанства, столько же и съ истинною любовію къ своему призванію и долгу, не можетъ не имѣть успѣха въ своей пастырской дѣятельности. Почва сердца русскаго народа слишкомъ богата и способна къ тому, чтобы воспринять и достойно возрастить съ себѣ сѣмена истинно-христіанскаго, а не внѣшняго только благочестія.— За это ручается уже самая любовь его къ церкви и

ся обрядамъ, которымъ онъ бываетъ преданъ отъ всей души. Эта преданность къ отцовскимъ вѣрованіямъ доходитъ у него до того, что онъ за одно сугубое аллилуіа готовъ идти на смерть, за одно двуперстное знаменіе, — съ спокойнымъ и твердымъ духомъ, съ полнымъ сознаніемъ правоты своихъ религіозныхъ убѣжденій, рѣшается на самосожигательство. Нельзя строго винить его въ этомъ. Онъ такъ воспитанъ; ему внушены такія религіозныя понятія.—Уясните ему сущность религіи, приблизьте ее къ его пониманію, сродните ее съ его жизнію, — и тогда увидите, что можетъ выйти изъ русскаго православнаго народа.—Сколько бы, по истинѣ, *величественной* религіозно-нравственной силы сказалось въ немъ если бы только его внѣшней набожности,— которую сама исторія и даже сознаніе всѣхъ образованныхъ народовъ присвоили ему, какъ неотъемлемую его собственность,—если бы этой набожности отвѣчало его внутреннее дѣйствительно христіанское настроеніе?

Въ настоящую пору, дѣятельность нѣкоторыхъ архипастырей направлена къ улучшенію религіозно-нравственнаго состоянія, прежде всего, самого духовенства. Въ этомъ отношеніи, обращаютъ на себя вниманіе распоряженія 1) *саратовскаго* епархіальнаго начальства. Преосвященный *Іоанникій саратовскій*, при обозрѣніи епархіи, замѣтилъ, что „очень многіе *причетники* крайне слабо знаютъ предметы, относящіеся къ ихъ должности. О догматахъ христіанской вѣры, даже самыхъ главныхъ и существенныхъ, большая часть не имѣетъ никакого понятія; священную исторію очень многіе знаютъ такъ слабо, что не могутъ разсказать исторію храмоваго праздника, хотя бы онъ принадлежалъ къ числу двунадесятыхъ; съ уставомъ церковнымъ также

мало знакомы, такъ что и воскресную службу отправляютъ не безъ ошибокъ; поютъ нестройно, а нерѣдко и неправильно, въ особенности при перемѣнѣ гласовъ, а нѣкоторые и читаютъ по славянски плохо, нетолько безъ всякаго пониманія, но иногда не разбирая словъ, и—что особенно странно,—такъ дурно читаютъ нетолько по октоиху или минеѣ, но даже и по псалтыри, которую, казалось бы, можно знать почти наизусть", и т. д. Вслѣдствіе этого, преосв. Іоанникій считаетъ нужнымъ открыть при крестовой церкви *школу*, въ которой могли бы приготовляться къ причетнической должности желающіе занять причетническія мѣста. За преподаваніе въ школѣ не полагается никакой платы, но содержаться поступающіе въ нее должны на свой счетъ. Преподавателями будутъ: старшая братія крестовой церкви и регентъ. Объ этомъ распоряженіи предложено епарх. начальствомъ консисторіи объявить саратовскому духовенству и предъявлять его тѣмъ, которые будутъ являться въ консисторію за справками о праздныхъ причетническихъ мѣстахъ (сарат. вѣд. № 7). Не прискорбно ли, что можно пробыть цѣлые года въ нашихъ духовныхъ училищахъ, и нетолько не получить никакого понятія о самыхъ главныхъ и существенныхъ догматахъ вѣры, но даже не научиться хорошо читать псалтири? Не должны ли, послѣ этого наши училища смотрѣть на дѣло вводимаго въ нихъ преобразованія какъ можно серьезнѣе и заботиться, чтобы ученики переходили изъ одного класса въ другой не потому только, что имѣютъ удовлетворительные баллы по тѣмъ или другимъ предметамъ, а чтобы они *дѣйствительно знали все* то, что имъ преподается въ училищѣ.

2) *Подольское* епарх. начальство сдѣлало распоряженіе, „чтобы священно-церковнослужители, въ случаѣ „возникающихъ между ними споровъ и разныхъ претензій другъ къ другу, предварительно принесенія „жалобъ епарх. начальству, заявляли бы таковыя жалобы мѣстнымъ благочиннымъ, которые, въ случаѣ „невозможности миролюбиво покончить тѣ жалобы, „обязаны представлять, съ своимъ отзывомъ епархіальному начальству. Въ противномъ случаѣ, всѣ жалобы „причтовъ, мимо благочиннаго подаваемыя епарх. начальству, будутъ оставляемы безъ послѣдствій (под. „еп. вѣд. № 3). Тоже начальство, „принимая участіе „въ бѣдствіяхъ жителей“ сѣверныхъ губерній Имперіи, „страдающихъ отъ голода, предложило консисторіи— „пригласить духовенство подольской епархіи, какъ городское, такъ и сельское, равно семинарское и училищныя правленія—къ пожертвованіямъ въ пользу „бѣдствующихъ. Съ своей стороны, преосв. подольскій „*Леонтій* пожертвовалъ 25 р. (№ 4). Кстати, замѣтимъ, что теперь общая сумма пожертвованій простирается до милліона рублей“.

3) *Самарское* епарх. начальство обращаетъ все свое вниманіе на устройство приходскихъ школъ. Примѣрная забота его объ этомъ дѣлѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не остается безъ благихъ послѣдствій.

Любовь къ грамотности и знанію, благодаря Богу, съ каждымъ днемъ пробуждается въ русскомъ народѣ. Духовенству стоитъ только не усыплять этихъ благородныхъ порывовъ въ душѣ нашего простаго народа, а, всѣми мѣрами, поддерживать въ немъ жажду къ образованію и, по мѣрѣ возможности, удовлетворять ей. Знаемъ, что это стоитъ духовенству самыхъ тяжелыхъ

трудовъ, самоотверженной борьбы съ разными нуждами и препятствіями: но оно, въ своемъ апостольскомъ призваніи—„*учить*“, должно быть выше всѣхъ обстоятельствъ. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, на дѣло народнаго образованія, обращено, со стороны духовенства очень серьёзное вниманіе. Кромѣ обыкновенныхъ приходскихъ школъ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ заведены еще *воскресныя приходскія школы*. Объ нихъ мы упоминали въ своемъ мартовскомъ „обозрѣніи“. Не можемъ и теперь не сказать нѣсколько словъ объ этомъ отрадномъ явленіи. Предъ всѣми другими епархіями, въ этомъ отношеніи, заслуживаетъ особеннаго вниманія и *подражанія самарская*, въ которой, въ одномъ только г. Самарѣ имѣется, *шесть* воскресныхъ школъ, именно: 1) *Петропавловская*, въ которой (12 ноября было) 12 дѣвочекъ и 25 мальчиковъ: 2) *Покровская*, въ которой—отъ 20 до 30 учащихся; 3) *Успенская*, въ которой на первомъ урокѣ было 24 ученика; 4) *Воскресенская*, которую постоянно посѣщали 20 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ, 3) *Троицкая*, въ которой постоянно учатся 16 мальчиковъ и 25 дѣвочекъ и 6) *воскресная школа при семинаріи*, открытая для мальчиковъ 30 окт. 1866 г. Съ 8-го же янв. 1867 г., при самар. семин. съ благословенія преосв. *Герасима*, открыта *женская* воскр. школа въ особой классной комнатѣ. По распоряженію самар. преосвященнаго, для занятія съ приходящими дѣвочками въ воскр. школѣ, назначены 6 воспитанницъ старшаго курса изъ тамошняго училища дѣвицъ духов. зв.—Въ началѣ открытія этой воскр. школы, было 18 мальчиковъ и 4 дѣвочки; потомъ число тѣхъ и другихъ возрастало все болѣе и болѣе. Самъ преосв. Герасимъ, благословившій сначалѣ занятіе въ

воскр. школѣ, не переставалъ посѣщать школу и въ другое время года и раздавалъ успѣшнымъ дѣтямъ св. иконы Кирилла и Меѳодія и нѣсколько книгъ житія этихъ равноапостольныхъ просвѣтителей славянъ. Вниманіе архипастыря произвело въ дѣтяхъ, при свойственной имъ любви къ подаркамъ, большой восторгъ (сам. еп. вѣд. № 4). Въ той же Самар. еп., въ г. Бузулукѣ, по распоряженію епархіальн. нач., открыта, при Свято-троицкомъ соборѣ, воскресная школа не для дѣтей только, а и для взрослыхъ, и имѣетъ единственною своею цѣлію—религіозно — нравственное образованіе прихожанъ. Занятія въ этой школѣ состоятъ въ слѣд. 1) священниками собора, поочередно, преподается ученіе церкви *историческое*, т. е. избираются общедоступные разсказы изъ повѣствовательныхъ книгъ ветхозавѣтныхъ, изъ дѣяній апостольскихъ, изъ жизнеописаній святыхъ и проч., 2) ученіе *догматическое*, о святой, правосл. вѣрѣ христіанской, а также объясняются общеупотребительныя молитвы, пѣснопѣнія, обряды церковные и 3) ученіе *нравственное* или уроки о томъ, какъ должны жить христіане, что должны дѣлать и чего не дѣлать; причемъ указывается на тѣ недостатки, которые замѣчаются между самыми прихожанами и предлагаются убѣжденія — удаляться ихъ. Время занятія назначено между утренею и литургію, *неопустительно въ каждый воскресный день*. Открытіе этой школы встрѣчено и принято, со стороны гражданъ, съ полнымъ сочувствіемъ. Дружною толпою, отъ мала до велика, цѣлыми сотнями окружаютъ они своего пастыря, съ видимою любовію и удовольствіемъ внимая на досугѣ простому, живому и назидательному слову Божію. „Безъ всякихъ особенныхъ убѣжденій, говоритъ

мѣстный свящ. Крыловъ, русскій человѣкъ сразу понялъ всю насущную пользу воскр. школъ для себя и для своихъ дѣтей, и потому спѣшитъ въ нихъ, чтобы тамъ назидаться и умудряться во спасеніе свое (Сам. еп. вѣд. № 6). Отъ души желательно, чтобы подобныхъ воскр. школъ открывалось какъ можно больше. О громадной пользѣ и значеніи ихъ для религіозно-нравственнаго воспитанія народа странно было бы и говорить здѣсь. Они слишкомъ очевидны для того, чтобы доказывать ихъ. Не лишнимъ только считаемъ рекомендовать тѣмъ изъ своихъ читателей, которые особенно заинтересованы этимъ дѣломъ, обратить вниманіе на весьма полезныя въ этомъ отношеніи статьи г. Зайцева „о воскресныхъ школахъ во Франціи", напечатанныя въ Христ. Чт. за прошлый годъ. Теперь же не можемъ не сказать о той высокой нравственной пользѣ, какую приносятъ воскресныя благочестивыя собранія у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ колонистовъ въ южной Россіи, извѣстныхъ подъ именемъ *штундистовъ* (¹).

Свѣдѣнія о штундистахъ были помѣщены сначала въ „Одесскомъ вѣстникѣ" и, потомъ, перепечатаны въ „Голосѣ". Первая редакція этихъ свѣдѣній, перепечатанныхъ въ 71 № „Голоса", оказалась невѣрною. Тамъ штундисты назывались сектантами и раскольниками. Мѣстный реформатскій пасторъ *Бонекимеръ*, въ своей статьѣ, напечатанной въ томъ же Одесскомъ вѣстникѣ и, потомъ, перепечатанной въ 86 № „Голоса", опровергаетъ первыя свѣдѣнія о штундистахъ. Братство „*штунде*", по словамъ пастора, началось не между рус-

(¹) Такое названіе они получили отъ нѣмецкаго слова „Stunde" (штунде), что значитъ: „часъ", потому что члены братства „Штунде" дѣлали свои собранія *въ опредѣленные часы*.

самими нѣмцами, а—въ Германіи и, по своему началу, восходитъ къ Шпенеру, (родившемуся около полов. XVII и умершему въ самомъ началѣ XVIII стол. (1). Сколько можно судить по этой статьѣ пастора Бонекимера, братство „штундистовъ" не составляетъ собою никакой религіозной секты, не заключаетъ въ себѣ ровно ничего политическаго, экономическаго и секретнаго, и по своему религіозно-практическому направленію близко подходитъ къ духу и характеру піэтизма Шпенера. Сущность его состоитъ въ одномъ только искреннемъ желаніи *установить личную, сознательную, живую и непрерывную связь съ Божественнымъ Искупителемъ рода человѣческаго*". Это—христіане обоего пола, которые болѣе и болѣе проникаются христіанскою жизнію. „Наши штундисты,—говоритъ пасторъ, всегда были „усерднѣйшими молельщиками въ общемъ богослуженіи; „сверхъ того, они собираются на часы (Stunde) въ „приходскомъ домѣ, или чаще ради удобства, въ двухъ „частныхъ домахъ. Я самъ слѣжу за ними и, на досу„гѣ, посѣщаю ихъ собранія. Тогда частный домъ ста„новится импровизированною часовнею (Stundhans). Я „говорю не проповѣдь, а краткую душеспасительную

(1) Филиппъ-Яковъ Шпенеръ былъ родоначальникомъ такъ называемаго *піэтизма*, стремившагося *къ практическому истинно-христіанскому благочестію* и оказавшаго незабвенныя услуги въ исторіи христіанскаго воспитанія и христіанской нравственности. Піэтизмъ, такъ сказать, пересоздалъ весь строй нравственной жизни протестантовъ, и у насъ вовсе несправедливо съ именемъ піэтизма соединяютъ понятіе о ханжествѣ, религіозномъ мечтательствѣ и т. п. Ничего подобнаго не представлялъ въ себѣ піэтизмъ Шпенера. Напротивъ, онъ проводилъ самый вѣрный взглядъ на сущность христіанства, какъ на такую божественную силу, которая должна проникать собою всю жизнь христіанина,—возвышать и облагороживать ее. — Современемъ, мы надѣемся сообщить своимъ читателямъ болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія „о піэтизмѣ и его историческомъ значеніи".

„бесѣду, изъясняю отрывки св. писанія, сообразуясь „со степенью развитія моихъ слушателей, и примѣняю „опытно слово Божіе къ потребностямъ жизни. За симъ, „братія назидаются пѣснопѣніями, величающими Спасителя, и всѣ расходятся чинно по домамъ. Это дѣлается по воскресеньямъ, послѣ обѣда и вечеромъ, въ „то самое время, когда братство другаго рода, въ моемъ же приходѣ, *убиваетъ дорогое время* въ шумныхъ „вакханаліяхъ. Посѣтители штунде, во всѣхъ отношеніяхъ наши *первые* (т. е. домовитые и богатые) „хозяева; они болѣе другихъ чистосердечны, просвѣщонны, щедры, скромны, добродѣтельны и зажиточны." Нельзя не отдать полной справедливости этому доброму дѣлу иноисповѣдныхъ намъ христіанъ. Нельзя не пожелать, чтобы и наши духовные пастыри пріохочивали своихъ прихожанъ къ воскр. школамъ. Сколько пользы и добра могло бы сдѣлать чрезъ это наше духовенство не въ селахъ только, но и въ городахъ и столицахъ. Не хочется вѣрить, чтобы нашъ народъ согласился скорѣе праздничное время убивать попусту,—въ праздности и разсѣянности, чѣмъ слушать живую рѣчь своихъ пастырей и усвоять изъясненіе необходимыхъ для всякаго христіанина религіозно-практическихъ истинъ. Отрадный примѣръ этому—упомянутая нами школа въ Вузулукѣ.

Кромѣ духовенства въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія народа принимаютъ участіе и церковно-приходскія попечительства. Такъ *Радынское* попечительство (*Смол.* еп.) еще въ 1865 г., въ видахъ возвышенія нравственности въ приходѣ, постановило: „подвергать небольшому денежному штрафу тѣхъ изъ радынскихъ прихожанъ, которые будутъ замѣчаемы въ не-

хожденія, безъ уважительныхъ причинъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ церковь, а также—въ пьянствѣ и т. п. Цѣль этого постановленія достигается: „посѣщающихъ храмъ Божій видимо стало болѣе, а безобразій замѣчается менѣе, *и два изъ шести питейныхъ заведеній* въ приходѣ прекратили свои торговыя операціи (смол. еп. вѣд. 1867, № 2). Далѣе, священникъ *Церковщинскаго* прихода (*полтав. еп.*) „предложилъ мѣстному прих. попечительству позаботиться объ отмѣненіи ночныхъ сборищъ молодежи,—въ особенности предъ праздниками. Приход. попечительство единодушно приняло предложеніе своего пастыря и съ нарушителей благочинія положило взыскивать денежный штрафъ отъ 10 к. до 1 руб., смотря по мѣрѣ виновности. Тоже попечительство положило: „лицъ, уличенныхъ въ воровствѣ—штрафовать сообразно съ стоимостію украденной ими вещи. Если хозяинъ вещи не отыщется, послѣ трехкратнаго объявленія о ней, то ее—продавать въ пользу попечительства, и деньги, вырученныя отъ продажи, записывать на приходъ въ особую шнуровую книгу, скрѣпленную благочиннымъ". Полтав. епарх. начальство утвердило означ. постановл. приход. попечительства, отмѣнивъ штрафъ съ виновныхъ въ посѣщеніи „сборищъ", предоставивъ самимъ родителямъ—увѣщевать своихъ дѣтей. Кромѣ того, въ полтав. еп., попечительства заботятся объ усиленіи средствъ для народнаго образованія и о матеріальномъ обезпеченіи приходскаго духовенства. Такъ, прихожане „*Большихъ Кринокъ*" общественнымъ приговоромъ положили: открыть въ своемъ селѣ приходское училище и на содержаніе его предоставить слѣд. средства: 1) доходъ съ мѣстнаго шинка; 2) каждый вѣнчающійся

въ годовое или мѣсячное услуженіе, обязанъ платить, въ пользу учил., 20 к.; 3) плата съ каждой десятины земли по 10 к. крестьянами-собственниками. Попечительство *Антоновское* (тойже еп.) обязало всѣхъ прихожанъ: а) позаботиться безотлагательно приготовленіемъ матеріала для постройки домовъ для причта; б) дать своему причту отопленіе; в) обезпечить свою приходскую школу помѣщеніемъ, отопленіемъ, служителемъ, книгами и др. учебными принадлежностями. Прихожане покров. ц. села Антоновки *Пирятинск.* уѣзда, общимъ приговоромъ положили: назначить для приходскихъ священниковъ, діакона и пономаря хлѣбную ругу, въ количествѣ 91 четверти пяти мѣръ и двухъ гарнцевъ ржи—на всѣхъ въ годъ". (полт. еп. в. № 5).

Харьковское духовенство на своихъ съѣздахъ, бывшихъ въ самомъ Харьковѣ 15, 16, 17 и 18 янв., рѣшило: 1) открыть эмеритальную кассу для духовенства; для чего составленъ и одобренъ проэктъ устава; 2) дать постоянное жалованье благочиннымъ изъ общецерковныхъ доходовъ, опредѣливъ его *minimum* 150 р. въ годъ, но предоставить право мѣстнымъ благочинническимъ съѣздамъ увеличивать эту цифру, соображаясь съ мѣстными средствами; 3) на усиленіе средствъ содержанія канцелярскихъ чиновниковъ консисторіи—учредить опредѣленныя пошлины: за награды, выдаваемыя духовенству, за выдачу билетовъ бѣлому и черному духовенству въ чужія епархіи, взимать съ каждаго печатнаго бланка для метрич. и исповѣдныхъ книгъ по 4 к., при полученіи этихъ бланокъ изъ консисторіи, и по 3 к. за каждый бланкъ для приходо-расходныхъ и обыскныхъ книгъ; 4) выражено желаніе (и одобрено епарх. начальствомъ) о введеніи выборнаго начала по окном.

къ присутствующимъ членамъ консисторіи и о назначеніи имъ постояннаго жалованья изъ средствъ свѣчнаго завода“.—Духовенство 1 округа *Саратов. у.* на бывшемъ 8 февр. съѣздѣ постановило: „завести духовенству шнуровыя тетради за скрѣпой благочиннаго, для записыванія времени совершенія литургіи, съ показаніемъ: съ правиломъ служилъ діаконъ, или безъ онаго; всѣ ли члены причта были какъ за литургіею, такъ и при прочихъ священнослуженіяхъ и требоисправленіяхъ, и если кто изъ нихъ опускаетъ оныя безъ уважительной причины, то не давать отсутствовавшему той части доходовъ, которая причиталась бы за совершенныя, въ его отсутствіе, требы. Постановленіе это утверждено епарх. начальствомъ“.

Въ 87 № „Голоса“ помѣщена слѣд. корресподенція изъ *Костромы*: „земство костромскаго у., въ 1866 го„ду ассигновало для пособія народнымъ школамъ 1,500 „руб.... Но изъ этой суммы сдѣлано пособія, согласно „распоряж. училищн. совѣта, только 100 р., а въ 1867 „году даже и этого не требовалось...—Уѣздная управа... „приглашала сельскихъ священниковъ, при участіи, въ „матеріальномъ отн., земства, открыть приходскія шко„лы...—*Но отвѣта ни отъ одного священника не полу„чено до сихъ поръ*“. При общихъ заботахъ о народномъ образованіи, апатія къ этому дѣлу, со стороны костромскаго духовенства, кажется намъ необъяснимою и невѣроятною. Мы не вѣримъ, чтобы эта апатія была на самомъ дѣлѣ и зависѣла отъ самого костр. духовенства. Желательно, чтобъ этотъ фактъ и это недоразумѣніе *уяснились*.

Въ благодарность Промыслу Божію за спасеніе, 4 апрѣля 1866 г., драгоцѣнной жизни Государя Импера-

тора, по ходатайству с. к. бурскаго купеч. сына Е. М. Русинова и 2 гильдіи купцовъ: И. П. Павлова и Н. И. Иванова, послѣдовало Высочайшее соизволеніе— учредить въ Санктпетербургѣ безплатную для дѣтей бѣдныхъ ремесленниковъ мужскаго пола школу, подъ названіемъ „Комисарова-Костромскаго", съ принятіемъ ея подъ покровительство Государя Наслѣдника Цесаревича, по изъявленному на то Его Высочествомъ согласію (Голосъ № 93).

П. Н—въ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

От канцеляріи академіи о пожертвованіяхъ на сооруженіе надгробнаго памятника и бюста В. Н. Карпову.

На сооруженіе надгробнаго памятника и бюста профессору В. И. Карпову, съ 29 февраля по 19 апрѣля поступили пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ:

Отъ *А. И. Поповицкаго* — 3 р., отъ бакк. Кіевской д. академіи *Зайцева*—3., отъ ректора Ярославской семинаріи архим. *Іустина*—10 р., отъ инспектора Казанской д. академіи архимандр. *Владиміра*—10 р., отъ наставниковъ Казанской академіи: баккал. *Н. Ивановскаго*—5 р., баккал. *А. Некрасова*—5 р., препод. *А. Волкова*—5 р., бакк. *Н. Рождественскаго*—3 р., препод. *В. Миротворцева*—3 р., преп. *Іеромонаха Тихона*—3 р., э. проф. *А. Гренкова*—1 р., проф. *Н. Соколова*—5 р., отъ окончившаго курсъ студ. С.-п. акад. *Н. Вележева*—1 р., отъ прот. *Н. Горизонтова*—10 р., отъ высокопреосвящённаго *Іоанникія Архіеп. Варшавскаго*—25 р., отъ свящ. *Н. Брянцева*—2 р., отъ высокопреосв. *Платона Архіеп. Донскаго*—25 р., отъ смотр. Задонскаго д. училища арх. *Никодима* — 3 р., отъ студ. Московской д. акад. *В. Благовѣщенскаго*—1 р., отъ *Любви А. Бѣлюзго*-

вой—8 р. 50 к., отъ *наставниковъ Полоцкой семинаріи*—11 р.

Всего съ 29 февраля по 19 апрѣля поступило *сто сорокъ два руб. пятьдесятъ коп.*, а съ прежде пожертвованными 992 р. 70 к. *одна тысяча сто тридцать пять руб. двадцать коп.*

Пожертвованія продолжаютъ приниматься въ канцеляріи С.-Петербургской дух. академіи секретаремъ экстр. проф. А. Предтеченскимъ—ежедневно съ 8 до 12 часовъ утра. Они вносятся въ особую книгу, и своевременно будетъ опубликованъ отчетъ о количествѣ ихъ, о лицахъ, сдѣлавшихъ оныя и объ употребленіи—подробный въ „Христ. Чтен.“ и въ „Современномъ Листкѣ“, и краткій—въ „Странникѣ“.

Всѣ жертвователи получатъ по экземпляру фотографическихъ карточекъ В. Н. Карпова и по экземпляру книжки, посвященной „Памяти его“. Въ случаѣ значительнаго числа пожертвованій предполагается купить у наслѣдниковъ покойнаго его богатую философскую библіотеку, которая въ академическомъ книгохранилищѣ сохранитъ названіе „Карповской“. Въ канцеляріи желающіе могутъ получить хорошій *литографированный портретъ* Василія Николаевича; цѣна безъ пересылки 1 р., съ пересылкою въ папкѣ 1 р. 50 коп.

Секретарь э. о. проф. *Андрей Предтеченскій.*

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ"

въ 1868 — 69 году.

Журналъ «Воскресное чтеніе», издаваемый при Кіевской духовной академіи, будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ своемъ (XXXII) году, который начинается днемъ св. Пасхи.

Оставаясь вѣрною общей, принятой отъ самаго основанія журнала, задачѣ—содѣйствовать христіанско-нравственному образованію общества, по духу православной церкви, редакція въ слѣдующемъ

году намѣрена обратить особое вниманіе на тѣ частныя задачи этого изданія, которыя усвоены имъ въ послѣдніе годы, поставивъ ихъ при томъ нѣсколько шире, а вмѣстѣ и тверже. Эти задачи состоятъ въ приспособленіи журнала къ современнымъ потребностямъ народно-пастырскаго учительства и христіанско-народнаго образованія. Но народно-пастырское учительство тогда только имѣетъ надлежащій объемъ и оказываетъ должную духовно-просвѣтительную и созидательную силу, когда понимается въ смыслѣ не одного проповѣдничества съ церковной кафедры, но и постояннаго живаго руководства пасомыхъ въ духѣ православной истины во всѣхъ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе къ ихъ духовному благу. Съ другой стороны христіанско-народное образованіе тогда только всесторонне-благотворно, когда подъ нимъ разумѣется не одно обученіе закону Божію, но вообще обогащеніе учащихся, дѣтей ли то, или и взрослыхъ, доступными и особенно полезными имъ свѣдѣніями, и правильное общее развитіе ихъ ума, сердца и характера,—то и другое въ тѣсной живой связи съ закономъ Божіимъ, служащимъ краеугольнымъ камнемъ истиннаго образованія на всѣхъ его ступеняхъ. Наконецъ, какъ вообще, такъ и въ отношеніи къ пастырскому учительству и къ образованію, народъ въ смыслѣ низшихъ классовъ общества не долженъ быть слишкомъ рѣзко отличаемъ отъ другихъ классовъ: тѣ и другіе находятся въ живомъ соприкосновеніи и взаимодѣйствіи между собою, въ особенности въ нашемъ отечествѣ, вслѣдствіе благотворныхъ преобразованій послѣдняго времени; и потому изданіе, имѣющее въ виду духовную пользу ближайшимъ образомъ однихъ классовъ общества, не только безъ ущерба для этой задачи, но напротивъ ради лучшаго выполненія ея, можетъ служить на пользу и другихъ классовъ въ дѣлѣ христіанско-нравственнаго образованія.

Въ составъ журнала, въ этихъ видахъ, будутъ входить статьи трехъ родовъ:

1) Собственно духовно-назидательныя, относящіяся къ вѣроученію, богослуженію и управленію православной церкви, — въ формѣ поученій, размышленій, разговоровъ, писемъ, описаній и разсказовъ изъ жизни частныхъ лицъ. Сюда будутъ относиться, между прочимъ, небольшія извлеченія изъ Св. Писанія, отеческихъ

писаній и богослужебныхъ книгъ съ краткими поясненіями. Сюда же будетъ относиться рядъ педагогическихъ совѣтовъ для родителей и воспитателей по руководству Св. Писанія.

2) **Статьи историческаго содержанія.** Очерки изъ исторіи церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной. Очерки событій и предметовъ изъ исторіи гражданской, общей и отечественной, въ особенности такихъ, которые находятся въ связи съ событіями исторіи церкви. Черты нравственнаго характера, въ частности любви къ родинѣ, изъ жизни разныхъ историческихъ лицъ. Замѣчательныя изреченія ихъ.

3) **Современныя замѣтки.** Мысли по поводу разнаго рода замѣчательныхъ явленій въ жизни общественной, въ особенности церковной, какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и у заграничныхъ единовѣрцевъ нашихъ, а частію и иновѣрцевъ; также по поводу возбуждающихъ въ данное время особое вниманіе замѣчательныхъ явленій природы. Описанія разныхъ благотворительныхъ учрежденій и школъ. Описанія замѣчательныхъ произведеній современнаго религіознаго искусства. Краткіе отзывы о замѣчательныхъ произведеніяхъ литературы, въ частности указаніе книгъ, полезныхъ для церковно-приходскихъ библіотекъ и для школъ. Сюда же будутъ относиться замѣтки практическаго характера по вопросамъ о преподаваніи разныхъ предметовъ и о воспитаніи дома и въ школѣ; замѣтки гигіеническія; — объ общеполезныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ.

Статьи каждаго изъ этихъ отдѣловъ (на которые, впрочемъ, онѣ будутъ дѣлиться не въ каждомъ №), будучи писаны языкомъ по возможности общедоступнымъ и касаясь вопросовъ, имѣющихъ живое значеніе, могутъ частію представлять матеріалъ для пастырскихъ бесѣдъ церковныхъ и домашнихъ, частію избираться въ разныхъ школахъ, воскресныхъ и ежедневныхъ для такъ называемаго объяснительнаго чтенія; съ другой стороны могутъ вообще служить для чтенія въ кругу семейномъ и въ добрыхъ христіанскихъ собраніяхъ, какія по мѣстамъ бываютъ, въ особенности въ воскресные и праздничные дни, не въ однихъ низшихъ классахъ общества.

Такова по крайней мѣрѣ будетъ цѣль усилій редакціи, сознающей ея трудность, но въ тоже время полагающей, что, при це-

мощи Божіей, не безполезны могутъ быть самыя попытки къ достиженію ея.

Редакція будетъ принимать съ благодарностію и вознагражденіемъ согласныя съ цѣлію изданія статьи, присылаемыя для напечатанія, и сверхъ того съ готовностію будетъ отвѣчать на обращаемые къ ней вопросы, стоящіе въ связи съ тою же цѣлію (напр. по отношенію къ разнымъ предметамъ вѣры и церковной практики, по дѣлу воспитанія домашняго и въ разныхъ школахъ, о книгахъ или статьяхъ по какому-либо предмету и т. п.)

Журналъ будетъ выходить по прежнему еженедѣльно съ праздника св. Пасхи, нумерами въ печатный листъ и болѣе. Цѣна за годовое изданіе «**Воскреснаго Чтенія**» безъ пересылки и доставки **3 руб.**, съ пересылкою во всѣ города и доставкою на домъ въ Кіевѣ **4 руб.** Та же цѣна этого журнала за XXIX (1865—66), XXX (66—67) и XXXI (67—68) г.

Подписка принимается преимущественно въ редакціи журнала при Кіевской духовной академіи, а также въ Москвѣ у книгопродавца А. Н. Ферапонтова, въ С.-Петербургѣ у С. И. Литова.

Изъ той же редакціи можно выписывать:

I. Экземпляры «**Воскреснаго Чтенія**» за первыя 28 лѣтъ существованія журнала. Имѣются въ продажѣ слѣдующіе годы: I (1837 — 38), II (38 — 39), IV (40 — 41), V (41 — 42), VI (42 — 43), VII (43 — 44), IX (45 — 46), X (46 — 47), XI (47 — 48), XII (48 — 49), XIV (50 — 51), XV (51 — 52), XVI (52 — 53), XVII (53 — 54), XVIII (54 — 55), XIX (55 — 56), XX (56 — 57), XXI (57 — 58), XXII (58 — 59), XXIII (59 — 60), XXIV (60 — 61), XXV (61— 62), XXVI (62 — 63), XXVII (63 — 64), XXVIII (64 — 65). Цѣна за экземпляръ каждаго года съ пересылкою **2 руб.** Выписывающіе единовременно не менѣе 10 экземпляровъ «**Воскреснаго Чтенія**» прежнихъ годовъ платятъ только по **1 р. 50 коп.** за экземпляръ и получаютъ безплатно указатель къ 25 годамъ «**Воскреснаго Чтенія**». Цѣна указателю отдѣльно **50 коп.**

II. «**Труды Кіевской духовной академіи**» (ежемѣсячное изданіе, 12 книжекъ въ годъ) за 1868 годъ. Цѣна **6 руб.** съ пере-

сылкою. Та же цѣна за 1867 г. А имѣющіеся еще въ редакціи экземпляры прежнихъ 1860 — 1866 годовъ уступаются по 3 руб. за каждый годъ.

III. Слѣдующія книги съ пересылкою: 1) Историч. книги свящ. писанія Ветхаго завѣта въ переводѣ съ еврейскаго на русскій языкъ. М. Гуляева. Ц. 2 руб.—2) Творенія св. Кипріана съ біографіею его. Два тома. Ц. 3 руб.—3) Творенія блаж. Іеронима съ біографіею его. Два тома. Ц. 3 руб. 50 коп. — 4) Жизнь и творенія блаж. Августина. Ц. 50 коп.—5) Бесѣды объ отношеніи церкви къ христіанамъ. Я. К. Амфитеатрова. Новое изданіе дополненное. Ц. 1 руб. — 6) Бесѣды сельск. свящ. къ прихожанамъ (66 бесѣдъ) Ц. 1 руб. 50 коп. — 7) Бесѣды сельск. свящ. къ прихожанамъ (25 бесѣдъ) Ц. 50 коп. — 8) Собраніе поученій на дни воскр., праздничн. и св. четыредесятницы, изд. 3-е, Томъ II, Ц. 1 руб. 50 коп.—9) Кіевъ съ древнѣйшимъ училищемъ, Академіею. В. Аскоченскаго. Два тома. Ц. 3 руб.—10) Изслѣдованіе о Библейской хронологіи. Ц. 60 коп. — 11) Михаилъ Керулларій, патр. Константинопольскій. Ц. 40 коп.—12) Историческое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ. Ц. 60 коп.—13) Московскіе еретики при Петрѣ І-мъ. Ц. 60 коп. — 14) О придорожныхъ крестахъ Ц. 50 коп.—15) Дидактическіе совѣты учителямъ народныхъ училищъ (очеркъ общей дидактики). Ц. 25 коп.—16) Беконъ Веруламскій. Соч. Куно-Фишера, изданное въ русскомъ изложеніи Ф. Терновскимъ. (Съ портретомъ Бекона). Ц. 50 коп.—17) Религіозная монументальность (историко-литургическое изслѣдованіе объ устройствѣ и значеніи храмовъ) Ц. 75 коп. — 18) Земная жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Перев. съ нѣмец. Х. Орды. Ц. 1 руб. 50 коп.—19) «На общую потребу». Сборникъ общепонятныхъ статей изъ Русскаго Православнаго Календаря, относящихся къ св. вѣрѣ и быту гражданскому и домашнему. Съ портретами, рисунками и картою Россіи. 360 стран. Кіевъ, 1868 г. Ц. съ перес. 40 коп.—20) Въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ «Руководство къ начальному обученію (для учителей народныхъ школъ), составленное примѣнительно къ программѣ Педагогики, принятой въ дух. семинаріяхъ.

ПЕРВЫЙ ВѢКЪ ХРИСТІАНСТВА

ВЪ ПИСАНІЯХЪ МУЖЕЙ АПОСТОЛЬСКИХЪ.

(Окончаніе).

IV.

Зрѣлище языческаго міра въ эпоху, когда евангельское ученіе предприняло обновленіе человѣческаго рода, возбуждаетъ обыкновенно два чувства, совершенно противоположныя. Если, съ одной стороны видятъ совершенно готовые пути для пришествія христіанской религіи и если ея торжество кажется совершенно естественнымъ и необходимымъ, то съ другой открываютъ въ состояніи древняго міра, также какъ въ свойствѣ евангельскаго ученія такія препятствія ко введенію христіанства, которыя могло бы побѣдить одно только могущество Божіе. Очень многіе убѣждены, что изъ этихъ двухъ чувствъ одно первое оправдывается исторіей и разумомъ и, что положеніе языческаго общества представляетъ совершенно естественное и достаточное объясненіе быстрыхъ и чудесныхъ успѣховъ христіанства. По ихъ понятію ученіе Іисуса Христа должно было безъ сопротивленія проникнуть въ умы и

сердца людей, потому что все было подготовлено къ радикальной перемѣнѣ религіи. Мы согласны, что это мнѣніе можетъ увлечь съ перваго взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, какое время могло быть благопріятнѣе того, о которомъ мы говоримъ, для распространенія ученія, имѣвшаго цѣлью поднять павшее человѣчество, сообщая ему вѣру въ лучшее будущее и въ болѣе чистую судьбу? Пресыщенный заблужденіями и испорченностію языческій міръ изнемогалъ. Не имѣя довѣрія къ божеству, которое онъ могъ бы призывать и благословлять, лишенный всякихъ надеждъ, которыя его поддерживали до тѣхъ поръ, потому что, говоря словами Цицерона, ужъ не было старой бабы, которая бы вѣрила въ басню о тартарѣ и въ радости елисейскихъ полей, — онъ былъ равно безучастенъ и къ тягостямъ жизни и къ ужасамъ смерти. Напрасно испытывалъ онъ всѣ культы и вдавался во всѣ суевѣрія: тайна судебъ человѣческихъ ускользала отъ него безпрестанно, а между тѣмъ онъ мучился безпокойнымъ желаніемъ узнать ее. Такъ какъ онъ не имѣлъ ни боговъ, ни жрецовъ, которые могли бы научить его, то онъ обратился къ астрологамъ, къ магамъ, къ снотолкователямъ:—напрасная надежда обмануть стремленія, которыя могли найти успокоеніе только въ нѣдрѣ истины. Уже съ давняго времени философы пытались остановить постоянно возрастающее разложеніе общества, среди котораго они жили и желаніе уврачевать его не дѣлаетъ имъ безчестія; но къ чему же привели ихъ усилія, если не къ тому, чтобы обнаружить ничтожество ихъ системъ и ихъ предпріятій. Такимъ образомъ, оставленный какъ больной, въ безнадежномъ состояніи, древній міръ истощался въ безплодныхъ волненіяхъ и съ каждымъ днемъ погружался

въ несчастіе и порчу безпримѣрные. Лучшіе умы были не въ лучшемъ положеніи, какъ и толпа. Не одно сочиненіе этого времени открываетъ намъ ужасное безпокойство, которое овладѣло всѣмъ тѣмъ, что міръ еще заключалъ въ себѣ благороднаго. Особенно поразительное изображеніе этого мы находимъ въ сочиненіи, извѣстномъ подъ именемъ *Клементинъ*, которое появилось на востокѣ въ послѣднихъ годахъ втораго вѣка. Это твореніе или лучше это собраніе сочиненій, редакціи которыхъ, очевидно, нельзя приписать святому Клименту, наполнено драгоцѣнными указаніями о лицѣ этого апостольскаго отца, также какъ и о движеніи умовъ въ первомъ вѣкѣ. Мы не можемъ отказаться, чтобы не привести нѣкоторыхъ строкъ изъ *признанія*, которымъ открывается первая книга Клементинъ. Это признаніе влагается въ уста Климента и заключаетъ высокое наставленіе. „Я Климентъ, рожденный въ Римѣ, съ молодыхъ лѣтъ старался сохранитъ свое сердце чистымъ, направляя умъ мой къ вопросамъ, кототорые наполняли его заботою и печалью, потому что одна идея, не знаю откуда происходящая, заставляла меня часто задумываться о моемъ смертельномъ положеніи и я говорилъ самому себѣ: будетъ ли жизнь послѣ этой смерти или я буду поверженъ въ ничтожество. Вотъ мысли, которыя меня безпокоили такъ, что печаль изсушила мою душу. Во мнѣ было одно чувство, которое не давало мнѣ покою: это было желаніе безсмертія: находясь въ этомъ колебаніи я обратился къ философскимъ школамъ, чтобы тамъ научиться чему нибудь, но я встрѣтилъ тамъ только одну смѣсь утвержденій, отрицаній, безконечныхъ споровъ, искуственную силлогистику, которая заключала въ себѣ одни только тонко-

сти. Утомленный этими пустыми находками, я сказалъ самому себѣ: зачѣмъ трудиться понапрасну, потому что извѣстно, что всякая вещь имѣетъ свой конецъ. Но откуда я возьму силу уничтожить наклонность, которая увлекаетъ меня ко злу, если справедливость заслуживаетъ награду? Но самая справедливость чѣмъ должна быть, чтобы быть угодною Богу? Это мнѣ также мало извѣстно, какъ безсмертіе души, какъ существованіе будущей жизни. И однакожъ я не могу успокоиться до тѣхъ поръ, пока меня занимаютъ эти вопросы. Что же дѣлать?"...

Такимъ образомъ языческій міръ дошелъ до той степени, что не могъ существовать болѣе безъ полнаго возрожденія, безъ быстраго выхода изъ сомнѣній, неизвѣстности и мрака, въ которыхъ онъ не находилъ ничего, кромѣ отчаянія и смерти. Замѣтимъ, что эта крайняя нужда, эта необходимость обновленія служитъ поводомъ къ ошибочной мысли, будто легкая побѣда и торжество христіанства обезпечены были самымъ распаденіемъ древняго міра. Говорятъ, что если языческое общество испытывало такую неодолимую потребность нравственнаго обновленія, то оно не могло противиться долгое время религіи, которая одна могла отвѣчать этой потребности. Не вѣроятно, чтобы оно упорно оттолкнуло единственное врачество, которое могло спасти его. Такимъ образомъ явленіе христіанства изъясняется простыми и естественными средствами, при которыхъ нѣтъ надобности прибѣгать къ невѣроятному предположенію божественнаго вмѣшательства. Вотъ мнѣніе, которое приходится слышать очень часто. И правду сказать, нельзя слишкомъ удивляться, что оно существуетъ, потому что къ несчастію общій обычай, при разсужденіи

о распространенін христіанства, увлекаться единственно первымъ впечатлѣніемъ, которое возбуждается взглядомъ на тогдашнее языческое общество. Рѣдко кто поднимается выше поверхностнаго разсмотрѣнія, рѣдко кто старается измѣрить, до какой глубины простирались паденіе и слабость древняго міра и изслѣдовать, подъ какою формою евангельское нравоученіе сообщено было людямъ. Еще рѣже берутъ во вниманіе эти два важные предмета разсужденія. Отсюда это ложное убѣжденіе, которое не видитъ ничего, кромѣ естественнаго, въ величайшемъ нравственномъ преобразованіи, произведенномъ христіанствомъ, и которое не хочетъ понять, что это счастливое преобразованіе совершилось противъ желанія самыхъ тѣхъ, которыхъ оно хотѣло спасти. Да, безъ сомнѣнія, языческое общество вполнѣ предано было лжи и пороку и пламенно ждало своего освобожденія. Но, чтобы возвратить потерянную свободу, достаточно ли чувствовать тягость цѣпей, которыя носятъ? Не нужно ли имѣть кромѣ того волю и силу свергнуть или разбить ихъ? Нѣкоторые писатели думаютъ, что высокія правила евангелія могли покорить міръ своею возвышенностію, своею силою. Но если даже предположить, что христіанство могло возбудить удивленіе въ нѣкоторыхъ избранныхъ умахъ, можно ли серьезно доказывать, что для его торжества довольно этого пустаго и безплоднаго удивленія? Можно ли утверждать, что довольно чувствовать совершенство ученія, чтобы усвоить его, и особенно, чтобы сдѣлать его правиломъ своего поведенія? Положимъ даже, что язычники чувствовали величіе, высоту христіанской морали;—но довольно ли этого, чтобы міръ былъ спасенъ, оживленъ, обновленъ? Едва ли; потому, что въ томъ же самомъ вѣкѣ уже

блистали возвышенныя ученія Сенеки и Діона и однакожъ положили-ль они конецъ религіозному безпорядку эпохи? Имѣли ли они какое вліяніе на состояніе нравовъ? Самъ Сенека показываетъ намъ противное. Это значитъ, что нельзя безнаказанно ниспадать до послѣднихъ предѣловъ распущенности и нечестія; кто дошелъ до этой степени, тому нелегко подняться собственными силами; имъ овладѣваетъ безнадежность и отчаяніе. Въ немъ уже нѣтъ силы, которая должна привести его къ добру и истинѣ. Таково же было безсиліе и языческаго общества, при появленіи христіанства. Только божественная помощь могла дать ему силу, которой ему не доставало. Состояніе его истощенія было таково, что оно казалось совершенно погибшимъ нравственно.

Безчисленное множество свидѣтелей подтверждаютъ намъ столь ужасное положеніе; но особенно Сенека и апостолъ Павелъ даютъ яркія краски для его изображенія. Можно судить, въ какую бездну пало это общество, когда одинъ изъ его среды, изъ самыхъ членовъ его сдѣлалъ слѣдующее его изображеніе: повсюду разливаются пороки и преступленія, слишкомъ многочисленные для того, чтобы могла сдерживать ихъ узда законовъ. Началась страшная борьба нечестія; страсть къ злу возрастаетъ съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того, какъ уменьшается стыдливость. Потерявши уваженіе къ правдѣ и честности, порокъ смѣло поднимаетъ голову. Духъ зла не скрывается больше въ мракѣ, онъ ходитъ открыто предъ нашими глазами. Онъ до такой степени оцѣпилъ общество и такъ глубоко проникъ въ души, что невинность не только стала рѣдка, но совершенно скрылась. Дѣло идетъ не о личныхъ и рѣдкихъ уклоненіяхъ, но о всеобщемъ; родъ человѣческій какъ будто

по данному сигналу возсталъ, для того, чтобы смѣшать понятія о добрѣ и злѣ“ (Seneca, De Ira, 11 8). Если теперь отъ этой страшной картины, въ которой ничто не даетъ намъ повода смягчать краски, мы перейдемъ къ евангельскому нравоученію, какъ оно проповѣдано было въ первомъ вѣкѣ, если мы посмотримъ на средства, какія оно употребляло, чтобы преобразовать человѣчество, то мы не найдемъ въ мірѣ ничего болѣе удивительнаго и болѣе труднаго для изъясненія человѣческимъ разумомъ, какъ торжество этого нравоученія? Одинъ отецъ апостольскій позволяетъ намъ сдѣлать это сближеніе, указывая намъ въ сочиненіи, названномъ *пастырь*, на всѣ фазы нравственнаго наставленія перваго вѣка. Имя автора этого сочиненія Ермъ. Если вѣрить лучшимъ критикамъ, этотъ Ермъ тотъ самый, о которомъ говорилъ святой Павелъ въ своемъ посланіи къ Римлянамъ (XVI, 14). Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что онъ былъ современникъ святаго Климента. Пастырь Ерма есть изложеніе христіанскаго нравоученія подъ формою откровенія или Апокалипсиса. Онъ раздѣляется на три части: *видѣнія, заповѣди* и *подобія*, которыя составляютъ, вмѣстѣ взятыя, настоящую дидактическую Трилогію. Какъ бы ни были разнообразны части этого творенія, нетрудно уловить въ нихъ единство, потому что можно всецѣло привести его къ одной идеѣ, которая господствуетъ и управляетъ всѣми другими: это—идея покаянія, нравственной реформы. Вотъ въ самомъ дѣлѣ настоящій характеръ христіанскаго нравоученія; вотъ откуда должно начинаться возрожденіе міра. Прочь мягкіе пути, чтобы придти къ христіанству, ничего жосткаго и труднаго въ христіанской жизни не должно быть скрыто отъ язычниковъ. Покаяніе—вотъ

первое условіе преобразованія нравовъ. Уже святой Павелъ такъ понималъ это, говоря Римлянамъ: *Не сообразуйтеся съ вѣкомъ симъ, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего* (XII, 2). Апостолъ, безъ сомнѣнія, говорилъ о покаяніи, потому что оно одно обновляетъ духъ. И такъ, не преобразованіе соціальныхъ учрежденій было первой заботой христіанства; оно заботилось прежде всего о душѣ и посредствомъ этого преобразованія идей, чувствованій и нравовъ въ индивидуумѣ, оно хотѣло произвести параллельную и болѣе широкую перемѣну въ обществѣ. Оно направляется прямо къ душѣ, чтобы сдѣлать ее очагомъ цивилизаціи; изъ души человѣческой, просвѣщенной, очищенной, обновленной, выйдетъ и вышло всякое соціальное возрожденіе.

Ермъ, какъ видно, проникнутъ былъ глубоко духомъ христіанства, проповѣдуя прежде всего покаяніе и поставляя его условіемъ для званія христіанина и обновленія міра. Но развѣ это было средствомъ привлечь души и подчинить ихъ евангелію? Какимъ образомъ апостолы, преемники, Ермъ надѣялись исторгнуть языческое общество изъ удобствъ и удовольствій безпорядочной жизни, предлагая ему прежде всего то, что должно было оттолкнуть его еще болѣе, показывая ему безъ всякаго прикрытія, безъ всякой прикрасы все, что ни есть самаго труднаго и самаго отталкивающаго въ замѣнъ самаго легкаго и пріятнаго? Нельзя отвергать, что всѣ разсчеты человѣческаго благоразумія осуждали Ерма. Самая первоначальная политика должна была указать ему совсѣмъ другой путь для убѣжденія людей. Такимъ образомъ на перекоръ человѣческому благоразумію, наперекоръ урокамъ опыта, этотъ отецъ, согласно со всѣми спосиѣшниками христіанскаго возрожденія, про-

повѣдуетъ народамъ слабымъ и одряхлѣвшимъ это великое слово спасенія. Прежде всего покайтеся. Покайтесь, это значитъ, начните съ того, чтобы вырвать изъ вашей души пороки, которымъ вы ее предали, и которые вы считаете необходимыми для ея счастія. Сдѣлайтесь господами надъ самими собою, взойдите въ самую внутреннюю часть вашего существа, отыщите тамъ зло въ самыхъ его корняхъ и вырвите его разомъ. Не ограничивайтесь этимъ первымъ долгомъ. Уничтожьте всѣ поводы къ злу, разорвите на всегда связь съ этими тысячами пріятныхъ вещей, которыя составляютъ въ вашихъ глазахъ утѣшеніе жизни, и которыя на самомъ дѣлѣ держатъ васъ въ плѣну зла; подчинитесь всѣмъ врачествамъ, которыя могутъ исцѣлить васъ; предайтесь нищетѣ, уединенію, посту, строгости, самоумерщвленію. Какая рѣчь для языческаго слуха и какъ это слово покаянія должно было странно звучать въ нѣдрѣ этихъ античныхъ городовъ, съ давняго времени плѣненныхъ любовію къ удовольствію и столь глубоко погребенныхъ въ чувственныхъ вещахъ! Что значитъ для постыдныхъ жителей этихъ городовъ, что значитъ для нихъ эта степень униженія, до которой они дошли? Что такое для нихъ стыдъ, непорочность? Какое дѣло имъ до упадка этихъ древнихъ нравовъ, которые не существуютъ для нихъ даже въ воспоминаніи? Они умерли для добродѣтели; она не имѣетъ для нихъ никакого значенія; для нихъ важно только, чтобы позволено было имъ дѣлать все, чего они захотятъ, чтобы ничто нечистое не было имъ запрещено, чтобы все наполнено было позорными женщинами. Вездѣ великолѣпные завтраки; повсюду роскошные дворцы. Вотъ что они говорятъ: наслаждайтесь, чѣмъ и какъ можете, день и ночь; по-

всюду игры, роскошныя яства, разврат; вездѣ звуки танцев; театр трещит от разнузданной веселости, в виду сцен, столько же безславных, как жестоких; тот, кому не нравятся эти удовольствія, есть враг общества. Таковы были безпорядки, посреди которых Ерм проповѣдывал покаяніе; таковы были ученики, которым он не боялся внушать чистоту жизни, нерасторгаемость супружества, прощеніе обид, страх лжи и злословія, отвращеніе от благ, воздержаніе, пост, самоумерщвленіе. В нѣдрѣ соединенія всѣх пороков и всякаго безславія, этот апостол, не довольствуясь осужденіем дѣйствій, противных евангельскому закону, хочет уничтожить самое виновное желаніе, порочную мысль, которая омрачает чистоту души. Без сомнѣнія, человѣческая предусмотрительность не могла обѣщать успѣха наставленіям, столь враждебным, которыя, составляют такой сильный контраст с духом вѣка, с наклонностями, нравами общества; но в том-то и заключается особенность божественных учрежденій, что они утверждаются и получают побѣду от тѣх средств, которыя, повидимому, должны бы погубить их.

Из всѣх правил христіанской нравственности покаяніе, без сомнѣнія, всего болѣе требует усилія со стороны человѣка, потому что оно особенно противно душам испорченным. Покаяніем начинается дѣло всеобщаго обновленія. Христіанство начало таким образом и должно было продолжать также; потому что религія Іисуса Христа располагает людей к принятію ея, не льстя им, но побуждая их без послабленія, не приспособляя ученія ко вкусу их наклонностей, но заповѣдуя любить то, что они ненавидѣли, искать того,

чего они удалялись, почитать то, что они бранили, и презирать то, что почитали, смиряться тамъ, гдѣ они возносились и возноситься тамъ, гдѣ унижались; однимъ словомъ, предписывая имъ дѣйствія, которыхъ большая часть казалась имъ ненавистною, и которыя всѣ были враждебны ихъ страстямъ. Вотъ почему христіанскіе нравоучители перваго вѣка, научая покаянію, въ то же время проповѣдывали христіанское дѣвство и цѣломудріе. Мы не говоримъ, что заповѣдь дѣвства была безусловно новая. Языческая древность также предчувствовала красоту и возвышенность образа жизни, проводимой въ дѣвственной чистотѣ. Но это понятіе было очень несовершенное. Во времена болѣе чистыхъ нравовъ еще можно встрѣчать примѣры этой возвышенной добродѣтели; но чѣмъ она сдѣлалась въ вѣкъ Августа? Этотъ вѣкъ, въ которомъ безраздѣльно владычествовала грубая чувствительность, вѣкъ, который не оставилъ ни одного рода нечистоты, въ которомъ бы онъ не испыталъ себя,—былъ ли онъ созданъ для того, чтобы, не говоримъ ввести въ жизнь, но хотя понять состояніе столь высокаго нравственнаго совершенства? Нѣтъ; конечно не изъ среды растлѣнія, въ которое было погружено языческое общество, возникла мысль объ этомъ чистомъ и святомъ состояніи; не по собственному движенію оно наложило на себя этотъ подвигъ. Идея дѣвства принадлежитъ христіанству—также всецѣло, какъ и заповѣдь покаянія: онѣ равно необходимы для предпринятаго христіанствомъ обновленія человѣческаго рода, потому что какъ покаяніе, обновляя души и дѣлая ихъ властелинами надъ собою, исторгаетъ ихъ изъ-подъ владычества чувственности, такъ дѣвство обезпечиваетъ побѣду духа. Недостаточно было снять иго матеріализ-

ма, нужно было еще, по свидѣтельству апостола Павла, умертвить духомъ плотскія страсти. Такимъ образомъ не было ничего преувеличеннаго въ ревности, которую употребляли въ началѣ христіанства проповѣдники вѣры, чтобы возвысить значеніе и красоту чистоты и побудить къ ея сохраненію. Мы имѣемъ довольно памятниковъ отъ этой эпохи, которые показываютъ намъ, какъ высоко церковь цѣнила эту добродѣтель, равно какъ и то, что́ она разумѣла подъ дѣвствомъ. Наставлять невѣдущихъ, посѣщать бѣдныхъ и сиротъ, сохранять обѣтъ чистоты, такова задача, доставшаяся на долю тѣхъ, которые отказываются отъ супружества, по прекраснымъ письмамъ святаго Климента къ дѣвственницамъ. Какъ далеко отъ такой жизни до того вольнаго и эгоистическаго безбрачія, единственно распространеннаго въ то время, когда явилось христіанство! Нужна была божественная сила, которою и было вооружено христіанство, для того, чтобы доставить побѣду строгому ученію церкви и чтобы преобразовать изобрѣтеніе испорченности въ орудіе возрожденія. Эта чудесная перемѣна не заставила ждать себя долго, потому что Посланіе къ дѣвственницамъ показываетъ, что уже въ первомъ вѣкѣ было не мало примѣровъ этого рода жизни. Возстановленіе и возвышеніе женщинъ особенно надо считать между могущественными средствами, которыми воспользовалось христіанство для возрожденія человѣчества. Между чудесами, которые оно произвело, это есть, можетъ быть, одно изъ самыхъ дивныхъ; нѣтъ сомнѣнія, что оно имѣло самое могущественное вліяніе на учрежденіе домашняго и гражданскаго общества. Дѣвица, супруга, мать— однимъ словомъ женщина современи христіанства принимаетъ совершенно другой характеръ и ея вліяніе на

судьбы міра начинаетъ обнаруживаться съ большею силою и очевидностію. Она совершаетъ подвигъ апостольскій, скромно и тихо, но тѣмъ не менѣе плодотворно. Вооруженная пріятнымъ скипетромъ домашняго очага, она управляетъ семьею, опираясь на ту неодолимую силу, которую даютъ ей вѣра, нѣжность и чистота нравовъ. Она не есть болѣе ничтожное орудіе удовольствія для мужчинъ, раба его капризовъ, жертва его неистовствъ. Согбенная долгое время подъ тяжестью какого то таинственнаго проклятія, она возстаетъ теперь при свѣтѣ Евангелія и оставляя постыдное рабство, наложенное на нее вѣками, научаясь служить Богу, она дѣлается госпожею самой себя. Съ этихъ поръ она соединится съ мужемъ неразрывной связью, чтобы быть подругою его дней и въ тоже время сохранитъ дѣвственную чистоту сердца и независимость.

Языческій міръ не сдался безъ бою. Пламенѣя отъ гнѣва, онъ вооружился противъ ненавистной реформы всѣми орудіями, огнемъ, зубами звѣрей, костромъ, но пусть свирѣпствуетъ язычество, пусть оно возводитъ на костеръ этихъ женщинъ, мученицъ нравственнаго совершенства и свободы добра. Вліяніе ихъ примѣра не угаснетъ вмѣстѣ съ ними. Поднятая, облагороженная, возвышенная мученичествомъ, женщина снова займетъ свое мѣсто при домашнемъ очагѣ; она пойдетъ равною мужу, его подругой, его сердцемъ, подъ чертами супруги и матери она сохранитъ эту дѣвственную стыдливость, свойственную ея состоянію. И если захотятъ узнать причину этого нравственнаго преобразованія, столь плодотворнаго для человѣчества, то не нужно искать ее ни въ лѣсахъ Германіи ни въ рыцарскихъ нравахъ; нужно подняться выше: это-тѣ костры, на

которыхъ христіанская женщина съ мужествомъ возстановила свой полъ и цѣною собственной крови пріобрѣла ему равенство права при равенствѣ уваженія.

V.

Преобразовавши вѣрованія и измѣнивши нравы, христіанство, по естественной послѣдовательности своихъ дѣйствій на умы, должно было также поднять и возвысить характеры; потому что вѣрованія и характеръ суть двѣ вещи, внутренно связанныя между собою: они вмѣстѣ родятся и укрѣпляются, вмѣстѣ измѣняются и исчезаютъ. Чѣмъ сильнѣе люди привязываются къ истинѣ, тѣмъ болѣе они пріобрѣтаютъ въ силѣ характера, какъ прекрасно выражаютъ это слова блаженнаго Августина: Magnitudo ubi ipsa veritas est. Напротивъ, когда вѣрованія въ обществѣ начинаютъ клониться къ упадку, когда пускаютъ въ немъ корень сомнѣніе и индифферентизмъ, съ тѣмъ вмѣстѣ неминуемо наступаетъ конецъ для всякаго величія души и всякой нравственной энергіи. Положеніе римскаго міра при появленіи христіанства служитъ самымъ неотразимымъ подтвержденіемъ этого факта; но кромѣ того примѣры этого постоянно находятся предъ нашими глазами. Что сдѣлалось въ ту пору со всѣми этими великодушными доблестями, съ тою твердостію при всякомъ испытаніи, съ тѣмъ самоотверженіемъ, съ тѣмъ мужествомъ, доходившимъ до героизма, съ терпѣніемъ, удивлявшимъ своею непреклонностію,—что сдѣлалось съ этими доблестями, которыя дали древнему Риму столько и такихъ прекрасныхъ образовъ и пронесли такъ далеко его имя

и его могущество? Когда религія процвѣтала и сохраняла власть надъ умами, она возбуждала и силу характера; но когда вѣрованія упали, то вмѣстѣ съ ними упало величіе народнаго духа. Такимъ образомъ ослабленіе характеровъ неминуемо слѣдуетъ за упадкомъ вѣрованій, какъ и наоборотъ сила вѣры содѣйствуетъ величію духа. Въ то время, когда явилось Евангеліе, эта страна, бывшая родиной столькихъ мужественныхъ душъ и привѣтствовавшая ихъ подвиги, представляла только поколѣніе людей разслабленныхъ, не способныхъ ни къ чему больше, какъ подставлять выю подъ безславное ярмо или съ неистовствомъ требовать хлѣба и зрѣлищъ. Этимъ то людямъ христіанство должно было возвратить нравственную свободу; оно должно было пробудить мужество въ совѣстяхъ изветшалыхъ; возжечь въ нихъ пламя преданности и подъ небомъ, привыкшимъ видѣть только рабовъ, оно должно было пробудить величіе духа, создать людей, мучениковъ. Оно сдѣлало это во первыхъ какъ мы уже сказали, возвративши вѣру этимъ народамъ, отвратившимся отъ истины; во вторыхъ оно это сдѣлало, закаляя ихъ въ терпѣніи, въ мужествѣ, въ самоотверженіи. Это—послѣднее дѣйствіе христіанскаго возрожденія въ первомъ вѣкѣ, о которомъ мы узнаемъ также отъ отцевъ апостольскихъ. Но здѣсь дѣла говорятъ лучше, нежели писанія.

Мы уже видѣли, какъ борется Игнатій, чтобы защитить цѣлость церковнаго ученія и чтобы обезпечить торжество началу авторитета въ церкви; теперь посмотримъ, какъ онъ пытался сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы поднять характеры. Въ его посланіяхъ къ Азійскимъ церквамъ мы видимъ епископа, евангельскаго учителя, въ славномъ посланіи къ римлянамъ видимъ хри-

стіанскаго героя, мученика, который поражаетъ всѣ взоры. Но остановимся на одну минуту, чтобы посмотрѣть на дивное зрѣлище, котораго свидѣтелемъ былъ тогда міръ языческій. Правителемъ имперіи былъ Траянъ. Вотъ одинъ человѣкъ оставляетъ Антіохію; онъ окруженъ конвоемъ и закованъ въ цѣпи. Едва этотъ человѣкъ оставилъ городъ, какъ вся Азія пришла въ движеніе. Каждая церковь посылаетъ къ нему депутатовъ; есть изъ Траллеса, Филадельфіи, Ефеса. Сказали бы, что это было тріумфальное шествіе, путешествіе царя: но однако это только простой епископъ, вождь христіанъ; его смерть обѣщана римскому населенію; она займетъ тупые досуги Неронова города. Въ чемъ же состоитъ его преступленіе? Онъ провозгласилъ, что есть одинъ только Богъ, который создалъ небо и землю и все, что они заключаютъ. Что̀ онъ чувствуетъ? Боится, что не умретъ мученикомъ. Что хотятъ узнать отъ него эти многочисленные депутаты, которые идутъ со всѣхъ сторонъ? Они хотятъ научиться исповѣдывать свою вѣру предъ лицомъ вселенной, чтобы запечатлѣть ее, въ случаѣ нужды, своею кровію. Вотъ школа, гдѣ закаляются характеры, гдѣ освящаются души, гдѣ укрощаются страсти. Святой Игнатій есть одинъ изъ наставниковъ этой школы и его посланіе къ римлянамъ, также какъ самая его смерть, есть одинъ изъ возвышенныхъ уроковъ, которыя онъ далъ людямъ. До какой высоты должно было поднять христіанскіе характеры это посланіе, дышащее любовью къ Богу и къ людямъ, гдѣ пламенѣетъ одна страсть—къ истинѣ, торжествующая надъ тысячью земныхъ привязанностей, надъ гоненіями, страданіями, смертію? Нѣтъ нравственной низости, слабости, испорченности, которая могла бы противиться дыханію этихъ дивныхъ словъ: простите меня братья...

Слыша такія слова, видя такіе примѣры, міръ пробудился; точно будто новая кровь потекла въ иссохшихъ венахъ падшаго человѣчества. И тотчасъ, среди этого общества испорченнаго, разслабленнаго, возстаютъ не два — три человѣка, но множество людей бодрыхъ, энергическихъ, въ тоже время терпѣливыхъ, достойныхъ и простыхъ, какъ истинные герои, и преданныхъ истинѣ до пожертвованія жизнію! Пусть откроютъ акты мучениковъ, эту золотую книгу искупленнаго человѣчества, и пусть посмотрятъ, какъ проходятъ предъ ними всѣ эти мужественные характеры, всѣ эти высокія души, которыхъ ничто въ мірѣ не пугаетъ, кромѣ страха потерять любовь Христову. Между ними есть старцы, которыхъ нравственная энергія едва находитъ поддержку въ слабомъ остаткѣ физической жизни, — есть женщины, юныя дѣвицы, дѣти, слабыя созданія, являющія неслыханную силу духа. Сильные земли мѣшаются съ малыми; здѣсь сходятся всѣ состоянія, даже ничтожныя и презрѣнныя въ глазахъ людей, даже рабы: всѣ украшаются славою исповѣдничества или мученическимъ вѣнцомъ. Вотъ перемѣны, которыя производятъ въ мірѣ эти двѣ великія вещи, составляющія жизнь народа какъ и индивидумовъ: вѣра и мужество. Но недовольно того, что души укрѣпились, что эгоисты и слабые сдѣлались съ тѣхъ поръ болѣе сильными, и болѣе неодолимыми. Характеры не только возвысились христіанствомъ, они преобразованы. Безъ сомнѣнія языческая древность также удивлялась великимъ душамъ и прославляла героическія подвиги. Преданность, самоотверженіе, мужество, постоянство имѣли уже свои лѣтописи, которыя память народная хранила съ гордостію. Въ древности умѣли умирать такъ, какъ Кодръ

или какъ Декій, чтобы обезпечить побѣду своимъ соотечественникамъ или какъ Регулъ, чтобы сохранить вѣрность клятвѣ; умѣли какъ Сократъ пить ядъ, чтобъ сохранить повиновеніе законамъ. Но кромѣ того, что такіе подвиги были очень рѣдки, если сравнивать ихъ съ геройскими подвигами, явленными въ безчисленномъ множествѣ у христіанъ, — сколько низшихъ причинъ, сколько естественныхъ побужденій лежитъ въ основаніи этихъ прекрасныхъ примѣровъ! Безъ всякаго желанія уменьшить достоинства языческаго героизма, не справедливо ли сказать, что онъ почти всегда привязанъ къ интересамъ личнымъ или, по крайней мѣрѣ, мѣстнымъ, временнымъ, къ соперничеству часто дѣтскому, къ національной или племенной ревности, къ интересу возвышенія или пріобрѣтенія имени или, наконецъ, къ какому-то чувству стоической презрительной гордости. Такой примѣси,—а этого нельзя отрицать,—довольно для того, чтобы уменьшить красоту самыхъ возвышенныхъ чувствъ и самыхъ высокихъ дѣйствій. Видно ли что нибудь подобное въ героизмѣ христіанъ? Изъ-за чего въ самомъ дѣлѣ у нихъ такая преданность? Изъ-за того ли, чтобы прославить городъ, націю, чтобы дать имъ перевѣсъ передъ другими націями? Изъ-за того ли, чтобы обезпечить себѣ извѣстное безсмертіе въ будущности людей? Изъ-за того ли, чтобы доказать, что скорбь не значитъ ничего и что души избранныхъ легко могутъ произвольно играть ею? Ничего подобнаго не входитъ въ ихъ планы. Если они умираютъ, то для того, чтобы дать свидѣтельство вѣчному дѣлу, вѣчному спасенію,—величайшему изъ дѣлъ—истинѣ. Если они умираютъ, то для того, чтобы утвердить своихъ братьевъ въ вѣрѣ, какъ прекрасно говоритъ Игнатій къ Поли-

карпу; если, наконецъ, они умираютъ, то для того, чтобы на всегда утвердить въ мірѣ торжество справедливости и религіи. И замѣтимъ, что они велики не на минуту, въ рѣдкихъ и торжественныхъ обстоятельствахъ, увлеченные порывомъ энтузіазма или вдохновеніемъ гордости. Когда нужно быть великимъ только такимъ образомъ, природа собираетъ всѣ свои силы и гордость на нѣсколько времени замѣняетъ добродѣтель. Но величіе христіанъ не такого рода: оно никогда не измѣняетъ себѣ, потому что не имѣетъ ничего общаго со страстями человѣческими. Не въ данную только минуту, но во всѣ минуты своей жизни, они скорѣе готовы пожертвовать всѣмъ, честію, счастіемъ, добрымъ именемъ, привязанностями сердца, нежели долгомъ и вѣрою. И въ самомъ пожертвованіи собственною жизнію, какое разстояніе между ихъ героизмомъ и тѣмъ, которому мы удивляемся въ этомъ маломъ числѣ знаменитыхъ язычниковъ, умѣвшихъ презирать смерть и мужественно переносить ее, чтобы послужить великому дѣлу. Здѣсь умираютъ послѣ того, какъ апеллировали къ суду потомства, требуя отъ него пустаго удивленія; тамъ ничего не просятъ у людей, но всего ожидаютъ отъ Бога. Здѣсь встрѣчаютъ смерть съ холоднымъ равнодушіемъ, или съ гордымъ презрѣніемъ; тамъ, принимаютъ ее съ лицомъ веселымъ, съ сердцемъ полнымъ надежды и показываютъ міру, какъ можно сохранить нѣжность даже въ самой смерти. Здѣсь не боятся страданій, потому что презираютъ ихъ; тамъ идутъ имъ на встрѣчу, потому что находятъ въ нихъ истинную жизнь. Здѣсь, наконецъ, утѣшаются въ смерти, смотря на то, какъ мало оставляютъ послѣ себя, видя близкую старость, непостоянство счастія, людскую несправедливость. Тамъ смотрятъ

52*

только вперёдъ себя и, снѣдаемые любовію къ вѣчнымъ благамъ, не берутъ въ уваженіе ничтожныхъ земныхъ разсчетовъ. Нужно признаться, однимъ словомъ, что въ язычникахъ всегда, даже среди самыхъ блестящихъ дѣйствій, мы видимъ людей; въ христіанахъ напротивъ дѣйствуетъ самъ Богъ. Такъ исполняется, въ особенности черезъ страданія и жертвы, великое дѣло преобразованія характеровъ. Въ гоненіяхъ, въ борьбѣ, въ скорьби, въ наказаніяхъ міръ возвращалъ то, что онъ потерялъ въ изнѣженности и въ нечестіи, то-есть, силу души, терпѣніе, достоинство, самоотверженіе и неодолимую вѣрность истинѣ. Мученичество было пробнымъ камнемъ однихъ и примѣромъ другихъ. Кто умѣлъ цѣнить его, оно сдѣлало изъ тѣхъ несравненныхъ героевъ, наводя въ то же время стыдъ и укоризну на сердца ничтожныя. Съ этихъ-то добровольныхъ и великодушныхъ жертвъ Божественной религіи, утвержденной кровію Божественнаго учителя, начинается въ мірѣ преданность истинѣ и благу, составляющая благородство души; и если съ этой эпохи родъ человѣческій вошелъ въ обладаніе такими великими вещами, которыя никогда не погибаютъ, какъ уваженіе къ человѣческому достоинству, ненарушимость совѣсти, свобода истины и добра, и если съ этого времени, вопреки человѣческимъ страстямъ, которыя переживаютъ все, никакое могущество не въ силахъ погасить христіанскаго ученія, то мы одолжены этимъ, послѣ Бога, прежде всего этимъ героическимъ людямъ, которые написали своею кровію, на колыбели христіанскаго міра, безсмертныя права истины.

Такова слава христіанства, которое видѣло, какъ съ перваго вѣка обнаружились въ отцахъ чистота и единство его ученія и въ мученикахъ его сила и его доб-

лести. Предпринятое одинъ разъ дѣло преобразованія міра идетъ постоянно впередъ! Не было недостатка ни въ учителяхъ, ни въ мученикахъ въ послѣдующее время. Но въ I вѣкѣ особенно надо удивляться дивной сторонѣ этого великаго движенія, которое должно было обновить человѣчество; потому что, если позже оно открылось во всей своей широтѣ и во всемъ своемъ блескѣ, то въ началѣ оно особенно проявило свою доблесть; чѣмъ грознѣе были препятствія, тѣмъ рѣшительнѣе торжество, и каждая черта, которою оно себя проявило, должна была ввести въ жизнь и исторію новое начало. Вся будущность христіанства въ этомъ вѣкѣ. Нѣтъ истины, опредѣленной церковію впослѣдствіи, которая бы не существовала въ сѣмени въ основныхъ догматахъ, провозглашенныхъ этой эпохой; нѣтъ правила дисциплины церковной, культа, учрежденія, которые бы не были естественнымъ послѣдствіемъ началъ и правилъ, положенныхъ и признанныхъ въ это время. Божественное дерево будетъ рости, поливаемое непрестанно новою кровію. Если его вѣтви еще не достигли своего полнаго развитія, если оно не обнимаетъ, не осѣняетъ еще всѣхъ частей вселенной, по крайней мѣрѣ оно уже бросаетъ въ грунтъ столь глубокіе корни, что можно надѣяться увидѣть, какъ оно повсюду распространитъ свою охранительную тѣнь. Великій вѣкъ! Отцы апостольскіе были не только славными орудіями, но достовѣрными и вдохновенными историками великаго дѣла, которое въ немъ совершилось. Съ нихъ начинаются тѣ великія лѣтописи христіанскаго общества, то живое преданіе, въ которомъ вѣрующій находитъ основаніе для своей вѣры и обновленіе и утвержденіе для своей надежды. Скоро раздается по всему свѣту этотъ могу-

щественный голосъ преданія; со 2-го и 3-го вѣка устами Іустина, Климента Александрійскаго, Оригена, Тертулліана, Кипріана, оно сдѣлаетъ себя повсюду слышнымъ и утвердитъ съ неодолимой силой великія свидѣтельства отцевъ 1-го вѣка. Съ ними церковь можетъ безбоязненно явиться предъ судомъ свѣта. Пусть разсматриваютъ, оспариваютъ ея древность, ея учрежденіе, ея характеръ; она имѣетъ своихъ свидѣтелей, которые, всякій разъ, какъ спросятъ ихъ, возстанутъ, чтобы дать торжество истинѣ и привесть въ замѣшательство ея противниковъ.

Какимъ образомъ можетъ осуществиться единеніе армянской и православно-каѳолической церкви (*).

Для достиженія вожделѣннаго единенія церквей нужны прежде всего два главныя условія: 1) составить комитетъ для предварительнаго размотрѣнія и смягченія существующихъ между церквами различій и 2) допустить нѣкоторыя уступки и оказать снисхожденіе *на основаніи древнихъ примѣровъ* вселенской церкви.

О составленіи Комитета.

Комитетъ, который будетъ назначенъ для того, чтобы смягчить различія и разсудить, на какомъ основаніи можно достигнуть церковнаго примиренія, долженъ быть *смѣшанный* и состоять изъ самыхъ просвѣщенныхъ духовныхъ лицъ обѣихъ церквей.

Члены, избранные съ обѣихъ сторонъ въ равномъ

(*) Предлагаемый проэктъ соединенія армянской церкви съ православною, принадлежитъ преосвященному Григорію Византіосу, митрополиту хіосскому; въ греческомъ подлинникѣ онъ былъ напечатанъ въ газетѣ „Византисъ“ въ 1864—1866 годахъ.

числѣ, должны дѣйствовать на основаніи совершеннаго равенства и быть воодушевлены братскою любовію.

Вопросъ: „дѣйствительно ли правильно совершаются у армянъ таинства священства и крещенія" не долженъ быть возбуждаемъ: всякое состязаніе объ этомъ противорѣчило бы цѣли предпринимаемыхъ дѣйствій въ пользу единенія и умиротворенія *братій—христіанъ*. Самый приступъ къ дѣлу уже необходимо предполагаетъ дѣйствительную благодать двухъ таинствъ, *составляющихъ одну изъ основныхъ стихій христіанства*. Если же есть сомнѣніе въ этомъ, то невозможно и думать о составленіи комитета: ибо какъ сходиться съ такими, которыхъ не признаемъ ни облеченными священствомъ, ни крещенными, иначе сказать, считаемъ *язычниками*; какъ совѣщаться съ ними въ духѣ совершеннаго равенства и братской любви о догматахъ Христіанской Вѣры?

Такъ какъ нѣтъ ничего щекотливѣе народнаго самолюбія, то, во избѣжаніе всякаго подозрѣнія, которое могло бы сдѣлать тщетными всѣ усилія, не должно давать повода заключать, что цѣль дѣйствій есть или обращеніе въ эллинство армянской церкви, или же обращеніе греческой въ армянство, и необходимо признать, что ни одна изъ церквей не въ правѣ возлагать на другую частныхъ церковныхъ правилъ, постановленій и обрядовъ, но что, напротивъ, каждая должна быть готова измѣнить или даже отказаться отъ нихъ, если будетъ доказано, что они противны преданію *Каѳолической церкви*, и въ такомъ случаѣ принять правила другой уже не какъ частныя постановленія, принадлежащія *Греческой* или *Армянской* церкви, но какъ *Вселенскія*, согласныя съ постановленіями *апостольскими*, правилами *Вселенскихъ* соборовъ и *ученіемъ* св. Отцевъ.

Всѣ дѣйствія въ пользу единенія слѣдуетъ считать какъ бы *продолженіемъ* попытокъ, бывшихъ въ Румъ-Кале и Тарсѣ въ 1179 году, и потому необходимо, чтобы въ актахъ комитета помѣщалось историческое изложеніе прежнихъ дѣйствій, обращающее новое дѣло въ продолженіе древле возникшаго.

Такъ какъ скрытность въ сношеніяхъ подобнаго рода можетъ возбудить подозрѣніе обоихъ народовъ и случайно сдѣлаться орудіемъ вредныхъ замысловъ враговъ единенія, въ особенности клира западныхъ церквей, то необходимо обнародованіе дѣйствій комитета, съ изложеніемъ ихъ на греческомъ, армянскомъ и французскомъ языкахъ. Кромѣ указанной нами пользы, такія свѣдѣнія будутъ имѣть еще и ту, что вызовутъ мнѣніе преданныхъ церкви ученыхъ о предлагаемыхъ вопросахъ, и тѣмъ прояснятъ и приготовятъ общественное мнѣніе обоихъ христіанскихъ народовъ касательно предлежащаго единенія.

Главные разсматриваемые вопросы должны заключаться въ слѣдующемъ: 1) вопросъ о двухъ естествахъ во Христѣ, 2) объ употребленіи опрѣсноковъ и нерастворенная вина въ евхаристіи, 3) о святомъ мѵрѣ 4) о трисвятой пѣсни, 5) о праздникѣ Рождества Христова и 6) о постахъ.

Въ случаѣ, если найдется въ армянской церкви какой либо обычай, не соотвѣтствующій преданію Вселенской церкви и древнему ея обыкновенію, но исправленіе котораго впрочемъ окажется невозможнымъ, по причинѣ укоренившихся понятій въ совѣсти цѣлаго христіанскаго народа въ продолженіи многихъ вѣковъ, то, чтобы попытка единенія не осталась тщетною, или другими словами, чтобы не былъ нарушенъ законъ

любви, который есть *верхъ евангельскаго совершенства*, слѣдуетъ допускать соблюденіе такого обычая. Пусть, въ такомъ случаѣ, и греческіе и армянскіе члены комитета будутъ имѣть въ виду сказанное блаженнымъ Ѳеофилактомъ: *„Не за всякій обычай слѣдуетъ отлучать отъ церкви, но только за тотъ, который ведетъ къ различію въ догматъ“* (Очевидно, что окончательный голосъ о возможности такой уступки принадлежитъ только *цѣлой церкви*). Необходимо, впрочемъ, чтобы всѣ подробности подобныхъ уступокъ, равно какъ и тѣ древніе примѣры, на которыхъ они опираются, были осмотрительно упоминаемы въ актахъ, для избѣжанія всякаго *соблазна*.

Разъ оконченныя дѣйствія комитета должны быть подвергнуты, во первыхъ, *частному* разсмотрѣнію церковнаго начальства, какъ православной, такъ и армянской церквей. Церкви эти потомъ могутъ войти въ болѣе оффиціальныя сношенія на соборныхъ совѣщаніяхъ, при чемъ каждая должна сообщать другой свою вѣру посредствомъ частной *грамоты* и выказать, въ духѣ христіанской любви, свое единомысліе касательно вопросовъ второстепенныхъ. За тѣмъ священные акты *оффиціальныхъ* и *соборныхъ* дѣйствій обѣ церкви должны повергнуть на усмотрѣніе всѣхъ единовѣрныхъ церквей для *Вселенскаго* и окончательнаго приговора, сообразно съ законами церковными. Послѣ этого дѣло единенія осуществится чрезъ взаимное во Христѣ лобзаніе между пастырями обѣихъ церквей и чрезъ причастіе Божественныхъ Таинъ; ибо, *по удаленіи причины соблазна, любовь должна быть возстановлена между всѣми чрезъ взаимное общеніе*.

Этимъ заключимъ нашъ взглядъ на предполагаемыя дѣйствія смѣшаннаго комитета.

Такъ какъ уже выше было признано, что не слѣдуетъ касаться вопроса о крещеніи и священствѣ у братій нашихъ армянъ, но что безъ всякихъ разспросовъ должно признавать таковыя таинства у нихъ дѣйствительными; и какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не опасаться, чтобы совѣсть нѣкоторыхъ, по причинѣ излишне-живой ревности, не соблазнилась подобнымъ мнѣніемъ, то, для убѣжденія и успокоенія таковыхъ, считаемъ необходимымъ нѣсколько *уклониться* отъ главнаго предмета и сказать нѣчто о крещеніи и рукоположеніи отщепенцевъ и еретиковъ вообще, основывая нашъ смиренный взглядъ на соборныхъ дѣйствіяхъ *каѳолической* церкви и на *частныхъ* наставленіяхъ святыхъ Отцевъ.

Уже Вселенскій соборъ принимаетъ священно-служителей изъ Новатіанъ, возвращающихся къ православію, въ принадлежащемъ имъ санѣ, послѣ простой разрѣшительной молитвы (см. прав. 8 и толкованіе его въ кормчей книгѣ ст. 75).

Св. Мелетій былъ поставленъ епископомъ аріанами и ими же назначенъ въ Веррію, а за тѣмъ въ Антіохію; однако же ему вовсе не было поставлено въ упрекъ, что онъ получилъ свое рукоположеніе отъ еретиковъ; самъ онъ въ послѣдствіи рукоположилъ во діаконы святаго Іоанна Златоуста и святаго Василія; онъ же возстановилъ и святаго Григорія Богослова въ санѣ патріарха константинопольскаго и былъ назначенъ *экзархомъ* II Вселенскаго собора, какъ о томъ свидѣтельствуютъ историки Сократъ, Созоменъ и Блаженный Амфилохій (сокр. ист. церкви кн. II. гл. 43 и кн. V гл.

5, Созом. ист. церкви IV, 28 и Амфил. въ словѣ къ св. Василію Великому) и нѣкоторые другіе (¹).

Св. Кириллъ Іерусалимскій также аріанами былъ рукоположенъ во епископа; возвратившись же къ православію, онъ не только принятъ, какъ архіерей, вмѣстѣ съ рукоположеннымъ имъ клиромъ, но даже причисленъ церковію къ лику святыхъ (см. Сокр. ист. церкви кн. V гл. 8 Созом. IV, 25 и VII, 7. Ѳеоф. хроногр. стр.

(¹) Вотъ съ какою похвалою отзывается объ этомъ святомъ мужѣ св. Василій Великій въ письмѣ къ Великому Аѳанасію: „Всему Востоку, а равно и намъ, во всемъ единомыслящимъ съ нимъ (Мелетіемъ), было бы желательно видѣть его управляющимъ Церковію Господа, поелику онъ *непороченъ въ вѣрѣ*, и *по жизни его нельзя никакъ сравнивать съ прочими* (здѣсь св. Василій подразумѣваетъ Павлина и Виталія, сопротивлявшихся престолу антіохійскому и отвергавшихъ права Мелетія, какъ рукоположенаго аріанами); вообще же ему *надлежитъ первенствовать во всемъ касающемся Церкви, и необходимо, а вмѣстѣ и полезно было бы прочимъ отовсюду сноситься съ симъ мужемъ, подобно тому, какъ текутъ меньшія рѣки въ большія*. Братъ же св. Василія, знаменитый пастырь нисскій Григорій называетъ св. Мелетія, въ надгробномъ о немъ словѣ, *новымъ апостоломъ*. Созоменъ, повѣствуя о живой ревности къ Православію и о страданіяхъ сего святаго отца, пишетъ слѣдующее („въ этомъ же отрывкѣ мы находимъ доказательство древняго обычая, апостолами преданнаго вѣрнымъ, дѣлать знаменіе креста слагая *три* перста, а не пять, какъ то дѣлаютъ латиняне и армяне“). Молва уже говорила о немъ, какъ о защитникѣ догмата (о единосущіи), утвержденнаго собравшимися въ Никеѣ отцами, и скоро случай доказалъ это на дѣлѣ. Ибо сначала онъ всенародно проповѣдывалъ все, касающееся до нравственности: впослѣдствіи же сталъ открыто возвѣщать единосущность Сына Отцу: но когда онъ говорилъ сіе, то архидіаконъ, принадлежавшій къ тамошнему клиру, прибѣжавъ, закрылъ ему уста рукою: тогда святой рукою еще яснѣе, нежели голосомъ, явилъ свое убѣжденіе; выпрямивъ только три пальца, онъ за тѣмъ опять пригнулъ ихъ и показалъ одинъ, свидѣтельствуя такимъ образомъ народу то, чему самъ вѣровалъ и что стремился разгласить. Архидіаконъ, видя безполезность своихъ усилій, отнялъ руку отъ устъ его; и тутъ св. Мелетій сталъ уже свободно возвѣщать свои убѣжденія и поучать народъ держаться опредѣленій собора никейскаго“ (Ист. Церков. Кн. IX гл. 28).

34 и Григорій Нисскій въ словѣ при перенесеніи мощей первомученика Стефана).

От I до II вселенскаго собора прошло 40 лѣтъ, и въ этотъ промежутокъ времени большая часть священнослужителей приняла рукоположеніе отъ еретиковъ, епископствовавшихъ тогда въ Константинополѣ, каковы были Македоній, Евдоксій и друг., но тѣмъ не менѣе всѣ таковые, присоединившись къ православію, засѣдали на II соборѣ, не подвергаясь никакому осужденію за неправильное рукоположеніе.

Св. Анатолій Константинопольскій былъ рукоположенъ ересеначальникомъ Монофизитомъ Діоскоромъ, убійцею св. Флавіана, патріарха Константинопольскаго, и не смотря на то, когда онъ защищалъ православіе на IV соборѣ, то рукоположеніе его еретикомъ и убійцею вовсе не было поставлено ему въ укоръ.

Всѣ епископы, поставленные Петромъ *Монгою*, еретикомъ и похитителемъ престола церкви Александрійской и убійцею законнаго пастыря Александрійскаго Протерія, *которымъ онъ былъ лишенъ сана*, отвергнувъ Евтихіеву ересь и, признавъ боговдохновеннымъ и святымъ соборъ Халкидонскій, были приняты въ церковь Христову какъ епископы, и ни одинъ не былъ лишенъ своей степени.

На V соборѣ всѣ бывшіе въ общеніи съ еретиками Акефалитами, т. е. Миксофизитами и Ѳеопасхитами и получившіе отъ таковыхъ рукоположеніе, отвергнувши свою ересь и подписавъ исповѣданіе вѣры, были приняты на томъ святомъ соборѣ и утверждены въ принадлежавшемъ каждому санѣ.

Большая часть отцевъ, засѣдавшихъ на VI Соборѣ, были рукоположены епископами ереси Монофелитской,

какъ-то: Константинопольскими патріархами Сергіемъ, Пирромъ, Павломъ и Петромъ, Александрійскимъ Киромъ, Антіохійскимъ Макаріемъ и Римскимъ Гоноріемъ. Не смотря на то, они не только сохранили данныя имъ степени, но ублажаются церковію какъ святые за ихъ боголюбивую ревность къ благочестію.

Святѣйшій Германъ, изъ Кизики возведенный на вселенскій патріаршескій престолъ въ Константинополѣ и здѣсь показавшій себя мужественнымъ поборникомъ честныхъ иконъ, получилъ рукоположеніе отъ монофелитовъ въ то время, когда ересь ихъ уже подверглась *соборному* осужденію.

Первыя попытки иконоборства продолжались 45 лѣтъ и въ продолженіе всего этого времени почти совсѣмъ прекратилось посвященіе чрезъ православныхъ; однако всѣ получившіе рукоположеніе отъ иконоборцевъ, отвергшись этой ереси, остались при своемъ санѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ акты VII собора, подверждённые слѣдующими словами Іоанна, епископа Халкидонскаго: „Тарасій и всѣ избранные преемники апостольскихъ каѳедръ, наставлявшіе паству въ божественныхъ догматахъ вѣры, не подвергали безъ разбора никакому осужденію членовъ, принадлежащихъ священному клиру, за прежнія ихъ неправыя мнѣнія... *и не только не исключали изъ паствы церковной рукоположенныхъ еретиками священнослужителей, но возвращавшихся къ мыслямъ благочестія, какъ братьевъ и сослужителей, принимали въ свои объятія, и оставляли каждому данную имъ каѳедру и санъ;* храмлющихъ же и превратно смотрѣвшихъ на вѣру, но впослѣдствіи познавшихъ свою ошибку и грамотою и анаѳемою отвергшихъ прежнее заблужденіе, они равнымъ образомъ принимали, утверждали

на занимаемыхъ ими каеедрахъ, и своимъ миролюбивымъ поведеніемъ и невозмутимымъ спокойствіемъ поддержали вселенскую церковь" (Огласит. бесѣда, начинающаяся словами: „вотъ опять день спасенія, и мнѣ предстоитъ говорить о недостойно принявшихъ отъ еретиковъ рукоположеніе").

При незабвенномъ патріархѣ Германѣ Новомъ, перенесшемъ патріаршескій престолъ въ Никею, по причинѣ утвержденія тамъ царскаго престола, архіепископъ Кипра Неофитъ и находившійся въ зависимости отъ него клиръ, подчинили себя Римскому первосвященнику: раскаявшись же, они и поставленные имъ священнослужители были приняты церковію и оставлены каждый при своемъ санѣ.

При императорѣ Ѳеодорѣ Ласкарисѣ три іеромонаха Нектарій, Маркъ и Іаковъ, пришедшіе въ Царь-градъ изъ Сициліи и получившіе рукоположеніе отъ латинянъ, были приняты тогда патріаршествовавшимъ святителемъ Мануиломъ, и священнодѣйствовали въ находившемся близъ Никеи монастырѣ св. Іакинѳа, гдѣ они подвизались.

Въ житіи св. Саввы написано, что, когда святѣйшій Илія оставилъ престолъ церкви Іерусалимской, то Мексофизитами, Полуаріанами рукоположенъ былъ въ патріарха единомышленный имъ Іоаннъ, и что онъ, по убѣжденіямъ св. Саввы и Ѳеодосія, обратился къ православной вѣрѣ, и ему не вмѣнено было въ укоръ посвященіе принятое имъ отъ рукъ еретиковъ, но онъ даже ублажается церквію какъ святый за благочестіе и необычайную святость жизни.

Св. соборъ Карѳагенскій принялъ священнослужителей Донатистовъ, оставивъ имъ данныя степени и, сдѣ-

лавъ это на основаніи древнихъ примѣровъ, выразился такъ: „Разсудилось намъ отправить посланія къ братіямъ и сослужащимъ намъ епископамъ, и особенно къ апостольской каѳедрѣ, которою управляетъ достоуважаемый братъ и сослужитель нашъ Анастасій. Ибо, какъ ему извѣстно, Африка находится въ крайне бѣдственномъ положеніи, и потому для мира и пользы церкви мы рѣшили, клириковъ даже изъ донатистовъ, отказавшихся отъ своихъ заблужденій, если только это содѣйствуетъ водворенію мира среди христіанъ, принимать въ принадлежащемъ каждому санѣ, на томъ основаніи, какъ это совершалось въ предыдущіе вѣка въ такихъ же *случаяхъ*, о чемъ *свидѣтельствуютъ примѣры многихъ и почти всѣхъ* церквей Африки, среди которыхъ возникали подобнаго рода заблужденія“ (Прав. 77).

Кромѣ приведенныхъ нами соборныхъ и церковныхъ дѣйствій и уступокъ касательно рукоположенія иновѣрцевъ, мы имѣемъ въ добавокъ и *частныя* мнѣнія о семъ св. отцевъ.

Св. Василій въ письмѣ къ Евлогію и Арпократіону пишетъ слѣдующее: „Евлогій напомнилъ мнѣ, какъ вы наблюдали осторожность не предпринимать ничего необдуманно или легкомысленно касательно послѣдователей Маркелла; но поелику Маркеллъ отлученъ отъ церкви по причинѣ догматовъ, то проклявшихъ ересь его, необходимо принять въ общеніе церкви“.

Того же мнѣнія касательно рукоположенія еретиковъ держались св. Іоанникій великій и святѣйшій патріархъ Меѳодій, какъ мы о семъ читаемъ слѣдующее въ житіи перваго изъ нихъ: „по отшествіи Ѳеофила (императора) отъ сей жизни, сынъ его съ супругою Ѳеодорою принимаютъ жезлъ правленія; Меѳодій же поставляется на

св. престолъ, какъ истинный іерей и человѣкъ Божій; (скажу вкратцѣ), когда имъ всѣ были возвращены къ православной вѣрѣ, и всякое волненіе и буря утихли и дѣла успокоились, между людьми благочестивыми возникъ новый раздоръ, и опять раздѣлилось мнѣніе касательно дѣлъ церковныхъ: ибо одни смотрѣли на принявшихъ отъ иконоборцевъ санъ священства, какъ на служителей, не находя въ семъ ничего вреднаго для благочестія, другіе же считали дѣломъ неправильнымъ, богопротивнымъ и непозволительнымъ ввѣрять святыню оскверненнымъ рукамъ. Меѳодій, какъ истинный Божій человѣкъ, грустилъ, скорбѣлъ и томился духомъ: ему казалось, что въ ушахъ его раздается гласъ великаго Павла, какъ бы вѣщающій ему такъ: „я желалъ бы самъ быть отлученъ отъ Христа за васъ, братій моихъ, если бы только вы стояли за одно съ нами и вмѣстѣ прославляли Святую Троицу“. Таково было его стремленіе; прочіе же (непринимавшіе какъ сослужителей тѣхъ, которые получили рукоположеніе отъ иконоборцевъ) готовы были скорѣе терпѣть все, нежели измѣнить свое мнѣніе, такъ что вся церковь вновь расторглась на части, тогда боголюбезный Іоанникій, среди такого безпокойнаго состоянія дѣлъ, отчасти словомъ, отчасти же письмомъ, которымъ подобно трубѣ, призывалъ отдѣлившихся членовъ церковной паствы къ единомыслію, самъ погруженный душою въ Единомъ Богѣ, единомъ добромъ пастырѣ, а не наемникѣ, поддерживалъ въ особенности колеблющійся духъ святителя Меѳодія (отъ страха начинающій уже уклоняться на сторону отвергавшихъ рукоположеніе иконоборцевъ), написавъ ему о семъ между многимъ другимъ и то, чтобъ онъ вовсе не уклонялся на сторону раздѣлявшихъ на разныя части

то, что должно быть единосущнымъ, и возбуждавшихъ, увы, неумѣстные раздоры; съ таковыми онъ совѣтуетъ ему даже и словомъ не входить въ общеніе и, сколько возможно, уклоняться отъ всякой встрѣчи съ ними. Іоанникій выражаетъ даже мысль, что отвергающій посвященіе другаго, самъ не можетъ считаться истиннымъ священнослужителемъ, и пишетъ, что Меѳодій долженъ допускать въ богослужебное общеніе съ собою лишь такихъ, которые единомысленны съ нимъ относительно образа жизни и догматовъ православія. Когда Меѳодій получилъ это посланіе, *то онъ принялъ во вниманіе все написанное; злые же люди, обративъ дѣло въ смѣхъ и шутку, начали злословить добродѣтельнаго Іоанникія;* но, узнавъ, что онъ оклеветанъ ими, онъ во всеуслышаніе сталъ возвѣщать о Богѣ и истинномъ богопочтеніи и тѣмъ такъ сильно подѣйствовалъ на клеветниковъ своихъ, что они не только перестали злословить его, *но даже перемѣнили свое мнѣніе на лучшее;* и онъ успѣлъ научить уклонившихся отъ догматовъ православной вѣры признать то, въ чемъ онъ самъ былъ убѣжденъ. Такимъ образомъ, огромное число народа было побѣждено добродѣтелію одного святаго мужа, и цѣлые города въ скоромъ времени, отложивши *издавна* принятыя мнѣнія, стали держаться его убѣжденій; столь велика была его забота для блага общественнаго. Нужно замѣтить, что когда, такимъ образомъ, поступили Іоанникій и Меѳодій, иконоборцы были уже *оффиціально* изгнаны изъ священной ограды церковной, вслѣдствіе рѣшеній VII вселенскаго собора. Одинакое мнѣніе съ этими отцами церкви защищаетъ и св. Ѳеодоръ Студитъ въ письмѣ къ нѣкоему Стефану Чтецу: „Когда кто“, говоритъ онъ, „долженъ войти въ общеніе съ нами,

то мы испытываемъ и заботимся о томъ, держится ли онъ правой вѣры, не посвященъ ли онъ за деньги; *но хотя бы онъ получилъ посвященіе отъ еретика или отъ принявшаго за деньги санъ священства, самъ же не есть еретикъ и неумышленно принялъ посвященіе отъ мздоимника, т. е. впавшаго въ грѣхъ симоніи, и исповѣдуетъ всю истину* и клянется хранить вѣру и правила, не преступая ихъ и отвергая преступившихъ ихъ, *то противъ такого мы не имѣемъ достаточнаго обвиненія и такой не подвергается осужденію, согласно мнѣнію выше упомянутыхъ святыхъ и чрезъ нихъ согласно мнѣнію всѣхъ. Такъ мы принимаемъ въ общеніе церкви, и вамъ совѣтуемъ поступать также: ибо если станемъ изыскивать болѣе, то будемъ* нарушать наставленія св. отцевъ, и въ насъ не будетъ доставать дара освященія, *по которому мы имѣемъ право называть себя христіанами и тогда будемъ впадать въ язычество* и проч. Согласно съ этимъ выражается и блаженный Ѳеофилактъ: „Православными должно быть принято, *по преданію св. отцевъ*, и рукоположеніе, совершенное еретиками, если рукоположенные таковыми держатся православія и принимаютъ оное (Изъ сочин. Дим. Хомат.)“.

Ко всему этому надобно прибавить и то, что, согласно съ актами вышеупомянутыхъ соборовъ и съ наставленіями боговдохновенныхъ отцевъ, пречистая Матерь наша церковь вѣрно послѣдовала имъ и признала дѣйствительнымъ рукоположеніе мельхитовъ, въ 1860 году принявшихъ православіе, при знаменитомъ и мудромъ патріархѣ Іоакимѣ, уроженцѣ города Кизики (¹); подоб-

(¹) Я самъ, находясь тогда въ званіи секретаря при патріархѣ (константинопольскомъ) и святѣйшемъ синодѣ, присутствовалъ при этомъ святомъ и трогательномъ торжествѣ, когда грамоты были вручены, по-

нымъ образомъ поступила и православная церковь знаменитой Россіи, принявъ въ 1840 году съ сохраненіемъ сана возвратившихся къ православію епископовъ уніатовъ.

И такъ, если церковь Христова принимала посвященія совершенныя, открыто признанными, еретиками, каковы были напр. рукоположеніе святыхъ: Мелетія тіохійскаго, Кирилла іерусалимскаго, Германа константинопольскаго, Іоанна іерусалимскаго и др., не смотря на то, что посвященія эти были совершены еретиками, уже *оффиціально и соборно—осужденными*, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ *поименно* преданныхъ анаѳемѣ, то зачѣмъ намъ говорить о рукоположеніяхъ братій нашихъ армянъ, которые *въ сущности не* суть еретики, и католикосы ихъ, отъ которыхъ проистекаетъ все освященіе армянской церкви, *не были ни осуждены* соборомъ, *ни* слѣдовательно отлучены или преданы анаѳемѣ *актомъ церковнымъ? Иное* дѣло быть достойнымъ и повиннымъ осужденію вслѣдствіе смертнаго грѣха, воспрещающаго посвященіе, или вслѣдствіе ереси, древней и соборнѣ осужденной или даже новѣйшей; и опять *иное* дѣло *быть за сіе дѣйствительно и поименно осужденнымъ* (по этому то и Св. Кириллъ до соборнаго суда и осужде-

славными отъ мельхитовъ, іеромонахами Гавріиломъ и Іоанномъ, которые въ день св. Андрея отправили вмѣстѣ съ патріархомъ и св. соборомъ праздничное служеніе. Но увы! славное это дѣло возвращенія къ православію 30.000 душъ осталось по большей части не довершеннымъ, по причинѣ послѣдовавшихъ для матери Церкви печальныхъ событій, въ числѣ которыхъ можно считать и болгарскій вопросъ, поднятый злоумышляющею и враждебною Греціи рукою, съ цѣлію посѣять раздоръ между православными народами востока. Но рано или поздно православіе восторжествуетъ на Востокѣ, враги же его „погибнутъ, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра“ по словамъ пророка, и вотще трудятся безразсудные!“

нія ересіарха Несторія *называетъ его благоговѣйнѣйшимъ Владыкою и сослужителемъ*), ибо не подвергшійся еще *суду* и неосужденный словомъ или актомъ соборнымъ, имѣетъ дѣйствительную власть священства, по выраженію св. Іоанна Златоуста, и совершенныя имъ священнодѣйствія правы и имѣютъ силу даже въ томъ случаѣ, когда священнодѣйствующій тяжко согрѣшилъ, какъ говоритъ о семъ Исидоръ Пелусіотъ ([1]); одинъ только подвергшійся суду и осужденный рѣшеніемъ соборнымъ совершенно лишается права священства ([2]). Довольно и сихъ расужденій о рукоположеніи иновѣрцевъ; перейдемъ теперь къ вопросу о крещеніи ихъ.

Уже въ первые вѣка Христіанства былъ поднятъ вопросъ о перекрещиваніи еретиковъ. Приверженцы папы римскаго Стефана утверждали, что не слѣдуетъ перекрещивать ни одного, возвращающагося къ православію, послѣдователя какой бы то ни было ереси; этого же мнѣнія держался изъ числа восточныхъ епископовъ священномученикъ Діонисій александрійскій. Приверженцы же священномученика Кипріана противились Стефану, утверждая, что „слѣдуетъ перекрещивать всѣхъ,

---

([1]) „Удались“, говоритъ онъ, „отъ Божественнаго жертвенника, да не разразится казнь надъ главою твоею“ (посл. 570).

([2]) Иные изъ нашихъ идутъ еще далѣе: они считаютъ священнодѣйствія людей даже поименно и церковнымъ рѣшеніемъ осужденныхъ дѣйствительными, говоря, что хотя они сами лишаются благодатнаго дѣйствія священства, но не теряютъ силы его, и потому, получивъ прощеніе, не должны снова быть рукополагаемы. Нераскаянна-бо, говорятъ они, „дарованія Божія“. Въ защиту столь смѣлаго мнѣнія они приводятъ какой-то соборный актъ, изданный въ 1098 году при константинопольскомъ патріархѣ Лукѣ, которымъ былъ осужденъ нѣкій Леонтій епископъ Валвисскій за перекрещеніе христіанина, уже принявшаго крещеніе отъ преданнаго анаѳемѣ (соб. акты т. II стр. 993. Подобнымъ образомъ разсуждаетъ Іосифъ Вріенній въ письмѣ къ Ник. (Евгеній Булгарисъ, въ критическомъ обозрѣніи грам. Неоф. Кавсокаливита) и т. д.

къ какой бы ереси они не принадлежали". Церковь, избравъ средній и царскій путь, опредѣлила на святыхъ своихъ соборахъ: соблюдающихъ въ обрядѣ крещенія призваніе трехъ лицъ Божества и троекратное погруженіе (не смотря на еретическія ихъ о семъ толкованія) принимать чрезъ помазаніе Св. мvромъ". „Возвращающихся изъ еретиковъ къ православію и къ части спасаемыхъ", гласитъ II вселенскій соборъ, „мы принимаемъ сообразно нижеслѣдующему порядку: аріанъ, македоніанъ, савватіанъ, новатіанъ, аристеровъ, тессараскедекатитовъ и аполлинаристовъ мы принимаемъ по врученіи ими грамоты, по произнесеніи анаѳемы на всякую ересь, мыслящую не такъ, какъ мыслитъ святая каѳолическая и апостольская церковь Божія, и послѣ помазанія таковыхъ святымъ мvромъ... Евноміанъ же крещаемыхъ чрезъ однократное погруженіе (1), монтанистовъ и савелліанъ, признающихъ только Отца и Сына и держащихся всѣхъ остальныхъ ересей... желающихъ присоединиться къ православію мы принимаемъ какъ *эллиновъ* т. е. язычниковъ. Въ первый день мы вводимъ ихъ въ христіанство, и такимъ образомъ оглашаемъ ихъ; во вторый день признаемъ ихъ оглашенными, въ третій заклинаемъ ихъ троекратнымъ дуновеніемъ на ихъ лица и уши, и такъ оглашаемъ ихъ; за тѣмъ дозволяемъ оставаться въ церкви и слушать священное Писаніе и послѣ сего крещаемъ ихъ (прав. 7). Тоже опредѣляетъ и VI вселенскій соборъ (прав. 95). И помѣстный соборъ въ Карѳагенѣ, уклонившись отъ

(1) Крещеніе у Евноміанъ совершалось подъ многими различными формами: иногда они крещали „въ смерть Господа", иногда же во имя Бога несотвореннаго, Сына сотвореннаго и Духа освящающаго", какъ о томъ свидѣтельствуетъ святый Епифаній.

строгости правилъ бывшаго предстоятеля своего св. Кипріана, позволяетъ донатистовъ, возвращающихся къ церкви, сообразно древнимъ постановленіямъ принимать черезъ возложеніе рукъ, каковое правило изложено въ слѣдующихъ словахъ: „Благоизволилось намъ, чтобы между донатистами крещенные въ малолѣтствѣ и неспособные тогда познать свое заблужденіе, пришедши въ разумную мѣру возраста, по признаніи ими истины и по отреченіи отъ ошибочныхъ своихъ мнѣній, были *сообразно древнимъ постановленіямъ* приняты въ каѳолическую церковь Христову посредствомъ возложенія рукъ и не были возбраняемы отъ степеней священства... Ибо, какъ ясно учитъ Боговдохновенный апостолъ, единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе", то *не* слѣдуетъ повторять того, что должно быть совершено только единожды и т. д. (прав. 68). Тоже постановленіе дѣлаетъ и I вселенскій соборъ касательно отщепенцевъ новатіанъ (собор. прав. 8) (¹); равно и Блаженный Ѳеофилактъ, слѣдуя сему соборному преданію, выражаетъ мысль, что должно требовать отъ латинянъ, присоединяющихся къ православной церкви, въ знакъ ихъ общенія съ нами, одного только исповѣданія непорочнаго сvмвола, безъ прибавленія. Совсѣмъ этимъ согласна и церковь Христова константинопольская, какъ видно изъ посланія ея къ братіямъ нашимъ великобританцамъ въ 1723 году, гдѣ она отзывается объ еретикахъ, принявшихъ св. крещеніе чрезъ троекратное погруженіе съ призываніемъ трехъ лицъ Пресвятыя Троицы, слѣдующимъ образомъ: „еретики, которое от-

(¹) Извѣстно, что правила собора карѳагенскаго, хотя и помѣстнаго, имѣютъ силу „вселенскихъ", какъ подтвержденныя VI вселенскимъ въ Труллѣ соборомъ.

реклись отъ своей ереси и желаютъ присоединиться къ каѳолической церкви, принимаются церковію, какъ принявшіе *крещеніе совершенное*, хотя и имѣвшіе вѣру *несовершенную*. Почему, по усовершенствованіи въ вѣрѣ, они не перекрещиваются"... и далѣе, „крещеніе налагаетъ печать неизгладимую: поэтому *не возможно* перекрещивать разъ крещеннаго *правильно*, т. е. по образу, преданному апостолами".

И такъ, если церковь принимала за дѣйствительное крещеніе аріанъ, македоніанъ и аполлинаристовъ, находившхся подъ вліяніемъ столь тяжкихъ ересей и уже оффиціально и соборно осужденныхъ; если признавалось дѣйствительнымъ такое крещеніе, въ уваженіе къ тому, что соблюдался неизмѣннымъ Богомъ преданный образъ таинства, то что говорить о крещеніи братій нашихъ Армянъ, которые вовсе не измѣнили обрядовъ таинства, и ктому же не суть ни еретики, ни приверженцы Евтихія, и католикосы ихъ (отъ коихъ происходитъ все священство армянской церкви [1]) хотя, по извѣстнымъ причинамъ и отвергали въ древности IV вселенскій соборъ, однако никогда не были преданы анаѳемѣ и вовсе не подпадали соборному осужденію каѳолической церкви.

О снисходительномъ воззрѣніи на выраженія богослововъ армянской церкви о догматѣ божественнаго воплощенія.

„Можно уклониться отъ любви, ради *большей* любви, можно преступить правду ради *большей* правды: слу-

(1) Достойно замѣчанія, что никто изъ іерарховъ армянской церкви не имѣетъ права поставлять въ епископы за исключеніемъ одного только Католикоса Эчьміадзина.

чается, что и заповѣдь *ради заповѣди* преступается" (1), говоритъ святый Іоаннъ Лѣствичникъ. Основываясь на такихъ христіанскихъ и философскихъ началахъ, мы разсуждаемъ такъ: „когда какое либо узаконеніе или обычай мѣстной церкви является несогласнымъ съ уставами церковными, но не касается однако вѣры и основныхъ нравственныхъ началъ евангелія (2), и когда исправленіе подобнаго обычая окажется *совершенно невозможнымъ*, по причинѣ укорененія его въ *совѣсти* цѣлаго христіанскаго народа въ продолженіи многихъ вѣковъ, то не слѣдуетъ, чтобы изъ за этого народъ сей былъ отчужденъ отъ общенія прочихъ церквей, чѣмъ ниспровергается законъ евангельской любви, которая есть *верхъ* и *основаніе* христіанства: исправленіе же подобнаго противоканоническаго обычая пусть достигается мѣрами кроткими и снисходительными, согласно съ заповѣдію апостола: „мы сильные должны носить немощи *безсильныхъ* братій нашихъ". Мнѣніе сіе, выраженное еще проще и сокращеннѣе, можетъ быть изложено такъ: „Не должно жертвовать главнымъ догматомъ христіанства (3) ради обычая, съ давнихъ временъ существующаго среди какого либо народа, и вовсе не противнаго вѣрѣ или высокимъ нравственнымъ началамъ евангелія". На основаніи такого разсужденія, мы смѣло идемъ впередъ, съ совершенно покорностію, пред-

(1) Того же начала держится и философія въ вопросѣ о столкновеніи обязанностей.

(2) „Я сказалъ „не касается вѣры" потому что когда какой либо обрядъ прямо или косвенно стремится къопровержепію вѣры и основныхъ началъ Евангелія, точное соблюденіе которыхъ и отличаетъ *любовь къ Богу*, то нѣтъ мѣста никакому снисхожденію или уступкѣ ради любви къ ближнему, ибо, по словамъ святаго Григорія Богослова": *лучше брань, нежели миръ, отчуждающій отъ Бога.*"

(3) Разумѣется „любовію".

лагая нашъ смиренный взглядъ, касательно уступокъ и снисходительности, необходимыхъ въ дѣлѣ единенія съ братіями нашими армянами, на изслѣдованіе Матери нашей, единой, святой, каѳолической и апостольской Церкви, которая есть *единый* не погрѣшительный судія въ дѣлахъ церковныхъ.

По нашему мнѣнію, между нами и армянами, относительно догмата Божественнаго воплощенія, нѣтъ никакого *существеннаго* различія и, какъ оказывается, недоразумѣніе происходитъ просто отъ превратнаго толкованія нѣкоторыхъ *словъ*. Извѣстно, что это недоразумѣніе исчезло послѣ бывшихъ, въ 1179 году въ Румъ-Кале и Тарсѣ, взаимныхъ объясненій со стороны Ѳеоріана и католикоса Нерсеса, когда ясно и точно исповѣдано было несліянное по ѵпостаси единство во Христѣ Божества и человѣчества, и когда признана была армянскою церковію боговдохновенность IV вселенскаго собора. И такъ несомнѣнно, что обѣ церкви легко могутъ сойтись касательно *сущности* этого вопроса. Но если армяне, хотя и справедливо мыслящіе о семъ божественномъ догматѣ, захотятъ остаться при обычныхъ своихъ выраженіяхъ, по примѣру католикоса Нерсеса III, то какъ слѣдуетъ намъ поступать? Уже ли мы должны тотчасъ и съ самаго начала прервать всякое съ ними сношеніе? Никакъ;—вотъ какъ, по нашему смиренному взгляду, слѣдовало бы дѣйствовать въ случаѣ подобной настойчивости. Если послѣ многихъ попытокъ не удастся намъ убѣдить ихъ измѣнить свои выраженія, отчасти оттого, что они основаны на особенностяхъ армянскаго языка, отчасти же потому, что освящены церковными ихъ писателями и находятся въ употребленіи въ продолженіе многихъ вѣковъ, то, мнѣ кажется, мы можемъ

довольствоваться слѣдующимъ. Должно требовать: 1) чтобы они ясно признали *вселенское* достоинство и *боговдохновенность* IV собора; 2) чтобы они предали анаѳемѣ Евтихія, Діоскора, Севира и остальныхъ монофизитовъ и ѳеопасхитовъ, нечестиво признающихъ смѣшеніе и сліяніе двухъ естествъ во Христѣ; 3) чтобы они признали, что два естества несліянно, непреложно и неизмѣнно соединились въ одномъ лицѣ Богочеловѣка ([1]), и что каждое изъ этихъ естествъ сохранило невредимо отличавшее его свойство; 4) что Божество воплощеннаго Слова пребывало безстрастнымъ; 5) что, проповѣдуя *во Христѣ одно естество*, они далеки отъ нечестиваго толкованія евтихіанъ и акефалитовъ, и подъ этими словами разумѣютъ не что иное, какъ то, что разумѣетъ каѳолическая церковь подъ словами „два естества", т. е. нераздѣльное и несліянное единство Божества и человѣчества, и 6) что, хотя они и остаются при своемъ выраженіи, какъ болѣе свойственномъ ихъ языку и какъ издревле освященномъ ихъ церковью въ богословскихъ и поучительныхъ сочиненіяхъ, равно какъ и въ церков-

---

([1]) О томъ, какъ слѣдуетъ понимать (сколько доступно уму нашему) единство по ѵпостаси двухъ естествъ во Христѣ, VII вселенскій соборъ научаетъ насъ чрезъ діакона Епифанія: „Григорій Богословъ, говоритъ онъ, пустыя ихъ (Несторіанъ) разсужденія опровергаетъ такими словами: когда естества раздѣлены въ умѣ, то и имена сами собою раздѣляются. И всѣ св. отцы наши, не признавая сліянія естествъ, говорятъ, что два естества Христовы отдѣляются въ умѣ по причинѣ различія, а *не* раздѣленія. Несторій же на дѣлѣ раздѣляетъ естества, говоря что *иное* слово, рожденное отъ Бога, *иное* же рожденное отъ Дѣвы, человѣкъ *самъ по себѣ* и Богъ *самъ по себѣ*: вселенская же церковь, признавая единство *несліянное*, разумомъ токмо раздѣляетъ естества *нераздѣльно*, (по образу раскаленнаго желѣза) исповѣдуя единаго и тогоже Еммануила и послѣ соединенія). Акты соб. т. II стр. 838; смотри также письмо св. Никифора арх. константин. къ римскому Льву III и сокращ. изложен. Бож. догмат. Аѳанасія Парія стр. 313—317.

ныхъ ихъ пѣснопѣніяхъ, однакожъ они нисколько не охуждаютъ греческаго или лучше соборнаго выраженія („два естества во Христѣ"), напротивъ того, признаютъ выраженіе это благочестивымъ и православнымъ и т. д. Если они ясно и открыто признаютъ все это и утвердятъ собственною подписью, то нѣтъ достаточной причины намъ отвергать общеніе съ ними и провозглашать ихъ еретиками и разномыслящими по вѣрѣ; напротивъ, мы должны извинить имъ это выраженіе *изъ снисхожденія*, должны обнять ихъ какъ братьевъ, исповѣдующихъ одну съ нами вѣру, слѣдуя въ семъ богомудрому мнѣнію св. Григорія Богослова: „*Состязающіеся о божественномъ, да не осрамляются, какъ бы вѣра состояла для насъ въ словахъ, а не въ самой сущности* (см. Сов. слово, также Акты Соб. Т. I, стр. 289), и далѣе у св. папы Юлія: „Различествующимъ въ догматахъ нечестиво притворно соглашаться на словахъ ([1]), а соглашающимся въ догматахъ неразумно и безмысленно спорить изъ-за словъ„ (Акты соб. Т. I, стр. 211). Слѣдуемъ также и мнѣнію извѣстнаго Θеоріана: „*когда мы слышимъ какое либо мнѣніе, кажущееся неправильнымъ, то не слѣдуетъ тотчасъ признавать таковое еретическимъ, но испытать его и узнать значеніе слова и смыслъ, въ которомъ оно употреб-*

([1]) Несторій, напримѣръ на словахъ былъ согласенъ съ каѳолическою Церковію, но въ объясненіи догматовъ разнствовалъ, признавая, правда, два естества во Христѣ, но по *раздѣленію* или по *смѣшенію*, а не по единству ѵпостасей, какъ свидѣтельствуетъ о семъ св. Кириллъ Александрійскій: „Если Несторій и признаетъ, говоритъ онъ, два естества, соблюдая различіе плоти и Слова (какъ то дѣлаетъ Церковь), но соединеніе сихъ естествъ онъ *уже не* исповѣдуетъ съ нами и т. д. (см. въ сокращенномъ изложеніи Божественныхъ догматовъ" Θеоріана стр. 455; сличи акты собор. т. II стр. 232) равно и другой поборникъ заблужденія Несторія, Павелъ Самосатскій на словахъ былъ согласенъ съ православными, а въ догматахъ разнствовалъ отъ нихъ, по свидѣтельству папы Юлія (смотри акты соборн. томъ II стр. 11) и т. д.

ляется". Есть множество и других въ *древности* примѣровъ *подобной* церковной снисходительности и уступокъ, которыми мы можемъ руководиться въ извиненіи и оставленіи армянскихъ выраженій, если только мы предварительно получимъ отъ братій нашихъ, армянъ, устно и письменно необходимыя православныя изъясненія и толкованія, какъ было сказано выше.

Примѣры же, о которыхъ идетъ рѣчь, слѣдующіе:

Извѣстно, что склонный къ іудейству, Савеллій нечестиво проповѣдывалъ въ Богѣ одну ѵпостась или лице, измѣняющееся по временамъ сообразно предлежащей необходимости" (св. Василій къ Амфилохію), т. е., онъ училъ, что то же лице иногда являлось какъ Отецъ, иногда же какъ Сынъ, а иногда какъ Духъ Святый; Арій же, въ противоположность ему, въ свою очередь раздѣлялъ естество Божеское на три отдѣльныя и неравныя божества, различествующія по степенямъ, и училъ, что Сынъ есть твореніе Отца („было время", говорилъ онъ, „когда Его не было"), а Духъ Святый— твореніе Сына. Отсюда многіе изъ православныхъ, равно отвергая обѣ эти нечестивыя противоположности, употребляли нѣкоторыя догматическія выраженія, различныя между собою. Иные возставали противъ Савеллія, другіе же противъ Арія; одни признавали въ Божествѣ три ѵпостаси; другіе же, — три лица и одну ѵпостась (принимая это слово въ смыслѣ существа), отвергая выраженіе *три ѵпостаси*, какъ отзывающееся аріанствомъ; отсюда исповѣдники трехъ ѵпостасей считали приверженцевъ несогласнаго съ ними ученія о трехъ лицахъ понимающими эти лица *въ особенномъ смыслѣ*, подобно какъ Савеллій (1); противники же упрекали не-

(1) Такое ихъ подозрѣніе касательно признающихъ три ѵпостаси не

признававшихъ одну ѵпостась, какъ раздѣляющихъ единую сущность и естество Божества, т. е. считали ихъ послѣдователями Арія; и „распря бѣ въ нихъ“. Богодохновенный же Григорій совѣтуетъ имъ прекратить

было лишено нѣкотораго правдоподобія, ибо св. Василій Великій говоритъ: признающіе одно и тоже существо и ѵпостась принуждены исповѣдывать только различіе лицъ и, избѣгая выраженія „три ѵпостаси“, неизбѣжно впадаютъ въ заблужденіе Савеллія, который самъ часто, сливая смыслъ, былъ въ опасности *раздѣлять* лица, говоря, что одна и таже ѵпостась измѣнялась сообразно открывавшимся въ разныя времена нуждамъ“ (изъ письма къ Амфил.); что христіане, о которыхъ мы упомянули выше, не подлежали осужденію, какъ Савелліане, о которыхъ пишетъ св. Василій Великій, а были напротивъ совершенно православны, объ этомъ свидѣтельствуетъ, какъ мы увидимъ, св. Григорій Богословъ: ибо если они и погрѣшали въ богословскихъ выраженіяхъ, и тѣмъ подвергались подозрѣнію въ савелліанизмѣ отъ единовѣрныхъ имъ христіанъ, но въ разумѣніи самаго догмата не погрѣшали вовсе, понимая подъ своимъ выраженіемъ то же, что понимали остальные изъ православныхъ признающіе три ѵпостаси, и касательно догмата о Божествѣ не разнствуя ни въ какомъ отношеніи, какъ развѣ только въ однихъ *словахъ*. Замѣть, христолюбивый читатель, соотношеніе этихъ обстоятельствъ. Въ древности нѣкоторые изъ православныхъ, хотя враждебные мнѣнію Савеллія, не рѣшались признавать три ѵпостаси въ Божествѣ, избѣгая аріанства, равно и армяне, хотя враждебные монофизитскимъ заблужденіямъ, не рѣшались говорить „два естества во Христѣ“, изъ страха несторіанства (ибо Несторій, какъ мы видѣли, злоупотреблялъ этимъ выраженіемъ). „Вообще же,—выраженіе: „два естества“ даетъ понятіе раздѣленія: и я боялся, чтобы, избѣгая пропасти Евтихія, признающаго одно естество, не упасть намъ въ пропасть Несторія, для двухъ естествъ признающаго и два лица“ (какъ выражался Нерсесъ Θеоріану). Но вотъ и яснѣйшее изложеніе. Въ IV вѣкѣ, въ Антіохіи православные приверженцы Павлина и православные же приверженцы блаженнаго Мелетія имѣли между собою споръ о догматѣ тріѵпостаснаго Божества, и осуждали другъ друга въ аріанствѣ или въ савелліанствѣ, хотя обѣ стороны равно отвергали ересь Арія и Савеллія; равно и мы, вслѣдствіе недоразумѣнія разнствуемъ отъ армянъ касательно догмата Божественнаго воплощенія: они до нѣкоторыхъ поръ упрекали насъ въ несторіанствѣ: мы же съ своей стороны (*по созвучію* ихъ догматическаго выраженія съ евтихіанскимъ) упрекали ихъ въ евтихіанствѣ, хотя обѣ стороны равно предаютъ анаѳемѣ Несторія и Евтихія: подобно тѣмъ древнимъ христіанамъ, и мы не видимъ, что въ сущности держимся одного и того же мнѣнія о вочеловѣченіи Божества, *хотя и разнствуемъ въ словахъ*“.

подобнаго рода пустое словопреніе, такъ какъ они въ сущности держатся одного праваго мнѣнія, и не спорить о *пустыхъ* словахъ, нарушая тѣмъ любовь во Христѣ. „Оставимъ, говоритъ онъ, спорныя переименованія и противопоставленія словъ, не признавая съ Савелліемъ одно вмѣсто трехъ и ошибочнымъ сліяніемъ разрушая отдѣльность; ниже признавая съ Аріемъ три вмѣсто единаго и лукавымъ раздѣленіемъ ниспровергая единство: ибо дѣло не въ томъ, чтобы неправильное мнѣніе измѣнять на худшее, но въ томъ, чтобы не уклоняться отъ православія, чтобы не стать посмѣшищемъ лукаваго, дающаго въ насъ перевѣсъ злу; мы же, избравъ средній и царскій путь, ведущій ко всякой добродѣтели, какъ явно для всѣхъ испытанныхъ въ въ этомъ, вѣруемъ въ Отца и Сына и Святаго Духа, единосущныхъ и единославныхъ, въ нихъ же и самое крещеніе *имѣетъ совершенство и въ словахъ и въ дѣйствіяхъ*... Вѣдая единство по существу и по нераздѣльности поклоненія, и признавая *троичность* въ ѵпостасяхъ или лицахъ (какъ хочешь называй ихъ); спорящіе же о семъ да не осрамляются, *какъ бы вѣра состояла для насъ въ словахъ, а не въ самой сущности*. Ибо что говорите вы, приводящіе три ѵпостаси? Не три ли существа (согласно съ Аріемъ) проповѣдуете? Знаю, что вы будете громко вопіять противъ проповѣдующихъ такъ: ибо вы проповѣдуете одно существо и то же самое въ трехъ лицахъ. Что же говорите вы, признающіе три лица? Не создаете ли вы одно нѣчто сложное (подобно Савеллію) и совершенно трехъличное или человѣкообразное? Никакъ! и вы возразите: что же вы разумѣете подъ ѵпостасями, а вы подъ лицами?... Еще прибавлю: раздѣляемое — три, не по естеству, а по

отдѣльности свойствъ: прекрасно? *Можно ли быть въ большемъ согласіи и говорить одно и тоже, чѣмъ теперь дѣлаете вы, держась подобныхъ мнѣній, хотя и расходитесь на словахъ?* Видите *каковъ я примиритель между вами, приводя васъ отъ буквы къ смыслу*" (Акты Соб. Т. I, стр. 281)? Такимъ образомъ, этотъ великій отецъ церкви приводилъ въ общеніе разнорѣчащихъ по одному простому недоразумѣнію, и *по снисходительности*, ради мира и любви во Христѣ, тѣмъ и другимъ извинялъ ихъ выраженіе, и не осуждая непринимающихъ словъ *три ѵпостаси*, равно какъ и не требуя отъ противомыслящихъ непремѣннаго отреченія отъ употребленія этихъ словѣ: „ибо, говоритъ онъ, спорящіе о семъ да не осрамляются, *какъ бы благочестіе наше состояло въ словахъ, а не въ сущности*", и т. д. Такому примѣру снисхожденія именитаго въ богословіи и великаго отца церкви, можно, думаю, послѣдовать и въ томъ случаѣ, когда бы братія наши армяне, по вышесказаннымъ причинамъ, не согласились (чего да не будетъ!) отречься отъ усвоенныхъ ими выраженій. При оказаніи снисхожденія и допущеніи уступокъ, полагаю достаточнымъ требовать того, чтобъ они ясно и снова предали анаѳемѣ послѣдователей ересеначальника Евтихія, вновь провозгласивъ боговдохновенность IV и трехъ послѣдующихъ за нимъ вселенскихъ соборовъ въ отдѣльной *грамотѣ*, и чтобы они изложили ясно, пространно и безъ суемудрыхъ словъ смыслъ, который они придаютъ своимъ выраженіямъ, т. е., что, признавая *во Христѣ одно естество*, они весьма далеки отъ нечестиваго мнѣнія Евтихія и принимаютъ оное въ смыслѣ нераздѣльнаго, неслiяннаго ѵпостаснаго единства во Христѣ

Iисусѣ Божества и человѣчества ([1]), что естество Божеское нимало не смѣшалось и не слилось съ человѣческимъ, но что отдѣльное свойство каждаго существа сохранилось цѣлымъ и неприкосновеннымъ, что Божество прѣбывало безстрастнымъ, и что подъ выраженіемъ „одно естество" они разумѣютъ *одну упостась, одно лице*. И это и подобныя сему объясненія, мы убѣждены, братія наши армяне легко примутъ и подпишутъ (доказательствомъ чему служитъ ясное и не лицемѣрное признаніе, сдѣланное отъ лица армянской церкви Нерсесомъ III Өеоріану). Если все это, равно какъ и символъ никейскій (въ чемъ нельзя сомнѣваться) будетъ ими подписано, то мы должны вступить съ ними въ общеніе и безъ дальнѣйшаго разбора словъ и выраженій. „Ибо однозвучныя слова", говоритъ тотъ же вселенскій учитель, хорошо понятыя и истолкованныя,

---

([1]) *Христомъ* Слово Божіе называется *послѣ* неизъяснимаго его и неизглаголаннаго вочеловѣченія, по ученію св. отцевъ. „Когда Слово стало плотію, говоритъ святѣйшій Кириллъ Александрійскій, *тогда* говоримъ мы, Оно именуется Христомъ Іисусомъ. Ибо когда онъ былъ помазанъ елеемъ радованія т. е. Духомъ Святымъ отъ Бога и Отца, *тогда же названъ Христомъ* (помазанникомъ), что помазаніе касается Его человѣчества, о семъ никто изъ привыкшихъ правомыслить не можетъ сомнѣватся: ибо какъ Богъ и Слово Онъ неимѣлъ нужды: никто не скажетъ, что Слово Божіе помазуется и освящаются собственнымъ Духомъ, какъ бы по естеству превышающимъ и обладающимъ надъ нимъ: ибо безъ всякаго прекословія меньшій благословляется большимъ. Итакъ, поелику освященіе и помазаніе принадлежитъ человѣчеству, то Слову Божію прилично называться Христомъ не тогда, когда Оно еще не принимало человѣчества и *не* было воплощено, не тогда, когда, сдѣлавшись подобнымъ намъ человѣкомъ, Оно получило помазаніе по человѣчеству своему: и такъ имя „*Христосъ*" никакъ не слѣдуетъ употреблять *прежде*, нежели Слово рожденное отъ Бога Отца сдѣлалось подобнымъ намъ: если же Оно и названо гдѣ Христомъ, то понимай это какъ сказанное объ Немъ уже воплощенномъ (Акты собор. томъ I, стр. 388) и далѣе: „если называю Слово Божіе *Христомъ*, то *вочеловѣчившагося* Того возвѣщаю". Тамъ же стр. 390).

принадлежатъ *благочестію*, превратно же объясненныя обращаются въ нечестіе" (письмо къ Клидонію) ([1]). Перейдемъ къ другому примѣру снисхожденія.

Св. Аѳанасій великій, этотъ непоколебимый столпъ православія, жалѣя о словопреніяхъ между православными антіохійцами, пишетъ съ находившимися тогда въ Александріи епископами „изъ Италіи, Аравіи, Египта и Ливіи: Евсевіемъ, Астеріемъ, Гаіемъ, Агаѳіемъ, Аммоніемъ, Агаѳодемономъ, Драконтіемъ, Аделфіемъ, Ермеономъ, Марніемъ, Ѳеодоромъ, Андреемъ, Пафнутіемъ

([1]) Многіе примѣры сего мы находимъ въ исторіи Церкви. 1) Православные послѣдователи Павлина говорили, что *одна ѵпостась*, но понятіе ихъ было совершенно противоположно смыслу *того же* выраженія у Савеллія, ибо они правильно и благочестно понимали сіе, а не подобно тому нечестивому ересеначальнику, сливавшему лица Божества, о чемъ свидѣтельствуютъ, какъ мы уже видѣли, два великихъ свѣтильника церкви, Григорій и Аѳанасій. 2) Нѣкоторые изъ послѣдователей Савеллія употребляли слово *единосущный*, которое въ послѣдствіи соборъ Никейскій освятилъ, по вдохновенію Божію, въ составленномъ имъ Символѣ вѣры, но понимали оное неправильно, т. е. не въ томъ благочестивомъ смыслѣ, въ которомъ употребляли оное еще прежде вышеупомянутаго собора два святыхъ Діонисія, Римскій и Александрійскій, согласно преданію Церкви,—но въ смыслѣ единоѵпостасный или равноѵпостасный: почему на соборѣ, бывшемъ въ Антіохіи противъ Павла Самосатскаго, слово это было отвергнуто (разумѣется только въ *одномъ этомъ смыслѣ*) (Контогонъ, Патрологія, томъ II стр. 117). 3) Несторій-человѣкоугодникъ самъ употреблялъ освященное выраженіе „два естества", которое бывшій послѣ него въ Халкидонѣ IV вселенскій соборъ Боговдохновенно освятилъ; но ересеначальникъ неправильно изъяснялъ оное и разрушалъ смыслъ сочетанія во Христѣ Божества и человѣчества, по свидѣтельству св. Кирилла, какъ было сказано выше. 4) Папа Юлій въ своемъ посланіи къ священномученику Діонисію Александрійскому противъ Павла Самосатскаго, исповѣдуетъ *одно естество во Христѣ*, разумѣя сіе правильно и благочестно (какъ то дѣлаютъ и армяне), но это же слово совершенно неправильно истолковали приверженцы начальника монофизитовъ Евтихія, принимая его не въ благочестивомъ смыслѣ не раздѣльнаго и не сліяннаго ѵпостаснаго единства, какъ святѣйшій папа Юлій, но въ неясномъ смыслѣ *смѣшенія и сліянія* и т. д.

Маркомъ, Эвклоемъ, Георгіемъ, Луціемъ и Макаріемъ", къ Епископамъ: Люциферу, Астерію, Кимматію и Анатолію, бывшимъ въ то время въ Антіохіи, увѣщевая Антіохійцевъ принимать желающихъ возвратиться изъ аріанства въ лоно каѳолической церкви, *не требуя отъ нихъ ничего болье*, какъ только, чтобы они предавали анаѳемѣ ересь Арія, чтобы исповѣдали преданную св. отцами въ Никеѣ вѣру, чтобы также отреклись отъ называющихъ св. Духа тварію, различною отъ существа Христова, и совѣтуетъ имъ въ тоже время не спорить между собою о упостасяхъ, потому что, говорить онъ, *исповѣдующіе въ Божествѣ три упостаси, и признающіе одну, мыслятъ одинаково, и разнствуютъ въ однихъ только выраженіяхъ* (Контогонъ въ патролог. т. II стр. 118). „Призывайте же къ себѣ (говоритъ онъ) желающихъ изъ аріанъ, и принимайте же ихъ какъ учители и начальники, и, введши ихъ въ общеніе съ возлюбленными намъ последователями Павлина, *не требуйте отъ нихъ* ничего болѣе, какъ только, чтобы они предавали анаѳемѣ ересь Арія, чтобы исповѣдывали преданную св. отцами въ Никеѣ вѣру, чтобы также отреклись отъ называющихъ св. Духа тварью, различною отъ существа Христова. Ибо это значитъ по истинѣ отвергать ненавистную ересь Арія т. е. не раздѣлять Пресвятой Троицы и не говорить, что одно лице въ ней есть тварь; выдающіе же себя за признающихъ исповѣданную въ Никеѣ вѣру, а между тѣмъ осмѣливающіеся хулить Пресвятаго Духа, хотя на словахъ и отрекаются ереси Арія, въ мысляхъ держатся оной". И далѣе: „Между тѣмъ, какъ мы не можемъ не радоваться съ тѣми, которые желаютъ войти въ общеніе.... но вмѣстѣ просимъ васъ, чтобы у васъ было единомысліе, и что

бы мы ничего болѣе не требовали отъ нихъ (т. е. о томъ, станутъ ли они говорить—одна или три vпостаси)... „Онъ прибавляетъ, что и церковь александрійская показывала подобное же снисхожденіе, говоря: „мы просили нѣкоторыхъ, которыхъ укоряли за признающихъ три vпостаси, поелику слова были не написаны и поэтому нѣсколько подозрительны, *не требовать ничего болѣе*, какъ исповѣданія никейскаго: и таковыхъ *относительно спора* мы разспрашивали, не признаютъ ли они, подобно ревнителямъ ереси Арія, что vпостаси раздѣлены и различны между собою въ сущности, подобно прочимъ тварямъ, рожденнымъ отъ людей... не такъ ли помышляя и они говорятъ о трехъ vпостасяхъ; но они увѣряли насъ, что никогда не говорили и не думали этого; когда же мы ихъ спросили, почему вы такъ говорите, или вообще для чего употребляете такія слова, они отвѣчали, потому что мы вѣруемъ во св. Троицу, Троицу существующую не по имени только, но по истинѣ сущую и пребывающую... и непризнаемъ трехъ боговъ, три начала, и даже вовсе не имѣемъ общенія съ такъ говорящими или мыслящими, но знаемъ Святую Троицу, одно Божество, одно начало... Получивъ такое отъ нихъ *толкованіе* словъ въ защиту ихъ выраженій, мы стали распрашивать и осуждаемыхъ ими за признающихъ одну *vпостась*, не говорятъ ли они такъ, какъ мыслитъ Савеллій, во униженіе Сына и Св. Духа, считая Сына не имѣющимъ существа и Духа Святаго безъ-vпостаснымъ, но и они увѣрили насъ, что не говорятъ и никогда не мыслили такъ, *употребляемъ же слово vпостась* (сказали они) *полагая, что vпостась и существо имѣютъ тоже значеніе*, одну же (vпостась) признаемъ ради про-

исхожденія Сына отъ сущности Отца и ради тождества ихъ—естества; ибо мы вѣруемъ, что одно Божество и въ одномъ естествѣ, а не иное Отца и отдѣльное отъ Него естество Сына и естество Святаго Духа. И такъ (прибавляетъ св. отецъ) *и тамъ осуждаемые, какъ признающіе три ѵпостаси, согласовались съ тѣми* (кои признавали одну ѵпостась) и тѣ, которые отстаивали одно существо или ѵпостась, сходились съ первыми, *такъ что* обѣ стороны *толковали*, и исповѣдывали одно и тоже, и равно предавали анаѳемѣ Арія, какъ Христоборца, и Савеллія и Павла Самосатскаго, какъ нечестивцевъ, и Валентина и Василида, какъ враговъ истины". За тѣмъ, св. отецъ и собравшіеся съ нимъ члены собора, обратившись къ православнымъ антіохійцамъ, разноствовавшимъ между собою въ отношеніи этихъ выраженій, увѣщеваютъ ихъ сими словами: „поелику эти выраженія такъ объясняются, то просимъ васъ, исповѣдающихъ и толкующихъ *слова (одна ѵпостась, три ѵпостаси), которое бы изъ нихъ ни употреблялось, не осуждать опрометчиво одни другихъ, но скорѣе принимать въ общеніе примиряющихся и защитившихъ себя отъ нареканія;* не желающихъ же такъ исповѣдывать и толковать эти слова не принимать въ общеніе, но бояться, какъ людей подозрительныхъ по образу мыслей и, не сообщаясь съ таковыми, право толкующимъ и мыслящимъ совѣтуйте *не распрашивать болѣе другъ друга и не состязаться безполезно, ниже спорить о такого рода словахъ, но соглашаться касательно разумѣнія благочестія. Ибо мыслящіе иначе и только спорящіе о такихъ маловажныхъ словахъ, и требующіе болѣе написаннаго въ Никеѣ причиняютъ только пагубное претткновеніе ближнимъ, ненавидя миръ,*

и любя раздоры" (Это Догмат. посл. собора александр. помѣщено въ собор. акт. т. I стр. 263) ([1]).

Этотъ же Богодухновенный святой отецъ, хотя и былъ ревностнѣйшимъ поборникомъ *единосущія*, но въ письмѣ о соборахъ, бывшихъ въ Ариминѣ италійской и Селевкіи исаврійской, „увѣщеваетъ христіанъ каѳолической Церкви, чтобы они не почитали еретиками тѣхъ, которые не принимаютъ слова: Единосущный, но держатся одинаковаго понятія съ ними". (Контог. патрол. стр. 117).

Слѣдовательно, на основаніи такихъ примѣровъ цер-

([1]) Такъ какъ я часто употреблялъ термины „существо" и „ѵпостась", то считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о значеніи ихъ. Вотъ какое толкованіе этихъ двухъ догматическихъ терминовъ даетъ Небоязненный Отецъ Церкви. „Какое отношеніе имѣетъ общее къ частному, тоже имѣетъ существо къ ѵпостаси. Подобно тому, какъ общимъ словомъ „существо" мы выражаемъ нашу общую часть въ бытіи, но каждый имѣетъ свою личность, равно и здѣсь слово „существо" общее, какъ благость, или Божество, или какое либо другое понятіе общее: ѵпостась же является въ частномъ о свойствѣ Отца или освящающей силы" (письмо къ Терентію) и далѣе: „существо и ѵпостась имѣютъ тоже отношеніе, какъ общее къ частному, какое напримѣръ, имѣетъ животное къ тому или другому человѣку; и такъ подъ словомъ существо мы признаемъ одно Божество, чтобы не употреблять различнаго слова для означенія бытія: признаемъ же отличающую ѵпостась, чтобы понятіе объ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ было для насъ неслитнымъ и яснымъ; ибо непонимающимъ отличительныхъ признаковъ каждаго, какъ-то свойствъ *Отчества*, *Сыновства* и *Освятительства*, но исповѣдающимъ Бога въ общемъ о немъ понятіи, невозможно здраво дать отчетъ о своей вѣрѣ. Поэтому необходимо исповѣдывать вѣру, прилагая къ общимъ свойствамъ отличительныя; признавая *Божество* общимъ, а за тѣмъ отличительныя свойства называя *отчествомъ*: Вѣрую въ *Бога Отца*; и опять дѣлать тоже въ исповѣданіи Сына, „въ общемъ включая частное, говорить: вѣрую въ *Бога Сына;* равно продолжая соображать слова съ мыслію, слѣдуетъ говорить о святомъ Духѣ: вѣрую въ *Бога Духа Святаго*, дабы въ исповѣданіи Божества совершенно сохранить единство, и чтобы отличительная черта каждаго лица была исповѣдуема съ опредѣленіемъ свойства, приписываемаго каждому" (Канон. посланіе къ Амфил. о св. Духѣ).

ковнаго снисхожденія, если братія наши армяне захотять, по приведеннымъ нами причинамъ, остаться при усвоенныхъ ими богословскихъ выраженіяхъ, „*то должно развѣдать, не употребляютъ ли они слово „одно естество“ въ томъ смыслѣ, какъ принималъ его Евтихій*, т. е. *въ смыслѣ сліянія Божества и человѣчества во Христѣ, и въ уничтоженіе между ними различія. — За тѣмъ не слѣдуетъ требовать отъ нихъ ничего болѣе, кромѣ того, чтобы они вмѣстѣ съ нами предали анаѳемѣ ересь Евтихіанскую, равно какъ и тѣхъ, кои сливаютъ и смѣшиваютъ два естества во Христѣ и приписываютъ страданіе безстрастному Божеству Слова, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ они исповѣдывали вѣру, утвержденную святыми Отцами, собранными въ Никеѣ. Когда они такимъ образомъ будутъ исповѣдывать и толковать вышеупомянутыя слова, то намъ слѣдуетъ принять ихъ въ общеніе безъ дальнѣйшихъ безполезныхъ состязаній, но взаимно соглашаясь въ разумѣніи благочестія.*“ Тоже выражаетъ св. папа Юлій, говоря: „Разнствующимъ въ догматахъ соглашаться на словахъ нечестиво, равно какъ и соглашающимся въ догматахъ спорить изъ за словъ—неразумно и безсмысленно.“ И св. Григорій Богословъ говоритъ тоже: „*ибо вѣра наша состоитъ не въ словахъ и звукахъ, но въ самой сущности.*“ И по словамъ св. Аѳанасія Великаго „*мыслящіе о семъ иначе... причиняютъ только пагубное преткновеніе ближнимъ, ненавидя миръ и любя раздоры,*“ и какъ подтверждаетъ блаженный Ѳеофилактъ: „*они причиняютъ великій вредъ наслѣдію Сына, которое Онъ основалъ въ народахъ*“ (Изъ соч. Дим. Хом. отвѣтъ Ѳеофил. Константину Кавасилѣ, епископу Диррахіи).

Если, впрочемъ, братія наши армяне не согласятся

дать своимъ выраженіямъ вышеозначеннаго толкованія, т. е. не захотятъ предать анаөемѣ Евтихія и прочихъ монофизитовъ и открыто (оффиціально) не провозгласятъ боговдохновенность IV собора, чего впрочемъ, послѣ разъясненій нашихъ, никакъ невозможно предполагать, тогда, но *только тогда* мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на еретиковъ и отвергать всякое духовное съ ними общеніе. „Ибо, какъ говоритъ знаменитый въ богословіи отецъ, *предпочтительна брань миру, отчуждающему отъ Бога*" (въ прощальномъ словѣ)... *во прекы же* слова истины не слѣдуетъ мириться, уступая что либо въ видѣ снисхожденія, но доброе (т. е. имѣющее цѣлію миръ и любовь къ ближнему) слѣдуетъ стяжать добрѣ (тамъ же)... Отъ любви (къ ближнему) можно уклониться ради большей любви (т. е. Богу и откровенному Имъ слову истины). — (слова св. Іоанна Лѣствичника).

Но скажетъ кто либо изъ людей пытливыхъ и усматривающихъ вездѣ зло: „упорство армянъ въ сохраненіи своихъ выраженій едвали не свидѣтельствуетъ о неискренности ихъ и не служитъ ли знакомъ *затаенной мысли*, которая въ будущемъ можетъ произвести пагубныя послѣдствія для церкви, и насъ самихъ подвергнуть осужденію предъ Богомъ и всѣми входящими въ полноту православія? По всему этому никакъ не слѣдуетъ дозволять имъ употреблять подобныя выраженія, подъ предлогомъ снисхожденія, а должно требовать, какъ необходимаго условія единенія, чтобы они оффиціально отреклись и осудили все это," и т. д. Послѣ приведенныхъ примѣровъ считаю лишнимъ разъяснять, какъ не сообразно было бы серьозно разбирать такія возраженія. Но, для успокоенія излишне боязливой совѣсти такихъ лю-

дей, довольно будетъ привести слѣдующія многоцѣнныя слова св. Василія Великаго, возстававшаго въ посланіи къ Терентію противъ пытливыхъ и усматривающихъ вездѣ зло людей. „Желающихъ опять возвратиться къ общенію съ православіемъ, равно какъ и тѣхъ, которые впервые поступаютъ въ число оглашенныхъ словомъ истины, слѣдуетъ учить вѣрѣ, изложенной блаженными отцами на бывшемъ нѣкогда въ Никеѣ соборѣ. Это будетъ *полезно* и для тѣхъ, которыхъ подозрѣваютъ держащимися ученія *противнаго* здравому и *скрывающимъ свое неправомысліе подъ благовидными отговорками*. Но и для сихъ *довольно* вѣры, изложенной (въ символѣ); и они или сами исправятъ скрытую въ нихъ болѣзнь или же, затаивая её въ глубинѣ сердца, *сами понесутъ* вину *своего обмана, намъ же приготовляютъ легкій отвѣтъ въ день суда*, егда Господь приведетъ во свѣтѣ тайныя тьмы и объявитъ совѣты сердечныя.“—Потому *слѣдуетъ* принимать ихъ, когда они исповѣдываютъ вѣру согласно правиламъ, изложеннымъ отцами нашими въ Никеѣ *и здравому разумѣнію, заключающемуся въ нихъ*.

Перейдемъ теперь къ новѣйшимъ примѣрамъ церковковнаго снисхожденія и уступокъ.

Блаженный Θеофилактъ болгарскій, послѣдуя указаннымъ нами уступкамъ древнихъ и богомудрыхъ отцевъ, въ „Словѣ“ къ діакону Николаю (въ послѣдствіи бывшему архіепископу Мелесовы) выражаетъ слѣдующее мнѣніе, „что на одномъ условіи употребленія ими (латинянами) символа безъ прибавленія, остальные обычаи можно по снисхожденію извинить имъ, съ цѣлію приблизить къ себѣ души братій, согласно съ заповѣдію апостола: „кійждо ближнему да угождаетъ во благое къ созиданію.“ Θеофилактъ сильно возстаетъ противъ

тѣхъ, кои безъ разбора порицаютъ обычаи латинянъ. „Одни изъ сихъ обычаевъ“, говоритъ онъ, я не считаю подлежащими никакому измѣненію, другіе же—*умѣренному*, и то такому, отъ коего церковь выиграетъ не много: если же это и не будетъ сдѣлано, то отсюда для церкви не произойдетъ вреда; но то, что, мнѣ кажется, наиболѣе мѣшаетъ правомыслящимъ войти въ общеніе съ латинянами и что, не будучи исправлено, *причиняетъ великій вредъ наслѣдію Сына, Которому даны языки въ достояніе* (Псал. II), — это я постараюсь объяснить тебѣ по возможности... *Величайшая* ихъ ошибка, вслѣдствіе которой они находятся въ опасности, по словамъ Соломона „*обрѣстись во днѣ ада*“ (Притч. IX. 18), есть сдѣланное ими въ символѣ вѣры нововведеніе, проповѣдующее Духа исходящимъ отъ Отца и Сына“... И далѣе онъ же говоритъ: „если у западныхъ встрѣчается какая либо ошибка въ отношеніи догмата, которая колеблетъ вѣру отцевъ, какова прибавка въ символѣ о Духѣ Святомъ,—*то въ этомъ заключается опасность величайшая* и *извиняющій* сіе, не требуя исправленія онаго, самъ *неизвинителенъ*; *хотя право на такое прибавленіе они* (латиняне) *и основываютъ на превозношеніи своего престола и высоко сѣдящихъ на немъ, хотя выставляютъ самое исповѣданіе Петра, повторяя произнесенное за сіе ублаженіе, и хотя звучатъ намъ самыми ключами царствія*“. Послѣ чего блаженный учитель, исполненный духомъ любви Христовой, прибавляетъ слѣдующее: „Объ опрѣснокахъ же и постахъ не станемъ ожесточаться противъ упорнаго разумѣнію народа („италійскаго“): *это было бы склеивать раковину съ раковиною, не влагая между ними никакого клейкаго вещества, которое могло бы связать ихъ;* не слѣдуетъ также

много говорить и объ остальныхъ упомянутыхъ различіяхъ, соблюдая которыя латиняне кажутся многимъ не простительно погрѣшающими, но *не* соглашаться съ этимъ, по моему мнѣнію, долженъ *каждый, упражнявшійся въ исторіи церковной, и изъвѣдавшій, что не за всякій обычай слѣдуетъ отлучать отъ церкви, но только за тотъ, который ведетъ къ различію въ догматъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что почитаемыя этими дивными (!) судьями важныя заблужденія, суть не болѣе какъ обрядовыя... Если-бы я не опасался излишне распространиться и придать слову моему видъ повѣсти, то я показалъ бы тебѣ тысячи за тысячами обычаевъ, извиненныхъ древними отцами,—съ цѣлію обратить къ себѣ души братій: ибо отцы эти умѣли не себѣ угождать, но кійждо работати ближнему во благое, къ созиданію; нынѣ же мы спрашиваемъ, кто ближній мой, и отвергаемъ тысячи, которые дѣйствительно таковы" и т. д. (у Дим. Хомат. см. собраніе Свящ. Прав. Г. А. Ралли и М. Потли т. V стр. 431—434. Сличи также посланіе Петра Александрійскаго Михаилу Керулларію, помѣщенное во „Вселенской Правдѣ" т. II стр. 220—223). Такого мнѣнія древнихъ отцевъ и блаженнаго Ѳеофилакта держались и архіепископъ болгарскій Димитрій Хоматинскій (Собр. Св. Прав.) и Іоаннъ Китрійскій, и „*многие изъ ученыхъ мужей*", по свидѣтельству того же Хоматинскаго (Собр. Св. Прав. т. V стр. 435).

Наконецъ одинъ изъ трехъ новѣйшихъ поборниковъ православія и великихъ іерарховъ, соревнователь и подражатель славнаго Фотія и Григорія Паламы, богомудренно опровергавшихъ суевѣрія латинянъ, Маркъ Ефесскій, по прозванію „Евгеникъ", на извѣстномъ лжесоборѣ флорентійскомъ, по снисхожденію извинилъ

даже мнѣніе о двоякомъ исхожденіи ради любви во Христѣ. Хотя онъ, какъ мы увидимъ, вовсе не одобрялъ этого мнѣнія, однако онъ предложилъ латинянамъ изложить его въ *отдѣльномъ* и *частномъ* сумволѣ или исповѣданіи вѣры, или же въ Катихизисѣ для употребленія въ своихъ училищахъ, чтобы затѣмъ всенародно читался во святыхъ храмахъ *вселенскій* сумволъ, составленный съ *общаго* совѣта и разсмотрѣнія *всѣхъ* церквей, сошедшихся, такъ сказать, на „совѣщательномъ соборѣ“,—чтобы этотъ сумволъ они привели въ древній его видъ, отнявъ прибавку, которую они сдѣлали частно и отдѣльно безъ вѣдома, и не испросивъ согласія патріархальныхъ церквей ([1]), считая „илотами“ (рабами)

([1]) Церковь, съ самаго начала своего существованія, была *Единая*, единство ея обнимало весь древній міръ, включая и Великобританскіе острова и Испанію, равно какъ и Египетъ и Сирію. Когда же какая либо ересь касалась существенныхъ основаній религіи, то всѣ Церкви посылали своихъ представителей для общаго разсужденія объ этомъ. Такимъ образомъ соборы были *Верховнымъ совѣтомъ* Церкви: на нихъ святители частныхъ церквей совѣщались какъ братія равносильные, равночестные и равногласные. Опредѣленія ихъ, если они были согласны съ каѳолическимъ, Апостольскимъ и живымъ преданіемъ (которое не есть достояніе привилегированнаго сословія, или одного *высшаго лица* какой либо части церкви, но всей полноты христіанства), подтверждались *общимъ мнѣніемъ* „Церковнаго міра; если же, напротивъ, они оказывались противными преданію, то Церковь отвергала ихъ; такъ напримѣръ опредѣленія бывшихъ въ Сирміи, Селевкіи и другихъ мѣстахъ еретическихъ соборовъ, которые, хотя по внѣшней формѣ ничѣмъ не отличались отъ „семи вселенскихъ“ (ибо, какъ на тѣхъ, такъ и на этихъ присутствовали императоры (Константій) и папы (Ливерій) и патріархи и множество епископовъ), но, не смотря на то, были отвергнуты всѣмъ христіанскимъ міромъ, какъ невѣрно выражающіе Апостольское и живое преданіе) пусть же теперь ученый христоборецъ Гиббонъ говоритъ, что „à Constantinople, de même que dans les Conciles precédents, la volonté du prince fut la regle de la foi“ (Hist. de la décadence de l'Emp. Rom. Tome IX p. 278); но вопреки сего, таково было управленіе и таково была жизнь Церкви). Но съ VIII вѣка эта духовная жизнь прекратилась въ западной части церкви по причинѣ введенія религіознаго своевластія Рима, который дерзнулъ провозгла-

равночестныхъ и равногласныхъ въ вѣрѣ братій на востокѣ, въ противность каѳолической церкви и основнымъ началамъ „семи-соборнаго общегласнаго“ ея управленія. Посредствомъ же такого самаго благоразумнаго снисхожденія, ошибочное мнѣніе латинянъ, хотя помѣщенное въ „мѣстномъ“ исповѣданіи, но исторгнутое изъ „*вселенскаго*“ ученія христіанъ и оттого сдѣлавшееся *безопаснымъ для преданной чрезъ откровеніе, каѳолической* вѣры, могло бы легко угаснуть само собою *въ продолженіе времени.* Что такова была цѣль снисхожденія, оказаннаго Маркомъ, и что, уступая въ этомъ, онъ вовсе не раздѣлялъ мнѣнія о двоякомъ исхожденіи, объ этомъ свидѣтельствуетъ Сиропулъ въ своей исторіи, говоря: „когда Виссаріонъ сказалъ: „то, что мы теперь дѣлаемъ и о чемъ споримъ съ ефесскимъ, есть лишнее, потому что онъ уже извинилъ латинянамъ ихъ мнѣніе, то Маркъ вынужденъ былъ объявить, что имъ это сдѣлано въ томъ убѣжденіи, что „когда латинская церковь уже не будетъ (въ своихъ храмахъ) чрезъ сvмволъ провозглашать это ученіе, *то оно понемногу само собою могло бы изчезнуть*

сить себя выше вселенскихъ соборовъ, т. е. *совѣщательныхъ собраній* Церкви, и присвоить себѣ право *частнымъ образомъ* рѣшать религіозные вопросы и произвольно измѣнять св. сvмволъ, т. е. *основный* законъ вѣрованій *каѳолической* Церкви. Основа управленія церковнаго опирается на свободѣ во Христѣ, слѣдовательно совершенно противоположна началамъ папскаго своевластія. Это показываетъ самое происхожденіе и значеніе слова „Ἐκκλησία“ (Екклисія), которое для выраженія совершеннаго духовнаго равенства и братства между вѣрными въ духовномъ ихъ отечествѣ было перенесено изъ свободныхъ греческихъ республикъ; и вотъ почему церковь въ святомъ Апокалипсисѣ называется „*градъ Бога Живаго, нисходящъ съ небесе*“ и слѣдственно *градъ не одолимый, не поработимый и не приступный* И такъ власть папская есть *опровержение или отреченіе отъ самаго слова Церковь, и прямое противорѣчіе семи соборнымъ и Богомъ утвержденнымъ совѣщательнымъ уставамъ объ управленіи вѣрныхъ!*.....

изъ ума всѣхъ, или же церковь съ небольшимъ трудомъ могла бы искоренить его (Сиропулъ, въ Исторіи Флорентійскаго Соб.) (1). Посему-то и ученый составитель брошюры „Quelques mots sur les communions occidentales“, справедливо замѣчаетъ: „Telle était evidemment la conviction du Grand Marc d'Ephese, quand à l'assemblée religieuse de Florence il exigeait que le Symbol feut restauré dans toute sa pureté, et que la clause intercalée nefut plus exprimée que comme une opinion hors de Symbole laissant à Dieu le soin de rectifier l'erreur, il la rendait innocente en ce qu'il l'excluait du dogme, c'est-à-dire de la profession de foi“ (p. 45) (2).

(1) Изъ слѣдующаго разсказа ясно видно мнѣніе Марка: многіе (говоритъ Сиропулъ) приступали къ Марку, прося и умоляя его быть снисходительнымъ касательно прибавки въ символѣ, но онъ на это отвѣчалъ: „не извинительно снисхожденіе въ дѣлѣ вѣры“; когда-же стремившіеся къ единенію стали говорить ему, что „незначительно различіе обоихъ исповѣданій, и малое снисхожденіе соединитъ насъ, если бы ты только согласился оказать его“, то Маркъ на это вторично отвѣчалъ: „это походитъ на то, что сказалъ Епархъ св. Θеодору начертанному или Студиту говоря: „войдите только на одно мгновеніе въ общеніе (съ еретиками) и больше ничего отъ васъ не потребуемъ; ступайте потомъ куда хотите“. Тогда святой отвѣтствовалъ ему: „ты говоришь, какъ тотъ, кто, упрашивая другаго, сказалъ бы ему: прошу тебя только объ одномъ: дай разъ отрубить себѣ голову, а послѣ того ступай, куда хочешь“. Ибо въ такихъ дѣлахъ не маловажно и то, что кажется маловажнымъ“.

(2) Ясно, что въ предложеніи Марка возвратить символъ въ первоначальный его соборный составъ заключалось также и осужденіе папскаго своеволія, святотатственно присвоившаго себѣ права вселенской и каѳолической церкви; иными словами, осужденіе непогрѣшимости папъ (которая уже въ тѣ времена ясно начинала развиваться и распространяться на западѣ). И такъ чрезъ отреченіе отъ прибавки достигались двѣ цѣли: и Богомъ преданный догматъ объ исхожденіи св. Духа сохранялся не прикосновеннымъ, и въ тоже время признавалось достоинство и свободное управленіе каѳолической церкви, въ опроверженіе папскаго властолюбія въ дѣлахъ вѣры. Но ослѣпленія папъ въ тѣ варварскія вѣка не могло устоять предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, само навлекши на себя осужденіе.

Довольно и сихъ примѣровъ древней и новѣйшей церковной снисходительности въ доказательство необходимой, по нашему мнѣнію, уступки братьямъ армянамъ въ догматическихъ ихъ выраженіяхъ, на представленныхъ нами условіяхъ, ради вожделѣннаго единенія обѣихъ церквей.

Извѣстно, что пять главныхъ различій существуетъ между армянскою и православною церковію: 1) употребленіе опрѣсноковъ въ Божественной евхаристіи; 2) употребленіе нераствореннаго вина при священнодѣйствіи, въ томъ же таинствѣ; 3) употребленіе сесамскаго масла въ таинствѣ святаго мvропомазанія; 4) измѣненіе въ трисвятой пѣсни, и 5) перенесеніе праздника Рождества Христова на 6 число января. Разсмотримъ теперь, какіе изъ этихъ обычаевъ могутъ быть по снисхожденію извинены ради единенія церквей.

Во-первыхъ, мы должны доказать братіямъ армянамъ, на основаніи безпрекословныхъ свидѣтельствъ исторіи, что обычаи ихъ, о которыхъ идетъ рѣчь, несогласны со *вселенскимъ* преданіемъ церкви, а затѣмъ въ духѣ кротости и братской любви предложить имъ принять наши, не какъ обычаи какой либо *частной* или мѣстной церкви, *греческой*, но какъ обычаи, основанные на уставахъ каѳолической церкви и подтвержденные св. вселенскими соборами: такъ напримѣръ, состязуясь о „трисвятой пѣсни", мы должны исторически доказать имъ, что пѣснь эта была предана намъ вселенскою церковію въ томъ видѣ, какъ она у насъ теперь поется, что такъ воспѣваетъ ее и церковь западная, что такъ приводится она въ актахъ IV собора; что съ измѣненіемъ ея нечестивымъ миксофизитомъ Петромъ Кнафеемъ, сильно возстала противъ сего вся церковь Христова, и восточ-

ная, и западная; слѣдовательно, пѣніе трисвятой пѣсни основывается у насъ же на преданіи *мѣстномъ*, но на вселенскомъ преданіи каѳолической церкви *свыше откровенномъ*, на преданіи, съ которымъ и они, какъ „чада послушанія", должны сообразжаться, приводя пѣснь въ первоначальный и *ангелами преданный* ея образъ и т. д.

Подобный же *каѳолическій* способъ мы должны употреблять и въ доказательство неумѣстности перенесенія праздника Рождества Христова, т. е., мы должны доказать имъ, что самими апостолами постановлено было праздновать дни Рождества Христова и Богоявленія, первое 25 декабря, а второе 6 января ([1]); что если въ первые вѣка частныя церкви и праздновали въ разные дни и времена года, но впослѣдствіи, замѣтивъ необходимость изобразить внутреннее единство посредствомъ знаковъ внѣшнихъ, всѣ согласились праздновать ихъ вмѣстѣ, какъ узаконено „апостольскими постановленіями, и что удаляясь отъ сего общаго согласія, слѣдовательно, постясь и скорбя въ продолженіе тѣхъ двѣнадцати дней, когда остальной міръ христіанскій радуется, они отвергаютъ евангельскій законъ любви, которая „своихъ си *не* ищетъ", но всѣмъ вѣрнымъ налагаетъ какъ святой и непремѣнный долгъ „радоваться съ радующимися, и плакать съ плачущими" и т. д. Тотъ же способъ мы должны употребить и въ разсмотрѣніи другихъ различій.

Но если, послѣ всего этого, братія армане будутъ

([1]) „Дни праздниковъ храните", братіе; и первый изъ всѣхъ день Рождества, который да празднуется въ *двадцать пятый день десятаго мѣсяца*: за тѣмъ пусть будетъ у васъ въ высшей чести день Богоявленія, въ который Господь явилъ намъ Божество свое; и сей день пусть празднуется *въ шестой день десятаго мѣсяца*" (Апост. постановл. книга V, глава 12).

упорны въ соблюденіи своихъ обычаевъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ продолженіе стольких вѣковъ они укоренились въ совѣсти многочисленнаго народа, различествующаго совершенно отъ другихъ, какъ въ умственномъ своемъ развитіи, такъ и въ общественномъ положеніи, и т. п., тогда что намъ дѣлать? Ужели же слѣдуетъ намъ немедленно *ожесточиться* противъ *упорнаго* духа этого народа и отвергнуть церковное единеніе съ пятью милліонами братій? Никакъ! восклицаетъ блаженный Ѳеофилактъ. Что же намъ дѣлать? Поступать такъ, какъ заповѣдуетъ законъ *любви* евангельской, исторія церкви и самый здравый смыслъ, т. е. *мы должны оказать снисхожденіе*, по приведеннымъ примѣрамъ св. отцевъ, свѣдущихъ въ сихъ дѣлахъ. *„Должни есмы мы сильніи немощи немощныхъ носити"* (апост. Павелъ) и *„не за всякій обычай слѣдуетъ отлучать отъ церкви, но только за тотъ, который ведетъ къ различію въ догматѣ* (Ѳеоф.) и *„можно преступить правду ради большей правды, случается, что и заповѣдь ради заповѣди преступается"* (Іоаннъ Лѣств.) и т. д.

Когда бываетъ столкновеніе между двумя обязанностями и одновременное исполненіе ихъ дѣлается невозможнымъ, то меньшая должна уступать мѣсто большей! Этому научаетъ насъ не только законъ Божій, но тоже заповѣдуетъ намъ и здравый смыслъ. Разумное отступленіе отъ меньшаго долга ради большаго явно одобряетъ и вышеупомянутое изрѣченіе богоглаголиваго Іоанна Лѣствичника *случается, что и заповѣдь ради заповѣди преступается* и т. д. Руководясь подобными философскими началами христіанской любви, боговдохновенные отцы наши въ древности оказывали всевозможное снисхожденіе и уступки, и какъ сказано: „бла-

женные эти мужи были всѣмъ для всѣхъ, дабы пріобрѣсть *всѣхъ*," по словамъ апостола. Такихъ примѣровъ снисхожденія я здѣсь помѣстилъ весьма не много, чтобы излишне не распространяться; но есть и многіе другіе имъ подобные, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ блаженный Ѳеофилактъ къ епископу Мелесовы. „Если бы я не опасался быть *многорѣчивымъ*, то представилъ бы тебѣ *тысячи* и *тысячи* обычаевъ, извиненныхъ древними отцами съ цѣлію обратить къ себѣ души братьевъ". Поэтому и намъ слѣдуетъ снисходить къ тѣмъ обычаямъ братьевъ армянъ, которые *не* ведутъ къ различію въ догматѣ. „Тѣ же изъ нашихъ, которые не убѣдятся вышеизложенными примѣрами снисхожденія святой Христовой церкви и наставленіями св. отцевъ:" но будутъ мыслить иначе и „ожесточаясь противъ братьевъ армянъ, будутъ отклоняться отъ всякаго снисхожденія къ ихъ обычаямъ, и такимъ образомъ противиться церковному нашему единенію съ многочисленнымъ христіанскимъ народомъ, страдавшимъ за Христа болѣе всякаго другого во вселенной, такіе, по выраженію поборника православія св. Аѳанасія, только причиняютъ пагубное преткновеніе ближнимъ, ненавидя миръ церкви и любя раздоры" (См. Т. Алекс. Соб. Т. I Акт. Соб. стр. 263). Разсмотримъ теперь вчастности, насколько можно оказать снисхожденіе и быть уступчивымъ относительно каждаго изъ упомянутыхъ армянскихъ обычаевъ.

1. О Трисвятой пѣсни.

Мы сказали выше, что если армяне будутъ настойчиво держаться своихъ обычаевъ, то ради любви во

Христѣ мы должны показать себя уступчивыми и снисходительными къ нимъ, но не прежде, какъ получимъ отъ нихъ необходимыя удостовѣренія, въ особенности относительно тѣхъ обычаевъ, въ которыхъ можно подозрѣвать какой-либо еретическій смыслъ: такъ напримѣръ необходимо, чтобы относительно трисвятой пѣсни въ томъ видѣ, какъ они ее употребляютъ, они письменно увѣрили что сохраняя неизмѣннымъ это пѣніе въ томъ видѣ, въ какомъ въ теченіи стольких вѣковъ народъ привыкъ произносить оное, они однакоже отвергаютъ заключающійся въ выраженіи: „распныйся за ны", еретическій смыслъ, который коварно усвоилъ ей Ѳеопасхитъ Петръ Кнафей; ибо одни изъ послѣдователей злочестиваго ересіарха измѣненную такимъ образомъ трисвятую пѣснь приписывали Пресвятой Троицѣ, другіе же Сыну и Слову Божію, *обнаженному* плоти, такъ что приписывали страданіе безстрастному Божеству; сами же армяне относятъ ее къ одному только Сыну и къ Нему, какъ воплощенному; что поэтому тѣхъ, равно какъ и всѣхъ единомысленныхъ съ ними въ изъясненіи выраженія („распныйся за ны"), они предаютъ вѣчной анаѳемѣ, и т. д. Послѣ такихъ и подобныхъ объясненій, утвержденныхъ собственною ихъ подписью, мы можемъ по снисхожденію извинить имъ такое измѣненіе, поелику *въ сущности* они не отличаются отъ насъ, касательно догмата Божественнаго воплощенія.

2. Объ опрѣснокахъ.

Изъ исторіи церкви извѣстно, что опрѣсноки были введены монофизитами на ихъ незаконныхъ собраніяхъ для символическаго изображенія и представленія едина-

го, по ихъ мнѣнію, *естества безъ Христъ*, и что, по убѣжденіямъ епископовъ сирійскихъ, и армяне ввели этотъ обычай въ свою церковь около начала VI столѣтія; поэтому мы должны побудить ихъ отмѣнить сей обычай, какъ противный преданію Господню и дѣйствіямъ каѳолической церкви, такъ какъ каѳолическая церковь съ самаго начала приносила квасный хлѣбъ въ таинствѣ Божественной Евхаристіи; такъ поступала до IX вѣка и православная церковь на Западѣ, по свидѣтельству кардинала Бона (Смот. „Голосъ Православія" стр. 125): такъ поступаетъ и англиканская церковь и другія религіозныя общества протестантовъ, возвратившіяся въ этомъ отношеніи, послѣ церковнаго отдѣленія ихъ отъ Рима, къ древнему *вселенскому* преданію и т. д. Для большаго же убѣжденія ихъ, мы должны подвергнуть безпристрастной ихъ критикѣ сочиненіе знаменитаго Евстафія Аргентиса противъ опрѣсноковъ; если же и тогда не убѣдятъ ихъ наши братскія увѣщанія, подъ предлогомъ освященнаго давнимъ временемъ возношенія ими въ церкви опрѣсноковъ, но между тѣмъ они скажутъ намъ, что анаѳематствуютъ всякое монофизитское или подобное сему еретическое понятіе въ употребленіи опрѣсноковъ, то какъ намъ поступить? Такой трудный вопросъ я не осмѣливаюсь рѣшить, хотя и нахожу въ исторіи церкви слѣдующіе достаточные примѣры снисхожденія касательно приношенія въ жертву опрѣсноковъ (1).

---

(1) Нельзя не признать, что примѣры эти носятъ характеръ частный; кромѣ того, обстоятельства, служившія тогда причиною снисхожденія касательно употребленія опрѣсноковъ, во многомъ различествовали отъ нынѣшнихъ. Посему, изложивъ здѣсь событія просто, предоставляемъ разрѣшеніе предлежащаго вопроса святому голосу каѳолической церкви, единой безгрѣшной и непогрѣшимой наставницы вѣрныхъ.

Извѣстно, что церковь западная ввела употребленіе опрѣсноковъ при священнодѣйствіи таинства Божественной Евхаристіи около IX вѣка, отдѣленіе же западной церкви отъ восточной послѣдовало около 1050 года, т. е. почти два вѣка іерархи Восточной православной церкви показывали снисхожденіе къ сему нововведенію ради любви во Христѣ и только тогда прервали они всякое духовное общеніе съ Римомъ, когда онъ наложилъ дерзновенную руку на *основный* законъ вѣры, не обративъ вниманія на братскія ихъ увѣщанія.

Св. Петръ Антіохійскій въ посланіи къ Керулларію увѣщеваетъ его оказывать снисхожденіе къ прочимъ нововведеніямъ Рима, и только по отношенію къ дерзновенной ихъ прибавкѣ къ символу являться непобѣдимымъ и неумолимымъ.

Блаженный Ѳеофилактъ Болгарскій единственнымъ условіемъ духовнаго общенія съ западомъ признаетъ неизмѣнное исповѣданіе Божественнаго символа безъ прибавки: по отношенію же къ опрѣснокамъ и остальнымъ нововведеніямъ латинянъ показываетъ величайшее снисхожденіе ради любви во Христѣ и единенія церквей. „Одни, говоритъ онъ, изъ сихъ обычаевъ я не считаю подлежащими никакому измѣненію, другіе же умѣренному, и то, такому, отъ исправленія которыхъ церковь выиграетъ не много, если же это и не будетъ сдѣлано, то и оставаясь неизмѣннымъ, оно не принесетъ вреда... Но то, что, мнѣ кажется, наиболѣе мѣшаетъ *правомыслящимъ* войти въ общеніе съ латинянами... есть нововведеніе въ символѣ вѣры...“, и далѣе: „если у западныхъ встрѣчается какая либо ошибка въ отношеніи догмата, *которая колеблетъ вѣру отцевъ*, какова, сдѣланная въ символѣ прибавка о Духѣ Святомъ, то въ

этомъ заключается *величайшая* опасность и извиняющій сіе, не требуя исправленія онаго, самъ *неизвинителенъ*... Объ опрѣснокахъ же и постахъ не станемъ *ожесточаться* противъ упорнаго разумѣнія народа: *это было-бы оклеивать раковину съ раковиною, не влагая между ними никакого клейкаго вещества, которое могло бы связать ихъ:* не слѣдуетъ также много говорить и объ остальныхъ упомянутыхъ различіяхъ, соблюдая которыя латиняне кажутся многимъ непростительно погрѣшающими; но не соглашаться съ этимъ, по моему мнѣнію, долженъ каждый, упражнявшійся въ исторіи церковной, и извѣдавшій, что не за всякій обычай слѣдуетъ отлучать отъ церкви, но только за тотъ, который ведетъ къ различію въ догматѣ,.. если бы я не опасался быть многорѣчивымъ, то показалъ бы тебѣ тысячи за тысячами обычаевъ, извиненныхъ древними отцами съ цѣлію пріобрѣсть души братій; ибо отцы эти умѣли не себѣ угождать, но кійждо работати ближнему во благое, къ созиданію; нынѣ же мы спрашиваемъ: кто ближній мой? и отвергаемъ тысячи, которые дѣйствительно таковы", и т. д.

Великій Маркъ ефесскій, въ своихъ сношеніяхъ съ латинянами, по снисхожденію, вовсе не упомянулъ объ опрѣсникахъ на флорентійскомъ соборѣ и единственнымъ условіемъ единенія полагалъ исключеніе изъ сумвола слова „*filioque*", какъ противнаго догмату Божественнаго откровенія, *равно какъ и духовной жизни и свободному составу* церкви, что было уже указано выше (1). Подобные примѣры снисхожденія касательно употребленія опрѣсниковъ, хотя и нахожу въ исторіи церкви, но

(1) Дѣйствительно странно, что и Ѳеоріанъ въ исчисленіи нововведеній Армянъ, вовсе неупоминаетъ объ опрѣснокахъ.

рѣшать о семъ не осмѣливаюсь по вышесказаннымъ причинамъ, а потому разрѣшеніе предполагаемаго вопроса предоставляю всемірной церкви Христовой, единой надежной разсудительницѣ подобныхъ вопросовъ.

3. Объ употребленіи нерастворенняго вина при Божественной трапезѣ.

Православно-каѳолическая церковь, со времени Божественнаго ея установленія, употребляла въ таинствѣ евхаристіи вино, растворенное водою, основываясь на тайнодѣйствіи Владыки своего, на 45 стихѣ XIX гл. евангелія отъ Іоанна (1), на свидѣтельствѣ четырехъ древле составленныхъ литургій: св. Іакова брата Господа, св. Климента или Іакова Зеведеева, св. Василія Великаго и св. Іоанна Златоуста, равно какъ и на свидѣтельствѣ священномученика Кипріана, св. Амвросія и другихъ древнихъ отцевъ. Также поступаетъ и церковь западная въ священнодѣйствіи этого таинства. При такихъ свидѣтельствахъ о правильности приношенія растворенняго вина при божественной трапезѣ, надѣюсь, что армяне не будутъ настаивать на соблюденіи сего противоканоническаго обычая, который кромѣ того осужденъ 32 правиломъ VI вселенскаго (въ Труллѣ) собора. Въ противномъ же случаѣ они должны, по крайней мѣрѣ, письменно показать, что, употребляя при совершеніи Божественнаго таинства вино нерастворенное, они далеки отъ желанія выразить этимъ какое либо понятіе еретическое или неправославное, но что поступающихъ такъ, съ цѣлію изобразить или символически

(1) И абіе изыде кровь и вода.

представить неправомысліе монофизитовъ, или какого либо другаго еретическаго понятія, они предаютъ вѣчной анаѳемѣ [1].

4. О святомъ мурѣ.

Приготовленіе святаго мура изъ сесамскаго масла не согласно съ практикою вселенской церкви: равнымъ образомъ говорить, что поводомъ такого приготовленія мура служитъ холодный климатъ Арменіи, недопускающій рости масличнымъ деревьямъ, „есть только предлогъ, неоправдывающійся на дѣлѣ (см. „Разговоръ“ Ѳеоріана и Нарсеса въ Сокращ. излож. Божеств. догмат. Аѳанасія Парія, стр. 494); если же армяне будутъ упорно отстаивать соблюденіе этого притивоканоническаго обычая, то остается разсмотрѣть, имѣетъ ли онъ какое либое отношеніе къ догмату, и ради единенія, нельзя ли по снисхожденію извинить его, или не можетъ ли онъ быть замѣненъ равносильнымъ св. мурономазанію дѣйствіемъ возложенія рукъ на крещаемыхъ, по примѣру многихъ древнихъ православныхъ церквей и т. д.

5. О праздникѣ Рождества Христова и о постахъ у армянъ.

Мы сказали выше, что великій праздникъ Рождества Христова установленъ былъ самими Апостолами, что

[1] „Такъ какъ мы узнали, что въ странѣ Армянъ приносящіе безкровную жертву при св. трапезѣ употребляютъ только вино, не растворяя оное водою, и въ оправданіе сего приводятъ слова учителя церкви Іоанна Златоуста: „почему возставъ, не воду пилъ онъ, но вино“..... Посему постановляемъ“..... и т. д. (прав. 32). Изъ этого правила ясно, что обычай, о которомъ идетъ рѣчь, произошелъ не изъ какого нибудь толкованія еретическаго, но изъ *невольнаго* не правильнаго объясненія словъ св. Златоуста.

мѣстныя церкви совершали его въ различные дни и времена года, и только около VI вѣка всѣ церкви согласились вмѣстѣ праздновать его 25 декабря, сообразно приведенному нами апостольскому установленію, что одни только армяне отдѣлились отъ сего общаго согласія, и потому они вынуждены поститься въ продолженіе тѣхъ двѣнадцати дней, въ которые вся церковь Христова торжествуетъ. Все это мы должны напомнить братіямъ армянамъ, предложивъ имъ согласоваться съ практикой *каѳолической* церкви и съ *апостольскимъ* преданіемъ о семъ праздникѣ: если же они не убѣдятся братскими нашими увѣщаніями, то мы можемъ предложить имъ, ради единства внѣшняго, чтобы тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ Византіи, Руменіи, Малой Азіи, Палестинѣ и другихъ православныхъ странахъ, соблюдали господствующее тамъ правило, т. е. вмѣстѣ съ греками, русскими, болгарами, сербами, албанцами, арабами и остальными православными народами праздновали Рождество Спасителя 25 декабря; тѣ же изъ упомянутыхъ ревнителей благочестія, которые пребываютъ въ странахъ армянскихъ, какъ-то: въ Тавридѣ, въ Еривани, Бакѣ, Ерзерумѣ, Акискѣ и др. м., въ свою очередь сообразжались бы съ тамошними мѣстными обычаями въ отношеніи соблюденія праздника, и съ соотвѣтствующими сему правилами о постѣ. Если же и эта мѣра покажется неудобоприлагаемою, то необходимо, думаю, ради единенія, и этотъ обычай оставить армянскому народу, предавая исправленіе его Богу мира и любви, тѣмъ болѣе, что нѣтъ ничего общаго между вѣрою, которая составляетъ истинное единство, и между тѣмъ или другимъ обычаемъ праздника или поста.

Нельзя не признать, что всего лучше, когда существуетъ однообразность во внѣшнемъ Богослуженіи и въ дисциплинѣ, что особенно полезно для назиданія вѣрующихъ, но когда, вслѣдствіе обстоятельствъ и вслѣдствіе умственнаго и общественнаго состоянія какого либо христіанскаго народа, это оказывается неприложимымъ, то неужели изъ-за этого непремѣнно слѣдуетъ расторгать святѣйшій союзъ христіанской любви, которая, по словамъ апостола, есть исполненіе Божественнаго закона („полнота закона любовь"); неужели изъ-за такого обычая цѣлый народъ долженъ быть отвергнутъ отъ духовнаго общенія прочихъ церквей, хотя онъ единомысленъ имъ и содержитъ одну съ ними вѣру, составлющую, какъ мы сказали, истинное и живое единеніе? Никакъ, отвѣчаютъ боговдохновенные отцы. Для большаго же подтвержденія нашего смиреннаго о семъ взгляда, и въ дополненіе выше приведенныхъ древнихъ примѣровъ снисхожденія церкви касательно служенія внѣшняго и дисциплины, приводимъ еще слѣдующее.

Въ первые вѣка церкви, христіане торжествовали праздникъ Пасхи въ разное время и различно соблюдали предшествовавшій ему постъ, какъ свидѣтельствуетъ о семъ св.Ириней, епископъ ліонскій. Такъ, напримѣръ, церкви востока, Египта, Палестины, Греціи, Понта, Рима, Галліи и другихъ странъ праздновали Пасху въ первый воскресный день послѣ полнолунія, слѣдующаго за весеннимъ равноденствіемъ; церкви же мало-азійскія праздновали въ самое полнолуніе, въ какой бы день оно ни случилось. Опять одни изъ христіанъ предъ пасхою постились одинъ день, другіе два, иные же болѣе и, наконецъ, нѣкоторые сорокъ часовъ дня и ночи и т. д. Когда епископъ римскій Викторъ

въ ослѣпленіи своемъ провозгласилъ отлученными церкви мало-азійскія, называя азійскихъ христіанъ тессараскедекатитами, тогда первосвятитель Галліи Ириней и первенствующій въ церквахъ азійскихъ Поликратъ, созвавъ соборы, сильно возстали противъ чрезмѣрной ревности папы (хотя и правомыслящаго касательно празднованія Пасхи) и ясно и открыто объявили, „что различіе касательно поста и праздника ничѣмъ не вредитъ единству въ вѣрѣ". И такъ голосъ папы объ отлученіи ихъ отъ церкви остался не утвержденнымъ...

Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ вопросѣ отецъ церковной исторіи Евсевій. Такъ какъ всѣ колоніи азійскія, по древнему преданію, считали правильнымъ соблюдать спасительный праздникъ Пасхи въ то число, въ которое предназначено было іудеямъ вкушать пасхальнаго агнца, и полагали, что въ это число, въ какой бы оно день недѣли ни пришлось, слѣдуетъ прекращать постъ; тогда какъ не таковъ былъ обычай въ остальныхъ церквахъ вселенной: ибо онѣ съ своей стороны, по апостольскому преданію, держались доселѣ господствующаго обычая, чтобъ не разрѣшать постъ въ другой день, какъ только въ день воскресенія Спасителя (т. е. *въ день Воскресный*), то возникъ не малый споръ, и по этому вопросу были созваны соборы и совѣщанія епископовъ. Всѣ они единогласно, чрезъ церковныя посланія, извѣстили повсюду находившихся христіанъ, постановляя, какъ догматъ, чтобы не въ иной, а только въ воскресный день праздновать таинства воскресенія Господа изъ мертвыхъ и что только въ этотъ день они дозволяютъ разрѣшеніе отъ поста предпасхальнаго: и доселѣ сохраняется писаніе собравшихся тогда въ Палестинѣ епископовъ, которыми руково-

дили Θеофилъ, епископъ колоній кесарійскихъ, и Наркиссъ, епископъ іерусалимскій. Сохраняется также и другое писаніе, касательно того же вопроса, составленное собравшимися въ Римѣ епископами, имѣвшими во главѣ папу Виктора, и писаніе епископовъ Понта, которыми руководилъ какъ старѣйшій Палмасъ: и еще писаніе епископовъ колоній въ Галліи, гдѣ начальствовалъ Ириней, и въ Оѳоинія (верхней и нижней Иверіи) и тамошнихъ городовъ въ частности же Вакхила, епископа церкви коринѳской и многихъ другихъ, которые, держась того же мнѣнія и образа мыслей, подали всѣ одинъ голосъ и рѣшеніе всѣхъ ихъ было тоже, какое мы уже упомянули. Епископами же Асіи, упорно желавшими сохранить преданный имъ издревле обычай, руководилъ Поликратъ (епископъ ефесскій), который самъ въ писаніи, обращенномъ имъ къ Виктору и къ церкви римской, въ слѣдующихъ словахъ излагаетъ дошедшее до него преданіе. „Мы празднуемъ день пасхи не своевольно установленный, не прибавивъ и не убавивъ въ семъ случаѣ ничего. Ибо и въ Асіи почиваютъ великіе основатели, которые возстанутъ въ день явленія Господня, „когда онъ со славою пріидетъ съ небесъ и воскреситъ всѣхъ святыхъ“. У насъ Филиппъ, одинъ изъ двѣнадцати апостоловъ, почивающій въ Іераполѣ, тамъ же и двѣ дочери его, въ дѣвствѣ состарѣвшіяся, и другіе, подвизавшіеся о Святомъ Духѣ и почивающіе во Ефесѣ: еще же Іоаннъ, возлежавшій на персяхъ Господа, мученикъ и епископъ, носившій дщицу освященія первосвященническаго и почившій также во Ефесѣ; еще же и Поликарпъ мученикъ и епископъ смирнскій и Θрасей мученикъ и епископъ, почивающій въ Смирнѣ; что же сказать мнѣ о Сохарисѣ, епископ-

пѣ и мученикѣ, почивающемъ въ Лаодикіи, еще и о блаженномъ Папиріѣ и о Мелитонѣ, подвизавшемся всегда во Св. Духѣ и почивающемъ въ Сардисѣ, ожидая небеснаго предстоятельства въ день, когда воостанутъ отъ мертвыхъ? Сіи всѣ соблюдали Пасху въ четырнадцатый день мѣсяца, согласно съ евангеліемъ, нисколько не отступая, но слѣдуя правилу вѣры; такъ поступаю и я, меньшій изъ васъ, Поликратъ, держась, преданія родственниковъ моихъ, которымъ въ этихъ случаяхъ слѣдую. Ибо семь изъ родственниковъ моихъ были епископами, самъ же я восьмой, и всѣ они всегда совершали день (праздника), когда народъ (іудейскій) вкушалъ пасху. Я же братія, имѣя 65 лѣтъ о Господѣ и находившійся всегда въ единеніи съ братіями вселенской церкви и изучившій все Священное Писаніе, не страшусь угрожающихъ мнѣ: ибо высшіе меня сказали: „должно повиноваться Богу паче, нежели людямъ". Къ сему онъ прибавляетъ (говоритъ Евсевій) относительно присутствовавшихъ при составленіи его посланія, единомысленныхъ ему епископовъ, слѣдующее: я могъ бы упомянуть и о присутствующихъ мнѣ епископахъ, которые, по удостоенію вашему, были призваны и посвящены мною, и коихъ, если бы я сталъ исчислять, оказалось бы большое множество. Они, сошедшись, одобрили мое человѣка незначительнаго посланіе, зная, что я не напрасно ношу сѣдины, но во Христѣ Іисусѣ всегда подвизаюсь...

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ (продолжаетъ историкъ) предстоятель римской церкви Викторъ силится отлучить всѣ асійскія колоніи, вмѣстѣ съ сопредѣльными церквами, отъ общаго единенія, и стремится, посредствомъ посланій, провозгласить всѣхъ тамошнихъ

братій состоящими внѣ общенія. Но не всѣмъ епископамъ это нравится. Они совѣтуютъ ему помыслить о *мирѣ*, *единствѣ* и *любви* къ ближнимъ и къ нимъ присовокупляются голоса, еще строже осуждающіе Виктора. Между такими былъ Ириней, отправившій къ нему отъ лица братій, коими онъ управлялъ въ Галліи, посланіе, утверждавшее, что таинство Воскресенія Христова слѣдуетъ торжествовать только въ день воскресный". Должнымъ образомъ напомнивъ Виктору, что не слѣдуетъ отлучать отъ общенія цѣлыя церкви Божія, соблюдающія преданіе древняго обычая, онъ совѣтуетъ ему многое другое и между прочимъ прибавляетъ слѣдующее: „состязаніе идетъ не объ одномъ только днѣ (праздника), но и о самомъ образѣ поста: ибо иные думаютъ, что прилично поститься одинъ день, другіе же два, другіе же и болѣе того, иные же составляютъ этотъ день (время поста своего) изъ сорока дневныхъ и ночныхъ часовъ. Такое различіе произошло не теперь, но гораздо прежде, при праотцахъ нашихъ, соблюдавшихъ въ точности все, что слѣдуетъ, и въ послѣдствіи обратившихъ простыя, частныя обыкновенія во всеобщій обычай. *Тѣмъ не менѣе всѣ они находились въ мирѣ, и мы имѣемъ миръ между собою, и различіе въ постѣ не препятствуетъ единомыслію въ вѣрѣ*...

Но епископы, прежде Сотера бывшіе предстоятелями церкви, начальствуемой теперь тобою, именно Аникита, Пій, Гигинъ, Телесфоръ и Сикстъ сами не соблюдали сего (т. е. праздника Пасхи въ 14 день и т. д.) и бывшимъ послѣ нихъ не позволяли, *и тѣмъ не менѣе эти несоблюдающіе имѣли миръ съ приходящими къ нимъ изъ колоній* (Малой Азіи), *гдѣ сіе соблюдалось*... *и изъ-за подобнаго обычая никогда никто не былъ отлученъ* (отъ

духовнаго общенія изъ несоблюдающихъ). Бывшіе до тебя епископы, нехранившіе сего, посылали къ соблюдавшимъ въ колоніяхъ этотъ обычай дары святой евхаристіи (въ знакъ святаго общенія). И когда блаженный Поликарпъ посѣтилъ Римъ при Аникитѣ, то они имѣли между собою нѣкоторыя незначительныя состязанія о семъ предметѣ и нѣкоторыхъ другихъ; но вскорѣ прекратили о семъ споръ и остались въ мирѣ между собою. Ибо хотя *ни* Аникита *не* могъ *убѣдить* Поликарпа измѣнить то, что онъ всегда соблюдалъ съ Іоанномъ, ученикомъ Господнимъ и прочими апостолами, бывшими съ нимъ въ сношеніи, ни Поликарпъ не убѣдилъ Аникиту соблюдать этотъ обычай; ибо послѣдній говорилъ, что долженъ хранить обычай бывшихъ до него предстоятелей, однако при такомъ положеніи дѣлъ, они имѣли общеніе между собою. И въ церкви Аникита допустилъ причаститься Поликарпу, явно изъ уваженія къ нему, и они разстались въ *мирѣ* другъ съ другомъ. „И миръ имѣли между собою всѣ члены церкви, и соблюдающіе, и несоблюдающіе". Такимъ образомъ,Ириней (прибавляетъ Евсевій), соотвѣтственно имени своему, сдѣлался *миротворцемъ*, заботясь и трудясь о умиротвореніи церквей. Онъ же не одному только Виктору, *но и* многимъ другимъ предстоятелямъ церквей письменно излагалъ тоже касательно возникшаго вопроса (Евсев., Ист. Церкви, кн. V, гл. 23—27).

Подобно сему, около начала III вѣка возникъ вопросъ о крещеніи еретиковъ. Римъ и нѣкоторыя церкви востока принимали въ общеніе всѣхъ, изъ какой бы то ни было ереси возвращавшихся къ православію, чрезъ возложеніе рукъ (за которымъ слѣдовало помазаніе св. муромъ); церкви же Малой Азіи и Африки, перешедши

въ противоположную крайность, перекрещивали всѣхъ безъ исключенія еретиковъ, возвратившихся въ лоно каѳолической церкви, даже самыхъ отщепенцевъ, крещаемыхъ „чрезъ троекратное погруженіе и равночисленное произношеніе имени Пресвятой Троицы". И однако упомянутыя церкви *не* расторгали союза духовнаго общенія изъ-за этихъ различій, но исполненныя духомъ христіанской любви, онѣ, каждая въ свою очередь, оказывали братское снисхожденіе къ удержанному другими мнѣнію о крещеніи. Когда же Стефанъ, епископъ Рима, провозгласилъ епископовъ Азіи и Африки „анабаптистами", а отсюда угрожало расторженіе духовнаго союза церквей, то Фирмиліанъ, епископъ иконійскій, сталъ строго упрекать его, какъ преступающаго законъ христіанской *любви*. И тогда Стефанъ замолчалъ. Миръ же церквей сохранился, хотя различіе относительно крещенія существовало до II вселенскаго собора. До такой степени процвѣтала и жива была любовь между христіанами въ тѣ золотые вѣка!

Мы сказали выше, что въ продолженіе многихъ вѣковъ, мѣстныя церкви праздновали въ различные дни и времена года великій день Рождества Христова, и что только около VI вѣка всѣ согласились праздновать его 25 декабря. Очевидно, какъ время празднованія было различное, такъ различно было и время назначеннаго передъ нимъ поста. Однако вѣрные не расторгали духовнаго между собою общенія, но хранили миръ, и „различіе въ соблюденіи поста и праздника не препятствовало *единомыслію* въ вѣрѣ".

Извѣстно, что римская церковь еще задолго до ея отпаденія уклонилась во многія нововведенія, изъ коихъ нѣкоторыя явно противны, какъ Ветхому и Новому За-

нѣту, такъ и апостольскимъ и соборнымъ постановленіямъ. Таковы: дозволеніе ѣсть удавленину и кровь; постановленное въ IV вѣкѣ папою Сирицiемъ безбрачіе духовенства; наложенный преемникомъ его, Иннокентіемъ I, во всѣхъ церквахъ запада постъ въ субботу; разрѣшеніе въ великій постъ ѣсть яйца и молочную пищу; смѣшеніе званій священныхъ чиновъ и нѣкоторыя другія, за которыя отчасти прямо, отчасти косвенно VI вселенскій соборъ, бывшій въ Труллѣ, упрекаетъ Римъ на основаніи Св. Писанія и постановленій апостольскихъ и соборныхъ (См. Дѣяній Апост. XV, 28 и 29, Бытія IX, 34, Левитъ гл. XVII, XVIII. Прав. Ап. 5, 63, 64 и 69 и Прав. I Всел. Соб. 18). Упомянутая церковь не только уклонилась въ такія нововведенія, но, переходя отъ одного отступленія къ другому, ввела около IX вѣка употребленіе опрѣсноковъ въ таинствѣ Божественной евхаристіи.

Не смотря на то, восточныя церкви съ евангельскимъ снисхожденіемъ и кротостію смотрѣли на *немощи* сестры своей во Христѣ и съ истинною братскою любовію побуждали ее къ исправленію. Тогда только онѣ принуждены были отступить отъ духовнаго съ нею общенія, когда около 1040 года, при папѣ Христофорѣ, она дерзнула принять и освятить прибавку въ символѣ, которая въ VIII вѣкѣ насильно была наложена Карломъ Великимъ на французскія и германскія церкви, вслѣдствіе постановленій собора ахенскаго и вопреки благоразумнымъ настояніямъ папы Льва III. Такъ поступили патріаршескія церкви востока, покоряясь богомудрому изрѣченію знаменитаго въ богословіи отца: „лучше брань, нежели миръ, отчуждающій отъ Бога“, и т. д.

Такое снисхожденіе и уступки оказывали другъ другу церкви Божіи, движимыя духомъ любви во Христѣ и слѣдуя примѣрамъ богопросвѣщенныхъ учениковъ Спасителя: такъ апостолъ Петръ въ Антіохіи вкушалъ пищу съ язычниками, а въ Іерусалимѣ дозволялъ обрѣзаніе; апостолъ же Павелъ, въ посланіи къ евреямъ, богомудро указывая на слабость закона Моисеева, тѣмъ не менѣе, чтобы не соблазнить христіанъ изъ іудеевъ и ради требуемаго закономъ очищенія, допустилъ Тимоѳею обрѣзаться въ Листрахъ, вопреки постановленіямъ апостольскаго собора въ Іерусалимѣ (Дѣяній Ап. XV 13—30). Подобнымъ же образомъ, ради мира Христова, онъ увѣщеваетъ увѣровавшихъ изъ язычниковъ римлянъ не быть слишкомъ строгими къ тѣмъ христіанамъ изъ іудеевъ, которые соблюдають дни установленныхъ закономъ постовъ. „Мудрствуяй бо день" (т. е. соблюдающій день праздника или поста), Господеви мудрствуетъ (т. е. соблюдаетъ его во славу Господа). И не мудрствуяй день, Господеви не мудрствуетъ (для Господа не соблюдаетъ его) (Къ римл. XIV, 1 и 6). Показывая подобное же снисхожденіе, богодухновенный апостолъ говорилъ: „всѣмъ себе поработихъ, да множайшія пріобрящу: быхъ іудеямъ яко іудей, да іудеи пріобрящу: беззаконнымъ бысъ, яко беззаконенъ, не сый беззаконникъ Богу, но законникъ Христу, да пріобрящу беззаконныя".

Поучаемые такими примѣрами снисхожденія святыхъ отцевъ, соборовъ и церквей, какіе я приводилъ выше, и наконецъ примѣрами самихъ Богодухновенныхъ учениковъ Спасителя, будемъ, ради Бога мира и любви, снисходительны и уступчивы относительно обычаевъ о постахъ и праздникахъ, равно какъ и относительно

остальныхъ постановленій братій нашихъ армянъ, конечно на сколько таковыя вовсе не касаются догмата, „такъ какъ не за всякій обычай слѣдуетъ отлучать отъ церкви, но только за тотъ, который ведетъ къ различію въ догматѣ". „Не ожесточаясь противъ упорнаго (быть можетъ) разумѣнія народа" (Опять повторю): „мудрствуяй день поста или праздника, Господеви мудрствуетъ: и не мудрствуяй день Господеви не мудрствуетъ".

Посему и армяне, соблюдающіе двѣнадцатидневный постъ (по причинѣ перенесенія праздника Рождества Христова на 6-е число января) во славу Господа соблюдаютъ его: и опять мы не соблюдающіе его во славу Господа не соблюдаемъ. Подобно тому, какъ въ золотые вѣка церкви христіане асійскіе, не соблюдающіе праздника пасхи (въ тотъ день, въ который соблюдали его вѣрующіе прочихъ церквей) „имѣли миръ (т. е. духовное общеніе) съ соблюдающими, и изъ за сего различія (праздника или поста) никто *никогда* не былъ отчужденъ", по свидѣтельству Божественнаго Иринея.

Такъ и мы не торжествующіе праздника Рождества Спасителя 6 января и отсюда не соблюдающіе предварительнаго двѣнадцатидневнаго поста дожны *быть въ миръ* съ соблюдающими этотъ обычай армянами, (въ иномъ вовсе не заблуждающимися по отношенію догмата, но въ *сущности* исповѣдывающими одну съ нами православную вѣру, какъ было уже прежде о семъ ясно изложено). Подобно тому, какъ въ древности у вѣрующихъ, такъ и у насъ теперь *разногласіе относительно поста и праздника да не препятствуетъ единомыслію въ Вѣрѣ*, по выраженію того же именитаго От-

ца мира. Упомянутыя апостольскія изреченія не только могутъ быть прилагаемы къ обычаю армянъ относительно постовъ и праздниковъ, но и къ нѣкоторымъ другимъ изъ ихъ обычаевъ и узаконеній, не касающихся вѣры. Тотъ же, кто не убѣдится вышеизложенными примѣрами церковнаго снисхожденія, но потребуетъ, какъ непремѣнное условіе единенія, немедленное уничтоженіе армянскихъ обычаевъ, такой ничѣмъ не отличается отъ древнихъ возмутителей мира и единства церкви, каковы напр. папы Викторъ и Стефанъ, которыхъ излишне живую и неразумную ревность единогласно осудила *вся* церковь Христова, какъ мы видѣли это.

Все, касающееся единенія армянъ съ православною церковію, мы сочли неизбѣжнымъ долгомъ изложить въ этой статьѣ, смиренно повергая наше мнѣніе объ этомъ суду и разсмотрѣнію единой, святой, каѳолической и апостольской Церкви. Надѣемся, что наши во Христѣ братія, армяне, часто выражавшіе искреннее желаніе единенія, не замедлятъ, хотя бы по поводу этой статьи, выказать на дѣлѣ ревность свою о спасительномъ единеніи (которое будетъ *торжествомъ христіанской любви)*, размысливъ, источникомъ какой неисчислимой духовной и нравственной пользы оно будетъ для всѣхъ христіанскихъ народовъ Востока.

Прерывая здѣсь слово наше, просимъ всѣхъ благочестивыхъ и православныхъ христіанъ молить человѣколюбиваго Владыку нашего и въ смиреніи сердца непрестанно взывать къ Нему: „Господи, упаси насъ, да не будемъ, какъ были въ началѣ, когда Ты не водилъ насъ и не призывалось еще надъ нами имя Твое. Виждь, Господи, какъ прежде единомысленные и единогласно

взывавшіе раздѣлились на языки многіе, и дщери иноплеменныхъ возрадовались о возникшихъ въ насъ разногласіяхъ. Господи Боже нашъ, подаждь намъ миръ, потерянный нами отъ небреженія заповѣдей Твоихъ, и, разрушивъ средостѣніе, сотвори обоя во едино. Сопричти насъ, вводя одного за другимъ въ число новаго израиля Твоего, *созидая Іерусалимъ и собирая разсѣянная Израиля:* да будемъ вновь едино стадо, и да вси будемъ упасены Тобою, Ибо Ты *пастырь добрый*, душу свою полагающій за овцы. Возстани, Господи, что спиши? Возстани и не отверзи насъ до конца. *Запрети вѣтрамъ и морю* и подаждь тишину и волнъ укрощеніе церкви Твоей“!

Подобнымъ сему гласомъ прошу благочестивыхъ братій моихъ взывать къ Богу *мира* и *любви:* ибо Онъ, какъ Благій и человѣколюбивый и всегда исполняющій волю боящихся Его, услышитъ молитву нашу, утишитъ настоящую бурю, даруетъ вожделѣнное безмятежіе, и соединитъ расточенная; тогда вновь услышится гласъ радованія и спасенія, и мы, получивъ просимое, хваляще Его возопіимъ: „Благословенъ еси Боже, не отвергшій молитвы нашей и не удаливый милости Твоея отъ насъ“.

Тому слава во вѣки, Аминь.

Григорій, Митрополитъ Хіосскій.

Во святой митрополіи Хіоса
1-го марта 1866 г.

ПРЕДМЕТЪ И МЕТОДЪ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІИ (*).

Исторія церкви есть исторія вѣры, а исторія вѣры есть исторія всего человѣчества. Ни въ древнемъ, ни въ новомъ мірѣ не было ни одного народа, который бы не покланялся какому-нибудь божеству. Названіе извѣстнаго народа безбожнымъ всегда употреблялось только въ смыслѣ относительномъ; напр. язычники такъ называли христіанъ за то, что они не почитали боговъ, почитаемыхъ язычниками. Извѣстія открывателей новыхъ странъ и народовъ, въ которыхъ по первымъ наблюденіямъ описывались народы, невѣрующіе въ Бога, по внимательномъ изученіи мнимо-безбожныхъ народовъ, оказывались всегда несправедливыми. Покланяется ли народъ единому Богу или многимъ, покланяется ли невидимому духовному существу или видимой природѣ, покланяется доброму или злому богу, покланяется духовно или грубо по степени своего ум-

(*) Вступительная лекція по исторіи церкви, читанная въ Казанскомъ университетѣ 19 апрѣля. Такъ какъ въ это время оканчивается учебный академическій годъ, то профессору пришлось ограничиться только этими двумя вопросами и притомъ примѣнительно къ настоящимъ слушателямъ, изъ которыхъ весьма не многіе будутъ слушать полный курсъ науки.

ственнаго развитія, покланяется ли наконецъ сознательно или инстинктивно,—но все же покланяется, выражая тѣмъ внутреннюю неодолимую потребность находиться въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ высшему существу—Богу. Можетъ народъ стать въ самыя неблагопріятныя условія относительно богопочитанія, но, не смотря на то, не перестаетъ почитать Бога; и еще болѣе, въ слѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, еще горячѣе обращается къ Богу. Народъ неразвитъ, грубъ, всецѣлый сынъ природы, какъ дикія дѣти пустынь и отдаленныхъ острововъ, но Бога знаетъ и почитаетъ. Подтачиваютъ религіозное сознаніе, развращаютъ народъ безбожныя философскія ученія, но не могутъ изгнать религіи, народъ не перестаетъ почитать Бога. Ополчаются на религію народа внѣшней силой, думая заставить его оставить религію, но народъ рѣшается скорѣе умереть поголовно, нежели оставить религію, и оттого самыя жестокія войны—войны религіозныя, священныя. Бывали въ исторіи народовъ и такія времена, когда все,—и нравственное растлѣніе, и безбожныя теоріи, и политическое насиліе,—все зло, со всѣми доступными ему средствами, вооружалось на богопочитаніе народа во имя попранныхъ будтобы религіей правъ разума, самаго дорогаго для человѣческаго эгоизма предмета; но написанный въ сердцѣ народа религіозный законъ не исчезалъ, самозванный богъ не возвышался надъ кратковременной и жалкой ролью революціонной богини разума прошедшаго вѣка, опьянѣлый отъ безумія народъ протрезвлялся и возвращался къ почитанію существа высшаго, Бога дѣйствительнаго. Можетъ народъ, вслѣдствіе всецѣлаго духовнаго поврежденія, потерять политическую самостоятельность и

предаться такому нравственному разложенію, отъ котораго вымретъ и физически, но вѣра его умретъ только съ послѣдней жертвой нравственной чумы. Отъ того это, что народъ безъ религіи не мыслимъ, какъ человѣкъ безъ души: можно отрицать, сколько угодно, бытіе души, но она не перестаетъ проявлять себя въ разумно-нравственныхъ дѣйствіяхъ; можно мечтать объ уничтоженіи вѣры въ человѣчествѣ, но нельзя привести мечту въ исполненіе.

Утверждая это, я предвижу возраженіе въ существованіи безбожія или лучше безбожничанья отдѣльныхъ личностей и малыхъ обществъ, прослывшихъ въ исторіи безбожниками, и считаю нужнымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Наблюдать надъ выраженіемъ религіозныхъ идей въ малыхъ обществахъ и особенно въ отдѣльныхъ личностяхъ гораздо труднѣе, нежели въ массахъ—въ народахъ: народъ существуетъ вѣка, свойства его мѣняются тоже только вѣками, и потому существенныя качества его у всѣхъ на виду. Не то съ малыми обществами и особенно съ единицами. Религіозное настроеніе отдѣльнаго человѣка и даже малаго общества можетъ мѣняться, такъ сказать, каждодневно, по вліянію многоразличныхъ обстоятельствъ: сегодняшній безбожникъ завтра можетъ оказаться вѣрующимъ, а послѣ завтра опять безбожникомъ, и т. д. Это показываетъ всю силу упругости религіозной идеи въ человѣкѣ: какъ бы ни ослаблялъ ее человѣкъ умственными софизмами, страстями и житейскими дѣлами, она проявляется въ различныхъ моментахъ его жизни, то въ формѣ сомнѣнія въ правотѣ своихъ убѣжденій, то въ безпокойствѣ совѣсти, то въ логическомъ противорѣчіи практики съ теоріей, то другимъ какимъ нибудь образомъ; безбож-

ніяхъ въ теоріи часто безсознательно показываетъ вѣру или по крайней мѣрѣ религіозное колебаніе въ дѣлахъ своихъ, и наоборотъ нравственный безбожникъ—злодѣй часто бываетъ вѣрующимъ въ умѣ. Обще-человѣческій взглядъ на этотъ предметъ выразился въ изреченіи одного древняго наблюдателя духовной жизни человѣка, мудраго еврейскаго Псалмопѣвца: „безумецъ сказалъ (и то только) въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога“. Такъ неестественнымъ представляется здравому смыслу твердое сознательное безбожіе; онъ скорѣе сочтетъ его плодомъ безумія или сумасшествія, т. е. животнаго состоянія человѣка. Тотъ же общечеловѣческій взглядъ на этотъ предметъ высказывается по поводу каждаго акта самоубійства, когда законодательство допускаетъ, а общество склонно бываетъ объяснять его умопомѣшательствомъ. Такъ неестественно отрицаніе безсмертія души и бытія Бога—мздовоздаятеля, выражаемое актомъ самоубійства! Что касается до обществъ безбожниковъ, то философскія школы ихъ, сравнительно съ другими школами, всегда отличались и кратковременностью процвѣтанія и непослѣдовательной невыдержанностью и чрезвычайно малымъ числомъ стойкихъ послѣдователей; а послѣдовательнѣйшіе изъ всѣхъ безбожниковъ, религіозные философы—богословы, подобные Фейербаху, на разстояніи вѣковъ считаются единицами. Большая часть пантеистовъ, матеріалистовъ и другихъ безбожниковъ, т. е. такъ или иначе приходящихъ въ своемъ ученіи къ отрицанію религіозныхъ идей, останавливается на полдорогѣ и какъ бы страшится выговорить послѣднее слово; немногіе, подобно Бюхнеру, закрывши глаза, рѣшаются не смотрѣть на свѣтъ и утверждать, по его выраженію, „нелогическую истину“. Чрезвычайно удач-

ное опредѣленіе всѣхъ подобныхъ системъ, сорвавшееся съ языка матеріалиста! Потому что всѣ послѣдніе выводы ихъ, не смотря на видимую логичность, страждутъ отсутствіемъ здравой логики и, по суду общечеловѣческаго смысла, суть не что иное, какъ saltus mortalis науки.

Исторія не можетъ входить въ изслѣдованіе внутреннихъ основъ религіи, хранящихся въ глубинѣ человѣческаго духа; этотъ предметъ разсматриваетъ другая наука—философія религіи. Церковная исторія заявляетъ только фактъ—бытіе религіи у всѣхъ народовъ, фактъ для нея очень важный: не будь его, не возможно было бы и христіанство, потому что христіанство, хотя и богооткровенная религія, со стороны человѣка предполагаетъ способность воспріятія, т. е. тѣ же внутреннія основы религіи, бытіе которыхъ дѣлало возможнымъ и языческое богопочитаніе. Но этого мало. Исторія церкви своимъ бытіемъ и наблюденіемъ заявляетъ другой фактъ, еще болѣе важный, именно, что единственно истинная религія, удовлетворяющая существеннымъ потребностямъ человѣческаго духа, есть религія христіанская; потому что, по выраженію древняго учителя церкви, Тертулліана, душа человѣческая naturaliter christiana—по природѣ христіанка. Въ этомъ выраженіи заключается глубокая истина: въ сознаніи язычника, хотя и смутно, всегда должна была существовать мысль, что почитаемые имъ боги не соотвѣтствуютъ идеѣ Бога истиннаго, что, кромѣ покланяемыхъ боговъ, есть Богъ невидимый и невѣдомый. И дѣйствительно, этому невѣдомому Богу ставились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жертвенники: извѣстно, къ какой прекрасной рѣчи далъ поводъ апостолу Павлу подобный

жертвенникъ въ Аөинахъ на высотахъ акрополя (Дѣян. 17, 22—31). Рѣчь его сопровождалась обращеніемъ нѣкоторыхъ къ христіанству, потому что указывала на тѣ свойства человѣческой души, природѣ которыхъ отвѣчаетъ христіанство. Тѣ же свойства человѣческой души приводили нѣкоторыхъ философовъ и вообще людей, для которыхъ дорога вѣра, къ открытіямъ, граничащимъ съ христіанствомъ. Умъ, отуманенный политеизмомъ, чувствовалъ свое безсиліе создать себѣ истинную вѣру и устами лучшихъ мыслителей древности сознавался, что Бога найти трудно, а нашедши невозможно высказать о немъ, что слѣдуетъ; воля, погруженная въ грубую чувственную жизнь, и желала бы, но не могла возвыситься до смутнопредставляемаго идеала нравственности; сердце жаждало спасенія изъ этого тяжелаго, безотраднаго, невыносимаго положенія, и въ многоразличныхъ образахъ представляло себѣ возможность спасенія жалкаго человѣчества. Всѣ гаданія, чувства и пожеланія сливались въ одну идею, разлившуюся въ народныхъ массахъ, что должно произойти что-то сверхъестественное, что съ востока и въ частности изъ Іудеи придутъ люди, которые основутъ новое царство и доставятъ человѣчеству золотой вѣкъ. Это убѣжденіе тогдашняго человѣчества высказывалось китайцами, персами и другими народами съ большей или меньшей ясностью; оно же записано у римскихъ писателей (Тацита и Светонія), и дѣйствительность его не заподозривается никакимъ Штраусомъ, какъ напротивъ заподозривается евангельское сказаніе о пришествіи на поклоненіе новорожденному Мессіи восточныхъ мудрецовъ, вслѣдствіе той же неутолимой жажды сердечной, искавшихъ Искупителя человѣчества.

Но я должень просить вась не дѣлать изъ моихъ словъ какого-нибудь поспѣшнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ неправильнаго заключенія. Не то хочу я сказать, что христіанство, требуемое и соотвѣтствующее свойствамъ человѣческой души, есть изобрѣтеніе человѣка, геніальнаго правда, но все таки человѣка, или что оно есть естественный продуктъ умственно-религіознаго броженія того времени, какъ стараются доказывать послѣдователи извѣстной историко-богословской ново-тюбингенской школы; потому что, не смотря на всѣ ихъ усилія, имъ доселѣ не удалось еще доказать, чтобы какая-нибудь восточная религіозная система, или Сократъ и Платонъ, возвышеннѣйшіе изъ греческихъ философовъ, которыми пользовались и отцы церкви въ защиту и объясненіе христіанства, или александрійскіе философы и другіе современники Іисуса Христа могли, въ какомъ нибудь отношеніи, служить источникомъ возвышеннаго христіанскаго ученія. Я хочу сказать только, что измученное внѣшнимъ деспотизмомъ, нравственнымъ безобразіемъ и умственной слѣпотой, жаждавшее спасенія и доходившее до религіознаго отчаянія отъ невозможности найти его, человѣчество находило въ христіанствѣ то, чего ощупью искало: и просвѣтительное ученіе и высокую нравственность и примиряющія съ Богомъ средства. Само собою разумѣется, что, не смотря на соотвѣтствіе христіанства духовной природѣ человѣка, созданныя тысящелѣтіями религіи, подкрѣпляемыя новой философіей и всемірной внѣшней силой, не могли уступить ему безъ борьбы свое мѣсто. А чтобы показать, какова была эта борьба и слѣдовательно какова сила христіанства, сравнительно со всѣми другими религіями и всѣми вообще силами человѣческими, я пос-

волю себѣ, въ самыхъ краткихъ замѣчаніяхъ, сказать вамъ, при какихъ обстоятельствахъ возникло христіанство и распространялись и потомъ существовали христіанская вѣра и церковь. Чрезъ это, надѣюсь, яснѣе опредѣлится предметъ церковной исторіи, нежели посредствомъ логическихъ опредѣленій.

На восточномъ берегу Средиземнаго моря лежитъ маленькая полоса земли, называемая обыкновенно Палестиной и Іудеей. На этой полосѣ, задолго до рожденія Основателя христіанства, поселился маленькій еврейскій народъ, впослѣдствіи цѣликомъ почти отведенный въ плѣнъ знаменитымъ Навуходоносоромъ и возвращенный на родину великодушнымъ Киромъ. Пользуясь, при преемникахъ Александра Великаго, тѣнью самостоятельности, этотъ народъ, при первыхъ римскихъ императорахъ, потерялъ всякую политическую самостоятельность, въ страшной катастрофѣ лишился столицы—Іерусалима и затѣмъ отечества и разсѣялся по разнымъ уголкамъ громадной римской имперіи. Но этотъ, ничтожный политически, народъ имѣлъ предъ другими преимущество быть избраннымъ Божіимъ народомъ, владѣлъ завѣтомъ съ Іеговой, закономъ—дѣтоводителемъ ко Христу (Гал. 3, 24) и обѣтованіями, что отъ него произойдетъ Искупитель человѣческаго рода. Какъ избранникъ Божій, еврейскій народъ, по возвращеніи изъ вавилонскаго плѣна, совершенно замкнулся въ себѣ, прекратилъ всякое духовное общеніе съ окружавшими его языческими народами, предался мелочному болѣзненному выполненію внѣшнихъ предписаній закона и самымъ нетерпѣливымъ ожиданіямъ Мессіи, царя и всемірнаго завоевателя, имѣющаго освободить его отъ иноземнаго и иновѣрнаго владычества и даже покорить ему всѣ народы.

Но, гонясь за внѣшними предписаніями закона, богоизбранный народъ утратилъ пониманіе истиннаго смысла закона и представители еврейскаго богословія, ко времени Христа, раздѣлялись на три партіи, которыя всѣ, болѣе или менѣе, превратно понимали законъ. Это были ессеи съ своимъ сектантскимъ характеромъ, саддукеи съ легкомысленнымъ невѣріемъ и фарисеи съ мертвымъ формализмомъ въ ученіи. Весь простой народъ, наученный точному исполненію обрядоваго закона и преданій фарисеевъ, былъ подъ полнымъ ихъ руководствомъ. Язычники, владѣвшіе философіей и вообще наукой, которая сдѣлала къ тому времени значительные успѣхи, съ славной столицей исполинскаго государства— Римомъ, этимъ всемірнымъ пантеономъ, въ которомъ собраны были всевозможныя божества съ пышными богослуженіями и съ претензіями на миѳическую древность, соединенныя подъ управленіемъ могущественнаго Августа, не хотѣли знать религіи евреевъ или распускали нелѣпыя сказки о нихъ и вообще смотрѣли на нихъ какъ на народъ жалкій, невѣжественный, суевѣрный и безбожный и, за фанатическую исключительность ихъ и отверженіе тогдашней цивилизаціи, платили имъ ненавистью и преслѣдованіемъ. При такомъ положеніи древняго міра является христіанство. И какая грустная обстановка колыбели христіанства!

На скалистыхъ высотахъ іудейскихъ горъ, въ двухъ часахъ отъ столицы іудейскаго царства, лежалъ маленькій городокъ Виѳлеемъ. По случаю переписи, дѣланной по распоряженію римскаго правительства, народъ собрался сюда въ большомъ числѣ, такъ что многіе должны были располагаться внѣ города. Въ числѣ такихъ была молодая дѣва, съ обрученнымъ мужемъ-старикомъ,

которая, за неимѣніемъ мѣста въ городѣ, пріютилась, отъ зимняго холода въ каменной пещерѣ, куда загонялся на ночь скотъ. Здѣсь раждается отъ нея младенецъ Іисусъ, котораго, вскорѣ, по причинѣ гоненія Ирода, родители, въ поспѣшномъ бѣгствѣ, уносятъ въ Египетъ и, по смерти послѣдняго, уходятъ оттуда въ презрѣнную у евреевъ Галилею, изъ которой, по мнѣнію ихъ, ничего не могло выйдти добраго, и поселяются въ незначительномъ городкѣ Назаретѣ, среди народа, сидящаго во тьмѣ (Мѳ. 4, 16). О жизни этого, съ колыбели гонимаго, Младенца до тридцатилѣтняго возраста въ достовѣрныхъ сказаніяхъ почти ничего не говорится; замѣчено только, что Онъ, будучи двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ, въ храмѣ іерусалимскомъ удивилъ всѣхъ своими вопросами и отвѣтами, что росъ въ повиновеніи у родителей, помогалъ отцу въ плотничествѣ и вообще получилъ самое скромное воспитаніе отъ бѣдныхъ родителей, такъ что впослѣдствіи знавшіе Его семейную обстановку съ недоумѣніемъ спрашивали: какъ Онъ знаетъ писанія, неучившись (Іоан. 7, 15). Но, по достиженіи тридцатилѣтняго возраста, Іисусъ является общественнымъ дѣятелемъ, по модному выраженію, преобразователемъ вѣры: не отмѣняя ветхаго закона, исполняетъ его обрядовыя предписанія, уясняетъ догматическую сторону его, возвышаетъ нравственную и проповѣдуетъ, что наступило царство Божіе на землѣ съ царемъ—Сыномъ человѣческимъ, Мессіей, Искупителемъ человѣчества. Собираются около новаго Учителя слушатели и потомъ ученики— люди темные, галилейскіе рыбаки и подобные, все, что, по словамъ Апостола, было въ глазахъ міра „безумнымъ, немощнымъ, незнатнымъ и униженнымъ“ (1 Кор. 1, 27, 28), или, по презрительному выраженію фарисе-

евъ, „этотъ народъ, невѣжда въ законѣ“ (Іоан. 7,49). Но слушатели часто не понимали возвышеннаго ученія новаго Учителя и особенно мессіанскаго достоинства Его: по примѣру другихъ евреевъ, сколько ни говорилъ имъ Учитель о царствѣ не отъ міра сего, они видѣли въ Немъ только будущаго царя, освободителя богоизбраннаго народа изъ-подъ иноземнаго ига, и потому спорили о первыхъ мѣстахъ при Его будущемъ дворѣ: духовное ученіе Его казалось ученикамъ „странными словами“, вслѣдствіе которыхъ многіе изъ нихъ отходили и оставляли Его навсегда (Іоан. 6, 60, 66). Записанъ въ евангеліи одинъ случай свѣтлаго пониманія учениками Божественнаго лица своего Учителя, когда, на вопросъ, за кого они почитаютъ Его, апостолъ Петръ за всѣхъ сказалъ: „ты Христосъ, Сынъ Бога живаго“; но какъ неотчетливо было еще это пониманіе, видно изъ того, что, когда Іисусъ, вслѣдствіе этого исповѣданія, началъ открывать ученикамъ Своимъ тайну искупленія человѣчества Своей смертью, тотъ же Петръ сталъ противорѣчить Ему (Мѳ. 16, 16, 21, 22), возвращаясь къ народнымъ воззрѣніямъ на Мессію. Недолговременна была дѣятельность галилейскаго Учителя, около трехъ лѣтъ съ половиною; враги Его—учители закона—схватили Его, причемъ ученики разбѣжались и самый смѣлый изъ нихъ Петръ отрекся отъ Него; предъ судомъ іудейскимъ и языческимъ Онъ исповѣдалъ себя Сыномъ Божіимъ и духовнымъ царемъ человѣчества, за что, какъ богохульникъ и врагъ кесаря, былъ приговоренъ къ позорной казни на крестѣ, на которомъ и умеръ. На третій день по смерти, не смотря на приставленную ко гробу врагами Его стражу, тѣла Его не оказалось тамъ и между іудеями про-

неслась молва, пущенная въ ходъ тѣми же врагами, что ученики украли тѣло своего Учителя. Но ближайшіе ученики Его, разогнанные гоненіемъ на Учителя, сами сначала недоумѣвали, куда могло дѣваться тѣло Его, и, разсуждая о смерти своего Учителя, готовы были отступиться и отъ того неточнаго понятія, какое прежде имѣли о лицѣ Его: „а мы надѣялись было, что Онъ есть тотъ, который долженъ избавить Израиля" (Лук. 24, 21). Украдкой собирались они въ продолженіе 50 дней и просиживали цѣлые дни съ запертыми дверями, опасаясь одинаковой участи съ Учителемъ. Когда, такимъ образомъ, сидѣли они, въ такъ называемой сіонской горницѣ, мгновенно произошелъ съ ними необыкновенный переворотъ: день, съ котораго начинаетъ свое существованіе христіанская церковь! Въ этотъ день повязка іудейской исключительности спала съ глазъ учениковъ Христовыхъ; непросвѣщенные рыбаки оказываются глубоко и обширно знающими писанія; робкіе бѣглецы выступаютъ всенародно и проповѣдуютъ универсальное христіанство, исключающее всякую другую религію, не исключая и закона Моисеева; то, чего не понимали ученики при жизни Учителя, теперь понимаютъ слушатели ихъ и, по первой проповѣди, обращаются въ вѣру Христову въ количествѣ 3,000 человѣкъ; апостоловъ призываютъ на судъ, запрещаютъ имъ проповѣдывать, сажаютъ въ темницы, бьютъ, но они проповѣдуютъ и проповѣдь ихъ распространяется по всѣмъ странамъ извѣстнаго тогда міра.

Таково было внѣшнее, видимое начало христіанства и Христовой церкви. Первымъ Учителемъ и Главой ея былъ галилейскій плотникъ, распятый на крестѣ и оставившій ученикамъ одно пророческованное утѣшеніе, что,

на исповѣданіи Его Сыномъ Божіимъ, Онъ созидаетъ Свою церковь, которой никакія силы не одолѣютъ (Мѳ. 16, 18); первыми проповѣдниками Его ученія были люди темные, невѣжды въ законѣ, по отзыву тогдашнихъ учителей вѣры; а первыми слушателями іудеи съ богопреданнымъ закономъ и язычники съ обольстительной для чувственнаго человѣка религіей. Въ настоящее время, когда все, имѣющее претензію называться образованнымъ, просвѣщеннымъ, украшаетъ себя именемъ христіанина, трудно представить себѣ всю дисгармонію евангельской проповѣди съ тогдашней цивилизаціей, такъ что происхожденіе и побѣда христіанства надъ язычествомъ людямъ непредубѣжденнымъ справедливо представляется величайшимъ изъ чудесъ. Апостолъ Павелъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ изобразилъ отношеніе своей проповѣди къ слушателямъ: „іудеи требуютъ чудесъ и еллины ищутъ премудрости, а мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для іудеевъ соблазнъ, а для еллиновъ безуміе“ (1 Кор. 1, 22, 23). Часто приходилось проповѣдникамъ христіанства находиться въ томъ положеніи, какое испыталъ этотъ апостолъ, проповѣдуя въ Аѳинахъ эпикурейскимъ и стоическимъ философамъ и вообще образованной языческой публикѣ о воскресшемъ Христѣ: „услышавъ о воскресеніи мертвыхъ, одни насмѣхались, а другіе говорили: объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время“ (Дѣян. 17, 32). Хотя проповѣдь о крестѣ для погибающихъ только есть безуміе, а для спасаемыхъ сила Божія (1 Кор. 1, 18); но эта сила Божія должна была преодолѣвать непреодолимыя, по суду человѣческому, препятствія, переработать весь строй жизни тогдашняго міра, возвысить плотскій разумъ язычника до духовнаго пониманія Боже-

ственныхъ предметовъ и уничтожить іудейскую исключительность. И если провозглашаемая последователями новотюбингенской школы борьба іудейскаго и христіанскаго элементовъ въ пониманіи христіанства самими апостолами не оправдывается исторіей церкви: за то, со времени самихъ апостоловъ, между ближайшими ихъ учениками ведется продолжительная борьба языческихъ и іудейскихъ началъ въ христіанствѣ, смѣшеніе чисто христіанскихъ началъ съ іудейскими и языческими. Многіе іудеи, принявшіе христіанство, не хотѣли отказаться отъ свой исключительности, старались сохранить въ христіанствѣ законъ Моисеевъ и считали язычниковъ недостойными наслаждаться благами царства Мессіи: отсюда возникли, такъ называемыя, іудействующія секты въ христіанствѣ. Для многихъ образованныхъ язычниковъ, принявшихъ христіанство, простая евангельская проповѣдь казалась слишкомъ простой; по примѣру языческихъ жрецовъ, они и въ христіанствѣ старались построить высшую народной (вульгарной) вѣры систему и проповѣдывали особенный гносисъ, въ которомъ, кромѣ имени Христа, не оставалось почти ничего христіанскаго: отсюда многочисленныя развѣтвленія, такъ называемыхъ, въ христіанствѣ гностическихъ сектъ. Смѣшеніе христіанскаго ученія съ іудействомъ и борьба съ этой смѣсью чистаго христіанства продолжается два вѣка и переходитъ въ третій. Не окончилась еще эта борьба, какъ является новое направленіе въ христіанствѣ, которое старалось сдѣлать христіанское ученіе доступнымъ разуму и искажало главный догматъ христіанства о Троицѣ. Это направленіе продолжается весь третій вѣкъ и въ первой четверти четвертаго перерождается въ самую опасную для христіанства ересь

аріанскую, которая отвергала равночестность и единосущіе Искупителя человѣчества — Сына Божія съ Богомъ Отцемъ, т. е. отвергала самую сущность христіанства. Подъ покровительствомъ императоровъ—аріанъ, она охватывала весь тогдашній христіанскій міръ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ предстоятелей церкви, и были времена, когда по видимому весь христіанскій міръ аріанствовалъ. Борьба чистаго христіанства съ аріанской ересью и ея послѣдствіями—ересями македоніанской, евтихіанской, несторіанской, монофизитской и монофелитской продолжается цѣлыхъ четыре вѣка и притомъ большею частію противъ свѣтской власти, защищавшей еретическія направленія, т. е. борьба слабаго духовнаго оружія со внѣшней силой.

Раздираемая внутренней борьбой съ ересями, церковь Христова, можно сказать, со дня своего рожденія подверглась внѣшнимъ гоненіямъ, сначала отъ іудеевъ, а потомъ отъ язычниковъ. Всѣ почти первые проповѣдники христіанства, апостолы и ихъ ученики, начиная съ первомученика Стефана, погибли мученической смертью; потомъ гоненію подвергался всякій, носившій имя христіанина. Умерщвляемы были за христіанство и при такихъ императорахъ, которые совершенно равнодушно относились къ религіознымъ дѣламъ или даже запрещали преслѣдовать христіанъ; но невозможно изобразить всѣхъ ужасовъ мученій, которымъ подвергали христіанъ прямые гонители императоры: Неронъ, Домиціанъ, Маркъ Аврелій, Септимій Северъ, Каракалла, Децій, Діоклитіанъ, Галерій, Максиминъ и Лициній. Тысячами, десятками тысячъ умерщвляли христіанъ за исповѣданіе вѣры самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, не разбирая ни пола, ни возраста, пока, наконецъ, го-

нители не убѣдились, что невозможно истребить христіанское имя на землѣ. Вслѣдъ за этимъ сознаніемъ, христіанство возсѣло и на императорскомъ престолѣ, въ лицѣ Константина Великаго. Но язычество далеко еще не умерло; послѣ неразумныхъ реактивныхъ дѣйствій аріанствующаго Констанція противъ язычества, Юліанъ, извѣстный въ церковной исторіи подъ именемъ отступника, эта въ высшей степени трагическая личность, достойная лучшей участи, старался возвысить и оживить падающее язычество чрезъ подражаніе христіанству. Но попытка Юліана возстановить язычество не удалась: приписываемое ему предсмертное восклицаніе: „побѣдилъ, Галилеянинъ" — это отчаянный вопль издыхавшаго язычества, который возвѣстилъ старому міру окончательное обновленіе его новою и животворною силою христіанской вѣры.

Не безъ борьбы продолжала свое существованіе христіанская церковь и послѣ того, какъ христіанство мало по малу принято было всѣми европейскими народами; потому что борьба есть существенное достояніе, по богословскому выраженію, воинствующей церкви на землѣ. Возникшій въ началѣ VII вѣка Исламъ кровавымъ мечемъ отнялъ у церкви три восточные патріархата и всѣ африканскія церкви, а впослѣдствіи покорилъ себѣ и всѣхъ восточныхъ, т. е. православныхъ христіанъ, грековъ и часть славянъ. Но внѣшнія бѣдствія для церкви обыкновенно менѣе гибельны, нежели внутреннія разногласія и раздѣленія. Скоро начались религіозныя раздѣленія востока и запада, происходившія отъ притязаній папъ на главенство и тираннію въ церкви и потомъ въ государствахъ, отъ деспотическаго вмѣшательства византійскихъ императоровъ во внутреннія дѣла церкви,

отъ честолюбивыхъ стремленій константинопольскихъ патріарховъ, которые, впрочемъ, ограничивались болѣе восточно-пышнымъ титуломъ вселенскаго, отъ различія народныхъ характеровъ, языка, нравовъ, умственнаго міросозерцанія, и наконецъ, отъ образовавшихся въ теченіе вѣковъ обрядовыхъ и даже догматическихъ разностей. Столкновенія эти при двухъ знаменитыхъ патріархахъ—Фотіи константинопольскомъ и Николаѣ 1 римскомъ кончились взаимными анаѳемами, а чрезъ два вѣка—при константинопольскомъ Михаилѣ Керулларіи и римскомъ Львѣ IV—окончательнымъ раздѣленіемъ великихъ церквей. Миролюбивыя попытки къ соединенію во время крестовыхъ походовъ и позже на ліонскомъ и флорентійскомъ соборахъ только расширяли пропасть, раздѣлявшую церкви. Правда, и восточная церковь, извѣстная у церковныхъ историковъ, даже католическихъ, подъ именемъ православной, и католическая — западная продолжали имѣть благотворное цивилизующее вліяніе на сосѣдніе варварскіе народы; но вредныя послѣдствія раздѣленія очевидны и неисчислимы. Восточная церковь, подвергнувшаяся иновѣрному рабству и соединенному съ нимъ варварству, по выраженію западныхъ историковъ, окаменѣла въ православіи, т. е., по нашему сказать, отстала въ богословской наукѣ отъ западныхъ церквей, но зато по собственному же ихъ сознанію, осталась болѣе, нежели онѣ, вѣрною ученію, обрядамъ и устройству древней, еще нераздѣленной христіанской церкви. Западная, признавшая главенство папы въ церкви, какъ намѣстника Христова, и непогрѣшимость его въ дѣлахъ вѣры, оторванная отъ вселенскаго единства, „лишенная, по словамъ лучшаго современнаго католическаго историка Дёллингера, помощи

греческой церкви и ея тонкаго богословскаго смысла, оказалась несостоятельной въ рѣшеніи важнѣйшихъ богословскихъ вопросовъ“ (1), во внѣшнемъ отношеніи изъ духовнаго царства Христова, сдѣлалась мірскимъ институтомъ, съ притязаніями на деспотическое господство, не только надъ совѣстью людей, но и надъ царями и народами, впала въ обскурантизмъ въ XIV и XV вѣкѣ (2), и вслѣдствіе всего этого вызвала реакцію, извѣстную подъ именемъ реформація. Громадное явленіе новой исторіи съ досель еще продолжающимися послѣдствіями, реформація, произведенная на католической почвѣ, католическими монахами и священниками, не смотря на видимую противоположность католичеству, есть самый логическій выводъ папской системы. Если одному человѣку, хотя бы и римскому первосвященнику предоставлено было право неограниченно господствовать надъ совѣстью народовъ, по собственному усмотрѣнію измѣнять и составлять догматы, т. е. право посягательства на божественный авторитетъ, то съ такимъ же правомъ, т. е. одинаково незаконно августинскій монахъ Лютеръ, швейцарскій священникъ Цвинглій, французскій богословъ Кальвинъ, англійскій король Генрихъ VIII и другіе, могли присвоить это право себѣ. Несомнѣнно, что реформація, освободившая христіанскую совѣсть изъ-подъ гнета монашескаго невѣжества и іерархическаго деспотизма, оказала великія услуги наукѣ и особенно богословской, но несомнѣнно

---

(1) Изъ устной лекціи мюнхенскаго профессора церковной исторіи Дѣллингера, разсказывавшаго исторію вопроса объ опредѣленіи и отношеніи благодати къ человѣку (въ 1867 г.).

(2) Я заимствую слово изъ epistolæ *obscurorum* virorum, памфлета 1515—17 г. на католическое духовенство, который, впрочемъ, ниже дѣйствительнаго невѣжества тогдашняго духовенства.

также и то, что она своей отрицательной стороной, нанесла великий вред церкви и христіанству. Новыя философическія системы скептиковъ, деистовъ, сенсуалистовъ и пантеистовъ, суть ея произведенія. Остановленная насильственно и нелогически, такъ называемыми, символическими книгами, она въ богословскомъ отношеніи необходимо ведетъ не только къ индифферентизму и вульгарному раціонализму прошедшаго вѣка, но и къ абсолютному нигилизму ([1]) Бауровой школы, по справедливому замѣчанію одного современнаго протестантскаго историка (Шаффа). „Никакъ нельзя отвергать, говоритъ онъ, между прочимъ, что революціонныя и разрушительныя тенденціи, отверженіе всякаго авторитета въ государствѣ и церкви, горячка своеволія нашего времени стоятъ въ извѣстной связи съ протестанствомъ". Въ послѣдствіи мы познакомимся съ этимъ дѣломъ поближе; а теперь я мимоходомъ упомяну объ извѣстныхъ вамъ изъ всеобщей исторіи послѣдствіяхъ религіозныхъ раздѣленій—о войнахъ крестоносныхъ, тридцатилѣтнихъ и другихъ; о взаимной международной враждѣ, имѣющей основаніе въ различіи вѣроисповѣданій; о современныхъ вопросахъ—польскомъ, папскомъ и восточномъ, болѣе религіозныхъ, нежели политическихъ, потому что, не будь религіознаго раздѣленія, не было бы ни польскаго, ни папскаго вопросовъ,—не покровительствуй православнымъ грекамъ и славянамъ иновѣрныя державы, они давно бы выбросили въ Азію гніющій трупъ ислама. Такова сила религіи и религіозныхъ раздѣленій! И едва ли нужно считать пророчествомъ, а не логиче-

([1]) Считаю нужнымъ замѣтить, что такъ часто злоупотребляемымъ у насъ словомъ *нигилизмъ*, въ Германіи лѣтъ 30 уже назадъ стали характеризовать богословское направленіе новотюбингенской школы.

скихъ выводомъ исторіи религій слова Лазоли, который, разсмотрѣвши слабость язычества въ сравненіи съ христіанствомъ, приведшую его къ паденію, заключаетъ: „и нынѣ еще лучшее и прекраснѣйшее въ жизни европейскихъ народовъ связано съ христіанствомъ; и когда исполнятся грозныя судьбы будущаго и придетъ богатое событіями время великой борьбы народовъ въ Европѣ, то не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что и здѣсь послѣдняя побѣда останется на той сторонѣ, гдѣ будетъ господствовать бо̀льшая сила вѣры“.

Вотъ эту-то исторію христіанской вѣры и церкви, какъ великой зиждительной и цивилизующей силы, я и буду имѣть честь преподавать своимъ слушателямъ, т. е. исторію преобразованія языческаго міра въ христіанскій, усвоеніе имъ цивилизующихъ началъ христіанства, догматическихъ и нравственныхъ, исторію просвѣщенія и освященія христіанскихъ народовъ духовно-благодатными средствами — въ богослуженіи и церковномъ управленіи. Ни время, ни потребности вступительной лекціи не позволяютъ мнѣ дать логическія опредѣленія исторіи и церкви, церковной исторіи и ея объема, отношенія ея къ богословскимъ и факультетскимъ наукамъ, источниковъ и вспомогательныхъ средствъ, необходимости для филолога изученія ея и подобныхъ предварительныхъ понятій и вопросовъ. Но я не могу не сказать теперь же о методѣ и характерѣ, какой предполагаю дать своимъ чтеніямъ по церковной исторіи. Первое требованіе, предъявляемое всякому историку и въ частности церковному, есть такъ называемая объективность, или даже всецѣлая объективность въ противоположность субъективному изложенію предмета науки. Въ особенности это требованіе предъявляется защитниками отрицатель-

ной богословско-исторической школы и главой ея, Бауромъ, выражено въ слѣдующихъ словахъ: „историкъ можетъ отвѣчать своей задачѣ только въ той мѣрѣ, въ какой онъ свободенъ отъ всякой односторонности субъективныхъ воззрѣній и интересовъ, какого бы рода они ни были, самъ переносится въ объективность предмета, чтобы самому быть только зеркаломъ, въ которомъ отражаются историческія явленія въ ихъ истинномъ и дѣйствительномъ образѣ, вмѣсто того, чтобы дѣлать исторію рефлексомъ своей собственной субъективности". Я не буду говорить о томъ, что для такого абсолютно-объективнаго изложенія требуется обсолютная вѣрность самаго зеркала, чтó невозможно, такъ какъ ни одинъ человѣкъ не можетъ представить себя неспособнымъ ошибаться существомъ; я долженъ сказать болѣе, именно, что требованіе полной объективности изложенія есть историческій и логическій абсурдъ и потому самому ненаучно. Историческіе факты не совершаются предъ глазами историка; они совершились давно и совершены людьми, имѣвшими при этомъ тѣ или другія внутренія побужденія и мысли; переданы людьми же, понимавшими и передавшими ихъ такъ или иначе, смотря по способности къ пониманію и къ передачѣ; разсматриваются и преподаются историкомъ — человѣкомъ же, который не въ состояніи ничего понять безъ посредства своего мышленія и сужденія. Потому достаточно требовать отъ церковнаго историка, чтобъ онъ имѣлъ высшей цѣлью полную, безусловную истину, насколько это доступно человѣку, отвлекся отъ всѣхъ предразсудковъ и интересовъ партіи; но абсолютно невозможно требовать, чтобъ онъ отбросилъ свою субъективность, свой характеръ, даже свою религію, и сдѣлался tabula rasa,

чтобы т. е. показалъ въ своей исторіи совершенную безхарактерность. „Для писателя съ характеромъ, говоритъ Шаффъ, это абсолютная невозможность и безсмыслица... Безъ христіанской вѣры нѣтъ правильнаго разумѣнія св. Писанія, невозможна и церковная исторія“. „Всецѣло объективное изложеніе есть самообольщеніе, говоритъ Кёлльнеръ; можетъ и невѣрующій написать исторію христіанской церкви, но не можетъ написать истинной, христіанской исторіи церкви. Кто не имѣетъ христіанской вѣры или содержитъ ее неправильно, тотъ не въ состояніи будетъ ни понять, ни оцѣнить внутреннихъ производящихъ дѣятелей движенія и развитія, а тѣмъ болѣе — изложить, такъ что и здѣсь имѣетъ силу слово: ἑκάστῳ ὡς ὁ Θεὸς ἐμέρισε μέτρον πίστεως“. Я могъ бы собрать вамъ безчисленное множество совершенно такихъ-же отзывовъ церковныхъ историковъ, католическихъ и протестантскихъ, объ абсолютной объективности въ исторіи; я могъ бы показать вамъ, что такой объективности на дѣлѣ никогда не бывало, что ея не имѣютъ ни піетисты—Арнольдъ и Милнеръ, ни супранатуралисты — Мосгеймъ, Шрёккъ и Планкъ, ни раціоналисты—Землеръ, Генке, Гиббонъ, Гизелеръ, ни отецъ новой церковной исторіи—пекторалистъ Неандеръ съ своей многочисленной школой, ни лѣвые гегеліанцы—Бруно-Бауеръ, Давидъ Штраусъ, Христіанъ Бауръ, ни либеральный Пихлеръ, ни ультрамонтанъ Гергенрётеръ. Я замѣчу только, что изъ всѣхъ церковныхъ историковъ, по отзыву всѣхъ компетентныхъ судей, наибольшей субъективностью отличаются писатели противорковнаго и антихристіанскаго направленія. Такъ напр. Арнольдъ, задавшись предположеніемъ, что единственно порядочные христіане—еретики, пришелъ къ нелѣпой, съ научной

точки зрѣнія, мысли доказать, въ своей „безпристрастной исторіи церкви и еретиковъ“, что вселенская церковь, со времени Константина в., сдѣлалась вавилонской блудницей и народила Христу милліоны бастардовъ; тоже только въ другой формѣ, повторилъ недавно Газеманнъ въ своей „исторіи греческой церкви“; такъ гегеліанцы лѣвой стороны, представители новотюбингенской школы, въ своихъ трудахъ по церковной исторіи, занимаются, вмѣсто дѣла, діалектическимъ процессомъ, мыслятъ посредствомъ историческихъ натяжекъ свое мышленіе и, при первой встрѣчѣ съ дѣйствительными фактами, съ историческими документами, становятся въ неразрѣшимое противорѣчіе съ ними. Вообще не мыслимо, чтобы уважающій науку церковный историкъ сталъ на сторону этихъ немногихъ представителей антирелигіознаго направленія противъ осмнадцативѣковаго преданія и противъ многочисленнаго сонма современныхъ чтителей христіанской вѣры и церкви. Если у насъ при слабомъ развити религіознаго и научно-богословскаго образованія, произведенія, подобныя „жизни Іисуса“ Штрауса и Ренана считаются научными и даже опасными для христіанской вѣры; то на мѣстѣ появленія онѣ давнымъ давнымъ давно потеряли уже кредитъ. Если у насъ почти одиночно возраженіе на книгу Ренана московскаго профессора архимандрита Михаила, прекрасно опровергающее коренныя положенія новотюбингенской школы, да и это возраженіе, — можно съ увѣренностію сказать, — не прочитано почти никѣмъ изъ читавшихъ Ренана, въ нарушеніе юридическаго правила: audiatur et altera pars; то тамъ не только составилась, но и прочитана и усвоена уже цѣлая литература противъ антихристіанскаго направленія новотюбин-

генцевъ. Не въ похвалу нашу, конечно, я долженъ сказать и то, что когда у насъ, при полутора вѣковомъ существованіи богословской науки, съ жадностью и безотчетно читали безбожный французскій романъ, студенты молодаго аѳинскаго университета писали дѣльную книжку κατὰ Ἐρνέςϐ Ρενάν.

Но если церковная исторія должна быть христіанской и не можетъ не быть христіанской, не отказавшись отъ имени науки, то возникаетъ другой вопросъ—вѣроисповѣдный, т. е. должна-ли церковная исторія быть по направленію своему католической, протестанской или православной, и можетъ ли она быть наукой, придерживаясь взглядовъ того или другаго вѣроисповѣданія? Въ этомъ отношеніи отъ церковнаго историка требуется уваженіе къ тому, что есть въ христіанскихъ исповѣданіяхъ соотвѣтствующаго ученію Христа и апостоловъ, и такъ какъ всѣ онѣ вѣруютъ въ того же Бога и въ того же Сына Божія—искупителя человѣчества, чтó составляетъ, по апостольскому ученію, признакъ происхожденія отъ Бога (Іоан. 4, 2) и условіе вѣчной жизни (Іоан. 17, 3), то отъ историка требуется наивозможное безпристрастіе и терпимость къ вѣроисповѣдныхъ разногласіямъ, не составляющимъ сущности христіанства, какъ прекрасно выяснилъ это покойный московскій м. Филаретъ въ своихъ „разговорахъ о православіи между испытующимъ и увѣреннымъ". Поэтому церковная исторія исключитъ, какъ ненаучное, безусловное осужденіе чужаго и восхваленіе своего, и станетъ выше узкаго взгляда православнаго народа, по которому у грековъ франки, а у русскихъ нѣмцы-нехристи; но чрезъ это она еще не сдѣлается индифферентной относительно вѣроисповѣданій. Къ

счастію, сами иномыслящіе помогають намъ въ рѣшеніи вѣроисповѣднаго вопроса въ наукѣ. Если сами католическіе историки и особенно католическіе народы своими сужденіями опровергають или, по крайней мѣрѣ, ограничиваютъ и ослабляютъ обличительные пункты католичества, начиная съ главнаго, съ непогрѣшимаго главенства папы въ церкви, вслѣдствіе чего учащаются папскія энциклики, осуждающія эти воззрѣнія, и увеличивается католическій index librorum prohibitorum, т. е. противокатолическихъ; если сами протестантскіе историки и народы откровенно сознаются въ отступленіи отъ древнихъ церковныхъ формъ и признають въ реформаціи разъединяющія и разрушительныя начала, несоотвѣтствующія истинному христіанству; если въ Англіи и Америкѣ тысячами собираются на митинги для разсужденій о соединеніи съ восточной церковью, какъ дознано, наиболѣе соотвѣтствующей Христову ученію и христіанской древности: то церковному историку держаться въ своей наукѣ ортодоксальныхъ, католическихъ или протестантскихъ взглядовъ было бы по меньшей мѣрѣ несовременно и гораздо естественнѣе держаться тѣхъ началъ, къ которымъ наклоняются въ настоящее время сами иномыслящіе, составляя либеральную партію въ тѣхъ вѣроисповѣданіяхъ. Впрочемъ, лучшій судья въ этомъ дѣлѣ сама церковная исторія. Когда вы увидите въ ней, въ чемъ состояло ученіе и устройство древней христіанской церкви, признававшееся всѣми христіанскими народами единымъ истиннымъ или, на богословскомъ языкѣ, православнымъ, когда увидите, какъ восточная церковь, по выраженію западныхъ историковъ, окаменѣла въ этомъ православіи, считавшемся истинной вѣрой въ продолженіе осми вѣковъ, осталась и доселѣ остается

въ точности вѣрной ему, какъ сознаются строго научные западные историки, а западная, оставивши преданіе христіанской древности, которое впрочемъ въ теоретическомъ богословіи и у нихъ считается критеріемъ истины, пошла, по ихъ выраженію, путемъ развитія и прогресса и прогрессивнымъ развитіемъ не свойственныхъ христіанству началъ привела чрезъ реформацію къ антихристіанству новотюбингенской школы, когда т. е. увидите, что восточная церковь есть та самая церковь, въ которой, въ продолженіи осьми вѣковъ принадлежали всѣ христіанскіе народы, и православіе есть та самая вѣра, которая въ древней церкви считалась истинной Христовой: то поймете, что церковная исторія, какъ наука, по своему направленію не можетъ быть ни католической, ни протестантской, а должна быть и не можетъ не быть православной, если желаетъ говорить истину—первое требованіе всякой науки. И какъ исторія восточной православной церкви менѣе извѣстна, нежели исторія католичества и протестанства, а при большей извѣстности, безъ сомнѣнія, возбудитъ и большее уваженіе къ себѣ и сочувствіе со стороны иномыслящихъ: то православная церковная исторія имѣетъ право и обязанность посвятить особенное вниманіе исторіи восточной церкви, нашей многострадальной матери, что́ я и постараюсь сдѣлать въ своихъ чтеніяхъ.

Было время, когда Карамзинъ считалъ нужнымъ оправдываться предъ русскими и писать: „знаю, намъ нужно безпристрастіе историка; простите, я не всегда могъ скрыть любовь къ отечеству". Не мое дѣло рѣшать, совмѣстима ли съ безпристрастіемъ историка

любовь къ отечеству; но я увѣренъ, что вѣрность православнаго историка православной вѣрѣ и церкви или, что тоже, истинѣ, найдетъ сочувствіе у православныхъ студентовъ православнаго университета.

И. Добротворскій.

ПРОЭКТЪ ПОЛОЖЕНІЯ

о пенсіонной кассѣ для духовенства С.-Петербургской епархіи.

Мы слышали, что с.-петербургскою духовною консисторіею разсматривается проэктъ положенія о пенсіонной кассѣ духовенства с.-петербургской епархіи, составленный протоіереемъ А. П. Рудаковымъ, по порученію высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора. Проэктированная пенсіонная касса, на сколько намъ извѣстно, имѣетъ своею цѣлію выдачу пенсій вдовамъ и сиротамъ духовныхъ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи съ своими взносами, а равно и самимъ священно-и-церковнослужителямъ, оставляющимъ службу, по исполненіи опредѣляемаго положеніемъ числа платныхъ лѣтъ.

О денежныхъ средствахъ пенсіонной кассы.

Основный капиталъ кассы долженъ составиться первоначально изъ всѣхъ суммъ, которыя поступятъ въ кассу по день открытія ея дѣйствій, а послѣ того изъ остатковъ отъ ежегодныхъ доходовъ кассы. Доходы пенсіон-

ной кассы должны составлять: 1) ежегодные взносы отъ участвующихъ въ ней духовныхъ лицъ с.-петербургской епархіи; 2) проценты съ капиталовъ кассы; 3) пособіе, ежегодно отпускаемое изъ церковныхъ сборовъ, и различныя случайныя поступленія въ кассу. Пособія изъ церковныхъ сборовъ проэктъ требуетъ въ пользу кассы въ первыя 10 лѣтъ по 10,000 руб., въ слѣдующее пятилѣтіе по 15,000 руб., а затѣмъ по 20,000 руб. ([1]). Взносы священно-и-церковнослужителей соразмѣряются съ избираемыми окладами пенсій: за 10 руб. пенсіи полагается 2 руб. 50 коп. взноса, а за 100 руб. — 25 руб. взноса и т. д. По одобреніи проэкта въ главныхъ его чертахъ епархіальнымъ начальствомъ, всѣ священно-и-церковнослужители обязываются заявить о пенсіи, которою желаютъ обезпечить себя при оставленіи службы, а также и свое семейство, по своей смерти, и затѣмъ производить ежегодные взносы въ кассу соразмѣрно предназначенной себѣ пенсіи. Отъ взносовъ могутъ быть освобождены, при открытіи пенсіонной кассы, только священно-и-церковнослужители, получающіе откуда-либо пенсію, а также имѣющіе 60 лѣтъ отъ роду и при этомъ вдовые и бездѣтные. Оклады пенсій установлены различные:

Для столичныхъ:

Священниковъ	отъ	180	до 400	руб.
Діаконовъ . . .	—	100	— 240	—
Причетниковъ	—	60	— 150	—

([1]) Въ настоящее время изъ церковныхъ суммъ выдается пособій вдовамъ и сиротамъ духовныхъ лицъ с.-петербургской епархіи болѣе 25,000 руб. Слѣдовательно требованіе проэкта нельзя назвать неумѣреннымъ.

Для уѣздныхъ и сельскихъ:

Священниковъ	отъ	100	до	200 руб.
Діаконовъ . . .	—	60	—	100 —
Причетниковъ	—	30	—	75 —

Взносы обязательны для всѣхъ священно-и-церковнослужителей только по низшему окладу, по высшимъ же окладамъ предоставляются на волю каждаго. Съ низшихъ взносовъ можно переходить на высшіе, но пенсія по симъ послѣднимъ выдается только тогда, когда они производились не менѣе пяти лѣтъ. Въ случаѣ же смерти лица, измѣнившаго свой взносъ на высшій, ранѣе сего срока, семейству его выдается пенсія по прежнему взносу, причемъ ему возвращается и излишекъ взносовъ за послѣдніе годы, но безъ процентовъ.

Дозволяется и съ высшихъ взносовъ переходить въ низшіе, кромѣ овдовѣвшихъ, причемъ излишекъ первыхъ его взносовъ возвращается, по смерти вкладчика, его семейству, но безъ процентовъ.

Взносы должны поступать въ правленіе кассы къ 15-му января, но, для облегченія вкладчиковъ, они могутъ быть представляемы въ два срока: къ 15-му января и къ 1-му мая, съ приложеніемъ однако къ послѣдней половинѣ взноса 3% на нее.

Не представившій взноса къ 1-му мая за каждый просроченный мѣсяцъ платитъ по одному проценту.

Если кто не представитъ своего взноса въ теченіи цѣлаго года, то правленіе кассы обращается къ епархіальному начальству съ представленіемъ о взысканіи съ неисправнаго вкладчика непредставленнаго взноса съ процентами на оный. Непредставившій взноса въ теченіи двухъ лѣтъ лишаетъ тѣмъ самымъ пенсіи себя

и свое семейство, прежніе же его взносы возвращаются, въ случаѣ его смерти, его семейству, но безъ процентовъ.

Каждому члену дозволяется дѣлать взносы впередъ, причемъ, однакожъ, въ его пользу не причитаются имѣющіе нарости на вносимую имъ сумму проценты.

Лица, дѣлавшіе въ теченіе 35 лѣтъ взносы, освобождаются отъ нихъ на послѣдующее время, удерживая за собою право на пенсію, какъ себѣ, при выходѣ въ заштатъ, такъ и своему семейству.

Освобождаются отъ взносовъ, не теряя правъ на пенсію, ранѣе сего срока: 1) всѣ выходящіе въ заштатъ за выслугою положенныхъ закономъ лѣтъ; 2) подвергшіеся помѣшательству разсудка или лишившіеся своихъ мѣстъ за сокращеніемъ штатовъ, тяжкою болѣзнію и по другимъ уважительнымъ причинамъ. Въ случаѣ же ихъ выздоровленія и поступленія на службу, они обязываются по прежнему продолжать свои взносы.

Священно-и-церковнослужители, заботливости и ходатайству которыхъ касса будетъ обязана какимъ-либо пожертвованіемъ, освобождаются отъ взносовъ въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ количеству ежегоднаго дохода, доставляемаго пожертвованіемъ,—и вполнѣ, если количество этого дохода будетъ равняться или превышать количество ихъ взноса, вполнѣ сохраняя въ томъ и другомъ случаѣ право на пенсію.

Священно-и-церковнослужители, переходящіе изъ с.-петербургской епархіи въ другую, изъ епархіальнаго вѣдомства въ другое (придворное, гвардейское, армейское) получаютъ свои взносы обратно, но могутъ и продолжать ихъ, если только они состояли на епархіальной службѣ, не менѣе 20-ти лѣтъ. Въ послѣднемъ

случаѣ они сохраняютъ право на пенсію, какъ лично для себя, такъ и для своихъ семействъ, на общихъ основаніяхъ.

Священнослужители, лишившіеся сана по суду или собственному желанію, и причетники, исключенные изъ духовнаго званія, получаютъ обратно свои взносы, и затѣмъ отношеніе ихъ и ихъ семействъ къ кассѣ прекращается.

Всѣ возвраты взносовъ производятся только самимъ вкладчикамъ или ихъ семействамъ, т. е. женѣ и дѣтямъ, а не родственникамъ, и производятся безъ процентовъ, которые остаются въ пользу кассы.

Объ открытіи дѣйствій кассы и размѣрѣ пенсіонныхъ выдачъ

Дѣйствія пенсіонной кассы открываются тогда, когда, при ежегодныхъ взносахъ въ 57,000 руб., основный капиталъ возрастетъ до 392,000, т. е. будетъ въ семь разъ болѣе высшаго ежегоднаго взноса, и когда въ пособіе ему будетъ гарантированъ отпускъ изъ церковныхъ суммъ, въ теченіи слѣдующихъ тридцати лѣтъ, ежегодно не менѣе 10,000 руб.

Всѣмъ вдовамъ и сиротамъ священно-и-церковнослужителей, умершихъ до открытія дѣйствій кассы, никакихъ пенсій не полагается, а только возвращаются взносы, сдѣланные въ кассу ихъ мужьями или отцами, безъ процентовъ.

Выдача пенсій производится по одной изъ двухъ предлагаемыхъ системъ: или по системѣ *страховой*, по которой выдаются по преимуществу полныя пенсіи, или—*эмеритальной*, по которой пенсіи выдаются въ доляхъ соотвѣтственно числу платныхъ лѣтъ. Принятіе той или

другой системы предоставляется усмотрѣнію самого духовенства.

При *системѣ страховой*, священно и церковнослужителямъ, дѣлавшимъ взносы въ теченіи 35 лѣтъ, при оставленіи ими службы, выдаются полные оклады пенсій, а дѣлавшимъ взносы только въ теченіи 25 лѣтъ, при выходѣ ихъ въ заштатъ на 60 лѣтнемъ возрастѣ, выдаются половинные оклады пенсій, но семействамъ остающимся послѣ нихъ выдается полная пенсія.

Священно и церковнослужители, дѣлавшіе взносы въ кассу менѣе 25 лѣтъ, при выходѣ въ заштатъ, хотя и освобождаются отъ дальнѣйшихъ взносовъ, но пенсіи никакой не получаютъ; за вдовами же и семействами ихъ право на пенсію остается.

Подвергшіеся увѣчью, тяжкимъ неизлѣчимымъ болѣзнямъ, какъ-то: разбитію параличемъ, помѣшательству разсудка, потерѣ зрѣнія, не дозволяющимъ оставаться на службѣ, за 5 и до 10 платныхъ лѣтъ получаютъ $^3/_8$ полнаго оклада пенсіи, за 10 и до 20 платныхъ лѣтъ $^5/_8$ а за 20 и болѣе платныхъ лѣтъ —полный окладъ пенсіи

По открытіи дѣйствій кассы, вдовы и сироты священно и церковнослужителей, дѣлавшихъ взносы менѣе пяти лѣтъ, получаютъ половинный окладъ пенсій но если ими при жизни были сдѣланы взносы впередъ за пять лѣтъ, то полный окладъ пенсіи.

Вдовамъ и сиротамъ священно и церковнослужителей, дѣлавшихъ взносы пять лѣтъ и болѣе, производится полная пенсія: первымъ т. е. вдовамъ пожизненно, а послѣднимъ до 25 лѣтняго возраста. Малолѣтнимъ дѣтямъ, остающимся безъ отца и матери, выдается на каждаго по $^1/_3$ полной пенсіи, такъ что тремъ и болѣе выдается полная пенсія.

При эмеритальной системѣ, пенсіи выдаются въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Священно и церковнослужителямъ, оставляющимъ службу въ 60 лѣтнемъ возрастѣ, выдается.

За	5—10	платныхъ	лѣтъ	$^{3}/_{8}$	полной пенсіи
—	10—15	—	—	$^{4}/_{8}$	— —
—	15—20	—	—	$^{5}/_{8}$	— —
—	20—25	—	—	$^{6}/_{8}$	— —
—	25—30	—	—	$^{7}/_{8}$	— —
—	30—35	—	—	$^{8}/_{8}$	— —

Вдовамъ и сиротствующимъ семействамъ священно и церковнослужителей, дѣлавшихъ взносы отъ

5 до 10	лѣтъ	выдается	$^{4}/_{8}$	полнаго	оклада	пенсій
10 — 15	—	—	$^{5}/_{8}$	—	—	—
15 — 20	—	—	$^{6}/_{8}$	—	—	—
20 — 25	—	—	$^{7}/_{8}$	—	—	—
25 — 35	—	—	$^{8}/_{8}$	—	—	—

По открытіи дѣйствій кассы, вдовамъ и сиротамъ священно и церковнослужителей, дѣлавшихъ взносы менѣе пяти лѣтъ выдается $^{3}/_{8}$, а сдѣлавшимъ взносы впередъ за 5 лѣтъ $^{4}/_{8}$ оклада полной пенсіи.

По смерти заштатныхъ священно и церковнослужителей, пользовавшихся пенсіею при жизни, вдовамъ и сиротствующимъ ихъ семействамъ пенсія на $^{1}/_{8}$ прибавляется т. е. производится на общемъ основаніи.

Никто, состоя на службѣ, пенсій изъ Пенсіонной кассы получать не можетъ.

Вдовы а равно и дочери священно и церковнослужителей, вышедшія въ замужество, удовлетворяются слѣдующею имъ пенсіею по день вступленія въ замужество.

Сиротамъ, поступившимъ на службу, производившаяся имъ пенсія прекращается.

Пенсіи выдаются по третямъ: 15 генваря, 15 мая и 15 сентября.

При исчисленіи пенсіонныхъ выдачъ, дроби копѣекъ отбрасываются.

Объ управленіи и отчетности по дѣламъ пенсіонной кассы. Дѣлами пенсіонной кассы, подъ высшимъ наблюденіемъ епархіальнаго начальства, завѣдываютъ 1) общія собранія духовенства; 2) правленія пенсіонной кассы и 3) отдѣленія Правленія.

Общія собранія назначаются съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства и бываютъ обыкновенныя одинъ разъ въ декабрѣ мѣсяцѣ и чрезвычайныя въ случаяхъ особой важности. О мѣстѣ и времени собраній, а равно и о предметахъ разсужденія, столичное духовенство извѣщается за 3 недѣли, а уѣздное и сельское, по возможности, за 2 мѣсяца. Въ общемъ собраніи участвуютъ всѣ вкладчики пенсіонной кассы, но причетники пользуются правомъ одного голоса, діаконы—двухъ, а священники трехъ голосовъ. Оно считается дѣйствительнымъ, когда въ немъ будетъ присутствовать не менѣе сорока членовъ. Для соблюденія порядка въ своихъ разсужденіяхъ, общее собраніе прежде всего закрытою баллотировкою избираетъ предсѣдателя изъ наличныхъ протоіереевъ или священниковъ. Къ кругу занятій общаго собранія подлежитъ: а) избраніе трехъ членовъ правленія пенсіонной кассы и двухъ къ нимъ кандидатовъ: они избираются изъ священнослужителей, живущихъ въ столицѣ; б) разсмотрѣніе годовыхъ отчетовъ правленія; в) назначеніе ревизоровъ для подробной повѣрки приходорасходныхъ книгъ и прочихъ документовъ

правленія; г) обсужденіе случаевъ, признанныхъ правленіемъ сомнительными; д) измѣненія и дополненія положенія пенсіонной кассы. Избраніе членовъ правленія и ревизоровъ совершается закрытою баллотировкою, а прочія дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ. Никто изъ избранныхъ общимъ собраніемъ не имѣетъ права отказаться отъ должности, ему поручаемой; иначе подвергается пени, равной ежегодному обязательному взносу въ пользу пенсіонной кассы, но отслужившій по избранію однажды можетъ, не подвергаясь пени, отказаться отъ вторичнаго принятія на себя какой бы то ни было должности по пенсіонной кассѣ. Вопросы касательно измѣненія и дополненій положенія предлагаются собранію не иначе, какъ по предварительному о томъ заявленію, сдѣланному столичному духовенству за два мѣсяца, а уѣздному и сельскому за четыре до собранія съ обстоятельнымъ объясненіемъ, что предполагается измѣнить, почему и какимъ образомъ. Самое же измѣненіе или дополненіе рѣшается большинствомъ $^3/_4$ голосовъ наличныхъ членовъ собранія, и за тѣмъ эти рѣшенія представляются на утвержденіе начальства, послѣ чего получаютъ силу закона.

Правленіе пенсіонной кассы состоитъ изъ трехъ членовъ и двухъ числящихся при нихъ кандидатахъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ духовенства. с. п. епархіи и утверждаемыхъ въ своемъ званіи его высокопреосвященствомъ. Получившій наибольшее число избирательныхъ шаровъ состоитъ въ званіи председателя правленія, а двое слѣдующихъ за нимъ по взаимному согласію, или усмотрѣнію председателя, принимаютъ на себя одинъ должность казначея, а другой дѣлопроизводителя. Для переписки бумагъ правленіе имѣетъ писъ-

моводителя съ жалованьемъ въ 300 р. и съ квартирою при правленіи. Въ засѣданіяхъ правленія по очереди присутствуютъ и кандидаты, чтобы имѣть полное свѣдѣніе о порядкѣ и теченіи дѣлъ пенсіонной кассы, а во время болѣзни или отсутствія котораго либо изъ членовъ старшій кандидатъ заступаетъ его мѣсто. Члены правленія избираются на три года, по истеченіи которыхъ, могутъ быть выбраны и вновь, если только пожелаютъ принять эту должность. Въ случаѣ оставленія должности всѣми членами, старшій кандидатъ вступаетъ въ число членовъ правленія, и общее собраніе избираетъ только двухъ новыхъ и двухъ кандидатовъ. Члены правленія собираются въ мѣстѣ, въ дни и часы, назначаемые ими самими по взаимному согласію. Дѣла въ правленіи рѣшаются большинствомъ голосовъ, при чемъ имѣетъ право голоса и присутствующій кандидатъ; при равенствѣ голосовъ принимается мнѣніе той стороны, которой держится предсѣдатель. Къ обязанностямъ правленія принадлежатъ: попеченіе объ исправномъ поступленіи доходовъ кассы, выгодномъ помѣщеніи ихъ въ государственныя процентныя бумаги, исправной выдачѣ пенсій; веденіе надлежащей отчетности о капиталахъ и дѣйствіяхъ кассы; собираніе статистическихъ свѣдѣній, на которыхъ основаны разчеты о дѣйствіяхъ кассы; составленіе годовыхъ отчетовъ о приходѣ, расходѣ и положеніи капитала; о прибыли, убыли и наличномъ числѣ пенсіонеровъ; извѣщеніе всего епархіальнаго духовенства о мѣстѣ, времени и предметахъ, которые будутъ предложены на обсужденіе общаго собранія. Сообразно съ симъ правленіе ведетъ въ двухъ экземплярахъ слѣдующія книги: 1) списокъ всѣхъ церквей и духовныхъ лицъ, дѣлающихъ взносы въ кассу;

2) списокъ убылыхъ за каждый годъ пенсіонеровъ и вкладчиковъ; 3) списокъ наличныхъ пенсіонеровъ съ обозначеніемъ получаемыхъ ими пенсій; 4) приходорасходную книгу; 5 и 6) книги входящихъ и исходящихъ бумагъ; 7) вѣдомость объ основномъ капиталѣ съ обозначеніемъ достоинства и №№ процентныхъ бумагъ и №№ квитанцій, подъ которыми онѣ записаны въ Государственномъ Банкѣ, въ отдѣленіи вкладовъ на храненіе. Одинъ экземпляръ этихъ книгъ, перенумерованный, прошнурованный, и скрѣпленный председателемъ общаго собранія хранится у председателя правленія, а другой, скрѣпленый подписью председателя правленія у дѣлопроизводителя. Всѣ дѣла въ правленіи производятся на простой бумагѣ. Правленіе имѣетъ собственную печать съ изображеніемъ государственнаго орла и съ надписью: „печать правленія пенсіонной кассы духовенства с. п. епархіи". правленіе пользуется содѣйствіемъ и защитою епархіальнаго начальства, какъ скоро представится въ томъ надобность.

О храненіи капиталовъ Пенсіонной кассы.

Всѣ суммы, поступающія въ пенсіонную кассу, принимаются председателемъ правленія, въ присутствіи прочихъ членовъ и, по записи ихъ въ приходо-расходную книгу, помѣщаются въ казнохранилище. До открытія дѣйствій пенсіонной кассы, или до начала выдачи пенсій, всѣ поступающіе взносы и суммы изъ церковныхъ сборовъ, за оставленіемъ суммъ, подлежащихъ возвращенію семействамъ умершихъ вкладчиковъ, а по открытіи дѣйствій кассы, всѣ остатки отъ ея расходовъ обращаются немедленно въ 6% и 5% билеты государственной коммиссіи погашенія долговъ и другія

процентныя бумаги, гарантированныя правительствомъ. Чтобы взносимыя деньги не оставались, по возможности, ни одного дня безъ приращенія процентами, правленіе, до поступленія ихъ, входитъ въ сношеніе съ какимъ либо банкирскимъ домомъ о заготовленіи процентныхъ государственныхъ бумагъ на сумму, имѣющую приблизительно поступить въ пенсіонную кассу и, по поступленіи ея, тотчасъ же пересылаетъ въ банкирскую контору, въ обмѣнъ на заготовленныя процентныя бумаги. Точно также слѣдуетъ поступать и предъ полученіемъ процентовъ изъ государственнаго банка на хранящіеся въ ономъ капиталы кассы. Счеты банкирскихъ конторъ на проданныя кассѣ процентныя бумаги, вмѣстѣ съ биржевыми бюллетенями на стоявшія тогда цѣны симъ бумагамъ, должны храниться при дѣлахъ. Всѣ процентныя бумаги должны быть переводимы на имя пенсіонной кассы духовенства с.-петербургской епархіи и помѣщены въ государственный банкъ въ отдѣленіе вкладовъ на храненіе. Наличныхъ денегъ никогда не должно быть въ казнохранилищѣ кассы болѣе, чѣмъ нужно для ближайшей выдачи пенсій. Если до выдачи оставаться будетъ болѣе мѣсяца, то всѣ наличныя деньги должны быть помѣщены въ государственный банкъ на текущій счетъ. Какъ наличныя деньги, такъ и квитанціи изъ отдѣленія вкладовъ на храненіе съ подробною вѣдомостію ихъ, подписанною всѣми членами правленія, должны храниться въ несгараемомъ сундукѣ, за тремя замками, отъ коихъ одинъ ключь находится у предсѣдателя, другой—у казначея, а третій—у дѣлопроизводителя. Сундукъ сей помѣщается въ одной изъ с.-петербургскихъ церквей, или въ кладовой консисторіи.

По мѣрѣ надобности, правленіе пенсіонной кассы открываетъ свои *отдѣленія* въ уѣздныхъ городахъ и другихъ мѣстахъ. Сіи отдѣленія составляются также изъ трехъ членовъ: председателя, казначея и дѣлопроизводителя, избираемыхъ изъ своей среды мѣстнымъ духовенствомъ, какъ священниковъ, такъ и изъ діаконовъ и причетниковъ. Отдѣленія правленія пенсіонной кассы имѣютъ своею обязанностію принимать взносы отъ мѣстнаго духовенства, выдавать, по опредѣленію правленія, пенсіи мѣстнымъ пенсіонерамъ, доставлять въ правленіе остатки отъ взносовъ за выдачею пенсій, съ приложеніемъ должныхъ расписокъ отъ пенсіонеровъ въ полученіи выданныхъ имъ пенсій, представлять, при наступленіи каждой трети, свѣдѣнія объ умершихъ вкладчикахъ, числѣ прибывшихъ пенсіонеровъ, общую смѣту выдачи пенсій, а по окончаніи года, представлять въ правленіе подробный отчетъ о приходѣ и расходѣ суммы и списки всѣхъ наличныхъ и убылыхъ вкладчиковъ и пенсіонеровъ. Подробнѣе же обязанности и предметы занятій каждаго отдѣленія правленія опредѣляются инструкціями, составляемыми для нихъ самимъ правленіемъ, сообразно съ мѣстными условіями каждаго изъ нихъ.

Для повѣрки дѣйствій правленія пенсіонной кассы, общее собраніе духовенства ежегодно избираетъ трехъ *ревизоровъ*. Они избираются на годъ изъ священно- и церковнослужителей г. Петербурга и ближайшихъ уѣздныхъ городовъ и селъ, въ сообщеніи которыхъ съ столицею не предстоитъ затрудненій и большихъ издержекъ для избираемаго. Ревизоры повѣряютъ годовой отчетъ правленія съ документами и наличными суммами кассы, свидѣтельствуютъ своевременность записи всѣхъ взносовъ и законность всѣхъ выдачъ, осматри-

ваютъ порядокъ и исправность книгъ правленія, сличая ихъ между собою и отмѣчаютъ на нихъ о найденныхъ ими правильности и порядокъ, или о замѣченныхъ недостаткахъ и упущеніяхъ. На производство ревизіи назначается полтора мѣсяца. По окончаніи повѣрки всѣхъ книгъ, документовъ и суммъ кассы, ревизоры составляютъ записку о произведенно ими ревизіи и представляютъ ее ближайшему общему собранію. Свидѣтельствуя своею подписью вѣрность всего обревизованнаго, ревизоры принимаютъ на себя отвѣтственность наравнѣ съ членами правленія по упущеніямъ, которыя откроются впослѣдствіи за тотъ годъ, на который они были избраны ревизорами. Въ случаѣ найденныхъ ими какихъ либо важныхъ упущеній, они имѣютъ право съ разрѣшенія его высокопреосвященства созывать чрезвычайныя общія собранія духовенства. Для повѣрки суммъ, книгъ и документовъ отдѣленій, правленіе назначаетъ ревизоровъ, по своему усмотрѣнію, давая имъ инструкціи соотвѣтственно предметамъ ревизіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ „ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ“

ЗА 1868 ГОДЪ.
